15054.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

15054
17765.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКАГО ФАК.

ЧЕТВЕРТНОЕ ПРАВО.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

К. А. Благовѣщенскаго.

I

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственный домъ.
1899.

39
Библиотека ИМФ СССР

79213

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I. **Главнѣйшіе моменты развитія помѣстной системы въ XVII вѣкѣ.**

Стр.

Помѣстное хозяйство конца XVI вѣка.—Данныя писцовыхъ книгъ.—Неотчуждаемость помѣстій и личное испомѣщеніе служилыхъ людей —Украинные города.—Процедура испомѣщенія: верстанье и пріискъ.—Бережливость Москвы при раздачѣ помѣстій.—Признаніе права первой заимки.—Институтъ владѣнія.—Отсутствіе владѣнія по обѣльнымъ грамотамъ до 1677 г.—Перемѣна помѣстной политики при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.—Писцовый наказъ и принудительное уничтоженіе черезполосицы земель.—Неудача этой мѣры.—Законодательство царевичей Петра и Іоанна Алексѣевичей.—Сыщиковъ наказъ и разборъ ратныхъ людей въ самомъ концѣ XVII вѣка 1

ГЛАВА II. **Внутреннее развитіе общины въ XVII вѣкѣ.**

Материнская форма землевладѣнія.—Право первой заимки.—Семейнородовой бытъ служилыхъ людей и права членовъ семьи.—Главные факторы осложненія материнской формы.—Возникновеніе права наслѣдованія помѣстій.—Ограниченіе наслѣдства служилымъ окладомъ.—Наслѣдованіе помѣстій вдовами и дочерями.—Ихъ иски о раздѣлѣ.—Требованіе закона о пополосномъ раздѣлѣ помѣстій.—Исключеніе изъ наслѣдованія старшихъ дѣтей.—Сбивчивость юридическихъ представленій о помѣстномъ наслѣдованіи.—Трудность установленія хронологическихъ терминовъ для дальнѣйшаго развитія материнской формы владѣнія.—Семейные раздѣлы и повытная разверстка помѣстій. — Историческая и юридическая необходимость черезполосицы.—Отводъ новыхъ ярусовъ при увеличеніи размѣровъ семей.—Правомѣрность захватнаго способа въ своихъ дачахъ.—Постепенность поярусной разверстки помѣстныхъ земель и отличіе ея отъ поярусной разверстки душевыхъ передѣловъ.—Парность пахотныхъ полосъ.—Зависимость величины полосъ отъ плодовитости родовыхъ линій.—Техника разверстки земли въ родовыхъ, однофамильныхъ общинахъ.—Разнофамильныя селенія.—Разверстка „черезъ десятину“.—Опредѣленіе понятія объ общинѣ.—Договорное начало въ разнофамильныхъ четвертныхъ общинахъ.—Зародышъ четвертного права въ XVII вѣкѣ.—Дѣльная д. Роговой и другія отступленія отъ пополосной разверстки.—Значеніе родословной.—Родовая замкнутость.—Позятьевщина.—Вторженіе въ родовую общину вотчинниковъ.—Третій типъ родовой общины.—Многодворная заимка „съ товарищи“.—Сведенцы.—Отводъ земли.—Техника разверстки земли въ такихъ общинахъ.—Понятіе о починкѣ или помѣстьѣ.—Географическое распредѣленіе четвертныхъ общинъ.—Писцовыя книги по Каширскому и Орловскому уѣздамъ.—Документы, относящіеся до городовъ бѣлгородской черты.—Граница многодворной заимки.—Установленіе ея по размѣрамъ нынѣшнихъ общинъ.—Распредѣленіе и численность однодворческаго населенія по росписи 1672 года 27

ГЛАВА III. **Реформы Петра Великаго.**

Военная реформа.—Сословіе однодворцевъ.—Комплектованіе и содержаніе ландмиліціи.—Подушная подать.—Составленіе ревизскихъ сказокъ самими однодворцами.—Составъ однодворческой семьи.—Уходъ на вольныя земли поспѣвшихъ въ службу.—Однодворческая община при Петрѣ I.—Прикрѣпленіе окладной души къ землѣ.—Поселеніе бѣглыхъ однодворцевъ на свободныхъ казен-

Стр.

ныхъ земляхъ.—Установленіе круговой поруки у однодворцевъ въ платежѣ подушной и оброчной податей.—Указъ 1727 г. о неотчуждаемости однодворческихъ земель.—Указъ сената 1724 г. объ освобожденіи закрѣпощенныхъ помѣщиками однодворцевъ.—Значеніе реформъ Петра I.—Отсутствіе поземельной политики и безсознательное творчество въ реформахъ Петра I. 87

ГЛАВА IV. **Исторія русскаго землеизмѣренія.**

Древнія мѣры на Руси.—Первоначальное значеніе четверти.—Опредѣленіе ея Посошковымъ.—Употребленіе десятины въ монастырскихъ вотчинахъ.—Четверть оклада служилыхъ людей.—Измѣненіе величины четверти хлѣба.—Превращеніе четвертиземли изъ податной единицы въ единицу плоскостную.—Ея размѣръ въ XVII вѣкѣ.—Сошное письмо.—Отсутствіе выти на помѣстныхъ земляхъ.—Живущая четверть.—Неправильное опредѣленіе, данное ей А. Лаппо-Данилевскимъ.—Писцовые наказы царя Ѳеодора Алексѣевича и царевичей.—Правовое значеніе четверти.—Формальное опредѣленіе четвертного права.—Сближеніе четверти съ ревизской душой и ихъ различіе.—Межевая инструкція.—Способы утвержденія правъ владѣнія: 1) по четвертнымъ дачамъ и 2) по числу ревизскихъ душъ.—Надѣлъ и идея поравненія.—Межеваніе однодворческихъ земель въ одну окружную межу.—Подтвержденіе неотчуждаемости однодворческихъ земель.—Правительственная опека, установленная межевой инструкціей и бывшая раньше.—Отрѣшеніе однодворческихъ управителей.—Измѣненіе въ правахъ наслѣдованія.—Дворовое владѣніе.—Отсутствіе душевой общины у однодворцевъ до 1780 г.—Политика Екатерины II.—Выводы 108

ГЛАВА V. **Исторія однодворцевъ въ XIX вѣкѣ.**

Кадастровыя работы при гр. Киселевѣ.—Окружные начальники.—Самопроизвольное развитіе общинныхъ принциповъ и благопріятныя для того условія въ XIX вѣкѣ.—Фикція одинаковой степени родства къ перводачнику.—Ближайшіе поводы къ переходу съ четвертей на души.—Взяточничество чиновниковъ, какъ тормазъ къ переходамъ.—Внутренняя недоразвитость общинъ, тормазившая переходы.—Вліяніе спеціальнаго размежеванія на переходы.—Разверстка особняковъ по четвертямъ.—Запутанность родовыхъ счетовъ и вліяніе ея на переходы.—Прирѣзка земель и значеніе ея при установленіи душево-четвертной формы владѣнія.—Дворовое поравненіе, какъ переходная стадія къ поравненію душевому.—Поземельная политика императора Николая I.—Отчуждаемость четвертныхъ земель по закону 1866 г. и ея гибельныя послѣдствія.—Продажа четвертныхъ земель у нотаріуса, по исполнительнымъ листамъ и „по волости".—Иски наслѣдницъ.—Ограниченіе отчуждаемости.—Переверстки четвертныхъ земель 132

ГЛАВА VI. **Однодворческія фамиліи.**

Поименные списки владѣнныхъ записей, какъ сырой матеріалъ. — Общій ходъ развитія однодворческой общины въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи.—Позятьевщина.—Названіе селеній по фамиліямъ однодворцевъ—первыхъ заимщиковъ.—Иныя названія.—Общее число однодворческихъ фамилій и ихъ распредѣленіе по Фатежскому уѣзду.—Неподвижность нѣкоторыхъ родовъ и родовая замкнутость.—Родственность однофамильцевъ. — Родовыя общины съ однимъ первозаимщикомъ.—Общины съ двумя заимщиками.—Родословныя Пронскихъ, Костиныхъ и Елагиныхъ, возстановленныя по владѣннымъ записямъ.—Выпись Марка Стоянова Завалишина. — Разверстка земли въ двуфамильныхъ общинахъ.—Общины съ тремя и четырьмя заимочными фамиліями.—Выпись Проскурнина и его родословная.—Данныя мѣстныхъ изслѣдованій по этому факту.—Коренской монастырь и сѣверовосточный уголъ Фатежскаго уѣзда.—Станичныя селенія этого угла и сборная деревня Горяинова.—Выписи Боевыхъ.—Заимочныя фамиліи с. Солдатскаго, что на Усожѣ.—Карповскіе сведенцы изъ сѣверовосточнаго угла.—Ихъ землевладѣніе и хозяйство. — Описаніе прочихъ крупныхъ селеній уѣзда.—Сборныя селенія.—Глѣбовская дача и ея выпись.—Судное дѣло д. Лактіоновой съ Любажами.—Станичная д. Жирова.—Вымираніе нѣкоторыхъ однодворческихъ родовъ. — Однодворческія фамиліи Орловскаго уѣзда по писцовой книгѣ 1594 года.—Выводы 148

БИБЛИОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА

Стр.

ГЛАВА VII. **Разрушеніе родовой замкнутости однодворческихъ общинъ.**

Запрещеніе московскихъ чиновъ людямъ пріобрѣтать помѣстья въ заказныхъ городахъ.—Отмѣна сего запрещенія Петромъ I.—Развитіе недозволенныхъ продажъ однодворческихъ земель.—Первые признаки малоземелья. — Дозволеніе мѣнять помѣстья съ перехожими четвертями.—Законъ 1714 г. о единонаслѣдіи. — Взглядъ на него В. Е. Якушкина.—Неприложимость этого закона въ однодворческой средѣ.—Духовныя завѣщанія однодворцевъ XVIII вѣка.—Позятьевщина въ четвертной общинѣ.—Спорное дѣло зятя Сергѣева съ наслѣдниками.—Четырнадцатая часть дочерямъ по Уложенію.—Замѣна ея приданымъ.—Выдача невѣсты за дворъ и пріемъ зятя во дворъ.—Вторженіе въ родовую общину покупщиковъ.—Безвредность покупокъ односельчанъ.—Скупщики средней руки.—Участіе ихъ при разверсткѣ новинъ.—Приселеніе по купчимъ.—Требованіе поравненія со стороны скупщиковъ.—Приселеніе дворянъ.—Малая плодовитость дворянъ.—Вторженіе на законномъ основаніи.—Крупные собиратели земли.—Отказная выпись рода Ходыревскихъ.—Потеря земель однодворцами . 237

ГЛАВА VIII. **Данныя мѣстныхъ изслѣдованій Тамбовской губерніи.**

Тамбовскіе однодворцы по земскимъ сборникамъ.—Дефекты изслѣдованія Борисоглѣбскаго уѣзда. — Козловцы—дѣти боярскія и помѣстные атаманы.—Темниковскіе татары и мордва.—Отсутствіе данныхъ по Елатомскому уѣзду и возможное ихъ возстановленіе. — Данныя Шацкаго и Спасскаго уѣздовъ.—Четвертныя селенія Моршанскаго уѣзда.—Остатки четвертного права въ Тамбовскомъ уѣздѣ.—Переходы съ четвертей на души. — Группировка однодворцевъ этого уѣзда по формамъ нынѣшняго землевладѣнія. — Слабое изслѣдованіе Кирсановскаго уѣзда.—Богатство и сбивчивость данныхъ по Лебедянскому уѣзду.—Группировка Лебедянскихъ общинъ по формамъ владѣнія. — Основныя данныя объ общинахъ и ихъ сопоставленіе.—Составъ населенія Лебедянскаго уѣзда.—Территоріальное размѣщеніе формъ землевладннія.—Скудость данныхъ по Липецкому и Усманскому уѣздамъ.—Заключеніе. 266

ГЛАВА IX. **Мѣстныя изслѣдованія по Орловской губерніи.**

Сбивчивость данныхъ по Мценскому уѣзду.—Богатство данныхъ по Елецкому уѣзду.—Подгороднее населеніе трехъ городовъ.—Черкасы. — Душевое владѣніе села Грунь-Воргольскаго съ деревнями.—Гипотеза его происхожденія.—Группировка селеній Елецкаго уѣзда по нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія. — Историческое преобладаніе четвертной формы. — Начало заселенія края.—Д. Жокова, какъ древнѣйшее селеніе.—Вымираніе однодворческаго рода въ д. Становой и позятьевщина.—Районъ д. Жоковой.—Станичная д. Курасова и разверстка земли въ ней.—Сложная четвертная община с. Рождества.—Путаница въ разверсткѣ земли.—Заселеніе остальной части сѣверной половины уѣзда.—Рѣка Быстрая Сосна, какъ грань для распространенія сѣвернаго типа заимки.—Древнѣйшія селенія южной части Елецкаго уѣзда.—Многодворная заимка с. Тербуновъ и другихъ.—Землевладѣніе конца XVII вѣка въ д. Бол. Баевкѣ.—Группировка общинъ по числу первозаимщиковъ.—Однодворческія фамиліи Елецкаго уѣзда.—Описаніе нынѣшнихъ формъ землевладѣнія.—Дворовое поравненіе и другіе виды обобщенія четвертной земли.—Душево-четвертная форма.—Неточность ея регистраціи въ елецкомъ сборникѣ.—Исторія перехода съ четвертей на души.—Связь переходовъ съ размѣрами общинъ и съ малоземельемъ.—Сопоставленіе экономическихъ данныхъ съ формами землевладѣлія.—Данныя по Карачевскому и Орловскому уѣздамъ 316

ГЛАВА X. **Мѣстныя изслѣдованія по Курской губерніи.**

Статья И. А. Вернера о четвертномъ землевладѣніи.—Группировка общинъ Курскаго уѣзда по формамъ владѣнія. — Сходство сѣверной части уѣзда съ Фатежскимъ.—Различіе заимокъ сѣвернаго и южнаго типовъ.—Экономическія данныя о курскихъ однодворцахъ.—Недостаточность изслѣдованія Льговскаго

Стр.

уѣзда.—Переходы съ четвертей на души.—Различіе сѣверной и южной части Льговскаго уѣзда. — Измѣненіе соотношеній половъ со времени X ревизіи.—Экономическіе показатели.—Недостаточность изслѣдованія Рыльскаго уѣзда.—Древность г. Рыльска.—Севрюки, какъ первые насельники.—Переходы съ четвертей на души въ сосѣдствѣ съ владѣяніями черкасъ.—Путивльскія общины Виры. — Однофамильныя заимки на сѣверѣ Рыльскаго уѣзда и многодворныя на югѣ.—Вымираніе севрюковъ.—Экономическія данныя.—Населеніе древняго Путивля.—Путивльское поле и его хутора.—Фамильность ихъ названій.—Слѣды татаръ.—Царская грамота верстаннымъ казакамъ д. Духановки.— Оброкъ съ помѣщиковъ путивльскихъ волостей. — Черкасское село Бочечки. — Монастырскіе „горюны".—Экономическія данныя 385

ГЛАВА XI. **Продолженіе изслѣдованій по Курской губерніи.**

Г. Бѣлгородъ, какъ центръ Бѣлгородской черты.—Группировка общинъ по нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія.—Топографическіе районы.— Распространенность дворового владѣнія. — Душево-четвертная форма и слѣды четвертного права въ душевыхъ общинахъ. — Пригороднія слободы и форма владѣнія въ нихъ.—Переходы съ четвертей на души.—Несостоявшіеся переходы.— Исторія заселенія Бѣлгородскаго уѣзда.—Взглядъ И. Н. Миклашевскаго на формы владѣнія XVII вѣка.— Описаніе нѣкоторыхъ четвертныхъ общинъ Бѣлгородскаго уѣзда. — Многодворная заимка, ея преобладаніе. — Рѣдкость разнофамильной заимки.— Однофамильныя родовыя общины.—Сочетаніе формъ заимки съ формами землевладѣнія.—Экономическія данныя.—Старооскольскій уѣздъ.—Неподвижность его однодворческаго населенія.—Душево-четвертная форма. — Сочетаніе заимокъ съ нынѣшними формами землевладѣнія 433

ГЛАВА XII. **Продолженіе изслѣдованій по Курской губерніи.**

Города, возникшіе по чертѣ въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи.—Грайворонскій, нѣкогда Хотмыжскій уѣздъ. — Топографическое распредѣленіе въ немъ общинъ. — Распредѣленіе общинъ по формамъ владѣнія. — Экономическія данныя. — Корочанскій уѣздъ и первые его насельники: черкасы и крестьяне посошной волости.—Древнѣйшія однодворческія селенія.— Особенность многодворной заимки въ селѣ Бол. Городищѣ и другихъ.— Разнопочинковая многодворная заимка въ с. Сажномъ. — С. Подольхи съ деревнями. — Связь между первозаимкой и формами землевладѣнія.—Распредѣленіе корочанскихъ общинъ по формамъ землевладѣнія.—Сочетаніе послѣднихъ съ размѣрами землевладѣнія.—Экономическія сопоставленія.—Новооскольскій уѣздъ.—Акты Оскольскаго края.—Черкасы сл. Слоновки и сложная община подгородныхъ слободъ.—Распредѣленіе общинъ по формамъ заимки и формамъ нынѣшняго землевладѣнія.—Переходы на души.—Экономическія данныя.—Суджанскій уѣздъ. — Структура старозаимочныхъ общинъ.—Линія старозаимочныхъ земель.— Промежуточныя великороссійскія селенія вольной заимки.—Распредѣленіе черкасскихъ и русскихъ общинъ по формамъ владѣнія.—Неудавшіеся переходы съ четвертей на души.—„Четверть-дура" въ д. Будищѣ. — Экономическія данныя. — Русскія вольныя заимки въ дд. Маховомъ Колодезѣ и друг. — Промежуточные уѣзды: Обоянскій, Тимской и Щигровскій.—Вѣроятная исторія заселенія послѣдняго . 479

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое четвертное право?.. Вопроса этого нѣтъ силъ разрѣшить на основаніи дѣйствующаго законодательства. Возьмите X томъ Свод. Зак. и получше перелистуйте его, не пропустили ли вы какъ-нибудь статью, опредѣляющую это право. Поиски ваши будутъ тщетны, ибо такой статьи въ X томѣ нѣтъ. Быть можетъ, четвертное право относится къ области публичныхъ, а не гражданскихъ правъ. Тогда нужно искать опредѣленія его въ IX томѣ. Но и здѣсь только въ изданіи 1857 года, слѣдовательно въ дореформенныхъ изданіяхъ, можно найти цѣлый отдѣлъ объ однодворцахъ и опять-таки ни одной статьи о ихъ четвертномъ правѣ. Въ Положеніи о госуд. крест. 1866 г. говорится о четвертномъ землевладѣніи, но говорится безъ опредѣленій. Въ свою очередь и Правительствующій Сенатъ въ своихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ часто упоминаетъ о четвертномъ правѣ, не высказывая, въ чемъ оно состоитъ. Между тѣмъ во всѣхъ владѣнныхъ записяхъ однодворцевъ вы можете встрѣтить стереотипную фразу: «означенная въ сей записи земля находится въ наслѣдственномъ *по четвертному праву* владѣніи крестьянъ деревни такой-то».

По тщательномъ изученіи вопроса оказывается, что четвертное право признается и защищается закономъ, но до сихъ поръ остается неформулированнымъ ни одной статьей. Это не значитъ, впрочемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обычно-правовой нормой; дѣло идетъ прямо-таки о пропускѣ, о пробѣлѣ въ нашемъ законодательствѣ. Насколько важенъ такой пробѣлъ, можно судить уже изъ того, что только въ одной Курской губерніи насчитывается болѣе трехсотъ тысячъ душъ однодворцевъ, жизнь коихъ всецѣло строится на четвертномъ правѣ.

Такимъ образомъ возникаетъ насущная потребность пополнить этотъ пробѣлъ въ законодательствѣ, а для этого нужно точно, и притомъ исторически точно, выяснить, въ чемъ собственно заключается неписанное чет-

вертное право. Отчасти ради этого опредѣленія я предпринялъ свое изслѣдованіе. Но кромѣ того, была и другая цѣль—болѣе обширная и съ теоретической точки зрѣнія болѣе важная: изученіе формъ крестьянскаго землевладѣнія за послѣднія два десятилѣтія подвинулось очень далеко; всѣ главнѣйшія формы, повидимому, изучены до мельчайшихъ подробностей—осталось неизслѣдованнымъ только четвертное право однодворцевъ.

Кромѣ архивныхъ сокровищъ и литературныхъ пособій автору потребовалось прибѣгнуть къ непосредственному изученію однодворческой жизни, для чего еще въ восьмидесятыхъ годахъ удалось побывать на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, въ качествѣ земскаго статистика, въ самыхъ глухихъ однодворческихъ деревняхъ центральнаго чернозема. Такъ какъ предпринятое изученіе захватывающе дѣйствовало на изслѣдователя, и такъ какъ онъ понималъ, что при установленіи quasi - новыхъ юридическихъ нормъ ему нужно выяснить потребности, предъявляемыя однодворческой исторической и современной жизнью, то немудрено, что я въ настоящей книгѣ, параллельно съ выработкой юридическихъ обобщеній, почасту останавливаюсь надъ экономическими и соціальными вопросами, прямо или косвенно стоящими въ связи съ четвертнымъ правомъ.

Далѣе, такъ какъ четвертное право, какъ увидитъ читатель въ послѣдующемъ изложеніи, не есть мертвая, отжившая форма, а является лишь извѣстной стадіей соціальной эволюціи, то неудивительно, если я для вящаго уясненія этого прогрессивнаго движенія удѣлилъ немало времени на сравненіе его съ другими правоотношеніями къ землѣ, наприм., съ душевымъ правомъ тѣхъ же однодворцевъ.

Въ общемъ получилось изслѣдованіе, могущее назваться историко-экономически-юридическимъ этюдомъ. Удовлетворитъ ли оно читателя—я не знаю, но во всякомъ случаѣ я приложилъ всѣ старанія, дабы не упустить изъ виду ни одного вопроса, такъ или иначе связаннаго съ четвертнымъ правомъ.

Н. Благовѣщенскій.

2 ноября 1898 г.
С. Патепокъ, Щигровскаго уѣзда.

ГЛАВА I.

Главнѣйшіе моменты развитія помѣстной системы въ XVII вѣкѣ.

Помѣстное хозяйство конца XVI вѣка. Данныя писцовыхъ книгъ. Неотчуждаемость помѣстій и личное испомѣщеніе служилыхъ людей. Украинные города. Процедура испомѣщенія: верстанье и пріискъ. Бережливость Москвы при раздачѣ помѣстій. Признаніе права первой занимки. Институтъ владѣнія. Отсутствіе владѣнія по обѣльнымъ грамотамъ до 1677 г. Перемѣна помѣстной политики при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Писцовый наказъ и принудительное уничтоженіе черезполосицы земель. Неудача этой мѣры. Законодательство царевичей Петра и Іоанна Алексѣевичей. Сыщиковъ наказъ и разборъ ратныхъ людей въ самомъ концѣ XVII вѣка.

На образованіе современныхъ формъ однодворческаго землевладѣнія вліяла конечно извѣстная совокупность причинъ, имѣвшихъ мѣсто въ предшествовавшей исторіи русскаго государства. Уже a-priori можно предположить, что помѣстная система должна была оставить по себѣ неизгладимый слѣдъ на четвертномъ землевладѣніи, точно также, какъ оставили свой слѣдъ учрежденіе подушной подати или генеральное межеваніе. Зная это, мы должны были бы приступить къ изслѣдованію по возможности съ самаго отдаленнаго времени. Но многія соображенія заставляютъ насъ сузить свое изслѣдованіе, и потому мы постараемся выяснить только въ самыхъ общихъ чертахъ тотъ первообразъ помѣстнаго хозяйства, который сложился въ древней московской Руси, и который такъ или иначе вліялъ на формулировку юридическихъ представленій народа и законодателей въ XVII вѣкѣ.

Къ сожалѣнію, историческіе источники не даютъ намъ прямыхъ показаній, и мы волей неволей должны прибѣгнуть къ косвеннымъ. Здѣсь на первомъ планѣ изслѣдователь долженъ имѣть дѣло, конечно, съ писцовыми книгами. Правда, онѣ велись съ фискальными цѣлями и потому страдаютъ односторонностью, но въ то же время онѣ были юридическимъ основаніемъ для помѣстнаго владѣнія, что отчасти гарантируетъ истинность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ ихъ показаній. Изучая послѣднія съ точки зрѣнія чисто экономической, мы можемъ придти къ тому или иному выводу о тогдашнемъ экономическомъ строѣ, что облегчитъ намъ сдѣлать оцѣнку строю юридическому.

Въ царствованіе послѣднихъ двухъ Рюриковичей, мы видимъ на Москвѣ уже значительное скопленіе служилыхъ (ратныхъ и приказныхъ) людей. Всѣ они, за малыми лишь исключеніями, верстаны и испомѣщены. Государево жалованье за службу идетъ имъ землею съ нѣкоторою прибавкой денегъ. Воинскую повинность населеніе отбываетъ какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ, и въ обоихъ случаяхъ отбываетъ ее «по отечеству». Неслужилыхъ отцовъ дѣти остаются изгоями. Понятно, что частость походовъ мѣшаетъ испомѣщеннымъ вести хозяйство на своихъ помѣстьяхъ: и дѣйствительно, оное, съ грѣхомъ пополамъ, ведется только ихъ крестьянами и бобылями. Служилый же человѣкъ попадалъ въ деревню на свое помѣстье или къ глубокой старости, или весь въ ранахъ, или послѣ освобожденія отъ полона, да дѣтство свое онъ проводилъ дома въ недорослѣхъ. При этихъ условіяхъ трудно вести хозяйство, но эта трудность выступитъ еще рельефнѣй, если вспомнимъ, что служилые люди всего чаще испомѣщались порозжими землями, пустошами, дикимъ полемъ, въ лучшихъ случаяхъ, перелогомъ, то-есть тѣмъ, что когда то пахалось, а нынѣ «лежитъ въ пустѣ» и часто уже «лѣсомъ поросло». Вотъ, какъ нужно понимать этотъ самый перелогъ писцовыхъ книгъ и отнюдь нельзя его смѣшивать съ сельскохозяйственной переложной системой [1]). Итакъ перелогъ писцовыхъ книгъ есть то, *что когда-то пахалось, но въ моментъ регистраціи уже не пашется.* Почему?

Въ украинныхъ городахъ были на то важныя причины, лежавшія внѣ и внутри помѣстнаго хозяйства. Набѣги татаръ и воровскихъ черкасъ не давали возможности заниматься сколько-нибудь правильно земледѣліемъ, а оное, какъ всѣмъ вѣдомо, требуетъ тяжелаго мирнаго труда. Ко внутреннимъ причинамъ мы должны отнести недостатокъ рабочихъ рукъ, сталобыть, малую густоту населенія и связанный съ нею низкій уровень поземельной ренты. Въ центральныхъ подмосковныхъ уѣздахъ, а равно и въ новгородскихъ пятинахъ существованіе перелога обусловливалось лишь отчасти худымъ качествомъ почвы (ляды), но это не было единственной причиной: и здѣсь рѣдкость населенія и безпокойство отъ прихода воинскихъ людей отражались всесильно.

Если мы возьмемъ на себя трудъ подсчитать, хотя бы на выдержку, данныя писцовыхъ книгъ XVI вѣка, то въ результатѣ получимъ крайне печальную картину помѣстнаго хозяйства временъ Іоанна Грознаго и его сына Ѳеодора Іоанновича. Приведемъ нѣсколько такихъ данныхъ.

---

[1]) Если бы писцы подъ перелогомъ подразумѣвали сказанную систему полеводства, то ясное дѣло—они не могли бы мѣрить перелогъ въ трехъ поляхъ четвертями и вынуждены были бы прибѣгнуть къ другому способу регистраціи. Напр., лѣсъ непашенный измѣрялся десятинами и верстами, покосы копнами волоковыми и мѣрными.

Въ Московскомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ 1573—74 г.г., въ Почерневѣ станѣ «за помѣщики за тремя человѣки (дѣтьми боярскими) было 28 пустошей, а въ нихъ пашни перелогомъ 657 чети, да лѣсомъ поросло 43 чети» [1]), и ни одной воистину вспаханной борозды. Въ Шеренскомъ стану «за пятью человѣки 31 пустошь, пашни паханые 33 четверти, пашутъ ее наѣздомъ Іевлевскія волости крестьяне (чужіе), да пашни же перелогомъ 917 четьи», да въ томъ же стану «въ порозжихъ земляхъ» пашни паханые 133 четьи, а пашутъ ее все тѣ же Іевлевскіе крестьяне наѣздомъ, да пашни же перелогомъ 2380 четьи» [2]) и такъ далѣе, все въ томъ же духѣ: масса земель, нерозданныхъ, и масса изъ розданныхъ остается непаханной. Въ пяти станахъ у 36 испомѣщенныхъ оказывается пашни паханной 75 четвертей, перелогомъ 7138½ чет. и лѣсомъ поросло 193 чет. [3]). Стало быть, площадь подъ культурой едва достигала одного процента, а съ другой стороны, болѣе двухъ процентовъ успѣло уже зарасти лѣсомъ. На всю эту площадь имѣется всего 2 крестьянскихъ двора, да часть земли пашется наѣздомъ посторонними.

Есть писцовыя книги по тѣмъ же станамъ, писанныя 12 лѣтъ спустя, и если мы сравнимъ ихъ съ приведенными, то съ грустью замѣтимъ, что за эти 12 лѣтъ произошло значительное ухудшеніе помѣстнаго хозяйства: тамъ, гдѣ былъ только перелогъ, оказались мѣста, уже совсѣмъ заросшія лѣсомъ. Такъ, въ 1573 г. Быховъ станъ имѣлъ 3057 чет. перелога и 150 лѣсомъ поросло, а въ 1585 г. осталось перелога только 142 чети, а 3543 окончательно поросло лѣсомъ [4]).

На первый взглядъ за 12 лѣтъ все-таки произошла какъ-будто перемѣна къ лучшему, такъ какъ вмѣсто 30 четвертей пашни мы уже находимъ 109 (2,8%) и вмѣсто 2 крестьянскихъ дворовъ мы видимъ цѣлыхъ 14; но изъ прежнихъ 13-ти помѣстныхъ владѣльцевъ не осталось ни одного. Новые владѣльцы, а ихъ всего шесть, не могутъ похвастаться своими хозяйственными начинаніями: одинъ изъ нихъ только-что испомѣщенъ, другой долженъ былъ уступить половину живущей деревни иному помѣщику, еще двое никто иные, какъ псари, заинтересованные по старинѣ лишь великокняжеской охотой, и только про Жердина сказано: «старое его помѣстье—пашни 31 четь». Этотъ, кажется, былъ пропущенъ въ прежнихъ

---

[1]) Писц. книги XVI в., изд. Калачевымъ. Отд. I, стр. 11.

[2]) Ibid. стр. 13—18.

[3]) По итогамъ писцовой книги четвертей меньше, чѣмъ у насъ, но мы не дѣлали одабриванія худой земли.

[4]) Ibid. 231—232. Общее количество четвертей не сходится, но это происходитъ отъ того, что въ писц. книгахъ 85 г. порожжія помѣстныя земли сосчитаны вмѣстѣ съ порожжими вотчинными, но послѣднихъ мало, да и на нашъ выводъ эта неточность вліянія не можетъ имѣть.

книгахъ. Куда же дѣлись преждеиспомѣщенные? Значитъ, близъ самой Москвы были еще какія-нибудь спеціальныя причины, мѣшавшія помѣщикамъ удерживаться на своихъ помѣстьяхъ и тѣмъ болѣе вести на нихъ хозяйство.

Близость Москвы, очевидно, должна бы была повысить ренту, ибо тамъ былъ усиленный спросъ на сельскохозяйственные продукты, и тѣмъ удержать помѣщиковъ на хозяйствѣ. Но этого не оказывается. Если мы обратимся къ тому же Быхову стану, то увидимъ дѣйствительно, что митрополичьи и монастырскія вотчины стояли гораздо выше помѣстій. За монастырями въ 1585 г. писцами записано «пашни паханыя доброй и середней земли 341 чет., перелогомъ 1064 чет., да лѣсомъ поросло 1813 четьи, всего 3218 четвертей» [1]). Изъ этого числа подъ культурой болѣе 10%, а не $2_{,8}$%, какъ констатировано выше для помѣстныхъ земель. Если посмотримъ на хозяйство свѣтскихъ вотчинъ въ томъ же Быховомъ стану, то замѣтимъ еще большее процвѣтаніе земледѣлія. Здѣсь изъ усчитанныхъ 2889 четвертей 630 составляютъ пашню, то-есть вдвое лучше, чѣмъ у монастырей ($21_{,8}$%) [2]). У помѣщиковъ же хозяйство представляется разрушеннымъ, вѣрнѣе даже и неначинавшимся. Значитъ, близость Москвы отзывалась на нихъ иначе: частыми посылками на службу и частымъ отбираніемъ помѣстій на государя. Послѣднимъ въ особенности злоупотреблялось во времена Грознаго.

Въ первое время послѣ Рюриковичей хозяйственное положеніе помѣщиковъ могло, конечно, только ухудшиться отъ всеобщаго разоренія и шатости: смутное время сильно опустошило землю русскую и потребовалось много времени, чтобы оправиться отъ вынесенной разрухи. Жизнь какъ бы началась снова: изъ прежнихъ развалинъ остались смутные принципы сѣдой старины, и неизвѣстно еще было, въ какомъ направленіи пойдутъ новые молодые отпрыски, какими матеріальными соками они будутъ питаться и какою идеею будутъ согрѣваемы.

Одно изъ главныхъ наслѣдій прежней эпохи заключалось въ томъ, что служилые люди не имѣли права по своей волѣ отчуждать жалованныхъ имъ помѣстій; они должны были служить съ нихъ государеву службу. Фактически они могли только забросить свое помѣстье, но это не избавляло ихъ, конечно, отъ службы. Только обмѣниваться можно было помѣстьями, но этотъ обмѣнъ былъ упрощеннымъ пожалованіемъ, не больше. Подвижность помѣстій по указамъ царей и неотчуждаемость ихъ по доброй волѣ владѣльцевъ дѣлали хозяйство на помѣстныхъ земляхъ маловыгоднымъ. Государева служба сверхъ того создавала такой абсентеизмъ, при которомъ хозяйство не могло вестись сколько-нибудь правильно. Прав-

---

[1]) Ibid. стр. 232. [2]) Ibid. стр. 231.

да, царскіе указы часто жалуются на неявку къ службѣ служилыхъ людей, но по строгимъ мѣрамъ, принимаемымъ противъ нѣтчиковъ, врядъ ли можно допустить, чтобы «нѣти» могли заниматься хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ во время укрывательства своего.

Вообще вся помѣстная система первоначально носила такой чисто государственный характеръ, что убивала всякіе проблески личной энергіи и предпріимчивости и вырабатывала все больше и больше теоретическое представленіе о помѣстномъ правѣ на землю, какъ о правѣ шаткомъ, неустойчивомъ, необезпеченномъ, произвольномъ, случайномъ. Неудивительно, что живя за бояриномъ или за монастыремъ, легче было заниматься земледѣліемъ, нежели состоя на государевой службѣ и имѣя часто широкія помѣстья въ своемъ яко-бы распоряженіи. И мы знаемъ, что боярскія дѣти, «избывая службы царской», часто жили за патріархомъ, за монастырями, за боярами «во дворахъ». Этотъ видъ укрывательства отъ службы вызвалъ извѣстный указъ царя Михаила Ѳеодоровича въ 1641 году [1]).

Во времена послѣднихъ Рюриковичей окончательно выработалось еще одно весьма важное впослѣдствіи теоретическое представленіе о помѣстномъ правѣ: право на помѣстье принадлежало государю, а не испомѣщенному. Въ то время какъ вотчины отписывались на государя въ экстраординарныхъ случаяхъ, по опалѣ, наприм., за измѣну, за побѣгъ въ непріятельскій станъ, за отъѣздъ въ Польшу, за уклоненіе отъ православной вѣры, за посягательство на здоровье государя, за непокорность,—помѣстья отбирались и передавались заурядным способомъ, безъ всякой опалы и государева гнѣва, чаще всего для пользы службы. Это было право московскихъ царей, предвнесенное татарскими воззрѣніями на землю. Этимъ правомъ государь московскій широко пользовался, и собственно говоря, не во вредъ испомѣщеннымъ. Въ то время, какъ до вотчинъ московскимъ приказамъ почти не было никакого дѣла, за помѣстьями слѣдили въ Москвѣ зорко: ибо земельный фондъ, и только онъ одинъ, обезпечивалъ существованіе тогдашняго, небогатаго деньгами, государственнаго строя. Распредѣленіе этого земельнаго фонда лежало на обязанности Помѣстнаго приказа, а вѣдѣнію Разряда подлежали всѣ вообще служилые люди, при чемъ въ иныхъ случаяхъ, какъ вообще это часто бывало на Москвѣ, разрядъ вѣдалъ и раздачу помѣстій въ тѣхъ городахъ, основаніе коихъ относится къ болѣе позднему времени.

Служилый человѣкъ испомѣщался лично и помѣстье, данное ему, было его личнымъ владѣніемъ, первоначально даже пожизненнымъ только, но затѣмъ стали оставлять помѣстья за дѣтьми испомѣщеннаго, и стали выдѣлять уканую часть на прожитокъ вдовамъ и дочерямъ-дѣвкамъ. На-

---

[1]) См. С. Соловьевъ. Ист. Рос., т. IX, гл. V.

сколько сильно было развито у московскаго правительства и у самихъ служилыхъ людей убѣжденіе въ томъ, что помѣстье должно быть отобрано съ прекращеніемъ службы, можно видѣть изъ грамоты корочанскому воеводѣ Доможирову отъ 31 марта 1649 г. Корочанскіе полковые казаки, стрѣльцы и пушкари били челомъ о томъ, что «на службахъ и въ приходы татарскіе ихъ братью татарове на боѣхъ побиваютъ, а иные де ихъ братья собою помираютъ, и послѣ де тѣхъ братій побитыхъ и умершихъ изъ ихъ казачьихъ, и изъ стрѣлецкихъ. и изъ пушкарскихъ дворовъ женъ ихъ и дѣтей выбиваютъ, и послѣ тѣхъ умершихъ ...жены и дѣти волочатся межъ дворовъ безъ пріюта и въ конецъ погибаютъ», и просили служилые люди царя «пожаловать казачьихъ, и стрѣлецкихъ, и пушкарскихъ женъ и дѣтей, изъ дворовъ ихъ выбивать не велѣть» [1]). И царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ ихъ особой грамотой, хотя Уложеніе уже было написано, и стало быть, корочанскіе служилые люди и безъ того могли получить удовлетвореніе [2]).

Личное испомѣщеніе производилось не за службу, а *ради службы*, и съ этой точки зрѣнія являлось договоромъ: служишь—владѣй, пересталъ служить—отдай назадъ. Самая процедура испомѣщенія въ большинствѣ случаевъ [3]) носила на себѣ также личный характеръ. Служилый человѣкъ долженъ былъ самъ «пріискать» себѣ помѣстье и убѣдившись, что оно пустуетъ, «напередъ никому не отдано и не владѣетъ имъ никто», долженъ былъ бить челомъ государю въ помѣстный приказъ о справкѣ того помѣстья за собой. Отсюда классическое выраженіе приказной Москвы: «*кто гдѣ пріищетъ*». И правительство поощряло пріискъ не только пустыхъ помѣстій, но и такихъ, кои находились уже во владѣніи, но владѣніе это признавалось почему-либо неправомѣрнымъ, «воровскимъ», по тогдашнимъ воззрѣніямъ. Таковы утаенныя помѣстья, вылганныя, безъ дачъ, владѣемыя по сыскнымъ грамотамъ безъ отказныхъ, лишнія земли сверхъ дачъ, примѣрныя и проч.

«Отдавать тѣ земли челобитчикамъ, кто такія земли за кѣмъ гдѣ пріищетъ» [4]) —вотъ правило, которое давно практиковалось помѣстной системой и точно выразималось въ Уложеніи царя Алексѣя. Ясное дѣло, что правительство само не имѣло ни силъ, ни средствъ, ни возможности слѣдить на мѣстахъ за цѣлостью и сохранностью своего земельнаго фонда, и вотъ оно съ удобствомъ примѣняетъ правило, по коему каждый челобит-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 4.

[2]) Эта челобитная вызвана тѣмъ осложненіемъ, что служилые люди пригородныхъ слободъ получали отъ казны деньги на устройство дворовъ, которые поэтому сугубо считались казенными. Но выбивая изъ дворовъ—выбывали конечно, и изъ земли.

[3]) Какъ увидимъ ниже, было и коллективное испомѣщеніе—отводъ.

[4]) Пол. Собр. Зак. № 522.

чикъ за свои хлопоты по пріиску вылганныхъ помѣстій или лишнихъ сверхъ дачъ земель, награждался изъ нихъ помѣстьемъ. Правда, законъ нѣсколько сдерживалъ этихъ сыщиковъ отъ крайностей, и въ Уложеніи есть статьи, прямо ограничивающія значеніе извѣтовъ, но это ограниченіе покоилось на писцовыхъ книгахъ, а оныя давали широкій просторъ всякому „пріиску“.

И пріискать себѣ помѣстье при тогдашнемъ изобиліи пустыхъ земель было нетрудно, но трудно было удержать его за собой, и еще труднѣй вести на немъ земледѣльческое хозяйство.

Поступательное движеніе Москвы на югъ началось еще при Рюриковичахъ. Смутное время задержало это движеніе словно съ тѣмъ, чтобы оно началось въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Извѣстно, что передовыми аванпостами этого движенія были такъ называемые «украинные города». Первоначально въ числѣ окраинныхъ городовъ считалась Тула [1]). Она лежала на самой Муравкѣ, излюбленномъ татарскомъ шляхѣ. Южнѣе ея верстъ на десять проходила лѣсная засѣка съ востока на западъ, шириной шесть верстъ, «инде больше инде меньше». Кто бывалъ въ Ясной Полянѣ у графа Л. Н. Толстаго, тотъ могъ видѣть, что эта засѣка цѣла и до сихъ поръ. Протянувшись на нѣсколько сотъ верстъ, она служила задержкой противъ прихода татарскихъ полчищъ; вдоль всей засѣки были испомѣщены засѣчные сторожа, и тамъ, гдѣ попадались безлѣсныя мѣста, со временемъ приходилось строить крѣпости: такъ возникли г. Веневъ, позднѣе Епифань.

Затѣмъ, съ теченіемъ времени украинные города мы видимъ гораздо южнѣй «въ полѣ», именно: Елецъ, Орелъ, Кромы, Сѣвскъ, Болховъ, Трубчевскъ, Рыльскъ и Путивль и отошедшій отъ Польши Карачевъ; еще позднѣе на юго-восточной границѣ строятся: Тамбовъ, Козловъ, Ломовы, а на южной — Ливны, Чернавскъ, Талецъ, и наконецъ прокладывается знаменитая бѣлгородская черта, связавшая серьезными укрѣпленіями цѣлый рядъ южныхъ и юго-восточныхъ городовъ. Собственно говоря, по бѣлгородскую черту и распространяется однодворческое населеніе, четвертное право коего мы хотимъ изслѣдовать. Причины этого явленія понятны. При Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ извѣстно, гетманъ малороссійскій съ казаками билъ челомъ въ подданство московскому государю. Такъ или иначе, Москва въ лицѣ малороссійскихъ казаковъ нашла сильный оплотъ для защиты своихъ украинныхъ городовъ; правда, и послѣ присоединенія Малороссіи московское правительство продолжаетъ строить и чинить города за чертой, напр., Чугуевъ Харьковъ, Зміевъ, но характеръ населенія этихъ городовъ уже значительно разнится отъ характера московскихъ служилыхъ людей: всѣ эти города—

---

[1]) Тула лежитъ отъ Москвы на разстояніи „два девяносто“, то-есть два дня ѣзды для гонца.

черкасскіе съ вольно-казацкимъ населеніемъ, съ казацкими привилегіями. Земли этихъ горожанъ не четвертныя пашни московскихъ служилыхъ людей, а старозаимочныя черкасскія маятности. Много польскихъ воззрѣній на поземельныя отношенія сохранялось въ этой черкасской средѣ, но еще большее своеобразіе этихъ воззрѣній выработано казацкой вольницей. Помѣстный приказъ оказался безсильнымъ внести сюда свои татарскія традиціи, наоборотъ всѣ его усилія были направлены на то, чтобы черкасскіе поземельные порядки не проникли съ юга на сѣверъ черезъ бѣлгородскую черту.

Преслѣдуя спеціальныя цѣли изученія четвертнаго права, мы постараемся не заходить въ своихъ изслѣдованіяхъ дальше бѣлгородской черты. Правда, въ 1730-хъ годахъ съ помощью тѣхъ же великороссійскихъ однодворцевъ была устроена по р. Мерлу новая украинская линія, и на ней поднесь живутъ однодворцы, но къ сожалѣнію о формахъ ихъ землевладѣнія никѣмъ еще несобраны свѣдѣнія. Отсутствіе мѣстныхъ матеріаловъ буквально связываетъ намъ руки и не даетъ возможности включить въ изслѣдованіе этихъ однодворцевъ.

Уже къ срединѣ XVII столѣтія ясно стало замѣчаться, что помѣстная политика московскаго правительства претерпѣваетъ значительныя измѣненія по отношенію къ украиннымъ городамъ. Прежде всего сказалось великое значеніе чернозема украинскаго. Еще при Борисѣ Годуновѣ убѣдились въ томъ, что Украйна такой благословенный край, съ которымъ другія мѣстности глинистой московской Руси никакъ не могутъ сравниться. И вотъ, несмотря на всю трудность украинской станично-сторожевой службы, начинаютъ убавлять тамошнимъ служилымъ людямъ помѣстныя дачи и денежное жалованье, въ предположеніи, что тучная почва сторицею возмѣститъ эти сокращенія... И народъ все-таки шелъ туда толпами: кто на службу, кто тайно изъ-за бояръ, изъ-за монастырей и помѣщиковъ. Но если тайную колонизацію можно игнорировать, то все-таки нужно указать на то, что въ число служилыхъ людей при царѣ Алексѣѣ, да и раньше, при царѣ Михаилѣ, попало не мало владѣльческихъ, монастырскихъ и черносошныхъ крестьянъ и даже холопей безъ всякой тайны. Дѣло въ томъ, что имѣется много указовъ о наборѣ съ извѣстнаго количества дворовъ по человѣку въ солдатскую службу новаго строя; всякая война требовала массу даточныхъ людей съ рабовладѣльцевъ, и эти даточные домой не возвращались. Новоприборныхъ полковъ солдаты и драгуны рано или поздно испомѣщались на Украйнѣ, и хотя на ихъ долю выпадало самое мизерное испомѣщеніе, какъ неверстаннымъ дѣтямъ неслужилыхъ отцовъ, однако же и они въ концѣ концовъ получили возможность заняться земледѣліемъ, осѣсть на помѣстной землѣ. Кромѣ того, записка въ солдаты, то-есть въ самый низшій разрядъ служилыхъ людей того времени, для другихъ высшихъ рязрядовъ была наказаніемъ; такъ, рейтаровъ за нѣты приказано было въ 1670 г.

записать въ солдаты «безповоротно, безъ выслуги». Съ другой стороны, всѣ опѣшившіе драгуны и рейтары попадали тоже въ солдаты «за маломочностью», но при первой возможности, разъ обзаводились конемъ, переходили въ высшій разрядъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и бывшій крѣпостной изъ даточныхъ, состоя въ солдатахъ, могъ выслужиться и попасть въ рейтары или драгуны. Конечно, этимъ онъ не дѣлался сыномъ боярскимъ, для этого у него не было правъ «по отечеству», но размѣры своего испомѣщенія онъ этимъ повышалъ несомнѣнно. Такимъ образомъ, среди испомѣщаемыхъ на Украйнѣ, рядомъ съ родовитыми дѣтьми боярскими и городовыми дворянами, мы найдемъ и крестьянскій элементъ.

Къ половинѣ XVII столѣтія съ точностію выясняется взглядъ Москвы на украинныя земли: въ 1651 г. былъ опубликованъ наказъ о верстаньи дѣтей боярскихъ и недорослей. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого наказа, намъ слѣдуетъ установить разницу между верстаньемъ помѣстными и денежными окладами и испомѣщеніемъ. Первое—актъ государственный, второе—актъ личной воли, подходящій ближе къ области гражданскаго, а не публичнаго права. Верстанье оцѣнивало и усчитывало пригодность новика или недоросля къ службѣ. Не малую роль играло здѣсь «отечество», то-есть родовитость: «первой статьѣ отеческимъ дѣтемъ самымъ лучшимъ 350 четей, денегъ съ городомъ 12 руб., второй статьѣ 300 чет. денегъ 10 р., третьей—250 чет. денегъ 9 р. и четвертой 200 чет. денегъ съ городомъ 7 руб.» [1]). Приблизительно держались по статьямъ такой пропорціи, что четвертой статьи новики верстались въ три раза меньшими помѣстьями, въ украинныхъ же городахъ, за исключеніемъ Лебедяни и Данкова—въ четыре раза меньше; но такъ какъ тамъ была еще пятая статья, то оная версталась въ пять разъ меньше первой. Что касается вопроса, кто считался «самымъ лучшимъ», то наказъ даетъ подробныя наставленія по этому поводу. Выбираемые всѣмъ городомъ окладчики должны были за крестнымъ цѣлованіемъ сказать посланному для верстанья окольничему, «кто каковъ отечествомъ и службою, и кто, въ которую статью пригодится». «А и то окладчикомъ у верстанья сказать именно, чтобъ они всякихъ чиновъ людей, неслужилыхъ отцовъ дѣтей государевымъ жалованьемъ помѣстными и денежными оклады не верстали, а верстали бъ тѣхъ, у которыхъ отцы были въ дѣтѣхъ боярскихъ и служили съ городомъ, а верстати новиковъ ниже окладовъ отцовъ и большіе ихъ братьи [2])». [Всѣ эти детали окладчики должны были разсмотрѣть, и такъ какъ они принадлежали къ мѣстнымъ старожиламъ, то безъ наведенія особыхъ справокъ скоро и точно

---

[1]) Пол. Соб. Зак. № 86.

[2]) Ibid. По указу 1671 г. прямо предписано поверстать раненыхъ въ первую статью: это уже личная выслуга. Пол. Соб. Зак. № 484.

могли дать показанія, кто каковъ по отечеству и въ какую службу пригодится. За верстаньемъ никогда не слѣдовало испомѣщеніе, послѣднее не вытекало изъ перваго: верстанье сейчасъ же давало лишь денежное жалованье [1]). Верстанье создавало только право на помѣстье извѣстнаго размѣра, но не давало еще самого помѣстья. Самый актъ верстанья назывался *смотромъ*, или чаще *разборомъ*, и такъ какъ разборъ служилыхъ людей имѣлъ неоспоримое стратегическое значеніе, то правительство придавало ему громадную важность, а чтобы также относились къ нему и служилые люди, оно, кромѣ всякихъ штрафовъ и наказаній за неявку къ разбору, соединяло съ разборомъ и поземельныя права: такъ, напр., помѣстья давались «верстаннымъ по указу (то-есть по Уложенію или другимъ указамъ), а неверстаннымъ противъ верстанныхъ вполы» [2]) это уже наказаніе. Нѣсколько страннымъ кажется, что за грамоты о верстаньи, получаемыя изъ Разряда, по Уложенію Алексѣя Михайловича, казна взимала печатныя пошлины по полуполтинѣ съ человѣка [3]), но вѣдь эти грамоты служили юридическимъ основаніемъ для пріиска и заимки помѣстій, да и самое взиманіе было ничтожно.

Итакъ, верстанье *создавало право на испомѣщеніе*, заботы объ осуществленіи котораго, какъ намъ уже извѣстно, возлагались на самихъ служилыхъ людей, и для нихъ испомѣщеніе начиналось «съ пріиска» и въ иныхъ случаяхъ съ отвода, а для московскаго правительства «съ челобитья». Получивъ такое челобитье, Помѣстный приказъ или Разрядъ, смотря потому, какой городъ гдѣ былъ вѣдомъ землями, справлялся съ десятнями и другими списками о верстаньи челобитчика, посылалъ къ воеводѣ произвести «сыскъ» окольными людьми, дѣйствительно ли пріисканное помѣстье пусто и «напредъ того никому въ помѣстье не отдано» и не прилегаетъ ли «близко къ землямъ дворцовыхъ государевыхъ крестьянъ, дабы имъ отъ того потѣсненія не было». Когда все подтверждалось, выдавалась грамота изъ помѣстнаго приказа, и явясь съ нею на мѣсто, служилый человѣкъ получалъ отъ мѣстныхъ властей «ввозную грамоту» нѣчто въ родѣ вводного листа и во всякомъ случаѣ его прототипа. Часто за накопленіемъ челобитныхъ посылалось съ Москвы въ городы особое лицо «писецъ отказчикъ», и тогда новорозданныя помѣстья записывались въ строельныя книги, а помѣщикамъ съ тѣхъ книгъ выдавались выписи, кои и служили актами укрѣпленія. Еще чаще, особенно въ украинныхъ городахъ, служилые люди

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда за служащимъ отцомъ было большое помѣстье, то верстались только его старшіе сыновья новыми помѣстьями, а младшіе оставались неверстанными и обязаны были служить „съ отцова помѣстья“. Но денежнымъ жалованьемъ верстались всѣ безъ различія. Ibid. № 86.

[2]) Пол. Соб. Зак. 522 ст. 11.

[3]) Улож. гл. XVIII, ст. 69.

владѣли помѣстьями по сыскнымъ грамотамъ, не заботясь о справкѣ отказныхъ и ввозныхъ, но это было сопряжено съ серьезными неудобствами.

Возвращаясь къ наказу 1651 г., мы видимъ, что въ то время какъ въ Бѣлевѣ, Карачевѣ, Болховѣ и Мценскѣ дѣти боярскія верстались по первой статьѣ 350 четвертями, а въ Орлѣ, Кромахъ, Черни, Новосилѣ по 250 чет... въ Курскѣ, Ельцѣ, Воронежѣ, Бѣлгородѣ, Осколѣ, Епифани и въ Ливнахъ имъ даютъ только 200 четей. Изъ украинныхъ южныхъ городовъ только болѣе древніе города Стародубъ, Рыльскъ и Путивль повидимому получали помногу по 300 чет., всѣ же остальные города распредѣлены по естественному качеству почвы въ высшей степени правильно и умѣло. Но надо помнить, что это распредѣленіе касается лишь верстанья, а не испомѣщенія: въ дѣйствительности въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (XVI гл. 40 ст.) изображено такое правило: «украинныхъ городовъ дѣтямъ боярскимъ, которыя бьютъ челомъ Государю въ помѣстье на порожжія земли на дикое поле давать изъ порожжихъ земель изъ дикихъ поль, которымъ оклады по 400 четвертей и тѣмъ по 70, а которымъ по 300 четей и тѣмъ по 60 и т. д., а которымъ оклады по 70 четей и тѣмъ по 25 четей, а давать тѣ земли челобитчикамъ въ мѣру», то-есть измѣривъ, а не на глазъ. Что этого правила держались очень долго по отношенію къ низшему слою служилыхъ людей, видно изъ того, что оно цѣликомъ подтверждено указомъ 1672 г. отъ 21 іюня [1]), тогда какъ тѣмъ же указомъ дача дикихъ поль боярамъ увеличена до 1000 чет. окольничимъ до 800 чет. и т. д.

Эта бережливость московскаго правительства по отношенію къ украинцамъ дѣтямъ боярскимъ дѣлала послѣднихъ сразу мелкопомѣстными. Въ то время какъ боярскій сынъ, испомѣщенный въ одной изъ новгородскихъ пятинъ, или гдѣ-нибудь близъ Серпухова, имѣлъ право требовать «испомѣщенія сполна», то-есть всякая его заимка до размѣровъ его служилаго оклада получала юридическую защиту; на бѣлгородской чертѣ и много сѣвернѣе ея, въ Курскѣ, Сѣвскѣ, Ельцѣ, Орлѣ, Ливнахъ, боярскій сынъ долженъ былъ воздерживаться отъ расширенія границъ своего помѣстья, ибо всякая лишняя четверть сверхъ нормъ, указанныхъ 40 статьей Уложенія, отбиралась на государя и «поворачивалась въ роздачу челобитчикамъ». Какъ безжалостно и повидимому во вредъ государственному и народному хозяйству обращалось правительство ц. Алексѣя Михайловича съ расширеніемъ распашекъ, видно изъ извѣстныхъ статей о раздачѣ земель отъ 21 іюня 1672 г. [2]). Несмотря на многочисленныя челобитныя, подаваемыя всѣми чинами, начиная съ бояръ и кончая дѣтьми боярскими, не смотря на признаніе со стороны самой казны, что помѣстья и вот-

---

[1]) Пол. Соб. Зак., № 522, ст. 11.

[2]) П. С. З. № 522.

чины, имѣющіяся за челобитчиками въ замосковныхъ городахъ находятся «не въ хлѣбородныхъ мѣстѣхъ» и что «отъ безхлѣбья всѣ оскудѣли, люди ихъ и крестьяне отъ голоду идутъ врознь»—несмотря на все это, правительство продолжало держаться старой бережливой политики. Статья 5 этого указа гласитъ: «которые люди сверхъ своихъ дачъ завладѣли многою лишнею землею и распахали, и тѣ лишнія земли у тѣхъ людей *отымать* и *отдавать* челобитчикамъ въ указное число». Слѣдующая статья касается тѣхъ случаевъ, когда не только была распахана лишняя земля, но и «не взявъ отказныхъ грамотъ на пріисканныя земли, тѣ люди поселили крестьянъ». Здѣсь земля отбиралась по общему правилу, а крестьянъ требовалось «тѣмъ людямъ съ тѣхъ земель сводить для того, что они крестьянъ поселили самовольствомъ безъ дачъ». Такимъ образомъ ни трудовое начало въ видѣ распашки дикихъ поль, ни затрата капитала въ видѣ поселенія крестьянъ не принимались казной въ уваженіе. Но осложнившаяся жизнь выдвигала уже новыя потребности, и ихъ надо было такъ или иначе удовлетворить. Правительство Алексѣя Михайловича справлялось съ ними далеко неудачо. Въ слѣдующемъ 1673 г. издаются уже дополнительныя статьи. По нимъ проэктированы были особые сыщики изъ дворянъ: очевидно на частный пріискъ надѣяться было уже трудно, хотя и поощряли его пуще прежняго. На 7 пунктъ доклада по этому поводу мы читаемъ такой отвѣтъ: «буде кто, по дворянскому наѣзду, въ тѣхъ городѣхъ, въ которыхъ указано давать дикія поля, на нихъ поселился безъ дачъ или распахалъ многую землю (значитъ сверхъ дачъ), а именъ тѣхъ людей въ государевыхъ спискахъ по числамъ не написано и крѣпостей не положатъ: и тѣ земли отписывать на государя» [1]).

Все это суживало конечно частную предпріимчивость: кому же пріятно затратить трудъ на вспашку дикаго поля, когда за это ему грозятъ водвореніемъ новаго весьма непріятнаго сосѣда-челобитчика, истца или пріѣздомъ сыщика! А между тѣмъ при малыхъ нормахъ испомѣщенія украинцамъ становилось трудно обходиться безъ этихъ распашекъ «сверхъ дачъ». Мало того, старожилы терпѣли отъ этого и чисто правовой ущербъ: земля, отвоеванная у татаръ ихъ и отцовъ ихъ стараніями, «прямою ихъ службою», уходила въ чужія руки, въ руки какихъ-то ищеекъ. Само правительство чувствовало этотъ диссонансъ и по-своему старалось уничтожить его. Ради этого было запрещено, напр., мѣняться помѣстьями съ московскими чинами; украинскіе города были отнесены къ числу такъ называемыхъ «заказныхъ», такъ что, кромѣ украинцевъ, здѣсь никто не испомѣщался. Но главнаго—достаточнаго испомѣщенія—все еще не было: этимъ дѣломъ занялся молодой царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

---

[1]) П. С. З. № 552 ст. 7.

Къ его царствованію въ украинныхъ городахъ поселилась масса украинцевъ безъ дачъ; московскихъ чиновъ люди воспользовались этимъ и начали подавать челобитныя о такихъ «лишнихъ» земляхъ, прося справить ихъ за собой по Уложенію. Произошли серьезныя замѣшательства, и вотъ по челобитью вопившихъ украинцевъ въ 1677 году подается изъ помѣстнаго приказа докладъ царю. Въ этомъ интереснѣйшемъ докладѣ намъ важны какъ обстановка всего дѣла, такъ и симпатичная мотивировка, приведенная царемъ въ его приговорѣ. Дѣло излагалось приблизительно такъ: «украинныхъ городовъ дѣти боярскія въ прежнее время били челомъ о земляхъ въ помѣстье, и по тому ихъ челобитью про тѣ земли сыскивано, и обводныя земли и дикія поля мѣрены, и мѣрныя книги въ помѣстный приказъ посланы, а за тѣмъ своимъ челобитьемъ и за сыскомъ на тѣхъ порожихъ земляхъ и дикихъ поляхъ челобитчики поселились безъ отказныхъ грамотъ, а иные тѣхъ же городовъ дѣти боярскія, подавъ челобитныя и не дождавшись помѣтъ на выпискахъ о сыскѣ тѣхъ земель, или взявъ сыскныя грамоты не сыскивая, *поселились на тѣхъ земляхъ безъ дачъ*, и владѣютъ тѣми землями многіе годы» [1]). Вотъ въ чемъ заключалось здѣсь правонарушеніе украинцевъ. По Уложенію царя Алексѣя они неправы, но юридическія представленія съ того времени успѣли далеко двинуться впередъ, такъ что правонарушители украинцы сознавали за собой уже два новыхъ права, именно: право поселенія, мы скажемъ—право *первой заимки*, и право владѣнія въ теченіе многихъ лѣтъ, стало-быть—*давность*. На эти-то два обычно-правовыхъ института и сдѣлали нападеніе московскіе выходцы, привыкшіе къ казуистикѣ московскихъ приказовъ. Про нихъ мы читаемъ далѣе въ томъ же докладѣ. «А послѣ того въ прошлыхъ же годѣхъ били челомъ блаженныя памяти В. Г. Алексѣю Михайловичу и нынѣ бьютъ челомъ... В. Г. Ѳеодору Алексѣевичу московскихъ всякихъ чиновъ помѣщики и городовые дворяне на дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ»..., что эти послѣдніе, «не взявъ В. Государя грамотъ о сыску про тѣ земли, и не ходя за выпискою, на тѣхъ земляхъ поселились и владѣютъ ими безъ царскаго указу и безъ дачъ». И кромѣ того московскіе челобитчики «въ челобитныхъ своихъ пишутъ, что тѣ земли лежатъ порожи, никому неотданы, и никто ими не владѣетъ, и въ обыску обыскные люди про тѣ земли сказываютъ противъ ихъ челобитья, а то въ челобитьяхъ своихъ челобитчики и въ обыску обыскные люди таятъ, что тѣми землями владѣютъ украинцы и на нихъ поселились за челобитьемъ своимъ... И чтобъ земли тѣ дать имъ московскихъ чиновъ людямъ въ помѣстье для того», что тѣ украинцы не соблюли извѣстныхъ правилъ, указанныхъ на сей предметъ въ XVI главѣ

[1]) П. С. З. № 682.

Уложенія. Въ этихъ дѣйствіяхъ «московскихъ выходцевъ» (лучше бы выразиться «проходимцевъ») и царь и боярская дума не могли не видѣть гнусныхъ злоупотребленій, прикрытыхъ статьями дѣйствовавшаго Уложенія. Но украинскіе челобитчики, желая выиграть свое кровное дѣло, идутъ еще дальше у нихъ еще есть права, непосредственно ими пріобрѣтенныя и носящія въ себѣ всѣ признаки публичныхъ правъ. «А украинныхъ городовъ дѣти боярскія», пишется дальше въ докладѣ: «бьютъ челомъ Вел. Государю, а въ челобитьяхъ своихъ пишутъ, что они на тѣхъ земляхъ поселились и ими владѣютъ и *распахали* за челобитьемъ своимъ и за сыскомъ, а государевыхъ отказныхъ грамотъ не имали для того, что *безпрестанно на Его Государевыхъ службахъ*, и о тѣхъ земляхъ бить челомъ Вел. Государю и ходить (по приказамъ) безъ нихъ некому; а иные на тѣ земли Вел. Государя отказныхъ грамотъ не имали *за скудостью*»... «чтобъ Вел. Государь пожаловалъ ихъ за ихъ службы и для ихъ скудости не велѣлъ тѣхъ земель у нихъ отымать, чтобъ имъ было съ чего Его Государеву служба служить и врознь не разбрести».

Здѣсь украинцы указывали на два совершившихся факта: во-первыхъ, на распашку дикаго поля, стало быть на трудовое начало. Во-вторыхъ, на безпрестанную свою службу, помѣшавшую осуществить требуемыя закономъ формальности и доводящую большинство до скудости. Эти соображенія и особенно послѣднее, конечно, должны были заставить правительство стать на сторону украинцевъ и защитить ихъ отъ нападеній какихъ-то «воровъ», кои «таятъ» о происшедшемъ заселеніи. И вотъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства этихъ вопіющихъ дѣлъ, какъ видно изъ самаго доклада, накопившихся въ огромной массѣ, царь указалъ, а бояре приговорили: «если за украинцами нѣтъ нигдѣ еще другихъ помѣстій, то тѣмъ землямъ быть за тѣми украинцами по ихъ челобитью и пріиску для ихъ службы и скудости», а что касается челобитій московскихъ чиновъ людей, ссылающихся на Уложеніе и новоуказныя статьи 1672 г., то имъ «отказать, сказавъ, что тѣ указы тѣмъ украинцамъ неприличны (sic), потому что они о тѣхъ земляхъ били челомъ и на нихъ поселились и служатъ съ тѣхъ земель по вся годы, а люди молодчіе [1]) и многіе изъ нихъ скудные».

Такимъ образомъ въ 1677 году этимъ указомъ впервые было оффиціально признано: 1) право первой заимки помѣстныхъ земель безъ соблюденія приказныхъ формальностей, 2) право давности владѣнія и 3) право затраченнаго труда на обработку не воздѣланной никѣмъ раньше земли. То, что назрѣло какъ обычай, съ этихъ поръ стало закономъ. Кромѣ того, въ этомъ докладѣ, по нашему крайнему разумѣнію, впервые слово

---

[1]) По писцовому наказу, гдѣ повторенъ этотъ законъ, сказано „маломочные“.

«владѣніе» начинаетъ звучать въ современномъ намъ смыслѣ, такъ что врядъ ли будетъ ошибкой сказать, что къ этому году, а отнюдь не раньше, выработалось обобщенное, самостоятельное представленіе о правѣ владѣнія, какъ таковомъ. Для насъ это тѣмъ важнѣй, что здѣсь идетъ дѣло исключительно о владѣніи помѣстной землей, то-есть государевой, а не собственной, и стало-быть право владѣнія трактуется внѣ связи съ правомъ собственности.

Въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича нѣтъ подобнаго разграниченія и не могло быть. Въ XVI главѣ, посвященной помѣстьямъ, о владѣніи упоминается всего въ шести статьяхъ [1]), и если сопоставимъ эти статьи, то найдемъ, что слово «владѣть» Уложеніемъ понималось какъ завладѣть, ибо всюду за нимъ слѣдуетъ другое понятіе «отымать» или «утаить». Или прибавляются къ нему такіе эпитеты, которые прямо указываютъ, что владѣніе не защищалось юридически, напр., «хотя помѣстья ихъ завладѣть напрасно». Только 41 статья допускаетъ правомѣрность татарскаго владѣнія безъ дачъ и по своимъ обоснованіямъ приближается къ указу 1677 г. Въ XVII главѣ о вотчинахъ слово владѣть употреблено также въ шести статьяхъ [2]). Чаще всего здѣсь сказано «владѣть по купчимъ» или писцовымъ книгамъ, что свидѣтельствуетъ о владѣніи, какъ о составной части права собственности, а не о самостоятельномъ институтѣ. Достойно вниманія, что выраженіе «владѣніе» въ Уложеніи примѣняется только къ крестьянамъ [3]) въ смыслѣ «провладѣніе», о земляхъ же употребляется исключительно только глагольная форма. Такъ-то выражался законъ о владѣніи, посмотримъ, какъ выражалась о немъ судебная практика: быть можетъ жизнь давнымъ-давно выработала точное представленіе объ этомъ институтѣ и процессуальнымъ путемъ исправляла пробѣлы въ законодательствѣ. Ради этого прослѣдимъ нѣсколько обѣльныхъ грамотъ, данныхъ олонецкимъ крестьянамъ въ началѣ XVII вѣка.

Тамъ, гдѣ дѣло шло объ обѣленіи тяглой земли, жалованныя грамоты смѣло употребляютъ выраженіе «владѣть», но опять-таки не иначе, какъ въ глагольной формѣ. Такъ, въ обѣльной грамотѣ царя Бориса, данной въ 1601 году крестьянину Ялгубской волости Олонецкой округи, между прочимъ сказано: «и мы Меркурьева съ племянникомъ пожаловали велѣли ту обжу обѣлити... и Тишкѣ Меркурьеву по сей нашей грамотѣ тою своею обжею владѣти безданно и нашихъ никакихъ податей съ нее не имати» [4])... Самъ челобитчикъ, желая указать на свое владѣніе, не употребляетъ слова «владѣть», а выражается фигурально: «живетъ де онъ съ племянникомъ своимъ

---

[1]) Именно въ 12, 37, 41, 51, 53 и 54 ст.

[2]) Ст. 25, 34, 38, 39, 45 и 47.

[3]) Гл. XI. ст. 3.

[4]) Олонец. Сборн. вып. III, 1894 г., стр. 13 и. 17.

на Ялгубѣ, а землю *пашетъ* обжу»... Слѣдя за подтвержденіемъ этой обѣльной, за такъ называемой «подпиской» (перепиской) на имя новыхъ государей, мы узнаемъ, что хотя эта грамота и была подтверждена В. Шуйскимъ, затѣмъ царями Михаиломъ и Алексѣемъ, но при царевичахъ въ 1686 г. послѣдовало нѣкоторое ограниченіе, а именно часть неправильно присвоенной тяглой земли была отобрана: «и ты (воевода)... бѣлою землею пашнею 14 четвер. и проч. велѣлъ бы владѣть по прежнему челобитчику, а тою Ананьинскою деревнею, Минино тожъ, велѣть владѣть тяглымъ крестьянамъ, и тягло и всякія подати съ нея имать съ мирскими людьми врядъ»..., ибо самъ челобитчикъ проговорился въ челобитьи, что тою землею дѣдъ и отецъ его не владѣли, а владѣютъ по переписнымъ книгамъ 186—187 г. тяглые крестьяне [1]). Итакъ, только къ концу столѣтія слово владѣть стало примѣняться къ крестьянскому тяглому владѣнію.

Въ томъ же Олонецкомъ Сборникѣ приведено нѣсколько обѣльныхъ и подтвердительныхъ къ нимъ грамотъ, и изъ всѣхъ выносится читающимъ то же впечатлѣніе. Такъ, Ѳедоръ Ивановъ, пожалованный В. Шуйскимъ въ челобитьи своемъ сказалъ: «живетъ» де онъ тамъ-то «*на* полчети выти», да еще тамъ-то «*подъ нимъ* двѣ выти», да за нимъ же на оброкѣ пустошь такая-то, «а въ книгу де та пустошь записана за Антонкомъ Наумовымъ, а Антонка де сдалъ тое пустошь ему». И далѣе «и намъ бы его пожаловати, съ тѣхъ участковъ, *на которыхъ онъ живетъ*... нашихъ податей и оброковъ имати не вѣлѣти»... И ни одного слова о владѣніи. Въ 1619 г., когда потребовалось выдать особую «бережальную» грамоту отъ притѣсненій со стороны сосѣдей помѣщиковъ, приказная Москва употребила глагольную форму владѣть, но опять-таки въ смыслѣ полнаго права собственности: «а жити ему на своемъ жеребью и владѣть по жалованной грамотѣ царя Василья, а помѣщикомъ въ него не вступатца». Когда въ 1636 г. этотъ Федоръ Ивановъ постригся и билъ челомъ о справкѣ земли за братомъ, въ грамотѣ опять пишется: «и намъ бы его старца Федосея пожаловати тѣми починками, пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи, *чѣмъ онъ въ мирѣ владѣлъ понынѣ*, велѣть владѣть брату его родному Микулкѣ Иванову, да сыну Куземкѣ, да внуку Мишкѣ по прежнему нашему указу». Подтвердительная грамота царя Алексѣя отъ 1648 ни словомъ не заикнулась про владѣніе, а велѣла «во всемъ ходить по тому, какъ въ Государевѣ, царя и вел. кн. Михаила Ѳеодоровича всея Руси грамотѣ написано». Но подтвердительная грамота, выданная царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ 1676 г. на дѣло смотритъ уже совсѣмъ иначе Челомъ бьютъ старшой—дядя Пашка Амосовъ, и племянники Федька да Матюшка Кузмины (внуки перводачника). Велѣно грамоту подписать

---

[1]) Ibid. стр. 18.

свое Государево имя и велѣно прежнимъ дѣдовскимъ жеребьемъ «со всякими угодьи, Кузьминымъ дѣтямъ Федькѣ да Матюшкѣ, владѣть по прежнему, а дядѣ ихъ Пашкѣ Амосову владѣть съ ними Федькою и Матюшкою *вопче, буде онъ Пашка* тому старцу Федосею *племянникъ родной* и *живетъ съ ними* съ Федькой и Матюшкой *въ одномъ дому* и *тѣми починками владѣетъ онъ вопче жъ и по се время*» [1]). Здѣсь, какъ видимъ съ владѣніемъ обращаются осторожно, устанавливается общее владѣніе и требуется отъ Пашки доказательство, племянникъ ли онъ перводачнику, при чемъ требуется отъ него непрерывное владѣніе «по се время».

Какъ видимъ, и процессуальные взгляды совершенно совпадали съ основными законами: пока законъ не признавалъ владѣнія какъ такового— процессъ о немъ молчалъ и заговорилъ какъ разъ въ то время, когда законъ близокъ былъ къ опубликованію.

Итакъ, юридическая выработка новаго института, института владѣнія какъ такового (possessio), принадлежитъ не старой приказной Москвѣ, а новозавоеванной Украйнѣ, находившейся, какъ мы уже упоминали, подъ вліяніемъ польскихъ воззрѣній и казацкой вольницы, да сверхъ того населенной особенно предпріимчивымъ, хотя и бѣднымъ людомъ. Какъ въ докладѣ, такъ и въ указѣ 1677 г. вѣетъ уже тѣмъ новшествомъ, которое быстрыми шагами подходило къ московской Руси и грозило изломать ее повидимому до основанія. Указывая на это я вовсе не желаю установить заимствованіе института владѣнія, я далекъ отъ этого, ибо вліяніе Польши и черкасъ иа украинцевъ было все-таки крайне ничтожно, но своимъ замѣчаніемъ я хочу лишь оттѣнить то обстоятельство, что задолго до появленія Петра I съ его формальными новшествами русская жизнь успѣла самопроизвольно выработать столько внутреннихъ новшествъ, сколько мы обыкновенно не подозрѣваемъ и все приписываемъ Петру. Вся бѣда московской Руси только въ томъ, что выработка новыхъ юридическихъ положеній не всегда находила такую счастливую защиту, какую нашла въ 1677 году въ лицѣ молодаго царя. Для такой успѣшности у старой Москвы недоставало самого главнаго—интеллигентныхъ силъ.

79213

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича тѣмъ не менѣе вообще богато новшествами и именно въ области поземельной политики. Эти новшества рѣдко были навѣяны извнѣ, всего чаще они вытекали изъ назрѣвшихъ потребностей времени. Вниманіе московскаго правительства сосредоточивается въ это царствованіе на урегулированіи помѣстнаго права; мы находимъ массу указовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Общая тенденція этихъ «новоуказныхъ статей» представляется значительно измѣнившеюся по сравненію съ тенденціями предшествовавшаго царствованія. Въ то время, какъ прежде заботились

[1]) Олон. Сбор. стр. 23.

исключительно о службѣ съ помѣстій, нынѣ начинаютъ заботиться о спокойномъ, мирномъ, безспорномъ владѣніи помѣстьями. Такая перемѣна во взглядахъ правительства конечно обусловливалась наступившимъ сравнительнымъ затишьемъ со стороны внѣшнихъ враговъ. Разширеніе и округленіе границъ московской Руси при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дало возможность при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ до нѣкоторой степени заняться внутренними дѣлами. Особенно далеко отодвинулись южныя границы: вмѣсто прежнихъ Валуекъ конечный пунктъ продвинулся верстъ на сто за Изюмъ и весь лѣвый берегъ Днѣпра по среднее его теченіе сталъ принадлежать Москвѣ. Сравнительное замиреніе этихъ богатѣйшихъ по своимъ естественнымъ богатствамъ окраинъ не замедлило тотчасъ же отразиться на увеличеніи народонаселенія. Въ частности сверхъ того организація военныхъ силъ государства успѣла давнымъ-давно видоизмѣниться, такъ что старый помѣстный порядокъ, какъ и старое мѣстничество, должны были подвергнуться серьезнымъ измѣненіямъ.

Помѣстья плохо обезпечивали украинцевъ служилыхъ людей, особенно въ тѣхъ «указныхъ» размѣрахъ коихъ держалась скаредная Москва. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ широко сталъ примѣнять «придачу» помѣстій; такъ за чигиринскій малоудачный походъ даже молодчіе люди украинныхъ городовъ получили по 50 четвертей придачи и по 2—3 рубля денегъ на раны [1]). Далѣе, такъ какъ всюду наблюдалось, что многіе припахали лишнія земли не только сверхъ дачъ, но даже и сверхъ окладовъ, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не сталъ отбирать новораспашныхъ земель на государя и не сталъ ихъ «поворачивать въ раздачу» челобитчикамъ, какъ прежде бывало, а предпочелъ продавать ихъ самимъ же распахавшимъ по цѣнѣ крайне сходной для нихъ, именно по рублю за три четверти и въ рѣдкихъ случаяхъ по рублю за четверть [2]). Правительство видѣло въ этой, правда старой мѣрѣ [3]) справедливый исходъ, ибо держаться прежнихъ порядковъ значило убивать благосостояніе служилаго класса, только что получившаго возможность заняться хлѣбопашествомъ. Означенныя продажи совершались на вотчинномъ правѣ: купленное такимъ образомъ помѣстье становилось вотчиной Это породило впослѣдствіи нѣсколько неточное сужденіе, будто бы московское правительство конца XVII вѣка само стремилось къ смѣшенію вотчинъ съ помѣстьями. Если это и было, то помимо прямого желанія правительства; увлеченное общимъ теченіемъ, оно все-таки употребляло всевозможныя усилія, чтобы отстоять права казны отъ натиска служилаго

---

[1]) П. С. З. № 732.

[2]) П. С. З. № 813 и № 690.

[3]) Первоначально было позволено покупать только подмосковныя помѣстья, при царѣ же Ѳеодорѣ мѣра эта распространена повсемѣстно и во многихъ случаяхъ была обязательною.

сословія. Такъ, мы знаемъ, что правительство временъ Ѳеодора Алексѣевича строже, чѣмъ когда-нибудь старалось проводить разницу между помѣстьемъ и вотчиной, что видно между прочимъ изъ писцоваго наказа. Мнѣ скажутъ, какъ же такъ, не при этомъ ли царѣ дозволено было продавать помѣстья? Да, но какъ продавать! 26 Генваря 1678 года изданъ указъ о продажѣ за долги помѣстій. Содержаніе этого указа говоритъ само за себя: у кого ничего нѣтъ, «опричь пустыхъ помѣстныхъ дачъ, и въ истцовы иски цѣнить будетъ у нихъ нечего... и у тѣхъ цѣнить помѣстья ихъ пустыя земли, за кѣмъ въ которыхъ городѣхъ сколько четвертей по дачѣ сыщется, противъ вотчинной статьи [1]), а оцѣня то помѣстье отдать истцу въ платежъ, а изъ той цѣны В. Государя пошлинныя деньги у него истца въ государеву казну взять сполна, и о справкѣ за ними истцы тѣхъ помѣстій въ оклады ихъ посылати въ помѣстный приказъ памяти... Буде же похотятъ то помѣстье взять родственники того рода, и то помѣстье за ту цѣну, чѣмъ его оцѣнятъ, отдать родственникомъ»... деньги истцу, а лишнее отвѣтчику... «А мимо истцовъ и родственниковъ», заканчиваетъ указъ: «*стороннимъ людемъ того помѣстья не продавать*».

Вотъ какая продажа была допущена при царѣ Ѳеодорѣ. Мотивы указа понятны: вѣдь дѣло идетъ о полной несостоятельности, о банкротствѣ, на какую же ратную службу годенъ банкротъ, только и имѣющій что пустое помѣстье? Справедливѣй отнять у него то помѣстье и удовлетворить имъ интересъ того, кто довѣрился и оказалъ кредитъ. Но боярская дума, въ своемъ приговорѣ допустивъ такое повшество, строго держалась прежнихъ помѣстныхъ традицій: она допустила къ этой аукціонной продажѣ только родственниковъ, оберегая интересы рода, а въ заключеніе все-таки запретила продавать помѣстья «стороннимъ людямъ». Стало-быть, попрежнему вотчинныя права, точнѣе, право собственности на помѣстья, и въ концѣ XVII столѣтія принадлежали государству, а не помѣщикамъ. Изъ другого указа [2]) мы видимъ, что бывали частыя злоупотребленія со стороны покупщиковъ «изъ помѣстья въ вотчину». Здѣсь уже съ явно злымъ умысломъ подавали челобитье о желаніи произвести покупку и за тѣмъ, не уплативъ денегъ и не совершивъ крѣпостныхъ актовъ, продавали за вотчины такія еще некупленныя у казны помѣстья третьимъ лицамъ. Царь указалъ и бояре приговорили: «такія вотчины попрежнему государеву указу отдавать челобитчикомъ, кто за кѣмъ такія земли сыщетъ въ помѣстье, и деньги тѣмъ купцамъ править на продавцахъ безъ суда, а наказанья [3]) (бить кнутомъ нещадно) не чинить для того, что на

---

[1]) То-есть подобно тому, какъ цѣнились по Уложенію вотчины.

[2]) Указъ 11 іюня 1677. П. С. З. № 695.

[3]) По уложенію XVI гл. 69 ст.

нихъ деньги велѣно править безъ суда». Какъ видимъ, и здѣсь все еще звучитъ мотивировка 51 ст. XVI гл. Уложенія «не называй помѣстной земли вотчинною землею». Что при усиленныхъ продажахъ изъ помѣстья въ вотчину могли усилиться и злоупотребленія въ вышеприведенномъ смыслѣ, этому удивляться нечему; для насъ гораздо важнѣй то, что дѣйствительно покупка помѣстій усилилась, стало-быть, появились благопріятныя для того условія. Что въ это время служилое сословіе получило возможность больше заниматься земледѣліемъ и извлекать изъ него больше выгодъ, видно, между прочимъ, и изъ того, что увеличились споры о земляхъ и угодьяхъ. Эти споры отчасти обусловливались той неурядицей въ земельныхъ отношеніяхъ, которая создалась за время царей Михаила и Алексѣя. Большой московскій пожаръ уничтожилъ всѣ крѣпостные старинные акты на земли; валовые писцы возстановили ихъ не совсѣмъ удачно [1]); затѣмъ производились частичныя переписи и дозоры, чаще всего по отдѣльнымъ случаямъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ было много смотровъ служилыхъ людей, «разборовъ», но не было валовыхъ писцовъ для разбора помѣстій, для «развода земель». Была только перепись дворовъ ради фискальныхъ цѣлей. А между тѣмъ населеніе увеличивалось, и увеличивались самопроизвольно размѣры землевладѣнія: гражданскія правоотношенія къ землѣ все болѣе и болѣе спутывались и наконецъ до того обострились, что пришлось принять энергичныя мѣры. 16 мая 1679 года, вслѣдъ за посылкой писцовъ въ уѣзды, съ царскаго постельничаго крыльца былъ сказанъ такой именной указъ: «Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, и всякихъ чиновъ ратные и приказные люди! Великій Государь велѣлъ вамъ сказать: вѣдомо ему, Вел. Государю, учинилось, что въ подмосковныхъ вашихъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, въ земляхъ и въ лугахъ, и въ лѣсахъ, и во всякихъ угодьяхъ межъ вами учинились *споры* и *ссоры многіе* и за то у васъ чинятся межъ собою бои и грабежъ, а у иныхъ смертныя убійства, и вамъ бы тѣ всѣ споры и ссоры межъ себя оставить, покамѣстъ тѣ ваши спорныя земли и всякія угодья межевщики разведутъ [2]). Это тѣ споры и ссоры, которые, начавшись съ конца XVII вѣка, тянулись до конца XVIII, то-есть до окончанія генеральнаго межеванія. Много виновато въ нихъ само правительство, ибо не имѣло возможности произвести точнаго измѣренія земель и установить точныя грани и межи. Но не меньше были виноваты во всѣхъ этихъ смутахъ и сами владѣльцы, нежелавшіе никакихъ измѣреній земли, такъ что, когда правительство Ѳеодора Алексѣевича сдѣлало попытку отнестись къ межеванію построже, межевщики встрѣтили на мѣ-

---

[1]) Акты, до юр. быт. отн. III. № 365.

[2]) П. С. З. № 822. Черезъ два года изданъ подобный же указъ ibid. № 866.

стахъ страшное сопротивленіе. Пришлось выслать двухъ дворянъ добрыхъ въ качествѣ слѣдователей провѣрить, правда ли, что дѣти боярскія и казаки, помѣщиковы и вотчинниковы люди и крестьяне «скопясь многолюдствомъ, бунтомъ со всякимъ ружьемъ къ межевщикамъ на землю приходили, и ихъ съ земли сбивали, и мѣрять не дали и верви поотымали и разорвали, а иныхъ межевщиковъ и подьячихъ и людей ихъ стрѣльцовъ и пушкарей били, и челобитчиковъ побить хотѣли... а иные къ нимъ межевщикомъ по высылкамъ на землю съ крѣпостями не поѣхали... И буде окажется то допряма, заводчикомъ за то чинить наказанье торговую казнь бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно, чтобъ впредь инымъ такъ дѣлать было неповадно [1]). Въ Акт., до юр. быт. отн., между прочимъ, мы находимъ, что въ Шую былъ посланъ въ качествѣ слѣдователя князь Вяземскій, и по его разспросу оказалось, что переписчикъ Гурьевъ «старостѣ и посадскимъ людямъ тягости и тѣсноты никакой не учинилъ и кормовыя деньгиималъ противъ указу» (т. III, № 331, стр. 277). Конечно, это можетъ быть случайность, но если писцы и тѣснили поборами, то врядъ ли это было главной причиной бунтовъ со стороны населенія, вполнѣ привычнаго ко всякимъ поборамъ. Поэтому нельзя во всѣхъ этихъ бунтахъ сваливать всю вину на одно правительство; послѣднее могло ошибаться въ выборѣ писцовъ, въ выборѣ способовъ межеванья; но что касается самыхъ правъ межеванія, то они оставались внѣ сомнѣній: кому же межевать, какъ не правительству. Дѣло въ томъ конечно, что вотчинники и помѣщики, общѣе выражаясь, «землевладѣльцы всѣхъ видовъ и разрядовъ», усматривали въ межеваніи нарушеніе своихъ интересовъ. Каковы же были интересы владѣльцевъ? Несомнѣнно чисто экономическіе. Захватъ лишнихъ земель сверхъ дачъ и крѣпостей, нарушеніе старыхъ межъ и граней, захватъ чужой сосѣдской земли—все это факты, за которые въ моментъ межеванія приходилось такъ или иначе расплачиваться и во всякомъ случаѣ терпѣть матеріальные убытки. Межеваніе, да еще такое повальное, какъ по писцовому наказу царя Ѳеодора Алексѣевича, сразу обостряло тѣ споры и ссоры, кои накоплялись въ теченіе многихъ лѣтъ. Кромѣ того, какъ бы справедливо ни былъ составленъ писцовый наказъ, или позднѣе межевая инструкція, въ практическомъ примѣненіи онъ всегда долженъ былъ породить массу матеріальныхъ, а часто и правовыхъ ущербовъ. Что касается общаго направленія писцоваго наказа, изданнаго при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, то по своей выработкѣ новыхъ принциповъ и по своему отчетливому пониманію старыхъ началъ межевого дѣла наказъ стоитъ не ниже межевой инструкціи, изданной при Екатеринѣ II. Правительство честно отнеслось къ интересамъ землевладѣльцевъ, оно радо было умиротво-

---

[1]) П. С. З. № 134. Ук. 7 окт. 1678.

рить споры и ссоры и если не достигло этого, то быть можетъ только потому, что Θеодоръ Алексѣевичъ процарствовалъ недолго.

Изъ этого наказа мы ограничиваемся пока разборомъ того мѣста, которое, касаясь весьма существенной стороны межевого дѣла, является недостаточно разработаннымъ: мы разумѣемъ 23 статью, которая гласитъ слѣдующее: «у которыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ земли были размежеваны, а ихъ не стало, а послѣ ихъ помѣстья и вотчины розданы въ раздачу на двое или на трое, или на четверо и больше, и на тѣхъ земляхъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дворовъ по два, и по три, и задворныхъ людей дворы, а землею *владѣютъ черезъ десятину, а не сряду*, и тѣ ихъ земли за ними писать и межевать противъ писцовыхъ книгъ и дачъ, и четвертную пашню и всякія угодья *сряду, а не черезъ десятину* и дать *жеребей*, которая земля достанется. А буде тѣ помѣщики и вотчинники учнутъ бить челомъ полюбовно, чтобъ тѣ ихъ земли не межевать, а владѣть имъ по прежнему, и тому *не вѣрить*, а тѣ земли межъ ими писать и межевать, размѣривая по дачамъ, а черезъ десятину владѣть не велѣть, чтобъ впредь имъ о межеваньи земель не бить челомъ» [1]). Повидимому, это было первое посягательство на общину со стороны правительства. Какъ видимъ, дѣло идетъ о черезполосицѣ, ибо что значитъ иначе владѣть «черезъ десятину»? Писцовый наказъ Θеодора Алексѣевича требуетъ принудительнаго размежеванія—такъ далеко никто еще не заходилъ раньше, да и послѣ дѣлалось это полюбовно, за исключеніемъ развѣ обязательнаго межеванія Черниговской и Полтавской губерній въ послѣднее время. Даже въ виду формальнаго заявленія сторонъ о желаніи мирно и полюбовно жить при старой разверсткѣ, наказъ требовалъ размежевки. Немудрено, если эта мѣра увеличивала недовольство, и безъ того уже сильное противъ межевщиковъ. Это самая слабая статья наказа Θеодора Алексѣевича; въ ней допущено такое новшество, съ какимъ никакъ не могла примириться русская жизнь: отказъ отъ разверстки черезъ десятину означалъ отказъ *отъ качественнаго уравненія пашенной земли*, отъ уравненія ея *по разстоянію*, отъ уравненія такихъ выгодъ, кои при сплошномъ раздѣлѣ угодій справедливо никакъ не могли быть разверстаны. И въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ постоянно и крѣпко держались владѣльцы этой уравнительной разверстки, и тамъ постараемся изслѣдовать причины этого важнаго явленія. Ошибочно наказъ смотрѣлъ на это дѣло: составителямъ наказа казалось, что споры о земляхъ возникаютъ изъза черезполосицы, и вотъ вмѣсто того, чтобы регулировать эту самую черезполосицу, они уничтожаютъ ее, да и то вопросъ, уничтожаютъ ли, ибо со смертью размежевавшихся, вновь должна была возникнуть черезполо-

---

[1]) П. С. З. № 889, ст. 23.

сица между наслѣдниками. Какъ же можно было посягать на то, что имѣло самыя резонныя основанія и что всецѣло обусловливалось самыми существенными потребностями земледѣльческаго населенія. Писцовый наказъ впалъ здѣсь въ такую же нелѣпость, въ какую впадаютъ и доднесь враги общины, думающіе, что пополосная разверстка общинныхъ земель вредно отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ, и потому нужно де уничтожить ее. Наказу хотѣлось радикально искоренить зло, на самомъ дѣлѣ небывшее зломъ. Вѣдь и нынѣ многіе видятъ спасеніе въ участковомъ владѣніи, рекомендуется даже парцеллированіе дарственныхъ надѣловъ. Но опытъ этой статьи наказа и вся поземельная политика русскаго государства доказываютъ, что всякая попытка «развести, размежевать на отдѣльные участки землю» кончалась или полной неудачей, вызывая сопротивленіе властямъ со стороны населенія, или приносила населенію такой громадный вредъ, какого ни одно государство не должно причинять своимъ подданнымъ. Шутка ли нарушить тотъ домашній распорядокъ, который, установясь частью по исконному старинному обычаю, частью по прямому мирному соглашенію, и всегда по крайней хозяйственной надобности, обезпечиваетъ правильность хозяйственной дѣятельности совладѣльцевъ и справедливо регулируетъ ихъ правовыя отношенія! Къ счастью, эта насильтсвенная статья наказа Ѳеодора Алексѣевича дѣйствовала недолго. Дѣло размежеванія, начатое царемъ Ѳеодоромъ, продолжалось при его преемникахъ, царевичахъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, и продолжалось, повидимому, уже съ меньшей энергіей. Изданный въ апрѣлѣ 1683 г. новый писцовый наказъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ сколкомъ съ наказа царя Ѳеодора; это была копія его, но въ ней, какъ и слѣдовало ожидать, была исправлена сдѣланная раньше ошибка, т. е. было отмѣнено требованіе о принудительномъ уничтоженіи черезполосицы.

Соотвѣтствующая статья (34) въ наказѣ царевичей редактирована совсѣмъ иначе: «въ которомъ селѣ и деревнѣ и пустошахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ будетъ человѣкъ пять или 6, или 10 и больше, а владѣютъ они землями черезъ десятину *безспорно*, и буде они похотятъ, чтобъ имъ межъ собою не межеваться, а отмежевывать бы ихъ помѣстныя и вотчинныя земли отъ сторонніхъ земель, и тѣ ихъ дачи отъ сторонніхъ земель межевать размѣривая по дачамъ... А буде они похотятъ въ тѣхъ селѣхъ... промежъ собою въ поляхъ размежеваться, и имъ о томъ приносить писцомъ челобитныя или росписи за руками, и по тому ихъ челобитью тѣ ихъ земли межевать... А буде изъ тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, хотя и одинъ человѣкъ учнетъ бить челомъ, чтобы его дачу отъ тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ отмежевать, и по тому челобитью размѣрять въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ всѣ дачи и примѣрную землю противъ дачъ, и дачу его отмежевать особо и примѣрную землю въ одномъ

мѣстѣ» [1])... Въ такой редакціи та же мѣра носила далеко не прежній принудительный характеръ; здѣсь приняты во вниманіе всѣ интересы совладѣльцевъ. Если они владѣютъ черезъ десятину, но безспорно, то—какая цѣль создавать споръ,—пусть владѣютъ; если они сами просятъ развести ихъ земли, то какъ же не развести; если, наконецъ, отдѣльному лицу тяжело почему-нибудь владѣть «въ рядъ той деревни черезъ межу съ прочими помѣщики», то будетъ справедливѣй отмежевать ему особнякъ, нежели заставлять его дѣйствовать противъ желаній, противъ воли. Вотъ именно воля субъекта правъ и поставлена на первомъ планѣ въ этихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ: хочешь отмежеваться—межуйся, не хочешь—владѣй постарому, оставайся «въ первобытномъ владѣніи». По прежнему же наказу гражданская воля субъекта правъ была подавлена: подавило ее правительство въ силу ошибочныхъ предположеній насчетъ пагубности черезполосицы, но къ чести правительства оно само же возстановило попранныя права и спохватилось сдѣлать это въ скорости, почти сейчасъ же. Разсматривая этотъ вопросъ съ государственной точки зрѣнія, мы не можемъ усмотрѣть въ наказѣ царевичей отказа со стороны правительства отъ своихъ правъ, ибо такихъ правъ въ данномъ случаѣ у правительства и не было: это была юридическая ошибка, нарушеніе чужихъ правъ, а не осуществленіе своихъ. Это было правительственнымъ произволомъ. И если бы это сдѣлано было Петромъ I, то мы и не удивлялись бы, но это произошло при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, отличавшемся особенною разборчивостью по отношенію къ установленію гражданскихъ правоотношеній въ государствѣ. Если этотъ царь уничтожилъ пресловутыя права мѣстничества, что относится къ области публичнаго права, то по отношенію къ гражданскому праву при этомъ царѣ пріобрѣли юридическую защиту многія жизненныя правоотношенія. Поэтому-то мы склонны считать приведенное мѣсто изъ наказа случайной, но грубой ошибкой, законодательнымъ просмотромъ, но отнюдь не посягательствомъ на частныя права.

Въ малолѣтство Петра не замѣчается рѣзкихъ перемѣнъ въ направленіи поземельнаго законодательства: юный царь сначала не могъ, а потомъ боялся коснуться этой стороны московской жизни. Въ малолѣтство Петра было издано два важныхъ акта «сыщиковъ наказъ», 2 марта 1683 г., и помянутый уже нами писцовый наказъ въ апрѣлѣ того же года. Изъ этихъ актовъ мы ограничимся извлеченіемъ лишь тѣхъ мѣстъ, кои имѣли вліяніе на развитіе поземельныхъ отношеній въ украинныхъ городахъ. По 3 статьѣ сыщикова наказа установлена была давность для бѣглыхъ: «а будетъ которые бѣглые люди и крестьяне изъ за кого въ го-

[1]) П. С. З. № 1074.

сударевы городы бѣжали на черту до 161 году (1653 г.), а послѣ черты пришли въ тѣ городы и уѣзды (откуда сбѣжали), и тѣхъ крестьянъ челобитчикамъ не отдавать, а отослать ихъ съ женами, и съ дѣтьми, и съ ихъ животы въ государевы городы на черту со стрѣльцами, гдѣ кто напередъ сего живали по чертѣ». Какъ видимъ, установлена тридцатилѣтняя давность, вопреки 2 ст. XI гл. Уложенія ц. Алексѣя Михайловича, отмѣнившей такъ называемые урочные годы. По Уложенію, какъ извѣстно бѣглые крестьяне поворачивались по писцовымъ книгамъ къ прежнимъ владѣльцамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывались «въ стрѣльцахъ или въ казакахъ, или въ пушкаряхъ, или въ иныхъ какихъ-нибудь служилыхъ людѣхъ въ замосковныхъ и въ украйныхъ городѣхъ». По сыщикову наказу снова возстановлялись старинные урочные годы, хотя съ удлиненной давностью, да кромѣ того бѣглые, попавшіе на бѣлгородскую черту, были взяты подъ особое покровительство. Ст. 30 сыщикова наказа гласитъ: «а безъ подлиннаго розыску изъ украйныхъ городовъ по чертѣ людей и крестьянъ *изъ службъ*, и изъ посадовъ, и изъ дворцовыхъ селъ безъ крѣпостей истцамъ не отдавать» [1])... Ясно, что правительству было тяжело и неудобно разставаться съ тѣмъ осѣвшимъ по чертѣ населеніемъ, которое оказало ему немало услугъ въ дѣлѣ укрѣпленія южныхъ границъ государства и отраженія набѣговъ татарскихъ, и которое теперь по замиреніи края мирно и покойно занялось обработкой своего тучнаго чернозема—житницы Россіи. На это населеніе правительство начинало смотрѣть сквозь пальцы, хотя крѣпостники, окружавшіе престолъ, все еще сильно мѣшали этому. Что въ такомъ моемъ замѣчаніи нѣтъ натяжки, можно судить по многимъ мѣропріятіямъ того времени. Такъ, въ статьяхъ «о разборѣ Сѣвскаго полку», опубликованныхъ въ 1685 г., между прочимъ приказано было: «а буде въ городѣхъ объявятся какіе пришлые изъ иныхъ городовъ служилые или гулящіе люди, или чьи бѣглые холопи и крестьяне и истцовъ имъ по се число не было, а живутъ они домами своими на пустыхъ или на оброчныхъ земляхъ, или у кого въ захребетникахъ, а собою они добры и человѣчны... и ихъ разобравъ написать... въ солдатскую службу съ окладомъ» [2]).

Нужда въ ратныхъ людяхъ заставляла даровать свободу безправнымъ рабамъ, заставляла нарушить право собственности рабовладѣльцевъ, столь усилившихся при царѣ Алексѣѣ. Вліяніе рабовладѣльческаго элемента, собственно говоря, оставалось несокрушимымъ: сознавая общую нужду въ ратныхъ людяхъ, рабовладѣльцы въ теченіе XVII вѣка шли на разные

---

[1]) П. С. З. № 998.

[2]) П. С. З. № 1148 ст. 26. Тоже подтверждено и для Бѣлгородскаго разбора въ 1694 г. ibid. № 1502 ст. 32.

компромиссы, изощрялись въ придумываніи разныхъ мѣръ въ родѣ найма на службу иностранцевъ и польской шляхты, и въ то же время всячески старались, чтобы кто-либо изъ холоповъ или крестьянъ случайно не попалъ въ число верстанныхъ. И дѣйствительно, было изъ-за чего хлопотать: лошадь въ лучшихъ случаяхъ цѣнилась въ три—четыре рубля, человѣкъ же, какъ рабочая скотина, цѣнился баснословно дорого. Въ 1683 г. нѣкто Растопчинъ уступилъ сводному брату своему, Давыдову, крестьянскую семью за 50 рублей [1]); въ 1682 году Сунбабинъ продалъ рейтару Моторину дѣвку калмыцкаго полону за 30 р. [2]), конный казакъ, Костромитиновъ, въ 1698 году продалъ Дружкову парня мунгальской породы за «сто рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи» [3]). И эти цѣны стояли на ряду съ казенной цѣной за землю, именно: на рубль три четверти изъ порозжихъ земель или изъ помѣстья въ вотчину, а при продажахъ частныхъ лицъ, считая въ то число населенныхъ крестьянъ, за коихъ собственно и платились деньги, четверть вотчинной земли стоила уже 15 р. 50 к. [4]); были же случаи, когда цѣлыя вотчины со всѣми угодьями и въѣзжими лѣсами, только конечно ненаселенныя, продавались за 5 рублей [5]). Только крайняя нужда въ ратныхъ людяхъ заставила крѣпостниковъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича пойти на одинъ важный компромиссъ: съ 1660 года указано было принудительнымъ порядкомъ верстать поповскихъ дѣтей, но въ слѣдующемъ же году указъ этотъ былъ смягченъ тѣмъ, что позволено лицамъ духовнаго званія верстаться въ ратные люди, буде сами того пожелаютъ [6]). Отсюда произошли между однодворцами такія фамиліи, какъ Протопоповъ, Поповъ, Дьяконовъ, Распоповъ, Понамаревъ и проч.

Возвращаясь къ писцовому наказу царевичей, мы должны сказать, что онъ представляетъ обобщеніе всѣхъ мѣропріятій, выработанныхъ главнымъ образомъ при Θеодорѣ Алексѣевичѣ для упорядоченія поземельныхъ отношеній. Этотъ наказъ подтверждалъ цѣликомъ прежній указъ царя Θеодора Алексѣевича отъ 1677 года о правѣ владѣнія помѣстьями безъ соблюденія приказныхъ формальностей; подтверждалъ извѣстную пропорцію при отводѣ усадебъ, сѣнныхъ покосовъ и лѣса, что впервые было установлено также прежнимъ наказомъ; наконецъ, онъ требовалъ размежеванія между

---

[1]) Акты юр. быт. отн. II № 229, стр. 666.

[2]) ibid № 152, стр. 449.

[3]) ibid. 450.

[4]) ibid. № 147, стр. 376.

[5]) ibid. № 149 стр., 433, въ 1686 г.

[6]) По 3 ст., XIX гл. Улож. поповы дѣти были взяты въ городское посадское тягло. Наказомъ верстальнымъ 1651 запрещалось верстать поповыхъ дѣтей на ряду съ неслужилыхъ отцовъ дѣтьми и съ холопами боярскими. Указы 1660 и 1661 г., см. П. С. З. № 289 и 291.

помѣстьями и вотчинами, что еще разъ подтверждаетъ, что московское правительство конца XVII вѣка вовсе не думало смѣшивать вотчинное право съ помѣстнымъ.

Чтобы покончить съ XVII вѣкомъ, намъ нужно привести еще два мѣста изъ статей о разборѣ ратныхъ людей Сѣвскаго полка. Статья 20 этого разбора гласитъ: «а вмѣсто старыхъ и увѣчныхъ и одинокихъ, и вмѣсто убылыхъ, въ службу писать изъ городовыя службы и изъ новиковъ отъ семей, въ которомъ дому будетъ два человѣка: и одному служить въ полку, а другому быть въ дому на *пашнѣ*; а въ которомъ дому будетъ три человѣка, и изъ нихъ одному человѣку служить въ полку, а другому быть въ городовой службѣ, а третьему въ дому на пашнѣ». При четырехъ — двумъ полковую; «единачки» составляются въ четыре семьи и служатъ, перемѣняясь погодно. Очевидно народонаселеніе украйныхъ городовъ къ этому времени увеличилось настолько, что не было надобности привлекать къ службѣ всѣхъ поголовно, какъ было раньше; получилась возможность изъ двухъ гожихъ оставлять одного «на пашнѣ» [1]). Само собою понятно, что этимъ новымъ разрѣшеніемъ служилые люди не приминули бы злоупотребить, и вотъ слѣдующая 21 ст. разбора предусматриваетъ эти случаи: «а которые служилые люди полковыя и городовыя службы послѣ разбору 188 года, не хотя быть въ полкѣхъ и въ городовой службѣ, *межъ себя раздѣлились*, и нынѣ *живутъ въ разныхъ домѣхъ*, и называются *одинокими*, чтобъ имъ тѣмъ отъ службы отбыть, и такихъ сыскивая *списывать ихъ вмѣстѣ*, и быть имъ въ службѣ, кто въ какую пригодится» [2]). Здѣсь впервые оффиціально сопоставляются такія понятія, изъ коихъ впослѣдствіи выработалось оффиціальное названіе цѣлаго сословія однодворцевъ; въ указѣ же 1698 года эти намеки выразились еще яснѣй: велѣно было послать сыщиковъ въ города Бѣлгородскаго полка для записки укрывающихся, «которые въ службу поспѣли и недорослей и въ малыхъ лѣтѣхъ, которые *въ однихъ дворахъ* съ ними живутъ». Не малое значеніе для установленія этого понятія имѣли и переписныя книги, по коимъ собирались всякія подати со двора: въ нихъ раньше чѣмъ гдѣ-нибудь попадается слово однодворецъ для обозначенія тѣхъ случаевъ, когда землю пахалъ самъ помѣщикъ лично.

Итакъ, мы подошли къ той хронологической грани, переступивъ которую дѣти боярскія Московской Великой Россіи сдѣлались однодворцами

---

[1]) Въ разборѣ мещанъ приписано: „а которые мещанъ же дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣти и братья, и племянники, и всякіе свойственники, написаны въ домѣхъ на пашнѣ, и тѣхъ мщенскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ изъ домовъ ихъ въ городъ не волочить и ничѣмъ ихъ не убытчить, потому что оставлены они въ домѣхъ для пашни, а въ ихъ мѣсто на государевѣ службѣ отцы ихъ и братья и всякіе свойственники". Акты, до юр. б. отн., т. III, № 300, стр. 96.

[2]) П. С. З. № 1148.

Россійской Имперіи. И въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, съ чѣмъ была сопряжена для нихъ утрата прежняго имени. Но прежде чѣмъ приступить къ суровой эпохѣ Петра I, намъ нужно оцѣнить по достоинству то, что принялъ въ наслѣдіе отъ XVII вѣка великій преобразователь.

ГЛАВА II.

Внутреннее развитіе общины въ XVII вѣкѣ.

Материнская форма землевладѣнія.—Право первой заимки.—Семейнородовой бытъ служилыхъ людей и права членовъ семьи.—Главные факторы осложненія материнской формы.—Возникновеніе права наслѣдованія помѣстій.—Справка отцова помѣстья вмѣсто наслѣдованія.—Кастовая организація наслѣдованія служилаго сословія при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.—Ограниченіе правъ наслѣдства служилымъ окладомъ.—Наслѣдованіе помѣстій вдовами и дочерями.—Ихъ иски о раздѣлѣ.—Требованіе закона о пополосномъ раздѣлѣ помѣстій.—Исключеніе изъ наслѣдованія старшихъ дѣтей.—Сбивчивость юридическихъ представленій о помѣстномъ наслѣдованіи.—Трудность установленія хронологическихъ терминовъ для дальнѣйшаго развитія материнской формы владѣнія.—Семейные раздѣлы и повытная разверстка помѣстій. — Историческая и юридическая необходимость черезполосицы. — Отводъ новыхъ ярусовъ при увеличеніи размѣровъ семей.—Правомѣрность захватнаго способа въ своихъ дачахъ.—Постепенность поярусной разверстки помѣстныхъ земель и отличіе ея отъ поярусной разверстки душевыхъ передѣловъ.—Парность пахатныхъ полосъ.—Зависимость величины полосъ отъ плодовитости родовыхъ линій.—Техника разверстки земли въ родовыхъ однофамильныхъ общинахъ.—Разнофамильныя селенія.—Разверстка „черезъ десятину“.—Опредѣленіе понятія объ общинѣ.—Договорное начало въ разнофамильныхъ четвертныхъ общинахъ.—Зародышъ четвертнаго права въ XVII вѣкѣ.—Дѣльная д. Рѣговой и другія отступленія отъ пополосной разверстки.—Значеніе родословной.—Родовая замкнутость.—Позятьевщина.—Вторженіе въ родовую общину вотчинниковъ.—Третій типъ родовой общины.—Многодворная заимка „съ товарищи“.—Сведенцы.—Отводъ земли.—Техника разверстки земли въ такихъ общинахъ.—Понятіе о починкѣ или помѣстьѣ.—Географическое распредѣленіе четвертныхъ общинъ.—Писцовыя книги по Каширскому и Орловскому уѣздамъ.—Документы, относящіеся до городовъ бѣлгородской черты.—Граница многодворной заимки.—Установленіе ея по размѣрамъ нынѣшнихъ общинъ.—Распредѣленіе и численность однодворческаго населенія по росписи 1672 года.

Въ первой главѣ мы разсмотрѣли, такъ сказать, внѣшнюю сторону помѣстнаго права служилыхъ людей XVII столѣтія, то-есть тѣ офиціальныя законоположенія, коими руководилось московское правительство, создавшее и поддерживавшее помѣстную систему. Теперь намъ надо остановить вниманіе на внутренней сторонѣ вопроса, то-есть выяснить, какъ подъ вліяніемъ дѣйствующаго законодательства слагалась самая жизнь служилаго сословія, какъ самопроизвольно развивались среди него поземельныя от-

ношенія и связанныя съ ними другія формы общежитія, требовавшія съ своей стороны иной регламентаціи, и наконецъ, къ чему привело это взаимодѣйствующее развитіе законодательства и общественной жизни.

Прежде всего надо опредѣлить форму землевладѣнія у служилыхъ людей XVII столѣтія. Изученіе памятниковъ приводитъ насъ къ тому выводу, что въ срединѣ XVII вѣка владѣніе помѣстьемъ осуществлялось невполнѣ: тамъ, гдѣ жить еще было небезопасно, помѣстье продолжало лежать впустѣ и только числилось за испомѣщеннымъ, давая случайный доходъ или принося прямой убытокъ; тамъ же, гдѣ замиреніе края можно было считать покончennымъ, начинала устанавливаться материнская форма владѣнія [1]). Она носила въ себѣ, какъ въ зародышѣ, задатки всевозможнѣйшихъ формъ, и отъ окружающихъ условій зависѣли тѣ направленія, въ какихъ она развилась въ исторической дѣйствительности.

Два противоположные элемента вошли въ составъ этой материнской формы: мы уже ихъ знаемъ—это личное испомѣщеніе (заимка) съ одной стороны, и неотчуждаемость по волѣ личности съ другой. Между двумя этими элементами, изъ коихъ первый былъ всегда на Руси до крайности слабъ, въ теченіе всего XVII вѣка шла все-таки довольно сильная борьба, закончившаяся неопредѣленной побѣдой: въ одной части восторжествовала личность, въ другой, гораздо болѣе обширной, восторжествовала идея государственности.

Военнородовое устройство служилыхъ людей отражалось всесильно на первоначальномъ отношеніи ихъ къ своей помѣстной землѣ. Я упреждаю событія, употребляя эпитетъ «свое помѣстье», этотъ эпитетъ выработался лишь къ концу XVII вѣка, когда и сталъ употребляться въ официальныхъ документахъ, хотя употреблялся боязливо съ обязательной оговоркой, наприм., «промѣнилъ я своего помѣстьица, а государева жалованья».. О помѣстьѣ, какъ государевомъ жалованьѣ, по привычкѣ поминается вплоть до второй половины XVIII вѣка, но насущное значеніе это выраженіе имѣло лишь въ концѣ XVII вѣка, когда, какъ мы знаемъ, само правительство признало право владѣнія. До половины же XVII вѣка ничего подобнаго не было: отношеніе испомѣщеннаго къ своему помѣстью опредѣлялось иными словами, ибо и отношеніе-то это не похоже было на владѣніе, *а на простое обладаніе, ограниченное постороннею волею, волею, исходящею свыше.* Потому-то о помѣстьяхъ того времени говорятъ: пожаловать, дать, отнять, быть за кѣмъ, испомѣстить, отвести, справить за собой, отписать на государя, повернуть въ роздачу челобитчикомъ, сыскать, чаще пріискать; но относительно процессуальныхъ формальностей употреблялись тѣ же выраженія, какія приняты были и для вотчинъ: «отка-

[1]) Заимствуемъ этотъ терминъ у г-жи Ефименко.

зать, дать ввозную грамоту» и проч. Гражданскій оборотъ съ помѣстьями по дѣйствовавшему законодательству исчерпывался тремя случаями: можно было каждому мѣнять помѣстья, вдовамъ и дѣтямъ-дѣвкамъ получать на прожитокъ, и отставнымъ сдавать за кормъ. Отсюда мѣновныя, прожиточныя и сдаточныя помѣстья. О наслѣдованіи мы пока не говоримъ. Разсматривая же все вышеприведенное мы можемъ представить себѣ ту структуру, которую должна была имѣть материнская форма помѣстнаго владѣнія. Это было подневольное обладаніе, опредѣленное свыше и обусловленное служилымъ тягломъ. Дальше этого условнаго обладанія не было, повидимому, никакихъ правъ и немудрено, что это обладаніе выражалось въ непосредственной, несложной формѣ: была чисто внѣшняя возможность пахать — кое-что пахалось, не было возможности—лежало впустѣ При этихъ условіяхъ говорить о формахъ землевладѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній. Даже такая форма, какъ захватное владѣніе, о которомъ такъ любятъ трактовать изслѣдователи послѣднихъ, лѣтъ и которое они стараются найти всюду, гдѣ можно и гдѣ нельзя, даже и такая форма не имѣла мѣста въ данномъ случаѣ: ибо всеобъемлющій захватный способъ подразумѣваетъ нѣкоторую свободу, а ея-то и не было у испомѣщенныхъ; имъ давалось извѣстное помѣстье въ извѣстныхъ граняхъ и урочищахъ, за захватами слѣдили по возможности зорко и неукоснительно: всякая заимка должна была быть укрѣпленною крѣпостнымъ актомъ. Чтобы не впасть въ противорѣчіе, мы должны тутъ же отмѣтить одинъ и вѣроятно единственный признакъ, отличающій материнскую форму помѣстнаго владѣнія. Выше мы уже упомянули, что испомѣщаемый самъ долженъ былъ пріискать себѣ помѣстье и пріискавъ, бить о немъ челомъ государю о справкѣ его за собою. На этотъ пріискъ нужно было затратить трудъ и энергію, а главное нужно было желать этого, имѣть на это волю. Вотъ этотъ-то трудъ, а главнымъ образомъ эта-та воля субъекта обусловливала за нимъ существованіе нѣкоего права,—можно назвать его правомъ пріиска, но правильнѣй—правомъ первой заимки. Боже сохрани смѣшивать это заимочное право съ старозаимочнымъ! Первозаимщикъ, перводачникъ, первый садчикъ, и эти термины доднесь живучи въ однодворческой средѣ, старался пріискать себѣ помѣстье конечно по вкусу; пріискивая, онъ взвѣшивалъ внѣшнюю возможность обладанія даннымъ помѣстьемъ и, разъ убѣждался въ этомъ, занималъ то помѣстье смѣло, зная напередъ, что его челобитье будетъ удовлетворено, ибо онъ какъ верстаный или хотя бы и неверстанный, но какъ служилый человѣкъ, имѣлъ право на испомѣщеніе въ извѣстныхъ размѣрахъ по отечеству или по службѣ. Для насъ безразлично, станетъ ли, или нѣтъ первозаимщикъ выполнять требуемыя закономъ формальности, намъ важно, что онъ *занялъ* помѣстье. Тутъ далеко не захватъ, тутъ правомѣрное, предусмотрѣнное закономъ осуществленіе

своего права, пріобрѣтеннаго личной службой или службой отца, такъ какъ русская земля въ то время не могла игнорировать правъ рода. На эту заимку московское правительство смотрѣло сравнительно либерально: оно не стѣсняло въ выборѣ помѣстій заимщиковъ, рѣдко навязывало ихъ испомѣщаемымъ: оно смотрѣло лишь за тѣмъ, чтобы со стороны новаго заимщика не произошло нарушенія какихъ-либо правъ прежнихъ помѣщиковъ, или государевыхъ крестьянъ, или вообще третьихъ лицъ, а также за тѣмъ, чтобы въ заимщики не лѣзли безправные холопы и бѣглые крестьяне. Для этого посылался на мѣсто особый нарочный, который, «съѣхавъ въ то урочище, бралъ съ собою тутошнихъ и окольныхъ людей, сколько пригоже, сыскивалъ накрѣпко повальнымъ обыскомъ» правда ли, что такой-то умеръ, «а послѣ него ни жены, ни дѣтей не осталось, и помѣстье его лежитъ *порозже* и никому напередъ сего въ помѣстье или на оброкъ *не отдано*». Тутошніе люди за крестнымъ цѣлованьемъ показывали по дѣлу и, если пріисканное помѣстье было дѣйствительно незанято, «лежало въ пустѣ», то новый заимщикъ тѣмъ же посланнымъ такъ сказать вводился во владѣніе; помѣстье его измѣрялось и ему давалась выпись съ отказныхъ книгъ. Мы знаемъ, что было много случаевъ, особенно въ украинныхъ городахъ, когда первозаимщики не соблюдали требуемыхъ формальностей, но и такія неформальныя заимки были въ концѣ концовъ признаны правомѣрными, ибо чужихъ правъ онѣ не нарушали, а правъ государства тѣмъ паче, для субъектовъ же права онѣ являлись реализаціей ихъ законной воли, ergo носили въ себѣ всѣ зачатки права.

Насколько право первой заимки почиталось важнымъ, можно видѣть изъ того, между прочимъ, что старыя помѣстья обыкновенно носили названія своихъ прежнихъ первозаимщиковъ: еще въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка можно встрѣтить такія выраженія «Ѳедоровское, что было Ѳедора Чаусова, помѣстье, деревня Чаусова и полдеревни Ѳедоровки»... Нынѣшнія названія однодворческихъ селеній въ Курской и Орловской губерніи, какъ увидимъ ниже, если не носятъ праздничныхъ (церковныхъ) названій или именъ рѣкъ и урочищъ, обязательно называются фамиліей первозаимщика.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія гражданскаго права, въ материнскую форму владѣнія входило, какъ составная и важная часть ея, право первой заимки, покоющееся на публичныхъ правахъ служилаго сословія. Само по себѣ это право не выливалось въ какую-либо опредѣленную форму владѣнія, и при немъ было лишь непосредственное обладаніе, обусловленное фактической весьма измѣнчивой по тому времени внѣшней возможностью эксплуатаціи земли.

Семейнородовой бытъ того времени вполнѣ гармонировалъ съ этими простыми поземельными отношеніями. Съ экономической точки зрѣнія, хо-

помѣстье на 300 четвертей, а за нимъ де нѣтъ помѣстья ни одной чети» [1]). Что осуществлялось именно право испомѣщенія, а не право наслѣдованія, видно изъ того, что процедура справокъ отцовыхъ помѣстій (такъ сказать, утвержденіе въ правахъ наслѣдства) вплоть до конца XVII столѣтія была точнѣйшей копіей съ процедуры самостоятельнаго «отказа по пріиску»: точно также посылался особый нарочный, который повальнымъ обыскомъ убѣждался въ томъ, что такой-то боярскій сынъ «волею Божею умре» и послѣ него осталось порожее помѣстье, которое никому еще не отдано и которымъ, кромѣ сына умершаго, нынѣ выступающаго въ качествѣ челобитчика, никто пока не владѣетъ, а потому посланный и отказывалъ то помѣстье челобитчику, не повторяя даже, что онъ сынъ покойнаго. Ясное дѣло, что если бы за отсутствіемъ или за нежеланіемъ сына билъ бы челомъ племянникъ или родственникъ, то и ему было бы также передано искомое помѣстье: ибо оно становилось «государевымъ».

Такой порядокъ, какъ сказано, тяготилъ помѣстное сословіе, и мы знаемъ изъ общей исторіи, что какъ только этотъ классъ получилъ политическое преобладаніе, тотчасъ же сталъ хлопотать объ измѣненіи этого порядка. Всѣмъ извѣстно, что первое ополченіе 1611 г. постановило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ у вдовъ и сыновей ихъ помѣстій не отнимать [2]). Значитъ случаи эти были за обычай и тяжело отзывались на испомѣщенныхъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ подтвердилъ это, добавивъ, что за отсутствіемъ женъ и дѣтей «помѣстья давать въ оклады и додачу роду и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ умершаго, и мимо дворянъ и дѣтей боярскихъ того города, по которому служилъ умершій, помѣстій его не отдавать». Но какъ въ постановленіи ополченія, такъ и въ подтвержденіи его царемъ, звучитъ старая нотка помѣстной системы. По-старому про помѣстья говорится «отнимать и отдавать»; отчего не сказано послѣ отнимать—наслѣдовать? Почему сказано: «отдавать»? Не значитъ ли это, что право собственности на раздаваемое имущество принадлежитъ тому, кто устанавливаетъ лишь новый порядокъ, и только, а вовсе не защищаетъ новое право, созданное жизнью? И мы видимъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ и его ближайшій преемникъ послѣдовательно и упорно проводили старую тенденцію, по коей помѣстье было только государевымъ жалованіемъ.

Въ подтвержденіи царя Михаила Ѳедоровича мы ясно разсматриваемъ и другой намекъ: мимо дворянъ и дѣтей боярскихъ того города, по коему служилъ испомѣщенный, его помѣстье никому не отдается. Что это, какъ не кастовое установленіе? Аналогично съ этимъ, въ то же время было по-

---

[1]) Акты до юрид. быта относ., т. I, № 49, стр. 159.

[2]) Срав. Соловьевъ, Истор. Росс., IX, гл. V.

становлено: «послѣ умершихъ иноземцевъ никому, кромѣ иноземцевъ же, ихъ помѣстій не отдавать». Созданіе военной касты, строго замкнутой, покоящейся на родовомъ строѣ, поддерживаемой и поджигаемой мѣстничествомъ, нужно было не для успѣшности военной организаціи, а очевидно, для другихъ цѣлей. Структура этой касты нехитра: ей не дано право собственности, здѣсь нѣтъ поземельной аристократіи. Здѣсь за смертью испомѣщеннаго помѣстье *отдавалось* его дѣтямъ, не было ихъ—родственникамъ, «роду»; если онаго не было, помѣстье шло служилымъ того города, значитъ, полку, въ коемъ служилъ испомѣщенный. Коротко и ясно, и одинъ шагъ до аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Но при всемъ желаніи, не удалось осуществить этой искусственной кастовой организаціи: для нуждъ государственныхъ потребовалось испомѣщать много народу въ чужихъ уѣздахъ; завоевательная волна, хлынувшая на югъ въ вольную Украйну, захватила съ собой съ сѣвера не только городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и даточныхъ людей изъ холопей боярскихъ, и черносошныхъ крестьянъ, и черкасъ изъ Малороссіи. Западноевропейскій строй со своими солдатами, драгунами и рейтарами опрокинулъ нехитрую доморощенную кастовую организацію. Потребовалось испомѣстить всю эту челядь въ предѣлахъ такъ называемыхъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, и мало того, потребовалось защищать это испомѣщеніе отъ посягательствъ прежней касты московскихъ чиновъ, къ счастію неумѣвшей сплотиться въ благородное шляхетство, какъ это было въ Польшѣ.

Но пока все это измѣнялось подъ давленіемъ насущныхъ потребностей, московское правительство XVII вѣка всячески старалось поддержать старую систему. Что сынъ, жившій въ одномъ домѣ съ отцомъ, послѣ его смерти продолжалъ владѣть его помѣстьемъ, то для московскаго правительства на первыхъ порахъ въ этомъ былъ только фактъ, а не юридическое отношеніе; и правительство только и вѣдалось съ этимъ, какъ съ фактомъ.

Къ срединѣ XVII столѣтія правительство подъ давленіемъ Собора признало по Уложенію необходимымъ снабдить юридической защитой всѣ эти факты: ибо забота правительства о служиломъ сословіи къ этому времени достигла наивысшаго напряженія. Вотчинное право, разработанное въ этомъ направленіи съ большими деталями, дало отчасти готовый матеріалъ для права помѣстнаго, по крайней мѣрѣ главная руководящая мысль наслѣдственнаго законодательства осталась одна и та же: и здѣсь все было построено на родѣ и на равноправности одинаковыхъ степеней родства. Сыновья получали поровну, а внуки ad stirpes: каждый нуженъ былъ для войны въ равной мѣрѣ. Въ этомъ же обычаѣ наслѣдованія въ Великороссіи лежитъ основной краеугольный камень и русской поземельной общины.

Но прежде чѣмъ окончательно сложилось это всеобщее правило, въ помѣстномъ правѣ наблюдаются серьезныя отступленія, въ концѣ концовъ

исчезнувшія. Во-первыхъ, отцовское помѣстье не все цѣликомъ отдавалось дѣтямъ. 13 ст. XVI гл. Уложенія такъ смотритъ на наслѣдованіе помѣстій: «выморочныя помѣстья московскихъ всякихъ чиновъ людей и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и иноземцевъ давати женамъ ихъ на прожитокъ и дѣтемъ по указу. А что у женъ за прожиткомъ и у дѣтей за дачами останется въ лишкѣ, и тѣ помѣстья отдавати въ родъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ. А будетъ въ которомъ роду безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ нѣтъ, и тѣ помѣстья отдавать въ чужіе роды московскихъ чиновъ московскимъ же людемъ ....кого государь пожалуетъ». Конечно, было бы крайне небережливо со стороны правительства держаться иныхъ правилъ; и въ самомъ дѣлѣ, при существованіи личнаго испомѣщенія, для сына присоединеніе отцовскаго помѣстья увеличило бы его дачу сверхъ оклада, коимъ былъ сынъ верстанъ, ибо дѣти какъ мы знаемъ верстались всегда ниже отцовъ своихъ и старшей братьи. Прямое наслѣдованіе помѣстій породило бы ненужную концентрацію помѣстныхъ земель и тѣмъ уменьшило бы земельный фондъ правительства, а съ другой стороны, увеличило бы контингентъ безпомѣстныхъ. Въ виду этого все, что оставалось «въ лишкѣ», поворачивалось въ пользу малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ. Въ этомъ правилѣ мы видимъ первыя проблески количественнаго поравненія земель, къ которому такъ часто прибѣгало русское правительство впослѣдствіи. По этому же правилу сынъ могъ получить изъ отцовскаго помѣстья не больше того, сколько онъ имѣлъ права по своему верстанью получить вообще и безъ всякаго наслѣдства. Другое дѣло жена-вдова и дочери-сироты. Въ то время какъ изъ родовыхъ вотчинъ вдова ничего не получала, изъ помѣстій ей обязательно выдѣлялась указная часть. Размѣръ этой части какъ для нея, такъ и для дочерей опредѣлялся обстоятельствами, сопровождавшими смерть испомѣщеннаго: если онъ умиралъ въ бою или отъ ранъ, жена-вдова получала со ста четвертей оклада, а не дѣйствительнаго помѣстья—двадцать четвертей, дочь—десять; если мужъ умиралъ въ походѣ—вдова получала 15 четв., если дома—10 четв. (дочь вдвое меньше) [1]). Правительство не могло не обезпечить вдовъ и сиротъ служилаго сословія и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ интересы сталкивались съ интересами сыновей умершаго, правительство выступало посредникомъ, брало подъ свое покровительство вдовыхъ и сирыхъ. На сей предметъ были установлены нѣкоторыя весьма существенныя правила. Такъ, по 58 ст., «если помѣстья отданы вдовамъ съ дѣтьми вопче, и тѣ вдовы учнутъ бити челомъ государю на дѣтей своихъ, что ихъ дѣти не кормятъ, и не почитаютъ, и

---

[1]) Изъ средняго выработалось право супруговъ на седьмую часть, до сихъ поръ называемую „указною частью“ вдовъ и вдовцовъ. Отсюда и $^1/_{14}$ часть дочерямъ при братьяхъ.

съ двора ихъ сбили... и потому ихъ челобитью вдовамъ изъ мужнихъ помѣстій давать на прожитокъ съ окладу мужей ихъ по указу отъ дѣтей ихъ *особно*». Если же роздѣляемое помѣстье окажется «малой дачи и съ мужня оклада на прожитокъ вдовѣ сполна дати будетъ неизчево, и такимъ вдовамъ съ дѣтями ихъ такія малыя помѣстья раздѣлити по жеребьямъ, по скольку кому достанется изверставъ живущее и пустое повытно по четвертямъ». По 57 ст. видно, что въ этихъ случаяхъ мать или мачиха съ дѣтьми получала «поровну», да кромѣ того къ раздѣлу привлекались и вотчины умершаго, съ обязательствомъ оставлять ихъ за дѣтьми, а не за вдовами. Ст. 56 касается пасынковъ и ихъ отношеній къ тѣмъ помѣстьямъ, съ которыми шли замужъ ихъ мачихи. Здѣсь интересы мачихи защищены меньше интересовъ матери: если у мачихи въ ея прежнемъ прожиточномъ помѣстьѣ оказывалось больше четвертей, чѣмъ слѣдовало ей въ указную часть съ оклада ея послѣдняго мужа, то излишекъ поворачивался въ пользу пасынковъ.

По ходу развитія мыслей въ XVI гл. Уложенія можно предположить, что законодателю было крайне трудно регулировать наслѣдственныя права женской половины служилаго сословія: пещись о вдовахъ и сиротахъ такъ любили московскіе цари, въ особенности царь Алексѣй, но пещись было не такъ-то легко: вотчинное право выработало на сей предметъ крайне суровыя правила; ихъ надо было смягчить, и такъ какъ кромѣ вотчинъ были помѣстья, то на нихъ-то и направило свое вниманіе царское правительство,— кстати оно, какъ собственникъ, имѣло на то полное право. Дурно ли, хорошо ли, но права женщинъ были регулированы довольно детально: это породило право иска, и женщины, конечно, не замедлили воспользоваться этимъ правомъ. Съ бытовой стороны это повело къ семейнымъ раздѣламъ, къ «дѣлу», какъ выражается Уложеніе, и по 55 ст. Уложенія женщинамъ отводился *особнякъ*, и передѣльная грамота давалась до трехъ разъ. Не даромъ и нынѣ, по мнѣнію однодворцевъ, «дѣльба начинается отъ бабъ». Въ этомъ есть доля исторической правды: братья по смерти отца подолгу могли владѣть отцовымъ помѣстьемъ сообща, не раздѣляясь; этому почасту содѣйствовало малолѣтство младшихъ членовъ и служебный абсентеизмъ старшихъ; но присутствіе мачихи или зятей, принятыхъ сестрами, порождало конечно семейныя смуты, влекущія за собой семейные раздѣлы. И московское правительство не воспрещало этихъ раздѣловъ, ибо понимало всю нелѣпость такого запрещенія, оно только регулировало права при раздѣлахъ и требовало, чтобы раздѣлы совершались справедливо «противъ дачъ, изверставъ живущее и пустое повытно по четвертямъ». Выраженіемъ *повытно* правительство требовало качественнаго уравненія почвы; ему было извѣстно, что черносошные, дворцовые и монастырскіе крестьяне въ своихъ общинныхъ разметахъ держатся образцовой разверстки земли по ея качеству:

тамъ на каждую выть доставались опредѣленные куски доброй, середней и худой земли въ равной мѣрѣ всѣмъ, безъ изъятія и безъ обиды. Этотъ порядокъ московскому правительству казался идеальнымъ, и оно логически связывало его съ существованіемъ выти, въ чемъ и не ошибалось. Правительству желательно было водворить этотъ идеалъ и въ помѣстныхъ отношеніяхъ; въ чемъ же было затрудненіе? Выть равна, но помѣстныя дачи неравны, значитъ, требуется еще другое уравненіе—количественное: «по дачамъ, по четвертямъ». Вотъ, гдѣ лежитъ первичный зародышъ четвертного права.

Итакъ, въ материнскую форму владѣнія осложнившаяся жизнь вноситъ два новыхъ, въ высшей степени важныхъ элемента, именно: 1) право наслѣдованія, 2) качественное и количественное уравненіе унаслѣдованныхъ земель и угодій. Весьма трудно съ достовѣрностью прослѣдить, какова была роль законодательства въ этомъ отношеніи. Мы не сомнѣваемся, что повытная разверстка у тяглыхъ людей создалась помимо вліянія правительства, но этого нельзя утверждать про помѣстное право. Кто были испомѣщенные? Служилые люди, болѣе или менѣе привыкшіе къ вотчинному праву. Надо ожидать, что при самопроизвольномъ развитіи это сословіе внесло бы иныя тенденціи въ наслѣдственное право, если бы не было сильнаго воздѣйствія со стороны правительства. Послѣднее смотрѣло на помѣстья, какъ на свою собственность, это было «государево жалованье», которое государь воленъ былъ поворачивать, какъ хотѣлъ. Для правительства не безразлично было, кому и какъ достанется помѣстье послѣ смерти испомѣщеннаго: вѣдь это не вотчина, въ коей собственники вольны. Несомнѣнно, что правительство только шло на встрѣчу желаній и представленій большинства о справедливости, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что правительство въ данномъ случаѣ шло впереди всѣхъ, ибо яснѣй всѣхъ понимало постулаты справедливости. И мы знаемъ, что съ ослабленіемъ этой правительственной энергіи самопроизвольное развитіе помѣстнаго права привело Россію совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Такимъ образомъ мы склонны допустить, что вліяніе правительства на выработку наслѣдственныхъ нормъ въ области помѣстнаго права было въ XVII вѣкѣ неотразимо, а самопроизвольное развитіе хотя и было слабо, но клонилось совсѣмъ въ противоположную сторону. Это всего яснѣй видно изъ 34 ст. XVI гл. Уложенія. По этой статьѣ извѣстно, что многосемейные помѣщики справляли помѣстья свои «за меньшими дѣтьми, а большихъ своихъ дѣтей писали въ отводѣ». Противъ этого проявленія личной воли, несовсѣмъ удобнаго для помѣстной политики, законъ даетъ право иска тѣмъ обиженнымъ братьямъ, за кѣмъ помѣстья «малой новой дачи»; если же новыя дачи большія, то отдать отцово помѣстье меньшимъ братьямъ. Достойно вниманія, что въ первомъ случаѣ въ раздѣлъ поступали и новыя дачи;

законъ требуетъ «отца ихъ помѣстье *смѣшавъ* съ новою ихъ дачею раздѣлить всѣмъ братьямъ поровну, изверставъ живущее и пустое повытно по четвертямъ, чтобъ никто ни отъ кого изобиженъ не былъ».

Какъ видно изъ этой же статьи, служилое сословіе стремилось къ самостоятельному распоряженію помѣстьями, къ произвольному награжденію однихъ дѣтей въ ущербъ другимъ. Правительство пресѣкло эти порывы: оно требовало равномѣрнаго раздѣла, но не наслѣдственной массы, а всего государева жалованья: «смѣшавъ новыя дачи съ отцовымъ помѣстьемъ». Почему оно не требовало такого смѣшенія дачъ, когда старшій сынъ былъ испомѣщенъ большой дачей? Это основывалось, конечно, на томъ соображеніи, что старшій сынъ уже успѣлъ заслужить себѣ много, и было бы несправедливо заставлять его дѣлиться съ какими-нибудь недорослями. Значитъ, только случаи перваго порядка создавали наслѣдственное право для дѣтей, личное же достаточное испомѣщеніе исключало ихъ изъ наслѣдства. Въ вотчинномъ правѣ такого исключенія не было, и сколько бы я не имѣлъ— дай мнѣ еще и то, что осталось послѣ моего наслѣдодателя.

Итакъ, наслѣдственное право претерпѣло существенныя видоизмѣненія, какъ только было перенесено изъ области вотчинныхъ правъ въ область права помѣстнаго. Всѣ эти новыя осложненія обусловливались проявленіемъ верховныхъ правъ на помѣстья со стороны московскихъ государей. Ко времени изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича выработка этихъ новыхъ нормъ, повидимому, закончилась, хотя мѣстами наблюдается сбивчивость юридическихъ представленій, если не у правительства, то по крайней мѣрѣ у населенія. Мы уже упоминали о грамотѣ, посланной корочанскому воеводѣ Доможирову. Другой примѣръ такой сбивчивости мы находимъ въ челобитной одного боярскаго сына Андрюшки Муромцева 1652 г. Въ своей челобитной онъ излагалъ, что «двоюроднаго его брата не стало, а послѣ него жены и дѣтей не осталось, а осталась его мать вдова Анна; а твоего царскаго жалованья, прародительскаго нашего помѣстья, за нимъ за двоюроднымъ моимъ братомъ 125 четвертей»... изъ коихъ за надѣленіемъ жалобщика съ братьями родными... «35 четей дано на прожитокъ ей, теткѣ нашей вдовѣ Аннѣ, и она не жалуючи насъ и не проча намъ того нашего прародительскаго помѣстейца... сдаетъ тотъ свой прожиточный жеребей мимо роду нашего въ чужой родъ, муромцу же Ногаю Нагаткину». Далѣе жалобщикъ перечисляетъ что, дѣдъ его, отецъ и дядя (мужъ Анны) съ того помѣстья царскую службу служили и въ бояхъ побиты, а въ заключеніе проситъ: «пожалуй меня холопа своего за службу, и за кровь, и за смерть родителей моихъ, что они побиты и померли на вашихъ государскихъ службахъ, не дай государь того нашего родственнаго и выслуженнаго помѣстейца справливать по сдаточной челобитной тетки нашей Анны за Нагаткинымъ, вели... самой владѣть, а послѣ ея смерти тѣмъ на-

шимъ родственнымъ помѣстейцемъ за кровь дѣда нашего и отца пожалуй меня холопа своего» [1])... На этой челобитной помѣта: «отказать: мать въ своемъ помѣстьи вольна». Правительство понимало, чьи права оно оберегаетъ: вѣдь эта тетка Анна—вдова Федора Муромцева, который подъ Смоленскомъ былъ раненъ и раненый былъ взятъ въ полонъ въ Литву, гдѣ и умеръ отъ раны. У него былъ сынъ, быть можетъ такой же храбрый воинъ, но его уже не стало, осталась только его мать, вдова Федорова, Анна. За что же давать ее въ обиду племянникамъ, которые уже мечтаютъ о ея смерти и хвалятся не своими службами, а службами дѣда, отца и дяди, того же Ѳедора Муромцева. Эти мотивы дворянской кичливости службою предковъ, а стало-быть, чужою службою, раздавались на Руси долгое время, раздаются и сейчасъ, но въ этихъ мотивахъ нѣтъ той справедливости, которая создаетъ юридическія нормы. Наоборотъ, здѣсь полный хаосъ юридическихъ представленій, такая сбивчивость понятій о своихъ заслугахъ, противъ которой нужна пытка Ивана Грознаго или палка Петра Великаго.

Возвращаясь къ изученію формъ помѣстнаго землевладѣнія, мы должны предупредить читателя, что въ дальнѣйшемъ изложеніи точныхъ хронологическихъ терминовъ относительно происходившихъ видоизмѣненій въ формахъ владѣнія нѣтъ возможности установить, хотя бы приблизительно. Возможно установить лишь извѣстную постепенность, извѣстную преемственность, извѣстную очередь, если это слово сюда подходитъ. И это понятно почему. Отдѣльныя помѣстья были раскинуты на громадномъ пространствѣ, разстояніе между ними было чисто русское: не было общей связи, не было даже густоты, которая могла бы содѣйствовать объединенію. Кромѣ того, помѣстья были всюду перемѣшаны съ вотчинами и съ тяглыми волостями. Чисто личныя владѣнія стояли въ строгой связи лишь съ личными качествами владѣльцевъ. А изъ нихъ одни за старостью сидѣли дома, другіе по молодости числились недорослями, третьи, полные силъ, были на службѣ. И самая служба была не для всѣхъ одинакова: одному она давала придачу, другому отписку помѣстья на государя. Помѣстья по распоряженіямъ государей находились въ значительномъ передвиженіи. И только уже тогда, когда наступало замиреніе края, начиналась правильная жизнь, но для разныхъ мѣстностей это послѣдовало въ разное время. Поэтому-то, если возможно установить хронологическую грань событія, то лишь для извѣстнаго, сравнительно небольшого района. Впрочемъ для нашего изслѣдованія этого пока и не требуется.

Раньше мы сказали, что въ материнскую форму отчасти правительственнымъ законодательствомъ, отчасти самопроизвольно былъ внесенъ все-

---

[1]) Акты, до юр. быт. он., т. III. № 369, стр. 478 и сл.

сильный элементъ въ видѣ качественнаго и количественнаго уравненій земель. Какъ они осуществлялись? Первое посредствомъ черезполосицы, второе— измѣреніемъ въ натурѣ. Разъ помѣстье первозаимщика или перводачника, что одно и то же, почему бы то ни было поступало въ раздѣлъ—раздѣлъ этотъ долженъ былъ быть произведенъ по справедливости, «чтобы никто ни отъ кого ничѣмъ изобиженъ не былъ». Для этого, по русскимъ представленіямъ, нужно разверстать какъ всѣ выгоды, такъ и невыгоды, представляемыя землей или угодьями. Библейское отношеніе къ землѣ: «если ты пойдешь направо, то я пойду налѣво» на Руси мы наблюдаемъ очень рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлявшіеся были очень многоземельны, чаще же приходится наблюдать римскіе пріемы, при чемъ дѣльщика не преторъ назначалъ, а сами раздѣляющіеся выбирали себѣ «третья» то есть третейскаго судью.

Большинство раздѣловъ конечно происходило полюбовно, и эта полюбовность укрѣпляла между раздѣляющимися ту родовую связь, которая внѣшнимъ образомъ на Руси и выразилась черезполосицей. Два брата, приступая къ раздѣлу отцовскаго помѣстья, взвѣшивали выгоды каждой отдѣльной части его, а частей такихъ всегда было много: во-первыхъ сама природа создавала ихъ, таковы естественныя различія между угодьями: пашней, сѣнокосомъ, лугомъ и, если хотите, абсолютнымъ лугомъ, лѣсомъ, дикимъ полемъ и проч.; во-вторыхъ, создавала ихъ культура: старопашье, новина, перелогъ, пожня, росчисть, ляда; въ-третьихъ, они обусловливались юридически, раздѣляясь на жилое и пустое, разумѣя подъ первымъ надѣлы тогдашнихъ крестьянъ; въ-четвертыхъ, не малую роль играло и тогда разстояніе угодій отъ мѣстожительства (отъ двора). Такимъ образомъ, каждый отдѣльный кусокъ во имя справедливости долженъ быть раздѣленъ на равныя части—вотъ это-то и называлось «изверстать повытно». Дѣлалось это по жеребью, ибо, какъ бы тщательно не были изверстаны, выравнены части помѣстья, нужна была посторонняя воля, которая рѣшила бы разъ навсегда, кому же гдѣ именно владѣть, кому какую часть взять. Жеребьевка (sors) помогала обходиться безъ посторонняго вмѣшательства и потому примѣнялась съ давнихъ поръ во всѣхъ такихъ случаяхъ. Въ результатѣ раздѣла получалась черезполосица и означалась она на тогдашнемъ языкѣ фигурально словами «черезъ межу, черезъ десятину, черезъ загонъ въ рядъ той деревни съ прочими помѣщики». Спрашивается, почему при той шири и глади и божьей благодати, какая была на Руси, русскіе люди дѣлили свои помѣстья не къ одной сторонѣ, а именно черезполосно? Неужели они не понимали выгодъ особняковъ, выгодъ участковаго владѣнія? Вотъ, подумаешь, непросвѣщенные мужики!

Да, представьте себѣ, что они были до того глупы, что не понимали выгодъ отдѣльныхъ участковъ, скажу даже больше, они бунтовали противъ

особняковъ, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ ошибочно захотѣлъ ввести подобіе участковой формы владѣнія. Мало того, я долженъ еще сказать, что они не только не понимали всей прелести того, что нынѣ почитается у многихъ идеаломъ, они считали этотъ идеалъ нелѣпою глупостью, обидной несправедливостью и большимъ хозяйственнымъ неудобствомъ, доводящимъ все хозяйствованіе до абсурда. Когда начинаешь изучать причины побуждавшія русскихъ XVII столѣтія держаться черезполосицы, то убѣждаешься на каждомъ шагу, что непросвѣщенные предки наши въ высшей степени разумно и справедливо разрѣшили массу затрудненій, съ которыми приверженцы участковаго владѣнія никогда не справятся.

Въ оправданіе этой мнимой глупости нашихъ предковъ я приглашу ителей, и въ особенности враждующихъ съ общинной пополосной разверсткой земель, сдѣлать со мной историческую экскурсію, для чего попрошу перенестись въ первую половину XVII столѣтія. Великороссія только-что оправилась послѣ разоренья безгосударнаго времени, она все еще воюетъ съ внѣшними врагами, и воюетъ неудачно, у ея дѣтей боярскихъ «заволоченныхъ съ службы да на службу» [1]) оставалось слишкомъ мало времени заниматься земледѣліемъ. Въ жалованныхъ ради службы помѣстьяхъ, громадныхъ по своему пространству, было, какъ мы знаемъ, ужъ слишкомъ мало культурной земли, но вѣдь она-то и представляла главную цѣнность. Дѣти первозаимщика и раздѣляли ее поровну. Далѣе, у первозаимщика могла быть за три, за четыре версты отъ двора новая роспашь, а распахать ее пришлось благодаря особенной мягкости почвы или по другимъ какимъ удобствамъ, напр., по безопасности отъ прихода воинскихъ людей. Нужно было, значитъ, и ее раздѣлить. Мнѣ скажутъ, да за чѣмъ все это? вѣдь съ конца XVI столѣтія въ Великороссіи повсюду было распространено трехполье, стало-быть, одному сыну можно было отдать одинъ клинъ, другому другой, третьему третій. Ну, а четвертому—если онъ случится? спрошу я на это. Неужели четвертаго согнать на новую роспашь, гдѣ, можетъ быть, и воды близко нѣтъ? А понимаютъ возражающіе, что значило въ тѣ глухія времена отселиться отъ деревни? Но кромѣ того я не отрицаю существованія и трехполья: по-моему, классическое выраженіе «двѣ чети въ полѣ, а въ дву потомужъ» въ первый разъ встрѣчается въ памятникахъ не XVI, а даже XV вѣка; я только попрошу вникнуть, что это за трехполье было въ XVII вѣкѣ? Разъ писалось «паханные пашни десять чети въ полѣ, а въ дву потомужъ» [2]), то это означало слишкомъ малое пространство, не болѣе шести десятинъ въ клину: все это было, конечно

---

[1]) Записки Шаховскаго Моск. Вѣст. 1830 г. ч. V стр. 65

[2]) Мы останавливаемся на десяти четвертяхъ на томъ основаніи, что на обжу приходилось это количество и съ этого количества обыкновенно прокармливалось больше, чѣмъ одна крестьянская семья. Писц. кн. XVI в. ст. II стр. 1542 и сл.

близъ двора, въ силу извѣстнаго закона ренты. Ничего подобнаго современному трехполью, при которомъ распаханы самыя плохенькіе бугорки и отвершки, въ XVII столѣтіи не было: за трехпольной пашней тянулся перелогъ или дикое поле, степь или лѣсъ-дуброва. Трехполье нужно было не для выпаса, какъ теперь, а ради выгодъ плодосмѣнной системы. Сѣялась рожь, а на Украйнѣ и пшеница, а по ржищу ярина, преимущественно овесъ, ибо овсомъ брались разные поборы, да и въ продовольствіи населенія овесъ игралъ тогда немалую роль. Клины дѣйствительно почасту находились далеко другъ отъ друга, на что указываютъ многія мѣста писцовыхъ, переписныхъ и отказныхъ книгъ. Тамъ часто писалось «сѣна межь поль и по заполью 30 копенъ». Но разбросанность полей говоритъ лишь о разнокачественности почвы, а оная побуждала нашихъ предковъ дѣлить каждый клинъ особо, а не дѣлать изъ клиновъ особняки.

Когда народонаселеніе увеличивалось, отчего возрастала потребность въ хлѣбѣ насущномъ, дѣти или внуки перводачника сообща избирали мѣсто удобное для новой распашки. Выбиралось оно «въ своихъ граняхъ и межахъ» то-есть не выходило за предѣлы отцова помѣстья. Раздѣлялось же оно поровну или опять-таки противъ-дачъ, ибо возможно допустить въ силу вышеизложенныхъ правилъ наслѣдованія, что у дѣтей первозаимщика дачи случались и неравныя. Мало того, къ такому же взаимному соглашенію волей-неволей должны были придти и чужеродцы, имѣвшіе общее помѣстье. Это могло быть и дѣйствительно было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ помѣстье давалось полсела, полдеревни, треть, жеребей деревни и т. д. Здѣсь дачи чаще всего были различны по величинѣ, ergo количественное уравненіе требовалось при установленіи эксплуатаціи новыхъ мѣстъ. Объ этихъ осложненіяхъ мы скажемъ впослѣдствіи, теперь же упомянули о нихъ за тѣмъ, чтобы понятнѣй представилась 60 ст. XVI гл. Уложенія, пройти молчаніемъ которую мы не должны. Дѣло въ томъ, что одна изъ раздѣлившихся семей, или одинъ изъ совладѣльцевъ общаго помѣстья имѣлъ полную возможность безъ соглашенія, безъ уговора, даже безъ вѣдома своихъ сосѣдей-совладѣльцевъ «росчистить въ угодныхъ лѣсахъ земли и полянки на пашню и на сѣнные покосы въ своихъ межахъ и дачахъ». Здѣсь дѣйствительно будетъ захватная форма владѣнія, но чтобы законъ призналъ правомѣрность такого захвата, распахавшіе обыкновенно подавали челобитье, и «по ихъ челобитью и по сыску тѣ новораспашныя земли, и полянки, и лѣса за четвертную пашню имъ будутъ даны». Однако же вѣроятно часто случалось, что росчисти производились не въ своихъ межахъ, а чаще всего въ общихъ въѣзжихъ лѣсахъ. Противъ такого захвата законъ давалъ право иска всѣмъ совладѣльцамъ. Въ своихъ челобитьяхъ они писали: «тѣ де лѣса даны имъ всѣмъ къ помѣстьямъ и къ вотчинамъ ихъ въ угодья, и въѣзжаютъ де они въ тѣ лѣса всѣ вопче, и въ писцо-

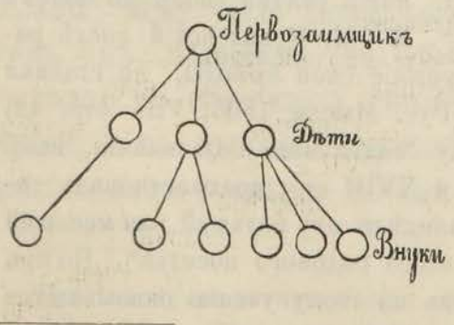
выхъ де книгахъ про тѣ опчіе лѣса описано»... и если сыщется допрямо «что прежніе челобитчики земли взяли въ опчихъ лѣсахъ въ угодьяхъ ложью: и у нихъ тѣ земли изъ дачъ поворотити, а быти тѣмъ землямъ за всѣми помѣщики и вотчинники вопче». Этотъ случай съ поразительной ясностью свидѣтельствуетъ о той опасности, которой подвергался каждый, кто не спросясь со своими совладѣльцами, вздумалъ бы произвести распашку дикаго поля или расчистку лѣса. Вѣдь то, что для перводачника было, какъ нынѣ говорятъ, «единственнымъ владѣніемъ», со дня его смерти для его наслѣдниковъ, если они раздѣлились уже дворами, становилось владѣніемъ общимъ. За семейнымъ раздѣломъ слѣдовалъ раздѣлъ пашни и можетъ-быть сѣнокосныхъ полянъ, прочія же угодья оставались нераздѣльными: въ ихъ раздѣлѣ до поры до времени не было никакой разумной цѣли. Стало быть, захватъ со стороны одного брата давалъ по силѣ 60 статьи право иска другимъ братьямъ, а равно и тѣмъ, кому давалось тутъ же на прожитокъ. Такимъ образомъ возникновеніе черезполосицы вызывало возникновеніе договорнаго начала въ общинномъ смыслѣ. «Дикое поле отцова помѣстья въ равной мѣрѣ принадлежитъ и тебѣ и мнѣ, говорилъ братъ брату: ты бездѣтенъ, но я семьянистъ, мнѣ не хватаетъ старопашья на прокормленіе, давай раздѣлимъ вотъ этотъ паекъ; если тебѣ нѣтъ надобности его распахивать, пусть лежитъ впустѣ, а я свою часть распашу [1]): мнѣ стало ѣсть нечего». Братъ долженъ былъ или согласиться на жеребьевку, или просто махнуть рукой—«паши гдѣ хочешь». Въ послѣднемъ случаѣ устанавливался захватный способъ, слѣды котораго наблюдаются и поднесь, но неформальное дозволеніе брата часто влекло за собой впослѣдствіи принудительный раздѣлъ такихъ новораспашныхъ земель, и тогда трудовое начало уступало мѣсто юридической волѣ, быть можетъ, умышленно неоформленной. Обусловленное такимъ поравненіемъ расширеніе культурной площади, кромѣ необходимой въ хозяйственномъ и въ юридическомъ отношеніи черезполосицы, вызывало къ существованію такъ называемую поярусную разверстку пахатныхъ земель. Старопашье представляло первый ярусъ, новораспашная земля дѣтей являлась уже вторымъ ярусомъ (подѣломъ, помѣромъ, пометомъ, столбомъ, жеребьемъ, паемъ, волокомъ, и проч.); затѣмъ внуки распахали въ третьемъ мѣстѣ, правнуки въ четвертомъ и т. д. У однодворцевъ, незнавшихъ спеціальнаго размеживанія, мы обыкновенно и теперь наталкиваемся на цѣлые десятки такихъ ярусовъ; живы еще старики, на памяти которыхъ распаханы послѣдніе помѣры, «наконечнички». Поярусная разверстка помѣстныхъ земель слагалась постепенно, по мѣрѣ увеличенія надобности въ пахатной землѣ; этимъ она отличается отъ поярусной разверстки нынѣшнихъ ду-

---

[1]) Это также могло создавать „сѣна *между поль* столько-то копенъ“.

шевыхъ земель, гдѣ она устанавливается сразу, такъ какъ нужна для облегченія технической стороны общихъ передѣловъ. Но не надо далеко проводить этого различія: и исконнородовая поярусная разверстка однодворцевъ преслѣдовала все тѣ же хозяйственныя цѣли; и при ней принималось вовниманіе и разстояніе отъ селенія, и разнокачественность почвы; вся разница сводится только къ тому, что однодворцы разверстывали свою землю постепенно, такъ сказать, изъ года въ годъ, по мѣрѣ надобности, а душевые владѣльцы разверстываютъ ее (нынѣ) сразу, въ годъ общаго передѣла.

Итакъ, до чего же доразвилась материнская форма помѣстнаго владѣнія къ концу XVII столѣтія? Правнуки, а въ опасныхъ, недавно заселенныхъ мѣстахъ, только внуки первозаимщика жили въ деревнѣ въ дѣдовскомъ помѣстьѣ нѣсколькими дворами, но эти дворы, происходившіе отъ одного двора, носили одную общую фамилію, это были однодворцы; только въ рѣдкихъ случаяхъ попадалась иная фамилія—это былъ зять, приставшій на дочь или внучку перводачника, или на его вдову, мать или мачиху однодворцевъ. Большинство угодій находится въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи, но пашня подѣлена пополосно во всѣхъ клинахъ и во всѣхъ ярусахъ, и каждый дворъ имѣетъ въ каждомъ мѣстѣ пропорціональной величины полосу. Если всмотримся въ размѣръ полосъ, то замѣтимъ между ними нѣкоторую *парность* [1]): всегда большей полосѣ соотвѣтствуетъ нѣсколько меньшихъ, въ суммѣ своей равныхъ первой. Происходитъ это отъ того, что земля идетъ по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, слѣдовательно, разверстка пахоти можетъ быть уподоблена родословной: это есть грамота неписанная, но каждому однодворцу понятная. Если у первозаимщика было три сына, то каждый ярусъ первоначально былъ раздѣленъ на три равныхъ части; но у сыновьевъ его были различныя семьи, положимъ: 1) одинъ сынъ, 2) два и 3) три. Отсюда понятно, что одинъ внукъ будетъ владѣть цѣлой полосой своего отца, два другихъ по половинѣ, а остальные трое по третьей части. Графически это изображается подобно родословной, по коей однодворцы иногда и производятъ разверстку.



Дѣдовщина.

Отцовщина.			Отцовщина.		
Внукъ.	Отцовщина.				
	Внукъ.	Внукъ.	Вн.	Вн.	Вн.

[1]) И это выраженіе заимствуемъ у г-жи Ефименко.

Чѣмъ опредѣляется размѣръ полосы каждаго такого домохозяина?

Прежде, подъ вліяніемъ теоріи М. М. Ковалевскаго, я утверждалъ, что размѣръ полосы опредѣляется близостью родства къ первозаимщику (родоначальнику) [1]). Но по чертежу мы видимъ, что внуки, находящіеся къ своему дѣду въ одинаковой близости родства, могутъ владѣть полосами въ три раза и даже въ шесть разъ большими, если у одного изъ дядей было шестеро сыновей. Затѣмъ, для каждаго поколѣнія существуетъ средній возрастъ, который дастъ возможность утверждать, что въ данный моментъ всѣ однолѣтки находятся почти въ одинаковой степени близости къ родоначальнику. Такимъ образомъ, размѣръ полосъ опредѣляется не близостью родства, а лишь *плодовитостью отдѣльныхъ линій рода. Чѣмъ линія плодовитѣй, тѣмъ полосы ея членовъ мельче, и наоборотъ.* Широкодачники—это потомки туго плодившихся линій; малоземельные, наоборотъ—произошли отъ наиболѣе плодовитыхъ линій. Пропорціональность устанавливается въ натурѣ сама собой—о ней не заботятся всѣ совладѣльцы: братья дѣлятъ отцовскую полосу пополамъ, если ихъ двое, или по третьёмъ, если ихъ трое, и т. д., жеребей указываетъ, кому какую полосу взять, и тѣмъ дѣло кончается. Совсѣмъ иначе происходитъ разверстка, если раздѣлу подлежитъ новый пай изъ дикаго поля или изъ-подъ лѣса. Здѣсь участвуетъ вся деревня, всѣ однодворцы міромъ: въ этомъ случаѣ нужно доказать не столько степень родства къ родоначальнику, сколько плодовитость своей линіи. Здѣсь каждый дворъ вспоминалъ, съ кѣмъ онъ «половинщикъ» (парность полосъ), или отъ какого дѣда онъ происходитъ. Сомнительные случаи разрѣшала сама земля: достаточно было измѣрить старую полосу, да спросить, чья сбоку, чтобы отыскать и степень родства, и плодовитость линіи.

Техника разверстки назначенныхъ къ распашкѣ земель въ родовыхъ общинахъ однодворцевъ вырабатывалась различно: въ однихъ деревняхъ держались родословной, въ другихъ установивъ количество четвертей за каждымъ дворомъ, метали жеребей, отмѣряя извѣстное число сажень на четверть владѣнія каждаго; въ третьихъ разбивались на „дѣдовщины“ или

---

[1]) Юрид. Вѣстн. 1887 г., № 8, стр. 251 и сл. наша статья подъ заглавіемъ „Не родовая ли община у четвертныхъ владѣльцевъ“. М. М. Ковалевскій послѣ работъ земскихъ статистиковъ нѣсколько исправилъ прежніе свои выводы, но главная его ошибка остается все еще въ силѣ. Недавно еще (Рус. Мысль, 1896, VII, стр. 42) М. М. Ковалевскій напечаталъ слѣдующее: „Періоду захватнаго пользованія, какъ показалъ примѣръ архангельскихъ крестьянъ XVII и XVIII ст., предшествовалъ такой, когда доля каждаго двора въ общихъ поляхъ зависѣла отъ большей или меньшей близости его крови съ семьею, послужившей корнемъ всего родового поселка“...Но при чемъ тутъ близость крови: родные внуки перводачника по этому ученію оказываются въ разныхъ степеняхъ родства, если ихъ доли неравны! Пора бы отказаться отъ этой теоріи ея творцу, послѣдователи его давно отъ нея отказались.

„родины“ подобно тому, какъ при душевомъ владѣніи разбиваются на сотни, осьмаки, выти; въ четвертыхъ наконецъ распредѣлялись по фамиліямъ, если фамилій было нѣсколько [1]).

Мы все время старались говоритъ о такихъ случаяхъ, когда помѣстье принадлежало въ извѣстныхъ межахъ и граняхъ цѣликомъ одному перводачнику, а по смерти его доставалось его дѣтямъ — однофамильцамъ. Это весьма распространенный типъ однодворческихъ помѣстій: даже поднесь можно встрѣтить цѣлую деревню, заселенную сплошь однофамильцами. Но нерѣдки и тѣ случаи, когда въ одномъ селеніи испомѣщалось нѣсколько отдѣльныхъ фамилій [2]).

До рѣки Семи въ сѣверной части Курской губерніи и до р. Сосны по Елецкому и Ливенскому уѣздамъ Орловской губерніи не мало деревень такъ сказать, разнофамильныхъ: одинъ перводачникъ, наприм., былъ испомѣщенъ ста четвертями, а два другихъ по 120 четвертей. Встрѣчается по шести-семи фамилій въ одной деревнѣ съ разными или одинаковыми дачами. Надо сказать, что этотъ типъ можно назвать сѣвернымъ, тогда какъ южный за р. Семью и за р. Сосной уже отличался, какъ увидимъ, другими признаками.

При испомѣщеніи нѣсколькихъ лицъ въ одномъ помѣстьѣ, наблюдалось осложненіе материнской формы владѣнія: эта форма сразу должна была претерпѣть сильное воздѣйствіе со стороны совладѣльцевъ. Каждый изъ нихъ предъявлялъ свое право на извѣстную часть помѣстья. Такимъ образомъ, изъ исторіи этихъ общинъ какъ бы вычеркивалась первая страница о первобытномъ материнскомъ владѣніи. И не то чтобы его не было, но существованіе его равнялось неуловимому моменту. Три-четыре лица, не связанныя ничѣмъ, попадали на общее помѣстье; это чаще всего случалось при отводахъ помѣстій царскимъ посланнымъ. Онъ спрашивалъ у служилыхъ людей, кто желаетъ получить вотъ здѣсь около г. Венева; «я», отвѣчалъ *кто либо*, „а верстанъ я въ 200 четвертей и служу по городу Веневу“. Отмѣривалось 200 четвертей и записывалось въ „строельныя книги“, но отводчикъ видѣлъ, что остается еще много порожей земли. Кто еще желаетъ, кто подавалъ челобитье? И опять кто-либо заявлялъ желаніе, кому было любо, кому понравилось предлагаемое помѣстье; верстанъ онъ, положимъ, въ 150 четвертей и т. д. Наконецъ, послѣднему не хватило „въ его окладъ сполна“, и вотъ ему отводятъ здѣсь на 180 четвертей, а въ сосѣдней пустоши еще 20. Въ результатѣ испомѣщалось нѣсколько лицъ разными дачами. Они строили дворы, селили крестьянъ, если

---

[1]) Нѣкоторыя детали можно найти въ статьѣ И. Вернера о четвертномъ землевладѣніи. Стат. Сборн. по Кур. уѣзду. Курскъ, 1882 г.

[2]) См. ниже въ главѣ объ однодворческихъ фамиліяхъ.

оныхъ еще не было, заставляли ихъ распахивать дикое поле, брали: съ нихъ оброки и дани, а сами чаще всего и не жили здѣсь, продолжая государеву службу. Рано или поздно, если не сами помѣщики, то ихъ крестьяне должны же были разверстать, по крайней мѣрѣ пахоть общаго помѣстья. Захватный способъ могъ держаться не долго: каждый испомѣщенный старался осуществить свое право на помѣстье въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ ему за службу „государемъ пожаловано“. Во всѣхъ спорахъ, если разверстаніе не улаживалось полюбовно, совладѣльцамъ законъ указывалъ одинъ путь: „изверставъ живущее и пустое повытно, раздѣлить противъ дачъ, по четвертямъ“. Четверть въ данномъ случаѣ была *единицей измѣренія той идеальной доли помѣстья, которая принадлежала каждому по дачѣ*. Часто правительство предупреждало возникновеніе споровъ и ради сего въ отказныхъ грамотахъ детально указывало способъ разверстки не только пашни, но и другихъ угодій. Въ строельной книгѣ Козловскаго уѣзда 1635—37 г.г. мы въ каждой записи читаемъ: „а пашня ему пахать и сѣно косить въ деревнѣ Стаевѣ съ помѣщики *черезъ десятину* и всякими угодьи владѣть по своей *дачѣ*, а въ большой лѣсъ въѣзжати ему съ городскими и уѣздными людми вопче“ [1]). Въ выписи съ отказныхъ книгъ отъ 15 іюля 1682 года мы, между прочимъ, читаемъ „пашня столника Ѳедора Кузмина людемъ его и крестьяномъ въ томъ помѣстьи (Ряжскаго у.) пахать черезъ десятину, *не выборомъ*, повытно по четьямъ, по своимъ дачамъ, и сѣно косить межъ поль и по заполью, и по дикому полю, и по дубровамъ, и по рѣчкамъ, и по ржавцамъ, съ помѣщики *вопче*“ [2])... Въ отказной на промѣнное помѣстье 1685 года можно прочесть такое заключеніе: „И по указу великихъ государей и по сей выписи ему Трафиму тѣмъ вышеписаннымъ Федоровымъ мѣновнымъ помѣстьемъ Толмачева владѣть, пашня пахать, сѣно косить и лѣсъ хоромной и дровяной сѣчь, и всякими угодьи владѣть вопче съ помѣщики противъ своихъ дачъ» [3]), то-есть пропорціонально этимъ дачамъ.

Итакъ, вслѣдъ за возникновеніемъ деревни въ сложныхъ разнофамильныхъ, а не однофамильныхъ помѣстьяхъ, совладѣльцы устанавливали такую же форму владѣнія, какую мы видимъ у дѣтей перводачника, то-есть каждый ярусъ въ каждомъ полѣ раздѣлялся между всѣми совладѣльцами, и ширина полосъ опредѣлялась пока не плодовитостью линій рода, а дачей испомѣщеннаго. Слѣдовательно, при самомъ возникновеніи деревни устанавливалась извѣстная юридическая связь. Съ теченіемъ времени, когда кто-либо изъ перводачниковъ умиралъ, дѣти его раздѣляли отцовскія полосы поровну, а затѣмъ по отношенію къ раздѣляющимся выплывало неумолимое

---

[1]) Акты, до юр. быт. отн.; т. II, № 144, стр. 310 и сл.

[2]) Ibid., т. I, № 15, стр. 38. [3]) Ibid., стр. 40.

правило: *чѣмъ линія плодовитѣй, тѣмъ у́же полоса пахоти.* Въ то время какъ въ однофамильныхъ помѣстьяхъ всѣ вновь образовавшіеся дворы были связаны кровнымъ родствомъ, и то, что они собою представляли, можно безъ оговорокъ назвать родовою общиною,—въ помѣстьяхъ, занятыхъ сразу нѣсколькими заимщиками, новообразовавшіеся дворы только отчасти были родственными, но въ общемъ ихъ связывало между собою единство владѣнія общимъ, хотя и раздѣленнымъ на дворы помѣстьемъ. Правда, каждая фамилія въ предѣлахъ своего жеребья по структурѣ землевладѣнія представляла также семейно-родовую общину, но была болѣе общая связь, охватывавшая всѣ эти фамиліи, всю деревню. Эта объединяющая связь выражалась въ полюбовномъ установленіи пополосности, поярусности разверстки пахотныхъ земель и отчасти другихъ угодій. Очевидно, это уже была община, но какая? Назвать ее родовою общиною никакъ нельзя ибо въ ней нѣтъ единства происхожденія отъ одного родоначальника, назвать же ее сосѣдскою значитъ внести новую путаницу, ибо подъ этимъ названіемъ всѣ привыкли разумѣть душевую общину съ равновеликими надѣлами и общими передѣлами. Несмотря на то, что изученіе общины значительно подвинулось впередъ за послѣднее время, мы до сихъ поръ не выработали себѣ точной терминологіи: мы все еще держимся чуть не тѣхъ терминовъ, кои въ шестидесятыхъ годахъ употреблялись Чернышевскимъ. Благодаря сбивчивости терминологіи, каждый рискуетъ быть непонятымъ. Во избѣжаніе такой непріятности, мы даемъ здѣсь свое опредѣленіе поземельной общины. Община, по нашему крайнему разумѣнію, есть *такая форма общежитія, при которой группа семей связана между собою единствомъ юридическаго основанія своего землевладѣнія.* Это опредѣленіе не даетъ повода смѣшивать простыхъ совладѣльцевъ общей дачи: ибо бояринъ владѣетъ своей вотчиной на одномъ основаніи, церковники церковной землей на другомъ, крестьянинъ еще на иномъ, а его захребетникъ и подавно. Но въ каждой дачѣ мы можемъ натолкнуться на цѣлую группу совладѣльцевъ, у коихъ основаніе владѣнія будетъ *единымъ*: таковы одно-дворцы, происшедшіе отъ одного родоначальника, таковы тяглые крестьяне, несущіе одинаковое за землю тягло, стрѣльцы, испомѣщенные одной жалованной грамотой, и даже ссыльные, водворенные на казенномъ участкѣ. Разъ есть единое юридическое основаніе владѣнія, стало-быть, есть и община и отъ состава этого основанія будетъ уже зависѣть дальнѣйшее опредѣленіе на вопросъ, какая же именно это община? Думаютъ, что община понятіе экономическое, и оттого часто впадаютъ въ жестокія ошибки. Община же представляетъ чисто юридическое понятіе подобно артели — вѣдь и артель есть ничто иное, какъ тоже форма общежитія, при коей группа отдѣльныхъ рабочихъ лицъ связана между собою единствомъ юридическаго (а не хозяйственнаго) основанія задуманнаго предпріятія. Въ общинѣ для

всѣхъ общею цѣлью является обладаніе землей, въ артели—осуществленіе предпріятія: а тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ цѣлью, мы вступаемъ въ область права.

Здѣсь же нужно указать на нѣкое несовершенство нашего языка. Слово община употребляется и для обозначенія формы извѣстныхъ правоотношеній, и для обозначенія субъекта правъ, осуществляющаго свои права по этой своеобразной формѣ. Принимая это важное обстоятельство во вниманіе, мы должны добавить наше опредѣленіе слѣдующимъ: *община* есть *такой субъектъ права, который при единствѣ юридическаго основанія своего владѣнія распоряжается своею землею самостоятельно, по молчаливому или ясно выраженному согласію большинства отдѣльныхъ семей, тотъ субъектъ составляющихъ*. Отсюда будутъ понятны выраженія: община передѣлила землю, община заплатила недоимку, составила приговоръ. Очевидно, форма общежитія всего этого дѣлать не можетъ.

Но помимо цѣлевой связи у общины необходимо должна быть и связь причинная: нужна наличность единаго происхожденія членовъ общины, отъ воли ихъ независящая. Въ этомъ кроется различіе общины отъ общества. Въ члены акціонернаго общества можетъ вступить каждый, кто пожелаетъ, но членомъ поземельной общины надо родиться; и если со временемъ наблюдаются факты свободнаго вступленія новыхъ членовъ въ общину, то всѣ они подводятся подъ фикцію усыновленія или обусловлены особымъ договоромъ. Имѣя въ виду вышеизложенное мы слѣдовательно, должны разсмотрѣть, было ли единство юридическаго основанія у разнофамильцевъ одного помѣстья и, если было, то въ чемъ собственно оно заключалось, дабы возможно было отвѣтить на поставленный выше вопросъ.

Мы уже сказали, что владѣніе помѣстьемъ у разнофамильцевъ осуществлялось пропорціонально пожалованной каждому дачѣ. Дача измѣрялась четвертями. Не касаясь пока самой процедуры измѣренія, мы должны указать здѣсь на то, что законодательство защищало права испомѣщенныхъ лишь въ размѣрѣ испомѣщенія, которое выражалось извѣстнымъ количествомъ четвертей [1]). Здѣсь впервые слагалось понятіе о четвертномъ правѣ, и какъ оно формулировалось дѣйствовавшимъ тогда законодательствомъ, мы уже знаемъ: каждый «передѣлъ» и «раздѣлъ» помѣстья законъ требовалъ производить «противъ дачъ, по четвертямъ». Эта-то четвертная дача служила юридическимъ основаніемъ владѣнія помѣстьемъ. Но вѣдь тутъ до единства этого основанія еще далеко: вѣдь правительство испомѣщало каждаго отдѣльно за его личную службу. Вотъ тутъ-то и выступалъ въ качествѣ дѣятельнаго фактора договоръ между совладѣльцами и договоръ этотъ чаще всего бывалъ молчаливымъ. Правительство само рекомендовало

---

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ было до извѣстн. указ. Ѳеодора Алексѣевича.

его: въ 1638 году Михаилъ Ѳеодоровичъ, пожаловавъ двумъ племянникамъ, не роднымъ братьямъ Локтіевымъ, дядино помѣстье въ 327 четвертей; послалъ Хрущова на мѣсто въ Бѣлозерскій уѣздъ, съ тѣмъ, чтобы онъ отвелъ одному 218 четвертей безъ осмины, а другому 110 безъ осмины, а въ грамотѣ данной Хрущеву было написано: «а раздѣлити имъ то помѣстье живущее и пустое велѣно самимъ межъ собою полюбовно». И ужъ это ихъ дѣло было, что они «какъ межъ себя договорились», такъ и раздѣлили дядино помѣстье не черезъ десятину, а пустошами. Въ тѣхъ же случаяхъ когда раздѣлъ не составлялся полюбовно—законъ требовалъ, какъ мы знаемъ, повытной разверстки, «черезъ десятину», а не выборомъ.

Договоръ совладѣльцевъ обусловливался сознаніемъ, пониманіемъ хозяйственныхъ выгодъ поярусной, пополосной разверстки пахотныхъ земель. Выгоды эти все тѣ же, что и теперь. Важнѣйшія изъ нихъ: меньшая опасность отъ градобитій, ибо давно замѣчено, что градъ проходитъ узкой полосой, такъ что, зацѣпивъ одну дѣлянку, онъ пощадитъ другую и сталобыть черезполосица чаще спасаетъ отъ голодной смерти при несчастныхъ случаяхъ. И затѣмъ, то сельскохозяйственное наблюденіе, что не каждый годъ извѣстная полоса родитъ одинаково, почему при неурожаѣ одной полосы, другая можетъ обезпечить продовольствіе цѣлой семьи (уравненіе рисковъ неурожая). Наконецъ, разстояніе полосъ отъ двора и разнокачественность почвы вообще. Про луга и сѣнокосы говорить нечего, ибо урожай травъ подверженъ еще большимъ колебаніямъ: прямой расчетъ, особенно при обиліи покосовъ въ XVII вѣкѣ, заставлялъ косить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ данный годъ родило сильнѣе, а такъ какъ на такія мѣста кинулись бы всѣ съ равной поспѣшностью, то имъ ничего не оставалось больше, какъ полюбовно раздѣлить, разверстать между собою и это угодье. Затѣмъ, частью по обычаю, частью по характернымъ особенностямъ объекта, лѣсомъ пользовались сообща и не только совладѣльцы одного помѣстья, а часто владѣльцы всѣхъ окружныхъ деревень и селъ. Въ этомъ отношеніи они составляли особую, всѣхъ охватывающую общину: «*вопче* съ уѣздными людьми» и назывались «въѣзжими лѣсами». Такимъ образомъ самый простой и весьма корыстный сельскохозяйственный расчетъ побуждалъ ничѣмъ несвязанныхъ личныхъ владѣльцевъ вступить въ союзъ, который такъ или иначе накладывалъ на сочленовъ своихъ нѣкоторыя узы. Мы не упоминаемъ уже о выгодахъ и связяхъ простого сосѣдства: иной сосѣдъ могъ быть хуже татарина, и нечего здѣсь искать какой-либо связующей идилліи. Не было здѣсь и «стадныхъ соединеній цѣлыхъ группъ индивидуумовъ разнаго пола, ведущихъ хозяйство сообща» [1]), какъ допускаетъ М. М. Ковалевскій.

Итакъ, хозяйственный интересъ побуждалъ вступить въ договоръ, сло-

[1]) М. М. Ковалевскій. Общинн. Землевладѣніе, стр. 4.

весный или молчаливый—это безразлично, ибо юридическая воля лица выражалась одинаково ясно. Договоръ этотъ объединялъ однодачниковъ и придавалъ юридическому основанію ихъ владѣнія полное единство. Такъ какъ никто изъ вступавшихъ въ такой договоръ не отказывался отъ своего публичнаго права, давшаго ему испомѣщеніе въ извѣстномъ числѣ четвертей, то вся сила договора зиждилась на обоюдномъ признаніи размѣровъ этого права. Это право дано было свыше и защищалось также свыше: формально оно опредѣлялось извѣстнымъ количествомъ четвертей (дачей) и реальнымъ обладаніемъ четвертной пашни, чаще всего неопредѣленнаго, или неточно опредѣленнаго въ натурѣ размѣра четвертей. Это и было четвертнымъ правомъ XVII вѣка. Такимъ образомъ, общину, у которой юридическое основаніе покоится на четвертномъ правѣ испомѣщеннаго, мы должны назвать въ отличіе отъ другихъ видовъ—«четвертною общиною»; всякое же другое названіе поведетъ къ лишней путаницѣ.

Но я уже слышу возраженія... меня уже упрекаютъ въ противорѣчіи и самому себѣ и историческимъ неоспоримимъ документамъ. Въ числѣ послѣднихъ, кромѣ помянутой уже мною раздѣльной братьевъ Локтіевыхъ есть и покрупнѣй факты. Дабы облегчить трудъ моихъ оппонентовъ, я укажу имъ на самый рѣзкій случай, именно на договорную запись между помѣщиками деревни Роговой о размежеваніи черезполосной земли [1]). Въ этой записи шесть человѣкъ четырехъ разныхъ фамилій, утвердивъ совершенный уже раздѣлъ двора помѣщичьяго и дворовъ крестьянскихъ, прибавляютъ: «а въ поляхъ пашня, и сѣнные покосы, и лѣсъ въ деревнѣ Роговой и въ пустошахъ не дѣлено, *владѣемъ черезъ межу и черезъ загонъ*. И мы, пишется дальше, поговоря промежъ собою полюбовно, приговорили заряжить третьяго [2]) В. В. Глѣбова на томъ, чтобъ намъ съѣхаться въ то свое помѣстье въ нынѣшнемъ 1632 г. (къ такому-то сроку) и передъ тѣмъ третьимъ своимъ въ дву поляхъ, въ яровомъ да въ паренинѣ, земля и луги и лѣсъ пашенной, который пригодится въ пашню, раздѣлить, а третье поле ржаное дѣлить въ 1633 году, сымя хлѣбъ; а дѣлить намъ земля, и луги, и лѣсъ всякое поле сряду съ-одного *столбами, а не загонами*, по дачамъ, кому что государева жалованья дано, изверставъ въ поляхъ намъ земля и луги и лѣсъ противъ дачъ и учинить межи и учиня межи на межахъ ямы покопать, и грани потесать, и всякіе признаки учинить, и кинуть передъ третьимъ своимъ жеребей, кому гдѣ достанется земля и луги и лѣсъ съ жеребья»... Прежде всего могли быть такія обстоятельства, ко-

---

[1]) Акты, до ист. б. отн. т. I, № 112, стр. 694 и сл.

[2]) Отсюда видно, что институтъ третейскаго суда установился гораздо ранѣе его офиціальнаго признанія по 5 ст., XV гл. Улож. ц. Алексѣя. Въ судебникѣ Грознаго нѣтъ третейскаго суда.

торыя заставляли совладѣльцевъ общаго помѣстья съ выгодой разойтись; къ числу такихъ обстоятельствъ, какъ мы уже упоминали относится многоземелье: здѣсь оно на лицо «д. Рогова съ пустошами»; на лицо оно и у Локтіевыхъ — 327 четей. Подъ многоземельемъ надо понимать всю совокупность удобной земли, не только роспаши, но даже и того, что изъподъ лѣса «пригодится въ пашню». Разрушая свою общину, помянутые шесть помѣщиковъ стараются отдѣлаться отъ черезполосицы, но какъ они хотятъ достигнуть этого? Они владѣли черезъ межу, черезъ загонъ—теперь имъ хочется владѣть сряду столбами, а не загонами. Какая же разница? Конечно, если понимать подъ выраженіями «сряду столбами» — особняки спеціальнаго размежеванія, то желаніе раздѣляющихся понятно. Однако я боюсь такъ понимать... Столбомъ и поднесь называется широкая полоса въ отличіе отъ загона, то-есть болѣе узкой полосы. Затѣмъ, что это значитъ, два поля собираются раздѣлить въ нынѣшнемъ году, а третье въ будущемъ [1]), снявши хлѣбъ? Значитъ въ третьемъ полѣ будутъ надѣлены всѣ участники, иначе какъ же бросать жеребей въ нынѣшнемъ году. Это даетъ мнѣ основаніе заключать, что и первыя два поля будутъ раздѣлены каждый особо—хотя и столбами. А разъ приходится допустить, что хотя бы одинъ клинъ былъ разбитъ на столбы особо, то уничтожится ли черезполосица, сколько бы ни копали ямъ и ни ставили признаковъ? Ясное дѣло, что вся сила здѣсь не въ раздѣлѣ на особняки, а въ новой переверстѣ. Прежняя дробная разверстка черезъ межу, черезъ загонъ убыточна: благодаря многоземелью есть полная возможность разверстать землю на болѣе крупные куски, столбы. Очень можетъ быть, что для этого придется кое-гдѣ взять «лѣсъ пашенный» вмѣсто пашни; невыгода этого покрывается тѣмъ хозяйственнымъ удобствомъ, какое получается отъ болѣе широкихъ загоновъ.

Съ технической стороны этотъ раздѣлъ долженъ былъ рѣшиться не отводомъ особняковъ, а разбивкой каждаго поля на шесть столбовъ вдоль дачи отъ усадьбы: разстояніе при этомъ уравнивалось само собой. Аналогичный фактъ наблюдается въ д. Соломиной Бѣлгородскаго уѣзда: тамъ до размежеванія каждый клинъ дѣлился съ помѣщикомъ фонъ-Викингомъ столбами отъ выгона до конца поля версты на четыре: помѣщикъ былъ половинщикомъ однодворцевъ.

Но допустимъ даже, что приведенная запись устанавливала особняки. Эти факты не исключаютъ массы другивъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о пополосной разверсткѣ разнофамильныхъ помѣстій: наоборотъ, эти факты стоятъ одиноко и являются только исключеніемъ, возможнымъ при наличности изобилія земли. Такихъ исключеній не мало создавала жизнь во всѣхъ областяхъ. Такъ, въ области вотчинныхъ правъ мы можемъ натолк-

---

[1]) Акты, до юр. б. отн., т. I, № 105, стр. 670 и сл.

нуться на установленіе чисто общинныхъ порядковъ. Въ примѣръ можно привести «дѣльную» 1644. По ней четыре брата Борисовы передъ третьимъ, тѣмъ же В. В. Глѣбовымъ, раздѣлили движимое и людей, вотчинную землю пашенную, луга и лѣсъ по жеребьямъ: «а угодьемъ всякимъ владѣть сообща, а которые крестьянскія четвертки неполны усадьбами и полевою землею, и намъ тѣ неполныя четвертки исполнять изъ своей изъ вопчей земли, въ которой въ чей жеребей не достанетъ чего. Да у насъ же въ вотчинѣ нашей... мельница и тою владѣть всѣмъ намъ вопче». То же сказано насчетъ пивного котла. Наконецъ всѣ сообща обязаны устроить хоромы и дворъ одному изъ братьевъ. Въ этой дѣльной ничего не сказано о техникѣ разверстки пахотной земли, но въ другой дѣльной отъ 1601 года пять покупщиковъ раздѣлили вотчинную землю пополосно: выписываю прямо изъ средины, не считая возможнымъ утомлять читателя скучнымъ перечнемъ каждой отдѣльной полосы: «а отъ старцовы Лаврентьевы полосы досталась полоса земли Клементью Пиминову, а та Клементьева полоса Клементью и съ лѣсомъ, что лѣсъ въ серединѣ въ логу, а отъ Клементьевы полосы досталась полоса земли Домнѣ Григорьевской и т. д. Можно сосчитать по числу полосъ любого покупщика, сколько было ярусовъ.

Всѣ эти факты, являясь исключеніями, позволяютъ намъ сдѣлать лишь тотъ выводъ, что установленіе общинныхъ порядковъ пользованія уживалось съ вотчинными отношеніями къ землѣ, а съ другой стороны, и на помѣстной почвѣ могли вырастать чисто индивидуалистическія стремленія. Вся сила только въ томъ, что при нормальномъ развитіи помѣстное право меньше давало поводовъ къ развитію индивидуализма, чѣмъ вотчинное право давало толчковъ къ самозарожденію и дальнѣйшему развитію общинныхъ началъ. Но возвратимся къ частному случаю раздѣла деревни Роговой. Къ счастію до насъ дошла раздѣльная и напечатана въ III т. Актовъ, до юр. б. отн. [2]). Читая ее, сразу какъ будто ничего не замѣчается, но стоитъ только взять карандашъ и полъ-листа бумаги, чтобы изгладилось всякое представленіе объ особнякахъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте нанести на планъ тѣ межи, и грани, какія помянуты въ этой раздѣльной. Правда не бывши на мѣстѣ, казалось бы трудно разобраться, но особенной точности здѣсь и не требуется: нуженъ только схематическій планъ, а для этого нужно намѣтить на листѣ нѣсколько строго опредѣленныхъ пунктовъ. Такими пунктами по раздѣльной является прежде всего сама деревня Рогова, затѣмъ дорога на Ростовецъ, потомъ сосна, что «стоитъ у Ветчаковскаго рубежа» и, наконецъ, Спасская дорожка, «что ѣздятъ къ Ветчакамъ». Какъ бы вы ни

---

1) Ibid. № 107, стр. 682 и сл.

) Т. III, № 304, стр. 105 и сл.

расположили эти четыре точки вамъ придется съ одной стороны деревни Роговой начертить Равеницкій рубежъ, съ другой рубежъ помѣстья Базина и пустошь Ветчаки, а на ихъ грани сосну. Сдѣлавши это, потрудитесь читать раздѣльную и отмѣчайте грани. Сначала все обстоитъ благополучно, ибо получается нѣчто похожее на особняки, а именно «ѣдучи тою большою дорогою къ Ростовцу лѣвая сторона пустовой усадъ и пашня, и лѣсъ, и луги Григорья Черткова да сестры его Пелагеи да Михайлы Совина по Равенецкій рубежъ, а правая сторона тое жъ дороги земля, и луги, и лѣсъ Нехорошева да Романа Юматовыхъ да Матвѣя Ивашева по Ровенецкой жа рубежъ, и тому полю та ростовская большая дорога межа». Значитъ, дѣйствительно два особняка, но вотъ бѣда, одинъ отведенъ брату съ сестрой и какому-то Совину, а другой — двумъ братьямъ Юматовымъ, да какому-то Ивашеву. Покрыто мракомъ неизвѣстности, какъ сябры отведенныхъ особняковъ подѣлятъ землю между собою. Но подождемъ рѣшать эти вопросы, будемъ дальше читать раздѣльную. «Межа другому полю» (надо понимать раздѣльная межа, а не полевая, называемая въ этомъ смыслѣ «прясломъ») «отъ Ветчаковской пустоши и отъ помѣстья Базина у околицы гуменной Юматовыхъ, у околицы яма, отъ ямы на сосновый столбъ»... еще нѣсколько столбовъ, наконецъ, въ лѣсъ на сосну, «а отъ сосны лѣсомъ на сосну жъ, что стоитъ у Ветчаковскаго рубежа». Послѣдняя у насъ уже нанесена на планѣ; проведя къ ней ломаную или прямую линію мы получимъ искомую межу. «И ѣдучи отъ деревни Роговой по тѣмъ ямомъ и гранямъ и по признакомъ, правая сторона пустовой крестьянскій усадъ и земля, и луги и лѣсъ Юматовыхъ да Ивашева по Ветчаковскій и Ровеницкій рубежъ, а лѣвая сторона земля, и луги, и лѣсъ Черткова да его сестры да Совина по Ветчаковскій рубежъ, а выпускъ и промежу дву поль межа (прясло) отъ вопчаго выпуска старымъ пряслищомъ, и по конецъ пашни яма, а въ ней кобылья голова да 3 камня, отъ ямы на сухую березу и т. д. до сосны, на ней грани, стоитъ на Ровеницкомъ рубежѣ, и та межа промежу дву поль по прялу и по признакамъ, отъ деревни Рогова ѣдучи, правая сторона Черткова и К°, а лѣвая сторона Юматовыхъ и К°. Что же получается? Послѣдняя (по пряслищу) межа до Ровенецкой сосны идетъ отъ д. Роговой и направо межуетъ землю Черткова, тотъ самый особнякъ, который большая дорога на Ростовецъ межевала налѣво. Межа по пряслищу налѣво межевала особнякъ Юматовыхъ, а вновь проведенная межа отъ Ветчаковской пустоши на лѣсъ и Ветчаковскую сосну межевала тотъ же особнякъ направо, налѣво же отграничивало особнякъ Черткова. Это конечно уже не прежній особнякъ, а новый. Затѣмъ, не черезъ годъ, какъ условились, а черезъ $3^1/_2$ года третейскій судья Глѣбовъ, раздѣлилъ и третій клинъ. Здѣсь дѣлившіеся, очевидно, успѣли убѣдиться въ нелѣпости произведеннаго ими раньше раздѣла; ибо съ самаго начала раздѣль-

ной пишется [1]): „третья поля деревни Роговой раздѣлили отъ Липовскія пустоши *жеребьями*, досталось Черткову да вдовѣ Дарьѣ Михайловой Совина первой жеребей пашня и лѣсъ, изъ воротецъ выѣхавъ на лѣвой сторонѣ, подлѣ прясла отъ Юматовыхъ и Ивашева.... а подлѣ того жеребья.. по ту дорожку и по Спасской рубежъ тотъ жеребей достался Юматовымъ и К°.... а подлѣ того жеребья, *середи* Нехорошевы и Романовы и Матвѣевы (Юматовы и К°) *земли* достался жеребей отъ первыхъ жеребьевъ Григорью да Дарьѣ (Черткову и К°). Затѣмъ еще по жеребью, все въ томъ же клину. Наконецъ, „два жеребейки Оселки и Евкова, что изъ Рогова выставка, достался Григорью да Дарьѣ, а противъ тѣхъ двухъ жеребьевъ по правой сторонѣ Липовскія дороги, два жъ жеребейка Оселки и Евково достались Нехорошему и др. и промежъ ихъ разъѣхано сохою, и то третьему полю деревни Рогова межа". „А на пустошѣ Вечакахъ", добиваетъ себя раздѣльная: „селища и землю пашню во всѣхъ поляхъ дѣлили по жеребьямъ столбами и промежъ жеребьевъ межи разъѣханы сохами".

Что все это значитъ? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что третій клинъ подѣленъ поярусно, повытно. Ибо какъ понять, что жеребей Черткова лежитъ „спереди земли Нехорошевы и др.", или чѣмъ объяснить раздѣленіе выставки изъ Рогова (Оселки и Евкова) на равныя части? Что качественное уравненіе было примѣнено даже при раздѣлѣ первыхъ двухъ клиновъ, видно изъ того, что большая дорога на Ростовецъ у однихъ отняла усады, такъ что пришлось имъ вырѣзать усады при отведеніи другого клина. Итакъ, вмѣсто предположенныхъ мною шести столбовъ, владѣльцы деревни Роговой рѣшились, подобно Бѣлгородской деревнѣ Соломиной, разбить каждый клинъ только на два столба. Такой столбъ доставался тремъ владѣльцамъ: разрѣзать его на три узкихъ ленточки не представлялось хозяйственнаго удобства, а стало-быть, нужно такой столбъ рѣзать поперекъ, а разъ допущенъ поперечный разрѣзъ, тотчасъ выплываетъ вопросъ объ уравненіи разстоянія. Во имя этого уравненія надо примѣнить все ту же проклятую пополосную разверстку, значитъ, опять старая избушка, и передъ нею старое разбитое корыто, въ видѣ черезполосицы. Такимъ образомъ, приведенный случай д. Роговой указываетъ не на спеціальное размежеваніе, не на погоню за особняками, а лишь на раздѣленіе одной общины, на двѣ общины же. Мнѣ даже неинтересно доискиваться, какіе къ тому были ближайшіе мотивы у раздѣлившихся, мнѣ важенъ фактъ, и самъ по себѣ онъ весьма грандіозенъ: знать наступило время, и единое цѣлое не распалось, а разъединилось на двѣ самостоятельныхъ единицы: это напоминаетъ дѣленіе клѣточки.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я долженъ еще отмѣтить осо-

[1]) Ibid., стр. 107.

бый рядъ фактовъ, близко граничащій съ вышеприведенными фактами, отнесенными мною къ исключеніямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ испомѣщеннаго оставалось нѣсколько помѣстій, наслѣдники обыкновенно дѣлились не повытно, а цѣлыми пустошами. Такъ, шесть сыновей Бѣшенцева въ 1682 г. „подѣлили межъ собою помѣстье и вотчины отца своего, и матери своей вотчину купленую, и свои новые дачи [1]), при чемъ инымъ вовсе не досталось помѣстной земли, а купленнымъ домомъ въ Москвѣ постановлено было владѣть вопче [2]). Это явленіе понятно само по себѣ, ибо какая надобность при наличности многоземелья и слѣдовательно при разбросанности помѣстій, часто по нѣсколькимъ уѣздамъ, заводиться хозяйствомъ, каждому изъ шести братьевъ въ каждомъ помѣстьѣ; гораздо удобнѣй разойтись по-библейски. Но сколько было многоземельныхъ въ сравненіи съ малопомѣстными? Мы знаемъ, что весь югъ Россіи XVII вѣка былъ заселенъ мелкопомѣстными дѣтишками боярскими. И какъ только дѣло касается малоземельныхъ группъ, картина измѣняется, и вмѣсто индивидуальной обособленности выступаетъ община со своею черезполосицей.

Познакомимся теперь съ внутренними распорядками разнофамильной четвертной общины XVII вѣка. Неотчуждаемость помѣстій уравнивала всѣхъ испомѣщенныхъ между собою: это одинъ изъ признаковъ единства владѣнія. Когда появлялась возможность заниматься хлѣбопашествомъ, однодачники приступали къ разверсткѣ земли. У нихъ это происходило подобно тому, какъ и въ родовыхъ однофамильныхъ общинахъ, съ тою разницею, что вмѣсто наслѣдственной доли каждый однодачникъ требовалъ себѣ часть земли, соотвѣтствующую его дачѣ, его четвертному праву. Съ технической стороны это производилось (да и сейчасъ иногда производится) очень просто: по уговору назначали въ полѣ извѣстное пространство для распашки [3]). Чтобы разверстать по четвертямъ, вовсе не требовалось особенныхъ измѣреній: старались намѣтить параллелограммъ, и по одной изъ его сторонъ начинали отмѣрять саженью или шестомъ, или просто шагами столько, сколько по дачѣ числится четвертей за тѣмъ, кому достанется по жеребью въ этомъ мѣстѣ первому („съ головы“). Отмѣривши одному, мѣрили слѣдующему „противъ его дачи“, то-есть соотвѣтственно съ его пожалованіемъ. Если изъ перводачниковъ, кого уже не стало, то кусокъ, отмѣренный на его жеребей, дѣлили между собою его наслѣдники. Мѣрилось только поперекъ, а длина и безъ мѣры у всѣхъ одинакова. Если бы

---

[1]) Акты д. юр. б. т. III, 264.

[2]) Ibid., стр. 319.

[3]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда разверстка помѣстій вызывалась особенными соображеніями, дѣлилось, какъ мы видѣли въ д. Роговой, все помѣстье.

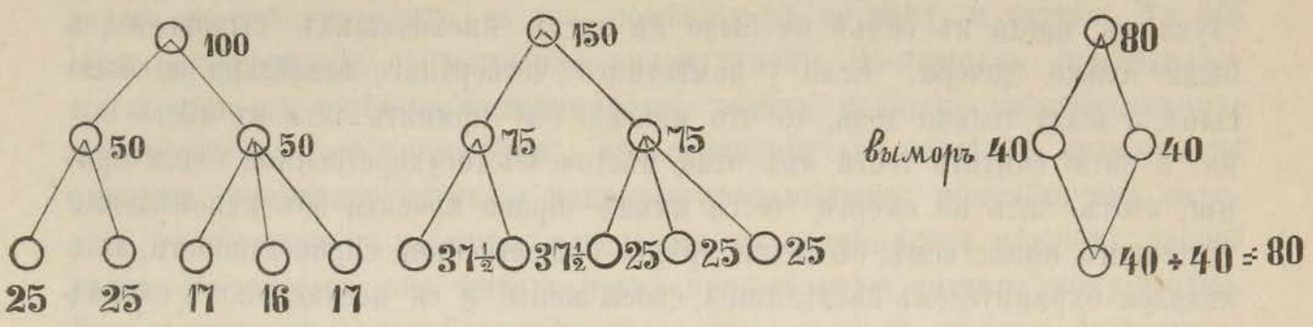
кто вздумалъ увеличить длину своей полосы, то не встрѣтилъ бы препятствія, но ему, конечно, не дали бы распространиться въ стороны. Это можно доказать пережитками, нынѣ часто встрѣчающимися у однодворцевъ, а именно: въ тѣхъ случаяхъ, когда ярусъ впираетъ въ логъ, покосъ по логу часто бываетъ раздѣленъ навѣки „противъ дачъ“, т.-е. въ данномъ случаѣ, противъ загонныхъ межъ: перекосить сѣно за межу нельзя, но каждый воленъ распахать свой покосъ, хоть до самаго дна лога. На другой или на третій годъ, а можетъ быть, и спустя 10—20 лѣтъ, смотря по нуждѣ въ землѣ, отбивали еще кусокъ и раздѣляли тѣмъ же порядкомъ.

По деревнямъ наблюдаются разные обычаи, которыхъ держались предки и держится отчасти потомство. Такъ, если въ ближнемъ ярусѣ «съ головы» доставался жеребей Завалишину, то и во всѣхъ слѣдующихъ ярусахъ этого поля, нарѣзали тому же Завалишину «съ головы же». Въ другихъ деревняхъ, наоборотъ, разстояніе старались уравнять тѣмъ, что получившій въ первомъ ярусѣ «съ головы», во второмъ ярусѣ получалъ «въ хвостѣ». Чаще всего на четверть намѣряли одну сажень поперекъ, и, смотря по мѣсту, въ длину на 80, 100, 120, а въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ селѣ Солдатскомъ, даже на 200 сажень. Когда намѣрялась сажень на четверть, то это называлось „въ дачу“, по 2 сажня — „въ двѣ дачи“, а полсажня—„въ полдачу“; эти техническія выраженія сохранились до сихъ поръ, не столько, какъ пережитокъ, но какъ жизненно-необходимые термины, нужные при выясненіи споровъ между сосѣдями. При такой разверсткѣ объ узкихъ полосахъ въ то время, конечно, и помину еще не было, ибо на сто четвертей отмѣрялась ширина нынѣшнихъ трехъ десятинъ. Такое пространство въ нѣсколькихъ ярусахъ трудно было обработать въ тѣ времена, и на это указываетъ еще то обстоятельство, что ближайшіе къ поселенію ярусы во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ нарѣзаны „въ полдачу“, даже меньше; есть по аршину на четверть. Узкими эти полосы становились ужъ тогда, когда дворъ перводачника раздѣлялся между многочисленнымъ его потомствомъ, а это могло случиться не раньше половины XVIII стол. Каждый ярусъ дѣлился между всѣми совладѣльцами, и часть приходящаяся на долю каждаго рода, нынѣ называется различно: дѣдина, фамилія, родина, иногда носитъ прозвище первозаимщика, напр., Федоровщина, Ивановщина, или прямо по фамиліи: Труновщина, Апальковщина. Въ „родинѣ“ владѣютъ, конечно, только родичи, другая фамилія можетъ попасть только случайно, путемъ позятьевщины или покупки.

Съ теченіемъ времени плодовитость линій въ такихъ селеніяхъ оказывается еще рѣзче. Одна фамилія плодится туго, другія, наоборотъ, очень быстро; такимъ образомъ, и здѣсь родословная находится въ прямомъ сочетаніи съ поземельной разверсткой.

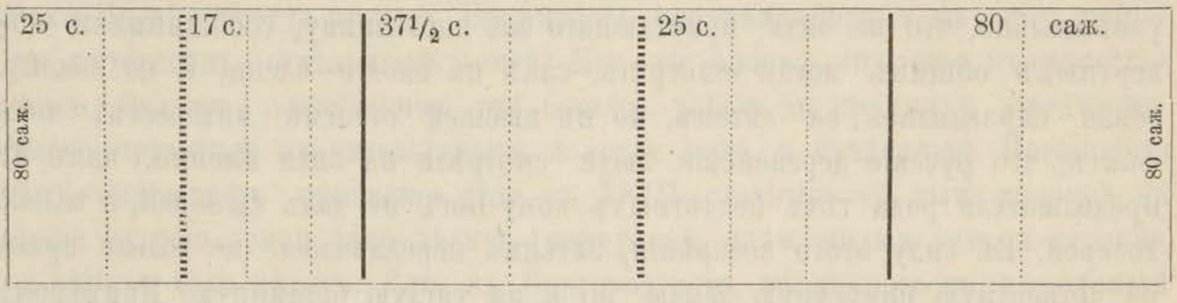
Графически здѣсь явленіе представляется въ такомъ видѣ.

Родъ Трунова 100 четв. Родъ Завалишина 150 четв. Родъ Малышева 80 четв.



Разверстка яруса по этимъ родословнымъ будетъ такова:

1-й ярусъ „надъ Красной—яругой".



Такъ владѣютъ внуки, правнукамъ же станетъ еще тѣснѣй. Но внуки предусмотрительны, и поэтому, если нужда въ хлѣбѣ, заставляетъ ихъ расширить запашку, то при отводѣ дикаго поля они займутъ, не одинадцать десятинъ, какъ мы видимъ на графическомъ примѣрѣ, а больше, допустимъ вдвое. Тогда вмѣсто того, чтобы въ натурѣ намѣрять на четверть по сажени «въ дачу», они намѣряютъ по двѣ сажени «въ двѣ дачи», отъ этого всѣ полосы новораспашнаго яруса окажутся вдвое шире, а старопашье, конечно, останется въ прежнемъ положеніи. Если по какимъ-либо надобностямъ пришлось бы бросить старопашье въ перелогъ на нѣсколько лѣтъ, то нѣтъ никакихъ резоновъ, по истеченіи переложнаго періода, воскрешать старыя грани и межи. И дѣйствительно, мѣстныя изслѣдованія не даютъ даже косвенныхъ указаній на явленія этого порядка. Однажды доставшаяся полоса по жребію не принадлежитъ обладателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, какъ это бываетъ при вотчинѣ. Здѣсь вѣчнымъ признается только право на извѣстную долю общей помѣстной земли, и эта доля является идеальной, а не реальной долей, участкомъ. Отсюда юридическая возможность всевозможныхъ переверстокъ по приговору такой четвертной общины.

Характернымъ признакомъ разнофамильныхъ и однофамильныхъ четвертныхъ общинъ, является родовая замкнутость. Семьи дѣлятся, но постороннихъ элементовъ въ себя не пропускаютъ. Единственный путь для такого вторженія — это позятьевщина, но вѣдь и она зиждется на кров-

номъ родствѣ. Зять вторгался въ общину исключительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ не было въ числѣ нисходящихъ сыновьевъ, а были только дочери. Если у помѣстнаго четвертнаго владѣльца не было сына, а была только дочь, то что мѣшало ему принять зятя въ мѣсто сына, а зятю считать тестя «въ отца мѣсто». Съ государственной точки зрѣнія, этотъ зять по смерти тестя имѣлъ право просить объ испомѣщеніи тестевымъ помѣстьемъ; съ точки зрѣнія общественной справедливости, зять являлся охранителемъ наслѣдницы, своей жены, и ея наслѣдниковъ своихъ дѣтей—кровныхъ потомковъ тестя, хотя и по женской линіи. Здѣсь вторженіе зятя не было чѣмъ-либо экстраординарнымъ, ибо въ каждую семью въ видѣ женской половины непремѣнно вторгались чужеродцы; ибо брать близкихъ родственницъ замужъ въ XVII столѣтіи уже нельзя было. Неудивительно, что на зятя, приставшаго на наслѣдницу, сообщинники четвертныхъ общинъ могли смотрѣть, какъ на своего члена. И по закону, земля справлялась за зятемъ, но въ высшей степени интересенъ тотъ фактъ, что русскіе деревенскіе люди смотрѣли на зятя именно, какъ на продолжателя рода тѣхъ бездѣтныхъ, кому Богъ не далъ сыновей, а только дочерей. Въ силу этого воззрѣнія, зятьямъ передавалось не только право на четвертную помѣстную землю, но и на тяглую общинную. Примѣромъ этого замѣчательнаго факта служитъ одно весьма интересное усыновленіе, относящееся къ 1592 году [1]), оно читается такъ: «сей азъ города Гдова, старыхъ дѣлъ колымажныхъ Савосянъ Митрофановъ сынъ Севрюковъ, *принялъ* я, Савосянъ, вышеписаннаго города Гдова къ себѣ *вобя*, а *надѣлу* даю ему вобю треть, а буде добре будетъ вобью, то и половину ему вобю, а какъ Богъ по душу сошлетъ, то и все ему вобю. А буде я, Савосянъ, противъ сего попячусь и то мнѣ попятчику будетъ стыдно, и ему вобю меня самого вольно будетъ попятить и взять на мнѣ попятчикѣ, что указано будетъ» [2]).

Конечно, слово «надѣлъ», если только оно вѣрно прочитано, указываетъ здѣсь на тяглую, общинную землю, а не помѣстную—вся же прочая обстановка этого дѣла близко напоминаетъ обстановку помѣстнаго четвертнаго владѣнія. Такъ, напр., фамилія Севрюковъ чисто однодворческая, и выраженіе «принялъ вобя» равняется нынѣшнему однодворческому выраженію «принялъ зятя».

Вторженіе кормильцевъ и обладателей сдаточными помѣстьями вызывало уже протестъ, какъ мы видѣли это раньше. Но больше всего, родовая община четвертныхъ владѣльцевъ XVII вѣка подвергалась вторженію

---

1) Чтен. въ Имп. Общ. Истор. 1863 г., кн. I, ч. V.

2) Вобь—зять, отъ слова вабить, ласкать, любить (*вабить* перепеловъ подъ сѣть). Зять, несомнѣнно, одного корня съ gens, что указываетъ на славянское возрѣніе на зятя, какъ родного.

вотчинниковъ: стоило одному изъ членовъ такой общины обѣлить свою землю, то-есть получить ее изъ помѣстья въ вотчину, и тотчасъ же община претерпѣвала существенное видоизмѣненіе. Во-первыхъ, приходилось имѣть дѣло съ сосѣдомъ вотчинникомъ, то-есть полнымъ собственникомъ, а онъ уже не такъ сговорчивъ, ибо основаніе его владѣнія является не единымъ, равнозначущимъ, а привиллегированнымъ: врядъ-ли онъ захочетъ участвовать въ мірскихъ переверсткахъ, подчиняться мірскому распорядку. Во-вторыхъ, онъ имѣетъ право продать свою вотчину кому угодно. Путемъ покупки такихъ вотчинъ могли вторгаться въ общину всевозможные элементы. Въ-третьихъ, получившій пожалованіе оказывался несравненно въ болѣе выгодномъ положеніи, ибо уже самое пожалованіе указывало на личную заслугу, энергію, а съ людьми этого порядка общинѣ вести борьбу всегда трудно. Начиналась неравная борьба въ силу разности интересовъ отдѣльныхъ семей. Мы уже знаемъ, что еще къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича эта борьба дошла до крайнихъ предѣловъ. Мѣры, принятыя правительствомъ, помогли мало, и извѣстный Посошковъ такъ описываетъ положеніе дѣла въ XVIII столѣтія: «И тыи дворяне не токмо пустыя земли тако дѣлятъ (поярусно), но и жилыя села, и деревни на многія доли дѣлятъ. Есть въ Новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій; а въ иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцевъ. И въ таковыхъ разновладѣльцахъ, нельзя быть безъ вражды и другъ отъ друга безъ обиды» [1]). Но въ томъ-то и дѣло, что четвертные владѣльцы стремились «быть безъ вражды и обиды». Тамъ, гдѣ шла вражда, рано или поздно выплывало рамежеваніе то-есть распаденіе общины. Но и это совершалось «полюбовно», а стало-быть, въ силу крайней необходимости. Тотъ же Посошковъ жалуется на обиды со стороны болѣе сильныхъ, владѣющихъ «всѣмъ жеребьемъ, а кто безмоченъ, тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ». Здѣсь, кромѣ экономической захудалости вообще, играла немалую роль плодовитость линій. Кромѣ того надо помнить, что все благосостояніе тогдашнихъ четвертныхъ владѣльцевъ, точнѣе «помѣщиковъ», зиждилось на крестьянахъ — вѣдь и крестьяне дѣлились по наслѣдству, и при дробности этихъ дѣленій помѣщики болѣе плодовитыхъ линій оставались въ концѣ концовъ безъ крестьянъ. Имъ оставалось, или бросить свое помѣстье, или самимъ приняться за соху, стать «однодворцами». И тамъ, гдѣ мы видимъ послѣднее, мы находимъ крѣпкую общину. Пусть двѣ, три счастливыхъ семьи продолжаютъ прежній образъ жизни служилаго сословія: онѣ всегда конны и оружны, всегда въ начальникахъ, но за то и всегда на службѣ, особенно во время Сѣверной войны. Ихъ землю пашутъ крестьяне, крайне обремененные всякими явными и тайными по-

[1]) Соч. И. Посошкова, ч. I, стр. 192.

борами. Большинство же деревни принадлежитъ къ разряду «безмочныхъ»: это—захудалые дворяне и боярскіе дѣти, „прежнихъ службъ служилые люди“. На службу они не идутъ, ихъ на нее выгоняютъ высыльщики насильно. Еще моментъ—и государство совсѣмъ откажется отъ ихъ службы, замѣнивъ ее подушнымъ окладомъ и оброкомъ въ 4 гривны. Дѣти боярскіе и дворяне превратятся тогда въ однодворцевъ, но это превращеніе застигнетъ ихъ не врасплохъ, а организованныхъ мѣстами уже въ довольно стойкую родовую общину.

Перехожу теперь къ третьему типу такой общины. Однофамильныя и разнофамильныя общины указываютъ на естественное богатство свободныхъ, порозжихъ земель, а также на низкую ренту. Всѣ они рабовладѣльческія, почему долгое время пашутъ землю не сами, а крестьянами. Но должно же было наступить время, когда народонаселеніе увеличится настолько значительно, что старыя мѣста въ состояніи будутъ высылать не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыя толпы народа. Правда, въ Московской Руси не было особенно благопріятныхъ условій для быстраго увеличенія ея народонаселенія, но все же государство росло. Новозавоеванныя земли, какъ мы знаемъ, были много плодороднѣй Суздальской Руси. И вотъ, благодаря приманкамъ благодатной Украйны, а также и въ силу политической необходимости началось переселеніе на югъ, если не толпами, то во всякомъ случаѣ шайками. Этимъ словомъ я хочу передать историческую формулу переписныхъ и отказныхъ книгъ, наприм., «Дронъ Кривошеинъ съ товарищи». Этотъ Дронъ—осадчій, а товарищи его частью охотники, полуказацкая вольница, частью «сведенцы», подневольно посланные служилые люди низшихъ «молодчихъ статей», частью черкасы, передавшіеся на московскую сторону, рѣже просто-на-просто бѣглые крестьяне, холопи или посадскіе тяглецы. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича эти шайки двинулись, а главное—были двинуты, къ Бѣлгородской, Тамбовской и Симбирской чертѣ оберегать окраины русскаго царства. Не столько густота населенія въ метрополіи, сколько тягота жизненныхъ условій въ ней гнали эту вольницу на окраину. Внѣшняя опасность новыхъ мѣстъ заставляла этихъ переселенцевъ селиться шайками, скопомъ, «съ товарищи». Завоевательная политика государства требовала того же. Здѣсь безъ помощи товарищей въ виду опаснаго непріятеля нельзя еще было жить. Въ селѣ Щеголькѣ Суджанскаго уѣзда и сейчасъ живо преданіе, что прежде здѣсь жили «будники» въ лѣсу, въ одинокихъ землянкахъ, таясь отъ татаръ и разбойниковъ, и сами были никто иные, какъ разбойники. Земледѣліемъ не занимались, очевидно возможности не было, а водили пчёлъ да охотились на звѣря и на проѣзжаго [1]). Щеголекъ заселился только тогда,

[1]) И. Н. Миклашевскій считаетъ бортные ухожеи передовыми этапами колонизаціи. Къ истор. хоз. быта, М. 1894, ч. I, стр. 122.

когда сразу пришло 30 дворовъ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи про землянки въ лѣсу, здѣсь идетъ дѣло о дворѣ. Мы уже видѣли, что въ половинѣ столѣтія можно было въ Корочѣ волочиться межъ дворовъ. Съ этого времени возникаетъ понятіе о дворѣ вообще въ хозяйственномъ и юридическомъ отношеніи, тогда какъ прежде къ слову дворъ всегда прибавлялись эпитеты царскій дворъ, крестьянскій дворъ, дворъ помѣщиковъ. То же самое наблюдается и въ актахъ того времени. Въ то время, какъ писцовыя книги, отказныя и ввозныя грамоты трактуютъ исключительно о помѣстьяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, отказныя и строельныя книги украинскихъ городовъ по Бѣлгородской чертѣ и близъ Тамбова говорятъ объ общемъ помѣстьѣ какого-нибудь Дрона съ товарищи.

Въ самыхъ названіяхъ деревень уже нѣтъ родовыхъ особенностей, фамильнаго чванства, и здѣсь идетъ обобщеніе: «Щеголекъ, Саморядова, Старые Буды, Черкасское Порѣчное, Разумное, Русская Конопелька, Елецкая, Ливенская, Кромская, Мармыжи, Касторное, Яблоново, Слоновка etc. Здѣсь идетъ болѣе вольная заимка и, какъ мы уже видѣли, заимка эта часто воровская, безъ дачъ [1]) или, наоборотъ, принудительный отводъ по указу. Отчасти благодаря этому, нѣтъ особенной жадности въ этой заимкѣ, занимается земли столько, сколько нужно на пропитаніе, а такъ какъ тучный черноземъ ужасно плодоносенъ, то на первое время ограничиваются, повидимому, ничтожной распашкой. Познакомимся поближе съ этой формой владѣнія. «Насъ пришло 40 дворовъ и заняло по 20 четвертей»,—говорятъ и теперь гдѣ-нибудь въ дер. Раковой Обоянскаго уѣзда. Или: «мы были станичники и было насъ сорокъ станичниковъ, на станицу по 50 четвертей»,—разсказываютъ гдѣ-нибудь около Бѣлгорода, на берегу Донца, въ семи верстахъ отъ города. Вспоминая «новоуказныя разборныя статьи» Алексѣя Михайловича, мы можемъ судить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о низшемъ служиломъ сословіи: иначе не было бы такого малаго надѣленія, какъ 30, 20 четвертей, а иногда всего 8. Въ предѣлахъ же Суджанскаго, Бѣлгородскаго, Старооскольскаго, Новооскольскаго и Валуйскаго уѣздовъ почти всѣ однодворческія деревни при первоначальномъ заселеніи занимали именно не болѣе 50 четвертей на дворъ. Эта заимка происходила явно въ виду недреманнаго ока бѣлгородскаго и другихъ воеводъ, мало того, подъ прямымъ ихъ покровительствомъ и съ казенной субсидіей, ибо это нужно было для пользы службы.

Ради послѣдней переводили служилыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ на вѣчное житье въ новосоздаваемые города. Этимъ сведенцамъ отводили дворовыя мѣста извѣстной мѣры, давали деньги на устройство хатъ, отводили

[1]) „За 29 человѣками помѣстья 580 чети, владѣютъ по грамотамъ изъ Помѣстнаго приказу, а иные по своимъ заимкамъ“. Матер. ист. колон. и быта Харьк. и Кур. губ., изд. Багалѣемъ, т. II, стр. 11.

земельный надѣлъ, то-есть однообразно опредѣленное число четвертей на каждый дворъ извѣстной группы. Группы эти опредѣлялись родомъ оружія: полковые казаки, пушкари, драгуны, рейтары, стрѣльцы, солдаты, черкасы и т. д. Все это писалось въ строельныя книги, и надѣленіе технически называлось «устроить землями». Московская политика требовала, чтобы служилые сведенцы занимались хлѣбопашествомъ; цѣль понятна; что же касается средствъ, какъ сего достигнуть, то единственный способъ Москва видѣла въ понужденіи чрезъ воеводу. Послѣдній дѣйствительно заставлялъ распахивать дикія поля, да, кромѣ того, требовалъ работы на государевой десятинной пашнѣ. Принудительное веденіе хозяйства служилыми людьми не могло конечно создать какихъ-либо формъ землевладѣнія: оныя создались тогда, когда принужденіе утратило смыслъ. Совсѣмъ иное и весьма важное значеніе имѣлъ отводъ земли: имъ обусловливалось все дальнѣйшее развитіе однодворческаго землевладѣнія. Прежде всего отводомъ ограничивалась свобода выбора; прежнее «кто гдѣ пріищетъ» оставалось достояніемъ лишь привилегированнаго служилаго сословія, дворянъ и дѣтей боярскихъ первыхъ статей. Неверстанные дѣтишки боярскія, новоприборные казаки, городовые стрѣльцы, драгуны изъ даточныхъ, солдаты, черкасы—вся эта низшая братія чаще всего должна была довольствоваться воеводскими отводами, «гдѣ укажутъ». Во-вторыхъ, даже и прежняя щедрость испомѣщеній отошла въ область прошедшаго: въ лучшихъ случаяхъ давалось 50 четвертей на дворъ, обыкновенно же 20, а иногда всего 8. Стало-быть, отводъ создавалъ мелкоземельное населеніе. Въ-третьихъ, и это для насъ важнѣе всего, отводъ производился не на каждое лицо особо, а на всѣхъ товарищей извѣстной группы. Случалось, что двѣ-три группы получали одну дачу, и члены этихъ группъ вынуждены были владѣть черезъ межу. Кромѣ того, создавались такъ называемые резервы. Такъ, въ одной строельной книгѣ можно прочесть: «а дана имъ пашенная земля изъ государевыхъ порожихъ земель, которая земля оставлена подъ Урывскимъ острогомъ на прибылыхъ людей на сто человѣкъ» [1]). Общее надѣленіе устанавливало единство основанія владѣнія, а стало-быть, создавало общину. Мѣстами, правда, въ рѣдкихъ случаяхъ все еще сохранялась свобода выбора: такъ, перехожіе черкасы часто сами облюбовывали себѣ мѣста, селились на нихъ и затѣмъ уже били челомъ объ отводѣ. Та же свобода оставалась въ пріисканіи запустѣлыхъ дворовъ: стоило разузнать какому-нибудь солдату, что въ данной деревнѣ такого-то не стало и дѣтей у него нѣтъ, и воевода тотчасъ же посылалъ боярскаго сына отказать челобитчику запустѣлый дворъ съ тѣмъ количествомъ четвертей пахотной земли и копенъ сѣна, какое было за тѣмъ дворомъ.

---

[1]) И. Н. Миклашевскій. Къ Ист. хоз. быта. Прилож. стр. 260.

Получивъ отведенную землю, украинскіе служилые люди строили дворы, огораживали ихъ тыномъ, начинали жить въ нихъ со своими семьями, и хотя за несеніе сторожевой украинской службы давалось жалованье и деньгами, но его не хватало, семья же хотѣла ѣсть, стало-быть, рано или поздно надо было заняться эксплоатаціей земли—кормиться отъ пчелъ или отъ разбоя не было уже возможности. При первомъ поселеніи часто выдавалось отъ казны по нѣскольку четвертей хлѣба и овса на обсѣмененіе полей, и воеводы, какъ мы уже упомянули, присматривали, чтобы заведена была пашня. Нечего говорить, что такой присмотръ имѣлъ, собственно говоря, только политическій, а не хозяйственный смыслъ [1]). Съ хозяйственной точки зрѣнія недолго заставляли себя ждать служилые люди и обыкновенно въ первый же годъ заводили пашню. Пахали они сами, ибо у нихъ почти не было крестьянъ: во всемъ Старооскольскомъ уѣздѣ, наприм., въ 1617 г. былъ всего одинъ крестьянскій дворъ на 260 помѣщичьихъ [2]). Съ момента заведенія пашни землевладѣніе должно было вступить въ новый фазисъ развитія—нужно было разверстать землю. Зачѣмъ?—спросятъ у меня,—когда кругомъ такая гладь и благодать—паши гдѣ хочешь! Я не отрицаю, что нѣкоторое время здѣсь могъ господствовать захватный способъ землепользованія, и даже въ широкихъ размѣрахъ. Про него помнятъ и въ Воронежской губерніи, разсказывая про зимовники, и въ Щигровскомъ уѣздѣ, гдѣ-нибудь въ с. Покровскомъ или Старыхъ Савинахъ. Но въ томъ-то и бѣда, что все это факты исключительные, рѣдкіе, и чаще всего болѣе поздней эпохи. Общій же складъ жизни во время заселенія Бѣлгородской черты предъявлялъ иные требованія. Конечно, каждый могъ распахать, гдѣ ему хотѣлось,—но какое обезпеченіе въ томъ, что распахавшій удержитъ за собой свою роспашь? Мы видѣли, какъ ловко подкрались московскіе проходимцы даже подъ болѣе обезпеченныя распашки. Мало того, вся обстановка украинской жизни была такова, что требовала совмѣстной организованной дѣятельности болѣе или менѣе значительныхъ по своей величинѣ товариществъ. Значитъ, мыслимы были двѣ формы хозяйственныхъ дѣйствій: первая—съ помощью подневольныхъ рабовъ сразу занять извѣстное урочище, пахать его и защищать отъ нападеній дубинами и спинами тѣхъ же рабовъ... Но никто не шелъ пока на Украйну со своими рабами—это значило подвергать страшному риску свой капиталъ. Рабовладѣльцы кинулись на Украйну гораздо позже, когда она была уже вполнѣ завоевана. Вторая форма—составить артель, партію, товарищество, и общими усиліями охранять свое жилище и свои посѣвы. Здѣсь, на

[1]) Валуйскій воевода посадилъ 18 человѣкъ въ тюрьму, боясь измѣны—всѣ они, взявши деньги съ казны, хатъ себѣ не строили. Значитъ, и не пахавшіе себѣ земли могли быть признаны неблагонадежными.

[2]) См. И. Н. Миклашевскаго, Къ Ист. хоз. быта, стр. 203.

Украйнѣ, въ XVII вѣкѣ нужно было за свою землю вѣчно драться, вѣчно отбивать ее и у татаръ, и у воровскихъ черкасъ. А разъ внѣшнія условія были именно таковы—захватный способъ пользованія могъ держаться съ большимъ трудомъ и недолго. И въ самомъ дѣлѣ, если бы я распахалъ въ то время пустошь гдѣ-нибудь верстъ за пять отъ своего селенія—спрашивается, кто пойдетъ со мной отбивать ее въ случаѣ нападенія? Наѣдутъ татары, вытравятъ поле или скосятъ хлѣбъ—я буду видѣть это, но одинъ ничего не сдѣлаю, не помѣшаю даже. Сѣсть, построиться на такой пустоши, завести особый починокъ рѣшались въ этихъ мѣстахъ рѣдкіе смѣльчаки—страшно было, все равно убьютъ, и никто не услышитъ. Позднѣе «отсаживались» отъ метрополій, но не отдѣльными хуторами, а болѣе или менѣе достаточнымъ количествомъ дворовъ. Такъ, наприм., с. Мѣловеньки Обоянскаго уѣзда отсадились отъ с. Мѣлового. Хуторская же отсадка произошла гораздо позже по окончательномъ замиреніи края. Такъ, извѣстные хутора, расположенные на сѣверъ отъ Путивля, отсадились изъ пригородныхъ слободъ и самаго города не раньше второй четверти XVIII вѣка, хотя въ Путивлѣ было много тише, чѣмъ на чертѣ. Извѣстные хутора Новооскольскаго уѣзда отсадились изъ черкасскаго громаднаго села Слоновки во второй половинѣ того же столѣтія до генеральнаго межеванія, а многіе изъ нихъ даже въ XIX ст. на памяти у стариковъ. За послѣдніе 40 лѣтъ въ неразмежеванныхъ большихъ дачахъ отсадка идетъ сплошь по всей Курской и Воронежской губерніямъ. И трудно было селиться на чертѣ одному, тѣмъ болѣе, что поселенцы въ своей массѣ не были рабовладѣльцами и не могли поэтому надѣяться на защиту своихъ крестьянъ. Отдѣльные смѣльчаки встрѣчались конечно и здѣсь, но заурядным храбрецамъ нужно было селиться вмѣстѣ и вмѣстѣ пахать землю, чтобы дружнымъ натискомъ защищать эту землю... отъ захватовъ третьихъ лицъ [1]). Такимъ образомъ здѣсь, въ самой основѣ, при самомъ возникновеніи общины устанавливалось извѣстное соглашеніе, при чемъ въ высшей степени организованное, ибо въ каждомъ такомъ товариществѣ, какъ мы знаемъ, былъ атаманъ, былъ, вѣроятно, и кошевой, и судьи. Не то чтобы это былъ сколокъ съ казачьей сотни, но казацкое вліяніе здѣсь прошло небезслѣдно. Приступая къ эксплоатаціи земли, товарищи должны были такъ или иначе разверстать ее. Какъ они это дѣлали? На каждую душу мужеска пола опредѣлили надѣлъ равной величины?.. Да, это было бы хорошо, но не справедливо по тому времени; еще было бы несправедливѣй подѣлить землю по ѣдокамъ... Объяснимся. Прежде всего, что связывало поселенцевъ въ одинъ союзъ? Или единство государевой службы, служилое тягло которой

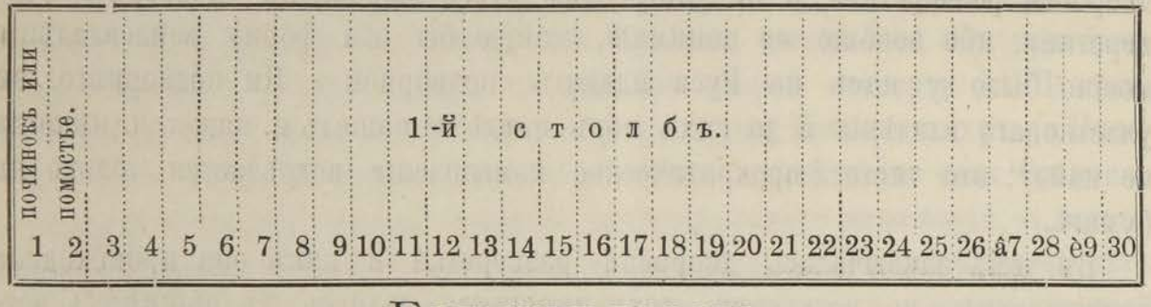
---

[1]) Одинокіе починки, какъ увидимъ ниже при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ, встрѣчались здѣсь очень рѣдко „въ глуши лѣсовъ, въ мѣстахъ крѣпкихъ“.

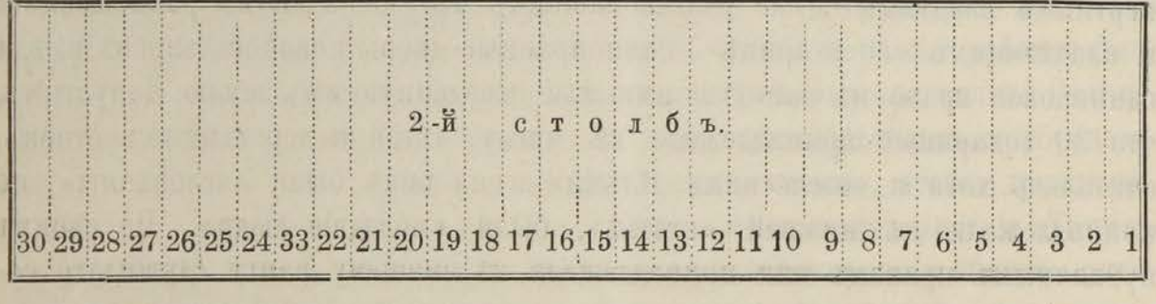
несли только взрослые, или попозднѣй единство хозяйственныхъ цѣлей, такъ сказать, артельное начало. Въ первомъ случаѣ служба одинаково тяжко ложилась на каждаго члена, во второмъ—трудность достиженія цѣли, хотя бы въ одномъ переселеніи заключающаяся, отражалась на каждомъ членѣ также одинаково. Право на землю отсюда возникало только у дѣятельныхъ членовъ товарищества, а не у малолѣтнихъ членовъ ихъ семействъ, а тѣмъ паче у грудныхъ ребятишекъ, бывшихъ прямою обузою для возникающаго союза: достаточно того, что вновь возникающая община беретъ на себя защиту ихъ отъ внѣшнихъ нападеній. Слѣдовательно, иной разверстки земли, какъ по наличнымъ дворамъ, нельзя и требовать отъ низшаго служилаго сословія, осѣдавшаго въ XVII вѣкѣ по Бѣлгородской чертѣ, тѣмъ болѣе, что и воевода опротестовалъ бы иной образъ дѣйствій. Обиліе земель вполнѣ гарантировало безбѣдное существованіе и при такой дворовой развертѣ. Я не употребляю здѣсь выраженія «подворная разверстка», ибо вообще не понимаю, какую бы это форму землевладѣнія можно было у насъ на Руси назвать «подворной». Ни подворнаго, ни участковаго владѣнія я до сихъ поръ нигдѣ не нашелъ и, кажется, никогда не найду: это чисто бюрократическое измышленіе встрѣчается только на бумагѣ.

Въ чемъ заключалась дворовая разверстка и какъ она происходила можно судить по остаткамъ, сохранившимся доднесь въ общинахъ четвертныхъ владѣльцевъ, не участвовавшихъ въ спеціальномъ размежеваніи и владѣющихъ «по старинѣ». Равноправные дворы новопоселенцевъ имѣли одинаковое право на занятую ими или отведенную имъ землю. Допустимъ, что 30 товарищей принадлежало къ числу дѣтей неверстанныхъ отцовъ, считались хотя и «отеческими дѣтьми» и на видъ были «человѣчны», но принадлежали къ низшей «статьѣ», были «молодчіе люди». По своимъ публичнымъ правамъ они принадлежали къ низшему рангу служилаго сословія, отбывали службу не въ дворянскомъ полку, а положимъ, въ драгунахъ или того хуже, въ солдатахъ. Все это давало имъ право на испомѣщеніе въ томъ украинномъ городѣ, по которому они служили, но право на самое малое испомѣщеніе, на какихъ-нибудь двѣнадцать четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ. Зная, что правительство зорко слѣдитъ за превышеніемъ разборныхъ статей, и не видя непосредственныхъ выгодъ въ такомъ превышеніи, товарищи даже мало были заинтересованы въ этомъ, ибо, какъ увидимъ, размѣръ четверти не былъ строго установленъ. Вѣроятно, не для одного облегченія техническихъ пріемовъ разверстки надобно было приноровить свои публичныя права на извѣстное число четвертей къ этой самой развертѣ. Поэтому допускалось въ видѣ фикціи, что нужно при распредѣленіи земли дать каждому столько единицъ той или другой мѣры, сколько у каждаго по верстанью четвертей. Но вѣдь у всѣхъ членовъ дан-

наго поселка было поровну. Обыкновенно и здѣсь въ большинствѣ деревень намѣряли въ ярусѣ на четверть по сажню. Такимъ образомъ на 30 дворовъ надо было отвести такой ярусъ, одна сторона котораго могла бы вмѣстить всѣ четверти деревни, то-есть $30 \times 12 = 360$ сажень. Кидался жребій на каждый дворъ и каждому двору въ порядкѣ жеребьевки отмѣрялось 12 сажень. Затѣмъ переходили на другое мѣсто, разцѣнивали его по качеству хозяйственному, и удобству топографическому, и опять метали жеребей, или становились въ обратномъ либо въ прямомъ порядкѣ, какъ и въ первомъ ярусѣ. Нечего говорить, что все это продѣлывалось несразу, не залпомъ, какъ теперь при общихъ передѣлахъ; въ четвертныхъ общинахъ это дѣлалось по мѣрѣ надобности, а эта надобность опредѣлялась и ростомъ населенія, и хозяйственной дѣеспособностью, и многими другими условіями мира и войны. Графически эта разверстка изображается такъ.



Большая дорога.

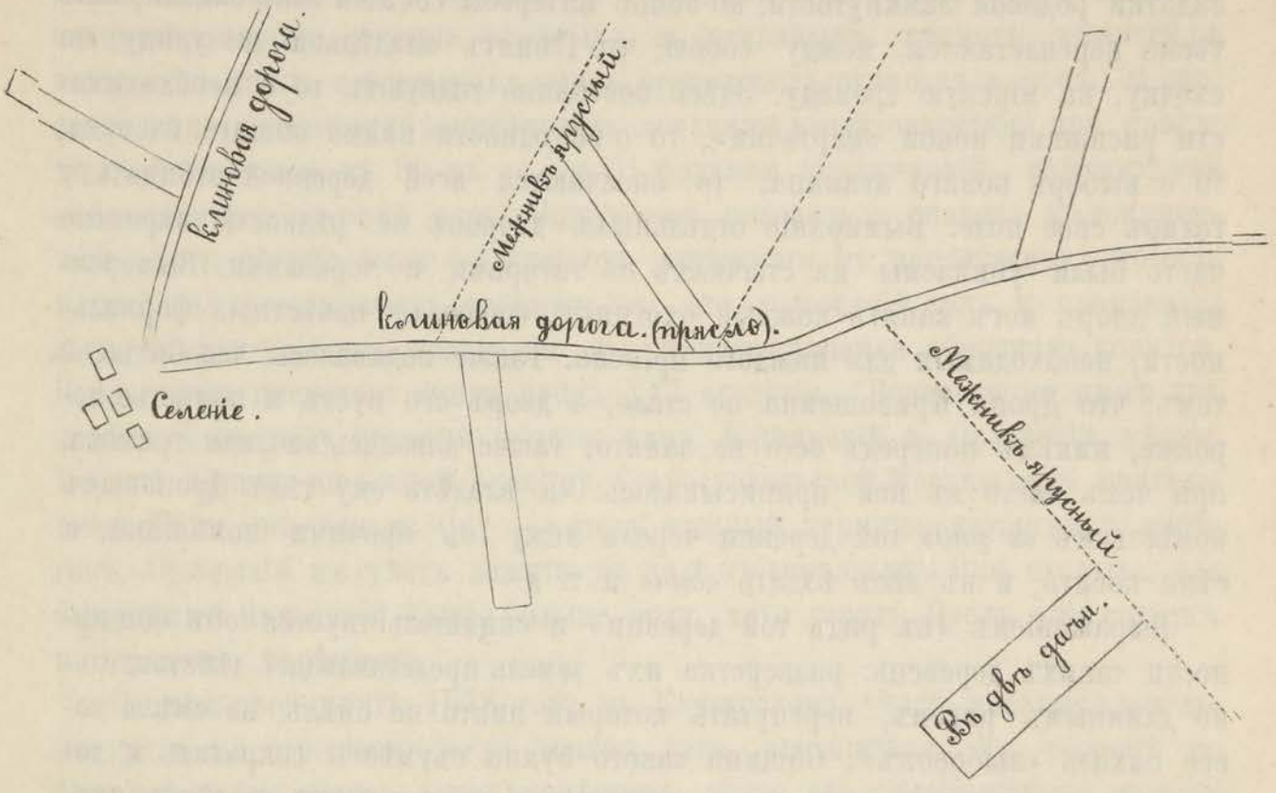


Каждая первоначальная дворовая полоса называется поднесь «помѣстьемъ» или «починкомъ» [1]). Поэтому, когда южные однодворцы нынѣ говорятъ, что «владѣютъ землею помѣстьями», или «починками», то подъ этимъ отнюдь нельзя подразумѣвать, что каждому первозаимочному двору былъ отрѣзанъ первоначально особнякъ, какъ утверждаютъ курскіе статистики по Тимскому ѣзду. Первозаимочное помѣстье состоитъ изъ большой полосы въ каждомъ ярусѣ. Эта полоса часто бываетъ отграничена широкими межниками, которые никогда не ломаются, «цѣлы по старинѣ». Но надо понять, что однодворцы тѣми же самыми выраженіями называютъ, какъ каждую отдѣльную полосу въ каждомъ ярусѣ, такъ и всю сумму

---

[1]) Другія названія см. немного ниже. Чаще всего употребляются эти два названія.

этихъ полосъ, сколько бы ихъ ни было. Такъ что помѣстье или починокъ для первозаимочнаго двора представляется ужъ никакъ не въ видѣ особняка, а въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ загоновъ, раскинутыхъ по всей общей дачѣ. Раскинутость эта, конечно, кажущаяся: каждый загонъ (полоса) лежитъ въ извѣстномъ ярусѣ рядомъ съ сосѣдскими полосами: вотъ это-то и называлось владѣть «черезъ межу, черезъ десятину, въ рядъ той деревни съ прочими помѣщики». И дѣйствительно, полосы представляются равновеликими рядами. Если отдѣльный починокъ, принадлежащій извѣстному двору, изобразимъ графически, то получимъ слѣдующее.



Здѣсь далеко до особняковъ: смотря по числу ярусовъ, число загоновъ иногда доходитъ до 40 во всѣхъ трехъ клинахъ; обыкновенно же не менѣе 6—7 загоновъ въ каждомъ клину. Произошло это конечно отъ того, что каждая фамилія, имѣвшая въ данной деревнѣ починокъ, участвовала въ каждомъ ярусѣ. Итакъ, «помѣстье», или «починокъ», а подъ Бѣлгородомъ «станица», а въ Будищахъ, Суджанскаго уѣзда, «дача», въ Лебедянскомъ и Елецкомъ уѣздахъ «служба», подъ Воронежемъ въ сл. Чижевкѣ до душевого поравненія «чинъ»—не есть особнякъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а нѣсколько особняковъ (загоновъ, крупныхъ полосъ), разбросанныхъ по всему полю въ извѣстномъ порядкѣ, установленномъ общиной. И здѣсь, конечно, община не сразу установила извѣстное число ярусовъ, а устанавливала ихъ постепенно, попутно, съ распашкой новыхъ, еще недѣленныхъ земель.

Равновеликость починковъ, вызванная по большей части одинаковостью службы первозаимочныхъ дворовъ «товарищей» отзывалась весьма часто и на разверсткѣ другихъ угодій въ особенности покосовъ и усадебъ. Послѣдніе часто отмѣрялись посланнымъ отъ воеводы подъячимъ или другимъ какимъ чиномъ. Но несомнѣнно, что доминирующимъ началомъ была разверстка пахоти, а въ ней-то мы и наблюдаемъ, правда, еще неясные намеки на поравненіе всѣхъ и каждаго по крайней мѣрѣ въ лицѣ домохозяевъ. Селеніе, раздѣлившее такъ свои поля, уже носитъ на себѣ всѣ признаки сосѣдской душевой общины. Хотя отдѣльный дворъ представляетъ собой всѣ задатки родовой замкнутости, но общіе интересы сосѣдей такъ близки, такъ тѣсно переплетаются между собою, что гонятъ владѣльца на улицу, на сходку, на мірскую громаду. Здѣсь постоянно толкуютъ то о необходимости распашки новой «карточки», то о выгодности найма общаго пастуха, то о выборѣ новаго атамана, то ополчаются всей деревней отбивать у татаръ свое поле. Вымираніе отдѣльныхъ дворовъ не рѣдкость: вѣроятно часто были убиваемы на стычкахъ съ татарами и черкасами. Выморочный дворъ могъ занять каждый охотникъ, соблюдая извѣстныя формальности, необходимыя для каждаго пріиска. Также подавалось челобитье, о томъ, что Дрона Кривошеина не стало, а дворъ его пустъ и помѣстье порозже, никѣмъ напередъ сего не занято, также давалась ввозная грамота, при чемъ часто въ ней приписывалось: «а владѣть ему тѣмъ Дроновымъ помѣстьемъ *въ рядъ* той деревни черезъ межу съ прочими помѣщики, и сѣно косить, и въ лѣсъ ѣздить *вопче* и т. д.

Выраженіемъ «въ рядъ той деревни» и свидѣтельствуется объ обширности такихъ деревень: разверстка ихъ земель представлялась дѣйствительно длиннымъ рядомъ, перепутать который никто не смѣлъ, не смѣлъ вовсе пахать «выборомъ». Община такого буяна съумѣетъ сократить и домашними средствами, но въ предупрежденіе обычныхъ смутъ и обидъ правительственная власть не забываетъ упоминать о правахъ владѣльцевъ въ ввозныхъ грамотахъ и строельныхъ книгахъ [1]). По смерти такого первозаимщика земля ему отведенная переходила къ дѣтямъ на общихъ основавніяхъ: это вызывало семейные раздѣлы. Пахатныя полосы дѣлили наслѣдники конечно во всѣхъ ярусахъ. Это очень не нравилось Посошкову: «всякую полосу худую и добрую все паютъ» [2]). Но спрашивается могло ли быть иначе? Про узость полосъ слуха еще не было, а когда слухъ этотъ начинался, новый ярусъ нарѣзался въ двѣ дачи. И здѣсь, конечно, величина доставшейся по раздѣлу доли, опредѣлялась плодовитостью родовой линіи.

Остается сказать нѣсколько словъ о географическомъ распредѣленіи опи-

---

[1]) Строельная книга Козл. у. Акты до юр. б. отн. т. III стр. 518.

[2]) Соч. И. Посошк. I стр. 191.

санныхъ трехъ типовъ четвертныхъ общинъ: именно однофамильная община, разнофомильная и многодворная, какъ бы слѣдовало назвать послѣдній типъ. Всѣ эти термины опредѣляютъ лишь первоначальный типъ заимки и относятся, такъ сказать, къ эмбріональному періоду четвертной общины, но этотъ-то періодъ и важенъ для изслѣдователя, ибо имъ обусловливается до нѣкоторой степени дальнѣйшій ходъ развитія общиннаго начала у однодворцевъ. Историку весьма трудно дать точный отвѣтъ на вопросъ о географическомъ распредѣленіи вышеупомянутыхъ типовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе для того у него имѣются матеріалы? До сего времени мы располагаемъ немногими источниками: 1) остатками документовъ, притомъ случайнособранныхъ: именно ввозныхъ и отказныхъ грамотъ выписей съ писцовыхъ книгъ, строельныхъ книгъ, воеводскихъ отписокъ и проч., 2) крестьянскими преданіями, записанными земскими изслѣдователями при производствѣ переписи въ 80-хъ гг., и 3) фактами переживаній, пережитками наблюдаемыми до сихъ поръ. Попробуемъ повозиться сначала въ документахъ, хотя вѣрнѣе было бы итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному то-есть начать съ крестьянскихъ пережитковъ: это изысканіе такъ и производилось, но для удобствъ изложенія мы придерживаемся обратнаго порядка. Предъ нами писцовыя книги конца XVI столѣтія. Возьмите по нимъ два крайнихъ по тому времени пункта: напр. Каширскій и Орловскій уѣзды. Первый лежитъ на южной окраинѣ Старосуздальской Москвы подъ прикрытіемъ Тулы, перейдя за Оку — этотъ важный терминъ татарскихъ набѣговъ. Орловскій же уѣздъ лежитъ въ полѣ въ верховьяхъ Оки открыто: для татарскихъ нападеній здѣсь больше воли, хотя городъ Орелъ уже созданъ и порядочно укрѣпленъ.

По писцовой книгѣ 1578 года въ Каширскомъ уѣздѣ населеніе довольно густо, но отрывочно, если можно такъ выразиться. Въ деревнѣ по большей части сидитъ одинъ помѣщикъ, рѣдко два однофамильца, еще рѣже два-три разнофамильца. Всѣ они окружены крестьянами, бобылями и «людьми» (холопами, дворовыми). Такъ у Прокофья Солнцова въ дер. Ледовой было 4 двора «людцкихъ» да 11 дворовъ крестьянскихъ. Земли пахалось 70 четьи, да тутъ же въ другой дер. Токаревкѣ 30 четьи [1]). Счетъ здѣсь чаще всего производится селами и деревнями, полудеревнями, третями пустошами. Фамиліи все родовитыя, стародворянскія и княжескія. Ясно что здѣсь живутъ рабовладѣльцы уже сравнительно въ покоѣ.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Орловскомъ уѣздѣ почти въ то же время именно въ 1594 году. Здѣсь, очевидно, богатому человѣку жить еще боязно, опасно—ограбятъ: вѣдь только голому разбой нестрашенъ. Посмотрите жъ кто тамъ живетъ!

---

[1]) Пис. книги XVI в. ч., от. 2., стр. 1323.

Въ д. Крутой, напр., усть Крутого верха, на рчк., на Мезени четыре помѣщика, а именно за Ивашкомъ, да за Ларкою за Семеновыми дѣтми Тимофѣева, *а отецъ ихъ Семенъ взятъ со станицы въ полонъ* во 101 году (2 года всего), Ивашко 13 лѣтъ, а Ларка 14 лѣтъ, отца ихъ помѣстье: на ихъ жеребью дворъ помѣщиковъ; пашни, паханые доброй земли 4 чети съ осминою, да наѣздомъ четь съ осминою, да дикого поля 14 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 14 копенъ». Итого 20 четьи [1]). Затѣмъ за Филиппомъ Уваровымъ на его жеребью дв. помѣщ. пашни пахан. 6 четьи да дик. поля 14, сѣна 45 коп. Итого 20 чет. Далѣе: «за Ермолкою, Ермолко служитъ, да за Михалкомъ Михалкѣ 13 лѣтъ, да за Сенкою, Сенкѣ 10 лѣтъ, Яковлевыми дѣтьми Тимофѣева Голощапова 4 чет. съ осм. да наѣздомъ 2, дик. поля 16=22½. За вдовою за Окулиною за Кириловою женою Тимофеева и за 10 лѣтнимъ сыномъ ея «отца его помѣстье» пашни 4½ чет. наѣздомъ 1½ и дик. поля 14. Такимъ образомъ три двора Тимоееевыхъ и одинъ какого-то Уварова. Всѣ они половинщики, у каждаго двора по 20 четвертей. Если одинъ дворъ захватомъ и запахалъ лишнее, то это временно—придетъ время отберутъ. Пашется здѣсь по-малу, ибо некому пахать мтльчикъ на службѣ, а въ другомъ дворѣ отца въ плѣнъ взяли; крестьянъ ни у кого.

А вотъ многофамильная деревня Щучья [2]) въ ней 9 помѣщиковъ: Рыжковъ, Косиновъ, Корыстовъ, Кутеповъ, Олферовъ, 3 Онахина и Алексѣевъ. У каждаго по 30 четвертей, сѣна отъ 100 до 200 коп. «лѣсъ дуброва» вѣроятно общій. Изъ этого числа у трехъ пашни по осминѣ, у двухъ по четверти, у трехъ ничего не пахано. Странно, а земля уже подѣлена? Нѣтъ только писцами измѣрена и согласно служилыхъ окладовъ отказана. Исключеніемъ является дворъ Олферова. У него 20 четей, но за нимъ же «пустошь, что былъ починокъ Петрушенскій на Цвятынскомъ отвершку, а въ ней три мѣста дворовыхъ, пашни паханой наѣздомъ 10 четьи, да перелогу 5 чет. за дик. поля 25 чет. Крестьянъ и здѣсь ни у кого нѣтъ. Теперь прошу обратить ваше вниманіе на фамиліи—всѣ онѣ однодворческія, то есть именно такія, какія носятъ современные однодворцы Курской и Орловской губерніи. И доказать это не трудно: дер. Рыжкова есть въ Курскомъ уѣздѣ хотя тамошняя фамилія пишется черезъ букву ш; д. Косинова есть въ Курскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Куриці и въ Фатежскомъ въ Здобников. вол. и фамилія эта разбросана по многимъ однотворческимъ селеніямъ. Про Корыстова ничего не имѣю сказать. Но деревня Кутепова, населенная однодворцами Кутеповыми, есть въ Троицкой волости, Курскаго у.

---

1) Ibid. Стр. 863.

2) Ibid. 877.

Алферовы есть въ Новооскольскомъ и Корочанскомъ уѣздѣ. Фамилію Анахина носятъ однодворцы Курскаго уѣзда. И не думайте, что это нарочно подобрано. Возьмите описаніе Тайчуковскаго стана той же писцовой книги (на стр. 1072), вы тамъ найдете Бредихина — есть эта фамилія у однодворцевъ Фатежскаго уѣзда; Умѣренкова, — есть и деревня съ тѣмъ же именемъ близъ Коренной пустыни. Ниже мы увидимъ, какъ распространялись всѣ эти однодворческія фамиліи. Нѣтъ, все это не подборъ, а весьма понятная вещь: московское правительство все дальше и дальше выдвигало свои станицы (со станицы одного и взяли въ плѣнъ). Кого оно двигало? Не князей Мещерскихъ и бояръ Солнцовыхъ изъ Каширы, а боярскихъ дѣтей Рыжковыхъ, Завалишиныхъ, Мясоѣдовыхъ, Кутеповыхъ, Корыстовыхъ, Умѣренковыхъ, однимъ словомъ, нижнихъ чиновъ, бѣдноту. Если въ концѣ XVI столѣтія мы видимъ ихъ аванпосты въ Орловскомъ уѣздѣ, на верховьяхъ Оки, то будьте покойны, въ началѣ XVII ихъ передвинутъ къ р. Семи и за Семь, а тамъ на Донецъ, Усердъ, Псёлъ, и къ концу этого столѣтія они уже будутъ сами двигаться за Бѣлгородскую черту, куда-нибудь на Богучаръ или Калитву, ради мирной хотя и самовольной заимки земли безъ справки изъ Помѣстнаго приказа. Даже и въ XVIII столѣтіи ихъ не оставятъ въ покоѣ и двинутъ на новую линію по рѣкѣ Мерлу. Строельныя книги такихъ городовъ, какъ Усердъ, Валуйки, Карповъ, Нежеголь, Яблоновъ, Хотмыжскъ, указываютъ намъ на то, что правительство жестоко поступало въ этихъ случаяхъ. Возьмите для примѣра строельную книгу Хотмыжска 1640 г.[1]). Въ этотъ городъ набраны были дѣти боярскія изъ десяти разныхъ городовъ: изъ Курска, Рыльска, Мещовска, Путивля, Бѣлгорода, Болховца, Новгородъ Сѣверска и проч., и «по смотру воеводы Ѳедора Пушкина хотмышанъ новоприборныхъ служилыхъ людей дѣтей боярскихъ 242 человѣка; и тѣ дѣти боярскія за ихъ бѣдностью безконны и безоружны.. казаки и выѣзжіе черкасы пѣши...» и т. д. Правда, казна давала деньги на первоначальное обзаведеніе и испомѣщала землей. Такъ, вызывая поселенцевъ въ Усердъ (восточный пунктъ Бѣлгородской черты), царь указомъ объявлялъ: «сказать — которые изъ нихъ похотятъ жить на Усердѣ, и мы тѣхъ пожалуемъ: велимъ дать наше жалованье на селитьбу 4 р. человѣку, дать хлѣба по 2 ч. ржи да по 3 ч. овса, да ихъ же пожалуемъ велимъ на Усердѣ устроить землями съ сѣнными покосы и всякими угодьи, а на Усердѣ земля добрая и мѣста угожія, и въ р. Соснѣ и Усердѣ рыбныя ловли большія и въ лѣсахъ звѣрь всякой и пчелы; и жилецкимъ людямъ на Усердѣ будетъ пожиточно» etc... [2]). Переселяемые назывались не сходцами, а «сведенцами». Сойти самому или быть сведену—великая разница.

---

[1]) Помѣщена у Багалѣя. Матеріалы, т. II, стр. 27—38.

[2]) Ibid, стр. 20.

Но возвратимся въ Орловскій уѣздъ XVII столѣтія. Кто удержался въ немъ къ половинѣ XVII столѣтія? Большинство боярскихъ дѣтей было передвинуто южнѣй, остались рабовладѣльцы со своими крестьянами. Отъ этого-то Мценскій, Орловскій, Кромской уѣзды сравнительно мало имѣютъ однодворческихъ селеній: тамъ преобладаютъ помѣщичьи крестьяне.

Далѣе еще одно замѣчаніе. По писцовымъ книгамъ нѣтъ возможности заключить, что заселеніе Орловской нынѣшней губерніи происходило партіями, «съ товарищи». Въ лучшемъ случаѣ мы нашли только девять поселенцевъ: правда, и они вѣрны требованіямъ справедливости, ибо дѣлятъ землю поровну на дворы, но многодворной заимкой этого явленія все еще нельзя назвать: нѣтъ массы, нѣтъ товарищества; очевидно, у государства не было еще силъ двинуть переселеніе толпами. Кромѣ того у орлянъ замѣчается сильное пристрастіе увеличивать размѣры своего земледвладѣнія пріобрѣтеніемъ новыхъ починковъ. Мы видѣли, не успѣлъ починокъ на Цвятынскомъ отвершкѣ опустѣть, какъ его уже занялъ кто-то изъ сосѣдней деревни. Это расширеніе границъ своего владѣнія за счетъ казны или сосѣда вещь обыкновенная, но въ то время какъ южные однодворцы цѣлымъ міромъ добываютъ себѣ землю, орляне занимаются этимъ поодиночкѣ. Ясно, что общинная связь здѣсь слабѣе, не такъ интензивна. Позднѣе, когда понадобилось выдвинуть къ Бѣлгороду не станицы, а цѣлыя полчища, московское правительство имѣло возможность поступать иначе: оно двинуло переселеніе толпами и, чтобы эти толпы не сгинули, аки обры, понадобилось затратить массу денегъ на возведеніе городовъ и крѣпостей. Все это не замедлило отразиться на общественномъ развитіи самихъ переселяющихся, и мы сейчасъ увидимъ, какъ это отразилось. Ради этого разсмотримъ нѣсколько выписей съ отказаныхъ книгъ того времени. Въ 1657 году по государеву указу и отпискѣ воеводы Г. Г. Ромодановскаго ѣздилъ сынъ боярскій въ Новооскольскій уѣздъ на устье рѣки Окуней «по челобитью солдатъ Ивашки Исаева съ товарищи тридцать одного человѣка, что имъ по государеву указу велѣно въ томъ мѣстѣ по *сыску* дать въ помѣстье подъ усады, и огородныя, и гуменныя мѣста, и на животинный выгонъ, и на пашню порозжіе земли дикаго поля и сѣнныхъ покосовъ, и въ тѣхъ урочищахъ по досмотру того сына боярскаго отмѣрено тѣмъ солдатамъ земли (идутъ имена)... всего тридцати одному человѣку... подъ дворы вдлину по сорока саженъ, поперекъ по 20 саж. человѣку... а отдѣлено имъ солдатамъ въ томъ мѣстѣ на пашню земли по двѣнадцати чети человѣку и того 372 чети въ поли, а въ дву потолу жъ...» [1]).

Такимъ образомъ, близъ черты Бѣлгородской мы видимъ многодворную заимку. Выраженіе «по сыску» разумѣетъ здѣсь не старый пріискъ Уло-

---

[1]) Труды Курскаго стат. комит., стр. 375.

женія, а сыскъ пристава, т. е. опросъ тутошнихъ людей. Характерно выраженіе «отдѣлено». Значитъ, производилось не только измѣреніе, но даже и отводъ въ натурѣ. Отдѣлено отъ сосѣднихъ земель, которыя уже заняты и кѣмъ же: здѣсь упоминаются оскольскіе сведенцы, помѣщики ливенцы, дѣти боярскія ливенскія сведенцы, окуневцы дѣти боярскія, по тому же документу солдатская земля противополагается «помѣстной». Ясно, что какая-то разница уже чувствовалась. «Отдѣленіе» (надѣленіе), отводъ, какъ мы сказали уже, всегда происходилъ подъ наблюденіемъ воеводы. Въ 1666 г. между сыномъ боярскимъ Мартыномъ Иконниковымъ «съ товарищи» и солдатомъ Тихономъ Юрьевымъ, также съ товарищами, возникъ въ Корочѣ предъ воеводою Спѣшневымъ судъ о землѣ, слѣды коего сохранились въ видѣ очной ставки помѣщенной въ Актахъ, относ. до юр. б. [1]). Намъ важенъ не столько самый процессъ, сколько тѣ юридическія выраженія и та фактическая обстановка, которыя выясняются этой очной ставкой. Дѣти боярскія по указу В. Г. и по отпискѣ боярина Г. Ромодановскаго и «по отводу» воеводы Іевлева «строились въ Зимовной Полянѣ на своихъ дачехъ». Но на очной ставкѣ Тихонъ Юрьевъ сказалъ: «та де дача *наша старая*, а отдалъ воевода Іевлевъ Иконникову съ товарищи безъ сыску и безъ опросу, а имъ де Тихону съ товарищи тое землю отводилъ воевода Позняковъ въ 1660 году». До чего быстро текла на Бѣлгородской чертѣ жизнь въ это время, можно судить по тому, что шесть лѣтъ всего назадъ отведенная дача называется уже «старою». Съ точки зрѣнія развитія общинныхъ началъ важно, что эту дачу солдатъ Юрьевъ называетъ «нашей»; очевидно, какъ самъ Юрьевъ, такъ и его противникъ на судѣ являются лишь повѣренными отъ своего міра. «Мартынъ Иконниковъ, читаемъ дальше, билъ челомъ В. Г. чтобъ его Юрьева допросить, что сказываетъ онъ, отводилъ де имъ тое землю Позднякова, и есть ли у него Тихона на ту землю крѣпости, которую онъ своитъ, и кто съ нимъ (Позняковымъ) былъ на отводѣ священники и градскихъ людей». Но у Тихона крѣпостей не оказалось, «потому что они солдаты были на службѣ В. Г. въ черкасскихъ городѣхъ, а Иванъ Позняковъ съ Корочи перемѣненъ», но они «били челомъ В. Г. въ Бѣлгородѣ и по ихъ челобитью дана имъ память... и воевода Спѣшневъ посылалъ съ Корочи въ Зимовную Поляну сына боярскаго Дулина да подьячего Смолина... и тое де землю имъ Юрьеву съ товарищи по прежнему отводу Познякова отказали и съ отказныхъ книгъ выпись дана за рукою воеводы...». Но Иконниковъ не удовлетворился этимъ и настаивалъ, чтобы Юрьевъ сказалъ: «по чему (по скольку) имъ Тихону съ товарищи отвелъ Іевлевъ земли на человѣка», на что получился отвѣтъ «отвелъ де Дулинъ земли по пятнаднадцати чети человѣку въ полѣ, а въ дву

[1]) Т. III, № 361, стр. 431 и сл.

потому жъ». Итакъ, «отдѣленіе», «отводъ», при чемъ отводъ въ равной мѣрѣ на каждаго «по 15 чети»—вотъ тѣ мѣры, которыя примѣняло московское правительство при поселеніи служилыхъ людей на Бѣлгородской чертѣ. Эти мѣры неновы, онѣ практиковались и раньше; такъ, въ строельной книгѣ Козловскаго уѣзда [1]) отъ 1635 года между прочимъ говорится: «въ той же слободѣ Хмѣлевой *устроено* помѣстныхъ атамановъ 60 человѣкъ, а на усады имъ мѣста въ длину по 70 сажень, а поперекъ по 20 сажень человѣку, да дикаго поля на пашню по пятидесятъ чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ... лѣсу усаднаго ко всѣмъ усадамъ по сту саженъ... а за кѣмъ за атаманы именемъ и то писано подъ сею статьею»... Аналогично съ этимъ и вблизи Бѣлгорода есть атаманская дача также съ равновеликими починками. Не надо думать, что московское правительство силилось создать этимъ участковое подворное владѣніе. Наоборотъ, Москва любила до мелочей расцѣнивать службу каждаго и потому вовсе не думала испомѣщать служилыхъ людей равновеликими помѣстьями; лишь когда извѣстная группа несла одинаковую службу, то естественно нужно было выравнять и помѣстное жалованье: поверстать. Поэтому поселокъ изъ атамановъ получалъ по 50 четвер. на человѣка, поселокъ изъ солдатъ по 15 ч. и т. д. Когда требовалось ради безопасности поселить въ одномъ мѣстѣ сразу нѣсколько человѣкъ, то такое товарищество подбиралось изъ одной какой-нибудь группы служилыхъ людей изъ драгунъ, изъ солдатъ, наконецъ, изъ черкасъ: иначе поступить не было возможности, ибо пѣшій конному не товарищъ. Мы уже говорили, что съ точки зрѣнія поселяющихся въ одномъ селеніи скопомъ, дворовое распредѣленіе помѣстной земли являлось наиболѣе справедливымъ, справедливо оно было и съ точки зрѣнія казны. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что равновеликое на дворъ надѣленіе главнымъ образомъ примѣнялось только по Бѣлгородской чертѣ [2]). По грамотѣ Инсарскому воеводѣ Брюхатому отъ 1681 г. видно, что «въ прошлыхъ годѣхъ по царскому указу дано рейтаромъ Шепелеву съ товарищи въ Инсарскомъ уѣздѣ ...между Шукши и Лепляйки рѣчекъ дикого поля по двадцати по пяти чети человѣку... Значитъ, не только близь Бѣлгорода, но въ свое время и въ Козловѣ, и въ Инсарѣ поселенцы данной деревни надѣлялись дикимъ полемъ поровну.

Какъ только мѣстность обезопашивалась постройкой городовъ и крѣпостныхъ сооруженій и поселеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ селъ и деревень, тотчасъ же между ними подъ ихъ прикрытіемъ являлись одиночки. Такъ въ помянутомъ случаѣ на Инсарѣ жилецъ Андрей Порѣцкій

---

[1]) Акты Юр., т. II, № 144, стр. 326.

[2]) Еще въ большую погрѣшность впадаютъ тѣ, кто какъ Лаппо-Данилевскій (Организ. пром. облож., стр. 97), думаютъ, что дѣти боярскія надѣлялись землями „съ-одного“, въ одну общую дачу.

въ 1681 г. выпросилъ близь рейтарской дачи «въ тѣхъ же урочищахъ остаточнаго дикаго поля» сто четвертей, а глядя на него еще два жильца братья Кабановы выпросили и себѣ тутъ же по стольку же [1]). То же было и близь Бѣлгорода; тамъ, напримѣръ, засѣли въ с. Соломинѣ фонъ-Выкинъ вѣроятно иноземецъ въ д. Шаховкѣ—Шаховъ и т. д. Въ самомъ скоромъ будущемъ эти одиночки дѣлались рабовладѣльцами, ибо легче нигдѣ не было, какъ на окраинахъ, принимать бѣглыхъ крестьянъ.

Никто изъ нихъ не велъ туда своихъ крестьянъ пока край не былъ окончательно замиренъ: это было бы рискованно, да и дорого: гораздо легче было принимать къ себѣ чужихъ бѣглецовъ. Извѣстная по своимъ грандіознымъ размѣрамъ сл. Борисовка Грайворонскаго уѣзда населена Шереметевымъ въ началѣ XVIII вѣка именно бѣглыми крестьянами. Вынуть ихъ изъ столь сильныхъ рукъ не было возможности, хотя Петръ и посылалъ туда нарочитаго сыщика. Кромѣ того на Бѣлгородской чертѣ, какъ извѣстно, крѣпостной элементъ влился еще изъ другого источника. Черкасы, жившіе за помѣщиками и монастырями «повольно» въ одинъ прекрасный день XVIII вѣка оказались «подданными», то-есть крѣпостными.

Такимъ образомъ, провести точную грань между однофамильными и многодворными однодворческими селеніями весьма затруднительно, ибо за извѣстную черту, съ которой начиналась многодворная заимка съ «товарищи», уже къ концу XVII вѣка, какъ мы видѣли, начали втискиваться одиночки. Судьба послѣднихъ была крайне равнообразна: многіе изъ нихъ, благодаря крѣпостному праву, остались дворянами, и въ этомъ смыслѣ выдѣлились въ такъ называемыхъ «помѣщиковъ», въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова; другіе, и ихъ не такъ-то мало, бросивъ военную службу, занялись земледѣліемъ и, продолжая плодиться и множиться, попавши въ подушный окладъ и неся оброчную за землю подать, хотя часто и продолжали быть рабовладѣльцами, владѣя однодворческими крестьянами, но тѣмъ не менѣе мало-по-малу стали оскудѣвать въ самомъ корнѣ — они оскудѣли землей. Оная дробясь все болѣе и болѣе переставала обезпечивать правильное поступленіе казенныхъ податей и собственное пропитаніе.

Есть еще способъ опредѣлить интересующую насъ, топографическую грань между многодворной и однофамильной заимкой — это сопоставленіе размѣровъ нынѣшнихъ однодворческихъ общинъ.

Наблюдается, что однофамильныя общины доднесь невелики, между тѣмъ многодворныя разрослись мѣстами до грандіозныхъ размѣровъ. Если допустимъ вѣроятность этого наблюденія, а въ немъ нѣтъ, повидимому, ошибки, то съ помощью среднихъ размѣровъ нынѣшнихъ общинъ можно

---

[1]) Акты, отн. до юр., т. I № 55, стр. 317 и сл.

съ большой точностью установить предѣлы распространенія той и другой формы заимки. Мы и сдѣлали ниже такое разграниченіе не только по цѣлымъ уѣздамъ, но иногда и по ихъ частямъ, гдѣ интересующая насъ грань дѣлила нынѣшніе уѣзды на разныя части. Такимъ дѣлящимъ урочищемъ были конечно рѣки, отличавшіяся своей величиной. Съ помощью такого пріема намъ удалось провести почти непрерывную полосу, начиная съ сѣвера Тамбовской губерніи и кончая воронежскими степями, и всматриваясь въ направленіе этой полосы по картѣ, мы не можемъ не замѣтить, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому поступательному движенію Москвы въ восточныхъ степяхъ, при чемъ наблюдается и хронологическая связь въ такомъ движеніи—именно чѣмъ раньше данная мѣстность занята была Москвой, тѣмъ мельче нынѣ общины. Подробныя исчисленія приведены нами ниже при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ, а здѣсь достаточно упомянуть лишь о болѣе общихъ выводахъ. Такъ достойно вниманія то обстоятельство, что размѣры нынѣшнихъ четвертныхъ общинъ увеличиваются по направленію съ сѣвера на югъ и на юго-востокъ. Кромѣ того, общины душевочетвертныхъ владѣльцевъ почти всюду крупнѣй четвертныхъ. Дойдя до извѣстныхъ предѣловъ четвертное землевладѣніе исчезаетъ, но это происходитъ несразу: существуетъ болѣе или менѣе широкая полоса, гдѣ мы еще встрѣчаемъ остатки четвертныхъ формъ, такъ сказать ихъ слѣды: это отдѣльные домохозяева, сумѣвшіе уберечь свои четвертныя земли отъ душевого поравненія. Такъ, напр., въ Кирсановскомъ уѣздѣ насчитано всего 1600де с. четвертной земли, въ Задонскомъ уѣздѣ у 596 домохозяевъ, разбросанныхъ по всему уѣзлу 338 десятинъ, а въ землямскомъ у 332 хоз.—$683_{,3}$ дес. Какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ въ этихъ мѣстностяхъ было однодворческое землевладѣніе, при томъ преимущественно то, которое устанавливалось не одиночной, а товарищеской заимкой. Съ помощью этихъ данныхъ мы можемъ провести съ сѣвера на югъ такую полосу уѣздовъ, сохранившихъ только слѣды четвертного землевладѣнія: Елатомскій уѣздъ, Шацкій, а за нимъ на востокъ въ Спасскомъ Тамб. г. уже нѣтъ четвертныхъ владѣльцевъ, хотя за Елатьмой оно сохранилось у татаръ Темниковскаго уѣзда. За Шацкимъ уѣздомъ Моршанскій, Кирсановскій, Тамбовскій, Усманскій, Задонскій, Землянскій, Нижнедѣвицкій, Коротоякскій и вѣроятно Бирюченскій. На востокъ отъ этой полосы нѣтъ четвертной формы, но на западъ, начиная со Скопинскаго уѣзда и на югъ до Бѣлгорода она все болѣе и болѣе распространяется. Ниже мы увидимъ тѣ основанія, по коимъ можно допустить, что съ этой именно полосы начиналась многодворная заимка. Но намъ нужно опредѣлить и южную ея границу. Здѣсь несомнѣнно она проходитъ черезъ Курскую и Орловскую губернію и, сопоставляя уѣзды этихъ губерній между собой, мы найдемъ, что географической гранью могутъ служить рѣка Сосна для Елецкаго и Ливенскаго уѣзда и рѣка Семь для Курскаго, Льговскаго,

Рыльскаго и отчасти Путивльскаго. Кромѣ того, каждая большая рѣка создавала извѣстные интервалы, о чемъ будетъ сказано ниже.

Къ сожалѣнію полтавскіе и черниговскіе сборники намъ ничего не даютъ въ этомъ отношеніи. Въ полтавскихъ сборникахъ часто говорится о подворно-участковомъ землевладѣніи государственныхъ и казенныхъ крестьянъ, но говорится такъ поверхностно, что сути этого владѣнія никакъ понять нельзя. Невидно также откуда взялись эти разряды крестьянъ въ Полтавской губерніи: исторія ихъ не выяснена, такъ же какъ не выяснена разверстка ихъ пахотныхъ земель. То же нужно сказать и о черниговскихъ сборникахъ. Здѣсь, правда, сопоставляя данныя румянцевской переписи, можно заключить, что государственныя крестьяне Черниг. губ. составились изъ бывшихъ монастырскихъ посполитыхъ (экономическихъ крестьянъ) и стрѣльцовъ съ бобровниками. Подъ стрѣльцами надо понимать тотъ великороссійскій элементъ, который для вящаго закрѣпленія малороссійскаго края былъ посылаемъ изъ Москвы или изъ Сѣвска, сперва временно на побывку въ Кіевъ, Переяславль, Миргородъ, Черниговъ и другіе города; затѣмъ этотъ элементъ могъ осѣсть на малороссійскхъ земляхъ [1]). Но все это повторяю догадки, неподтвержденныя мѣстными изслѣдованіями, ибо оныя исторіи заселенія Малороссіи и исторіи формъ ея землемлевладѣнія не коснулись. Вообще же мы знаемъ, что малороссійская Украина въ предѣлахъ трехъ губерній: Харьковской, Полтавской и Черниговской заселялась преимущественно съ юго-запада казаками, переходившими съ правой стороны Днѣпра; это была вольная «займанщина», а не служилая «заимка», въ московскомъ смыслѣ. Я не имѣю силъ установить для займанщины, порядокъ эволюціи земельныхъ отношеній, ибо не чувствую себя подготовленнымъ для столь трудной работы. Моя задача, намѣтивъ себѣ границы распространенія однодворцевъ выяснить только ихъ исторію. Добавлю, что мое изслѣдованіе въ дальнѣйшемъ изложеніи кромѣ помянутаго района охватитъ можетъ быть еще двѣ губерніи Саратовскую и Самарскую. Къ большому сожалѣнію у насъ нѣтъ данныхъ о Пензенской и Симбирской губерніяхъ. Симбирская черта, ограждавшая восточную украйну несомнѣнно играла такую же роль какъ и Бѣлгородская на югѣ, но въ то время какъ аванпосты Бѣлгорода получили подкрѣпленіе со стороны малороссійскихъ казаковъ съ ихъ сложившимися взглядами на землевладѣніе, аванпосты Симбирска, встрѣчая на пути своемъ довольно слабыхъ инородцевъ—башкиръ, киргизовъ и татаръ, выдвигались все южнѣе, внизъ по Волгѣ и на юго-востокъ за Волгу. Однако это завоеваніе шло медленно, и только въ XVIII вѣкѣ началась

---

[1]) По статьямъ 1672 г. московскіе служилые люди значатся въ Почепѣ 47 ч., Новгор. Сѣв. 165 ч. въ Черниговѣ 61 ч., Стародубѣ 57 ч., Чугуевѣ 362 ч., въ Харьковѣ 87 ч., Недрыгайловѣ 104 и проч. П. С. З. № 522.

колонизація южныхъ уѣздовъ Самарской губерніи, и притомъ колонизація мирная. Этого не могло случиться за Бѣлгородской чертой—выходцы изъ Бѣлгорода поглощались, ассимилировались казацкой вольницей, такъ же какъ и черкасы заходившіе съ юга на сѣверъ въ предѣлы Воронежской и Курской губерній, ассимилировались съ великороссійскими однодворцами. Другая важная разница заключается въ томъ, что благодатная курская украйна уже во времена Екатерины считалась малоземельною, Самарская же и Саратовская губерніи почти доднесь были излюбленнымъ мѣстомъ для переселенцевъ; это была такъ называемая «моздовка», куда направлялось мирное переселенческое движеніе даже въ XIX вѣкѣ. Тамъ же были размѣщены въ XVIII вѣкѣ нѣмецкія колоніи. Кромѣ того, здѣсь сохранились и инородческія общины, главнымъ образомъ татарскія и мордовскія. Все это клало свой опечатокъ на тамошнихъ однодворцевъ, хотя въ общемъ нѣтъ особенныхъ различій. Чтобы покончить съ топографическимъ размѣщеніемъ интересующаго насъ однодворческаго населенія, мы должны остановиться нѣсколько на извѣстныхъ статьяхъ 1672 года [1]). Этотъ важный документъ, кромѣ перечисленія укрѣпленныхъ украинскихъ городовъ, даетъ намъ цифровыя данныя о числѣ служилыхъ людей по каждому городу и по каждому роду оружія. Данныя эти можно свести въ табличную форму, и мы расположимъ города съ сѣвера на югъ, придерживаясь по возможности нынѣшнихъ губерній [2]).

Это конечно официальныя данныя: поселившіеся безъ дачъ, могли не попасть въ эту роспись. Но если допустить, что и это населеніе служилаго сословія удержалось въ помянутыхъ мѣстахъ, то придется признать значительную густоту населенія къ концу XVII вѣка.

Всѣхъ служилыхъ людей въ росписи 1672 года насчитывается 42,651 человѣкъ. Изъ нихъ рейтаровъ 10,658—25,0%, драгунъ и копейщиковъ 7,799—18,3%, городовыхъ казаковъ 648 — 1,5%, солдатъ 4,710—11,1%, станичниковъ, дѣтей боярскихъ на самыхъ южныхъ пунктахъ, 503—1,1%, дѣтей боярскихъ полковыя службы (здѣсь вѣроятно и городовые дворяне, 4,219—9,9% и дѣтей боярскихъ городовыя службы 14,114—33,1%

Здѣсь очевидно нѣтъ городовыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ; новоприборныхъ полковъ изъ даточныхъ также очевидно нѣтъ, какъ нѣтъ служилыхъ людей «замосковныхъ» городовъ, временно командированныхъ въ Сѣвскъ, Елецъ и Бѣлгородъ. Но 1672 годъ былъ тревожнымъ годомъ, ждали напаленія турскаго султана, стало-быть, на югѣ были прибылые полки: вносить ихъ въ роспись не было конечно надобности, внесены только испомѣщенные. Рейтары, драгуны, копейщики, казаки испомѣща-

---

[1]) П. С. З., № 522.

[2]) Помѣщаемъ эту таблицу въ концѣ этой главы, въ видѣ приложенія.

лись обыкновенно близъ крѣпостей-городовъ, тоже стрѣльцы и пушкари. Заниматься земледѣліемъ имъ не было никакой возможности долгое время, ибо, строго говоря, они были день и ночь на дѣйствительной службѣ [1]). Близость къ городу и его интересамъ больше располагала эти разряды служилыхъ людей къ торговлѣ, и, какъ только наступало сравнительное замиреніе края, всѣ эти пригородные жители кидались именно на торговлю. Мы знаемъ, что стрѣльцы въ Москвѣ занимались торговлей въ широкихъ размѣрахъ; то же, только въ миніатюрѣ, проявлялось и гдѣ-нибудь во Мценскѣ или Ельцѣ. Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича смотрѣло на эти занятія служилыхъ людей покровительственно. 11 ст. XIX главы гласитъ слѣдующее: «а которые *въ городѣхъ* (значитъ не въ одной Москвѣ) стрѣльцы, и казаки, и драгуны всякими торговыми промыслы промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ: и тѣмъ стрѣльцамъ, и казакамъ, и драгунамъ съ торговыхъ своихъ промысловъ платити таможенныя пошлины, а съ лавокъ оброкъ, а съ посадскими людьми тягла имъ не платити и тяглыхъ службъ не служити». Слѣдующая 12 ст., касавшаяся другихъ родовъ оружія, редактирована уже иначе: здѣсь «иныхъ чиновъ служилые люди: пушкари, затинщики, и воротники, и казенные плотники и кузнецы», буде занимаются торговлей, сверхъ оплаты всякихъ пошлинъ, обязаны еще «быти въ тяглѣ и всякіе государевы подати платити, и службы служити съ посадскими людьми въ рядъ». Значитъ, такъ или иначе, всѣ эти разряды имѣли право заниматься торговлей, и это было для нихъ и выгодно и удобно. Удобно потому, что къ каждому городу полагался значительный выгонъ и уже за выгонами начинались помѣстья, коими были верстаны эти служилые люди: заняться земледѣліемъ при этихъ условіяхъ значило отбиться отъ города, что не совсѣмъ было удобно. Къ ихъ эксплоатаціи они приступили очень поздно, мѣстами не раньше половины XVIII вѣка, а есть случаи, какъ, наприм., близъ Мценска, что земли подгородныхъ слободъ такъ и остались неподѣленными и эксплоатируются арендой [2]). Кромѣ пропуска стрѣльцовъ, въ приведенной росписи, повидимому, пропущены и городовые казаки: они числятся только въ Путивлѣ и Рыльскѣ, да почему-то въ Одоевѣ. Между, тѣмъ близъ каждаго помянутаго въ росписи города имѣются доднесь и казацкія слободы: очень можетъ быть, что къ 1672 г. начали подъ общимъ именемъ городовыхъ казаковъ разумѣть въ отличіе отъ малороссійскихъ казаковъ (черкасъ) вообще всѣхъ конныхъ воиновъ, то-есть драгунъ, рейтаръ и копейщиковъ. Существованіе XXIV главы Уложенія,

[1]) Десятинная государева пашня, правда, производилась ими, но производилась „въ неволю".

[2]) Нашъ выводъ ничуть не противорѣчитъ замѣчанію Соловьева о томъ, что жители городовъ занимались земледѣліемъ еще въ XVI в. Соловьевъ говоритъ о посадскихъ, а не служилыхъ людяхъ. Т. VII, гл. 1, стр. 388, изд. Общ. Пользы.

озаглавленной «указомъ объ атаманѣхъ и казакѣхъ» и содержащей всего 2 статьи, ничего намъ не объясняетъ въ этомъ отношеніи. Впрочемъ «самопальные кузнецы» этимъ указомъ трактуются за одно съ казаками. Во всякомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что драгуны и копейщики въ разсматриваемое время назывались и городовыми казаками, хотя окончательная переформировка войскъ состоялась позже этого времени. Если выдачу жалованія драгунамъ вѣдалъ Рейтарскій приказъ [1]), то онъ же вѣдалъ жалованье и пушкарямъ и солдатамъ, иначе говоря, всѣмъ службамъ новаго строя, тогда какъ Разрядъ вѣдалъ старые, такъ называемые дворянскіе полки. Переформировка городовыхъ казаковъ, какъ коннаго войска, только и могла послѣдовать въ смыслѣ обращенія ихъ въ драгуны и рейтары. Что касается служилыхъ другого иноземскаго строя—солдатъ, то это по преимуществу пѣхотное войско испомѣщалось, кромѣ г. Воронежа, вдали отъ городовъ. Только еще въ одномъ случаѣ солдаты частью были испомѣщены близъ города, и то объ этомъ приходится заключать по одному пережитку, а не на основаніи точныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Я хочу указать, что ближайшая улица къ сл. Казацкой, подъ городомъ Курскомъ, называется «Солдатской». Но этотъ пережитокъ не имѣетъ особеннаго значенія. Мы знаемъ, что наиболѣе обиженнымъ служилымъ «чиномъ» въ XVII вѣкѣ были именно солдаты: имъ отводились наименьшихъ размѣровъ помѣстья и отводились въ плохихъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ какъ всѣ перечисленные нами разряды служилыхъ людей, не исключая и стрѣльцовъ, служили по прибору, а не по отечеству, при чемъ въ ихъ среду попадало немало даточныхъ изъ разныхъ сословій тогдашней Руси, то въ общемъ составѣ населенія пригородныхъ и солдатскихъ слободъ въ самомъ началѣ своего существованія долженъ былъ отличаться особенною разнохарактерностью, безъ особенныхъ традицій и въ то же время съ сильнымъ оттѣнкомъ того разгильдяйства, которое вообще свойственно «гулящимъ» людямъ. Мы увидимъ, что въ составъ пригородныхъ служилыхъ попадали и черкасы (напр., близъ Чернавска, Корочи и др.), донскіе, и даже яицкіе казаки (напр., около Бѣлгорода) [2]).

Другое дѣло, дѣти боярскія полковыя и городовыя службы. Нѣтъ особенной надобности останавливаться на строго проводимой разницѣ между полковою службою и службою съ городомъ: для нашихъ цѣлей это безразлично. Достаточно намъ знать, что къ старости, или получивши рану, или отъ чрезмѣрной скудости каждый помѣщикъ могъ попасть изъ полковой въ городовую службу, и наоборотъ, каждый недоросль и вообще служившій съ городомъ легко могъ перейти въ полкъ. Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ однимъ со-

---

[1]) См. П. Милюковъ. Госуд. Хозяйст. Россіи XVIII вѣка, стр. 101.

[2]) См. десятня десятинной пашни у И. Миклашевскаго, стр. 268.

словіемъ, и надо замѣтить, что сословіе это носило на себѣ много кастовыхъ оттѣнковъ. Въ своей таблицѣ мы удержали раздѣленіе дѣтей боярскихъ на полковыхъ и городовыхъ ради той единственной разницы, которая для насъ имѣетъ большое значеніе. И дѣйствительно, полковая служба, какъ служба дѣйствительная, требовала постояннаго занятія или по крайней мѣрѣ полнаго отвлеченія отъ другихъ занятій. Полки передвигались съ одного мѣста на другое, часто угонялись за тридевять земель, нерѣдко участвовали въ битвахъ... Другое дѣло служба «съ городомъ», она, собственно говоря, заключалась въ обязанности выѣхать «коннымъ и оружнымъ» къ своему городу, если ему грозитъ набѣгъ татаръ, черкасъ, поляковъ, то-есть приходъ воинскихъ людей вообще. Въ описываемое время въ такихъ отдаленныхъ отъ непріятеля городахъ, какъ въ Ельцѣ, Козловѣ, Ефремовѣ или даже Обояни, защищенной крѣпкимъ Бѣлгородомъ, сравнительно трудно было ожидать прихода угомонившихся татаръ; слѣдовательно къ этому времени городовая служба давала нѣкоторую возможность сидѣть дома и съ успѣхомъ заниматься своими дѣлами. Такимъ образомъ, 33% или треть служилаго сословія къ концу XVII столѣтія сидѣла дома, сложа руки: немудрено, что это сидѣнье породило ту самую однодворческую лѣнь, которой. П. Верперъ приписалъ дворянское происхожденіе. Что же дѣлали дѣти боярскія городовой службы въ описываемое время? Мы отчасти уже знаемъ, что большинство ихъ занялось мирнымъ земледѣліемъ. Оное велось нерѣдко рабьимъ трудомъ. Но рабы плодятся вообще туго, источникъ же рабства—война сдѣлалась достояніемъ другихъ, несшихъ «полковую службу». Рабы дорожали съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ рѣдѣли средства на ихъ покупку. А тутъ семейные раздѣлы заставляли дробить рабовъ на части. Приходилось или вовсе обнищать и пойти врозь, или начать работать самому. Собственный трудъ, приложенный къ дикимъ полямъ черноземной Украйны, сторицею вознаграждалъ догадливыхъ: имъ стали завидовать и тѣ, кто былъ въ полку. И вотъ, получивъ возможность заниматься мирнымъ трудомъ, а не дикой войной, прежнихъ службъ служилые люди и въ особенности дѣти боярскія становятся земледѣльческимъ классомъ. Изъ нихъ-то главнымъ образомъ составилось то сословіе, которое въ XVIII вѣкѣ получило названіе однодворцевъ. Остановимся еще на нѣкоторыхъ деталяхъ нашей таблицы, хотя позже намъ не разъ еще придется ссылаться на нее. Въ сѣверной части охваченнаго таблицей района мы насчитываемъ всего 18 городовъ съ 3089 служилыми людьми разныхъ родовъ оружія. Преобладаютъ рейтары и дѣти боярскія полковой службы. Это даетъ тотъ же выводъ, какой мы получили, сопоставляя по писцовымъ книгамъ Каширскій уѣздъ съ Орловскимъ. Въ средней полосѣ по Сѣвскъ и Воронежъ мы видимъ преобладаніе дѣтей боярскихъ городовой службы: особенно ихъ много въ Козловѣ—4552 и въ Ельцѣ—1100. Мы не знаемъ, по-

чему пропущенъ Тамбовъ, но, очевидно, эта крѣпость была хорошо укрѣплена, ибо только за ея прикрытіемъ могъ такъ благоденствовать Козловъ. Такъ же благоденствовала Обоянь (760 чел.) за Бѣлгородомъ, а Елецъ за Воронежемъ.

Не то мы видимъ на южной и западной окраинахъ. На послѣдней, въ Сѣвскѣ стоятъ драгуны «Камарицкой волости» въ количествѣ 4164 человѣкъ, въ Бѣлгородѣ—1580 разныхъ служилыхъ, не считая постоянно приходившихъ и уходившихъ полковъ. Здѣсь уцѣлѣли еще станичники и вожи, роль коихъ передвинулась уже далеко на югъ, въ Валуйку и Чугуевъ. На югѣ мало дѣтей боярскихъ, очевидно, иноземскій строй больше соотвѣтствовалъ цѣлямъ: въ Воронежѣ, напр., вся сила покоится на солдатахъ. Стратегическое значеніе полковъ изъ дѣтей боярскихъ кончилось, кончилось не начинаясь, ибо кромѣ серьезныхъ пораженій, дѣти боярскія ничего не дали и не могли дать своему отечеству. Я ничего не сказалъ здѣсь о томъ, какъ и гдѣ испомѣщались дѣти боярскія — но мы это уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія. Мы помнимъ, что дѣтямъ боярскимъ земля не отводилась какъ солдатамъ, а они сами пріискивали себѣ помѣстья въ любомъ мѣстѣ: выборъ, самый стѣсненный, выгоднѣй принудительнаго отвода. Размѣры испомѣщенія намъ тоже извѣстны.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о густотѣ помѣстнаго населенія въ XVII вѣкѣ. Очевидно, въ росписи пропущены всѣ недоросли и вдовы — цѣли не было ихъ вносить, но ихъ, надо думать, было не мало, особенно въ южныхъ окраинахъ, — ибо гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ, а гдѣ воюютъ, тамъ и бьютъ. Но даже если мы и игнорируемъ ихъ, а равно откинемъ сѣверную часть района съ 3089 чел., то у насъ получится около 40 тысячъ семействъ служилаго сословія. Допуская, что на каждую семью приходилось около 3 душъ мужскаго пола, получимъ уже очень близкую цифру къ тому числу, которое извѣстно объ однодворцахъ 1715 года. Тогда ихъ считалось 147,347 душъ во всей Кіевской губерніи. [1])

---

[1]) См. П. Милюковъ. Гос. Хоз. Росс., стр. 643 примѣч.

Приложеніе.

Роспись городамъ 1672 года.

Названіе городовъ.	ЧИСЛО СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЕЙ.								Всего.
							дѣтей боярск.		
	Рейтаръ.	Драгунъ.	Копейщиковъ.	Солдатъ.	Городовыхъ казаковъ.	Станичниковъ и ѣздоковъ.	Полковыя службы.	Городовыя службы.	
Тула	324	—	6	60	—	—	445	—	835
Солова	38	—	—	—	—	—	224	—	262
Дѣдиловъ . . .	55	—	—	2	—	—	—	—	57
Епифань	95	—	—	—	—	—	—	152	247
Михайловъ. . .	139	—	—	18	—	—	—	—	157
Кашира	135	—	—	5	—	—	290	—	430
Серпуховъ . . .	2	—	—	—	—	—	6	—	8
Алексинъ. . . .	4	—	—	—	—	—	32	—	36
Таруса.	14	—	—	—	—	—	18	—	32
Калуга.	37	—	—	3	—	—	44	—	84
Воротынскъ . .	10	—	—	1	—	—	33	—	44
Мѣщовскъ . . .	48	—	—	—	—	—	45	—	93
Серпейскъ . . .	6	—	—	2	—	—	23	—	31
Козельскъ . . .	10	—	—	2	—	—	17	—	29
Медынь	7	—	—	—	—	—	12	—	19
Бѣлевъ.	128	—	88	—	—	—	70	—	286
Одоевъ.	36	—	—	4	25	—	359	—	424
Лихвинъ	—	—	—	—	—	—	15	—	15
Итого по сѣвернымъ городамъ.	1088	—	94	97	25	—	1633	152	3089
Болховъ	129	—	53	—	—	—	57	—	239
Карачевъ . . .	50	—	12	—	—	—	149	—	211
Чернь	236	46	11	19	—	—	—	144	456
Мценскъ	459	6	68	87	—	—	16	65	701
Новосиль. . . .	442	101	63	70	—	—	—	108	784
Ефремовъ . . .	973	—	38	59	—	—	—	980	2050
Брянскъ	—	—	—	—	—	—	170	—	170
Донковъ	102	44	—	15	—	—	—	209	370
Лебедянь. . . .	160	59	19	2	—	—	4	120	364
Доброй.	488	999 [1]	4	—	—	—	—	—	1491
Усмань.	—	—	3	335	—	—	—	449	787
Козловъ	1232	—	156	158	—	—	9	4552	6107
Орелъ	512	—	53	—	—	—	136	—	701
Кромы.	330	—	26	—	—	—	322	—	678
Ливны	202	29	42	60	—	—	—	420	753
Елецъ	494	56	138	24	—	—	7	1100	1819
Чернавскъ . . .	31	—	—	41	—	—	—	193	265
Талецъ.	24	—	—	13	—	—	—	14	51
Сѣвскъ	—	4164	—	193	—	—	—	—	4357
Трубчевскъ. . .	—	—	—	—	—	—	5	—	5
Стародубъ . . .	8	—	5	—	—	—	44	—	57

[1]) Въ городовой службѣ.

Названіе городовъ.	ЧИСЛО СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЕЙ.								Всего.
	Рейтаръ.	Драгунъ.	Копейщиковъ.	Солдатъ.	Городовыхъ казаковъ.	Станичниковъ и ѣздоковъ.	дѣтей боярск. Полковыя службы.	дѣтей боярск. Городовыя службы.	
Почепъ	—	—	—	—	—	—	47	—	47
Рославль. . . .	—	—	—	—	—	—	28	—	28
Новгор. Сѣверск.	18	—	—	—	109[1]	—	147	—	274
Черниговъ . . .	4	—	—	—	—	—	57	—	61
Путивль	—	—	—	—	335	—	212	—	547
Рыльскъ	106	—	—	—	179	—	297	—	582
Курскъ.	490	56	63	150	—	—	175	439	1373
Обоянь.	175	—	3	307	—	—	6	760	1251
Бѣлгородъ . . .	748	—	102	285	—	228	54	163	1580
Болховецъ . . .	173	—	11	153	—	—	—	55	392
Карповъ	160	—	49	161	—	—	—	327	697
Хотмыжскъ. . .	45	—	3	225	—	—	—	218	491
Короча	51	—	3	265	—	—	—	214	533
Яблоновъ. . . .	152	—	34	155	—	7	—	418	766
Нежегольскъ . .	—	—	1	—	—	13	—	—	14
Старый Осколъ.	229	36	140	92	—	—	1	514	1012
Новый Осколъ .	146	54	8	341	—	—	—	366	915
Валуйки	229	—	—	—	—	127	—	—	356
Воронежъ . . .	—	—	121	608	—	—	35	211	975
Землянскъ . . .	—	—	2	—	—	—	—	138	140
Верхососенскъ .	33	—	2	191	—	—	—	84	310
Усердъ.	69	—	—	153	—	40	—	65	327
Острогожскъ . .	70	—	—	—	—	40	—	63	173
Коротоякъ . . .	113	—	2	262	—	—	—	414	791
Урывъ	—	—	—	—	—	—	—	46	46
Костенскъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	201	201
Орловъ городокъ	—	239	—	—	—	—	—	—	239
Суджа	—	—	—	—	—	—	318	—	318
Харьковъ . . .	34	—	1	—	—	—	—	52	87
Чугуевъ	105	—	—	6	—	24	—	227	362
Салтовъ	—	—	—	—	—	—	—	129	129
Маяцкой. . . .	—	—	—	—	—	—	—	94	94
Каменной . . .	—	—	—	—	—	—	186	—	186
Недрыгайловъ. .	—	—	—	—	—	—	104	—	104
Сокольской. . .	488	580	—	—	—	—	—	—	1068
Олешня	6	—	—	36	—	—	—	173	215
Вольной	3	—	—	76	—	—	—	129	208
Ольшанскъ. . .	51	—	—	71	—	24	—	108	254
	10658	6469	1330	4710	648	503	4219	14114	42651

[1]) Бѣломѣстныхъ.

[2]) 152 верстанныхъ и 183 городовыхъ.

ГЛАВА III.

Реформы Петра Великаго.

Военная реформа.—Сословіе однодворцевъ.—Комплектованіе и содержаніе ландмиліціи.—Подушная подать.—Составленіе ревизскихъ сказокъ самими однодворцами.—Составъ однодворческой семьи.—Уходъ на вольныя земли поспѣвшихъ въ службу. Однодворческая община при Петрѣ I.—Прикрѣпленіе окладной души къ землѣ.—Поселеніе бѣглыхъ однодворцевъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ.—Установленіе круговой поруки у однодворцевъ въ платежѣ подушной и оброчной податей.—Указъ 1727 г. о неотчуждаемости однодворческихъ земель.—Указъ сената 1724 г. объ освобожденіи закрѣпощенныхъ помѣщиками однодворцевъ.—Значеніе реформъ Петра I.—Отсутствіе поземельной политики и безсознательное творчество въ реформахъ Петра I.

Никто не думалъ, что забавы царя-ребенка съ потѣшными полками повлекутъ за собой полную реорганизацію всего военнаго строя цѣлаго государства. Правда, эта реорганизанія началась много раньше, но шла впередъ черепашьимъ шагомъ, незамѣтно. Петръ I не любилъ мѣшкать и быстро окончилъ, округлилъ то, что до него было въ зародышѣ. Военная реформа Петра съ интересующей насъ точки зрѣнія сводится главнымъ образомъ къ слѣдующему. Войска, нуждавшіяся въ военныхъ экзерціяхъ, были сдѣланы постоянными; отсюда произошло измѣненіе, какъ въ способѣ ихъ собиранія, такъ и въ способѣ содержанія. Рекрутскій наборъ, дававшій главную массу «людей» въ новообразуемые или пополняемые полки, смѣнилъ собою прежніе «разборы, смотры, высылки». Разница между ними была громаднѣйшая. Прежде, разбирая новиковъ, надо было разцѣнить ихъ служилое тягло, ихъ экономическую мощь, и смотря по ней опредѣлить, «кто въ какую службу пригодится, кого съ какую службу станетъ». Теперь наборъ этимъ не занимался—всѣ новики были въ равной мѣрѣ солдаты или драгуны, то-есть низшіе служилые чины, «люди», какъ выражаются до сихъ поръ господа офицеры, «пушечное мясо», какъ выражается публика. Наборъ смотрѣлъ только затѣмъ, чтобы сдаваемые въ службу были годны къ ней, были «собой человѣчны», какъ выражалась приказная Москва конца XVII столѣтія. Набору не было надобности разбирать, кто коненъ и оруженъ, ему нужны только люди, а коней и оружіе, аммуницію и провіантъ дастъ казна. Прежній разборъ ревниво слѣдилъ, чтобъ не попали въ войско неслужилыхъ отцовъ дѣти; слѣдилъ также за тѣмъ, чтобы безпомѣстные новики были поверстаны помѣстьями. Съ наборомъ все это теряетъ всякій смыслъ: государству все равно, кто «по породѣ» своей рекрутъ, есть ли у него помѣстье, можетъ ли онъ нести извѣстную службу, требовавшую прежде извѣстныхъ затратъ. Всѣ эти затраты теперь приняты казной на свой счетъ: казнѣ нужны только годные

въ службу рядовые. Нуженъ ихъ трудъ и только: за это казна поитъ, кормитъ, одѣваетъ и сверхъ того платитъ еще жалованье.

Само собой понятно, что при такой организаціи новая служба отнимала у «людей» положительно все время и, собственно говоря, всю жизнь, ибо служба эта была безсрочною. Съ другой стороны, столь же понятно и то, что при такой организаціи невозможно, да и не нужно было ополчать всѣхъ поголовно, надо было оставить дома такую часть населенія, которая была бы въ состояніи прокормить эту страшную военную обузу. Такимъ образомъ все, что не попадало въ рекруты, тѣмъ самымъ обязывалось содержать этихъ рекрутовъ. Привилегій Петръ I въ теоріи не допускалъ никакихъ и ни для кого. Купеческія кумпанства строили корабли въ Воронежѣ, черносошные высылали землекоповъ и плотниковъ въ Питеръ; монастыри устраивали госпитали, однодворцы платили подворную подать и поставляли подводы; вотчинники и помѣщики, кромѣ податей и подводъ, обязаны были дать рекрутъ, да кромѣ того должны были сами служить и дѣтей своихъ посылать за границу въ «науку». Даже самъ царь несъ тяжелую повинность въ костюмѣ плотника или матроса. Страшное напряженіе силъ требовалось отъ населенія. Это напряженіе шло двоякимъ путемъ: личной службой и податями; но одно не исключало другого: обязанный личной службой не освобождался отъ податей, и наоборотъ. Населеніе задыхалось отъ возложеннаго на него бремени, Петръ видѣлъ это, но былъ неумолимъ и безпощаденъ въ своихъ требованіяхъ. Идейные люди всегда бываютъ таковы: имъ нѣтъ дѣла до ужасовъ войны и голода, до человѣческихъ страданій и слезъ; имъ нужно достигнуть цѣли, въ которую они свято вѣруютъ, и только. Затянувшаяся война лишь увеличивала тягость созданнаго положенія: почти четверть вѣка населеніе Россіи раздѣлялось, собственно говоря, на два класса—дѣйствующую армію и податныхъ тяглецовъ. Неудивительно, что при такой структурѣ государства всѣ прежніе устои общественной жизни должны были полетѣть пухомъ. Некогда, да и не кому было слѣдить за правильнымъ развитіемъ гражданственности. А тутъ, какъ на грѣхъ, это страшное напряженіе совпало съ колоссальнымъ новаторствомъ главнаго руководителя русскаго царства. Все старое, «московское» безъ разбора отрицалось, осмѣивалось, обрѣзывалось, и взамѣнъ его предлагалось также безъ разбора новое, заморское, плохо изученное и часто непродуманное. Многое изъ внесеннаго съ запада принесло громадную пользу Россіи, если не сейчасъ же, то впослѣдствіи, но столь же многое принесло съ собой и порядочный вредъ. Ниже мы будемъ имѣть случай говорить о такихъ навредившихъ новшествахъ, теперь же остановимся лишь на судьбѣ прежнихъ службъ служилыхъ людей.

Что сталось съ ними при Петрѣ I? Читатель уже догадывается, что теперь у правительства нѣтъ цѣли заботиться о поземельномъ устройствѣ

служилаго сословія: оно дѣйствительно снимаетъ этотъ вопросъ съ очереди. Мы не видимъ уже заботъ объ испомѣщеніи безпомѣстныхъ, объ отводѣ земель новоселамъ, о выдачѣ денегъ на устройство дворовъ, кромѣ новой столицы... Правительственная номенклатура начинаетъ смѣшивать вотчины и помѣстья и, не видя въ нихъ уже никакой разницы, обобщаетъ ихъ подъ именемъ «недвижимыхъ добръ». Почему-то думаютъ, что это безразличіе произошло въ смыслѣ распространенія вотчинныхъ тенденцій въ область помѣстнаго права; на самомъ же дѣлѣ произошло нѣкоторое умаленіе вотчинныхъ правъ, ибо царь Петръ неоднократно и послѣдовательно проводилъ ту тенденцію, по коей «въ Россіи никто землями даромъ не владѣетъ». Иначе говоря, вся земля именно въ это время была по крайней мѣрѣ въ теоріи «изоброчена». И эта тенденція не замедлила проявиться еще въ царствованіе Петра I. Не говоримъ здѣсь объ обязательности службы дворянъ, о дачѣ ими рекрутовъ, объ умаленіи ихъ правъ закономъ о единонаслѣдіи, достаточно сказать лишь объ изображеніи однодворческихъ помѣстныхъ земель. Однодворцы, какъ сословіе, есть созданіе именно Петра. Терминъ этотъ встрѣчается гораздо раньше, но онъ выражалъ первоначально только соціально-экономическое положеніе служилаго человѣка. Многіе служилые люди, какъ мы знаемъ, въ срединѣ XVII вѣка получили возможность заниматься земледѣліемъ; большинство таковыхъ не были рабовладѣльцами и потому землю пахали сами. Если иногда у нихъ и были крестьяне или чаще просто захребетники и родственники, то всѣ они жили въ одномъ дворѣ, ѣли изъ одной миски [1]). Писцы и переписчики въ своихъ книгахъ прямо отмѣчали о такихъ, что они «пашутъ сами», или что они «однодворцы» то-есть живутъ въ одномъ дворѣ и занимаются хлѣбосѣйствомъ. Подворная подать только поощряла такую организацію семейной жизни. Въ XVIII вѣкѣ было замѣчено, что вся великороссійская Украйна заселена преимущественно такими однодворцами. Экономическая захудалость ихъ по сравненію съ помѣщиками-рабовладѣльцами была весьма значительна и не могла не броситься въ глаза; не смотря на то, что оба эти класса сидѣли на такой же помѣстной землѣ и часто рядомъ въ одной деревнѣ, правительство понимало бездонную пропасть этой соціальной разницы и не могло не сдѣлать различія между этими группами. Въ то время, какъ дворяне-помѣщики благодаря табели о рангахъ организовывались въ особое сословіе, низшій разрядъ прежнихъ служилыхъ людей, лишенный средствъ двигаться по табели, былъ самимъ правительствомъ организованъ въ особое сословіе однодворцевъ. Сословіемъ можно назвать такую группу подданныхъ, которая по дѣламъ своей

[1]) Детали объ однодворческихъ крестьянахъ можно найти у П. Вернера, Сбор. стат. свѣд. Кур. у.

общественной дѣятельности имѣетъ право, имѣетъ юридическую возможность совѣщаться (со-словіе). Это право формально было дано однодворцамъ при установленіи ландмилицкихъ полковъ, что имѣло мѣсто при Петрѣ въ 1711 г. Нѣтъ сомнѣнія, что однодворческія родовыя общины гораздо раньше этого имѣли юридическую возможность совѣщаться о своихъ дѣлахъ: о выборѣ атамановъ, осадчихъ, ходоковъ, повѣренныхъ, о распредѣленіи земельныхъ угодій, объ отбывѣ натуральныхъ повинностей, о сборѣ податей и проч. Но сфера компетенціи здѣсь была слишкомъ ограниченная, узкая; за ея предѣлами было еще нѣчто болѣе общее, чего разрѣшить отдѣльной общинѣ было не подъ силу. Такимъ обобщающимъ элементомъ на первый разъ явилась обязанность содержать ландмилицію. Тяжелая повинность эта падала на всѣхъ однодворцевъ, и тотъ, кто возложилъ ее на нихъ, долженъ былъ дать однодворцамъ и сословную организацію. Все это выразилось ясно и отчетливо нѣсколько позже, а именно въ указѣ 4 апрѣля 1723 г. И говорить нечего, что указъ этотъ никакихъ сословныхъ привиллегій не устанавливалъ, не опредѣлялъ онъ даже и простыхъ правъ сословія, онъ гласилъ лишь объ обязанностяхъ: «На украинцовъ Азовской и Кіевской губерніи сверхъ осьмигривеннаго сбору положить еще по четыре гривны съ души, вмѣсто того, что протчіе крестьяне платятъ—дворцовые во дворецъ, синодальняго вѣдѣнія въ синодъ помѣщиковы своимъ помѣщикамъ... и тотъ четырегривенный сборъ сбирать особливо и употреблять на ландмилицію конную, которую собрать числомъ столько, сколько ихъ на тѣхъ сборныхъ деньгахъ содержать будетъ можно, положа на рядоваго жалованья по три рубля въ годъ... А выбрать ту ландмилицію Азовской и Кіевской губерній всѣхъ провинцій изъ однодворцевъ, изъ копейщиковъ, изъ рейтаръ, изъ драгунъ, изъ солдатъ и стрѣльцовъ, изъ казаковъ и пушкарей, и затинщиковъ, и станичниковъ и протчихъ, которые къ тому уже позаобычнѣе и къ службѣ годные»... Мы цитируемъ этотъ указъ по указной книгѣ, изданной въ 1739 году (стр. 641). Въ Полномъ Собраніи законовъ мѣсто это нѣсколько искажено. Но по обоимъ источникамъ трудно рѣшить, что здѣсь «однодворцы»— обобщенное ли названіе всѣхъ родовъ оружія, или только особый разрядъ служилыхъ людей?

Позднѣйшіе указы разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ первомъ значеніи. Указъ отъ 14 мая того же года уже не дѣлаетъ перечисленій разнаго рода оружій, а прямо говоритъ: «конскій уборъ строить изъ тѣхъ денегъ, которыя съ однодворцовъ сбираться будутъ» [1]). Такимъ образомъ въ новое сословіе однодворцевъ вошли всѣ прежнихъ службъ служилые люди не исключая и городовыхъ дворянъ. Такое включеніе было обусловлено однимъ

[1]) Та же указная книга 1739, стр. 652.

болѣе общимъ мѣропріятіемъ правительства, именно учрежденіемъ подушной подати. Но подушная подать не имѣла бы такого грандіознаго вліянія на однодворческое землевладѣніе, если бы не былъ введенъ добавочный четырегривенный сборъ, получившій со временемъ наименованіе «оброчной подати». Вся сила этого новаго установленія заключалась въ томъ, что вольные люди, прежнихъ службъ служилые, были приравнены къ крестьянамъ [1]; земли ихъ, нѣкогда данныя за прямую службу и ради этой службы, были изоброчены, сдѣлались тяглыми землями. Въ этомъ актѣ я вовсе несклоненъ видѣть насилія со стороны правительства; напротивъ, это логическое слѣдствіе развитія помѣстной системы. Помѣстныя земли были даны казной ради службы, но за увеличеніемъ народонаселенія и государственной территоріи, а главнымъ образомъ по причинѣ новыхъ болѣе сложныхъ требованій отъ службы, представлялось необходимымъ возложить ее на спеціальную незначительную часть населенія, а на послѣднее въ его большинствѣ возложить обязанность содержанія новаго войска. Здѣсь былъ введенъ принципъ раздѣленія труда, что уже свидѣтельствуетъ о новомъ шагѣ по пути государственной эволюціи. Конечно, обороченной оказалась не вся помѣстная земля—дворянскія помѣстья ускользнули отъ этой мѣры и ускользнули навсегда. Эта неравномѣрность, эта явная несправедливость по отношенію къ однодворцамъ начинаетъ съ этихъ поръ отражаться на всей ихъ жизни. Съ другой стороны, эта мѣра поставила другое высшее сословіе въ привилегированное положеніе: его безоброчныя помѣстья приблизились къ вотчинамъ. Это дало основаніе утверждать, что правительство XVIII вѣка само уничтожило помѣстное право, замѣнивъ его вотчиннымъ. Но хороша эта замѣна, если громаднѣйшее количество помѣстныхъ земель было изоброчено... и обладатели ея изъ вольныхъ слугъ сдѣлались оброчниками-тяглецами. Несомнѣнно, правительство сдѣлало здѣсь грандіозную ошибку: нельзя было изоброчить землю однихъ и обѣлить землю другихъ; нужно было всѣ помѣстныя земли обложить поземельною податью въ равной мѣрѣ [2]. Конечно, рабовладѣльцы не допустили бы этому осуществиться, наоборотъ, они продолжали толкать правительство по скольз-

---

[1]) Въ плакатѣ, выданномъ 26 іюня 1724 г., въ главѣ о полковникѣ, въ 18 пунктѣ однодворцы прямо названы крестьянами: „понеже на однодворцовъ, на черносошныхъ крестьянъ, на татаръ и ясашныхъ, и на другихъ имъ подобныхъ, государственныхъ крестьянъ, которые не за помѣщики“... Впрочемъ этотъ терминъ прививался туго.

[2]) Извѣстный Посошковъ именно это и рекомендовалъ: „И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли обложить ихъ платежемъ съ земли... съ четверти или десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійскія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ на пашню“... Сочин. Посошкова, стр. 201. Восемь копѣекъ съ сороковой десятины пашни, 6 коп. съ покоса и 4 коп. съ лѣса—Посошковъ считалъ легкимъ обложеніемъ. „И по такому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики“. Ibid. стр. 202.

кому пути. Тогда же при Петрѣ входитъ въ употребленіе новое названіе для другого сословія: оно называется польскимъ именемъ, «благороднымъ шляхетствомъ». Въ XVII вѣкѣ смоленская шляхта носила это названіе, но оно имѣло совсѣмъ другой смыслъ [1]). Еще болѣе опаснымъ въ государственномъ и соціальномъ отношеніяхъ, было посягательство крѣпостниковъ на казенныя земли. Въ XVII вѣкѣ раздавали ихъ ради службы, теперь стали дарить ихъ за службу... То былъ договоръ обоюдоострый, теперь это даръ ни къ чему не обязывающій. Масса казенныхъ земель стала улетучиваться, создавая на одномъ концѣ кучку латифундій, на другомъ—безземельную массу.

Посмотримъ, какъ отразились всѣ эти реформы Петра I на внутреннихъ распорядкахъ однодворческой жизни. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи до крайности мало прямыхъ указаній и приходится дѣлать заключенія косвенно. Начнемъ съ подушной подати. Въ 1719 году 22 января именной царскаго величества указъ состоялся о сказкахъ [2]). По этому сперва очень краткому указу приказано: «ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки... о дворцовыхъ и протчихъ государевыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ однодворцамъ, татарамъ и ясашнымъ... безъ всякой утайки не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовные переписки, но учиня самимъ переписки правдивыя, сколько гдѣ въ которой волости въ селѣ или деревнѣ... по именамъ есть мужска полу всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ»... Подворная подать смѣнялась поголовной «подушной». Финансовое значеніе этого новаго мѣропріятія не входитъ въ общемъ въ наше изслѣдованіе, мы будемъ касаться его постольку, поскольку оно отразилось на однодворческой средѣ. Тѣмъ же указомъ по 3 пункту его было опредѣлено «однодворцамъ всѣмъ каждому о себѣ, о дѣтяхъ, внукахъ и родственникахъ своихъ мужескаго пола, которые съ ними въ домахъ живутъ, велѣть подавать оныя сказки самимъ». Въ этомъ пунктѣ насъ интересуютъ двѣ особенности: семейный составъ двора однодворческаго и предполагаемое закономъ отсутствіе общины у однодворцевъ начала XVIII столѣтія. Составъ семьи опредѣленъ недостаточно ясно: самъ хозяинъ, его дѣти и внуки—это понятно. Но кто такіе «родственники, которые съ ними (хозяевами) въ домахъ живутъ?» Конечно, здѣсь разумѣются все тѣ же

---

[1]) Была попытка выдѣлить изъ шляхетства „царедворцевъ“. По указу 1721 г. отъ 30 іюля они противополагаются „дворянамъ“ и „однодворцамъ“. Но такое раздѣленіе, напоминавшее боярство, Петру очевидно не нравилось.

[2]) Указн. книга 1739 г., стр. 106—108.

лица, о которыхъ мы знаемъ уже изъ указа 1698 г. [1]), что они «въ однихъ дворахъ съ ними живутъ». Они несомнѣнно связаны кровнымъ родствомъ съ домовладыкой, хотя экономически могли, конечно, представлять собой просто безземельныхъ захребетниковъ. Изъ одного документа, относящагося къ 1697 г. [2]), легко можно установить фактическій составъ семей елецкихъ однодворцевъ. Вотъ что мы читаемъ въ немъ: «а въ елецкихъ переписныхъ книгахъ 205 года написано: въ копейщикахъ Федоръ Лукинъ сынъ Воронинъ, у него братья Ларіонъ и Анофрій (увѣченъ), помѣстья за *ними* 40 четьи. Яковъ Борисовъ Юровъ, по скаскѣ сына его Епифана, у него Якова дѣти Епифанъ, Сидоръ и Тимофей; помѣстья за нимъ 90 чети. Федоръ Ефимовъ сынъ Воронинъ, у него братья Григорій и Елисей, помѣстья за ними вообще съ братьями 50 чети. Мартемьянъ Сидоровъ сынъ Сушоновъ, у него сынъ Тимофей, у Тимофея сынъ Агафонъ 5 лѣтъ, помѣстья за ними 12 чети съ осминою, да за нимъ же помѣстье брата его умершаго Клима $12^1/_2$ чети, да племянника его Фадея Ульянова сына 8 чети съ третникомъ, а онъ Фадей сшелъ безвѣстно. Асей Іевлевъ сынъ Юровъ, у него сынъ Андрей 7 лѣтъ, да племянникъ Савелій Кириловъ сынъ, помѣстья за нимъ 27 чети, да особо за нимъ Асеемъ 100 четей. Семенъ Самсоновъ сынъ Щербатый у него сынъ Гуръ да братъ Евтифей, помѣстья за ними вообще съ братомъ 90 чети» и т. д. Такимъ образомъ, въ этихъ шести семьяхъ, какъ и въ другихъ того же документа, мы не находимъ никого изъ постороннихъ. По странной случайности нѣтъ даже зятьевъ. Мы видимъ въ отдѣльныхъ семьяхъ дѣда, отца и внука, или братьевъ родныхъ, или наконецъ дядю съ племянникомъ. Безземельныхъ какъ бы нѣтъ никого и по сочетанію разныхъ земель можно заключить, на какой ступени развитія стояли эти однодворческія семейства. Тамъ, гдѣ живъ еще отецъ, писалось «за нимъ» извѣстное помѣстье, тамъ же, гдѣ отца уже не было, а жили братья, помѣстье писалось «за ними», иногда съ прибавкой «вообще съ братомъ» или «съ братьями». Въ одномъ случаѣ дядя съ племянникомъ владѣлъ 27 четвертями и «особо» имѣлъ 100 четей. На полвѣка раньше, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ на карповскихъ сведенцахъ изъ Курскаго уѣзда, въ однодворческой средѣ попадались явно безземельные, но нетрудно установить, что это были или зятья, приставшіе на сестеръ, или вотчимы, приставшіе на вдовъ матерей, а иногда даже на мачихъ. Очевидно, въ началѣ XVIII вѣка безземельному нечего было сидѣть въ однодворческой семьѣ—выгоднѣй было уйти и пристать гдѣ-нибудь на Богучарѣ къ осадчему. Часто это пристанище не разыскивалось и первая ревизія обнаружила много безземельныхъ однодворцевъ на южныхъ окраинахъ.

[1]) См. глава I, стр. 27.

[2]) Д. Багалѣй Матеріалы II т., стр. 129.

Итакъ, однодворческія семьи являются въ началѣ XVIII вѣка уже составными: онѣ не проявляютъ индивидуализаціи, а наоборотъ склонны къ образованію «большихъ» великороссійскихъ семей. Мы знаемъ, что это складывалось отчасти подъ вліяніемъ подворной подати, и казна, повидимому, объявила такому направленію войну, учредивъ подушную подать. Но остановимся еще на вышеприведенномъ документѣ. Онъ заканчивается такимъ показаніемъ одного изъ челобитчиковъ, изъ котораго ясно видно, что въ помянутыхъ семьяхъ по переписнымъ книгамъ записаны не всѣ члены семействъ, «для того что де въ то время отцы и *родственники* ихъ были у струговаго дѣла» (въ Воронежѣ). Здѣсь подъ родственниками прямо разумѣются только братья и дяди. Все это дѣло возникло по тому поводу, что младшіе члены семействъ подали челобитье отъ имени Тимоѳея Сушонова съ товарищи, по именамъ 13 человѣкъ, о томъ, что «дѣды и отцы ихъ служатъ ему великому государю по Ельцу, а они въ службу поспѣли, а помѣстья за ними на Ельцѣ нѣтъ ни одной чети, а есть на рѣкѣ Битюкѣ порожая земля въ Россошахъ», которую они по старой привычкѣ пріискали и просятъ за собой справить. Изъ дѣла не видно, была ли дана имъ земля, но если и была дана, то такъ сказать по энерціи, ибо это было еще въ XVII вѣкѣ. Позже не стали бы заботиться о надѣленіи какихъ-то однодворческихъ недорослей. Намъ важно отмѣтить тотъ способъ борьбы съ наступающимъ малоземельемъ, къ которому привыкли однодворцы въ теченіи XVII вѣка. Большія однодворческія семьи выдѣляли изъ себя «поспѣвшихъ въ службу» членовъ и гнали ихъ на «пріискъ» новыхъ помѣстій. Согласно помѣстной системѣ эти «поспѣвшіе» считались безпомѣстными, хотя часто уже владѣли отцовскими землями «вообще» съ братьями или «въ раздѣлъ» съ ними. По старой привычкѣ подаются челобитныя, но извѣстно, что вотчинная коллегія, замѣнившая собой помѣстный приказъ, не занималась уже такими пустяками... она, какъ увидимъ ниже, предпочитала справлять украинскія земли за Меньшиковыми, Шереметевыми, Брюсами и прочими «малоземельными» особами. Нѣтъ сомнѣнія, что однодворцы, не встрѣчая больше поддержки со стороны вотчинной коллегіи, должны были дѣйствовать безъ нея, за свой рискъ, махнувъ рукой на невозвратную старину. Теперь должны были начаться самовольныя, тайныя переселенія, ибо стараго, юридически обоснованнаго «пріиска» уже не было. Онъ былъ поколебленъ лишь отчасти малороссійскими привиллегіями; вѣрнѣе будетъ сказать, что новый тяжелый порядокъ (то-есть безпорядокъ) облегченъ былъ для великороссійскихъ однодворцевъ именно существованіемъ на югѣ малороссійскихъ слободъ и донскихъ казачьихъ станицъ. Туда шло однодворческое лишнее уже въ центральныхъ мѣстностяхъ населеніе вплоть до 1733 года. Съ этого года на короткое время послѣдовало нѣкоторое облегченіе, ибо можно было на законномъ основаніи двинуться на новую

линію и тамъ поселиться. Первую же четверть XVIII вѣка была возможность только уйти и пристать гдѣ-нибудь къ черкасской или донской общинѣ [1]). Чего ради уходило это лишнее населеніе? Почему и кому оно казалось лишнимъ? И неужели приростъ населенія былъ такъ великъ, что становилось тѣсно даже на тучномъ украинскомъ черноземѣ? Г. Милюковъ воочію доказалъ, что въ это время наблюдалась убыль, а не приростъ населенія. Вышеприведенныя цифры о елецкихъ челобитчикахъ показываютъ намъ съ другой стороны, что помѣстья были еще очень крупны. Очевидно, причину этихъ разселеній надо искать не въ малоземельѣ, а въ низкой земельной рентѣ и низкой степени сельско-хозяйственной культуры, обусловленной отсутствіемъ спроса. Петръ I заводилъ фабрики, завелъ флотъ, ради чего воевалъ цѣлую четверть вѣка, но въ то же время облагалъ вывозной пошлиной пшеницу, рожь, ячмень и пеньку [2]); льняное же и конопляное сѣмя указомъ отъ 14 февраля 1718 г. запрещено было даже привозить къ пристанямъ: рекомендовалось продавать ихъ масломъ. Господствовавшее тогда чисто натуральное хозяйство перестало достаточно обезпечивать населеніе, обремененное тяжкими податными поборами [3]). Надо было искать экстраординарныхъ источниковъ дохода, надо было «промыслить добычу», но низкій уровень культурности населенія подъ такимъ промысломъ разумѣлъ расхищеніе природныхъ богатствъ. Даровые же источники природы при хищническомъ хозяйствѣ изсякали быстро: бобровые гоны, бортныя деревья, звѣриныя логовища, рыбныя ловли,—всѣ эти «угодья» были истощены на Украйнѣ къ концу XVII вѣка. Чтобы пользоваться ими вновь, надо было бросать старыя мѣста гдѣ-нибудь на Быстрой Соснѣ или на Семи и уходить куда-нибудь на Калитву, гдѣ еще въ XVIII вѣкѣ бѣгали дикія лошади... Но надолго ли все это? Очевидно и тамъ послѣдуетъ скорое расхищеніе природныхъ богатствъ. Сельскохозяйственный кризисъ настоящій, а не дутый, какъ въ послѣднее время, долженъ былъ наступить неминуемо. Всѣ бѣды сваливались на затянувшуюся войну, а когда оная весьма прибыльно кончилась, сваливаніе началось «на душевредительный» подушный сборъ. Отсюда эта страшная не-

---

[1]) Могли конечно основываться и самостоятельныя общины; такъ, указъ 1720 г. о сборѣ на провіантъ по рублю съ двора въ перечисленіи своемъ упоминаетъ также „и новопоселенныхъ, которые между черкасами, и мордвою, и черемисами живутъ русскіе.“ Указ. кн. 1739, стр. 227. Въ указѣ же 1722 между прочимъ сказано такъ: „на Украйнѣ во многихъ мѣстахъ гдѣ, на великороссійскихъ земляхъ поселились малороссійцы и подъ ихъ именемъ *множество* великороссіянъ.“ Ibid. стр. 529.

[2]) Порою вовсе воспрещается вывозъ; а по указу, напр., отъ 8 іюля 1717 г. велѣно было въ Архангельскѣ брать по ефимку съ четверти пшеницы, по полуефимку со ржи и ячменя. Указн. кн. 1739 г., стр. 65.

[3]) См. ниже о побѣгахъ однодворцевъ изъ Тамбов. губ.

нависть къ этому новому налогу... А между тѣмъ, причины кризиса лежали въ самомъ народѣ: выбитый изъ старой колеи, онъ никакъ не могъ сразу приспособиться къ новому пути. Здѣсь была грань между прежнимъ натуральнымъ и новымъ, только-что создававшимся, отчасти мѣновымъ хозяйствомъ. Немудрено, что его происхожденіе на свѣтъ сопряжено было съ мучительными, болѣзненными потугами. И этой мучительностью объясняется это усиленное отселеніе въ однодворческой средѣ: а здѣсь еще какъ нарочно все прошлое однодворцевъ прошло въ постоянныхъ передвиженіяхъ изъ болѣе культурныхъ мѣстностей въ «дикія поля». Это избаловало ихъ, сдѣлало ихъ нетерпѣливыми, невыносливыми, нестойкими въ борьбѣ съ экономической нуждой. Потребуется много времени пока такое населеніе въ силахъ будетъ осѣсть на одномъ мѣстѣ. Изъ всего этого понятно, что въ первой четверти XVIII вѣка у однодворцевъ мѣстами могло еще не быть общины: откуда ей было взяться, когда почти весь приростъ уходилъ изъ старой деревни въ новыя далекія мѣста, «безвѣстно» куда. И въ приведенномъ выше пунктѣ указа составленіе ревизскихъ сказокъ поручается не выборному однодворческой деревни, а «каждому о себѣ». Этотъ «каждый» почасту жилъ отдѣльной деревней, на своемъ починкѣ, въ своемъ дворѣ, и этотъ дворъ, несмотря на постоянныя отселенія, былъ настолько уже сложенъ, что представлялъ какъ бы самостоятельную общину. И если это еще не родовая община, то во всякомъ случаѣ это уже задруга, «большая» семья—еще поколѣніе и члены ея не вмѣстятся въ одномъ дворѣ. Правительство не ошибалось, когда поручало составленіе сказокъ «каждому» однодворцу, ибо не видѣло еще выборнаго представителя родовой общины; но эта безошибочность оправдывалась лишь по отношенію къ сѣверному однофамильному типу однодворческихъ селеній. Тамъ поюжнѣй поближе къ Бѣлгородской чертѣ и за чертой, гдѣ была распространена многодворная заимка «съ товарищи», ошибка со стороны законодателя была повидимому очевидной: тамъ давно были выборные «атаманы» или «осадчіе» или просто повѣренные «выборные» отъ міра. Кромѣ того, всѣ окологороднія слободы: Казацкія, Стрѣлецкія, Ѣздоцкія, Драгунскія, Пушкарныя, какъ состоящія изъ значительнаго числа дворовъ, давно уже имѣли своихъ выборныхъ. И врядъ ли составленіе сказокъ въ такихъ слободахъ могли произойти мимо ихъ. Въ дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ селахъ подъ сказками прикладывали руки прикащики «и съ ними тѣхъ вотчинъ старосты и выборные люди»; у татаръ и ясачныхъ сказки принимались «за знаменами старостъ и выборныхъ ихъ людей». За утайку по 6 пункту указа полагалось «учинить прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ всѣмъ смертную казнь безъ всякой пощады»... Но по 8 пункту требовалось «однодворцамъ также татарамъ и ясачнымъ велѣть въ сказкахъ подтвердить, буде кто изъ нихъ въ душахъ утаитъ, и за то бъ

учинить тѣмъ жестокое наказаніе: бить ихъ кнутомъ нещадно, да сверхъ того за всякую утаенную душу изъ того двора, въ которомъ утайка явится, взять лучшаго человѣка въ солдаты не въ зачетъ положенныхъ съ нихъ рекрутовъ» [1]). Такимъ образомъ, по указу 1719 года за утайку полагалась смертная казнь выборнымъ и кнутованье домохозяину со взятьемъ рекрута не въ зачетъ. У татаръ были старосты, были и во многихъ однодворческихъ селеніяхъ, но законодатель счелъ для себя неудобнымъ признать для однодворцевъ только такой порядокъ подачи сказокъ: нужно было какъ можно больше захватить душъ въ окладъ, для чего съ фискальной точки зрѣнія крайне выгодно было, чтобы разбросанные одиночками по своимъ починкамъ однодворцы «сами каждый за себя» подали сказки, умолчавъ о прежнемъ своемъ дворянскомъ происхожденіи. Нужно было поставить этотъ рядъ однодворцевъ въ такое положеніе, чтобы выборъ былъ сдѣланъ ими самими, но выбирать-то приходилось между подушнымъ окладомъ и шляхетствомъ. Ради затрудненія этого выбора издаются указы о бытіи шляхетству на смотръ, сперва къ воеводамъ и губернатору, потомъ въ Москву или Петербургъ.

Нѣсколько позже, именно 7 марта 1721 года, издается указъ о недорослях: въ немъ вопросъ о выборѣ уже предрѣшенъ. «Которые недоросли по указамъ военной коллегіи набраны и приверстаны въ службу до сего времени—тѣмъ быть такъ, а впредь набирать недорослей изъ шляхетскихъ такожъ и служилыхъ всякихъ чиновъ людей по прежнему, только кромѣ украинцовъ однодворцевъ и служилыхъ всякихъ чиновъ людей, которые положены въ окладъ денежной (подушной), какъ и крестьяне, о которыхъ надлежитъ сноситься съ каморъ-коллегіей» [2]). Въ виду такого предрѣшенія надо было дать желающимъ право выбора, а для этого нужно, чтобы «каждый самъ за себя» подавалъ ревизскую сказку. Скоро обнаружилось, что изъ украинцевъ дѣтей боярскихъ мало кто пожелалъ «поддерживать дворянскую линію». Тотъ же самый сельскохозяйственный кризисъ лишалъ возможности дѣтей боярскихъ нести государеву службу шляхетскимъ обычаемъ.

Надо было махнуть рукой на службу и предпочесть ей подушный окладъ. Отдавъ предпочтеніе послѣднему, украинцы стали по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья приспособляться къ мирному занятію хлѣбосѣйствомъ. Уже одно это заставляетъ видѣть въ учрежденіи подушной подати громадный культурный шагъ.

Итакъ, относительное освобожденіе отъ непосредственнаго несенія воинской государевой службы вообще, а сравнительное замиреніе Украйны

---

[1]) Ibid., стр. 108.

[2]) Указ. кн. 1739 г., стр. 286.

отъ татаръ въ частности, дали возможность дѣтямъ боярскимъ и всѣмъ прежнихъ службъ служилымъ людямъ заняться мирнымъ трудомъ, и мы видимъ, что со второй четверти XVIII вѣка служилые украинцы, называемые теперь однодворцами, начали больше обращать вниманія на земледѣльческій и другіе мирные промыслы. Главнымъ занятіемъ дѣлается хлѣбосѣйство, чему причиной была конечно тучность украинскаго чернозема. Наблюдается повсемѣстное расширеніе культурной площади,—дикія поля быстро превращаются въ пашню. И хотя болѣе подвижные элементы продолжаютъ отселяться и уходить съ насиженныхъ мѣстъ, но большинство выказываетъ явные признаки желанія осѣсть, угомониться, успокоиться и пожалуй отдохнуть на одномъ мѣстѣ отъ долгихъ мытарствъ «съ службы да на службу». Но не подушная подать и не оброкъ въ четыре гривны рѣшающе повліяли на это осѣданіе однодворцевъ: то вѣрно, что со дня учрежденія этихъ поборовъ повѣяло прикрѣпленіемъ однодворческаго населенія къ землѣ, но недоставало еще однаго важного акта, и онъ не замедлилъ явиться.

Еще Посошковъ замѣчалъ насчетъ неустойчивости новой подушной подати: «а и во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая, *и цѣны неимущая*: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя» [1]). То, что Посошковъ только чувствовалъ инстинктивно, не замедлило на первыхъ же порахъ сказаться серьезными затрудненіями для казны при взиманіи новаго налога. «Убылыя, обмершія души» не могли еще создать особеннаго затрудненія: круговая порука со всѣми ея прелестями давнымъ-давно примѣнялась на Руси; кромѣ того умирало въ тѣ времена все-таки не больше, чѣмъ рождалось, и разница въ новоприбылыхъ, необложенныхъ душахъ была поэтому въ пользу плательщиковъ. Но что приходилось дѣлать противъ ухода, противъ «побѣга» не столько конечно отдѣльныхъ членовъ семей, сколько цѣлыхъ семействъ, а мѣстами цѣлыхъ деревень. Нужно было *прикрѣпить окладную душу къ землѣ*, иначе она постоянно бы ускользала отъ платежа подушнаго сбора. Съ этой цѣлью въ инструкціи о расположеніи полковъ и въ массѣ разныхъ попутныхъ указовъ издаются всевозможныя правила о поимкѣ бѣглыхъ и доставкѣ ихъ на старыя мѣста. Остановимся на тѣхъ правилахъ, которыя примѣнялись къ однодворцамъ. Майоръ Головинъ просилъ у Сената въ октябрѣ 1723 г. разъясненій по разнымъ недоумѣніямъ относительно однодворцевъ. Вотъ что отписалъ Сенатъ Головину по поводу его запроса, что дѣлать съ бѣглыми однодворцами: «въ данной изъ Сената инструкціи написано, при перепискѣ великороссійскаго народа людей допрашивать, кто откуда пришелъ, и по тѣмъ допросамъ, ежели явятся при-

---

[1]) Соч. И. Посошкова, ч. I, стр. 185.

шлые однодворцы, такихъ отсылать за провожатыми на прежнія ихъ жилища; а буде кто прежніе свои дворы и земли продали другимъ, и ихъ въ тѣхъ городахъ селить вновь на другихъ государевыхъ свободныхъ земляхъ. Того ради о поселеніи оныхъ однодворцевъ чинить ему Головину по онымъ указамъ и селить на Его Имп. Вел. свободныхъ земляхъ, и на которыхъ другіе такіе жъ однодворцы живутъ или вновь поселились, согласясь о томъ съ Бѣлгородскимъ воеводою, а ежели такихъ свободныхъ земель нѣтъ, о томъ ему писать въ Сенатъ; и сколько такихъ однодворцевъ, которые прежнихъ своихъ жилищъ не имѣютъ, по перепискѣ его явилось, и кто тѣми прежними ихъ жилищами владѣетъ—прислать ему подлинное извѣстіе [1]). Головинъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ Изюмскаго полка, который, какъ извѣстно, образовался позже другихъ слободскихъ полковъ и благодаря этому имѣлъ много еще незанятныхъ земель, служившихъ приманкой для однодворцевъ центральнаго чернозема: сюда шли однодворческіе «отсельники» цѣлыми толпами. Майоръ Головинъ называетъ ихъ «бѣглыми», но Сенатъ избѣгаетъ этого обиднаго выраженія и все еще именуетъ ихъ «пришлыми». И дѣйствительно странно было считать бѣглыми вольныхъ людей! Но тѣмъ не менѣе Сенатъ рекомендуетъ этихъ вольныхъ людей отсылать за проважатыми, значитъ по этапу, на прежнія мѣста; отсюда явствуетъ, что майоръ Головинъ смотрѣлъ на вещи безъ притворства: дѣйствительно однодворцы должны теперь считаться «бѣглыми», ибо кто же за нихъ платитъ подушную и оброкъ на прежнихъ мѣстахъ?

Въ то время, какъ въ XVII вѣкѣ уходъ цѣлой толпы дѣтей боярскихъ на югъ, поближе къ Изюму для поселенія гдѣ-нибудь на Изюмской сакмѣ почитался правительствомъ воинской доблестью, за которую смѣльчакамъ отдавалась не только занятая ими земля, но жаловалась и придача, нынѣ по учрежденіи подушной подати, правительственный агентъ и даже самъ Сенатъ трактуютъ такихъ сходцевъ «какъ бѣглыхъ» и грозятъ имъ высылкой. Но выслать оказалось невыгодно для самой же казны. Куда ихъ вернешь, когда они продали свои прежнія помѣстья. Сходнѣй было для казны оставить ихъ на новыхъ мѣстахъ, благо есть свободныя государевы земли. Г. Якушкинъ увидѣлъ бы въ этомъ заботы о надѣленіи однодворцевъ [2]), на самомъ же дѣлѣ здѣсь идетъ рѣчь лишь объ обезпеченіи казенныхъ взысканій съ этихъ бѣглыхъ.

И Сенатъ такъ и выражается «селить на свободныхъ земляхъ», а нѣтъ ихъ въ достаточномъ количествѣ—селить и на тѣхъ, «на которыхъ другіе такіе жъ однодворцы живутъ»... Короче говоря, здѣсь полное отсутствіе за-

[1]) Указн. книга 1739 г., стр. 706.

[2]) Выражаемся предположительно, ибо у г. Якушкина (Очерки позем. полит., стр. 103) объ этомъ указѣ Сената умалчивается и о надѣленіи однодворцевъ при Петрѣ дѣлается заключеніе лишь на основаніи указа отъ 2 сентября 1724 г.

ботъ о надѣленіи. Подъ послѣднимъ надо, конечно, понимать, достаточное обезпеченіе землей, согласно съ извѣстными, заранѣе выработанными, нормами. Мало того, про надѣлъ здѣсь никто и не заикается: прямо сказано «селить» и ужъ, если совсѣмъ негдѣ, то писать объ этомъ въ Сенатъ. Это принудительное «приселеніе» къ раньше пришедшимъ, сдѣлало бы послѣднихъ болѣе малоземельными, а съ точки зрѣнія развитія общинныхъ началъ, вносило бы въ такія общины новые, чуждые имъ элементы. Пожалуй будетъ ошибкой предположить, что вселенные казной бѣглые имѣли право требовать отъ прежнихъ жителей себѣ земли, если хотите «надѣла»; ибо Сенатъ не обмолвился ни единымъ словомъ о томъ, что прежніе поселенцы обязаны дать вселяемымъ «бѣглымъ» землю, значитъ опять таки здѣсь нѣтъ рѣчи о надѣленіи. Таковое въ данномъ случаѣ могло возникнуть только самопроизвольно, изнутри самой общины, въ силу мірскихъ наклонностей великороссовъ, а не подъ воздѣйствіемъ поземельной политики XVIII вѣка. Этого надѣленія со стороны общины могло и не возникнуть вовсе и бѣглые должны были остаться такими же безземельными, какими ихъ захватилъ майоръ Головинъ. Мы дѣлаемъ эти предположенія потому, что не имѣемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ по этому важному вопросу. Но какъ бы ни складывались поземельныя отношенія въ такихъ общинахъ несомнѣнно лишь одно: вселенные казной бѣглые однодворцы, по силѣ приведеннаго сенатскаго указа, не имѣли права требовать себѣ надѣла отъ старожиловъ. Другихъ же указовъ, дополняющихъ этотъ важый пробѣлъ въ законодательствѣ, мы не видимъ вплоть до изданія Екатерининской межевой инструкціи. Другое дѣло, если оказывались на лицо свободныя государевы земли: здѣсь бѣглые поселялись уже въ силу указа сенатскаго, и по всей вѣроятности этого указа было достаточно для защиты ихъ владѣнія отъ вторженій третьихъ лицъ, въ противномъ случаѣ надо предположить, что новая партія «бѣглыхъ» черезъ пять - шесть лѣтъ могла приселиться и потребовать себѣ «надѣла». Нѣтъ у насъ свѣдѣній къ сожалѣнію и о томъ, какова была структура такихъ общинъ, какъ разверстывалась такими однодворцами ихъ земля? что было принято единицей разверстки: дворъ ли или ужъ ревизская душа—всѣ эти вопросы остаются для насъ пока открытыми, ибо мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи самаго главнаго—мѣстныхъ изслѣдованій тѣхъ уѣздовъ, которые колонизировались однодворцами въ первой четверти XVIII вѣка. Отдѣльныя указанія конечно имѣются, но разбросаны они по разнымъ источникамъ и, чтобы собрать и обобщить ихъ, потребуется спеціальное нелегкое изслѣдованіе. И какъ кажется, такое изслѣдованіе приводитъ насъ не къ изученію однодворческихъ формъ землевладѣнія, а къ изученію формъ владѣнія уже иного разряда крестьянъ. Такъ по 17 пункту доклада генералъ-фискала Мякинина отъ 2 іюня 1724 г. было указано: въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ ново-

селенной деревнѣ Чуевой пришлымъ людямъ, которые по нынѣшнему свидѣтельству явились изъ однодворцевъ, и дворцовыхъ, и ясашныхъ крестьянъ, быть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ живутъ за Его Имп. Величествомъ и написать ихъ въ подушный окладъ... [1]) Такимъ образомъ самовольно поселившіеся однодворцы попадали прямо въ дворцовые крестьяне.

Немного позднѣе, именно сенатскимъ указомъ отъ 2 сентября 1724 г. выработаны были болѣе суровыя мѣры къ прикрѣпленію однодворцевъ, хотя все еще недостаточныя. На докладъ того же генералъ-фискала Мякинина Сенатъ указалъ: «которые однодворцы въ скаскахъ написаны, а при свидѣтельствѣ ихъ не явилось и обыватели объявили, что такихъ людей у нихъ и не бывало, а другіе показываютъ, что сошли безвѣстно, а куды не знаютъ, тѣхъ изъ подушнаго окладу до будущаго указу выключить, а сколько таковыхъ явилось, о томъ послать вѣдомость; а въ слободахъ всѣмъ однодворцамъ объявить указъ, ежели послѣ нынѣшняго свидѣтельства, кто побѣжитъ, за тѣхъ подушной окладъ правленъ будетъ на оставшихъ жителяхъ неотмѣнно [2])». Но спрашивается, можно ли было удержать сходцевъ этою мѣрою: вѣдь тотъ, кто уходилъ, немало не безпокоился о томъ, что оставшіеся будутъ отдуваться за него податями. Но тѣмъ не менѣе этотъ указъ имѣетъ громаднѣйшее значеніе и не совсѣмъ ладно, что онъ изданъ за подписомъ Сената. Онъ установилъ круговую поруку для однодворцевъ. Не знаю, какъ онъ могъ быть примѣненъ къ тѣмъ случаямъ, когда уходилъ однодворецъ, жившій особымъ починкомъ вдали отъ слободъ, но примѣненіе къ одноворческимъ слободамъ началось сейчасъ же. Съ точки зрѣнія эволюціи общинныхъ началъ значеніе этого указа должно быть признано нами всесильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, міръ однодворческой слободы уполномочивался имъ къ наблюденію за своими членами; съ этихъ поръ однодворческій міръ началъ зорко слѣдить за каждымъ домохозяиномъ и конечно имѣлъ право и возможность удержать каждаго, пытавшагося бѣжать. Мірское veto становилось теперь законнымъ, хотя и санкціонировано только Сенатомъ. Но это veto было обоюдоострымъ. «Вы меня поймали, вы не дали мнѣ уйти, но вѣдь здѣсь, оставаясь съ вами ради облегченія вашихъ платежей за пять душъ моего семейства, то-есть всего на 5 р. 50 коп., я долженъ умереть съ голоду... ибо я къ несчастью принадлежу къ плодовитой линіи своей родни, изъ-за чего у меня осталось очень мало земли; а мои пятеро сыновей совсѣмъ «изъ земли выйдутъ». И несмотря на это вы все-таки удерживаете меня здѣсь... такъ возьмите жъ съ меня откупъ или дайте мнѣ земли, чтобъ мнѣ было съ чего тянуть податное тягло и было чѣмъ кормиться»... И міръ долженъ

---

[1]) Указн. книга 1739, стр. 891.

[2]) Ibid. 965.

былъ задуматься надъ такою рѣчью, а съ теченіемъ времени эти рѣчи со всевозможнѣйшими варіантами стали повторяться все чаще и чаще. Конечно, при тогдашнемъ обиліи земли однодворческой слободѣ нетрудно было удовлетворить эти жалобы: міръ могъ приговоромъ установить наддачу нѣсколькихъ сажень такимъ обремененнымъ семьямъ. Эти наддачи сверхъ наслѣдственныхъ долей еще не могли тогда поколебать четвертной формы владѣнія, и мы увидимъ пережитки этого порядка, хотя бы въ такъ называемомъ «дворовомъ» поравненіи, о чемъ скажемъ ниже при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ. Здѣсь намъ важно то, что установленіе круговой поруки должно было сплотить однодворцевъ... въ общину. Допустимъ теперь, что задумалъ бѣжать широкодачникъ, то-есть такой членъ общины, отораго не давитъ еще малоземелье, а гонитъ на сторону какая-нибудь другая причина, хотя бы традиціонная привычка къ переходамъ, или просто лѣнь и разгильдяйство. Если община чувствуетъ уже свое малоземелье, то потеря изъ своей среды большеземельнаго, имѣющаго полную возможность быть исправнымъ плательщикомъ податей, для нея является крайне обременительной: земля будетъ уходящимъ продана въ чужія руки не столь сговорчивыя, какъ свой сочленъ, да еще быть можетъ попадетъ къ дворянину-шляхтичу, на котораго никакъ нельзя будетъ взвалить эту самую подушную подать. Сколько ни смотри община за своими членами, а они все будутъ разбредаться и распродавать свои тяглыя земли не вѣсть кому. Стало-быть, и круговая порука, введенная въ однодворческую среду, все еще не обезпечивала успѣшнаго взиманія податей, ибо одна круговая порука еще не создаетъ полной, настоящей общины. Чего же не доставало? Очевидно—неотчуждаемости общинныхъ земель. При ней общинѣ нестрашно, если уйдетъ самый богатый широкодачникъ — его земелька останется у міра, и міръ сумѣетъ взять съ нея то, что требуется за души ушедшаго. При этомъ надо помнить, что широкодачники при четвертномъ владѣніи, благодаря малой плодовитости, имѣютъ много земли, но всегда мало душъ, значитъ, за ихъ уходомъ земли останется много, а платежъ будетъ невеликъ. Пусть идетъ,—скажетъ міръ. Сверхъ того, возможность отчужденія увеличиваетъ такъ или иначе средства переселенца—поземельной политикѣ надо было отнять, умалить эти средства. Такимъ образомъ, вотъ мотивы для того главнаго акта, который мы ожидали отъ законодателя. Но творцу подушной подати, творцу изобрѣтенія помѣстныхъ земель, творцу круговой поруки для однодворцевъ, не суждено было закончить, объединить, обобщить свою новую систему. Честь такого обобщенія принадлежитъ Верховному тайному совѣту, въ которомъ живымъ выразителемъ Петровской эпохи въ первые дни былъ Меньшиковъ, но въ день подписанія этого важнаго акта Меньшикова уже не было.

Мы приводимъ здѣсь весь полностью протоколъ Совѣта, какъ онъ на-

печатанъ въ Сборникѣ Историч. общ. [1]). Такая полнота нужна потому, что интересно сопоставить обѣ части закона касающіяся двухъ сословій, раздѣленныхъ Петромъ I.

Вотъ этотъ замѣчательный актъ.

Протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта.

7 іюня 1727 г.

1727 г. іюня въ 7 день, по сему доношенію Его Императорское Величество указалъ, въ которыхъ шеснатцети заказныхъ городѣхъ по прежнимъ указомъ предковъ Его Императорского Величества Великихъ государей, московскихъ и другихъ чиновъ людемъ, которые служатъ не по тѣмъ заказнымъ городамъ, дикихъ поль и испорозжихъ земель давать и поступныхъ, и мѣновныхъ помѣстей справливать, и по купчимъ, и по закладнымъ записывать *не велѣно;* а послѣ тѣхъ указовъ въ тѣхъ заказныхъ и въ протчихъ Бѣлогородской и Воронежской губерней городѣхъ по купчимъ, и по закладнымъ, и по мѣнамъ, и по поступкамъ тѣхъ заказныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и по другимъ разнымъ дачамъ, московскаго чина за людми за нѣкоторыми справлены и записаны, а у другихъ еще незаписаны, и за ними не справлены, а села ихъ и деревни въ переписныхъ книгахъ 1710 году и въ поголовныхъ скаскахъ на тѣхъ ихъ дачахъ за ними написаны; такъ же, гдѣ и черкасы населены, которые въ переписи хотя и не написаны,—тѣмъ всѣмъ дачамъ быть за тѣми людми въ помѣстьяхъ ихъ, и въ вотчинахъ, и по продажамъ ихъ за другими записывать и по наслѣдству отдавать. А впредъ съ сего Его Императорского Величества указу въ тѣхъ заказныхъ городѣхъ у *однодворцовъ, которые по переписи въ поголовной окладъ положены* и содержатъ ландъ-милицкіе полки, *изъ дачъ ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать* и ни *какими образы не крѣпить* и не записывать, чтобъ оттого въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландъ-милицкихъ полковъ помѣшателства не было.

Подлинный подписали: *Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Князъ Дмитрій Голицынъ. Василій Степановъ.*

Подписанъ въ 30 день іюня 1727 году.

Первая половина закона (до словъ «а впредь») разрѣшила новосозданному Петромъ I шляхетству покупать и всячески переукрѣплять украинскія земли, каковыхъ, какъ извѣстно, нельзя было пріобрѣтать московскихъ чиновъ людямъ ради огражденія интересовъ украинцевъ. Вторая половина, наоборотъ, запретила однодворцамъ, попавшимъ въ подушный

---

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. общ., томъ LXIII, стр. 668.

окладъ, продавать и всякимъ образомъ крѣпить «изъ дачъ ихъ земли». Земли, данныя за прямую службу, сдѣлались для украинцевъ, проливавшихъ за нихъ кровь свою—неотчуждаемыми, и наоборотъ, сомнительнаго происхожденія помѣстья, выманенныя у тѣхъ же однодворцевъ пришлыми элементами, были поставлены въ привилегированное положеніе, ибо ими сдѣлалось возможнымъ распоряжаться какъ вотчинами. Мнѣ скажутъ, что и здѣсь требовала того поземельная политика XVIII вѣка, но я возражу словами самаго закона, что это сдѣлано, «чтобъ оттого въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было», то-есть ради политики финансовой, военной и всякой, какой угодно, только не поземельной политики. Во имя послѣдней законъ этотъ прошелъ бы совсѣмъ въ другой редакціи, съ иной мотивировкой, совсѣмъ непохожей на то доношеніе вотчинной коллегіи, которое вызвало на свѣтъ приведенный протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта [1]). Наоборотъ, законъ этотъ указываетъ на то, что въ началѣ XVIII вѣка аграрной политикой въ Россіи вовсе не занимались, ибо нельзя же назвать политикой алчныя расхищенія казенныхъ и помѣстныхъ земель... Все, что сдѣлано было въ области поземельнаго устройства народа за это время, то сдѣлано было не въ виду этого самаго устройства, а ради другихъ побочныхъ цѣлей, быть можетъ и очень важныхъ для государства. Но это не можетъ служить оправданіемъ: надо было дѣлать и то, что неотложно требовала жизнь, на что она предъявляла свои права, въ чемъ была вопіющая нужда. Казна видѣла, что своевольный уходъ однодворцевъ тягостно отражается на остающихся, могла понять также, что осѣвшее населеніе будетъ болѣе платежеспособнымъ, чѣмъ бродячее; отчего же было не согласовать этихъ фискальныхъ вожделѣній съ существенными потребностями населенія, для котораго весьма важно было бы освоить тѣ украинскія земли, которыя попали въ руки тѣхъ, кто не пролилъ за нихъ ни капли крови. Однако, несмотря на эти промахи, приведенный актъ имѣлъ громадное значеніе для однодворческаго землевладѣнія. Съ точки зрѣнія прошедшаго, онъ заканчивалъ, увѣнчивалъ податную реформу Петра; для будущаго онъ послужилъ краеугольнымъ камнемъ того основанія, на коемъ возсоздана была русская уравнительная община. Петръ Великій не подозрѣвалъ конечно, что учрежденіе подушной подати послужитъ главнымъ шагомъ по пути къ душевому поравненію; еще меньше догадывались объ этомъ члены Верховнаго совѣта, когда подписывали журналъ 30 іюня 1727 года. Въ русской исторіи былъ еще болѣе торжественный моментъ, когда также узаконена была община, но Императоръ Александръ II, подписывая на Положеніи 1861 г. «быть по сему», больше чѣмъ кто-нибудь изъ своихъ современниковъ сознавалъ и понималъ

---

[1]) Доношеніе это напечатано въ томъ же Сборникѣ, стр. 669 и сл.

всю важность послѣдствій для общинной жизни народа того, что имъ было подписано 19 февраля. Наличность этого сознанія заставляетъ насъ сказать, что въ концѣ 50 годовъ текущаго столѣтія аграрная политика русскаго государства достигла цвѣтущаго положенія, но въ началѣ XVIII столѣтія ея какъ бы еще и не было, хотя XVII вѣкъ оставилъ послѣ себя драгоцѣнное наслѣдство. Чтобы закончить исторію однодворцевъ при Петрѣ, надо упомянуть еще объ одномъ указѣ Сената. Того же 2 сентября 1724 года, когда была установлена круговая порука, Сенатъ рѣшилъ покончить съ другимъ явленіемъ, сильно распространявшемся въ Украйнѣ. Приказано было: «которые люди однодворцевъ себѣ по крѣпостямъ крѣпили.... и живутъ въ помѣщиковыхъ селахъ и деревняхъ—тѣмъ до предбудущаго опредѣленія быть въ тѣхъ же мѣстахъ, выдѣля изъ тѣхъ же помѣщиковыхъ земель, что надлежитъ по указу (?) а подати платить имъ съ однодворцы, а на помѣщиковъ не работать и никакихъ доходовъ имъ не платить; а которые похотятъ идтить на прежнія жилища или на другія свободныя земли, тѣмъ давать на селитьбу и на заводъ денегъ по 50 рублей человѣку, взявъ съ тѣхъ помѣщиковъ, которые ихъ крѣпили, а которые крѣпости составили подлогомъ тѣмъ чинить наказаніе» [1]).

Изданіе этого закона свидѣтельствуетъ намъ о распространенности закрѣпощеній однодворцевъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать точныхъ указаній, какъ велико было это явленіе, но что оно было аналогично закрѣпощенію казаковъ старшиною, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Захудалый однодворецъ имѣлъ больше причинъ, чѣмъ казакъ, необязанный податями, пойти въ посполитые къ сосѣду помѣщику. Послѣдній радъ былъ принять своего брата во крестьянство, ибо рабочія руки были въ Украйнѣ очень доходны, а рабовъ вообще было очень мало. Но казна мало вмѣшивалась въ закрѣпощеніе малороссовъ, ибо оно не причиняло казнѣ убытковъ, тогда какъ закрѣпощеніе однодворческой души давало прямой убытокъ въ четыре гривны. Чтобы покончить разъ навсегда съ такимъ нежелательнымъ явленіемъ, казна установила отобраніе части земли у помѣщика, закрѣпостившаго однодворца, или въ случаѣ желанія однодворца уйти, требовала съ помѣщика крупную сумму денегъ на подъемъ. Возвращенный въ первобытное состояніе, такой однодворецъ обязанъ былъ платить подушный сборъ «съ однодворцы» и уже не былъ обязанъ работать на помѣщика или что-либо платить ему: крѣпости вообще уничтожались.

Итакъ, при Петрѣ I мы видимъ шесть важныхъ законодательныхъ актовъ: 1) установленіе однодворческаго сословія, обязаннаго рекрутовать и содержать ландмилицію, 2) учрежденіе сверхъ подушной подати четырегривеннаго оброка, вслѣдствіе чего изоброчено болѣе $^3/_4$ помѣстныхъ земель

[1]) Указ. кн. 1739, стр. 965.

Украйны, 3) прикрѣпленіе однодворцевъ къ землѣ, 4) учрежденіе круговой поруки между однодворцами въ платежѣ подушной и оброчной податей, 5) уничтоженіе закрѣпощеній однодворцевъ со стороны помѣщиковъ и монастырей и 6) сейчасъ же послѣ Петра установленіе неотчуждаемости земель изъ однодворческихъ дачъ. За то мы при Петрѣ I не видимъ прежнихъ заботъ о безпомѣстныхъ, объ отводѣ новыхъ дачъ, не видимъ регулированія прежняго пріиска, который теперь происходитъ по энерціи внѣ юридической защиты; наоборотъ знаемъ, что забота о размежеваніи отошла на задній планъ такъ же, какъ и обереганіе украинскихъ земель отъ вторженія московскихъ чиновъ людей... Объ этомъ намъ еще придется говорить ниже. Петръ Великій былъ тяжелъ на руку: все сдѣланное имъ надъ однодворцами не только не было отмѣнено его преемниками, а наоборотъ, было развито дальше и усилено иногда до nec plus ultra.

Ниже читатель не разъ увидитъ это и согласится вѣроятно съ тѣмъ моимъ выводомъ, который изложенъ выше. Отрицая поземельную политику Петра I, я въ то же время не могу отрицать важности этихъ реформъ Петра: пусть творецъ ихъ не предвидѣлъ послѣдствій, но послѣдствія эти были громадны по своимъ размѣрамъ. Относясь критически къ выработкѣ новыхъ законоположеній, мы уже, не заглядывая даже въ позднѣйшую исторію, можемъ предположить, что на развитіи однодворческихъ формъ землевладѣнія эти новыя законоположенія должны были отразиться всесильно. И въ самомъ дѣлѣ, что произошло съ однодворцами къ 1727 году? Служитъ въ дѣйствительной службѣ незначительная часть, всего горсть однодворцевъ, остальные должны платить на содержаніе этой горсти ландмиліціонеровъ довольно тяжелый оброкъ, падающій сверхъ подушнаго сбора. Подати взимаются съ души, и возникаетъ вопросъ о ихъ переложеніи на землю. При неравенствѣ наслѣдственныхъ долей при четвертномъ землевладѣніи—этотъ вопросъ долженъ скоро обостриться и вызвать самопроизвольное развитіе поравненій. Какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ община, мы узнаемъ изъ дальнѣйшей исторіи, но пока мыслимы лишь два предположенія: или платежи будутъ распредѣлены міромъ пропорціонально землѣ каждаго хозяина, или наоборотъ, размѣры землевладѣнія будутъ уравнены съ платежами, падающими по закону на душу. Здѣсь важно, что вопросъ этотъ поставленъ, но Петръ I какъ законодатель и не думалъ его ставить. Далѣе, подавляющее большинство помѣстныхъ земель изоброчено, обладатели такихъ земель связаны въ нѣчто единое круговой порукой, и наконецъ, самая эта земля дѣлается неотчуждаемой. Отдѣльный хозяинъ не имѣетъ права продать своей наслѣдственной полосы, онъ пересталъ быть ея собственникомъ, хотя бы и такимъ ограниченнымъ, какъ помѣщикъ XVII в. Кто же собственникъ? Казна говоритъ: я, ибо я и оброкъ взимаю... но обладатели видятъ въ этомъ прямое нарушеніе своихъ правъ и даже полное отнятіе ихъ. Не желая

примириться съ такимъ насиліемъ со стороны казны, однодворцы вынуждены будутъ напрячь всѣ свои интеллектуальныя силы, дабы выработать такую юридическую схему, которая умиротворяла бы ихъ горестное положеніе. Существованіе круговой поруки предрѣшаетъ этотъ вопросъ въ извѣстномъ направленіи. Если всѣ однодворцы обязаны платить подати за одного ушедшаго, то земля, оставленная ушедшимъ, а равно и вся дача, изоброченная по числу душъ всей слободы, принадлежитъ ей, слободѣ, селенію, деревнѣ, міру—общинѣ. Послѣдняго слова однодворцы не знаютъ и поднесь (вольно же намъ самые жизненные предметы называть книжными именами), но само собой понятно, что связанные новыми законоположеніями однодворцы раньше, чѣмъ кто-нибудь, поставлены были въ необходимость дѣлать обобщающіе выводы изъ совокупности всѣхъ этихъ законоположеній. Это обобщеніе должно было выработаться, конечно, постепенно и при томъ въ одной мѣстности быстрѣй, чѣмъ въ другой, но самая выработка должна была начаться съ Петра I, который опять-таки вовсе не имѣлъ въ виду задавать такую работу своимъ подданнымъ. Его воздѣйствіе сводится здѣсь къ нулю, ибо онъ не подозрѣвалъ, какой громадный камень закладывается этими законами въ фундаментъ его престола. Вся совокупность петровскаго законодательства должна была отразиться на однодворцахъ далеко не односторонне: раскинутые на громадномъ пространствѣ отдѣльными поселками, они въ силу разнообразія своей обстановки должны были реагировать различно—отсюда богатство и разнообразіе однодворческихъ формъ землевладѣнія, но здѣсь же и объединеніе всѣхъ этихъ формъ, ихъ общая идея. Весьма можетъ быть, что и безъ реформъ Петра I четвертное право дало бы цѣлый калейдоскопъ различныхъ формъ, но было ли бы между ними идейное единство, какое мы теперь наблюдаемъ, это еще вопросъ.

Такимъ образомъ въ первой четверти XVIII столѣтія Петръ I, прикрѣпившій однодворцевъ къ изоброченной, а затѣмъ и неотчуждаемой землѣ, связалъ прежнихъ службъ служилыхъ людей въ единое сословіе какъ особымъ видомъ ландмилицкой службы, такъ главнымъ образомъ и круговой порукой. Все это сдѣлано Петромъ I ради побочныхъ цѣлей, и самъ законодатель не понималъ, что онъ создаетъ этимъ не что иное, какъ общину. Отсюда мы несогласны какъ съ тѣми, кто подобно г. Якушкину видитъ въ дѣятельности Петра I послѣдовательное проведеніе продуманной поземельной политики, такъ и съ тѣми, кто славянофильствуя, видитъ въ Петрѣ Великомъ разрушителя русской общины. На самомъ дѣлѣ Петръ I не разрушилъ, а именно создалъ, хотя и безсознательно то, что нынѣ исключительно называется уравнительной душевной общиной...

ГЛАВА IV.

Исторія русскаго землеизмѣренія.

Древнія мѣры на Руси.—Первоначальное значеніе четверти.—Опредѣленіе ея Посошковымъ.—Употребленіе десятины въ монастырскихъ вотчинахъ.—Четверть оклада служилыхъ людей.—Измѣненіе величины четверти хлѣба.—Превращеніе четверти земли изъ податной единицы въ единицу плоскостную.—Ея размѣръ въ XVII вѣкѣ.—Сошное письмо.—Отсутствіе выти на помѣстныхъ земляхъ.—Живущая четверть.—Неправильное опредѣленіе, данное ей А. Лаппо-Данилевскимъ.—Писцовые наказы царя Ѳеодора Алексѣевича и царевичей.—Правовое значеніе четверти.—Формальное опредѣленіе четвертнаго права.—Сближеніе четверти съ ревизской душой и ихъ различіе.—Межевая инструкція.—Способы утвержденія правъ владѣнія: 1) по четвертнымъ дачамъ и 2) по числу ревизскихъ душъ.—Надѣлъ и идея поравненія.—Межеваніе однодворческихъ земель въ одну окружную межу.—Подтвержденіе неотчуждаемости однодворческихъ земель.—Правительственная опека, установленная межевой инструкціей и бывшая раньше.—Отрѣшеніе однодворческихъ управителей.—Измѣненіе въ правахъ наслѣдованія.—Дворовое владѣніе.—Отсутствіе душевой общины у однодворцевъ до 1780 г.—Поземельная политика императрицы Екатерины II.—Выводы.

Несомнѣнно, что мѣры сыпучихъ веществъ на Руси установились первоначально въ Новгородѣ. Положимъ, по Карамзинскому списку Русской Правды мы узнаемъ (стр. 58), что рожь мѣрилась «кадями ростовскими», при чемъ на два «плуга» высѣвалось 16 кадей и это пространство давало урожай въ 100 копенъ (неизвѣстно какихъ). Но татарскій разгромъ уничтожилъ вліяніе Ростова и Кіева, не коснувшись торговли Новгорода. По уставу Вел. Кн. Всеволода (нач. XII ст.) наблюденіе за торговыми «мѣрилами» возлагалось въ Кіевѣ на митрополита, а въ Новгородѣ на епископа и старосту «Иваньскаго». Въ этой грамотѣ упоминаются «скалвы вощаныя, пудъ медовый, гривенка рублевая и локоть Иваньскій», про сыпучія же мѣры ничего не сказано. Неизвѣстно, сколь долго продержался этотъ порядокъ, но во всякомъ случаѣ въ Кіевѣ онъ не могъ держаться болѣе ста лѣтъ. Отсутствіе упоминаній о мѣрахъ сыпучихъ веществъ въ этомъ памятникѣ конечно не можетъ служить доказательствомъ тому, что ихъ не было. Напротивъ, «Новгородскій лѣтописецъ» [1]) подъ 1127 и 28 годами упоминая о страшномъ голодѣ въ эти года княженія Всеволода, между прочимъ выражается такъ: «и бысть голодъ цересъ зиму, ржи осминка по полугривнѣ», а въ слѣдующемъ году «лютѣ бяше, осминка ржи по гривнѣ бяше, и ядяху люди листъ липовъ, кору березову, конину» и т. д. Это старѣйшее упоминаніе объ *осминѣ* ржи ясно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что еще въ самомъ началѣ русской исторіи въ торговомъ

[1]) Изд. 1781 г., стр. 13 и 14.

центрѣ древней Руси существовала какая-то крупная единица мѣры: и если восьмая часть ея называлась попросту осминой, то двѣ осмины составляли конечно, четверть; сама же единица была ничто иное, какъ простая бочка «кадь», въ которой въ тѣ времена вывозили хлѣбъ въ чужія земли. Первоначально это была только тара, но съ развитіемъ торговли установилось для этой тары нѣкоторое объемное однообразіе. Насколько примитивны были пріемы измѣренія, можно судить по тому, что установились только кратныя къ 2, то-есть умѣли дѣлить цѣлое только пополамъ, именно—бочка, или «кадь», полкади (коробья), четверть и осмина. Всѣ эти части въ нисходящемъ порядкѣ составляютъ равныя половины и всѣ онѣ употреблялись, какъ самостоятельныя единицы мѣры.

Областныя мѣры и вѣсы отличались, конечно, всякими несходствами; объединительное стремленіе Москвы рано или поздно должно было проявиться и въ этой области. Когда это произошло, въ точности установить трудно, ибо дѣлалось это исподоволь и всегда только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было прямо заинтересовано московское правительство. Несомнѣнно, что первыя попытки относились къ налогамъ и денежному обращенію. Когда нужно было взять хлѣбъ натурою со двора (окладного) или когда нужно было казнѣ купить хлѣбъ по вольной цѣнѣ въ силу какихъ-либо интендантскихъ потребностей, Москва требовала примѣненія своихъ «московскихъ» мѣръ. Такъ, въ 1661 г., приказывая [1]) князю Лобанову-Ростовскому принудительно собрать съ Путивльскаго уѣзда хлѣбъ, хотя и за извѣстную плату, царская грамота напоминаетъ, чтобы было собрано со двора по четверти ржи «московскія мѣры» [2]). Немного ранѣе, въ 1654 г., приказывая брянскому воеводѣ Волконскому подрядить извозчиковъ на доставку муки въ Смоленскъ, царская грамота устанавливаетъ такія требованія: «а мука бъ была сухая и добрая, а мѣрою четь въ полдевяти пудъ» [3]). По нынѣшнимъ условіямъ мукомольнаго дѣла, при полутора фунтахъ распыла, на такой подрядъ потребовалась бы рожь въ 120 золотниковъ, то-есть 9 пуд. въ четверти. Есть указанія, что ко времени составленія Уложенія Москва сама еще достаточно путалась въ своихъ мѣрахъ; такъ, въ главѣ о посадскихъ людяхъ ст. 6 гласитъ: «выгону быть около Москвы на всѣ стороны... по двѣ версты, а отмѣрити тѣ выгоны новою саженью, которая сажень по государеву указу сдѣлана въ три аршина, а въ верстѣ учинити по тысячѣ сажень». Ничего нѣтъ удивительнаго, если на окраинахъ господствовало всякое разнообразіе. Такъ, въ 1647 г. стольникъ Воейковъ производилъ опись острога

[1]) Въ этомъ приказаніи соблюдены требованія 21 ст. VII гл. Улож. ц. Алек.

[2]) П. С. З., т. L, № 314.

[3]) Ibid., № 141. Эта грамота вводитъ поправку въ утвержденіе г. Ключевскаго, который говоритъ, что замѣна четырехпудовой четверти осмипудовой произошла въ промежутокъ 1642—1659. Рус. рубль, стр. 15.

Корочи (Кур. губ.) и въ концѣ своей описи сдѣлалъ приписку: «а мѣрянъ острогъ короченской саженью трехъ аршинъ безъ получетверта вершка, а прямой казенной сажени на Корочѣ нѣтъ» [1]). Есть признаки, кромѣ помянутыхъ ссылокъ, что объединеніе мѣръ и вѣсовъ было предпринято не при царѣ Алексѣѣ, а еще при Іоаннѣ Грозномъ. При сдачѣ г. Мценска однимъ воеводой другому въ 1668 г. въ числѣ прочаго казеннаго имущества оказалась и «осмина мѣдная съ гребломъ», и далѣе «овса двѣсти шестнадцать четвертей съ осминою въ московскую мѣдную заорляную мѣру». Изъ грамоты Грознаго на Двину видно, что еще въ 1550 г. была послана «мѣра мѣдная, новая... мѣрять ею всѣмъ людямъ всякое жито». Положено было уголовное наказаніе за порчу этой мѣры. Соловьевъ думаетъ, что это была осмина [2]). Но если торговля побуждала правительство слѣдить за мѣрами и вѣсами съ незапамятныхъ временъ, то нельзя этого сказать про мѣры длины. Земля все еще измѣрялась живыми урочищами, и поэтому цѣлымъ столѣтіемъ позже сказалась потребность установить болѣе точную мѣру, почему новая сажень Уложенія дѣйствительно была новостью. Мы не безъ основанія сдѣлали это, правда, поверхностное вступленіе: дѣло въ томъ, что земля въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ измѣрялась, главнымъ образомъ четвертями и это измѣреніе находилось въ исторической связи съ мѣрами сыпучихъ веществъ. Иначе говоря, *четвертью земли* первоначально называлось *такое пространство, на которое высѣвалась четверть ржи* (жита). Это положеніе нельзя доказать ссылками на акты XVI и XVII столѣтія, ибо въ то время понятна была эта связь сама собой; но когда осложнившаяся жизнь перестала уживаться съ столь примитивнымъ способомъ пространственныхъ измѣреній, когда русскіе люди стали критически относиться къ своей старинѣ, одинъ изъ такихъ критиковъ съ неподражаемой точностью далъ вышеприведенное опредѣленіе четверти. Это былъ извѣстный «фонтанныхъ дѣлъ мастеръ» Иванъ Посошковъ. Пропагандируя измѣреніе земли десятинами съ помощью астролябіи и установленіе «недвижимыхъ межъ», этотъ прожектеръ генеральнаго межеванія обрушился съ безпощадной критикой на прежніе способы землемѣрія. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: «а и сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ и колико въ коемъ урочищѣ четвертныя пашни и сѣнные покосы пишутъ же, и пишучи не то чтобъ ее смѣрить, но и глазами не видавъ: пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ. И въ иной пустоши напишутъ четвертей пятьдесятъ въ полѣ, а въ дву потому жъ; и егда кто

---

[1]) Акты, до юр. б. отн., т. III, № 318, стр. 181. Такъ же точно отличалась курская четверть отъ московской. Кромѣ того, сама казна имѣла двѣ четверти — „пріемочную“ съ верхомъ и „отдаточную“ безъ онаго.

[2]) Ист. Рос. т. VII, гл. V, стр. 374.

станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ». «А въ иной пустоши, продолжаетъ Посошковъ,—видѣлъ я, написано шесть четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей... И въ такомъ расположеніи только одна смута» [1]).

Изъ этого классическаго мѣста ясно видно, что называлось земельною четвертью. Но Посошковъ все-таки увлекается, ибо гораздо раньше его времени перестали считать четверть чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Прослѣдимъ это явленіе.

Въ XV и XVI вѣкахъ при написаніи купчихъ и мѣновныхъ вовсе не упоминали про какія-либо измѣренія, потому что ихъ никто и не производилъ тогда. Продаваемое пространство опредѣлялось фактическимъ тяготѣніемъ угодій къ извѣстному урочищу или селищу. Это оформивалось какъ бы юридически точнымъ терминомъ, а именно писалось: «продалъ деревню такую-то со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ *изстари потяглo* пашни, и поженъ, и лѣсу, и всякихъ угодій во всѣхъ трехъ поляхъ, *куды соха, и топоръ, и коса ходили*» [2]). Въ началѣ XVII вѣка хотя и сохраняется еще эта старинная формула, но рядомъ съ ней выступаетъ другое, очевидно, болѣе важное опредѣленіе, именно *число четвертей пашни и число копенъ сѣна*. Къ серединѣ XVII столѣтія мы не видимъ уже въ купчихъ ни топора, ни сохи.

Въ другихъ актахъ XVI вѣка, гдѣ требовалось опредѣленіе площади, четверть, повидимому, стала употребляться позже, чѣмъ употреблялась обжа. По крайней мѣрѣ, еще въ 1585 году въ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ, какъ это видно изъ дѣла о дачѣ помѣстья Харламову, писалось: «пашни въ полѣ середніе земли три обжи, а въ дву потому жъ», и при разборѣ дѣла въ 1613 году половинная часть этого исчислена уже въ 15 четвертей [3]). Самое раннее упоминаніе о четверти, насколько мнѣ извѣстно, относится всего къ 1555 году [4]), то-есть послѣ мѣропріятій Грознаго, составившаго первый писцовый наказъ, къ сожалѣнію утраченный.

Достойно удивленія, что о десятинѣ какъ плоскостной единицѣ, упоминается гораздо раньше, чѣмъ о четверти, именно въ 1494 году. Въ одной отводной этого года мы читаемъ слѣдующее: «а въ деревнѣ Лихорадовѣ, что было за Невѣромъ за Ивановымъ сыномъ Юрьева, митрополиче жалованье во всѣхъ трехъ полѣхъ земли двадцать десятинъ съ десятиною; а всее пашни и что на сѣчахъ сѣно косили восемьдесятъ десятинъ безъ четырехъ десятинъ» [5]). И просматривая дальше акты XVI вѣка мы замѣтимъ, что ми-

---

[1]) Сочин. Ив. Посошкова, изд. М. Погодина, т. I, стр. 192 и сл.

[2]) Изъ купчей 1526 года. Акты юр. II, стр. 359.

[3]) Акты, до юр. быта отн., т. I, стр. 585.

[4]) Ibid., стр. 83. Жалованная грамота Новинскому монастырю.

[5]) Ibid., т. II, № 565.

трополитъ, архіереи и монастыри, гдѣ дѣло идетъ объ учетѣ ихъ крестьянъ или служащихъ у нихъ дѣтей боярскихъ, постоянно примѣняютъ десятину, какъ единицу измѣренія земли; но гдѣ дѣло касается счетовъ съ казной снова всплываетъ четверть. Съ другой стороны, и московское правительство, по крайней мѣрѣ XVII вѣка, часто предпочитаетъ опредѣленную десятину гадательной четверти. Такъ, государева десятинная пашня близъ Ельца и Курска въ началѣ XVII вѣка, измѣрялась десятинами; черносошныя деревни записывались въ писцовыя книги вытями; вытная земля усчитывалась четвертями, но въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ обязывались пахотой, государева пашня и здѣсь писалась десятинами и въ сошное письмо не входила. Повидимому, введенная Грознымъ, четверть [1]) внесла какую-то смуту въ счетъ и измѣреніе земли, но устранить эту смуту не было возможности, ибо помѣстные оклады служилыхъ людей были исчисляемы также четвертями. Мы до сихъ поръ не знаемъ, что такое четверть оклада служилаго человѣка. Что ею измѣрялось? Способность ли къ службѣ, величина ли жалованья или рангъ служебный? Скорѣе всего это былъ извѣстный рангъ, до котораго дослужилось данное лицо. Чтобы привести этотъ рангъ въ извѣстное сочетаніе съ жалованьемъ, платимымъ, какъ извѣстно, помѣстной землей, его исчисляли такъ же какъ землю четвертями. Это имѣло громадное практическое значеніе: Разрядъ, вѣдавшій личную службу, усчитывалъ оклады четвертями и тѣмъ помогалъ Помѣстному приказу слѣдить за правильнымъ полученіемъ жалованія. Въ дѣйствительной жизни каждый служилый человѣкъ могъ пріискивать себѣ столько четвертей въ помѣстье, сколько было у него четвертей въ окладѣ. Но что стоило ввести въ обязательное употребленіе десятину вмѣсто четверти? Для этого нужно было только приравнять ее двумъ четвертямъ. Такъ и было сдѣлано, какъ мы сейчасъ увидимъ, но счетъ на четверти остался по прежнему въ силѣ, ибо мѣстническіе счеты да и вообще всѣ исчисленія прежнихъ лѣтъ, сдѣланныя въ Разрядѣ, труднѣе было измѣнить, чѣмъ претерпѣть неудобства, порожденныя четвертью, какъ единицей измѣренія земли. А тутъ какъ нарочно эта забота совпала съ другой. Какъ извѣстно, новгородская четверть, какъ мѣра сыпучихъ веществъ, была вдвое больше московской четырехпудовой четверти. Желая объединить вѣсы и мѣры, московское правительство въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича увеличило вдвое московскую четверть. Сдѣлавши это, надо было считаться съ крупными бытовыми осложненіями: во-первыхъ, всѣ помѣщики могли истолковать это мѣропріятіе въ свою пользу и требовать увеличенія своихъ владѣній вдвое, во-вторыхъ, всѣ служилые люди могли пожелать, чтобы оклады ихъ, исчисленные чет-

[1]) Мнѣ кажется, что четверть введена для облегченія писцовъ: легче было узнать, сколько данный дворъ высѣваетъ ржи, чѣмъ измѣрить его полосы. Отсюда та щепетильность, которая постоянно выравниваетъ клины всѣхъ полей.

вертями, признавались также въ удвоенномъ размѣрѣ. Всего этого не случилось конечно потому, что въ бытовомъ отношеніи всѣ три вида четверти начинали уже утрачивать теоретически объединяющую нить. Четверть ржи, идя въ Новгородъ, превращалась въ полчетверти, въ осмину — это невыгодно было московскимъ людямъ: они понимали, что новое мѣропріятіе устраняетъ важную путаницу въ торговыхъ отношеніяхъ. Но чтобы владѣльцы земель не истолковали этого акта въ свою пользу при измѣреніи земли, начали издаваться соотвѣтствующіе указы. Въ 1649 году былъ посланъ указъ медынскому губному старостѣ объ измѣреніи земли, и въ томъ указѣ между прочимъ написано: «пашню и перелогъ измѣрилъ бы въ десятины и положилъ въ четверти... а десятину бъ мѣрилъ въ длину по 80 сажень, а поперекъ по 30, изверставъ въ три поля гораздо, чтобъ тебѣ на той пустоши чертвертная пашня во всѣхъ трехъ поляхъ написать ровно»... [1]). Позднѣе, въ 1673 году, въ наказѣ о размежеваніи Епифанскаго уѣзда сказано еще яснѣй: «дикія поля отдѣлять по указнымъ статьямъ по двѣ четверти въ десятину; а десятину мѣрить въ длину по 80 сажень» и т. д. [2]).

Такимъ образомъ въ половинѣ XVII вѣка четверть земли сдѣлалась вполнѣ опредѣленной мѣрой: она равнялась 1200 квадр. сажнямъ въ одномъ полѣ. На это пространство и сейчасъ въ большинствѣ мѣстностей центральной Россіи высѣвается четыре мѣры ржи, то-есть почти столько же, сколько было зерна въ старой московской четверти. Но четверть мѣрилась въ трехъ поляхъ: почему-то думали, что кто сѣетъ двѣ четверти въ нынѣшнемъ году, долженъ посѣять столько же и въ будущемъ. Отъ писцовъ требовали, чтобы они производили эту разверстку «гораздо». Это влекло за собой лишь путаницу въ регистраціи. Впрочемъ для этой путаницы было много причинъ. Трудно было безъ точныхъ инструментовъ измѣрить необъятную землю русскую, а еще труднѣй было дѣйствовать писцамъ, которые должны были произвести громадный трудъ при самыхъ невыносимыхъ условіяхъ. Мы здѣсь не будемъ останавливаться ни на писцовыхъ наказахъ, ни на дѣятельности писцовъ. Послѣдняя хорошо извѣстна, но несмотря на всѣ ухищренія писцовъ, не отъ нихъ происходитъ разница въ размѣрахъ нынѣшнихъ четвертей у однодворцевъ. То, что описалъ Посошковъ, отошло въ вѣчность, ибо имѣло временное значеніе, разсыпавшееся при первомъ наведеніи астролябіи. Техника землеизмѣренія имѣетъ значеніе для установленія количества принятыхъ за единицу пространствъ; отъ совершенства этой техники зависитъ точность учетовъ; въ этой точности одинаково заинтересованы какъ казна, такъ и владѣльцы. Нѣтъ спора, что

---

[1]) Акты, до юр. быт., т. I, стр. 272.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 554.

писцы, начиная съ наказа Грознаго и кончая наказомъ царевичей Петра и Іоанна, мало подвинулись впередъ по пути установленія болѣе точныхъ техническихъ пріемовъ: нельзя же считать техническимъ улучшеніемъ ту «вервь», которая была введена, повидимому, только писцовымъ наказомъ царевичей.

Но какъ бы ни было, писцовыя книги поражаютъ насъ грандіозностью своей работы. Достаточно указать на то, что въ нихъ вписывались всѣ прежніе акты укрѣпленія, и сверхъ обычнаго перечисленія четвертной пашни и прочихъ угодій требовалось на каждый отдѣльный случай опредѣлить размѣры сошнаго письма. Какъ извѣстно, помимо обязательной службы съ помѣстій и вотчинъ, съ черныхъ волостей и монастырскихъ крестьянъ казна брала еще разные денежные и натуральные поборы. Податная способность помѣстій и вотчинъ (вообще земли) усчитывалась писцами. Она опредѣлялась четвертной пашней «въ живущемъ», то-есть, иначе говоря тягло наваливалось не на пустую, необработанную землю, а на ту, которая подвергалась лишь извѣстной эксплоатаціи, то-есть паханію.

При сводныхъ податныхъ учетахъ, производимыхъ въ приказахъ, послѣдніе практиковали старинное сошное письмо, но весь сырой матеріалъ для этого заготовлялся все тѣми же писцами. Соха въ XVI и XVII вѣкахъ, содержала отъ 500 до 1300 четвертей, смотря не только по разряду владѣльцевъ, но и по другимъ соображеніямъ, (напр., качество земли, разоренность края и проч.), такъ что въ иныхъ случаяхъ писцы вынуждены были оговаривать свой счетъ. Такъ въ писцовой книгѣ Федосьина городка, письма Андрея Салтыкова съ товарищи, между прочимъ можно прочесть такое мѣсто: «а сошнаго письма въ живущемъ полсохи и полчети, а впустѣ четь сохи; а въ соху положено середней земли 700 четей, а худой земли по 800 четей» [1]). По книгамъ же Полоцкаго Повѣта (1571 г.) соха содержитъ тысячу четвертей [2]). Также въ Микулинскомъ уѣздѣ (нын. Тверской губ.) писцы пишутъ: «а кладено въ соху середней земли по 1000 четьи, а худой по 1200» [3]). Очень можетъ быть, что первое время размѣръ сохи опредѣлялся на каждый случай при посылкѣ писцовъ; это видно изъ того, что въ Веневскихъ отдѣльныхъ книгахъ 1571 г. есть такая приписка: «а по государеву наказу положено въ соху доброй земли по 800 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ» [4]). Въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, напр., Каширскаго, и у тѣхъ же разрядовъ владѣльцевъ, мы видимъ разныя сохи: въ Раставскомъ стану у помѣщиковъ 600 четвертей въ сохѣ, въ Тѣшиловѣ у нихъ же 800, а въ Безпуцкомъ стану 1000 чет. [5]).

---

[1]) Писцов. книги отд. II стр. 415. Изд. Колачева.

[2]) Ibid., 550—566.

[3]) Ibid., 340—356.

[4]) Ibid., стр. 1555.

[5]) Ibid., отд. III стр. 1435, 1467 и сл.

Сошное письмо нужно было для приказныхъ выкладокъ и исчисленій, а тамъ въ глухихъ деревняхъ плательщики вели свои счеты по вытямъ... Но выть институтъ чисто общинный, выработавшійся у монастырскихъ черныхъ и отчасти дворцовыхъ крестьянъ, и поэтому на помѣстныхъ земляхъ, которыя насъ всего болѣе интересуютъ, мы не встрѣчаемъ выти [1]). Даже и въ общинахъ этотъ институтъ установился неповсемѣстно и не сразу; такъ писецъ Савинъ, измѣрявшій въ 1594 г. с. Танище (монастырское), между прочимъ пишетъ: «а вытей въ селѣ Танищахъ съ деревнями по крестьянской сказкѣ прежъ сего не бывало, и вытей не знаютъ» [2]). Не нужны были помѣстнымъ владѣльцамъ и обжи, какъ части сохи: это признано было и приказными дѣльцами, которые учитывали платежную долю каждаго плательщика долями сохи, напр., «а сошнаго письма въ живущемъ полчети безъ полполполтрети сохи (т.-е. $100-33,_3=76,_7$ четверти), а впустѣ полсохи да полполчети, да полполполтрети сохи (т.-е. 483 чети) и не дошло въ сошное письмо двѣ чети», значитъ всего 485 четвертей. Но за то помѣстнымъ владѣльцамъ, по крайней мѣрѣ съ 1631 года по конецъ сороковыхъ годовъ того же столѣтія, нуженъ былъ другой приказный счетъ—счетъ «живущихъ четвертей». Правда эта податная единица продержалась недолго, но въ виду того, что эту главу мы посвятили вопросу о «четверти» намъ придется остановиться и на этомъ предметѣ.

Для этого намъ нѣтъ надобности подробно останавливаться на податной организаціи XVII вѣка тѣмъ болѣе, что въ научной литературѣ вопросъ этотъ превосходно разработанъ А. Лаппо-Данилевскимъ и П. Милюковымъ [3]). Здѣсь мы отмѣтимъ лишь то противорѣчіе, какое наблюдается во взглядахъ почтенныхъ ученыхъ на «живущую четверть». По мнѣнію одного—живущая четверть была однимъ изъ примѣненій сошнаго письма, именно способомъ раскладки, хотя далеко неповсемѣстнымъ (Милюковъ, 19 стр.). По мнѣнію другого это была «финансовая единица, которая складывалась изъ десяти крестьянскихъ хозяйствъ, приближавшихся къ нормальному уровню» (Лаппо-Данилевскій, стр. 248), но единица эта подвержена была колебаніямъ въ зависимости не только отъ разоренія данной мѣстности, но и отъ техническихъ пріемовъ четвертныхъ счетовъ «(стр. 252). Эта финансовая единица по мнѣнію автора «не представляла постоянной величины» (256), за то «въ нѣкоторой мѣрѣ сливала податной источникъ съ податною единицей и отличалась даже большею гибкостью, чѣмъ соха»...

---

[1]) О выраженіи 34 ст. и 57 ст. XVI гл. Улож. ц. Алексѣя „повытно“ мы уже говорили.

[2]) Писц. книги, отд. II, стр. 420.

[3]) А. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. госуд. С.-Пб. 1890 г. и П. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи С.-Пб. 1892.

Кромѣ того «подать, падавшая на живущую четверть разумѣется нельзя считать поземельною, но нельзя еще назвать и подворною въ строгомъ смыслѣ». (Ib. 256). Съ послѣднимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться, ибо прежде всего не могу допустить, что правительство стремилось перейти отъ сошнаго обложенія къ подворному: вводя живущую четверть, московское правительство воспользовалось лишь тѣмъ, что уже давно выработала практика мірской сошной раскладки; оно обобщило эту практику, свело ее къ одному знаменателю для всего государства и косвенно дало новому обобщенному понятію даже прежнее имя. И дѣйствительно, откуда это названіе «живущая четверть»? Почему она не называется третью или осминой? Очевидно потому, что составляла именно четверть своего цѣлаго. Въ XVII столѣтіи любили слово «четверть», но всюду, гдѣ это слово примѣнено было въ первый разъ, оно знаменовало дѣйствительно четверть, а не другую дробь. Такъ, хлѣбная четверть составляла четвертую часть «кади»; новгородская четь—приказъ вѣдавшій, четвертую часть завоеванной области. Привычка употреблять это слово въ смыслѣ «приказа» сохранилась и послѣ, когда рядомъ съ новгородскою и другими тремя четвертями возникла еще новая пятая четверть. Но гдѣ же искать цѣлое для живущей четверти? Я полагаю, что «живущая четверть», установленная указомъ 1631 года есть ничто иное, какъ четвертая часть живущей сохи. Такое мое предположеніе основано на нижеслѣдующихъ соображеніяхъ. Распаханныя четверти пашенной земли считались «живущими» или ближе къ подлинникамъ «въ живущемъ» только тогда, когда на нихъ жили тяглецы «крестьяне или бобыли», или пахали ихъ сами однодворцы, какъ это было въ Рязани уже въ началѣ XVII вѣка. Четверти, распаханныя на монастырь, въ государеву пашню и даже «наѣздомъ изъ найма», въ число живущихъ четвертей не полагались: имъ былъ въ писцовыхъ книгахъ свой особый счетъ, чаще десятинами [1]). Дворъ помѣщика различался по писцовымъ книгамъ конца XVI столѣтія отъ двора крестьянскаго или бобыльскаго, но пашня помѣщикова не регистрировалась особо отъ крестьянской, ибо ея очевидно не было съ точки зрѣнія фиска, иначе пришлось бы считать ее бѣломѣстною, что казнѣ было невыгодно. Дозорныя книги 1615—16 гг. еще держатся этого правила, но писцы 135—138 гг. (1627—30) стали уже различать помѣщичью пашню отъ крестьянской. Облагалась та и другая, хотя фактически платилъ за все только крестьянинъ, обязанный еще сверхъ того оброкомъ предъ своимъ помѣщикомъ; но облагалась лишь та земля, которая подвергалась сельскохозяйственной эксплуатаціи. За мѣрою и счетомъ она вносилась въ писцовыя книги. Ко времени изданія указа о живущихъ четвертяхъ правительство успѣло уяснить себѣ, что южная окра-

---

[1]) Писц. книги, изд. Колачевымъ, отд. III, стр. 34 и сл.

ина, отличавшаяся своимъ тучнымъ черноземомъ, въ состояніи вынести значительное обложеніе, но что на этомъ черноземѣ, еще незамиренномъ и даже неотвоеванномъ какъ слѣдуетъ, мало рабочихъ рукъ; было замѣчено, что эти руки, будучи приложены къ землѣ, являются здѣсь главнымъ источникомъ богатства, и что сообразно съ этимъ устанавливаются уже расцѣнки помѣстій... Но казна не могла также не видѣть, что въ рѣдко населенномъ краѣ, гдѣ помѣщики имѣли помалу крестьянскихъ дворовъ, а мѣстами, какъ въ Старомъ Осколѣ и совсѣмъ не имѣли, раскладка сошныхъ податей затрудняется именно благодаря отсутствію вытей, какъ болѣе дробныхъ частей сохи. Понятіе о выти не могло выработаться тамъ, гдѣ въ лучшихъ случаяхъ сидѣло на одномъ помѣстьѣ два-три крестьянскихъ двора, несвязанныхъ съ сосѣдями тѣмъ, что на сѣверѣ называлось волостью. Надо было помочь бѣдѣ, надо было упростить технику раскладки податей, а для этого и въ помѣстное обложеніе надо было ввести меньшую, чѣмъ соха, единицу; и такъ какъ подати надо было уравнять между всѣми плательщиками съ достодолжной справедливостью, признано было за благо установить извѣстное число четвертей, составляющихъ соху, и оную разбить на опредѣленныя, неизмѣнныя части, которыя явились бы подобіемъ вытей. И г. Лаппо-Данилевскій и г. Милюковъ одинаково утверждаютъ, что въ сохѣ доброй земли стали считать въ XVII вѣкѣ по $40^2/_3$ выти въ черныхъ волостяхъ, по 50 вытей въ монастырскихъ и по $66^2/_3$ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Зная эти цифры, нетрудно, мнѣ кажется, догадаться, что живущія четверти въ тѣхъ основныхъ размѣрахъ, какіе приведены въ нормальной табели г. Лаппо-Данилевскаго (стр. 531), являются кратными числами вытей: стоитъ только увеличить число дворовъ, приходившихся на живущую четь вчетверо, какъ сейчасъ же получится почти полное совпаденіе: а именно въ худшихъ мѣстностяхъ, гдѣ на живущую четверть положено 16 дворовъ (12 крест.+8 бобыл.), соха помѣстная состоитъ изъ 64 дворовъ, вмѣсто $66^2/_3$ вытей, а монастырская изъ 48 дворовъ вмѣсто 50 вытей. Въ лучшихъ мѣстностяхъ мы находимъ въ помѣстьяхъ 40 дворовъ на соху, то-есть столько же, сколько вытей у черносошныхъ, а въ монастырскихъ вотчинахъ всего только 30 дворовъ. Всѣ эти разсчеты произведены такъ, что на дворъ приходится во всѣхъ случаяхъ около 20 четвертей; при чемъ въ лучшихъ мѣстностяхъ надо считать соху помѣстную въ 800 четвертей, а монастырскую въ 600; въ худшихъ—помѣстная соха считалась въ 1300, монастырская въ 1000[1]). Такимъ образомъ, этимъ якобы новымъ мѣропріятіемъ правительство москов-

[1]) Этотъ разсчетъ вытекаетъ изъ сопоставленія числа дворовъ живущей чети съ размѣрами сохъ; 10 : 16=800 : 1300 и $7_{,5}$: 12=600 : 1100, т.-е. для худшихъ мѣстностей приняты размѣры сохи „добре худой земли“, а для лучшихъ—„доброй земли“.

ское объединило всѣхъ плательщиковъ, *приравнявъ крестьянскій дворъ юга къ выти сѣвера;* кромѣ того, оно объединило соху, хотя сохранило различіе между монастырской и помѣстной сохой, и всю государственную территорію, за исключеніемъ лишь Сѣвскаго и Бѣлгородскаго уѣздовъ, которые только что заселялись, раздѣлило на два класса. Реформа эта не коснулась, какъ извѣстно [1]), дворцовыхъ и черныхъ волостей и вообще всего сѣвера, гдѣ господствовали выти и сошки, исключая лишь монастырскія земли, которыя нужно было обложить побольше. Въ этомъ отношеніи, очевидно, не было надобности вмѣшиваться въ повытный распорядокъ сѣверныхъ общинъ. Здѣсь же, на югѣ некогда было дожидаться, пока сложится повытная разверстка: раскладка податей, а еще больше взиманіе ихъ, не терпѣли отлагательства, надо было создать меньшую, чѣмъ соха раскладочную единицу, и ее дали въ видѣ четверти живущей сохи. Надо было взять съ юга какъ можно больше, особенно въ виду предстоявшей войны съ Польшей, и вотъ для того, чтобы не возиться съ перевычисленіями сошнаго письма, только-что законченнаго писцами по преждепринятымъ старымъ нормамъ, придуманъ былъ новый, упрощенный способъ опредѣленія размѣровъ этой сохи. Какъ мѣра земли, она осталась тою же величиной въ 800 четей для помѣстій и въ 600 для монастырей, но какъ единица обложенія, она была фиксирована. Было предположено, и не безъ основаній, вытекавшихъ изъ среднихъ только-что законченной переписи, что 20 четвертей земли составятъ тотъ желанный maximum, котораго за глаза достаточно, чтобы прокормиться крестьянской семьѣ; что такая выть вполнѣ будетъ соотвѣтствовать нормальному двору, даже превыситъ обычные размѣры выти. Это былъ первый актъ со стороны государства, направленный на обезпеченіе и уравненіе землей тяглаго населенія. Но правительство видѣло, что на югѣ распашки пока крайне незначительны: въ Елецкомъ уѣздѣ, напр., въ 1627—30 гг. на крестьянскій дворъ приходилось всего 1,2 чет. пашни, то-есть немного болѣе полудесятины. Надо было отказаться отъ прежней системы обложенія лишь эксплоатируемой земли, но боязно было ввести налогъ «съ-пуста»; потребовалась и здѣсь фикція—допущено было, что платежеспособность южнаго чернозема зависитъ единственно отъ рабочей силы, и потому эту силу не надо стѣснять, не надо загонять въ тѣсныя рамки писцовыхъ книгъ, въ размѣры паханой пашни. Нетрудно было высчитать, что на 800 четвертяхъ помѣстной земли могутъ жить 40 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, но еще легче можно было видѣть, что эти сорокъ дворовъ при тамошнихъ условіяхъ могутъ пахать всего какихъ-нибудь 50 четвертей. Обложеніе четвертей «въ живущемъ», т.-е. распаханныхъ, было прямо убыточно для казны, и она предпочла прибѣг-

[1]) Лаппо-Данилевскій, стр. 250, примѣч.

нуть къ разнымъ фикціямъ, чтобы замаскировать свои попытки на обложеніе не труда, а земли, какъ таковой. Стало-быть, въ это время экономическія условія страны были настолько сложны, что земля приносила уже ренту: эту ренту и обложило московское правительство въ 1631 году съ помощью такъ называемой живущей четверти *сохи*. Послѣдняго слова современники не договаривали—имъ было и такъ понятно, о какой четверти идетъ здѣсь рѣчь, но намъ это до того непонятно, что даже вооруженные громадной эрудиціей, мы сбиваемся съ толку, въ чемъ тутъ дѣло. А дѣло между тѣмъ тотчасъ же уясняется, какъ только мы сопоставимъ оклады, падавшіе на живущія чети съ сошнымъ окладомъ; оказывается, что на живущую четверть падало по мірскимъ разрубамъ, напр., въ 1635 году не 120 рублей, а всего 32 рубля, въ 1637 году не 240—250 р., а всего 60—65 р. Этого не было бы, если бы окладъ живущей чети не составлялъ простой четверти оклада живущей сохи. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему на соборѣ 1642 г. Беклемишевъ и К° [1]) ходатайствовали о взиманіи сборовъ не съ живущихъ четвертей, а поворотно, съ дворовъ. Эти ходатаи понимали, что раскладка по живущимъ четвертямъ есть ничто иное, какъ видоизмѣненное старое, сошное, повытное письмо, дѣлавшее ихъ (плательщиковъ) простыми тяглецами; они видѣли, что сборы эти падаютъ прямо на землю, дѣлая ее черною, тяглою землею; да кромѣ того падаютъ не на жилое какъ прежде, не на трудъ подневольныхъ крестьянъ и бобылей—тяглецовъ, а падаютъ на «пустую» землю, стало-быть, на помѣстное владѣніе, какъ таковое, на нихъ, помѣщиковъ, обладателей той земли и уже посредствомъ ихъ на сидящихъ на ней крестьянъ. Не могло нравиться такимъ ходатаямъ и то начало, которое сознательно или безсознательно проводилось правительствомъ этой мѣрой: податная соха измѣрялась уже не плоскостною мѣрою, а количествомъ рабочихъ рукъ, жившихъ на ней. Это создавало отвлеченное право на землю для этихъ самымъ рукъ, а между тѣмъ хотѣлось бы окончательно поработить, закрѣпостить эти руки, сдѣлать ихъ безправными холопами и распоряжаться ими на всей своей волѣ. Неудивительно, что подворная подать, недопускавшая возможности такихъ правовыхъ воззрѣній, становится идеаломъ для 40 г.г. XVII вѣка, и этотъ идеалъ служилое сословіе вымогло у московскаго правительства въ видѣ переписныхъ книгъ 1646 года. Эти переписныя книги окончательно закрѣпостили крестьянъ и бобылей за помѣщиками, и сдѣлали изъ нихъ тяглецовъ для государства, оставивъ ихъ обладателей въ привилегированномъ положеніи. Наибольшее податное бремя съ этихъ поръ упало на

---

[1]) Никита Ивановичъ Беклемишевъ больше чѣмъ кто-нибудь понималъ то дѣло, о которомъ подалъ на соборѣ 1642 г. свое особое мнѣніе: это былъ старый „писецъ“, занимавшійся переписью съ 1597 года по 1648. См. у Лаппо-Данилевскаго, стр. 194.

крестьянскій дворъ, а съ 1679 года, кромѣ крестьянскаго двора, мы уже не находимъ другихъ объектовъ прямого обложенія.

Итакъ, правительство не достигло указомъ 1631 года какихъ-либо осязательныхъ результатовъ. Приравнявъ крестьянскій дворъ (или два бобыльскихъ) къ прежней выти, правительство стремилось установить прямую связь между тяглецами и государствомъ; эта связь не замедлила бы развиться въ такой институтъ, который ослабилъ бы крѣпостничество. Такая попытка со стороны правительства вытекала несомнѣнно изъ тѣхъ воззрѣній на землю, какія сложились подъ татарскимъ вліяніемъ, то-есть: всѣ земли, не исключая тѣмъ болѣе помѣстій, суть государевы; всѣ люди, живущіе на той землѣ—его великаго государя подданные, обязанные платить «дани и оброки» прямо въ государеву казну. Это татарское воззрѣніе было осилено польскимъ, а если хотите, славянскимъ, по коему земля, занятая такъ или иначе съ оружіемъ въ рукахъ, принадлежитъ тому, кто ее взялъ; онъ, взявшій ее, радъ служить своимъ мечемъ и дальше, но свою землю не желаетъ дѣлать тяглой; наоборотъ, всякій, кто на ней поселится, дѣлается его и только одного его «крѣпкимъ» тяглецомъ. И говорить нечего, что татарское воззрѣніе на землю, даже и не столь строго проведенное въ жизнь, было выгоднѣй для крестьянства, что вполнѣ доказала исторія крѣпостного права въ Польшѣ. Приравнивая южный дворъ къ сѣверной выти, правительство накладывало на югъ несоразмѣрно большое податное бремя, такъ какъ вмѣсто 5-6 четвертей «въ живущемъ» на сѣверную выть, на югѣ приходилась всего одна четверть пахоти на дворъ. Но во-первыхъ, правительство знало, что четверть южнаго чернозема дастъ почти столько же, сколько 6 четвертей гдѣ-нибудь въ Чарондѣ, а во-вторыхъ, оно понимало, что такое поравненіе заставитъ южанъ разширить свои распашки, о чемъ правительство заботилось съ помощью и другихъ мѣропріятій. Новая организація раскладки податей давала широкій просторъ для распашки дикихъ поль, ибо по предполагавшимся учетамъ на каждый дворъ приходилось 20 четвертей земли. Мы знаемъ, что позже правительство уменьшило эту норму до 7 — 8 четвертей: при надѣленіи, наприм., солдатъ около Новаго Оскола или черкасъ гдѣ-нибудь въ Мартоветахъ.

Итакъ, Лаппо-Данилевскій былъ неправъ, утверждая, что живущая четь замѣнила сошное письмо и представляла собой переходъ отъ сошнаго обложенія къ подворному. Наоборотъ, боясь окончательнаго установленія сошнаго обложенія подъ видомъ живущей чети, служилое помѣстное сословіе вымогло у правительства, чтобы облагались дворы, а не живущія четверти.

Такимъ образомъ, сошное письмо, а съ нимъ и счетъ живущихъ четвертей, начинаетъ утрачивать податное значеніе со дня написанія, такъ называемыхъ, переписныхъ книгъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и четверть земли, какъ

наименьшая единица этой сложной податной раскладки утрачиваетъ свое тягольное значеніе и превращается въ простую плоскостную единицу. Двѣ четверти приравнены были одной десятинѣ [1]); выраженіе «измѣрить въ десятины и положить въ четверти», столь часто попадающееся въ актахъ XVII вѣка указываетъ на прежнее окладное значеніе четверти. Ко времени изданія писцоваго наказа царя Ѳедора Алексѣевича четверть уже не имѣла такого значенія; ею тогда опредѣлялись лишь «дачи» такъ что за нею осталось только чисто юридическое значеніе: числомъ четвертей опредѣлялось право каждаго лица на извѣстное пространство земли. Наказъ смотрѣлъ на дѣло совершенно правильно, нужно было «помѣстныя и вотчинныя, и порожжія земли, и всякія угодья, межеванныя и немежеванныя мѣрить всѣ, что по наѣзду писцовъ ни будетъ, чтобы неописныхъ, и немѣрныхъ, и прописныхъ земель и угодій не было: и что у кого будетъ примѣрныхъ земель, и то описывать и межевать по наказу для того, чтобъ въ патріаршихъ, и въ монастырскихъ... и всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, по дачамъ четвертная пашня и всякія угодья описаны были мѣрою въ десятины» [2]). Писцы обязаны были выдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ выписи «на старыя ихъ дачи и на примѣрныя земли».

Усадьбы исчислялись пропорціонально старымъ дачамъ. Владѣльцы обязывались приносить писцамъ «крѣпости, не отымаясь ничѣмъ, безсрочно». «Помѣстныя примѣрныя земли приказано было давать въ оклады, а что за окладомъ останется и тѣ лишнія земли продавать имъ же въ вотчину» за три четверти по рублю [3]). Это важное постановленіе не могло не отразиться на размѣрахъ четверти. Въ самомъ дѣлѣ владѣлецъ, прикупившій часть примѣрной земли, тѣмъ самымъ не измѣнялъ своего оклада и поэтому продолжалъ считать въ своемъ владѣніи столько четвертей, сколько считалось ихъ по окладу. Для него это было безразлично, но наслѣдники его ставились этимъ обстоятельствомъ въ иныя условія. Вѣдь прежде чѣмъ произвести раздѣлъ имѣнія въ натурѣ, они должны были раздѣлить, такъ сказать, свое право. Если оное наслѣдодателемъ считалось по окладу въ 250 четвертей, то при дѣлежѣ надвое каждый наслѣдникъ будетъ имѣть по 125 четвертей; сообразно съ этимъ и дѣлилась вся земля, не исключая купленной у казны. Послѣдняя являлась какъ бы наддачей и конечно повышала размѣръ четверти, если только площадь земли была писцами измѣрена правильно. Этотъ случай наводитъ насъ и на другое предположеніе: примѣрной земли могло вовсе и не быть, мало того могло быть земли въ натурѣ меньше, чѣмъ имѣлъ право получить владѣлецъ по своему окла-

---

[1]) Отсюда понятно, почему поднесь $^1/_4$ десятины называется „осминникомъ“.

[2]) П. С. З. № 832 ст. I.

[3]) П. С. З. № 835.

ду. И опять-таки для него это было неважно, но его наслѣдники, зная окладъ своего отца, могли разверстываться на основаніи этого оклада и тогда четверть будетъ, конечно, меньше установленной нормы. Правда второй случай облегчался тѣмъ, что наслѣдники обыкновенно дѣлились не по окладу своего наслѣдодателя, а по его «дачѣ», которая весьма часто была гораздо меньше оклада. Но дѣло въ томъ, что часто не хватало земли въ натурѣ и на дачу владѣльца. Дачей, въ этомъ смыслѣ, называлось то число четвертей, которое было дано въ помѣстьѣ въ данныхъ урочищахъ, которыя въ свою очередь также стали называться дачей. И это двойное значеніе одного и того же слова было разграничено лишь межевой инструкціей, гдѣ послѣдовательно стали при обозначеніи урочищъ прибавлять извѣстный эпитетъ: «дача генеральнаго межеванія».

Итакъ къ концу XVII вѣка за четвертью осталось лишь правовое значеніе; оное она сохранила вплоть до нашихъ дней. Что же такое четверть въ правовомъ отношеніи? *Четверть или четь есть та идеальная единица, которою исчитывается правовая доля владѣнія въ данной дачѣ.* Отсюда понятно, что плоскостная величина четверти нынѣ зависитъ отъ соотвѣтствія суммы всѣхъ четвертей съ пространствомъ, поступившимъ въ дачу данныхъ владѣльцевъ. Такъ если пять владѣльцевъ имѣютъ доли по 100 четей, а дача, ими занятая, достигаетъ 2000 десятинъ, то размѣръ четверти опредѣлится въ 4 десятины; если бы дача достигала всего 1000 десятинъ, то и размѣръ четверти уменьшился бы вдвое, и наоборотъ если бы доля каждаго владѣльца усчитывалась двойнымъ количествомъ четвертей, то размѣръ четверти былъ бы вдвое меньше при одинаковости дачи. Въ этомъ мѣстѣ подъ словомъ дача, мы разумѣемъ не пожалованіе, а пожалованное пространство, ибо оное часто было въ полномъ несоотвѣтствіи съ первымъ. Происходило это отъ того, что при слабой распаханности поверхности, въ дачу засчитывались пашня, лѣсъ пашенной и дикое поле, годное къ распашкѣ, но не прочія угодья, а между тѣмъ межи описывались по урочищамъ. Съ теченіемъ времени, когда распаханность увеличивалась, счетъ четвертей все-таки оставался старый, между тѣмъ масса земли изъ угодьевъ поступала въ пахоть. Чтобы уяснить себѣ какимъ образомъ отъ этого увеличивался размѣръ четверти, надо помнить, что четвертями считалась только пахотная земля и перелогъ, а не вообще земля. Доля каждаго владѣльца, дошедшая къ нему по наслѣдству или инымъ законнымъ путемъ опредѣляется числомъ четвертей. Количество оныхъ зависитъ какъ отъ величины первоначальной дачи (пожалованія), такъ и отъ плодовитости той родовой линіи, къ коей принадлежитъ владѣлецъ. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ право на владѣніе кромѣ наслѣдованія устанавливалось другими законными способами, количество четвертей зависитъ отъ интенсивности примѣненія этихъ способовъ. Для установленія опредѣленна-

го числа четвертей за извѣстнымъ владѣльцемъ требуется или унаслѣдованіе онаго или иной законный способъ пріобрѣтенія. Что же касается незаконныхъ захватовъ, то они само собой понятно не устанавливаютъ четвертного права: ибо если владѣлецъ захватитъ чужую полосу, то этимъ увеличитъ лишь площадь, приходящуюся на четверть, но не увеличитъ числа своихъ четвертей; и такъ какъ такое произвольное увеличеніе четверти можетъ произойти лишь за счетъ уменьшенія четверти сосѣда, то таковыя дѣянія, какъ незаконныя, подлежатъ всегда судебному разбирательству въ той или другой формѣ.

Итакъ, формально *четвертное право есть долевое право владѣнія землей, основанное на счетѣ четвертей, дошедшихъ до владѣльца по наслѣдству или другимъ законнымъ путемъ.* Право сіе непремѣнно подразумѣваетъ родовую организацію, ибо, хотя и мыслимы иные способы пріобрѣтенія, но все пріобрѣтенное стремится «пойти по наслѣдству» въ родъ перваго пріобрѣтателя по отцу.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о сближеніи понятій о четверти и душѣ. Послѣдняя съ 1719 года сдѣлалась единицей обложенія подобно тому, какъ и четверть прежде всего была только податною единицей. Но это чисто внѣшнее значеніе четверти и души. Съ осложненіемъ жизни и четверть и душа получаютъ исключительно правовое значеніе: онѣ становятся единицами разверстки земли, и сообразно съ этимъ и единицами разверстки податей, т.-е. по нимъ разверстываются «права и обязанности» всѣхъ членовъ данной общины. Но тѣмъ не менѣе между этими единицами разверстки существуетъ громаднѣйшая разница. Число душъ, на которое разверстывается мірская земля, имѣетъ тенденцію постоянно измѣняться въ зависимости отъ прибыли или убыли населенія; число же четвертей, наоборотъ, всегда одно и то же, неизмѣнно, неподвижно, вѣчно. Сообразно съ этимъ и право душевое является подвижнымъ, дѣятельнымъ, живучимъ, тогда какъ право четвертное отличается мертвенностью. Выработка понятій о четвертномъ и душевомъ правѣ закончилась въ царствованіе Екатерины II, но достойно вниманія, что ни то ни другое не было въ законѣ названо своимъ именемъ.

Межевая инструкція, къ разсмотрѣнію коей мы теперь переходимъ, установила два способа утвержденія правъ на владѣніе. Первый и основной способъ заключался въ признаніи дачъ прежнихъ писцовыхъ книгъ и прочихъ крѣпостныхъ актовъ, какъ-то: жалованныхъ и правыхъ грамотъ, послушныхъ и ввозныхъ грамотъ, выписей съ дозорныхъ, раздѣльныхъ и отказныхъ книгъ, купчихъ и закладныхъ, и вообще «всякихъ дачъ и крѣпостей, на которыя спора и челобитья не будетъ» [1]). При этомъ

---

[1]) Перечисляемъ согласно 1 п. IX главы Межевой инструкціи по официальному изданію 1779 г. Дальнѣйшія ссылки мы будемъ дѣлать прямо въ текстѣ, указывая главу и пунктъ Межев. инструкціи, по тому же изданію.

отдано было предпочтеніе болѣе позднимъ актамъ, а именно пунктъ 36 главы IV гласитъ слѣдующее: «когда писцовыя разныхъ годовъ книги, также и предъявленныя крѣпости и выписи на однѣ и тѣ же дачи будутъ въ числѣ написанной въ нихъ мѣры несходны, то такъ какъ послѣднія писцовыя книги писаны аккуратнѣе первыхъ, съ мѣрою и съ пространнымъ описаніемъ урочищъ, а напротивъ того, въ первыхъ большею частію писано по сказкамъ, да и мѣрить всѣхъ земель по прежнему писцовому наказу было не велѣно, для того межевать и въ настоящія дачи утверждать по послѣднимъ писцовымъ книгамъ». Утвердить въ настоящую дачу значило «намѣрить по пропорціи *числа* четвертной пашни» (гл. IV, п. 24), или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, «раздѣлить всѣмъ тѣмъ селамъ и деревнямъ по *числу* состоящихъ по тѣмъ же писцовымъ книгамъ, пашенныхъ земель» (гл. VI, п. 7). Это называлось *крѣпостной мѣрой* (гл. IV, п. 22) и было именно то, что мы назвали бы нынѣ «четвертнымъ правомъ». Составитель Межевой инструкціи отлично зналъ, что, несмотря на массу крѣпостныхъ документовъ прежнихъ лѣтъ, владѣльцы оныхъ окажутся все-таки задѣленными, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ этихъ документахъ не было главнаго, «извѣстной мѣры». Во избѣжаніе, съ одной стороны, задѣленія, котораго вовсе не желала императрица Екатерина, а съ другой стороны, во избѣжаніе алчныхъ поползновеній владѣльцевъ, въ V главѣ Межевой инструкціи были санкціонированы нормы перевода старыхъ мѣръ въ новую—«десятину». Изъ этого источника мы узнаемъ, что несмотря на самое тщательное изученіе этого вопроса, нѣкоторыя старинныя мѣры не удалось опредѣлить вовсе [наприм., въ Смоленской губерніи сохи, тщины, пляцы, въ Новгородской кость, полкости и т. д. (гл. V, п. 17)]. Что касается размѣра четверти, то оный опредѣленъ былъ согласно послѣднему писцовому наказу въ полдесятины въ полѣ, а въ трехъ поляхъ въ полторы [1]). На десятину писцовыхъ книгъ (въ дву потому жъ) намѣрялось пашни три десятины, покоса—одна. Десять копенъ сѣна составляли десятину, конечно, въ одномъ полѣ. Но кромѣ того, на усадьбы полагалось на сто четвертей по 15 десятинъ, да изъ примѣрныхъ земель была «положена десятая часть» (гл. V, п. 4), при чемъ, если прежнія усадьбы огородныя и гуменныя мѣста превышали эту пропорцію, то излишекъ «зачитался въ настоящую къ тѣмъ селеніямъ по крѣпостямъ дачу».

Итакъ, старая четверть играла громадную роль при осуществленіи межевой инструкціи: числомъ четвертей опредѣлялось право на извѣстную долю изъ межуемой площади. «Оказавшійся у всѣхъ въ числѣ четвертной пашни и сѣнныхъ покосовъ недостатокъ разсчитать какъ на пашенную

---

[1]) Соотвѣтственно съ этимъ коробья была опредѣлена въ 3 десятины (гл. V., п. 16).

землю, такъ и на сѣнные покосы по пропорціи каждаго дачъ и по той мѣрѣ, сколько кому написано» (гл. V, п. 11). Точно такъ же поступала инструкція и съ излишкомъ, ограничивая конечно наддачу только 10% и отписывая остальное въ число государственныхъ земель. Оба эти правила исторически развились изъ стариннаго требованія Уложенія «разверстать противъ дачъ, по четвертямъ». Въ другомъ мѣстѣ межевой инструкціи мы находимъ еще болѣе обобщенное опредѣленіе четвертного права, хотя это опредѣленіе не носитъ въ себѣ научныхъ достоинствъ. Въ 30 п. IV гл. сказано: «раздѣлить по пропорціи тѣхъ дачъ и оставить всякому во владѣніи столько, сколько по онымъ дачамъ, до котораго что во владѣніе дошло, по тому расчисленію принадлежать будетъ». Второй способъ утвержденія правъ владѣнія выдвигался тамъ, гдѣ не было «дачъ», гдѣ, стало быть, нельзя было найти ни числа четвертной пашни, ни живыхъ урочищъ, описанныхъ прежними документами. Это имѣло мѣсто во всѣхъ случаяхъ, когда «порозжія государственныя земли были заселены собою безъ дачъ» (гл. IX, п. 14). Владѣльцы обязывались купить у казны такія земли по цѣнѣ установленной особою табелью, но здѣсь было допущено важное различіе по сословіямъ владѣльцевъ. «Самовольно заселенныя дворцовыми и прочими казеннаго вѣдомства крестьянами, а равно и выходцами разныхъ націй, безъ всякихъ дачъ и крѣпостей порозжія государственныя земли, отдавать тѣмъ крестьянамъ, намѣривая *по числу мужескаго пола душъ*, написанныхъ по послѣдне-поданнымъ къ ревизіи сказкамъ, полагая на каждую мужеска пола душу какъ на пашню, лѣса, сѣнные покосы, такъ и на угодья и выгонъ, всего по пятнадцати десятинъ въ одинъ рядъ, а не втрое, ежели столько по мѣрѣ земли найдется, а гдѣ меньше то сколько будетъ, и за отданную дворцовымъ крестьянамъ землю денегъ не брать» (гл. XII, п. 6). Это не пожалованіе въ прежнемъ смыслѣ, а надѣлъ, но этимъ именемъ онъ будетъ названъ гораздо позже. И не думайте, что это новое начало распространялось только на дворцовыхъ крестьянъ. Въ XIX главѣ объ однодворцахъ изображено еще выразительнѣй; тамъ сказано: (2 пун.) «Поселившимся однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ безъ дачъ на порозжихъ государственныхъ земляхъ и дикихъ поляхъ; равномѣрно же и тѣмъ, которые по недостатку въ настоящихъ ихъ жилищахъ на таковыхъ же порозжихъ земляхъ пожелаютъ селиться, намѣривать на число мужеска пола душъ.... въ настоящія дачи, то-есть: на пашню, лѣса, сѣнные покосы, также подъ усадьбы и на выгонъ, *на каждую душу* по восьми десятинъ, а на дворъ полагая въ немъ по четыре души, по 32 десятины, и къ тому еще для размножающихся впредь изъ такихъ же государственныхъ земель, если оныя будутъ, давать по 28 десятинъ на каждый дворъ, которыя и отмежевать въ одну общую округу, а не порознь». Императрица Екатерина еще колеблется, что взять за единицу

надѣленія: ревизскую душу или дворъ, до нѣкоторой степени фиксированный, ибо не въ каждомъ же дворѣ было четыре души; но норма надѣленія уже выработана: не менѣе 8 десятинъ и не болѣе 15 на душу. Въ этихъ предѣлахъ обезпеченіе землей признано достаточнымъ и признано, что въ случаѣ недостатка въ землѣ однодворцы могутъ, если желаютъ, идти на переселеніе въ новыя мѣста, на порозжія государственныя земли. Однако для насъ гораздо важнѣй отмѣтить новую постановку вопроса: прежнее крѣпостное число четвертной пашни должно теперь конкурировать съ числомъ душъ, положенныхъ по ревизіи; и мы дѣйствительно видимъ, что межевая инструкція съ одинаковою силой «утверждаетъ право владѣнія какъ по пропорціи числа четвертной пашни», такъ и«по пропорціи числа душъ». Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ опредѣленіе числа четвертей затруднительно, межевая инструкція требуетъ разверстки по количеству душъ, при чемъ черносошные, дворцовые, экономическіе крестьяне и однодворцы получаютъ на свои собственныя души, а помѣщики—на души своихъ крестьянъ. Въ случаѣ недостатка земли разверстка идетъ пропорціонально числу ревизскихъ душъ, такъ какъ она идетъ пропорціонально четвертнымъ дачамъ. Это начало не могло не отразиться на четвертномъ замлевладѣніи однодворцевъ: можно a priori сказать, что поселившіяся безъ дачъ общины сейчасъ же послѣ генеральнаго межеванія заговорятъ о переходѣ съ четвертей на души. Старыя заимки, были ли онѣ равнопочинковыя или разнопомѣстныя, въ томъ смыслѣ, что одинъ захватилъ больше другого, въ концѣ концовъ оказывались, благодаря семейнымъ раздѣламъ, неравными, межевая же инструкція надѣляла каждаго равномѣрно. Это былъ серьезный призывъ къ поравненію, какого крестьяне не слыхали еще и отъ Петра I. Тотъ выравниваетъ всѣхъ податями, не справляясь есть ли съ чего ихъ платить; Екатерина II, наоборотъ, умалчиваетъ о податяхъ и говоритъ только о земельномъ обезпеченіи плательщиковъ подушной подати. Она, царица русская, говоритъ, что каждая ревизская душа имѣетъ право на полученіе отъ 8 до 15 десятинъ; безземельные и вышедшіе изъ земли однодворцы, слыша это, должны требовать отъ міра полученную имъ на ихъ души землю.

Межевая инструкція, какъ мы видѣли, приказывала земли однодворцевъ межевать въ одну окружную межу. Это установлено и для тѣхъ случаевъ, когда «всѣ состоящія земли за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яко-то: казаками, стрѣльцами, затынщиками, пушкарями, воротниками, рейтарами, пашенными солдатами, черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которыя написаны въ подушный окладъ,—утверждались по писцовымъ книгамъ, по всякимъ дачамъ и крѣпостямъ» (гл. XIX, п. 1). Даже выслужившимся до штабъ- и оберъ-офицерскихъ чиновъ однодворцамъ велѣно было «особо не межевать, а межевать къ общественнымъ

всѣхъ товарищей ихъ селеніямъ безъ различности» (гл. XIX, п. 16). Этимъ закономъ формально устанавливалась у однодворцевъ община: связанные единствомъ юридическаго основанія своего владѣнія, однодворцы съ этихъ поръ должны были подчиняться и другимъ правиламъ, прямо и косвенно вытекающимъ изъ основнаго закона. Во-первыхъ, было установлено «впредь однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ тѣхъ земель, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать и въ наемъ, кромѣ какъ погодно, также за долги и въ иски никому не отдавать; а ежели кто продастъ или заложитъ, то купчимъ и закладнымъ быть недѣйствительнымъ» (гл. XIX, п. 18). Этимъ подтверждался прежній законъ 1727 г., плохо исполнявшійся, такъ какъ однодворцы продолжали продавать свои земли. Оберечь ихъ отъ обезземеливанія Екатерина II хотѣла потому, что ихъ земли признаны были казенными, чего ради поставлены были въ зависимость отъ подушнаго оклада. «А и отхожія *) свои земли, которыя въ ихъ владѣніи состоятъ сверхъ положенной на число душъ пропорціи, дозволяется имъ продавать единственно равнаго себѣ состоянія людямъ, а не постороннимъ другого какого званія владѣльцамъ» (гл. XIX п. 18).

Во-вторыхъ губернаторамъ было вмѣнено въ обязанность на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія представить свои соображенія въ Сенатъ по слѣдующимъ вопросамъ: «куда въ другія мѣста перевесть однодворцевъ способнѣе» изъ тѣхъ селеній, гдѣ однодворцевъ было меньше половины, а большую половину составляли другіе поселяне, или гдѣ у нихъ вообще земли было недостаточно. Затѣмъ въ случаѣ перевѣса однодворцевъ—куда дѣть прочихъ поселянъ, даже владѣльческихъ крестьянъ, и наконецъ, гдѣ рядомъ съ однодворцами сидѣли «прочіе казеннаго вѣдомства крестьяне», не способно ли будетъ приверстать тѣхъ казенныхъ крестьянъ въ однодворцы или наоборотъ. Короче говоря, близились къ разрѣшенію такіе вопросы, которые вытекали изъ установленія правительственной опеки надъ однодворцами. Правда эта опека была и раньше, достаточно вспомнить о заботахъ московскаго правительства о верстаніи новиковъ, объ отводахъ земли сведенцамъ, о раздачѣ помѣстій безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ. Но мы видѣли, что при Петрѣ I заботы эти прекратились. Преемники Петра I также сдѣлали мало въ этомъ направленіи и то, что было сдѣлано ими отличалось непродуманностью. Такъ при Елизаветѣ Петровнѣ были учреждены «къ однодворцамъ управители». Эти домашніе опекуны, навязанные однодворцамъ фантазіей генерала и кавалера Ф. И Ушакова, принесли только вредъ, и Екатерина II, едва успѣла вступить на престолъ, тотчасъ же отмѣнила праздный институтъ. Въ

*) Эти земли носятъ и другое названіе „отсутственныя“.

своемъ указѣ отъ 23 января 1763 г. она писала: «Правительствующему Сенату по дѣламъ довольно извѣстно, что у однодворцевъ съ самаго опредѣленія къ нимъ управителей, ни желаемаго плода, ни однодворцамъ удовольствія нимало не послѣдовало, а вмѣсто того послѣдовало... присутственнымъ мѣстамъ и Сенату затрудненіе, а особливо самимъ однодворцамъ тягчайшее безпокойство, потому что кого они въ управители выберутъ, того другіе изъ нихъ же, однодворцевъ, не желаютъ... Но мало того, «есть подлинно и такіе управители, кои къ тѣмъ однодворцамъ къ единому ихъ отягощенію опредѣлились подъ видомъ ихъ же выбора [1]) ». А между тѣмъ инструкція, изданная Ушаковымъ въ руководство управителямъ, отличается отеческой заботливостью о пользахъ и нуждахъ однодворцевъ. Тѣмъ не менѣе Екатерина II отрѣшила управителей, ибо хорошо понимала, что всякая личная опека надъ низшими сословіями влечетъ за собою лишь злоупотребленія. Наоборотъ, правительственная опека, выражающаяся въ строгомъ охраненіи опечныхъ законовъ, должна принести существенную пользу. Главный центръ, около котораго сосредоточилась эта опека, лежалъ въ поземельной политикѣ Екатерины II. Пусть упрекаютъ ее за учрежденіе опекунства иностранныхъ поселенцевъ, но какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ комиссіи экономіи и въ межевой инструкціи Екатерина II послѣдовательно проводила тѣ принципы, кои по ея убѣжденію наиболѣе гарантировали хозяйственныя блага ея подданныхъ. Нельзя, конечно утверждать, что поземельная политита императрицы Екатерины II была безгрѣшна. Что касается однодворцевъ, то была допущена весьма существенная ошибка, навѣянная практикой опекунства иностранныхъ. Мы говоримъ про попытку измѣненія обычнаго порядка наслѣдованія. Межевая инструкція гласила по этому поводу слѣдующее: «Послѣ умершихъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей оставшихся ихъ земель, на коихъ они въ подушный окладъ положены и съ которыхъ [2]) ландмилицію содержатъ, наслѣдникамъ ихъ и женамъ на части не дѣлить и по наслѣдству дочерямъ и въ приданыя выходящимъ въ замужество другаго званія за людей и за однодворцевъ же въ другія селенія не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя будутъ отмежеваны (XIX п. 19). Этимъ новымъ закономъ нарушался старинный исконный обычай русскихъ людей дѣлить землю, унаслѣдованную отъ отца, на равныя части побратно. По всѣмъ видимостямъ этотъ законъ однодворцами не исполнялся подобно тому, какъ не исполнялись и майоратные пункты Петра I. Но одна часть его именно отобраніе земель у наслѣдницъ, если

---

[1]) Указы Екатерины II, изд. 1776 г. стр. 12.

[2]) Въ оффиціальныхъ изданіяхъ это мѣсто всюду напечатано съ ошибкой именно „изъ которыхъ.“ Указы изд. 1779 г. стр. 269.

онѣ выходили замужъ въ чужія деревни, практиковался въ широкихъ размѣрахъ, особенно при палатѣ государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, мы знаемъ уже два мѣста изъ межевой инструкціи, устанавливающія «дворовое владѣніе», именно надѣленіе по 60 десятинъ на дворъ и нераздробимость двора на части между наслѣдниками. Спрашивается, куда же дѣнутся обезземельные этимъ путемъ младшіе члены однодворческихъ семей? По смутному представленію законодатель видѣлъ возможность обезпечить и ихъ землей изъ порозжихъ государственныхъ земель: спѣшили заселить необъятныя пустыя земли, еще больше торопились увеличить народонаселеніе, но забывали, что разселеніе при малой густотѣ вредно отзовется какъ на метрополіи, такъ и на колоніяхъ. Съ другой стороны законодатель впадалъ въ крупное теоретическое заблужденіе: надѣленіе на дворъ не могло совпадать съ надѣленіемъ на число душъ и послѣднее, какъ точно опредѣленное, имѣло для надѣляемыхъ бо́льшую цѣнность. Мало того надѣленіе на дворъ имѣло въ виду какое-то подворно-участковое владѣніе, чуждое русскому міровоззрѣнію: хотѣлось чтобы однодворецъ имѣлъ недвижимую собственность въ видѣ округленнаго участка или во всякомъ случаѣ въ видѣ чего-то цѣлостнаго, недѣлимаго. Въ опекунствѣ иностранныхъ былъ взлелѣянъ этотъ идеалъ, но какъ, тамъ такъ и въ однодворческой средѣ, онъ увѣнчался въ концѣ концовъ душевымъ поравненіемъ. Это теоретическое заблужденіе я несклоненъ объяснять незнаніемъ, непониманіемъ предмета составителями межевой инструкціи: дѣло въ томъ, что на ихъ видимости не было еще фактовъ душевой общины. Сама императрица Екатерина II до 1780 г. ниразу не проговорилась о существованіи душевой общины, ниразу при всей своей наблюдательности, не замѣтила ея, но тѣмъ не менѣе, словно инстинктивно, издавала такіе указы, которые толкали государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій къ душевому поравненію. Поэтому-то понятно почему душевая община была замѣчена лишь въ 80 гг. прошлаго столѣтія: раньше—ея очевидно не было. М. Ковалевскій, упрекавшій нѣкогда Б. Чичерина, утверждавшаго, что общиннаго землевладѣнія въ древней Россіи не было, [1]) несомнѣнно упрекнетъ и насъ за вышеприведенный выводъ, но во избѣжаніе недоразумѣній, мы оговариваемся, что имѣемъ въ виду только ревизско-душевую общину, а не общину долевую, въ родѣ четвертной или повытной. Кромѣ того, мы не признаемъ правильной ту номенклатуру, которой держался М. Ковалевскій въ извѣстномъ спорѣ съ Б. Чичеринымъ. Онъ говорилъ тогда: «Родовымъ владѣніемъ называется общее, а не общинное владѣніе цѣлаго рода, какъ общиннымъ—совмѣстное владѣніе сосѣдей жителей одного села или волости, а

[1]) Критическое Обозрѣніе № 4, стр. 35.

патріархальнымъ—нераздѣльная собственность семьи» [1]). Много позднѣе авторъ отрекся отъ этой слишкомъ ужъ общей номенклатуры и ввелъ еще новый терминъ «семейной общины» [2]). Послѣдняя по новому ученію автора послѣ семейныхъ раздѣловъ становится «сельской сосѣдской общиной; въ составъ ея вошли не одни кровные родственники, но всѣ владѣльцы долей. Доли эти не всегда бывали равновелики, такъ какъ онѣ часто отчуждались не цѣликомъ, а частями... Общинное землевладѣніе не останавливается на этомъ фазисѣ своего развитія» [3])... Все это вѣрно, но какова же структура такой общины? подлежитъ ли она опредѣленію и главное можно ли ее подвести подъ ту номенклатуру, какая была примѣнена въ спорѣ съ Б. Чичеринымъ? Очевидно нельзя, ибо совмѣстное владѣніе сосѣдей вовсе еще не связываетъ ихъ въ общину.

Но возвратимся къ поземельной политикѣ Екатерины II. Въ 1764 г. издается указъ о положеніи однодворцевъ въ равный противъ всѣхъ государственныхъ хлѣбопашцевъ окладъ. Два года спустя, по поводу пропуска нѣкоторыхъ прежнихъ службъ служилыхъ людей, повелѣно было всѣхъ ихъ «поровнять прибавленіемъ (оклада) съ государственными крестьянами». Между послѣдними и однодворцами осталось только одно различіе: однодворцы продолжаютъ нести ландмилицкую службу, но съ 1783 года съ однодворцевъ начали брать рекрутъ и этимъ изгладилась послѣдняя разница. Государственные крестьяне или крестьяне казеннаго вѣдомства къ концу царствованія Екатерины II составились изъ экономическихъ то-есть бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, черносошныхъ сѣверныхъ губерній, однодворцевъ губерній южныхъ и даже черкасъ, кои стали называться войсковыми обывателями. Правительственная опека надъ всѣми этими видами государственныхъ крестьянъ начала принимать обширнѣйшіе размѣры, такъ что въ концѣ XVIII вѣка издаются такіе указы, которые направлены на регулированіе внутреннихъ распорядковъ общины, чего прежде не дѣлалось. Такъ, въ 1798 году послѣдовалъ указъ, «коимъ повелѣно всѣ владѣемыя однодворцами земли обратить въ душевой раздѣлъ, оставя безъ раздѣла только тѣ изъ законнопріобрѣтенныхъ ими земель, кои превышали 15-десятинную на каждую душу пропорцію» [4]). И говорить нечего, что и этотъ законъ остался мертвой буквой, ибо для осуществленія такого раздѣла нужно, чтобы община доразвилась до извѣстной степени, такъ сказать, предусмотрѣнной законами эволюціи.

---

[1]) Jbid.

[2]) Очеркъ происхожденія семьи и собст. стр. 124 (по русскому переводу).

[3]) Jbid. стр. 126.

[4]) Цитируемъ по кассац. рѣшен. Правит. Сената 22 марта 1872 г. № 232 по дѣлу Упр. Госуд. Имущ. Орлов. губ. съ крестьянами с. Кутафина.

Итакъ, сведемъ итоги XVIII вѣку—что онъ далъ однодворцамъ послѣ Петра I. 1) Генеральное межеваніе пріучило однодворцевъ измѣрять землю десятинами, но не отучило опредѣлять свои права на землю четвертями; и такъ какъ внутренняя разверстка земель у однодворцевъ производится не измѣреніемъ въ натурѣ, а исчисленіемъ идеальныхъ долей владѣнія, то значеніе четверти, какъ единицы разверстки, не было этимъ поколеблено. 2) Стараясь точно опредѣлить размѣры четверти межевая инструкція въ то же время допустила наддачу на усадьбы и изъ примѣрныхъ земель, а равно, по силѣ вступительнаго пункта къ III главѣ, дозволила владѣльцамъ разводиться землями полюбовно, причемъ въ такихъ случаяхъ вся примѣрная земля поступала въ ихъ владѣніе. Все это не могло не отразиться на увеличеніи размѣровъ четверти сверхъ установленной закономъ мѣры. 3) На земляхъ занятыхъ безъ дачъ, генеральное межеваніе пріучило однодворцевъ опредѣлять свои права исчисленіемъ ревизскихъ душъ. Для сего впервые были выработаны душевыя нормы надѣленія и въ случаѣ недостатка земли для пополненія тѣхъ нормъ предположено было организовать переселеніе на свободныя государственныя земли. 4) Генеральное межеваніе; заключивъ земли однодворцевъ въ одну окружную межу, «не входя при томъ во внутреннее ихъ размежеваніе», [1]) тѣмъ самымъ установило важное единство владѣнія и открыто признало за общиной право самостоятельнаго внутренняго распоряженія землей. 5) Неотчуждаемость однодворческихъ земель была подтверждена еще разъ и поставлена въ болѣе тѣсную связь съ подушнымъ окладомъ. 6) Отрѣшивъ однодворческихъ управителей императрица Екатерина II тѣмъ не менѣе усилила правительственную опеку надъ однодворцами, придавъ ей болѣе раціональное направленіе, иногда впрочемъ, какъ въ 1798 году, доходившее до крайности. 7) Поземельная политика Екатерины II не имѣла въ виду создать душевую общину, но если не создала, то во всякомъ случаѣ сильно укрѣпила ее. Этому укрѣпленію содѣйствовала больше всего межевая инструкція. 8) Та же политика сравняла однодворцевъ съ прочими государственными крестьянами. 9) Идея поравненія получила офиціальное признаніе, но никто въ XVIII вѣкѣ не понималъ, что на этомъ камнѣ созиждется великое капище русскаго національнаго духа.

---

[1]) Инстр. межевщикамъ п. 71.

ГЛАВА V.

Исторія однодворцевъ въ XIX вѣкѣ.

Кадастровыя работы при гр. Киселевѣ. Окружные начальники. Самопроизвольное развитіе общинныхъ принциповъ и благопріятныя для того условія въ XIX вѣкѣ. Фикція одинаковой степени родства къ перводачнику. Ближайшіе поводы къ переходу съ четвертей на души. Взяточничество чиновниковъ, какъ тормазъ къ переходамъ. Внутренняя недоразвитость общинъ, тормазившая переходы. Вліяніе спеціальнаго размежеванія на переходы. Разверстка особняковъ по четвертямъ. Запутанность родовыхъ счетовъ и вліяніе ея на переходы. Прирѣзка земель и значеніе ея при установленіи душево-четвертной формы владѣнія. Дворовое поравненіе, какъ переходная стадія къ поравненію душевому. Поземельная политика императора Николая I. Отчуждаемость четвертныхъ земель по закону 1866 г. и ея гибельныя послѣдствія. Продажа четвертныхъ земель у нотаріуса, по исполнительнымъ листамъ и „по волости“. Иски наслѣдницъ. Позднѣйшее ограниченіе отчуждаемости. Необходимость переверстокъ четвертныхъ земель.

Исторію четвертнаго права въ XIX столѣтіи мы намѣрены излагать преимущественно на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ земскими статистиками. Всѣ другіе источники будутъ служить намъ лишь провѣркой матеріала, представляемаго земскою переписью. Что касается качества послѣдняго, то въ большинствѣ случаевъ оно сравнительно безукоризненно; тамъ, гдѣ встрѣчаются недомолвки, неясности или неточности, мы постараемся выяснить ошибку изслѣдователей. Но, повторяемъ, такихъ ошибокъ не очень много.

Изъ предшедствующаго изложенія мы знаемъ, какъ стало смотрѣть правительство на однодворцевъ и ихъ четвертныя земли. Можно было предвидѣть, что не за горами то время, когда окончательно признано будетъ за благо считать однодворцевъ государственными крестьянами и ихъ помѣстныя четвертныя земли—казенными. Провести этотъ взглядъ въ дѣйствительную жизнь выпало на долю гр. Киселева, министра только-что образованнаго во второй четверти XIX столѣтія министерства государственныхъ имуществъ. Выслуженныя прямой службой четвертныя земли со временъ гр. Киселева стали просто-на-просто казенными оброчными статьями. Оброчная подать изъ личной сдѣлана поземельной. Почти до 1845 г. однодворцы платили оброкъ съ душъ, а затѣмъ оброкъ былъ переложенъ съ душъ на землю. Это было сдѣлано весьма тщательно, съ помощью, такъ называемой кадастровой комиссіи. Въ ней работали межевые чины министерства и сами однодворцы. Такъ какъ не было возможности всю громадную работу произвести чиновникамъ самимъ, то были привлечены болѣе смѣтливые изъ однодворцевъ, такъ называемые «мѣрщики». Они должны были измѣрить всѣ полосы на своемъ родномъ полѣ и данныя этого измѣренія записать за каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ въ такъ-

называемые кадастровые списки. Работа грандіозная, трудная, кропотливая, и мы ниже увидимъ, какъ сумѣли отдѣлаться отъ нея въ иныхъ мѣстахъ министерскіе чиновники. Мѣрщикамъ была выдана казенная цѣпь, и вотъ они ходили съ нею по полю «гдѣ годъ, гдѣ два», смотря по обширности измѣряемыхъ дачъ. До сихъ поръ остались неизгладимые слѣды этихъ тщательныхъ работъ. Такъ владѣнныя записи или, вѣрнѣе, именныя приложенія къ нимъ, составлены на основаніи кадастровыхъ работъ почти цѣлыхъ тридцать лѣтъ спустя. Не будь кадастровыхъ списковъ, приложенія къ владѣннымъ записямъ не были бы составлены вовсе. Другой слѣдъ остался въ способѣ регистраціи четвертныхъ земель. Однодворцы до кадастровой комиссіи измѣряли свое владѣніе исключительно четвертями: каждый домохозяинъ зналъ и могъ знать только число четвертей дошедшихъ къ нему по наслѣдству. Ясно, что при разности размѣровъ четверти въ разныхъ дачахъ, цифры получались несоизмѣримыя. Это мѣшало министерству во многихъ отношеніяхъ и, главное, въ отношеніи переоброчки земель. Поэтому всѣ измѣренія кадастровой комиссіи производились на казенную десятину. Нынѣ лишь въ рѣдкихъ владѣнныхъ записяхъ встрѣчается счетъ на четверти: это произошло въ тѣхъ дачахъ, въ коихъ измѣреніе не было почему-либо произведено и чиновники, понуждаемые къ представленію списковъ, вынуждены были составить ихъ простымъ опросомъ на сходѣ, за кѣмъ сколько четвертей. Большинство же владѣнныхъ записей, а слѣдовательно, и кадастровыхъ списковъ составлено на десятины, причемъ доли десятинъ выражаются десятыми, восьмыми, двѣнадцатыми, шестнадцатыми и сотыми; другихъ дробей нѣтъ. И это объясняется также работами кадастровой комиссіи: тамъ, гдѣ казенная цѣпь была о десяти звеньяхъ, установился счетъ на десятыя и сотыя доли, гдѣ на 16 тамъ шестнадцатыя. Въ предѣлахъ Здобниковской волости, Фатежскаго уѣзда, кромѣ сажени со временъ комиссіи вошли въ употребленіе «хуты или хутинки» (испорченный «футъ»), но такихъ хутовъ считается десять въ сажени. Объясняется этотъ счетъ тѣмъ, что въ казенной цѣпи было по десяти колѣнъ въ сажени. Работы мѣрщиковъ довольно точны, хотя при вычисленіи угловъ рѣдко прилагались точные способы; однако это не особенно вліяло на результаты измѣренія, ибо большинство пахотныхъ полосъ и усадебъ у однодворцевъ имѣютъ правильную форму параллелограмма. Лѣса мѣрялись казеннымъ землемѣромъ, равно какъ и вся окружная дача. Такимъ образомъ, за вычетомъ лѣса, усадебъ и пахоти, оставался излишекъ, который и распредѣлялся по остальнымъ угодьямъ покосу и выгону. Послѣдній былъ подъ особымъ присмотромъ окружныхъ начальниковъ: они обязаны были зорко смотрѣть, чтобы выгонъ безъ нужды не распахивался, чтобы вновь раздѣляющіяся семьи выходили ради противопожарныхъ мѣръ на выгонъ и т. д. Да и вообще окружные начальники

представляли собой мѣстный органъ министерства, чрезъ который послѣднее проводило свои до крайности разнообразныя, въ большинствѣ случаевъ опечныя мѣропріятія. Ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было и не могло быть кромѣ Россіи. По структурѣ это было нѣчто чудовищное. Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ—это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ—его вотчинная контора, а окружные начальники—бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и сверхъ всего взиманіемъ «денежной молитвы». Послѣднюю очень любили окружные и жили не хуже губернаторовъ. На каждый уѣздъ полагалось, къ счастью населенія, всего по одному такому кровопійцѣ; были еще ихъ помощники, но невсегда и не въ каждомъ уѣздѣ. Но все-таки власть окружныхъ была сильно ограничена властью міра. Государственные крестьяне всѣхъ наименованій имѣли право безконтрольно распоряжаться своею надѣльною землею. Приговоры о землѣ не подлежали провѣркѣ окружныхъ начальниковъ. Оные провѣряли ихъ только по особымъ, спеціальнымъ предписаніямъ палаты государственныхъ имуществъ, а палата прибѣгала къ этому весьма рѣдко и не иначе, какъ по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ. Окружные не имѣли права по закону вмѣшиваться во внутренній распорядокъ мірской жизни; этотъ законъ имѣлъ благотворнѣйшія послѣдствія для крестьянскаго міра. Если бы это вмѣшательство было неограниченное, окружные начальники были бы во истину бичемъ Божіимъ. Но такъ какъ вмѣшательство было только внѣшнее, чисто формальное, то для внутренняго воздѣйствія на міръ окружнымъ начальникамъ приходилось заслуживать особое довѣріе міра. Это мѣстами и наблюдалось, наприм., въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ окружнымъ начальникомъ популярнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ Слѣпушкинъ [1]).

Итакъ съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ: 1) однодворцы окончательно попали въ разрядъ государственныхъ крестьянъ; 2) четвертныя земли ихъ изоброчены, для чего тщательно измѣрены и нанесены на планы; 3) окружные начальники приняли въ свое завѣдываніе однодворцевъ на общемъ основаніи. Этотъ порядокъ продержался до 1866 г., когда было издано общее положеніе о государственныхъ крестьянахъ.

Однодворцы понимали невыгоду новаго порядка, но не закрывали глазъ и передъ тѣми выгодами, какія давалъ этотъ порядокъ. Новый порядокъ не былъ собственно новымъ: онъ только обобщилъ и сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ все, что было разбросано раньше... Такая централизація бы-

---

[1]) Изъ воронежскихъ дворянъ.

ла выгодна и удобна только для управленія, но не для управляемыхъ. Прежде всего надо упомянуть о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ утрата прежняго званія встрѣчена была однодворцами крайне враждебно. Такъ нѣсколько селъ Тимскаго уѣзда открыто забунтовали противъ наименованія «крестьянами». «Мы вольные, мы крестьянами никогда не были, наши предки были дворяне, мы однодворцы». Пришлось даже войска высылать на усмиреніе. Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело переложеніе оброчной подати съ душъ на землю: большинство однодворческаго населенія увидѣло въ этой мѣрѣ громадное податное облегченіе. Да и въ самомъ дѣлѣ— чѣмъ плодовитѣй линія, тѣмъ земли у ней меньше, платежей же, взимаемыхъ съ душъ, больше. Поэтому широкодачникъ, имѣвшій двухъ сыновей, платилъ съ своего помѣстья въ сто десятинъ всего съ трехъ душъ, а его многосемейный сосѣдъ, имѣвшій десять десятинъ, часто плачивалъ съ десяти душъ. Когда изоброчена была земля, больше половины прежняго оклада (54%) упало на землю, вслѣдствіе чего деревенская бѣднота, имѣвшая въ своемъ обладаніи не болѣе трети всего надѣла, получила облегченіе въ несеніи податей, выражающееся 33%. Правда, существованіе подушной подати парализовало благотворность этой мѣры, такъ какъ у малоземельныхъ было больше душъ, но все-таки эта мѣра была «поравненіемъ», которое давно сдѣлалось идеаломъ русскаго крестьянства. Полное соотвѣтствіе обложенія съ имущественнымъ достаткомъ четвертныхъ владѣльцевъ было достигнуто лишь съ окончательнымъ уничтоженіемъ подушной подати по закону 1886 года: только съ этихъ поръ однодворцы стали платить пропорціонально размѣрамъ своего землевладѣнія. Богатое меньшинство однодворцевъ, какъ и теперь, было крайне недовольно изоброченіемъ земли; этой мѣрой взваливалось на нихъ тяжелое бремя податей, но приходилось молчать, ибо за новую мѣру былъ почти весь міръ однодворческій, поддерживаемый энергичнымъ начальствомъ.

Этимъ краткимъ очеркомъ исчерпывается почти вся внѣшняя исторія однодворцевъ первой половины XIX столѣтія (до 1866 г.), но если мы заглянемъ въ глубь однодворческой жизни, то взору нашему представится богатая картина, переполненная въ высшей степени занимательными деталями. Органическій ростъ жизненныхъ потребностей не останавливался въ теченіе XVIII вѣка и первой четверти XIX. Если этотъ ростъ двигался медленно и незамѣтно, то только потому, что не было благопріятныхъ, такъ сказать сочувственныхъ, обстоятельствъ. Послѣднія явились только съ учрежденіемъ министерства госуд. имуществъ, и вотъ тогда-то новыя потребности, наросшія въ однодворческой средѣ, не замедлили кореннымъ образомъ перестроить эту самую среду.

Мы уже имѣли случай упоминать не разъ, что наслѣдственное право однодворцевъ носитъ въ себѣ начало поравненія наслѣдниковъ. Братья

всегда наслѣдуютъ въ равной мѣрѣ: не было ни майоратовъ, ни миноратовъ, не было исключительныхъ завѣщаній. Такъ было съ XVII вѣка. Слѣдующій вѣкъ къ этому представленію о поравненіи далъ два новыхъ начала. Одно изъ нихъ равняло всякую душу мужескаго пола по несенію податей и повинностей, другое уравнивало всѣхъ по отношенію къ общему надѣлу, къ общей дачѣ, которая для однодворцевъ межевалась въ одну общую межу и часто исчислялась по пропорціи душъ. Это обобщеніе давало право однодворческому міру распредѣлять землю внутри отведенной дачи по волѣ самого міра, по его прямому усмотрѣнію. Этихъ трехъ элементовъ вполнѣ достаточно, чтобы пересоздать помѣстную форму землевладѣнія въ иную, болѣе справедливую, болѣе соотвѣтствующую осложнившемуся хозяйству. XIX вѣкъ, собственно говоря, ничего не прибавилъ; онъ только далъ благопріятныя обстоятельства, хотя самое благопріятное изъ этихъ обстоятельствъ заключалось въ томъ, что гр. Киселевъ, а за нимъ и все министерство, сознательно понимали, что помѣстная четвертная форма землевладѣнія невыгодна крестьянству и что уравнительная душевая община спасетъ его отъ многихъ хозяйственныхъ бѣдъ.

Проведите послѣдовательно наслѣдственное право однодворцевъ, что получится въ концѣ-концовъ? Съ одной стороны два-три широкодачника, туго плодящихся, съ другой—99% «вышедшихъ изъ земли», то-есть такихъ домохозяевъ, наслѣдственная доля коихъ выражается двѣнадцатыми долями десятины. Разъ четвертная земля неотчуждаема, то лучше бросить такую мелкую землю; если же будетъ допущена, какъ въ 70-хъ годахъ, отчуждаемость, то за короткое время кулаки скупятъ эти дробныя доли и ихъ прежніе обладатели начнутъ пополнять ряды безземельныхъ. «Чѣмъ я виноватъ, говоритъ однодворецъ, что у моего отца было шестеро сыновей, а у моего дѣда семеро... Прадѣдъ нашъ Повѣткинъ имѣлъ 200 четвертей, а теперь у одного двора 100 четвертей, потому что во дворѣ этомъ все одиночки были, а у меня двѣ четверти съ третникомъ. Вѣдь и онъ такой же правнукъ заимщику, какъ и я... Земля прадѣдовская, прадѣдъ выслужилъ, а не мы... Податей за все время съ насъ больше взято, чѣмъ съ того широкодачника, и почитай мы спуста платимъ, а у него 100 четвертей. И земля замежевана въ одинъ планъ и въ планѣ записана не за нимъ, а за всѣми однодворцами Повѣткиными». «Мы съ предковъ такъ владѣемъ»—возражаетъ широкодачникъ. «Что изъ этого, ты сколько лѣтъ даромъ пользуешься, а мы и подати плотимъ, и рекрутовъ ставимъ, и безъ земли сидимъ, помни, что земля не твоя, а прадѣдовская... ты такой же правнукъ, какъ и мы, не старше». Такимъ-то образомъ вырабатывается юридическая фикція *объ одинаковой степени родства къ перводачнику*. Нужда въ землѣ, которая стала уже рѣзко ощущаться, только подогрѣваетъ эту фикцію. Оная разрабатывается съ логически-неумолимою послѣдова-

тельностью. «Мы всѣ братья, стало-быть равны, всѣ подушную платимъ, а платить надо съ чего-нибудь, стало-быть надо поравнять землю по ревизскимъ душамъ. Бабы съ душъ не платятъ и четвертной земли не наслѣдуютъ, стало-быть имъ земля не нужна». Такъ какъ вся эта теоретическая разработка происходитъ на сходѣ и происходитъ не по одинъ годъ, то рано или поздно вырабатывается воззрѣніе о томъ, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить ее, какъ ему угодно; а чтобы никого не обидѣть надо раздѣлить по справедливости, чтобы каждому досталось столько, сколько пропорціонально хватитъ на пропитаніе семьи. Однимъ словомъ, надо поравнять, а ровнѣй, какъ по ревизскимъ душамъ при частости ревизій и не раздѣлишь. Отъ теоретической выработки воззрѣній недалеко до проведенія ихъ въ жизнь: достаточно незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней четвертной формы рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ. Матеріалъ, собранный на мѣстахъ земскими изслѣдователями, даетъ возможность разгруппировать эти толчки по ихъ существеннымъ признакамъ: наблюдается три ближайшихъ повода къ осуществленію поравненій, а именно: 1) переоброчка земли при гр. Киселевѣ и связанныя съ нею воздѣйствія окружныхъ начальниковъ; 2) спеціальное размежеваніе, обыкновенно перепутывающее исконно-родовой счетъ наслѣдственныхъ долей; и 3) прирѣзка земли со стороны или распашка общихъ угодій. Все это имѣло мѣсто въ XIX столѣтіи; но намъ извѣстны случаи поравненій и въ прошломъ вѣкѣ. Тамъ это происходило путемъ внутренней выработки вышеприведенной фикціи безъ особенныхъ экстраординарныхъ ближайшихъ поводовъ, шедшихъ извнѣ, такъ сказать, безъ посторонней поддержки, за исключеніемъ развѣ того толчка, который былъ данъ генеральнымъ межеваніемъ общинамъ, поселившимся безъ дачъ.

Какъ только на однодворческомъ сходѣ раздавался первый голосъ критики четвертнаго права, весь сходъ раздѣлялся на двѣ неравныя части: на душевиковъ и четвертниковъ [1]). Приверженцы старины всегда оказываются въ меньшинствѣ, ибо всегда богатыхъ меньше, чѣмъ бѣдныхъ, но тѣмъ не менѣе часто побѣду одерживаетъ это меньшинство, и старая форма продолжаетъ существовать. Почему такъ? Здѣсь вліяютъ различныя условія и мы постараемся ихъ намѣтить.

На первомъ планѣ, къ сожалѣнію, фигурируетъ денежная молитва, приносимая въ свое время окружнымъ начальникамъ. Какъ извѣстно вначалѣ сороковыхъ годовъ было приступлено къ кадастровымъ работамъ. Въ то

---

[1]) Совершенно неправильно многіе изслѣдователи называютъ четвертныхъ владѣльцевъ „четвертниками“. Мы употребляемъ это слово только противополагая душевикамъ, то-есть приверженцамъ душевого владѣнія. Сами однодворцы никогда себя не называютъ „четвертниками“. Это книжное, неудачно придуманное выраженіе въ дѣйствительной жизни ничего не означаетъ.

время, какъ для правильной расцѣнки душевыхъ земель достаточно было изслѣдовать и расцѣнить всего одинъ душевой надѣлъ, конечно по всѣмъ ярусамъ, и затѣмъ простымъ умноженіемъ на число надѣльныхъ душъ добыть нужную для кадастра цифру [1]); при четвертномъ землевладѣніи это невсегда удавалось, ибо исконно-родовая разверстка на дѣдины и родины не всегда уже соотвѣтствовала современнымъ требованіямъ оцѣнки. Такъ многіе ярусы за непередвижкой ихъ въ теченіе сотни лѣтъ могли оказаться промытыми не въ равной мѣрѣ, отчего одни хозяева по сравненію съ другими пользовались въ предѣлахъ того же яруса разнокачественными полосами. Кромѣ того, при четвертномъ землевладѣніи надо было составить кадастровые списки на всѣхъ домохозяевъ «порознь по статьямъ», дабы распредѣлить между ними, пропорціонально ихъ землѣ, оброчную подать. Это побудило министерство издать цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ циркуляровъ, но между ними лишь одинъ оказался наиболѣе облегчающимъ дѣло кадастровыхъ оцѣнокъ. Этимъ циркуляромъ разрѣшалось четвертнымъ владѣльцамъ по общественному приговору раздѣлять свои надѣльныя земли на ревизскія души. Такой циркуляръ нуженъ былъ министерству и для успѣшности поступленія недоимокъ, которыхъ особенно много было именно за однодворцами, сидѣвшими на четвертяхъ [2]). Какъ искра на порохъ, былъ этотъ циркуляръ для однодворческой бѣдноты. «Само начальство требуетъ—давай равнять». Душевики, опираясь на этотъ циркуляръ, требовали немедленнаго поравненія; четвертники, конечно, протестовали и единственнымъ спасеніемъ для нихъ была денежная молитва, приносимая окружнымъ. Четвертники, какъ болѣе богатые, имѣли всегда больше возможности дать взятку; такъ, въ одномъ случаѣ Суджанскому окружному они поднесли гуся, начиненнаго золотыми и серебряными монетами. Но окружной былъ почти безсиленъ пресѣчь дѣйствіе помянутаго циркуляра: все, что онъ могъ сдѣлать въ данномъ случаѣ, исчерпывалось совѣтами и кое-какими препятствіями и проволочками. Окружной, получивъ даяніе, научалъ лишь просителей, какъ надо писать и кому подавать. Дѣло переходило въ палату и приговоръ поступалъ на провѣрку къ окружному. Здѣсь окружной могъ покривить душой, и часто такъ и бывало, но нерѣдки и тѣ случаи, когда воздѣйствіе окружного кончалось ничѣмъ, и тогда четвертникамъ приходилось переносить дѣло «въ сенатъ». Но остано-

---

[1]) Еще Гакстгаузенъ удивлялся тѣмъ точнымъ расцѣнкамъ, какія дѣлали сами крестьяне поярусно. Перев. Рагозина, стр. 428 и слѣд.

[2]) Всей недоимки за казенными крестьянами числилось 68,679,011 рублей. „Такое оскудѣніе,—писалъ гр. Киселевъ въ запискѣ, поданной Сперанскому,—не происходитъ единственно отъ неразмежеванія земель. Причина сему есть отсутствіе во-первыхъ покровительства, во-вторыхъ—наблюденія". Цитировано по А. П. Заблоцкому-Десятовскому. Гр. Киселевъ и его время, II т., стр. 18.

вимся пока на дѣйствіяхъ окружныхъ. Были между ними такіе артисты, которые увидѣли въ щекотливомъ циркулярѣ неизсякаемый доходъ своему грѣшному карману. Вотъ, наприм., какъ дѣйствовалъ Суджанскій окружной: прежде всего онъ, конечно, бралъ гуся съ четвертниковъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, ѣхалъ на мѣсто въ деревню, созывалъ сходъ и «нагонялъ страху»: «Я вамъ покажу землю дѣлить, не бывать этому». Мужички безъ словъ понимали, что нужно начальству, и видя, что дѣйствительно старшина не даетъ земли дѣлить, потолковавши на душевиковомъ сходѣ, собирали по раскладкѣ приличную сумму и отправляли съ нею ходоковъ къ окружному. Нечему удивляться, что и у душевиковъ находились на это средства, во-первыхъ потому, что дѣло ужъ очень важное, а во-вторыхъ и потому, что многосемейные имѣли полную возможность высылать помногу работниковъ на заработки. «Да мой дѣдъ,—говорилъ одинъ изъ душевиковъ Черной Поляны, Бѣлгородскаго уѣзда,—хоть и мало земли имѣлъ, а деньгами славился: у него три сына постоянно въ заработки ходили, а самъ сидѣлъ на пасѣкѣ: колодъ 60 пчелъ было. Съ него на окружного взяли 100 рублей ассигнаціями». Получивъ даяніе съ душевиковъ, окружной, Суджанскій по крайней мѣрѣ, бросалъ дѣло на произволъ судьбы. Душевики выходили на поле дѣлить землю, четвертники шли за ними слѣдомъ отбивать свои полосы, и такъ долго тянулось дѣло, пока не приходилъ изъ Сената тотъ или другой указъ. Д. Погорѣльцева, Льговскаго уѣзда, за передѣломъ не сѣяла полей три года. Не надо думать, что въ этой борьбѣ однодворцы старались держаться на легальной почвѣ. «Мы два года простояли на сходкѣ—у насъ своя сходка, а у душевиковъ своя». «Иначе какъ съ дрекольемъ на сходку не ходили». Нерѣдко происходили драки и даже смертоубійства: «священникъ въ облаченіи со крестомъ выходилъ на поле усмирять бушевавшихъ». Тамъ, гдѣ окружные начальники дѣйствовали однообразно, все выходило гладко; такъ, наприм., Обоянскій окружной почему-то страшно былъ расположенъ къ душевому поравненію; въ результатѣ мы видимъ почти сплошной переходъ этого уѣзда съ четвертей на души. Этотъ окружной бралъ взятки, но бралъ ихъ съ душевиковъ: очевидно сообразилъ, что и для дѣла лучше будетъ, и принесутъ въ общей массѣ больше, чѣмъ отдѣльные богачи. Благодаря поведенію Суджанскаго окружного, въ этомъ уѣздѣ до днесь живы нелѣпые слѣды его взяточничества. Такъ пригороднія черкасскія слободы Замостье, Подолъ, Махновка и др. успѣли раздѣлить только одинъ клинъ, а другой предстояло дѣлить весной, за зиму же пришелъ указъ Сената «оставить раздѣленіе земли, каково сейчасъ есть». Такъ какъ рожь была уже посѣяна, то душевики настояли на буквальномъ исполненіи сенатскаго указа и по днесь одинъ клинъ въ душевомъ владѣніи, а два по четвертямъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ былъ окружнымъ помянутый нами Слѣпушкинъ. Мужики

съ доброй похвалой вспоминаютъ этого чиновника: взятокъ онъ абсолютно не бралъ и былъ по-своему очень справедливъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, когда душевики принесли ему голову сахару и прочее болѣе существенное добавленіе, онъ, увидавши сахаръ, вырвалъ его изъ рукъ, бросилъ на землю, а мужика началъ собственноручно бить, приговаривая: «ты приходи съ рѣчами, а не съ сахарными головами, дурь твою я выбью»... Къ переходнымъ съ четвертей на души приговорамъ Слѣпушкинъ относился до крайности добросовѣстно: при провѣркахъ никогда не нагонялъ страху, отчего каждый не стѣсняясь давалъ свою руку за или противъ; такимъ образомъ, приговоры здѣсь разрѣшались добросовѣстно и безпристрастно. Большинство ихъ прошло въ утвердительномъ смыслѣ. Но съ бѣлгородцами вышла неожиданная непріятность: Слѣпушкинъ ушелъ со службы, или уѣхалъ въ долгій отпускъ. Должность его исправлялъ помощникъ окружного, и вотъ этотъ-то, за короткое время исполненія чужой службы, успѣлъ повернуть съ душъ на четверти по крайней мѣрѣ четверть селеній, въ коихъ душевые приговоры прошли раньше утвердительно. Это былъ отъявленный взяточникъ, вѣроятно сознававшій свое положеніе калифа на часъ. Благодаря ему, много нынѣшнихъ четвертныхъ селеній Бѣлгородскаго уѣзда, просидѣвши на душахъ два-три года, повернуло на старое. Такъ Черная Поляна до сихъ поръ владѣетъ по четвертямъ, ибо душевики хотя, и собрали приличный кушъ, но за какими-то несогласіями не успѣли доставить по назначенію.

Другимъ условіемъ, тормазившимъ переходы съ четвертей на души, было болѣе глубокое, внутреннее состояніе общины. Нѣтъ никакой тайны въ томъ, что каждый отдѣльный домохозяинъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ на сходѣ не въ цѣляхъ какихъ-либо высшихъ или отдаленныхъ соображеній, а просто напросто побуждаемый самымъ низкимъ, узко-эгоистичнымъ, корыстнымъ разсчетомъ. Если по его соображеніямъ новая душевая разверстка дастъ ему двѣ-три десятины лишняго, противъ прежняго его четвертнаго владѣнія, онъ открыто примыкаетъ къ сходу душевиковъ; если, наоборотъ, ему грозитъ умаленіе земли, онъ пристанетъ къ четвертникамъ. Немало найдется и такихъ, для кого въ данный моментъ безразлично, какая будетъ разверстка—прежняя ли четвертная или новая душевая: въ томъ и другомъ случаѣ они получатъ столько же. Вотъ эта-то часть міра всегда является наиболѣе инертной, но за то она всегда бываетъ хладнокровнѣй и разсудительнѣй. Если она сознаетъ, что нужно уничтожить дробность полосъ или измѣнить направленіе выпахавшихся въ одномъ направленіи бороздъ, или видитъ, что путемъ поравненія прежніе недоимщики сдѣлаются исправными плательщиками и такимъ образомъ ей меньше придется отдуваться по круговой порукѣ; короче говоря, если есть на-лицо постороннія побужденія къ переходу съ четвертей на души,—эта инертная

часть схода примкнетъ къ душевикамъ и дастъ громадный перевѣсъ имъ. И наоборотъ, при отсутствіи побочныхъ побужденій она останется неподвижной и приговоръ не состоится. Такіе же инертные дворы являются тормазомъ для передѣловъ и душевыхъ земель на новыя, наличныя души: имъ все равно. А разъ все равно, чего ради подвергаться этой ломкѣ? Итакъ, цѣлая вереница соображеній руководитъ однодворческимъ міромъ во время составленія переходныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ, двѣ коренныхъ причины обусловливали неутвержденіе приговоровъ въ началѣ 40-хъ гг.: одна чисто внѣшняя—взяточничество блаженной памяти окружныхъ начальниковъ, другая внутренняя—степень развитія общины. И эта послѣдняя причина всесильна и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ перехода съ четвертей на души, тогда какъ первая отошла въ вѣчность.

Посмотримъ теперь, почему спеціальное размежеваніе часто служило поводомъ къ переходу на души. Никогда однодворцы не старались избѣгать черезполосицы съ частными владѣльцами. Наоборотъ, для однодворцевъ гораздо выгоднѣй владѣть въ неразмежеванной дачѣ. И это понятно само собой,—вѣдь скотъ однодворческій въ черезполосной дачѣ ходитъ и по помѣщичьей землѣ, а ничѣмъ такъ нельзя стѣснить крестьянъ, какъ выпасами. Это извѣстно каждому по тѣмъ отработкамъ, кои несутъ за выпасы бывшіе крѣпостные въ пользу своихъ сосѣднихъ экономій. Поэтому спеціальное размежеваніе черезполосныхъ дачъ у насъ всегда шло туго. Министерство графа Киселева прилагало чрезвычайныя усилія къ тому, чтобы размежеваніе шло хоть сколько-нибудь успѣшно. Прилагали усилія и сами участники въ черезполосныхъ дачахъ и, къ сожалѣнію, здѣсь на первомъ планѣ была «водочка». При размежеваніи Покровской дачи, Щигровскаго уѣзда, было выставлено однодворцамъ сразу десять ведеръ, но когда и этого оказалось недостаточно для надлежащаго отуманенія мужицкихъ головъ было послано за подкрѣпленіемъ... Но часто и водочка не дѣйствуетъ, до того выгодна черезполосица крестьянамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ спеціальное размежеваніе состоялось, однодворцы получали въ свой особнякъ далеко не лучшія земли; правда законъ ограждаетъ ихъ интересы, дозволеніемъ выбирать первымъ ту или другую сторону дачи; но для этого нужно полюбовное, а не принудительное по суду размежеваніе, послѣднихъ же было больше. Наконецъ и этотъ законъ можно «омагарычить». Представители министерства госуд. имуществъ, обязательно участвовавшіе въ спеціальныхъ размежеваніяхъ, рѣдко держали руку однодворцевъ, тѣмъ паче, что министерство, особенно въ началѣ 50 гг. предписывало всячески мирволить владѣльцамъ за счетъ однодворцевъ, лишь бы состоялось размежеваніе. Получивъ особнякъ однодворцы должны были сами разверстать его между собою: никто не смѣлъ вмѣшиваться въ это мірское дѣло. Здѣсь можно замѣтить нѣсколько случаевъ. Иногда

изъ прежде владѣемой однодворцами земли уходило въ чужой особнякъ немного, и также немного оставалось среди новаго особняка отошедшей въ него помѣщичьей земли. Въ этихъ случаяхъ чаще всего подвергались разверсткѣ только чужія, прирѣзанныя къ особняку полосы, свои же оставались по старинѣ. Смотря по размѣрамъ полосъ, ихъ дѣлили или вдоль, или поперекъ, и дѣлили чаще всего противъ дачъ, давая только тѣмъ, кто пострадалъ отъ вырѣзки особняка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось вмѣсто раскинутыхъ верстъ на пятнадцать полосъ получить особнякъ въ одномъ мѣстѣ, дѣло разверстки принимало серьезный характеръ. Ставился вопросъ: какъ наиудобнѣйшимъ образомъ разверстать землю? Подмѣчено, собственно говоря, только два основныхъ способа: одинъ изъ нихъ сохраняетъ старинные пріемы разверстки четвертной земли, другой пахнетъ новшествомъ. Первый заключается въ томъ, что однодворцы, точно установивъ число четвертей всей общины, разбиваются на «сотни» по числу четвертей, если оныхъ очень много, или разбиваются «по фамиліямъ, по дѣдамъ, по родословной», особенно въ однофамильныхъ общинахъ, причемъ, если дѣды были съ неравнымъ числомъ четвертей, ихъ чаще всего выравниваютъ, «перегоняя» нѣсколько дворовъ изъ другой фамиліи. Затѣмъ особникъ разбивается на клины, а клины на ярусы (помѣры, пометы, рѣзы, волоки, мѣста), въ этихъ ярусахъ мечутъ жеребей сперва на сотни, а потомъ внутри сотни на дворы и вырѣзаютъ каждому двору столько сажень или дву-сажень (въ двѣ дачи), сколько у него четвертей. Исконнородовой строй общины при этомъ, конечно, сильно нарушается: въ общинѣ остается только одинъ признакъ рода,—это разверстка по наслѣдственнымъ долямъ, (secundum dignationem). Эти доли иногда фиксируются: такъ въ д. Кутеповой, Курскаго уѣзда послѣ размежеванія міръ постановилъ считать четверть въ восемь десятинъ, затѣмъ опредѣлилъ этими четвертями долю каждаго двора и приступилъ къ разверсткѣ, причемъ жеребей былъ брошенъ только въ первомъ помѣрѣ каждаго клина, а въ остальныхъ помѣрахъ дворы становились въ обратномъ порядкѣ. Такое уравненіе разстояній рѣдко встрѣчается въ Курской губерніи даже въ душевыхъ общинахъ.

Новѣйшій способъ заключается въ томъ, что разверстка производится цѣлыми десятинами. Это дѣлается такъ: высчитываютъ, сколько десятинъ приходится на четверть, или прямо-таки берутъ число десятинъ изъ владѣнной записи. Сначала всѣмъ дворамъ даютъ по десятинѣ около дворовъ и въ разныхъ клинахъ. Если у хозяина меньше трехъ десятинъ, и, стало-быть, по десятинѣ не достанется, то примѣняется складка двухъ-трехъ дворовъ и имъ предоставляется раздѣлить землю по усмотрѣнію. Выдавши по одной десятинѣ, идутъ дальше отъ селенія на второй рѣзъ (выдачу) и здѣсь также выдаютъ по десятинѣ и т. д. на послѣдній

рѣзъ придутъ, конечно, только широкодачники и все, что останется земли, они раздѣлятъ только межъ собой. Вся примѣрная земля при этой разверсткѣ попадаетъ въ руки богатѣевъ, а поэтому и выдумана она конечно ими, то есть тѣми дворами, которые меньше всего страдаютъ отъ узости полосъ при поярусной разверсткѣ. Такъ, между прочимъ, разверстана земля въ помянутомъ с. Покровскомъ и малоземельные сильно жалуются на свою оплошность. Никакого хозяйственнаго улучшенія отъ такой разверстки нигдѣ не послѣдовало, ибо принудительный сѣвооборотъ не устраняется. За то въ правовомъ отношеніи онъ оставляетъ желать многаго— «жеребей дуракъ, говорятъ однодворцы: три раза одному упадетъ на глинку», а между тѣмъ при поярусной разверсткѣ эта глинка будетъ подѣлена между всѣми поровну. Къ чести мужичковъ, они сильно не любятъ этой разверстки и встрѣчается она до крайности рѣдко [1]). Такъ происходитъ разверстка у однодворцевъ послѣ размежеванія. Для нея надо знать величину доли каждаго двора—хорошо если это извѣстно... ну, а если есть сомнѣніе въ правильности опредѣленій этихъ безчисленныхъ долей: вѣдь надо опредѣлить каждый дворъ! А иной лѣтъ сорокъ пазадъ припахалъ отъ сосѣда осминникъ, другой вымѣнялъ полосу съ наддачей— по десятинамъ, значитъ, никакъ нельзя вѣрно разверстаться; да и кто ихъ записывалъ: по владѣнной—мало ли тамъ ошибокъ, по кадастровымъ— устарѣли давно. Нужно во всякомъ случаѣ по четвертямъ, но вѣдь ихъ многіе перезабыли, перепутали. Дядя Иванъ считаетъ въ своемъ родѣ 100 четвертей, а про то забылъ, что его пра-прадѣдъ продалъ барину 30 четей, тоже пять четвертей продалъ другой,—теперь эта земля вышла въ особнякъ, а они кричатъ, дай на 100 четей, значитъ нашъ родъ не продавалъ, а долженъ отдать за чужую продажу, и такъ далѣе... Пошла завируха: грамота неписанная, лежавшая холстомъ черезъ всю дачу, спутана землемѣромъ, онъ ее изрѣзалъ и нѣтъ возможности доказать своихъ словъ даже измѣреніемъ полосъ. Однимъ словомъ родовые счеты перепутаны, трудно опредѣлить плодовитость отдѣльныхъ линій, а тутъ, какъ нарочно, путаница усугубляется «сходцами», которые, уходя, отдавали свои земли часто въ чужіе роды.

И вотъ тогда-то выплываетъ на сцену опять та же фикція: «о чемъ тутъ спорить, вѣдь всѣ мы въ равной степени родства находимся къ первозаимщикамъ. Что изъ того, что у твоего «дѣда» на 20 четвертей было больше, ты глянь сколько васъ народилось—всѣ есть хотятъ: надо поравнять землю, пустить на души, надоѣло возиться съ этими четвертями». И задается приговоръ о разверсткѣ особняка по ревизскимъ душамъ. Недовольные жалуются и часто выигрываютъ свое дѣло, тогда міръ вы-

---

[1]) См. еще ниже въ Духановкѣ Путивл. уѣзда и, кажется, больше нигдѣ.

рѣзаетъ имъ чаще всего ихъ землю къ одному мѣсту. Иногда «прижимаетъ скотомъ» то-есть прямо-таки не пускаетъ скота четвертниковъ на душевую землю. Такимъ образомъ единая прежде община распадается на двѣ: на душевую новую и четвертную старую. Это, собственно говоря, остатки, слѣды четвертнаго права, и нерѣдко они имѣютъ тенденцію вновь слиться съ прежней общиной. Примѣры этого въ изобиліи приведены ниже при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ. Надо еще упомянуть, что часто послѣ спеціальнаго размежеванія однодворцы оставались задѣленными: число четвертей осталось то же, но земли-то поменило. Это происходило отъ злоупотребленія землемѣровъ подкупленныхъ сосѣдями, но бывали случаи когда и однодворцы умѣли подкупить «стролябію». Въ этихъ случаяхъ поднимался вопросъ, какъ быть съ излишней землей? Но такъ какъ тотъ же вопросъ поднимался и по другимъ случаямъ, то мы и опишемъ ихъ совокупно.

Когда сверхъ прежней четвертной земли однодворцамъ приходилось получить прирѣзку, то чаще всего міръ опредѣлялъ новую землю развертать на души. Такимъ образомъ, кромѣ четвертной земли, каждый дворъ имѣлъ и душевую. Эту форму рязанскій статистикъ В. Н. Григорьевъ удачно назвалъ душево-четвертной формой. Прирѣзки могли быть при генеральномъ межеваніи, но не меньше ихъ было при палатѣ государственныхъ имуществъ, особенно изъ лѣсныхъ казенныхъ дачъ. Земли сходцевъ при палатѣ поступали также «подъ общество». Затѣмъ при спеціальномъ межеваніи могла оказаться примѣрная земля. Наконецъ, къ этой же категоріи надо отнести «отсужденныя земли». Судились однодворцы съ сосѣднимъ обществомъ или съ помѣщикомъ лѣтъ 30—40; получивши, забыли, кто гдѣ и поскольку владѣлъ, да и владѣлъ ли; самое лучшее подѣлить ее на души,—на что ровнѣй!

При отводѣ лѣса, палата требовала душевой разверстки, но иногда и разверстки по дворамъ, чтобъ обезпечить малодушныхъ топливомъ. Но нерѣдко однодворцы испрашивали у палаты разрѣшенія распахать землю изъ-подъ лѣса. Получивши таковое, распахивали лѣсъ, причемъ, смотря по тому, былъ ли онъ раздѣляемъ на души или на дворы, дѣлили эту землю или по душамъ, или по дворамъ. Мало того, дворовое поравненіе гораздо древнѣй душеваго—это доказывается массой пережитковъ въ родѣ «четверти-дуры» или страшной путаницы повладѣнной. По всей вѣроятности, дворовое поравненіе установилось еще въ то время, когда платили «съ двора» и когда государеву службу отбывали тоже съ двора. Отсюда равнопочинковыя многодворныя заимки, отсюда «дворовое поравненіе» въ тѣхъ общинахъ, кои первоначально были заняты разными родами съ разнымъ надѣленіемъ. Въ болѣе позднее время дворовое поравненіе вытекало какъ мы сказали, изъ необходимости распахивать лѣсъ и выгонъ, а это

такія угодья, на которыя каждый наличный дворъ чаще всего имѣетъ одинаковое право. Вѣдь и здѣсь фикція: «всѣ дворы ровны... зачѣмъ дѣлить противъ дачъ, сколько лѣтъ дѣлили поровну и «отбувъ» у насъ съ двора—лучше на дворы». И такъ какъ за эту фикцію было все малоземальное большинство, то широкодачникамъ оставалось только подчиниться. Ниже мы увидимъ, что дворовое поравненіе или отличается четвертной мертвенностью, то-есть, разъ раздѣленная земля продолжаетъ въ дальнѣйшемъ идти по наслѣдству, или носитъ въ себѣ всѣ признаки душевой живучести, то-есть, дворовая земля отъ времени до времени подвергается передѣламъ по наличнымъ дворамъ. Эта форма владѣнія, найденная впервые мною въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ въ 1884 году, встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ, а пережитки ея найдены, какъ въ Елецкомъ уѣздѣ (с. Рождество), такъ и въ Тамбовской губерніи (татары Сѣнявины).

Дворовая форма владѣнія нигдѣ не встрѣчается самостоятельно: она всюду находится рядомъ съ четвертной и душево-четвертной формой и лишь очень рѣдко съ душевой (и то только пользованіе лѣснымъ матеріаломъ). Это, собственно говоря, суррогатъ душеваго поравненія: тамъ, гдѣ послѣднее не удается, малоземельные настаиваютъ хоть на дворовомъ поравненіи по правилу «хоть что-нибудь, чѣмъ ничего». Широкодачники скорѣе соглашаются на такой компромиссъ, ибо при установленіи дворовой формы все еще цѣла исконно-родовая организація четвертной общины: хуже будетъ, если малоземельные заговорятъ о душевомъ поравненіи. Съ другой стороны дворовое поравненіе—первый шагъ къ поравненію душевому; чаще всего съ этого и начинается, ибо ничто такъ не путаетъ родовыхъ счетовъ, какъ дворовое поравненіе. Оное дѣлаетъ «четверть дурой», то-есть, неравной самой себѣ въ предѣлахъ одной и той же общины [1]). И на исторіи иныхъ общинъ мы ниже увидимъ, какъ иногда постепенно чистая четвертная форма сперва дѣлается дворово-четвертной, потомъ дворово-душево-четвертной, наконецъ дворовая смѣнится душевой и душево-четвертная форма, оставивъ жалкіе слѣды четвертнаго права въ видѣ нѣсколькихъ четвертниковъ, окончательно перейдетъ въ душевую. Это медленный процессъ перехода съ четвертей на души и своею постепенностью онъ значительно отличается отъ тѣхъ быстрыхъ переходовъ, которые обыкновенно сопровождаются бурнымъ напряженіемъ силъ всей общины. Здѣсь нелишне упомянуть, что въ обоихъ видахъ этого процесса палата госуд. имуществъ въ большинствѣ случаевъ открыто становилась на сторону душевиковъ; помимо того, что душевая форма лучше обезпечивала поступленіе податей и недоимокъ, въ ней не безъ основанія видѣли залогъ

---

[1]) Подробно описано это явленіе ниже, при описаніи д. Будищъ Судж. у. и с. Рождества Елецкаго.

крестьянскаго благосостоянія. Въ этомъ былъ убѣжденъ не только гр. Киселевъ, но и самъ императоръ Николай I. Это былъ первый русскій царь, сознательно направившій поземельную политику на укрѣпленіе русской уравнительной общины. Онъ первый понялъ, что русская община есть самый твердый камень подъ его могучимъ престоломъ. То, что прежде чувствовалось инстинктивно, стало теперь ясно какъ божій день, было понятно со всѣми тонкими деталями и оцѣнено настоящей цѣной. Послѣ этого трудно было ожидать въ дальнѣйшемъ утрату такого сознанія—знаніе человѣческое не пропадаетъ. И преемникъ Николая I царь Освободитель настоялъ, чтобы крѣпостное населеніе было освобождено съ землей на душевомъ правѣ. Кто былъ противъ этого? По исторической ироніи противъ общины были охранители, принявшіе подъ свою высокую руку всѣ подонки крѣпостничества. Они не понимали, да и теперь не понимаютъ, что враждуя съ общиной, они подкапываютъ фундаментъ того великаго зданія, которое по ихъ мнѣнію они, и только они, призваны охранять.

Охранительное стремленіе, обострившееся сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, пошло crescendo и вотъ уже въ 1866 году издается общее положеніе для государственныхъ крестьянъ. Никто не станетъ жалѣть, конечно, о томъ, что этимъ положеніемъ государственные крестьяне были освобождены изъ-подъ опеки палаты государ. имуществъ, но объ общемъ направленіи поземельной политики приходится жалѣть немало. Что касается однодворцевъ, то судьба ихъ была отдана въ руки деревенскаго кулака. Эта отдача была произведена допущеніемъ отчуждаемости четвертныхъ земель. Началась кабацкая оргія: земли родовой общины стали сосредоточиваться въ рукахъ міроѣдовъ и сосредоточиваться за безцѣнокъ. Посторонніе элементы, въ видѣ виноторговцевъ, ссыпщиковъ, краснорядцевъ, крупныхъ арендаторовъ начали вторгаться въ эту общину и мутить ея исконные устои своею кабацкою «цибулизаціей». Это вторженіе для деревни горше фабрики. Послѣдняя, если даже и развращаетъ народъ, за то поднимаетъ его заработокъ и двигаетъ населеніе по пути развитія можетъ-быть не совсѣмъ желательнаго, но, во всякомъ случаѣ, исторически возможнаго. Что же дѣлаетъ кабакъ въ деревнѣ?— Онъ только спаиваетъ и спаивши обезземеливаетъ. При душевой формѣ владѣнія, земли-то ужъ никакъ не пропьешь, міръ не дастъ; дѣло другое при четвертной. По правиламъ 1866 года, каждый четвертной владѣлецъ имѣлъ право продать кому угодно записанную за нимъ по владѣнной записи землю. Онъ продавалъ ее, ни у кого не спрашиваясь—ни у міра, ни у родственниковъ, ни даже у своихъ семейныхъ. А между тѣмъ одна изъ величайшихъ небрежностей составленія приложеній къ владѣннымъ записямъ заключалась въ томъ, что въ нихъ внесены были не всѣ лица, имѣвшія право на землю. Произошло это чрезвычайно просто.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за смертью отца дѣти его жили вмѣстѣ, не раздѣляясь, въ силу ли согласія, или по малолѣтству меньшихъ братьевъ, земля такой семьи записывалась въ одинъ такъ называемый номеръ за старшимъ членомъ семьи, иногда за дядей. Достаточно было со стороны такого счастливца взять справку изъ волости объ уплатѣ недоимки и копію съ владѣнной, точнѣе съ своего номера, чтобы явившись къ нотаріусу, можно было написать купчую, или закладную кому угодно. Совершеніе такой купчей ничѣмъ нельзя было затормазить: напрасно сонаслѣдники брали отъ міра удостовѣреніе въ томъ, что въ проданномъ номерѣ половина, а иногда $^3/_4$ земли принадлежитъ имъ, а не продавцу. Все было тщетно—земля официально числилась за продавцемъ, и этого достаточно, чтобы купчую утвердить. Этимъ путемъ обезземелилась цѣлая масса однодворцевъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда купчая почему-либо не могла быть утвержденной старшимъ нотаріусомъ, продавцы обходились и безъ него; сего ради или выдавались заемныя письма, по коимъ истецъ описывалъ и продавалъ, вѣрнѣе оставлялъ за собой на торгахъ четвертную землю, или писались въ волости особенныя условія, нѣчто въ родѣ контракта съ примѣсью запродажной. Это называлось «продать по волости». Тутъ происходили юридическія чудеса въ родѣ, наприм., такого условія: сдалъ я, имя рекъ, $2^1/_2$ четверти своей земли на 9 лѣтъ по 2 рубля за четверть и деньги получилъ всѣ сполна и по истеченіи 9 лѣтъ обязуюсь возобновить сей контрактъ еще на 9 лѣтъ, а буде того не сдѣлаю, повиненъ уплатить неустойки 600 рублей, въ обезпеченіе коей и выдалъ заемное письмо... Или въ формѣ запродажной: запродалъ я $2^1/_2$ четверти и взялъ съ него задатку 300 рублей; въ случаѣ не совершу купчей въ теченіе года, повиненъ возвратить задатокъ по закону вдвое, но требовать земли не долженъ и т. д. Съ выдачей владѣнныхъ записей возникъ еще цѣлый рядъ особенныхъ дѣлъ—это иски наслѣдницъ. Объ этомъ явленіи мы говоримъ ниже въ VII главѣ.

Всѣ эти безпорядки, разрушавшіе исконно-родовую общину четвертныхъ владѣльцевъ, оставались въ силѣ до послѣднихъ дней; лишь недавно послѣдовалъ законъ, воспрещающій продажу четвертныхъ земель въ руки постороннихъ. Но въ руки своего односельчанина, почасту самаго отъявленнаго міроѣда, продажа еще допускается. Сенатъ сталъ смотрѣть на четвертную землю, какъ на семейную собственность, и потому при продажахъ стали требовать согласія членовъ семьи. Какъ же исполнить это требованіе—вѣдь въ семьѣ есть и грудныя дѣти? Очевидно, одной формалистикой здѣсь ничего не сдѣлаешь. Нуженъ коренной законъ, который бы прямо сказалъ, что четвертныя земли есть казенно-общественная собственность, неподлежащая отчужденію. И не мѣшало бы возстановить прежнее право однодворцевъ—безконтрольно распоряжаться внутреннимъ

распредѣленіемъ общинной земли. А то нынѣ душевыя общины имѣютъ право произвести даже подворный раздѣлъ земли навѣчно, а четвертные владѣльцы не могутъ произвести переверстки своихъ земель. Такія переверстки нужны уже потому, что четвертныя земли выпахались и промылись въ одномъ направленіи настолько, что перестаютъ приносить даже средніе урожаи. Кромѣ того, переверстки нужны и для расширенія полосъ, дошедшихъ до крайней узости: «борона не вставляется, сѣешь овесъ, а родитъ просо, ибо сосѣдъ, сѣявши свою полосу, забросалъ и мою».

Это хозяйственныя соображенія, но есть и владѣльческія: путемъ продажъ другъ другу, путемъ наслѣдованій въ чужомъ родѣ [1]), за долгій періодъ установилась лишняя пополосность: вмѣсто того, чтобы имѣть одну полосу въ каждомъ ярусѣ, приходится имѣть ихъ понѣскольку и конечно не сряду. Только переверстка дастъ возможность согнать эти полосы въ одно мѣсто, и такъ какъ старинные ярусы вообще страдаютъ узостью, то нетрудно, сокративъ ихъ число, расширить каждую полосу. Лишать этого права однодворцевъ—значитъ не давать имъ возможности пользоваться съ наибольшей выгодой той землей, за которую они платятъ тяжелый выкупъ.

ГЛАВА VI.

Однодворческія фамиліи.

Поименные списки владѣнныхъ записей, какъ сырой матеріалъ.—Общій ходъ развитія однодворческой общины въ Фашежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи.—Позятьевщина.—Названіе селеній по фамиліямъ однодворцевъ—первыхъ заимщиковъ.—Иныя названія.—Общее число однодворческихъ фамилій и ихъ распредѣленіе по Фатежскому уѣзду.—Неподвижность нѣкоторыхъ родовъ и родовая замкнутость.—Родственность однофамильцевъ.—Родовыя общины съ однимъ первозаимщикомъ.—Общины съ двумя заимщиками.—Родословныя Пронскихъ, Костиныхъ и Елагиныхъ, возстановленныя по владѣннымъ записямъ.—Старинная выпись о владѣніи рода Костиныхъ.—Поступная запись 1815 г.—Выпись Марка Стоянова Завалишина.—Разверстка земли въ двуфамильныхъ общинахъ.—Общины съ тремя и четырьмя заимочными фамиліями.—Выпись Проскурнина и его родословная.—Данныя мѣстныхъ изслѣдованій по этому факту.—Коренской монастырь и сѣверовосточный уголъ Фатежскаго уѣзда.—Станичныя селенія этого угла и сборная деревня Горяинова.—Выписи Боевыхъ.—Заимочныя фамиліи с. Солдатскаго, что на Усожѣ.—Карповскіе сведенцы изъ сѣверовосточнаго угла.—Ихъ землевладѣніе и хозяйство.—Описаніе прочихъ крупныхъ селеній уѣзда.—Сборныя селенія.—Глѣбовская дача и ея выпись.—Судное дѣло д. Лактіоновой съ Любажами.—Станичная д. Жирова.—Вымираніе нѣкоторыхъ однодворческихъ родовъ.—Однодворческія фамиліи Орловскаго уѣзда по писцовой книгѣ 1594 года и сближеніе ихъ съ фатежскими фамиліями.—Заключеніе.

Происхожденіе однодворцевъ исторической наукой разработано довольно скудно; въ частности происхожденіе ихъ фамилій—вопросъ совершенно

---

[1]) Это бываетъ, когда мать или бабка были наслѣдницами.

незатронутый. Намъ кажется, что изучая эти фамиліи, можно уяснить себѣ нѣкоторыя противорѣчія, окутывающія вопросъ объ однодворцахъ. Приступая къ изложенію своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, я прежде всего долженъ дать оцѣнку тому матеріалу, который легъ въ основу сего изслѣдованія. Послѣднее, надо сказать, охватываетъ всего одинъ уѣздъ, густо заселенный однодворцами, до сихъ поръ владѣющими землей исключительно на четвертномъ правѣ. Избралъ я этотъ уѣздъ не по своему произволу, а единственно потому, что имѣлъ возможность пользоваться въ теченіе продолжительнаго времени всѣми его владѣнными записями и кромѣ того, еще въ 1883 году въ одной изъ волостей того уѣзда самолично производилъ подворную земскую перепись населенія. Вотъ чѣмъ обусловленъ мой выборъ. Такимъ образомъ, основнымъ матеріаломъ для предлагаемой главы послужатъ, съ одной стороны, официальныя данныя въ видѣ поименныхъ приложеній къ владѣннымъ записямъ, составленнымъ въ 1872 г. и съ другой, неопубликованный сырой матеріалъ земской переписи 1883 г.

Въ какой же мѣрѣ могутъ служить источникомъ приложенія къ владѣннымъ записямъ? Надо знать, какъ они составлены. Такъ какъ однодворцы издавна владѣютъ землей по четвертному праву, строго придерживаясь обычноправовыхъ нормъ наслѣдованія, то еще при гр. Киселевѣ какъ мы знаемъ, однодворческое землевладѣніе породило немалое затрудненіе въ сферѣ финансовыхъ предпріятій министерства государственныхъ имуществъ. Пришлось съ помощью кадастровой комиссіи измѣрить землю каждаго отдѣльнаго домохозяина и затѣмъ составить «списки» домохозяевъ съ прописаніемъ количества земли, чтобы высчитать долю оброчной подати на ту землю падающую. Измѣненія происходившія въ составѣ отдѣльныхъ владѣній частью отмѣчались въ податныхъ реестрахъ деревни, частью оставались незамѣченными. Составители владѣнныхъ записей чиновники того же министерства въ концѣ 60 и началѣ 70-хъ годовъ, смотря въ какой губерніи когда производились работы, всецѣло воспользовались этими кадастровыми списками для составленія приложенія къ владѣннымъ записямъ. Въ самой записи написано общее количество земли числящейся за обществомъ, а въ приложеніи къ ней переименованы всѣ домохозяева съ ихъ землей и долями оброчной подати. Правда владѣнныя записи вообще составлялись небрежно и безграмотно: чиновникъ не могъ самъ переписать всю массу фамилій и цифръ, и вотъ онъ поручалъ это дѣло волостному писарю или палатскому писцу. Волостной писарь изъ своихъ цѣлей могъ даже умышленно исказить прежніе списки, наприм., вмѣсто 10 десятинъ записать всего 8, но въ искаженіи фамилій такой цѣли, повидимому, не представлялось: здѣсь страдала только орѳографія. Такимъ образомъ, приложенія къ владѣннымъ записямъ представляютъ ничто

иное, какъ подворные списки однодворцевъ 1872 года. Конечно, къ этому времени въ среду однодворцевъ успѣли вторгнуться разныя постороннія элементы и даже крестьяне изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Вторженіе это было все-таки родовое путемъ позятьевщины и рѣзко отличается отъ вторженія того кулака, который получилъ доступъ въ однодворческую общину лишь послѣ выдачи владѣнныхъ записей, когда дозволено было продавать четвертныя земли. Съ этого времени въ податные реестры начинаютъ попадать типичныя новыя фамиліи Деруновыхъ, Пацуевыхъ, Обираловыхъ и иныхъ разныхъ кабатчиковъ щедринскаго типа.

Было бы весьма интересно и ближе къ цѣли наше изслѣдованіе вести по спискамъ кадастровой комиссіи, но этихъ списковъ я не могъ достать въ достаточномъ количествѣ, почему и остановился на приложеніяхъ къ владѣннымъ записямъ. Приступаю къ обозрѣнію этого матеріала.

Фатежскій уѣздъ, Курской губерніи, избранный мною объектомъ изслѣдованія, лежитъ, какъ извѣстно, въ сѣверной части губерніи прилегая къ уѣздамъ Кромскому и Малоархангельскому, Орловской губерніи, и гранича на востокѣ съ уѣздомъ Щигровскимъ, на югѣ съ Курскимъ и немножко со Льговскимъ и на западѣ съ Дмитріевскимъ. По сѣверной границѣ течетъ рѣка Свапа, а въ срединѣ уѣзда Усожа и нѣсколько малыхъ рѣчекъ и ручьевъ, на югѣ начинается рѣка Курица, а на востотѣ Снова и Неполка. Мѣстность ровная, въ старые годы лѣсистая; почва уѣзда больше суглинокъ, чѣмъ чистый черноземъ, но суглинокъ мѣстами весьма плодородный. Заселеніе этихъ благодатныхъ мѣстъ происходило, какъ и вовсемъ Предсемьи, съ сѣвера служилыми московскими людьми, дѣтьми боярскими первыхъ статей и городовыми дворянами. Здѣсь мы не встрѣтимъ остатковъ черкасъ, какъ встрѣчаемъ ихъ въ Засемьи Курской губерніи. Говоръ населенія великороссійскій, хотя съ мягкимъ произношеніемъ буквы г и съ замѣной разнообразныхъ глагольныхъ окончаній буквой я [1]). Заселеніе Фатежскаго уѣзда началось при Борисѣ Годуновѣ; по крайней мѣрѣ, восточная часть уѣзда въ составѣ наикрупнѣйшихъ селеній Поныровъ, Смородины, Ольховатки, Березовца и проч., принадлежала Коренскому монастырю, первое пожалованіе земель которому послѣдовало еще при Θедорѣ Ивановичѣ. Въ этомъ углѣ уѣзда на значительномъ пространствѣ въ то время происходило принудительное заселеніе стараніями монастыря. Съ этого же времени началось общее замиреніе края: передовые аванпосты московскихъ служилыхъ людей продвинулись за р. Семь къ Донцу и Осколу, а въ Фатежскомъ уѣздѣ сдѣлалось уже на столько покойно, что служилые люди, испомѣщенные здѣсь землей, начали ее обрабатывать, заканчивая тѣмъ медленное завоеваніе «дикихъ поль».

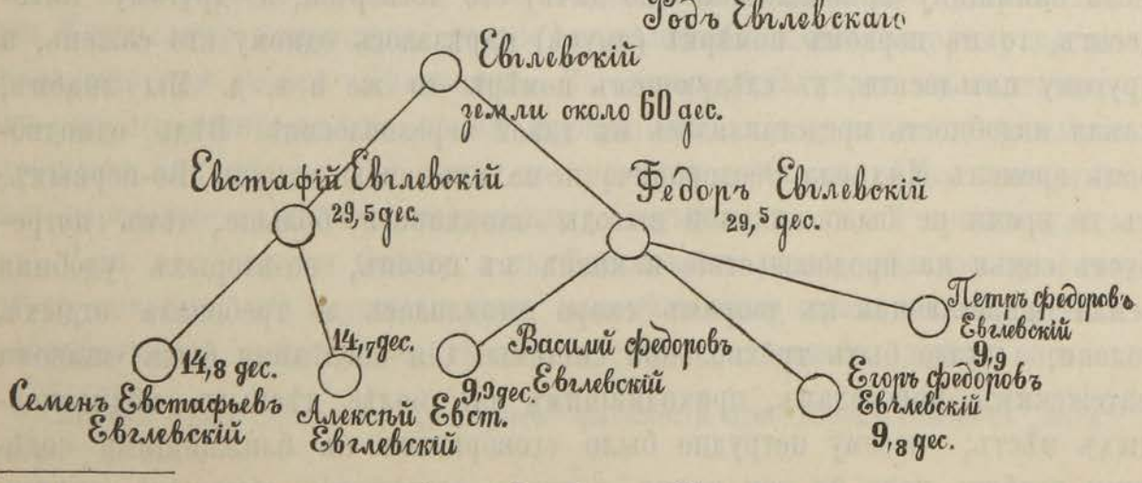
---

[1]) Вмѣсто словъ „ходитъ“, „смотритъ“ фатежскій однодворецъ говоритъ „ходя“; „смотря“, и проч.

О первоначальныхъ заимкахъ до сихъ поръ сохранились въ памяти крестьянъ подчасъ довольно точныя воспоминанія, часто подтверждаемыя сохранившимися выписями съ отказныхъ книгъ и другими историческими документами. Изъ этихъ разсказовъ можно установить одинъ весьма важный для мѣстной исторіи уѣзда выводъ, а именно: *однодворцы Фатежскаго уѣзда въ большинствѣ случаевъ заселялись одиночно*, а не компаніями какъ въ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи. Поэтому я не нашелъ въ этомъ уѣздѣ ни одного документа, гдѣ бы земля значилась за Иваномъ такимъ-то «съ товарищи», хотя этотъ терминъ въ актахъ Суджанскаго или Новооскольскаго уѣздовъ всюду господствуетъ. Одиночное заселеніе свидѣтельствуетъ, конечно, и о томъ, что время заселенія относится къ болѣе раннему періоду, когда Москва не въ силахъ еще была выдвинуть цѣлыя толпы народа. Если и бывали случаи въ Фатежскомъ уѣздѣ совмѣстнаго заселенія пятью—шестью дворами, то во всѣхъ этихъ случаяхъ въ натурѣ жилища новоселовъ были настолько просторно отодвинуты другъ отъ друга, что никакой хозяйственной тѣсноты и въ поминѣ не было. Большею частію одинъ дворъ садился на правомъ берегу какого нибудь ручья, или проточины, а другой на лѣвомъ, третій на версту ниже ихъ и т. д. Со временемъ дворы дробились, и мало помалу естественнымъ путемъ, образовывался одинъ общій поселокъ, село или деревня. Когда наступило генеральное межеваніе то понятно, что многіе такіе поселки попали въ одну и ту же дачу, чѣмъ и усилилась связь бывшая и раньше между сосѣдями. Эта связь устанавливалась прежде всего по землѣ. Въ сферѣ поземельныхъ отношеній, какъ мы знаемъ, фатежскіе однодворцы, какъ и всѣ русскіе землепашцы, не могли и не должны были обойтись безъ черезполосицы. Занявши усадьбы отдѣльно, обособленно, однодворецъ рѣдко оставался въ одиночествѣ на пахатной землѣ: его пашня раздѣлялась на три клина и на перелогъ. Мы знаемъ какъ надо понимать это дѣленіе. Трехклинное старопашье дѣлилось между сосѣдями, если они были недалеко, дѣлилось по числу четвертей помѣстной дачи каждаго заимщика. Если заимщику принадлежало (по дачѣ) сто четвертей, а другому пятьдесятъ, то въ первомъ помѣркѣ (ярусѣ) нарѣзалось одному сто сажень, а другому пятьдесятъ; въ слѣдующемъ помѣрѣ то же и т. д. Мы знаемъ, какая надобность представлялась въ такой черезполосицѣ. Вѣдь однодворецъ временъ Михаила Ѳеодоровича не пахалъ землю сплошь. Во-первыхъ, въ то время не было никакой выгоды запахивать больше, чѣмъ потребуетъ семья на продовольствіе и казна въ посопъ, во-вторыхъ удобная земля прилегающая къ дворамъ скоро утомлялась и требовала отдыха, толоки, а стало быть трехпольной системы. Сія послѣдняя была знакома фатежскимъ новоселамъ, приходившимъ изъ болѣе тѣсныхъ подмосковныхъ мѣстъ; посему нетрудно было сговориться съ ближайшими сосѣдями разбить поля на три клина, а такое соглашеніе вызывало другое:

надо было, около своего двора, дать яровой клинъ, а около сосѣдскаго получить озимый. Возникалъ споръ о разстояніи, надо было уравнять и разстояніе, да уравнять почву по качеству. Это уравненіе легко достигается при пополосной поярусной развертцѣ. Затѣмъ, когда съ увеличеніемъ ртовъ понадобилось ввести въ трехпольную систему перелоги, то и эти послѣдніе подвергались такому же пополосному раздѣлу по жребію или по заранѣе установленнымъ правиламъ «черги». Семейные раздѣлы, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться источникомъ, причиной черезполосицы: они вносили только дробность полосъ, но самая причина черезполосицы, лежитъ во внѣшнихъ условіяхъ хозяйства, и игнорировать ихъ однодворцы, какъ мы знаемъ, не имѣли никакой возможности. Конечно въ тѣ времена, когда любая полоса однодворца была не менѣе десятины, никакого неудобства отъ черезполосицы не чувствовалось. Черезполосица дала себя знать тогда, когда однодворческіе роды изродились до крайности. Нѣкоторые роды до того быстро расплодились, чго уже при Екатеринѣ II потребовались переселенія, другіе же наоборотъ, до сихъ поръ имѣютъ ничтожное количество представителей и владѣютъ громаднымъ количествомъ четвертной земли. Отсюда страшное неравенство, въ надѣленіи землей у фатежскихъ однодворцевъ, достигающее громадныхъ колебаній, отъ 137 дес. до $^3/_{10}$ десятины на дворъ [1]).

Какъ произошло такое неравенство, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ д. Якшиной, Здобниковской волости, было два первозаимщика, Якшинъ и Евглевскій; у перваго было 100 четвертей, у втораго всего 40. Ко времени составленія владѣнныхъ записей Якшиныхъ сдѣлалось 19 дворовъ, а Евглевскихъ всего пять; по расчету на дворъ у Якишныхъ стало вдвое меньше земли, чѣмъ у Евглевскихъ, хотя по заимкѣ было, какъ разъ наоборотъ. Такъ какъ, въ приложеніяхъ къ владѣннымъ записямъ, писалось имя и отчество домохозяина, то съ помощью этихъ ничтожныхъ, данныхъ можно возстановить почти всю родословную рода Евглевскихъ; оная представляется въ такомъ видѣ,



[1]) См. Итоги стат. изсл. Курской губ. стр. 85.

Пять дворовъ Евглевскихъ, занесенныхъ во владѣнную запись происходятъ отъ двухъ разныхъ братьевъ, что провѣряется количествомъ земли и отчествами. Дѣдъ Евглевскій владѣлъ 60 десятинами, что равнялось 40 четвертямъ, но это совпаденіе съ официальнымъ счетомъ совершенно случайное. Приведенный дѣдъ Евглевскій, очевидно, не былъ первозаимщикомъ, но, несомнѣнно, былъ единственнымъ сыномъ своего отца, все еще не первозаимщика. И въ самомъ дѣлѣ, если въ 1872 г. при составленіи владѣнной, пяти внукамъ было около 40 лѣтъ, а отцы ихъ уже померли, иначе они были бы занесены въ списки, то дѣдъ могъ родиться не раньше 80 лѣтъ назадъ, то-есть въ 1792 году. Между тѣмъ по плану генеральнаго межеванія 1783 г. однодворецъ Евглевскій уже значится владѣльцемъ по деревнѣ Якшиной. Съ другой стороны однодеревенцы Якшины своими долями земли свидѣтельствуютъ, что заселеніе Якшиной произошло давнымъ давно, и во всякомъ случаѣ не позже Алексѣя Михайловича. Въ родѣ Якшиныхъ наибольшій участокъ достигаетъ всего $15,_8$ десятины, то-есть соотвѣтствовалъ бы $7,_9$ дес. владѣнія Евглевскаго, то-есть внуковъ. Но этимъ $15,_8$ десятинамъ соотвѣтствуетъ сумма владѣній пяти дворовъ, помѣщенныхъ въ записи: это ближайшая родня раздѣлившаяся, ясное дѣло, при жизни того, у кого сохранилось $15,_8$ дес. Остальные 13 дворовъ Якшиныхъ по парности долей группируются на четыре статьи: въ одной 4 двора и сумма владѣемой земли равна $22,_2$ дес. въ другой 3 двора съ общимъ количествомъ земли $25,_8$ въ третьей 3 двора 18_2 дес. въ четвертой 3 двора Якшиныхъ и 3 двора приставшаго въ зятья Скорова—46,6 д. Такое несоотвѣтствіе крупныхъ долей (непарность) указываетъ на отдаленное замѣшательство, происшедшее въ наслѣдственномъ движеніи землевладѣнія. Скоровъ присталъ на наслѣдницу, имѣвшую 23,3 десятины, но въ 1872 г. мы видимъ уже три двора Скоровыхъ и у нихъ по 7,8 дес. Значитъ, это ихъ бабка была единственною наслѣдницей своего отца Якшина, но вѣдь есть и три двора Якшиныхъ, у коихъ за однимъ 11,5 дес. и у двухъ по 5,8 дес. Имѣющій 11,5 дес. Якшинъ по отечеству Васильевичъ значитъ—Василій Якшинъ имѣлъ 23,3 дес. и двухъ сыновей. Отецъ Василія, очевидно, имѣлъ только одного сына, а его братъ—единственную дочь, по мужу Скорову. Такимъ образомъ, мы насчитали четыре поколѣнія, и старшее изъ нихъ владѣло 46,6 десятинами. Если также подсчитать остальные дворы рода Якшина, то предѣльныя количества земли будутъ совершенно несходны, такъ что трудно установить, сколько поколѣній было послѣ первозаимщика. Это объясняется возможностью переуступокъ и всевозможныхъ законныхъ и незаконныхъ отчужденій родовой земли; кромѣ же количества земли, у насъ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ для возстановленія родословной. Можно было бы гадательно допустить, что крупнѣйшая доля одной отрасли рода Якшина составляетъ одну треть

земли заимщика, потому что всего во владѣніи рода Якшина числится по записи 143 десятины, а 46,6 составляютъ почти треть этого количества. Значитъ, земля заимщика Якшина впервые была подѣлена «по-третьёмъ» то-есть онъ имѣлъ трехъ сыновьевъ. При допущеніи такого предположенія, мы насчитаемъ всего пять поколѣній и, полагая по 30 лѣтъ на каждое, должны отнести начало поселенія къ 1722 году, что уже является невѣроятнымъ выводомъ, ибо Якшинцы помнятъ, что поселились при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Мнѣ кажется, что объясненіе этого мнимаго отсутствія плодовитости у этихъ однодворцевъ должно лежать совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ: дѣти однодворца, или вѣрнѣе испомѣщеннаго служилаго человѣка, не оставались въ своемъ помѣстьѣ, ихъ требовали на государеву службу, гдѣ они или кончали свою жизнь на полѣ брани, или выслуживались и добивались новыхъ пожалованій, въ иныхъ мѣстахъ. При многолюдной семьѣ отцу ничего больше не оставалось, какъ выдвинуть дѣтей на службу, за каковую каждаго изъ сыновей испомѣстятъ землей отдѣльно, Немудрено, что вплоть до образованія ландмилицкихъ полковъ мы видимъ по немногу представителей однодворческихъ родовъ, другіе отпрыски искали земельнаго обезпеченія помимо родного помѣстья и въ этихъ поискахъ двигались все дальше и дальше на югъ.

При Петрѣ I, съ его рекрутчиной, условія, благопріятствовавшія служилому сословію, сильно измѣнились; введеніе подушной подати окончательно измѣнило физіономію тѣхъ поземельныхъ отношеній, которыя слагались въ средѣ служилыхъ людей, впослѣдствіи однодворцевъ. Послѣдніе попали въ подушный окладъ, и все, что избѣжало ландмилицкой службы, занялось хлѣбопашествомъ. Съ этой точки зрѣнія, подушная подать имѣла благотворное значеніе для развитія земледѣльческой промышленности. Заготовка провіанта для постоянной арміи породила значительное усиленіе спроса на сельскохозяйственные продукты; отчего стали сѣять не на одно собственное продовольствіе, но и на спросъ, шедшій извнѣ. Сравнительное освобожденіе отъ службы не могло пройти безслѣдно, и вотъ служилое сословіе начинаетъ усиленно плодиться и множиться. Все это вызвало къ жизни семейные раздѣлы; раздѣлы шли въ порядкѣ обычая: братья получали поровну, сестры же при братьяхъ—не вотчинницы. Каждую полосу отца, какъ мы знаемъ, дѣти дѣлили поровну: было бы несправедливо дѣлиться иначе. Пополосный раздѣлъ отцовскаго помѣстья связывалъ раздѣлившихся тѣсными поземельными узами, и такъ какъ въ основѣ этой связи лежало близкое родство, то новыя отношенія носили всецѣло характеръ родовой общины. Да, это и была именно родовая община, гдѣ размѣръ земельнаго владѣнія, какъ мы знаемъ, опредѣлялся не близостью родства владѣльца къ своему предку первозаимщику, а плодовитостью данной родовой линіи. Вторженіе постороннихъ элементовъ въ такую замкнутую

общину было до крайности трудно: приселенія фатежскій однодворецъ допускалъ крайне рѣдко, ибо земля его была выслуженная, жалованная и въ помѣстномъ приказѣ за нимъ записанная. Было только два пути, которыми входили посторонніе элементы въ четвертныя общины—это «позятьевщина» и пріобрѣтеніе земли по купчимъ. Единственная дочь однодворца за смертью отца своего дѣлалась единственною наслѣдницею его земли, она вольна была выходить замужъ за кого угодно, и «приставшій на наслѣдницу» зять-чужеродецъ дѣлался членомъ родовой общины, хотя, конечно, безъ какихъ либо формальныхъ актовъ на то. Но въ этомъ вторженіи можно видѣть все то же кровное, родовое начало. Позятьевщина, внесла въ однодворческую среду много новыхъ фамилій, и отдѣлить ихъ теперь невсегда легко. Кто были эти пристававшіе зятья? Крѣпостными они быть не могли, ибо не пойдетъ свободная однодворка, да еще наслѣдница, въ барскія холопки. Большинство зятьевъ было конечно изъ сосѣднихъ однодворческихъ деревень: однодворцы и теперь гнушаются свататься между помѣщичьими крестьянами. Гораздо меньшая часть зятьевъ пополнялась разночинцами, то-есть лицами изъ духовнаго званія, городскими мѣщанами, вольными государственными крестьянами не-однодворцами. Вотъ одинъ изъ примѣровъ сюда относящихся Д. Большую Огаркову, Здобниковской волости, впервые занялъ дворянинъ служившій «на бѣломъ конѣ», Фролъ Огарковъ; онъ имѣлъ много земли царскаго жалованья. Одинъ изъ его внуковъ, не оставилъ мужского поколѣнія. Его дочь вышла за ямщика Курской Ямской слободы, Судакова. Прочіе родственники такъ были возмущены этимъ событіемъ, что Судаковой не дали вовсе земли въ писцовой дачѣ, и дѣти Судакова получили оную лишь изъ примѣрныхъ земель въ количествѣ всего 19 четвертей. Вообще даже и до сихъ поръ за однодворцами сѣверныхъ уѣздовъ Курской губерніи замѣчается страшное чванство своимъ происхожденіемъ и высокомѣрная родовая нетерпимость къ низшимъ сословіямъ. А между тѣмъ, что такое однодворцы-то? Многіе изъ нихъ были дворяне и притомъ истинно родовитые, но вѣдь и они попали въ подушный окладъ за неумѣнье служить, за лѣнь, неспособность, малоразвитость и прочія подобныя качества. Чѣмъ тутъ кичиться—я не могу понять.

Родовитость однодворцевъ сѣверныхъ уѣздовъ Курской губерніи доказывается между прочимъ и ихъ фамиліями. Приступая къ изученію ихъ мы прежде всего отмѣтимъ по Фатежскому уѣзду одну важную особенность: изъ всѣхъ 134 однодворческихъ селеній 70, или $52,_2{}^0/_0$, носятъ *названія сходныя съ фамиліями однодворцевъ тѣ селенія населяющихъ.* Ясно, что названія эти установились со дня заселенія: пришелъ служилый человѣкъ Банинъ, поселился на берегу р. Гниловода, и вотъ новый починокъ стали называть Банинымъ, а нынѣ село Банино; сбоку поселился

Бреховъ—и стала деревня Брехова, невдалекѣ осѣлъ Жердевъ—и вотъ образовалась дер. Жердева и т. д., ровно 70 случаевъ [1]). Кромѣ того въ Стар. Головинкѣ нѣтъ ни одного Головина, между тѣмъ въ Новой Головинкѣ ихъ 53 двора, эти деревни стоятъ рядомъ, и въ первой изъ нихъ мы находимъ 28 дворовъ Сабельниковыхъ, 2 двора Савенковыхъ и 3 двора Жердевыхъ. Очевидно, здѣсь родъ Головиныхъ прекратился и по женской линіи земля пошла въ родъ Сабельниковыхъ.

Въ д. Завалишиной, Здобниковской волости, мы найдемъ 8 дворовъ Пеньшиныхъ, 3 двора Сергѣевыхъ и ни одного Завалишина, хотя въ окружающихъ деревняхъ мы видимъ 5 дворовъ Завалишиныхъ въ Пеньковой и 22 двора въ Стояновой. Очевидно, починокъ въ д. Завалишиной былъ впервые занятъ именно Завалишинымъ, пришедшимъ изъ Стояновой, но почему онъ потерялъ его, неизвѣстно.

Почти полное вырожденіе наблюдается въ селѣ Игинѣ съ родомъ Игина; остался всего одинъ дворъ, тогда какъ въ сосѣднемъ селеніи д. Лактіоновой ихъ 17 дворовъ, а по всему уѣзду въ четырехъ деревняхъ 29 дворовъ. За то и офиціально Игино пишется вмѣстѣ съ д. Бородиной и Бородиныхъ въ этомъ двухъименномъ селеніи 8 дворовъ. Въ д. Стояновой нѣтъ фамиліи этого названія, но въ памяти крестьянъ сохранилось преданіе, подтверждаемое документально, что заимщикъ ихъ, изъ рода Завалишиныхъ, носилъ прозвище Марко Стояновъ. Несомнѣнно, это его имя и отчество XVII столѣтія, когда держалась еще привычка называться русскими именами: Неупокой, Нежданъ, Хорошай, Третьякъ, Замятня, Томилка, Истома, Нечай, Стоянъ и т. д. Такими именами переполнены писцовыя книги конца XVI вѣка, удержались они и въ XVII. Затѣмъ еще есть одно однодворческое селеніе Шетохино, но въ немъ эту фамилію носятъ мѣстные помѣщики, ясное дѣло, что родъ Шетохиныхъ или выслужился изъ однодворцевъ, или вовсе не попалъ въ число однодворцевъ. Послѣднее было бы совершенно безспорно, если бы въ сосѣднемъ селеніи Путчинѣ не было трехъ дворовъ однодворцевъ Шетохиныхъ. Итакъ, приведенныя нами че-

---

[1]) Вотъ эти селенія: Амелина, Сергѣевка, Ширково, Шахово, Лукина, Овсянникова, Позднякова (Дм. в.) Пронская, Фатьяновка, Шевляковка, Акульшино. Воробьевка, Горяиново, Полсело Горяиново, Заболоцкая, Коноревка, Маньшина, Михайловка, Юдино, Конева, Останкова, Умѣренкова, Алябьева, Аннилогова, Головина, Дюмина, Елагина, Корелая, Калугина, Мухина, Бол. и Ниж. Огарковы, Больш. и Мал. Анненковы, Пенькова, Позднякова (Здоб. вол.), Правоторова, Костина, Кобелева, Кореневка (фам. Кореневскій) Шуклина и Луневка, Колычева, Лоторевка, Хлынина, Якшина, Антиповка, Банино, Брехова, Толстая, Жердева, Басово, Гнѣздилово (Ниж. Реу. вол.), Нов. Головинка (фам. Головинъ). Игино (Бородино тожъ) Лактіонова, Ходыревка, Толмачева, Разинькова, Крюкова, Больш. и Мал. Жировка, Ершевка (фам. Ершевскій) Дурнева и три Бартеневыхъ, Глѣбово, Сухочева и Чаплыгина; всего 70 селеній, заимщики ихъ носили соотвѣтствующія фамиліи.

тыре исключенія [1]) повысятъ означенный выше процентъ съ $52,_2$ до $55,_2\%$; значитъ, гораздо болѣе половины однодворческихъ селеній въ Фатежскомъ уѣздѣ носитъ названія фамилій своихъ обитателей: это были несомнѣнно первозаимщики, впервые поселившіеся въ этихъ деревняхъ. Эта особенность даетъ намъ громадное облегченіе при разработкѣ матеріала.

Что касается другой половины селеній, то изъ нихъ 8, или $6,_0\%$, носятъ престольно-праздничныя названія; 22 или $16,_4\%$, носятъ названія рѣчекъ или живыхъ урочищъ (Ольховый Гай, Старая Пустовая, Любажъ Колодезь, Черный Колодезь, Ржавая Желень и проч.). 27 селеній, или $20,_1\%$, носятъ такія названія, которыхъ не отнесешь къ какой-нибудь группѣ; здѣсь мы видимъ обыкновенныя русскія названія селъ и деревень: Скородное, Хмѣлевое, Гнилуши, Самодуровка, Болванова, Здобникова, Соломина и друг. Исторически древнее селеніе лишь одно, это с. Шемякино съ деревнями Хардиковой и Кудиновой; они расположены на рѣкѣ Курицѣ и по смутному преданію составляли удѣлъ Шемяки (?). Нерусскій корень въ названіи однодворческаго селенія мы встрѣчаемъ во всемъ уѣздѣ всего одинъ разъ, именно с. Радубежъ; но вѣдь это названіе рѣки; служилое названіе носитъ только одно с. Солдатское.

Перейдемъ теперь къ подсчету матеріала; иные историки осудятъ меня за эти статистическія выкладки, такъ недавно введенныя въ историческую науку, но обойтись безъ нихъ ужъ никакъ нельзя, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ распространеніе однодворческихъ родовъ.

Всѣхъ фамилій, занесенныхъ во владѣнныя записи Фатежскаго уѣзда, насчитывается 503 [2]); а всѣхъ однодворческихъ дворовъ по тому же источнику 9980, слѣдовательно, въ среднемъ $19,_8$ или около 20 дворовъ принадлежатъ къ одной фамиліи. Въ дѣйствительности же наблюдаются колебанія отъ одного двора на весь уѣздъ до 232. Фамилію Умѣренковыхъ носятъ 100 дворовъ, Зиновьевыхъ 105, Зубковыхъ 112, Коноревыхъ и Емельяновыхъ по 125, Луневыхъ 136, Бартеневыхъ 139, Сергѣевыхъ 148, Овсянниковыхъ 155, Лактіоновыхъ 171, Гнѣздиловыхъ 173 и Чаплыгиныхъ 232. Остальныхъ фамилій насчитывается менѣе ста.

Въ уѣздѣ мы находимъ 97 одиночекъ; подъ послѣдними въ данномъ случаѣ я разумѣю такой дворъ, фамилія котораго встрѣчается только разъ во всемъ уѣздѣ. Спрашивается, какимъ путемъ могли образоваться эти одиночки? Сами владѣнныя записи облегчаютъ разрѣшеніе этого вопроса: въ 25 случаяхъ изъ 97 въ приложенія къ владѣннымъ занесены женщины, стало-быть ихъ исключительныя фамиліи принадлежатъ ихъ мужь-

---

[1]) Д. Стар. Головлина, Шетохина, Завалишина и Стоянова.

[2]) Въ подсчетъ не вошло всего двѣ деревни: Амелина, такъ какъ бланкъ ея затерялся, но въ ней всего двѣ фамиліи Амелины и Сергѣевы, которые встрѣчаются въ другихъ деревняхъ и с. Шахово, невошедшее по той же причинѣ.

ямъ, сами же онѣ изъ рода фатежскихъ однодворцевъ, иначе у нихъ не было бы четвертной земли и во владѣнную онѣ не попали бы: это наслѣдницы, неимѣвшія братьевъ. Если въ остальныхъ 62 случаяхъ записаны мужчины, то это значитъ, что ихъ матери наслѣдницы четвертной земли успѣли уже умереть. Что одиночки представляютъ позднѣйшее наслоеніе въ однодворческой средѣ, это видно между прочимъ и изъ тѣхъ фамилій, какія мы тутъ находимъ: наприм., Бубновъ, Бобровъ, Винокуровъ, Голощаповъ, Гудовъ, Кузякинъ, Крючковъ, Кострикинъ, Колупаевъ, Кривошеевъ, Котиковъ, Маракинъ, Марковкинъ, Огибаловъ, Сысоевъ, Сопневъ, Попрядухинъ, Подковальниковъ, Шумилинъ и друг. Все это фамиліи крѣпостныхъ и дворовыхъ людей, приставшихъ въ зятья послѣ освобожденія (иначе успѣли бы расплодиться и не остались бы одиночками къ 1872 г.). Лишь нѣкоторыя фамиліи одиночекъ принадлежатъ къ однодворческимъ фамиліямъ другихъ уѣздовъ, и, какъ нарочно, такія встрѣчаются въ пограничныхъ селеніяхъ. Сюда мы относимъ фамилію Посошкова, ибо въ сосѣднемъ Курскомъ уѣздѣ есть деревня того же имени, сполна населенная однодворцами Посошковыми, быть можетъ, родственниками знаменитаго Ивана Посошкова. Затѣмъ сюда же можно отнести фамиліи: Баскаковъ, Вялыхъ, Гонныхъ, Звѣгинцевъ, Легостаевъ, Малѣевъ, Раевскій, Старковъ, Сальтовскій, Торшинъ, Шестаковъ, Улаевъ, Фурсовъ и Чеботаревъ. Не будетъ ошибкой, если мы, не взирая на перечисленныя 14 фамилій, вычеркнемъ изъ счета всѣхъ 97 одиночекъ, а такъ какъ въ 9 случаяхъ однофамильныя одиночки повторяются въ двухъ деревняхъ, то коренныхъ однодворческихъ фамилій въ Фатежскомъ уѣздѣ надо считать не 503, какъ выше сказано, а всего 415, причемъ они составляютъ всего 9892 двора (въ среднемъ на 1 фамилію $23_{,6}$ двора).

Посмотримъ теперь на топографическое распредѣленіе фамилій. Нѣкоторыя фамиліи встрѣчаются только въ одномъ селеніи. Это самый неподвижный элементъ: имъ ничего не нужно—сидятъ они въ своей деревнѣ, какъ сидѣли ихъ отцы и дѣды, не нужна имъ даже наслѣдница въ сосѣднемъ селѣ, куда бы можно было «пристать въ зятья»; такая неподвижность вскармливалась на многоземельѣ и на полномъ отсутствіи стремленія къ чему бы то ни было новому. Счастье заключалось въ неподвижности,—черта чисто однодворческая. Она выработалась именно у однодворцевъ въ болѣе позднее время, когда получилась возможность сидѣть дома; прежде же, когда однодворцы еще не назывались этимъ именемъ, московское правительство не давало засиживаться на одномъ мѣстѣ низшему служилому сословію, оно заволакивало его «съ службы на службу». Быть можетъ утомленные этой службой въ XVII столѣтіи, служилые люди при первой возможности стали отсиживаться дома. Сидѣлъ же Илья Муромецъ сиднемъ тридцать лѣтъ и три года. Но то что много для одной

личности для цѣлаго сословія можно измѣрять столѣтіями. Я упомянулъ, что къ этой категоріи относятся большеземельные, а большеземелье у однодворцевъ—признакъ малой плодовитности. Но тѣмъ не менѣе многія фамиліи при всей своей неподвижности, разродились до значительныхъ предѣловъ; такъ родъ Комординыхъ состоялъ во время составленія владѣнной изъ 20 дворовъ въ одномъ селеніи, роды Голодниковыхъ, Хлыниныхъ, Шепелевыхъ изъ 21 двора, Непочатыхъ 23, Баниныхъ 25, Потаповыхъ 27, а Рязанцевыхъ даже 47. И какъ это расплодиться на 47 дворовъ и всѣмъ жить на одномъ и томъ же мѣстѣ! Всѣхъ фамилій, встрѣчающихся только въ одномъ селеніи, по уѣзду насчитывается 139 или 33,$_5$% то есть одна треть. Впечатлѣніе однодворческой неподвижности получится еще сильнѣе, если мы попробуемъ подсчитать тѣ фамиліи, которыя встрѣчаются только въ двухъ селеніяхъ; обыкновенно изъ метрополіи выходитъ одинъ дворъ въ зятья въ сосѣднее селеніе: въ д. Алябьевой 40 дворовъ Алябьевыхъ, а въ сосѣднемъ селѣ Хрѣновцѣ всего 1 дворъ Алябьева. Само собой понятно, что это зять не такъ давно пришедшій изъ Алябьевой, между тѣмъ, фамилія этого зятя, можетъ при подсчетѣ повліять на выводъ относительно подвижности рода Алябьевыхъ. Въ другомъ мѣстѣ мы видѣли, что существуетъ аналогичное явленіе въ жизни однодворцевъ, именно родовая замкнутость, благодаря которой къ 40 дворамъ Алябьевыхъ едва могли пристать по одному двору, Костинъ, Перьковъ и Шуклинъ. Итакъ, съ одной стороны, родовая замкнутость, съ другой, неподвижность привели къ тому, что въ уѣздѣ набирается до 92 фамилій, встрѣчающихся только въ двухъ селеніяхъ, а всего неподвижныхъ фамилій 231 или 55,$_6$% то-есть болѣе половины. Остальныя фамиліи распространены въ трехъ и болѣе селеніяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигли весьма значительнаго разпространенія, такъ фамилію Волобуевыхъ находимъ въ 16 селеніяхъ, Дьяконовыхъ въ 20, Чаплыгиныхъ въ 23; причемъ не всегда сопутствуетъ количественное распространеніе топографическому: Зубковыхъ въ 12 селеніяхъ 112, а Золотухиныхъ въ 11 всего 77; Умѣренковыхъ 100 дворовъ размѣщаются всего въ трехъ смежныхъ деревняхъ. Если число дворовъ каждой фамиліи, выставить числителемъ, а число селеній имѣющихъ тѣ фамиліи знаменателемъ, то такая дробь опредѣлитъ, такъ сказать, густоту распредѣленія фамилій; для уѣзда, оная выразится 7,$_{66}$ иначе говоря въ среднемъ можно найти въ фатежскомъ селеніи около 8 дворовъ носящихъ одну фамилію.

Для историка въ высшей степени интересно было бы знать, происходятъ ли однодворцы носящіе въ 10—12 селеніяхъ одну и ту же фамилію наприм., Овсянниковы, Гнѣздиловы, Бартеневы и проч., отъ одного родоначальника, или это только однофамильцы? Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь однодворческій родъ сохраняется всего въ одномъ селеніи,

(напр., въ д. Хлыниной 21 дворъ Хлыниныхъ), вопросъ не подлежитъ спору: однодворцы помнятъ что у нихъ былъ одинъ родоначальникъ, положимъ солдатъ Хлынинъ изъ Орловской губерніи, они знаютъ, что по немъ и они всѣ носятъ фамилію Хлыниныхъ, наконецъ, всѣ они владѣютъ въ одной дачѣ черезполосной землей, которая дошла до нихъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника: это несомнѣнно родственники. Когда же фамилія распространена въ трехъ-четырехъ селеніяхъ, часто значительно удаленныхъ другъ отъ друга, то вопросъ уже осложняется. Если однофамилецъ сосѣдней деревни до сихъ поръ владѣетъ землей въ своей метрополіи и это владѣніе занесено во владѣнную запись въ рубрику «постороннихъ владѣльцевъ», или если уже не владѣетъ, то сохранились какіе-либо акты прежде существовавшаго владѣнія, напр., старинныя купчія, промѣнныя, копіи съ рѣшеній суда и проч., то мы безошибочно должны признать помянутаго однофамильца родственникомъ. Но вѣдь невсегда сохраняются такіе факты, по которымъ можно съ достовѣрностью утверждать о родствѣ; достаточно вспомнить, что одно спеціальное размежеваніе могло прекратить всякія отношенія піонера съ своей метрополіей, а мало ли иныхъ факторовъ помимо межеваній вліяло на жизнь однодворцевъ. Посему въ высшей степени трудно дать отвѣтъ на поставленный вопросъ: однофамильцы или родственники однодворцы Овсянниковы? Тургеневъ зналъ эту фамилію и въ Орловской губерніи, какъ же послѣ этого судить о фатежскихъ Овсянниковыхъ? Что предки ихъ или вѣрнѣе часть предковъ пришла въ свое время изъ Орловской губерніи, это мы знаемъ изъ мѣстныхъ изслѣдованій земскихъ статистиковъ, но особенныхъ подробностей въ памяти крестьянъ не сохранилось, а иные источники въ родѣ писцовыхъ книгъ случайны и скудны: скудна вообще источниками исторія нашего крестьянства и избыть этой скудости мы подчасъ совсѣмъ не въ силахъ. Волей-неволей приходится удовлетворяться предположеніями, а еще чаще самыми смѣлыми гипотезами.

По складу однодворческой жизни, по историческому развитію института четвертнаго владѣнія я лично склоненъ предположить, что всѣ напр. Бартеневы Фатежскаго уѣзда—родственники, что также родственники фатежскіе Овсянниковы между собой и съ Тургеневскимъ однодворцемъ Овсянниковымъ. Но вѣдь это гипотеза и быть можетъ до смѣшного смѣлая [1]).

---

[1]) Мѣстные священники жалуются на чрезвычайную трудность разобраться въ однодворческой роднѣ: вѣнчаніе однофамильцевъ въ дозволенныхъ степеняхъ встрѣчается ежечасно; рѣже приходится просить спеціальнаго разрѣшенія архіерея, но иногда за хорошій гонорарій вѣнчаютъ подъ шумокъ и прямо-таки въ недозволенныхъ степеняхъ.

Раньше мы указали на родовую замкнутость однодворцевъ: иначе и быть не могло при наслѣдственномъ владѣніи землей; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда палата госуд. имущ. насильно приписывала постороннихъ лицъ къ однодворческимъ обществамъ, требуя надѣленія ихъ яко бы излишними землями, приписанные оставлялись безъ земли, ибо лишней ея не было: она вся шла по наслѣдству, а этотъ путь требовалъ кровнаго родства. А разъ главная основа—земля исключала вторженіе неродственныхъ элементовъ, то и вся жизнь однодворческая должна была окраситься въ кровную родовую исключительность. Ее мы и видимъ даже въ такихъ скудныхъ источникахъ, какъ приложенія къ владѣннымъ записямъ. Правда, нечасто въ Фатежскомъ уѣздѣ можно увидѣть деревню, которая цѣликомъ до сихъ поръ носитъ только одну фамилію.

Всѣ однодворческія селенія уѣзда по числу заимщиковъ, первоначально ихъ заселившихъ, можно распредѣлить на нѣсколько группъ. Въ первую войдутъ селенія имѣющія исключительно одну фамилію или точнѣе одного родоначальника. Такихъ селеній всего шесть,—а именно: д. Толмачеву населяютъ 11 дворовъ Толмачевыхъ, д. Дюмину — 34 двора Дюминыхъ, д. Толстую — 11 дв. Толстыхъ, д. Ершевку—8 дв. Ершевскихъ, д. Казюлькину—5 дв. Алферовыхъ и д. Львовку—8 дворовъ Протасовыхъ. Въ эти деревушки не вторглись даже зятья. Къ этой же группѣ слѣдуетъ, конечно, присоединить тѣ случаи, когда къ единому роду пристали зятья. Такимъ образомъ, сюда надо отнести: д. Мухину, въ которой къ роду Мухиныхъ присудился нѣкто Клесовъ, д. Сухочеву, которая состоитъ изъ 18 дв. Брежневыхъ и всего двухъ зятьевъ Басовыхъ; д. Кореневку, гдѣ сверхъ 40 дворовъ Кореневскихъ насчитывается дворъ Павлова и Лахтіоновой. То же въ д. Карелой, 37 номеровъ [1]) Карелыхъ, 3 Самсоновыхъ (старый зять) и по одному Владимірова и Косинова (позднѣйшіе зятья) [2]). Къ этой же группѣ надо отнести д. Наумовку, гдѣ 16 дворовъ Чуйковыхъ и дворъ Гвоздевой и д. Лукину, гдѣ 18 Лукиныхъ, 1 Коневъ и 1 Пронская.

---

[1]) Подъ номеромъ однодворцы разумѣютъ дворъ, внесенный въ приложеніе къ владѣнной записи.

[2]) Про д. Карелую разсказываютъ, впрочемъ, не сами однодворцы ее населяющіе, что сюда были сосланы Петромъ I, нѣсколько семей кареловъ. Это невѣрно, во-первыхъ потому, что эти семьи должны были бы различать себя разными прозвищами, а во-вторыхъ, и это главнѣй всего, однодворческій родъ Корелый или Корелыхъ жилъ здѣсь гораздо раньше Петра, что я могу доказать тѣмъ, что въ строельной книгѣ г. Хотмыжска 1640 г. (см. Матер. Боголѣя II, стр. 32), между прочимъ написано: „Курескъ, Михайло Даниловъ сынъ Бачуринъ, Данило Васильевъ сынъ Кореловъ“. Что дѣло шло здѣсь именно про нынѣшній Фатежскій уѣздъ, видно изъ того, что выше подъ рубрикой Курскъ помянуты Лахтеоновъ и Непочатой. Обѣ эти фамиліи, мы какъ увидимъ ниже, имѣются посейчасъ въ Фатежскомъ уѣздѣ. Значитъ Петръ I и не думалъ ссылать сюда какихъ-то карелъ.

Въ д. Нижней Огарковой мы находимъ 10 дворовъ Огарковыхъ по одному двору Копылова и Костина и 4 двора Судаковыхъ. По земскимъ изслѣдованіямъ мы знаемъ, что Нижняя Огаркова вышла изъ Большой Огарковой, при чемъ исчезло и неравенство между Судаковымъ (зятемъ) и Огарковыми: въ новомъ поселкѣ они заняли почти поровну—Огарковъ 45 четвертей, а Судаковъ 33. Копыловъ же и Костинъ позднѣйшіе зятья. Такимъ образомъ, Большая Огаркова должна быть отнесена къ этой группѣ, а Нижняя Огаркова къ иной, ибо въ ней фамилія Судакова дѣйствовала какъ самостоятельный заимщикъ, а не какъ зять. Въ д. Пеньковой заимщикомъ былъ Пеньковъ, теперь ихъ 62 двора, Амелинъ же (6 дв.) и Завалишинъ (5 дв.) пристали въ зятья изъ сосѣднихъ деревень въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но не раньше (земли мало у нихъ). Въ д. Поздняковой 15 дворовъ Поздняковыхъ, предокъ ихъ и былъ заимщикомъ, а 2 двора Брусенцева и 1 дворъ Луневой, ясное дѣло, позднѣйшіе зятья. Въ д. Ходыревкѣ, мы находямъ 15 дворовъ изъ знаменитаго (см. ниже), рода Ходыревскаго и 4 двора разныхъ фамилій. Въ д. Лоторевкѣ 33 дв. Лоторевыхъ, и 1 дв. Чернышева съ $7^3/_8$ дес. земли. Въ с. Разиньковѣ былъ одинъ заимщикъ Разиньковъ, родъ коего расплодился нынѣ на 55 дворовъ; затѣмъ присталъ къ нему, но по купчей, Ходыревскій изъ сосѣдней д. Ходыревки (нынѣ 8 дв.) и четыре позднѣйшихъ зятя разныхъ фамилій. Д. Рамонь имѣетъ 16 дворовъ Жировыхъ и 1 дв. зятя Чернышева. Въ Томлинѣ Колодезѣ находимъ 42 двора Бартеневыхъ и всего 1 дв. Иванова. Въ д. Крюковой—44 Крюковыхъ и 7 инофамильцевъ одиночекъ, въ Вышней Бартеневой—13 дворовъ Бартеневыхъ и 2 двора стараго зятя Сибилева. Небольшая деревушка Ольховый Гай была занята Чаплыгинымъ (нынѣ 8 дв.) и къ нимъ въ самое послѣднее время присталъ въ зятья Маракинъ, вѣроятно, изъ временнообязанныхъ. Въ д. Колупаевкѣ мы видимъ заимщикомъ Протасова (8 дв.) и двухъ зятьевъ одиночекъ. Въ д. Ниж. Ждановой заимщикомъ былъ Евсюковъ, ихъ теперь 7 дворовъ, а Рудневы (2 двора), Якунины (2 дв.), Бреховы (2 дв.) и Пальчиковъ (1 дв.)—зятья или покупщики XVIII вѣка. Въ д. Малой Ольшанкѣ, внесенной во владѣнную запись Ниж. Ждановой, мы находимъ тѣхъ же Евсюковыхъ, но всего 6 дворовъ, имъ принадлежитъ $113,_4$ дес., затѣмъ двумъ Зеновьевымъ по $7,_5$ дес. и двумъ Лысенковымъ—одному $5,_4$ дес., другому $10,_7$. Эта деревушка образовалась недавно, послѣ спеціальнаго размежеванія, и ея владѣльцы суть сборные сосѣди. Поэтому ее нельзя присоединить къ этой группѣ, но Жданова должна остаться. Въ д. Хардиковой мы находимъ 12 дворовъ Бартеневыхъ и 2 двора Разиньковыхъ. Въ Бартеневой на Хрѣновцѣ, тоже 22 дв. Бартеневыхъ и пять одиночекъ разнофамильцевъ. Въ д. Нов. Здобниковой—15 дв. Луневыхъ, предокъ коихъ и былъ заимщикомъ, отселясь отъ Старой Здобниковой, и три зятя одиночки, всѣ изъ ближнихъ деревень. Въ д. Плотнико-

вой, заимщикомъ былъ Евсюковъ (14 дв.) и старинный зять Руцкой изъ Вышней Ждановой. Въ д. Малой Жировкѣ на р. Курицѣ, до сихъ поръ все еще неразмежеванной, заимщикомъ былъ Жировъ, ихъ теперь 36 дворовъ, затѣмъ 5 дворовъ Толмачевыхъ, 3 дв. Пашковыхъ и по одному двору четырехъ разныхъ фамилій. Нельзя не отнести къ этой группѣ, д. Анпилогову—въ ней 11 дворовъ Анпилоговыхъ, 2 двора Калугиныхъ, 1 дв. Маковнева и 1 дв. Дурневой; дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: всей земли по приложенію къ владѣнной въ д. Анпилоговой 170 дес.; изъ этого количества у Маковнева всего $7^{8}/_{10}$, значитъ, онъ позднѣйшій—или старинный, но неплодовитый зять, при чемъ парнаго половинщика по описи не видать. Дурнева, имѣющая всего 3 дес., очевидно также наслѣдница. У Калугиныхъ по $10,_{2}$ дес. Такъ какъ ихъ уже два номера, то въ зятья присталъ ихъ отецъ, пришедшій изъ сосѣдней деревни Калугино-Сокололой, гдѣ и сейчасъ сохраняется 26 дворовъ Калугиныхъ. Но кому была половинщица Калугина, догадаться нельзя, такъ какъ у остальныхъ владѣльцевъ, парные участки не составляютъ $20,_{4}$ дес. ни въ одномъ случаѣ: здѣсь мы видимъ болѣе крупные пары, а именно $30,_{4}$ дес. $25._{2}$ дес., $28,_{5}$ и наконецъ $34,_{7}$; наименьшая сумма паръ равна 17 десятинамъ, наибольшій номеръ—$44^{1}/_{2}$ дес., но и ему нѣтъ пары. Несмотря на скудость этихъ данныхъ, мы все-таки должны заключить, что Калугинъ не былъ здѣсь заимщикомъ, ибо въ томъ случаѣ когда заимщикъ несильно плодился, представители его фамиліи имѣютъ помногу земли, а не 20 десятинъ на двухъ. Съ другой стороны, близость деревни, неселенной Калугиными, указываетъ откуда они взялись; во всякомъ случаѣ, если это не зять, то земля пріобрѣтена по купчей.

Скажемъ кстати и о д. Соколовой-Калугиной. Въ ней какъ мы знаемъ на 26 дворовъ Калугиныхъ приходится 7 дворовъ Лукъянчиковыхъ и 5 дворовъ Волобуевыхъ—это старыя зятья, затѣмъ два двора Тутовыхъ, это дѣти болѣе молодаго зятя, затѣмъ 7 зятьевъ одиночекъ или, вѣрнѣе, дѣтей отъ зятьевъ, ибо за зятьями четвертную землю нельзя писать; наконецъ три наслѣдницы Анпилогова, Лунева и Кривоносова, эти сами еще живы, значитъ моложе всѣхъ. Итакъ изъ 50 дворовъ рода Калугиныхъ эту фамилію носятъ только 26. Слѣдовательно, Калугины вымираютъ въ мужской линіи; правда въ д. Прилѣпахъ, какъ мы увидимъ ниже, вымираніе идетъ еще быстрѣй, но до с. Игина все-таки еще далеко.

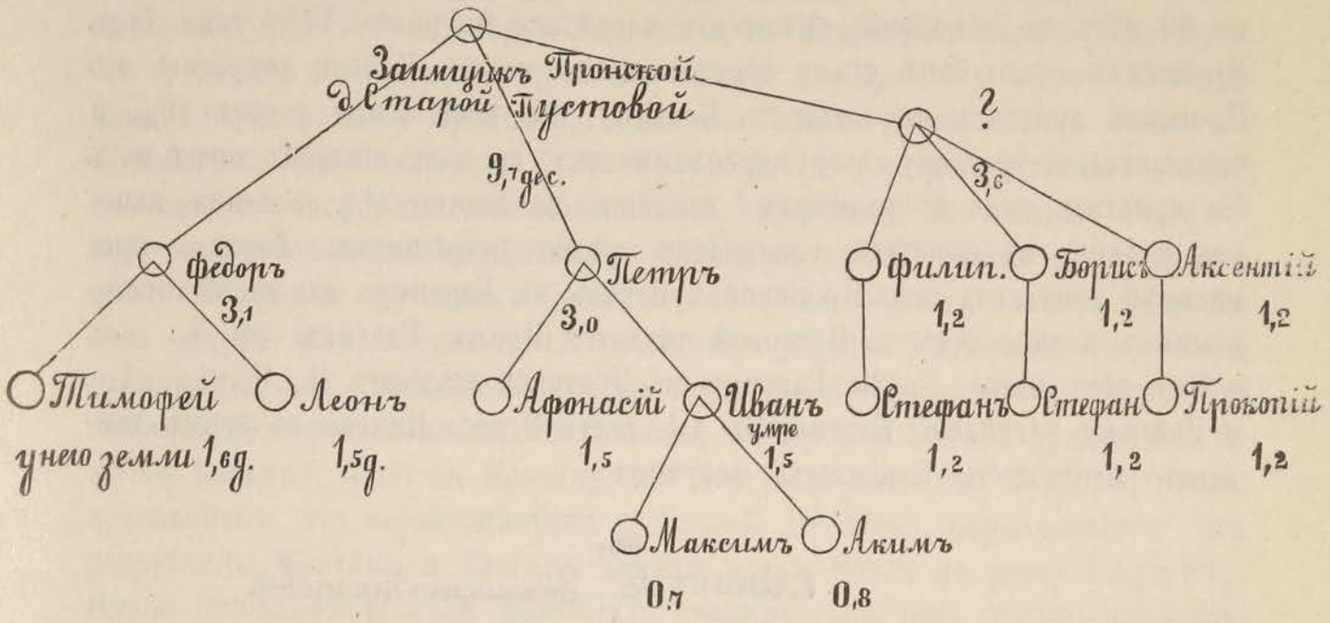
Присоединивъ къ этой группѣ помянутыя нами д. Алябьеву и Стар. Головинку, а также д. Костину, въ коей на 27 дв. Костиныхъ имѣется 8 зятьевъ одиночекъ, мы найдемъ, что 35 селеній Фатежскаго уѣзда, составляютъ такъ называемыя однофамильныя однодворческія общины. Родовая замкнутость составляетъ типичную черту такой общины. Но если это качество мѣшаетъ постороннему вторженію, то изъ этого нельзя за-

ключить, чтобы фамиліи этихъ селеній остались неподвижны, наоборотъ, нѣкоторые изъ нихъ не прочь пристать въ зятья въ чужую деревню или инымъ способомъ поискать себѣ земельки на сторонѣ. Это дало намъ возможность, разобраться въ селеніяхъ второй группы. Къ ней мы отнесли такія селенія, въ коихъ насчитывается два-три заимщика и во всякомъ случаѣ не болѣе четырехъ. Это такъ называемыя разнофамильныя четвертныя общины.

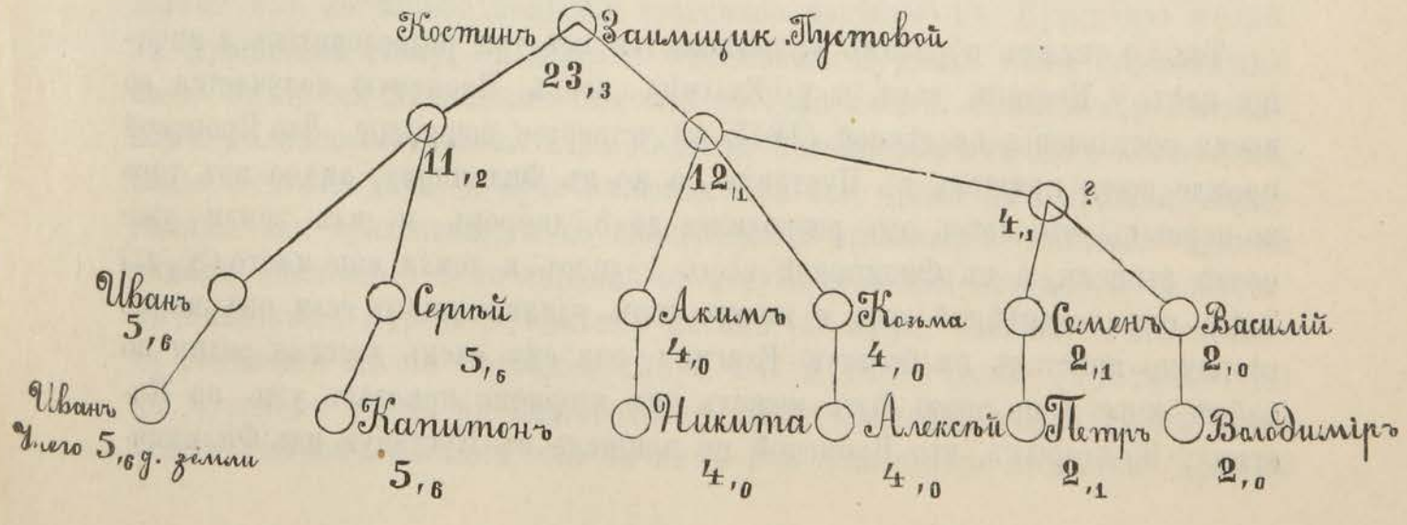
Начнемъ описаніе съ тѣхъ селеній, гдѣ было всего два заимщика. Въ д. Пронской (Дмитр. вол.) были заимщиками Пронской и Потаповъ. У обоихъ фамиліи громкія, очевидно это дворяне и ужъ конечно дѣти боярскія. Изслѣдователи не выяснили, откуда и когда пришли эти первозаимщики. Просматривая эти фамиліи, по Фатежскому уѣзду, мы находимъ, что Потаповы встрѣчаются только въ д. Пронской—это неподвижный родъ, тогда какъ Пронскихъ можно встрѣтить какъ на самомъ сѣверѣ уѣзда въ Самодуровкѣ, такъ и на самомъ югѣ, въ Разиньковой, правда, всего по одному двору. Столько же мы найдемъ въ Елагиной и 8 дворовъ въ Старой Пустовой. Значитъ это родъ предпріимчивый, подвижной. Поэтому-то въ д. Пронской Потаповыхъ 27 дворовъ, а Пронскихъ всего 5: высылая членовъ своихъ въ зятья въ чужія деревни родъ Пронскихъ въ своей метрополіи долженъ оказаться болѣе слабымъ. Мало того, принятый очень давно Пронскимъ зять Дурневъ, изъ д. Дурневой (Бол. Жир. вол.) нынѣ уже имѣетъ 5 дворовъ. Если заглянемъ во владѣнную запись д. Дурневой, то въ ней найдемъ также двухъ заимщиковъ: 8 дворовъ Дурневыхъ и зять Еськовъ (у послѣдняго 20 дес. земли), и у другаго заимщика Козлова 6 дворовъ.

Въ предѣлахъ Здобниковской волости есть деревня Елагина, Филиппова тожъ, а неофиціально и Костина тожъ. Заимщикомъ былъ Елагинъ (впослѣдствіи клятый старовѣръ). Онъ поселился въ этомъ глухомъ лѣсномъ мѣстѣ; къ нему сейчасъ же присоединились Костинъ и Бабинъ, неизвѣстно откуда. Елагинъ занялъ 60 четвертей, а Костинъ съ Бабинымъ по 100; такъ разсказываютъ однодворцы. Нынѣ въ д. Елагиной 27 дв. Елагиныхъ, 26 Костиныхъ, 1 дв. Пронского съ $8,_2$ десятинами и еще три одиночки, съ еще меньшей землей. Бабиныхъ вовсе нѣтъ, этотъ родъ давно вымеръ, и земля его распредѣлена между Костиными и Елагиными. Но вотъ въ началѣ XVIII вѣка Петровы сыщики пришли къ Елагину взять дѣтей въ рекруты. Двумъ молодымъ старовѣрамъ Елагину и Костину не хотѣлось идти на службу къ антихристу, и они сбѣжали по сосѣдству въ глухой лѣсъ и тамъ долго скрывались. Такимъ образомъ произошла новая деревушка Старая Пустовая. Елагинъ и Костинъ сѣли въ послѣдней и къ нимъ по владѣнію захваченной безъ дачъ земли присоединились однофамильцы изъ своей деревни. Впослѣдствіи, когда не было нужды укрываться, Елагинъ перешелъ назадъ, въ свое родное селеніе д. Филиппову, дворъ же Костина остался «на похоронныхъ усадь-

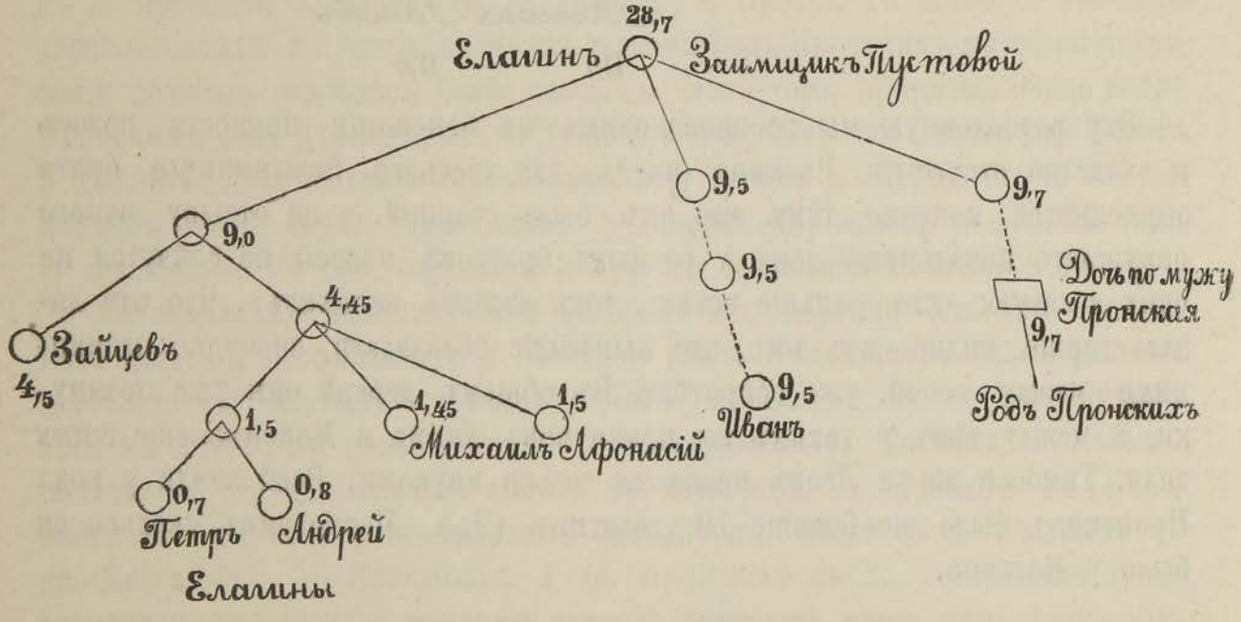
бахъ». Но почему нынѣ въ Старой Пустовой числится 6 дворовъ Костиныхъ и 8 дв. Пронскихъ, Елагины же занесены въ запись, какъ посторонніе владѣльцы? По приложенію къ владѣнной записи легко вывести родословную въ д. Пустовой; изъ этой родословной видно, что оба рода, какъ Пронскаго такъ, и Костина, плодились очень туго.



Эту родословную мы воспроизводимъ на основаніи парности полосъ и сходства отечествъ. Разница на $^{6}/_{10}$ для третьяго безымяннаго брата объясняется конечно тѣмъ, что онъ былъ старшій, а по отзыву одного окружнаго начальника даже у родныхъ братьевъ полосы не сойдутся на одну десятую: «кто раньше всталъ, тотъ лишнее запахалъ». Что эта линія старше, видно изъ того, что нынѣшніе обладатели, очевидно племянники между собой, уже осиротѣли. Въ общемъ деревѣ они уже правнуки, а между тѣмъ у такихъ же правнуковъ Акима и Максима еще живъ дядя. Тимоѳей же и Леонъ являются только внуками. Всей земли у рода Пронскихъ было не больше 10 десятинъ (9,7). Посмотримъ сколько ея было у Костина.



И опять у старшей линіи больше земли, но теперь уже больше на одну десятину; быть можетъ заимщикъ на старости лѣтъ, раздѣливъ своихъ сыновей «пошелъ» съ однимъ изъ нихъ, для чего взялъ себѣ «десятинку на пропитаніе». Это часто дѣлается у однодворцевъ. Такъ или иначе, но въ лучшемъ случаѣ заимщикъ оказывается пра-прадѣдомъ то-есть, считая по 30 лѣтъ на поколѣніе, онъ сталъ плодиться не ранѣе 1750 года. Родъ Пронскихъ стало быть сталъ плодиться еще позже. Нельзя допустить что Пронской присталъ въ зятья къ Костину, ибо всей земли у него $9_{,6}$, и слѣдовательно третьему сыну первозаимщика, на дочь котораго онъ и могъ бы пристать, судя по размѣрамъ владѣнія, не додано $2^1/_2$ десятинъ, каковая разница въ парныхъ владѣніяхъ рѣдко встрѣчается. Гораздо правильнѣй допустить, что Пронской присталъ на Елагину: въ числѣ постороннихъ владѣльцевъ д. Пустовой числится Иванъ Елагинъ съ $9_{,7}$ дес. и ему нѣтъ пары. Другіе Елагины въ Пустовой владѣютъ $0_{,8}$, $0_{,7}$, $1_{,45}$, $1_{,5}$, и Зайцему уступлено Елагинымъ $4_{,5}$, всего 9 дес. Нанося по этимъ даннымъ родословную Елагиныхъ получимъ.



Только такимъ образомъ уравниваются всѣ три родословныхъ, а именно: какъ у Костина, такъ и у Елагина чрезъ Пронскую получается во время составленія владѣнной (1872 г.) четвертое поколѣніе. Что Пронской прежде всего пришелъ въ Пустовую, а не въ Филиппову, видно изъ того во-первыхъ, что здѣсь онъ разродился до 8 дворовъ и изъ земли уже почти вышелъ, а въ Филиповой всего 1 дворъ и земли еще много ($8_{,2}$ д.) Здѣсь онъ позднѣйшій зять и ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ вновь вторично присталъ на богатую Елагину, она ему очень далекая родня по бабкѣ, хотя я не знаю быть можетъ онъ вторично присталъ уже на Костину. Во-вторыхъ, что Пронской не пришелъ въ Пустовую изъ Филиппо-

вой, видно изъ того, что въ числѣ постороннихъ владѣльцевъ въ Филипповой значатся 1 Завалишинъ и 1 Долженковъ изъ Шуклиной, Курскаго уѣзда, и 6 Костиныхъ изъ Пустовой; мы знаемъ, что Костинъ здѣсь владѣлъ до побѣга въ Пустовую, поэтому и теперь его потомки владѣютъ здѣсь, а пишутся посторонними, конечно потому, что не живутъ въ Филипповой, а живутъ въ Пустовой, гдѣ и въ подушный окладъ положены. Въ третьихъ, что Пронской пришелъ прежде въ Пустовую видно изъ владѣнной записи по д. Пронской. Здѣсь въ числѣ постороннихъ значится 6 номеровъ Пронскихъ изъ Стар. Пустовой. Это уже такое доказательство, противъ коего спорить невозможно: зять, приставая въ чужую деревню, вопреки требованіямъ позднѣйшаго закона не рвалъ связи съ роднымъ селеніемъ; какая ему нужда бросать тамъ свою родовую землю; хорошо если будутъ дѣти, а если жена наслѣдница умретъ бездѣтной, вѣдь тогда племянники или двоюродные братья жены отберутъ землю у зятя. Изъ сопоставленіи родословныхъ мы знаемъ, что Пронской могъ пристать только на Елагину, а не на Костину, что это было лѣтъ за 90 до 1872 года, и, наконецъ, что первозаимщики д. Старой Пустовой, скрывавшіеся отъ рекрутчины, Костинъ и Елагинъ заняли землю почти по ровну $22_{,3}$ и $28_{,7}$. Иначе говоря, эта заимка произошла сравнительно такъ поздно, что заимщики считали уже необходимымъ поравнять *на дворы* свое новое, правда воровское владѣніе. Случись это раньше на основаніи грамотъ изъ помѣстнаго приказа былъ бы примѣненъ иной способъ разверстки «противъ дачъ», а не на дворы. Итакъ деревня Старая Пустовая не смотря на свое названіе одна изъ самыхъ молодыхъ въ Фатежскомъ уѣздѣ... впрочемъ есть въ уѣздѣ деревня и еще моложе.

Во время мѣстныхъ изслѣдованій въ 1883 г. мнѣ удалось въ д. Елагиной снять нѣсколько копій съ разныхъ документовъ хранящихся у Елисея Ѳедорова Костина. Одинъ изъ документовъ настолько важенъ для выясненія интересующихъ насъ вопросовъ, что я привожу его цѣликомъ. Копія съ копіи. Изъ правительствующаго сената къ герольдмейстерскимъ дѣламъ изъ вотчинной комиссіи требовано извѣстіе: въ Курскомъ уѣздѣ въ Курицкомъ стану, въ деревнѣ Филиповой, Куркина тожъ, за помѣщиками Филипомъ Ивановымъ сыномъ, да Герасимомъ, Семеномъ и Емельяномъ Филиповыми дѣтьми и за Авдѣемъ Селуяновымъ сыномъ Костиными, какія имѣются дачи, и буде имѣются, отъ кого оныя имъ пришли, жалованныя или купленныя, и по писцовымъ и отказнымъ книгамъ какими чинами написаны. А по справкѣ въ государственной вотчинной коллегіи въ писцовыхъ Курскихъ книгахъ письма и мѣры Степана Уньковскаго да подъячаго Ивана Коровина 136 и 137 и 138 годовъ (1628—30 г.) въ Курскомъ уѣздѣ, въ Подгороднемъ стану, написано за Филипомъ Ивановымъ сыномъ Костина, что за нимъ изъ Савостина помѣстья Прями-

цына по выписи съ книгъ письма Костентина Апухтина да подъячаго Ѳедора Кунакова 129 году (1621 г.) жеребей деревни Прямициной [1]) на рѣкѣ Семи; на его жеребей два двора крестьянскихъ пустыхъ, старыя пустоты, пашни перелогомъ три четверти, да дикаго поля и дубровы пашенныя четыре четверти и обоего семь четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ. Да въ Курицкомъ стану за Филипомъ Ивановымъ сыномъ Костина по выписи изъ дозорныхъ книгъ письма Константина Апухтина да подъячаго Ѳ. Кунакова 128 и 129 года старое его помѣстье жеребей деревни Костиной, подъ лѣсомъ подъ Страшнымъ (такое урочище есть и нынѣ близь Елагиной) въ вышнюю сторону колодезя на Рагозенскомъ отвершку (есть) и съ тѣмъ, что по его сказкѣ Киреевское помѣстье Карпѣева, на его жеребей старое его помѣстье, дворъ помѣщиковъ, во дворѣ крестьянъ: Куземко Филиповъ съ пасынкомъ Авкою (Савкою?) Степановымъ да съ племянникомъ съ Олешкою, да Ильюшка Васильевъ сынъ Райковъ (потомство его выкуплено казной изъ числа однодворческихъ крестьянъ въ 40-хъ годахъ) съ братомъ Богданомъ; да бобыльскихъ дворовъ во дворѣ Поликарпикъ Осиповъ сынъ Тертой съ братомъ съ Серешкою да съ Лукъяшкомъ, во дворѣ Акимко Максимовъ съ племянникомъ съ Ивашкою Кузминымъ» и т. д. еще нѣсколько. «Да пустыхъ крестьянскихъ дворовъ: дворъ Кирюшки Иванова, а онъ бѣжалъ въ Камарицкую волость въ 135 году (1627), дворъ Ивашки Федорова сына Лесненикова (?) а онъ вышелъ на Орелъ въ свое помѣстье, дворъ Фетки Трафимова, а онъ бѣжалъ въ Рыльскій уѣздъ безвано (?), дворъ Ивашки Семенова сына Смельскаго (Смѣтскаго?) а онъ написался въ кормовыя дѣти боярскія. На Киреевомъ помѣстьи Карпеева мѣсто дворовое помѣщиково, пашни паханыя 14 четьи, да перелогомъ 30 четьи, да дикаго поля и дубровы пашенныя 56 четьи въ поли, а въ дву потому жъ, сѣна по дикому полю и по дубровѣ 200 копенъ. Сѣно и лѣсъ вопче съ Абакумомъ Бабинымъ да съ Дмитріемъ Елагинымъ противъ дачъ черезъ десятину [2]).

Изъ этого документа мы усматриваемъ, что мѣстность, нынѣ занимаемая Фатежскимъ уѣздомъ, во второй четверти XVII столѣтія тяготѣла уже на югъ, составляя станъ г. Курска; что мѣстность эта была уже заселена съ начала того столѣтія довольно густо. Если Костинъ имѣлъ такъ много крестьянъ и бобылей, то нѣтъ основанія отрицать, что тѣ и другіе были и у совладѣльцевъ Бабина и Елагина. Костинъ, какъ видно изъ того же документа, уже имѣетъ поползновеніе передвинуться поюжнѣй: съ 1621 года за нимъ уже записанъ жеребей д. Прямициной на р. Семи, значитъ,

---

[1]) Дер. Прямицина и сейчасъ есть въ Курскомъ уѣздѣ.

[2]) Копія эта написана безграмотно, буква ять отсутствуетъ, предлоги слиты. Копія писана въ 1829 г., засвидѣтельствована.

Костинъ продвинулся на югъ верстъ на 50. Правда въ Прямициной жить еще нельзя, крестьянскіе дворы представляютъ «старыя пустоты», земли нѣтъ паханой. Этому новому починку Костина противополагается «старое его помѣстье» въ нынѣшнемъ Фатежскомъ уѣздѣ. Здѣсь уже 14 четвертей въ запашкѣ, есть много крестьянъ и болылей, есть совладѣльцы, опредѣлена даже форма землевладѣнія этихъ совладѣльцевъ: покосъ и лѣсъ вопче противъ дачъ черезъ десятину—очевидно есть уже и поярусная разверстка пахоти. Фатежскій уѣздъ является уже настолько густонаселеннымъ, что поставляетъ новыхъ поселенцевъ въ другія мѣста; мало того, что самъ Костинъ передвигаетъ свое владѣніе въ д. Прямицину, часть его крестьянъ разбѣжалась: одинъ въ Рыльскъ, другой на свое помѣстье въ Орелъ, стало-быть тамъ получилась возможность жить покойно, третій въ Камарицкую волость, значитъ пристроился въ драгуны, а четвертый записался даже въ кормовыя дѣти боярскія: нѣсколько лѣтъ службы и онъ будетъ испомѣщенъ гдѣ нибудь около Обояни или Карпова. Изъ разспросовъ мы узнаемъ, что въ д. Прямицину сошло три дѣда: Авдѣй, Емельянъ и Семенъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, когда именно это произошло: сопоставляя имена этихъ первозаимщиковъ съ именами выставленными въ началѣ документа можно считать, что въ Прямицину ушли два сына Филиппа Семенъ и Емельянъ и очевидно племянникъ Авдей Селуяновъ; въ Елагиной же остался старшій сынъ Герасимъ и отецъ его Филиппъ Ивановъ. Уйти такъ—былъ прямой разсчетъ, ибо уходившимъ нечего было бояться того, что въ Прямициной мало земли: они могли занять новые починки и справить ихъ за собой по своимъ служилымъ окладамъ. Что около Семи въ то время и даже позже было много еще земли и что занять ее служилому человѣку было нетрудно, видно изъ одного документа случайно списаннаго мною въ одномъ межевомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ документъ. «Съ выписи копія. Выпись съ Курскихъ отказныхъ книгъ отказу курченина Вавилы Стрекалова. И въ отказныхъ книгахъ написано лѣта 7153 гота (1645 г.) августа въ 3 день по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Русіи указу и по грамотѣ изъ помѣстнаго приказа за приписью дьяка Ивана Ладыжкина (?) и по наказной памяти стольника и воеводы Федора Михаиловича Ладыженскаго, по челобитью Курченина сына боярскаго Ивана Алексѣева Рыжкова, Курченинъ Вавила Стрекаловъ, взявъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, въ Курскій уѣздъ въ Тускарскій станъ на рѣку на Семь, съ русскія стороны, съ большой поляны выша Павла Гридасова съ товарищи на дикое поле на 50 четвертей ѣздилъ и про то дикое поле сыскивалъ всякими сыски накрѣпко и по г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, и по грамотѣ, и по обыскомъ то дикое поле измѣривъ на 50 четвертей отъ большой поляны на гору по рѣкѣ по Семи выше Павла Гри-

дасова съ товарищи, до Милавскаго сторожевья и на гору по Деревскому верху въ лѣса въ Большія и въ Малыя Дерева, отказалъ Ивану Алексѣеву сыну Рыжкову 50 четвертей къ *старому его помѣстью къ тринадцати четвертямъ съ третникомъ* въ его окладъ въ 350 чет. въ помѣстье и со всѣми угодьи, сѣна по дикому полю, и по дубровѣ, и по лугамъ 100 копенъ, да въ угодье берегъ рѣки Семи по ихъ помѣстной землѣ отъ большей поляны до Милавскаго сторожевья рыбная ловля... а усада тому помѣстью межъ Павла Гридасова да Василья Захарова, а пашня пахать, и сѣно косить, и въ лѣса въѣзжать вопче съ Павломъ Гридасовымъ съ товарищи черезъ десятину противъ дачъ; и на то ему Ивану помѣстье Курченинъ Вавила Стрекаловъ съ отказныхъ книгъ выпись далъ. Къ сей выписи Вавила Стрекаловъ руку приложилъ».

Ничто не мѣшало и сошедшимъ въ д. Прямицину Костинымъ поступить такъ же, какъ поступилъ Рыжковъ. При поселеніи у Рыжкова было всего $13^1/_3$ четв. земли, потомъ онъ просилъ придачи въ свой окладъ и ему дали еще 50 четей; затѣмъ есть подобная же выпись отъ 1676 года, по коей тому же Рыжкову дано еще 65 «четвертей въ тѣхъ же урочищахъ порожжіе земли, что оставалось сверхъ дачъ Василья Гридасова съ товарищами». Это былъ общій порядокъ, установленный для пріиска помѣстій; конечно, онъ былъ извѣстенъ и Костинымъ, ушедшимъ въ д. Прямицыну. На Семи въ описываемое время рядомъ съ дѣтьми боярскими поселившимися, какъ Гридасовъ «съ товарищи», начинали уже селиться и одиночки въ родѣ Рыжкова. Достойно вниманія, что земля имѣется сначала за Павломъ Гридасовымъ съ товарищи, а позднѣе за его сыномъ уже Васильемъ Гридасовымъ съ товарищи: такимъ образомъ, наслѣдство идетъ какъ бы по главному товарищу, осадчему, атаману, но само собой понятно, что эта формальность не уничтожаетъ правъ остальныхъ товарищей по заимкѣ.

Въ д. Елагиной нами снято еще двѣ копіи позднѣйшаго времени. По одной племянникъ сдѣлалъ съ дядями условіе, по коему «уступилъ (въ 1815 г.) имѣющуюся у него въ упомянутой деревнѣ Филипповой во всѣхъ дачахъ землю жалованную, предковскую, отцовскую и пріоброченную, словомъ сказать, всю безъ остатку.... съ тѣмъ, чтобы они дяди мои Савелій и Титъ, и дѣти ихъ, слѣдующія за мою душу казенныя подати и всякія повинности, какъ и прежде сего они за меня Михайлу платили бездоимочно, такъ и съ сего времени платить до будущей ревизіи, да еще получить мнѣ съ нихъ же уговорныхъ денегъ 250 рублей» и т. д. Уступку эту племянникъ дѣлалъ того ради, что жительство имѣлъ въ Курскѣ своимъ домомъ и занимался «торговымъ промысломъ.» Изъ другаго документа (1818 г.) мы узнаемъ дальнѣйшую исторію землевладѣнія въ д. Елагиной. Несмотря на вышеуказанную сдѣлку съ дядями своими Савеліемъ и Титомъ Костиными, Михайло Костинъ перепродалъ землю Науму

Елагину и Леону Костину. Въ фатежскомъ уѣздномъ судѣ слушали это дѣло и положили такую резолюцію: «однодворецъ Михайло Костинъ при совершеніи купчей, значущуюсь въ оной землю продаваемую имъ.... изъяснилъ въ оной купчей, что на той землѣ въ подушный окладъ никто не положенъ. Но изъ показанія обыскныхъ людей подъ присягою оказалось, что та земля есть того селенія, на коей предки продавца съ родственниками въ подушномъ окладѣ состояли, и что проситель Савелій Костинъ за общую сказку поставилъ въ рекруты своего сына и оплачивалъ государственныя подати бездоимочно; законами жъ тягловыхъ земель продажа воспрещается, и потому оныя купчія почесть ничтожными и объ уничтоженіи представить курской палатѣ гражданскаго суда съ доношеніемъ, а владѣющимъ по онымъ купчимъ, реченнымъ Елагину и Костину, отъ владѣнія землею отказать и предоставить оную по ближайшему родству и подверженію отбыванія повинностей—Савелью съ братомъ его Костинымъ. Почесть дѣло сіе рѣшеннымъ и положить въ архивъ.» Такимъ образомъ, прошло то время, когда можно было «предковскую помѣстную землю» продавать кому угодно: теперь уже оная «пріоброчена» и ее можно уступать за подати и повинности только «по ближнему родству». Ушедшій въ городъ Михайло Костинъ, порвавши связи съ землей, хотѣлъ обойти законъ о тягловой землѣ, но это ему не удалось. Этимъ закономъ сильно поддерживалась родовая замкнутость четвертной общины и благодаря этому вторженія помимо позятьевщины были затруднены до крайности.

Относительно д. Елагиной, намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о сосѣднемъ селеніи д. Костиной, упомянутой нами въ первой группѣ. Въ ней, какъ знаемъ, 27 дворовъ Костиныхъ и 8 дв. зятьевъ одиночекъ. Въ числѣ Костиныхъ есть неслужащіе дворяне. Къ сожалѣнію, не выяснено, какъ образовалась эта деревушка: быть можетъ это и есть Киреево помѣстье Карпѣева; вопросъ затемняется еще тѣмъ, что постороннихъ въ д. Костиной вовсе нѣтъ: быть можетъ они устранены при спеціальномъ размежеваніи. Другая сосѣдняя деревня, Стар. Здобникова, заселена также Костиными (24 дв.) и Луневыми (33 дв.) плюсъ нѣсколько зятьевъ одиночекъ. И здѣсь не выяснено, откуда взялся Костинъ. Такъ или иначе, но вопросъ этотъ остается открытымъ.

Чтобы покончить съ остальными приведенными фамиліями, мы должны еще остановиться на одномъ селеніи, которое слѣдовало бы отнести въ слѣдующую группу, потому что въ ней три заимщика. Деревня эта называется Головиной [1]) (Здобн. вол.). Первый заимщикъ былъ, конечно, Головинъ, нынѣ расплодившійся на 5 дворовъ; затѣмъ самостоятельно занялъ тутъ же помѣстье Разстригинъ, тоже нынѣ 5 дворовъ. Эта фамилія

---

[1]) Деревню эту нельзя смѣшивать съ Головинкой, Нижн.-Реутк. вол.

принадлежитъ, конечно, къ духовнымъ и попала она сюда въ число боярскихъ дѣтей послѣ извѣстнаго указа царя Алексѣя о верстаньи «поповскихъ дѣтей». Третьимъ заимщикомъ былъ нашъ знакомый Пронской разродившійся до 6 дворовъ и принявшій въ зятья сначала Дериглазова (3 дв.), залѣмъ Волобуева (1 дв.). Что все это такъ и было, видно прямо изъ владѣнной записи. Въ самомъ дѣлѣ, у Головиныхъ $72_{,4}$ дес. земли, у Разстригина 58, у Пронскихъ $50_{,4}$, у Дереглазовыхъ 10 и у Волобуева $2_{,5}$. Сложивши землю трехъ послѣднихъ фамилій, получимъ $62_{,9}$ дес. Но здѣсь же, въ дачѣ пустоши Пронской у нихъ же, и только у нихъ, есть еще $13^1/_2$ десятинъ, значитъ, всего 75 или 76 десятанъ. По присутствію Дереглазова и Волобуева въ этой пустоши можно безъ ошибки заключить, что они зятья именно Пронскихъ, а не Разстригина [1]). Что Пронской былъ самостоятельнымъ заимщикомъ, а не приставъ въ зятья, какъ любили дѣлать другіе члены этой фамиліи, видно изъ того, что имѣется особая пустошь Пронская, носящая имя заимщика. Въ числѣ постороннихъ д. Головиной значится 12 №№ изъ д. Кореневки, у нихъ всего около 13 десятинъ. Это наслѣдница изъ рода Разстригина была выдана въ сосѣднюю деревню Кореневку замужъ. Прилагая землю Кореневскихъ къ Разстригинской, мы получимъ также около 71 дес. на заимщика. Слѣдовательно, всѣ три заимщика заняли землю поровну, а это на ряду съ фамиліей Разстригина указываетъ на болѣе позднюю заимку, примѣрно въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Неизвѣстно, откуда пришелъ заимщикъ Разстригинъ, но если Пронской пришелъ неиздалека, то Головинъ долженъ былъ прйдти изъ старой или новой Головинки, съ сѣвера уѣзда, верстъ за 35—40.

Къ этой же группѣ принадлежитъ помянутая нами раньше деревня Стоянова. Мы уже знаемъ про нее, что заимщикомъ былъ Марко Стояновъ Завалишинъ. Но рядомъ съ нимъ осѣлъ его родственникъ, вѣроятно племянникъ, другой Завалишинъ и Катунинъ. Нынѣшніе однодворцы этой деревни разсказываютъ, что у Марка было 100 четвертей, у другого Завалишина 80 и у Катунина 70. На мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ удалось списать отрывки изъ плохо сохранившейся выписи, сберегаемой Егоромъ Ивановымъ Завалишинымъ. Вотъ что можно было прочесть въ ней: «по переписнымъ книгамъ 186 году (1678) написано: за недорослемъ..... Марковымъ сыномъ Стояновымъ, онъ шести лѣтъ, по приправочнымъ платежнымъ книгамъ 136 году, отца его помѣстье жеребей деревни Стояновой на рѣкѣ Рагознѣ.... на его жеребей дворъ да крестьянъ во дворѣ,.....

---

[1]) Что Дериглазовы и Волобуевъ зятья Пронскихъ, видно также изъ владѣнной записи сосѣдней деревни Хлыниной, гдѣ они всѣ числятся посторонними. Очевидно, бабка или прабабка Пронскихъ была тамъ наслѣдницей и происходила изъ рода тамошнихъ заимщиковъ Хлынина или Волобуева, но скорѣе послѣдняго, такъ что Волобуевъ въ Головиной можетъ считаться повторнымъ зятемъ.

пашни паханой десять четвертей да перелогомъ 30..... (далѣе сгнило большое пространство строкъ на пять). За Сафономъ Даниловымъ сыномъ Завалишинымъ по выписи съ отказныхъ книгъ воеводы Степана Уньковскаго 137 году (1629) Марково помѣстье Стояново.... (не разобрать за ветхостью) за Иваномъ Осиповымъ сыномъ Катунинымъ по выписи съ отдѣльныхъ книгъ городоваго приказчика Семена Кадманова 123 году.... (1615 г.)..... (разобрать уже вовсе нельзя). Несмотря на всѣ эти дефекты въ документѣ, мы узнаемъ изъ него, что д. Стоянова была уже населена въ 1615 году. Вся она дѣлилась на три жеребья, такое дѣленіе сохранилось и посейчасъ. Помимо двухъ заимочныхъ фамилій (22 дв. Завалишиныхъ и 46 Катуниныхъ), мы видимъ въ д. Стояновой по одному двору Позднякова и Гостева, по 4 двора Муханова и Евдокимова, и 3 двора Ширкова—все это фамиліи сосѣднихъ однодворцевъ зятьевъ. Родъ Катуниныхъ принадлежитъ къ неподвижнымъ фамиліямъ, одинъ разъ мы встрѣчаемъ одинъ дворъ въ вымирающей деревнѣ Кромской въ недалекомъ разстояніи отъ Стояновой, и другой разъ находимъ 4 двора въ сборной деревнѣ Б. Жировой. Родъ Завалишиныхъ нѣсколько подвижнѣй: мы видѣли, что одна изъ деревушекъ носитъ названіе Завалишиной, причемъ фамилія эта здѣсь вымерла и земля пошла по женской линіи; далѣе, приставшій въ зятья въ д. Пенькову Завалишинъ разродился на 6 дворовъ; столько же дворовъ образовалось у другого зятя, ушедшаго въ д. Фаустову Льговскаго уѣзда. Къ этой же группѣ мы должны отнести еще одну интересную деревню—Хлынину. Здѣсь было также два заимщика, Хлынинъ (21 дв.) и Волобуевъ (28 дв.). Первый до крайности неподвижный родъ, второй наоборотъ: фамилію Волобуева мы встрѣчаемъ еще въ 10 селеніяхъ. Больше всего Волобуевыхъ въ сѣверо-восточномъ углѣ уѣзда въ д. Заболоцкой (26 дв.). Эта фамилія пришла оттуда сначала въ с. Солдатское [1]), откуда уже могла попасть въ д. Хлынину, въ Хрѣновецъ, въ Холчи, наконецъ, въ Курскій уѣздъ, въ деревню своего имени. Какъ бы ни было, но въ Хлыниной эта фамилія осѣла очень давно; это видно изъ того, что при 28 дворахъ minimum земли дошелъ уже до $0,_3$ дес. а maximum держится на $21,_8$ дес. У рода Хлыниныхъ отклоненіе это гораздо меньше minimum $1,_3$, maxim. $14,_2$ дв. Здѣсь мы находимъ крупныхъ зятьевъ: у Долженкова $20,_5$ дес., у Зеновьева $20,_5$ дес. и у Зеновьевой $21,_3$ дес. Тѣмъ не менѣе, Зеновьева нельзя считать самостоятельнымъ заимщикомъ—этотъ родъ господствуетъ въ сосѣдней д. Кромской, но и тамъ онъ въ зятьяхъ. Всей земли у рода Волобуева 185 дес., у Хлынина 129 дес. если прибавить землю зятьевъ $62,_3$ дес. то получится почти поровну, осо-

---

[1]) На мѣстныхъ изслѣдованіяхъ однодворцы называли заимщика Хлынина также солдатомъ, пришедшимъ изъ Орла.

бенно если вспомнимъ, что часть земли Волобуевыхъ ушла, какъ приданое въ д. Головину. Страшный контрастъ въ наслѣдственныхъ доляхъ указываетъ на то, что плодовитость линій въ обоихъ родахъ весьма различна; приставшіе же зятья очевидно плодятся весьма туго, такъ какъ ихъ доли превышаютъ верхній предѣлъ родовыхъ долей. Такъ впрочемъ и должно быть. Линія туго плодящаяся обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что теряетъ вовсе мужское поколѣніе и тогда наслѣдство идетъ въ женскую линію: послѣдняя въ родѣ своемъ всегда бываетъ женщина, быть можетъ потому, что этимъ физіологическимъ актомъ природа силится поддержать угасающую линію отъ вымиранія.

Наконецъ къ этой группѣ принадлежатъ еще слѣдующія селенія: д. Фатьяновка гдѣ кромѣ Фатьянова былъ заимщиковъ Щетининъ, с. Басово, (Басовъ и Гридинъ) помянутая уже нами д. Якшина, с. Шетохино, гдѣ заимщиками были Кустовъ и Алферовъ, Вышн. Заболоть (Бартеневъ и Гостевъ), д. Гнилуши (Чупахинъ и Труновъ), слободка Бартенева, Бартеневъ (18) Сибилевъ (6)[1]) Нов. Головина, (Головинъ и Кичигинъ). Въ послѣдней насчитывается 10 фамилій зятьевъ. Изъ списка постороннихъ владѣльцевъ можно убѣдиться, что нынѣшніе 4 двора Анпилоговыхъ пришли сюда изъ села Турей, Орловской губ. и два двора Сабельникова изъ ст. Головинки. Также два заимщика Чаплыгинъ и Епишовъ были въ слободѣ Родиной (Серг. вол.). Въ д. Поздняковой, Дмитр. вол. мы находимъ маленькую сборную деревушку двухъ заимщиковъ—Воронина и Холодова всего 4 двора съ 19 дес. земли. Въ д. Коневой Серг. вол. мы видимъ Конева 63 дв. и Зубкова 14 дв. остальныя пять фамилій всѣ одиночки. Въ Стар. Здобниковой находимъ Лунева (33 дв.) и Костина (24 дв.) и нѣсколько зятьевъ одиночекъ. Въ Любажъ-Колодезѣ (не надо смѣшивать съ Любажами) мы видимъ тоже двухъ заимщиковъ Игина (5 дв.) и Чаплыгина (25 дв.). Въ д. Правоторовой находимъ всего 4 двора Правоторовыхъ и 18 дворовъ Сергѣевыхъ, передвинувшихся изъ с. Никольскаго, гдѣ эта фамилія и родъ Амелиныхъ очень сильно расплодились. Въ заключеніе остается сказать о вымирающей деревнѣ Кромской (Здобн. вол.). По мѣстнымъ изслѣдованіямъ заимщикамъ этой деревни былъ нѣкто Осипъ изъ Кромъ по фамиліи кажется Баевъ судя по тому, что деревня носитъ двойное названіе Кромская Баева тожъ. Но умеръ онъ, не оставивъ мужскаго потомства. На его двухъ дочерей пристали два разнофамильца: Зеновьевъ (нынѣ 43 двора) и Колоколовъ (28 дворовъ). Оба зятя пришли изъ Солдатскаго Фат. у. куда одинъ изъ нихъ попалъ изъ с. Тифенскаго,

---

[1]) Мы видѣли, что въ Вышней Бартеневой Сибилевъ былъ только зятемъ, но въ позднѣе основанную Слободку Бортеневу онъ пришелъ съ своякомъ Бартеневымъ, какъ заимщикъ; подобный фактъ мы знаемъ съ Судаковымъ въ Ниж. Огарковой.

лежащаго въ сѣверовосточномъ углѣ уѣзда. Мы ниже узнаемъ, что значило пройти черезъ Солдатское. Довольно давно къ этимъ зятьямъ присталъ еще зять—Костинъ, который успѣлъ разродиться на 7 дворовъ. Затѣмъ Луневъ увезъ къ себѣ въ Луневку наслѣдницу изъ д. Кромской, тоже сдѣлалъ Новосильцевъ. Потомъ присталъ Нечаевъ, Катунинъ, Малиховъ и наконецъ даже Корелый, такъ что пятая часть дворовъ принадлежитъ позднѣйшимъ зятьямъ. Такимъ образомъ вымираніе этой деревни передается по женской линіи отъ перваго заимщика Осипа.

Всѣхъ двуфамильныхъ общинъ въ уѣздѣ мы насчитали 22 или $17_8^0/_0$. Разверстка земли въ такихъ общинахъ значительно отличается отъ развѣрстки въ однофамильныхъ общинахъ. Каждый родъ владѣетъ черезполосно съ другимъ родомъ. Если спеціальное размежеваніе не нарушило старины, то сейчасъ можно видѣть исконно-родовой порядокъ этой разверстки. Въ каждомъ клину родовыя полосы «родины» одной фамиліи чередуются съ родинами другой: это то же что ярусы, или вѣрнѣе сотни въ ярусахъ при душевой разверсткѣ. Внутри родины домохозяева устанавливались въ порядкѣ наслѣдованія: если у первозаимщика было два сына, то родина дѣлилась во всѣхъ мѣстахъ пополамъ, обыкновенно вдоль; затѣмъ дѣти каждаго дѣлились по смерти отца, а иногда и при его жизни, если онъ самъ этого желалъ, на равныя части и также во всѣхъ мѣстахъ (ярусахъ). Если у кого не оставалось сына, а дочь или двѣ дочери, то приставшіе на этихъ наслѣдницъ зятья владѣли ихъ землей. По нахожденію послѣдней въ той или другой «родинѣ», можно безошибочно сказать къ какому заимщику присталъ данный зять. Когда спеціальное размежеваніе перепутывало исконно-родовой порядокъ, то однодворцы двуфамильныхъ общинъ раздѣлялись на сотни по числу четвертей или десятинъ. Раздѣляли каждое поле на ярусы («помѣры, пометы») и каждый ярусъ на сотни, а внутри сотенъ развертывались между собой по числу десятинъ, состоящихъ за каждымъ дворомъ. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно игнорировался родъ и потому въ одной и той же сотнѣ вы найдете обѣ фамиліи, и между ними разные зятья, въ какой бы родъ они ни пристали.

Немногимъ конечно измѣнится этотъ порядокъ, если вмѣсто двухъ родовъ будетъ три или четыре, поэтому справедливо будетъ здѣсь же перечислить и эту группу разнофамильныхъ общинъ. Ихъ кстати немного въ Фатежскомъ уѣздѣ. По три заимщика мы находимъ въ д. Останковой (Останковъ, Прокоповъ и Росинскій), въ д. Клюшниковой (Руцкой, Евсюковъ и Ненашевъ) въ д. Жердевой (Жердевъ, Саньковъ и Сухочевъ) въ д. Овсянниковой (Овсянниковъ, Голозубовъ и Милютинъ) въ д. Колесниковой (Сотниковъ, Солнцевъ и Фенинъ) въ д. Чаплыгиной (Чаплыгинъ, Истоминъ и Толмачевъ) въ д. Шуклиной съ Луневкой (Шукинъ, Луневъ и Амелинъ). Итого восемь селеній, ибо сюда же надо причислить описан-

ную раньше д. Головину Здоб. вол. Почти всѣ онѣ носятъ названіе одного изъ своихъ перводачниковъ, иногда даже двухъ, если названіе двойное. Въ такихъ селеніяхъ мы всегда встрѣчаемъ больше зятьевъ, но все-таки они не успѣли разродиться, такъ что подавляюще преобладаютъ въ каждомъ селеніи только три фамиліи переводачниковъ. Такъ въ д. Шуклиной мы находимъ 26 дворовъ Шуклиныхъ, 29 дв. Луневыхъ, 11 дв. Амелиныхъ, по два двора Сотникова и Малахова и одинъ дворъ Емельянова. Луневъ занялъ 130 четвертей, а Шуклинъ и Амелинъ по 100; отъ этого въ каждомъ ярусѣ, тамъ гдѣ двумъ послѣднимъ намѣряется на родину («на дѣдину» какъ говорятъ въ этомъ селеніи) по сту сажень, Луневу намѣряютъ 130. Ниже мы найдемъ еще два селенія съ 3 заимщиками.

По четыре заимщика мы видимъ въ 142 селеніяхъ: это уже сравнительно большія деревни. Сюда относятся: д. Хотемль, заимщиками которой были Чернышевъ, нынѣ 26 дворовъ, Косиловъ (16 дв.), Емельяновъ (12 дв.) и Ассѣевъ (16 дв.). Четыре двора Рышковыхъ отъ старинnаго зятя, а пять дворовъ разныхъ фамилій — позднѣйшіе зятья. Родъ Чернышевыхъ распространенъ только въ трехъ сосѣднихъ селеніяхъ, лежащихъ южнѣе Хотемли; то же надо сказать про родъ Емельяновыхъ, но съ весьма важной оговоркой: Емельяновы также какъ и Косиловы встрѣчаются въ с. Солдатскомъ; ниже мы увидимъ, что это значитъ. Также надо смотрѣть на родъ Ассѣева и не надо думать, что онъ пришелъ прямо съ сѣвера верстъ за 50 изъ Троицкаго на Сучкѣ. Сочетаніе этихъ поселенцевъ указываетъ, какъ узнаемъ ниже, на иной характеръ этой деревни. С. Дмитровское, что на Горкахъ, первоначально было занято четырьмя фамиліями: Непочатыхъ (нынѣ 23 дв.) Кофановъ (13 дв.) Фатневъ (8 дв.) и Подзолкинъ (4 двора). Остальныя девять фамилій зятьевскія. С. Хрѣновецъ имѣло также четырехъ заимщиковъ: Абрамова (9 дв.) Любицкаго (6 дв.) Волобуева (12 дв.) и Колоколова (8 дв.) послѣдніе пришли также изъ Солдатскаго. Въ зятьяхъ здѣсь 3 двора Бартеневыхъ. Въ д. Шемякиной можно насчитать также четырехъ заимщиковъ: Иванова (43 дв.) Бѣлозерова (13 дв.) Сергѣева (13 дв.) и Шепелева (21 дв.). У нихъ въ зятьяхъ Разиньковы и Игнатовы. Въ Выш. Ждановой заимщиками были Аникѣевъ (19 дв.) Познахиревъ (7 дв.), Перьковъ (4 дв.) и Руцкой (29 дв.), Губинъ же (3 дв.) зять. Совершенно особый видъ представляютъ три селенія Сергіевской волости, расположенныя вблизи Коренскаго монастыря; здѣсь д. Умѣренкова имѣла заимщиковъ: Умѣренкова (23 дв.) Бобринева (51 дв.) Комордина (20 дв.) и Жиронкина (5 дв.). Остальныя семь фамилій принадлежатъ зятьямъ. Неразмежеванная съ ней деревня Усть Трясильный Колодезь кромѣ Умѣренкова имѣла еще Шумскаго (30 дв.) Кобелева (20 дв.) и Овсянникова (13 д.); Проскурнинъ въ числѣ семи дворовъ здѣсь является несомнѣнно зятемъ. Между этими селеніями въ XVIII уже вѣкѣ втиснулась еще

деревня—Кононыхина. Про это мы узнаемъ изъ сохранившагося въ той деревнѣ документа, копію съ котораго намъ удалось списать. Вотъ эта копія. «№ 464. По указу Ея Имп. Велич. изъ Фатежской расправы дана сія выпись Фатежской округи деревни Кононыхиной однодворцамъ: Якову Иванову сыну, Ерофею и Якову Исаевымъ, Козмѣ Петрову, Михайлѣ и Кирилу Григорьевымъ, Никитѣ Леонову, Афонасью Федорову, Гордею Феоктистову Проскурнинымъ для того, что сего іюля 5 дня они Проскурины въ сей расправѣ челобитьемъ объявляли, въ прошломъ де 1736 г. а котораго м-ца и числа не припомнятъ въ Госуд. Вотчин. Коллегію родственникъ ихъ Исай Козминъ сынъ Проскурнинъ о дачѣ ему на состоящую Фатежской округи въ деревнѣ Умѣренковой дикопорожжую, сверхъ пушкарскихъ дачъ, въ урочищахъ въ гору по Сухой Неполкѣ до березова верха до дороги разсыльной, что ѣздятъ въ деревню Умѣренкову, сто десять четвертей землю—билъ челомъ, по которому его Проскурнина челобитью былъ присланъ изъ оной Госуд. Вотч. Коллегіи въ бывшую Бѣлгородцкую губернію указъ, а изъ оной въ Курскую воеводскую канцелярію, для учиненія объ оной землѣ, точно ли она дикопорожжа лежитъ впустѣ, обыска — присланъ былъ капитанъ Евтихъ Толмачевъ; и что земля лежитъ впустѣ отъ сторонніхъ доказано и къ обыску руки приложены подлинно; токмо на ту землю за старостію онаго родственника ихъ, упомянутаго Исая Проскурнина, и по сіе время имъ Проскурнинымъ выписи не дано и просятъ на вышеписанную дикопорожжую 110 четей землю впередъ для владѣнія дать имъ Проскурнинымъ выпись и обо всемъ учинить милостивое разсмотрѣніе. А въ законахъ напечатано въ Межевой инструкціи въ 24 главѣ въ пунктахъ 1, 4 и 8. . . . (слѣдуетъ справка). А сказкою показанные однодворцы Яковъ Ивановъ сынъ съ прочими Проскурниными показали тожъ, что въ поданномъ челобитьи отъ нихъ объявлено, что вышеписанные 110 четвертей земля точно дикопорожжая и ни у кого во владѣніи не состоитъ, а лежитъ подлинно впустѣ; *приказали:* по силѣ вышепрописанной Меж. Ин. гл. 24-й пун. 1, 4, 8 и 9 съ прописаніемъ всего вышеизложеннаго обстоятельства для владѣнія тою дикопорожжею землею показаннымъ просителямъ Якову Иванову сыну съ прочими Проскурниными дать выпись. Того ради имъ Проскурнинымъ изъ Фатежской Ниж. Расправы сія выпись и дана. Іюля 12 дня 1784 года. На подлинной подписаны тако: расправы оной судья секунтъ маіоръ Василій Офремовъ, печатныхъ пошлинъ 50 к. взято. Секретарь Иванъ Овсянниковъ. Канцеляристъ Ив. Котельниковъ.

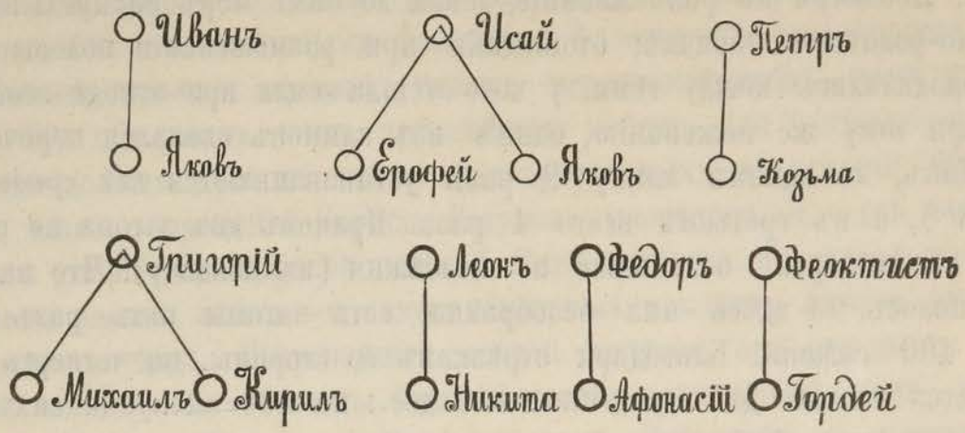
Чтобы ближе разобраться съ дѣломъ, прежде всего надо объяснить, что такое пушкарская дача въ данномъ случаѣ. Сл. Пушкарная, что подъ г. Курскомъ, получила двѣ дачи: одну близъ города, другую за 25 верстъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Фатежскаго уѣзда, близъ Коренной пустыни.

И. Н. Миклашевскій обобщаетъ эти факты и говоритъ [1]), что пригороднимъ служилымъ людямъ всегда давалась земля въ двухъ дачахъ: поближе къ городу и подальше. Я утверждаю, что это случалось, какъ исключеніе, а не общее правило. Примѣнялось это въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстной дачѣ близъ города не хватало земли въ полный окладъ. Курская Пушкарная слобода расположена въ такомъ тѣсномъ и неудобномъ мѣстѣ, что надѣлить ее здѣсь сполна было очень трудно, поэтому дана была придача близъ Коренскаго монастыря, въ урочищахъ смежныхъ съ д. Умѣренковой. Исай Проскурнинъ, пришедшій по преданію изъ Одоева, высмотрѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ у сл. Пушкарной есть лишняя земля сверхъ дачъ. Хотя время уже прошло для прежнихъ пріисковъ, но тѣмъ не менѣе Проскурнинъ билъ челомъ въ вотчинную коллегію о своемъ пріискѣ, но будто бы за старостью выписи на занятую «дикопорожжую» землю 110 чет. не успѣлъ получить. Это старая пѣсня. Еще старѣй будетъ пѣсня, если мы возьмемся рѣшать, почему фатежская ниж. расправа, не наведя въ Вотчинной Коллегіи никакой справки, предъ самымъ генеральнымъ межеваніемъ выдала свою выпись. Одно можно сказать, что стоило это просителямъ недешево.... Все это детальки, мало интересующія насъ, гораздо важнѣй въ данномъ случаѣ разрѣшить вопросъ о приходѣ Проскурнина въ д. Кононыхину. По приведенной выписи, съискалъ и занялъ землю родственникъ просителей Исай Козьмичъ. Онъ былъ уже старъ. Въ числѣ просителей на второмъ мѣстѣ мы видимъ двухъ Исаевичей. Это, очевидно, родные сыновья первозаимщика. Сколько же имъ лѣтъ? Со времени заимки прошло 48 лѣтъ, значитъ, они или глубочайшіе старики, если Исай не добился выписи за старостью, или же они средняго возраста, если про старость Исая просители выдумали, такъ какъ иныя причины приводить было опаснѣй. Можно допустить нѣчто среднее: Исай занялъ помѣстье лѣтъ сорока, прожилъ на немъ лѣтъ 25 и не успѣлъ оглянуться, какъ пришла старость—куда ужъ тутъ хлопотать о выписи, да и на что она? Она потребовалась дѣтямъ и то къ генер. межеванію. При такомъ предположеніи очень можетъ быть, что просители Исаевичи родились уже въ Кононыхиной и, значитъ, въ моментъ выдачи выписи были нестары. Старшій изъ просителей, очевидно, написанъ впереди. Кто онъ этотъ Яковъ Ивановъ, сынъ Проскурнинъ? Если бы онъ былъ Козьмичъ, мы бы не спрашивали. Кто, наконецъ, всѣ эти «прочіе» Проскурнины, вѣдь ихъ кромѣ Якова и Исаевичей, еще шесть человѣкъ? Не могъ же Исай расплодиться въ теченіи 48 лѣтъ на девять дворовъ. Если бы это было такъ, мы бы видѣли только нисходящихъ, и ихъ отечества позволили бы намъ

---

[1]) Къ Истор. хоз. быта Моск. Гос. ч. I стр.

составить родословную до самого Исая. Если сдѣлать это теперь, то получимъ такіе отрывки какой-то болѣе длинной родословной:



Значитъ, девять просителей произошли отъ семи отцовъ. Можетъ-быть Исай, отецъ Ерофея и Якова, не заимщикъ, а, допустимъ, сынъ его Исай Исаевичъ. Тогда надо предположить, что у заимщика было семь сыновьевъ и кромѣ того, надо допустить, что за 48 лѣтъ второе поколѣніе успѣло окончательно вымереть: остались одни внуки. Это, конечно, невозможно, хотя и была въ промежуткѣ чума. Наконецъ, просители не говорятъ «дѣдъ нашъ Исай», а называютъ его «родственникомъ». Чтобы распутаться въ этимъ затрудненіемъ, надо допустить, что Проскурнинъ пришелъ не одинъ, а съ братьями или племянниками. Мѣстныя изслѣдованія выручаютъ насъ на этотъ разъ изъ бѣды. Вотъ что выяснилось на мѣстѣ. «Заимщиковъ было много, но главный Исай Проскурнинъ. Всего было занято 400 четвертей и четверть была большая въ 5 десят. Проскурнинымъ досталась львиная часть, два девяносто четвертей—ихъ было два брата, Малыхинымъ два сорокъ—тоже было два брата, Серпуховитинову 50 четвертей, Михайлову 50 четв. и Трухманову 40 четвертей. Исай Проскурнинъ, видя, что земли много, призываетъ къ себѣ сосѣдей и вообще охотниковъ». Серпуховитинъ пришелъ за Исаемъ изъ Серпухова, братья Малыхины неизвѣстно откуда, Михайловъ изъ сѣверовосточнаго угла уѣзда изъ д. Михайловки. Трухмановъ оставилъ только дочь и на нее присталъ Зубковъ изъ д. Анненковой. Одинъ изъ сыновьевъ заимщика Михайлова также вынужденъ былъ принять зятя Алехина изъ сѣверовосточнаго угла. Разсматривая дворы по владѣнной, мы найдемъ такія цифры: Проскурниныхъ 66 дворовъ, стараго зятя его Чаплыгина 3 дв., молодого зятя Шутова 1 дв., Михайловыхъ 8 дв., да стариннаго зятя Алехина 7 дв., Малыхиныхъ всего 6 дворовъ, Зубкова 2 дв., Овсянниковыхъ (неизвѣстно чей зять) 3 дв., три разнофамильныхъ одиночки и Серпуховитиныхъ 4 дв. Изъ общаго количества 400 четвертей, продано было Ржевскому 10 чет. Трухмановымъ и 8 четв. Михайловымъ. Кромѣ того Ржевскій, будучи воеводой,

выпросилъ у стариковъ мѣсто подъ пасѣку, они дали приговоръ, а тотъ отхватилъ до 300 десятинъ. Пробовали жаловаться—сами же попали въ острогъ. Несмотря на размежеваніе, земля до сихъ поръ распредѣлена въ заимочно-родовомъ порядкѣ; отошедшія при размежеваніи полосы Ржевскаго раздѣлялись между тѣми, у кого отсшла земля при отводѣ особняка. Благодаря тому же межеванію, одинъ изъ клиновъ оказался короче другихъ. Такъ, въ одномъ клину 9 разъ устанавливаются всѣ «*роды*», въ другомъ 8, а въ третьемъ всего 4 раза. Причемъ два загона по одному сажню на четверть, остальные по полсажня (въ полдачу). Что касается длины полосъ, то здѣсь она безобразна, есть загоны пять разъ по 80 то-есть 400 сажень. Благодаря отрѣзкамъ со стороны, на четверть нынѣ приходится только двѣ десятины: 819 дес.: на 400=2.... До сихъ поръ идетъ судъ съ д. Умѣренковой о землѣ. Очевидно, обидчиками являются сами же жители д. Кононыхиной. Пришли они поздно, позже всѣхъ; захватили много, хотя имѣли право занять всего 110 четвертей. Въ этой деревнѣ мы впервые встрѣчаемся съ приселеніемъ, которое обусловливалось болѣе вольной заимкой и котораго не допускалъ помѣстный приказъ. Весьма интересно отношеніе суда къ такого рода владѣнію. Расправа на этотъ разъ, по всей вѣроятности безсознательно, точнѣйшимъ образомъ опредѣляетъ правоотношенія совладѣльцевъ, она неоднократно выражается «Яковъ Ивановъ сынъ съ прочими Проскурниными». Тутъ полная аналогія съ южной многодворной, болѣе вольной заимкой «Дрона Кривошеина съ товарищи». Но товарищи Проскурнина замаскированы, ихъ нѣтъ въ выписи, Проскурнинымъ и здѣсь хотѣлось быть можетъ поживиться, какъ ихъ родственникъ Исай поживился на счетъ сл. Пушкарной и д. Умѣренковой. Въ заключеніе надо сказать, что фамилія Проскурнина произошла отъ слова «проскурница». Этого рода фамиліи въ однодворческой средѣ стали появляться только съ тѣхъ поръ, какъ указомъ ц. Алексѣя позволено было «церковникомъ верстаться въ службу и писаться въ дѣти боярскія.» Значитъ, и съ этой стороны д. Кононыхина можетъ считаться деревней новой формаціи. Если д. Кононыхина отличается рѣдкимъ своеобразіемъ, то Черный Колодезь (Здобник. вол.) представляется самымъ типичнѣйшимъ созданіемъ разнофамильной родовой общины XVII вѣка. Тамъ четыре заимщика и всего два зятя, Ильинъ 29 дв., Рыжковъ 7 дв., Русановъ 9 дв. и Тиняковъ 15 дв. Это самые клятые четвертники въ уѣздѣ. Объ остальныхъ селеніяхъ имѣющихъ по 4 заимщика, мы скажемъ ниже, такъ какъ они могутъ быть описаны лишь въ связи съ болѣе крупными селеніями.

Перейдемъ теперь къ описанію крупныхъ селеній. Не скроемъ отъ читателя тѣхъ трудностей, которыя предстоятъ намъ при дальнѣйшемъ изложеніи. Дѣло въ томъ, что не во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ возможность

обращаться за справками къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, а потому часто нѣтъ силъ провѣрить сдѣланный выводъ.

Читатель вѣроятно успѣлъ уже замѣтить, что мы разобрались со всѣми, такъ сказать, основными фамиліями фатежскихъ однодворцевъ: почти всѣ селенія, носящія названія своихъ первозаимщиковъ, нами уже описаны. Это облегчаетъ намъ дальнѣйшую работу. Для успѣшности ея мы все-таки должны дать нѣсколько предварительныхъ объясненій. Фатежскій уѣздъ еще со временъ Бориса Годунова разрѣзанъ на двѣ неравныя части и разрѣзанъ широкой полосой. Какъ извѣстно, Коренской монастырь обладалъ массою земель—и самыя обширныя изъ нихъ лежатъ именно въ Фатежскомъ уѣздѣ. Широчайшей лентой тянутся эти земли съ юга на сѣверъ; они искони заселены были монастырскими крестьянами, кажется, инородцами въ родѣ мордвы или черемисъ. Здѣсь они съ давнихъ поръ называются «саянами». Саянское населеніе весьма густое и расположенное въ крупнѣйшихъ селахъ (с. Поныры, сл. Смородина, Березовецъ, Ольховатка и проч.) ничего общаго не имѣло и не имѣетъ съ сосѣдними однодворцами; наоборотъ, скорѣе наблюдается враждебность между этими двумя разрядами. Вотъ саяны-то и отрѣзали отъ уѣзда ту меньшую часть его, которую мы до сихъ поръ называли сѣверо-восточнымъ угломъ. Этой же терминологіи будемъ держаться и впредь.

Коренской монастырь, имѣвшій всегда достаточное количество крестьянъ и бобылей, являлся для сѣверо-восточнаго угла Фатежскаго уѣзда сильной защитой отъ татарскихъ приходовъ: извѣстно также, что татары старались обходить это крѣпкое мѣсто. Поэтому надо предположить, что подъ такимъ прикрытіемъ жизнь испомѣщенныхъ получитъ больше шансовъ на успѣшное развитіе, чѣмъ на мѣстахъ открытыхъ. Такъ и случилось: здѣсь мы видимъ наиболѣе крупныя однодворческія селенія; здѣсь можно было спокойнѣй, чѣмъ гдѣ-нибудь, пахать землю и кормиться, а кормясь плодиться и множиться. Отсюда долженъ былъ выходить излишекъ населенія на новыя мѣста, и мы уже кое-что знаемъ, что это такъ и было. Нѣкоторыя типичныя фамиліи тамошнихъ однодворцевъ показываются сперва на берегахъ Усожи, а затѣмъ и южнѣе къ границамъ нынѣшняго Курскаго уѣзда. Это поступательное движеніе съ сѣвера на югъ совершалось въ большинствѣ случаевъ повольно; оно, собственно говоря, шло съ сѣверо-востока на юго-западъ, перейдя черезъ саянскую линію наискось. Идти прямо на югъ нельзя было, ибо тамъ были уже заняты земли тѣмъ же Коренскимъ монастыремъ. Только въ одномъ случаѣ мы наблюдаемъ не вольное, а принудительное движеніе на югъ—это образованіе с. Солдатскаго. На крымскомъ берегу р. Усожи, верстъ на 10 ниже нынѣшняго города Фатежа, который не принадлежитъ къ числу древнихъ и образованъ изъ однодворческаго селенія Екатериной II, расположено это село Солдат-

ское. Есть преданіе, что здѣсь былъ въ старину городъ, но это преданіе надо отнести къ числу выдуманныхъ нелѣпостей. Къ послѣднимъ принадлежатъ, между прочимъ, и сказанія о происхожденіи нѣкоторыхъ селеній Фатежскаго уѣзда. Разсказываютъ, напр., что Ржава названа такъ, потому, что здѣсь ржали лошади; сбоку есть владѣльческое село Бычки и недалеко отъ него с. Реутъ; это переводятъ такъ: «бычки ревутъ, а во Ржавѣ кони ржутъ». Есть еще сказаніе, что во Ржавѣ нѣкогда жилъ татарскій баскакъ и потому «Ржава всей округѣ держава». Но всякій пойметъ, что эти выдумки построены на невѣжественныхъ филологическихъ изысканіяхъ и главнымъ образомъ на виршеобразномъ риѳмованіи словъ. На мѣстѣ с. Солдатскаго города никогда не было, а было здѣсь обыкновенное сторожевье на перелазѣ. Дабы оберегать этотъ перелазъ были поблизости поселены солдаты, набранные отчасти въ сѣверо-восточномъ углѣ, отличавшемся и тогда, во времена Михаила Ѳеодоровича, густотой своего населенія, отчасти присланные сюда издалека, то-есть изъ Орла и Кромъ. Изучая фамиліи нынѣшнихъ жителей с. Солдатскаго, мы уясняемъ себѣ дальнѣйшій ходъ разселенія этихъ подневольныхъ пришельцевъ. Справившись съ ними, мы все еще оставляемъ безъ объясненія многіе факты, наблюдаемые по уѣзду. Съ уясненіемъ ихъ приходится признать, что усиленіе роста народонаселенія должно было отразиться измѣненіемъ прежде принятыхъ формъ заимки земель. И дѣйствительно, мы находимъ цѣлую массу селеній, которыя какъ по формѣ заимокъ, такъ и по дальнѣйшей своей исторіи нѣсколько отличаются отъ описанныхъ уже нами родовыхъ общинъ. Въ такихъ селеніяхъ фамиліи перепутываются тѣмъ чаще, чѣмъ распространеннѣй были продажи и переуступки четвертной земли въ началѣ XVШ вѣка. Такъ какъ конечная цѣль нашего изслѣдованія есть все-таки изученіе формъ четвертнаго землевладѣнія, то при установленіи опредѣляющаго признака для такихъ селеній мы должны принять во вниманіе именно заимочныя правоотношенія къ землѣ. Разбираясь въ нихъ, мы пришли къ заключенію, что по формѣ землевладѣнія эти селенія должны быть названы «сборными». Назвали мы ихъ такъ потому, что въ нихъ рядомъ съ заимщиками водворялись и владѣли лица, несостоявшіе съ заимщикомъ въ родствѣ и свойствѣ: основаніемъ ихъ владѣнія не была *справка* за собой занятаго помѣстья, а иные акты укрѣпленія, если это выраженіе сюда подходитъ. Они владѣли или въ силу факта поселенія, или по купчимъ крѣпостямъ, или по приговору однодворцевъ, уже поселившихся. Они собирались въ такія селенія изъ разныхъ мѣстъ и въ свою очередь собирали, притягивали землю къ селу. Отсюда точнѣй всего назвать ихъ «сборными». Предпославъ такое предварительное объясненіе, мы приступимъ къ описанію отдѣльныхъ селеній. Группа селеній расположенная въ сѣверо-восточномъ углѣ уѣзда, состоитъ всего изъ двадцати

селъ. Крупнѣйшее изъ нихъ, а кстати и самое сѣверное, будетъ с. Никольское подъ Княжими съ деревнями Юдиной и Прилѣпами. Было время, когда эти деревни составляли отдѣльныя самостоятельныя общины: въ д. Юдиной былъ свой особый заимщикъ, конечно—Юдинъ, подскажетъ читатель, и не ошибется. Въ Прилѣпахъ заимщиковъ было не менѣе трехъ, но всѣ вымерли. Этотъ фактъ достоинъ особаго вниманія. Не разъ уже мы говорили о вымираніи отдѣльныхъ однодворческихъ родовъ—но здѣсь, въ одной деревнѣ, въ одно и то же время, вымерло сразу три рода. Вымерли они въ мужской линіи. Приставшіе изъ села Никольскаго и другихъ мѣстъ зятья, хотя и расплодились довольно значительно, но въ концѣ концовъ вынуждены были подчиниться неумолимому закону наслѣдственности: большинство прилѣпскихъ дворовъ и поднесь страдаетъ отъ недостатка мужского поколѣнія. «У насъ все наслѣдницы и богатыя... родится мальчикъ, смотришь, померъ... останутся однѣ барышни. Есть которыя засидѣлыя дѣвушки—совсѣмъ замужъ не пошли, а которыя замужъ идутъ — все «во дворъ принимаютъ». У насъ тутъ все позятьевщина». И дѣйствительно, на 64 двора прилѣпскихъ насчитывается 13 разныхъ фамилій, а на 217 дворовъ с. Никольскаго, всего 20, то-есть въ среднемъ въ Прилѣпахъ вдвое больше фамилій, размѣръ же селенія втрое меньше. Такъ какъ это вымираніе въ мужской линіи началось очень рано, и на первыхъ наслѣдницъ сумѣли пристать сосѣдніе сельчане, то изъ этото произошло весьма рѣдкое соединеніе двухъ общинъ въ одну: земля прилѣпской дачи «ушла замужъ» въ с. Никольское. Не думайте, что это парадоксъ: однодворцы часто такъ выражаются. Такъ, однажды въ Суджанскомъ уѣздѣ я доискивался, куда дѣлось пять четвертей; долго копались искавши; наконецъ, кто-то изрекъ: «да чего же мы ищемъ, вѣдь эта земля въ Петровы Буды замужъ ушла»... И дѣйствительно, она оказалась записанною за постороннимъ владѣльцемъ изъ Петровыхъ Будъ. Но Прилѣпы съ с. Никольскимъ и Юдиной значатся въ одной владѣнной записи, и потому посторонніе числятся лишь изъ Полсела Горяинова. Разъ земля ушла замужъ въ смежное селеніе, то какая нужда писать ее въ отдѣльную запись, или точнѣе выражаясь, зачѣмъ было такимъ селеніямъ размежевываться своими землями; не удобнѣе ли слить обѣ дачи воедино: такъ и было. Деревня Прилѣпы давнымъ-давно уже слилась съ с. Никольскимъ, нынѣ Прилѣпы—улица Никольскаго, тоже и Юдина. Первозаимщики Прилѣпъ и Юдиной владѣли черезъ межу (поярусно) съ первозаимщиками с. Никольскаго. Когда часть послѣднихъ въ качествѣ прилѣпскихъ зятьевъ стала пахать прилѣпскія полосы, то отъ этого, конечно, не произошло никакого измѣненія въ формѣ землевладѣнія. Измѣненіе было имущественное для приставшихъ дворовъ, въ смыслѣ увеличенія земли и только. Правда, позднѣйшія поколѣнія различаютъ отцовскую землю отъ мате-

ринской, дѣдовскую отъ бабкиной, но это различіе скоро теряетъ всякое значеніе для обладателя. Въ с. Никольскомъ подъ Княжими, повидимому, было шесть заимочныхъ фамилій, но надо думать, что заимщиковъ было больше; есть основаніе предполагать, что Анпилоговыхъ было три брата. Затѣмъ—Рязанцевъ (нынѣ 31 дв.), Золотухинъ (19 дв.), Алехинъ (13 дв.), Воронинъ (10 дв.) и Богатыревъ (всего 4 двора). Анпилоговыхъ нынѣ 94 двора, да въ Прилѣпахъ 19. Далѣе мы видимъ 18 дворовъ этой фамиліи въ д. Breховой на Гниловодѣ, притокѣ р. Усожи, съ Московской стороны, и 24 двора въ Троицкомъ на Сучкѣ, перейдя Свапу, на сѣверѣ уѣзда, и, наконецъ, мы знаемъ д. Анпилогову въ Здобн. вол. съ заимщикомъ, давшимъ названіе деревнѣ. Намъ извѣстно, что фамилія эта встрѣчается въ с. Турьяхъ Орлов. губ., но это можетъ быть однофамилецъ. Если Анпилоговы въ Прилѣпы попали какъ зятья, то во всѣхъ другихъ случаяхъ они были заимщиками: тѣсно становилось жить на родинѣ, и вотъ они шли искать новыхъ помѣстій по пути, намѣченному историческими обстоятельствами. Другой заимщикъ Рязанцевъ, дальше Прилѣпъ не двинулся. Третій по очереди Алехинъ кромѣ Прилѣпъ выслалъ зятя, какъ мы знаемъ, въ Кононыхину, значитъ, не раньше 1736 г., а въ Вышній Любажъ послалъ одного изъ членовъ своихъ приселиться, и нынѣ тамъ уже 21 дворъ Алехиныхъ, откуда вышли въ недавнее время зятья въ Нижній Любажъ и въ Жердеву. Заимщикъ Воронинъ, туго плодившійся, подчинился однакоже общему движенію: какъ мы знаемъ, есть деревушка Позднякова, гдѣ заимщикъ, правда мелкопомѣстный, носитъ эту фамилію. Богатыревы, можно сказать, до сихъ поръ ни разу не раздѣлились, какъ слѣдуетъ, поэтому ихъ всего четыре двора, земли масса, семьи громадныя; это великорусскія такъ называемыя «большія» семьи. Остается Золотухинъ. Родъ этотъ сильно распространенъ во всѣхъ селеніяхъ сѣверо-восточнаго угла: онъ встрѣчается въ 9 селеніяхъ въ числѣ 69 дворовъ. Трудно сказать, въ какомъ именно селеніи онъ показался раньше всего, гдѣ затѣмъ присталъ въ зятья и гдѣ онъ приселился. Подъ приселеніемъ (кромѣ позятьевщины) мы понимаемъ тѣ способы водворенія на новомъ мѣстѣ жительства, которые не требовали отъ поселяющагося полученія занятаго помѣстья въ дачу изъ помѣстнаго приказа или другого учрежденія, завѣдующаго пріискомъ помѣстій. Такъ черкасы по словеснымъ приговорамъ принимали къ себѣ въ сябры дѣтей боярскихъ, бѣглыхъ холоповъ и проч., такъ по совершеніи купчихъ и промѣнныхъ на часть какого-либо помѣстья являлся новый хозяинъ разнофамилецъ; такъ, наконецъ, могли входить всякіе насильники, хотя про нихъ однодворцы говорятъ не «приселился», а «присудился». Такъ какъ четвертныя дачи принадлежали всему роду, а общіе луга и лѣса—всѣмъ родамъ данной деревни, то само собою разумѣется, что приселиться можно было только съ

прямого или косвеннаго согласія общины. Съ приселеніемъ поэтому нельзя смѣшивать водворенія по указу: запустѣлъ дворъ солдата или пушкаря такого-то, воевода или самъ Разрядъ посылалъ другого, не спрашивая у міра—нуженъ ли онъ. Но въ данномъ случаѣ мы заговорили о приселеніи потому, что густота населенія была уже настолько значительна, что всякій искалъ себѣ лишней земельки и, не имѣя возможности выхлопатывать жалованныхъ грамотъ, обращался съ просьбой прямо къ міру. Такъ по крайней мѣрѣ поступилъ одинъ Золотухинъ въ д. Бобровкѣ, гдѣ заимщики дали ему усадьбу и пахоть. Въ четырехъ селеніяхъ Золотухины являются одиночками—это зятья; въ с. Брусовомъ ихъ уже 4 двора, значитъ—болѣе старый зять, но Полсело Горяиново имѣетъ 20 дворовъ Золотухиныхъ, а въ д. Горяиновой ни одного. Были ли это родные братья, или только однофамильцы, или же отецъ былъ испомѣщенъ въ одномъ селеніи, а одинъ изъ сыновьевъ со временемъ въ другомъ—все это устанавливается съ большимъ трудомъ за недостаткомъ документальныхъ данныхъ. Родъ Золотухиныхъ несомнѣнно пришелъ изъ Орловской губерніи, это видно по писцовымъ книгамъ 1598 г. (см. ниже); онъ осѣлъ въ изслѣдуемомъ мѣстѣ не менѣе, какъ въ двухъ деревняхъ сразу. Усиленно плодясь, онъ приселился въ одной деревнѣ и разослалъ зятьевъ по разнымъ деревнямъ, но гонимый тѣснотой на родинѣ, онъ вышелъ изъ роднаго села, и пошелъ не на юго-западъ, а на юго-востокъ въ Щигровскій уѣздъ, гдѣ мы и находимъ д. Золотухину, населенную сплошь почти Золотухиными, и кругомъ нѣсколько деревень, достаточно наполненныхъ этой фамиліей. На западъ Золотухинъ попалъ только въ одно сборное село Хмѣлевое и разродился тамъ до 6 дворовъ. О родѣ Золотухиныхъ намъ придется еще разъ говорить. Сверхъ этихъ заимщиковъ былъ еще Юдинъ; этотъ родъ здѣсь туго плодился и его плодовитость выразилась къ 1872 г. всего 9 дворами; но Юдинъ и, вѣроятно, не въ одиночествѣ ушелъ на востокъ въ с. Молотычи и тамъ оказался очень плодовитымъ (25 дв.) и склоннымъ высылать зятьевъ (въ 3 селеніяхъ). Кромѣ этихъ основныхъ фамилій, мы находимъ 11 дворовъ Горяиновыхъ и 5 дворовъ Волобуевыхъ; оба пришли изъ сосѣдней деревни Горяиновой, но неизвѣстно, были ли они зятья, или приселились другимъ способомъ, наприм., по купчимъ XVIII столѣтія, когда можно было всякими правдами и неправдами совершать купчія. Зятья с. Никольскаго въ количествѣ 24 дворовъ десяти разнымъ фамилій, приставали исключительно изъ сосѣднихъ деревень; но 20 дворовъ также 10 разныхъ фамилій въ Прилѣпахъ пристали изъ разныхъ мѣстъ, есть даже изъ Орловской губерніи, д. Легостаевой. Въ числѣ Никольскихъ зятей мы находимъ 4 двора Овсянниковыхъ, попавшихъ сюда съ запада, такъ какъ въ сѣверо-восточномъ углѣ этой фамиліи не было.

Совершенно особнякомъ стоятъ 6 дворовъ Елагина; зятья ли это изъ

далекой извѣстной намъ д. Елагиной, или, наоборотъ, сюда Елагинъ пришелъ раньше—этого мы не можемъ сказать за неимѣніемъ прямыхъ и даже косвенныхъ указаній. Этотъ родъ въ видѣ одиночки встрѣчается въ с.-восточномъ углѣ всего еще одинъ разъ въ д. Горяиновой.

Ниже, по той же рѣчкѣ Сновѣ, мы найдемъ селеніе, носящее названіе Полсело Горяиново. Заимщиками были два брата Горяиновы, получившіе половину села [1]), а другую Вожевъ и Золотухинъ. Родъ Горяиновыхъ разросся до 74 дворовъ, Золотухина—до 20 и Вожева—до 10. Горяиновскій старинный зять, пришедшій изъ сосѣдняго села Коронина выросъ до 8 дв., болѣе поздній зять Какуринъ—до 3 дворовъ, остальные семь зятьевъ одиночки. Чрезмѣрный ростъ рода Горяиновыхъ, мало того что выслалъ почти во всѣ сосѣднія селенія зятьевъ, образовалъ еще и особый поселокъ подъ названіемъ д. Горяиновой. Это типичнѣйшее сборное селеніе. Нѣсколько дворовъ Горяиновыхъ осѣли здѣсь на дикопорозжихъ земляхъ, и къ нимъ сейчасъ же подсѣло нѣсколько пришлыхъ родовъ: Псаревъ, Сергѣевъ, Сасинъ, Арнаутовъ, Волобуевъ, Рыболовъ, Слѣпушкинъ, Бѣлыхъ и Сырыхъ. Все это заимщики, занявшіе кто сто четвертей, кто сорокъ. Сюда же подсѣли охотники и изъ сосѣднихъ деревень, но уже гораздо позже: Золотухинъ, Маньшинъ, Михайловъ, Панковъ, Чевычеловъ и др. Изъ послѣднихъ рѣдко кто пришелъ какъ зять—всякій старался захватить землю и такъ или иначе, осѣсть на ней, освоить ее. Всего земли по нынѣшнимъ даннымъ 2299 десятинъ. Несмотря на значительное распространеніе рода Горяинова (192 дв.) въ сѣв.-вост. углѣ, родъ этотъ не вышелъ за предѣлы этого района на западъ; во всемъ Фатежскомъ уѣздѣ мы найдемъ только въ Хмѣлевомъ 4 двора Горяиновыхъ. Но за то этотъ родъ двигался по юго-восточному направленію: такъ, въ Уколовской вол., Щигр. у., мы находимъ (по даннымъ 1886 г.) въ Новомъ Сухоребрикѣ 8 дв. Горяиновыхъ, въ Козминкѣ 22 дв. и въ Малогоряиновѣ—18 дв. и т. д.

Что касается остальныхъ родовъ д. Горяиновой, то изъ нихъ шесть остались неподвижными, но три рода проявили особенную способность къ распространенію; такъ, Сергѣевъ, выходецъ изъ Скороднаго, продвинулся на югъ въ д. Мѣшкову, Кур. у., оттуда въ с. Мелехино, Щигров. у., и разродился тамъ въ громадное однофамильное селеніе; другая отрасль очутилась на югѣ Фатежскаго уѣзда, въ д. Шемякиной, и третья, на юго-западѣ, въ Амелиной и Правоторовкѣ. Родъ Арнаутова хотя туго плодился, но продвинулся сначала въ сборное селеніе Архангельское на Гниловодѣ, оттуда въ Жердеву—путемъ позятьевщины. Родъ Волобуева, выходецъ изъ

---

[1]) Подобное названіе встрѣчается въ Курской губ. только еще одинъ разъ, именно въ Обоянскомъ уѣздѣ есть Полсело Котельниково; впрочемъ въ Новооскольскомъ уѣздѣ есть село Полутроицкое.

Заболоцкой, ободнившихъ во всѣхъ деревняхъ своего угла, попалъ въ с. Солдатское. Оттуда въ качествѣ заимщика осѣлъ въ Хлыниной, какъ мы уже знаемъ, въ Холчахъ и въ Хрѣновцѣ.

Выше деревни Горяиновой было и есть еще с. Акульшино, Заболоцкая тожъ. И это селеніе, подобно Никольскому, состоитъ изъ с. Акульшина и двухъ деревень Заболоцкой и Дмитріевки. Въ Заболоцкой заимщикомъ былъ Заболоцкій (нынѣ 8 дв.), Вожевъ (26 дв.), Чевычеловъ (55 дв.), Гридуновъ (9 дв.), Труновъ (10 дв.) и Музалевскій (4 дв.). Всего шесть заимщиковъ. Да, именно шесть, если вспомнимъ, что южныя сторожи состояли изъ пяти станичниковъ и вожа. Заимщикъ Акульшинъ сидѣлъ особой деревней и, быть можетъ, присланъ былъ послѣ, въ замѣну какого-нибудь недоросля, осиротѣвшаго на станицѣ. Д. Дмитріевка нынѣ состоитъ изъ четырехъ одиночекъ: Псаревъ, Савенковъ, Горяинова и Музалевская. Это усиленное присутствіе женщинъ указываетъ, что вся деревня пошла по зятьямъ—впрочемъ, врядъ ли здѣсь и былъ когда особый заимщикъ: это просто какое-нибудь урочище, притянутое къ селу кѣмъ-либо изъ заимщиковъ, и, такъ какъ его звали Дмитріемъ, то деревня и стала называться такъ. Аналогичный примѣръ мы найдемъ въ с. Брусовомъ. Что касается разселенія упомянутыхъ заимщиковъ, то надо сказать, что Заболоцкій, Гридуновъ и Музалевскій никуда не двинулись, Чевычеловъ далъ заимщика въ сосѣднюю д. Воробьевку, Труновъ въ маленькую деревушку Гнилуши, гдѣ могъ разродиться только до 3 дворовъ, Вожевыхъ же далъ заимщиковъ въ полсело Горяиново и въ Богоявленское (18 дв.) на верховьяхъ Усожи. Но трудно и это утверждать, ибо фамилія Вожевыхъ очень распространена и часто давалась тому, кто служилъ въ вожахъ. Дѣло другое 4 дв. Вожевыхъ въ д. Воробьевкѣ—эти несомнѣнно пристали въ зятья по знакомству съ Чевычеловыми.

Южнѣе всѣхъ на той же рѣкѣ и съ того же московскаго берега ея лежало село Коронино съ деревнями Батуровкой, Ушаковкой, Гремячимъ Колодеземъ и Михайловкой. Въ послѣдней заимщикомъ былъ, конечно, Михайловъ (15 дв.), у него старинный зять изъ д. Горяиновой—по фамиліи Сырыхъ (4 дв.) и еще четыре зятя-одиночки изъ сосѣднихъ деревень. Въ Бутуровкѣ было 3 заимщика: Шевляковъ (8 дв.), Бурцевъ (7 дв.) и Боевъ (7 дв.). Послѣдній пришелъ изъ сосѣдняго Щигровскаго уѣзда, гдѣ неподалеку отъ с. Коронина есть д. Боева. Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи есть документы, сохраняющіеся у старовѣра Аѳонасія Борисовича Боева (Тимошича), и такъ какъ нѣтъ большой разницы въ заселеніи этой мѣстности Щигровскаго уѣзда, то мы приведемъ два документа полностью и посмотримъ, не выяснятъ ли они намъ чего-нибудь. «Царя и вел. князя Ѳеодора Алексѣевича всея, в. и м. и б. Россіи самодержца, въ Курской уѣздъ въ Обмецкой станъ въ Ивановской починокъ Бот-

ракова [1]) и въ пустошь дикое поле къ рѣкѣ къ Сновѣ подъ Ольховымъ болотомъ съ рускую сторону и внизъ по Сновѣ до Потеряевой удеревы съ урочищи, что тотъ починокъ и дикое поле были въ порозжихъ земляхъ, а по дачѣ 1657 года данъ тотъ починокъ и пустошь дикое поле въ помѣстье курченину Леонтью Григорьеву сыну Боеву; всѣмъ крестьянамъ, которые на томъ починкѣ и пустоши учнутъ жить, билъ челомъ намъ великому Гдрю курченинъ Левонтей же Боевъ въ прошломъ де (1657) году дано ему изъ порозжихъ обводныхъ земель въ помѣстье въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмецкомъ стану Ивановской починокъ, Ботракова пустошь дикое поле къ рѣкѣ къ Сновѣ съ урочищи тридцать четей и то помѣстье ему отказано, и отказныя книги въ помѣстной приказъ присланы, а нашей В. Г. ввозной грамоты на то помѣстье ему не дано, и намъ В. Г. пожаловать бы его, велѣть ему на то помѣстье дать нашу В. Г. ввозную грамоту; и по дачѣ и по отказнымъ книгамъ отказа курченина Микифора Кононова 1657 году апрѣля 15 въ томъ Левонтьевѣ помѣстьѣ Боева, что ему дано изъ порозжихъ земель въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмецкомъ стану Ивановской починокъ Ботракова пустошь дикое поле (и прочія урочища)... вверхъ по Сновѣ до Гремячаго Колодезя (см. въ Короиной) да внизъ до рѣчки до Моркости *до помѣстныхъ земель*, написано пашни перелогу и дикаго поля добрыя земли 30 четв. въ полѣ, а въ дву потомужъ; и вы всѣ крестьяне, которые на томъ починкѣ и пустоши учнутъ жить, курченина Левонтія Григорьева с. Боева слушали бъ, пашню на него пахали и доходъ помѣщиковъ ему платили. Писанъ на Москвѣ лѣта 1665 марта 22». Подлинный писанъ на столбцѣ, на подлинномъ чернаго воска печать.

Другую грамоту мы приведемъ здѣсь съ сокращеніями. «Выпись съ отказныхъ кнігъ отказу курскіе разрядные избы подъячаго Федора Егоркова (?), а въ отказныхъ книгахъ написано: лѣта 1684 (?) года марта 26 по указу в. государей, царей и в. кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей... по грамотѣ изъ помѣстнаго приказа... и по памяти боярина и воеводы Ал. Сем. Шеина съ товарищи, за приписью дьяка Никиты Насонова, по челобитью курчанъ Фомы, да Луки да Тимофея Леонтьевыхъ дѣтей Боевыхъ и Сидора Кирилова сына Золотухина, курскіе разрядные избы подъячій Федоръ Егорковъ ѣздилъ въ Курской уѣздъ, въ Обмецкой станъ на рѣчку на Снову подъ Ольхово болото и внизъ по Сновѣ по лѣвую сторону до устья по.... и вверхъ.... до Моркости до Ливенской дороги отъ ольхова ржавца въ гору по обѣ стороны да отъ Фентисова [2]) болота вверхъ по большому ржавцу по обѣ стороны Мценской дороги.... къ дуброѣ Бот-

---

[1]) Хут. Ботраковъ лежитъ черезъ ручей противъ с. Коронина.

[2]) С. Фентисово на той же рѣкѣ ниже Коронина и смежно съ нимъ въ Щигр. уѣздѣ; по старинным актамъ оно обыкновенно пишется Феоктистово по имени перваго заимщика Феоктиста.

ракова, да вверхъ устья Моркости, на лишнюю землю дикое поле на двѣсте на двадцать четей, а пріѣхавъ, про ту лишнюю землю дикое поле сыскивалъ большимъ повальнымъ обыскомъ тутошними и сторонними многими людьми по еваньгельской заповѣди Господни, въ тѣхъ вышеписанныхъ урочищахъ лишняя земля дикое поле есть ли и лежитъ порозжо-ль, въ помѣстье и на оброкъ кому не отдано-ль, и хкакимъ землямъ не приписано-ль; а въ сыску курченъ дворянъ и дѣтей боярскихъ тридцать пять человѣкъ сказали: въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмецкомъ стану, на рѣчкѣ на Сновѣ подъ Ольховымъ болотомъ по обѣ стороны и т. д. (идутъ урочища)... устья Моркости, земля лежитъ порозжа, никому не отдана, и нихкакимъ землямъ не приписана; и по сыску ту землю измѣрилъ въ десятины и положилъ въ чети; а по мѣрѣ той порозжей земли въ тѣхъ вышеписанныхъ урочищахъ на двѣсти на двадцать четей; а измѣривъ ту землю, отказалъ имъ Фомѣ да Тимофею по 70 четей человѣку, Лукѣ да Сидору по 30 четей человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ, въ помѣстье со всѣми угодьи; а пашню имъ пахати и сѣно косить и лѣсъ селидебной и дровяной и всякими угодьями владѣть по своей помѣстной землѣ, а усадами по рѣчкѣ по Сновѣ» и т. д. (Подлинный писанъ на столбцѣ безъ печати).

Что мы усматриваемъ изъ этихъ грамотъ. При ц. Алексѣѣ Михайловичѣ пришелъ нѣкто Леонтій Боевъ изъ Одоева, какъ разсказываютъ сами однодворцы, и занялъ 30 четей перелога и дикаго поля. Что однодворцевъ нельзя считать аборигенами Курской губерніи, это—всякій знаетъ; но нельзя считать всѣ нынѣшніе роды однодворцевъ первыми насельниками края, мы это видимъ изъ первой грамоты: здѣсь кто-то уже жилъ, и отъ него остался перелогъ, его именемъ называется починокъ. Звали его Иванъ по фамиліи Ботраковъ. Такъ точно сбоку могъ жить какой-нибудь Коронинъ, именемъ котораго называется с. Коронино. Куда ушелъ этотъ первый насельникъ, неизвѣстно. Новый заимщикъ поселился въ 1657 г., а черезъ 8 лѣтъ выхлопоталъ себѣ на владѣніе ввозную грамоту. По этой грамотѣ занятое имъ помѣстье все еще называется порозжимъ, но между пограничными урочищами мы видимъ уже, что одна грань шла «до помѣстныхъ земель». Значитъ, кругомъ уже жили служилые люди. Другое урочище составляетъ часть нынѣшняго с. Коронина, д. Гремячій Колодезь. Немного спустя, въ 1684 году, три сына того же Боева и Золотухинъ бьютъ челомъ о новой дачѣ. Но почему къ нимъ присосѣдился Золотухинъ? Очень понятно, ему уже тѣсно въ Никольскомъ или Полселѣ Горяиновѣ, онъ ищетъ новыхъ мѣстъ и, навѣрное, прежде чѣмъ вздумали Боевы бить челомъ, Золотухинъ пахалъ кое-что «въ вышеписанныхъ урочищахъ». Что изъ того, что это «обводная земля»—вѣдь всѣ порозжія государевы земли обведены отъ помѣстныхъ и оброчныхъ. Принебречь фактъ паханія Золотухинымъ—для Боевыхъ означало не услыхать на сыскѣ отъ тутошнихъ

и стороннихъ людей о томъ, что земля дѣйствительно порожжа. Грамота называетъ эту землю еще «лишнею», надо дополнить это выраженіе двумя словами: «лишняя сверхъ дачъ» окружныхъ помѣщиковъ. Оные явились на сыскъ въ количествѣ 35 человѣкъ—значитъ, въ концѣ XVII столѣтія населеніе здѣсь было очень густое. Они подтвердили челобитье, ибо Золотухинъ, приглашенный Боевыми участникомъ въ общей дачѣ, удовлетворенъ и, стало-быть, не возражалъ, не апеллировалъ къ сходу тутошнихъ и стороннихъ людей. По грамотѣ они называются «дворянами и дѣтьми боярскими». Да, это служилые люди, и неравное испомѣщеніе по грамотѣ указываетъ на ихъ службу по отечеству. Два брата Боевыхъ испомѣщены по 70 четей, а третій братъ и Золотухинъ по 30. Задѣленный Боевъ, очевидно, будетъ удовлетворенъ изъ отцовскаго помѣстья, Ивановскаго починка, гдѣ 30 четей, ну, а Золотухинъ тоже, вѣроятно, имѣетъ право на часть помѣстья гдѣ-нибудь въ Никольскомъ. При чемъ надо помнить правило: «а не верстаннымъ противъ верстанныхъ вполы». Но вотъ еще одно затрудненіе: всей земли подьячій намѣрилъ 220 четвертей, а по выписи отказалъ только 200. Всякій знавшій про это, могъ бить челомъ о лишней сверхъ дачъ землѣ, и былъ бы удовлетворенъ—ему бы дали здѣсь помѣстье въ 20 четвертей, и Боевы волей-неволей должны были бы пустить новаго челобитчика. Но этого не случилось, потому что было уже поздно—наступало время Петра и Помѣстный приказъ съ Разрядомъ доживали свой вѣкъ. Описанный случай наводитъ насъ на одно весьма частое недоразумѣніе: сколько заимщиковъ нужно считать въ Щигровской д. Боевой: одного Леонтія или его трехъ сыновей? Этотъ вопросъ мы всегда рѣшали по землѣ: если роду Боева намѣряется три «дѣдины», а тутъ же Золотухину только одна, то мы считаемъ заимщиками трехъ Боевыхъ, хотя и одной фамиліи. Также разбираются и сами однодворцы: когда предки ихъ были жалованы землей неравно, хотя бы и были родными братьями, то они считаютъ разверстку «по дѣдамъ». Тѣ же самые Боевы различаютъ «Тимошичей» отъ Тимофея и другихъ. «Нашъ дѣдъ былъ богаче», хвалятся и теперь Тимошичи [1]).

Но возвратимся въ с. Коронино. Изъ Ивановскаго починка Ботракова одинъ шагъ до Бутуровки—стоитъ только перейти маленькій ручеекъ, этотъ самый Гремячій Колодезь, который и поднесь бѣжитъ и журчитъ съ полгоры въ имѣніи Баланиной. И кто-нибудь изъ сыновьевъ Луки Левонтьевича Боева перешагнулъ эту нетрудную грань, а потомъ билъ бы о ней челомъ, да ужъ время не то настало; прямо-таки былъ положенъ въ подушный окладъ на этой захваченной землѣ, и этого было вполнѣ доста-

---

[1]) Аналогичный случай мы уже привели въ Кононыхиной: тамъ два девяносто Проскурнинымъ указываетъ на двухъ братьевъ.

точно. Значитъ, Боевъ не заимщикъ въ Бутуровкѣ, онъ только приселился и противъ этого я ничего не имѣю. Другое дѣло, 15 дворовъ Михайловыхъ въ д. Михайловкѣ—это ужъ безспорно заимщикъ. Въ Ушаковкѣ Псаревъ, а въ Гремячемъ Татаренковъ есть никто иные, какъ присельники: они даже не выходили изъ Коронина, а просто притянули къ селу землю, ими занятую. Заимочныхъ фамилій въ самомъ селѣ Коронинѣ насчитывается шесть: Татаренковъ (48 дв.), Никулинъ (17 дв.), Псаревъ (16 дв.), Павловъ (9 дв.), Панковъ или Паньковъ (17 дв.) и Переверзевъ (5 дв.). Затѣмъ, насчитывается до двадцати фамилій зятьевъ, между коими старѣйшимъ долженъ быть признанъ Кишкинъ (3 дв.). Что касается распространенія этихъ родовъ, то Псаревъ мало того, что притянулъ къ селу д. Ушаковку, выслалъ одного или нѣсколькихъ членовъ своей фамиліи, какъ мы уже знаемъ, въ сборное селеніе д. Горяинову, гдѣ расплодился больше, чѣмъ на первозаимочномъ мѣстѣ, но дальше этого не пошелъ, да и движеніе-то это было попятное, противъ теченія, съ юга на сѣверъ, хотя всего на три версты. Самый многоплодный родъ Татаренковыхъ не ограничился только тѣмъ, что выслалъ стариннаго зятя въ Полсело Горяиново: взявъ юговосточное направленіе, онъ двинулся въ Щигровскій уѣздъ и тамъ, въ предѣлахъ нынѣшней Уколовской волости, основалъ д. Татаренкову, гдѣ въ 1886 г. было 13 дворовъ этого рода. Родъ Никулина не любилъ западнаго направленія и двинулся тоже на востокъ въ предѣлы Щигровскаго уѣзда, но не надо думать, что онъ основалъ тамъ д. Никулину. Д. Никулина въ 1886 г. имѣла 27 дворовъ Маньшиныхъ, 8 Лыковыхъ, 6 Золотухиныхъ, 5 Чаплыгиныхъ, 15 Посошковыхъ и ни одного Никулина. Родъ Павлова былъ болѣе подвижнымъ, хотя и по неволѣ; въ с. Солдатскомъ мы найдемъ 7 дворовъ съ этой фамиліей; изъ Солдатскаго онъ присталъ въ зятья въ Миленину и Сухочеву, такъ же какъ и здѣсь присталъ въ Скородное и Михайловку. Родъ Панькова выслалъ зятьевъ въ семь сосѣднихъ селеній и въ Щигровскій уѣздъ, въ д. Донскую далъ заимщика, гдѣ нынѣ 60 дворовъ Паньковыхъ. Родъ Шевлякова двинулся по историческому пути: сперва въ сборное село Хмѣлевое, гдѣ разродился до 21 двора, оттуда прошелъ еще дальше на юго-западъ, въ предѣлы Холчанской волости, гдѣ основалъ деревню Шевляковку, и уже оттуда приселился въ сборную д. Соломину, Здобниковской волости. Бурцевъ выслалъ одного зятя въ д. Горяинову (нынѣ 3 дв.), а въ с. Сергіевское далъ заимщика (нынѣ 14 дв.), но тѣмъ и кончилъ. Родъ Михайлова принадлежитъ къ числу самыхъ неподвижныхъ, даже въ д. Горяинову онъ далъ только позднѣйшаго зятя. Только въ XVIII вѣкѣ, какъ мы знаемъ, онъ приселился къ Проскурнину, въ д. Кононыхину, но и тамъ плодился туго, принимая зятей и размативая землю по купчимъ.

С. Тифинское, нѣкогда владѣвшее землей черезполосно съ с. Корони-

нымъ, имѣетъ трехъ заемщиковъ: Зеновьева (41 дв.), Сотникова (16 дв.) и Еськова (10 дв.). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, владѣетъ ли Зеновьевъ двумя дачами или одной, то-есть было ли ихъ при заимкѣ двое или только одинъ; но изъ владѣнной записи видно, что 24 номера Зеновьевыхъ владѣютъ особо въ дачѣ с. Коронина 45 десятинами. Кромѣ того, въ Тифинскомъ живутъ 8 фамилій зятьевъ, пришедшихъ по близости, за исключеніемъ Митасова, который прибылъ неизвѣстно откуда. С. Тифинское, по сравненію съ сосѣдними селеньями, невелико—въ немъ всего 85 дворовъ съ 875 десятинами; оно скорѣй подходитъ къ селеніямъ нашей второй группы. Родъ Еськова принадлежитъ къ неподвижнымъ; но родъ Зеновьева, какъ мы знаемъ, сильно расплодился, приставъ въ зятья въ д. Кромской; въ с. Радубежъ, гдѣ Зеновьевъ значится въ числѣ заимщиковъ и откуда онъ попалъ, по всей вѣроятности, въ Кромскую, этотъ родъ пришелъ очень давно. Оттуда же онъ выслалъ зятя въ д. Сухочеву. Родъ Сотникова также выслалъ заимщика на западъ въ Колесникову, гдѣ ихъ тамъ 11 дворовъ, оттуда уже вышли зятья въ Радубежъ (2 дв.), въ Холчи (2 дв.), въ Шуклину (2 дв.) и въ Миленину (1 дв.). Кажется позже другихъ образовалось с. Брусовое. Это можно заключить изъ того, что Брусовое стоитъ не на рѣкѣ, а на колодцахъ; съ Брусовымъ числятся деревни Григорьевка, Яковлевка, Никифоровка, Анненкова и сельцо Семеновское. Эти названія показываютъ намъ, что всѣ эти деревни, а нынѣ просто улицы, были заняты дѣдами, при чемъ займища эти названы не по фамиліямъ дѣдовъ, а по ихъ именамъ. Два дѣда Какуриныхъ заняли д. Григорьевку и Никифоровку, иначе говоря, одного звали Григорьемъ, другого Никифоромъ. Анненкову занялъ одинъ изъ дѣдовъ Савенковыхъ — не весь родъ Савенковыхъ, а только одинъ дворъ. С-цо Семеновское нынѣ состоитъ во владѣніи одного двора Конищева. Неизвѣстно откуда взялся этотъ родъ— ихъ всего 6 дворовъ и разбросаны они въ трехъ селеніяхъ; такъ какъ они всюду малоземельные, то, вѣроятно, это случайно зашедшій зять. Въ д. Яковлевкѣ заимщикомъ былъ Яковъ Пахомовъ (12 дв.) и Иньшаковъ (7 дв.), въ зятьяхъ у нихъ извѣстные намъ Зеновьевъ и Сотниковъ (уже по 2 двора). Въ самомъ же Брусовомъ было шесть заимщиковъ: Выскребенцевъ (12 дв.), Савенковъ (14 дв.), Тигановъ (9 дв.), Строевъ (9 дв.), Какуринъ (13 дв.) и Анцыфоровъ (11 дв.). По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія значится, что здѣсь было всего два заимщика Карпъ Анцыфоровъ изъ Мценска и Какуринъ изъ Болхова. Если это вѣрно, то остальные четыре рода или пришли какъ заимщики, но гораздо позднѣй, или осѣли здѣсь на купленныхъ земляхъ. Какъ бы ни было, но Брусовое, кажется, основалось позже 1648 года. У нихъ 10 фамилій зятьевъ, между коими старѣйшими надо признать Волобуева (4 дв.) и Мезенцева (5 дв.). Затѣмъ, конечно, Золотухинъ (4 дв.), Татаренковъ, Сотниковъ и т. д. по сосѣд-

ству. Изъ основныхъ фамилій Брусового—Тигановъ, Строевъ и Иньшаковъ принадлежатъ къ неподвижнымъ родамъ; почти такими же являются Анцыфоровъ и Какуринъ, давшіе по одному зятю въ сосѣднія селенія. Наоборотъ, Выскребенцевъ выслалъ заимщика на верховье Усожи, въ Богоявленское (9 дв.), а оттуда далъ зятя во Ржаву. Родъ Савенкова очень любилъ приставать въ зятья: въ своемъ углѣ онъ выслалъ зятьевъ въ семь деревень, затѣмъ въ сборное селеніе Хмѣлевое далъ заимщика (8 дв.), а оттуда также въ качествѣ заимщика попалъ въ Ниж. Любажъ (11 дв.) и оттуда выслалъ зятьевъ въ четыре сосѣднихъ селенія. Но такъ какъ въ самомъ сѣверномъ селеніи уѣзда, въ Троицкомъ на Сучкѣ, мы находимъ также заимщика Савенкова (12 дв.), а по писцовой книгѣ, какъ увидимъ ниже, эта фамилія сильно была распространена по Орловскому уѣзду, то мы считаемъ, что здѣсь дѣло идетъ объ однофамильцахъ или самыхъ отдаленныхъ родственникахъ. Надо допустить, что изъ сѣверо-восточнаго угла Савенковъ могъ попасть только въ Богоявленское, въ Любажъ же двигалась другая линія черезъ Троицкое. Иное представляетъ фамилія Пахомова, ея нѣтъ въ Орловскихъ писцовыхъ книгахъ. Ободнившись въ четырехъ сосѣднихъ селеніяхъ, Пахомовъ выдвинулъ заимщика въ извѣстное намъ селеніе Хмѣлевое (8 дв.), а оттуда продвинулся внизъ по Усожѣ, еще дальше на западъ, въ д. Сухочеву, гдѣ расплодился до громадныхъ размѣровъ 37 дворовъ, такъ что надо подозрѣвать, не пришло ли ихъ сюда сразу нѣсколько дворовъ.

Южнѣе Брусового, по рѣчкѣ Полевой Сновѣ, расположено три селенія: Воробьевка, Бобровка и Маньшина; они связаны между собою особою связью; сверхъ четвертной заимочной земли у нихъ есть душевая земля, благодаря чему они отнесены въ особый разрядъ душево-четвертныхъ крестьянъ. Душевая земля образовалась послѣ отсужденія, но съ кѣмъ судились, я не знаю. Образованіе душевого владѣнія на извѣстной части надѣла не повліяло, конечно, на родовое распредѣленіе четвертныхъ земель. И тутъ мы видимъ въ каждой деревнѣ своихъ собственныхъ перводачниковъ. Въ Маньшиной ихъ насчитывается шесть: Маньшинъ (15 дв.), Меленинъ (12 дв.), Кобозевъ (42 дв.), Лунинъ (6 дв.), Чаплыгинъ (7 дв.) и Золотухинъ (12 дв.). Про послѣдняго мы не будемъ говорить. Роды Маньшина, Кобозева и Меленина неподвижны. Родъ Лунина—наоборотъ, онъ попалъ въ с. Солдатское (4 дв.), оттуда въ Фатьяновку (3 дв.) и Халчи (5 дв.); другая линія взяла западнѣй и очутилась въ Молотычахъ (13 дв.) и въ Путчинѣ (8 дв.). Родъ Чаплыгина, ободнившись по сосѣдству въ 4 мѣстахъ, съ тою же цѣлью перешелъ черезъ саянскую линію и въ Сергіевской волости присталъ въ 5 деревняхъ, а перейдя южнѣе, въ сосѣдній Курскій уѣздъ, образовалъ д. Чаплыгину и сильно разродился тамъ. Другая линія пошла обычнымъ путемъ на юго-западъ и, вѣроятно, не въ един-

ственномъ числѣ осѣла въ сборномъ селеніи, нынѣ подгороднемъ, Миленинѣ (нынѣ 37 дв.), оттуда въ Сухочеву (7 дв.), въ Шмарную (10 дв.) и, наконецъ, еще южнѣе въ Бол. Жирову (16 дв.). Помимо всего этого на Усожѣ, не доходя до с. Солдатскаго, родъ Чаплыгиныхъ образовалъ деревню своего имени и разросся въ ней до 67 дворовъ.

Въ д. Воробьевкѣ мы находимъ четырехъ заимщиковъ: Воробьева (43 дв.) [1]), Лыкова (28 дв.), Чевычелова (34 дв.) и Горяинова (46 дв.). Здѣсь 15 фамилій зятьевъ; есть старинные зятья, неизвѣстно откуда пришедшіе: Абакумовъ (3 дв.), Бабковъ (4 дв.), Барановъ (3 дв.), Жекулинъ (1 дв.) и Вожевъ (4 дв.). Про родъ Горяинова говорить нечего: по числу дворовъ можно допустить, что заимка происходила одновременно; быть можетъ, одинъ изъ Горяиновыхъ присоединился къ новымъ заимщикамъ подобно тому, какъ Золотухинъ къ Боевымъ. Родъ Воробьева неизвѣстно откуда пришелъ; ободнившись съ сосѣдями въ 5 деревняхъ, хотя и не такъ давно, онъ гораздо раньше этого выслалъ заимщика на западъ въ Теплый Колодезь (11 дв.) или Самодуровку (6 дв.), но всегда предпочиталъ восточное направленіе и, идя внизъ по рѣкамъ, образовалъ въ предѣлахъ Щигровскаго уѣзда д. Воробьевку, гдѣ сильно разродился и ободнился. Лыковъ ровно никуда не двигался. Чевычеловъ, какъ мы уже знаемъ, передвинулся сюда изъ Заболоцкой, гдѣ становилось тѣсновато. Такимъ образомъ, можно предполагать, что деревня Воробьевка образовалась позднѣе сосѣднихъ деревень. Третья д. Бобровка имѣла 5 заимщиковъ: Черновъ (6 дв.), Козменковъ (11 дв.), Золотухина припустили впослѣдствіи (8 дв.), Бредихинъ (4 дв.), Долгихъ (3 дв.) и Улаевъ (1 дворъ). Странно покажется, что одиночку Улаева мы заставляемъ считать заимщикомъ, но это такъ и было. Во-первыхъ, Улаевъ является самымъ крупнымъ владѣльцемъ въ деревнѣ; нечего удивляться, что у него сравнительно очень мало земли, всего $15^{5}/_{8}$ дес., но это maximum по деревнѣ. Объясняется это тѣмъ, что въ деревнѣ есть еще душевая земля, четвертной же въ среднемъ на дворъ приходится всего 7 дес. Правда, если мы всю землю деревни ($306^{3}/_{8}$ д.) раздѣлимъ на число заимщиковъ, то получится по 60 десятинъ, но почемъ знать, сколько зятьевъ приставало къ Улаеву, быть можетъ, разные Булгаковы, Раевскій и самъ Золотухинъ пристали именно къ Улаеву... Во-вторыхъ, въ преданіяхъ крестьянъ живетъ память о томъ, что Улаевъ былъ заимщикомъ, а это важнѣе всего. Всѣ роды этой деревни неподвижны, Улаевъ даже вымираетъ; очевидно, только Бредихинъ выдвинулъ на западъ въ с. Богоявленское заимщика и разродился тамъ до 26 дв. Послѣднее село Скородное, Липиново тожъ, лежитъ западнѣе всѣхъ на

---

[1]) Эта фамилія, какъ увидимъ ниже, писалась въ XVII ст. „Воробыхъ“, вѣроятно, отъ слова „хворобый“, а не воробей.

рѣчкѣ Липиновой Сновѣ (?), врѣзавшись въ саянскую линію и какъ бы перерывая ее: это мостъ для перехода однодворцамъ, ибо ниже Липиново й опять пойдутъ Саянскія земли, верстъ на 15. Заимщиковъ здѣсь было семь человѣкъ: Сергѣевъ (90 дв.), Стрѣлковъ (42 дв.), Широбоковъ (28 дв.), Алпѣевъ (15 дв.), Семенихинъ (7 дв.), Замыцкій (19 дв.) и Кутафинъ (11 дв.). Зятьевъ 23 разныхъ фамилій, а дворовъ 56. Одни зятья приставали изъ сѣверовосточнаго угла, другіе черезъ д. Дерлову прорывались съ запада. Такъ, старинный зять Конаревъ (5 дв.) пришелъ изъ Дерловой [1]), но есть зятья дальніе изъ предѣловъ Щигровскаго уѣзда и Орловской губерніи, напр.: Коптевъ со Штевца (Щигр. у.), Повѣткины (3 дв.) изъ деревни того же имени въ Щигровскомъ уѣздѣ, Сальтовскій и Лобынцевъ изъ Орловской губ. Родъ Сергѣевыхъ отличается замѣчательною плодовитостью: изъ преданій достовѣрно извѣстно, что нѣсколько братьевъ Сергѣевыхъ передвинулись на югъ, въ д. Мѣшкову, Курскаго уѣзда, и, размножившись тамъ, въ свою очередь выслали осадчаго Мелентія, который пріискалъ порожжую землю на верховьяхъ рѣки Рати, въ предѣлахъ нынѣшняго Щигровскаго уѣзда. Здѣсь Мелентій занялъ починокъ, и съ тѣхъ поръ въ честь его селеніе называется Мелехиной. Слѣдомъ за осадчимъ сошли его родичи изъ Мѣшковой, перешли съ русской стороны рѣки Рати на татарскую, отбили татарскія зимовники и захватили дачу въ 3.000 десятинъ. Нынѣ тамъ до 200 дворовъ Сергѣевыхъ. Связь съ Мѣшковой сохраняется до сихъ поръ тѣмъ, что въ ея владѣнной записи, въ числѣ постороннихъ, значатся нѣкоторые Мелехинскіе жители. Отъ Мѣшковой до Мелехиной около 40 верстъ, не менѣе 30 отъ Липиновой до Мѣшковой. Другая линія очутилась, какъ мы знаемъ, на югѣ Фатежскаго уѣзда, въ д. Шемякиной и третья на юго-западѣ, въ д. Амелиной и Правоторовой, гдѣ также успѣла разродиться весьма значительно.

Родъ Стрѣлкова далъ одинъ дворъ въ сборную д. Горяинову и двухъ позднѣйшихъ зятьевъ въ д. Дерлову и тѣмъ ограничился. Алпѣевъ и Замыцкій и этого не сдѣлали. Роды Широбокова и Кутафина оказались тоже домосѣдами. Но Семенихинъ чрезъ Хмѣлевое прошелъ въ Любажъ, однако, не особенно тамъ расплодился (всего 5 дв.).

Итакъ, сѣверовосточный уголъ уѣзда описанъ. Если мы всмотримся въ приведенныя данныя, то скоро замѣтимъ нѣкоторое однообразіе въ числѣ заимщиковъ. Почти всѣ селенія были заняты шестью заимщиками или тремя. Невольно вспоминается устройство станицъ: станичный голова и четыре ѣздока, да къ нимъ вожъ [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы видимъ 6 или 5 заимщиковъ, поселена была станица въ одномъ селеніи; тамъ же, гдѣ три заимщика,

---

[1]) Неизвѣстно откуда взялся Сидоровъ 4 дв.

[2]) См. Багалѣя Мат. II т., 75 стр.

сбоку надо искать другую половину станицы, и всюду она есть. Есть основаніе предполагать, что, кромѣ Вожева, обязанности вожей выполнялъ Золотухинъ: иначе зачѣмъ бы его припускали къ себѣ жители Бобровки, Боевой и др., но вѣдь и Чевычеловъ, подсѣвшій въ Воробьевку, могъ заниматься тѣмъ же; любой Горяиновъ, какъ старожилъ этой мѣстности, могъ превосходно исполнять обязанности вожа. Наконецъ, для насъ это неважно—важно только то, что остался живой слѣдъ того, что здѣсь были испомѣщены станичники, и нынѣшніе однодворцы сѣверовосточнаго угла Фатежскаго уѣзда, въ лицѣ носителей основныхъ, заимочныхъ фамилій, суть прямые потомки станичниковъ, высланныхъ сюда не позже первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича Романова, а можетъ-быть, еще и при Борисѣ Годуновѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1622 году въ числѣ 25 сторожъ, вѣдомыхъ въ Курскѣ, мы находимъ одну «на Московской дорогѣ за Княжимъ лѣсомъ»; развѣ это не напоминаетъ Никольское подъ подъ Княжими, другую—въ «Жировой деревнѣ», третью—«на Московской дорогѣ у верховья Наполки», четвертую—на рѣкѣ Усожѣ къ селу Гнани и пятую на устьѣ Сновы. Верховье Неполки занято было монастырской деревней Родительской, но тамъ же были однодворческія селенія: Сергіевское, Конева и проч. Въ устьяхъ Сновы нынѣ лежитъ Щигровская д. Воробьевка и недалеко Донская. Если впослѣдствіи между старыми станичниками втискивался какой-нибудь одиночка, въ родѣ Юдина или Михайлова, то окрестное довольно густое населеніе сейчасъ же пожирало его, и онъ самъ не понималъ, почему это такъ скоро его отдѣльная деревня сливалась съ сосѣднимъ селомъ. Этого мы не наблюдали въ Здобниковской волости, въ юго-западномъ углѣ Фатежскаго уѣзда, или еще южнѣй въ Старковской волости, Курскаго уѣзда: гамъ каждый заимщикъ чуть не по сіе время сидитъ со своими родичами въ своей особной деревушкѣ и не думаетъ сливаться въ село. Какая же сила разъединяетъ ихъ тамъ и какая сила соединяетъ ихъ здѣсь? Единофамильная и двуфамильная заимка обособляетъ отдѣльные роды въ особые поселки, но этого нельзя ждать отъ многодворной заимки. Правда, по малочисленности населенія и недостатку денежныхъ средствъ, московское правительство конца XVI и начала XVII столѣтія имѣло возможность высылать станицы не больше, какъ изъ пятишести человѣкъ, но на первый разъ и этого было достаточно, чтобы положить неизгладимую печать на земельныя и вообще бытовыя отношенія водворенной въ одномъ мѣстѣ, такой немногочисленной станицы, связанной единствомъ службы и единствомъ владѣнія помѣстной землей. Что недостатокъ въ людяхъ во время заселенія этой мѣстности чувствовался сильно, можно заключить и по нашимъ скуднымъ даннымъ: только здѣсь, гдѣ были организованы самыя раннія станичныя поселенія, можно встрѣтить между однодворческими фамиліями чисто польскія фамиліи. Кто

такіе, какъ не поляки, Замыцкіе и Забалоцкіе, которыхъ мы видимъ въ числѣ первозаимщиковъ этой мѣстности? Эти польскіе выходцы оставшіеся быть-можетъ въ суматохѣ смутнаго времени испомѣщены для несенія станичной службы—самый подходящій на то народъ. Есть намеки и на татаръ: Алпѣевъ, Улаевъ, Шевляковъ, Арнаутовъ, пожалуй, самъ Татаренковъ. Родовитыхъ дѣтей боярскихъ, какихъ мы встрѣчаемъ въ остальной части уѣзда, здѣсь какъ будто нѣтъ—мы не найдемъ Протасова, Потапова, Пронского, Богданова, Малютина, Правоторова, Чернышева, Цыбина, Толстого. Только Елагинъ случайно забился сюда, но осталось невыясненнымъ, откуда онъ взялся. Вмѣсто всѣхъ этихъ родовъ дѣтей боярскихъ мы видимъ фамиліи: Бѣлыхъ, Сырыхъ, Вялыхъ, Гонныхъ, Воробыхъ; затѣмъ Вожева, Золотухина, Сергѣева, Горяинова, Аншилогова, Сасина, Псарева, Слѣпушкина, Павлова, Панкова, Выскребенцева, Рязанцева. Все это неважныя птицы, бѣднота, захудалыя дѣтишки боярскія, которыхъ за пустое жалованье въ два рубля денегъ и хлѣба двѣ четверти, а иногда и дешевле, можно выгнать изъ орловскихъ мѣстъ въ болѣе опасныя курскія. Придетъ время, поболѣетъ народа, побогатѣетъ казна царская и мы увидимъ, что станицами не будутъ ограничиваться, а станутъ посылать цѣлыя толпы съ атаманами, и будутъ эти толпы испомѣщаться сразу крупными селами, чтобы татарамъ страшно было подумать о набѣгахъ. И это время наступило очень быстро. Уже Михаилъ Ѳеодоровичъ, дѣдъ котораго серьезнѣй всѣхъ другихъ былъ занятъ улучшеніемъ станичной службы на Украйнѣ, двинулъ толпы къ бѣлгородской чертѣ. Это событіе не могло не отразиться на нашемъ сѣверо-восточномъ углѣ. Отодвинутые на 200 верстъ южнѣе, бѣлгородскіе станичные аванпосты сразу дали возможность прежнимъ станицамъ не безпокоиться службой: оная для нихъ серьезно видоизмѣнилась и въ томъ отношеніи къ лучшему, что получилась возможность обрабатывать помѣстную землю. Это заставило дорожить землей и всякій старался прихватить ея побольше, законнымъ ли порядкомъ, какъ Боевъ, или беззаконнымъ, какъ насельники д. Горяиновой. Ради той же нужды въ землѣ одни приставали въ зятья на наслѣдницъ, другіе шли отыскивать лишнія сверхъ дачъ земли, третьи били челомъ о новомъ помѣстьи, четвертые, наконецъ, какъ Сергѣевы шли въ бойкое открытое мѣсто на рѣку Рать и отбивали оба ея берега у татаръ и, наконецъ, пятые попадали въ подневольные сведенцы куда-нибудь въ Хотмыжскъ или Карповъ. Поэтому мы видимъ постоянную высылку изъ прикрытаго монастыремъ угла отдѣльныхъ членовъ на пріискъ новыхъ помѣстій, какъ на юго-востокъ въ щигровскія земли, такъ и на юго-западъ къ границамъ Камарицкой волости, въ Фатежскій уѣздъ. Поэтому же становится понятнымъ образованіе сборнаго селенія д. Горяиновой — здѣсь оставалась еще свободная земля, ну и селись на ней, паши. Но и

въ сборныхъ селеніяхъ однодворцы все еще оставались вѣрными самимъ себѣ, та же родовая замкнутость, та же исконно-родовая разверстка земель. О душевомъ поравненіи, несмотря на близость саяновъ, въ сѣверо-восточномъ углѣ Фатежскаго уѣзда заговорили очень поздно, во второй четверти нынѣшняго столѣтія, и заговорили далеко не всѣ, а только три деревни, которымъ отошла по суду спорная земля: не желая путаться съ родовыми долями и тѣмъ болѣе, что приходилось путаться въ трехъ разныхъ деревняхъ, однодворцы въ этомъ случаѣ подѣлили землю на ревизскія души.

Итакъ древніе станичники изслѣдованнаго угла были выдвинуты сюда московскимъ правительствомъ, но не успѣли они тутъ обжиться, какъ многихъ изъ нихъ, въ лицѣ молодого поколѣнія, передвинули на Усожу, не на станицу, а въ солдатскую слободу. Мы знаемъ, что на Усожѣ была всего одна сторожа «къ селу Гнани», но вѣдь Гнань лежитъ за Свапой въ Орловской губерніи; если провести прямую—отъ Курска на Гнань, то она пройдетъ чрезъ Усожу между с. Солдатскимъ и д. Партиной нынѣшняго Фатежскаго у. Здѣсь нужно было на перелазѣ укрѣпиться не станицей, а служилыми людьми иноземнаго строя, не столько въ виду татаръ, сколько въ виду литовскихъ натисковъ; вотъ и поселены были солдаты.

Перейдемъ къ изученію однодворческихъ фамилій въ с. Солдатскомъ. Изъ сѣверовосточнаго угла мы здѣсь видимъ Павлова изъ Короминой (7 дв.), Лунина (4 дв.) изъ Маньшиной, Горбунова (4 дв.) стараго зятя изъ Прилѣпъ, Волобуева (2 дв.) изъ д. Горяиновой. Затѣмъ мы находимъ 31 дворъ Бильдиныхъ и 9 дворовъ Мясищевыхъ. Этихъ фамилій мы нигдѣ больше не встрѣтимъ даже въ зятьяхъ. Затѣмъ идутъ четыре фамиліи, которыя на сѣверѣ не встрѣчаются. Я понимаю это такъ: будучи присланными изъ Орловской губерніи или вообще съ сѣвера, но изъ предѣловъ чужихъ губерній, эти роды нѣкоторое время жили въ с. Солдатскомъ и лишнихъ членовъ своихъ высылали на заимку новыхъ земель. Такъ, родъ Емельянова (12 дв.) выслалъ заимщиковъ на югъ уѣзда въ Хотемль и Жирову. Только родъ Жировыхъ (12 дв.) образовавшій д. Малую Жировку, а въ сборномъ селеніи Больш. Жировкѣ принимавшій общее участіе, пришелъ сюда съ юга изъ Жировки—это мы должны допустить потому, что д. Жировка документально существовала еще въ XVI вѣкѣ, что видно изъ описанія станицъ 1589 г. [1]). Родъ Фотьяновыхъ (10 дв.) вышелъ въ предѣлы Холчанской волости и занялъ извѣстную уже намъ д. Фотьяновку. Родъ Косилова (4 дв.) вышелъ въ Хотемль, какъ мы знаемъ уже. Остается еще нѣсколько фамилій. Голозубовъ (4 дв.)

---

[1]) И. Бѣляевъ. О сторож. и станич. служ. стр. 24.

командированъ сюда, если можно такъ выразиться изъ д. Овсянниковой; но вѣдь это предположеніе основанное только на томъ, что надо было двигаться съ сѣвера на югъ, а Овсянникова лежитъ сѣвернѣй Солдатскаго. Мы знаемъ, что бывали попятныя движенія, особенно на близкихъ разстояніяхъ, а Овсянникова недалеко, и заимщикъ тамъ, ясное дѣло, былъ Овсянниковъ. Но вотъ еще фамилія въ Солдатскомъ Басовъ (8 дв.) если онъ изъ Басовой, гдѣ мы знаемъ такого заимщика, то это опять на сѣверъ [1]). Наконецъ, есть въ Солдатскомъ единственный дворъ Руцкого; если его еще считать солдатомъ, то ужъ совсѣмъ будетъ непростительно вѣдь Руцкіе—заимщики въ Ждановой и Клюшниковой, лежащихъ также сѣвернѣй с. Солдатскаго. Однако, при первомъ взглядѣ на карту, всѣ эти возраженія рушатся: правда, что помянутыя селенія лежатъ на сѣверо-западъ отъ Солдатскаго, но вотъ главное, всѣ они расположены внизъ по Усожѣ, а Усожа въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно поворачиваетъ на сѣверъ. Для заимщиковъ не зачѣмъ было разбирать, идутъ ли они на сѣверъ, или на югъ; они естественно держались рѣки, да еще родной рѣки, на которой успѣли прожить нѣкоторое время. И изъ Солдатскаго прямой ходъ былъ въ Овсянникову, въ Басову и даже въ Троицкое на Сучокъ. Этимъ путемъ и пошелъ Горбуновъ: сначала попалъ въ Овсянникову (3 дв.) потомъ въ Троицкое (10 дв.). Вѣдь и Фотьяновъ на югъ шелъ также по рѣкѣ Усожѣ, только чрезъ Холчанскіе притоки. Ужъ про Руцкаго я не стану спорить и только потому, что не имѣю подъ рукой данныхъ о количествѣ земли, числящейся за нимъ по Солдатскому. Можетъ быть, онъ тутъ зять, а можетъ быть и заимщикъ. Въ числѣ постороннихъ по владѣнной записи с. Солдатскаго числится два Руцкихъ изъ Клюшниковой. Значитъ два постороннихъ и одинъ свой—вотъ уже три владѣльца. Почему Руцкіе изъ Клюшниковой владѣютъ солдатской землей: если они взяли отсюда наслѣдницу, то надо допустить, что здѣшній Руцкой не иначе, какъ присталъ въ зятья. Далѣе по солдатской владѣнной въ постороннихъ значится 8 №№ Колоколова и 6 №№ Алферова. Поищемъ эти фамиліи по уѣзду и найдемъ ихъ въ сосѣдней деревнѣ Партиной: начните сличать остальныя тамошнія фамиліи и вы обрящете 1 дв. Басова, 2 дв. Горбунова, 1 дв. Емельянова, 21 дв. Колоколовыхъ, 5 Котляровыхъ, 5 Наздрачевыхъ, 4 Озерова, 1 Фотьяновъ и Рудневъ. Въ с. Солдатскомъ есть 4 двора Озеровыхъ. Разсматривая поуѣздный списокъ мы найдемъ эту фамилію кромѣ Партиной только во Ржавѣ, то-есть, на сѣверъ отъ Солдатскаго, но и во Ржавѣ ихъ всего 6 дворовъ [2]). Кромѣ того, въ Партиной

---

[2]) Но Басовы есть и на востокѣ отъ Солдатскаго, именно въ подгородныхъ фатежскихъ селеніяхъ, 13 дворовъ.

[1]) Тутъ же во Ржавѣ мы найдемъ и Наздрачевыхъ изъ Партиной.

имѣются 6 дв. Ассѣевыхъ, 6 дв. Алферовыхъ по 1 двору Аникѣева и Акинфіева. Въ Троицкомъ на Сучкѣ мы опять найдемъ Ассѣевыхъ, такъ что теперь при наличности Колоколовыхъ и Алферовыхъ въ спискѣ постороннихъ владѣльцевъ с. Солдатскаго и при полномъ совпаденіи, за исключеніемъ Ассѣева, Котлярова и Наздрачева фамилій д. Партиной съ фамиліями с. Солдатскаго, я положительно утверждаю, что д. Партина есть ничто иное, какъ отселокъ отъ с. Солдатскаго, занятый солдатами Колоколовыми, Котляровыми, Наздрачевыми съ оставленіемъ метрополіи, то-есть путемъ полнаго выселенія всего рода изъ Солдатскаго. Остальныя же фамиліи выслали туда въ Партину только нѣкоторыхъ своихъ членовъ. Такими же отселками являются Басова, Фатьяновка и, можетъ-быть, Троицкое на Сучкѣ. По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія въ д. Партиной заимщиками были Алексѣй Колоколовъ и Прокофій Озеровъ. Но свѣдѣнія эти собраны неполно, ибо дальше изслѣдователь записалъ: «по размежеваніи, землю разбили на 12 жеребьевъ, по числу 12 родовъ и каждый родъ дѣлили между собою сообразно владѣнію». Но во всей деревнѣ насчитывается 13 фамилій, изъ нихъ 6 одиночекъ,—очевидно, на фамилію Колоколова и другихъ пришлось по нѣскольку жеребьевъ,—что и указываетъ на то, что Партина была отселкомъ.

Что фатежскіе солдаты этого селенія могли двигаться внизъ по рѣкѣ Усожѣ, то въ этомъ я не вижу ничего невѣроятнаго и радъ, что данныя владѣнныхъ записей подтверждаютъ это. Чѣмъ, наприм., объяснить, какъ не этимъ движеніемъ по рѣкѣ, тотъ неважный фактъ, что въ крайнемъ пограничномъ селеніи Шетохинѣ мы въ заимщикахъ находимъ именно Алферова, а не Брехова изъ Рождественскаго или не Познахирева изъ болѣе близкаго селенія Ждановой? Почему именно изъ Партиной, что тоже изъ Солдатскаго? Къ разъясненію этого явленія мы и приступимъ.

Во второй половинѣ XVII в. солдатская служба была самою низшею. Солдаты верстались наименьшими окладами и чаще всего состояли изъ поголовно неверстаныхъ дѣтей служилыхъ людей, кромѣ того, были здѣсь и такъ называемые «даточные». Испомѣщались солдаты малыми дачами, но за то получали постоянное жалованье. Не совсѣмъ такъ было при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда только-что вводился иноземный строй: тогда солдатъ было еще немного и верстали ихъ сравнительно высоко. Тамъ, гдѣ какъ на Бѣлгородской чертѣ, московское правительство сосредоточивало главныя украинскія силы — служба солдатъ была нелегка. Нелегка она была, вѣроятно, и на Усожѣ, по крайней мѣрѣ, первое время. Когда же все вниманіе было перенесено на Бѣлгородъ и Валуйку, то очень немудрено, что про фатежское солдатское поселеніе забыли, то-есть, продолжая называть его по-старому—селомъ Солдатскимъ, стали трактовать его жителей, какъ обыкновенныхъ дѣтей боярскихъ. Мы знаемъ, что это означало: кормитесь

вы съ вашихъ помѣстій, а жалованье вамъ будемъ давать, когда вы будете на службѣ. И вотъ, волей-неволей, надо было служить кому полковую, кому городовую службу; въ нѣтяхъ сидѣть было трудно, да и невыгодно. Верстанные солдаты получали право на новое испомѣщеніе по своимъ пріискамъ. И тутъ Москва говорила: какое намъ дѣло, если хотите—ищите, бейте челомъ и мы дадимъ вамъ помѣстье, только помните, что для этого нужно служить: если вы можете пріѣхать на службу «конны и оружны», мы съ удовольствіемъ запишемъ васъ въ рейтары, намъ солдаты на Усожѣ теперь совсѣмъ ненужны. Знакомые наши изъ с. Солдатскаго: Емельяновы, Басовы, Фотьяновы, Волобуевы и др., очевидно, служили и испомѣщались кто гдѣ. Но вотъ Бильдинъ, Мясищевъ, Павловъ служили, повидимому, только изъ-подъ палки, а больше сидѣли въ нѣтѣхъ, и вотъ досидѣлись до того, что остались въ с. Солдатскомъ. Впрочемъ, и про нихъ нельзя сказать этого: быть можетъ, въ Курскомъ уѣздѣ и есть между однодворцами эти фамиліи. Намъ важно, что они не испомѣстились нигдѣ больше по Фатежскому уѣзду. Прослѣживая судьбу другихъ фамилій, мы должны придти къ тому выводу, что с. Солдатское было важнымъ разсадникомъ для Фатежскаго уѣзда: не шли изъ Солдатскаго только на верховье Усожи, гдѣ, очевидно, было и такъ густо, не шли за саянскую линію въ сѣверо-восточный уголъ, а наоборотъ четыре фамиліи пришли оттуда. Но за то шли внизъ по Усожѣ, не стѣсняясь сѣвернымъ направленіемъ, шли и на югъ къ слѣдующей рѣкѣ Курицѣ, и этотъ путь давно былъ знакомъ, ибо тамъ, въ д. Жировой была издревле сторожа. Теперь вопросъ, сколько же было солдатъ въ с. Солдатскомъ, что могли они высылать отъ себя піонеровъ чуть не во всѣ стороны. Тринадцать фамилій мы уже насчитали въ с. Солдатскомъ, нужно еще прибавить Яньшина (3 дв.), потому что этотъ родъ мы видимъ только въ Любажѣ, но Любажъ заселился позже Солдатскаго. Итого 14. Въ Партиной мы насчитали много несовпадающихъ фамилій, но ихъ надо разобрать; нельзя, напр., Акинфіева считать солдатомъ, ибо эта фамилія встрѣчается только въ пригородныхъ фатежскихъ слободахъ и больше нигдѣ. Послѣ такого разбора оказывается возможнымъ внести только Озерова, Колоколова, Ассѣева, Котлярова, Наздрачева и Руднева. Всего 6 фамилій. Такимъ образомъ, въ с. Солдатскомъ было поселено не менѣе двадцати солдатскихъ семействъ. Не нужно много времени, чтобы эти 20 семей разродились до громаднаго числа. Мы видѣли, что станицы въ шесть дворовъ быстро образовывали цѣлыя села. Но нашимъ станичникамъ, пожалуй, жилось легче, ибо помѣстья у нихъ были больше. Но и про солдатъ фатежскихъ надо сказать, что они не были стѣснены землей; если взять только землю с. Солдатскаго (1372 д.), то и тогда придется болѣе 60 десятинъ на дворъ, то-есть по 40 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ. Боевъ съ Золотухинымъ, какъ мы видѣли, по-

лучили только по 30 четей. Но на самомъ дѣлѣ испомѣщеніе солдатъ въ этой мѣстности было гораздо больше, ибо четверть нельзя приравнивать къ полутора десятинамъ. Такое необычайно высокое надѣленіе солдатъ въ Фатежскомъ у. не было въ видахъ правительства; оно сложилось само собой и только потому, что фатежскихъ солдатъ перестали трактовать какъ таковыхъ за ихъ ненужностью, оказавшеюся въ скорости въ этомъ мѣстѣ: ихъ молчаливо признали просто дѣтьми боярскими и предоставили право служить съ помѣстій; но такъ какъ въ этой мѣстности начинается суглинокъ, то неудивительно, если новоселы, пришедшіе сюда, стремились вознаградить себя за плохое качество почвы расширеніемъ своихъ владѣній въ старыхъ дачахъ и разсылкой подрастающаго поколѣнія въ сосѣднія мѣста на пріискъ новыхъ помѣстій.

Естественный ростъ населенія давалъ излишекъ, которому становилось тѣсно на старомъ мѣстѣ, да, наконецъ, и правительство не давало засиживаться «поспѣлымъ въ службу»: оно двигало ихъ на югъ, и часто принудительнымъ порядкомъ. Здѣсь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о принудительномъ выселеніи изъ сѣверовосточнаго угла Фатежскаго уѣзда, имѣвшемъ мѣсто въ 1648 году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича: тогда выслали отсюда «сведенцевъ» для поселенія на вѣчное житье въ г. Карповѣ (нынѣ село Обоянскаго уѣзда). Нашъ уголъ потерялъ значительное, по тому времени, число семействъ, но это не повліяло нисколько на ростъ населенія. Понятно, почему курскій воевода, кн. Лыковъ, получивши приказъ о сводѣ служилыхъ людей, бросился именно въ Обмецкій станъ, а не на Усожу, и не въ Курицкій станъ, гдѣ населеніе было пожиже. Напечатанныя у Богалѣя [1]) «курскія выборныя книги, каковыя прислалъ стольникъ и воевода князь Иванъ Лыковъ въ 156 году» даютъ богатѣйшій матеріалъ, какъ въ частности для провѣрки нашихъ предположеній о первозаимочныхъ фамиліяхъ сѣверовосточнаго угла Фатежскаго уѣзда, такъ и вообще о помѣстномъ хозяйствѣ въ половинѣ XVII вѣка на курскихъ черноземныхъ поляхъ. Разскажемъ, какъ написаны эти книги, а затѣмъ сдѣлаемъ изъ нихъ кое-какіе выводы.

Книги начинаются маленькимъ предисловіемъ о томъ, что по цареву указу и по наказной памяти воеводы курченинъ Артемовъ, да съ нимъ площадной подьячій Исаевъ, да разсыльщикъ Алтуховъ «въ Курскій уѣздъ въ Обмяцкій станъ ѣздили, и пріѣхавъ въ тотъ станъ курчанъ дѣтей боярскихъ, которые выбраны въ Карповъ на вѣчное житье, переписали по именамъ, женъ и дѣтей и братью и племянниковъ и внучатъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ, женатыхъ и холостыхъ, и сколько у нихъ дѣтей и сколькихъ лѣтъ, и сколько у кого лошадей и коровъ и всякой животины, и

---

[1]) Матеріалы, т. II, стр. 68 и слѣд.

хлѣба молоченаго и немолоченаго, и земли сѣяной ко 156 году, и сколько за кѣмъ государева жалованія помѣстья въ дачахъ чети, и сколько за кѣмъ крестьянъ и бобылей. И то все написали подлинно въ книги порознь по статьямъ». Ужъ изъ этого предисловія видно, что данныя, извлекаемыя изъ книгъ, должны быть весьма интересны, особенно если ихъ подсчитать, но прежде чѣмъ сдѣлать это, мы для образца, чтобы видѣть, какъ онѣ писались, выпишемъ нѣсколько статей. «Ерофей Ивановъ сынъ Горяиновъ, у него сынъ 20 лѣтъ, женатъ, да сынъ Яковъ 7 л. живутъ вмѣстѣ, животовъ троя лошади, корова сама друга, четверо свиней, 9 копенъ ржи, 4 к. овса, 2 десятины ржи въ землѣ, помѣстья въ дачахъ 20 чети, крестьянъ и бобылей нѣтъ»... Книги составлялись въ октябрѣ, и потому нѣтъ данныхъ о яровыхъ посѣвахъ. Всѣхъ сведенцевъ по этимъ книгамъ насчитывается 37 семействъ. Было бы для меня большимъ огорченьемъ, еслибы приводимыя въ этихъ книгахъ фамиліи не совпали съ нашими: это было бы прямымъ доказательствомъ тому, что матеріалъ владѣнныхъ записей непригоденъ для интересующихъ насъ изысканій. Но... изъ 37 семействъ, мы находимъ: трехъ Горяиновыхъ, трехъ Кононовыхъ, по одному Воробыхъ (Воробьевъ), Золотухина, Михайлова, Епишева, Жиронкина, Микулина, трехъ Сергѣевыхъ, двухъ Кобозевыхъ, двухъ Кутафиныхъ, Лыкова, Павлова, Сидорова—итого 22 семейства носятъ извѣстныя намъ фатежскія фамиліи. Но и еще есть нечуждыя Фатежскому уѣзду: Повѣткиныхъ (2 сем.) мы знаемъ, какъ щигровскихъ зятьевъ въ Скородномъ (Липиновой), про Пашкова также знаемъ, что онъ заимщикъ Курскаго уѣзда, и встрѣчали въ Фатежскомъ у. какъ зятя, кромѣ того, въ статьѣ Чулкова (33) мы читаемъ: «съ ними (съ братьями Чулковыми) вотчимъ Богданъ Ивановъ сынъ Сидоровъ, живутъ вмѣстѣ»... А по другой статьѣ, про Куприяна Сидорова сказано, что за нимъ «помѣстья нѣтъ ни одной чети». И по даннымъ владѣнныхъ записей мы не считали Сидоровыхъ заимщиками, а зятьями въ Липиновой. Поэтому сведенца Чулкова (хотя нынѣ ихъ тамъ нѣтъ) мы должны считать родомъ изъ Липиновой, онъ ушелъ въ Карповъ, но Сидоровъ, конечно уже третій, могъ остаться. Такимъ образомъ, 26 семействъ носятъ извѣстныя намъ фамиліи. Неизвѣстными остаются: Аспидовъ, Кокоревъ, Чуркинъ, Моисеевъ, Ачкасовъ, Минюковъ и Зиборовъ,—ни одна изъ этихъ фамилій въ Фатежскомъ уѣздѣ не встрѣчается; что касается еще четырехъ фамилій: Звегинцева, Калугина, Иванова и Лактіонова, то они есть въ уѣздѣ, и особенно много Лактіоновыхъ, но ихъ не было ни въ сѣверовосточномъ углѣ, ни въ прилегающей къ нему южной волости (Сергіевской) [1]).

[1]) Ивановы въ качествѣ заимщиковъ есть въ Бол. Анненковой на верховьяхъ Усожи, недалеко отъ Липиновой, но врядъ ли когда это селеніе считалось въ Обмяцкомъ стану. Это былъ уже Усожскій станъ.

Такъ или иначе, нужно считать, что одиннадцать семействъ носило одиннадцать неизвѣстныхъ намъ фамилій, а остальныя 26 семействъ носили 18 извѣстныхъ фамилій. Справляясь въ сосѣднихъ деревняхъ Щигровскаго уѣзда, мы также не находимъ этихъ фамилій: быть можетъ, онѣ сошли въ Карповъ, не оставивъ своихъ родственниковъ въ старыхъ своихъ селеніяхъ, и оказавшіяся пустыми ихъ помѣстья были разобраны инофамильцами, вопреки нижеприводимому нами указу отъ 6 февраля 1650 г. По нынѣшнимъ селеніямъ, сведенцы могли распредѣляться такъ: трое Горяиновыхъ изъ Полсела Горяинова, 2 Повѣткиныхъ изъ д. Повѣткиной Щигр. у., 3 Кононовыхъ изъ д. Дерловой, лежащей за саянской чертой въ Сергіевской волости, оттуда же изъ д. Умѣренковой Жиронкинъ и сл. Радиной Епишевъ. Послѣдній не внесенъ нами въ заимщики, хотя единственный дворъ въ д. Радиной имѣетъ 22,5 дес. земли. Далѣе Воробыхъ изъ Воробьевки, а Кобызевъ изъ Маньшиной, хотя теперь пишется фамилія эта черезъ «о», а не «ы». Золотухинъ изъ Никольскаго подъ Княжими или изъ Полсела Горяинова, Ивановъ изъ Богоявленскаго съ Усожи. Но самое крупное выселеніе коснулось с. Коронина и Скороднаго (Липинова). Изъ перваго сведенцы: Никулинъ, Михайловъ, Переверзевъ и Павловъ, а изъ второго трое Сергѣевыхъ, двое Кутафиныхъ, двое Чулковыхъ, судя по вотчиму, и Сидоровъ: всего 8 семействъ.

Всѣ данныя по книгамъ сведенцевъ можно свести въ одну такую таблицу: (Стр. 205).

Вчитываясь въ эти книги Карповскихъ сведенцевъ, мы находимъ нѣсколько важныхъ указаній на жизнь и хозяйство въ сѣверовосточномъ углѣ Фатежскаго у. въ половинѣ XVII вѣка. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что нѣкоторыя семьи, всего числомъ три, вовсе не имѣли помѣстій, но хлѣбъ сѣяли. Такъ, напр., за Михайловымъ значилось «десятина ржи въ землѣ сѣяна, помѣстья нѣтъ ни одной четверти». По чьей же землѣ они сѣяли? Трудно предположить по тому времени, что посѣвы эти производились на арендованныхъ земляхъ. Скорѣе можно допустить здѣсь захватный способъ, ибо земли необработанной было много; на крупнѣйшее помѣстье въ 110 четвертей у Ачкасова мы находимъ всего полчетверти посѣва; въ лучшихъ случаяхъ семья сѣяла 4 десятины. Но и этотъ захватъ былъ поставленъ въ тѣсныя рамки родовыхъ отношеній: врядъ ли тогдашній помѣщикъ позволилъ бы захватить свое помѣстье кому-либо, кромѣ своей родни. Всей помѣстной земли считалось $1847^1/_2$ четвертей за 35 испомѣщенными, въ среднемъ на одного помѣщика около 53 четей, при чемъ maximum достигалъ 110 четей, и minimum падалъ до 20. Четверо имѣли помѣстья по 100 и болѣе четвертей, семеро отъ 70 до 100, девятеро отъ 30 до 70, и менѣе 50 четей—15 семей. Испомѣщеніе можно считать высокимъ. Но культурная площадь все-таки должна быть признана

Статьи.	Имя, отчество и фамилія.	Взрослыхъ (бол. 14 л. мужчинъ).	Недоросл. до 14 л.	Крестьянъ и бобылей взрослыхъ	Дѣтей ихъ.	Четвертей помѣстья.	Посѣяно десятинъ.	Хлѣба немолочнаго копенъ. Ржи.	Овса.	Пшеницы.	Остального.	Хлѣба молочнаго четвериковъ курской мѣры.	Лошадей.	Жеребятъ.	Коровъ.	Телятъ.	Овецъ.	Свиней.
1	Вас. Мих. Горяиновъ .	3	2	—	—	85	3	15	6	5	—	—	2	—	1	1	5	8
2	Ал. Ив. Горяиновъ . .	1	1	—	—	85	1	5	4	—	—	8 ржи.	2	—	1	1	3	1
3	Егоф. Ив. Горяиновъ .	2	1	—	—	20	2	9	4	—	—	—	3	—	1	1	—	4
4	Исай Тим. Повѣткинъ .	3	—	—	—	50	3	15	5	8	—	4 р.	5	—	3	—	10	10
5	Аст. Тим. Повѣткинъ .	2	2	—	—	50	3	10	5	4	—	—	2	—	1	1	10	5
6	Степ. Серг. Кононовъ .	3	3	—	—	50	2	10	—	—	4 гр.	—	2	—	—	—	7	—
7	Ероф. Кир. Кононовъ .	2	1	—	—	20	3	—	5	—	—	12 р.	3	—	1	1	—	—
8	Арх. Степ. Кононовъ .	2	—	—	—	70	4	5	10	—	—	10 ржи.	2	—	1	2	4	—
9	Еф. Харит. Звегинцевъ.	2	3	—	—	60	3	20	20	—	—	—	2	—	—	—	5	5
10	Петр. Тар. Воробыхъ .	1	2	—	—	20	1	5	7	—	2 гр.	8 проса.	2	—	2	—	5	—
11	Власъ Ив. Золотухинъ.	2	3	—	—	40	4	20	10	—	7 гр.	2 коноп.	5	—	2	—	3	8
12	Ѳед. Ѳед. Калугинъ. .	2	2	—	—	80	2	10	7	—	—	—	3	—	1	2	8	6
13	Коз. Дм. Микулинъ . .	1	1	—	—	60	1	3	—	—	—	—	2	—	1	1	3	5
14	Петр. Моис. Михайловъ.	1	2	—	—	0	1	10	2	—	—	4 ржи. 2 пшен. 12 ржи. 2 овса.	4	—	1	1	10	5
15	Коз. Мак. Епишевъ. .	2	1	1	2	30	½	—	—	—	—	2 пшен.	2	—	1	1	5	3
16	Ѳ. и Б. Пом. Переверз.	2	2	—	—	45	3	15	4	7	—	— 8 ржи.	3	—	1	1	4	7
17	Вас. Тим. Зиборовъ. .	1	—	—	—	100	2	10	5	—	—	5 яров.	3	—	2	—	10	5
18	Сав. Евт. Жиронкинъ.	1	—	—	—	60	2	8	10	—	—	— 8 ржи. 2 овса.	1	—	1	—	3	3
19	Карпъ Ермол. Лыковъ .	2	2	—	—	0	3	20	6	5	—	24 проса.	4	—	1	1	10	1
20	Дан. Ив. Аспидовъ . .	2	—	1	—	50	3	15	8	2	—	2 греч. 10 ржи.	2	—	2	—	—	—
21	Никит. Карп. Лахтіоновъ	1	—	—	—	30	2	—	—	—	—	10 яров.	1	—	1	1	20	—
22	Ерема Мих. Сергѣевъ .	1	4	—	—	100	1	10	5	—	—	—	1	—	1	—	5	3
23	Ив. Ѳом. Сергѣевъ . .	1	—	4	3	90	1	10	4	4	—	—	1	—	1	—	5	3
24	Павелъ Зах. Сергѣевъ.	4	2	2	1	30	—[2]	—	5	3	—	10 ржи.	3	—	1	1	1	5
25	Мих. Гер. Моисеевъ .	1	2	—	—	25	1	5	—	—	—	8 ржи.	1	—	—	—	—	2
26	Фед. Арх. Кобызевъ .	2	—	—	—	45	2	10	6	4	—	—	1	—	—	—	2	1
27	Богд. Андр. Чуркинъ .	4	4	—	—	80	3	10	10	10	—	8 ржи.	3	—	2	—	10	8
28	Ѳед. Ѳед. Ивановъ . .	2	2	—	—	25	2	20	20	5	—	4 ржи. 2 пшен. 10 ржи.	4	—	2	—	10	10
29	Елиз. Ив. Кокоревъ. .	1	1	4[3]	3	50	2	10	6	4	—	2 овса.	1	1	—	—	2	3
30	Лука Мат. Кутафинъ .	2	1	1	—	20	4	15	10	—	—	—	2	—	1	—	3	4
31	Вас. Арт. Кутафинъ. .	2	—	—	—	70	3	4	6	—	—	1 конопли.	1	—	—	—	—	2
32	Давыд. Ив. Чулковъ .	3	1	—	—	100	3	20	6	—	—	10 всего.	3	—	2	—	10	—
33	Дан. и Ив. Степ. Чулковы	3[4]	—	—	—	25	3	30	7	—	—	10 ржи. 2 ржи.	3	—	1	1	20	10
34	Безчасной Ив. Павловъ.	3	4	—	—	20	2	15	10	5	—	4 проса. 5 ржи.	4	—	1	1	10	10
35	Купр. Понкр. Сидоровъ.	2	2	—	—	0	3	20	10	10	—	4 овса.	1	—	1	—	5	10
36	Артем. Ив. Пашковъ .	2	1	—	—	27½	3	10	10	—	3 гр.	4 ржи.	2	—	1	—	8	—
37	Фат. Анд. Ачкасовъ .	1	2	2	2	110	¼	12	10	—	—	2 овса.	2	—	1	—	4	—
38	Гавр. Богд. Минюковъ.	1	1	—	—	25	1	15	10	—	—	4 овса.	2	—	1	—	3	5
		73	55	15	11	1847,5	82¾	421	253	76	16	137 ржи.	90	2	41	18	239	192

[1]) Внуки, а самъ Кузька „пошелъ въ драгуны бѣгая“. [2]) Посѣвъ у крестьянъ 2 д. [3]) У этихъ крестьянъ 6 лош., 4 кор., 6 овецъ, по 10 коп. ржи, овса и пшеницы, ржи въ семьѣ 1½ д. [4]) Вотчимъ Сидоровъ.

ничтожной. Всей засѣянной рожью земли было $82^3/_4$ десятины, въ среднемъ на дворъ 2,1 десятины. Дабы сравнить эти данныя съ выведенными нами въ 1-й главѣ для конца XVI столѣтія, мы должны перевести десятины въ четверти. Тутъ будетъ, конечно, приблизительный учетъ, но допустивъ, что писецъ вынужденъ былъ бы посѣянную землю переложить въ четверти и внести ее въ рубрику «паханыя пашни», мы получимъ, что изъ 1847 четвертей съ осминой этой самой паханой пашни было бы 165 четей съ осминою, то-есть культурная площадь занимала 8,9%, то-есть на помѣстныхъ земляхъ нынѣшней Курской губерніи, въ сѣверной части ея, хозяйство шло въ XVII столѣтіи гораздо успѣшнѣй подмосковнаго помѣстнаго хозяйства въ концѣ XVI ст.

Этого и нужно было ожидать. Въ средней семьѣ сведенцевъ приходилось (считая бобылей и крестьянъ) болѣе полудесятины посѣва ржи на душу мужескаго пола. Если мы допустимъ, что женщинъ было столько же, сколько и мужчинъ, то выйдетъ на ѣдока по четверти десятины [1]). Это вполнѣ обезпечивало продовольствіе населенія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы не преуменьшать урожаи XVII вѣка, нельзя допустить, какъ допускаетъ И. Н. Миклашевскій, чтобы урожай овса для Курска выражался въ самъ $3^1/_2$ или для Ельца рожь самъ 2,2, овесъ самъ полтора [2]). Такое умаленіе произошло потому, что изслѣдователь слишкомъ довѣрчиво отнесся къ разысканной имъ «десятнѣ государевой десятинной пашни». Неужели можно хоть на единый мигъ допустить, что воеводы и замолотчики доносили въ Москву правду? Развѣ десятинная пашня—опытныя поля, находящіяся въ завѣдываніи научно заинтересованныхъ людей, публикующихъ точные результаты урожаевъ? Нѣтъ, десятинная пашня была ничѣмъ инымъ, какъ доходной воровской статьей для воеводъ и замолотчиковъ. Послѣдніе украдутъ изъ-подъ носа у воеводы, воевода же, въ свою очередь, украдетъ у казны, и въ концѣ концовъ получатся такія обворованныя числа, опираться на которыя прямо-таки грѣхъ. Нельзя, пользуясь такого сорта данными, дѣлать общій выводъ «о небольшой величинѣ урожаевъ у земледѣльцевъ XVII вѣка [3]). Нельзя, во-первыхъ, потому, что цифры обокрадены, а во-вторыхъ, при чемъ тутъ земледѣльцы XVII вѣка, когда дѣло идетъ о «принудительной» изъ-подъ палки воеводы пашнѣ и уборкѣ. Если мы теперь на своихъ урожаяхъ ежелѣть убѣждаемся, что десятины, вспаханныя за отработки, напр., за выпасы, прогоны и прочія чудеса нашего хозяйства, даютъ урожаи болѣе низкіе, чѣмъ десятины, обработанныя экономическимъ

---

[1]) Мы не ввели женщинъ въ таблицы, ибо по книгамъ курчанъ-сведенцевъ онѣ внесены невсюду; въ иныхъ статьяхъ есть малыя дѣти и ничего не сказано про женъ. У Золотухина на 5 мужчинъ ни одной женщины, то же у другихъ.

[2]) См. къ Истор. Хоз. б. ч. I, стр. 226 и 231.

[3]) Ibid., 227.

инвентаремъ, то что же было тогда, когда за соху принимались стрѣльцы и рейтары «въ неволю». Ничего тутъ земледѣльческаго нѣтъ, и казна скоро поняла безсмысленное паханіе государевой десятинной пашни и упразднила ее. Поэтому нужно искать иныхъ данныхъ, а пока они не разысканы, надо опираться на побочныя указанія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ случаямъ. Такъ, и въ разбираемыхъ нами книгахъ карповскихъ сведенцевъ, мы, между прочимъ, находимъ нѣкоторыя данныя объ урожаяхъ XVII вѣка. Какъ видно изъ прилагаемой выше таблицы, за сведенцами показаны немолоченный и молоченный хлѣбъ и посѣянныя рожью десятины. Сколько вышло сѣмянъ на посѣвъ? И. Н. Миклашевскій говоритъ, что въ Курскѣ сѣялось по четверти съ получетверикомъ. Я откидываю получетверикъ на совѣсть воеводы и предполагаю, что сведенцы сѣяли только по четверти, итого высѣяно 662 четверика и 137 четвериковъ лежитъ въ амбарахъ; кромѣ того, 421 копна стоитъ немолочена. Допустимъ, что съ копны можно намолотить всего осмину (были случаи, какъ указываетъ и Миклашевскій, что молотили и больше, даже воеводы), получится 1684 четверика, а всего 2483 четверика. Это собрано съ $82^3/_4$ десятины, ergo съ десятины около 30 четвериковъ, то-есть почти самъ-четыре; да надо вспомнить, что книги писались въ октябрѣ, что-нибудь же ѣли сведенцы со дня полученія новины. Мнѣ скажутъ, что въ прошломъ году сѣялось больше—этого я не могу допустить: въ XVII вѣкѣ сѣялось столько, сколько нужно было на пропитаніе семьи, и уменьшать посѣвъ не было никакого резона даже и сведенцамъ, которые могли не знать, что ихъ погонятъ въ Карповъ. Мнѣ скажутъ, что я не принялъ запасовъ во вниманіе, но были ли они въ тѣ времена—доказать нечѣмъ; если и были, то тѣмъ лучше, значитъ, не только хватало $^1/_4$ десятины на пропитаніе одного ѣдока, а даже еще оставалось; значитъ, въ среднемъ урожаи были гораздо выше. И дѣйствительно, такъ какъ по книгамъ сведенцевъ хлѣбъ мѣрялся въ курскую четверть, которая была очень велика, то 30 четвериковъ смѣло можно приравнивать нынѣшнимъ 60 пудамъ и не менѣе 55. И это урожай за продовольствіемъ въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ всего населенія. Кромѣ ржи въ Фатежскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII в. сѣялись овесъ, яровая пшеница, просо, гречиха и конопля, то-есть то же самое, что сѣется и теперь, съ замѣной лишь яровой пшеницы озимою. Если по нынѣшней истощенной выпаханной землѣ часто родится въ этихъ мѣстахъ до 120 пудовъ ржи, то по новинамъ XVII в., когда земля почти сплошь была дикимъ полемъ, урожаи можно смѣло удвоить. Только у семи сведенцевъ были крестьяне и бобыли и то въ незначительномъ количествѣ: у двухъ по 4 работника, у двухъ по два и у трехъ по одному. Слѣдовательно, землю пахали сами помѣщики, дѣти боярскія; пахали по-малу, но все-таки болѣе одной десятины озимаго въ среднемъ на работника, при чемъ наличность

въ семьѣ крестьянъ не увеличивала запашки. Изъ всѣхъ помѣщиковъ только Павелъ Сергѣевъ (24) вовсе не занимался хлѣбопашествомъ, за него сѣяли крестьяне. Просматривая величину помѣстій, мы находимъ нѣсколько половинщиковъ. Такъ Повѣткины, будучи родными братьями (оба Тимоѳеевичи) имѣли по 50 четей. Два Горяиновыхъ, очевидно, двоюродные братья или дядя съ племянникомъ, имѣли по 85 четей, третій же Горяиновъ, имѣлъ всего 20 четвертей. Три Кононовыхъ имѣли 70, 50 и 20 четв., но считать двухъ послѣднихъ половинщиками съ первымъ, я не осмѣливаюсь, ибо нѣтъ возможности допустить, чтобы при дѣлежѣ одному досталось 50 ч. а другому 20. Правда, съ имѣющимъ 50 ч. Кононовымъ жили вмѣстѣ три взрослыхъ брата, но тотъ кто имѣлъ 20 ч. жилъ одинъ. Одинъ Сергѣевъ имѣлъ 100 четвертей, другой 90, третій 30. Послѣдній по-моему, племянникъ второму, при чемъ племянникъ отъ такого брата, который имѣлъ трехъ сыновьевъ. Кутафины имѣли 70 и 20 чет. Такое сочетаніе опять-таки указываетъ или на отдаленное родство, или на различное испомѣщеніе, какъ у двухъ первыхъ Сергѣевыхъ. Давыдъ Чулковъ имѣлъ 100 четей, а два брата жившіе вмѣстѣ (№ 33) имѣли только 25 ч. Про нихъ, къ сожалѣнію, не сказано сколько имъ лѣтъ, но смотря потому, что при нихъ жилъ вотчимъ Сидоровъ и сами они были не женаты, можно считать ихъ не старыми, можетъ быть недорослями. Давыдъ же уже вдовъ, оба сына его женаты и имѣется внукъ трехъ лѣтъ—значитъ, Давыдъ уже старъ (дѣдъ), и для недорослей Чулковыхъ онъ могъ быть двоюроднымъ дѣдомъ. Братъ его, родной дѣдъ недорослей, могъ имѣть четырехъ сыновей, и дѣти одного изъ нихъ въ лицѣ недорослей Чулковыхъ, ради ихъ безземельнаго вотчима, попали въ сведенцы. Близкое родство между этими семьями устанавливается съ наглядностью. Остальные дворы одиночки разнофамильцы и между ними нечего искать парности: ихъ пары остались на родинѣ; что эти пары были—видно между прочимъ изъ статьи Пашкова: двадцать семь четвертей съ осминою; такая дробь не могла быть у первозаимщика при испомѣщеніи.

Не съ охотой шли фатежскіе сведенцы въ Карповъ, ни про кого изъ нихъ не написано, какъ про орлянъ дѣтей боярскихъ: «билъ челомъ государю и подалъ челобитную, чтобъ его написать въ Новой Карповъ городъ». Сведенные поневолѣ въ г. Карповъ, сведенцы были въ слѣдующемъ же году пожалованы особою милостью: «старыхъ ихъ помѣстій на Орлѣ и въ Курскѣ до государева указа отнимать не велѣно» [1]). Это частичное пожалованіе вызвало вскорѣ общую мѣру. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлалось со старыми помѣстьями сведенцевъ? Вынужденные уйти въ новыя назначенныя мѣста, сведенцы конечно должны были бросить «въ пустѣ»

[1]) Полн. Сбор. Зак. № 13.

прежнія свои помѣстья; сосѣди и всякіе сторонніе искатели сейчасъ же били челомъ о такихъ запустѣвшихъ помѣстьяхъ, и ихъ справляли за новыми челобитчиками. Но было ли это справедливо? вѣдь брошены эти помѣстья не по своей волѣ, а по приказу властей, по службѣ. По этимъ дѣламъ, очевидно, умножившимся къ половинѣ XVII ст., послѣдовалъ именной съ боярскимъ приговоромъ указъ, отъ 6 февраля 1650 г. съ такимъ предисловіемъ: на докладной выпискѣ, что били челомъ государю о помѣстьи Рылянъ, Богдана да Ивана Поповкиныхъ, помѣта думнаго дьяка Елизарова: Вел. Государь слушавъ указалъ и бояре приговорили: которые сведенцы изъ городовъ въ новые городы—и тѣхъ помѣстей до государева указу не давать и челобитчикомъ отказать». Такимъ образомъ, этимъ новымъ закономъ каждый изъ сведенцевъ оставался помѣщикомъ въ прежнемъ мѣстѣ своего жительства, чего раньше не было. Этимъ устанавливалась нѣкоторая связь новыхъ мѣстъ принудительнаго заселенія со старыми добровольными заимками. Но въ числѣ сведенцевъ было достаточное число безпомѣстныхъ—братьевъ и племянниковъ при испомѣщенномъ особо братѣ или дядѣ, и другихъ родственниковъ, по южнымъ воззрѣніямъ «подсосѣдниковъ». Эти ничего не теряли и шли на новыя мѣста охотнѣй. Такъ, наприм., въ 1640 г. «хотмышскіе новоприборные дѣти боярскія государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ оклады въ городѣхъ (прежнихъ) были неверстаны.... И тѣ дѣти боярскія за ихъ бѣдностью безконны и безоружны: для промыслу на воинскихъ людей изъ Хотмышска въ походы хотмышамъ дѣтей боярскихъ посылать не на чемъ и не съ чѣмъ» [1]). Не такими были фатежане, сведенные въ Карповъ: у нихъ на 38 дворовъ было 90 лошадей, 59 головъ рогатаго скота, 239 овецъ и 192 свиньи. Безлошадныхъ между ними вовсе не было, только у девяти дворовъ было по одной лошади, у остальныхъ отъ 2 до 4, и у двоихъ по 5 лошадей. У шести дворовъ не было коровъ, и вообще рогатаго скота было немного; овцеводство же было значительно распространено: только три двора не имѣли овецъ. На средній дворъ, правда, приходилось всего по $6_{,3}$ овцы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ было и по 20 овецъ. Почти то же нужно сказать про свиней. Вообще же мясное продовольствіе было обезпечено вполнѣ, и нынѣшнимъ однодворцамъ далеко до своихъ предковъ. Такимъ образомъ, богатѣйшій черноземъ не замедлилъ отразиться на благосостояніи населенія и оное стало усиленно плодиться. Несмотря на вольные и невольныя выселенія, народонаселеніе продолжало и продолжаетъ расти, такъ какъ главная причина этого роста—тучность почвы не утратила своего значенія и доднесь. Этотъ факторъ ослабѣлъ только тогда,

---

[1]) Ibid. № 26.

[2]) Багалѣя Матеріалы II т., стр. 33 и 36.

когда обнаружилось малоземелье, но это въ свою очередь усилило переселеніе [1]).

Перейдемъ теперь къ описанію другихъ крупныхъ селеній нынѣшняго Фатежскаго уѣзда. Мы уже сказали, что саянская линія была порвана с. Липиновымъ. За нимъ по сосѣдству лежали на западъ Дерлова и на югъ сборное селеніе Сергіевское; по сосѣдству съ Умѣренковой и Кононыхиной здѣсь гдѣ-то было сторожевье. Въ Дерловой мы видимъ опять около села нѣсколько деревень: Васильевку, Выш. и Ниж. Коноревку, Мартыновку, Усть-Моховой Колодезь и с-цо Козьмодемьянское; но въ этихъ деревенькахъ мы не видимъ особыхъ отъ села заимщиковъ, за исключеніемъ развѣ 4 дворовъ Лоторева въ Моховомъ, но можетъ быть онъ здѣсь зять или покупщикъ. Всѣхъ заимщиковъ въ Дерловой насчитывается опять-таки шесть: Юшковъ (20 дв.), Коноревъ (85), Долгополовъ (14), Кременицкій (39), Батинъ (13) и Кононовъ (4 дв.). Послѣдній плодился туже всѣхъ, быть-можетъ потому, что трехъ членовъ своихъ лишился въ 1648 г., когда сводили въ Карповъ. Кромѣ того, мы находимъ здѣсь до 12 разнофамильныхъ зятьевъ, чаще всего по два двора. Родъ Юшкова является неподвижнымъ и потому мы не встрѣтимъ его больше нигдѣ. То же самое представляютъ остальные роды за исключеніемъ лишь Кононова. Этотъ, помимо выселенія въ Карповъ, далъ заимщика еще на западъ въ сборное село Меленино на Усожу. Неподвижность остальныхъ объясняется спеціальной причиной: всѣ дерловцы—закоренѣлые старовѣры и благодаря этому не сватаются за православныхъ сосѣднихъ деревень, а позятьевщина, какъ мы знаемъ, была всегда первымъ шагомъ въ поступательныхъ движеніяхъ однодворцевъ.

С. Сергіевское подобно д. Горяиновой собралось изъ окружныхъ деревень: прежде всего здѣсь поселились Умѣренковы (54 дв.) не менѣе трехъ заимщиковъ, Бобриневъ (11 дв.) также изъ д. Умѣренковой и два двора Росинскихъ (24 дв.) изъ Останковой. Къ нимъ подсѣлъ Серпуховитинъ (7 дв.) изъ Кононыхиной, значитъ, не ранѣе 1736 г. Гораздо раньше пришли сюда и неизвѣстно откуда Евглевскій (22 дв.), давшій впослѣдствіи заимщика въ д. Якшину; Болтенковъ (8 дв.), Жуковицкій (6 дв.) и Сухочевъ. Родъ послѣдняго распространенъ на западѣ уѣзда значительно, однако нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы заключить, куда онъ пришелъ раньше. Затѣмъ изъ Короніной сюда пришелъ Бурцевъ (14 дв.). Такимъ образомъ первоначально заселилось не менѣе 12 дворовъ. Въ этой же деревнѣ мы встрѣчаемъ два двора рѣдкой фамиліи, но бывшей въ числѣ заимщиковъ въ сосѣднемъ селеніи и слободкѣ Радиной—Епишевыхъ. Кромѣ

---

[1]) По даннымъ земской переписи до 1878 г. ушло на переселеніе дв. и съ 1878 по 1883 г. дворовъ. Сборн. Фат. у. 1883 г. стр.

того, мы насчитываемъ здѣсь 12 фамилій позднѣйшихъ зятьевъ или покупщиковъ, больше одиночекъ.

Верховье Усожи было очень рано заселено передовыми аванпостами Московскаго государства, здѣсь также вѣроятно остановились станицы, хотя указаній на это нѣтъ. Раньше другихъ, повидимому, основалось с. Богоявленское. Здѣсь было шесть заимщиковъ: Кретовъ (21 дв.), передвинувшійся изъ болѣе сѣвернаго селенія Молотычей, Бредихинъ (28 дв.), неизвѣстно откуда пришедшій, Выскребенцовъ (9 дв.) изъ Брусового (сѣв.-вост. уголъ) и также Плохихъ (10 дв.), Дьяконовъ (5 дв.) изъ Маньшиной и Вожевъ (18 дв.) тоже вѣроятно изъ сѣверовосточнаго угла, или же эту фамилію надо трактовать, какъ прозвище. Кромѣ того, вѣроятно очень рано подселились Стоходовъ (6 дв.) и Воронцовъ (6 дв.) изъ Самодуровки, самаго сѣвернаго селенія Фатежскаго уѣзда. Остальныя девять фамилій принадлежатъ позднѣйшимъ зятьямъ. С. Богоявленское уже давно слилось съ двумя большими деревнями Бол. и Мал. Анненковыми. Это нѣчто среднее между сборнымъ и исконно-родовымъ селеніемъ: не подлежитъ сомнѣнію, что первозаимщикомъ былъ Анненковъ. Но неизвѣстно, въ какой изъ двухъ Анненковыхъ онъ поселился раньше: въ настоящее время въ Большой Анненковой ихъ 16 дворовъ, а въ Малой 25. Изъ этого отнюдь нельзя заключать, что Малая Анненкова была раньше занята: мы не разъ видѣли, что на новыхъ мѣстахъ однодворческіе роды часто плодились быстрѣй, чѣмъ на старыхъ. Въ Бол. Анненковой, рядомъ съ Анненковымъ заняли жеребья: Ивановъ (15 дв.), Семеновъ (24 дв.), Шеховцовъ (11 дв.), Денисовъ (23 дв.), Шаховъ (8 дв.) и Зубковъ (18 дв.) [1]). То же самое надо сказать объ Овсянниковѣ (5 дв.), который могъ придти изъ Самодуровки и купить здѣсь землю. Остальныя десять фамилій принадлежатъ зятьямъ-одиночкамъ. Въ Малой Анненковой мы видимъ изъ этихъ фамилій только три: Анненкова, Денисова (5 дв.) и Зубкова (16 дв.). Къ самостоятельнымъ заимщикамъ можно отнести хотя съ большой натяжкой только Венковатаго (6 дв.), но легко можетъ быть, что онъ зять или покупщикъ. Эту деревню можно считать вымирающей, такъ какъ на 65 дворовъ насчитывается 12 зятьевъ-одиночекъ, и между ними есть очень крупные зятья [2]), ясный признакъ, что населеніе туго плодится. Эти деревни, а равно и с. Богоявленское до сихъ поръ неразмежеваны съ частновладѣльческими землями. Помѣщичьи усадьбы перерѣзаютъ однодворческія, расположенныя по обѣимъ берегамъ р. Усожи. Насколько я освѣдомленъ, такихъ усадебъ здѣсь не менѣе семи: очевидно, нѣкогда и онѣ принадлежали слу-

[1]) Мѣстные изслѣдователи утверждаютъ, что въ Бол. Анненковой было всего три рода: Анненковъ, Зубковъ и какая-то еще фамилія, которую трудно разобрать. Не относится ли это къ Малой Анненковой, и тогда третьимъ будетъ Венковатый.

[2]) Напр., Макаренковъ $31,_4$ дес., Мацневъ 2 дв. по $25,_8$.

жилымъ людямъ, и каждая изъ нихъ имѣла своего заимщика. Такимъ образомъ, мы имѣетъ дѣло не съ тремя селеніями, а гораздо больше. Но все это слилось и перепуталось, такъ же какъ и неразмежеванная земля, и разобраться здѣсь очень трудно. Я такъ представляю себѣ заселеніе этой мѣстности. Сначала поселилось нѣсколько заимщиковъ на правомъ берегу Усожи съ московской стороны. Очень можетъ быть, что раньше всѣхъ явился Анненковъ, именемъ коего и стали называться обѣ деревни. Затѣмъ, первозаимщики перешли на лѣвую сторону, и вотъ въ это-то время могли подсѣсть къ нимъ новые присельники, шедшіе въ большинствѣ случаевъ съ сѣвера изъ Самодуровки и Теплаго.

Ниже Анненковой съ правой стороны впадаетъ въ Усожу р. Гниловодъ; самое названіе показываетъ, что рѣчка эта неважная, но на ней рано закипѣла жизнь. Раньше другихъ здѣсь стали д. Банина и Брехова съ заимщиками, носящими соотвѣтствующія фамиліи, сюда же надо отнести Антиповку, гдѣ заимщикомъ былъ Антиповъ. Но центръ тяжести скоро перешелъ на с. Хмѣлевое.

Въ Баниной было всего три заимщика: Банинъ (25 дв.), Лысыхъ (28 дв.) и Ламоновъ (18 дв.). Къ нимъ рано неизвѣстно откуда пристали старинные зятья или покупщики Гранкинъ (6 дв.) [1]) и Дмитровъ (8 дв.) изъ сосѣдняго села Архангельскаго. Остальныя 12 фамилій принадлежатъ болѣе позднимъ зятьямъ. С. Архангельское съ д. Антиповкой имѣло не болѣе шести заимщиковъ: Дмитровъ (10 дв.), Антиповъ (10 дв.), Зубковъ (16 дв.), Щекотихинъ (16 дв.), Сапроновъ (6 дв.) и Кислинскій (5 дв.). Очень можетъ быть, что къ нимъ надо отнести и 8 дворовъ Петина. Но вотъ основывается с. Хмѣлевое съ д. Бреховой, д. Хмѣлевой и д. Ламоновкой, и вся эта мѣстность скоро принимаетъ характеръ сборнаго селенія. С. Хмѣлевое дѣлится на двѣ части, правую и лѣвую сторону по рѣкѣ. Прежде была заселена правая сторона, сюда пришли: Зубковъ (35 дв.) по всей вѣроятности изъ Анненковой, а не наоборотъ, Изотовъ (22 дв.) неизвѣстно откуда, Шевляковъ (21 дв.) быть-можетъ изъ Коронина, Рудаковъ (29 дв.) неизвѣстно откуда, Алферовъ (10 дв.), Сорокинъ (19 дв.), Кичигинъ (12 дв.) изъ Нов. или Ст. Головинки. Итого не менѣе семи заимщиковъ. Да въ смежную Брехову одновременно въ этимъ, кромѣ Брехова (7 дв.) и Курасова (6 дв.), которые могли придти немного раньше, пришли Соболевъ (20 дв.), Псурцовъ (14 дв.), Потаповъ (6 дв.)—всѣ неизвѣстно откуда, и Анпилоговъ (18 дв.), пришедшій изъ Никольскаго подъ Княжими: итого шесть заимщиковъ. Всего же въ двухъ селеніяхъ не меньше 13 дво-

---

[1]) Хотя въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Курской губерніи, т. XX, стр. 161, № 2955, Банино и называется Гранкино тожъ, но въ преданіяхъ однодворцевъ объ этомъ ничего не сохранилось, и Банину никто не называетъ Гранкиной.

ровъ. Лѣвая сторона Гниловода оставалась нѣкоторое время незаселенною, но вотъ нужда въ землѣ начинаетъ сгонять сюда изъ разныхъ мѣстъ насельниковъ: здѣсь мы насчитываемъ 28 разныхъ фамилій, и между ними иныхъ надо признать заимщиками (напр., Малаховъ $26_{,7}$ дес.). Кого же мы тутъ видимъ: конечно Золотухина (6 дв.), Савенкова (8 дв.) изъ Брусового, Горяинова (4 дв.), Щелкунова (11 дв.), Коростелева (13 дв.) и Кичигина (4 дв.), съ правой стороны; Воронцова (2 дв.) изъ Самодуровки, Зубкова (3 дв.) изъ Анненковой, единственнаго Бильдина изъ Солдатскаго, шестерыхъ Ближенскихъ, столько же Поляевыхъ, 11 Сухоруковыхъ, 12 Кишкиныхъ, 4 Андросовыхъ, трехъ Карандаковыхъ, шестерыхъ Пахомовыхъ (изъ Брусового), трехъ Зуевыхъ, Лунева и Воробьева и еще нѣсколько фамилій. Короче говоря, это сбродъ изъ окрестностей, а иногда и не знаешь даже откуда. Это третье по счету сборное селеніе въ Фатежскомъ уѣздѣ. Оно образовалось не раньше начала XVIII столѣтія. Своимъ вселеніемъ оно однакоже не внесло путаницы въ окружающія деревни: ни съ правой стороны, ни изъ Бреховой, тамошніе заимщики не приселились къ лѣвой сторонѣ, хотя дача оставалась неразмежеваной и во время генеральнаго межеванія попала въ одну окружную межу. Что касается д. Хмѣлевой и Ламоновки, то онѣ особыхъ заимщиковъ не имѣли, а были просто притянуты къ селу: первая Алферовымъ къ правой сторонѣ, а вторая Щелкуновымъ къ лѣвой, при чемъ родъ Коростелева дѣйствовалъ въ обѣихъ деревушкахъ. Такъ какъ въ Баниной мы видѣли заимщика Ламонова, то, можетъ быть, онъ первый занялъ урочище, называемое нынѣ Ламоновкой, но въ ней не осталось ни одного двора этой фамиліи: значитъ, или земля эта была отбита у Ламонова, или куплена. Ниже мы увидимъ, что Ламоновы любили продавать и мѣнять свои помѣстья.

Немного раньше образовалось лежащее на Усожѣ при впаденіи Гниловода с. Глѣбово. Оно первоначально было двуфамильнымъ родовымъ селеніемъ, но затѣмъ сдѣлалось сборнымъ. Заимщиками здѣсь были Глѣбовъ (60 дв.) и Лукъянчиковъ (47 дв.), пришедшіе вѣроятно издалека, изъ Орловской губерніи. Они пришли именно сюда. и уже отсюда сталъ разселяться по югу уѣзда родъ Лукъянчикова, а Глѣбовъ остался неподвижнымъ родомъ, давши за все время только трехъ зятьевъ въ с. Меленино. Вскорѣ къ нимъ приселились въ качествѣ самостоятельныхъ заимщиковъ: Сидоровъ (24 дв.) изъ сѣверо-восточнаго угла уѣзда, Анненковъ (8 дв.) и Зубковъ (11 дв.) изъ Анненковой, Броховъ (7 дв.) съ Гниловода, Косиловъ (3 дв.) и Емельяновъ (2 дв.) изъ Солдатскаго и неизвѣстно откуда Хархардинъ (5 дв.) и Наумовъ (3 дв.), а Курасовъ, имѣющій нынѣ всего 2 двора, былъ самостоятельнымъ заимщикомъ, что, какъ увидимъ, подтверждается документально. Такъ какъ дача Глѣбовская тянулась на нѣсколько верстъ къ югу и сѣверу, то одинъ изъ дворовъ Лукъянчиковыхъ отсѣлъ

на край дачи, въ д. Шмарную, къ нему сейчасъ же подсѣли однодворцы Ванинъ (6 дв.), старинный зять изъ Глѣбовой, Лысыхъ (2 дв.) изъ Баниной, Мезенцевъ (26 дв.) изъ Теплаго, Луневъ (7 дв.) и Брусенцевъ (13 дв.), оба изъ Гаева, Чаплыгинъ (10 дв.) изъ Чаплыгина, только Голодниковъ (20 дв.) неизвѣстно откуда взялся. Послѣ размежеванія связь между Глѣбовымъ и Шмарной порвалась конечно, и такимъ образомъ произошло два сборныхъ селенія.

Чтобы судить, что такое была Глѣбовская дача, нужно обратить вниманіе на описаніе ея границъ и урочищъ, сдѣланное отказчикомъ въ 1676 году. Изъ грамоты этого года, какъ будто видно, что въ предѣлахъ Фатежскаго уѣзда долгое время была незаселена, повидимому, громадная полоса, шедшая отъ Кромскаго рубежа параллельно саянской линіи, и кончавшаяся на югѣ Жировской дачей, гдѣ была станица еще въ 1623 году. Приводимъ точную копію съ копіи этой важной для насъ грамоты.

«Выпись съ отказныхъ книгъ отказу курченина Моисея Макарова сына Горяинова, а вотказныхъ книгахъ написано, лѣта 7184 году декабря въ 29 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея в. и м. и б. Р. самодержца указу, и по памяти изъ помѣстнаго приказу за приписью дьяка Семена Румянцева, и по наказу боярина и воеводы князя Гр. Гр. Ромадановскаго съ товарищи, за приписью дьяка Сидора Сиверцова, по челобитью курчанъ Ѳедота Савина сына, Василья Осипова сына, Ѳедора Петрова сына Курасовыхъ, Афонасья да Дениса Власовыхъ дѣтей, Корнея Федорова сына, Тимофея да Ѳомы Остаховыхъ дѣтей Глѣбовыхъ, Потапа да Ивана Семеновыхъ дѣтей Емельяновыхъ, Прокофья Алисова сына, Максима Гаврилова сына Лукъянчиковыхъ, Ивана Трофимова сына Полянскаго, Ивана Трафимова сына Бурцова, Никифора Иванова сына Зубова, всего 16 человѣкъ, курченинъ Моисей Макаровъ Горяиновъ ѣздилъ въ Курской уѣздъ, въ Усожской станъ, на пустошь дикое поле на рѣчку на Усожу; а пріѣхавъ взялъ, съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, поповъ и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, да про тое пустошь дикое поле про порожжую землю сыскивалъ всякими сыски накрѣпко большимъ повальнымъ обыскомъ, тут. и стор. многими людми (перечисленіе по сословіямъ)... по заповѣди господни, пустошь дикое поле въ Курскомъ уѣздѣ, въ Усожскомъ стану, на рѣкѣ на Усожѣ *выше* деревни Мелениной до Гниловода до рѣчки, на гору по рѣкѣ по Усожѣ, по обѣ стороны рѣки Усожи, да на гору по рѣчкѣ Гниловоду по обѣ стороны, по большую московскую дорогу до Гнилой Плоты, до рѣки Усожи, по дачи помѣщиковъ деревни Жировой по Хотемское верховье, а отъ верховья прямо къ Плотавому лѣсу, сверхъ дачъ Жировскихъ помѣщиковъ Григорья Жирова стоварищи, да отъ

Шмарнова болота Блудящей верхъ [1]) по Плотавый лѣсъ, на гору по рѣчкѣ по Усожѣ къ рѣчкѣ Гниловоду, и по обѣ стороны гнилой Плоты до рѣки Свапы по Кромской и Орловской рубежъ. А въ тѣхъ урочищахъ двѣ рѣчки Желени и Желенскіе Лѣски [2]) по Молотычевъ Колодезь, и по обѣ стороны Молотычева Колодезя, *смежно и вопче* съ помѣщики деревни Мелениной да деревни Головиной, да деревни Жировой съ помѣщики жъ... про дикое поле на тысячу четвертей въ поле, а вдву потомужъ, Ѳедоту Курасову 70 четей Максиму Лукъянчикову, Афанасью Глѣбову по 60 четей, Никифору Зубову, Ѳедору Глѣбову по 50 четей, Тимофею да Ѳомѣ Глѣбовымъ, Потапу Емельянову по 40 четей, Денису да Карнею Глѣбовымъ, Василью да Ѳедору Курасовымъ, Ивану Емельянову, Прокофью Лукъянчикову, Ивану Полянскому, Ивану Бурцову по 35 четей, въ помѣстье со всѣми угодьи сыскивалъ всякими сыски накрѣпко большимъ повальнымъ обыскомъ курченинъ Мосей Горяиновъ; по сыску своему то дикое поле велѣлъ измѣрять въ десятины и десятины мѣрялъ въ длину по 80 саженъ, а поперекъ по 30 саж. изверставъ пашню во всѣхъ трехъ поляхъ ровно, на тысячу четвертей въ поле, а въ дву потомужъ, а сѣнные покосы по обѣ стороны рѣки Усожи и по обѣ стороны усожскаго верховья, по лугамъ и верхамъ и по дубровамъ, а верховья рѣки Усожи по лугамъ и по дубровамъ, по лѣвую сторону смежно съ помѣщики деревни Мелениной, деревни Жировой, да въ верховьяхъ рѣки Усожи по правую сторону по лугамъ, и по дубровѣ, и по оврагамъ, и по отвершкамъ, которыя тянутъ въ рѣку Усожу, и въ рѣку Гниловодъ, и въ Гнилую Плоту, и по обѣ стороны рѣки Усожи и Гнилой Плоты, и рѣчки Гниловода потомужъ измѣрялъ въ десятины и по государеву и цареву в. к. Алексѣя Михайловича и т. д. указу и по грамотѣ... Мосей Горяиновъ по сыску, и по описи, и по мѣрѣ пустошь дикое поле порожжую землю въ Курскомъ уѣздѣ въ Усожскомъ стану на р. Усожи выше д. Мелениной до Гниловода и т. д. (какъ выше). Да въ тѣхъ же урочищахъ хмѣлевая лоза и всякія угодья отказалъ со всѣми угодьи, да имъ же помѣщикамъ въ своихъ дачахъ по своей помѣстной землѣ оба берега р. Усожи рыбныя ловли, да имъ же въ своей дачѣ пашня пахать и сѣно косить, и лѣсъ селидебной и дровяной сѣчь, и всякими угодьями владѣть въ тѣхъ же урочищахъ, которые писаны выше сего».

Въ этой выписи прежде всего бросается въ глаза необычайная неопредѣленность установленія границъ и ихъ ширина: въ самомъ дѣлѣ отъ Свапы до верховьевъ Курицы, какъ бы узко не протянуть полосу, надо захватить около десяти тысячъ десятинъ. Но проводимая по выписи полоса не отличалась узостью: она шла по обѣ стороны Молотыча, захватывала

[1]) Нынѣ лѣсъ Блудный въ х. Кочеткѣ на верховьяхъ р. Курицы, тутъ же Плотавый лѣсъ.

[2]) Урочище Лѣски нынѣ во Ржавѣ.

двѣ рѣчки Желени, Гниловодъ, Гнилую Плоту, Усожу по обѣимъ сторонамъ и даже верховье Усожи, хотя мы знаемъ, что на верховьяхъ осѣли уже дѣти боярскія и Ивановъ былъ взятъ оттуда въ Карповъ еще въ 1648 г. Далѣе всѣ верхи и овраги, «которые тянутъ въ рѣку Усожу и Гниловодъ», а здѣсь одинъ Шмарненскій логъ тянется на 15 верстъ, если не больше, и начинается на водораздѣлѣ съ Курицей, именно Блудящимъ лѣсомъ. Сверхъ всего этого еще верховье рѣки Хотемли. Если всю эту область «смѣтить» въ десятины, то надо получить не менѣе сорока тысячъ десятинъ. И что же мы видимъ по выписи: на югѣ этого необитаемаго острова живутъ жировскіе помѣщики, на западѣ д. Меленина и на сѣверѣ Головина. Про Анненкову ни слова, словно на востокѣ пустыня. Въ числѣ тутошнихъ и стороннихъ людей были призваны попы, но изъ какихъ селъ? Тогда Меленина еще писалась деревней, тоже Жирова. Значитъ, изъ села Глѣбова, но про него вовсе не упоминается. Быть можетъ изъ с. Хмѣлевого, но Хмѣлевое означено какъ урочище, изобиловавшее хмѣльниками—«хмѣлевою лозою». По одной купчей 1718 года Глѣбово уже пишется селомъ, но врядъ ли оно было таковымъ въ 1676 году, когда писалась выпись. Далѣе, въ числѣ тутошнихъ мы видимъ крестьянъ; это конечно не государевы, а помѣщичьи крестьяне. Гдѣ же они жили: неужели только въ Жировой и Головиной? Мало того, нынѣшнее село Глѣбово заселилось раньше 1676 года и это видно вотъ изъ чего. По другому старинному документу 17 сентября 1763 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, изъ коего мы приведемъ здѣсь одно мѣсто: «билъ челомъ с. Глѣбова однодворецъ Никита Васильевъ сынъ Курасовъ, въ прошлыхъ де годѣхъ прадѣда Осипа Савина сына и дѣда его родныхъ Василья Осипова сына, и отца его Василья, и дяди его родного Кирилла Васильевыхъ дѣтей Курасовыхъ волею Божію не стало, а недвижимаго имѣнія за ними было въ Курскомъ уѣздѣ въ Усожскомъ стану въ помянутомъ селѣ Глѣбовѣ, въ пустоши дикомъ полѣ на рѣчки на Усожи выше деревни Мелениной» и т. д. знакомыя намъ урочища. Челобитчикъ Никита называетъ помѣстье недвижимымъ имѣніемъ, бывшимъ за его прадѣдомъ, а между тѣмъ прадѣдъ не значится по выписи: есть его сынъ, дѣдъ челобитчика и братъ по отчеству Савинъ. Возстановить родословную Курасовыхъ нетрудно.

Неравное испомѣщеніе дяди и племянниковъ требовалось царскими наказами, оберегавшими родовые счеты испомѣщаемыхъ. Но Осипъ, братъ Ѳедота, жилъ уже въ Глѣбовѣ, о чемъ заявилъ челобитчикъ. Не жилъ ли тамъ и родоначальникъ Савва? Но онъ скорѣе могъ жить въ Бреховой и передвинуть оттуда своихъ трехъ сыновьевъ, которые нѣкоторое время жили неиспомѣщенными.

Приведенная нами выпись писалась Горяиновымъ въ декабрѣ, и уму непостижимо, какъ это могъ отказчикъ Горяиновъ подъ снѣгомъ измѣрить такое громадное пространство въ десятины и положить въ четверти: ясное дѣло, все это писалось со словъ, и словамъ дана была полная воля. И дѣйствительно, рѣдко приходится встрѣтить подобныя отказныя грамоты: немыслимо закончить выпись, какъ закончилъ подкупленный или споенный до зеленаго змѣя курчанинъ Горяиновъ: всегда приписывалось «въ лѣсъ ѣздить вопче съ прочими помѣщиками» или даже «съ уѣздными людьми» сѣно косить и пашню пахать въ рядъ той деревни съ прочими помѣщики или «черезъ десятину»... А здѣсь коротко и ясно «въ урочищахъ, которыя писаны выше сего». Принимая громадность площади, это все равно, что сказать: паши, гдѣ хочешь; но Москва не любила такъ выражаться. Поэтому неудивительно, что приведенная выпись написана была неумѣлой рукой, человѣкомъ, которому «земляное дѣло не за обычай» было. Онъ писалъ, очевидно, не понимая, что пишетъ, и если понималъ, то не умѣлъ выразить своей мысли; онъ не умѣлъ считаться съ окружающими обстоятельствами и почему-то видѣлъ изъ нихъ только три и притомъ ужъ очень крупныя, а именно: дачу сосѣдней деревни Мелениной, южной Жировой и сѣверной Головиной. Но до послѣдней не менѣе 30 верстъ отъ Глѣбовой. Удивительная дальнозоркость и въ то же время поразительная близорукость. По близорукости отказчикъ отказалъ двѣ рѣчки Желени и я положительно удивляюсь, какъ онъ могъ игнорировать дачу Ивлія Непочатаго въ Горкахъ, дачу Епифана Жердева, Брехова, Антипова. Отдавъ Желенскіе лѣски, отказчикъ ничего не сказалъ про Ржаву. Эта путаница не замедлила въ дальнѣйшемъ отразиться на исторіи землевладѣнія: рано или поздно долженъ былъ явиться такой собиратель земли, для котораго неясность отказной грамоты могла сослужить громадную услугу. Такому собирателю стоило только скупить нѣсколько четвертей земли въ Хмѣлевомъ, въ Молотычахъ, во Ржавѣ, въ Глѣбовой, въ Блудящемъ лѣсу около Жировой, на Хотемли и т. д. Затѣмъ понасажать крестьянъ и заставить ихъ пахать и припахивать, сколько осилятъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, вѣдь все это «въ своихъ граняхъ и межахъ». Эти чисто насильственныя распашки будутъ признаны при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ правомѣрными. По межевой инструкціи при опредѣленіи ихъ размѣровъ, будутъ руководствоваться числомъ положенныхъ въ ревизію крестьянскихъ душъ, а при

спеціальномъ размежеваніи можно будетъ примѣнить иныя мѣры, и получится очень много земли. Такимъ собирателемъ явился въ срединѣ XVIII столѣтія прапорщикъ Михаилъ Ѳедоровичъ Заикинъ. Въ самое короткое время онъ, благодаря путаницѣ въ отказной грамотѣ 1676 г., сосредоточилъ въ своихъ рукахъ громадное количество земли. Такъ, напр., въ Хмѣлевомъ 90 лѣтъ назадъ ему было вырѣзано 1850 десятинъ, въ Молотычахъ около 700, въ Глѣбовой около 800, въ Блудящемъ 600, во Ржавѣ 400, въ Кошарахъ и т. д., всего болѣе 6000 десят. Цифры эти скорѣе преуменьшены, такъ какъ за надѣломъ крестьянъ послѣ 1861 г. трудно установить ихъ съ точностью. Почему собиратель Заикинъ дѣйствовалъ только въ предѣлахъ Глѣбовской дачи, намъ это теперь очень понятно. Но остается невыясненнымъ, почему рядомъ съ приведенными 16-ю заимщиками мы видимъ другихъ, не только въ разныхъ пунктахъ, означенныхъ выписью, но и въ самомъ селѣ Глѣбовѣ. Во-первыхъ, многіе изъ нихъ могли явиться позже 1676 года и бить челомъ о лишнихъ сверхъ дачъ земляхъ, а во-вторыхъ, много отказовъ состоялось гораздо раньше 1676 г. и заимщики могли имѣть особыя крѣпости. Если такихъ крѣпостей не было у лѣвой половины Хмѣлевого, то у правой они были навѣрно; также у трехъ родовъ д. Анненковой. Сидоровъ, пришедшій въ Глѣбово изъ сѣверовосточнаго угла, могъ сѣсть или на купчей землѣ, или на челобитной.

Пересматривая фамиліи нашей выписи, мы находимъ три перводачника Курасовыхъ, шесть Глѣбовыхъ, двое Емельяновыхъ, двое Лукъянчиковыхъ, по одному Бурцева, Зубова и Полянскаго. Только послѣдняя фамилія пропала безслѣдно; правда, на лѣвой половинѣ Хмѣлевого, мы находимъ 6 дворовъ Поляевыхъ, но врядъ ли могла такъ сильно измѣниться фамилія Полянскаго. Что касается другихъ фамилій, то Емельяновы—солдаты, Бурцевъ пришелъ изъ Сергіевскаго, куда попалъ изъ Коронина, Курасовъ могъ жить раньше въ Бреховой, остальные неизвѣстно откуда. Достойно вниманія, что родъ Емельяновыхъ, подобно роду Курасова, не удержался въ Глѣбовой, ихъ тамъ всего два двора; родъ этотъ двинулся на р. Хотемль, оттуда въ Жирову. Курасовъ же подвергся другимъ теченіямъ. Какъ мы уже знаемъ, въ 1763 г. челобитчикъ Никита Курасовъ справилъ за собой отцовское и дядино недвижимое имѣніе, да, какъ видно по тому же документу, «послѣ второй ревизіи двоюродный братъ челобитчика Дмитрій съ сыномъ» сошли на украинскую линію въ крѣпость Св. Прасковеи «и тамъ землями устроены... и живучи тамъ померли бездѣтны, а Власовъ сынъ Иванъ... умре жъ». Еще родственникъ, Парѳенъ Курасовъ, уходя также на линію, въ 1746 г. написалъ тому же Никитѣ купчую. Затѣмъ, по купчей 1718 г. Кирилла Васильевъ сынъ Курасовъ продалъ 5 четей Макѣеву. Такимъ образомъ, родъ Курасова частью ушелъ на сходцы, распродавъ свои земли, частью вымеръ и удержался сильнѣе на сво-

емъ старомъ корнѣ въ д. Бреховой. «Здѣсь мы видимъ испомѣщеніе по одной грамотѣ цѣлыхъ 16 заимщиковъ, но это не многодворная южная заимка «съ товарищи». Во-первыхъ, потому, что при многодворныхъ товарищескихъ заимкахъ испомѣщеніе было равное на каждый дворъ, а здѣсь кому 70, кому 60, а кому и 35 четей. Во-вторыхъ, при многодворныхъ заимкахъ практиковался отводъ, надѣленіе, а не отказъ. Въ третьихъ, и это самое важное, отводъ производился на цѣлое товарищество, которое поселялось въ тѣсно-опредѣленныхъ урочищахъ ради стратегическихъ цѣлей; здѣсь же въ Глѣбовѣ такой цѣли въ 1676 г. уже не было. Здѣшнее испомѣщеніе было простымъ жалованіемъ за прежнюю и будущую службу, но не ради службы, точнѣе не ради непосредственныхъ военныхъ дѣйствій, которыя въ это мѣстѣ не могли уже требоваться. Получивши такую громадную дачу, не удивительно было разселиться по ней въ разныхъ мѣстахъ: Курасову сѣсть на Гниловодѣ, Глѣбову на Усожѣ. Емельянову на Хотемли, Лукъянчикову на Шмарномъ болотѣ.., но этого мы, собственно говоря, не видимъ: всѣ они поселились только въ Глѣбовой и оттуда уже отдѣльные отпрыски съ теченіемъ времени разселялись въ другія мѣста, при чемъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., на Молотычъ и Желень не попало ни одного представителя глѣбовскихъ перводачныхъ фамилій. Понятно, почему такъ случилось: ошибка или злоупотребленіе отказчика Горяинова скоро обнаружилась, и Помѣстный приказъ, считая неудобнымъ исправлять ее прямо, дѣйствовалъ съ обычной кривизной: онъ испомѣщалъ другихъ особыми актами. Чрезмѣрная обширность границъ была, очевидно, въ тягость перводачникамъ,—они не могли справиться съ такой громадной дачей, она воочію была больше ихъ законнаго испомѣщенія, и вотъ они молча подчинились новымъ памятямъ изъ Помѣстнаго приказа. Позднѣе, когда населеніе возросло, когда уже, какъ мы видѣли, считали выгоднымъ сходить изъ Глѣбовой на линію, сбивчивая отказная грамота дала себя знать. Сохранился такой указъ Сената отъ 9 марта 1771 года.

«Межевая экспедиція, разсматривая присланный при рапортѣ изъ Курской воеводской канцеляріи экстрактъ изъ произведеннаго ею слѣдствія о недопущеніи дворяниномъ Шатовымъ и села Глѣбова да деревни Хотемли однодворцами до размежеванія землею землемѣровъ Домнина и Маслова, отправленныхъ въ тотъ уѣздъ по челобитью разныхъ владѣльцевъ, приказали: какъ сею канцеляріею слѣдовано и въ экстрактѣ показано токмо о томъ, что землемѣры до отмежеванія были не допущены чрезъ многолюдныя собранія, за которыя и подвергаетъ оная канцелярія къ наказанію однодворцевъ слишкомъ 30 человѣкъ, но самаго тому ихъ преступленію начала или кореня то-есть съ чего они многолюдныя собранія имѣли, и кѣмъ именно приведены были къ тому, чтобъ межеванію воспрепятствовать, того совсѣмъ въ томъ экстрактѣ не показано, а сіе необходимо и нужно изы-

скать»... далѣе требуются зачинщики. Корень зла лежалъ въ приведенной нами отказной грамотѣ, писанной Горяиновымъ, и 30 однодворцевъ сидѣли въ воеводской кутузкѣ за прямой бунтъ.

Ниже Глѣбовой, на р. Усожѣ, лежитъ нынѣ подгороднее село Меленино [1]). Заимщиками въ немъ были Бѣловъ (16 дв.), Гнѣздиловъ (22 дв.), пришедшій съ сѣвера изъ селенія того же названія, Емельяновъ (17 дв.) изъ Солдатскаго, Кобелевъ (17 дв.), неизвѣстно откуда пришедшій, но отсюда давшій заимщиковъ въ слободку Радину и д. Кобелеву (Здобн. вол.), затѣмъ Карцевъ (15 дв.) но Карамышевъ (8 дв.) врядъ ли былъ заимщикомъ, наконецъ Крюковъ (23 дв.) и Кононовъ (16 дв.), послѣдній пришелъ сюда изъ сѣверо-восточнаго угла. Плохихъ (6 дв.) пришелъ изъ Богоявленскаго съ верховьевъ Усожи, Чаплыгинъ (4 дв.) по сосѣдству изъ селенія того же названія. Такимъ образомъ, и это селеніе можно считать сборнымъ. Достойно вниманія, какъ съ переходомъ на новыя мѣста измѣнялись иногда однодворческія фамиліи. Это видно на меленинскомъ Бѣловѣ: онъ пришелъ изъ д. Горяиновой, гдѣ носилъ фамилію Бѣлыхъ, Бѣлой, Бѣловъ, а по уличному даже Бѣлоусовъ. Подобное мы видѣли раньше—такъ Карелыхъ, придя въ Хотмыжскъ, измѣнился въ Карелова, Воробыхъ въ Воробьева. Мы знаемъ, что с. Меленино заселилось раньше Глѣбовой, но въ 1676 году оно было еще деревней. Большое затрудненіе представляютъ пригороднія слободки, что подъ г. Фатежемъ. Онѣ, собственно говоря, сливаются съ городомъ, но раскинуты по разнымъ сторонамъ его. Самъ Фатежъ сдѣланъ городомъ по указу Екатерины II изъ однодворческаго села; было ли обращено населеніе его въ мѣщанъ полностью, или подверглось этой участи только часть однодворцевъ прилегающихъ слободокъ—неизвѣстно. Поэтому трудно рѣшить, были ли эти слободки однозаимочными деревнями или онѣ еще до основанія города представляли вмѣстѣ съ селомъ то, что мы называемъ сборнымъ селеніемъ—рѣшить нѣтъ возможности. Можно сказать, что въ числѣ первозаимщиковъ здѣсь были Самойловъ (23 дв.), Надѣинъ (14 дв.), Долгихъ (22 дв.), Русановъ (14 дв.), давшій заимщика въ Черный Колодезь, Гнѣздиловъ (27 дв.) съ сѣвера изъ Гнѣздиловой, Басовъ (13 дв.) изъ Солдатскаго, Ушаковъ (12 дв.) неизвѣстно откуда и Форофоновъ, давшій заимщика въ Холчи. Затѣмъ мы видимъ здѣсь цѣлую массу одиночекъ, въ числѣ коихъ есть и городскія мѣщанскія фамиліи.

На самомъ сѣверѣ уѣзда, на р. Свапѣ, на татарскомъ ея берегу лежитъ д. Самодуровка, южнѣе отъ нея Теплый Колодезь и с. Молотычи. Уже эти названія указываютъ на то, что здѣсь не будетъ однофамильныхъ родовыхъ общинъ, а скорѣе сборныя селенія. Вся эта обширная мѣстность

[1]) Нынѣ пишутъ обыкновенно Миленино, что неправильно.

охвачена была неразмежеванной громадной дачей, граничащей съ дачами д. Головиной, значитъ входила, по Глѣбовской выписи, въ Глѣбовскую дачу. При генеральномъ межеваніи выпись, очевидно, была игнорирована и помянутыя три села замежеваны особой дачей. Впослѣдствіи только Молотычамъ удалось отмежеваться въ особнякъ. Въ этихъ селеніяхъ заимщиковъ было много, а именно въ Самодуровкѣ 8, въ Тепломъ 6 и въ Молотычахъ 8. Кромѣ того, надо сказать, что три фамиліи встрѣчаются во всѣхъ трехъ селеніяхъ, и 16 фамилій въ двухъ изъ нихъ, хотя, конечно, не въ равной мѣрѣ. Произошло это, главнымъ образомъ, благодаря бывшей черезполосицѣ: заимщикамъ Молотычей иногда было удобно перейти на жительство въ Теплое и наоборотъ; позятьевщина и переуступки по купчимъ и промѣннымъ только усугубляли эту путаницу. Для избѣжанія повтореній сгруппируемъ число дворовъ по владѣннымъ записямъ въ одну табличку и заимщиковъ отмѣтимъ жирнымъ шрифтомъ:

Р о д ы:	Самодуровка.	Тепл. Колодезь.	Молотычи.
Бѣленьковъ	**14**	5	**13**
Кононыхинъ	**11**	2	**11**
Лахтіоновъ	1	1	5 (старин. зять).
Кофановъ	**37**	**22**	—
Мезенцевъ	**13**	**14**	—
Овсянниковъ	**78**	**34**	—
Болотовъ	**22**	2	—
Абалмасовъ	1	—	**11**
Харичковъ	7	—	**26**
Воронцовъ	**8**	4	—
Ефремовъ	—	5	**28**
Воробьевъ	6	**11**	—
Юдинъ	1	—	**25**
Ядыкинъ	**11**	2	—
Анпилоговъ	5	2	—
Кретовъ	1	—	**34**
Лунинъ	2	—	**13**
Шутовъ	1	**4**	—
Голощаповъ	—	**4**	1

(неизвѣстно, гдѣ впередъ были заимщ.)

(зять изъ Бреховой)

Кромѣ того—въ Молотычахъ Осмоловъ 9 дв. и Ивановъ 5 дв. и по всѣмъ селеніямъ одиночки, коихъ мы опускаемъ. Родъ Бѣленьковыхъ принадлежитъ къ малоподвижнымъ, онъ далъ только одного стариннаго зятя на Гниловодъ. Родъ Кофанова далъ заимщика въ Горки. О Мезенцевѣ мы уже упоминали. Овсянниковъ весьма распространенный родъ, такъ что трудно обнаружить, куда онъ пришелъ впервые. Неподвижность Болотова объясняется, кажется, тѣмъ, что весь родъ этотъ—старовѣры. Абалмасовы дали заимщика въ д. Сухочеву и дали нѣсколько зятьевъ въ послѣднее время въ свою и сосѣднюю волость. Родъ однодворцевъ Харичковыхъ далъ толь-

ко извѣстнаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія милліонера, фатежскаго купца-оптовика, но тѣмъ и ограничился. Родъ Воронцова, какъ мы знаемъ, выслалъ заимщиковъ въ Богоявленское на югъ, и въ Троицкое на Сучкѣ, на западъ. Ефремовъ далъ заимщика въ Гнѣздилово. Воробьевъ и Юдинъ, вѣроятно, пришли изъ сѣверо-восточнаго угла. Роды Ядыкина, Шутова и Голощапова принадлежатъ къ неподвижнымъ. Лунинъ, вѣроятно, пришелъ съ юго-востока. Кретовъ далъ заимщика въ Выш. Любажъ. Итакъ эти три селенія, благодаря черезполосицѣ и всякимъ переуступкамъ сдѣлались сборными. Особенно характерна здѣсь Самодуровка. Въ ней селился кто зря «самодурно», разсказывали однодворцы мѣстнымъ изслѣдователямъ, и это могло здѣсь быть, ибо составляя крайній предѣлъ Глѣбовской дачи, это мѣсто врядъ ли могло быть оберегаемо глѣбовскими однодворцами.

На юго-западъ отъ Молотычей, въ 15 верстахъ на сѣверъ отъ нынѣшняго города Фатежа, расположено три одноимянныхъ селенія Любажъ Верхній, Средній и Нижній и дер. Лахтіонова. Послѣдняя до генеральнаго межеванія захватила и распахала земли въ чужихъ Любажскихъ дачахъ. При межеваніи Верхній и Нижній Любажи представили крѣпости, и въ 1796 г., по Сенатскому рѣшенію, 513 дес. земли было отрѣзано отъ дер. Лахтіоновой и передано Любажамъ, каковую землю Любажане подѣлили уравнительно на души, такъ какъ родовая разверстка, благодаря запутанности родовыхъ линій, была невыполнима. Съ тѣхъ поръ эти два селенія, подобно Маньшиной и Воробьевкѣ, считаются душево-четвертными общинами. Въ архивѣ курской казенной палаты мнѣ удалось разыскать по этому дѣлу два документа. Департаментъ Государственныхъ Имуществъ отъ 11 августа 1819 года, за № 4396, писалъ въ курскую казенную палату слѣдующее: «Повѣренный отъ однодворцевъ Фатеж. у. деревни Лахтіоновой, М. Булгаковъ, въ поданной г. министру финансовъ просьбѣ, показывая, что у вѣрителей его крайне недостаточно земли, проситъ о возвращеніи имъ изъ владѣнія любажскихъ однодворцевъ земли 513 десятинъ съ саженями въ наполненіе того недостатка и въ уравненіе съ любажскими однодворцами. Таковая просьба съ утвержденія г. Министра Финансовъ отъ департамента государственныхъ имуществъ возвращена повѣренному Булгакову съ объявленіемъ, что поелику дѣло вѣрителей его съ однодворцами деревень Верхней и Нижней Любажей рѣшено межевымъ департаментомъ Прав. Сен. еще въ 1796 году, и спорная между ними земля отсуждена отъ д. Лахтіоновой къ деревнямъ Любажамъ потому, что при генеральномъ межеваніи у сихъ послѣднихъ деревень оказался противу крѣпостей недостатокъ, а у первой излишекъ, на каковое рѣшеніе хотя Лахтіоновскіе однодворцы и приносили въ 1798 году всеподданѣйшую жалобу, но оная по Высочайшему повелѣнію оставлена безъ дѣйствія; потомъ и по вновь принесенной ими въ 1817 году всеподданнѣйшей просьбѣ ко-

миссія прошеній учинила отказъ, такъ какъ они, съ объявленія имъ Высочайшаго повелѣнія въ теченіе 18 лѣтъ болѣе уже о немъ не просили. По каковымъ обстоятельствамъ и нынѣ на всеподданнѣйшее прошеніе того повѣреннаго, объявлено ему отъ г. Министра Юстиціи, что невозможно приступить къ возвращенію вѣрителямъ его той отсужденной отъ нихъ земли, равно къ уравненію ихъ съ Любажскими однодворцами, по тѣмъ самымъ причинамъ не можетъ и Министерство Финансовъ сдѣлать просимаго ими удовлетворенія, на счетъ же уравненія угодьями и потому, что 513 дес. присуждены Любажскимъ въ число недостающей крѣпостной земли. Какъ же по состоянію во владѣніи у однодворцевъ Лахтіоновскихъ земли обще съ помѣщиками неизвѣстно, коликое и какого качества число угодьевъ они имѣютъ и не нуждаются ли дѣйствительно въ оныхъ, почему Д-тъ Госуд. Имущ. сообщаетъ Курск. Казен. Палатѣ, дабы оная по сношенію съ Губернскимъ Правленіемъ чрезъ уѣзднаго землемѣра удостовѣрилась, сколько они Лахтіоновскіе имѣютъ удобной земли, различая пашню, покосъ и лѣсъ, и въ случаѣ недостатка оныхъ предложила бы, откуда можно назначить имъ въ надѣлъ земли и о всемъ, что окажется, увѣдомила бы Департаментъ съ означеніемъ числа душъ въ д. Лахтіоновой по 5 и 7 ревизіямъ и съ присовокупленіемъ по сему дѣлу своего мнѣнія». Подлинный за надлежащимъ подписомъ. Казенная палата по этому предписанію отписалась только черезъ четыре года (5 іюня 1823 г. № 153). Изъ этой отписки, между прочимъ видно, что удобной земли у Лахтіоновскихъ однодворцевъ на душу 5 ревизіи четыре десятины безъ малыхъ сажень, а на душу 7 ревизіи по $3^1/_2$ дес.; что палата хотя и вытребовала отъ земскихъ исправниковъ вѣдомости о количествѣ земель за казенными поселянами въ Курской губерніи, но вѣдомости сіи оказались «съ большими недостатками», почему возвращены для исправленія; что поэтому палатѣ еще неизвѣстно, «въ какомъ бы казенномъ селеніи превышало общественныхъ земель 8 д. на душу пропорцію, а по три и по четыре десятины многіе поселяне Курской губерніи имѣя во владѣніи, не жалуются однако же на недостатокъ, *но терпѣливо ожидаютъ общаго землями надѣленія...*» Кромѣ того, палатѣ, какъ видно изъ этой же бумаги, по аналогичному дѣлу другого селенія (Монастырской Готни, Грайвор. у.) Сенатомъ предписано «исполненія не чинить, такъ какъ дѣло о земляхъ между однодворцами и другого званія казенными поселянами, какія почитать частными и какія общественными, производится въ общемъ Правительствующаго Сената департаментовъ Собраніи, но еще не разрѣшено».

Такимъ образомъ, палата не нашла возможнымъ сдѣлать постановленіе по существу и ограничилась только тѣмъ, что рѣшила донести все вышеизложенное департаменту, и д. Лахтіонова послѣ того, конечно, никогда не была удовлетворена. Спрашивается, почему она потеряла эти 513 деся-

тинъ? Рѣшить этого нельзя безъ предположеній: тутъ можетъ быть два рѣшенія—или Лахтіонова дѣйствительно захватила чужую землю, или Сенатъ ошибся, обидѣлъ Лахтіоновскихъ однодворцевъ. Если мы предположимъ, что Любажи основались раньше, то жители Лахтіоновой неправы: Любажане могли имѣть выпись съ окружной межой, могли имѣть отказныя грамоты на извѣстное число четвертей и требовать при генеральномъ межеваніи по этимъ крѣпостямъ соотвѣтствующее число десятинъ. У нихъ, какъ мы знаемъ, земли не хватило, а у Лахіоновскихъ оказалась лишняя. Но въ этомъ-то и вопросъ, почему лишняя? Если предположимъ теперь, что Лахтіонова основалась раньше, кстати она сѣверней Любажей, то какъ они могли допустить, что ихъ дача попала въ отказныя книги Любажанъ: были же они въ числѣ тутошнихъ и стороннихъ людей при отказахъ. Посмотримъ во владѣнныя записи, не разъяснятъ ли онѣ намъ чего-нибудь. Въ д. Лахтіоновой мы находимъ четырехъ заимщиковъ: Лахтіонова (56 дв.), Артемова (21 дв.), Гвоздева (18 дв.) и Игина (17 дв.) [1]). Послѣдній, какъ мы знаемъ, вымеръ въ сосѣднемъ селеніи Игинѣ, но здѣсь уцѣлѣлъ. Гвоздевъ и Артемовъ больше нигдѣ не встрѣчаются, но Лахтіоновыхъ много въ сѣверной половинѣ уѣзда: они разбросаны зятьями повсюду до Усожи, но главный пентръ ихъ распространенія здѣсь, около д. Лахтіоновой, а именно: въ сосѣднемъ с. Гнѣздиловѣ 35 дв. и въ трехъ Любажахъ 51 дв. Вопросъ, куда они раньше пришли? По писцовымъ книгамъ Орловскаго уѣзда фамилія Лахтіоновыхъ или Локтіоновыхъ встрѣчается нерѣдко, ясно, что они двигались оттуда съ сѣвера. Но по прежнимъ описаніямъ нашимъ, можно, пожалуй, заключить, что заимщики сначала селились въ болѣе или менѣе многозаимочныхъ селеніяхъ и уже потомъ высылали оттуда своихъ членовъ на новыя заимки, образовавъ которыя обыкновенно называли по своей фамиліи. Если бы это было такъ, то въ Любажъ Лахтіоновы должны были придти раньше; но Любажи—сборныя селенія, стало-быть, они могли образоваться позже, и въ числѣ позднѣйшихъ присельниковъ оказались и Лахтіоновы. Притомъ, какъ объяснить попятное движеніе Лахтіоновыхъ на сѣверъ въ д. Лахтіонову изъ Любажа? Сосѣднее село Гнѣздилово (Нижн. Реут. вол.) [2]) объяснитъ намъ это недоумѣніе. Въ немъ также четыре заимщика, Гнѣздиловъ (66 дв.), Лахтіоновъ (35 дв.), Ефремовъ (29 дв.) и Кичигинъ (14 дв.); Сабельниковыхъ (8 дв.) я считаю потомками старинаго зятя Ефремова на томъ основаніи, что въ особой пустоши подъ названіемъ «Осѣчки» владѣютъ всѣ 8 дворовъ Сабельникова и всего 16 Ефремовыхъ, и больше никого. Родъ Сабельникова пришелъ сюда въ зятья изъ

---

[1]) Повѣренный общества Булгаковъ и до сихъ поръ имѣетъ только одинъ дворъ: это богатѣйшій старинный зять изъ Любажа.

[2]) Есть другое Гнѣздилово, Дмитріевской волости.

Стар. Головники. Мы видимъ здѣсь четырехъ заимщиковъ, и, несомнѣнно, Гнѣздиловъ пришелъ раньше всѣхъ, почему и дано названіе селенію по его фамиліи. То же могло быть и дѣйствительно было въ д. Лахтіоновой. Можетъ быть, Лахтіоновъ, придя въ эти мѣста къ Гнѣздилову, скоро увидѣлъ полную возможность занять самостоятельную заимку въ д. Лахтіоновой; могло еще и такъ быть, что Лахтіоновъ, занявши жеребей села Гнѣздилова, выписалъ со своей родины брата, племянника или еще какого родственника, и тотъ пришедши занялъ починокъ не въ Гнѣздиловой, куда его могли уже не пустить, а сбоку въ другихъ «граняхъ и межахъ». Вѣдь и теперь переселенцы сносятся между собою, и сношенія эти чаще всего покоятся на родствѣ, и рѣже на кумовствѣ и знакомствѣ. Если теперь мы разсмотримъ заимщиковъ Любажскихъ, то вопросъ достаточно выяснится. Здѣсь мы видимъ основныхъ заимщиковъ и, такъ сказать, сборныхъ: первые пришли очевидно раньше и издалека, фамиліи ихъ больше нигдѣ не встрѣчаются; послѣдніе, наоборотъ, приселились позже и большинство ихъ пришло изъ сѣверовосточнаго угла. Къ основнымъ заищикамъ мы относимъ въ Нижнемъ Любажѣ только одного Булгакова (7 дв.), остальные четыре носятъ надоѣвшія уже намъ фамиліи—Семенихинъ (5 дв.) изъ Липиновой, Чаплыгинъ (25 дв.) изъ Маньшиной, Савенковъ (11 дв.) изъ Брусового и Дьяконовъ (17 дв.) тоже изъ Маньшиной. Въ Вышнемъ Любажѣ въ числѣ основныхъ заимщиковъ мы видимъ Борзенкова (23 дв.), Докукина (20 дв.), Ярыгина (39 дв.), Гнеушева (8 дв.), если только онъ не явился сюда изъ Путчины, и Понарина (9 дв.). Чоглоковъ (8 дв.) встрѣчается только въ Лахтіоновой (6 дв.), куда могъ пристать въ зятья раньше, чѣмъ въ Любажъ. Сборные заимщики Вышняго Любажа носятъ уже извѣстныя намъ фамиліи: Кретовъ (9 дв.) изъ Молотыча, Шеламовъ (8 дв.) изъ Бобровки, гдѣ онъ числится старинnымъ зятемъ, Алехинъ (26 дв.) изъ Никольскаго подъ Княжими. Какъ видимъ, большинство приселившихся пришло изъ сѣверовосточнаго угла. Въ Среднемъ Любажѣ въ числѣ заимщиковъ мы видимъ Давыдкова (4 дв.) и Шахова (8 дв.), но послѣдній, вѣроятно, позднѣйшій пришелецъ. Всѣ эти фамиліи часто чередуются во всѣхъ трехъ деревняхъ и ужъ непремѣнно въ двухъ; только Ярыгинъ и Семенихинъ остались неподвижными. Но главное въ этихъ деревняхъ то, что всюду засѣли Лахтіоновы: ихъ насчитывается въ Вышнемъ Любажѣ 18 дв., въ Среднемъ 28 дв. и въ Нижнемъ 5 дв.. Вотъ здѣсь-то и кроется, вѣроятно, потеря земли деревней Лахтіоновой. Ушедшіе изъ д. Лахтіоновой въ д.д. Любажи представители этого рода могли быть впослѣдствіи испомѣщены особыми жалованными грамотами. Присоединивъ ихъ къ крѣпостямъ, какія могли оказаться у Борзенковыхъ, Ярыгиныхъ и другихъ первозаимщиковъ, д.д. Любажи имѣли право отрѣзать причитающуюся имъ землю, и отрѣзали; а у Лахтіоновскихъ она могла оказаться лишнею конечно потому, что ушедшіе

въ Любажи Лахтіоновы могли бросить тамошнія свои помѣстья и дѣйствительно бросили. Брошенныя помѣстья старожилы д. Лахтіоновой стали пахать, не справляя ихъ за собой по отказнымъ грамотамъ. Противъ такого паханія до поры до времени не возражали Любажскіе Лахтіоновы, не возражали и прочіе заимщики Любажей: «паши, сдѣлай одолженіе—земли много». Это добродушное отношеніе къ землѣ давно было замѣтно за Любажанами: не даромъ они позволили населиться у себя разнымъ Алехинымъ, Семенихинымъ, Кретовымъ, Савенковымъ и другимъ пришельцамъ. Но вотъ, когда населеніе значительно возросло, когда наконецъ грянулъ громъ въ видѣ генеральнаго межеванія, Любажане перекрестились и представили столько крѣпостей, что пришлось отрѣзать землю у Лахтіоновскихъ однодворцевъ. Сенатъ иначе не могъ разрѣшить этого дѣла: противъ крѣпостей, разумѣя подъ послѣдними всякія укрѣпленія, нельзя было возражать. Такимъ образомъ, с. Гнѣздилово и д. Лахтіонову надо считать разнофамильными родовыми общинами, а деревни Любажи сборными селеніями, да еще, кромѣ того, душево-четвертными общинами. Какъ Лахтіоновы сошли поюжнѣе въ Любажъ, такъ и Гнѣздиловы сошли въ Нижній Реутъ. Здѣсь, очевидно, уже сидѣли заимщики и раньше другихъ пришелъ изъ нихъ Чуйковъ (51 дв.), потомъ Третьяковъ (16 дв.), Гнѣздиловъ (38 дв.), Лукинъ (10 дв.), Слободинъ (18 дв.) и, вѣроятно, Киликинъ (8 дв.) [1]). Но это не сборное селеніе, а родовое, имѣвшее шесть заимщиковъ. Въ сосѣднемъ с. Гаевѣ (Вышній Реутъ тожъ) съ с-цомъ Покровскимъ мы насчитываемъ также шесть заимщиковъ: Брусенцевъ (27 дв.), Луневъ (34 дв.), давшій заимщиковъ на югъ въ Шуклину и Здобникову, Яхонтовъ (5 дв.), Позднякова (5 дв.), Труновъ (7 дв.), вѣроятно, пришедшій изъ Заболоцкой, и Нелюбовъ (5 дв.). Неподалеку отъ Реута, на востокъ, поближе къ Горкамъ, лежитъ д. Ржава; въ ней мы насчитываемъ восемь заимщиковъ: Наздрачевъ (5 дв.), Рябыхъ (11 дв.), Цыбинъ (9 дв.), Мацневъ (5 дв.), Безгинъ (6 дв.), Соклаковъ (13 дв.), Дьяконовъ (9 дв.) и, можетъ-быть, Озеровъ (6 дв.).

Д. Путчина лежитъ на старой дорогѣ, называвшейся въ старину Брянской. Трудно сказать, сборное ли это селеніе, или нѣтъ. Первозаимочныхъ фамилій здѣсь всего четыре: Кащеевъ (8 дв.), Фроловъ (16 дв.), Демьяновъ (10 дв.) и Носовъ (5 дв.). Эти заимщики, какъ видимъ, плодились туго и напустили массу зятьевъ изъ сосѣднихъ деревень: Шетохинъ (3 дв.), Косьяновъ (2 дв.) изъ Троицкаго на Сучкѣ, Сухочевъ (4 дв.), Труновъ (1 дв.) изъ Реута, Руцкой, Поповъ (?) Дмитровъ, Гнеушевъ (4 дв.) изъ Любажа, Чуйковъ изъ Реута, Коростелевъ (2 дв.) изъ Хмѣлевого, Алехинъ (2 дв.) и другіе. Стоятъ какъ бы особнякомъ двѣ фамиліи—Слободинъ (9 дв.)

---

[1]) Не надо думать, что онъ изъ д. Киликиной, Дмитр. уѣзда: тамъ вовсе нѣтъ однодворцевъ.

изъ Н. Реута и Лунинъ (8 дв.) изъ Солдатскаго. Трудно сказать, приселились ли они позднѣе, и тогда Путчина—сборное селеніе, или же они очень рано пришли сюда въ зятья, и тогда селеніе это—вымирающее, ибо изъ ста дворовъ только 39 принадлежатъ заимщикамъ. Если же допустимъ, что Лунинъ и Слободинъ были заимщики, тогда нужно признать, что и Скорняковъ (4 дв.) тоже заимщикъ. По массѣ зятьевъ мы склонны думать, что Путчина вымираетъ.

Внизъ по Усожѣ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть протянулось нѣсколько деревушекъ, вышедшихъ, по нашему предположенію, изъ с. Солдатскаго. Мы не сказали про заимщиковъ с. Радубежа. Ихъ было пятеро: Полянскій (11 дв.), Толстой (12 дв.), Зеновьевъ (11 дв.), Азаренковъ (15 дв.) и Тереховъ (8 дв.). Все это, за исключеніемъ Зеновьева, который можетъ быть попалъ сюда изъ Тифинскаго, но не иначе какъ черезъ село Солдатское,—роды малоподвижные: лишь Толстой, какъ мы уже знаемъ, имѣетъ заимочную деревню.

На другомъ, правомъ притокѣ Усожи расположено с. Троицкое, что на Сучку; въ немъ мы видимъ четырехъ заимщиковъ, изъ коихъ трое вышли изъ Солдатскаго, а можетъ-быть, и всѣ четверо: Косьяновъ (47 дв.), Савенковъ (12 дв.), Ассѣевъ (8 дв.) и Горбуновъ (10 дв.). Сверхъ того имѣется 12 фамилій зятьевъ и между ними Басовъ.

На Усожѣ въ 5 верстахъ отъ г. Фатежа, расположена д. Сухочева; въ ней насчитывается много фамилій: Губаревъ (9 дв.), Пахомовъ (37 дв.) шедшій изъ Брусового черезъ Хмѣлевое, Чаплыгинъ (7 дв.) изъ сосѣдней деревни того же названія, Ивановъ (8 дв.) изъ Богоявленскаго съ верховьевъ Усожи, Лобовъ (6 дв.), Перьковъ (11 дв.) изъ Анненковой, Аболмасовъ (14 дв.) изъ Молотычей, Сухочевъ (9 дв.), можетъ-быть, изъ с. Сергіевскаго, затѣмъ Павловъ (2 дв.), Воробьевъ (3 дв.), Башкатовъ (3 дв.), Зеновьевъ (4 дв.), Каменевъ (6 дв.), Кутеповъ (6 дв.) и т. д. еще 11 мелкихъ фамилій. Очевидно, это сборное селеніе позднѣйшей формаціи или отселокъ отъ Солдатскаго, подобно Партиной; но прямыхъ указаній нѣтъ на это, хотя составъ фамилій и связь ихъ съ сѣверо-восточнымъ угломъ прослѣживается довольно ясно. Однакоже, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, хотя далеко неполнымъ, извѣстно, что здѣсь было только четыре дѣда: Сухочевъ, Губаревъ, Пахомовъ и Ивановъ.

Въ Здобниковской волости, занимающей юго-западный уголъ уѣзда и заселенной мелкими, чаще всего, двуфамильными и однофамильными общинами, у насъ остались неописанными четыре наиболѣе крупныхъ, по сравненію съ окружающими, селенія. Въ д. Болвановой мы видимъ пять заимщиковъ, но это не сборное селеніе: Бѣлозеровъ (26 дв.) занялъ, по разсказамъ однодворцевъ, 75 четвертей, Мальцевъ (24 дв.)—70 четей, Нескородневъ (3 дв.)—40ч., Лукъянчиковъ (9 дв.)—50 чет. и Нечаевъ (16 дв.)—40 чет.

Такимъ образомъ мы видимъ неравное испомѣщеніе въ началѣ и еще болѣе неравную плодовитость впослѣдствіи. Всей земли за Болвановой значится 1038 дес., такъ что четверть равняется почти четыремъ десятинамъ. Но по владѣнной записи этой деревни напутано страшно: нѣсколько разъ принимались болвановцы переверстывать свою землю, призывали даже землемѣра, и все-таки ничего не выходитъ; происходитъ это отъ того, что родовыя доли перепутаны отчасти самими однодворцами, отчасти при составленіи владѣнной записи. Простѣйшимъ исходомъ было бы душевое поравненіе—но не позволяютъ: кто, почему—неизвѣстно, и для болвановцевъ даже непонятно.

Въ д. Малой Огарковой мы насчитываемъ шесть заимщиковъ и, какъ упомянуто выше, между ними нѣтъ Огаркова. Деревня эта основана поздно, что видно изъ того, что сюда сошлись заимщики изъ такихъ сосѣднихъ деревень, болѣе раннее образованіе коихъ доказано. Заимщики сошлись сюда: Бартеневъ (7 дв.) изъ Бартеневой, Малиховъ (17 дв.) изъ Кромской, Крюковъ (5 дв.) изъ Мелениной или Крюковой, Абрамовъ (11 дв.) изъ Хрѣновца и неизвѣстно откуда пришедшіе Медвѣдевъ (25 дв.) и Башкиревъ (10 дв.). Кромѣ того здѣсь мы видимъ 8 фамилій зятьевъ.

Много раньше основалась сосѣдняя д. Колычева. Она лежитъ черезъ логъ съ однофамильной д. Лоторевой. Заимщиковъ здѣсь было пять, если не шесть: Колычевъ (33 дв.), Лоторевъ (24 дв.), Громовъ (6 дв.), Литвиновъ (19 дв.) и, кажется, два брата Евдокимовыхъ (63 дв.). Особая деревушка прилегающая къ д. Колычевой и называемая Ницевой Рѣчкой, была занята особымъ заимщикомъ Фильчаковымъ, но этотъ починокъ скоро слился съ деревней. Сверхъ того имѣется пять зятьевъ одиночекъ и одинъ старинный зять (4 дв.). носящій своеобразную фамилію Богусловъ.

Болѣе позднею деревнею въ этой мѣстности надо признать д. Соломину, образовавшуюся въ половинѣ XVIII столѣтія. Въ нее сошло нѣсколько дворовъ Амелиныхъ изъ д. Амелиной (нынѣ 58 дв.) и Костиныхъ изъ Костиной и Здобниковой (нынѣ 21), къ нимъ пристали Луневы 4 дв. (изъ Здобниковой), Елагинъ, Шевляковъ, Огарковъ. Такимъ образомъ это—сборное селеніе позднѣйшей формаціи, недаромъ оно стоитъ на суходолѣ и называется не однодворческой фамиліей, а просто Соломиной. Такими же сборными селеніями представляются деревни, расположенныя по притоку Усожи р. Холчу—это Нижніе и Вышніе Холчи, с. Дмитріевское на Холчахъ, Холчи на Суходолѣ и однофамильная деревушка Лукина. Заимщиками здѣсь были, повидимому: Форафоновъ (13 дв.), Быкановъ (11 дв.) изъ сосѣдней деревни Курскаго уѣзда Быкановой, Ефановъ (16 дв.), Францовъ (9), Волобуевъ (18 дв.), Пилюгинъ (33 дв.) и много мелкихъ, въ числѣ коихъ есть Бильдинъ, Павловъ 2 дв., Сухочевъ 3 дв., Емельяновъ,

Жировъ и друг. Мы уже указывали на возможную связь между Холчами и Солдатскимъ. Въ этой же волости (Дмитріевской) остается неописаннымъ еще одно сборное селеніе, с. Гнѣздилово съ деревнями Красными Холчами, Мерцаловкой, Шевляковой, сельц. Васильевскимъ и д. Артемовкой. Въ д. Мерцаловкѣ заимщиками были: Мерцаловъ (4 дв.) и Широбоковъ (6 дв.), въ Артемовкѣ—Широбоковъ (1 дв.), въ Шевляковкѣ—Шевляковъ (11 дв.), у него 4 зятя, въ с-цѣ Васильевскомъ—Костинъ (2 дв.), въ Красныхъ Холчахъ—Широбоковъ (11 дв.) и Руковицынъ (4 дв.); въ самомъ селѣ Гнѣздиловѣ—Лукъянчиковъ (6 дв.) и Реутовъ (11 дв.), а затѣмъ разные пришельцы: Золотухинъ (2 дв.), Тобольскій (3 дв.), Жиронкинъ (3 дв.), Гостевъ, Волобуевъ, Долженковъ, Безлѣпкинъ и проч. Трудно сказать, кто изъ нихъ зять и кто приселился.

Въ южной части уѣзда, недалеко отъ верховьевъ р. Курицы, мы находимъ только одно сборное селеніе, Большую Жировку. Она образовалась позже Малой Жировки, и Жировы слабо участвовали въ ея образованіи, что видно изъ того, что ихъ до сихъ поръ всего три двора. Сюда пришло нѣсколько солдатъ Емельяновыхъ (52 дв.), къ нимъ подсѣли Чаплыгинъ (16 дв.), Лукъянчиковъ (11 дв.) и Чернышевъ (51 дв.). Затѣмъ, часть Емельновыхъ и Чернышевыхъ отсѣли въ особую деревню Полевой Колодезь. Къ этимъ заимщикамъ со временемъ подсосѣдились еще нѣсколько дворовъ и, перемѣшавшись съ зятьями, образовали сборное селеніе, разобраться въ которомъ нелегко. Но мы знаемъ, что здѣсь «въ Жировой деревнѣ» въ 1622 г. была сторожа Курская. Были ли заимщиками Большой Жировой станичники, или наоборотъ, станичники размѣстились по другимъ сосѣднимъ деревнямъ, сказать очень трудно; по-моему, Большая Жирова есть не что иное, какъ позднѣйшее сборное мѣсто, подобно тому какъ д. Горяинова явилась таковымъ для сѣверовосточнаго угла, но только при этомъ сближеніи выступаетъ наружу одно важное несходство. Въ д. Горяинову засѣли окружныя, ближнія дѣти боярскія, но въ Жировой ближнихъ нѣтъ: мы не найдемъ въ ней Гостева изъ Вышней Заболоти, Ершевскаго изъ Ершевки, Жирова изъ Гамони и Малой Жировки, за исключеніемъ всего трехъ какихъ-нибудь дворовъ; нѣтъ Пашкова и другихъ. Осѣли здѣсь дальніе роды и преимущественно изъ с. Солдатскаго. Если родъ Жировыхъ, имѣвшій уже деревню Жирову въ 1622 году, попалъ въ с. Солдатское, позже чѣмъ жилъ на верховьяхъ Курицы, то этого никакъ нельзя сказать про солдатъ Емельяновыхъ—они, какъ мы знаемъ, шли постепенно, сначала заняли Глѣбову, оттуда Хотемль вкупѣ съ Ассѣевымъ и Косиловымъ, тоже солдатами; здѣсь къ нимъ присталъ Чернышевъ, быть можетъ, тоже солдатъ. Ассѣевъ съ Косиловымъ не пошли дальше, но Емельяновъ съ Чернышевымъ пересѣли въ Бол. Жирову и Полевой Колодезь. Чаплыгинъ и Лукъянчиковъ пришли тоже съ сѣвера. Такимъ образомъ, мѣсто близь

Жировой станицы было занято не тѣми, кто привыкъ навѣдываться сюда, разъѣзжая по службѣ изъ Солдатскаго въ Жирову, изъ Жировой назадъ въ Солдатское, а ихъ потомками, быть можетъ, не первымъ поколѣніемъ, а правнуками.

Этимъ мы заканчиваемъ описаніе отдѣльныхъ селеній и ихъ заимщиковъ нынѣшняго Фатежскаго уѣзда; остается лишь упомянуть о вымирающихъ общинахъ. Неоднократно мы встрѣчались съ признаками вымиранія однодворческихъ родовъ и даже цѣлыхъ селеній. Здѣсь умѣстно будетъ остановиться на этомъ вопросѣ поподробнѣй. Если мы подсчитаемъ цифровыя данныя о вымирающихъ селеніяхъ, то получимъ нѣкоторые, ясно выраженные признаки. Для этого мы беремъ пять общинъ, про кои изъ другихъ источниковъ завѣдомо извѣстно, что онѣ вымираютъ. Подсчитаемъ ихъ по переписи 1883 года:

	Ревиз. душъ мужск. пола.	Дворовъ.	Душъ мужск.	Душъ женск.	Число высел. семействъ.	% прироста.	Средній размѣръ семьи.	% переселившихся.
Дер. Калугина-Соколова.	165	49	142	168	2	—13,9	6,3	4,1%
„ Кромская	195	75	264	257	14	+36,4	6,9	18,7%
„ Игино	154	58	157	196	9	+ 1,9	6,1	15,5%
„ Костина	90	33	110	112	—	+22,2	6,7	—
„ Прилѣпы.	162	73	205	243	11	+29,0	6,1	15,0%
Итого по 5 общ. .	766	288	878	976	36	+14,6	6,4	12,3%

Изъ этихъ, правда малочисленныхъ, данныхъ видно, что всѣ признаки, относящіеся къ размѣрамъ населенія—ниже среднихъ поуѣздныхъ для четвертныхъ владѣльцевъ: такъ приростъ однодворческаго населенія выражается по уѣзду 17,3%, а здѣсь всего 14,6%, въ одномъ же случаѣ прямо убыль почти на 14%. Средній размѣръ семьи по уѣзду 6,6 душъ, а здѣсь 6,4. Между тѣмъ переселенцевъ со времени X ревизіи здѣсь было въ среднемъ на 2 процента меньше, чѣмъ у однодворцевъ всего уѣзда. Но рельефнѣй всего выступаетъ отношеніе половъ: въ то время какъ у фатежскихъ однодворцевъ на 1000 мужчинъ приходится 1007 женщинъ, а вообще въ уѣздѣ, если не различать разрядовъ крестьянъ, и того меньше всего 1002, въ помянутыхъ вымирающихъ селеніяхъ женщинъ приходится 1112. Есть ли это одинъ изъ рѣзкихъ признаковъ вымиранія, или простое случайное совпаденіе—рѣшить нелегко. Однако имѣются весьма вѣскія соображенія въ пользу перваго предположенія. Такъ, если мы сопоставимъ порайонно проценты прироста населенія съ соотношеніемъ половъ, то получимъ для фатежскаго уѣзда небезъинтересныя данныя:

	% прироста мужск. насел. со дня ревиз.	На 1000 муж. сколько жен.	% переселенцевъ.
Сѣвево-восточный уголъ	16,2	1062	12,2
Волости по верховьямъ р. Усожи и Неполки	12,8	1032	16,5
Часть уѣзда на югъ отъ р. Усожи.	17,8	993	14,2
Уголъ между р. Сваной и Усожей	22,0	973	13,0

То-есть, чѣмъ выше приростъ населенія, тѣмъ больше мужчинъ: при 22% они уже значительно преобладаютъ надъ женщинами. Переселенія, столь распространенныя въ Фатежскомъ уѣздѣ, почти не оказываютъ вліянія на соотношеніе половъ: ихъ больше тамъ, гдѣ выше приростъ, хотя въ одномъ районѣ, они несомнѣнно понизили % прироста. Эти данныя стоятъ какъ бы въ противорѣчіи съ нашими выводами относительно вліянія тучности почвы на увеличеніе народонаселенія. Здѣсь наблюдается весьма странное явленіе: сѣверовосточный уголъ, имѣющій самую лучшую почву [1]), вымираетъ, завѣдомая же глина югозападнаго угла даетъ очень высокій приростъ населенія и преобладаніе мужского пола надъ женскимъ.

Какъ бы ни было, но эти данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что рѣзкое преобладаніе женщинъ надъ мужчинами дѣйствительно должно быть признано достаточнымъ указаніемъ для вымирающихъ общинъ. Съ другой стороны, у душево-четверныхъ Фатежскаго уѣзда мы видимъ преобладаніе мужчинъ, тамъ на 1000 мужчинъ приходится всего 984 женщины; а между тѣмъ, этотъ разрядъ мы находимъ и въ сѣверо-восточномъ углѣ и на верховьяхъ Усожи, то-есть тамъ, гдѣ у чистыхъ четвертныхъ наблюдается большее преобладаніе женщинъ.

По признаку соотношенія половъ всѣ четвертныя общины Фатежскаго уѣзда раздѣлятся на двѣ половины: въ 56 общинахъ преобладаютъ мужчины и въ 60—женщины. Странность этого явленія нѣтъ возможности объяснить съ помощью нашихъ весьма скудныхъ для этого данныхъ.

Въ заключеніе еще одно весьма интересное сопоставленіе. Возьмите писцовыя книги по Орловскому уѣзду [2]) и подсчитайте Неполоцкій станъ, наиболѣе близкій къ Фатежскому уѣзду. Получается нѣчто поразительное. Всѣхъ фамилій «дѣтей боярскихъ полковыхъ, станичныхъ, самопальныхъ и осадныхъ, вдовъ и недорослей ихъ» насчитывается 104. Изъ этихъ 104 фамилій ровно половина (52 фам.) встрѣчается у однодворцевъ Фатеж-

---

[1]) Впрочемъ, послѣднія оцѣночныя работы по Фатежскому уѣзду не считаютъ сѣверо-восточный уголъ лучшимъ по качеству почвы. (Сборн. Оцѣн. Стат. вып. I стр. 83).

[2]) Изд. Колачева, отд. II, стр. 853 и сл.

скаго уѣзда. Правда, 8 фамилій пишутся различно: такъ, писцы записали Овдокимова, Офремова, Осѣева, Ондросова, Олферова и т. д., во владѣнной же записи всѣ эти фамиліи изображены черезъ А и Е. Затѣмъ, по писцовой книгѣ, которая, кстати сказать, писана въ 1594 году, то-есть болѣе 300 лѣтъ назадъ, записанъ Годыревскій, по владѣнной же записи мы знаемъ Ходыревскаго; вмѣсто писцоваго Плохого мы знаемъ въ с. Меленинѣ и Ржавѣ фамилію Плохихъ (аналогично Бѣлыхъ, Сырыхъ, Вялыхъ и др.). Наконецъ, нѣсколько отступленій въ правописаніи: Волобоевъ вмѣсто Волобуевъ, Косьяновъ вмѣсто Касьяновъ, но и такихъ отступленій не много. Нельзя подумать, что такое совпаденіе орловскихъ фамилій съ фатежскими подобрано, нельзя также допустить, что сопоставляемыя фамиліи, столь поражающія однообразіемъ, общеупотребительны; наоборотъ, послѣднихъ въ родѣ Ивановъ, Толмачевъ, Новиковъ, Головинъ, Золотухинъ совсѣмъ мало. Большинство является типичнымъ именно для фатежскихъ однодворцевъ. Таковы: Легостаевъ, Шепелевъ, Клевцовъ, Лахтіоновъ, Фенинъ, Сухочевъ, Шевляковъ, Шатовъ, Сапроновъ, Орѣховъ, Шеховцовъ, Косиновъ, Якунинъ, Голощаповъ, Савенковъ, Щектоихинъ, Кобызевъ, Пеньковъ и Панковъ. Такое совпаденіе объясняется очевидно тѣмъ, что дѣти боярскія были передвинуты со станичной службы изъ Орловской губерніи на станичную же службу въ Курскую. Такимъ образомъ, воочію подтверждается наше прежнее предположеніе о такомъ передвиженіи съ сѣвера на югъ. Если въ той же писцовой книгѣ мы заглянемъ въ другіе станы, то найдемъ буквально всѣ фамиліи фатежскихъ однодворцевъ. Такъ, напр., въ Каменскомъ стану, подъ Убойчимъ лѣсомъ жили дѣти боярскія Овсянниковы [1]). Въ томъ же стану мы встрѣчаемъ еще одну фамилію, которую носятъ фатежскіе однодворцы въ числѣ 23 дворовъ только въ одномъ селѣ Горкахъ, именно фамилію Непочатыхъ [2]). Эта фамилія настолько характерна, что въ родственномъ ея происхожденіи сомнѣваться трудно. Наконецъ, на р. Окѣ, въ с. Ольшанцѣ Корчаковскаго стана [3]) мы находимъ боярскаго сына Огаркова, фатежскіе родственники коего отличались, какъ мы знаемъ, особенною кичливостью. Не нашли мы только Проскурниныхъ, но мы знаемъ документально, когда и откуда они взялись. Такимъ образомъ, благодаря прежнимъ кастовымъ различіямъ, которыя строго проводились въ жизнь тѣмъ, что въ служилое сословіе не могли писаться неслужилыхъ отцовъ дѣти, что испомѣщались только дѣти боярскія, а затѣмъ, благодаря родовому началу, примѣняемому къ владѣнію землей, а также благодаря и строгой родовой замкнутости общинъ— однодворческіе роды сохранились въ извѣстной неприкосновенности доднесь. Эта цѣлость не растерялась и тогда, когда исторической волной отбрасы-

---

[1]) Ibid., стр. 889. [2]) Ibid., стр. 886. [3]) Ibid., стр. 1001.

вало служилое сословіе изъ Тульской губерніи въ Орловскую, а изъ Орловской въ Курскую, а изъ Курской на линію въ Харьковскую: служилый родъ не терялъ отъ этого своей фамиліи, не терялъ и родственныхъ связей со своими родичами. Поэтому, если встрѣтитъ кто однодворца во Мценскомъ уѣздѣ, то онъ можетъ смѣло искать его фамилію въ южныхъ уѣздахъ въ Кромскомъ, Ливенскомъ, Елецкомъ. Найдя здѣсь, онъ можетъ искать его дальше въ Курской и Воронежской губерніяхъ, и поиски его увѣнчаются всегда успѣхомъ: и всѣ розысканные будутъ связаны кровнымъ родствомъ. Кто бы могъ ожидать, что Павловы и Сидоровы, найденные въ однодворческой средѣ около Карпова, близкіе родственники фатежскимъ Павловымъ и Сидоровымъ—но это доказано документально.

Сводя все вышеизложенное въ общіе выводы, мы должны пополнить прежнія наши положенія еще слѣдующими: 1) Фатежскій уѣздъ началъ заселяться при Борисѣ Годуновѣ, быть можетъ, даже въ то время, когда онъ еще не былъ царемъ. Кромѣ монастырскихъ крестьянъ, здѣсь были уже поселены первые станичники, передвинутые изъ Орловской губерніи, что доказывается полнымъ совпаденіемъ цѣлой половины однодворческихъ фамилій, взятыхъ всего по одному стану Орловскаго уѣзда. 2) Въ началѣ XVII в. мы уже видимъ уѣздъ достаточно заселеннымъ. Документально доказано, что въ 1615 году жили здѣсь испомѣщенные дворяне и дѣти боярскія, пахали уже землю и имѣли помногу крестьянъ. 3) Первозаимщики, появившись въ предѣлахъ нынѣшняго Фатежскаго уѣзда, осѣдали первое время въ сравнительно безопасныхъ по тому времени мѣстахъ, обыкновенно около другихъ помѣщиковъ, успѣвшихъ уже осѣсть и дать свое имя образованному ими селенію. Самыя раннія заимки дѣлались на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ съ Московской стороны ихъ. Вновь приходившіе заимщики занимали землю или въ тѣхъ же урочищахъ, какія были уже заняты раньше пришедшими (жеребей деревни такой-то), или садились сбоку, неподалеку, отчего въ скорости сливались въ одну разнофамильную родовую общину, или, если это было неудобно по топографическимъ условіямъ, оставались одиночными поселеніями, при чемъ занятый починокъ обыкновенно носилъ особое названіе. 4) Съ теченіемъ времени, когда народонаселеніе края увеличивалось не вселеніемъ, а естественнымъ размноженіемъ, отдѣльные роды высылали членовъ своихъ на новыя мѣста, и тѣ уходя пріискивали заимки чаще всего одиночныя и присвоивали имъ родовыя названія по фамиліямъ своимъ. 5) Нерѣдко дѣти боярскія, жившія въ предѣлахъ Фатежскаго уѣзда, подвергались принудительному выселенію на югъ. Въ свою очередь и въ свое время вселенное этимъ путемъ извнѣ въ предѣлы уѣзда с. Солдатское дало новыхъ заимщиковъ для вольнаго пріиска, и они не замедлили распространиться по Фатежскому уѣзду и за предѣлы его. 6) Одиночные заимщики, распростра-

непные въ западной, наименѣе плодородной части уѣзда, нерѣдко припускали къ себѣ другихъ инофамильныхъ заимщиковъ, чѣмъ родовой строй общины не былъ еще особенно поколебленъ. Этотъ припускъ совершался или путемъ вольнаго пріиска со стороны третьихъ лицъ, или путемъ позятьевщины, при чемъ зять не могъ быть заимщикомъ и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что занято было его тестемъ. На новыхъ заимкахъ фатежскіе однодворцы плодились обыкновенно сильнѣе, чѣмъ на старыхъ мѣстахъ. 7) Когда край былъ окончательно замиренъ, а свободныхъ земель оставалось уже немного, мы видимъ образованіе сборныхъ селеній. Въ нихъ уже стекались однодворцы со всѣхъ сторонъ и селились густо, сразу многими дворами, ибо прежняго простора не оказывалось. Въ сборныхъ селеніяхъ родовое начало теряло много своей силы и при первомъ удобномъ случаѣ уступало свое мѣсто другому началу — уравнительному: такимъ путемъ образовались въ Фатежскомъ уѣздѣ, между прочимъ, душевочетвертныя общины. Сборныя селенія и названія носятъ не родовыя, а общія: либо праздничныя, либо по рѣкамъ и урочищамъ. 8) Плодовитость отдѣльныхъ родовъ фатежскихъ однодворцевъ неодинакова, и въ то время, когда нѣкоторые роды расплодились до крайнихъ предѣловъ, другіе оказались склонными къ вымиранію. Это вымираніе, выражающееся прежде всего въ прекращеніи мужского поколѣнія, усиливаетъ позятьевщину, а притокъ инофамильныхъ зятьевъ разрушаетъ родовые устои однодворческой общины. Благодаря той же позятьевщинѣ образовались такъ называемые посторонніе владѣльцы, вносимые обыкновенно въ списки владѣнныхъ записей отдѣльно отъ мѣстныхъ домохозяевъ, положенныхъ въ подушный окладъ по той деревнѣ. 9) Въ колонизаціонномъ движеніи однодворцевъ мы видимъ постоянное стремленіе къ югу; отъ южнаго направленія уклонялись или тамъ, гдѣ рѣка случайно поворачивала къ сѣверу, какъ это имѣетъ мѣсто на Усожѣ, или, когда на югѣ земли были уже заняты, какъ это было сдѣлано саянами Коренскаго монастыря. Въ послѣднемъ случаѣ населеніе сѣверовосточнаго угла двинулось по двумъ направленіямъ: на юго-востокъ, въ предѣлы нынѣшняго Щигровскаго уѣзда, и на юго-западъ, въ Фатежскій уѣздъ: смыслъ движенія отъ этого, конечно, не измѣнился. При разселеніи, иные роды оказались въ высшей степени подвижными, отчего можно встрѣтить ихъ во многихъ селеніяхъ, другіе же, наоборотъ, отличаются крайнею неподвижностью, такъ что до сихъ поръ не выслали изъ родного села даже зятя въ чужую деревню. Къ этой косности присоединяется другая однородная черта — замкнутость, въ силу которой нѣкоторые роды не приняли ни одного зятя. 10) Нѣкоторые роды однодворцевъ носятъ старинныя дворянскія фамиліи, другіе, наоборотъ, отличаются простенькими, такъ сказать, солдатскими, но такъ, или иначе, всѣ фамиліи Фатежскаго уѣзда принадлежатъ къ великороссійскимъ; толь-

ко въ сѣверовосточномъ углѣ, раньше всего заселенномъ, встрѣчается нѣсколько фамилій польскихъ и татарскихъ. И въ числѣ фатежскихъ однодворческихъ фамилій, какъ и всюду, встрѣчаются фамиліи, принадлежащія лицамъ духовнаго званія, какъ напр., Дьяконовъ, Проскурнинъ, Разстригинъ и даже Богусловъ, что объясняется примѣненіемъ закона царя Алексѣя о верстаньи помѣстьями служилыхъ дѣтей поповскихъ. 11) Исконно-родовая разверстка четвертныхъ земель фатежскихъ однодворцевъ, сохранившаяся во многихъ селеніяхъ даже послѣ спеціальнаго размежеванія, не только даетъ возможность, но буквально вынуждаетъ каждаго владѣльца знать и помнить не только о томъ, отъ какого дѣда онъ происходитъ, но и о томъ, съ кѣмъ и въ какой степени онъ состоитъ въ родствѣ. Знаніе родословной всей деревни не рѣдкость между фатежскими однодворцами. Благодаря этому, почти въ каждой деревнѣ Фатежскаго уѣзда разскажутъ вамъ, кто были первозаимщики и откуда пришли. Если у насъ часто не доставало такихъ свѣдѣній, то не потому, что ихъ собрать нельзя, а лишь отъ того, что они не были собраны. 12) Родовой строй однодворческихъ общинъ Фатежскаго уѣзда, выражающійся въ родовомъ распредѣленіи земли по наслѣдственнымъ долямъ, въ родовой замкнутости и неподвижности отдѣльныхъ родовъ, въ родовыхъ традиціяхъ и привычкахъ, представляется поднесь весьма устойчивымъ, несмотря на искусственное вторженіе въ эту общину разныхъ кулаковъ путемъ позднѣйшихъ покупокъ четвертныхъ земель [1]). Насколько здѣсь сильна привязанность къ родовой организаціи землевладѣнія, видно изъ того, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда весь югъ Курской губерніи передѣлялъ четвертныя земли уравнительно, ни одна родовая община Фатежскаго уѣзда не перешла тогда на души. Разговоры о душевомъ поравненіи были только въ сборныхъ селеніяхъ: Молотычахъ, Тепломъ, Хмѣлевомъ, Анненковой, Шмарной и т. д. Вотъ что записано мѣстными изслѣдователями по этому поводу. Въ Шмарной послѣ размежеванія хотѣли подѣлить на души, но согласиться не могли. Въ Молотычахъ въ 1841 г. пришла бумага о поравненіи; подѣлили яровой клинъ и посѣяли, но богатые землей подавали жалобу и повернули на старое. Здѣсь все общество издавна разбито на три десятка по количеству земли. Въ Архангельскомъ, на Гниловодѣ сидѣли на душахъ всего одинъ мѣсяцъ. Въ Хмѣлевомъ въ 40-хъ годахъ чиновникъ предлагалъ на души—не согласились. Достойно вниманія, что до этого косили покосъ по душамъ, съ этихъ поръ убоялись и стали косить по дворамъ. Землю свою никогда не мѣряли четвертями, а десятинами,—ясный признакъ, что многіе сидѣли безъ дачъ. Изъ родовыхъ общинъ только въ д. Жердевой пріѣзжавшій чиновникъ предлагалъ дѣлить на

[1]) Нынѣ это вторженіе ограничено.

души—не согласились. Наоборотъ, въ Заболоцкой было 120 дес. душевой земли, оставшейся послѣ своихъ переселенцевъ, но лѣтъ 60 назадъ она пошла по четвертямъ. Затѣмъ, когда малоземелье стало давать себя чувствовать, то фатежскіе однодворцы и здѣсь не проявили стремленій къ уравнительности, а предпочли броситься на переселеніе. Очевидно, это исканіе новыхъ земель унаслѣдовано однодворцами отъ своихъ предковъ украинскихъ дѣтей боярскихъ.

Въ заключеніе немножко статистики. Подводя счетные итоги описаніямъ отдѣльныхъ селеній уѣзда, мы получимъ такія числа:

		% къ общему числу.	
Общинъ однофамильн. (однозаимочныхъ)	35	28,2 %	54,0%
Общинъ, гдѣ было 2 заимщика	22	17,8 „	
„ „ „ 3 „	10	8,0 „	
„ „ „ 4 „	14	11,3 „	46,0%
Общинъ многофамильныхъ (болѣе 4 заимщ.)	19	15,4 „	
Общинъ сборныхъ селеній	24	19,3 „	
Всего.	124 [1]	100 %	

Такимъ образомъ, болѣе половины однодворческихъ селеній Фатежскаго уѣзда, имѣли не болѣе трехъ заимщиковъ, и только пятая часть селеній, позже образовавшихся, имѣла при своемъ основаніи сравнительно помногу поселенцевъ.

Въ этой главѣ у насъ слабо выяснено вліяніе купчихъ крѣпостей, промѣнныхъ и другихъ переуступокъ, а главное, насильственныхъ захватовъ со стороны болѣе сильныхъ владѣльцевъ — вліяніе всего этого на однодворческую общину вообще и въ частности на образованіе сборныхъ селеній. Вопросъ этотъ носитъ общій характеръ, и въ предѣлахъ одного уѣзда у насъ маловато документальныхъ данныхъ; поэтому мы рѣшили его выдѣлить и посвятить ему отдѣльную главу.

---

[1]) Въ этотъ счетъ не вошли деревни, втянутыя въ большія селенія, напр., Юдина, Михайловка и др., всего 6. Кромѣ того, не вошли вовсе за утерей бланковъ д. Амелина, Сергѣева и Ширково, Здобниковской вол., и с. Шахово и Вѣтренка. Такимъ образомъ всѣхъ однодворческихъ общинъ въ Фатежскомъ уѣздѣ 135. Въ 1883 году они составляли 9266 дворовъ и владѣли 109969,2 дес. помѣстной земли. Сборн. Хоз. Св. Фатеж. у. стр. 142—144.

ГЛАВА VII.

Разрушеніе родовой замкнутости однодворческихъ общинъ.

Запрещеніе московскихъ чиновъ людямъ пріобрѣтать помѣстья въ заказныхъ городахъ.—Отмѣна сего запрещенія Петромъ I.—Развитіе недозволенныхъ продажъ однодворческихъ земель.—Первые признаки малоземелья. — Дозволеніе мѣнять помѣстья, съ перехожими четвертями. — Законъ 1714 г. о единонаслѣдіи. — Взглядъ на него В. Е. Якушкина.—Неприложимость этого закона въ однодворческой средѣ.—Духовныя завѣщанія однодворцевъ XVIII вѣка.—Призваніе по нимъ къ наслѣдству зятьевъ.—Сдаточныя кормильцамъ. — Положеніе зятя въ четвертной общинѣ. — Спорное дѣло зятя Сергѣева съ наслѣдниками.—Четырнадцатая часть дочерямъ по Уложенію.—Замѣна ея приданымъ.—Выдача невѣсты за дворъ и пріемъ зятя во дворъ.—Вторженіе въ родовую общину покупщиковъ.—Безвредность покупокъ односельчанъ.—Скупщики средней руки.—Участіе ихъ при развертцѣ новинъ.—Приселеніе по купчимъ.—Требованіе поравненія со стороны скупщиковъ.—Приселеніе дворянъ.—Малая плодовитость дворянъ.—Вторженіе на законномъ основаніи.—Крупные собиратели земли.—Отказная выпись рода Ходыревскихъ. — Окружающая обстановка, дѣйствовавшая на потерю земель однодворцами.

Сѣверный типъ сборныхъ селеній, только что описанныхъ въ Фатежскомъ уѣздѣ, нужно отличать отъ южныхъ многодворныхъ заимокъ. Но такъ какъ и на югѣ встрѣчаются отдѣльныя разнофамильныя и даже однофамильныя заимки, часть которыхъ съ теченіемъ времени могла сдѣлаться также сборными селеніями, то нужно быть крайне осторожнымъ при отнесеніи данной деревни къ той или другой категоріи. Мы знаемъ, что вторженіе въ родовую общину путемъ позятьевщины не нарушало общаго родового уклада однодворческой жизни; вліяніе зятей было отдаленное, въ смыслѣ постепеннаго измѣненія понятій о родовой исключительности. Вторженіе же покупщика вносило уже больше осложненій. Если зять былъ въ большинствѣ случаевъ ровней, или стоялъ даже ниже свойственниковъ, и вступая въ семью, становился, такъ сказать, единокровнымъ родичемъ, то покупщикъ могъ быть, и чаще всего былъ, богаче и сильнѣй своихъ новыхъ совладѣльцевъ и ни въ какой родственной связи съ ними не состоялъ. Въ этомъ смыслѣ онъ непремѣнно долженъ былъ давить своихъ сосѣдей. Чутко понимая это, мудрое московское правительство запрещало московскихъ чиновъ людямъ мѣняться помѣстьями «съ украинцами, дѣтьми боярскими и городовыми дворяны», и вовсе не испомѣщало ихъ на Украйнѣ [1]). Москва понимала, что вторженіе богатыхъ покупщиковъ гибельно отразится на интересахъ украинскихъ дѣтишекъ боярскихъ, и берегла ихъ: испомѣстить въ заказныхъ городахъ московскихъ чиновъ зна-

---

[1]) См. П. С. З., № 552, пун. 2 и сл. и много другихъ. Это несомнѣнно остатки кастовой организаціи.

чило отдать въ ихъ руки «молодчихъ» людей, которые своею кровью отбили землю у татаръ и Польши. Нарушеніе этой традиціи московскихъ царей послѣдовало лишь при Петрѣ I. Онъ не понималъ этого, какъ не понималъ многаго въ земельномъ устройствѣ своего царства; не имѣя возможности въ своей юности подготовиться и присмотрѣться хотя бы даже къ практикѣ помѣстнаго приказа, къ его замысловатой, но все-таки справедливой поземельной политикѣ, онъ въ грозномъ величіи своемъ смотрѣлъ свысока на старые устои, смотрѣлъ на нихъ черезъ призму западноевропейскихъ заимствованій, въ которыхъ иногда также не умѣлъ разобраться, какъ и въ своей старинѣ. И этотъ ужасный взглядъ могъ искалѣчить и исковеркать все, что не приглянулось хмурому преобразователю.

Петръ I нарушилъ прежнія традиціи московскихъ царей еще въ 1701 г. и десять лѣтъ спустя все еще не понималъ, въ чемъ дѣло: онъ послалъ указъ въ Москву, въ Помѣстный приказъ: «чтобы, выписавъ изъ его В. Г. указовъ, отписали: въ Рыльскомъ уѣздѣ московскихъ всякихъ чиновъ людямъ помѣстья и вотчины *для чего* покупать именемъ не велѣно» [1]), и тутъ же требовалъ, чтобы сдѣлана была выборка примѣровъ, разрѣшающихъ такую покупку. Неизвѣстно, что отвѣтилъ Пом. приказъ на первый вопросъ, но въ 1712 году, было прислано изъ приказа «вѣдѣніе». Что мы узнаемъ изъ него? Въ 1703 г., по именному указу, пустошь Рыльскаго уѣзда, что осталась за дачами Ѳ. Пушкарева, велѣно дать въ вотчину губернатору А. Д. Меньшикову—личному другу и пріятелю Петра. Въ томъ же году велѣно справить 50 четей въ помѣстье за фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ. Въ 1706 г. поступное дѣвкино помѣстье Яцыно велѣно справить за женихомъ изъ московскихъ чиновъ Трубчаниновымъ. Послѣдній былъ адъютантомъ Меньшикова. Наконецъ, въ 1711 г., «велѣно по допросу и по записямъ Рыльскихъ и Курскихъ помѣщиковъ о справкѣ и межеваніи земель въ тѣхъ уѣздахъ, 795 четвертей по челобитью кн. Я. Ѳ. Долгорукаго» послать въ Рыльскъ приказъ. Вообще, по разнымъ указамъ «въ тѣхъ уѣздахъ, земли по мѣнамъ и по поступкамъ Рылянъ и Курянъ справливаны и изъ порозжихъ земель даваны». Этимъ обиднымъ для украинцевъ новшествомъ началась новая исторія Россіи. Конечно, было уже поздно оберегать помѣстья отъ постороннихъ вторженій, а Петру это обереганіе было прямо-таки непонятно и напоминало ненавистную старину московскую. Обидно было только украинцамъ. Изъ Ефремовскаго уѣзда повѣренные однодворцевъ села Каднаго подали челобитную, въ коей написали: «по его де Им. В. указу московскаго чина людямъ въ украинныхъ заказныхъ городахъ помѣстныхъ земель давать не повелѣно и никакими мѣрами за ними не укрѣплять, а сего де 1721 г. майоръ Ѳ. Ѳ.

---

[1]) Цитируемъ по В. Е. Якушкину. Очерки позем. полит. стр. 72 и сл.

Арсеньевъ, который московскаго чина, у прежнихъ Ефремовскихъ с. Кадная и с. Ситнова у помѣщиковъ, и у дѣтей ихъ, и у внучатъ у сходцевъ, кои отбывая податей и службъ, оставя свои старинныя помѣстья, изъ Ефремовскаго уѣзда бѣжали Старооскольскаго и другихъ городовъ въ уѣзды, и назвавъ себя безпомѣстными, утая свои старыя дачи, тамъ живутъ, и на тѣ ихъ ефремовскія помѣстныя земли на многія четверти съ бѣглецовъ побралъ онъ, майоръ Арсеньевъ, купчія на имя свое и дѣтей своихъ... и кромѣ того въ с. Ситовкѣ помѣстныя земли запахалъ многое число десятинъ *собою*, безъ дачъ, сильно, и сѣетъ хлѣбомъ, и сѣно коситъ, и лѣсъ рубитъ» и т. д. [1]). Однако, въ 1727 году былъ изданъ, приведенный уже нами, указъ о непродажѣ однодворческихъ земель, подтвержденный много разъ въ теченіе всего XVIII столѣтія. Особенно сильно подчеркнуты злоупотребленія покупщиковъ въ указѣ 1740 г. Московскаго чина люди, сказано тамъ, «покупаютъ у однодворцевъ земли всякими подлогами, которые многіе однодворцы изъ оныхъ городовъ... въ другіе дальніе украинскіе городы бѣгаютъ отъ ландмилицкой службы и всякой работы, и продаютъ одну дачу вдвое и втрое, и по онымъ подложнымъ купчимъ владѣютъ (покупщики) тѣми дачами».

Почему, несмотря на всю строгость указовъ и подтвержденій, несмотря на полное запрещеніе совершать купчія у крѣпостныхъ дѣлъ,—однодворцы все-таки продавали и продавали свои помѣстныя земли, подвергаясь риску отвѣтить за всѣ эти подлоги и обходы закона? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ одинъ изъ современниковъ. Вопреки петровскому указу о единонаслѣдіи, Посошковъ открыто и смѣло пишетъ въ своемъ проектѣ, поданномъ Петру I, слѣдующее: «Сіе мнится мнѣ не токмо правильно, но и безгрѣшно, еже дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли жилыя и пустыя дѣлятъ на дробныя части, ибо однѣ пустоши раздѣляютъ на многія разныя владѣнія. И по такому раздѣлу, продолжаетъ Посошковъ, бываетъ у одной пустоши владѣльцевъ по 10 и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется 10 четвертей, инымъ же—четверти по двѣ-три, а иному и по четверти, и по осминѣ, и по четверику; и всякую пахотную полосу худую и добрую все паютъ; и кто изъ нихъ самъ у себя, то тотъ всѣмъ жеребьемъ и владѣетъ, а кто безмоченъ—тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ; и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры да обиды инаго нѣтъ ничего» [2])... Такъ характерно описалъ Посошковъ формы землевладѣнія не дворянскаго, а скажемъ просто, четвертнаго. Качественное и количественное уравненіе на лицо: и всякую полосу худую и добрую все паютъ. Это

---

[1]) Ibid. Стр. 4. Прилож.

[2]) Соч. И. Посошкова, изд. Погодина, стр. 191.

Посошкову не нравилось, ибо въ результатѣ часто получалась, по удачному выраженію автора, «бездѣлица». При маломъ испомѣщеніи эта бездѣлица дѣйствительно не поддавалась измѣренію: въ самомъ дѣлѣ, солдаты, испомѣщенные при царѣ Алексѣѣ близъ Бѣлгорода двѣнадцатью четвертями на дворъ, должны были имѣть въ царствованіе Петра внуковъ; при самой умѣренной плодовитости (по два сына въ семьѣ), каждый внукъ могъ имѣть только три четверти. Такъ какъ солдаты испомѣщались большими селеніями и въ общей сложности имѣли крупныя по пространству дачи, то это обусловливало разнообразіе почвы, для уравненія которой приходилось каждый клинъ «паить» на много ярусовъ. Пусть ихъ будутъ только десять, то и тогда полосы окажутся очень узкими. Тутъ непремѣнно сдѣлаешься «безмочнымъ». Это *безмочіе*, обремененное тяжелыми податными окладами и ландмилицкой службой, буквально не давало возможности однодворцамъ вести хозяйство, а иныхъ источниковъ существованія не оказывалось. Надо было бросать землю и уходить въ новыя мѣста; чтобы не бросить ея даромъ, надо было совершить подлогъ—продать. Болѣе счастливые, тѣ, «кто самъ у себя», являлись рѣдко покупщиками уже потому, что были достаточно обезпечены своею наслѣдственной землей и, кромѣ того, не имѣли нужнаго на покупку капитала. Господа капиталисты лѣзли изъ Москвы и, встрѣчая препону въ прежнихъ указахъ, старались обходить ихъ всякими подлогами и насиліемъ. Вѣдь и современные кулаки дѣлаютъ какъ разъ то же самое, и достойно горькой ироніи, что они продѣлываютъ это все на тѣхъ же однодворцахъ. Такимъ образомъ, причина распродажи четвертныхъ земель, какъ въ XVIII, такъ и въ XIX вѣкахъ лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ *самой формѣ владѣнія* [1]). Эта форма, и только она одна, обусловливаетъ неминуемое измельчаніе владѣній нѣкоторой части общины, вопреки росту насущныхъ ея потребностей. Чѣмъ плодовитѣй линія, чѣмъ больше ртовъ, тѣмъ меньше четвертей въ ихъ распоряженіи, тѣмъ скорѣе наступитъ безмочіе; а какъ только оное наступаетъ, болѣе сильные члены той же общины начинаютъ пожирать слабѣйшихъ, ибо и въ родовой общинѣ «homo hominі lupus est». Это пожираніе облегчается тяжестью податей, и, такъ какъ раскладка оныхъ принадлежитъ міру, сильные міра стараются окончательно задавить раскладкою слабыхъ. Спасителемъ является капиталистъ и подобно зубному врачу во имя временнаго облегченія выдергиваетъ зубъ съ корнемъ: боль прошла, но беззубому ѣсть уже нечѣмъ. Эти операціи совершаются быстро, исцѣленный благодаритъ за избавленіе его отъ тяготы

---

[1]) Другая причина указанная нами выше и заключающаяся въ сельскохозяйственномъ кризисѣ дѣйствовала не на однихъ однодворцевъ, а вообще на всѣхъ хлѣбопашцевъ.

ненужной, мелкополосной земли, забравши деньженки, онъ «бѣжитъ» на новыя мѣста, и хорошо, если тамъ устроится. А если нѣтъ? Это нѣтъ заставило однодворцевъ въ иныхъ мѣстахъ бросить четвертное владѣніе и перейти къ уравнительному. При уравнительномъ владѣніи трудно продать часть земли: ужъ очень трудно добиться на то согласія міра. Не то при четвертномъ владѣніи: здѣсь каждая полоса какъ бы считается собственностью того, кто ее пашетъ. При малѣйшемъ соблазнѣ такая продажа должна совершиться, но не о соблазнѣ здѣсь рѣчь, а о горькой необходимости, о безвыходной нуждѣ, о полномъ безмочіи, которыя вообще сильнѣе всякихъ соблазновъ. До такого безмочія уравнительная община доведетъ своего члена нескоро; она постарается приложить всѣ мѣры, дабы не было такого побѣга, какой мы видимъ, наприм., у ефремовскихъ сходцевъ. И въ то время, какъ однодворческіе сходцы продажей своихъ четвертей припускаютъ къ родному селу непрошенныхъ гостей, обостряющихъ и безъ того острую конкуренцію отдѣльныхъ дворовъ, сходцы душевыхъ общинъ даютъ возможность родному селенію увеличить размѣры своего владѣнія и тѣмъ уменьшить борьбу внутри общины, хотя на время.

Мы почти не видимъ этой борьбы въ XVII вѣкѣ, и понятно почему: обиліе дикихъ поль и незанятыхъ пустошей давало возможность, испомѣстить въ достаточной мѣрѣ каждаго; запашки, какъ мы знаемъ, были ничтожныя, и земельной тѣсноты никто еще не чувствовалъ. Поземельная политика Разряда и Помѣстнаго приказа была направлена на испомѣщеніе безпомѣстныхъ, малопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ—только служи, сдѣлай милость, земли хватитъ, самъ выберешь, что тебѣ любо, и мы дадимъ тебѣ; если тебѣ за службой пріискивать самому некогда, то мы сами пошлемъ дозорщика, и онъ отведетъ тебѣ землю съ товарищи, испомѣститъ и на дворовое строеніе казенныхъ денегъ дастъ, только служи; а будешь въ нѣтѣхъ, отпишемъ все на государя: даромъ землей никто не владѣетъ. Только послѣднее понималъ Петръ I, первое же было затемнено для него общимъ ходомъ исторіи. Народонаселеніе увеличивалось сравнительно очень быстро, тучный черноземъ Украйны особенно благопріятствовалъ этому, и вотъ уже въ концѣ XVII вѣка начинаютъ всплывать наружу новыя потребности увеличивавшагося населенія. Борьба за существованіе, борьба не съ внѣшними врагами, а съ сосѣдями, совладѣльцами, съ родичами въ большинствѣ случаевъ, вызвала къ жизни совсѣмъ новыя, небывалыя еще отношенія. На очередь ставился вопросъ о недостаткѣ земли, о малоземельѣ, строго же говоря, объ истощеніи природныхъ даровыхъ богатствъ земли; нѣкоторыя линіи сильно разродились и владѣли уже мелкими долями дѣдовскаго, когда-то большого, помѣстья. «И въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры и обиды нѣтъ ничего». Всякій старался

захватить земельки побольше, и кто былъ попроворнѣй (самъ у себя), тотъ успѣвалъ въ этомъ, по пословицѣ: «кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ». Этими захватами объясняются такія явленія, какъ путаница по владѣнной д. Болвановой, Фатежскаго уѣзда, путаница въ с. Рождествѣ, Елецкаго уѣзда, наконецъ, мелочные захваты, имѣвшіе мѣсто почти въ каждой деревнѣ; иногда эти мелочи доходили до грандіозныхъ насилій: такъ, наприм., въ с. Карандаковѣ, Щигровскаго уѣзда, часть общины захватила цѣлый выгонъ и освоила его за собой настолько, что онъ попалъ въ списки владѣнныхъ записей не за міромъ, а за отдѣльными домохозяевами. Мы не говоримъ уже о захватахъ и припашкахъ изъ обводныхъ государевыхъ земель; мы знаемъ уже, что царю Ѳеодору Алексѣевичу пришлось признать за этими захватами правомѣрность. Надо заглянуть въ судебные архивы, чтобы убѣдиться, какая масса дѣлъ стала возникать именно съ конца XVII вѣка о распашкѣ въ чужихъ межахъ и граняхъ, о захватѣ завѣдомо чужихъ земель, о дракахъ на межахъ, о недопущеніи межевщиковъ и пр. Все это говоритъ намъ о томъ, что земля, какъ средство удовлетворенія самыхъ насущныхъ «продовольственныхъ» потребностей возрастающаго населенія, начала получать бо́льшую цѣну, сдѣлалась предметомъ упорной борьбы не на животъ, а на смерть. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича московское правительство сильно было озабочено регулированіемъ этой новой экономической борьбы; было даровано много льготъ, принесено было много жертвъ со стороны правительства, терявшаго то, что принято называть служебнымъ земельнымъ фондомъ. Но запасы его истощались только повидимому, ибо въ теченіе всего XVIII вѣка идетъ самая азартная раздача земель, кому слѣдуетъ и не слѣдуетъ, встрѣчается она и въ XIX вѣкѣ, но тѣмъ не менѣе и сейчасъ у насъ еще много казенныхъ земель, никѣмъ незанятыхъ. Говорятъ, что перемѣну помѣстной политики Петръ I унаслѣдовалъ отъ XVII вѣка, что еще тогда вотчины слились съ помѣстьями и проч. Но XVII вѣкъ подготовлялъ матеріалъ въ другомъ направленіи; царствованіе Петра I сбило съ ногъ это направленіе, и потребовалось много времени, чтобы выйти туда, куда вела самопроизвольная эволюція земельныхъ отношеній, то-есть къ поравненію. Заслуги Петра I въ этомъ отношеніи были, какъ мы знаемъ, отрицательныя: онъ не вѣдалъ, что его побочныя реформы въ области финансовой политики подѣйствуютъ на политику поземельную обобщающимъ образомъ.

Наканунѣ XVIII вѣка, кромѣ помянутыхъ выше льготъ, дарованныхъ царемъ Ѳеодоромъ помѣщикамъ, имѣло мѣсто и дозволеніе мѣнять помѣстья «съ перехожими четвертями». Уложеніе царя Алексѣя дозволяло мѣну помѣстій четверть на четверть, но какъ только позволена была мѣна съ перехожими четвертями, такъ сейчасъ же начались понятныя злоупотребленія. Сдѣлалось возможнымъ подъ видомъ мѣны продавать по-

мѣстья въ чьи угодно руки. Въ малолѣтство царевичей Петра и Іоанна такія продажи достигли громадныхъ размѣровъ, хотя все-таки оставались еще кое-какія стѣсненія, такъ, напр., можно было мѣнять пустое на пустое, или жилое на жилое, но мѣнять пустое на жилое не полагалось. Для иллюстраціи этихъ фиктивныхъ продажъ выпишемъ изъ одной мѣновной нѣсколько строкъ. Въ 1684 г. нѣкто стольникъ Милославскій промѣнялъ свое помѣстье стольнику же Черткову на такихъ условіяхъ: «а въ той моей полудеревнѣ Скрыпинѣ четвертные пашни 152 четверти съ полуосминою въ полѣ, а въ дву потому-жъ; а противъ того, вымѣнилъ я у него въ Мурсмскомъ же уѣздѣ, въ пустоши Остроушковѣ, двѣ четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, а за перехожіе четверти взялъ я у него 200 рублей денегъ; а мѣнялися мы пустое на пустое, а не жилое на пустое» [1]). Есть случаи еще болѣе выразительные, наприм., мѣна цѣлаго помѣстья на четверикъ пашни.

Послѣ дозволенія мѣнъ въ такомъ видѣ оставался одинъ шагъ до позволенія простыхъ продажъ и даже писанія завѣщаній. Петръ I и сдѣлалъ этотъ шагъ, но криво: запретивъ продавать даже вотчины, онъ разрѣшилъ писать завѣщанія, но не иначе какъ въ пользу одного изъ сыновьевъ. Родовой характеръ «недвижимыхъ добръ» не имѣлъ для Петра I смысла. Такимъ образомъ, мѣна съ перехожими четвертями, передача по купчимъ съ платежемъ 10% и, наконецъ, свобода завѣщаній—все это въ общемъ вызвано потребностью не всего помѣстнаго населенія, а лишь самой незначительной его части, которой хотѣлось сосредоточить въ рукахъ своихъ земли болѣе безмочныхъ родовыхъ линій. Это самый жадный элементъ владѣльческаго класса, и не можемъ мы признать мудрою ту политику, которая потворствовала этой жадности. Были, а если не были, то должны были быть, другія болѣе высокія задачи поземельной политики: надо было заботиться не о созданіи крупныхъ латифундій, а о правильномъ, уравнительномъ распредѣленіи того, что давала данная территорія. Нельзя во имя чрезмѣрной жадности одной сильной единицы приносить въ жертву интересы множества безмочныхъ. И въ этомъ отношеніи дозволеніе уложенія царя Алексѣя мѣнять помѣстья—четверть на четверть, какъ нельзя лучше, уравнивало интересы каждаго: одному трудно было почему-нибудь жить въ данномъ помѣстьи; при строгомъ проведеніи принциповъ помѣстной системы, дабы избыть эту трудность, ему оставалось только бросить помѣстье и уйти въ другое мѣсто. Такъ и дѣлалось: старое помѣстье шло въ раздачу, какъ запустѣвшее. Но могло случиться, что другому было весьма выгодно взять это помѣстье, а свое отдать пер-

[1]) Акты до юр. б., т. II, № 156, стр. 497. Такія же мѣновныя можно найти тамъ же, стр. 500, 507, 552, 554, т. I, стр. 43, 51, 399 и друг.

вому. Вѣдь это то же самое, что и раньше было, съ той разницей, что процедуру такого обмѣна правительство возлагало на самихъ испомѣщенныхъ, и, кромѣ лишнихъ хлопотъ по отказу, получалась еще та выгода, что хозяйство не подвергалось безхозяйному перерыву. Поэтому «росписать промѣнныя помѣстья» было для всѣхъ трехъ сторонъ выгоднѣй и скорѣй, чѣмъ одному бросить, другому бить челомъ о запустѣвшемъ, третьему посылать на мѣсто отказчика. Свобода мѣны вытекала изъ свободы пріиска, и въ этомъ мы должны видѣть ту логическую послѣдовательность, которою отличалась вообще поземельная политика Московскихъ царей. Требованіе мѣны четверть на четверть вызывалось учетами службы испомѣщенныхъ: правительству не было никакой выгоды, если послѣ мѣны данное лицо не въ силахъ будетъ нести извѣстную, возложенную на него службу. Это уравнивало мѣняющихся. Съ утратой прежнихъ основаній для исчисленій служебной тяготы дозволено было мѣняться съ перехожими четвертями: эта мѣра, по нашему мнѣнію, есть уступка въ пользу жадныхъ элементовъ помѣстнаго общества, и съ этой уступкой отодвинулся на второй планъ вопросъ объ уравнительности. Уступка эта съ точки зрѣнія правильной поземельной политики была совершенно излишня: въ государствѣ и безъ того было много вотчинныхъ земель, свободное распоряженіе коими могло удовлетворить или вѣрнѣе сказать, могло замазать ротъ ненасытной жадности: покупай, сдѣлай милость. Но въ томъ-то и бѣда, что вотчину надо купить настоящею цѣною, а помѣстье обмѣнить съ перехожими четвертями у захудавшаго помѣщика можно за безцѣнокъ. Не понимаю, какая была выгода обезцѣнивать такимъ путемъ землю: для государственнаго хозяйства это прямой убытокъ. Еще менѣе понятна выгода обезземеленія массъ. Пресловутымъ закономъ [1]) 1714 года Петръ I именно хотѣлъ обезземелить массу во имя какихъ-то высшихъ соображеній; ему показалось, что «каждый имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ». Во-первыхъ, надо доказать, что землевладѣльцу хлѣбъ достается даромъ. Если такъ могло казаться при крѣпостномъ правѣ, то для устраненія этого дармоѣдства надо было заняться упраздненіемъ рабства, а не созданіемъ крупныхъ «въ своей ясности непоколебимыхъ фамилій». Во-вторыхъ, свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, имѣли именно однодворцы; здѣсь уже совсѣмъ грѣхъ называть трудовой хлѣбъ даровымъ. Такой взглядъ можно простить только Салтыкову, составителю проекта этого закона. Но мы знаемъ, что безмочные однодворцы въ потѣ лица своего ѣли хлѣбъ свой. Г. Якушкинъ, силясь всячески отыскать логическія

---

[1]) Г. Якушкинъ называетъ этотъ законъ „знаменитымъ“. Очерки поз. пол., стр. 8. Милюковъ же гораздо точнѣй—„злосчастнымъ“. Гос. хоз. Рос., стр. 538.

основанія для изданія этого закона, между прочимъ говоритъ [1]), что Петръ при установленіи единонаслѣдія «могъ имѣть въ виду еще очень недавнюю практику помѣстнаго наслѣдованія: въ помѣстной системѣ, утверждаетъ г. Якушкинъ, было постояннымъ явленіемъ, что одинъ изъ сыновей, чаще всего младшій, оставался дожидаться отцова помѣстья и наслѣдовалъ его, а остальные сыновья верстались другими помѣстьями». Прежде всего Петръ I не могъ имѣть этого въ виду потому, что вовсе не былъ знакомъ ни съ теоріей, ни съ практикой помѣстной системы, и для него это вполнѣ простительно. Далѣе не могъ онъ имѣть этого въ виду и потому, что ничего подобнаго въ практикѣ помѣстной системы не было. Мы изъ 2-ой главы этой книги уже знаемъ, что дѣти должны были смѣшивать свои дачи съ отцовымъ помѣстьемъ и общую массу дѣлить на равныя части; знаемъ, что изъ отцова помѣстья давалось не только сыновьямъ, но и вдовѣ и дочерямъ дѣвкамъ. Тутъ нѣтъ никакого даже намека на единонаслѣдіе, и намъ совсѣмъ непонятно, откуда усмотрѣлъ г. Якушкинъ, что минораторъ былъ «постояннымъ явленіемъ»: даже оставленіе младшихъ членовъ «на пашнѣ», практиковавшееся въ концѣ XVII столѣтія, не создавало для нихъ исключительныхъ правъ наслѣдованія отцова помѣстья. Аналогія петровскаго единонаслѣдія съ помѣстной системой должна быть признана тѣмъ болѣе неудачной, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, которые имѣлъ въ виду г. Якушкинъ, правительство особо верстало старшихъ членовъ семьи, стало-быть, увеличивало размѣры родового землевладѣнія; Петръ же только отнималъ у однихъ и отдавалъ другому. Въ кажущемся минорать помѣстной системы яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, выступалъ наружу принципъ поравненія; Петръ же въ своемъ законѣ, вопреки традиціямъ московскихъ царей, выступилъ открытымъ врагомъ такого поравненія, врагомъ безъ цѣли, безъ ясныхъ мотивовъ. Созданіе «въ своей ясности непоколебимыхъ фамилій» навѣяно черезъ Салтыкова изъ далекой Англіи, и Петръ I прямо не понималъ, что дѣлаетъ. Воображаю, въ какое положеніе были поставлены этимъ закономъ однодворцы: земель и домовъ не смѣй продавать, а послѣ смерти долженъ завѣщать кому-либо одному... Куда же дѣнутся другія дѣти? Горькія слезы должны были навертываться на глазахъ стариковъ, которые равно любили своихъ дѣтей, привыкли „выравнивать“ ихъ на работѣ и на службѣ; еще ужаснѣй было положеніе остающихся: со смертью отца старшій братъ можетъ выгнать всѣхъ вонъ изъ отцовскаго дома, гдѣ каждый работалъ не щадя силъ; и послѣ этой выгонки каждому въ перспективѣ рисовалось особенное состояніе безземельнаго, бездомоваго, безправнаго однодворца. Вѣдь это гораздо хуже посошковскаго «безмочія». И все это будто бы сдѣлано, какъ думаетъ г. Якушкинъ,

---

[1]) Очерки, стр. 13.

ради облегченія крѣпостныхъ крестьянъ. Удивительно смѣлая догадка! Не вѣрнѣе ли предположить, что эта мѣра закабалитъ въ крестьянство всѣхъ младшихъ членовъ семьи: я первый бы ушелъ изъ родного села и сталъ бы жить въ крестьянахъ за какимъ-нибудь Меньшиковымъ въ его новомъ Рыльскомъ помѣстьѣ.

Мы не имѣемъ буквально ни одного документа, уясняющаго, какъ было дѣло въ однодворческой средѣ. Такое отсутствіе историческихъ памятниковъ объясняется по всей вѣроятности тѣмъ, что въ однодворческой средѣ законъ 1714 г. не примѣнялся вовсе: однодворцы его не приняли. Намъ могутъ указать, что сохранились намеки на его примѣненіе [1]). Такъ, наприм., не бѣжали ли помянутые нами ефремовскіе однодворцы оттого, что законъ о единонаслѣдіи сдѣлалъ ихъ безземельными? Конечно нѣтъ, ибо тогда имъ нечего было бы продавать Арсеньеву и другимъ: это бѣжали только безмочные, хотя съ ними могли, конечно, бѣжать, и даже въ большемъ количествѣ, и безземельные. У насъ сохранилось порядочное количество духовныхъ завѣщаній XVIII вѣка, но всѣ они носятъ совсѣмъ другой характеръ—все это, собственно говоря, акты усыновленія зятьевъ, а не завѣщанія, составленныя по закону 1714 года. Къ разсмотрѣнію ихъ мы и переходимъ, такъ какъ изученіе вторженій постороннихъ элементовъ въ родовую общину должно начаться съ изученія позятьевщины.

Было странное обыкновеніе писать духовныя завѣщанія именно только въ пользу зятя. Зачѣмъ нужны были такія завѣщанія, когда земля и такъ должна была перейти къ внукамъ завѣщателя (по женской линіи)? Иныя изъ такихъ завѣщаній доходятъ до смѣшного. Вотъ, наприм., одно, списанное въ д. Раковой, Обоянскаго уѣзда. «1762 г., во имя Отца и т. д., азъ рабъ божій, Карповскаго уѣзду д. Раковой житель, однодворецъ В. А. Поповъ, лежа на одрѣ смертномъ, пишу свою духовную въ цѣломъ своемъ умѣ и разумѣ. Даю сіе завѣщательное письмо при отцѣ своемъ духовномъ (имя рекъ)... приказываю я зятю своему Данилѣ Распопину и женѣ его, а моей дочери Матренѣ, и дѣтямъ ихъ; ежели душа моя грѣшная отойдетъ въ вѣчное блаженство, то тѣло мое похоронить близь церкви божіей и помянуть такъ, какъ добрые люди по христіанскому закону, а по смерти моей ему зятю моему, и женѣ его, и дѣтямъ ихъ въ вѣчное владѣніе все уступилъ: а именно дворъ огороженъ и какое строеніе есть со всѣми моими пожитками и всякою посудою, помѣстную землю въ д. Раковой семь четвертей со всѣми угодьи ему зятю моему и женѣ его, а моей дочери, въ вѣчное владѣніе. А ежели кто сію мою духовную въ чемъ будетъ преко-

---

[1]) Указами 1730 г. законъ 1714 г. былъ формально отмѣненъ для однодворцевъ, П. С. З. № 5579 и 5138. Въ теченіе этихъ шестнадцати лѣтъ законъ Петра, конечно, не успѣлъ оставить замѣтныхъ слѣдовъ.

словить, тотъ будетъ проклятъ въ вѣцѣ семъ и въ будущемъ. А при сей духовной свидѣтели были»... Не смѣшно ли писать все это и грозить нарушителямъ проклятьемъ? Такая угроза можетъ быть страшна только другимъ дѣтямъ, но ниоткуда не видно, что у этого завѣщателя были еще дѣти. Ниже мы найдемъ подобное же завѣщаніе, въ коемъ прямо прописано, что другихъ дѣтей не имѣется. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они были, завѣщаніе было безполезно: однодворческій міръ не далъ бы ему осуществиться; это видно изъ одного приговора той же д. Раковой; приговоръ этотъ составленъ по просьбѣ тестя въ 1808 году; изъ него видно, что общество приговорило: «однодворцу приставшему въ зятья Ивашу Верейкину тестевой землей послѣ смерти тестя 10 четвертями владѣть безъ всякаго судопроизводства, а другой дочери (имя рекъ), которая самовольно вышла замужъ, до той земли дѣла нѣтъ. «Если міръ имѣлъ право устранить другую дочь, то могъ и, наоборотъ, допустить ее.

Нельзя видѣть въ этомъ явленіи и пережитка помѣстной системы, когда справлялись «дѣвкины прожиточныя помѣстья за зятьями». Вѣдь эти справки не могли происходить при жизни отца, и отецъ зналъ, что послѣ его смерти часть помѣстья будетъ справлена за зятьями и безъ всякихъ завѣщаній. Однако, подобныхъ завѣщаній дошло до насъ очень много и лишь весьма немногія даютъ намеки о бывшей необходимости ихъ составленія. Вчитываясь въ такія завѣщанія, мы сейчасъ же догадываемся, что это, собственно говоря, не завѣщанія, а такъ называемыя «сдаточныя кормильцамъ». Остарѣвшій тесть передавалъ все зятю, но чтобы гарантировать себѣ прокормленіе до смерти и нѣкоторое уваженіе при жизни, онъ писалъ духовную. Такимъ образомъ, оная писалась не въ пользу наслѣдниковъ, а въ пользу самого завѣщателя, чѣмъ, конечно, и нарушался основной признакъ завѣщанія. Вотъ одно изъ такихъ завѣщаній, найденное опять-таки въ д. Раковой [1]). «1752 г. февр. 13 д. Карп. у. д. Раковой житель Дей Ивановъ сынъ Гуторовъ далъ сію з а п и с ь зятю своему той же д. жителю Андрею Васильевичу Коневу, который женясь на дочери моей (имя рекъ) и жительство съ нею имѣетъ въ домѣ моемъ одиннадцать лѣтъ, за которое его житіе и всякую его домашнюю работу уступилъ я, Дей, ему зятю своему дѣдовской и отцовской своей помѣстной земли въ дачахъ оной д. Раковой чрезъ межу съ прочими помѣщики свою надлежащую часть въ старыхъ дачехъ 18 четвертей, да въ новыхъ дачехъ подъ Толстою Яругою 4 четверти, итого 22 ч. въ полѣ, а вдву потомужъ, слѣсы, сдубравы и т. д. ему и женѣ его, а моей дочери, и дѣтямъ ихъ

[1]) Мы нарочно приводимъ примѣры не только изъ одного уѣзда, но даже изъ одной деревни, дабы имѣть возможность выслѣдить всѣ мотивы составленія завѣщаній; если же брать образцы изъ разныхъ мѣстъ, то можно подумать, что различіе завѣщаній обусловливается различными мѣстными вліяніями.

послѣ моей смерти вѣчно владѣть... а зятю моему за то платить подушныя за меня Дея, жить ему до смерти моей въ домѣ и слушаться меня и съ воровскими людьми не знаться». Затѣмъ очистка въ томъ, что «другихъ записей на имѣніе нѣтъ и кромѣ дочери другихъ дѣтей не имѣется». Поразительная вещь: за то что 11 лѣтъ человѣкъ жилъ въ одномъ домѣ, не говоримъ уже—въ качествѣ родного, но въ качествѣ работника, исполнявшаго «всякую домашнюю работу», тесть отдаетъ ему 22 четверти земли, но какъ отдаетъ—послѣ своей смерти: а пока живи попрежнему, слушайся и съ воровскими людьми не знайся. Понятно, кого разумѣлъ завѣщатель подъ послѣдними, вѣдь надъ такимъ смиреннымъ зятемъ и куры стали бы, навѣрное, смѣяться: чего онъ живетъ, какъ батракъ, вѣдь у него есть своя земля, вѣдь и онъ *житель* д. Раковой. Чего ради онъ слушается и почитаетъ тестя, да еще подаетъ за него подати: вѣдь все равно земля тестева пойдетъ внукамъ? Эти разговоры для старика должны были казаться воровскими, но для зятя очень соблазнительными. Въ самомъ дѣлѣ зять, работающій на семью, защищающій ее во всѣхъ невзгодахъ, платящій за нее подати, дѣлающій все это не за условленную плату, а единственно изъ любви и привязанности къ своей женѣ и дѣтямъ, достоинъ не только уваженія, но и правового воздаянія: онъ такой же членъ родовой общины, какъ и сынъ. Правда, во имя сыновняго послушанія онъ долженъ слушаться и почитать своего тестя, но если это послушаніе заходитъ черезъ край, если этимъ послушаніемъ тесть начинаетъ злоупотреблять, то надо ждать протеста, если не отъ самого зятя, то отъ наблюдательнаго сосѣда. Если въ большомъ селеніи, гдѣ бываетъ помногу «приставшихъ во дворъ зятьевъ», со стороны тестей послѣдуютъ притѣсненія, то дѣло дойдетъ до мірского обсужденія на сходкѣ. Нерѣдки случаи, что волостные суды присуждали уходящему зятю изъ пріемнаго двора заработную плату за все прожитое имъ въ домѣ тестя время [1]).

Но не надо забывать и оборотной стороны медали. Нерѣдко и зятья являются истинными разорителями, не говоримъ уже про нелады зятьевъ съ тещами... это больное мѣсто не у однихъ однодворцевъ. Неблестящая репутація зятьевъ въ однодворческой средѣ подогрѣвается еще тѣмъ, что въ нихъ видятъ похитителей «наслѣдницъ»: не будь ихъ, земля оставшихся «въ дѣвкахъ» наслѣдницъ пошла бы въ родъ къ двоюрднымъ братьямъ или племянникамъ. Когда у зятя умираютъ дѣти, родственники открыто радуются, ибо въ перспективѣ—полученіе наслѣдства. Овдовѣвшій бездѣтнымъ зять моментально изгоняется изъ тестевой хаты, при этомъ часто нарушаются кормежныя записи. Такъ, въ архивѣ Курской палаты имѣется

---

[1]) Въ XVII вѣкѣ такая плата называлась „полѣтою“ (Акты до юр. б., т. III, стр. 317) и служила предметомъ сговоровъ.

громадное дѣло Бородиныхъ съ Сергѣевымъ (1808 г.). Бородины (однодворцы с. Заломнаго, Судж. у.) жаловались, что Сергѣевъ неправильно завладѣлъ 14 четвертями наслѣдственной ихъ земли. Сергѣевъ сослался на то, что онъ былъ принятъ во дворъ въ зятья, и тесть Бородинъ далъ ему кормежную запись, которою обязалъ зятя «кормить, поить, обувать и одѣвать и всѣмъ нужнымъ снабдевать, а по смерти похоронить», и все это требовалось не только по отношенію къ тестю, но и къ женѣ (къ тещѣ) и къ престарѣлому крестьянину Зиновею Азарову. Кромѣ того, Сергѣевъ указывалъ суду на то, что, заручившись такою записью, онъ перешелъ изъ родного села Гахова (Обоян. у.) съ оставленіемъ въ немъ своей родовой земли въ пользу однодворческаго общества, согласно межевой инструкціи XIX гл. 20 пун., и что общество с. Заломнаго дало ему свой пріемный приговоръ. Однако, суждансκій уѣздный судъ, а за нимъ и всѣ высшія инстанціи, рѣшили „уничтожить крѣпостную поступку Бородина въ пользу Сергѣева“. Истцы Бородины доказали, что Сергѣевъ не былъ зятемъ, такъ какъ присталъ не на родную дочь Бородина, а на его падчерицу, земли неимѣвшую. Мы не имѣемъ ни одного случая, гдѣ бы завѣщаніе было составлено въ пользу зятя, минуя сына, и этого не могло быть на томъ основаніи, что при существованіи сына дочь не наслѣдница по воззрѣніямъ однодворцевъ. Меня спросятъ, какъ такъ,—куда же дѣлось постановленіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича о дачѣ прожиточныхъ помѣстій дѣвкамъ-сиротамъ? Въ дворянскомъ сословіи сохранилось требованіе Уложенія, хотя обобщенное: вмѣсто 10, $7^1/_2$ и 5 четвертей со ста, смотря по тому, гдѣ отецъ умеръ—на войнѣ или дома—дѣйствующее законодательство о родовыхъ имѣніяхъ, по силѣ 1130 ст. X т. I ч. Зак. Граж., даетъ дочерямъ $^1/_{14}$ недвижимаго, то-есть среднее по Уложенію, ибо $7^1/_2$ четвертей со ста и есть ничто иное, какъ четырнадцатая часть: раздѣлите сто четвертей на 14 и вы получите $7_{,14}$ четв. Такимъ же образомъ произошла и вдовья часть (1148 ст. X т. I ч.). Но съ однодворцами случилось иначе. Въ рядныя и сговорныя записи конца XVII столѣтія начинаютъ уже вноситься условія объ отказѣ будущихъ зятьевъ и ихъ невѣстъ отъ прожиточныхъ (сестриныхъ) помѣстій: взамѣнъ ихъ братья давали сестрамъ приданое изъ разной рухляди и скота, а чаще всего изъ крѣпостныхъ людей, которые, собственно говоря, и являлись эквивалентомъ прожиточнаго помѣстья. Такъ, въ одной рядной 1678 года изображено: «а которые дворовые люди въ сей записи написаны и намъ (братьямъ) дать ему (зятю) данныя, а буде мы на тѣхъ людей данныхъ не дадимъ и намъ дать за тѣ люди противъ государева указа» [1]), сталобыть выдѣлить прожиточное помѣстье, сестринъ жеребей. Это обыкновеніе

[1]) Акты, отн. до юр. быт., т. III, стр. 291.

протянулось и въ XVIII вѣкъ. Въ рядной 1701 г. пишется: «да я-жъ Иванъ даю за сестрою своею по полюбовному договору съ нею вмѣсто ея прожиточнаго жеребья, что дано ей по указу изъ помѣстья отца нашего, даю крестьянъ своихъ» и т. д. [1]). И теперь, выдавая приданое, обыкновенно берутъ отреченіе. У однодворцевъ же, въ большинствѣ случаевъ безграмотныхъ, особенно въ XVIII вѣкѣ, рядныя записи замѣнялись словесными сговорами. При относительномъ малоземельи, здѣсь, въ однодворческой средѣ, дорожили землей больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, поэтому старались замѣнить ее приданымъ. Кромѣ того, то же малоземелье дѣлало четырнадцатую часть совсѣмъ аптекарскою дозой, и зятья съ радостью соглашались вмѣсто нея брать приданое. Въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія палата госуд. имуществъ окончательно упразднила выдачу земли дочерямъ, но все-таки не всюду. Есть мѣстности, гдѣ сестрамъ доднесь выдаютъ приданое землею. Такая рѣдкость сохранилась, насколько мнѣ извѣстно, лишь у однодворцевъ Путивльскаго уѣзда. Здѣсь, по крайней мѣрѣ вблизи города, въ Духановкѣ и во всей Берюховской волости, братья, если нѣтъ въ живыхъ отца, выдавая сестру, даютъ ей землю, но не $^1/_{14}$, а четвертую часть. Обычай этотъ держится устойчиво, такъ что волостной судъ въ случаѣ несогласія братьевъ, присуждаетъ землю сестрѣ. Изрѣдка такое приданое замѣняется деньгами и, какъ разсказываютъ сами старики, «водкой» [2]). Но повторяемъ—это рѣдкость; обычно же считаютъ однодворцы, что сестра при братѣ не наслѣдница. Правда, иногда волостные юристы силились предъявлять иски отъ сестеръ къ братьямъ о выдачѣ $^1/_{14}$ части изъ родовой четвертной земли, но судъ, даже и окружный, отказываетъ въ такихъ искахъ, хотя всегда присуждаетъ $^1/_{14}$ часть изъ тѣхъ купчихъ земель, которыя, какъ дворянскія, не изоброчены.

Мы уже сказали, что этотъ обычай крѣпко установился лишь со временъ палаты госуд. имущ. На этотъ терминъ указываютъ сами однодворцы. «Палата не любила выдавать землю за мужъ въ чужое село», говорятъ однодворцы; это означаетъ, что даже наслѣдницы, то-есть такія дѣвушки, которыя не имѣли братьевъ и потому наслѣдовали всю землю отца и матери, понуждались къ выходу за своихъ односельцевъ, или обязаны были принять во дворъ зятя, который и перечислялся палатой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жениху не было разсчета бросать свою родовую землю, а жениться хотѣлось, совершалась особая сдѣлка: двоюрдные братья или племянники давали невѣстѣ соотвѣтствующее приданое деньгами, а землю ея брали себѣ. Такія сдѣлки утверждала палата, но со времени выдачи

---

[1]) Ibid., стр. 302.

[2]) Ниже, при описаніи Путивльскаго уѣзда, мы даемъ ссылки на Литовскій статутъ, узаконявшій этотъ обычай.

владѣнныхъ записей всѣ такія наслѣдницы начали предъявлять иски, и судъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворялъ ихъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ какъ общіе суды, такъ и крестьянскія присутствія въ особенности, были буквально завалены дѣлами наслѣдницъ. «Разорили насъ наслѣдницы, жаловаловались однодворцы: мой дѣдъ выдалъ замужъ мою двоюрдную бабку и взялъ ея землю, двѣ четверти, а ей далъ 100 рублей приданаго; такъ вотъ теперь ея внукъ ищетъ съ меня эту землю». Крестьянскія присутствія, особенно Курское губернское, не хотѣли признавать ни давности, ни обычаевъ. Относительно давности оно разсуждало: какая тутъ давность, когда это крестьянская земля, а относительно обычаевъ, наоборотъ, держалось X тома: нельзя,—какіе тутъ обычаи, когда законъ прямо говоритъ о правѣ собственности. Сія путаница нынѣ прекратилась сама собой, ибо всѣ такія наслѣдницы вернули свою землю и массу однодворцевъ разорили судомъ порядочно. Такъ могло случиться только въ 70-хъ годахъ, когда всѣмъ казалось, что надо развить въ крестьянахъ уваженіе къ чужой собственности; забывали только, что надо было воспитывать и уваженіе къ святости договоровъ, заключенныхъ хотя и очень давно, но добросовѣстно.

Какъ бы ни было, но при выдачѣ дочери замужъ, однодворецъ непремѣнно даетъ приданое, и часто очень крупное. Такъ, одинъ богатый однодворецъ с. Горокъ, Фатежскаго уѣзда, выдавая дочь за богатаго же однодворца д. Ржавой, Цыбина, далъ приданаго въ 1893 году триста рублей деньгами, да всякія наряды и традиціонную корову. Дѣвкѣ-невѣстѣ даютъ телушку; она сама ухаживаетъ за ней и, выходя замужъ, беретъ ее съ собой уже коровой. Иногда, конечно, держатся и другихъ обыкновеній. Такъ, въ рядной 1637 г. мы читаемъ: «даю съ нею приданое: корова изъ стада любая, а не люба корова, инъ за корову полтора рубля денегъ [1])».

У однодворцевъ строго различаются два вида браковъ: выдача дочери за дворъ и пріемъ зятя во дворъ. Первое, не нарушая обычаевъ семьи и не убавляя размѣровъ ея владѣнія, требуетъ отъ нея только приданаго; дочь увозится въ чужой дворъ и чаще всего даже въ чужое село. Второе (пріемъ зятя) уже отражается на всемъ укладѣ семьи. Зять принимается только на землю, то-есть когда невѣста наслѣдница; при братьяхъ же зять не будетъ принятъ—дѣлать ему тутъ нечего. Въ первомъ случаѣ говорятъ просто «женился», во второмъ—«присталъ въ зятья». Приставшій въ зятья вторгается въ родовую общину, но волей-неволей долженъ подчиниться ея обычаямъ. Инымъ представляется вторженіе съ купчей крѣпостью въ рукахъ. Мы уже говорили, что опасными скупщиками являются только посторонніе элементы, случаи же покупокъ со стороны односельцевъ были

---

[1]) Ibid., стр. 287.

безвредны. Мы уже знаемъ, что ушедшіе сходцы изъ с. Глѣбова продали своему однофамильцу и близкому родственнику Курасову нѣсколько четвертей земли. Такихъ покупателей мы найдемъ почти въ каждой однодворческой деревнѣ. Въ д. Раковой, Обоянскаго уѣзда, намъ удалось во время мѣстныхъ изслѣдованій списать нѣсколько такихъ купчихъ; такъ, по купчей 1741 г.: «житель д. Раковой недоросль солдатскій сынъ А. Поневъ продалъ въ вѣчное владѣніе карповскимъ жителямъ подьяческимъ дѣтямъ В. да М. Поповымъ дѣдовскую и отцовскую свою помѣстную землю, свои отцовскія жеребья, что мнѣ надлежитъ по наслѣдству въ дачахъ д. Раковой семь четвертей съ осминой въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и съ рыбными ловли, съ дворовымъ и огороднымъ и гуменнымъ мѣстомъ и со всѣми угодьи. А взялъ я» и т. д. По купчей 1772 г., въ той же д. Раковой «помѣщикъ отставной драгунъ Потапъ Коротаевъ продалъ въ вѣчное владѣніе» тремъ братьямъ Протопоповымъ 10 четей. Затѣмъ, есть купчая, по коей одинъ изъ братьевъ М. Поповъ перепродалъ свою часть $3^1/_2$ четверти однодворцамъ Коневымъ послѣ 1752 г. [1]) Очень много такихъ покупокъ отмѣчено по Елецкому уѣзду. Несмотря на неоднократное подтвержденіе закона 1727 г., однодворцы въ теченіе всего XVIII вѣка продолжали продавать, мѣнять, уступать и всячески отчуждать свои земли.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ пришлые скупщики. Большинство ихъ были посторонніе, но были и мѣстные собиратели земель. Такъ, въ Щигровскомъ уѣздѣ одинъ однодворецъ изъ рода Пожидаевыхъ, прозванный «асмодеемъ», скупилъ около 6,000 десятинъ; въ Курскомъ уѣздѣ потомокъ однодворца изъ д. Сныхиной Переверзевъ скупилъ и отнялъ около 5,000 десятинъ, про фатежскаго Заикина мы уже упомянали. Но это все крупные факты; были скупщики средней руки. Въ моемъ распоряженіи имѣется девять купчихъ и промѣнныхъ трехъ родныхъ братьевъ изъ однодворцевъ Фатежскаго уѣзда. Они были изъ рода Широбоковыхъ, и такой заимщикъ былъ во Ржавѣ, но мы не помянули о немъ подъ этимъ селеніемъ, такъ какъ, скупивъ порядочно земли, его потомство сумѣло купить себѣ и дворянское званіе, что нетрудно для однодворцевъ, ибо по силѣ 337 ст. IX т. о сост. достаточно было получить на военной службѣ первый чинъ и дворянское достоинство возстановлялось [2]).

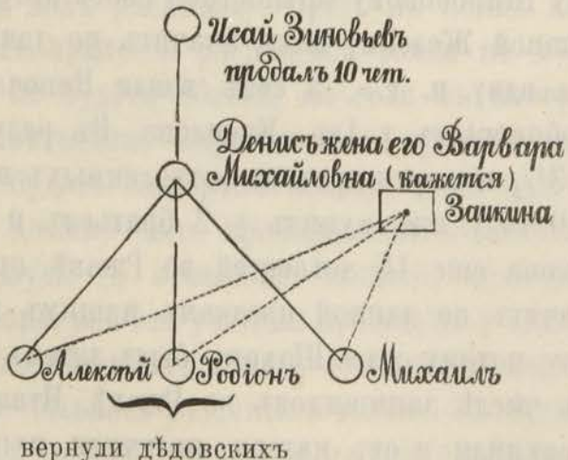
Прослѣдимъ исторію этихъ среднихъ скупщиковъ. Въ 1781 г. дѣятель-

[1]) Точная дата стерта; въ очисткѣ читанъ указъ 1752 г. 29 іюня.

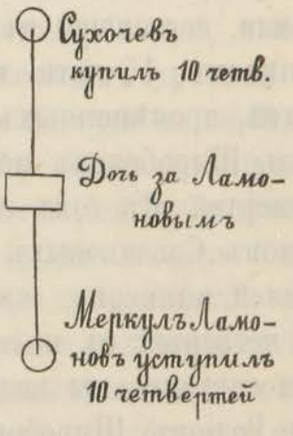
[2]) Хотя это правило установлено только 28 декабря 1816 г. (П. С. З. № 19158) но еще въ Екатерининской Комиссіи кн. Щербатовъ указывалъ на подкупъ командировъ при производствѣ въ офицерскіе чины разночинцевъ, къ коимъ всегда приравнивались однодворцы.

ность ихъ началась возвращеніемъ утраченнаго дѣдомъ ихъ помѣстья во Ржавѣ. Актъ, написанный по этому случаю, былъ ничѣмъ инымъ какъ замаскированной купчей. Онъ гласитъ слѣдующее: «города Фатежа однодворецъ Меркулъ Ламоновъ далъ сію запись фат. округи д. Ржавой Желени однодворцамъ Алексѣю и Родіону Денисовымъ дѣтямъ Широбоковымъ въ томъ, что отдалъ я Меркулъ имъ Широбоковымъ въ д. Ржавой Желени въ урочищахъ по обѣ стороны рѣчки Желени крѣпостной своей дѣдовской и материнской помѣстной земли, доставшейся по покупкѣ отъ дѣда вышеписанныхъ Широбоковыхъ Исая Зиновьева сына Широбокова дѣду моему Антипу Тихонову сыну Сухочеву 10 четвертей въ полѣ, а вдву п. съ роспашною и не роспашною землею съ лѣсы и съ дубравы и проч. И отдалъ я Меркулъ имъ оную землю потому, что я желаніе имѣю записаться въ г. Фатежѣ въ мѣщане, гдѣ и всякія госуд. подати отбывать долженъ, то означенную землю, яко изъ рода ихъ Широбоковыхъ доставшуюся моему дѣду, возвращаю имъ по прежнему съ тѣмъ, чтобъ за меня Меркула подушныя деньги и всякія подати до ревизіи, тожъ и за умершаго отца моего, платить имъ бездоимочно и оною землею имъ Широбоковымъ владѣть вѣчно, безповоротно и безвыкупно, а мнѣ и дѣтямъ моимъ до той земли дѣла нѣтъ». По этой сдѣлкѣ можно возстановить обѣ родословныя.

Родъ Широкобоковыхъ.



Родъ Сухочева.



Тогда же Алексѣй и Родіонъ Широбоковы купили у однодворца Арцыбушева изъ Дерловой [1]) 20 четвертей въ д. Мелениной, при чемъ по купчей сказано «крѣпостной своей отхожей земли». Въ 1785 г. мать Варвара Широбокова совершила три купчихъ: по одной братья Луневы изъ с. Гаева продали дѣдовской и отцовской земли 20 четей въ урочищахъ по

[1]) Въ Дерловой нынѣ уже нѣтъ этой фамиліи, нѣтъ ея и во всемъ Фатежскомъ уѣздѣ.

обѣ стороны р. Реута; по другой — 15 четей отцовской, купленной отцомъ ихъ въ д. Сухочевой. Вся эта земля названа «отсутственной». По третьей купчей у одного изъ упомянутыхъ Луневыхъ она купила тамъ же на Реутѣ 10 четвертей купленной продавцомъ въ 1783 г. у братьевъ Борзенковыхъ. Всего куплено матерью 45 ч. На слѣдующій же годъ третій сынъ Михаилъ Денисовъ Широбоковъ промѣнялъ изъ послѣдней покупки матери «три четверти съ третникомъ» у Ламонова изъ Любажа. Мы теперь не находимъ этой фамиліи въ Любажахъ, но такъ и должно быть, ибо земли эти пишутся «отсутственными», то-есть тѣмъ, что нынѣ называется землями «постороннихъ владѣльцевъ». Мать Широбоковыхъ, очевидно умерла сейчасъ же вслѣдъ за покупкой: иначе нельзя объяснить, какъ могъ одинъ изъ сыновьевъ разпоряжаться купленной ею землей. Смерть матери подтверждается еще тѣмъ, что въ 1790 г. тотъ же Михаилъ Широбоковъ промѣнялъ остальныя 12 четей Герасиму Касилову на 8 четвертей въ сосѣднемъ селѣ Горкахъ. Очевидно, за смертью матери произошелъ раздѣлъ ея земли «по-третьёмъ», и каждому изъ трехъ братьевъ досталось по 15 четвертей. Сынъ Михаилъ всю землю доставшуюся отъ матери перемѣнялъ и не къ своей выгодѣ. Но это только временно: въ томъ же году черезъ мѣсяцъ М. Широбоковъ пишетъ съ тремя Непочатыми [1]) мировую: было у нихъ «спорное о землѣ дѣло, а нынѣ поговоря межъ собой помирились... за ту самую спорную землю промѣнили Непочатые ему Широбокову крѣпостной своей отсутственной земли, состоящей въ д. Ржавой Желени, какъ значитъ по дачамъ и по выписямъ, 15 четв. въ п. а вдву п. т.», а себѣ взяли Непочатые 8 четвертей, промѣненныхъ Широбоковымъ у Гер. Касилова. Въ результатѣ Михаилъ Широбоковъ нажилъ $3^1/_3$ четверти противъ оставленныхъ матерью 15 четвертей. Въ томъ же 1790 году онъ купилъ у 2 братьевъ и 2 племянниковъ Саклаковыхъ и Шахова еще 16 четвертей во Ржавѣ, при чемъ въ купчей написано: «какъ значитъ по данной предкамъ нашимъ выписи на 50 четвертей въ поле, а вдву потому жъ». Шаховъ былъ зятемъ Саклакова, послѣдняго мы видѣли въ числѣ заимщиковъ во Ржавѣ. Итакъ, Алексѣй и Родіонъ Широбоковы скупили и отъ матери получили купленной земли всего 60 четей, на каждаго по 30. Михаилъ же послѣ быстрыхъ оборотовъ, смѣлыхъ и рискованныхъ (ибо мѣнялся съ Касиловыми спорною землею), собралъ въ рукахъ своихъ $34^1/_3$ четверти, и вся земля оказалась въ одной дачѣ Ржавской. Въ общемъ, безземельные по винѣ дѣда, однодворцы Широбоковы въ теченіе 9 лѣтъ пріобрѣтаютъ почти 100 четвертей—помѣстье не малое для конца XVIII вѣка. Такихъ средней руки скупщиковъ было много въ каждой почти деревнѣ: мѣстами ихъ набира-

---

[1]) Заимщики с. Горокъ.

лось такъ много, что прежніе заимщики были сильно утѣсняемы ими, часто покидали свои родныя мѣста и уходили на сходцы. Однако исконно-родовая связь между совладѣльцами, благодаря существовавшей черезполосицѣ, была очень крѣпка: при распашкѣ новинъ—а оныя еще были и въ концѣ XVIII столѣтія, эта связь должна была пошатнуться, и всякій разъ, когда приступали къ отводу новаго яруса, скупщики, или вѣрнѣе, «собиратели помѣстной однодворческой земли» являлись на дѣлежъ съ купчими въ рукахъ. Въ купчихъ хитро писалось «столько то четвертей съ роспашной и нероспашной землей и съ прочими угодьи», то-есть продавалась не земля, а только голое четвертное право на землю. Это право выражалось четвертями, и были ли они распаханы, или еще нѣтъ, для обладателей купчихъ было безразлично. Являясь на дѣлежъ они говорили: дайте намъ на столько-то четвертей, мы ихъ купили у вашихъ родичей. Технически это должно было происходить такъ. Обмѣряли площать, назначенную подъ распашку, и затѣмъ соображали, по скольку саженъ надо отмѣрить на четверть каждому владѣльцу. Для этого нужно было знать, сколько всѣхъ четвертей въ деревнѣ. Усчитывали заимщиковъ: Саклакову по выписи 50 четей, но 16 они продали Широбокову, значитъ у нихъ остается всего 34; такъ же усчитывались другіе заимщики. Когда послѣ всей этой процедуры добьются общаго числа четвертей, то нетрудно сообразить, по скольку сажень надо намѣрять въ данной площади, назначенной подъ распашку. Пусть въ концѣ концовъ въ общей сложности на четверть придется распашной земли не $1^1/_2$ десятины, а три, никто объ этомъ не будетъ болѣть; но если въ новораспахиваемомъ урочищѣ не дадутъ покупщику «противъ его купчей»—дѣло безъ суда не обойдется, и споръ будетъ выигранъ обладателемъ купчей: ибо право на примѣрную землю должно быть пропорціонально количеству четвертей крѣпостныхъ актовъ, будь то отказныя выписи, промѣнныя, купчія и проч. Собственно говоря, вся эта учетная процедура у однодворцевъ производится въ одинъ моментъ, ибо всѣмъ и каждому извѣстно первоначальное количество четвертей. Трудно бываетъ разсчитать только въ такихъ сборныхъ селеніяхъ, гдѣ разверстка, производится не въ исконно-родовомъ порядкѣ, а разбиваясь на сотни. Тогда покупщикамъ хочется округлить свои полосы, и своими домогательствами они вносятъ большую смуту въ родовую общину однодворческой деревни. Этимъ объясняются тѣ случаи въ сборныхъ селеніяхъ, когда въ ближнихъ ярусахъ покупщикъ владѣетъ, напримѣръ, въ трехъ «родинахъ» по разному количеству сажень, смотря по тому, у какого рода сколько было куплено земли, а въ заднихъ помѣрахъ, распаханныхъ позже, всѣ эти дробныя полосы сгоняются въ одинъ загонъ. Это бываетъ тамъ, гдѣ покупщиковъ много и гдѣ слѣдовательно, они могли вліять на мірской сходъ. «Приселяться по купчимъ» къ однодворческой деревнѣ могли только однодворцы и дво-

ряне и сравнительно очень рѣдко подьячіе. Если иногда встрѣчаются между однодворцами фамиліи изъ духовнаго сословія, то они какъ мы знаемъ были заемщиками, а потомство ихъ дѣйствовало на правѣ однодворческомъ, то-есть какъ прежнихъ службъ служилые люди.

Приселеніе однодворцевъ было невсегда безразлично для историческаго развитія родовой общины. Въ однихъ случаяхъ покупщики сильнѣе и устойчивѣй начинали держаться за исконно-родовую разверстку. На обычные возгласы о поравненіи, о равной степени родства къ первозаимщикамъ, они обыкновенно возражали: какое намъ дѣло, мы купили землю, мы невиноваты, что твой дѣдъ продалъ нашему дѣду половину своей земли. Но чтобы говорить такъ, надо имѣть много земли, а между тѣмъ и покупщики подвержены общей участи неравномѣрной плодовитости. Мы имѣемъ въ одномъ селѣ Суджанскаго уѣзда поразительный примѣръ того, что именно покупщики требовали отъ заимщиковъ душеваго поравненія. Обстоятельства этого дѣла мы изложимъ по документамъ, хранящимся въ архивѣ Курской палаты. Повѣренный лѣвой стороны села Скороднаго подалъ въ 1807 году жалобу въ Сенатъ, гдѣ излагалъ, что «по выписи 7183 г. (1675) значитъ, что предкамъ вѣрителей его произведена была дача земли съ угодьями, всего 31 двору по описаннымъ въ той выписи урочищамъ. И по сей выписи, какъ предки имѣя поселеніе свое на лѣвой сторонѣ рѣки Скороднаго Колодезя, такъ по нихъ по нисходящей линіи и мы владѣніе имѣемъ по сей самой выписи, и дача наша обмежевана отъ прочихъ смежныхъ селеній. Между тѣмъ послѣ произведенной предкамъ нашимъ дачи, однодворцы изъ разныхъ селеній первоначально въ маломъ числѣ стали приходить и селиться по правой сторонѣ рѣки Скороднаго Колодезя, и составили въ послѣдствіи особое общество правой стороны села Скороднаго; и какъ они получили себѣ потомъ въ дачу на правой сторонѣ изъ дикопорожжей земли три заимка: первый на девять человѣкъ, второй на двѣнадцать и третій неизвѣстно вѣрителямъ на сколько человѣкъ земли, то въ послѣдствіи времени чрезъ покупку также малаго числа четвертей земли отъ нѣкоторыхъ изъ предковъ вѣрителей получили еще землевладѣніе и на лѣвой сторонѣ и продолжали оное по 1771 г. спокойно, а въ 1772 году видя себя умножившимися при маломъ владѣніи земли, и за продажею помѣщикамъ своихъ земель начали распространять усильно владѣніе въ принадлежащихъ вѣрителямъ дачахъ и въ то же время, какъ по дѣлу значитъ, зачали въ Суджанской воеводской канцеляріи дѣло о раздѣленіи чрезполосно между всѣми жителями обѣихъ сторонъ поравенно земли, противу чего какъ имъ того не принадлежитъ вѣрители мои подавали жалобу» и т. д. Сенатъ приказалъ: отослать дѣло въ Курскую казенную палату съ предписаніемъ наблюсти, дабы никто задѣляемъ не былъ. Здѣсь приселившіеся стремились увеличить размѣры своего владѣнія за счетъ сосѣдей. Они ко-

нечно безсознательно вторглись въ сосѣднюю общину съ купчими крѣпостями, но могло быть такое вторженіе, какъ увидимъ, и вполнѣ сознательное, впередъ разсчитанное, съ ясною до мелочей цѣлью. Оказавшись благодаря купчимъ, членами родовой общины, лежавшей такъ близко черезъ ручей, они отожествляли ея интересы съ интересами своей общины, а послѣдняя была малоземельнѣй и, кромѣ того, размотала часть своей земли по купчимъ. Нужно было наверстать эти утраты и вотъ, пренебрегая своими купчими, по коимъ было куплено земли немного (чрезъ покупку малаго числа четвертей, говоритъ повѣренный и нѣтъ основаній ему не вѣрить) они затѣваютъ поравненіе. Сенатъ не могъ признать въ этомъ случаѣ правомѣрности такихъ дѣйствій, именно благодаря ничтожности покупокъ; признать «поровенное» раздѣленіе значило буквально отвергнуть силу заимочныхъ крѣпостей, а Сенатъ этого не любилъ дѣлать. Такимъ образомъ вопросъ о поравненіи кончился ничѣмъ и Скородное до сихъ поръ владѣетъ по четвертямъ.

Въ приведенномъ дѣлѣ весьма образно описана исторія заселенія этого сборнаго села. Такова она была и въ с. Хмѣлевомъ, Фатежскаго уѣзда, гдѣ, какъ мы знаемъ, сохранилось даже аналогичное раздѣленіе на правую и лѣвую сторону: очевидно, одинаковыя условія порождали и одинаковую форму. Все различіе этихъ двухъ сборныхъ селеній заключается лишь въ числѣ первозаимщиковъ: въ Фатежѣ ихъ было немного, въ Суджѣ 31 человѣкъ; тамъ разнофамильная заимка, здѣсь многодворная, но это различіе объясняется, какъ мы знаемъ, болѣе общими причинами, дѣйствовавшими при заселеніи южныхъ и сѣверныхъ уѣздовъ. Ниже, при описаніи Елецкаго уѣзда мы увидимъ, что въ с. Становомъ переходъ съ четвертей на души, затѣянный покупщиками, состоялся безпрепятственно.

Приселеніе дворянъ носило иной характеръ. Это обусловливалось тою разницей, которая съ 1719 г. раздѣлила прежнихъ помѣщиковъ какъ бы на два особыхъ сословія: на однодворцевъ, попавшихъ въ подушный окладъ, и шляхетство—дворянъ не подвергшихся этой участи. Различіе это установилось не сразу и въ теченіе всего XVIII вѣка, вплоть до генеральнаго межеванія, мы наблюдаемъ разныя колебанія и неустойчивость. Всѣ посошковскіе безмочные рано или поздно попали въ подушный окладъ; кто былъ «самъ у себя», тотъ остался дворяниномъ. Для сохраненія и поддержанія дворянскаго достоинства надо было служить, а впослѣдствіи только имѣть чинъ. Табель о рангахъ конечно не опредѣляла значенія дворянина въ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе помогала многимъ осуществлять свои стремленія по пріобрѣтенію земель и ихъ округленію. Гораздо большее значеніе въ этомъ направленіи имѣло обладаніе крѣпостными людьми. Правда, у многихъ однодворцевъ задержались еще крѣпостные, но въ весьма маломъ количествѣ: главными рабовладѣльцами оставались болѣе зажиточные и

крупнопомѣстные дворяне. Почему такъ? Если уменьшеніе числа крѣпостныхъ у однодворцевъ было главнѣйшимъ образомъ обусловлено частостью семейныхъ раздѣловъ, что объясняется усиленной плодовитостью; если та же причина доводила однодворцевъ до малоземелья, «до дробности»: то крупныя помѣстья и избытокъ крѣпостныхъ людей у дворянъ мы прежде всего вынуждены будемъ объяснить недостаточною плодовитостью ихъ. Въ лучшихъ случаяхъ мы не видимъ больше трехъ братьевъ, чаще двухъ и весьма часто единственнаго сына, при чемъ многіе дворянскіе роды всегда были близки къ вымиранію. Такъ Переверзевъ Курскаго уѣзда оставилъ только дочь, зять коей Нелидовъ также имѣлъ только двухъ дочерей, изъ которыхъ одна умерла лѣтъ семи, другая лѣтъ 17 отъ чахотки.

Щигровскій асмодей Пожидаевъ вовсе не оставилъ потомства, Фатежскій родъ Пояркова вымеръ, родъ Заикина началъ вымирать съ Тимоѳея Заикина, который жилъ въ началѣ XIX столѣтія. Эта малая плодовитость какъ сила стихійная, должна быть признана главнѣйшей причиной экономическаго благосостоянія дворянъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь на Украйнѣ. Эта стихійная сила пуще всякихъ законовъ о единонаслѣдіи поддерживала въ своей ясности непоколебимыми дворянскія фамиліи. Сынъ-одиночка легче конкуррировалъ въ сферѣ матеріальныхъ отношеній, чѣмъ дѣти многосемейнаго отца. Конечно, все это дало бы иные результаты, если бы не было рабства. Одиночки имѣли возможность опираться на рабовъ, тогда какъ многосемейные вынуждены были дѣлить ихъ чуть не на части. Опираясь на чужой, подневольный трудъ, дворянинъ могъ проводить свое время не въ тяжеломъ земледѣльческомъ занятіи, отупляющемъ всякаго, кто имъ занимается непосредственно, а въ занятіяхъ высшаго порядка — онъ могъ служить, могъ учиться; могъ ради этого покойно оставить деревню, и живя въ столицѣ, получать изъ этой деревни нужныя для жизни средства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянинъ предпочиталъ сидѣть въ своемъ помѣстьи, онъ не пахалъ своей земли лично, онъ былъ только организаторомъ своего хозяйства, что опять-таки много легче, а главное, много прибыльнѣй простаго труда. Какъ организаторъ хозяйства, каждый дворянинъ видѣлъ всѣ сложившіяся неудобства въ этомъ самомъ хозяйствѣ: его прежде всего тяготила черезполосица помѣстныхъ земель. Мы уже говорили, что сія вещь для однодворцевъ всегда была весьма выгодна, но крупный владѣлецъ долженъ былъ ею тяготиться донельзя. Она ему была вредна, она приносила ему прямой убытокъ, а главное она уравнивала его съ прочими помѣщиками-однодворцами. Владѣть въ рядъ той деревни съ прочими было для него невыгодно и обидно. И вотъ отсюда рядъ надоѣдливыхъ домогательствъ, которыя начавшись съ Ѳеодора Алексѣевича длились чуть не цѣлыя сто лѣтъ, пока не увѣнчались генеральнымъ межеваніемъ. Но пока что, пока дождешься общихъ мѣръ, нужно самому позаботиться о своемъ благополучіи

и болѣе дѣятельные дворяне конечно заботились о себѣ съ большимъ успѣхомъ. Оный обусловливался опять-таки наличностью крѣпостныхъ. Отбить землю съ помощью крѣпостной силы у сосѣдей однодворцевъ—почиталось доблестью. Въ д. Мухиной, Фат. у., сосѣдъ помѣщикъ выѣзжалъ на однодворцевъ «войной съ вооруженной дворней и съ борзыми собаками: грабилъ, травилъ собаками, жегъ избы и увозилъ хлѣбъ съ поля". Дѣло кончилось тѣмъ, что однодворцы частью разбѣжались отъ такого милаго сосѣда, а частью были записаны по ревизской сказкѣ за этимъ самымъ охотникомъ и такимъ образомъ попали въ рабство. Не то же ли самое учинялъ майоръ Арсеньевъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ? Чѣмъ богаче и вліятельнѣй былъ сосѣдъ, тѣмъ труднѣй было спорить съ нимъ; мы знаемъ уже, что воевода Ржевскій отбилъ много земли у д. Кононыхиной. Богатый владѣлецъ Аладьинъ въ Щигровскомъ уѣздѣ съ помощью своихъ крестьянъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка награбилъ у однодворцевъ до 6.000 десятинъ.

Было два пути, по которымъ шли эти собиратели. Одинъ путь считался «законнымъ» въ томъ смыслѣ, конечно, что вся игра велась на ухищренномъ толкованіи сбивчивыхъ законовъ; другой путь—договорный, и такъ какъ ни одинъ договоръ и въ XVIII столѣтіи не могъ закончиться безъ надлежащаго магарыча, то правильнѣй называть этотъ путь просто—спаиваніемъ. Помѣщикъ Стоговъ не былъ заимщикомъ въ д. Мелехиной, Щигровскаго уѣзда, гдѣ, какъ мы знаемъ, осѣли Сергѣевы изъ сѣверо-восточнаго угла Фатежскаго у. Стоговъ жилъ верстъ за 15—20, въ Тимскомъ уѣздѣ. При генеральномъ межеваніи «генералы» занесли цѣпь правѣе къ берегамъ р. Рати. Сергѣевы послали ходоковъ къ Стогову, прося у него какъ вліятельнаго человѣка, защиты; тотъ пріѣхалъ шестерикомъ и устроилъ благодаря своему вліянію и еще кое-чему такъ, что „генералы" взяли цѣпью лѣвѣе къ р. Озеренкѣ—и получилась громадная дача. Сергѣевы, по договору, въ благодарность дали Стогову по приговору 40 четвертей степного мѣста «подъ телятъ». И новый владѣлецъ сталъ владѣть ими и въ концѣ концовъ сумѣлъ расширить свои владѣнія не только въ данномъ мѣстѣ путемъ простой припашки, но и еще мѣстахъ въ шести, то-есть при каждомъ отводѣ новаго яруса изъ дикой степи онъ требовалъ и себѣ по силѣ приговора—отказать нельзя: «наѣдетъ съ крестьянами, бѣда—разоритъ». Такимъ путемъ оказалось за Стоговымъ въ этой дачѣ до 600 десятинъ. Достойно вниманія, что и Стоговъ умеръ бездѣтнымъ, такъ же какъ и близкій сосѣдъ его Аладьинъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ однодворцы стереотипно повторяютъ одну и ту же фразу: «да, что тамъ говорить, одно слово—старики наши пропили землю». Это означаетъ, что въ XVIII или въ самомъ началѣ XIX в. однодворческій сходъ задалъ приговоръ, коимъ дозволилъ владѣніе въ своихъ дачахъ постороннему лицу. Этимъ путемъ,

простая родовая община часто дѣлалась сборнымъ селеніемъ, но еще чаще просто-напросто теряла довольно значительную часть своей родовой земли. Для такихъ вторгшихся владѣльцевъ было до крайности трудно приступить къ спеціальному размежеванію: у нихъ не хватало документовъ, имъ не съ чѣмъ было явиться въ судъ, ибо крѣпостныхъ актовъ община не имѣла права выдавать въ формѣ своихъ приговоровъ. Потомство такихъ владѣльцевъ или вынуждено до сихъ поръ владѣть въ неразмежеванныхъ, черезполосныхъ дачахъ, или должно было примѣнять традиціонную водку при написаніи сказокъ полюбовнаго размежеванія. Въ послѣднее время многіе изъ нихъ предпочитаютъ ввестись во владѣніе по давности и на основаніи вводнаго листа требовать себѣ по суду особняка. Особенно много такихъ владѣльцевъ въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи.

„Законный“ путь, съ этой точки зрѣнія, былъ много легче, но въ первоначальныхъ стадіяхъ былъ гораздо хлопотливѣй и, главное, требовалъ и наличныхъ денегъ, и знанія законовъ, и личной энергіи. Здѣсь уже крестьянами ничего не сдѣлаешь, хотя и тутъ, достойно ироніи, «повѣренными» на судѣ часто являлись дворовые люди и крѣпостные крестьяне, отлично умѣвшіе предъявлять отводы, просить осмотра, требовать землемѣровъ, подавать апелляціи и проч., вплоть до самаго Сената. Эти крѣпостные юристы выигрывали часто невозможныя дѣла. Но не будемъ уклоняться въ эти мелочныя детали, а перейдемъ къ описанію вторженій на законномъ основаніи. Грубый пріемъ такихъ вторженій нами уже описанъ въ главныхъ чертахъ: помѣщикъ покупаетъ нѣсколько четвертей земли у какого-нибудь члена родовой общины и поселяетъ на нихъ своихъ крестьянъ, а самъ наблюдаетъ изъ своего главнаго помѣстья—«изъ гнѣзда», какъ говорятъ однодворцы [1]). Что же дѣлаютъ крестьяне? Опишемъ словами, взятыми изъ одного судебнаго процесса конца XVIII вѣка. Въ протоколѣ повальнаго обыска, произведеннаго въ д. Путчиной, Фатежскаго уѣзда, мы прочтемъ: «а послѣдніе пять свидѣтелей показали, что оная земля изстари во владѣніи была у показаннаго прапорщика Шетохина, обще съ однодворцами Евстратомъ Уваровымъ до 1797 года, а тое весною помѣщицы Макѣевой староста съ крестьяны почему ко оной землѣ приступаютъ они неизвѣстны». Оказывается, что по купчей 1763 г. курскій помѣщикъ Уваровъ продалъ подпоручику Логвинову въ вѣчное владѣніе вотчинной и помѣстной отцовской, купленной и своей, распашной и нераспашной земли въ Усожскомъ стану, въ д. Путчиной $12^1/_2$ четвертей и т. д. Логвиновъ перепродалъ эту землю Макѣевой, и вотъ послѣдняя съ помощью своихъ крестьянъ запахала не только купленную уваровскую землю, но и землю Шетохина, который владѣлъ смежно. Судъ кончился въ пользу

---

[1]) Встрѣчается еще выраженіе „съ главнаго корня“.

Макѣевой, ибо Шетохинъ пропустилъ какіе-то сроки, да во-время не представилъ какихъ-то актовъ и тому подобное.

Теперь разсмотримъ дѣятельность болѣе крупныхъ собирателей однодворческихъ земель, и такъ какъ они дѣйствовали по одному шаблону, то достаточно будетъ прослѣдить какой-нибудь одинъ родъ. По богатству историческихъ документовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, мы останавливаемся на фатежскихъ Заикиныхъ. Заикинъ, какъ и большинство собирателей, принадлежалъ къ однодворцамъ. Въ Фатежскій уѣздъ онъ пришелъ, какъ и прочіе однодворцы, изъ Орловской губерніи. Это видно изъ одного прошенія, поданнаго въ 1788 году; въ немъ повѣренный Заикиныхъ, крестьянинъ Тихонъ Марканеевъ, писалъ такимъ образомъ: «слѣдуетъ вышеписанному господину моему (Тимофею Михайловичу Заикину) и брату его родному, служащему въ арміи порутчикомъ (Ѳедору Заикину) прежде Орловскаго уѣзда, въ Неполоцкомъ стану, въ пустоши что была деревня Густоварь, выше Густоварьскаго городища, на рѣчкѣ Густовари въ цыркулѣ села Реткина, которое по открытіи намѣстничествъ отошло нынѣ къ Дешкинской округѣ, слѣдующее отъ законнаго родителя ихъ прапорщика Михаила Александровича Заикина, а ему отъ отца Александра Ѳедорова сына Заикина, коему поступное помѣстье отъ Василья Моисеева сына Черемисинова земли 30 четвертей, со всѣми принадлежащими къ тому угодьи и усадебными мѣстами... и то помѣстье за нимъ дѣдомъ ихъ въ 1702 году 18 Сентября отказано; противу чего по невѣдѣнію, кто онымъ помѣстьемъ нынѣ владѣетъ, прошу Дешкинскій Ниж. Зем. Судъ сіе мое объявленіе принять и учинить о томъ помѣстьи въ объявленномъ селѣ Реткиномъ розыскъ на основаніи законовъ» и т. д.

Дѣдъ Александръ Заикинъ пишется безъ всякаго чина; смѣнялъ онъ землю у такого же однодворца Черемисинова, какимъ былъ самъ. Отецъ просителей, Михаилъ, пишется уже прапорщикомъ и, стало быть, въ подушный окладъ не попалъ, хотя дѣдъ, если только дожилъ до 1719 г., навѣрно, внесенъ былъ въ ревизскія сказки. Если заглянемъ въ писцовыя книги Орловскаго уѣзда, то въ Неполоцкомъ стану, на рѣчкѣ Густовари въ 1594 году еще не было Черемисинова, не было даже с. Реткина, но «за Офонею за Игнатьевымъ сыномъ *Рѣткинского*, что было займище Гришки Козлова» числилось 20 четей пашни и 40 коп. сѣна [1]). Такимъ образомъ, дѣдъ пробрался въ Орловскій уѣздъ въ началѣ XVIII вѣка; въ половинѣ того же столѣтія отецъ прошелъ уже въ Фатежскій уѣздъ. Не удивляйтесь, что эти люди пришли такъ поздно—это вѣдь не завоеватели Украйны,—это простые скупщики. Въ концѣ XVIII столѣтія мы видимъ у братьевъ Федора и Тимофея Заикиныхъ уже массу земли. Пріобрѣталась

[1]) Писц. кн., изд. Калачевымъ, отд. III, стр. 879.

эта земля всевозможными способами. Такъ, напр., несмотря на собственныя, унаслѣдованныя отъ отца богатства, Тимофей Заикинъ женился на богатой наслѣдницѣ Авдотьѣ Дмитріевнѣ Шатовой. Родъ Шатовыхъ не попалъ въ однодворческое сословіе. Дмитрія Шатова мы видѣли въ числѣ бунтовавшихъ въ Глѣбовской дачѣ противъ землемѣровъ въ 1771 г. Его отецъ Осипъ и дѣдъ Давыдъ пишутся дворянами, а прадѣдъ Кондратій—боярскимъ сыномъ. Съ этого Кондратія мы видимъ все по одному сыну и у послѣдняго представителя, Дмитрія, было двѣ дочери: одна за Заикинымъ (Авдотья), другая за Исаковымъ (Наталья). Родъ Шатовыхъ тоже отличался склонностью къ собиранію земли: такъ, не говоря уже про Дмитрія, воспользовавшагося путаницей Глѣбовской жалованной грамоты, его отецъ Осипъ, отнялъ часть земли у заимщиковъ Крюковыхъ; дѣдъ Давыдъ продалъ своихъ крестьянъ внуку, ради избѣжанія преслѣдованій кредиторовъ. Вотъ одна изъ дочерей такихъ собирателей попала замужъ за сына другого, еще болѣе крупнаго, собирателя. Естественно ожидать, что наслѣдственная склонность къ собиранію отразится на этой супружеской четѣ, какъ слѣдуетъ. Тутъ мы видимъ примѣненіе всякихъ средствъ. Сестра Наталья умерла бездѣтной; тотчасъ призвали зятя Исакова, и онъ отрекся отъ указной седьмой части [1]), а остальныя $^6/_7$ взяты сестрой по закону. Но это пустяки, конечно; гораздо характернѣй нескончаемые процессы съ сосѣдними однодворцами, веденные Тимоѳеемъ Заикинымъ по довѣренности отъ жены своей Авдотьи

Вотъ одно изъ такихъ дѣлъ. Въ іюнѣ 1797 года Т. Заикинъ, по довѣренности отъ жены своей, подаетъ отзывъ въ нижній судъ на прошеніе однодворца Ивана Ходыревскаго, который жаловался, что крестьяне Авдотьи Заикиной запахали и засѣяли его «наконечники» овсомъ въ д. Разиньковой. Въ своемъ заявленіи Заикинъ опорочиваетъ всѣхъ свидѣтелей, выставленныхъ Ходыревскимъ, и предлагаетъ своихъ «настоящихъ чрезполосныхъ владѣльцевъ» и, между прочимъ, экономическихъ крестьянъ, которые ужъ ни въ какомъ случаѣ родовыхъ распредѣленій однодворческой земли знать не имѣли надобности. Выставленные свидѣтели, какъ это видно изъ протокола ихъ показаній, показывали разно и уклончиво. Такъ, 64-лѣтній однодворецъ Анофрій Ходыревскій указалъ, что прошлою осенью посѣвъ озими былъ произведенъ однодворцемъ Ив. Ходыревскимъ съ дѣтьми, но кто пахалъ паръ и прежде того чье владѣніе было, онъ несвѣдущъ; а въ яровомъ клину въ указанныхъ (въ 9-ти) мѣстахъ вообще съ прочими засѣяно нынѣшнею весною крестьянами Авдотьи Заикиной... «Прежде жъ сего въ заднія времена владѣніе было чье—Ходыревскаго-ль или Заикиной», онъ не знаетъ, хотя въ лѣсѣ (имя рекъ) «прежде сего

---

[1]) Отреченіе писано у крѣпостныхъ дѣлъ 18 іюня 1795 г.

имѣли раздѣлъ пополамъ Ходыревскій съ Заикиною». Другой свидѣтель, также Ходыревскій, но всего 23 лѣтъ, подтвердилъ тоже. Старикъ Ал. Ходыревскій показалъ: «указанными загонами во всѣхъ мѣстахъ не половиною, а всѣми полными загонами, владѣніе имѣлъ однодворецъ Иванъ Ходыревскій съ дѣтьми отнынѣ и навсегда въ прежнія времена, а въ лѣсу дѣлились ли когда Ходыревскій съ крестьянами Заикиной или нѣтъ, онъ не видалъ и не знаетъ». Слѣдующій свидѣтель подтвердилъ это показаніе. Свидѣтель Никита Дроновъ, 50 лѣтъ (изъ экономическихъ), далъ такое показаніе: «я солдатъ, до службы моей, какъ я запомню, назадъ тому лѣтъ двадцать, владѣніе въ указанныхъ мѣстахъ было крестьянъ поручицы Заикиной, а по приходѣ моемъ изъ службы наслышалъ отъ многихъ, что владѣніе было ея жъ Шатовой крестьянами, а прошедшею осенью озимымъ хлѣбомъ въ двухъ мѣстахъ засѣялъ однодворецъ Ив. Ходыревскій»... Другой экономическій крестьянинъ показалъ тоже. Подавая въ высшую инстанцію, однодворецъ Ходыревскій не безъ основанія жаловался, что опросъ свидѣтелей производился засѣдателемъ Макѣевымъ, который состоялъ въ родствѣ съ Заикиной, и «въ угодность ей избраны были свидѣтели, какихъ она желала». Что, наконецъ, судъ не войдя подробно въ сіе дѣло, далъ вѣру лишь показаніямъ экономическихъ крестьянъ и отвергъ показанія однодворцевъ. Въ заключеніе Ходыревскій представилъ родословную и выпись. Дѣло въ судѣ завалялось до 1808 года, когда за неимѣніемъ подъ копіей опредѣленія заявленія однодворцевъ Ходыревскаго съ сыновьями о неудовольствіи, приказано: забрать справки, но дабы дѣло сіе не состояло на отчетѣ суда, исключа оное изъ числа нерѣшенныхъ, хранить въ повытьи!... Этотъ чудный приказъ заканчиваетъ первую стадію процесса. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ однодворецъ ничего не могъ сдѣлать для ускоренія дѣла, за то деньги Заикина исключили дѣло изъ числа нерѣшенныхъ. Представленная Ходыревскимъ выпись съ отказныхъ книгъ 7202 г. (1694) переполнена историческими данными о владѣніи рода Ходыревскихъ. Въ 1694 г. по челобитью Афонасья и Степана Перфиловыхъ дѣтей Ходыревскихъ, отказчикъ ѣздилъ въ Курскій уѣздъ, въ Курицкій, да въ Усожскій станъ на дѣда ихъ родного, Ивановское помѣстье, Уварова сына, да въ поступное отца ихъ Перфилова помѣстье, въ село Разиньково съ деревнями и въ д. Пронскую, что онъ Перфилъ вымѣнилъ у Евдокима Реутова, на 13 четвертей съ малымъ упокоемъ, да жеребей въ д., что была пустошь Хардикова, по конецъ полдеревни Разиньковой на 20 четвертей, да что ему жъ Перфилью дано изъ Ильинскаго починку на 23 четверти, да въ Усожской станъ на рѣчку на Усожу по обѣ стороны рѣки... близъ Авдея Сухочева... внизъ по Усожѣ до устья Руды на перещепъ, на Путчинъ, на 80 четвертей; да что ему, Перфилью, дано и отказано Григорьевское помѣстье

Сматанова на 66 чет., да въ Курицкій станъ, что дано ему, Перфилію, изъ отписнаго помѣстья Корнилова 11 четв., да въ жеребей д. Разиньковой, что дано дѣду ихъ на 22 четверти... въ тѣ вышеписанныя урочища на 238 четвертей... «Отказчикъ отказалъ братьямъ по 119 четвертей со всѣми угодьи въ ихъ оклады Афонасью въ 750 четв. и Степану въ 650 четв. къ прежнимъ ихъ помѣстьямъ къ 400 четвертямъ. Такимъ образомъ, въ этихъ Ходыревскихъ мы видимъ богатыхъ служилыхъ людей. Но такъ какъ братъ Степанъ умеръ бездѣтнымъ, то въ линіи Афонасія сосредоточились всѣ эти земли. У Афонасія было два сына Дмитрій и Иванъ. Внукъ Ивана продалъ свою часть одному изъ Шатовыхъ. У Дмитрія хотя и было два сына, но одинъ изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ, другой имѣлъ нѣсколько сыновьевъ и между ними Тимоѳея, отъ коего произошелъ проситель Иванъ съ тремя сыновьями: Макаромъ, Ѳедоромъ и Ефимомъ. Отсюда, понятно, что лѣсъ въ Разиньковой въ половинной части могъ принадлежать Заикиной, но захватъ пахоти въ девяти мѣстахъ, очевидно, былъ совершенъ крестьянами Заикиной вопреки всякимъ наслѣдственнымъ правамъ. Жадность этой супружеской четы поражаетъ колоссальными размѣрами: почти въ то же время начатъ процессъ съ другими однодворцами. Въ іюнѣ 1798 года Тимоѳей Заикинъ подаетъ жалобу на то, что д. Пронской однодворцы трое Пронскихъ, трое Потаповыхъ, двое Дурневыхъ и двое Коньшиныхъ, собравшись и пріѣхавъ къ селенію жены его, *озорнически* вспахали подлѣ самыхъ крестьянскихъ дворовъ выгонъ, примѣрно десятины двѣ и засѣяли просомъ... но выгонъ сей до насилія и озорничества никогда и никѣмъ не былъ паханъ и состоялъ на крѣпости подъ выгоннымъ владѣніемъ предковъ жены просителя... Однако съ цѣлой деревней было труднѣй спорить, чѣмъ съ отдѣльнымъ лицомъ. Однодворцы д. Пронской, очевидно, постановили разодрать выгонъ и всей деревней сдѣлали это. Что могъ требовать отъ нихъ Заикинъ? Мы видѣли, что Ходыревскій владѣлъ въ д. Пронской всего 13 четвертями «съ малымъ упокоемъ», то-есть съ третникомъ или того меньше. Если допустимъ, что Шатовъ купилъ половину земли у Ходыревскаго, то и тогда на долю его пріемниковъ въ д. Пронской достанется всего $6^1/_2$ четвертей; но судя по тому, что у Пронскихъ и Потаповыхъ поднесь считается болѣе 450 десятинъ, надо думать, что ихъ испомѣщеніе считалось сотнями четвертей. Если у нихъ было всего по 100 четвертей, то и тогда на долю Заикиной изъ двухъ десятинъ выгона причтется буквально шесть сотыхъ десятины. Заикинъ это понялъ и въ слѣдующемъ же году заключилъ мировую сдѣлку. Порывы жадности на этотъ разъ встрѣтили отпоръ со стороны общины, но всегда ли кончалось дѣло такъ благопріятно. Уже одно это посягательство на волю міра, одно названіе «озорничествомъ» того, что составляетъ неотъемлемое право общины—является нежелательнымъ и съ точки зрѣ-

нія борьбы между однодворческимъ міромъ и богатымъ сосѣдомъ представляется неблагопріятнымъ моментомъ для родовой общины. И позже, именно въ 1842 г. однодворцы д. Пронской, повторивши распашку выгона, принуждены были значительно поступиться, ибо дочь Заикиной, Е. Кривцова, согласилась на мировую не иначе, какъ убравъ засѣянный на выгонѣ хлѣбъ въ свою пользу. Интересно, что дѣло Ходыревскаго съ Заикинымъ и его наслѣдницей Кривцевой тянулось до 1844 года и разрѣшилось, конечно, въ пользу Заикина.

И такихъ дѣлъ полнымъ-полно у однодворцевъ. Общая захудалость и поголовное невѣжество со стороны самихъ однодворцевъ, ненасытная жадность и полная нестѣсняемость въ выборѣ средствъ со стороны собирателей, и, наконецъ, подкупность и лицепріятіе стараго суда и уѣздной полиціи—вотъ тѣ соціальныя условія, въ которыхъ протекала жизнь однодворцевъ съ начала XVIII вѣка вплоть до основанія палаты государственныхъ имуществъ. Послѣдняя явилась четвертымъ факторомъ, правда, съ тѣми же отличительными чертами золотого вѣка нашей исторіи, но волей-неволей палата становилась на сторону однодворцевъ, и эта поддержка давала однодворческому міру, по крайней мѣрѣ, подъемъ духа. Многія дѣла были разрѣшены въ пользу однодворцевъ именно воздѣйствіемъ палаты, съ которой считаться было очень трудно. Большинство дѣлъ, валявшихся по земскимъ судамъ и гражданскимъ палатамъ, перешло при графѣ Киселевѣ въ Сенатъ, и послѣдній разрѣшалъ ихъ, выслушавъ заключеніе представителя министерства государственныхъ имуществъ. Одна только шероховатость наблюдается въ дѣлахъ этого министерства, особенно въ первое время. Изъ Петербурга постоянно писали въ Орловскую, Воронежскую и Курскую палаты о вредѣ чрезполосицы однодворцевъ съ помѣщиками. Вредъ, какъ мы знаемъ, былъ порядочный, но не слѣдовало видѣть все зло въ одной неразмежеванности, какъ это думалъ графъ Киселевъ. Такъ думая, онъ посылалъ предписаніе за предписаніемъ о скорѣйшемъ размежеваніи; окружнымъ начальникамъ были даны громадныя полномочія при написаніи полюбовныхъ сказокъ. Конфиденціально было предписано давать несоглашающимся помѣщикамъ лишнія земли, сталобыть, за счетъ однодворцевъ. За малѣйшую медленность приходили окружнымъ и стряпчимъ грозныя нахлобучки. Что оставалось дѣлать, какъ не обмѣрять этого самаго глупаго однодворца. Приходилось такимъ скупщикамъ, какъ Шатовъ, Широбоковъ, Макѣева, Заикинъ, обѣщать, но не только обѣщать, но и давать лишнюю землю при спеціальномъ размежеваніи. Чтобы не такъ было наглазно, однодворцевъ спаивали при этомъ водкой и пьянымъ отводили худшаго качества земли въ урѣзанныхъ размѣрахъ. Всѣ пятидесятые годы XIX в. прошли въ этихъ обрѣзкахъ. Правда, спеціальное размежеваніе послѣдовало далеко неповсемѣстно, но и то, что

сдѣлано, касается громадной площади однодворческой земли. «Собиратели» отъ содѣйствія палаты ликовали, особенно тѣ изъ нихъ, кто владѣлъ на основаніи сомнительныхъ крѣпостей и по мірскимъ приговорамъ. Отсюда понятны жалобы однодворцевъ на то, что ихъ земля «потаяла», что при размежеваніи у нихъ отошла половина земли, что четверть прежде была въ три десятины, «а нонѣ стала полторы», что заливной лугъ у нихъ отбилъ сосѣдъ, а вмѣсто ровной земли дали бугры, весь лѣсъ взяли подъ казенный присмотръ, а на дальній особнякъ «прогону нѣтути».

Все это, къ сожалѣнію, результаты того воздѣйствія, которое оказывало министерство госуд. имуществъ на ускореніе размежеванія.

ГЛАВА VIII.

Данныя мѣстныхъ изслѣдованій.

Тамбовскіе однодворцы по земскимъ сборникамъ.—Дефекты изслѣдованія Борисоглѣбскаго уѣзда.—Козловцы—дѣти боярскія и помѣстные атаманы.—Темниковскіе татары и мордва.—Отсутствіе данныхъ по Елатомскому уѣзду и возможное ихъ возстановленіе.—Данныя Шацкаго и Спасскаго уѣздовъ.—Четвертныя селенія Моршанскаго уѣзда.—Остатки четвертнаго права въ Тамбовскомъ уѣздѣ. — Переходы съ четвертей на души. — Группировка однодворцевъ этого уѣзда по формамъ нынѣшняго землевладѣнія.—Слабое изслѣдованіе Кирсановскаго уѣзда.—Богатство и сбивчивость данныхъ по Лебедянскому уѣзду.—Группировка Лебедянскихъ общинъ по формамъ владѣнія.—Основныя данныя объ общинахъ и ихъ сопоставленіе.—Составъ населенія Лебедянскаго уѣзда.—Территоріальное размѣщеніе формъ землевладѣнія.—Скудность данныхъ по Липецкому и Усманскому уѣздамъ.—Заключеніе.

При изложеніи исторіи четвертнаго землевладѣнія въ XIX вѣкѣ намъ, какъ сказано выше, не обойтись безъ обзора того богатаго матеріала, который собранъ на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ земствомъ въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ; не обойтись также безъ разбора тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли мѣстные изслѣдователи и другіе ученые, пытавшіеся обобщить земскія работы. Мы сдѣлаемъ это, такъ сказать, попутно, а именно: изучая явленія данной мѣстности (положимъ уѣзда), будемъ стараться дать оцѣнку, какъ самому, собранному матеріалу, такъ и тѣмъ выводамъ, которые на основаніи его были сдѣланы другими, не нами. Наши же выводы уже изложены выше, такъ что въ дальнѣйшемъ остается коснуться только деталей, интересныхъ или по своей выразительности, или по отклоненіямъ и осложненіямъ, вызваннымъ особенностями мѣстной жизни. Но сверхъ этого намъ волей-неволей придется заняться массою цифръ, которыя дадутъ много выводовъ, еще неизложенныхъ нами. Эти выводы касаются чаще всего современнаго положенія четвертного владѣ-

нія и съ этой стороны имѣютъ не столько историческій, сколько соціально-экономическій интересъ. Свое изложеніе мы начнемъ съ сѣверо-востока на юго-западъ и на юго-востокъ.

Восточный конецъ бѣлгородской черты терялся въ сѣверномъ лѣсистомъ углѣ нынѣшней Тамбовской губерніи. Мѣстность эта была укрѣплена отъ татарскихъ набѣговъ нѣсколько раньше Бѣлогородскихъ и Курскихъ «мѣстъ», но, мало того, и заселена она была раньше,—по крайней мѣрѣ въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи. Здѣсь жили инородцы: мещера, мордва и татары. Еще до смутнаго времени у нихъ были города Кадомъ, Темниковъ и Шацкъ. По мѣрѣ обращенія этихъ инородцевъ въ православіе, вліяніе Москвы становилось все сильнѣй и сильнѣй, тѣмъ болѣе, что инородцы эти, и въ особенности мещера, оказались очень не воинственными.

Уже въ началѣ XVI вѣка мы видимъ здѣсь русскихъ воеводъ съ московскими служилыми людьми: стрѣльцами, пушкарями и дѣтьми боярскими. Видимъ и мирныхъ насельниковъ изъ Руси, именно майданщиковъ, платившихъ оброкъ поташемъ, дегтемъ и смолой. Къ 1636 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ успѣлъ выстроить два новыхъ города—Козловъ и Тамбовъ, выдвинувъ ихъ въ степь съ такимъ разсчетомъ, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ легче стало жить не только въ Шацкихъ, но и въ Ряжскихъ и Рязанскихъ мѣстахъ. Первые поступательные шаги въ степь царя Михаила оказались вполнѣ удачными и польза ихъ сказалась сейчасъ же воочію. Вотъ что писалось въ окружной царской грамотѣ, посланной пермскому воеводѣ: «о денежномъ сборѣ на устроеніе по Крымской украйнѣ новыхъ городовъ и остроговъ» [1]). «И въ прошломъ же и въ нынѣшнемъ 145 г. (1637) къ Козлову и къ Тамбову приходили воинскіе люди и не поодинажды, и для войны и всякаго крестьянскаго разоренья хотѣли пройтить въ Рязскія и въ Рязанскія и въ Шатскія мѣста»... но тамбовскіе и козловскіе «воеводы, а съ ними ратные люди, татаръ въ войну не пропустили и проискъ надъ татарами учинили: татаръ побили и языки поимали. И тѣми новыми городами и крѣпостьми въ тѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ прихода укрѣплена... и по рѣкѣ по Соснѣ во многихъ мѣстѣхъ».. (гдѣ также къ этому времени были построены въ добавленіе къ Ельцу и Ливнамъ новые остроги Чернавскъ и Талецъ) «татарская война не бывала и въ тѣхъ во всѣхъ мѣстахъ православные крестьяне жили въ покоѣ безо всякаго страхованья; а были татарскіе приходы частые въ Оскольской и въ Бѣлогородской и Курской уѣздъ», которые еще не были укрѣплены и на укрѣпленіе коихъ устанавливался громадный денежный сборъ со всего государства. Подъ прикрытіемъ новыхъ городовъ начинается усиленная

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог., ч. III, № 107, стр. 363 и сл.

колонизація Тамбовскаго края московскими людьми: во-первыхъ, сюда двинулись служилые люди—дѣти боярскія, во-вторыхъ, монастыри и при томъ монастыри изъ Первопрестольной. Здѣсь мы видимъ московскій Благовѣщенскій соборъ, Страстной, Новоспасскій, Воскресенскій монастыри и, конечно, Сергіевскую лавру и много другихъ [1]). Всѣмъ хотѣлось въ укрѣпленныхъ мѣстахъ захватить побольше тучнаго чернозема. Однако, инородцы не двинулись изъ своихъ лѣсистыхъ мѣстъ въ дикое поле: по даннымъ земской переписи, мордву мы видимъ только въ Темниковскомъ и Спасскомъ уѣздѣ всего въ 105 селеніяхъ, татаръ въ Темниковскомъ, Елатомскомъ и Шацкомъ—въ 32 селеніяхъ [2]). Судя по отрывкамъ изъ писцовыхъ выписей, приведенныхъ у г. Дубасова [3]), можно заключить, что кадомская и темниковская мордва въ первой четверти XVII вѣка жила въ довольно крупныхъ уже селеніяхъ и жила, повидимому, въ крѣпко сплоченныхъ общинахъ. Такъ въ д. Стандровѣ (нынѣ Темник. у.) было 20 пашенныхъ дворовъ и 5 дворовъ непашенныхъ, да 2 пустыхъ. Подати платили «съ выти», но платили еще ясакъ и медвяный оброкъ. Нынѣ въ Стандровѣ 270 дворовъ душеваго владѣнія (Стат. Сбор. Тамб. губ., т. IV, стр. 10). Къ сожалѣнію, г. Дубасовъ не счелъ нужнымъ привести полностью ни одной выписи и всюду ограничился приведеніемъ лишь первыхъ строкъ выписей: «а въ селѣ церьковь древяна клетци а попъ Иванъ Марковъ, а просвирница Лукерьица Борисова»; а между тѣмъ, начиная третью главу своихъ Очерковъ, авторъ обѣщалъ посвятить ее изслѣдованію вопроса о первоначальномъ землевладѣніи. Авторъ далеко не выполнилъ своего обѣщанія, ибо не далъ читателю никакихъ данныхъ и не сдѣлалъ ни одного вывода.

Мало даютъ намъ историческихъ данныхъ и тамбовскіе статистическіе сборники, изданные подъ редакціей Н. Н. Романова. Изслѣдованія сѣверныхъ уѣздовъ этой губерніи производились въ 1881 и 82 г., то-есть тогда, когда земскіе изслѣдователи еще не имѣли ни малѣйшаго понятія о четвертномъ правѣ. Недостатокъ основныхъ свѣдѣній былъ причиной тому, что изслѣдованіе производилось односторонне, съ боязливой осторожностью, внѣ связи съ исторіей окружающихъ нечетвертныхъ общинъ. Думалось, что четвертное владѣніе и есть то самое подворно-участковое, о коемъ такъ много и часто говорятъ враги общины. Съ другой стороны, всѣ почему-то вѣрили, что душевая община на Руси искони бѣ, и никакихъ

---

[1]) Н. Дубасовъ. Очерки изъ истор. Тамб. края. М. 1883 г., стр. 169. Чудовъ монастырь захватилъ громадную площадь Козловскаго уѣзда за 50 четв. Былъ посланъ указъ объ отобраніи этой земли, но, кажется, не приведенъ-таки въ исполненіе. Акты до юр. б. отн., т. II, стр. 328.

[2]) Н. Романовъ. Краткій сводъ данныхъ, т. XIV. Т. 1890 г., стр. 43.

[3]) Очерки, стр. 158 и сл.

иныхъ формъ прежде нея не существовало и не могло существовать. Отсюда понятны пропуски, просмотры, недосмотры и прочіе дефекты, какъ въ самой программѣ изслѣдованія, такъ и въ способѣ собиранія свѣдѣній. Одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ земскаго изслѣдованія не по одной Тамбовской губерніи заключается въ томъ, что вплоть до 1884 года не считали нужнымъ добиваться на мѣстахъ историческихъ данныхъ *въ душевыхъ* общинахъ. По первоначальной программѣ, составленной В. И. Орловымъ, задавался лишь одинъ вопросъ: «какъ владѣли землей до 1861 г. по тягламъ или по душамъ?» Но понятно, что этотъ вопросъ для государственныхъ крестьянъ былъ неумѣстенъ: въ ихъ жизни 19 февраля не играло никакой роли и, зная это, мѣстные изслѣдователи стыдились даже задавать такой вопросъ. Отсюда вышло то, что въ громадномъ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ (400 тысячъ дес. у крестьянъ) земскіе статистики, даже во главѣ съ Орловымъ, не обнаружили слѣдовъ четвертнаго владѣнія. На 13 страницѣ II отдѣла Борисоглѣбскаго сборника его составители пишутъ въ примѣчаніи: «у государственныхъ крестьянъ разверстка земли между домохозяевами по ревизскимъ душамъ совершается издавна; другихъ основаній разверстки у нихъ не было,—по крайней мѣрѣ они не запомнятъ». Но раньше, на 10-й страницѣ, тѣ же составители, сказавъ, что всѣ земли крестьянъ находятся въ общинномъ владѣніи, сносятъ въ примѣчаніе слѣдующее отвѣтственное мѣсто: «исключеніе представляютъ только двѣ деревни—Никитская и Ишейскіе Выселки. Въ этихъ селеніяхъ, повидимому, земля находится у крестьянъ въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи... впрочемъ, здѣсь подворные участки черезполосны, выгонъ и пастбище — общіе, и вообще всѣ хозяйственные порядки тѣ же, какъ и у другихъ крестьянъ Борисоглѣбскаго уѣзда, только передѣловъ никогда не бывало»... Изъ этого мѣста можно видѣть, что даже такіе знатоки крестьянскаго землевладѣнія, какъ В. И. Орловъ, въ 1880 году еще думали, что подворно-наслѣдственное владѣніе исключаетъ черезполосицу. Но отсюда же видно и то, что встрѣтившись съ четвертнымъ владѣніемъ, великій земскій статистикъ сразу не могъ разобраться въ чемъ тутъ дѣло: увидавши черезполосицу, онъ жадно искалъ здѣсь общину и, конечно, нашелъ бы ее, еслибы попалъ въ другой уѣздъ Тамбовской губерніи, гдѣ четвертныхъ владѣльцевъ побольше, наприм., въ Лебедянскій уѣздъ. Но какъ бы то ни было, я не могу не упрекнуть изслѣдователей Борисоглѣбскаго уѣзда въ явномъ пропускѣ: исторія борисоглѣбской душевой общины ими пропущена вовсе. То, что они говорятъ въ примѣчаніи, якобы крестьяне не запомнятъ, была ли когда-нибудь у нихъ иная разверстка земли кромѣ душевой—невѣрно; прямо-таки изслѣдователи не считали нужнымъ докапываться до такихъ *праздныхъ* вопросовъ. Ихъ праздность была очевидна въ виду апріорнаго предположенія, что община на Руси «искони бѣ».

И въ сосѣднемъ уѣздѣ (Козловскомъ) тамбовскіе изслѣдователи все еще продолжаютъ упорствовать въ своемъ прежнемъ мнѣніи, хотя здѣсь пришлось имъ столкнуться съ остатками четвертного владѣнія лицомъ къ лицу. На 7 стр. Козловскаго сборника они опять пишутъ: «у б. государственныхъ кр-нъ душевой порядокъ разверстки мірской земли существуетъ издавна... Происхожденіе давняго обычая госуд. крестьянъ владѣть землею по ревизскимъ душамъ объясняется тѣмъ, что на этихъ крестьянъ подати и оброки за землю съ давняго времени (?) налагались по числу именно ревизскихъ душъ». Прекрасно, допустимъ, что подушная подать дѣйствовала всесильно, но было же время, когда ее не было? Вѣдь она стала взиматься съ 1723 года, а до этого платили со двора. Вѣдь Козловъ основанъ въ 1636 г.; могли же установиться до первой ревизіи какія-нибудь формы землевладѣнія. А разъ тогда они установились, могли же хотя бы въ видѣ пережитковъ сохраниться до нашего времени? И это явленіе на лицо. Въ томъ же Козловскомъ сборникѣ на 43 стр. изслѣдователи прибавляютъ: «впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ крестьяне только и могутъ сказать, что были какія-то четверти, а какія—имъ неизвѣстно». Конечно, если поставить мужичку вопросъ—были ли у васъ четверти, то онъ непремѣнно отвѣтитъ такъ, какъ въ «Плодахъ просвѣщенія» отвѣчали крестьяне студенту. Однако, какъ бы удачно не задавали вопросы тамбовскіе изслѣдователи, имъ все-таки удалось набрать слѣдующіе факты по Козловскому уѣзду: «кр-не Жидиловской волости когда-то были всѣ четвертными (стр. 43); въ Маломъ Лавровѣ 15 дворовъ четвертныхъ..., по отзыву крестьянъ, двѣ фамиліи четвертныхъ еще въ недавнее время имѣли и душевую землю... (44 стр.); часть кр-нъ Большой Сосновки владѣетъ за 13 верстъ отъ села четвертной землей въ количествѣ 92 дес. Они пользуются и душевыми надѣлами мірской земли. Въ Гололобовкѣ у 20 дворовъ изъ 258 имѣется четвертная земля, причемъ участки четвертные лежатъ черезполосно съ мірскою землею (44). Въ Хоботецъ-Богоявленской вол. крестьяне только знаютъ, что были когда-то четвертными, но не помнятъ когда именно» (45) и т. д. еще нѣсколько указаній.

Удивительно, какъ такое богатство пережитковъ не навело на мысль поглубже позондировать однодворческую память, но еще удивительнѣй—какъ всѣ эти факты, правда недостаточно изслѣдованные, позволили составителямъ Козловскаго сборника утверждать, что госуд. крестьяне владѣютъ по душамъ «издавна». По аналогіи, съ данными Данковскаго уѣзда, можно положительно утверждать, что въ Козловскомъ уѣздѣ переходы съ четвертей на души начались не ранѣе генеральнаго межеванія, то-есть въ промежутокъ отъ 1782 по 1797 г. Давность, какъ видите, не великая; сами изслѣдователи устанавливаютъ время переходовъ въ 20 гг. нын. столѣтія (стр. 47). А въ доказательство того, что Козловскій уѣздъ въ лицѣ сво-

ихъ однодворцевъ сплошь владѣлъ землями на четвертномъ правѣ, я сошлюсь на строельныя книги Козловскаго уѣзда, писанныя еще въ 1635—37 гг. [1]). Про д. Стаеву мы уже упоминали раньше. Но по строельнымъ книгамъ значатся не только д. Лаврова и Жидиловка, которыя и по даннымъ тамбовскихъ изслѣдователей считаются нѣкогда четвертными, но и всѣ самыя крупныя нынѣшнія селенія государственныхъ крестьянъ: Ранина, Вишнева (261 дв. нынѣ), Терновая (189), Турмасова (262), Лежайскъ, нынѣ Лежайки (290 дв.), Изосимовская (231), Красивая Поляна, нынѣ Красивое (292), Круглая Поляна, нынѣ Круглое (588), Оловай, несомнѣнно нынѣшнее Иловай-Дмитріевское (570) и Иловай-Рождественское (322), такъ какъ въ строельной книгѣ въ Оловаѣ назначено было «два мѣста церковныхъ». Въ этихъ селеніяхъ, вѣрнѣе въ этихъ дачахъ (въ Оловаѣ), было отведено 116 дѣтямъ боярскимъ 6,800 четвертей дикаго поля на пашню, по 50 и 60 четей на человѣка. Далѣе Хмѣлевая (640 дв.) и Боршевская Поляна, то-есть нынѣшнее Борщевое (246 дв.). Въ послѣднихъ двухъ поселено было 150 помѣстныхъ атамановъ и имъ дано 7,500 четей. Всего 497 дѣтямъ боярскимъ и 150 атаманамъ отмѣрено было 31,888 ч. и все еще оставалась масса земли, годной для дальнѣйшихъ испомѣщеній. Внѣ всякаго сомнѣнія, что нынѣшніе жители перечисленныхъ селеній являются прямыми потомками тѣхъ перводачниковъ, кои записаны въ строельную книгу. Конечно, современемъ многіе изъ этихъ «козловцевъ дѣтей боярскихъ» съумѣли выдѣлиться въ дворянское сословіе; многіе, наоборотъ, ушли «на сходцы», но большинство ихъ попало въ подушный окладъ и въ качествѣ однодворцевъ содержало ландмилицію. За крѣпкимъ Воронежемъ, за передовой линіей по Соснѣ (Ливны, Елецъ, Талецъ) въ Козловѣ жилось недурно уже въ послѣдней четверти XVII вѣка. Мы знаемъ, что по описи 1672 г. въ Козловѣ кромѣ 1232 рейтаровъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, числилось 4,552 человѣка «городовыя службы». Такого громаднаго количества помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, мы не видимъ ни въ одномъ тогдашнемъ городѣ на Украйнѣ. Всѣ они сидѣли дома и раньше другихъ стали заниматься хлѣбопашествомъ. Землей они владѣли, какъ мы знаемъ, «черезъ десятину противъ дачъ»: не могли они такъ скоро отвыкнуть отъ этихъ самыхъ четвертей, на которыхъ зиждилось все правоотношеніе къ помѣстной землѣ и къ отбыванію съ нея службы. Правда, занятіе хлѣбопашествомъ скоро отучило ихъ отъ оружія; совмѣстная жизнь въ одномъ селеніи, черезполосица жалованныхъ земель, родовая связь между расплодившимися сосѣдями—все это могло ускорить процессъ перехода отъ родовой, четвертной общины къ сосѣдской, душевой; но отсюда никакъ нельзя вывести, что душевой принципъ разверстки

[1]) Акты до юр. быт., отн., т. II, № 144, стр. 310 и сл.

у нихъ былъ издавна. Надо было доискаться до истины, хотя бы съ помощью далеко неточныхъ преданій: вѣдь доискались же тамбовскіе изслѣдователи, что с. Лежайки до 1825 г. всею землею владѣли по четвертямъ, а затѣмъ часть селенія перешла на души [1]).

Слабостью изслѣдованія объясняется и слабость выводовъ. Такъ, встрѣтивши слѣды четвертнаго права, козловскіе изслѣдователи приходятъ къ самымъ невѣроятнымъ объясненіямъ ихъ. «Судя по тому, что большая часть нынѣшнихъ четвертныхъ владѣльцевъ пользуется и душевыми надѣлами, нужно думать, что предки этихъ владѣльцевъ, имѣя четвертной земли больше средняго размѣра душеваго владѣнія, часть своей земли присоединили къ мірскому надѣлу, а другую часть сохранили въ своемъ личномъ наслѣдственномъ владѣніи» (стр. 47). Вотъ именно не нужно такъ думать, ибо этого нигдѣ и никогда не было: не могла община пойти на такой компромиссъ, ибо ея желаніе при переходѣ на души—замѣрить какъ можно больше земель широкодачниковъ. Душево-четвертное владѣніе, которое навело козловскихъ изслѣдователей на гакую мысль, складывалось, какъ мы знаемъ, инымъ путемъ. Въ частности изслѣдователи не замѣтили, что во всѣхъ такихъ случаяхъ по Козловскому уѣзду четвертное владѣніе сохранилось «въ чужихъ дачахъ».

Но про южную половину Тамбовской губерніи можно еще судить на основаніи тѣхъ деталей мѣстнаго изслѣдованія, которыя собраны по Лебедянскому, Липецкому и Усманскому уѣздамъ; здѣсь трудно только выдѣлить экономическихъ крестьянъ.

Дѣло другое съ сѣверной половиной губерніи: здѣсь въ инородческой полосѣ дѣйствительно могла быть душевая община съ очень давняго времени. Я не говорю про татаръ: эти служилые новокрещены и поднесь зачастую сидятъ на четвертяхъ, но мордовскія и мещерскія селенія могутъ составить громадное затрудненіе, и съ ними слѣдовало конечно обойтись съ особеннымъ вниманіемъ. Присутствіе вытей въ единичныхъ случаяхъ говоритъ немного: надо было выяснить на мѣстахъ, какія селенія считались служилыми, какъ они были верстаны землей, существовалъ ли иной способъ разверстки земли и не было ли переходовъ съ четвертей на души. Пропущено все это въ тамбовскихъ изслѣдованіяхъ, пропущенъ даже такой важный фактъ, что Елатомскіе и Спасскіе майданщики до самаго 1773 года были безземельными [2]), а это не могло не отразиться на формахъ теперешняго ихъ землевладѣнія. Все вниманіе тамбовскихъ изслѣдователей было сосредоточено на техникѣ и частости передѣловъ душевой земли, но техника остается мертвой техникой, которая не вдохнетъ живую душу въ

---

[1]) Козлов. Сборн., стр. 158, примѣч.

[2]) Дубасовъ: Очерки изъ ист. тамб. кр., стр. 170.

общину. Впрочемъ, надо отдать справедливость, что въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ встрѣчалось четвертное землевладѣніе, составители Тамбовскихъ сборниковъ старались дать по возможности полное описаніе этой формы. Какъ на образцовое описаніе отдѣльной четвертной общины во всей земско-статистической литературѣ мы должны указать именно на работу тамбовскихъ изслѣдователей, помѣщенную въ сборникѣ по Темниковскому уѣзду [1]). Здѣсь описана разнофамильная община Новоселки, четырнадцать заимщиковъ коей нѣкогда были татарскіе новокрещены и въ XVII столѣтіи конечно несли полковую и городовую службу. Замѣчательно всестороннее и добросовѣстное описаніе этого селенія, къ сожалѣнію затемняется опять-таки предвзятыми выводами. Такъ, несмотря на то, что четвертное владѣніе называется этимъ именемъ даже во владѣнныхъ записяхъ, составитель Темниковскаго сборника только потому, что татары «давно (?) считаютъ свою землю десятинами», полагаетъ необходимымъ «существующую у нихъ форму владѣнія называть просто участковою или подворно-наслѣдственною», чего и держится все время, избѣгая словъ: чертвертное право, четвертное владѣніе и проч. [2]). Не менѣе поразительны нѣкоторые выводы, сдѣланные авторомъ повидимому внѣ связи съ тѣмъ матеріаломъ, какой былъ у него въ рукахъ. Такъ, авторъ пишетъ: «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что историческая причина нынѣшняго различія формъ землевладѣнія у крестьянъ одного уѣзда, даже нерѣдко у сосѣднихъ между собою обществъ, заключается въ различномъ происхожденіи правъ владѣнія на землю у нынѣшнихъ общинниковъ и нынѣшнихъ личныхъ владѣльцевъ» (стр. 51). Подъ послѣдними авторъ разумѣетъ четвертныхъ. Что это какъ не апріорное предположеніе? Мѣстныя изслѣдованія по Орловской и Курской губерніи убѣдили кажется всѣхъ въ томъ, что различіе душевой и четвертной формы вовсе не покоится на различіи происхожденія правъ владѣнія; наобо-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. Тамб. губ., т. IV, стр. 44—63.

[2]) Этого заблужденія придерживались тамбовскіе изслѣдователи вплоть до 1883 г. Вотъ что писали они въ Козловскомъ сборникѣ (стр. 47): „такъ называемое четвертное землевладѣніе очень давно уже перестало оправдывать свое названіе, такъ какъ у крестьянъ не сохранилось даже никакихъ преданій о порядкахъ владѣнія по четвертямъ и они никакого понятія о старинныхъ четвертяхъ не имѣютъ. Нынѣшніе такъ назыв. четвертные крестьяне не иначе измѣряютъ свою землю, какъ на десятины". Если названіе произошло отъ способа измѣренія, то логичнѣй было бы тамбовскимъ изслѣдователямъ вмѣсто употребляемаго ими термина подворно-участковое владѣніе примѣнить слово „подесятинное". Въ томъ и другомъ случаѣ получается абсурдъ, ибо дѣло не въ способѣ землемѣрія: однодворцы измѣряли четвертями не землю, а свое право на землю, подобно тому, какъ душевые владѣльцы измѣряютъ свое право „душой" всякихъ видовъ: ревизскою, окладною, наличною и т. д. Такимъ образомъ никакого понятія о старинныхъ четвертяхъ не имѣютъ не крестьяне, а крестьянскіе изслѣдователи, которымъ почему-то захотѣлось изгнать изъ употребленія слово четвертная земля, терминъ столь жизненный въ крестьянскомъ обиходѣ.

ротъ, помѣстно-заимочное право было единымъ и нынѣшнія формы душевая и четвертная ни что иное, какъ родныя сестры одной матери [1]). Своего вывода авторъ не сдѣлалъ бы, еслибы не смотрѣлъ на четвертное владѣніе, какъ на какое-то участковое. «Предки нынѣшнихъ общинниковъ, продолжаетъ авторъ: надѣлены землею въ общее владѣніе цѣлыми ихъ тогдашними обществами, а предки подворныхъ владѣльцевъ были пожалованы землями каждый отдѣльно въ личную собственность» (ibid). Эта тирада представляетъ сплошное недоразумѣніе и чисто теоретическое. Во-первыхъ, что такое одни предки пожалованы землями, другіе надѣлены? Кто въ XVII вѣкѣ различалъ пожалованіе отъ надѣленія? Если же стать на мѣстную фактическую почву, какую можетъ дать Темниковскій уѣздъ, то мордовскіе общинники никѣмъ не были жалованы и ни отъ кого не получали надѣленія—жили на своихъ извѣчныхъ землицахъ, а когда были присоединены Москвой—продолжали владѣть ими по старому. Во-вторыхъ, что значитъ «общее владѣніе цѣлыми тогдашними обществами», и обусловливаетъ ли таковое душевую форму? Повытная разверстка никогда душевою не была и по своей структурѣ она ближе подходила къ четвертной, ибо была долевая (Ефименко). Наконецъ, въ-третьихъ, пожалованіе землями каждому отдѣльно въ личную собственность есть прямое измышленіе автора. Ниоткуда не видно, что 14 заимщиковъ с. Новоселокъ были пожалованы «съ товарищами», но равносильно не видно и никакой личной собственности. Именнымъ указомъ отъ 19 іюля 1650 г. новокрещенамъ запрещено было продавать, мѣнять и сдавать не только помѣстья, но и вотчины [2]). Цѣлыхъ пять статей въ уложеніи царя Алексѣя Мих. [3]) регулируютъ поземельныя отношенія татаръ, мордвы, чувашей и черемисъ, и изъ нихъ вовсе не видно, чтобы эти инородцы имѣли личную собственность; наоборотъ, права ихъ на землю были болѣе ограничены, чѣмъ русскихъ служилыхъ людей. Даже если подъ пожалованіемъ въ личную собственность разумѣть лишь личное испомѣщеніе, то и тогда вышеприведенное мѣсто окажется теоретически недостаточно обоснованнымъ; вѣдь и стрѣльцы, на коихъ указываетъ авторъ, какъ на противоположеніе, испомѣщались лично каждый за свою службу, а не за службу какого-то «тогдашняго общества».

Отбросьте всѣ такіе выводы автора изъ сдѣланнаго имъ описанія с. Новоселокъ, и вы получите богатую картину четвертнаго землевладѣнія у татаръ Темниковскихъ. Особенно блестящи получились сопоставленія размѣровъ четвертнаго землевладѣнія съ душевымъ, и тутъ авторъ былъ въ курсѣ

---

[1]) Еще точнѣй будетъ называть душевое владѣніе внучкой, а четвертное ея теткой, происшедшими отъ одной родной бабушки помѣстнозаимочной формы. Но можно обойтись и безъ такихъ аллегорій.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 39, также Уложен. ц. Алек. XVII гл., 43 ст.

[3]) Гл. XVII, ст. 41—45.

дѣла. Эти сопоставленія представили четвертное владѣніе конечно въ мрачномъ видѣ и авторъ имѣлъ полное право сдѣлать слѣдующій выводъ: «только община гарантируетъ каждому роду равное съ другими пользованіе землею до отдаленныхъ поколѣній» (стр. 63).

Въ виду рѣдкости подобныхъ группировокъ мы здѣсь заимствуемъ изъ Темниковскаго сборника данныя о распредѣленіи четвертныхъ владѣльцевъ по величинѣ ихъ владѣнія, дополнивъ ихъ лишь нѣкоторыми процентными отношеніями. Всѣ четвертные владѣльцы Темниковскаго уѣзда въ количествѣ 1299 дворовъ распредѣляются такъ:

Группы домохозяевъ.	Дворовъ	%	Душъ м. п.	Земли на дворъ.	Земли на душу.
I менѣе 1 десятины на дворъ. .	23	50,3%	46	0,5	0,23
II отъ 1 до 5 десят	631		1878	2,8	0,9
III отъ 6 до 10 десят.	383	29,6%	1251	7,8	2,7
IV отъ 11 до 20 десят	213	16,4%	797	14,1	3,8
V болѣе 20 дес. на дворъ. . . .	49	6,6%	200	27,0	6,6
	1299	100,0%	4172	7,0	2,2

Изъ этой таблицы мы прежде всего видимъ, что при всей вопіющей неравномѣрности распредѣленія земли между отдѣльными домохозяевами сочетаніе группъ таково, что перехода съ четвертей на души состояться никакъ не можетъ: правда, половина всѣхъ дворовъ крайне малоземельна, на душу меньше десятины, а въ 23 дворахъ даже меньше четверти десятины; но средняя группа, дающая здѣсь около 30% и какъ извѣстно играющая всегда громадную роль при переходахъ, имѣетъ нынѣ земли больше на душу, чѣмъ будетъ имѣть по раздѣлу всей земли уравнительно по душамъ: нынѣ у нихъ по 2,7 дес. на душу, а послѣ перехода будетъ всего по 2,2 дес. Понятно, что при X ревизіи, а тѣмъ паче при IX, эта группировка была выражена гораздо рѣзче, а поэтому и думать нечего, чтобы такіе однодворды заговорили о переходѣ съ четвертей на души. Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, объясняется неподвижность четвертнаго землевладѣнія въ Темниковскомъ уѣздѣ. Изслѣдователи отмѣчаютъ лишь одинъ фактъ, ясно рисующій о движеніи въ пользу поравненія. Одна община, населенная потомками двухъ братьевъ Синѣевыхъ, лѣтъ 50 назадъ раздѣлила землю поровну «побратно», то-есть примѣнила дворовое поравненіе, но съ тѣхъ поръ земля идетъ по наслѣдству. Есть основаніе предполагать, что въ предѣлахъ Темниковскаго уѣзда у тѣхъ же татаръ случались и другія комбинаціи домохозяевъ по размѣрамъ владѣнія; иначе какъ объяснить происхожденіе душевыхъ татарскихъ общинъ? Откуда напр. взялась душевая форма въ такихъ татарскихъ общинахъ, какъ Теньгушево (439 дв.),

Клемещей (18 дв.), Мельсеватка (9 дв.), Княжево (32 дв.) и друг. Вѣдь и они имѣли служилыхъ предковъ, владѣвшихъ жалованной землей. Надо было доказать обратное, но кажется легче было добиться, когда совершился у нихъ переходъ съ четвертей на души.

Чтобы покончить съ темниковскими однодворцами, приведемъ нѣсколько цифръ. Въ 32 общинахъ [1]) насчитано 1.343 двора при 4.254 мужчинахъ и 4.127 женщинахъ. Въ среднемъ на одну общину приходится 42 двора; наикрупнѣйшая четвертная община имѣетъ всего лишь 152 двора. Это указываетъ на преобладаніе однофамильной заимки, и дѣйствительно изслѣдователи отмѣтили нѣсколько общинъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника и носящихъ поднесь одну фамилію. Есть общины съ двумя и тремя заимщиками и повидимому всего одна община, помянутые Новоселки, имѣла 14 заимщиковъ съ неравнымъ для каждаго испомѣщеніемъ.

У темниковскихъ однодворцевъ мужской составъ населенія превышаетъ женскій, но несмотря на это однодворцы плодятся туже душевыхъ государственныхъ и собственниковъ изъ помѣщичьихъ: однодворческое населеніе возрасло со времени X ревизіи на $20,_7\%$, тогда какъ государственные душевые на $28,_2\%$, быв. помѣщичьи на 29_3 и даже полные собственники на $23,_9\%$. Всей земли въ распоряженіи однодворцевъ числится $13.649,_6$ десятинъ, то-есть по 10 дес. на дворъ; у душевыхъ это среднее приближается къ 11 десятинамъ, но это превышеніе послѣдовало отъ лѣсного надѣла. По хозяйственнымъ показателямъ однодворцы стоятъ много ниже душевыхъ: такъ, проценты безлошадныхъ и безхозяйныхъ выражаются слѣдующими цифрами: у четвертныхъ—$27,_7\%$ безлошадныхъ, $8,_4\%$ безхозяйныхъ, а у душевыхъ—$21,_6$ безлошадныхъ, $5,_4$ безхозяйныхъ. Очевидно и въ лѣсистой сѣверной окраинѣ распространенія четвертнаго владѣнія оное отражается на хозяйствѣ далеко не съ пользой для его приверженцевъ.

Заглянемъ теперь въ сосѣдній Елатомскій уѣздъ. Въ сборникѣ по этому уѣзду [2]) мы не найдемъ въ текстѣ никакихъ объясненій по тѣмъ фактамъ, которые какъ бы нарочно втиснуты въ подстрочныя примѣчанія къ таблицамъ. Лишь на 7 стр. упомянуто, что въ этомъ уѣздѣ «довольно замѣтную часть сельскаго населенія составляютъ крестьяне съ подворно-наслѣдственнымъ землевладѣніемъ—частью татары, частью русскіе». Даже обычной стереатипной фразы о томъ, что душевая община искони бѣ, вы не найдете въ этомъ сборникѣ. Это объясняется тѣмъ, что оный былъ

---

[1]) Въ текстѣ составители сборника считаютъ 35 обществъ, но въ таблицахъ ихъ находится всего 32. Вѣрность нашего счета провѣряется тѣмъ, что за вычетомъ М. Никитиной и Молочной Горы мы получаемъ въ 30 общинахъ 1.301 дворъ, а въ сборникѣ на 57 стр. получено 1.299 дворовъ въ 33 общинахъ. Разница въ два двора объясняется присутствіемъ столькихъ безземельныхъ въ с. Новоселовкѣ.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. VII.

изданъ въ 1884 г., когда благодаря курскимъ и рязанскимъ статистическимъ работамъ произошелъ коренной переломъ во взглядахъ на однодворческое землевладѣніе, и хотя самое изслѣдованіе Елатомскаго уѣзда произведено было еще въ 1882 г., однако факты, найденные изслѣдователями, уже не давали никакой возможности держаться прежнихъ апріорныхъ положеній. Эти факты пройдены составителями сборника молчаніемъ, но, какъ мы выше сказали, внесены тамъ и сямъ въ видѣ разныхъ примѣчаній и намековъ. Попробуемъ на основаніи ихъ возстановить положеніе Елатомскаго уѣзда въ ряду другихъ мѣстностей, лежащихъ въ кольцѣ Бѣлгородской черты. Понятно, что въ такой нелегкой работѣ намъ подчасъ придется опираться на болѣе или менѣе смѣлыя гипотезы, устанавливаемыя по большей части по аналогіи съ однодворческой жизнью въ другихъ уѣздахъ. Сперва разберемся съ основнымъ цифровымъ матеріаломъ. Составители Елатомскаго сборника, на стр. 4, установили, что бывшіе государственные крестьяне составляютъ по числу дворовъ всего 15% къ общему населенію уѣзда. Но и этотъ процентъ значительно преувеличенъ тѣмъ пріемомъ регистраціи, который земскіе статистики примѣняютъ, къ сожалѣнію, не въ одной Тамбовской губерніи; почти всюду въ разрядъ государственныхъ душевыхъ вносятся сданные въ казну отъ мелкопомѣстныхъ ѣльцевъ. Не говорю уже про то, что этотъ разрядъ часто владѣетъ землей не по душамъ, а по наслѣдству, главное заблужденіе такой регистраціи въ томъ, что въ разрядъ вольныхъ поселянъ вносятся завѣдомо крѣпостные, и съ этой точки зрѣнія гораздо было бы меньшей ошибкой подсчитывать ихъ съ собственниками изъ помѣщичьихъ, если ужъ не хочется отводить особой строки, какъ бы то слѣдовало въ виду точности. Въ Елатомскомъ уѣздѣ это общее заблужденіе выступаетъ съ особенной рѣзкостью благодаря изобилію мелкопомѣстныхъ; здѣсь ихъ не менѣе 54 общинъ съ населеніемъ въ 255 дворовъ [1]). Эти повидимому некрупныя цифры видоизмѣняютъ общую картину значительно; во-первыхъ, общинъ государственныхъ крестьянъ не 91, а всего 37, что составитъ всего 7% къ общему числу общинъ въ уѣздѣ; во-вторыхъ, бывшіе государственные крестьяне составятъ всего $11^1/_2$% всего крестьянства, то-есть Елатомскій уѣздъ, имѣющій болѣе 20 тысячъ дворовъ, долженъ считаться преимущественно крѣпостнымъ уѣздомъ. А это означаетъ, что здѣсь мало было испомѣщено служилыхъ людей ради прямой службы; здѣсь было сравнительно очень покойно, такъ что испомѣщаемые здѣсь не боялись на своихъ помѣстьяхъ селить рабовъ своихъ; наличность этихъ рабовъ давала возможность поддержать дворянскую линію, отчего только горсть помѣщиковъ

---

[1]) Говоримъ не менѣе 54, ибо есть еще три-четыре общины, о которыхъ въ таблицахъ прямо не сказано, что онѣ сданы въ казну.

попала въ однодворцы. Мы имѣемъ во всемъ уѣздѣ всего 16 четвертныхъ общинъ, это ужъ несомнѣнно однодворцы, прежнихъ службъ служилые люди, то-есть дѣти боярскія, и такъ какъ въ пяти селеніяхъ живутъ татары, то это были въ свое время новокрещены, обязанные прямой службой. Сверхъ того про д. М. Ляхову, несмотря на то, что земля у ней душевая, въ таблицахъ прямо сказано «однодворцы» [1]); про дер. Богдановку при томъ же условіи въ примѣчаніе снесено «частію четвертные»— значитъ тоже были однодворцы [2]). Про Верхніе Барсуки тоже сказано, что «нѣкогда были четвертные» [3]). Наконецъ про Обуховку сказано, что изъ 229 десятинъ надѣльной земли $92_{,2}$ четвертной [4]). Такимъ образомъ 20 общинъ принадлежатъ несомнѣнно однодворцамъ; изъ нихъ только одна Теренина сидитъ на какихъ-то купленныхъ земляхъ, однако земли эти изоброчены, слѣдовательно четвертныя, да и жители не названы свободными хлѣбопашцами, а быв. государственными. Есть еще нѣсколько душевыхъ общинъ, въ коихъ за полнымъ отсутствіемъ данныхъ приходится прибѣгать къ догадкамъ; такъ, д. Алѣева (4 двора) могла бы быть снесена въ разрядъ сданныхъ въ казну, но про нее сказано: «татары», оные же никогда почти въ крѣпость не попадали. Затѣмъ русскія деревушки Юматово (12 дв.), Илемникова (7 дв.), Котово (8 дв.), Малыя Мочилы (15 дв.) и Швынка (10 дв.) не могутъ быть отнесены къ сданнымъ въ казну, ибо надѣлъ ихъ ужъ слишкомъ великъ для этого: только Илемникова можетъ быть подвергнута этой участи, такъ какъ на дворъ у нея менѣе 5 десятинъ. По названіямъ своимъ эти деревни напоминаютъ скорѣе однодворческія фамиліи. За этими исключеніями, которыхъ все равно не разгадаешь за неимѣніемъ данныхъ, остается нѣсколько душевыхъ общинъ, историческое прошлое коихъ такъ или иначе можетъ быть установлено съ большой, если не съ полной точностью. Такъ, с. Андроніева Пустынь и д. Инкина (155 дв.) отмѣчены по таблицамъ экономическими и по г. Дубасову мы узнаемъ дѣйствительно, что с. Андроніева Пустынь числилась за Воскресенскимъ монастыремъ [5]). Такими же экономическими были Верх. Козлань (7 дв.), Пятницкая (5 дв.), Богоявленскій Погостъ (65 дв.) и вѣроятно Арханка (41 дв.) и Фомина (48 дв.). Затѣмъ мы имѣемъ два крупнѣйшихъ селенія Поляковскій Майданъ (150 дв.) и Шевалеевскій Майданъ (323 дв.)—землевладѣніе ихъ, какъ уже сказано, подобно Поляковскому Майдану, Темниковскаго уѣзда (248 дв.), получило начало всего при Екатеринѣ II. Послѣ этого остается всего ва селенія Власово (74 дв.) и Ца-

---

[1]) Сборн. ст. свѣд., т. VII, стр. 82.

[2]) Ibid., стр. 94.

[3]) Ibid., стр. 70.

[4]) Ibid., стр. 86.

[5]) Дубасовъ: Очерки, стр. 169.

рево (99 дв.), о которыхъ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ и всякія предположенія становятся ужъ слишкомъ гадательны. Если это не экономическія селенія, то по размѣрамъ землевладѣнія только Власово можетъ быть отнесено къ служилому разряду (ок. 14 дес. на дворъ), Царево же скорѣй вытное мордовское селеніе, хотя мордвы повидимому вовсе нѣтъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, и если была, то вся въ свое время закрѣпощена. Такимъ образомъ изъ разряда душевыхъ крестьянъ для своихъ изысканій мы должны выбросить всѣхъ экономическихъ крестьянъ, майданщиковъ и всѣхъ тѣхъ, о комъ прямо не сказано, что они были однодворцы. Значитъ въ нашемъ распоряженіи останется 16 общинъ четвертныхъ, 2 общины смѣшанныхъ и 2 душевыхъ, бывшихъ нѣкогда четвертными.

Вотъ это-то «нѣкогда» даетъ намъ основаніе заключить, почему въ Елатомскомъ сборникѣ уже нѣтъ стереатипной фразы объ извѣчности душевого владѣнія. Когда и при какихъ условіяхъ послѣдовали переходы съ четвертей на души въ четырехъ общинахъ Елатомскаго уѣзда, мы ничего не знаемъ. Судя потому, что у насъ есть кромѣ душевой Мал. Ляховой, четвертная Большая Ляхова, можно судить кое-о-какихъ деталяхъ этихъ переходовъ. Въ обѣихъ Ляховыхъ по 9 дворовъ, но въ четвертной приходится 9 дес. на дворъ и около 3 на наличную душу, въ душевой всего 6 дес. на дворъ и 2 на душу. Очевидно, община разбилась на двѣ партіи, быть можетъ по двумъ дѣдамъ, испомѣщеніе коихъ было неравное. Одинъ изъ этихъ дѣдовъ навѣрно носитъ фамилію Ляхова, также какъ въ сосѣдней деревушкѣ Тороповой всѣ три четвертныхъ владѣльца носятъ фамилію Торопова. Крайнее малоземелье д. Ляховой толкнуло потомковъ одного дѣда приступить къ переходу на души, имѣя въ виду быть можетъ увиличить свое владѣніе за счетъ сосѣда. Присутствіе четвертной земли рядомъ съ душевой въ д. Обуховкѣ и Богдановкѣ говоритъ намъ о томъ же: и здѣсь часть общины пожелала удержать старую форму владѣнія; повліяла на сохраненіе этой формы малочисленность этихъ общинъ (27 и 29 дв. теперь), этимъ недостаткомъ людей и сравнительнымъ обиліемъ земли, хотя и неособенно доброкачественной, я объяснилъ бы слабую интенсивность идей поравненія у Елатомскихъ русскихъ однодворцевъ; но тутъ-то и камень преткновенія, ибо здѣсь же рядомъ мы видимъ три громадныхъ четвертныхъ села, заселенныхъ татарами. Въ одномъ изъ нихъ пополамъ съ татарами есть и русскіе, однако же нигдѣ мы не наблюдаемъ повидимому даже стремленія къ душевому поравненію. Нельзя объяснить этого явленія національною особенностью, ибо въ Саратовской и Казанской губ. извѣстны факты переходовъ татаръ съ четвертей на души. Чѣмъ объяснить, что такое громадное село, какъ Азѣева, до сихъ поръ предпочитаетъ путаться съ установленіемъ наслѣдственныхъ долей каждаго изъ 669 хозяевъ? Безъ надежды мы начали искать причину такого не-

вѣроятнаго явленія. Но поиски наши увѣнчались успѣхомъ: на стр. 28 Елатомскаго сборника въ тѣкстѣ, а не въ таблицахъ, мы находимъ слѣдующее: «надѣлъ с. Азѣева заключаетъ 1.200 дес. мало удобной земли: бугры, овраги и болота». Сколько же всей земли? Смотримъ въ таблицы на 82 стр. и видимъ 9.607,$_7$ дес. изъ нихъ 1.510 дес. лѣсу плюсъ 1.426,$_2$ неудобной. Такимъ образомъ изъ 9.707 дес. надо исключить пока 1.510 д. лѣсу и 1.200 бугровъ—останется 6.797 дес. Неужели и эта громадная площадь не представляетъ изъ себя ничего заманчиваго для малоземельной голытьбы? Какой урожай въ с. Азѣевѣ? но въ 23 графѣ вмѣсто цыфры стоитъ звѣздочка; взглянувъ на примѣчаніе подъ нею—всякій пойметъ въ чемъ дѣло. Въ примѣчаніи этомъ изображено: «душевого владѣнія 4.065 д. земли, но она вся луговая, поэтому при изслѣдованіи посѣвъ опредѣлялся на десятину ржи 13 мѣръ». Иначе говоря, с. Азѣево давно перешло къ поравненію, давно разверстываетъ большую половину своей земли на души, да ту именно половину, которая, будучи луговой, представляетъ наибольшую цѣнность. Пусть другая половина, бугроватая и болотистая, остается въ четвертномъ владѣніи: тамъ гдѣ сѣютъ по 13 мѣръ ржи на есятину не ждутъ блестящихъ результатовъ, и результаты эти для Азѣева выражены въ самъ $3^1/_2$, тогда какъ въ сосѣднихъ деревняхъ той же волости урожай всюду самъ-пятъ и даже $5^1/_2$. Неудивительно, что татары Азѣевскіе ограничились въ примѣненіи душевого поравненія лишь на своихъ лугахъ, но удивительно, что тамбовскіе изслѣдователи на той же страницѣ пишутъ, что «Азѣево съ четвертнымъ владѣніемъ», совершенно забывая, что въ примѣчаніе придется внести болѣе четырехъ тысячъ десятинъ душевой земли. Очевидно, с. Азѣево есть такъ называемая душевочетвертная община; этотъ терминъ впервые примѣненъ рязанскими сборниками, изданными 1883 г., и странно, что тамбовскіе статистики отвергли этотъ терминъ и предпочли ему противорѣчіе самимъ себѣ. Но и про 1.500 дес. Азѣевскаго лѣса мы не знаемъ ровно ничего, быть можетъ онъ дѣлится просто на дворы «по печамъ», и тогда въ с. Азѣевѣ мы будемъ имѣть еще болѣе сложную форму землевладѣнія. Наличность такого громаднаго недоразумѣнія о с. Азѣевѣ наводитъ меня на мысль, что и другое крупное татарское село Бастаново (287 дв.) обслѣдовано неудовлетворительно: и здѣсь вѣдь 5137,$_5$ дес. надѣльной земли, изъ нея 320 д. лѣсу. Вся ли она четвертная? На 29 стр. сказано: «супесь неособенно удобная, безъ навоза родитъ такъ плохо, что едва возвращаетъ сѣмена; много овраговъ, замочей, малоудобной всего дес. 700». Но на этотъ разъ въ таблицахъ ничего не прибавлено... а слѣдовало бы. Ничего нѣтъ и о третьемъ менѣе крупномъ татарскомъ селеніи—Шильнѣ (57 дв.). Если мы исключимъ эти три татарскія селенія, то получимъ всего 212 дворовъ четвертныхъ владѣльцевъ, составляющихъ 13 общинъ, то-есть по 16,$_3$ двора

на общину; а столь малый размѣръ общинъ указываетъ лишь на однофамильную заимку. Что касается этихъ фамилій, то, судя по названію деревень, мы встрѣтимъ здѣсь обыкновенныя однодворческія фамиліи [1]).

Но очень можетъ быть, что названія деревень вовсе не совпадаютъ съ фамиліями ихъ теперешнихъ насельниковъ: надо помнить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мѣстностью, давно заселенной; писцы писали помѣстья по старымъ названіямъ, и такое старое помѣстье, хотя часто и носило имя своего перваго заимщика, но съ теченіемъ времени первый-то заимщикъ могъ смѣниться другимъ. Ниже мы увидимъ, что въ Елецкомъ уѣздѣ такое совпаденіе фамилій съ названіемъ деревень встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ мѣстностяхъ позднѣе заселенныхъ.

Итакъ въ Елатомскомъ уѣздѣ четвертное владѣніе крайне незначительно распространено среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Если мы возьмемъ главнѣйшія экономическія данныя о елатомскихъ государственныхъ крестьянахъ по тѣмъ группамъ, какія установлены нами, то получимъ не безинтересныя сравненія; для избѣжанія лишнихъ цифръ приводимъ лишь процентныя отношенія и среднія.

Группы общинъ.	Средній размѣръ семьи.	На сто мужчинъ приходится женщ.	Земли десят. на дворъ.	Земли десят. на м. душу.	% сдающихъ надѣльную землю.	% безлошадныхъ.
11 общинъ четвертныхъ (165 дв.) . .	6,3	97,1	10,2	3,2	7,9	22,4
4 об. четвертныхъ татаръ (391 дв.) .	6,2	94,0	19,4	6,0	7,2	35,0
1 общ. душево-четверт. татаръ (669 дв.).	6,2	90,7	14,3	4,5	4,0	22,3
2 общ. смѣшанныхъ (55 дв.)	5,8	88,6	12,1	4,0	1,8	25,4
2 общ. душевыхъ однодворц. (16 дв.)	5,0	95,1	6,6	2,3	6,2	37,4
15 общинъ душевыхъ кромѣ майданщиковъ (621 дв.)	6,9	110,5	10,3	3,1	1,6	15,8
Безъ различія группъ	6,4	99,7	13,7	4,3	4,3	23,3
Среднія для цѣлаго уѣзда безъ различія разрядовъ крестьянъ. . . .	6,1	101,5	7,0	2,3	4,6	23,8

Изъ этой таблицы выясняется, какъ положеніе государственныхъ крестьянъ по отношенію ко всему уѣзду, такъ и то различіе, какое представляютъ государственные крестьяне по ихъ группамъ. Разберемъ эту таблицу. Размѣръ средней семьи выше поуѣзднаго, значитъ государственные крестьяне живутъ большими семьями, но не четвертное право располагаетъ къ этому. Далѣе во второмъ столбцѣ мы видимъ соотношеніе двухъ половъ. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что во многихъ уѣздахъ у четвертныхъ владѣльцевъ чаще преобладаютъ женщины надъ мужчинами, у душевыхъ же

[1]) Ляховъ, Концовъ, Соколовъ, Гавриловъ, Огаревъ, Теренинъ, Тороповъ. Толстиковъ, Богдановъ, татаринъ Алѣевъ, Обуховъ, Котовъ, Власовъ.

однодворцевъ наоборотъ. Это мы объясняли болѣе тугой плодовитостью и наоборотъ, въ преобладаніи мужчинъ видѣли одно изъ сопутствующихъ явленій при переходѣ съ четвертей на души. По Елатомскому уѣзду мы видимъ какъ разъ обратное, что можетъ быть объясняется сравнительно небольшой массой данныхъ, охватывающихъ всего 35 общинъ съ ничтожнымъ населеніемъ въ 1.846 семей. Но и въ этихъ данныхъ мы наблюдаемъ нѣкоторую постепенность: у четвертныхъ все-таки больше женщинъ, чѣмъ у душево-четвертныхъ, у послѣднихъ больше, чѣмъ у смѣшанныхъ. Значитъ и здѣсь относительное увеличеніе мужского населенія отражается на формѣ землевладѣнія переходомъ къ поравненію. Однако душевыя общины, непринадлежавшія къ однодворцамъ, окончательно разрушаютъ это наше предположеніе; здѣсь мы видимъ громадное преобладаніе женщинъ. Конечно, еслибы отношеніе половъ принадлежало къ числу причинъ, измѣняющихъ формы владѣнія, то таковое преобладаніе женщинъ въ данныхъ душевыхъ общинахъ могло бы навести на мысль о томъ, что эти общины близки къ измѣненію душевого владѣнія на кормежное, то-есть вмѣсто распредѣленія на мужскія души будетъ произведенъ передѣлъ на ѣдоковъ. Но отъ такихъ выводовъ надо воздержаться, ибо соотношеніе половъ въ причинной связи не стоитъ съ землевладѣніемъ, а является лишь сопутствующимъ явленіемъ, вліяніе котораго конечно трудно прослѣдить. Съ другой стороны общее состояніе, общее развитіе крестьянства въ Елатомскомъ уѣздѣ далеко не создаетъ устойчивой почвы для подобныхъ предположеній; какъ заявляютъ мѣстные изслѣдователи, весь уѣздъ до 1882 г., то-естъ по день переписи, владѣлъ все еще по ревизскимъ душамъ—не было ни одного передѣла на наличныя души. Правда, по заявленію изслѣдователей, «государственные крестьяне сильно толкуютъ уже о необходимости передѣлить землю на новыя души» [1]), но для тѣхъ общинъ, которыя не осуществили еще перехода съ ревизскихъ на наличныя души, далеко до разверстки по ѣдокамъ: это значило бы шагать черезъ ступень, а это въ общинной жизни удается рѣдко.

Мы не беремся разгадывать, какая причина столь рѣзкой разницы въ отношеніяхъ между полами у государственныхъ крестьянъ Елатомскаго уѣзда: въ среднемъ по уѣзду женщинъ больше; даже и во всей Тамбовской губерніи онѣ преобладаютъ надъ мужчинами, какъ 1.012 надъ тысячью [2]). Почему же четвертное-то владѣніе переворачиваетъ это общее явленіе вверхъ дномъ и подчасъ на тысячу мужчинъ даетъ всего 886 женщинъ? Вопросъ этотъ остается открытымъ. Государственные крестьяне Елатомскаго уѣзда надѣлены землей вдвое лучше средняго по уѣзду надѣ-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. VII, стр. 10.

[2]) Сводный сборникъ, т. XIV, стр. 38.

ленія, въ частности татары почти втрое. Но увеличенный размѣръ землевладѣнія приноситъ пользу только тѣмъ группамъ, которыя владѣютъ землей на душевомъ правѣ. Такъ, у душевыхъ при меньшемъ надѣленіи (всего въ $3_{,1}$ на душу) мы находимъ меньше безлошадныхъ и безхозяйныхъ; у четвертныхъ же словно нарочно, чѣмъ больше земли въ группѣ, тѣмъ выше проценты безлошадности и безхозяйности. Не странно ли, что татары при $19_{,4}$ десятинахъ на дворъ ($6_{,0}$ на душу) имѣютъ 35% безлошадныхъ, тогда какъ въ среднемъ на уѣздъ, стало быть считая самыхъ бѣдныхъ крѣпостныхъ, мы находимъ всего $23_{,8}$%, а у государственныхъ душевыхъ онъ падаетъ до $15_{,8}$%. Да, если четвертное владѣніе подходитъ подъ понятіе «участковаго, подворнаго владѣнія», о которомъ такъ много мечтаютъ противники общины, то вышеприведенныя цифры пусть послужатъ имъ къ вящему убѣжденію въ необходимости упраздненія общины.

Переходимъ къ сосѣднему болѣе южному уѣзду—Шацкому. Здѣсь опять мало государственныхъ крестьянъ: они размѣщены всего въ 31 общинѣ изъ 414, и въ числѣ ихъ только 8 съ четвертнымъ землевладѣніемъ. Это потомки служилыхъ людей татаръ и русскихъ поселенныхъ, по нашимъ догадкамъ, по тому «рву съ надолбы», который нѣкогда шелъ отъ Шацка къ Тамбову. Эти шацкіе татары до сихъ поръ въ своемъ большинствѣ магометане. Изслѣдователи пишутъ: «обыкновенно подворные владѣльцы одного селенія имѣютъ одну или двѣ фамиліи, сообразно съ этимъ и преданіе указываетъ на одного - двухъ родичей дворянъ, которые удостоились царскаго пожалованія землею» [1]).

Принимая къ свѣдѣнію важное показаніе объ однофамильной заимкѣ въ Шацкомъ уѣздѣ, мы въ то же время не можемъ не возразить противъ предвзятаго освѣщенія факта. Во-первыхъ, родичи этихъ служилыхъ людей могли и не быть дворянами, и во всякомъ случаѣ не были тѣмъ, что изслѣдователи подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ, во-вторыхъ, что значитъ «удостоились царскаго пожалованія землею»? Выражаться такъ могутъ конечно какіе-нибудь татары-однодворцы, вѣчно чающіе избавленія отъ оброчной подати своихъ земель: ради этого однодворцы вообще имѣютъ обыкновеніе подчеркивать то, что они удостоены пожалованія, или что предки ихъ были знаменитые дворяне. И говоря это, они и не подозрѣваютъ, что переносятъ свои ошибочно узкія современныя воззрѣнія на дворянство и пожалованіе.... въ сѣдую старину, въ которую эти же самыя слова звучали совсѣмъ иначе и далеко не такъ торжественно и чудно. Эта торжественность свидѣтельствуетъ лишь о полномъ историческомъ невѣжествѣ говорящихъ. Вѣдь что такое «городовые дворяне XVII вѣка», какъ не простые служилые людишки; слово это было до того «мизерно»,

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. Тамб. губ., т. VI, стр. 37.

что при Петрѣ, Аннѣ, Елизаветѣ его всячески старались замѣнить шляхетствомъ и только при Екатеринѣ II слово «дворянство» получаетъ болѣе возвышенное значеніе, но съ нимъ было связано уже совсѣмъ иное, чѣмъ прежде представленіе. Какъ разъ ту же судьбу претерпѣло и пожалованіе. Пожалованіе земли въ XVII вѣкѣ означало, какъ мы знаемъ, простое испомѣщеніе служилаго человѣка, будь это простой солдатъ временъ царя Алексѣя или ямщикъ временъ царя Ѳеодора. Начиная съ Петра I перестали жаловать землею служилыхъ людей, перестали давать землю, какъ жалованье, замѣнивъ ее деньгами и казеннымъ коштомъ; но при Петрѣ же стали жаловать земли за прежнюю службу, по заслугѣ, *за выслугу*». Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ однодворцы стараются истолковать свои пожалованія, но жестоко ошибаются. За ними ошиблись и тамбовскіе изслѣдователи.

Далѣе въ Шацкомъ сборникѣ пишется: «Заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что эти крестьяне вездѣ памятуютъ свое происхожденіе отъ дворянъ, пріобрѣвшихъ землю въ личное потомственное владѣніе, чѣмъ и объясняютъ не мірскую, а лично наслѣдственную форму своего землевладѣнія» [1]). Собственно говоря и возражать нечего, такъ какъ это мѣсто говоритъ само за себя. Какое такое личное, потомственное владѣніе было въ XVII вѣкѣ, то-есть въ моментъ пожалованія? наконецъ зачѣмъ это называть четвертную форму «лично-наслѣдственной»? Позднѣйшія разъясненія Сената смотрятъ на четвертное право не какъ на личное, а какъ на семейное, и въ этомъ отношеніи Сенатъ гораздо ближе подошелъ къ истинѣ, чѣмъ тамбовскіе изслѣдователи. Но за исключеніемъ подобныхъ апріорныхъ выводовъ и предположеній въ Шацкомъ сборникѣ помѣщено много важныхъ фактовъ по четвертному владѣнію; такъ, напримѣръ, фактически установлено присутствіе «парности» долей домохозяевъ, констатированъ ежегодный раздѣлъ покосовъ «противъ дачъ», установлена важная особенность Шацкаго уѣзда, именно, что никто изъ однодворцевъ не продавалъ за послѣднее время своей родовой земли, опредѣлены размѣры «общаго владѣнія» у четвертныхъ и проч. Однако есть и серьезные пропуски и недоспросы. Такъ, наприм., въ таблицахъ въ примѣчаніи подъ Ишѣевской Горой [2]) про надѣльную землю всего 409,$_7$ дес. сказано «четвертной 315 дес., остальная въ общинномъ владѣніи», значитъ здѣсь душево-четвертная форма, но когда и почему она установилась ни откуда не видно. О д. Тельсюпиной сказано почти то же [3]): «по владѣнной значится въ четвертномъ владѣніи 155 дес. (всей 308), но при переписи татары земли въ общин-

---

[1]) Тотъ же сборникъ, стр. 38.

[2]) Ibid., стр. 106.

[3]) Ibid., стр. 130.

номъ владѣніи нисколько не показывали и подворными участками опредѣлили 245 дес.». Здѣсь громадный недоспросъ: либо изслѣдователь не съумѣлъ добиться точныхъ отвѣтовъ, либо часть общинной земли раздѣлена на дворы и какъ дворовая показывалась на ряду съ четвертной десятинами, либо также десятинами считалась душевая. Какъ-бы ни было эти два факта совершенно опорочиваютъ выводъ изслѣдователей на счетъ воспоминаній о дворянскомъ происхожденіи и связанной съ нимъ лично наслѣдственной формы владѣнія: оказывается въ Ишѣевой Горѣ и Тельсюпиной помнятъ свое дворянство, но землей владѣютъ по душево-четвертной формѣ! Что касается душевого владѣнія, то про него сказано коротко ясно: искони бѣ—никакихъ историческихъ свѣдѣній не собрано. Правда, судя по тому, что при передѣлахъ крестьяне группируются не на сотни, а на «выти», можно судить о древнемъ происхожденіи здѣсь общины, но конечно не въ формѣ душевого владѣнія, а въ формѣ повытной разверстки. Интересно было бы прослѣдить, нѣтъ ли пережитковъ этой формы среди крестьянъ Шацкаго уѣзда. Мы считаемъ, хотя въ сборникѣ нѣтъ прямыхъ указаній на это, что въ предѣлахъ этого уѣзда сохранилось черемисское племя, нынѣ конечно трудно отличимое отъ русскихъ: названія многихъ селеній наводятъ на эту мысль. Что, напримѣръ, гласитъ такое названіе, какъ село Керьмисъ, вѣдь это тождественный корень—*Черемисъ*. Однако, достойно вниманія, что всѣ эти названія носятъ владѣльческія селенія, значитъ черемисы, какъ народъ политически-слабый и невоинственный были въ свое время просто-на-просто закрѣпощены. Названія селеній государственныхъ крестьянъ исключительно русскія и только три-четыре душевыхъ деревушки носятъ татарскія имена, хотя населены сильно обрусѣлыми татарами. Душевые владѣльцы встрѣчаются въ 22 общинахъ. Изъ нихъ одну, какъ населенную быв. поссессіонными крестьянами (Орловку), надо исключить. Затѣмъ Большой и Малый Проломы принадлежали Сергіевской Лаврѣ, Новое и Старое Чернѣево—Черніеву-Николаевскому монастырю; съ большой вѣроятностью къ тому же разряду экономическихъ крестьянъ можно отнести Покровку, Высокое, Липовку и можетъ быть Вановье. Все это очень крупныя селенія. Подъ самымъ городомъ мы видимъ служилыя слободы съ обычными названіями: Казачья Слобода (759 дв.), Стрѣлецкая (56), Ямская (159). Мы воздержимся отъ подробныхъ сравненій экономическихъ показателей о четвертныхъ и душевыхъ владѣльцахъ Шацкаго уѣзда. Сравненіе выйдетъ неудобное, ибо первыхъ всего 212 дворовъ, а послѣднихъ 3.024. Достаточно сказать, что и здѣсь у душевыхъ процентъ безлошадныхъ равенъ $22,_8$, а у четвертныхъ 32%. Но процентъ безхозяйныхъ у душевыхъ выше ($8,_8$ противъ $6,_6$%), что объясняется конечно слабымъ развитіемъ хлѣбопашества въ трехъ подгородныхъ слободахъ и торговомъ селѣ Вановьи. Въ слабой степени и въ этомъ

уѣздѣ наблюдается то же, что въ сосѣднемъ Елатомскомъ уѣздѣ: на 100 мужчинъ у четвертныхъ приходится $97_{,5}$ женщинъ, а душевыхъ $100_{,7}$.

Переходимъ къ Спасскому уѣзду: какъ извѣстно, онъ лежитъ восточнѣй Шацкаго и южнѣе Темниковскаго, врѣзываясь угломъ въ Пензенскую губернію. Инородческій элементъ, въ видѣ мордвы, здѣсь сильно преобладаетъ. Единственное селеніе населенное татарами пополамъ съ русскими имѣетъ четвертное владѣніе, это с. Сургоди. Тридцать лѣтъ назадъ все селеніе было четвертное, но за дробностью наслѣдственныхъ полосъ перешло тогда на души; на этотъ переходъ не согласилось нѣсколько домохозяевъ и нынѣ ихъ по переписи 1882 г. насчитывается 59 дворовъ съ 800 десятинъ четвертной земли. Такъ какъ большинство общинъ душевыхъ владѣльцевъ составляютъ мордовскія поселенія и лишь нѣсколько обрусѣлой мещеры, затѣмъ Сядемская волость заселена бывшими экономическими, Виндреевская бывш. поссессіонными, а Боково-Майданская—майданщиками, то на долю однодворцевъ не остается по всѣмъ видимостямъ ни одного селенія; поэтому мы можемъ не разсматривать этого уѣзда и перейдемъ къ слѣдующему.

Но и въ слѣдующемъ болѣе южномъ уѣздѣ Маршанскомъ все еще очень мало служилыхъ селъ: крупнѣйшія селенія здѣсь принадлежали монастырямъ (Пичаево, Питерское и др.), или инородцамъ. Послѣдніе тянули вытное тягло, но иногда привлекались на службу: такъ, изъ села Темешева во второй половинѣ XVII вѣка послано было 49 человѣкъ на Донъ, да восемь дворовъ служили солдатскую службу по Тамбовскому валу [1]); изъ с. Алгасова (нынѣ 1.200 дв.), считавшаго уже тогда 272 тяглыхъ двора и 29 бобыльскихъ, на Донъ послано было 96 человѣкъ, да 26 на Тамбовскій валъ. С. Серповое (нынѣ 379 дв.) и въ то время считалось уже не тяглымъ, а служилымъ: оно высылало на Донъ по 416 человѣкъ. Однако селеній московскихъ служилыхъ людей мы въ этомъ уѣздѣ насчитываемъ не болѣе восьми. Сюда надо отнести четыре селенія называемыхъ Ламками: Правыя Ламки, Первыя, Вторыя и Третьи Лѣвыя Ламки. Всѣ онѣ сидѣли по Тамбовскому валу и примѣрно до конца XVIII столѣтія владѣли въ общей дачѣ по четвертямъ. Тогда послѣдовалъ переходъ съ четвертей на души, но на него согласились не всѣ домохозяева: нѣкоторые очевидно имѣли земли жалованныя изъ помѣстья въ вотчину. Широкодачники выдѣлились въ особую группу и, получивъ по размежеванію 4.878 десятинъ, образовали особый поселокъ подъ названіемъ Вторыя Лѣвыя Ламки, донынѣ владѣющія по четвертямъ, но земля ихъ неизоброчена. На стр. 42—52 Моршанскаго сборника мы имѣемъ детальное описаніе этого селенія. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ описаніи остались невыясненными многіе существенно важные вопросы. Такъ, изслѣдователи утверждаютъ что вся дача

[1]) Дубасовъ: Очерки, стр. 155.

раздѣлена на 5 особняковъ и въ каждомъ особнякѣ владѣетъ особое товарищество. Неизвѣстно, кто отводилъ эти особняки—если землемѣръ, то, ясное дѣло, были особые документы на каждое товарищество, и тогда слѣдовало бы выяснить размѣры землевладѣнія каждаго товарищества. Если же эти особняки нарѣзались самимъ міромъ, то вопросъ осложняется: во-первыхъ, надо было доказать, что это дѣйствительно особняки; быть можетъ здѣсь произошла простая путаница при опросѣ; перемѣшали же тимскіе изслѣдователи «починки», признавъ ихъ особняками. То же могло случиться и въ Моршанскѣ, и потому мнѣ думается, что вмѣсто пяти особняковъ тамъ вѣроятно было пять дѣдинъ, которыя отмѣрялись не поярусно, а въ виду многоземелья, широкими столбами. Ничего не сказали изслѣдователи о системѣ хозяйства въ Лѣвыхъ Ламкахъ: каждый ли «особнякъ» разбитъ на клины... Если же вся дача разбита всего на три клина, въ чемъ можно не сомнѣваться, то тогда не было даже и столбовой разбивки на дѣдины, а каждый дѣдъ получалъ въ каждомъ полѣ и въ каждомъ ярусѣ свою долю. Изслѣдователи говорятъ, что домохозяинъ, владѣющій въ одномъ особнякѣ—въ другомъ не участвуетъ; это и понятно: житель какой-нибудь обоянской деревни Раковой, разбивающій свою дачу на 30 помѣстій (а можно ихъ назвать, какъ въ Тимскомъ сборникѣ, «починками» или «особняками», какъ называютъ въ Лѣвыхъ Ламкахъ), владѣетъ, конечно, только въ одномъ какомъ-либо помѣстьи, гдѣ владѣлъ его отецъ, а раньше дѣдъ и т. д. до перводачника. Такъ и въ Ламкахъ членъ товарищества владѣетъ лишь въ «особнякѣ» своего наслѣдодателя и въ другой особнякъ попадаетъ, конечно, или какъ зять, или какъ покупщикъ. Это неразъясненное обстоятельство привело моршанскихъ изслѣдователей къ заключенію, что между членами товарищества и самими товариществами нѣтъ никакой юридической связи (стр. 49). Но тутъ-то и кроется глубочайшее недоразумѣніе. Вѣдь члены товарищества такъ или иначе связаны между собой или кровнымъ родствомъ, или соглашеніемъ, прямо выраженнымъ въ моментъ перваго зачатія товариществъ, то-есть или по полученіи сенатскаго рѣшенія объ отводѣ особой дачи домохозяева стали разверстывать свою землю по дѣдамъ, то-есть по числу фамилій, которыхъ было всего пять, или они сгруппировались въ товарищества (въ сотни) по согласію, по счету четвертей напримѣръ. Если бы изслѣдователи добились и прямо сказали, что такъ называемые пять особняковъ равны между собой, я бы призналъ здѣсь товарищество по согласію: то, что у другихъ однодворцевъ называется «сотней». Но этого не видно и потому здѣсь легче предположить фамильную разверстку на дѣдины. Въ пользу такого предположенія говоритъ слѣдующее: 1) въ Лѣвыхъ Ламкахъ до сихъ поръ не много дворовъ—всего 84; во время X ревизіи было 74; сколько же ихъ могло быть въ концѣ прошлаго столѣтія? вѣдь не больше 20—30

дворовъ, а то и меньше. Иначе говоря, по шесть дворовъ на фамилію. Каждая изъ нихъ хлопотала въ Сенатѣ о своей дачѣ изъ помѣстья въ вотчину, и каждая показывала свою грамоту, и по этой грамотѣ Сенатъ присудилъ соотвѣтственное количество земли. Но сколько каждому и всѣмъ ли въ одну окружную межу... все это осталось невыясненнымъ. Вторженіе въ эту общину за послѣднее время скупщиковъ, изъ коихъ одинъ купецъ управился уже нахватать тысячу десятинъ—только запутываетъ, затемняетъ вопросъ; и такой случай, что казенная палата высылаетъ пять окладныхъ листовъ, въ коихъ пишетъ одно лишь имя съ прибавкой «съ товарищи», ставитъ въ тупикъ изслѣдователя. А дѣло было такъ просто и нехитро: стоило списать фамиліи съ окладныхъ листовъ, да проставить противъ нихъ количество земли каждаго порознь и съ такими предварительными данными добиваться у крестьянъ: почему такой-то пишется въ одномъ листѣ, а другой нѣтъ; первозаимщикъ ли онъ, и если да, то сколько было у него четвертей или десятинъ первоначально, и почему произошли и какія измѣненія въ размѣрахъ владѣнія.

Кромѣ Лѣвыхъ Ламокъ, въ Моршанскомъ уѣздѣ четвертное владѣніе существуетъ у трехъ однофомильныхъ дворовъ, живущихъ въ Сѣркинскомъ поселкѣ. Они составляютъ часть с. Кулеватова и имѣютъ около 67 десятинъ четвертной земли. Ничего не сказано, гдѣ и какъ расположена эта земля, но изъ того, что дворы эти вынуждены держать особаго пастуха, который при малочисленности стада обходится очень дорого, можно предположить, что земля находится не черезполосно съ кулеватовскою землею, а въ особомъ мѣстѣ. По нашему мнѣнію, это потомки того однодворца, который не согласился на переходъ съ четвертей на души и ему выдѣлили землю къ одному мѣсту, чтобы полосы его не обходить при душевыхъ передѣлахъ. Но изъ какого селенія онъ выдѣлился, изъ Кулеватова или изъ Сѣркина—изслѣдованіе умалчиваетъ, а несомнѣнно, одно изъ нихъ было четвертнымъ. Въ пригородной слободѣ изслѣдователи обнаружили 25 ревизскихъ душъ однодворцевъ Третьяковыхъ и въ с. Кореляхъ 81 душу однодворцевъ Мухортовыхъ, но тѣ и другіе давно перешли на души. Этимъ исчерпываются всѣ свѣдѣнія о четвертномъ владѣніи Моршанскаго уѣзда. Но въ этомъ уѣздѣ есть крупный фактъ перехода цѣлой душевой волости къ такъ называемому подворному владѣнію: государственные крестьяне четырехъ крупныхъ селеній подъ давленіемъ своего всемогущаго старшины задали приговоры въ 1870 году о раздѣлѣ земли навѣчно. Къ счастью, выдумка этого психопата-старшины приведена въ исполненіе такъ, что душевая община продолжаетъ свое существованіе не хуже прежняго. Интересующіеся могутъ ознакомиться съ подробностями въ Моршанскомъ сборникѣ [1]).

[1]) Сборн. стат. свѣд. Тамб. губ., т. III, стр. 54—60.

Теперь заглянемъ въ Тамбовскій уѣздъ, лежащій въ центрѣ губерніи, на западъ отъ него идутъ Козловскій, а потомъ Лебедянскій уѣзды, а на востокъ—Кирсановскій. Уже a priori можно предположить, что въ этихъ уѣздахъ мы больше встрѣтимъ прежнихъ службъ служилыхъ людей и предположеніе это не вполнѣ оправдается лишь по отношенію къ Кирсановскому уѣзду. Тамбовскій уѣздъ былъ изслѣдованъ позже другихъ (1884) и этимъ можно объяснить отсутствіе прежнихъ предвзятыхъ выводовъ. Четвертное землевладѣніе встрѣчается здѣсь въ 12 общинахъ, но пользуется имъ крайне ничтожное количество домохозяевъ—всего 275. Въ ихъ пользованіи числится всего 5,047 дес. четвертной земли. «Нѣкоторыя нынѣшнія общины,—пишутъ изслѣдователи [1]),—установили у себя мірское владѣніе землею съ уравнительными передѣлами по душамъ лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а прежде имѣли неравномѣрное, подворно-участковое землевладѣніе по четвертямъ... При этомъ переходѣ какая-нибудь часть домохозяевъ селенія предпочитала остаться при своихъ наслѣдственныхъ участкахъ и потому явились селенія со смѣшаннымъ землевладѣніемъ—общиннымъ и участковымъ. Въ однихъ случаяхъ участки совершенно обособлены отъ мірской дачи односельцевъ, а въ другихъ—находятся внутри ея и притомъ въ очень дробной черезполосицѣ». Такимъ образомъ и здѣсь, въ Тамбовскомъ уѣздѣ, установлено то, что наблюдается повсемѣстно, но тамбовскіе изслѣдователи не держатся общепринятой регистраціи, то-есть не раздѣляютъ такое селеніе на двѣ общины: душевую и четвертную, а считаютъ всѣхъ огуломъ, почему и являются у нихъ какія-то смѣшанныя общины, разобраться съ которыми подчасъ очень трудно.

Изслѣдованіе установило въ Тамбовскомъ уѣздѣ слѣдующіе общіе факты: 1) черезполосицу (пополосность) четвертныхъ земель, 2) прежній размѣръ четвертей по разнымъ селеніямъ, правда, не многимъ, при чемъ въ д. Верхнихъ Падахъ четверть равнялась $6^3/_8$ десятины, въ с. Сагокинѣ $2^1/_2$, въ другихъ $1^1/_2$ дес. и 3) усиленную распродажу четвертныхъ земель за послѣднее время. Изъ фактовъ, рѣдкихъ въ однодворческой средѣ, достойна вниманія «переверстка четвертныхъ земель, произведенная въ 1880 г. въ д. Сявѣ». Здѣсь за 15 хозяевами значится по владѣнной записи $145_{,3}$ дес. четвертной земли. «Пашня не была разбита на три поля и каждый владѣлецъ, имѣя въ ней черезполосные съ чужими участки, хозяйничалъ по своему усмотрѣнію, не соблюдая никакого сѣвооборота. Въ 1880 году по соглашенію владѣльцевъ этотъ безпорядокъ былъ устраненъ и они путемъ передѣла угодій установили у себя тотъ порядокъ пользованія своею общею дачею, какой давно существуетъ у крестьянъ съ участковымъ землевладѣніемъ въ другихъ мѣстахъ» [2]). Къ сожалѣнію, дальнѣйшее описаніе

[1]) Сбор. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. XII, стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 23 и сл.

этого порядка указываетъ именно на то, что въ другихъ мѣстахъ обыкновенно такъ никогда не разверстываютъ. Жители Сявы держались, правда, четвертного права, но при переверсткѣ, такъ сказать, обобщили его, что бываетъ крайне рѣдко. Разбивъ всю дачу на три поля, д. Сява «въ каждомъ полѣ намѣрила 8 равныхъ паевъ, которые распредѣлены между владѣльцами по жребію. Но владѣльцевъ не 8, а 15, однако эти 15 образовались на памяти крестьянъ изъ трехъ родовъ, и притомъ такъ, что фамиліи Глушковыхъ принадлежало до послѣдняго времени $^5/_8$ всей земли, Хлусовымъ $^2/_8$ и Козакову съ Иконниковымъ $^1/_8$». Значитъ вмѣсто дробнаго счета четвертями или десятинами былъ установленъ обобщенный счетъ паями, такъ что такой пай выражаетъ право каждой фамиліи на извѣстную долю всей дачи. Это случается у однодворцевъ, хотя рѣдко, но уничтоженіе поярусной разверстки, какое мы видимъ въ Сявѣ, не встрѣчается у однодворцевъ никогда [1]). Я объясняю это поразительно рѣдкое явленіе малостью сявской дачи, ея однокачественностью въ почвенномъ отношеніи, ея равною удаленностью отъ селенія (лежитъ за полверсты) и, наконецъ, малочисленностью хозяевъ, участвовавшихъ въ переверсткѣ. Не смѣю заподозривать въ данномъ случаѣ точность изслѣдованія, ибо при описаніи прежней разверстки изслѣдователь отмѣтилъ черезполосность (поярусность) и новую разверстку описалъ, какъ противоположность прежней, стало-быть имѣлъ въ виду поярусную разверстку. Съ однимъ я не могу согласиться, что это обычная техника, давно существующая въ другихъ мѣстахъ; сколько я ни вожусь съ однодворцами, только въ Сявѣ встрѣчаю въ первый разъ такой знаменательный случай, повсюду же мы видимъ разверстку «черезъ межу», то-есть поярусно. И сами тамбовскіе изслѣдователи нѣсколькими страницами раньше (стр. 16), описывая какъ типичное четвертное селеніе Верхніе Пады, между прочимъ, указываютъ, что «каждый участникъ владѣнія имѣетъ пашню изъ нѣсколькихъ загоновъ въ каждомъ полѣ, и загоны эти въ общемъ итогѣ составляютъ ту долю владѣнія, на которую онъ имѣетъ право». Вотъ это обычная техника разверстки четвертныхъ земель, въ Сявѣ же—рѣдкое исключеніе.

Скажемъ нѣсколько словъ о сдѣланномъ описаніи типичнаго селенія Падовъ. Къ большому сожалѣнію, оно выполнено не такъ удачно, какъ по Темниковскому уѣзду. Въ Падахъ крестьяне ведутъ счетъ старыми четвертями, и вотъ, вмѣсто того, чтобы узнать непосредственно опросомъ, сколько въ селеніи считается четвертей, авторъ описанія дѣлаетъ попытку вычислить ее путемъ разныхъ комбинацій: посѣва, укоса травъ, рубки лѣса. Въ результатѣ получилась путаница и совершенно случайный выводъ,

---

[1]) Даже при переверсткѣ десятинами послѣ спеціальнаго межеванія имѣется подобіе ярусовъ въ видѣ нѣсколькихъ мѣстъ раздачи.

что четверть равна $6^3/_8$ десятины. Я не противъ такой крупной величины, тѣмъ болѣе, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Падахъ было размежеваніе и послѣ него при разверсткѣ новаго особняка могла быть установлена обобщающая, крупная единица разверстки, въ видѣ 6—7 десятинъ, которая по старой привычкѣ названа четвертью [1]). Но изслѣдователи отвергаютъ разверстку: «передѣловъ пахотныхъ угодій никогда, насколько помнятъ и знаютъ крестьяне, не было» (стр. 16). Тогда значитъ не было и разверстки послѣ размежеванія или, наоборотъ, самое размежеваніе плодъ фантазіи. Есть у изслѣдователей и другія противорѣчія самимъ себѣ. «Понынѣ у нихъ единицею разверстки земли служитъ старинная четверть»... и черезъ нѣсколько строкъ: «въ дѣйствительности въ разныхъ угодьяхъ участки отдѣльныхъ домохозяевъ измѣряются десятинами-тридцатками». Значитъ опять недослѣдовано: зачѣмъ единица разверстки, если послѣ размежеванія даже не было переверстки; зачѣмъ ею считается старинная четверть, когда въ дѣйствительности земля мѣряется тридцатками, а размѣра четверти крестьяне и опредѣлить даже не могутъ, да и владѣнная запись писана не четвертями, а десятинами?.. Изслѣдованіе, какъ мы видимъ, произведено неудачно.

Но тѣмъ не менѣе по селенію Падамъ отмѣчены важные факты по вопросу о наслѣдованіи четвертныхъ земель. Прежде всего бросается въ глаза особенность наслѣдованія дочерей: если послѣ смерти домохозяина остается невыданная замужъ дочь, то ей «выдается *какая-нибудь* часть наслѣдственной земли». Жаль, что не сказано какая именно, тогда была бы возможность сопоставить ее съ «указною» частью Уложенія царя Алексѣя. Другая особенность—писаніе завѣщаній часто въ обходъ прямыхъ наслѣдниковъ: такъ, одинъ однодворецъ Алехинъ одному сыну завѣщалъ $^2/_3$, а другому одну треть; другой, Ивановъ, завѣщалъ 6 дес. на церковь и 16,6 внучкѣ отъ дочери. Правда, всѣ эти завѣщанія не утверждаются никѣмъ, но тѣмъ замѣчательнѣй это явленіе, если наслѣдники подчиняются добровольно такимъ обиднымъ распоряженіямъ. Наконецъ, наблюдается, что вдовы бездѣтныхъ продолжаютъ владѣть мужней землей. Все это явленія довольно рѣдкія въ однодворческой средѣ.

Что касается описанія остатковъ четвертного владѣнія въ другихъ селеніяхъ, то большинство четвертниковъ, отдѣлившихся отъ душевиковъ въ данномъ селеніи—однофамильцы, значитъ переходы съ четвертей на души въ Тамбовскомъ уѣздѣ происходили довольно дружно; протестующихъ было помалу. Очень жаль, что съ помощью сборника нѣтъ возможности выдѣлить однодворческія селенія отъ другихъ разрядовъ, наприм., отъ экономическихъ крестьянъ. Государственные крестьяне преобладаютъ въ Там-

[1]) Аналогично съ д. Кутеповой, Курск. уѣзда.

бовскомъ уѣздѣ; они составляютъ 25,045 дворовъ изъ общаго числа въ 44,549, то-есть 56%. Поэтому-то было бы въ высшей степени интересно выдѣлить изъ этой массы прежнихъ службъ служилыхъ людей, и этимъ путемъ опредѣлить, сколько общинъ и съ какимъ населеніемъ перешло въ свое время съ четвертей на души. О нѣкоторыхъ общинахъ, правда, весьма немногихъ, въ сборникѣ прямо отмѣчено, что онѣ нѣкогда были четвертными, о другихъ ничего не сказано, но есть такіе признаки, на основаніи коихъ съ большой степенью достовѣрности можно утверждать, что онѣ были четвертными. Сюда относятся, несомнѣнно, тѣ, въ коихъ поднесь наблюдаются слѣды—остатки четвертного владѣнія у нѣсколькихъ хозяевъ, очевидно, несогласившихся на переходъ съ четвертей на души; такихъ общинъ насчитывается по Тамбовскому уѣзду семь. Затѣмъ о двухъ, нынѣ душевыхъ общинахъ, мы знаемъ, что четвертные владѣльцы сосѣднихъ деревень до сихъ поръ имѣютъ землю въ дачахъ этихъ селеній. Послѣднія лежатъ въ Пахатно-Угловской волости и носятъ названія с.с. Бычки и Никольское (Ряжское тожъ). Это указаніе изслѣдователей (28 стр.), помимо того, что даетъ намъ право положительно утверждать, что дачи помянутыхъ селъ были четвертныя, даетъ намъ возможность заключить и еще объ одномъ, весьма рѣдкомъ явленіи. Какъ извѣстно, при переходахъ съ четвертей на души община старается расширить свое владѣніе за счетъ постороннихъ владѣльцевъ, неположенныхъ по ихъ обществу въ подушный окладъ. Для этого община обыкновенно замѣряетъ чужую землю, пуская ее въ передѣлъ лишь между своими «положенными» душами. Однако, въ Бычкахъ и въ Ряжскомъ это, очевидно, не удалось тамошнимъ общинамъ: посторонніе владѣльцы сохранили свои земли и архаическую форму своего владѣнія ими. Такъ какъ извѣстно, что эти земли были пріобрѣтены по купчимъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, то очень можетъ быть, что наличность купчихъ крѣпостей облегчила потерпѣвшимъ скоро и безъ особенныхъ хлопотъ возстановить свои права. Далѣе 73 общины [1]), размѣщенныя въ 12 волостяхъ, мы считаемъ однодворческими, сидѣвшими нѣкогда на четвертяхъ. О многихъ, какъ сказано, есть прямыя свѣдѣнія на счетъ этого, но многія мы причислили къ этой категоріи по особымъ предположеніямъ, а именно: по крупному земельному надѣленію, по названіямъ селеній, указывающимъ на фамиліи однодворцевъ и по неравномѣрности усадебъ. Послѣднее послужило основаніемъ для нашей классификаціи на томъ простомъ основаніи, что очень часто въ другихъ мѣстностяхъ усадьбы у бывшихъ четвертныхъ владѣльцевъ при переходѣ на души остались по старинѣ, по четвертямъ. Очень ужъ было рискованно посягать на усадьбы широкодачниковъ при переходахъ на души, а съ дру-

---

[1]) Считая здѣсь Бычки и Ряжское.

гой стороны часто и малоземельные имѣли сравнительно большія усадьбы, отведенныя изъ выгона по приговору міра. Въ Корочанскомъ уѣздѣ до сихъ поръ есть цѣлыя области нетронувшія усадебъ. О трехъ волостяхъ Тамбовскаго уѣзда мы прямо знаемъ, что усадьбы неуравнены (Лысогорская, Чернянская и Пригородняя) и о двухъ (Кочетовской и Митропольской) извѣстно наоборотъ, что усадьбы всячески уравниваются при каждомъ передѣлѣ. О двухъ послѣднихъ волостяхъ другія данныя даютъ намеки на то, что это далеко не однодворческія волости, а вѣрнѣе всего экономическія. О двухъ первыхъ, наоборотъ, по аналогіи уже съ Пригородней волостью, сплошь заселенной служилыми по прибору, надо дать заключеніе, что онѣ сидѣли нѣкогда на четвертяхъ. Пригородненскую волость, какъ населенную служилыми по прибору, мы выдѣляемъ въ особую группу, о чемъ ниже. Не вводимъ въ число 73 общинъ селеній б. государственныхъ крестьянъ слѣдующихъ волостей: Сампурской (3), Перексинской (4), Васильевской (7 об.), Марѳинской, Пичерской, Княже-Богородской (по 2 об.) и Куньевской, Ивановской и Кашеневской (по 1 об.) на томъ основаніи, что положительно нѣтъ о нихъ никакихъ данныхъ, даже сомнительныхъ. Правда, что въ нашу группу могли попасть не однодворцы, но подавляющее большинство несомнѣнно принадлежитъ къ однодворческому сословію. Въ четвертую группу мы относимъ 16 общинъ расположенныхъ вокругъ города и носящихъ специфическія названія по роду оружія, носимому когда-то населеніемъ; сюда относятся Бѣломѣстная Двойня, Бѣломѣстная, Лысыя Горы тожъ, Пушкарско-однодворческая слобода, Стрѣлецко-однодворческая, Солдатская (Старожилъ), Кріуша Бѣломѣстная, Полковая свобода, Донская, Солдатское, Семени тожъ, Солдатская Духовка и весьма рѣдкое названіе *Иноземческая* Духовка. Во всѣхъ этихъ общинахъ насчитывается 5.459 дворовъ, 18.368 мужчинъ и 18.324 женщины. Но эту группу, какъ находившуюся подъ вліяніемъ города, мы можемъ игнорировать и разберемъ данныя только трехъ первыхъ группъ. Данныя эти подобно тому, какъ и раньше, мы приведемъ здѣсь только въ процентахъ и среднихъ.

Группы.	Средній размѣръ семьи.	На 100 мужч. приход. женщ.	Землевлад. на дворъ.	Землевлад. на душу.	% безъ хоз.	% безлошад.
12 общинъ четвертныхъ (275 дв.). .	6,4	96,4	14,5	4,4	11,3	21,1
7 общинъ съ остаткамм четвертного владѣнія (1.358)	7,1	97,7	9,6	2,6	10,5	24,4
73 общины душевыхъ, бывшихъ нѣкогда четвертными (10.151) . .	7,1	100,6	11,4	3,2	12,3	17,8
Среднее для госуд. крестьянъ Тамбовск. уѣзда	7,0	100,4	11,7	3,3	13,7	20,5

Эти среднія не даютъ намъ рѣзкой разницы, что вѣроятно объясняется малымъ количествомъ дворовъ съ четвертнымъ землевладѣніемъ. Но и о Тамбовскомъ уѣздѣ намъ придется повторить почти то же, что и объ Елатомскомъ: и здѣсь большія семьи наблюдаются у душевыхъ владѣльцевъ, та же аномалія въ соотношеніи половъ, такое же отсутствіе связи размѣровъ землевладѣнія съ размѣрами другихъ экономическихъ показателей. Только % безлошадныхъ во второй группѣ и % безхозяйныхъ въ третьихъ какъ бы нарушаютъ правильное сопутствіе этихъ отношеній.

Въ сосѣднемъ Кирсановскомъ уѣздѣ, мы почти не находимъ четвертныхъ земель—ихъ тамъ ровно одинъ процентъ: 1600 дес. на 1.600.000. С. Камушло лѣтъ за 30 до переписи (1884) перешло на души, но около половины домохозяевъ не согласилось и такимъ образомъ произошло двѣ общины. Затѣмъ въ трехъ общинахъ мы видимъ только слѣды, при чемъ въ двухъ случаяхъ четвертная земля лежитъ въ предѣлахъ Тамбовскаго уѣзда, что надо понимать такъ: насельники Тамбовскаго уѣзда двигались на востокъ въ предѣлы Кирсановскаго и поселяясь здѣсь сохраняли за собой земли на старыхъ мѣстахъ. Изслѣдователи ничего не говорятъ о времени заселенія Кирсановскаго уѣзда, мы думаемъ, что онъ сталъ заселяться никакъ не раньше послѣдней четверти XVII вѣка. Сюда шли рабовладѣльцы съ своими рабами, шли конечно и служилые люди молодчихъ статей, но врядъ ли они могли здѣсь удержаться въ большомъ количествѣ: правительству не было никакой надобности, чтобы они селились именно здѣсь: главная переселенческая волна была имъ направлена на югъ, а не въ Кирсановскій уѣздъ. Въ началѣ XVIII вѣка сюда по всей вѣроятности направились всѣ тѣ «поспѣвшіе въ службу» однодворцы, о которыхъ перестали заботиться при Петрѣ и которые поэтому сами искали себѣ новыхъ земель. Самовольное поселеніе безъ дачъ не могло въ послѣдствіи не отразиться на ускореніи перехода съ четвертей на души. Изслѣдователи во всемъ уѣздѣ нашли всего одинъ случай такого перехода... но я спрашиваю, какъ установилась душевая форма въ такихъ селеніяхъ, какъ д. Солдатчина (94 дв.), с. Вышенка (491 дв.), Рудовка (762) Осиновые Гаи (399)? Неужели они образовались столь поздно, когда поселенцамъ отводилась земля на ревизскія души? Если про другія селенія можно думать, что они бывшія монастырскія, то про многія этого сказать нельзя. А разъ это были однодворческія поселенія, то интересно было бы знать, съ какого времени установилось у нихъ душевое владѣніе; но этого изъ Кирсановскаго сборника мы не узнаемъ.

Совсѣмъ другое надо сказать о Лебедянскомъ сборникѣ: по богатству свѣдѣній, въ немъ заключающихся, надо признать его лучшей работой тамбовскихъ изслѣдователей, хотя и въ немъ все дѣло испорчено крайне сбивчивой, если не сказать безтолковой, регистраціей собранныхъ данныхъ.

Мы уже упомянули, что тамбовскіе изслѣдователи не признаютъ научности и практичности составного термина «душево-четвертное владѣніе», они замѣняютъ его словомъ «смѣшанное», что вполнѣ выражаетъ только путаницу принятой ими регистраціи, но отнюдь не опредѣляетъ формы владѣнія, о которой идетъ рѣчь. Благодаря этому «смѣшенію» получается подчасъ весьма много курьезовъ и нѣкоторые изъ нихъ, проведенные до крайнихъ предѣловъ, доходятъ до абсурда. Селенія, въ коихъ часть хозяевъ владѣетъ землей на четвертномъ правѣ, большинство же давно перешло на души—тамбовскіе регистраторы подсчитываютъ въ особый разрядъ подъ названіемъ «б. государственныхъ крестьянъ со смѣшаннымъ владѣніемъ». Мы сейчасъ увидимъ, что этотъ терминъ ровно ничего не выражаетъ. Не говоримъ уже про то, что никто, ни крестьяне, ни оффиціальное законодательство, ни работы другихъ земскихъ изслѣдователей не употребляютъ такого термина ни въ какомъ смыслѣ, но и сами тамбовскіе регистраторы употребляютъ его въ разныхъ смыслахъ и въ этомъ кроется конечно главное ихъ бѣдствіе. Вотъ нѣсколько типичныхъ примѣровъ, такой неудачной регистраціи. С. Шовское той же волости (стр. 62 [1]) имѣющее 218 дворовъ обладаетъ 2.049,1 десятинами душевой земли и всего 1,8 дес. четвертной! Очевидно эта четвертная земля находится у одного двора, много у двухъ, досталась по наслѣдству или пришла, какъ приданое, вообще находится въ чужой дачѣ. Но за это все село попало у регистраторовъ въ разрядъ смѣшаннаго владѣнія: тутъ оно сосчитано съ другими разрядами, хотя слѣдовало сосчитать его ради точности и сравнимости съ душевыми, и ради того же слѣдовало выдѣлить этотъ дворъ въ особую строку и подсчитать ее съ душево-четвертными, если дворъ владѣетъ душевымъ надѣломъ, а если не владѣетъ—съ четвертными. Этотъ пріемъ регистраціи съ легкой руки рязанскихъ изслѣдователей примѣняется буквально во всѣхъ земско-статистическихъ работахъ еще съ 1883 года, Лебедянскій же уѣздъ былъ изданъ въ 1886 году, хотя изслѣдованъ раньше. И приведенный случай къ сожалѣнію не единственный. Въ слободѣ Стрѣлецкой 492 двора имѣютъ 4.221 дес. душевой земли и 18 дес. четвертной (стр. 10), д. Филатовка, Добринской вол. (стр. 94), на 1.127,4 дес. душевой земли имѣетъ всего 3,7 дес. четвертной; сами изслѣдователи пишутъ «только за даннымъ хозяиномъ числится родовой участокъ» (стр. 16). Въ с. Кривцѣ, Борисовской вол. (стр. 82), на 2.237,2 душ. земли 28,6 четвертной, въ Замартыньи, Добринской вол. (стр. 90) на 4177,3 душевой—30,8 четвертной. Въ с. Черепяни, той же волости (стр. 38) изъ 264 домохозяевъ, обладающихъ душевой землей въ размѣрѣ 2792,8 дес. у одиннадцати имѣется 31 дес. чет-

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. XI, помѣщенныя ниже въ скобкахъ страницы относятся именно къ этому тому.

вертной земли. Въ В. Брусланової, перешедшей съ четвертей на души лѣтъ 30 назадъ, остались слѣды прежней формы владѣнія; при составленіи владѣнныхъ записей (1868), эти слѣды выражались въ томъ, что 8 хозяевъ въ трехъ разныхъ, но чужихъ дачахъ, а не въ дачѣ д. Брусланової владѣли 69 десятинами четвертной земли (стр. 14). Есть болѣе крупныя отношенія: напр. въ д. Скороваровой, состоящей изъ 84 хозяевъ, сидящихъ на 558 дес. душевой земли, пятеро хозяевъ въ д. Бредихиной имѣютъ 53 дес. четвертной земли (стр. 2); въ с. Покровскомъ, Поповской вол. (стр. 42), на $893,_4$ душевой приходится 95 дес. четвертной земли; тоже въ д. Гребенкиной изъ 40 хозяевъ у 17 имѣется 117_9, дес. четвертной земли и всего 344 душевой и т. д. Очевидно, въ виду ясности, не надо было ихъ «смѣшивать», а наоборотъ всячески постараться раздѣлить. Есть примѣры, какъ разъ противоположные; общины завѣдомо четвертныя съ громаднымъ преобладаніемъ четвертной земли вмѣсто того, чтобы попасть въ свой разрядъ, попали въ разрядъ «смѣшанныхъ». Такъ, с. Слободка той же волости (стр. 26) имѣетъ 123 двора, 1.684 дес. четвертной земли и всего 7 десятинъ душевой! Такъ, какъ въ этомъ селѣ 365 надѣльныхъ душъ, то считая даже, что эта душевая земля нарѣзана всего на 60 саженъ длинку, мы получимъ на одну душу $\frac{280}{365}$, то-есть около трехъ четвертей сажени на душу. Ну, какъ угодно, а такими узкими полосочками при явномъ изобиліи земли ($13^1/_2$ дес. на дворъ) однодворцы заниматься не станутъ. Просто-на-просто эти семь десятинъ составляютъ такъ называемую оптину, образовавшуюся отъ какой-нибудь обычной причины; по владѣнной записи она записана за цѣлымъ міромъ и вотъ изслѣдователи, не распросивъ, какъ пользуется ею міръ, вообразили, что она дѣлится на души. Въ другомъ мѣстѣ въ с. Кураповѣ, Черепянской вол. (стр. 38) мы видимъ у 29 дворовъ $427,_4$ четвертной земли и $26,_2$ душевой: и здѣсь надо доказать, что это именно душевая земля; очень можетъ быть, что это такъ называемая «дворовая» земля (по десятинѣ на дворъ). Собственно говоря почти въ каждомъ четвертномъ селеніи есть мірская, общественная земля, такъ и записанная по владѣнной: таковы всѣ выгоны, оптины въ другихъ угодьяхъ, выморочные участки и проч. Тамбовскіе изслѣдователи умалчиваютъ о нихъ, но въ двухъ приведенныхъ случаяхъ проговорились и крайне неудачно. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, а таковыхъ болѣе 20, тамбовскіе регистраторы или имѣли дѣло съ душево-четвертными владѣльцами или двѣ различныя общины считали за одну. Душево-четвертнымъ владѣльцемъ считается тотъ, кто сверхъ четвертной земли имѣетъ и душевую; такъ обстоитъ дѣло между прочимъ въ с. Панинѣ и сл. Пушкарной Добринской волости (стр. 90 и 94): здѣсь искони владѣли по четвертямъ, но въ началѣ 60 гг. выморочныя и переселенскія земли были раздѣлены міромъ на души, а въ Панинѣ даже покосъ (стр. 16). Но эта форма вне-

сена въ Лебедянскомъ сборникѣ въ одну категорію съ тѣми селеніями, которыя разбились на двѣ общины послѣ потрясенія при переходѣ съ четвертей на души. Для примѣра посмотримъ, какая форма получилась въ такихъ селеніяхъ. Въ с. Тепломъ, Куйманской вол. (стр. 98), переходъ съ четвертей на души произошелъ въ 1854 году (стр. 14), однако, нѣкоторая часть (нынѣ 20 дворовъ) не присоединилась къ подушной разверсткѣ и по суду возвратила свою четвертную землю въ количествѣ 398,1 десятинъ. Всѣхъ дворовъ въ этомъ «смѣшанномъ» селеніи 190. Къ кому предъявлялся искъ? конечно къ Теплинскому обществу, которое нарушило право четвертниковъ приговоромъ своимъ, подписаннымъ пусть даже двумя третями, но сколькихъ домохозяевъ? Конечно 170, ибо 20 выдѣлились въ особую самостоятельную единицу — общество четвертныхъ владѣльцевъ— оные могли вести дѣло въ судѣ не каждый за себя единолично, а цѣлымъ міромъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ напр. въ с. Большомъ Хомутцѣ (стр. 16), четвертная и душевая половина селенія сначала владѣли черезполосно, но передъ выдачей владѣнной записи «развелись» землею, значитъ окончательно обособилась каждая община: навѣрно скотъ четвертниковъ послѣ этого уже не будетъ пущенъ на землю душевиковъ. То же самое было и въ с. Каликинѣ и другихъ. Но мало этого, въ Лебедянскомъ уѣздѣ нѣсколько селеній благодаря лѣсу, отведенному подъ распашку на души, разбились на двѣ общины не съ четвертной и душевой формой, а съ душево-четвертной и душевой; таковы с. Гудово, слоб. Чудовская, Лебяжье, Чечоры, Борисовка, Литовка и друг. Отсюда видно, какую пеструю «смѣсь» представляетъ изъ себя тотъ разрядъ государственныхъ крестьянъ, который лебедянскіе регистраторы называютъ «смѣшаннымъ владѣніемъ». И составители сборника сами чувствовали, что глубоко ошибаются, что критерій, избранный ими для отнесенія селеній къ той или другой формѣ, слишкомъ произволенъ, сбивчивъ, ненаученъ. И не думайте, что эта сбивчивость присуща только этому разряду: къ сожалѣнію не хватило даже послѣдовательности, ибо и въ разрядъ душевыхъ попали такіе, которые должны были попасть въ разрядъ смѣшанныхъ. Про д. Медвѣдеву душевую, (есть особо и четвертная, значитъ здѣсь игнорировалось прежнее правило считать за одну общину селенія перешедшія съ четвертей на души не полностью) лебедянскіе изслѣдователи пишутъ (стр. 26): «пахатная земля душевая, луговая же и лѣсная по четвертямъ, хотя по владѣнной записи вся земля показана въ общинномъ владѣніи». Мало ли, что писано во владѣнныхъ—дѣло изслѣдователей установить ту форму владѣнія, которая существуетъ у крестьянъ, а не ту, которая изображена на бумагѣ — это можно сдѣлать и не предпринимая мѣстнаго изслѣдованія, а лишь потребовавши къ себѣ въ кабинетъ владѣнныя записи.

Отреченіе отъ основнаго правила надо видѣть и въ регистраціи еще

трехъ общинъ Стар. и Нов. Ракитни. Лѣтъ 30—40 назадъ Нов. Ракитня отдѣлилась отъ Старой и мало того выдѣлила изъ себя до $^2/_3$ четвернико въ; послѣдніе зарегистрированы въ особую общину, зачѣмъ бы казалось; но часть, оставшаяся въ Стар. Ракитнѣ на четвертяхъ, сосчитана вмѣстѣ съ душевыми и община трактуется, какъ смѣшанная. Воистину во всей Лебедянской регистраціи произошло смѣшеніе языковъ и вотъ почему для пользованія матеріаломъ, помѣщеннымъ въ Лебедянскомъ сборникѣ, надо весь его переработать, къ чему мы и приступаемъ [1]).

Само собой понятно, что для полнаго исправленія регистраціи Лебедянскаго сборника нужно поднять вновь перепись, и тамъ, гдѣ допущены вышеприведенныя ошибки, произвести заново подсчетъ, чего я конечно сдѣлать не имѣю никакой возможности. Все, что въ силихъ я сдѣлать въ данномъ случаѣ, сводится къ тому, что съ помощью разбросанныхъ по сборнику указаній расгруппировать общины на общепринятыя разряды и затѣмъ подвергнуть разнымъ статистическимъ манипуляціямъ цифровой матеріалъ. При этомъ конечно часть селеній, за отсутствіемъ какихъ-либо указаній и даже намековъ, должна составить, такъ сказать, испорченную группу, то-есть группу со «смѣшаннымъ» владѣніемъ. Для того, чтобы дать возможность провѣрить такую группировку помѣщаются не только среднія и проценты, но и абсолютныя цифры.

Всѣхъ общинъ бывшихъ госуд. крестьянъ, не считая сданныхъ въ казну отъ мелкопомѣстныхъ, въ Лебедянскомъ уѣздѣ, можно насчитать по принятой въ сборникѣ регистраціи ровно сто [2]): именно, 35 душевыхъ, 38 смѣшанныхъ и 27 четвертныхъ. Но нужно держаться иного счета. Изъ 35 душевыхъ общинъ надо исключить д. Медвѣдеву, про которую мы уже сказали выше, ибо она имѣетъ душево-четвертную форму.

Далѣе, изъ числа смѣшанныхъ надо присоединить прямо безъ оговорокъ къ душевымъ общинамъ тѣ, въ коихъ четвертныя земли не составляютъ даже одного—двухъ процентовъ къ душевой землѣ. Дѣлаемъ это потому, что присутствіе въ такой дозѣ четвертныхъ земель ничѣмъ не отра-

[1]) Географическое Общество, разбирая нашъ другой трудъ (Сводный статистич. сборникъ по земскимъ переписямъ, М. 1893 г.) упрекало насъ якобы за пристрастное выдѣленіе поразрядной по Тамбовской губерніи въ особую таблицу. Такой упрекъ почтеннаго Общества, въ виду фактически подтвержденной здѣсь путаницы въ тамбовскихъ поразрядныхъ, неосновательенъ; не придирки съ моей стороны, а горькое разочарованіе заставило меня не только выдѣлить въ сводномъ сборникѣ тамбовскую поразрядную, но и отказаться подсчитать четвертное владѣніе другихъ губерній самостоятельнымъ разрядомъ. Скажу прямо, что путаница въ разрядахъ по Тамбовской губерніи, и лишь отчасти по Воронежской, не дала мнѣ возможности тогда выдѣлить четвертныхъ однодворцевъ въ особую группу. Какое здѣсь могло быть пристрастіе съ моей стороны—предоставляю доказывать Географическому Обществу.

[2]) На 5 страницѣ сборника составители считаютъ всего 95 общинъ; я рѣшительно отказываюсь объяснить этотъ счетъ.

жается на правовыхъ воззрѣніяхъ и хозяйствѣ всей общины, и если на хозяйствѣ дворовъ, имѣющихъ такую землю, вліяніе ея сказывается, то въ общей массѣ такіе дворы не могутъ вліять на среднія для всей общины. Такихъ общинъ въ числѣ смѣшанныхъ насчитывается шесть, а именно: с. Шевское, Филатовка, Стрѣлецкая, Кривецъ, Черепянь и Замартынье. Итого душевыхъ общинъ 40. Изъ нихъ двѣ общины, сл. Подмонастырная и Густенскій Отвершекъ съ с. Крутымъ, принадлежатъ завѣдомо къ бывшимъ экономическимъ; о 15 общинахъ прямо сказано, что нѣкогда были четвертными, и о 17 ничего не сказано, такъ что причислить ихъ къ однодворческимъ селеніямъ можно лишь съ оговоркой [1]).

Къ четвертнымъ общинамъ также безъ оговорокъ надо отнести помянутыя выше Слободку и Курапово, всего будетъ 29. Остальныя смѣшанныя 30 общинъ распредѣлятся такъ: 9 общинъ душево-четвертныхъ, въ этихъ общинахъ всѣ домохозяева владѣютъ сверхъ четвертной земли и душевою, таковы: Гололобовка, Пятницкой волости (стр. 46), сл. Пушкарная, Панино и Богородское, Добринской, д. М. Иншакова, Черепянской, д. Крутая и Стар. Ракитня, Пригородней вол. (стр. 10), помянутая Медвѣдевка, перечисляемая изъ душевыхъ, и сложная община Старый и Нов. Копылъ съ Бродовкой, Слободской вол. (стр. 26). Далѣе мы имѣемъ 10 такихъ общинъ, которыя перешли съ четвертей на души въ своихъ дачахъ, но нѣкоторая часть ихъ хозяевъ продолжаетъ владѣть и четвертною землею, однако въ чужихъ дачахъ; мы не имѣемъ возможности выдѣлить такихъ хозяевъ изъ общей массы, но, собственно говоря, они подлежатъ такому выдѣлу и выдѣленная часть является почасту самостоятельной душево-четвертной общиной. Такимъ образомъ въ этой группѣ надо считать удвоенное число общинъ—не 10, а 20. Сюда вошли с. Покровское съ Ниж. Брусланової и с. Бол. Попова той же волости (стр. 42), с. Мокрое, Пятницкой вол. (стр.), д. Выш. Брусланова, Ищеинской вол. (стр. 14), с. Мал. Хомутецъ и с. Махоново, Добринской вол. (стр. 80), д. Фурсово Верхъ-Пригородной вол. (стр. 10), д. Отскочный Верхъ, Сезенобской вол. (стр. 78), с. Красное и д. Скороварова, Буды тожъ, Красинской вол. (стр. 2). Затѣмъ остается 12 селеній такихъ, въ коихъ при переходѣ съ четвертей на души часть селенія отдѣлилась въ особую общину: это раздѣленіе въ результатѣ дало въ 4 случаяхъ душевую и четвертную общину, въ 7 случаяхъ — душевую и душево-четвертную и въ одномъ случаѣ (с. Теплое) дало три формы. Въ этомъ селѣ Тепломъ изъ 190 дворовъ мы видимъ 7 дворовъ, имѣющихъ только четвертную землю, 11 дворовъ—четвертную съ душевой и 172 дв.—одну душевую. Въ другихъ селеніяхъ этого порядка

[1]) Про 6 общинъ Куйманской волости въ сборникѣ сдѣлано предположеніе (16 стр.), что „можетъ быть и онѣ были четвертными“, однакожѣ, за неимѣніемъ положительныхъ указаній, мы сносимъ ихъ въ эту группу.

количество оставшихся на четвертяхъ домохозяевъ представляетсл довольно значительнымъ: такъ, въ д. М. Поповой ихъ одна треть. Но точно опредѣлить ихъ мы конечно не имѣемъ возможности. Такъ какъ въ каждомъ такомъ селеніи мы видимъ двѣ общины, а иногда даже три, то всего такихъ общинъ будетъ не 12, а 25 [1]).

Разобравшись такимъ путемъ со всѣми общинами Лебедянскаго уѣзда, мы можемъ ихъ расположить по группамъ: въ основаніе этой группировки ляжетъ постепенное развитіе идеи поравненія, отчего получится слѣдующая послѣдовательность:

1) Общинъ четвертныхъ	29		
2) Общинъ четвертныхъ, отдѣлившихся во время перехода на души	5		34
3) Общинъ душево-четвертныхъ	9		
4) Общинъ также душево-четвертныхъ, но отдѣлившихся при окончательномъ переходѣ на души	8		27
5) Общинъ, перешедшихъ съ четвертей на души, но сохранившихъ въ нѣкоторыхъ дворахъ четвертныя земли въ чужихъ дачахъ	20		
6) Общинъ душевыхъ, выдѣлившихъ изъ себя при переходѣ на души четвертную общину . .	4		
7) Тоже, выдѣлившихъ душево-четвертную общину	7	1. (с. Теплое)	
8) Общинъ душевыхъ (бывшихъ четвертными), сохранившихъ слѣды четвертного владѣнія . .	6		60
9) Общинъ душевыхъ, бывшихъ четвертными	15		
10) Общинъ душевыхъ, о коихъ прямо не сказано, что были четвертными	17		
11) Общинъ душевыхъ, завѣдомо не бывшихъ четвертными	2		2
Итого по уѣзду	123	общины	123

Такимъ образомъ сбивчивая регистрація, принятая составителями Лебедянскаго сборника, отразилась прежде всего на искусственномъ уменьшеніи числа общинъ. Мы расположили наши мелкія группы по степени развитости принципа поравненія. Уже изъ этихъ цифръ видно, что борьба за поравненіе въ Лебедянскомъ уѣздѣ шла не легко, а съ большими натугами. Душевая форма окончательно и полностью установилась лишь

[1]) Сюда входятъ слѣдующія селенія съ отдѣлившимися четвертными: Спасская слобода села Добраго (стр. 90), с. Волчье Каликинской вол. (стр. 86), с. Бол. Избищи (стр. 70) и д. Гребенкина Ищеинской вол. (стр. 14); съ отдѣлившимися душево-четвертными: Борисовка съ Липовкой, Лебяжье съ Чечорами и Большой Хомутецъ Борисовской вол. (стр. 82), Каликино и Гудово (стр. 86), Чудовская слобода села Добраго (стр. 90) и М. Попова. Съ тремя формами с. Теплое.

въ 31 общинѣ, если допустимъ, что 16 общинъ 10-й группы также были нѣкогда четвертными. Затѣмъ въ 28 остальныхъ душевыхъ общинахъ борьба за переходъ на души шла не такъ-то удачно: въ однихъ случаяхъ остались слѣды четвертного владѣнія, какъ жалкое исключеніе; въ другихъ пришлось прежней общинѣ расколоться на двѣ части, иногда почти на равныя; въ третьихъ наконецъ, покончивши дома съ четвертнымъ владѣніемъ, приверженцы поравненія продолжали культивировать его въ сосѣднихъ деревняхъ: ибо оберегая свои права на четвертныя земли, въ чужихъ дачахъ лежащія, эти душевики такъ или иначе поддерживали въ тѣхъ дачахъ ту часть селенія, которая боролась за сохраненіе прежней формы, то-есть четвертниковъ [1]). Что переходъ съ четвертей на души совершался не сразу, а постепенно, путемъ медленной выработки юридическихъ представленій и съ помощью долгой и упорной борьбы за осуществленіе этихъ представленій, видно изъ той массы душево-четвертныхъ общинъ, какая наблюдается въ Лебедянскомъ уѣздѣ: онѣ составляютъ около четверти всѣхъ общинъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь 4-я группа. По ней можно также судить о постепенности переходовъ съ четвертей на души, но не надо думать, что исторія этой формы владѣнія всюду слагалась по одному правилу; наоборотъ, мы наблюдаемъ здѣсь два разныхъ явленія: въ однихъ случаяхъ душево-четвертная форма установилась во всемъ селеніи до перехода на души и стало быть до распаденія большой общины на двѣ; въ другихъ душево-четвертная форма установилась уже позже главнаго перехода, это случалось (напр. въ Борисовской волости) тамъ, гдѣ оказывалась мірская земля, раньше не подвергавшаяся раздѣлу. Чаще всего это былъ лѣсъ, отводимый казной, такъ называемый «продовольственный». Казна имѣла дѣло при этомъ не съ двумя земельными общинами, а съ единымъ административнымъ обществомъ и отводила ему лѣсъ по числу ревизскихъ душъ. Такое внѣшнее воздѣйствіе создавало изъ выдѣлившихся четвертниковъ душево-четвертныхъ владѣльцевъ и тѣмъ способствовало развитію идей поравненія. Съ другой стороны, и это въ высшей степени важно, установленіе такой общей, мірской земли для двухъ распавшихся общинъ какъ бы вновь объединяло ихъ въ единую общину. Такое объединеніе можетъ быть многообъемлющимъ: оно можетъ охватить не только двѣ общины, но цѣлую волость, даже уѣздъ: «а въ лѣсъ селидебной (имя рекъ) въѣзжати имъ со всѣми уѣздными людьми вопче»... Но установленіе такого института все еще не даетъ намъ основанія считать такія общины за одну, ибо для правильной регистраціи статистическаго матеріала совершенно

[1]) Но иногда это не препятствовало все-таки переходу на души: такъ, д. Скороварова владѣетъ 53 д. четв. земли, въ дачѣ д. Бредихиной, которая несмотря на это все-таки перешла на души. То же въ д. Машениной, но больше нѣтъ примѣровъ.

резонно было принято за основаніе не внутреннее состояніе общины, ея эволюціонная ступень, а чисто внѣшній признакъ—форма владѣнія (съ технической точки зрѣнія разверстки земли). Правда, эта форма почти безошибочно свидѣтельствуетъ намъ о той или другой ступени развитія данной общины, но за то она и избрана главнымъ, отличительнымъ признакомъ. Смѣшивать, не разбираться, не понимать этихъ признаковъ—значитъ путать цифры, нарушать логическіе постулаты регистраціи.

Мелкая группировка неудобна вообще при печатаніи статистическихъ матеріаловъ: это вполнѣ доказали, такъ называемыя, комбинаціонныя таблицы таврическихъ и воронежскихъ сборниковъ; но при разработкѣ матеріаловъ безъ мелкой группировки невозможно прослѣдить данное явленіе въ желаемой мѣрѣ. Однакоже надо помнить, что такая детальная разработка сырья должна быть направлена къ извѣстной цѣли самимъ изслѣдователемъ, а не тѣми лицами, кто вынужденъ будетъ пользоваться сырымъ матеріаломъ, какъ основными статистическими данными. Про это забыли издатели комбинаціонныхъ таблицъ, и, изучая изданныя ими таблицы, невольно задаешь себѣ вопросъ: какую же цѣль преслѣдовалъ авторъ, что онъ хотѣлъ сказать и доказать, приводя эти нескончаемыя цифры по группамъ, наприм., семей, нанимающихъ работниковъ, etc.? Не навязываемъ и мы своей мелкой группировки лебедянскихъ общинъ: мы ею воспользовались лишь затѣмъ, чтобы воочію доказать, какъ шла борьба за поравненіе въ этомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Въ видахъ сравнимости съ другими мѣстностями мы приводимъ обычную, болѣе крупную группировку на три формы однодворческаго землевладѣнія и изъ нея мы видимъ (игнорируя вовсе 3 общины монастырскихъ крестьянъ), что въ Лебедянскомъ уѣздѣ въ годъ переписи (1883) было не 100 общинъ государственныхъ крестьянъ, а 121, при чемъ по формамъ владѣнія онѣ распредѣлялись такъ: 34, или $28{,}_{1}\%$ общинъ четвертныхъ, 27, или $22{,}_{3}\%$, душево-четвертныхъ и 59, или $49{,}_{6}\%$, душевыхъ.

Намъ остается по возможности приблизиться къ требованіямъ общепринятой регистраціи и для этого, держась своей детальной группировки, подсчитаемъ основныя данныя объ однодворцахъ Лебедянскаго уѣзда. Намъ не удастся, конечно, произвести подсчетъ отдѣльно для 2, 4, 6 и 7-й группъ, такъ какъ раздвоившіяся, потрясенныя при переходѣ на души общины сосчитаны въ сборникѣ вмѣстѣ,—безъ различія четвертныхъ дворовъ отъ душевыхъ; все, что доступно намъ—это распредѣлить ихъ попарно: вторую группу съ 6-й, а 4 съ 7-й. Послѣ этого у насъ получится всего 8 группъ, которыя мы и расположимъ по мѣрѣ постепеннаго перехода четвертного владѣнія въ душевое: въ этомъ отношеніи лебедянскія данныя представляютъ намъ рельефную картину, ради чего помѣщаемъ не только среднія, но и абсолютныя цифры.

Группы однодворцевъ Лебедянскаго уѣзда.	Число общинъ.	Средній размѣръ первоначальной общины (дворовъ).	Населеніе по переписи 1883 г.			% прироста муж. населенія.	На 100 мужчинъ сколько женщинъ.	Земли десятинъ.		Среднее земли.		Земли на одну первоначальную общину до перехода.	% дворовъ безхозяйныхъ.	% дворовъ безлошадныхъ.
			Дворовъ.	Душъ мужского пола.	Душъ женскаго пола.			Душевой.	Четвертной.	Надворъ.	На налич. душ м. п.			
1) Четвертные	29	57,3	1662	5464	5567	20,9 [2]	101,9	—	22301,1 [4]	13,4	4,0	769,0	8,4	24,3
2) Душево-четвертные. . .	9	99,3	894	2895	3050	14,3 [3]	105,3	3715,1	6671,7	11,6	3,6	1154,1	12,8	31.0
3) При переходѣ на души образовавшіе четвертныя общины	10	190,0	950	3248	3201	23,3	98,5	8690,6	3380,9	12,7	3,7	2454,2	15,5	21,7
4) При переходѣ на души образовавшіе душево-четвертныя общины.	14	334,0	2338	8053	8271	26,7	102,7	22674	13078,1	15,2 [5]	4,4	5107,4	11,8	19,5
5) Душевые, сохранившіе въ чужихъ дачахъ четвертную землю	20	107,3	1073	3425	3637	33,5	106,2	10471,4	604,0	10,3	3,2	1107,5	8,9	28,8
6) Душевые, сохранившіе слѣды четвертного владѣнія.	6	264,8	1589	5345	5368	30,7	100,4	17189,9	111,6	10,9	3,2	2883,6	9,6	31,8
7) Душевые, бывшіе четвертными	15	140,0	2101	6774	6956	29,2	102,6	23293,5	—	11,0	3,4	1555,0	8,7	30,0
8) Душевые, вѣроятно бывшіе четвертными	18	168,4	2897	9523	9772	30,5	102,6	31806,0	—	11,2	3,3	1871,0	9,0	20,2
Итого однодворцевъ по Лебедянскому уѣзду.	120 [1]	137,1	13434	44728	45822	28,0	102,4	117840,9	46147,4	12,2	3,6	1366,5	10,2	24,9

[1]) Здѣсь общинъ на одну менѣе, ибо с. Теплое пришлось подсчитать въ одной, именно 3-й, группѣ. [2]) Въ 5 общинахъ свѣдѣній о ревиз. населеніе нѣтъ, почему и % прироста высчитанъ за ихъ исключеніемъ. [3]) При вычисленіи процента пришлось выкинуть одну общину, такъ какъ ревизскія души ея показаны вмѣстѣ съ четвертными. [4]) Противъ сборника сюда внесено 610,5 дес. по Новой Ракитнѣ, которая подсчитана въ сборникѣ въ разрядѣ смѣшанныхъ, и 967 дес. въ д. Яковлевой безоброчной земли, которую нѣтъ никакихъ основаній не считать надѣльной. [5]) Въ этомъ разрядѣ присутствіе продовольственнаго лѣса сильно отразилось на среднихъ; за вычетомъ лѣса слѣдуетъ считать 12,3 и 3,5, а на 1 общину 4097,4 дес. Объ этомъ см. ниже.

Посмотримъ прежде всего, нѣтъ ли какой связи между размѣрами общинъ и установленіемъ той или другой формы землевладѣнія. Для этого къ нашимъ услугамъ два ряда среднихъ: 1) среднее число дворовъ на одну (первоначальную) общину и 2) средняя величина ея земельной дачи. Мы не безъ основаній всюду беремъ среднее дворовъ, а не душъ, ибо приговоры о землепользованіи задаются домохозяевами; и хотя переходные приговоры задавались уже давно, тѣмъ не менѣе среднее, выведенное по современному числу дворовъ, не теряетъ значенія съ точки зрѣнія, конечно, сравнимости. Всматриваясь во 2-ую графу таблицы, мы замѣчаемъ самый малый размѣръ общинъ (по числу дворовъ) у четвертныхъ владѣльцевъ: здѣсь едва набирается 57 дворовъ на общину. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія размѣровъ общинъ, уменьшаются относительные размѣры и четвертнаго владѣнія, то-есть чѣмъ крупнѣе селеніе, тѣмъ меньше мѣста въ немъ родовому принципу распредѣленія земли, тѣмъ больше выступаетъ принципъ сосѣдской уравнительной общины, и послѣдняя все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ сельскій міръ. Такъ, душево-четвертная форма установилась тамъ, гдѣ на общину приходится уже 99 дворовъ, и какъ только это среднее перешагнуло за сто, мы видимъ ясное преобладаніе душеваго, уравнительнаго распредѣленія надъ четвертнымъ, наслѣдственнымъ. При 140 дворахъ уже состоялись давнымъ давно переходы, а при 168 крестьянская память уже не сохраняетъ о нихъ почти никакихъ воспоминаній. Вовсе не въ противорѣчіи съ этимъ выводомъ стоятъ 3, 4 и 6-ая группы. Ихъ внушительные размѣры, какъ бы стоящіе внѣ среднихъ поуѣздныхъ, говорятъ намъ лишь о томъ, что и на нихъ отражается общій законъ. Въ самомъ дѣлѣ, при наименьшемъ изъ нихъ среднемъ въ 190 дворовъ, мы видимъ еще очень много четвертной земли (28%, графа 9-я). Эта земля остается въ распоряженіи особыхъ дворовъ, которые не участвуютъ въ душевой землѣ. При среднемъ въ 264 двора мы видимъ только жалкіе слѣды четвертнаго права: они едва выражаются десятыми долями процента Здѣсь душевое поравненіе почти всѣхъ охватило безповоротно. Четвертая группа, въ среднемъ превышающая всѣ остальныя, имѣя 334 двора на общину, собственно говоря, не имѣетъ уже ни одного четвертника: здѣсь каждый имѣетъ душевую землю, слѣдовательно на каждомъ такъ или иначе отражается принципъ поравненія.

Чрезмѣрная величина общинъ этой категоріи несомнѣнно должна была отразиться на историческомъ ходѣ борьбы за поравненіе, и мы это видимъ на крупнѣйшихъ общинахъ воочію: въ нихъ во всѣхъ борьба прошла съ громадными затрудненіями, повлекшими за собой распаденіе прежней общины на двѣ: одну молодую — душевую, другую старую — четвертную. Сила этого потрясенія во всѣхъ случаяхъ обусловлена была, конечно, громадностью этихъ единицъ: трудно было придти къ полному соглашенію,—

очень ужъ много отдѣльныхъ дворовъ имѣло діаметрально противоположные интересы. Это различіе въ интересахъ повлекло за собой выдѣленіе приверженцевъ старины въ особую общину, но всеобщность душеваго поравненія дѣйствовала все-таки такъ безпощадно и всесильно, что въ концѣ-концовъ эта-то самая громадность общинъ помогла вящему вкорененію уравнительнаго принципа [1]).

То же явленіе прослѣживается и на среднемъ размѣрѣ дачъ. И здѣсь, несмотря на большее надѣленіе четвертныхъ владѣльцевъ по сраненію съ другими группами, ихъ дачи едва достигаютъ 769 десятинъ, у душевочетвертныхъ уже нѣсколько больше, именно 1,154, у сохранившихъ четвертную землю въ чужихъ дачахъ—1,107 дес., а у перешедшихъ на души уже—1,555 дес. Въ 12 графѣ крупное отступленіе представляетъ лишь 4 группа образовавшихъ послѣ потрясенія душево-четвертныя и душевыя общины. Но отступленіе это объясняется благопріятною особенностью этихъ общинъ: онѣ, и только онѣ, получили продовольственный лѣсъ. Всего такого лѣса въ Лебедянскомъ уѣздѣ числится 7,845 десятинъ [2]); изъ этого количества на 4-ю нашу группу приходится 5,512 десятинъ, плюсъ еще 1,558,$_7$ дес., данныхъ казной особо подъ раскопку.

Благодаря этой случайности, мы имѣемъ на одну общину 5,107 десятинъ, а среднее надѣленіе на дворъ повышается до 15,$_2$, тогда какъ, собственно говоря, земли до момента потрясенія приходилось всего 12,$_3$ на дворъ. Итакъ, чѣмъ крупнѣй община, чѣмъ обширнѣй ея дача, тѣмъ скорѣй, раньше послѣдуетъ переходъ съ четвертей на души; если онъ не послѣдуетъ сразу, то тѣмъ больше вѣроятности, что болѣе крупная община, имѣющая и болѣе обширную дачу, распадется на двѣ скорѣе, чѣмъ болѣе мелкая. Здѣсь по Штейну можно усмотрѣть соціальный императивъ, таковой же можно видѣть и въ размѣрахъ надѣленія. Вглядѣвшись въ 10 и 11 графы нашей таблицы, мы найдемъ обратный выводъ, то-есть чѣмъ больше въ среднемъ земли приходится на дворъ или на душу, однимъ словомъ, чѣмъ больше надѣленіе, тѣмъ долѣе сохраняется четвертная форма владѣнія. При 13,$_4$ десятинахъ на дворъ мы видимъ чистую четвертную форму, при 12,$_7$ она уже помутилась, при 11,$_6$ она смѣняется душево-четвертной формой, а при 11 десятинахъ и ниже мы видимъ исключительно душевое владѣніе. Это явленіе наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ, но нигдѣ такъ рельефно, какъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ, хотя и здѣсь продовольственный лѣсъ 4-й группы испортилъ общее впечатлѣніе. Объясняется это явленіе очень просто: пока земли

---

[1]) Въ Лебедянскомъ уѣздѣ извѣстенъ только одинъ случай задержки перехода въ с-цѣ Сотниковѣ, стр. 14.

[2]) Сбор. стат. свѣд. Тамб. губ., т. XI, стр. 113, графа 19.

много, никто не чувствуетъ неудобствъ отъ наслѣдственной формы, но когда начинаетъ давать себя знать наступающее малоземелье, наиболѣе плодовитыя семьи начинаютъ толковать о несправедливости, неуравнительности наслѣдованія по четвертямъ: выдвигается впередъ идея поравненія и четвертная община такъ или иначе должна потерпѣть крушеніе; она удержится лишь тамъ, гдѣ земли пока еще много. Но вѣдь населеніе увеличивается неудержимо, и какъ скоро оно удвоится или тѣмъ паче утроится, его потребностямъ перестаетъ удовлетворять не только четвертная, но и душевая форма. . Это правило уже сказалось въ томъ, что ревизская разверстка, бывшая по всему Лебедянскому уѣзду, къ 1883 году перестала удовлетворять потребности увеличившагося населенія: многія волости передѣлили свои земли по наличнымъ душамъ, не дождавшись ревизіи, при которой обыкновенно происходили передѣлы. При значительномъ увеличеніи населенія надо ждать иныхъ формъ, кормежныхъ, напр., или еще такихъ, о какихъ мы не можемъ составить себѣ точнаго представленія въ виду общей неразгаданности будущаго. Что касается указаній прошлаго, то вышеприведенныя данныя свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что четвертная форма владѣнія не есть совсѣмъ ужъ мертвая, отжившая форма, а вполнѣ жизненная, способная развиваться во всякія другія и развиваться въ извѣстномъ направленіи до безконечности.

Процессъ этого развитія въ лебедянскомъ сборникѣ прослѣженъ очень поверхностно: мы имѣемъ скудныя историческія данныя лишь о нѣсколькихъ общинахъ. Мы имѣемъ всего 16 случаевъ, въ коихъ болѣе или менѣе точно отмѣчено время перехода съ четвертей на души. Старѣйшій случай, повидимому, относится къ 1831 году: именно, про д. Жаркій Верхъ сказано, «52 года назадъ четвертное владѣніе замѣнено душевымъ» (стр. 22). Но несомнѣнно были болѣе ранніе переходы; такъ, про с. Ольховецъ изслѣдователи утверждаютъ, что въ немъ издавна существовало мірское владѣніе, и ольховцы «не знаютъ, когда оно установилось, но по преданію и у нихъ земля была жалованная за службу ихъ предкамъ-казакамъ. Лѣтъ 40 назадъ (1843 г.) были претензіи нѣкоторыхъ подѣлить землю по фамиліямъ, на основаніи разысканныхъ документовъ, но большинство отклонило это домогательство» (стр. 16). Про с. Черепянь также сказано: «когда-то въ старину, чего и дѣды не помнятъ, было родовое четвертное землевладѣніе» (стр. 14). Въ сл. Селицкой остался лишь одинъ пережитокъ, на основаніи котораго мы сочли возможнымъ отнести это селеніе къ 7 группѣ. Изслѣдователи мимоходомъ отмѣтили, что въ Селицкой полдесятины называются «осминой», и тутъ же прибавили, что въ сосѣдней Черепянской волости, госуд. крестьяне называютъ «осминой» частью полдесятину, частью четверть сороковой десятины» (стр. 24). Здѣсь очевидно изслѣдователи не умѣли добиться истины: извѣстно что «осминой», или

«осминникомъ», однодворцы, да и помѣщики центральнаго района называютъ четверть десятины тридцатки: это названіе исторически сложилось при старомъ счетѣ и измѣреніи земель четвертями—вѣдь осмина и есть половина четверти, а четверть въ полѣ равнялась, по крайней мѣрѣ оффиціально, при измѣреніи въ натурѣ только половинѣ десятины (30×40). Но конечно эта старая мѣра могла уцѣлѣть тамъ, гдѣ прежде примѣнялась, а это могло быть только при четвертномъ владѣніи: всякая другая форма знала иныя мѣры: такъ, наприм., у б. экономическихъ крестьянъ земля часто измѣряется просто «шестами». На основаніи сказаннаго этотъ недостаточно изслѣдованный пережитокъ тѣмъ не менѣе даетъ возможность сдѣлать простое заключеніе: есть осьмина до сихъ поръ, значить была и четверть раньше, но какъ давно, неизвѣстно.

Про с. Бол. Избищи сказано, что землевладѣніе издавна мірское, но часть также издавна владѣла четвертною землей. Общество пробовало забрать и эти участки, судились, доходили до сената, но отобрать не пришлось. Я вообще не могу довѣрчиво относиться къ выраженію «издавна мірское». Тамбовскіе изслѣдователи слишкомъ злоупотребляютъ имъ. Про с. Гудово сказано, что родовые участки черезполосны съ мірскими, и прибавлено, что «изстари были тѣ и другіе»... Откуда же взялась эта черезполосица?.. Но возвратимся къ болѣе точнымъ указаніямъ.

По VIII ревизіи въ тридцатыхъ годахъ перешло къ душевому поравненію еще три селенія: Кривецъ и Семеницкая полностью и с. Красное съ сохраненіемъ четвертной земли въ чужихъ дачахъ. Въ 1843 г. послѣ размежеванія раздвоилось с. Волчье на двѣ общины, ибо полнаго перехода не состоялось. Около IX ревизіи съ 1848 г. по 1853, переходы произошли въ четырехъ селеніяхъ: Губинѣ, Павловскомъ, Верх. Брусланової и въ Нов. Ракитнѣ; послѣдняя только раздвоилась, а въ 1854 г. с. Теплое даже растроилось. До X ревизіи (1858) въ д. Филатовой третья часть домохозяевъ (нынѣ 91 дв.) имѣла четвертныя земли, теперь же только у одного (3,$_7$ дес.). Въ 60-хъ гг. отмѣчено 4 перехода; три въ слободахъ бывшаго города Добринска (Добраго) и въ с. Лебяжьемъ съ Чечорами: во всѣхъ этихъ случаяхъ полнаго перехода не состоялось и общины распались на враждующія части. Послѣдній переходъ состоялся въ с. Махоновѣ въ 1868 году: «при выдачѣ владѣнной записи нельзя было опредѣлить величину подворныхъ участковъ». Такимъ образомъ и въ этомъ уѣздѣ выдачей владѣнныхъ записей заканчивается нормальное, самопроизвольное развитіе формъ крестьянскаго землевладѣнія.

Возвращаясь къ своей таблицѣ, мы должны отмѣтить то соотношеніе, какое наблюдается между четвертной и душевой землей по группамъ. Въ душево-четвертныхъ общинахъ мы видимъ еще очень много четвертной земли: ея здѣсь 64,$_2$% всей площади, находящейся въ обладаніи одно-

дворцевъ. Въ потрясенныхъ общинахъ ея уже очень мало отъ 28 до 36%. Это указываетъ на то, что недовольныхъ переходомъ на души было сравнительно очень мало, а съ другой стороны и на то, что мірское большинство не могло, а можетъ быть и не хотѣло, подавить несогласныхъ принудительнымъ порядкомъ. Мы уже отмѣтили факты по Лебедянскому уѣзду сохраненія земель постороннихъ владѣльцевъ въ душевыхъ дачахъ. Фактъ сохраненія ихъ въ своихъ дачахъ свидѣтельствуетъ лишь объ одинаковости явленій. Во всемъ уѣздѣ четвертныя земли составляютъ 28,1%, а душевыя 71,9%. Между тѣмъ всѣ эти земли были однодворческія, четвертныя, помѣстныя, жалованныя ради службы. Такое уничтоженіе старинной формы владѣнія и замѣна ея болѣе новой указываетъ намъ между прочимъ и на то, что въ Лебедянскомъ уѣздѣ раньше, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ намъ мѣстностяхъ, началось мирное развитіе земледѣльческой жизни, требовавшей наиболѣе правильнаго распредѣленія земельныхъ благъ.

Обращаясь къ даннымъ о населеніи, мы прежде всего наблюдаемъ ничтожный приростъ мужского пола у четвертныхъ и душево-четвертныхъ, затѣмъ средній въ потрясенныхъ переходомъ общинахъ и наибольшій въ общинахъ душевыхъ. По Тамбовской губерніи мы имѣемъ возможность прослѣдить приростъ населенія для обоего пола, но не сдѣлали этого въ виду сравнимости съ другими мѣстностями, ибо въ дальнѣйшемъ за неимѣніемъ данныхъ о ревизскомъ женскомъ населеніи по другимъ губерніямъ мы всюду вынуждены будемъ оперировать лишь съ населеніемъ мужскимъ. Упомянемъ здѣсь только о томъ, что по принятой въ сборникѣ регистраціи приростъ населенія обоего пола выразился для душевыхъ въ 28,1%, для смѣшанныхъ въ 23,9 и для четвертныхъ въ 24,1%. Такъ или иначе четвертные владѣльцы плодятся туже душевыхъ [1]). Соотношеніе между полами нѣсколько затемняется тѣмъ, что вообще въ Лебедянскомъ уѣздѣ число женщинъ превосходитъ число мужчинъ. Наблюдается, что чистое душевое владѣніе также, какъ и чистое четвертное, даетъ данныя, близкія къ среднему поуѣздному, тогда какъ сочетаніе этихъ формъ отражается рѣзкими уклоненіями. Этому явленію, повидиму, нѣтъ объясненія. Можно конечно, но довольно гадательно, объяснить лишь одно максимальное среднее (106,2) въ группѣ душевыхъ, сохранившихъ четвертную землю въ чужихъ дачахъ. Откуда у нихъ земля въ чужихъ дачахъ? Рѣдко она пріобрѣталась по купчимъ, гораздо чаще позятьевщиной, то-есть или брали изъ селенія наслѣдницу съ землей, или, наоборотъ, приставали съ своей землей на наслѣдницу; въ томъ и другомъ случаѣ получались «отсутственныя», или «постороннія» земли. Какъ лежащія въ чужихъ дачахъ, онѣ не

---

[1]) Средній размѣръ семьи лебедянскихъ однодворцевъ по группамъ почти не даетъ отклоненій.

подверглись переходу на души; но въ данномъ случаѣ онѣ указываютъ намъ на то, что обладатели ихъ принадлежатъ къ такимъ семьямъ, которыя вырождаются: вѣдь наслѣдница получается тогда, когда нѣтъ наслѣдника, когда онъ или вовсе не рождался, или вымеръ. Это вымираніе конечно должно сказаться на усиленномъ преобладаніи женщинъ, и такъ какъ эта физіологическая особенность можетъ несомнѣнно упорно передаваться по наслѣдству, то и неудивительно увидѣть максимумъ женщинъ именно въ этой группѣ.

Посмотримъ, какія есть данныя о составѣ населенія: можно ли, наприм., опредѣлить, кто именно, «какихъ чиновъ люди» были предки нынѣшнихъ однодворцевъ Лебедянскаго уѣзда и какъ они распредѣлились топографически по лицу уѣзда? Въ предѣлахъ нынѣшняго Лебедянскаго уѣзда въ XVII вѣкѣ находилось два города: Лебедянь и Доброй. По описи 1672 г. въ Лебедяни числилось 160 рейтаръ, 59 драгунъ, 19 копейщиковъ и 2 солдата. Итого 240 человѣкъ. Кромѣ того, значилось 4 дворянина полковой службы и 120 дѣтей боярскихъ городовой службы. Въ г. Добромъ, или Добринскѣ, считалось 488 рейтаръ и 4 копейщика, затѣмъ околотысячи (999) драгунъ, но въ городовой службѣ, то-есть сидѣли они по своимъ помѣстьямъ и имѣли полную возможность заниматься землей.

Лебедянь стояла на рѣкѣ Дону, а Доброй на Воронежѣ; между ними было «дикое поле», мѣстность ровная и малолѣсистая, но если на западъ отъ Лебедяни тянулось все то же дикое поле, то на востокъ отъ Добраго была лѣсистая мѣстность, малоудобная для прихода воинскихъ людей. Города эти находились подъ сильнымъ прикрытіемъ съ юга, но тѣмъ не менѣе округи ихъ нерѣдко подвергались набѣгамъ татарскимъ [1]).

Кругомъ г. Лебедяни до сихъ поръ расположены пригородныя слободы, носящія специфическія названія по роду оружія прежнихъ ихъ обитателей. Здѣсь мы видимъ сл. Стрѣлецкую, Пушкарскую, Кузнецкую и сл. Покровскую, образовавшуюся изъ сл. Казачьей и Инвалидной [2]). Кромѣ того верстахъ въ восьми на сѣверъ отъ города по дорогѣ въ Донковъ

---

[1]) В. Пругавинъ (Рус. зем. община М. 1898 г. стр. 57) утверждаетъ, что „наибольшее число четвериковъ находится въ Лебеддянскомъ у., ибо названный уѣздъ нѣкогда составлялъ мѣстность требовавшую особенной охраны и потому здѣсь было особенно много водворено людей служилыхъ... владѣвшихъ помѣстными земельными угодьями“. Во первыхъ, я не знаю, что надо понимать подъ водвореніемъ, если просто испомѣщеніе, то его широкое примѣненіе всюду указываетъ лишь на замиренность края. Во вторыхъ, если дѣйствительно требовалось много служилыхъ людей въ данной мѣстности, то это вызывало къ жизни многодворную заимку, какъ въ Козловскомъ уѣздѣ, и оная скоро переходила къ душевому поравненію. Очевидно нельзя установить связи на какую указываетъ авторъ, да и четвертныхъ владѣльцевъ въ уѣздѣ немного.

[2]) Аналогично съ Инвалидной—въ Бѣлгородѣ было с. Стариково, образованное также казаками.

лежитъ с. Ольховецъ, жители котораго помнятъ, что предки ихъ были казаки; конечно это были городовые казаки, приписанные къ Лебедяни. Далѣе сюда же надо отнести сл. Селицкую, отстоящую отъ города верстъ на 10—12; судя потому, что ревизская сказка у нея общая съ сл. Пушкарной можно думать, что это отселокъ изъ нея, хотя земля отмежевана уже особнякомъ. Населеніе всѣхъ этихъ слободъ душевое; въ сл. Стрѣлецкой мы видѣли слѣды четвертного владѣнія въ видѣ 18 десятинъ, но и эта земля находится въ дачѣ Гниловскихъ выселковъ: очевидно кто-нибудь изъ стрѣльцовъ женился на однодворкѣ-наслѣдницѣ [1]). Иной видъ имѣетъ г. Доброй. Нынѣ это просто село, состоящее изъ четырехъ слободъ, при чемъ трое изъ нихъ носятъ престольнопраздничныя названія, такъ что трудно рѣшить какого рода оружіе носили прежніе ихъ насельники; лишь сл. Пушкарная не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. По формѣ землевладѣнія эти Добринскія слободы представляютъ полное разнообразіе: сл. Спасская разбивается изслѣдователями на двѣ части: 9 дворовъ чистыхъ четвертныхъ и 245 дворовъ смѣшанныхъ. Мнѣ кажется, что здѣсь по ошибкѣ четвертные подсчитаны два раза, ибо земля почти совпадаетъ. Про эту слободу сказано, что «особые четвертные участки изъ ихъ дачъ выдѣлены въ 1863 г. когда предъявлены были на нихъ документы». Очевидно переходъ на души, произошелъ во время послѣдней ревизіи. Въ сл. Чудовской 20 лѣтъ назадъ всѣ были четвертными, но затѣмъ часть перешла на души. Намъ неизвѣстно, какая часть изъ 239 дворовъ, но мы знаемъ что на 1176,$_5$ десятинъ душевой приходится 1588,$_1$ дес. четвертной. Надо считать во всякомъ случаѣ, что нерешло на души больше половины, но не больше, иначе четвертной земли сохранилось бы гораздо меньше. Распавшаяся община была однако скрѣплена отводомъ продовольственнаго лѣса, котораго считается 287 десятинъ. Отъ этого здѣсь мы видимъ два разряда душевыхъ и душево-четвертныхъ. Въ сл. Пушкарной на 503,$_4$ дес. четвертной земли мы видимъ всего около 200 дес. душевой, за то у всѣхъ домохозяевъ, это чистый типъ душево-четвертной общины. Мы знаемъ, какъ образовалась здѣсь душевая земля. Отчего же такъ—близъ Лебедяни мы видимъ только душевую форму, близъ Добринска преобладаніе четвертной? Не одни ли и тѣ же служилые люди здѣсь жили, не одинаковую ли несли службу, и не одинаково ли испомѣщались землей за нее? Очевидно не первозаимка, не способъ надѣленія вліяли на образованіе той или другой формы, а позднѣйшая исторія, позднѣйшая среда. Изъ общей исторіи извѣстно, что Добринскъ скоро заглохъ и пересталъ быть городомъ, посадскіе люди разбрелись, воевода былъ отозванъ, даже воеводская «тюрьма для привода колодниковъ» сотлѣла за ненуж-

[1]) Про пережитокъ въ Селицкой мы сказали выше. То же про Ольховецъ.

ностью... Другое дѣло Лебедянь, при распредѣленіи губерній, она не безъ основанія попала въ число уѣздныхъ городовъ: воеводу здѣсь смѣнилъ городничій, воеводскую тюрьму—каменный острогъ; городская площадь все время была загромождена лавками обывателей, при Петрѣ стоялъ здѣсь «гварнизонъ», при Екатеринѣ уже славилась ярмарка. Торгово-промышленная жизнь здѣсь кипѣла въ достаточной мѣрѣ, а Добринскъ за это время все глохъ и превратился просто въ село. Его жители питались отъ сохи, а эта соха удивительно консервативна, и разъ она привыкла «ходить» по извѣстной бороздѣ, потребуется много времени, чтобы заставить ее ходить сбоку въ другомъ мѣстѣ. Близость города, какъ мы увидимъ ниже, во многихъ мѣстностяхъ губительно отражалась на четвертномъ правѣ, и наоборотъ, упраздненіе города создавало благопріятныя условія для его сохраненія. Вотъ чѣмъ объясняется эта разница формъ землевладѣнія, наблюдаемая около двухъ сосѣднихъ городовъ, но разной исторической судьбы. Если мы подсчитаемъ данныя этихъ подгородныхъ селеній, то получимъ не безынтересныя сопоставленія. Во первыхъ, не смотря на видимую необходимость заниматься земледѣліемъ, Добринскія слободы занимаются имъ вдвое меньше, чѣмъ Лебедянскія: процентъ безхозяйныхъ у послѣднихъ равняется всего 10, а у первыхъ $23,_2\%$. Во вторыхъ, не смотря на лучшее надѣленіе землей, на болѣе крупныя семьи, на меньшій процентъ безлошадныхъ, добринцы являются плохими земледѣльцами. Въ довершеніи всего они бѣгутъ на переселеніе, такъ что приростъ населенія у нихъ выражается всего $18,_3\%$ тогда какъ у лебедянцевъ, не смотря на все отвлеченіе въ городъ, онъ достигаетъ $25,_3\%$. Четвертныя земли добринцевъ составляютъ почти двѣ пятыхъ всей земли ($39,_8\%$) вотъ этимъ то высокимъ процентомъ и объясняется злополучное положеніе добринцевъ по сравненію съ лебедянцами. Между тѣмъ послѣдніе, какъ пригородные жители, всегда мало занимающіеся земледѣліемъ, конечно немного отличаются отъ среднихъ поуѣздныхъ.

Южнѣе с. Добраго верстъ на десять, на томъ же правомъ берегу р. Воронежа лежитъ нынѣ душево-четвертное село Панино. Три дачи этого села носятъ характерныя названія: «боярская, драгунская и солдатская». Очевидно здѣсь жили вмѣстѣ: дѣти боярскія городовой службы, драгуны и солдаты.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ сборника о составѣ населенія Лебедянскаго уѣзда. За этой скудостью намъ приходится прибѣгать къ побочнымъ сопоставленіямъ, дабы выяснить главный вопросъ, о формахъ заимки. Ради этого попробуемъ на картѣ отмѣтить селенія по формамъ землевладѣнія; подчеркнемъ названія четвертныхъ общинъ, положимъ синимъ карандашомъ, душевыхъ краснымъ, душево-четвертныхъ тѣмъ и другимъ. Тогда получится такая картина: западный уголъ уѣзда,

прилегающій къ Елецкому и Ефремовскому уѣздамъ, до рѣки Дона, покроется почти исключительно синимъ карандашомъ, лишь изрѣдка промелькнетъ въ разныхъ мѣстахъ въ перемѣшку красный: это страна четвертнаго права; затѣмъ средняя треть уѣзда между Дономъ и Воронежемъ, наоборотъ, какъ исключительно душевая, покроется краснымъ карандашомъ и, наконецъ, восточный уголъ за р. Воронежемъ и по правому притоку его будетъ пестрый: ибо здѣсь преобладаетъ душево-четвертная форма и потрясенныя общины. Подсчетъ общинъ по этимъ районамъ, даетъ намъ весьма важный выводъ. Исключивъ изъ этого подсчета 12 общинъ пригородныхъ слободъ, мы получимъ такой рядъ цифръ:

Районы.	Селеній.	Общинъ въ нихъ.	Дворовъ.	Въ среднемъ дворовъ на 1 сел.	на 1 общину.
Западная треть уѣзда до р. Дона	50	55	3456	69.$_1$	62.$_8$
Средняя, между Дономъ и Воронежемъ	27	34	4331	160,$_3$	120,$_3$
Восточная треть по рѣкѣ Воронежу съ его притоками	12	19	3266	272,$_2$	171,$_9$
Итого . . .	89	108	11053	124,$_2$	102,$_3$

Эти цифры краснорѣчиво говорятъ намъ о формахъ заимки: на западѣ, гдѣ было по-покойнѣй, разсѣлились дѣти боярскія по одиночкѣ но, перешагнувъ за Донъ, въ дикое поле, одиночками селиться было опаснѣй, нужно было группироваться въ болѣе или менѣе крупныя товарищества; одиночки попадаются здѣсь очень рѣдко: судя по нынѣшнимъ размѣрамъ общинъ, мы ихъ насчитываемъ здѣсь всего семь: въ двухъ по 58 дворовъ (вѣроятно двуфамильныя) въ одной—30 дворовъ, затѣмъ въ трехъ—16, 17 и 18 дворовъ и въ одной всего 2 двора. Въ восточной трети уѣзда мы вовсе не видимъ такихъ случаевъ: здѣсь населеніе приходило большими партіями и мы знаемъ изъ строельной книги сосѣдняго Козловскаго уѣзда, что дѣло такъ и было.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находятся и другія: если мы разгруппируемъ общины по нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія, придерживаясь вышеназванныхъ районовъ, то получится такое соотвѣтствіе: однофамильная заимка, какъ болѣе ранняя по времени, больше сохранила архаическія формы; многодворная заимка восточной трети, происходившая позже по времени, сохраняетъ лишь отчасти четвертное владѣніе, всѣ общины потрясены переходомъ и почасту нѣкоторая часть домохозяевъ, памятуя свои старинныя права, осталась на четвертяхъ. Средняя же треть уѣзда, какъ менѣе всѣхъ защищенная отъ татарскихъ набѣговъ,

по нашему мнѣнію заселилась позже всѣхъ — сюда шло сборное населеніе изъ окружающихъ мѣстностей, селилось оно въ большинствѣ случаевъ безъ крѣпостей, такъ что, когда настало время перехода съ четвертей на души, у приверженцевъ старины не оказывалось грамотъ, нужныхъ для того, чтобы отстоять свои четвертныя права; поэтому-то здѣсь мы находимъ только слѣды четвертнаго владѣнія [1]). Вотъ рядъ этихъ цифръ, вполнѣ подтверждающій наше предположеніе.

	Общинъ					
	Четверти.	Душ.-Четв.	Потрясен.	Душевыхъ съ четв. зем. въ чужихъ дачахъ.	Душев. со слѣдами четв. вл.	Душевыхъ чистыхъ.
Западная треть уѣзда	25	6	2	10	—	11
Средняя „ „	3	—	10	4	2	16
Восточная „ „	—	2	10	4	3	—
Итого [2])	28	8	22	18	5	27

Этимъ мы заканчиваемъ Лебедянскій уѣздъ и переходимъ къ слѣдующему, болѣе южному, Липецкому.

Къ сожалѣнію, по этому уѣзду почти не собрано никакихъ данныхъ. Изслѣдователи пишутъ [3]): «изъ отзывовъ крестьянъ можно заключить, что прежде до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія въ Липецкомъ уѣздѣ многія общества имѣли четвертное землевладѣніе, а не общинное, но постепенно переходили къ послѣднему». Но сколько такихъ обществъ, какія именно,—ничего почти неизвѣстно. Слѣды четвертнаго владѣнія сохраняются поднесь всего въ 12 селеніяхъ; всѣхъ четвертныхъ владѣльцевъ насчитывается 272 и у нихъ 2712 десятинъ четвертной земли. Въ двухъ общинахъ остатки четвертного владѣнія были уничтожены уже въ 1872 г., то-есть послѣ выдачи владѣнныхъ записей,—явленіе весьма рѣдкое. Одно изъ нихъ с. Тафино имѣло 32 хозяевъ съ четвертной землей

---

[1]) О сборности селеній средней трети Лебедянскаго уѣзда свидѣтельствуютъ, между прочимъ, самыя названія: Сурки, Лубны, Грязнуха, Хмѣлевка, Павелки, Мокрое, Гнилой Логъ, Шовское, Волчье, Избищи, Сланское и проч. Тогда какъ западная треть носитъ преимущественно фамильныя названія, наприм.: Яковлева, Томилина, Венюкова, Буровцева, Кузминка, Иншаково, Монаенкова, Щербакова, Федякина, Мамонова, Половнева, Камынина, Медвѣдева, Гололобовка, Дегтева, Губино, Кузовкина, Бредихина, Машенина, Брусланово, Скороварова, Фурсовъ Верхъ и проч. Все это не что иное, какъ однодворческія фамиліи.

[2]) Итогъ отличается отъ поуѣзднаго на 12, ибо сюда не вошли общины пригородныхъ слободъ.

[3]) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. VIII, стр. 4 и сл.

(нынѣ всѣхъ 164), другое, д. Красиловка,—43 хозяевъ (нынѣ 91). Переходъ послѣдовалъ въ обоихъ случаяхъ послѣ спеціальнаго размежеванія. Насколько можно судить по скуднымъ даннымъ, слѣды четвертного владѣнія болѣе всего уцѣлѣли въ селеніяхъ, расположенныхъ по р. Воронежу, но не ниже г. Липецка. А между тѣмъ въ Липецкомъ уѣздѣ изъ 18.390 дворовъ мы видимъ 15.405 дворовъ бывш. государственныхъ крестьянъ, это составляетъ $83_{,8}\%$. Вотъ здѣсь-то болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдовало изучить исторію душевой общины.

Не меньшею скудостью данныхъ отличается и усманскій сборникъ, съ тою только разницей, что въ немъ вновь всплываютъ апріорныя положенія изслѣдователей. Здѣсь мы опять наталкиваемся на старую фразу: «подворное землевладѣніе, сохранившее названіе четвертнаго, какъ извѣстно (?!), образовалось отъ надѣленія землею въ личное пользованіе прежняго служилаго сословія» [1]). Какъ разъ тоже самое можно сказать и про душевое владѣніе однодворцевъ!

По Усманскому уѣзду четвертныхъ земель сохранилось нѣсколько больше, чѣмъ въ уѣздѣ Липецкомъ, но сколько именно, неизвѣстно. Считаемъ возможнымъ воспользоваться лишь однимъ сопоставленіемъ. Въ предѣлахъ нынѣшняго Усманскаго уѣзда, также какъ въ Лебедянскомъ, было два города—Усмань и Демшинскъ. Вотъ что мы узнаемъ о послѣднемъ: «до 1868 года большая часть земли у крестьянъ с. Демшинскаго была въ четвертномъ владѣніи. Въ декабрѣ 1867 общество названнаго села постановило приговоръ о мірскомъ владѣніи и смѣшавъ всѣ подворные участки, подѣлило всю землю по ревизскимъ душамъ» (стр. 8). Сосѣднія селенія этой волости сохраняли слѣды до послѣдняго времени, а дер. Кудояръ и теперь владѣетъ по четвертямъ. Иначе говоря здѣсь мы видимъ, задержку четвертного владѣнія, подобно тому, какъ видѣли ее около города Добринска. Кругомъ же Усмани четвертнаго владѣнія уже нѣтъ давнымъ давно: всѣ эти слободы: Солдатская, Сторожевая, Боярская, Казачья, Пушкарская, Стрѣлецкая, Клушинская и Митрофановская Пятины, очень давно перешли съ четвертей на души.

Итакъ, Тамбовская губернія сохранила массу живыхъ памятниковъ помѣстной системы; къ сожалѣнію, эти памятники неописаны земскимъ изслѣдованіемъ, о нихъ приходится догадываться по разнымъ намекамъ и побочнымъ указаніямъ. Догадки эти сводятся къ тому, что дѣти боярскія, заселившія первоначально Тамбовскую губернію, лишь въ южной ея части были единственными насельниками, сѣверная же часть губерніи имѣла болѣе древнее населеніе, чаще всего инородческое. Среди инородцевъ мы видимъ тяглую, или ясачную, мордву и черемисъ, и служилыхъ татаръ.

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ., т. IX, стр. 10.

Первые могли вовсе не знать четвертного права, хотя долевая организація нечужда была и имъ; вторые же въ большинствѣ случаевъ поднесь сохранили четвертную форму. Послѣдняя у татаръ ничѣмъ не отличается отъ русской формы: та же пополосная разверстка, тѣ же обычаи наслѣдованія и то же стремленіе къ поравненію. Что касается южной половины Тамбовской губерніи, то испомѣщенныя землями дѣти боярскія въ теченіе всего XVII вѣка продолжали нести государеву службу на общемъ основаніи, но служба эта раньше, чѣмъ на югѣ Бѣлгородской черты, утратила свой тяжелый характеръ сторожевой, пограничной службы. Будучи прикрытыми сильными городами въ родѣ Воронежа, Ельца, Ливенъ и цѣлой цѣпи передовыхъ крѣпостей по чертѣ, Тамбовскіе города съ ихъ уѣздами раньше другихъ получили возможность заниматься мирными занятіями. Это раннее соприкосновеніе съ землей не могло не отразиться на быстротѣ развитія формъ землевладѣнія, чему въ свою очередь содѣйствовало поселеніе не одиночками, а скопомъ, «съ товарищами». Это порождало извѣстную густоту населенія, а густота неминуемо должна была отразиться на измельчаніи наслѣдственныхъ полосъ. Дробность поярусной разверстки, вызываемая скученнымъ сосѣдствомъ односельчанъ, ихъ плодовитость, усиливавшая эту дробность, все это заставляло подумать объ измѣненіи неудобной, тяжеловѣсной четвертной формы землевладѣнія. Когда тамбовскіе однодворцы распахали всѣ удобныя земли своихъ помѣстій, имъ ничего больше не оставалось, какъ подумать о болѣе справедливомъ распредѣленіи земли между отдѣльными домохозяевами. Существованіе подушной подати подсказывало наилучшее разрѣшеніе этого вопроса, и вотъ мѣстами еще въ концѣ XVIII вѣка начинаются толки о ревизско-душевомъ поравненіи. Переходы съ четвертей на души осуществлялись не вдругъ, а постепенно, путемъ упорной и долгой борьбы, что видно изъ тѣхъ остатковъ четвертного владѣнія, которые разбросаны по всей Тамбовской губерніи. Въ концѣ концовъ душевое поравненіе восторжествовало, и мы видимъ цѣлые уѣзды, перешедшіе съ четвертей на души почти сплошь. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ эти душевые уже однодворцы начали приступать къ передѣламъ на наличныя души, чего прежде не дѣлалось безъ ревизіи. Этотъ важный фактъ указываетъ намъ на то, что общинное начало, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, его окружающія, еще продолжаетъ жить и развиваться. Мы не знаемъ, къ чему придетъ эта эволюція въ будущемъ, но въ прошедшемъ она правильно шла къ своей цѣли—къ равномѣрному обогащенію всѣхъ и каждаго.

ГЛАВА IX.

Мѣстныя изслѣдованія по Орловской губерніи.

Сбивчивость данныхъ по Мценскому уѣзду. Богатство данныхъ по Елецкому уѣзду. Подгородное населеніе трехъ городовъ. Черкасы. Душевое владѣніе села Грунь-Воргольскаго съ деревнями. Гипотеза его происхожденія. Группировка селеній Елецкаго уѣзда по нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія. Историческое преобладаніе четвертной формы. Начало заселенія края. Д. Жокова, какъ древнѣйшее селеніе. Вымираніе однодворческаго рода въ д. Становой и позятьевщина. Районъ д. Жоковой. Станичная д. Курасова и разверстка земли въ ней. Сложная четвертная община с. Рождества. Путаница въ развертклѣ земли. Заселеніе остальной части сѣверной половины уѣзда. Рѣка Быстрая Сосна, какъ грань для распространенія сѣвернаго типа заимки. Древнѣйшія селенія южной части Елецкаго уѣзда. Многодворная заимка с. Тербуновъ и другихъ. Землевладѣніе конца XVII вѣка въ д. Бол. Баевкѣ. Группировка общинъ по числу первозаимщиковъ. Однодворческія фамиліи Елецкаго уѣзда. Описаніе нынѣшнихъ формъ землевладѣнія. Дворовое поравненіе и другіе виды обобщенія четвертной земли. Душево-четвертная форма. Неточность ея регистраціи въ елецкомъ сборникѣ. Исторія перехода съ четвертей на души. Связь переходовъ съ размѣрами общинъ и съ малоземельемъ. Сопоставленіе экономическихъ данныхъ съ формами землевладѣлія. Данныя по Карачевскому уѣзду и ихъ недостаточность.

Орловскій уѣздъ.

По Орловской губерніи мы имѣемъ 8 изслѣдованныхъ уѣздовъ, но изъ нихъ только о четырехъ мы найдемъ подходящія данныя, по остальнымъ же имѣются лишь цифры. Такимъ образомъ намъ придется разобрать Мценскій, Елецкій, Карачевскій и Орловскій уѣзды.

Въ текстѣ мценскаго сборника (стр. 18—54) описаны формы крестьянскаго землевладѣнія болѣе или менѣе обобщенно. Изслѣдователи Мценскаго уѣзда прежде всего констатируютъ извѣстный фактъ о лучшемъ надѣленіи однодворцевъ, какъ по сравненію съ остальными разрядами крестьянъ, такъ и съ государственными; послѣдніе имѣютъ $4{,}_3$ дес. на ревизскую душу, а четвертные — $4{,}_4$. Но эти среднія плохо поняты изслѣдователями. Во-первыхъ, въ таблицахъ (стр. 260) мы видимъ у однодворцевъ $4{,}_6$; во-вторыхъ, надѣленіе выведенное на наличныя души мужского пола, а равно и на дворъ, серьезно измѣняетъ картину: однодворцы являются слабѣе надѣленными (Ibid.). Однодворцевъ во Мценскомъ уѣздѣ очень мало, всего $9{,}_4\%$ общаго количества дворовъ, но въ ихъ обладаніи $13{,}_6\%$ земли крестьянскаго надѣла. Однакоже государственныхъ душевыхъ въ этомъ уѣздѣ еще меньше, именно $5{,}_0\%$, и ихъ земли составляютъ $7{,}_5\%$, то-есть больше одводворческаго процента. Всѣхъ душевыхъ общинъ только 20, четвертныхъ же 72. Такъ какъ въ уѣздѣ болѣе 400 общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то это и дало изслѣдователямъ основаніе сказать, что «наиболѣе распространеннымъ въ Мценскомъ уѣздѣ является общинное

землевладѣніе» [1]). Говоря о государственныхъ крестьянахъ, придется сказать наоборотъ: Мценскій уѣздъ преобладающе четвертной уѣздъ. Заглянувши въ карту, мы тотчасъ же убѣдимся, что быв. государственные крестьяне четвертного и душевого владѣнія раскинулись главнымъ образомъ въ сѣверной половинѣ уѣзда; на югѣ мы видимъ только одно однодворческое селеніе Усовъ-Колодезь и два душевыхъ—Чижки и Ново-Дмитріевское, оба населенныя сданными въ казну до 1861 г. Форма землевладѣнія подгородныхъ слободъ вполнѣ подтверждаетъ сдѣланные нами выводы раньше. Въ слободахъ Пушкарной и Затинной «земля даже неразбита между отдѣльными семьями, а съ давнихъ поръ огуломъ сдается въ аренду». Ревизской разверсткѣ здѣсь подлежитъ не земля, а арендная плата [2]). Другія подгороднія слободы носятъ извѣстныя названія по роду оружія: Стрѣлецкая, Новоприборная, Воротницкая, Солдатско-Драгунская и Разсыльная. Включенная сюда же изслѣдователями сл. Подмонастырная очевидно населена экономическими крестьянами, подобно сл. Новотроицкой, Бѣлгородскаго у., и тоже Подмонастырной, близъ г. Ельца. Жители этихъ слободъ—плохіе земледѣльцы до сихъ поръ, о чемъ свидѣтельствуютъ изслѣдователи, но въ то же время они являются и наиболѣе подвижными въ смыслѣ измѣненія формъ. Такъ, сл. Воротницкая, болѣе другихъ занятая земледѣліемъ, успѣла уже подѣлить землю на наличныя души. Недалеко отъ Мценска расположены двѣ деревни Толмачевки четвертного владѣнія. Съ тѣмъ же названіемъ въ 8 верстахъ отъ г. Курска расположено извѣстное селеніе, жители коего сохранили доднесь свое дворянское званіе и извѣстны подъ общимъ названіемъ Толмачевскихъ дворянъ (всѣ Толмачевы). Такимъ образомъ всѣ эти селенія служатъ живымъ подтвержденіемъ того, что Мценскъ нѣкогда былъ важнымъ стратегическимъ и торгово-промышленнымъ пунктомъ, что мы и безъ того знаемъ изъ общей исторіи [3]). Затѣмъ мценскіе изслѣдователи останавливаются на передѣлахъ общинныхъ земель и неожиданно подчеркиваютъ такой выводъ: «передѣлы мірской земли невсегда служатъ цѣли болѣе равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія ея между членами общества, каковая имъ обыкновенно приписывается: передѣлъ совершается, разъ онъ выгоденъ достаточному числу хозяевъ, хотя бы эти хозяева были наименѣе нуждающимися въ землѣ» [4]). Далѣе, черезъ нѣсколько страницъ другой, не менѣе почтенный, выводъ: «Признаки разложенія общиннаго владѣнія замѣчались во многихъ (?) дру-

[1]) Сборн. Мценск. у., стр. 22.

[2]) Ibid,, стр. 24. Почти то же установилось съ 1869 г. въ сл. Солдатско-Драгунской, стр. 48.

[3]) О торговлѣ и промыслахъ пригородныхъ служилыхъ во Мценскѣ см. Лаппо-Данилевскаго: „Организ. прям. облож.“, стр. 51, примѣч.

[4]) Сборн. Мцен. у., стр. 41.

гихъ мѣстностяхъ Россіи, особенно въ черноземной ея полосѣ, и объ основныхъ причинахъ этого явленія говорилось не разъ; поэтому мы съ своей стороны ограничимся лишь указаніемъ на то, что сводятся онѣ главнымъ образомъ, во-первыхъ, къ малоземелью крестьянъ, заставляющему ихъ чрезмѣрно дорожить каждымъ клочкомъ земли...., во-вторыхъ, къ наплыву въ крестьянскую среду понятій, совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ исконному строю ея жизни» [1]). Во-первыхъ, малоземелье, какъ мы знаемъ, въ свое время повело именно къ переходу съ четвертей на души, что и понятно: чѣмъ чрезмѣрнѣй дорожатъ клочками, тѣмъ справедливѣй надо ихъ разверстать. Во-вторыхъ, что надо разумѣть подъ наплывомъ новыхъ вѣяній? Конечно міросозерцаніе Деруновыхъ и прочихъ кулаковъ, съ этимъ я согласенъ, но не могу согласиться съ тѣмъ, что все это противополагается изслѣдователями «исконному строю крестьянской жизни». Кто же это сказалъ мценскимъ изслѣдователямъ, что ревизско-душевая разверстка съ передѣлами по ревизіи есть именно исконный строй? «Такой способъ разверстки,—пишутъ мценскіе изслѣдователи на 22 страницѣ— издавна практикуется лишь въ 16 обществахъ коренныхъ государственныхъ крестьянъ, именно: въ дд. Сониной, Мал. Дежкиной, Бол. Дежкиной, Выш. Ущеревой, Тимковой, Калинѣевой, Студеньковой и Дубовой, и въ пригородныхъ слободахъ». Лучше было бы доказать, что душевое владѣніе здѣсь практиковалось издавна, но объ этомъ послѣ. Теперь же укажемъ на то, что въ д. Мѣшковой и Нов. Оптушкѣ мценскіе изслѣдователи наблюдали кормежную разверстку земли по наличнымъ ѣдокамъ, и не задумались надъ тѣмъ, кто же навѣялъ эту новизну, столь же враждебную исконному строю мценскихъ изслѣдователей, какъ и деруновскіе принципы. Впрочемъ, сами изслѣдователи не вѣрятъ вышесказанному ими. При подворномъ владѣніи, пишутъ они [2]) «вполнѣ сохраняютъ свое существованіе черезполосица долей отдѣльныхъ хозяевъ, дѣленіе земли на ярусы и загоны, съ распредѣленіемъ послѣднихъ по жребію, и даже періодическія жеребьевки»...

Короче сказать, кажущееся отсутствіе общихъ предѣловъ наводитъ мценскихъ изслѣдователей на грустныя мысли о разрушеніи общины во Мценскомъ уѣздѣ, а про то и забыли, что около 85% крестьянскаго населенія въ уѣздѣ принадлежитъ къ бывшему крѣпостному населенію, завязанному выкупными платежами, но тѣмъ не менѣе мѣстами переходящему не только къ налично-душевой, но даже и къ кормежной развертскѣ. Хороши признаки разложенія!

Переходимъ теперь къ описанію четвертного землевладѣлія во Мцен-

---

[1]) Ibid., стр. 47.

[2]) Ibid., стр. 49.

скомъ уѣздѣ; оно кратко, всего на четырехъ страницахъ. Упомянувъ о невозможности за недостаткомъ времени представить болѣе солидное описаніе и отославъ читателя къ статьѣ Вернера, помѣщенной въ Курскомъ сборникѣ (больше вѣдь посылать некуда!), мценскіе изслѣдователи указали на тотъ фактъ, что у однодворцевъ Мценскаго уѣзда были крестьяне, въ одномъ случаѣ число коихъ доходило даже до 15 душъ. «Каждое общество четвертныхъ крестьянъ ведетъ свое происхожденіе отъ небольшого числа или даже отъ одного родоначальника». Это свидѣтельство для насъ весьма важно, какъ подтвержденіе того вывода, который сдѣланъ нами на основаніи размѣровъ четвертныхъ общинъ. Мы видимъ, что по величинѣ общинъ надо предположить во Мценскомъ уѣздѣ преобладаніе однофамильныхъ общинъ. «Всѣ однообщественники образуютъ одинъ родъ и носятъ одну и ту же фамилію,—продолжаютъ изслѣдователи;—при нѣсколькихъ родоначальникахъ потомки каждаго изъ нихъ образуютъ особый родъ, живущій до извѣстной (?) степени самостоятельною жизнью. Такъ, земля каждаго рода обыкновенно составляетъ особый участокъ, дробящійся путемъ наслѣдованія и семейныхъ раздѣловъ лишь между членами этого рода». Читатель пойметъ, что здѣсь многое остается невыясненнымъ: какъ, напр., понять выраженіе «особый участокъ»? лежитъ ли онъ особнякомъ, или, являясь «дѣдиной» однофамильной общины, разбросанъ по ярусамъ? Далѣе, правда, изслѣдователи силятся пояснить примѣромъ и указываютъ на Дороговитую поляну, гдѣ четыре сына первозаимщика Никона раздѣлили землю на четыре равныхъ столба, но опять невидно, какъ это сдѣлано. Затѣмъ идетъ тирада о неравномѣрности нынѣшняго землевладѣнія. «Въ с. Воинѣ, впрочемъ, какъ на причину особеннаго неравенства земельныхъ участковъ, крестьяне указываютъ также на то, что различные роды съ самаго начала были неодинаково надѣлены землею: кто несъ конную службу, тотъ больше земли получилъ, а кто несъ пѣшую — меньше [1])». Такъ могло сохраниться въ памяти крестьянъ, но изъ разбора мецнянъ, напечатаннаго въ актахъ до юр. б. относящихся [2]), можно вывести какъ разъ обратное заключеніе, а именно: кто больше имѣлъ земли, тотъ служилъ въ конницѣ. Впрочемъ, намъ важно, что память крестьянъ сохранила суть дѣла хоть въ главныхъ чертахъ. Въ наслѣдственномъ правѣ у мценскихъ однодворцевъ не наблюдается уклоненій отъ общепринятыхъ порядковъ; купля-продажа четвертныхъ земель распространена, какъ и всюду. Но намъ важно слѣдующее замѣчаніе изслѣдователей: «пользованіе различными угодьями съ технической стороны при четвертномъ землевладѣніи неособенно отличается отъ того, что мы видѣли при душевомъ

---

[1]) Ibid., стр. 51.

[2]) Т. III, № 300, стр. 90 и сл.

владѣніи. Такъ, пахатныя земли также уравнены по качеству, съ помощью раздѣленія ихъ на столбы, или ярусы, загоны. Однако жеребьевокъ нигдѣ [1]) не производится, что быть можетъ объясняется тѣмъ, что почти всѣ общества четвертныхъ владѣльцевъ расположены въ нечерноземной части уѣзда. Луга здѣсь въ большей части общинъ разбиты на постоянные участки. Только въ четырехъ селеніяхъ ежегодно дѣлятъ траву противъ дачъ и въ одномъ селеніи на дворы. Какъ исключительный для четвертныхъ случай, въ д. Н. Ущеревой встрѣчается даже общая уборка луга, при чемъ на косьбу выходятъ, сообразуясь по числу работниковъ съ величиною доли каждаго двора; дѣлятъ сѣно также сообразно съ величиною земельныхъ участковъ», я бы просто сказалъ: «противъ дачъ». Въ этой же деревнѣ есть 19 десятинъ душевой земли. Мы видѣли, что сосѣднія селенія владѣютъ по душамъ и, по замѣчанію мценскихъ изслѣдователей, владѣютъ такъ издавна. По моему же въ нихъ во всѣхъ было четвертное владѣніе, какъ и у остальныхъ однодворческихъ селеній Тельчинской волости. Въ самомъ дѣлѣ, такія названія, какъ Колинѣева, Дежкина, Сонина. Студенкова, напоминаютъ однодворческія фамиліи, такъ же какъ сосѣднія селенія Нечаева, Куракова, Незнамова, Тиганова, Анахина, Буколова, Волобцева, Фатнева, Старыхъ, Апалькова, Выскребенцева, Алисова, Коншева и друг. Прямо-таки изслѣдователи не сумѣли добиться толку при опросѣ. Наконецъ, если допустимъ, что у всѣхъ этихъ душевыхъ владѣльцевъ отшибло вовсе память и они ровно ничего не помнятъ, когда и какъ установилось у нихъ уравнительное по душамъ владѣніе, то можно же было бы добиться хотя косвенныхъ отвѣтовъ, какъ-то: не были ли когда за монастыремъ или за помѣщикомъ, называли ли себя однодворцами; если уже размежеваны, то съ кѣмъ были въ черезполосицѣ? Наконецъ нынѣшнія фамиліи и число ихъ указали бы на близость происхожденія изъ того или другого сосѣдняго села, если это позднѣйшіе отселки. Ничего этого не было изслѣдовано; недаромъ В. И. Орловъ горевалъ, что «однодворцы по Мценскому уѣзду невыяснены». Единственное селеніе въ этой мѣстности, гдѣ душевая форма владѣнія установилась съ момента поселенія—это Выш. Ущерево. Мы узнаемъ про это изъ журналовъ Коллегіи Экономіи [2]). Въ 1775 г. рѣшено было церковныхъ бобылей, 10 душъ села Глинскаго (на р. Зушѣ), посѣлить на оброчной землѣ, въ пустоши Ущеревой, а остальныя 46 дес. оставлены у Нестеровскихъ бобылей изъ оброка. Нынѣ, правда, въ Ущеревой 188 дес., а не 76, но вѣдь могли быть дальнѣйшія водворенія или прирѣзки земли.

Въ четырехъ селеніяхъ Мценскаго уѣзда наблюдается душево-четверт-

---

[1]) Зачѣмъ же раньше говорили даже о періодическихъ жеребьевкахъ?

[2]) Помѣщено у Якушкина „Очерки позем. полит.“, прилож., стр. 116.

пая форма. Происхожденіе ея обычное. Въ Волобуевой 37 десятинъ изъ 315 оставлены своимъ переселенцемъ лѣтъ 100 назадъ. Въ Желябугѣ и Н. Ущеревой душевая земля получена при размежеваніи въ видѣ вознагражденія за болѣе плохое качество земли, доставшейся крестьянамъ. Въ Желябугѣ такой земли 11 дес. Въ д. Нечаевой изъ 167 дес. 114 душевой. Эта земля до 1862 г. была четвертной. При размежеваніи порѣшили ее подѣлить на ревизскія души, что было одинаково выгодно для всѣхъ, исключая лишь одного старика, имѣвшаго 25 дес. четвертной земли: ему, сверхъ душевого надѣла, дали по десятинѣ лучшей земли въ клину и онъ согласился. Четвертная земля лежитъ въ другой дачѣ и считается купленной предками. Такимъ образомъ д. Нечаева перешла съ четвертей на души; этотъ фактъ еще больше убѣждаетъ въ томъ, что душевыя общины, по мнѣнію изслѣдователей, «издавна» такъ владѣвшія въ Мценскомъ уѣздѣ недавно были тоже четвертными. Слѣдовало бы докопаться... Но мценскіе изслѣдователи смотрятъ на дѣло иначе, они говорятъ: «всѣ приведенные случаи введенія четвертными крестьянами мірского владѣнія частью своихъ земель были обусловлены очевидно (?!) совершенно исключительными, частными причинами». Удивительно, видѣть исключенія тамъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, дѣйствуетъ закономѣрное, до упорности постоянное явленіе!

«Вообще же, заканчиваютъ мценскіе изслѣдователи, во Мценскомъ уѣздѣ совершенно не замѣчается констатированнаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ стремленія къ переходу отъ четвертного владѣнія къ общинному».... Мало ли чего вы, господа, не замѣтили во Мценскомъ уѣздѣ, ну, да Богъ вамъ проститъ....

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ сборникъ по Елецкому уѣзду: это несомнѣнно лучшая работа изъ всей земско-статистической литературы: въ елецкомъ сборникѣ мы видимъ солидный трудъ въ высшей степени умѣло и добросовѣстно исполненный. Желающіе изучить однодворческую жизнь по первоисточникамъ не ошибутся, если начнутъ свои изученія съ елецкаго сборника: здѣсь можно найти всѣ формы крестьянскаго землевладѣнія, здѣсь наблюдаются всѣ виды разверстокъ земли, начиная съ четвертной, дворовой, душево-четвертной и кончая ревизско-наличной и даже дву-ревизской. Въ частности исторія четвертного владѣнія разработана здѣсь на основаніи трудовъ кадастровой комиссіи 1846 г., что придаетъ особую достовѣрность матеріалу. Изъ другихъ земскихъ изданій развѣ только Бѣлгородскій сборникъ можетъ сравняться съ Елецкимъ по богатству данныхъ.

Изъ 34.275 дворовъ къ разряду б. государственныхъ крестьянъ относится 21.346 дворовъ, или 62%. Изъ «краткой характеристики селеній» составляющей текстуальную часть елецкаго сборника, мы узнаемъ исторію

формъ землевладѣнія почти всѣхъ общинъ. Попробуемъ подвести возможные итоги этихъ данныхъ и для этого начнемъ свою работу съ душевого владѣнія. Прежде всего нужно выдѣлить подгороднія слободы съ извѣстными наименованіями. Надо знать, что въ предѣлахъ нынѣшняго Елецкаго уѣзда въ XVII столѣтіи было три укрѣпленныхъ города—Елецъ, Чернавскъ и Талецъ; всѣ они лежали на Соснѣ съ Московской стороны. Въ статьяхъ 1672 г. въ числѣ городовъ вѣдомыхъ землями въ помѣстномъ приказѣ написанъ между прочимъ и Елецъ, а въ немъ «дѣтей боярскихъ полковыя службы 7 человѣкъ, копѣйщиковъ 138 человѣкъ, рейтаръ 494 чел., драгуновъ 56 чел., солдатъ 24 чел., дѣтей боярскихъ въ городовой службѣ 1100 человѣкъ» [1]). Всего 1819 человѣкъ. Какъ мы видѣли раньше, Елецъ принадлежалъ къ среднимъ городамъ того времени. Собственно въ Ельцѣ живетъ немного служилыхъ людей, такъ какъ дѣти боярскія городовой службы въ количествѣ 1100 чел. были разбросаны по уѣзду. Въ числѣ городовъ вѣдомыхъ и службою и землями въ Разрядѣ на третьемъ мѣстѣ мы находимъ Чернавскъ. Это указываетъ на то, что онъ созданъ позже Ельца. И дѣйствительно, въ наказѣ кн. Долгорукову о верстаньи дѣтей боярскихъ отъ 1651 г. [2]), мы Чернавска не находимъ вовсе. Въ 1672 г. въ Чернавскѣ числилось «рейтаръ 31 человѣкъ, солдатъ 41 чел., дѣтей боярскихъ въ городовой службѣ 193». Всего 265 человѣкъ. Городокъ, какъ видимъ, совсѣмъ маленькій, но тѣмъ не менѣе у него есть своя округа, иначе не было бы дѣтей боярскихъ городовой службы.

Еще меньше было укрѣпленьице Талецъ, имѣвшее 24 рейтара, 13 солдатъ, 14 д. боярскихъ городовой службы; про черкасъ не упомянуто.

Такимъ образомъ нынѣшній Елецкій уѣздъ былъ уже въ XVII вѣкѣ достаточно населенъ. Такъ какъ родъ тогдашняго оружія долженъ былъ отразиться на дальнѣйшей исторіи землевладѣнія, то постараемся выдѣлить сперва подгороднее населеніе. Послѣднее мы разумѣемъ не топографически, а именно въ зависимости отъ рода оружія. Къ счастію память крестьянъ и поземельныя отношенія, связывающія выселки съ метрополіями, облегчаютъ намъ разрѣшеніе этой задачи. Въ самомъ Ельцѣ до послѣдняго времени жили слободами прежнихъ службъ служилые «по прибору» люди. Городская тѣснота мало-по-малу заставила часть ихъ выйти въ деревни на свою надѣльную землю. Такимъ образомъ произошла сложная община с. Воронецъ съ деревнями, состоящая собственно говоря изъ 11 отдѣльныхъ, но несамостоятельныхъ общинъ. Связь ихъ всплываетъ лишь во время коренныхъ передѣловъ, когда вся дача смѣшивается и распредѣляется по числу новыхъ положенныхъ въ окладъ душъ въ каждомъ отселкѣ. Надѣлъ

---

[1]) П. С. З. № 522.

[2]) П. С. З. № 86.

отводится къ отселку въ одно мѣсто, устанавливается на немъ правильное трехполье, болѣе же удаленныя мѣста распредѣляются также пропорціонально, но тамъ уже господствуетъ пестрополье. Три старинныхъ названія указываютъ намъ на то, кто были первые обитатели этой сложной общины: двѣ слободы, остающіяся до сихъ поръ въ городѣ, носятъ названія Пушкарской и Стрѣлецкой, третье же селеніе отстоящее на 7 верстъ отъ Ельца къ юго-востоку, называется с. Архангельскимъ, Пушкари тожъ. Намъ нѣтъ цѣли докапываться, когда произошло сліяніе владѣній «двухъ родовъ оружія»: могло это случиться весьма поздно при палатѣ Госуд. Имущ. и могло, наоборотъ, случиться въ моментъ перваго надѣленія писцами, которые имѣли право и возможность сдѣлать это по мѣстнымъ соображеніямъ [1]). Намъ важно знать, что нынѣшнія 11 общинъ с. Воронца, въ московскій періодъ были стрѣльцами и пушкарями. Эти разряды не числятся въ Ельцѣ по росписи 1672 г., но мы сейчасъ увидимъ, что въ росписи нѣтъ и другихъ родовъ оружія; объясняется это тѣмъ, что въ послѣдней четверти XVII в. служилые по прибору начали называться новыми именами, болѣе соотвѣтствующими введенному «иноземному строю». Слободы же засѣлялись въ началѣ XVII столѣтія и удержали свои первоначальныя названія доднесь. Мы сейчасъ провѣримъ это. Тутъ же подъ Ельцомъ есть слоб. Бѣломѣстная. По земскому сборнику (стр. 222), мы узнаемъ, что до 1849 г. жители были ямщиками, что 100 лѣтъ назадъ, значитъ во время генеральнаго межеванія, они почему-то согласились «сообщить» свою землю съ Ольшанцемъ, отстоящимъ на 5 верстъ отъ города. Больше ничего не могли объяснить крестьяне. Между тѣмъ въ 1649 г. изъ Ельца были двинуты сведенцы въ Царевъ-Алексѣевъ (Нов. Осколъ). Изъ 200 сведенцевъ 134 были полковые казаки, 34 — конные казаки и 32—*бѣломѣстные* казаки [2]). Вѣроятно то, что осталось изъ послѣднихъ въ Ельцѣ, со временемъ, и быть можетъ очень поздно, примѣрно около половины XVIII ст., было обращено въ ямщики (въ ямскіе охотники), не даромъ въ Ельцѣ есть слобода, называемая Старо-Ямской. Затѣмъ сл. Аргамачья съ деревнями, невольно какъ-то намѣкаетъ на конныхъ казаковъ, а полковые казаки очевидно жили въ Александровской слободѣ города Ельца. Это видно изъ слѣдующаго: въ 15 верстахъ отъ города на сѣверъ есть село Казаки (нынѣ станція ж. д.); въ сборникѣ прямо сказано (стр. 252): «предки были выселенцы изъ пригородней Александровской слободы, съ коей составляли одну общину до 1864 года, когда и размежевались». Названіе Казаки указываетъ намъ на родъ оружія предковъ, вѣрнѣе на ихъ прежнее сословіе. Здѣсь умѣстно отмѣтить характерную

[1]) О надѣленіи двухъ разныхъ оружій одной дачей есть подробныя свѣдѣнія у Миклашевскаго. Къ Ист. хоз. быта Моск. гос., стр. 91.

[2]) Ibid. у Миклашевскаго стр. 163.

особенность Елецкаго уѣзда: въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ пригороднія слободы называются именами прилагательными, въ Ельцѣ ихъ величаютъ существительными: «казаки, пушкари, черкасы, стрѣлецъ». Остается еще одна слобода съ выселками—Ламская, это названіе не говоритъ ничего, молчатъ и мѣстные изслѣдователи. По аналогіи съ Старооскольской Ламской, можно думать, что и здѣсь жили терскіе казаки. Наконецъ вѣчный спутникъ южныхъ городовъ XVII вѣка—сл. Подманастырная, но въ Ельцѣ ея исторія непохожа на другія. «Предки ихъ, пишутъ земскіе изслѣдователи (стр. 224), были бобыли... изъ бѣглыхъ. Первоначально пришли три семьи и поселились при монастырѣ въ качествѣ работниковъ по найму. Указомъ Петра I они были закрѣплены за монастыремъ». Итакъ, около Ельца большимъ кольцомъ, на сѣверъ 15 верстъ, на югъ не менѣе 10, раскинулись селенія бывшихъ служилыхъ «по прибору». Если въ 1649 г. Елецъ могъ выслать 200 семей, то нынѣ мы видимъ здѣсь страшно большое населеніе—все оно душевое. Была ли здѣсь четвертная форма владѣнія, сказать трудно: очень ужъ здѣсь густо было населеніе для архаическихъ формъ владѣнія. Еще при царѣ Борисѣ въ Ельцѣ пахалось 200 дес. государевой пашни на жилецкихъ лошадяхъ; потомъ, правда, Елецъ постигла «отъ растриги смута», но въ 1616 г. ельчане дѣти боярскія, и стрѣльцы, и казаки, и затинщики, и всякіе люди уже пахали 100 дес. на государя, при чемъ у нихъ же казна занимала сѣмена на посѣвъ [1]). Значитъ несильно разоренъ былъ этотъ городъ въ смутное время: населеніе очевидно удержалось на своихъ старыхъ мѣстахъ и продолжало свое прежнее занятіе земледѣліемъ. Для наглядности сдѣлаемъ маленькій подсчетъ этого душевого населенія:

	Общинъ.	Разряды.	Двор.	Душъ об. п.	Земл. дес.
С. Воронецъ	1 (11 пос.) [2])	(пушкари и стрѣльцы)	1106	6203	10699,0
Сл. Александровская и Казаки	2 общ.	(полковые казаки)	1082	6567	10227,9
Сл. Аргамачья	1 (3 селен.)	(конные казаки)	472	2777	3870,4
Сл. Ламская	1 (3 селен.)	(терскіе казаки?)	524	2761	3218,1
Сл. Бѣломѣстная	1 (2 селен.)	(бѣл. казаки потомъ ямщ.)	409	2476	4638,5
Сл. Старо-Ямская	1 (въ городѣ.)	(ямщики)	23	83	395,5
		Итого 7 [3]) общинъ	3616	20867	33049,4

Все это населеніе обыкновенно передѣляло свою землю при ревизіяхъ, но не дождавшись приступило въ 1881 г. къ такъ называемому

[1]) Ib . 266.

[2]) Въ общемъ счетѣ у статистиковъ всѣ эти 11 общинъ совершенно основательно считаются за одну сложную общину.

[3]) Мы не вносимъ сюда Подманастырную, которая ниже войдетъ въ спеціальную группу.

«своевольному» передѣлу на наличныя души, слобода же Подмонастырная произвела передѣлъ въ 1884 г. на кормежныя, то-есть на души обоего пола. Лишь 11 селеній общины Воронецъ до года изслѣдованія (1885) не успѣли еще приступить къ передѣлу, чему отчасти препятствуетъ громадность населенія этой общины. Земельное обезпеченіе этихъ общинъ достаточно велико до настоящаго времени, на ѣдока приходится болѣе полуторы десятины.

Упраздненный городъ Чернавскъ (нынѣ сл. Чернава) не такъ ясно сохранилъ прежнее распредѣленіе населенія по роду оружія. Нынѣшнее административное дѣленіе пріурочено къ приходамъ: сл. Никольская, Никитская, Пятницкая и т. д., лишь одна сл. Пушкарская удержала свое старинное названіе. Такъ или иначе, эти слободы составились несомнѣнно изъ прежнихъ служилыхъ по прибору. Но, кромѣ того, въ Чернавѣ мы находимъ еще одинъ видъ стараго оружія — это черкасовъ: во-первыхъ, они до сихъ поръ малороссы, во-вторыхъ, слобода ихъ носитъ характерное названіе «Черкасско-Войсковая», а одинъ изъ выселковъ сохранилъ эпитетъ *Черкасская* Казинка [1]). Начавшіе переходить на службу къ московскому царю съ половины XVII вѣка черкасы шли чаще всего черезъ Путивль и Бѣлгородъ, подъ наблюденіемъ тамошнихъ воеводъ, шли цѣлыми полчищами, которыя такъ и назывались полками и были поселяемы Москвой въ юго-восточныхъ новыхъ городахъ. Извѣстно, напр., что въ Корочѣ, Коротоякѣ, Урывѣ, Острогожскѣ было сразу поселено помногу черкассъ; но и въ болѣе старыхъ городахъ, повидимому, уже ненуждавшихся въ населеніи, встрѣчаются черкасы, напр., въ Кромахъ, Курскѣ. Неудивительно, если мы найдемъ ихъ въ Чернавскѣ и Тальцѣ, которыхъ еще не было въ 1651 году; на ногайскомъ берегу Сосны, противъ с. Талецъ, мы дѣйствительно видимъ с. Черкасы. Вотъ что сохранилось въ народной памяти о возникновеніи этого села: «болѣе 200 лѣтъ тому назадъ пришло сюда 12 домохозяевъ съ цѣлью поселиться на свободныхъ земляхъ; шестеро изъ нихъ осѣли здѣсь, остальные прошли къ Чернавѣ» (стр. 283). На этотъ разъ память какъ будто измѣнила крестьянамъ, но я объясняю эту сбивчивость другой причиной: какъ увидимъ ниже, лицо, производившее изслѣдованіе въ этомъ мѣстѣ уѣзда, не было въ курсѣ дѣла: оно не понимало, что разказываютъ крестьяне, и неудачно ставило свои вопросы, чѣмъ окончательно вносило страшную путаницу. Не могли

---

[1]) Въ Елецкомъ уѣздѣ выселки въ четырехъ случаяхъ называются Казинкой: выселки изъ Воронца Казинка, изъ русской части Чернавы—Русская Казинка, изъ малороссійской—Черкасская Казинка и наконецъ изъ Тербуновъ село Казинка. Что означаетъ слово Казинка, мы рѣшать не беремся, только въ одномъ случаѣ этимъ именемъ называется рѣчка. Бѣляевъ. „Стор. служ.“ 70.

черкасы идти съ востока на западъ уже потому, что ихъ на востокѣ не было; не могли черкасы придти съ цѣлью поселиться на свободныхъ земляхъ уже потому, что по унаслѣдованнымъ отъ татаръ традиціямъ въ Великороссіи не было свободныхъ земель, а были земли государевы. Поселиться на нихъ безъ прямого согласія московскаго царя не было возможности: такая воровская заимка здѣсь, на носу у талецкаго воеводы, а если его не было, то у осаднаго головы, была прямо-таки немыслима. Не могла пройти сюда шайка «воровскихъ людей», каковыми и считались черкасы, какъ таковые. Только тогда, когда этакая шайка приметъ присягу въ Путивлѣ или Бѣлгородѣ, когда за порукой обяжется нести казачью вейсковую службу, и когда московскій разрядъ съ точностью укажетъ своею «памятью», въ какомъ городѣ поселить данную партію черкасъ,—вотъ только тогда было мыслимо пройти черезъ цѣлый рядъ великороссійскихъ городовъ, остроговъ, сторожевыхъ линій и поселковъ русскихъ служилыхъ людей. Поэтому заселеніе села Черкасъ происходило иначе, и то, что записано неумѣлымъ мѣстнымъ изслѣдователемъ, нуждается въ серьезныхъ поправкахъ, а именно: хронологическій терминъ по его широтѣ не наводитъ насъ на сомнѣніе, но все остальное должно читаться въ иномъ смыслѣ. Связь съ Чернавой вполнѣ понятна, но нельзя утверждать, что въ Чернаву ушло шесть семей, а шесть осталось здѣсь: вѣдь надо помнить, что Талецъ занималъ важный стратегическій пунктъ, еще по росписи кн. Воротынскаго мы знаемъ «сторожу у Талецкаго броду на Соснѣ» [1]). Присутствіе этого самаго брода вынуждало обращать особенное вниманіе на это мѣсто; при царѣ Михаилѣ мы видимъ здѣсь «стоялый острогъ», при царѣ Алексѣѣ – жилой городъ. Ради вящаго его укрѣпленія были поселены съ ногайской стороны черкасы: правда, ихъ могло быть всего 12, но ужъ никакъ не 6, ибо черкасы помалу не селились; часть ихъ со временемъ могла быть переведена въ Чернаву, но опять-таки не въ такихъ скрупулезныхъ дозахъ, какъ 6 семей. Населеніе с. Черкасъ утратило уже малороссійскій говоръ, но въ Чернавѣ это нарѣчіе удержалось. Это понятно потому, что въ Чернавскѣ мы видимъ громадную массу черкасъ, а здѣсь сравнительно ничтожную горсть, издавна окруженную великороссійскими поселками и такъ сказать ими поглощенную.

Въ самомъ с. Тальцѣ мы находимъ душевое владѣніе, всего 88 дворовъ, владѣющихъ 742 десятинами. Исторія заселенія и владѣнія вовсе не выяснена. Тотъ же изслѣдователь не добился отъ крестьянъ даже и неточныхъ показаній; не сумѣлъ напр. отмѣтить, сохранилось ли въ памяти крестьянъ преданіе о томъ, что здѣсь былъ городъ. Но главное, не выяснено одно весьма важное обстоятельство: с. Талецъ

---

[1]) И. Бѣляевъ: Сторож. станич. служба. Источники, стр. 9.

имѣетъ въ единственномъ владѣніи 607 десятинъ, а остальныя 135 десятинъ въ общемъ владѣніи съ с. Суворовкой, дд. Ериловкой, Боровкой и Поповкой. Такъ какъ эти селенія лежатъ въ двухъ смежныхъ волостяхъ — Суворовской и Дрезгаловской, изслѣдованныхъ очевидно однимъ и тѣмъ же лицомъ, то нигдѣ нѣтъ намековъ на происхожденіе этой общей дачи. Можно гадательно предположить, что общее владѣніе произошо въ позднѣйшее время путемъ прирѣзки палатой госуд. имущ., но можно думать, что такъ было изстари и тогда вопросъ осложняется. Было ли здѣсь четвертное владѣніе или нѣтъ — этого рѣшить ужъ никакъ нельзя съ помощью тѣхъ данныхъ, какія собраны мѣстнымъ изслѣдователемъ. Ниже мы увидимъ, что о 17 общинахъ уѣзда въ примѣчаніяхъ Елецкаго сборника ничего не сказано про исторію землевладѣнія и о восьми изъ нихъ сказано, что «владѣютъ по душамъ» и только; изъ 17 такихъ общинъ 8 приходятся на Дрезгаловскую и Суворовскую волости, и такъ какъ въ этихъ волостяхъ больше почти нѣтъ государственныхъ крестьянъ, то я считаю, что изслѣдованія въ этой части уѣзда какъ бы вовсе и не было [1]); единственное село Черкасы изслѣдовано тоже не особенно удачно. Такимъ образомъ трудно сказать, входили ли селенія нынѣ владѣющія въ общей дачѣ въ составъ пригородныхъ слободъ г. Тальца. Поэтому мы принимаемъ въ расчетъ только тѣ 88 дворовъ, кои живутъ нынѣ въ самомъ Тальцѣ.

Въ Елецкомъ уѣздѣ имѣются еще два селенія, сохранившія названія по прежнему оружію своего населенія: это сл. Стрѣлецъ, Стегаловской волости, и с. Солдатское Казинской. Послѣднее, расположенное на р. Олымчикѣ на памяти стариковъ владѣло еще на четвертномъ правѣ: это скорѣе всего такъ называемые пашенные солдаты и ни съ однимъ изъ городовъ въ связи они не были. Иное дѣло сл. Стрѣлецъ. Онъ отстоитъ на 30 верстъ отъ Ельца и всего на 12 отъ Чернавска. Кромѣ того прямая связь его съ Чернавой можетъ быть установлена тѣмъ, что земли «Стрѣльца тянутся непосредственно за землей русской части Чернавы, и отселокъ Чернавы, с. Вязовицкое, лежитъ отъ Стрѣльца всего въ трехъ верстахъ. Сл. Стрѣлецъ составляетъ одну общину съ с. Богатые Плоты. Къ сожалѣнію, мѣстное изслѣдованіе не даетъ намъ никакихъ указаній относительно прошлаго этихъ селеній; такъ напр. неизвѣстно, всѣ ли Чернавскіе стрѣльцы выселились сюда на мѣсто своего испомѣщенія или часть ихъ осталась въ Чернавскихъ слободахъ. Изслѣдователи опять пишутъ, что владѣніе здѣсь было

---

[1]) О нѣкоторыхъ общинахъ сказано „изстари душевыя“, но въ сосѣднихъ волостяхъ оказывались селенія, нѣкогда владѣвшія черезполосно (до размежеванія) съ ними и владѣвшія по четвертямъ. Ясно, что болѣе опытный изслѣдователь съумѣлъ бы докопаться до истины.

«изстари душевое», но я право не понимаю, есть ли это выводъ изслѣдователя или просто записано показаніе крестьянъ. Что собственно можетъ означать слово «изстари?» Со дня полученія земли—но тогда, какъ могли стрѣльцы отбывать службу въ Чернавскѣ, а пахать за 12 верстъ. Правда ради этого одинъ корочанскій воевода проектировалъ устройство особаго острога на возвышенномъ мѣстѣ, откуда бы видно было, покойно ли пашутъ служилые люди; изъ Москвы приказывали выѣзжать на пахоту въ полномъ вооруженіи и въ увеличенномъ составѣ, такъ чтобы одна половина пахала, а другая стояла на стражѣ, оберегала пахарей. Есть указанія наоборотъ, что служилые люди первое время по устройствѣ города пахали наѣздомъ, гдѣ придется, стало быть захватнымъ способомъ; правда опасность опустошеній при татарскихъ набѣгахъ несомнѣнно заставляла всѣхъ посѣвщиковъ пахать землю по возможности къ одному мѣсту, дабы скопомъ оберегать ее отъ вражескихъ вторженій, но вопросъ о равномѣрности долей приходящихся этимъ пахарямъ являлся для того времени до нѣкоторой степени праздным: земли много, сдѣлай одолженіе паши сколько твоей душенькѣ угодно. Если допустить, что міръ всегда строго относился къ правовымъ требованіямъ своихъ сочленовъ, то и тогда нѣтъ иного рѣшенія, какъ допустить, что тенденція уравненія могла проявиться не въ душевой формѣ, а только лишь «въ дворовой» то-есть каждый могъ распахать въ данномъ мѣстѣ не болѣе извѣстнаго количества сажень или десятинъ на дворъ. Вѣдь службу государеву несъ дворъ въ лицѣ своего домохозяина, испомѣщеніе было также дворовое и при отводѣ земель писецъ руководствовался не числомъ душъ, а службой двора. Подати и поборы въ концѣ концовъ стали идти также со двора и вплоть до 1724 года врядъ ли могъ возникнуть вопросъ о душевомъ поравненіи. Поэтому намъ кажется такія выраженія, какъ «владѣютъ изстари по душамъ», вовсе ничего намъ не говорятъ объ исторіи возникновенія данной формы владѣнія. Правда до крайности трудно удержаться въ народной памяти на пространствѣ двухъ съ половиной столѣтій, такимъ переходнымъ явленіямъ, какъ захватный способъ владѣнія или дворовое поравненіе земельныхъ угодій, но тогда надо искать другихъ источниковъ, а не затемнять вопросъ ничего незначущими выраженіями. Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что служилые люди по прибору изстари владѣли землей по душамъ: этотъ книжный предразсудокъ установленъ И. Вернеромъ въ его статьѣ о четвертномъ землевладѣніи въ сборникѣ по Курскому уѣзду.

Приведемъ цифровыя данныя о чернавскихъ и талецкихъ пригородныхъ служилыхъ людяхъ; эти данныя попадобятся намъ при дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ.

Общинъ.			Дворовъ.	Душъ об. п.	Земли.
Русская часть Чернавы . 2	(разнаго оружія 5 слободъ, с. Вязовицкое и Рус. Казинка.)	?	990	6483	10532,5
Сл. Стрѣлецъ . . . . . 1 (2 сел.)	Стрѣльцы		441	3044	4471,2
Сл. Черкасская Войсковая 1 (5 сел.)	Служилые черкасы		485	3541	4362,8
	Итого по Чернавску		1916	12968	19366,5
С. Талецъ. . . . . 1 (1 сел.) [1]	?		88	526	742,4
С. Черкасы. . . . . 1 (2 сел.)	черкасы		374	2404	3798,0
	Итого по Тальцу.		462	2930	4540,4

Какъ видимъ, и здѣсь на ѣдока приходится около полуторы десятины. Всѣ селенія съ 1882 по 1885 г. передѣлили землю на новыя души; передѣлы задержались лишь въ Чернавѣ конечно изъ-за громадности населенія: очень ужъ трудно составить приговоръ.

Итакъ, 6.036 дворовъ представляютъ потомковъ прежнихъ служилыхъ по прибору. Весьма давно, но не изстари, это населеніе перешло къ душевому владѣнію своею землею, которой у него до сей поры достаточно, а въ старину было въ изобиліи. Но тѣмъ не менѣе густота населенія должна быть признана нами повышенною. Уже въ 1649 г., какъ мы видѣли, безъ вреда для города можно было изъ одного Ельца свести 200 семей въ Новый Осколъ. Со времени послѣдней X ревизіи по 1886 г. выселилось отсюда 425 семей. Несомнѣнно, что во вторую половину XVII вѣка и въ теченіе всего XVIII эта сгущенность населенія, особенно въ двухъ главныхъ пунктахъ, въ Ельцѣ и Чернавскѣ, продолжала дѣйствовать на усиленіе переселенческаго движенія. XVIII вѣкъ прошелъ въ разселеніи по своимъ помѣстнымъ дачамъ, кои поражаютъ своею необъятностью, но были выселенія по крайней мѣрѣ для малороссійскаго населенія иного порядка. Какъ извѣстно, въ 1710 и 1716 гг. велѣно было Острогожскаго полку черкасамъ изъ безлѣсныхъ мѣстъ, въ числѣ коихъ перечислены Чернавскъ и Талецъ, переселиться къ рѣкамъ Айдару и Богучару. Но изъ этихъ мѣстъ «не всѣ переселились и живутъ по прежнему, и усадьбами и пахотными полями по имѣющимся у нихъ привилегіямъ владѣютъ» [2]. По вѣдомости о комисарствахъ Слободско-украинской губерніи отъ 1773 г. въ слоб. Чернавѣ числилось войсковыхъ обывателей 250 м. и 254 ж., а въ сл. Тальцѣ, 198 м. и 214 жен., да кромѣ того однодворцевъ 2 м. и 2 жен. [3]. Итакъ, XVII вѣкъ прошелъ въ подневольномъ передвиженіи, то ради временной

---

[1]) Мы не рѣшаемся присоединить сюда тѣ селенія, которыя связаны съ с. Тальцемъ общимъ владѣніемъ. С. Солдатское, какъ нѣкогда владѣвшее по четвертямъ будетъ принято въ счетъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Д. Багалѣй: Матеріалы, т. II, стр. 155.

[3]) Ibid., стр. 398.

службы въ прибылыхъ полкахъ по разнымъ городамъ, то ради постоянной гдѣ-нибудь въ Новомъ Осколѣ. Только нѣкоторые болѣе предпріимчивые люди, неся болѣе или менѣе счастливо государеву службу, имѣли случай выслужиться и испомѣститься особымъ помѣстьемъ; но рядовая низшая служба давала мало счастья, а начальныя головы и безъ того были уже испомѣщены чаще всего въ томъ же уѣздѣ, гдѣ служили.

Кромѣ пригородныхъ служилыхъ людей въ Елецкомъ уѣздѣ на душевомъ правѣ внѣ связи съ четвертнымъ владѣютъ еще 5 общинъ. Именно д. Корытня (81 дв.) была за Елецкимъ Троицкимъ монастыремъ (экономическіе крестьяне), д. Чернавка (18 дв.), Дрезгаловской вол., будто бы до 1861 г. была удѣльною, а затѣмъ перечислена въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Далѣе с-цо Власово, Афанасьевской вол. (47 дв.), значится купленнымъ казною у Ермолова въ 1843 г. [1]). Д. Орановка населена всего въ 1872 году, до этого времени ея обитатели были лѣсными сторожами въ Брянскомъ уѣздѣ и поселены казной на казенной землѣ (стр. 317). Ихъ всего 23 дв., но земли имъ дано по $15,_2$ дес. на дворъ, ($2,_2$ дес. на ѣдока). Д. Новопоселенный Ольшанецъ (Суворов. вол.) (88 дв.), образовалась такъ: «въ 1831 г. пришли по указанію начальства изъ Карачевскаго уѣзда 25 семей въ числѣ 111 рев. душъ; на родинѣ земли, было по $^1/_2$ д. на душу въ клину, здѣсь же дали по восемь» (стр. 290). Нынѣ по $1,_6$ на ѣдока. Въ с. Хмѣлинцѣ, какъ видно изъ трудовъ Кадастровой коммиссіи, земля значится «нарѣзною отъ казны». Въ сборникѣ ошибочно названа эта община душево-четвертной. Значитъ въ послѣднихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшими казенными нарѣзками и потому можемъ вовсе игнорировать эти случаи. Для счета скажемъ, что всего исключается 5 общинъ съ населеніемъ въ 381 дворъ и 2.343 душ. об. п. съ $3.776,_2$ дес. земли.

Затѣмъ мы имѣемъ три общины, охватывающихъ четыре селенія, исторія коихъ, хотя и достаточно прослѣжена изслѣдователями, но тѣмъ не менѣе является отчасти загадочной. Уже одно названіе главной метрополіи наводитъ на сомнѣніе—это с. Грунь-Воргольское. Невольно вспоминается удѣльное княжество Воргольское... которое несомнѣнно находилось вблизи Ельца. По рѣкѣ Ворглу лежатъ три селенія съ такими именами: кромѣ помянутаго мы находимъ Злобинъ Ворголъ въ верховьяхъ и Нижній Ворголъ въ устьяхъ [2]). Если былъ здѣсь удѣлъ, то гдѣ именно и главное не осталось ли аборигеновъ? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ не можетъ быть разъясненъ на основаніи мѣстныхъ изслѣдованій. Въ Злобинѣ изслѣ-

---

[1]) Это селеніе въ таблицахъ Ельц. сборн. ошибочно зарегистрировано въ число „сданныхъ въ казну“.

[2]) На срединѣ р. Воргла лежитъ громадное село Казаки.

дователь ограничился стереотипной фразой: «общинное владѣніе существуетъ здѣсь изстари» (110). Надо было доказать это. Достойно замѣчанія, что послѣ этихъ словъ изслѣдователи снесли Злобинъ Ворголъ въ группу душево-четвертныхъ крестьянъ! Откуда же здѣсь четверти? «Четвертныя земли пріобрѣтены покупкою въ другихъ селеніяхъ», объясняютъ изслѣдователи: «такой земли у 180 хозяевъ 252 дес.» Но тогда нужна, очевидно, другая группировка, именно: 145 дворовъ душевыхъ и 180 душево-четвертныхъ. И такое исправленіе, нужное для статистическихъ манипуляцій, все-таки не уясняетъ поставленнаго выше вопроса. Вѣдь дѣйствительно, несмотря на пріобрѣтеніе четвертныхъ земель покупками, воргольцы могли съ незапамятныхъ временъ коренной землей своей владѣть уравнительно. Еще меньше даетъ изслѣдованіе по Нижнему Ворголу: извѣстно только, что до самаго послѣдняго времени (1883 г.) онъ владѣлъ совмѣстно съ д. Чернышевкой, но и о ней почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Близость Нижняго Воргола къ Ельцу (7 в.) можетъ навести на мысль, что селеніе это было занято какими-нибудь казаками или другими служилыми по прибору [1]); съ другой стороны сосѣднія деревни Ольховецъ, Дерновка, Крутое были четвертными. Правда, Ворголъ много крупнѣй ихъ (283 дв., не считая Чернышевки), такъ, что вѣрнѣе отрицать въ немъ существованіе четвертной формы, но все-таки за недостаткомъ данныхъ вопросъ остается открытымъ.

Но когда переходимъ къ изученію данныхъ о с. Грунь-Воргольскомъ, то сейчасъ же убѣждаемся, что и здѣсь нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что удѣльный столъ Воргольскаго княжества находился именно въ этомъ мѣстѣ. Вотъ что мы читаемъ у мѣстныхъ изслѣдователей (стр. 79): «происхожденія своего крестьяне не знаютъ; старики разсказывали, что первыхъ садчиковъ было 212 душъ, земли они имѣли по 15 дес. на душу, что среди ихъ были однодворцы, которые имѣли крѣпостныхъ, но что родъ ихъ совершенно уничтожился». Тутъ сказано неясно, чей родъ уничтожился, крѣпостныхъ или самихъ однодворцевъ, но надо думать крѣпостныхъ, которые у однодворцевъ часто вымирали. Въ крестьянской дачѣ,—продолжаютъ изслѣдователи:—«и сейчасъ есть 20 дес. четвертной земли, которою владѣлъ одинъ изъ ихъ душевыхъ крестьянъ, получившій эту землю за какую-то заслугу въ солдатахъ, лѣтъ 70 тому назадъ. До X ревизіи земля находилась въ общемъ пользованіи четырехъ селеній: Грунь-Воргольскаго, Кулешовки, Красавки и Лаухиной». Затѣмъ причины размежевки. Вотъ и все, что собрано на мѣстѣ. Теперь вопросъ, какъ надо толковать этотъ матеріалъ; къ сожалѣнію, всѣ земскія мѣстныя изслѣдо-

---

[1]) На усть Воргла, на Соснѣ, была сторожа и врядъ ли тутъ было поселеніе, оставшееся отъ прежняго княжескаго удѣла.

ванія, какъ со стороны текста, такъ и со стороны группировки цифрового матеріала, требуютъ постоянныхъ и самыхъ осторожныхъ толкованій: безъ комменгаріевъ все это сырье представляется дремучимъ лѣсомъ. Виноваты въ этомъ, конечно, земскіе статистики сами, а вовсе не та спѣшность работы, которою они обыкновенно оправдываются.

Допустимъ, что въ данномъ случаѣ изслѣдователь точно записывалъ показанія крестьянъ, въ противномъ случаѣ зачѣмъ поставлено въ ковычкахъ слово «садчикъ». А если записано точно, то по аналогіи съ другими записями получается бытовая несообразность и вотъ почему. Когда крестьяне говорятъ, что «заимщиковъ» или, какъ принято называть въ Елецкомъ уѣздѣ «садчиковъ было столько-то», то обыкновенно они разумѣютъ не всѣхъ пришедшихъ, а лишь главъ семей, домохозяевъ, «дворовъ», родоначальниковъ, «дѣдовъ». Часто они тутъ же перечисляютъ ихъ фамиліи и даже имена съ отчествами. Когда они говорятъ о земельной заимкѣ пришедшихъ, то не говорятъ по скольку десятинъ ее было на душу, потому что и числа-то душъ они знать не могутъ, а говорятъ просто, что заняли садчики по стольку-то четвертей, или захватили такое-то урочище. Ни общаго числа десятинъ, ни разсчетовъ на душу никто въ то время не дѣлалъ. Значитъ, согласно вышеприведеннымъ записямъ, Грунь-Воргольское заселилось въ позднѣйшее время, когда стали уже привыкать къ счету на ревизскія души, когда выработалось ясное представленіе о пятнадцатидесятинномъ надѣлѣ, а это могло быть лишь во второй половинѣ XVIII вѣка, во время генеральнаго межеванія. Если мы умножимъ показанное число душъ 212 на 15, то получимъ цифру весьма близкую къ числу десятинъ, находящихся во владѣніи всѣхъ четырехъ деревень [1]). Нынѣ въ этихъ селеніяхъ 972 души муж. пола, по X р. было 650 душъ, слѣдовательно, за 27 лѣтъ населеніе возросло почти на 50% или около двухъ процентовъ въ годъ. Допустимъ, что приростъ прежде былъ слабѣй, но и тогда за-глаза довольно, чтобы со времени генеральнаго межеванія 212 душъ возросли къ X ревизіи до 650. Примѣчаніе сборника къ д. Лаухиной нѣсколько больше проливаетъ свѣта на изучаемое нами явленіе, здѣсь сказано (стр. 82): «болѣе 100 лѣтъ изъ Грунь-Воргольскаго выселилось 4 двора, всѣ по фамиліи Лаухины, на дарственную (?) землю. Кѣмъ и за что она была пожалована не знаютъ. По разсказамъ, земли было до тысячи десятинъ, но послѣ, въ силу захватовъ, большая часть ея отошла и у нихъ осталось только 50 десятинъ. Незадолго до X ревизіи просили палату возвратить имъ землю, которую старики ихъ оставили при выселеніи изъ Грунь - Воргольскаго и которою они съ тѣхъ поръ не владѣли. Воргольцы не хотѣли давать земли, но Лаухи-

[1]) 212 × 15 = 3.180, а всей земли нынѣ 3.134 дес. + 20 дес. (безоброчной).

нымъ было прирѣзано 30 дес. изъ воргольской дачи». Очень можетъ быть, что у Лаухиныхъ было когда-то много земли, но если бы она была жалованная, они сумѣли бы ее взять при генеральномъ межеваніи, но взять-то было нечѣмъ, ибо крѣпостей, очевидно, не было. Не было ихъ и у воргольцевъ, иначе какое было бы основаніе у палаты госуд. имущ. отрѣзать у нихъ 30 десятинъ въ пользу Лаухиныхъ. Всѣ эти, правда, затуманенныя данныя даютъ основаніе предположить, что «садчики» поселились здѣсь безъ дачъ, безъ крѣпостей, воровски. Когда наступило генеральное межеваніе, такимъ поселенцамъ ничего больше не оставалось, какъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ 2 пунктомъ XIX главы межевой инструкціи. Этотъ пунктъ при наличности свободныхъ земель давалъ право на отводъ 60 дес. на дворъ, а считая во дворѣ по 4 души, на одну ревизскую душу выйдетъ 15 дес. Слѣдовательно, въ Грунь-Воргольскомъ съ деревнями во время межеванія было, примѣрно, не болѣе 53 дворовъ. Такъ какъ право воргольцевъ на ихъ землю вытекаетъ изъ приведеннаго пункта XIX главы межевой инструкціи, то понятно, почему въ памяти ихъ сохранилось число душъ, именно 212. Поэтому мнѣ думается, что при опросѣ крестьяне не употребляли слова «садчикъ» вовсе; оно внесено или изслѣдователемъ, привыкшимъ слышать въ другихъ селеніяхъ о первыхъ садчикахъ или, еще вѣрнѣй, регистраторомъ печатныхъ дополненій, который не сообразилъ въ чемъ тутъ дѣло. Всѣ эти 212 душъ не могли быть садчиками, предки ихъ поселились здѣсь гораздо раньше и быть можетъ представляли собой остатки аборигеновъ Воргольскаго княжества.

Жили они себѣ тутъ по-старинѣ, не стараясь о справкѣ своихъ земель за собою въ помѣстномъ приказѣ; смутное время могло ихъ уничтожить на половину, другую половину разогнать, но вѣдь можно было и опять собраться. Но совсѣмъ нѣтъ надобности предаваться такимъ мечтаніямъ, ибо извѣстно, что мѣстность около Ельца стала заселяться въ концѣ царствованія Грознаго, а раньше здѣсь были «велія древеса», и никакихъ остатковъ Воргольскаго княжества, въ видѣ живыхъ существъ, не могло уцѣлѣть отъ набѣговъ татарскихъ. Все, что жило здѣсь при Грозномъ, при его сынѣ Θеодорѣ, при Борисѣ, не могло укрыться отъ писцовъ и дозорщиковъ, а выпись съ ихъ книгъ признавалась лучшею крѣпостью. Значитъ не старожилы, а просто однодворческій сбродъ осѣлъ здѣсь и навѣрно въ концѣ XVII вѣка. И въ другихъ мѣстахъ этотъ сбродъ, обыкновенно, не помнитъ, кто были предки, кѣмъ жалована земля и въ какомъ количествѣ. Эти воспоминанія съ точностью хранятся лишь дѣтьми боярскими, никогда незабывающими про свою родовитость и прежнюю службу дѣдовъ своихъ, въ сборныхъ же селеніяхъ не бываетъ преданій.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ эти предположенія и постараемся разрѣшить только вопросъ о происхожденіи въ Грунь-Воргольскомъ ду-

шевого владѣнія, то намъ придется заключить, что и здѣсь оное не было «изстари», а образовалось въ силу надѣленія пятнадцатидесятинной пропорціей на душу. Въ самомъ дѣлѣ, какой разсчетъ былъ во время генеральнаго межеванія въ густонаселенной губерніи поступаться своей землей, если закономъ установлено право на извѣстное количество надѣльной земли: «я въ подушномъ окладѣ, дайте мнѣ 15 десятинъ», говорилъ каждый, кто имѣлъ меньше, и тому, кто имѣлъ больше, возразить было нечего. Аналогичный случай наблюдается въ Щигровскомъ уѣздѣ: тамъ есть до сихъ поръ спорная Расховецкая дача. Какъ помѣщики, такъ и однодворцы не могли представить настоящихъ крѣпостей на землю и все, что было представлено, внесло только страшную смуту. Сенатъ приказалъ разверстать землю по числу ревизскихъ душъ V ревизіи. Всѣ четвертные однодворцы тогда тотчасъ же перешли на души. Развѣ не могло того же случиться въ Грунь-Воргольскомъ съ деревнями. Еще одна неясность—откуда взялась четвертная земля въ количествѣ 20 десятинъ? Одинъ изъ воргольцевъ выслужился до офицерскихъ чиновъ, значитъ исключенъ былъ изъ подушнаго оклада и земля его, какъ нетяглая, не подлежала передѣлу, хотя по 16 пункту той же главы меж. инст. такія земли велѣно «особо не межевать, а межевать къ общественнымъ всѣхъ товарищей ихъ селеніямъ безъ различности». Что уцѣлѣла отъ раздѣла именно родовая, наслѣдственная земля, а не душевая, этого не видно изъ того, что число 20 не является кратнымъ 15, а тутъ еще десятыя доли, да сверхъ того самое названіе «четвертная». Намъ скажутъ, конечно, не 70 лѣтъ назадъ это случилось, а немного раньше, до генеральнаго межеванія и, слѣдовательно, до перехода съ четвертей на души. Но я не вижу здѣсь забывчивости со стороны крестьянъ и вотъ почему.

Сто лѣтъ Лаухинцы отдѣлились отъ Грунь-Воргольскаго и взяли съ собой только 50 десятинъ, не меньше ста лѣтъ назадъ было и генеральное межеваніе. Лаухины долго не требовали земли, прямо-таки ее имъ не давали воргольцы, которыхъ было въ 13 разъ больше; но съ другой стороны дослужившійся до офицерскихъ чиновъ односельчанинъ продолжалъ владѣть тѣмъ, что приходилось ему въ душевой надѣлъ. Память крестьянская сохранила преданіе о заслугахъ солдата и помнитъ моментъ награжденія его: прямо говоритъ 70 лѣтъ назадъ, то-есть въ 1812 году, когда многіе отличились. Въ это время въ грунь-воргольскомъ обществѣ могло быть по разсчету прироста не 212, а 310 душъ, и тогда на душу приходилось стало быть 10 десятинъ; но это уже кратное 20 и, слѣдовательно, выслужившійся солдатъ, у коего могъ быть сынъ, имѣлъ два душевыхъ надѣла, а офицерскій чинъ, дѣлавшій отца потомственнымъ дворяниномъ, обѣлялъ, конечно, и надѣлъ сына. Названіе четвертной земли присвоено этой землѣ неправильно, ибо это безоброчная дворянская зем-

ля, съ тѣхъ поръ уже неподлежавшая передѣлу. Итакъ, с. Грунь-Воргольское, по нашему глубокому убѣжденію, перешло съ четвертей на души, или, если хотите, съ захватнаго способа къ уравнительному въ моментъ генеральнаго межеванія; здѣсь не было аборигеновъ края, остатковъ княжества Воргольскаго, а было обыкновенное, однодворческое населеніе, но владѣвшее безъ дачъ. Это ни что иное, какъ сборное селеніе извѣстнаго намъ типа. А разъ это такъ,—нѣтъ никакого основанія причислять эти три общины къ такимъ, въ коихъ душевое владѣніе землей установилось съ незапамятныхъ временъ «изстари».

Переходя далѣе къ изученію душевого владѣнія въ Елецкомъ уѣздѣ мы находимъ ровно 33 общины (кромѣ Грунь-Воргольскихъ), о коихъ прямо сказано, что онѣ въ тотъ или другой моментъ, въ большинствѣ случаевъ точно запамятованный, перешли съ четвертей на души. Затѣмъ имѣемъ 7 общинъ съ душево-четвертнымъ владѣніемъ. Составители сборника насчитали такихъ общинъ 21 и ввели этотъ счетъ въ таблицы, но это грубѣйшая ихъ ошибка во всемъ сборникѣ. Мы уже говорили про Злобинъ Ворголъ, который слѣдовало разбить на двѣ общины; говорили про ошибку въ Хмѣлинцѣ. Еще въ двѣнадцати случаяхъ допущены составителями болѣе грубыя ошибки [1]). Такъ, наприм., д. Морева (стр. 210) нѣкогда владѣла землею по четвертямъ, но лѣтъ 50 назадъ перешла на души, въ четвертномъ владѣніи находится лишь $6^1/_2$ десят. и то въ чужой дачѣ и всего у 4 хозяевъ изъ 110. За что же за такой остатокъ, такъ сказать пережиточный обломокъ, всю общину называть душево-четвертной. Въ иныхъ сборникахъ съ такими случаями поступаютъ иначе, а именно исключаютъ такіе дворы изъ общаго счета и, назвавъ ихъ душево-четвертными, ведутъ по особой строкѣ какъ бы самостоятельную общину. Елецкіе статистики этого не дѣлаютъ даже и тогда, когда, какъ въ с. Рогатомъ, такихъ хозяевъ насчитывается 25 на 198. Въ иныхъ же случаяхъ кромѣ того допущена прямо-таки натяжка; такъ, въ с. Свишняхъ послѣ долгихъ споровъ подѣлили всю четвертную землю на души, но у 15 хозяевъ изъ 140 остались усадьбы по старинѣ—неуравнены по душамъ. Какое основаніе изъ-за этого факта писать всю общину въ душево-четвертной разрядъ—въ Корочанскомъ у. сплошь усадьбы остались неуравнены и однако никто не думаетъ видѣть въ этомъ какую-то особую форму. И понятно, потому что это не форма, а лишь остатокъ

[1]) Вотъ селенія, неправильно отнесенныя къ разряду душево-четвертыхъ: д. Панарьина (стр. 327), д. Морева (210), д. Хитрая (372), д. Мягкая (160), д. Чаплыгина (161), с. Тросное (90), д. Шатова (183), с. Свишни (371), д. Становая (100), д. Слободка (198), Рогатое (228) и с. Новосильское (стр. 396). Кромѣ того д. Барановка (159) въ текстѣ названа душево-четвертной, но въ таблицы внесена правильно въ число душевыхъ.

прежней, отжившей формы. С. Новосильское прямо-таки перепутано: по сборнику это одна община, а на самомъ дѣлѣ здѣсь три формы, ибо изъ 239 хозяевъ 125 владѣютъ душевой землей, 75 душевой и четвертной, и 39 одной четвертной.

Всѣ эти недоразумѣнія произошли въ тѣхъ общинахъ, гдѣ были переходы съ четвертей на души. Такимъ образомъ присоединяя ихъ къ помянутымъ 36 общинамъ [1]), мы получимъ (безъ с. Хмѣлинца) 48 общинъ бывшихъ нѣкогда четвертными. Наконецъ донынѣ остаются при четвертной формѣ землевладѣнія 57 общинъ [2]).

Если мы все это распредѣленіе общинъ Елецкаго уѣзда выразимъ въ цифрахъ, то получимъ такую весьма интересную табличку:

Общинъ четвертыхъ	57	
„ душево-четвертныхъ	7	
„ душевыхъ (въ коихъ сохранились слѣды четвертнаго владѣнія)	12	115
„ душевыхъ бывш. на четвертяхъ	39	
„ душевыхъ, о коихъ ничего не сказано въ сборникѣ (неизвѣстныхъ).	17	
„ душевыхъ спеціальныхъ разрядовъ [3])	7	
„ душевыхъ пригородныхъ разнаго рода оружія служилыхъ по прибору	13	20
Всѣхъ общинъ государственныхъ крестьянъ въ Елецкомъ у.	152	

По Елецкому сборнику насчитано также 152 общины (стр. 258), но принятая въ сборникѣ группировка не совпадаетъ съ нашей, такъ какъ намъ пришлось внести исправленіе въ группу душево-четвертныхъ общинъ. Но какіе же выводы можно сдѣлать изъ этой таблички? Какая бы ни была форма владѣнія у 17 неизвѣстныхъ общинъ (хотя о доброй половинѣ ихъ можно спорить, что нѣкогда и онѣ владѣли на четвертномъ правѣ), намъ остается сдѣлать только одинъ выводъ: громадное большинство общинъ Елецкаго уѣзда (75,4%) владѣли не такъ давно или нынѣ владѣютъ своею землею на четвертномъ правѣ. Двадцать общинъ, составляющія всего 12,9% [4]) владѣютъ землею на душевомъ, уравнительномъ правѣ очень давно, но нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что душевое владѣніе здѣсь было «изстари». Такое утвержденіе пожалуй будетъ вѣрно лишь для тѣхъ позднѣйшихъ и малочисленныхъ случаевъ, когда пришедшіе со

---

[1]) Считая съ Грунь-Воргольскимъ.

[2]) Не считая перепутаннаго с. Новосильскаго.

[3]) Сюда отнесены экономическіе, съ казенной нарѣзкой и проч., а также душевая часть Злобина Воргола.

[4]) % общинъ неизвѣстныхъ равенъ 11,7.

стороны въ Елецкій уѣздъ крестьяне получили казенныя нарѣзки и раздѣлили ихъ прямо на ревизскія души. Но такъ какъ самый ранній изъ такихъ случаевъ относится къ 1831 г., то въ примѣненіи къ столь недавнему времени слово «изстари» будетъ звучать непріятнымъ диссонансомъ: ужъ лучше сказать «изначала». Душевое владѣніе у служилыхъ по прибору людей повидимому установилось въ Елецкомъ уѣздѣ очень давно, по крайней мѣрѣ народная память не сохранила объ этомъ воспоминаній или изслѣдователи не считали нужнымъ возбуждать эти вопросы въ такихъ общинахъ. Пережитковъ первичнаго владѣнія также повидимому не сохранилось. Но что ревизско-душевая форма не есть вообще первичная для пригородныхъ слободъ, это можно доказать a-priori, а главное въ другихъ мѣстахъ это доказывается и a-posteriori. Но не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ вопросѣ. Итакъ 75,4% общинъ были заняты однодворцами и занятая земля долго ли, коротко ли, владѣлась по четвертямъ. Кромѣ того мы знаемъ въ Елецкомъ уѣздѣ до 443 общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, освобожденныхъ 19 февраля 1861 г. Такъ какъ обладатели крѣпостныхъ въ старину принадлежали также къ служилому сословію и преимущественно къ тѣмъ же дѣтямъ боярскимъ украинскихъ городовъ, какими были и предки однодворцевъ, то про Елецкій уѣздъ можно сказать, что онъ по преимуществу уѣздъ однодворческій; недаромъ по росписи 1672 г. мы видимъ въ немъ 1.307 человѣкъ дѣтей боярскихъ городовой службы, то-есть больше чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ уѣздѣ на Украйнѣ. Попробуемъ описать елецкія формы четвертного владѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какъ эти формы постепенно замѣнялись другими формами—съ уравнительной тенденціей.

Изъ 114 общинъ четвертное владѣніе сохранилось въ 57, то-есть ровно на половину, но въ этой половинѣ считается 8 общинъ такихъ, которыя образовались въ моментъ перехода прежней болѣе крупной общины съ четвертей на души. Часть однодворцевъ, нежелавшая такого перехода (четвертники), оставалась при старой формѣ владѣнія и выдѣлялась въ особую общину; иногда выдѣляли ей землю въ особнякъ, иногда отрѣзали по куску въ каждомъ клину, иногда родовыя полосы оставлялись на старомъ мѣстѣ черезполосно съ душевой землей [1]). Сами четвертники продолжали по большей части жить въ родномъ селеніи, но иногда, какъ въ с. Жерновномъ (стр. 438), выходили на выселокъ. Конечно, не желали они перехода на души потому, что своей родовой земли у нихъ было много, а это могло быть только у туго плодившихся. Достойно замѣчанія, что эта тугая плодовитость четвертниковъ легко прослѣживается

[1]) Въ Обоянскомъ уѣздѣ въ д. Алисовой такая четвертная земля даже передвигалась во время душевыхъ передѣловъ.

и въ настоящее время. Цифровыя данныя о помянутыхъ 8 общинахъ воочію убѣждаютъ насъ въ этомъ: вотъ составъ населенія ихъ по земской переписи 1886 г.: семей 90, мужчинъ 240, женщинъ 284. Прежде всего бросается въ глаза громадное преобраданіе женщинъ надъ мужчинами: только въ одной общинѣ мужчинъ больше женщинъ, въ двухъ поровну, въ пяти значительно меньше. Въ метрополіяхъ, выдѣлившихъ этихъ четвертниковъ, наоборотъ, преобладаетъ мужской полъ. Затѣмъ размѣръ семьи опредѣляется въ среднемъ 5,8, тогда какъ для четвертныхъ владѣльцевъ Елецкаго уѣзда мы находимъ 6,3, а для душевыхъ (кромѣ подгородныхъ) даже 6,5. Такимъ образомъ наблюдается долголѣтняя тенденція къ вымиранію: нося въ себѣ такую тенденцію, никто конечно не станетъ думать, какъ обойдутся землей правнуки, или и того дальше. Однако при всей стойкости этого явленія въ томъ же Елецкомъ уѣздѣ наблюдаются и характерныя исключенія. Такъ, с. Яковлево (стр. 402) въ 1843 г. перешло съ четвертей на души, но 12 домохозяевъ остались при старой формѣ. По даннымъ Кадастровой коммиссіи 1846 г. за 15 дворами было здѣсь 354,5 дес. четвертной земли. При передѣлѣ по душамъ X ревизіи и эти дворы согласились перейти на души, за что пятерымъ изъ нихъ общество дало по три десятины лишней земли каждому двору. При передѣлѣ въ 1883 г. эти излишки отобрали у четырехъ и оставили только у одного двора. Всего этого не произошло бы, конечно, если-бы эти четвертники продолжали туго плодиться въ мужскомъ поколѣніи. Въ д. Барановкѣ (159), это явленіе выразилось гораздо ярче: переходъ состоялся лѣтъ 80 назадъ и одинъ изъ хозяевъ остался на четвертяхъ, но лѣтъ черезъ 30, когда его семья сильно расплодилась, онъ вошелъ въ общій передѣлъ. Д. Новосильская, Островокъ тожъ (стр. 403) въ началѣ 60-хъ гг. раздѣлила всю землю на души (прежде были душево-четвертными), но 6 хозяевъ не согласились; такъ было до передѣла 1883 г., когда пятеро изъ четвертниковъ отдали свои участки въ общій раздѣлъ; «семьи ихъ настолько разрослись, что при передѣлѣ имъ досталось земли больше, чѣмъ они имѣли». И такихъ примѣровъ немало. Такимъ образомъ о помянутыхъ 8 общинахъ намъ придется говорить попутно съ душевыми общинами при описаніи перехода съ четвертей на души; здѣсь же мы будемъ пока говорить о 49 общинахъ четвертныхъ, о всѣхъ душево-четвертныхъ (7) и всѣхъ душевыхъ, сидѣвшихъ нѣкогда на четвертяхъ (50 общ.).

Такъ какъ о многихъ общинахъ Елецкаго уѣзда есть историческія свѣдѣнія объ ихъ возникновеніи, то мы и постараемся сгруппировать ихъ. Прежде всего упомянемъ, что въ 22 общинахъ есть почти точныя даты о послѣдовавшемъ пожалованіи земли. Разбираясь съ этими данными, мы находимъ, что до 1640 года получили землю 7 общинъ, съ 1640 по 1675—6 общинъ, съ 1675 по 1700—4 общины, въ XVIII столѣтіи до Екатерины I—

2, и при Екатеринѣ—3 общины [1]). Самое раннее изъ нихъ относится къ 1609 году, когда была пожалована земля боярскому сыну Тинькову въ деревнѣ того же имени. Но есть преданіе, что д. Тинькова заселилась позже д. Жоковой. Вотъ что разсказывали крестьяне мѣстнымъ изслѣдователямъ про д. Жокову: «первоначально здѣсь было четыре садчика; позже одинъ изъ нихъ переселился туда, гдѣ нынѣ д. Тинькова»... То-есть на сѣверъ по большой дорогѣ къ среднему теченію рѣки Воргла. «Другой садчикъ вышелъ въ д. Становую, третій въ Тросное, отъ четвертаго же произошли теперешнія 5 фамилій д. Жоковой». Изъ трудовъ Кадастровой коммиссіи извлечены подробныя данныя, сколько за кѣмъ было въ 1846 г. жалованной земли и сколько пріобрѣтенной по купчимъ. Изъ этихъ данныхъ, если только мы ихъ сопоставимъ съ данными о другихъ сосѣднихъ селеніяхъ, мы можемъ заключить кое-что о разселеніи дѣтей боярскихъ, жившихъ здѣсь въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія.

Фамилія.	Земли четвертей. Жалованной.	Купленной.	Гдѣ еще встрѣчается фамилія.
Нестеровъ	(14 дв.) [2]) . 70,7 чет.	39,75	въ д. Тетеринковой (1630 г.).
Сѣченовъ	(3 „) . . 0. „	10,	нигдѣ.
Вобликовъ	(1 „) . . 2. „	0,	„ Выш. Короткой (1631 г.).
Лаврищевъ	(7 „) . . 14,5 „	31	„ Становой и Тросномъ.
Цѣлыковскій	(1 „) . . 1,5 „	34,25	„ Петрищевой (1706 г.). „ Алексѣевкѣ (1708 г.).
Тиньковъ	— . . 0. „	0.	„ д. Тиньковой (1609 г.).
Дмитріевъ	— . . 20 дес.	0.	„ д. Становой (?).

$87^3/_4$ ч.+20 дес. 115 ч.

бол. 202 ч. нынѣ земли 396 дес.

Изъ разсмотрѣнія этихъ сопоставленій видно, что изъ 4 пришедшихъ садчиковъ Нестеровъ остался на мѣстѣ, удержавъ 70 четвертей жалованной земли и скупивши до 40 четв. у расходившихся отсюда совладѣльцевъ. Между тѣмъ роду Нестерова еще въ 1630 году была пожалована земля въ д. Тетеринковой, но это могъ быть однофамилецъ или братъ. Лаврищевъ ушелъ въ Тросное, но ушелъ не весь, если можно такъ выразиться, т.-е. ушелъ не самъ садчикъ, а его потомство, причемъ по меньшей мѣрѣ одинъ членъ этого рода остался въ д. Жоковой—иначе откуда взять $14^1/_2$ четвертей жалованной земли. Такого вопроса мы не задаемъ относительно Вобликова и Цѣлыковскаго: Цѣлыковскій вселился сюда въ половинѣ XVIII вѣка, когда и началъ скупать здѣсь землю,—мы видимъ у него 6 купчихъ съ 1752 года по 1819 годъ. Это, собственно говоря,

[1]) Сюда мы не включаемъ отрѣзокъ и прирѣзокъ казны, сдѣланныхъ частью при Екатеринѣ, частью позже.

[2]) Дворы при Кадастовой коммиссіи 1846 г.

собиратель однодворческой земли, недаромъ онъ одинокъ — въ теченіе 67 лѣтъ идутъ покупки и дворъ все-таки одинъ,—неудивительно, если за это время кто-либо изъ преемственныхъ представителей этого двора женился на наслѣдницѣ и этимъ способомъ пріобрѣлъ полторы четверти родовой, жалованной земли. Вобликовы 3 двора наоборотъ—потомки зятя, приставшаго на небогатую наслѣдницу; зять этотъ пришелъ неиздалека верстъ за 15, пришелъ не раньше 1760 года и все-таки до 1846 г. ничего не успѣлъ купить. Тиньковъ ушелъ въ д. Тинькову, первое пожалованіе его въ этомъ мѣстѣ отмѣчено 1609 г., затѣмъ выставлены три года рядомъ 1627, 1628 и 29; можно было ограничиться однимъ какимъ-нибудь годомъ, ибо извѣстно, что въ эти года были въ Елецкомъ уѣздѣ воловые писцы; выписи съ писцовыхъ книгъ этихъ годовъ и показаны въ трудахъ Кадастровой коммиссіи. Четвертый садчикъ, ушедшій изъ Жоковой, былъ Дмитріевъ; это мы заключили изъ того, что изъ 8 родовъ, перечисленныхъ Кад. коммисіей по д. Становой, только за однимъ Дмитріевымъ оказывается нынѣ 20 десятинъ родовой земли въ д. Жоковой. Но чтобы это значило, что всѣ садчики разбѣжались изъ этого мѣста, и разбѣжались очень рано—въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ XVIII же столѣтіи опять сюда являются разные Цѣлыковскіе и Сѣченовы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо еще нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія. Д. Жокова нынѣ уже слилась съ Телѣгиной и Гущиной, но каждая изъ нихъ имѣла всегда особую дачу [1]), надо думать, что и въ этихъ деревняхъ было человѣка по три-четыре садчиковъ. Д. Жокова стояла на большой дорогѣ изъ Ельца на сѣверо-западъ—въ Новосиль и Мценскъ. Одинъ изъ Нестеровыхъ еще въ половинѣ XVIII ст. пишется по купчей ямщикомъ, тѣмъ же званіемъ величаетъ себя какой-то Михайловъ, продавшій тутъ свою землю. Въ 1774 году другой Нестеровъ называетъ себя уже однодворцемъ. Такимъ образомъ самое мѣстоположеніе селенія ставило его обитателей въ невыгодныя условія: съ самаго момента поселенія они могли попасть на тяжелую службу «разсыльщиковъ», а позже въ ямскіе охотники. Ужъ одно названіе Телѣгино напоминаетъ намъ про видъ этой службы. Первымъ садчикамъ и очень рано, въ началѣ XVII столѣтія, была пожалована земля именно на этомъ мѣстѣ на большой дорогѣ не безъ умысла. Вѣдь поселилъ же не такъ давно одинъ исправникъ партію переселенцевъ въ Сибири въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и трава не растетъ. Когда его запросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ совершенно наивно отвѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ негдѣ этапу остановиться. Но въ началѣ XVII вѣка здѣсь на большой дорогѣ нужно было поселить не гостепріимцевъ для этапа, а вооруженныхъ людей,

---

[1]) О садчикахъ Телѣгиной и Гущиной мы не имѣемъ свѣдѣній, извѣстно только, что нѣкогда эти общины перепили съ четвертей на души.

которые «стояли бы усторожливо», чтобъ «татаровье» разбивъ Елецъ, не прошли дальше «безвѣстно». Первое время ихъ навѣрно удерживали здѣсь всякими мѣрами, и только тогда, когда Елецъ дѣйствительно окрѣпъ, дозволено было разселиться въ сторону отъ большой дороги. Что отсюда изъ Жоковой и Телѣгиной заселялась вся округа, видно изъ того, что здѣсь имѣли по немногу земли садчики сосѣднихъ деревень. Такъ, Титовъ послѣдніе клочки свои продалъ въ XVIII вѣкѣ, а самъ еще въ 1661 году испомѣстился въ д. Петрищевой.

Итакъ народное преданіе о старѣйшемъ заселеніи д. Жоковой вовсе не стоитъ въ противорѣчіи съ окружающими фактами. Столь же древнимъ поселеніемъ, по всей вѣроятности, надо считать д. Становую, находившуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ большая дорога раздѣлялась на двѣ розстни въ Новосиль на сѣверо-западъ и въ Ефремовъ на сѣверъ. Здѣсь мы видимъ 8 фамилій, но изъ нихъ одинъ дворъ Лаухина имѣлъ только купленную землю 6 чет. Два дв. Болгова имѣли всего 1 четверть жалованной и 4 чет. купчей; 4 дв. Кулешова имѣли 8 чет. жал. и извѣстные намъ Дмитріевы (4 дв.) имѣли въ этой дачѣ всего $5^1/_2$ четвертей. Остальные садчики распредѣлялись такъ:

Селивановъ	(5 дв.)	38	ч. жал.	27	ч. куп.	(у 4 дворовъ].
Лаврищевъ	(7 „)	$25^1/_4$	„ „	0	„ „	
Лукинъ	(1 „)	$12^1/_2$	„ „	0	„ „	
Мамощинъ	(32 „)	60	„ „	123	„ „	(у 22 дворовъ).
Всего	жалованной	150	чет. и куп.	160	чет.	

Такъ какъ родъ Мамощиныхъ является въ 1846 году наиболѣе разросшимся и, если не считать купчихъ земель, наиболѣе малоземельнымъ, то не будетъ большой натяжкой предположить, что всѣ мелкіе дачники Кулешовъ, Дмитріевъ и Болговъ есть никто иные какъ зятья, приставшіе именно къ роду Мамощина, въ такомъ хронологическомъ порядкѣ, какъ идетъ размѣръ ихъ землевладѣнія и число дворовъ: чѣмъ больше земли и чѣмъ больше дворовъ, тѣмъ раньше присталъ зять. Присоединяя землю этихъ зятьевъ къ землѣ Мамощина, мы получимъ $74^1/_2$ четверти. Но вѣдь это половина того, что имѣютъ остальные три крупные садчика. Когда мы разсмотримъ ихъ, то сейчасъ же замѣтимъ, что единый дворъ Лукина есть половинщикъ Лаврищеву. 7 дворовъ Лаврищева происходятъ отъ двухъ братьевъ и имѣютъ $^2/_3$ всей жалованной земли, Лукинъ же есть ничто иное, какъ зять приставшій на дочь или внуку третьяго брата Лаврищева и потому у него $^1/_3$ земли; и словно въ доказательство этой связи ни Лаврищевы, ни Лукинъ не имѣютъ купчей земли. Въ свою очередь Селивановъ половинщикъ дѣду Лаврищеву ибо четвертей у нихъ почти поровну—38 и $37^3/_4$, что даетъ въ суммѣ 75, то-есть почти столько же, сколько мы видѣли у Мамощина. Тогда надо предположить двѣ

случайности: 1) Селивановъ (родоначальникъ) имѣлъ двухъ сыновьевъ, отъ одного изъ нихъ пошли внуки Селивановы, но отъ другого была внучка принявшая во дворъ зятя Лаврищева, конечно изъ Жоковой или изъ Троснаго по сосѣдству, также какъ и Дмитріева принялъ родъ Мамощина. Эта линія осталась вѣрна самой себѣ и, раздѣлившись по-третьёмъ, одна изъ этихъ трехъ линій приняла опять зятя Лукина. 2) Но могло быть, что это вырожденіе началось гораздо раньше, иначе откуда такое полное совпаденіе половинокъ Мамощина и Селиванова? Что мѣшаетъ предположить, что у первосадчика Мамощина, примѣрно въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, было двое сыновьевъ; старшій, какъ жившій въ болѣе опасное время, какъ раньше попавшій въ военную службу и сносившій тамъ преждедременно свою голову, успѣлъ прижить только дочь (Селиванову) или двухъ дочерей, впослѣдствіи Селиванову и Лаврищеву, а младшій, имѣвшій возможность подолже просидѣть въ недорослѣхъ за спиною служившаго брата, управился прижить быть можетъ пятерыхъ сыновьевъ Мамощиныхъ [1]). Такимъ образомъ въ д. Становой былъ одинъ садчикъ (заимщикъ). Его потомство пошло по двумъ линіямъ—одна была очень плодовита и дала къ 1846 г. 31 дворъ Мамощиныхъ, другая была склонна къ вырожденію на первыхъ же порахъ—все время она шла по женской линіи, все время принимала зятьевъ инофамильцевъ. Отсюда первая линія должна сдѣлаться малоземельной, вторая—широкодачниками; мы сейчасъ увидимъ, какъ шла борьба съ этимъ малоземельемъ. Рядомъ съ Мамощинымъ сидѣлъ еще другой заимщикъ или нѣсколько таковыхъ—это видно изъ того, что кадастръ зарегистрировалъ 160 четвертей купчей земли. Кто былъ этотъ сосѣдъ, къ сожалѣнію, по печатному источнику узнать нельзя; несомнѣнно одно лишь, что потомство его продержалось въ д. Становой до 1768 года, ибо въ это время въ послѣдній разъ одинъ изъ Селивановыхъ купилъ у него 27 четвертей. Неизвѣстно однако, когда была заключена послѣдняя купчая Мамощиными, по кадастру 22 двора имѣли покупную землю. Что эта земля не принадлежала роду Мамощиныхъ, видно изъ того, что незачѣмъ было бы имъ покупать ее другъ у друга — такой циркуляціи земель тогда не было: продавалъ тотъ, кто уходилъ или кто не нуждался въ землѣ. Мамо-

---

[1]) Я полагаю именно 5, ибо $75 : 5 = 15$, а у мелкихъ зятьевъ мы видѣли въ совокупности близкое къ этому число; у Дмитріева $5^1/_2$—это почти кратное 15. Всякое другое дѣленіе никоимъ образомъ не можетъ оставить на долю Мамощиныхъ 60 четвертей. 8 ч. Кулешова могли получиться изъ половины 15, то-есть наслѣдница внучка первосадчика вышла за Кулешова, недаромъ ихъ уже 4 двора. За Дмитріева шла также правнучка, дѣлившая наслѣдство съ двоюрдными братьями по-третьемъ; что касается Болгова, то ему могли дать одну четверть въ приданое *братья*,— вѣдь это та же $^1/_{14}$ часть или $7^1/_2$ четвертей со ста по Уложенію: „а дѣвкамъ въ полы противъ матерей“ ст. 31 гл. XVI).

щины же въ ней страшно нуждались, что видно изъ того, что скупили ее 123 четверти, то-есть вдвое больше, чѣмъ было у нихъ жалованной земли. Невидно также, чтобы землю кто продавалъ изъ рода Селиванова: еслибы это было—доли половинщиковъ были бы перепутаны до неузнаваемости. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ Жоковой, вѣроятно не всѣмъ жилось покойно и добрая половина населенія ушла. Наиболѣе выносливое и плодовитое поколѣніе Мамощина скупило $^5/_6$ частей сосѣдняго помѣстья и тѣмъ нѣсколько уменьшило свое малоземелье: при этомъ условіи въ среднемъ на дворъ у нихъ вышло по 6 четвертей [1]), тогда какъ у Лаврищевыхъ было уже почти вдвое меньше. Но до Лукина и Селиванова было все-таки очень далеко. Такъ длилось долго, вплоть до IX ревизіи, когда, несомнѣнно подъ вліяніемъ тенденцій палаты государ. имущ., однодворцы д. Становой приступили къ душевому поравненію. И доводы въ пользу поравненія были очень сильные: «мы всѣ потомки одного садчика, ему была жалована земля, а вѣдь вы кто такіе—зятья, пріемыши; мы, Мамощины, изморились покупать землю, пусть эта купчая земля идетъ въ передѣлъ, намъ ее нежалко». 12 домохозяевъ, коимъ принадлежала громадная часть дачи (до 300 дес.), протестовали, судились два года, даже эти два года не пахали отведенную имъ душевую землю, но въ концѣ концовъ должны были уступить (стр. 100). Кто же протестовалъ противъ передѣла? конечно Селивановы, Лукинъ, пожалуй Лаухинъ, если былъ немногодушный, и затѣмъ наиболѣе земельные дворы изъ рода Мамощиныхъ. Но такъ какъ эта убыль для остальныхъ Мамощиныхъ покрывалась 4 дворами Кулешовыхъ и 4 Дмитріевыхъ, то получилось подавляющее большинство за передѣлъ, противъ чего заробѣешь судиться. Итакъ наличность покупныхъ земель у однодворцевъ не тормазитъ отнюдь перехода съ четвертей на души, лишь бы распредѣленіе такихъ земель мало-мальски соотвѣтствовало интересамъ большинства.

Изъ окружающихъ д. Жокову селеній намъ надо отмѣтить слѣдующія. Д. Поддолгая имѣла лишь $196^1/_2$ четвертей жалованной въ 1635 году земли въ помѣстье, но сколько было здѣсь садчиковъ неизвѣстно. Такъ какъ нынѣ въ дачахъ этой деревни считается не менѣе 475,8 дес., то на одну четверть приходится около 2,4 дес. С-цо Подхорошее имѣетъ 5 родовъ, но неизвѣстно, когда они поселились здѣсь. Въ селѣ Плоскомъ было два садчика Лаухинъ и Рыковъ, владѣвшіе жалованной землей; во второмъ обществѣ того же села было 4 садчика, но фамиліи ихъ не перечислены. Наконецъ д. Алексѣевка заселилась въ началѣ XVIII вѣка: извѣстной намъ фамиліи однодворецъ Цѣлыковскій купилъ здѣсь у однодворцевъ Двоечин-

---

[1]) 12 десят., ибо четверть равнялась здѣсь 2 дес., а не $1^1/_2$, какъ думаютъ изслѣдователи.

ковыхъ и частью у Меркуловыхъ [1]) помѣстную землю, но не сразу, а по четыремъ купчимъ съ 1708 по 1781 годъ [2]). По смерти перваго пріобрѣтателя земля была раздѣлена по-третьёмъ между его сыновьями: отъ одного изъ нихъ произошла собственно Алексѣевка (97 душъ по X ревизіи), отъ другого с-цо Новонаселенное (18 р. душъ), въ коренной дачѣ первымъ принадлежитъ 120 дес., вторымъ около 70; въ дачѣ Поддолгой только первымъ 54. Третій же сынъ, дослужившись дворянства, продалъ всю свою землю крестьянину изъ пригородныхъ слободъ по фамиліи Субочеву (около 90 дес.), потомки коего нынѣ составляютъ отдѣльный родъ и владѣютъ землей безоброчно. По выпискѣ изъ купчей 1781 г. можно вывести, что 25 четвертей въ д. Поддолгой равняются 54 десятинамъ, то-есть немного болѣе 2 дес. и кромѣ того видно, что эту землю одинъ изъ Цѣлыковскихъ купилъ у однодворцевъ с. Рождества и Домовина. Это обстоятельство еще разъ указываетъ на разселеніе дѣтей боярскихъ изъ района д. Жоковой. Что касается замѣчаній составителей сборника, почему въ данномъ случаѣ братья раздѣлившіе землю отца не являются «половинщиками», то объясненіе кроется именно въ томъ, что разсказываютъ сами же составители: земля покупалась не сразу, одна линія (дворянская) вовсе не участвовала въ покупкахъ, другая усиленно скупала, а третья могла продавать, такъ какъ, будучи слабо плодовитой, лучше была обезпечена землей [3]). Двигаясь по большимъ дорогамъ по направленію къ сѣверо-западу, мы видимъ на р. Ворглѣ и его притокѣ также очень древнія селенія. Старѣйшимъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ на основаніи имѣющихся печатныхъ данныхъ, мы должны признать д. Курасовку (стр. 157). Здѣсь по кадастру кромѣ 16 десятинъ купленныхъ родомъ Королева въ 1752 г. въ чужихъ дачахъ, вся земля считается жалованной предкамъ въ помѣстье, причемъ время пожалованія для одного рода— Антонова прямо указано 1628 годомъ. «Родоначальниковъ, коимъ была пожалована земля, было здѣсь семь, каждый изъ нихъ получилъ по 50 четвертей. Согласно этому и вся земля раздѣлена до настоящаго времени на семь равныхъ «паевъ», раздѣленныхъ между родичами». Эти показанія провѣряются слѣдующимъ разсчетомъ: такъ какъ лѣтъ сто назадъ четверть пая была выпродана въ чужую деревню, то сіе надо принять во вниманіе при опредѣленіи общаго числа четвертей оставшихся за деревней: получимъ $50 \times 7 = 350 - 12^1/_2 = 337^1/_2$ четвертей. Раздѣляя на

---

[1]) Про перваго нѣтъ свѣдѣній, но фамилія Меркулова встрѣчается въ Баевкѣ, куда онъ могъ продвинуться по южному направленію.

[2]) Въ сборникѣ напечатано 1607 г., это явная опечатка, ибо тогда нельзя было покупать помѣстныхъ земель.

[3]) Алексѣевка имѣла на душу (120+54):97=1,8, Новонаселенное 70:18=4 дес. Отчего же не продавать?

это число общее количество десятинъ коренной дачи 501,2 дес. получимъ ровно полторы десятины, то-есть при генеральномъ межеваніи Курасовцы получили то, что приходилось по крѣпостямъ, а это значитъ, что таковыя дѣйствительно были и именно въ томъ размѣрѣ, на который указываютъ крестьяне. Другой способъ провѣрки мы находимъ въ нынѣшней разверсткѣ покоса и каменоломень. Покосъ дѣлится по травѣ на 7 паевъ, затѣмъ изъ одного пая отбиваютъ четверть и пропиваютъ; затѣмъ каждый пай дѣлится между родичами. Если отбитую $^1/_4$ пая не пропиваютъ, то и ее дѣлятъ на 7 родовъ. Также, но навѣчно, раздѣлили каменоломни лѣтъ семь назадъ. Эти пережитки служатъ живымъ подтвержденіемъ приведенныхъ выше разсказовъ. Д. Курасовка вѣроятно была заселена станичниками, не даромъ по описи еще 1592 года значится «сторожа отъ Ельца стоитъ особная по Новосильской дорогѣ верхъ Воргольскаго лѣса» [1])...

По сосѣдству съ д. Курасовкой мы видимъ четыре селенія, отчасти намъ уже знакомыя: с. Рождество, Домовино, Тетеринково и Петрищева. Всѣ они владѣютъ въ одной черезполосной дачѣ, хотя находятся другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, а Петрищева даже за рѣкой Воргломъ. Въ с. Тетеринковѣ извѣстному намъ Нестерову или его брату земля была пожалована въ 1630 году, другому роду — Меренкову въ 1642 г. Затѣмъ добавлено земли тѣмъ же Меренковымъ въ 1661 и 1686 году, да кромѣ того въ с. Домовинѣ отказана земля роду Меренкова въ 1679 году, а остальнымъ родамъ въ слѣдующемъ году. Очевидно, владѣли они тутъ раньше безъ дачъ и вотъ, когда одинъ изъ совладѣльцевъ справилъ за собой помѣстье, то другіе сейчасъ же поспѣшили и себѣ справить, ибо владѣть безъ дачъ, рядомъ съ законнымъ владѣльцемъ было и тогда не совсѣмъ удобно. И безъ того въ трудахъ кадастровой комиссіи есть такая приписка: «кромѣ того всѣ Меренковы владѣли безъ документовъ», значитъ была лишняя сверхъ дачъ земля. Въ д. Петрищевой земля была отказана въ 1661 г. Титову, въ 1688 г. Рощупкину, а нѣкоторымъ родамъ къ сожалѣнію неизвѣстно какимъ [2]), пожалованіе относится къ 1645 году. Роду Цѣлыковскаго земля пожалована здѣсь только въ 1706 году [3]). Совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о с. Рож-

---

[1]) Бѣляевъ: „О сторож. службѣ, источ.“ стр. 39.

[2]) Есть впрочемъ указаніе на то, что въ д. Петрищевой имѣется родъ Петрищева.

[3]) По печатнымъ даннымъ нельзя доискаться откуда первоначально взялся родъ однодворцевъ Цѣлыковскихъ. Вѣроятно есть въ предѣлахъ Становлянской или Предтечевской волостей деревня заселенная Цѣлыковскими; изъ этой метрополіи они расходились по уѣзду въ XVIII вѣкѣ. Такъ подгородняя Прокопная Поляна куплена въ концѣ царствованія Екатерины однодворцемъ Цѣлыковскимъ, поставлявшимъ на казну холстъ.

дествѣ, которое лежитъ въ центрѣ дачи. Какъ бы ни было, но это мѣсто было заселено уже съ 1630 г. Изслѣдователи совершенно справедливо замѣчаютъ (стр. 162), что «эти 4 селенія съ населеніемъ въ 466 дворовъ составляютъ въ земельномъ отношеніи до извѣстной степени одно цѣлое, такъ какъ всѣ земли ихъ находятся въ черезполосицѣ»... Не только одна черезполосица, но есть еще кое-что поважнѣй, что позволяетъ сдѣлать такое заключеніе и даже болѣе категорическое: *эти 4 селенія составляютъ сложную четвертную общину-волость.* Явленія этого порядка приходится наблюдать сравнительно рѣдко, такъ какъ спеціальное размежеваніе уничтожило почти всѣ общины-волости четвертного права. «Все владѣніе,—пишутъ изслѣдователи,—представляющее собственно одинъ сплошной участокъ, разбито на 5 особняковъ: въ двухъ изъ нихъ являются совладѣльцами»... но лучше привести эти свѣдѣнія въ табличной формѣ.

	Владѣльцы.			
1-й участокъ . . .	Рождество.	Домовино.	Петрищева.	—
2-й участокъ . . .	Рождество.	Домовино.	Петрищева.	—
3-й участокъ . . .	—	—	Петрищева.	Тетеринково.
4-й участокъ . . .	—	Домовино.	Петрищева.	Тетеринково.
5-й участокъ . . .	—	—	20 двор. Петрищевой.	—
Душъ муж. пола.	571	145	611	125
„ жен. „	597	124	606	140
% прироста муж. насел. съ X рев. . .	26,6%	9,9%	40%	13,7%

Населеніе Рождества, Домовина и Тетеринкова туго плодится, Петрищева же плодится энергично, съ преобладаніемъ мужчинъ надъ женщинами; соотвѣтственно съ этимъ разобрана и земля въ разныхъ участкахъ: чѣмъ больше плодовитость, тѣмъ шире примѣняется захватъ. «Въ каждомъ особнякѣ, продолжаютъ изсѣдователи, «ведется самостоятельное трехполье». Но раздѣлить на клины нетрудно, съ хозяйственными затрудненіями крестьяне отлично умѣютъ справляться, но какъ раздѣлить землю юридически сообразно съ правами каждаго изъ 466 хозяевъ! Всей земли около 3.575 десятинъ.

Наиболѣе справедливымъ способомъ раздѣла дачи однодворды всегда считали черезполосицу — неудивительно, что она господствуетъ и здѣсь. Техника ея не описана, но слѣдствія несовершенства этой техники описаны довольно ярко. «Черезполосица вызываетъ страшную путаницу: ежегодно между жителями отдѣльныхъ селеній происходятъ безконечные споры, и ссоры, и даже драки изъ-за запашки чужихъ загоновъ и т. п. Расходы на тяжбы иногда доходятъ до 500 р. въ годъ, нанимаютъ даже адвокатовъ... Особенно обостренныя отношенія замѣчаются между с. Рождествомъ и Петрищевой, что обусловливается слѣдующей причиной: по

разсказамъ крестьянъ, здѣсь нѣкогда было четыре садчика, которымъ было пожаловано по 125 четвертей каждому; двое изъ нихъ поселились на мѣстѣ теперешняго Рождества, а двое другихъ на мѣстѣ Петрищевой». Это показаніе весьма важно; хотя мы и не имѣемъ точнаго опредѣленія времени пожалованія, но смѣло можно предположить, что оно было раньше, чѣмъ осѣлъ здѣсь Нестеровъ (1630), который занялъ землю очевидно оставшуюся у первыхъ садчиковъ сверхъ дачъ и сѣлъ особымъ поселкомъ въ Тетеринковѣ. Что здѣсь оказывалась лишняя сверхъ дачъ земля, мы уже знаемъ, но дальнѣйшія показанія крестьянъ объясняютъ намъ, какое значеніе имѣло это обстоятельство. «Впослѣдствіи какъ этими садчиками, такъ и ихъ потомками, было захвачено значительное количество земли изъ бывшаго тогда кругомъ дикаго поля, но во всякомъ случаѣ общая сумма въ обоихъ селеніяхъ оставалась равною; однако еще позже случилось какимъ-то образомъ (?), что къ д. Петрищевой отошло лишнихъ 350 десятинъ». Это не совсѣмъ ясное мѣсто подлежитъ толкованію. Понятно, что потомки четырехъ садчиковъ, имѣвшихъ право на равную часть въ общей дачѣ, въ данномъ случаѣ право на 125 четвертей, должны были при распашкѣ дикаго поля верстаться въ новоотводимыхъ ярусахъ поровну: если Петрищеву 125 сажень ширку, то и Титову и Меренкову надо отвести столько же[1]). Такъ и дѣлалось до поры до времени. Но мы видѣли, что Рождество до сихъ поръ плодится туже, чѣмъ Петрищева; послѣдняя, имѣя больше мужского населенія, а стало быть и больше рабочей силы, была несомнѣнно больше заинтересована въ распашкѣ новыхъ дѣлянокъ; и вотъ, исчерпавъ свой земельный фондъ, опредѣленный дачей въ 125 четвертей, она начала распространять свою запашку сверхъ дачъ; это могло случиться уже къ концу XVII вѣка. Рождество протестовало, но Петрищева могла отвѣчать на эти протесты обыкновенными выраженіями: «не ваше дѣло, не вашу землю разпахиваемъ, а дикое поле!» На роспашь можно было бить челомъ, прося за собой справить «лишнюю сверхъ дачъ землю», и всѣ пожалованія помѣченныя 7169 годомъ вѣроятно вытекали изъ такихъ челобитій; поэтому-то даже въ неполныхъ свѣдѣніяхъ находимъ семь родовъ, хотя садчиковъ было 4. Неизвѣстно сколько имъ было пожаловано четвертей, но если нынѣшнюю землю раздѣлить на 500 четвертей, пожалованныхъ первымъ четыремъ садчикамъ, то на каждую четверть придется болѣе 7 десятинъ. Этотъ чрезмѣрный излишекъ былъ причиной постоянныхъ новыхъ вселеній, которыя окончились лишь въ началѣ XVIII вѣка (Щѣлыковскому пожалована здѣсь земля въ 1706 г.).

Все это было бы ясно, какъ божій день, еслибы здѣсь не было одного

---

[1]) Сравн. выше стр. 57.

крупнаго недоразумѣнія: вѣдь дача была искони разбита на 4 особняка, если идетъ сюда это слово. Что отсюда можно вывести? Значитъ родъ каждаго садчика получилъ особое помѣстье и черезполосица существуетъ только между потомками даннаго рода... но вотъ это-то и невѣрно: всѣ четыре рода въ каждомъ особнякѣ изстари имѣли свои столбы, загоны, черезполосно другъ съ другомъ (поярусно). Зачѣмъ же они, эти садчики и ихъ ближайшее потомство, при такомъ изобиліи земли такъ глупо распорядились? Мѣстное изслѣдованіе даетъ и на это объясненіе: «другою причиною, заставляющей с. Рождество противодѣйствовать спеціальному размежеванію, является *сравнительно худшее качество почвы близъ него* т.-е. той ближайшей къ селенію земли, которая непремѣнно отойдетъ ему при нарѣзкѣ особняковъ» (стр. 163). Вотъ эта-то разнокачественность почвы связала перводачниковъ въ одну плотную общину, заставивъ ихъ разверстывать пополосно землю во всѣхъ четырехъ особнякахъ, и конечно въ каждомъ клину. Отсюда понятно, почему въ 1 и 2 участкѣ владѣютъ всѣ три селенія: Рождество, Домовино и Петрищева. С. Рождество удобно было для поселенія, но полевая земля къ нему прилегавшая была плоха, надо было входить въ соглашеніе съ садчиками д. Петрищевой. Послѣдняя, нуждаясь въ землѣ, въ свою очередь вошла въ соглашеніе съ новыми дачниками, осѣвшими въ Тетеринковой, и кромѣ того одна вѣтвь Петрищевой (20 дворовъ) выхлопотала себѣ еще особую пустошь (5-й участокъ). Это ея единственное владѣніе. С. Домовино также вошло въ связь съ Тетеринковой въ 4-мъ участкѣ. Отсюда доминирующее значеніе д. Петрищевой: на мірскихъ сходахъ они имѣютъ право голоса во всѣхъ участкахъ, а это даетъ силу захватить цѣлыхъ 350 десятинъ лишней земли. Новые присельники, являвшіеся съ жалованными грамотами, отбирали распаханную землю у старожиловъ; это толкало на заключеніе новыхъ договоровъ, на укрѣпленіе новыхъ связей, но отнюдь не разрушало старыхъ, ибо для отпора претензій новоселовъ старожилы, всѣ или по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ виновные въ распашкѣ лишней сверхъ дачъ земли, должны были дружно сплотиться, чтобы съ наибольшей выгодой разстаться съ землей, на которую хотя и воровски, былъ затраченъ ими трудъ.

Этимъ единствомъ всего четырехсложнаго міра и можно было добиться того, что владѣніе безъ дачъ у многихъ продержалось до кадастровой комиссіи, осталось конечно и послѣ нея. Итакъ, захватъ лишней земли со стороны д. Петрищевой и Тетеринковой, и очень дурное качество почвы близъ Рождества тормазятъ спеціальное размежеваніе и служатъ источникомъ тѣхъ смутъ, которыя описаны выше. Но вѣдь кромѣ размежеванія у четвертныхъ владѣльцевъ есть другое болѣе могучее средство къ общему умиротворенію. Однодворцы этой сложной общины были бы глу-

пыми, неразвитыми однодворцами, еслибы не пытались примѣнить этого средства: мы разумѣемъ здѣсь душевое поравненіе. Вотъ что пишутъ изслѣдователи по этому поводу: «сверхъ того, общая сумятица въ земельныхъ дѣлахъ усиливается здѣсь стремленіемъ наиболѣе малоземельной части населенія добиться раздѣла всей четвертной земли на души», добиться перехода... къ уравнительной формѣ владѣнія. Изъ книги для записи приговоровъ изслѣдователямъ удалось между прочимъ выписать такое знаменательное мѣсто: «нѣсколько владѣльцевъ, продавши свои участки, прибѣгаютъ къ насиліямъ, какъ-то: побоямъ, самовольному покосу и свозкѣ чужого хлѣба, добиваясь передѣла земли по душамъ»... Но безземельныхъ во всѣхъ 4 селеніяхъ очень мало, всего 13 дворовъ, очевидно вышеприведенная мѣра, впрочемъ неизвѣстно какая именно, направлена противъ приверженцевъ поравненія, противъ душевиковъ. Кто заинтересованъ въ отклоненіи этой мѣры полезной для большинства? Прежніе захватчики сверхъ дачъ, по терминологіи Уложенія ц. Алексѣя «воры», обобравшіе міръ, воровски захватившіе мірскую землю сверхъ дачъ и сверхъ требованій самой элементарной справедливости. Страхъ ихъ передъ велѣніями міра до того великъ, а выгода навязать плохую землю селу Рождеству до того соблазнительна, что д. Петрищева много лѣтъ уже хлопочетъ о спеціальномъ размежеваніи; не дальше какъ въ 1883 г. она снова подала прошеніе «начальству» о размежеваніи. Весьма жаль, что такой моментъ назрѣлъ такъ поздно — случись эта развязка при палатѣ госуд. имуществъ, было бы предписано, «не взирая ни на что, подѣлить землю на души». Отчего этого не случилось въ 40 г. неизвѣстно, изслѣдователи очевидно не спросили, были ли въ то время попытки перехода къ душевому владѣнію, и почему не осуществились. Впрочемъ есть косвенныя указанія на то, что могло затормазить такой переходъ. Въ Рождествѣ и Петрищевой есть сябровскія мельницы, но странно вмѣсто обычнаго названія участниковъ сябрами, здѣсь ихъ величаютъ «тяглами». Въ Петрищевской мельницѣ 92 тягла (стр. 164). Чистка прудовъ производится также «тяглами», причемъ тягла считаются по числу работниковъ въ каждомъ дворѣ. Я вижу въ этомъ остатокъ сѣдой старины и, принимая во вниманіе плохое качество почвы во всей дачѣ («очень бугриста и овражиста, преобладаетъ суглинокъ»), мнѣ думается, не было ли здѣсь когда потягольной разверстки земли, отчего Петрищевцы, какъ болѣе плодовитые, имѣли возможность больше захватить земли. А разъ примѣшивается трудовое начало, однодворцы, какъ и прочіе русскіе землепашцы, съ уваженіемъ относятся къ нему: легче раздѣлить купчія земли, нежели отнять то, что заработано «горбомъ» въ потѣ лица и въ полномъ изнуреніи. Если предположеніе это вѣрно, то и съ этой точки зрѣнія с. Рождество съ деревнями является въ высшей степени интереснымъ для наб-

людателя. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще нигдѣ не найдено, чтобы однодворцы разверстывали землю потягольно, хотя бы временно.

Другую причину задержки перехода въ 40 гг. можно видѣть въ размѣрахъ владѣнія; правда, нынѣ разница во владѣніи не велика, въ Петрищевой 8 дес. на дворъ, въ Рождествѣ—7. Но при X ревизіи разница эта была значительно больше: въ Петрищевой около $3_{,7}$ на ревизскую душу, а въ Рождествѣ неполныя 3 дес. При IX и VIII ревизіи разница эта могла быть еще больше, а мы видѣли, что на всѣхъ четырехъ сходахъ жители Петрищевой преобладали и слѣдовательно могли тормазить всякое движеніе къ поравненію; но если бы д. Петрищева имѣла земли меньше, чѣмъ Рождество, переходъ на души давно бы состоялся.

Итакъ, поземельная связь, выражающаяся черезполосицей, есть только внѣшнее выраженіе болѣе общихъ причинъ, которыя устанавливаютъ единство владѣнія этихъ четырехъ селеній и тѣмъ дѣлаютъ изъ нихъ одну общину - волость. Причины эти: единство испомѣщенія первосадчиковъ равномѣрными помѣстьями, общій со стороны почти всѣхъ совладѣльцевъ захватъ земли сверхъ дачъ, общая разверстка всѣхъ угодій, обусловленная физической разнокачественностью пашни, общая объединенная борьба противъ вторженій новыхъ помѣщиковъ, наконецъ, родовое объединеніе того общественнаго органа, который распоряжается общимъ помѣстьемъ, т.-е. мірского схода, дѣйствующаго подъ давленіемъ родовичей д. Петрищевой; наконецъ тягольное, а можетъ быть просто дворовое поравненіе.

Вотъ тѣ основанія, по коимъ можно видѣть здѣсь общину-волость. Мы не знаемъ, общая ли у нихъ владѣнная запись, но полагаемъ, что впредь до спеціальнаго размежеванія, она по закону должна быть общей. Если мы видимъ расписанными на каждое селеніе окладные листы, то это сдѣлано для облегченія взысканій недоимки и самыхъ платежей; но если бы мнѣ пришлось примѣнить круговую поруку, я не задумался бы распространить ее на всѣ четыре селенія сразу, а вопросъ о равномѣрности распредѣленія недоимки предоставилъ бы общему, четырехъ селеній, мірскому сходу.

По сосѣдству съ Домовинымъ въ тотъ же 1661 годъ боярскому сыну Прокофію Григорьеву Бѣлозерову было пожаловано помѣстье въ пустоши подъ Домовиновымъ лѣсомъ, на Марковомъ верху, пашни 30 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, въ его окладъ во 150 ч. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ д. Маркова, населенная потомками Бѣлозерова. Это еще одинъ фактъ, доказывающій изобиліе земли въ этой мѣстности, и позднѣйшія вселенія постороннихъ элементовъ. Кромѣ того, извѣстно, что д. Мягкая, давно перешедшая на души, продолжаетъ владѣть четвертной землей въ Рождествѣ и Петрищевой. Земля эта, принадлежащая, впрочемъ, немногимъ дворамъ, считается жалованной (зятья) въ 1661 году. Въ коренной

же дачѣ д. Мягкой владѣютъ 4 рода (одинъ изъ нихъ Петровъ), но часть земли прирѣзана отъ казны, вѣроятно, во время генеральнаго межеванія.

Южнѣе только что описанной мѣстности, поближе къ р. Соснѣ, съ московской ея стороны, раскинулось нѣсколько однодворческихъ селеній. И здѣсь на большой дорогѣ изъ Ельца въ Чернавскъ, въ одномъ селѣ Аѳанасьевѣ мы насчитываемъ до 6 общинъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ здѣсь раньше всѣхъ пожалована была земля д. Вер. Короткой въ 1632 г. По словамъ крестьянъ, предки ихъ пришли сюда изъ Стараго Оскола, въ чилѣ 6 семей, отъ которыхъ произошли шесть коренныхъ родовъ. Вся земля тянется узкою полосою верстъ на 9 отъ селенія и разбита на двѣ части: ближнюю—клиновую (около 1.000 дес.) и дальнюю—пестрополье (около 400 дес.), но въ послѣдней владѣютъ лишь три рода: Вобликовы, Левыкины и Подковзины, получившіе ее нѣкогда въ помѣстье. Время пожалованія этой земли относится къ разнымъ годамъ: Левыкинымъ и Подковзинымъ въ 1643, 1674 и 1694 г. и Вобликовымъ въ 1632 и 1639, а нѣкоторымъ изъ нихъ сверхъ того въ 1643, 1674 и 1694 г., то-есть совпаденіе это указываетъ на то, что дополнительное испомѣщеніе происходило въ одно время, но первое пожалованіе въ разное. «Всѣ роды владѣютъ четвертною землею (есть и душевая) черезполосно между собою». Жаль, что больше нѣтъ никакихъ подробностей, ни о размѣрахъ испомѣщенія, ни о техникѣ разверстки земли. Расположенная здѣсь же (слитно) д. Таликова имѣла семерыхъ садчиковъ, владѣвшихъ жалованной въ помѣстье землей, но одинъ родъ (Деминыхъ) имѣлъ еще 135 ч. купленной у однодворцевъ земли. С. Аѳанасьево имѣло трехъ садчиковъ, всѣ три рода имѣютъ лишь жалованную землю (стр. 179), а именно: Авдѣевъ 41 четв. въ 1683, Малютинъ же и Ачкасовъ (38 чет.) въ 1781 г. Если это не опечатка, то, очевидно, Ачкасовымъ земля была отрѣзана при генеральномъ межеваніи. Изъ Аѳанасьева вышелъ Пироговъ хуторъ при спеціальномъ размежеваніи лѣтъ 25 назадъ. Въ д. Шатовой садчиковъ было 4, но земля досталась не пожалованіемъ, а захватомъ. Въ д. Сред. Короткой мы видимъ три рода: Шамрина, Разинькова и Малыхъ. Послѣднему земля пожалована въ 1669 году, Шамрину—1683, а третьему—неизвѣстно. Такимъ образомъ къ старооскольскимъ старожиламъ постепенно подсаживались новоселы, шедшіе сюда съ жалованными грамотами, а иногда и безъ оныхъ. И здѣсь, собственно говоря, собралось большое село уже къ концу XVII вѣка, но спеціальное межеваніе разбило его на самостоятельныя части.

Южнѣе отъ Аѳанасьева лежитъ с. Хмѣлевое; въ Большомъ Хмѣлевомъ поселился родъ Полосина, въ Маломъ—родъ Красникова, но когда—неизвѣстно. Восточнѣе, въ предѣлахъ Казацкой волости, мы видимъ д. Волчью противъ Волчьяго Брода на Соснѣ. Садчиками были два казака: Черныхъ

и Тельныхъ, земли пожаловано было первому 100 ч., вторму 54 ч. При генеральномъ межеваніи здѣсь было уже 70 душъ, имѣвшихъ 36 десятинъ крѣпостной земли; земли, очевидно, было прибавлено, ибо всей ея нынѣ 1.419 дес. Вопреки ожиданію д. Волчья до сихъ поръ сидитъ на четвертяхъ, ниже намъ придется говорить о ней еще разъ. Затѣмъ идутъ однофамильныя общины; д. Слободка (родъ Савиновъ), д. Чулкова (р. Недѣлинъ) и с. Долгое, гдѣ былъ единымъ садчикомъ Гайтеровъ, къ коему присоединились Савиновы, Григорьевы, Измалковы и Романовы. Позятьевщина ли это или вторженіе съ купчими крѣпостями—судить не по чемъ.

На югѣ же отъ Аѳанасьева лежитъ д. Прочисти, самое названіе которой свидѣтельствуетъ о лѣсахъ, бывшихъ здѣсь. Здѣсь было два садчика, Пашкову было пожаловано 200 четвертей при д. Прочести, 50 четв. при Котовой и 60 четв. при д. Выголкахъ, лежащихъ на татарской сторонѣ р. Сосны; потомки его живутъ во всѣхъ названныхъ деревняхъ и владѣютъ лишь въ своихъ дачахъ. Другому, садчику Пальчикову, было пожаловано 50 ч. въ Прочистяхъ, 150 ч. въ Выголкахъ и 150 въ Свишняхъ (тоже за рѣкой), куда также разошлись его потомки [1]).

Западнѣе с. Аѳанасьева мы находимъ очень древнее селеніе д. Барановку, Аѳанасьевской волости [2]). Здѣсь всѣхъ родовъ считается шесть, но садчиковъ было только четыре (стр. 178). О нихъ мы знаемъ слѣдующее: Воропаевъ былъ пожалованъ въ 1624 году; его родомъ куплено 11 четвертей въ 1833 г. Самойловъ пожалованъ въ 1652 и 53 гг. Кромѣ того трое хозяевъ купили у однодворцевъ въ 1759 г. 18 дес. Родъ Бобровскаго владѣетъ жалованной землей, но время пожалованія неизвѣстно. Четвертый садчикъ Манявинъ пожалованъ также въ 1652 и 53 гг. Позже пришли на покупную землю Папоновы (1748 и 1818) и Дорохины (время купчихъ не опредѣлено).

Южнѣе этой деревни, въ предѣлахъ Чернавской волости, мы видимъ однофамильную общину д. Камонину, гдѣ заимщику Казанцеву было дано 100 четвертей. У Казанцева было семеро сыновьевъ и земля доднесь дѣлится на семь дѣдовъ: здѣсь исконно-родовая разверстка, ежегодно воспроизводимая при дѣлежѣ сѣна, скошеннаго міромъ [3]). Въ д. Денисовой было четыре первосадчика: Полосовъ, Щукинъ, Трофимовъ и Пашковъ; роды же Сенчукова и Водопьянова образовались позятьевщиной: Сенчуковъ присталъ изъ Асламовой, Водопьяновъ, вѣроятно, изъ казаковъ г. Чернавска. Тѣмъ не менѣе по даннымъ кадастра земля была пожалована

---

[1]) Впослѣдствіи, вѣроятно при генеральномъ размежеваніи, прирѣзано Свишнямъ еще 117 десятинъ.

[2]) Такъ какъ въ Елецкомъ уѣздѣ имѣется три Барановки, то мы различаемъ ихъ по волостямъ, тоже съ Слободкой, Паниковцемъ и Казинкой.

[3]) Размѣръ четверти по нынѣшней землѣ = $2,_1$ дес.

разно: Полосину и Трофимову по 75 ч., Щукину 65, Пашкову 30, Сенчукову 50 и Водопьянову 25. Весьма характерна разверстка земли въ этой деревнѣ. Участокъ, идущій широкою полосой версты на четыре, правильной четыреоугольной формы, разбитъ пополамъ вдоль («продольно») на двѣ почти равныя части; въ одной владѣютъ: Трофимовъ, Пашковъ и Сенчуковъ (155 чет.), въ другомъ остальные три рода (160 чет.). Изслѣдователи говорятъ, что такая разверстка существуетъ изстари, но причины ея неизвѣстны (стр. 272). Мнѣ же кажется причина очень ясной—здѣсь было два самостоятельныхъ починка, въ одномъ осѣло три садчика и въ другомъ столько же; современемъ деревня слилась въ одинъ поселокъ, но земля владѣлась по старинѣ. Затѣмъ я вовсе отвергаю позятьевщину Сенчукова и Водопьянова; они могли быть зятьями, но они не приставали на наслѣдницъ, а получили землю по самостоятельному «пріиску». Иначе нельзя объяснить ихъ долей; если Водопьяновъ могъ взять наслѣдницу изъ рода Полосиныхъ, то Сенчукову вовсе нѣтъ половинщика (75—30—50 не кратны). Фамиліи здѣсь собраны все знакомыя изъ окружныхъ деревень: Пашковъ изъ Прочистей, Котовой или Выголокъ, Полосинъ изъ М. Хмѣлеваго, Сенчуковъ изъ Асламовой. Все это указываетъ на позднѣйшій однодворческій сбродъ, а потому дер. Денисову слѣдуетъ считать сборнымъ селеніемъ, а можетъ быть и за двѣ отдѣльныя общины. Въ самомъ дѣлѣ осталось невыясненнымъ, какъ расположены усадьбы, имѣется ли общій выгонъ, какъ дѣлятся тѣ $57,_9$ дес., кои числятся подъ лѣсомъ и тѣ 10 десятинъ, которыя составляютъ покосъ. Все это разъяснило бы ту рѣдкую форму четвертной разверстки, которую мы здѣсь, повидимому, находимъ. Такъ какъ всей земли въ д. Денисовой числится $596,_7$ дес., а всѣхъ четвертей считается 315, то на одну четверть приходится почти 2 десятины ($1,_9$ дес.) Мы пользовались нѣсколько разъ подобными данными, для вычисленія размѣровъ четверти не безъ умысла. Дѣло въ томъ, что по Елецкому сборнику раскидано тамъ и сямъ показаніе крестьянъ о размѣрѣ четверти. Составители сборника всюду внесли стереатипную фразу «четверть, по показаніямъ крестьянъ, $= 1^1/_2$ десятины». Конечно, крестьяне иного отвѣта почти никогда не дадутъ, и въ Елецкомъ уѣздѣ ниразу не дали: они въ лицѣ своихъ «смысленыхъ» и «грамотѣевъ» помнятъ, что по закону полагается на четверть $1^1/_2$ десятины, и на прямо поставленный вопросъ и будутъ отвѣчать прямо: статистикъ долженъ бы понимать, что размѣръ четверти вычисляется дома, а не на сходѣ; для такого вычисленія надо знать, сколько четвертей было за садчиками, за первозаимщиками, во всей дачѣ. Эти данныя пригодились бы и при учетѣ поярусной разверстки, и при учетѣ урожая сѣна, если оное дѣлится противъ дачъ, да и, вообще, для разъясненія техники разверстки пахотныхъ земель эти свѣдѣнія необходимы. Нынѣ же, не въ одномъ Елец-

комъ уѣздѣ, эти свѣдѣнія собраны лишь случайно; но вотъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть нужныя данныя, мы сдѣлали выше соотвѣтствующія вычисленія. По нимъ оказывается, что четверть въ Елецкомъ уѣздѣ рѣдко равняется $1^1/_2$ десятинамъ, а всегда превышаетъ это количество; въ д. Камониной $2,_1$, Становой $2,_2$, въ д. Поддолгой $2,_4$, д. Сапрыкиной (см. ниже) $1,_8$ и лишь въ Курасовкѣ $1,_5$ десятины.

Это указываетъ на то, что суровыя требованія межевой инструкціи о намѣриваніи по полторы десятины на четверть примѣнялись рѣдко, то-есть въ большинствѣ случаевъ оказывались примѣрныя земли; 2) что надѣленіе боярскихъ дѣтей Елецкаго уѣзда было довольно значительно и только въ рѣдкихъ случаяхъ мы наблюдаемъ прирѣзку 15 десятинной пропорціи на ревизскую душу.

Еще надо сказать нѣсколько словъ о с. Асламовѣ (стр. 273). «Здѣсь было четыре садчика: два Добранчевыхъ, Сенчуковъ и Семеновъ; всѣмъ имъ пожаловано по 50 четвертей, Сенчукову сверхъ того 50 четв. въ д. Денисовой», прибавляютъ составители сборника, не замѣчая, что впадаютъ въ противорѣчіе, такъ какъ двумя страницами раньше утверждали, что Сенчуковъ въ Денисовой—зять. По трудамъ кадастровой коммиссіи видно, что 1) изъ одного рода (вѣрнѣй «родины») Добранчева продана треть земли Малыхину изъ д. Камониной; $^1/_9$ отошла къ Сенчукову, за то куплено у Семенова 30 четв., итого получается 55 четв.; 2) въ другомъ родѣ Добранчева измѣненій нѣтъ; 3) Сенчуковъ съ пріобрѣтенными у Добранчева имѣлъ $58^1/_8$; 4) у Семенова сохранилось лишь 20 чет.; 5) явился новый родъ Малыхина $16^2/_3$ чет., имѣющій въ Камониной 5 четвертей (очевидно тамошній зять). Вотъ здѣсь размѣръ четверти почти приближается къ узаконенному $1^{59}/_{100}$. Въ сѣверной части Елецкаго уѣзда; мы должны еще упомянуть о нѣсколькихъ селеніяхъ. Въ дд. Сапрыкиной, Верх. Сухининой и Стар. Прогорѣловой мы находимъ однофамильныя общины. Д. Сапрыкина лежитъ въ самомъ углѣ уѣзда на р. Семенцѣ и заселена, по всей вѣроятности, очень давно. «Въ 1680 году тотъ же родъ Сапрыкиныхъ,—читаемъ мы въ сборникѣ на 47 стр.,—получилъ пожалованной земли 72 четверти... Въ 1681 году пожаловано, но не тѣмъ же дворамъ $145^3/_4$ чет.». Здѣсь неточность объясняется иначе: въ 1680 году не было пожалованія, а былъ лишь отказъ земли прежде пожалованной, то, что мы нынѣ называемъ вводомъ во владѣніе при полученіи наслѣдства. Теперь станетъ понятнымъ, что садчикъ Сапрыкинъ пришелъ сюда сравнительно давно, такъ какъ одинъ изъ трехъ его сыновьевъ отселился въ Озерный Отвершекъ и взялъ себѣ $^1/_3$ часть земли (72 чет., а въ д. Сапрыкиной $145^3/_4$) гораздо раньше 1680 г. Всей земли у первосадчика было около 217 чет. При кадастрѣ въ 1846 г. кромѣ того обнаружилось, что изъ 36 хозяевъ д. Сапрыкиной у 30 есть купленная у однодворцевъ земля въ количест-

въ 209 чет. Покупки начались съ 1761 г. Въ чужихъ дачахъ сверхъ того было всего у 2 хозяевъ 16 чет., купленныя въ 1831 и 1811 гг. Въ Озерномъ Отвершкѣ было 16 дворовъ, изъ коихъ 12 представляли потомство отдѣлившагося сюда одного изъ трехъ сыновьевъ родоначальника, одинъ дворъ имѣлъ 10 четвертей въ Сапрыкиной, значитъ происходилъ отъ другой линіи, и три двора имѣли лишь купленную землю 24 чет. Кромѣ того у 12 дворовъ было 35 чет. купленныхъ у помѣщика Лутовинова въ 1788 г. Итакъ, всей земли набирается 485 четвертей, изъ нихъ 217 жалованной. Такимъ образомъ населеніе, происшедшее изъ одного двора, до того разрослось, что вынуждено было прикупить земли гораздо болѣе того, что оно имѣло при поселеніи [1]). Если въ 1846 г. въ Сапрыкиной съ Отвершкомъ считалось 62 двора, то теперь мы видимъ 94 (50%). Приростъ мужскаго пола со времени X ревизіи выражается 34%, при чемъ перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами значителенъ. Но вмѣстѣ съ этимъ столь-же быстро уменьшаются и размѣры землевладѣнія: при кадастрѣ это была многоземельная община (14,2 дес. на дворъ), нынѣ она подходитъ къ средней (9,4). И это малоземелье начинаетъ сказываться: надѣлъ, въ которомъ есть глинка, песочекъ и хрящъ, нуждается въ навозѣ, а навозъ идетъ на топку; вмѣсто гречихи стали уже сѣять чечевицу...

Въ д. Верх. Сухининой, по преданію садчикомъ была Антонида Савишна Сухинина съ двумя пасынками Иваномъ малымъ и Иваномъ большимъ; потомство Ивана большого скоро прекратилось [2]), у Ивана же малаго былъ сынъ Гаврила, коему было пожаловано за службу въ два раза по 220 четей. У Гаврилы было два сына, которые и подѣлили землю поровну и т. д. Однако по кадастру значится только 184 четверти за 16 дворами. Куда же дѣлась остальная земля? Но сбоку есть д. Нижняя Сухинина быть можетъ одинъ изъ сыновьевъ Гаврилы отошелъ туда? Объ этомъ приходится лишь догадываться, ибо въ сборникѣ ничего не говорится про садчиковъ—зачѣмъ, вѣдь Ниж. Сухунина владѣетъ по душамъ съ IX ревизіи. Но все-таки составители сборника проговорились, перечисляя условія новаго передѣла въ этой деревнѣ: они подъ пятымъ пунктомъ пишутъ: кр.-у А. Гр. С. прирѣзывается по 10 сажень» и т. д. Эта буква С., выставленная два раза, наводитъ меня на догадку, что и здѣсь однодворцы носятъ фамилію Сухинина, а стало быть остальная земля подъ ними. Въ д. Стар. Прогорѣлой былъ одинъ заимщикъ Чалыхъ, но больше ничего неизвѣстно. Въ д. Масловой было четыре садчика, земля пожалована въ помѣстье въ двухъ дачахъ, при чемъ одна отстоитъ на

---

[1]) Земли 883 дес.: на 485 четв.=1,8.

[2]) Мы уже имѣли случай упомянать, что старшія дѣти служилыхъ украинскихъ людей въ началѣ XVII вѣка часто умирали бездѣтными.

10 верстъ и носитъ характерное названіе Севрюковской, такъ какъ станичную службу въ концѣ XVI вѣка несли путивльскіе севрюки, а послѣ было признано необходимымъ возложить ее на дѣтей боярскихъ съ подобающимъ увеличеніемъ ихъ помѣстій, то очень можетъ быть, что четыре заимщика деревни Масловой и получили придачу въ новой дачѣ, на которую и было перенесено названіе Севрюковъ, ибо ихъ долго продолжали звать Севрюками. Подъ Бѣлгородомъ есть даже д. Севрюковка. Въ с. Соловьевѣ и д. Бутыркахъ мы видимъ по шести садчиковъ; эти селенія лежали на другой большой дорогѣ—въ Ефремовъ и можетъ быть поселены были съ такою же цѣлью, какъ Жокова съ Телѣгиной.

Южная засосенская часть Елецкаго уѣзда даетъ гораздо меньше историческихъ данныхъ о своемъ прошломъ; мы здѣсь найдемъ лишь одно селеніе Паниковецъ, пожалованіе коему отмѣчено 1620 годомъ, да въ Б. Баевкѣ, заселенной нѣсколько позже, найдутся указанія на 1660 годъ. Такая скудость историческихъ данныхъ объясняется конечно тѣмъ, что заселеніе южной части уѣзда, соприкасающейся уже съ воронежскими степями, не относится къ сѣдой старинѣ и происходило во второй половинѣ XVII вѣка, когда, какъ мы знаемъ, военно-колоніальная политика Московскаго государства существенно измѣнилась. Въ это время получилась возможность двигать населеніе не одиночками, не станицами въ 5—6 человѣкъ, а скопомъ, шайками, цѣлыми полками. Эта возможность отразилась и на Елецкомъ уѣздѣ, такъ что рѣка Сосна представляетъ изъ себя для Ельца и Ливинъ тоже самое, что рѣка Семь представляетъ для Курска и Льгова. Поэтому-то въ сѣверной части уѣзда мы видимъ на одну общину четвертнаго владѣнія 27 дворовъ, а на югѣ—83 двора; въ душевыхъ перешедшихъ съ четвертей общинахъ эта разница еще замѣтнѣй; такъ, на сѣверѣ мы имѣемъ 21 общину съ 1,989 дворами (среднее 94,7), на югѣ же 17 общинъ съ 4,229 дворами (сред. 248,8). Иначе говоря, если на сѣверѣ мы видимъ въ большинствѣ деревень всего четырехъ садчиковъ, а часто и того меньше, то на югѣ найдемъ втрое больше. Этотъ предварительный выводъ вполнѣ подтверждается собранными на мѣстахъ данными. Переходъ отъ сѣвернаго типа одиночныхъ поселковъ къ южному многодворному селенію наблюдается въ Елецкомъ уѣздѣ съ должною постепенностью. Мы это сейчасъ увидимъ. Какъ сказано выше, древнѣйшимъ селеніемъ, по крайней мѣрѣ по сохранившимся даннымъ, надо считать с. Паниковецъ, Каменской волости. Мы узнаемъ, что одному садчику было пожаловано здѣсь въ 1620 году 95 четвертей; еще двумъ садчикамъ въ 1650 году дано—одному 47 чет., другому 137, наконецъ четвертому въ 1678 г.—25 чет., но одному изъ этихъ родовъ была пожалована изъ помѣстья въ вотчину земля за Московское осадное сидѣнье, и эта земля въ количествѣ 70 дес. признана указомъ палаты отъ

1849 г. безоброчной. Значитъ этотъ Паниковецъ (есть другой) существовалъ до смутнаго времени. Недалеко отъ него на берегу Дона, въ устьяхъ рѣки Каменки, тамъ, гдѣ Донъ выпячивается острой лукой на сѣверо-западъ, стоитъ с. Каменка—это древняя станица. Здѣсь земля была пожалована Алексѣемъ Михайловичемъ [1]) семерымъ садчикамъ и земли дано еще не поровну, кому 120 чет., кому 150. По фамиліямъ этихъ садчиковъ можно заключить, что это были дѣти боярскія—станичники, именно Хвостовъ, Мининъ, Есинъ, Бяшевъ (можетъ быть изъ татаръ), Архиповъ, Алексѣевъ и Васильевъ. Пришли они изъ Крапивинскаго уѣзда Тульской губерніи. Не въ дальнемъ разстояніи мы находимъ д. Алексѣевку образованную потомствомъ одного изъ этихъ садчиковъ—Алексѣевымъ. Немного выше по теченію Дона осѣли, вѣроятно въ тоже время и также станичники, три рода, пришедшіе изъ Болхова, Орловской губерніи (с. Болховское). Связь между Паниковцемъ и Болховскимъ сохранилась доднесь въ видѣ общаго владѣнія 40 десятинами. Но вотъ немного позже, вѣроятно въ 50—60 годахъ XVII вѣка, съ крымскаго берега рѣки Каменки противъ с. Каменки поселилось сразу 12 садчиковъ и образовало с. Яблоново. Вотъ что пишутъ изслѣдователи: «изстари земля была раздѣлена на 12 родовъ по числу садчиковъ; за каждымъ родомъ значилось 25 четвертей, кромѣ того была еще «недѣль», которую впослѣдствіи запахали, кто сколько захватилъ»...

Это уже товарищеская многодворная заимка съ равновеликими заимками на каждый дворъ. Это небольшая партія низшихъ чиновъ служилаго сословія—не отеческія дѣти боярскія, а такъ нѣчто среднее между даточными, гулящими и неслужилыхъ отцовъ дѣтьми. Имъ дано очень мало земли по сравненію съ боярскими дѣтьми, но сравнительно очень много противъ того, что давалось «солдатскому строю» подъ Бѣлгородомъ (8 чет.). С. Яблоново до сихъ поръ владѣетъ на четвертномъ правѣ, хотя плодится сильно и земли имѣетъ уже очень мало, всего 6,9 дес. на дворъ, тогда какъ въ Каменкѣ 12,0, въ Болховскомъ 12,5. Борьба съ малоземельемъ сначала выразилась захватомъ «недѣли», того резерва, который былъ оставленъ отказчикомъ на всякій случай сверхъ дачъ. Захватъ былъ произведенъ неуравнительно, стало быть по силѣ, а если хотите—по насилію. Потомъ было примѣнено выселеніе; сначала вышло 3 семьи на покупную у однодворцевъ землю 159 десятинъ: этимъ путемъ произошла д. Левашовка (нынѣ 17 дв.), это случилось лѣтъ 100 назадъ; немного позднѣе лѣтъ 70 назадъ, нѣсколько семей вышло въ д. Барановку (Каменской вол.).

---

[1]) Въ сборникѣ отмѣчено это царствованіе, а годъ выставленъ 1691; недоразумѣніе объясняется тѣмъ вѣроятно, что въ этомъ году были писцы, давшіе выпись, которая и помѣчена въ трудахъ кадастровой коммиссіи.

Въ 1862 году произошло спеціальное размежеваніе, послѣ чего Барановка перешла на души; переходъ состоялся въ виду захвата земли у с. Каменки, пошелъ судъ, но черезъ три года послѣдовалъ отказъ; послѣ этого 6 дворовъ вернули свою четвертную землю. Характерно, что привычку къ захватамъ барановцы принесли съ собой изъ метрополіи. Но выселеніе мало помагало с. Яблонову, пришлось распахать все, что было возможно, и за послѣднее время приступлено къ распашкѣ лѣса: изъ 121 десятины уже распахано его 41 дес. и подѣлено на 125 наличныхъ дворовъ, считая въ томъ числѣ и безземельныхъ 10 дворовъ. Путемъ такого поравненія яблоновцы силятся сгладить неравенство своего владѣнія.

Еще позднѣе заселилась здѣсь д. Малая Слѣпуха: сто лѣтъ назадъ изъ Долгушъ, Землянскаго уѣзда, пришло 15 дворовъ и сѣло здѣсь на концѣ своей дачи ради удобствъ ея обработки,—они были потомки дворянъ, но въ 1864 году по размежеваніи перешли на души.

На западѣ, кромѣ помянутыхъ Свишней, Выголокъ и Котовой, мы должны отмѣтить д. Хитрую, гдѣ было два садчика: Хитрыхъ и Лыковъ, пожалованныхъ землей уже при Петрѣ, вѣроятно въ его малолѣтство; позже путемъ позятьевщины и покупки къ нимъ приселились еще три рода: Ядыкинъ, Лупаревъ и Романовъ. Это сборное селенье перешло на души еще въ 1826 году. Недалеко отъ этой деревни лежитъ дер. Паниковецъ, Воронецкой волости (стр. 421), въ немъ было 4 садчика: Лыковъ, Устиновъ, Хромыхъ и Крутыхъ.

Въ южномъ оконечникѣ Елецкаго уѣзда, вклинивающемся узкой полосой въ Воронежскую губернію и Ливенскій уѣздъ, мы уже не найдемъ четвертнаго владѣнія, а лишь скудные остатки, да преданія о переходѣ съ четвертей на души. Здѣсь, въ с. Солдатскомъ, насчитывается 12 садчиковъ, по числу коихъ и была разбита четвертная жалованная земля на 12 родовъ; около 1836 года они перешли на души. Неизвѣстны размѣры испомѣщеній, но несомнѣнно здѣсь была равновеликая дворовая заимка. Если нынѣшнюю землю раздѣлить на 12, то на каждый родъ получимъ по 300 десятинъ, то-есть по 200 четвертей, а это невозможно, ибо солдаты временъ царя Алексѣя въ лучшихъ случаяхъ испомѣщались 25 четвертями. Ясно, что сильно размножившемуся селу выгоднѣй было требовать при генеральномъ межеваніи по 15 десятинъ на ревизскую душу. Простымъ дѣленіемъ земли на 15 мы узнаемъ, что уже тогда было въ Солдатскомъ 236 душъ, это вполнѣ правдоподобно, ибо по X ревизіи считалось 913 душъ, а по земской переписи 1886 года—1.187. Но главнымъ центромъ въ этомъ углѣ уѣзда надо считать с. Тербуны и с. Бурдино, нынѣ совершенно слившіяся. Они лежали на раздѣленіи воронежской дороги на Елецъ и Ливны. Неизвѣстно, сколько было въ томъ и другомъ селѣ садчиковъ, но ихъ было немало, что видно изъ слѣдующихъ соображеній. Тербуны еще въ 1846

году имѣли 248 дворовъ (нынѣ же 420 дв.), у коихъ была душевая, дворовая и четвертная земля. Но раньше, и много раньше того, Тербуны отселили с. Казинку, Запольный Тербунецъ тожъ, въ которой нынѣ считается 302 двора, да въ свою очередь с. Казинка отселила с. Березовку (на югъ), въ коей считается 234 двора. Кромѣ того, изъ Тербуновъ на югъ по большой дорогѣ, отсѣла недавно д. Лобановка (21 дворъ). С. Бурдино, имѣющее нынѣ 327 дворовъ, издавна отселило отъ себя тоже Березовку (на сѣверъ), въ коей насчитывается 93 двора. Итакъ, метрополія съ колоніями разрослась до 1.397 дворовъ. Сосѣднее село Солдатское, правда, раньше перешедшее на души и земли имѣющее меньше Тербуновъ, успѣло расплодиться по 33 двора на садчика. Село Яблоново съ колоніями разрослось по $14,_5$ дворовъ на заимщика, но вѣдь оно совсѣмъ малоземельное [1]). Такимъ образомъ, если допустимъ, что Тербуны и Бурдино плодились такъ же форсированно, какъ Солдатское, то-есть изъ одного садчика стало круглымъ счетомъ 30 дворовъ, то и тогда получимъ для Тербуновъ не менѣе 30 садчиковъ и для Бурдина 14—12. Такія поселенія въ концѣ царствованія царя Алексѣя не рѣдкость. Трудно сказать, къ какому чину принадлежали садчики, были ли это солдаты или копейщики, но это не шайка черкасовъ, которыхъ немало въ сосѣднемъ Землянскомъ уѣздѣ (напр., с. Косторное, Перлевка, Ендовище, Вѣдуга [2]), но во всякомъ случаѣ, это не простые сходцы, а именно военные поселенцы: не сами они пришли сюда и захватили вольную землю, а прислали ихъ сюда не по волѣ, а ради службы, и землю отвели по наказной памяти изъ помѣстнаго приказа. Такъ какъ въ с. Бурдинѣ земли до сихъ поръ относительно больше, то можно полагать, что здѣсь былъ испомѣщенъ чинъ повыше—дѣти боярскія, быть можетъ начальныя головы тѣхъ низшихъ служилыхъ, кои посажены были въ Тербунахъ.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о дер. Большой Баевкѣ. Здѣсь первые садчики были двухъ фамилій: Боевы и Меркуловы, пришли они сюда изъ с. Колабина и Нережи, Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Земля у нихъ была жалованная. При X ревизіи они перешли съ четвертей на души. Составители сборника помѣстили въ примѣчаніи (стр. 317) выписи съ переписныхъ и разборныхъ книгъ этой деревни, хранящихся въ архивѣ Елецкаго уѣзднаго суда. На разсмотрѣніи этихъ-то свѣдѣній мы и должны остановиться. Ниоткуда не видно, полный ли списокъ приведенъ въ сборникѣ или только часть его. Какъ бы ни

---

[1]) Д. М. Слѣпуха за 100 лѣтъ на одинъ дворъ даетъ 5 дворовъ, но сравнивать съ нимъ трудно, именно по краткости времени, протекшаго со дня заселенія.

[2]) Если бы въ Тербунахъ были черкасы, явленіе это было бы внесено въ роспись 1773 года по Острогожску, но его нѣтъ тамъ.

было, но мы имѣемъ свѣдѣнія о пяти Боевыхъ и четырехъ Меркуловыхъ. Если сгруппировать эти свѣдѣнія въ таблицу во избѣжаніе повтореній, то получится слѣдующее:

Дѣти боярскія.	Служитъ:	Семья.	Помѣс. четвер.	Крест.	Оружіе.
Осипъ Евдокимовъ Боевъ. .	Город. службу съ 1657 г.	Осипъ, Григорій, 3 внука.	70	1 дв.	—
Сидоръ Евдокимовъ Боевъ .	Въ копейщикахъ съ 1672 г.	Нѣтъ.	40	Нѣтъ.	Копье.
Борисъ Ермолаевъ Боевъ . .	Въ копейщик. съ 1654 г.	Тихонъ, Кондратій.	100	Нѣтъ.	Копье и пист.
Ермолай Ермолаевъ Боевъ. .	Городов. служ. съ 1660 г.	Василій 20 л.	170	1 дв. боб. вообще съ брат. и пл.	—
Лазарь Купріяновъ Боевъ . .	Рейтаръ съ 1675 г.	Братъ Акимъ.	30	Нѣтъ.	Карабч.
Итого 5.	—	9 человѣкъ.	410	1 дв. крес. 1 дв. боб.	—

Дѣти боярскія.	Служитъ.	Дѣти.	Помѣс. четвер.	Крест.	Оруж.
Филиппъ Григор. Меркуловъ .	Въ Воронежѣ на стругов. дѣлѣ.	Нѣтъ.	$8^1/_2$ въ Ворг. ст.	—	—
Козьма Евсеевъ Меркуловъ .	Тоже.	—	25 чет.	—	—
Леонтій Ефрем. Меркуловъ .	Полков. служ. съ 1675 г.	—	35 „	1 дв. кр.	—
Кондрат. Юдинъ Меркуловъ .	Въ солдат. съ 1679 г.	—	37 „	—	—
Итого 4.	—	Нѣтъ.	$105^1/_2$	1 дв. кр.	—

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза до крайности неравномѣрное испомѣщеніе: даже родные братья испомѣщены съ громадной разницей, наприм. 70 и 40. Родъ Меркуловыхъ испомѣщенъ много хуже, чѣмъ родъ Боевыхъ: у послѣднихъ въ среднемъ на одного 82 чети, у первыхъ всего 25. Филиппъ Меркуловъ, будучи испомѣщенъ въ Воргольскомъ стану (и мы встрѣчали эту фамилію въ д. Алексѣевкѣ, Становлянской волости), въ д. Баевкѣ очевидно не владѣлъ ничѣмъ. Если его исключить изъ счета, то въ среднемъ получится все-таки немного—32 чети, такъ что надо признать, что Боевы въ два съ половиной раза были лучше испомѣщены. Но за то Меркуловы бездѣтны—туго плодятся, а у Боевыхъ помногу дѣтей. Эта особенность навѣрно отразилась впослѣдствіи при переходѣ съ четвертей на души. Всѣ эти девять помѣщиковъ владѣли 2 дворами крестьянскими, да однимъ дворомъ бобыльскимъ, но и тотъ принадлежалъ вообще съ братомъ и племянниками. Оружіе у елецкихъ дѣтей боярскихъ было самое жалкое: несчастный карабинъ или копье, въ лучшемъ случаѣ копье съ пистолью, а въ худшихъ пяти случаяхъ обходились вовсе безъ оружія:

такъ несли городовую службу—съ голыми руками... За то служба была продолжительна: если разбираемый списокъ относится къ 1680 году, то Борисъ Боевъ служилъ въ копейщикахъ 26-й годъ! Это долже николаевской службы. Двадцати-лѣтній за то парень Василій Ермолаевичъ Боевъ сидѣлъ дома въ недорослях. Въ двухъ дворахъ сидѣло еще по два недоросля, такъ что составитель списка, чтобъ не было зазорно про одного изъ нихъ написалъ: «животомъ скорбенъ». Но это сидѣнье, вѣроятно, давало возможность заниматься хлѣбопашествомъ: недостатокъ крѣпостныхъ рукъ навѣрно заставлялъ приложить къ землѣ свои руки—и вотъ дѣти боярскія понемногу начинали превращаться въ однодворцевъ. Этимъ мы закончимъ описаніе отдѣльныхъ селеній и перейдемъ къ обобщеніямъ.

Мы имѣемъ болѣе 50 общинъ (не различая душевыхъ отъ четвертныхъ), о которыхъ имѣются свѣдѣнія о числѣ первосадчиковъ (заимщиковъ). По числу послѣднихъ эти общины распредѣляются такъ:

Съ 1 садчикомъ (заимщикомъ)	. . 18	35,3%	53,0%
„ 2 „ „	. . 9	17,7%	
„ 3 „ „	. . 3	5,9%	27,5%
„ 4 „ „	. . 11	21,6%	
„ 5 „ „	. . 1	1,9%	15,6%
„ 6 „ „	. . 4	7,8%	
„ 7 „ „	. . 3	5,9%	
„ 12 „ „	. . 2	3,9%	3,9%
Итого	. 51	100%	100%

То-есть наибольшій процентъ мы видимъ у однофамильныхъ общинъ, затѣмъ у четырефамильныхъ. Если разобьемъ на крупныя группы, то получимъ, что цѣлыхъ 80% общинъ имѣли не болѣе 4 садчиковъ. Сюда мы не включили многодворныхъ заимокъ въ родѣ с. Тербуновъ, а также всѣ позднѣйшія отселки изъ метрополій. Такимъ, образомъ, Елецкій уѣздъ въ моментъ заселенія своего, то-есть въ XVII вѣкѣ, представлялся очень *часто*, но *не густо* заселеннымъ: въ каждомъ удобномъ мѣстѣ не только на ручьяхъ и рѣчкахъ, но даже на колодцахъ, осѣдали садчики, чаще всего въ одиночку или небольшими станицами, человѣка въ четыре. Позднѣе мы видѣли образованіе болѣе крупныхъ селеній: на сѣверѣ уѣзда они составлялись изъ однодворческаго сброда (Грунь-Воргольское), на югѣ изъ служилыхъ людей низшихъ чиновъ (Тербуны, Яблоново). Въ то время, какъ первые пріобрѣтали землю захватомъ, вторые получали ее въ отводъ съ товарищи. Южная многодворная заимка примѣнялась раньше, именно въ XVII столѣтіи, тогда какъ сѣверная—въ XVIII, когда народу поумножилось и поземельная политика Московскаго государства измѣнилась.

Дѣти боярскія, селившіяся въ первой половинѣ XVII вѣка преимущественно въ сѣверной части уѣзда, пришли въ страну, представлявшую не

дикое поле, а страну лишь разоренную смутнымъ временемъ, поэтому заимщикъ, осѣвшій здѣсь, рѣдко давалъ имя свое своему селенію. Съ помощью нашихъ данныхъ, правда довольно скудныхъ, мы узнаемъ, что всего 10 деревень носятъ названія сходныя съ фамиліями садчиковъ [1]). Правда, намъ не всѣ однодворческія фамиліи извѣстны, но если мы распредѣлимъ всѣ однодворческія селенія по происхожденію названій, то увидимъ, что на долю фамилій садчиковъ останется немного. Такъ изъ 128 названій 35 селеній носятъ названія урочищъ, рѣкъ, даже бродовъ (д. Волчья) [2]), 2 названія приходовъ (Рождество и Сергіевское), 38 названій, такъ сказать, сборныхъ въ родѣ Сосенка, Подхорошее, Долгое Красавка, Бутырки, три Слободки, три Барановки, двѣ Короткихъ и т. д. Искать въ нихъ однодворческихъ фамилій нельзя. За исключеніемъ 10 помянутыхъ выше остается 43 селенія, названія коихъ наводятъ на раздумье. Въ самомъ дѣлѣ, есть с. Измалково, фамилій садчиковъ въ немъ непоказано, но эту фамилію мы видѣли въ с. Долгомъ; есть также д. Кулешовка и фамилію Кулешова мы видѣли въ д. Становой. Двойныя названія прямо-таки загадочны, напр., Перекоповка, Мурановка тожъ, первое названіе сборное, второе очевидно фамильное. Тоже Слѣпуха, Карташевка тожъ,—первое по рѣкѣ, второе по заимщику. И почему не считать фамильными такія названія, какъ Сазыкино, Пищулино, Локтева, Чаплыгина, Гущина, Дрезгалово, Курдюкова, Грызлова, Суслова, Суворовка, Голикова, Ребрикова, Курасова, даже Жокова, Асламово, Камонино, Чулково: вѣдь всѣ они напоминаютъ однодворческія фамиліи Фатежскаго уѣзда, а нѣкоторыя, какъ Чаплыгина, даже совпадаютъ. Но въ томъ-то и дѣло, что хотя многія изъ этихъ селеній несомнѣнно носятъ названія фамилій ихъ первыхъ насельниковъ, но тѣмъ не менѣе, въ силу именно того, что въ смутное время населеніе почти до тла было отсюда выгнано, или вовсе уничтожено, въ этихъ селеніяхъ мы не найдемъ потомковъ тѣхъ первыхъ насельниковъ, которые дали имя селищу. Несомнѣнно, въ Асламовѣ или Жоковѣ первая заимка была сдѣлана Жоковымъ и Асламовымъ, но нынѣ-то ихъ, какъ мы хорошо знаемъ, тамъ нѣтъ, осталось лишь одно названье. И въ писцовыхъ книгахъ такъ не рѣдко записывалось. «Федоровское, что было Федора Тюфякина помѣстье, деревня Тюфякина, а въ ней дворище, крестьянское пустое, пашни перелогомъ пять четей лежитъ въ пустѣ... а Федоръ Тюфякинъ со станицы въ полонъ взятъ» и т. д.

---

[1]) Эти деревни суть: д. Петрищева, Хитрая, Баевка (хотя садчикъ Боевъ) Панарьина, Алексѣевка, Лаухина, Тиньковка, Сапрыкина и двѣ Сухининыхъ.

[2]) Сюда мы отнесли между прочимъ Домовино и Маркову, такъ какъ это лѣсъ съ урочищами.

Вотъ именно несовпаденіе нынѣшнихъ фамилій однодворцевъ, а равно и фамилій елецкихъ помѣщиковъ съ названіями селеній, ими занятыхъ, и дало мнѣ возможность сдѣлать вышеприведенный выводъ, что первосадчики Елецкаго уѣзда, осѣдавшіе по лѣвому берегу Сосны и потомки коихъ нынѣ владѣютъ здѣсь землею, заняли послѣднюю не въ видѣ дикаго поля, или дремучаго дѣвственнаго лѣса, а въ видѣ перелога писцовыхъ книгъ, то-есть то, что было пахано, а нынѣ лежитъ впустѣ и часто уже лѣсомъ поросло. Конечно, это вѣрно лишь по отношенію извѣстной части земли, прилегающей къ удобнымъ для поселенія мѣстамъ и въ соразмѣрности съ величиной той запашки, которую могли имѣть насельники во времена Бориса Годунова. Въ южной части уѣзда «дикихъ поль», нетронутыхъ цѣлинъ, было гораздо больше... Тѣмъ не менѣе, нелишне будетъ замѣтить, что въ 43 селеніяхъ изъ 128, то-есть въ 33,5%, или въ цѣлой трети, садчики нашли не новину, а землю уже бывшую подъ культурой: если это облегчало обработку, то, съ другой стороны, это свидѣтельствуетъ и объ истощеніи такихъ земель.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ однодворческихъ фамиліяхъ Елецкаго уѣзда: въ сборникѣ мы могли ихъ насчитать всего 90. О распространеніи ихъ по лицу уѣзда судить невозможно, за неполнотой данныхъ, но разгруппировать ихъ по значенію есть нѣкоторая возможность. Прежде всего мы выдѣляемъ 23 фамиліи, происшедшія отъ обыкновенныхъ христіанскихъ и древнерусскихъ именъ. Произошло это очень просто, отъ повторенія отчества отца; такъ, напр., въ отпискахъ воеводъ и даже въ писцовыхъ книгахъ попадаются часто такія фразы: «Иванъ Петровъ сынъ Павлова сына», а ниже тоже лицо называется просто Павловымъ. Въ XV вѣкѣ и раньше это было обычнымъ явленіемъ, причемъ, особенно родовитые бояре, считали верхомъ родовитости перечислять чуть не пра-прадѣдовъ. Всѣмъ извѣстно, что потомки знаменитаго боярина Кошки величали себя пятисложными именами. У дѣтей боярскихъ это могло имѣть двойное значеніе: во-первыхъ, упоминаніе дѣда, устанавливало родовую связь отдѣльныхъ членовъ къ перводачнику, во-вторыхъ, эти самые дѣды не были достаточно родовиты, такъ что верстаться по отечеству дѣтямъ боярскимъ, украинскихъ городовъ, рѣдко приходилось смотря «выше дѣда», то-есть смотря на прадѣда или болѣе отдаленнаго предка. Но кто были дѣды? Рѣдко очень они были Полосины, Лыковы или Пронскіе, чаще какіе-нибудь Тельныхъ, Хромыхъ, Черныхъ и т. п. Лучше было смѣнить такую неродовитую фамилію, напоминавшую о казацкомъ или черкасскомъ происхожденіи, а смѣнить ее легче всего частымъ упоминаніемъ имени дѣда, который и въ десятнѣ записанъ, земли же онъ не имѣлъ потому, что служилъ по прибору, значитъ у него не было особой выписи на землю, существованіе каковой конечно удер-

жало бы отъ перемѣны фамиліи. Итакъ, по этимъ именно соображеніямъ произошло 23 елецкихъ фамиліи, въ родѣ Петрова д. Мягкой, Самойлова, въ Барановкѣ (Солов. в.), Дмитріева, Васильева, Трафимова и т. д. Сюда же мы относимъ, Богданова и Воропаева, произшедшихъ отъ русскихъ именъ, Богдана и Воропая. Все это фамиліи не очень радовитыхъ дѣтей боярскихъ. Затѣмъ 8 фамилій составлены изъ именъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа: напр., кромѣ помянутыхъ въ Елецкомъ уѣздѣ, встрѣчаются: Малыхъ, Водоньяныхъ, Крутыхъ, Хитрыхъ и Чалыхъ. Про двухъ такихъ въ д. Волчьей прямо сказано, что они были казаки. Изъ остальныхъ фамилій многія принадлежатъ къ числу нынѣшнихъ дворянскихъ фамилій и сами однодворцы говорятъ, что предки ихъ были дворяне, таковы: Цѣлыковскій, Бобровскіе (вѣроятно польскаго происхожденія), Измалковы, Ачкасовы, Сухинины, Селивановы, Сѣченовы, Сенчуковы, Казанцевы, Хвостовы. А вотъ чисто-однодворческія фамиліи, къ которымъ мы привыкли по Фатежскому уѣзду: Боевъ, Пашковъ, Ядыкинъ, Сухочевъ, Рыковъ, Разиньковъ, Лукинъ, Логвиновъ, Елагинъ, Меркуловъ... Сюда же надо отнести характерныя для Елецкаго уѣзда, несомнѣнно, однодворческія фамиліи: Мамощинъ, Щукинъ, Панарьинъ, Полосинъ, Тиньковъ, Лаухинъ, Сапрыкинъ, Подковзинъ, Левыкинъ, Королевъ, Ращупкинъ, Двоичинковъ и Добранчеевъ. Къ инородческимъ фамиліямъ, пожалуй можно отнести лишь одну, повидимому татарскую фамилію, Бяшева. Изъ церковниковъ, попавшихъ въ боярскія дѣти, надо отмѣтить только одного Прокофьева, который, по показанію крестьянъ, былъ сыномъ елецкаго дьякона.

Покончивши съ исторіей заселенія края и съ прохожденіемъ населенія осѣвшаго здѣсь, мы постараемся теперь прослѣдить развитіе формъ землевладѣнія. Не разъ уже приходилось дѣлать указанія по Елецкому уѣзду на тѣ или другія измѣненія въ формахъ владѣнія. Эволюція этихъ формъ намъ въ общихъ чертахъ извѣстна, нужна лишь детальная разработка частностей. Попробуемъ подсчитать кое-какія явленія этого порядка.

Изъ 49 четвертныхъ общинъ въ 11 мы находимъ, такъ называемую, «дворовую землю». Обыкновенно это—роспашь изъ-подъ лѣса, или выгона, или самый лѣсъ, а иногда покосъ. Всего такой земли по приблизительному счету оказывается 955 десятинъ, что на общее количество земли 8815,5 составитъ 10,8%.

Въ семи случаяхъ дворовая земля дѣлится на наличные дворы. Въ с. Плоскомъ (Станов. в.) покосъ 30 дес , косятъ міромъ и затѣмъ сѣно дѣлятъ по-ровну на дворъ, также рубятъ кустарникъ. Прежде вся земля была раздѣлена по четвертямъ, но лѣтъ 30 назадъ установили дворовую форму для покоса и кустарника. «Введеніе дворовой разверстки этихъ угодій крестьяне объясняютъ тѣмъ, что многія повинности отбываются

со двора: *для ровности* и ввели такую разверстку» (стр. 93). Дѣйствительно старостѣ 15 руб., сборщику 35, сторожу 50 р., на пунктъ 40 р., все это отбывается со двора, но все это стоитъ 140 рублей; самый же дурной покосъ въ Елецкомъ уѣздѣ цѣнится въ 10—12 рублей. Стало-быть есть другія причины, вызывающія дворовое поравненіе. Не черга, не отбывъ повинностей со двора вызываютъ дворовое поравненіе, а совсѣмъ другія причины: раздѣлъ новыхъ дѣлянокъ противъ дачъ, то-есть пропорціонально количеству владѣнія каждаго двора, задѣлитъ малоземельныхъ, еще больше, чѣмъ они уже задѣлены судьбой. Отбывъ повинностей, несомнѣнно, можно разверстать по количеству земли, стало-быть также противъ дачъ: стоитъ только приведенные 140 рублей разложить на количество десятинъ. Широкодачники будутъ довольны этимъ, ибо тогда весь излишекъ, какой останется отъ дворовой земли, попадетъ въ ихъ карманъ, а не въ руки малоземельныхъ. Борьба этихъ крайнихъ интересовъ и кончается побѣдой малоземельнаго большинства тамъ, гдѣ мы видимъ дворовую землю. Это компромиссъ со стороны широкодачниковъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ отреченіе отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Зачѣмъ оно? а затѣмъ, чтобы малоземельные не поднимали болѣе опаснаго вопроса о душевомъ поравненіи. Но этотъ компромиссъ, какъ всякіе палліативы, умерщвляетъ ту самую цѣль, ради чего дѣлается: вѣдь такое поравненіе пріучаетъ міръ смотрѣть на своихъ членовъ, какъ на равноправныхъ по отношенію къ землѣ. И въ общинахъ, уже перешедшихъ на души, дѣло часто начиналось съ двороваго поравненія: тутъ одинъ шагъ остается до того, чтобы раздѣлить эту дворовую землю на души, тогда получится переходная форма душево-четвертная; въ то же время другую часть лѣса можно снова распахать и подѣлить на дворы. Тогда ужъ будетъ тройная форма дворово-душево-четвертная. Именно такой моментъ былъ записанъ кадастровой комиссіей въ 1846 г. въ с. Тербунахъ: «874 души и 248 дворовъ имѣли $4.107_{,3}$ дес., изъ этого количества въ четвертномъ владѣніи всѣхъ хозяевъ было $3.046_{,5}$ дес. раздѣленной поровну на каждый дворъ $88_{,6}$ дес. и въ душевомъ владѣніи, въ коемъ участвуетъ лишь 133 хозяина, 982 десят.» (стр. 397). Въ 1854 г. Тербуны наконецъ перешли на души, но могло этого и не случиться. Въ такомъ положеніи въ Елецкомъ уѣздѣ замерла одна душево-четвертная община, дер. Локтева: здѣсь сверхъ четвертной считалось 105 дес. лѣса, отведеннаго на души. Лѣтъ 30 назадъ распахали 37 дес. лѣсу и подѣлили на 22 двора, но съ тѣхъ поръ уже не дѣлили, хотя теперь уже 33 двора. Но въ этомъ фактѣ наблюдается обратная сторона медали: здѣсь четвертники осилили душевиковъ. Въ деревнѣ же В. Короткой душево-четвертное владѣніе образовалось изъ двороваго: «лѣтъ 70 назадъ сдавали новину купцу подъ бакчу и по окончаніи аренды подѣлили на дворы, а лѣтъ черезъ 20 раздѣлили на души».

Въ четырехъ изъ 11 общинъ мы видимъ также, что четвертники осилили сходъ: въ д. Асламовой, недавно размежевавшейся, вымеръ одинъ дворъ лѣтъ 15 назадъ. Еслибы размежеванія не было, то отдаленный наслѣдникъ, оставшійся въ другомъ селеніи, получилъ бы тѣ $10_{,2}$ дес., которыя сдѣлались выморочными, но послѣ размежеванія толковать не объ чемъ, долго придется судиться и судъ присудитъ землю обществу. Эту выморочную землю міръ раздѣлилъ на 25 тогдашнихъ дворовъ и съ тѣхъ поръ не дѣлитъ, хотя дворовъ стало уже 35. Въ д. Студеной изъ общаго количества 680 дес. сперва 147, а потомъ $19_{,4}$, распаханныя изъ-подъ лѣса, раздѣлены были на 61 дворъ, а нынѣ уже 86 дворовъ. То же сдѣлано въ с. Пищулинѣ съ 44 дес. и въ Стар. Прогорѣловой съ 16 десят. Это собственно не поравненіе, а захватъ. Мы знаемъ, что получится въ результатѣ—именно четверть-дура, какъ въ Будищахъ, Суджанскаго уѣзда, или безконечные споры, какъ въ Рождествѣ и Петрищевой—Елецкаго. Въ самомъ дѣлѣ, если двѣ трети земли подѣлены противъ дачъ, а остальная земля въ разное время дѣлилась на разное количество дворовъ, то получится конечно четверть несоизмѣримая, четверть-дура, и пойдутъ смуты и нарекапія, якобы на захватъ. Но захватъ этотъ санкціонированъ приговоромъ міра: его воля была распоряжаться землей такъ или иначе, а разъ это понимаетъ каждый членъ общины, то ничто ему не мѣшаетъ поднять вопросъ о справедливости такого порядка. Если осилятъ четвертники, то будетъ продолжаться смута, какъ въ Рождествѣ, если осилятъ душевики—произойдетъ переходъ на души, какъ въ Тербунахъ. Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали разсматривать это дворовое владѣніе, всюду оно приведетъ къ одному и тому же—къ поравненію душевому, то-есть болѣе радикальному. Дворовое поравненіе тѣмъ конечно несовершенно, что дворъ двору неравенъ, въ одномъ 15 человѣкъ, въ другомъ три души, какъ ихъ равнять. Но въ томъ-то и сила дворовaго поравненія, что оно примѣняется въ четвертныхъ общинахъ, гдѣ дворъ тѣмъ больше имѣетъ земли, чѣмъ душъ въ немъ меньше, стало быть съ точки зрѣнія многосемейныхъ дворовая форма можетъ рисоваться въ высшей степени заманчивой. Но нѣсколько словъ pro domo sua... Богатство изслѣдованій, произведенныхъ въ Елецкомъ уѣздѣ, до того меня давитъ, что я буквально боюсь пропустить какое-нибудь важное явленіе, боюсь дѣлать выводы, не принявъ явленія во вниманіе. Такъ и въ данномъ случаѣ, тутъ же въ Тербуновской волости, въ д. Новосильской, мы встрѣчаемъ душево-дворовую разверстку! Ну, что прикажите съ нею дѣлать. Въ 1846 г. въ Новосильскомъ вся земля была четвертная, за исключеніемъ лишь 120 д. переселенцевской, ходившей по душамъ. Въ началѣ 60 гг. произошелъ переходъ съ четвертей на души во всей дачѣ; мы знаемъ, сколько было несогласныхъ (см. выше стр. 336). Но въ Новосильскомъ было $113_{,1}$ дес. лѣсу; лѣсъ

былъ раздѣленъ на дворы поровну и мало-по-малу вырубленъ, лишь у 10 хозяевъ еще сохранилось кое-что». Значитъ въ теченіе многихъ лѣтъ здѣсь рядомъ съ душевой формой господствуетъ дворовая. Къ счастью, этотъ фактъ не опорочиваетъ сдѣланныхъ мною выводовъ. Лѣсъ, какъ топливо, нуженъ каждому двору одинаково, каждому нужно топить печку для варева и для обогрѣванія хаты—зима же для всѣхъ одинаково холодна. Раздѣлить лѣсъ на дворы значитъ въ равной мѣрѣ обезпечить каждаго топкой хаты на одну трубу. Является еще спорнымъ вопросомъ, что справедливѣй въ этомъ случаѣ: уравнять ли лачугу бѣдняка съ обширными палатами богача посредствомъ примѣненія дворовой разверстки, или уравнять ихъ по разсчету на души. Мнѣ кажется, что послѣднее отзывается даже ироніей, и потому новосильскіе душевики отнюдь не нарушили основныхъ требованій справедливаго поравненія, допустивъ дворовую разверстку лѣса. Лѣсъ чаще чѣмъ другія угодья дѣлится на дворы, а по традиціи распаханная изъ-подъ лѣса земля, по крайней мѣрѣ у четвертныхъ владѣльцевъ, дѣлится также на дворы. Еще нѣсколько словъ о дворовой формѣ. Въ с. Паниковцѣ (Камен. в.) было 300 дес. лѣсу, нынѣ осталось только около 30. Землю изъ-подъ лѣсу подѣлили на дворы (147 дв.), досталось по 2 д. на дворъ; нѣкоторые хозяева завели сады, другіе бакчи, а нѣкоторые сѣятъ траву, преимущественно пырей. Но это только простая иллюстрація; гораздо важнѣй то обстоятельство, что дворовая земля, точнѣе дворовая пашня, имѣетъ постоянную тенденцію, такъ сказать, «обобщиться». Не повторяю уже, что она часто дѣлится на души, не рѣже она попадаетъ въ аренду. Такъ, с. Хмѣлинецъ, Нечаево тоже, распаханныя изъ-подъ лѣсу 10 десятинъ дѣлитъ на 78 наличныхъ дворовъ, 40 дес. подъ лѣсомъ рубятся черезъ 5 лѣтъ и при срубкѣ дрова дѣлятся по дворамъ, наконецъ еще 40 распаханныхъ сдаются подъ бакчи и деньги дѣлятся... по дворамъ (стр. 304). Внѣ помянутыхъ 11 общинъ мы имѣемъ еще слѣдующіе факты: въ д. Таликовой (стр. 185) изъ прилегающаго къ усадьбамъ выгона часть домохозяевъ припахала 10 десятинъ; лѣтъ 25 назадъ общество задало приговоръ объ отобраніи этой земли и, отобравши ее, сначала раздѣлило на дворы, но въ 1871 г., когда понадобились деньги на чистку пруда, сдало ее въ аренду. Еще въ пяти общинахъ наблюдаются факты «обобщенія» четвертной земли: такъ, въ дер. Масловой 80 д. пашни за ея отдаленностью сдаются купцу по 5 руб. 50 коп., въ д. Слободкѣ распаханныя 9 десят. изъ-подъ лѣса и 10 изъ выгона сданы за 250 руб. въ годъ; въ Петровомъ хуторѣ выморочныхъ $25{,}_{7}$ дес. сдали пока въ аренду, но думаютъ подѣлить на дворы; въ дер. Верх. Сухининой 70 десят. вырубленнаго кустарника обратили въ пастбище; въ Паниковцѣ сверхъ показанной дворовой земли 52 дес. сданы въ аренду на 8 лѣтъ за 1.000 руб. Такой земли въ 7 общинахъ насчитывается $296{,}_{7}$ дес., что составляетъ $8{,}_{2}\%$ об-

щаго количества земли тѣхъ общинъ, то-есть меньше чѣмъ дворовой земли.

Есть факты, указывающіе на то, что иногда обобщеніе земли допускается не всей деревней, а только частью ея; такъ, въ дер. Ливенской родъ Богдановыхъ сверхъ четвертной земли имѣетъ 16 дес., раздѣленныхъ на 42 рев. души этого рода. Почему поступили такъ Богдановы—невыяснено. Съ другой стороны есть факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ принципѣ четвертные владѣльцы вовсе не противъ душеваго поравненія; такъ, с. Нов. Прогорѣлое міромъ арендуетъ у казны 160 дес. на 6 лѣтъ по 6 руб. 80 коп. Арендуемая земля раздѣлена на 387 наличныхъ душъ мужского пола; правда, многіе хозяева передали свои доли, но вѣдь и душевая земля сдается нерѣдко. Намъ извѣстны въ Елецкомъ уѣздѣ шесть общинъ, въ которыхъ постоянно идутъ споры о переходѣ съ четвертей на души, это четыре общины с. Рождества съ деревнями, д. Волчья, гдѣ спутана владѣнная запись и откуда былъ сосланъ главный душевикъ Тарасъ Черныхъ и наконецъ душево-четвертная община Б. Хмѣлинецъ: здѣсь лѣсъ раздѣленъ противъ дачъ, собираются раздѣлить на души подобно тому, какъ уже раздѣлена 41 дес. пахоти. Вотъ и всѣ факты, свидѣтельствующіе о постоянномъ броженіи внутри четвертныхъ общинъ; они указываютъ на то, что внутренняя работа идетъ неумолкаемо; день за днемъ проходитъ въ упорной выработкѣ болѣе справедливыхъ, болѣе совершенныхъ формъ землепользованія. Этотъ періодъ для 39 общинъ душевыхъ владѣльцевъ давно закончился и тамъ жизнь идетъ своей чередой, разрѣшаетъ свои задачи. Иногда въ четвертныхъ общинахъ вмѣсто правильнаго развитія новыхъ формъ мы наблюдаемъ какъ бы поворомъ къ старому. Вотъ два факта по Елецкому уѣзду. Въ д. Сред. Короткой лѣтъ 65 назадъ старики отсудили около 50 дес. у сосѣдки-помѣщицы и раздѣлили эту землю на души, потомъ передѣлу не подвергали и она слилась съ четвертной, то-есть пошла по наслѣдству (стр. 182). Въ с-цѣ Подхорошемъ по кадастру значилось 100 дес. земли, раздѣленной по душамъ VIII ревизіи, но съ тѣхъ поръ она не подвергалась передѣлу. Общество задавало приговоры въ 1874 и 1885 годахъ, но все это осталось безъ послѣдствій (стр. 92).

Теперь бы слѣдовало остановиться на техникѣ разверстки четвертныхъ земель, но елецкія изслѣдованія, съ этой стороны, не удовлетворяютъ нашихъ желаній. Кромѣ нѣкоторыхъ, довольно неполныхъ, описаній, въ родѣ приведенныхъ выше подъ д. Денисовой, Курасовой, Рождествомъ и др., мы почти ничего не имѣемъ: стереатипныя фразы въ родѣ «владѣютъ черезполосно по четвертному праву»—ровно ничего не говорятъ ни о характерѣ этой самой черезполосицы, ни о четвертномъ правѣ; даже въ томъ единственномъ случаѣ, когда въ 1884 г. с. Новосильское послѣ спеціальнаго размежеванія вынуждено было сдѣлать пе-

реверстку, какъ душевой, такъ и четвертной земли, которой здѣсь не мало, земскіе изслѣдователи не сочли нужнымъ собрать данныя о техникѣ этой сложной и въ высшей степени могущей заинтересовать каждаго наблюдателя разверстки. Мы неосвѣдомлены, почему елецкіе изслѣдователи не считали нужнымъ собирать этихъ данныхъ и, главное, почему это исключеніе допущено только для четвертнаго владѣнія? Почему же почти о каждой душевой общинѣ сказано, сколько загоновъ въ каждомъ клину приходится на хозяина, сколько въ деревнѣ установлено при развертѣ десятковъ, по скольку десятинъ отводили въ данномъ ярусѣ на десятокъ, какъ кидали жребій и проч. Какъ разъ такія же свѣдѣнія можно собрать и въ четвертной общинѣ, прибавивъ, конечно, ко всему этому, какъ разбиваютъ землю при семейныхъ раздѣлахъ, какія бываютъ отступленія въ обычномъ правѣ наслѣдованія и проч. Этихъ свѣдѣній въ Елецкомъ сборникѣ вы не найдете нисколько.

Семь общинъ Елецкаго уѣзда надо считать душево-четвертными; изъ нихъ въ четырехъ, какъ мы уже упоминали [1]), душевая земля произошла путемъ распашки общихъ угодій, въ трехъ случаяхъ лѣса и въ одномъ — степи. Въ д. Выголкахъ происхожденіе 92 десятинъ душевой земли невыяснено и, наконецъ, с. Злобинъ Ворголъ въ подавляющемъ числѣ домохозяевъ является душево-четвертной общиной, а сравнительно меньшая часть владѣетъ одной душевой. Въ этомъ селеніи, какъ мы уже знаемъ, четвертное владѣніе установилось позже душеваго, путемъ покупокъ четвертной земли въ сосѣднихъ дачахъ. Совсѣмъ иной характеръ весьма сложной формы владѣнія мы видимъ въ помянутой уже д. Дерновкѣ съ выселками. Здѣсь жалованная земля всегда была четвертная, но ее было очень мало, такъ что при генеральномъ межеваніи послѣдовала прирѣзка и нарѣзную отъ казны землю тотчасъ же подѣлили на души. Затѣмъ лѣтъ 40 назадъ весь лѣсъ 81½ дес. обращенъ въ пахоть, но онъ дѣлился еще при IX ревизіи. Въ 1871 году бывшіе въ чрезполосицѣ 33 дес. обмѣнены полюбовно съ помѣщикомъ и раздѣлены по душамъ X ревизіи. Въ 1881 г. составленъ былъ приговоръ о передѣлѣ на наличныя души всей земли, включая и четвертную, но приговоръ не былъ утвержденъ. Такимъ образомъ въ этомъ селеніи земля находится: въ четвертномъ владѣніи $292,_8$ дес. и въ общинномъ (двуревизскомъ) $855,_2$; изъ послѣдней $81,_5$ раздѣлена по душамъ IX ревизіи, 33 дес по X ревиз. и $740,_7$ по наличнымъ. Подсчитавъ землю этихъ общинъ [2]), мы получимъ:

---

[1]) Дер. Вер. Короткая, Локтева, с. Б. и М. Хмѣлинцы.

[2]) Въ подсчетъ не входитъ Злобинъ Ворголъ за невозможностью выдѣлить четвертную землю.

	Всей земли.	Изъ общаго количества. Въ четвертн. владѣніи.	Въ душевомъ владѣніи.	% отношеніе душ. къ общ. количеству.
(съ Дерновкой) . . .	4.108,8	2.675,9	1.132,9	27,6
(безъ Дерновки).. . .	2.960,8	2.683,1	277,7	9,3

Какъ видимъ, безъ исключительнаго селенія, которое почти всю землю раздѣлило уже на души, душево-четвертныя общины Елецкаго уѣзда имѣютъ очень невысокій процентъ душевыхъ земель,—меньше процента дворовой земли. Душево-четвертная форма, то-есть допущеніе сверхъ четвертнаго владѣнія, уравнительнаго по душамъ, является такимъ же палліативомъ, какъ допущеніе двороваго владѣнія. Не разъ мы видѣли, что это, собственно говоря, не самостоятельная форма, а лишь переходное состояніе, временная мѣра. Но и она, подобно дворовой формѣ, можетъ замереть въ своемъ развитіи и тогда душевая земля идетъ по наслѣдству, какъ четвертная.

Приступаемъ къ изученію историческаго процесса того явленія, которое принято называть переходомъ съ четвертей на души. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ книжнымъ выраженіемъ, ибо крестьяне не выражаются такъ, и если спросить: «когда былъ у васъ переходъ на души»—они сразу не поймутъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ; но достаточно тотъ же вопросъ задать въ глагольной формѣ: «когда перешли на души»? и васъ поймутъ сразу и въ большинствѣ случаевъ укажутъ не только годъ перехода, но и разскажутъ всѣ мельчайшія детали, всѣ мотивы къ переходу, почему и чѣмъ кто былъ недоволенъ, какъ шла борьба между четвертниками и душевиками и проч.

Присоединивъ тѣ 12 общинъ, въ коихъ остались еще слѣды четвертнаго владѣнія, мы получимъ въ Елецкомъ уѣздѣ всего 51 душевую общину, гдѣ четвертное владѣніе замѣнено было душевымъ по приговорамъ мірского схода. О 48 изъ нихъ есть точная дата, когда это произошло. Свѣдѣнія этого рода даютъ намъ возможность исторически прослѣдить развитіе идеи поравненія среди однодворцевъ Елецкаго уѣзда. Во избѣжаніе повтореній сведемъ эти данныя въ табличную форму:

Переходъ на души послѣдовалъ въ общинахъ:		
I. до 20 гг. нын. столѣт.	7	14,6%
II. въ 20 „ нын. столѣт.	4	8,3%
III. „ 30 „ „ „	4	8,3%
IV. „ 40 „ „ „	8	16,7%
V. „ 50 „ „ „	15	31,2%
VI. „ 60 „ но не позже 1868 г.	10	20,8%
Всего 48 общ.		100%

Первая группа имѣетъ повышенный процентъ потому, конечно, что въ нее вошло нѣсколько десятилѣтій; сюда, между прочимъ, включено село

Грунь-Воргольское съ деревнями (3 общ.), по нашему предположенію, перешедшее на души при генеральномъ межеваніи. Тогда же и по той же причинѣ перешелъ на души Ольховецъ, Казацкой волости, что отмѣчено прямо въ сборникѣ. Раньше мы видѣли, что одна изъ душево-четвертныхъ общинъ также получивъ прирѣзку при генер. межеваніи, ввела на ней душевую форму. Далѣе про д. Барановку, Предтечевской волости, прямо сказано, что перешли на души лѣтъ 80 назадъ (стр. 159), про д. Гущину лѣтъ 70, значитъ считая съ года изслѣдованія (1886), получится 1816 годъ. С. Телѣгино владѣло на четвертяхъ до VI ревизіи, лишь два двора, имѣвшіе 50 дес. не хотѣли уступить ее обществу и имъ былъ выдѣленъ особнякъ; однако, жить отдѣльно отъ міра оказалось «неловко» и при VIII ревизіи одинъ пошелъ въ раздѣлъ. По кадастру 1846 г. все еще значился одинъ хозяинъ съ $19_{,3}$ дес. четвертной земли, значитъ по IX или X ревизіи и этотъ остатокъ уничтожился. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ переходы происходили нечасто, по 4 перехода на десятилѣтіе, въ 40 гг. они удвоиваются, въ 50 гг. учетверяются и затѣмъ за 8 первыхъ лѣтъ 60 гг. было 10 переходовъ, то-есть больше чѣмъ по одному въ годъ. Конецъ переходамъ положенъ владѣтными записями, которыя и были выданы въ Елецкомъ уѣздѣ именно въ 1868 г.

Такимъ образомъ изъ 107 однодворческихъ общинъ владѣло на четвертномъ и душевомъ правѣ слѣдующее количество:

	Четвертн.	Душев.
До 20 гг. нын. столѣт.	100	7
„ 20 „ „ „	96	11
„ 30 „ „ „	92	15
„ 40 „ „ „	84	23
„ 50 „ „ „	69	38
„ 60 „ „ „	56	48 + 3 [1]).

Такимъ образомъ правильное развитіе шло все увеличиваясь и было остановлено не самопроизвольно, а извнѣ. По выдачѣ владѣнныхъ записей были лишь задаваемы приговоры о раздѣлѣ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ осуществленъ. Всматриваясь въ выведенные проценты о переходившихъ на души общинахъ, мы замѣчаемъ, что въ 40-хъ гг. по образованіи министерства госуд. имуществъ, стремленіе къ поравненію, явно поддерживаемое тѣмъ министерствомъ, дало, правда, повышеніе бывшаго раньше процента вдвое, но наибольшаго напряженія поравненіе достигло въ 50 и 60 гг. Значитъ министерство госуд. имущ. не насиловало воли мірскихъ сходовъ, но только благоволило душевикамъ, оно не насаждало силой «общину». А разъ это такъ, то вся эта эволюція происходила изнутри, въ силу назрѣвавшихъ потребностей и конечно, въ высшей степени

[1]) О трехъ общинахъ время перехода не показано.

жаль, что это естественное развитіе было остановлено искусственной мѣрой. Вся работа министерства госуд. имущ., направленная на выработку сознанія о принадлежности четвертныхъ земель міру, а не отдѣльнымъ хозяевамъ,—сознанія, которое охватило уже болѣе половины однодворческаго населенія, а мѣстами и все населеніе полностью, вся работа принесшая несомнѣнную, очевидную пользу мелкимъ землевладѣльцамъ, вся эта работа пошла прахомъ, ибо съ выдачей владѣнныхъ, каждый получилъ право, ни съ кѣмъ не спрашиваясь, распродавать свою землю кому угодно. Вторженіе новыхъ кабацкихъ элементовъ въ родовую общину, вотъ что дала эта новая мѣра, тогда какъ мѣропріятія стараго министерства оградили общину отъ этого зла и помогли ей подняться на высшую ступеньку общественнаго развитія. Невольно хочется сказать: міръ праху твоему, графъ Киселевъ, ты понималъ, что дѣлалъ, и твои разумныя усилія принесли святые плоды...

Познакомимся поближе и въ хронологическомъ порядкѣ съ ближайшими поводами къ переходу съ четвертей на души, а кстати отмѣтимъ и кое-какія особенности, замѣченныя въ разныхъ мѣстахъ. Во второй группѣ, охватывающей 4 общины, перешедшія на души въ 20 гг., мы не находимъ прямыхъ отвѣтовъ на поставленный вопросъ, косвенныя же указанія есть, хотя неочень существенныя. Д. Мягкая лѣтъ 75 назадъ подѣлила свою землю на души; земля была жалована предкамъ за службу, но часть ея была прирѣзана отъ казны, вотъ эта-то прирѣзка, вѣроятно, и была ближайшимъ стимуломъ къ поравненію. О д. Хитрой и Паниковцѣ (Ворон. вол.) ничего неизвѣстно, очень можетъ быть, что вліяло сосѣдство съ душевыми пригородными отселками, которые окружаютъ эти селенія. Въ д. Хитрой, а равно и въ Мягкой остались слѣды четвертнаго владѣнія: въ первой—родъ Романова, въ количествѣ 28 дворовъ, владѣетъ $41,_9$ дес. четвертной земли въ д. Асламовой, откуда, вѣроятно, была взята наслѣдница (пробабка или и того старше), а вторая, въ лицѣ нѣсколькихъ дворовъ, владѣетъ, въ качествѣ постороннихъ, въ с. Рождествѣ и Петрищевой. Если въ свою очередь и Петрищева владѣла въ дачахъ д. Мягкой, то земля Петрищевой, конечно, была задѣлена по общему правилу: «ты душами у насъ неположенъ». Четвертное селеніе д. Панарьина, какъ извѣстно, имѣла безоброчную землю, пожалованную изъ помѣстья въ вотчину одному изъ родовъ Дурневу. Но это не помѣшало переходу: уже много позже Дурневымъ удалось отсудить всего $64,_6$ дес., но и отсудивши эту землю, Дурневы подѣлили ее на свои души. Остатокъ, въ видѣ $23,_4$ четвертной земли образовался здѣсь изъ земель, принесенныхъ зятьями изъ Паниковца (Камен. вол) и ничего общаго съ мѣстнымъ землевладѣніемъ, конечно, не имѣетъ. И въ этомъ селеніи о поводахъ къ переходу свѣдѣній нѣтъ.

Третья группа, подѣлившая землю въ 30 гг., состоитъ изъ слѣдующихъ селеній: д. Чеплыгина и Морева въ сѣверной части уѣзда, и Б. Баевка и село Солдатское—въ южной. Подробностей нѣтъ.

Изъ восьми общинъ, дѣлившихъ четвертную землю на души въ 40 гг., лишь объ одной сказано, что палатою было предписано подѣлить землю на души, какъ «не подходящую подъ категоріи земель, признаваемыхъ личною собственностью однодворцевъ» (стр. 370). Это было въ д. Роговой, которая сверхъ жалованной земли имѣла и купчія земли. Очевидно, переходный приговоръ былъ заданъ раньше предписанія палаты, которая, придравшись къ случаю, на жалобы недовольныхъ отвѣтила своимъ предписаніемъ. С. Свишни, принадлежащія къ этой же группѣ, по даннымъ кадастра имѣли сверхъ четвертной земли 117 дес. душевой нарѣзанной отъ казны «по малоземелью». Въ 1845 году подѣлили на души и четвертную, но лишь одинъ клинъ, два же клина «оставались недѣлены вслѣдствіе споровъ» душевиковъ съ четвертниками. Споры эти привели къ тому, что 15 хозяевамъ былъ выдѣленъ особнякъ, но не надолго. По X ревизіи опять задѣлили ихъ землю—жаловались въ судъ, но судъ отказалъ, тяжба впрочемъ тянется и сейчасъ. Усадьбы у 15 хозяевъ остались, какъ мы знаемъ, не уравнены по душамъ. Такимъ образомъ и здѣсь нарѣзка отъ казны создала душево-четвертную форму, которая не замѣдлила, хотя послѣ долгой борьбы, перейти въ душевую. С. Яковлево, какъ мы знаемъ, вело борьбу съ четвертниками съ помощью прибавокъ лишней земли. Въ селѣ Крутомъ $48_{,3}$ дес. до сихъ поръ остаются четвертными, такъ что 6 хозяевъ выдѣлены въ особую общину, но живутъ тутъ же и четвертная земля ихъ разбросана по ярусамъ клочками между душевой землей. Въ селѣ Измалковѣ переходъ также состоялся несразу, 5 хозяевъ оставались на четвертяхъ до IX ревизіи. Земля здѣсь подѣлена послѣ размежеванія, бывшаго въ 1846 году. Объ остальныхъ общинахъ этой группы нѣтъ подробностей.

Пятая наиболѣе многочисленная группа включаетъ между прочимъ уже описанныя нами селенія Тербуны съ Березовкой и Казинкой, перешедшія на души съ извѣстной подготовкой путемъ дворовой и душево-четвертной формы. Такую же подготовку мы видимъ въ с. Бурдинѣ съ Березовкой, гдѣ по кадастру въ четвертномъ владѣніи было всего двѣ трети земли, а остальная въ душевомъ. То же видимъ въ д. Шатовой, сидѣвшей не на жалованной, а на захватной землѣ. По кадастру здѣсь было 150 десят. душевой, распаханной изъ-подъ лѣса. Но при переходѣ на души въ 1854 году здѣсь осталось 10 хозяевъ на четвертяхъ. Интересенъ способъ борьбы съ остатками четвертнаго владѣнія: несмотря на состоявшійся передѣлъ въ 1884 году на наличныя души, четвертники все-таки добились, чтобы лѣсъ дѣлили по ревизскимъ душамъ; разбивши на соотвѣтствующія части,

душевики однако дѣлятъ свою часть на наличныя души. Но четвертникамъ не удалось добиться того же съ покосомъ, его дѣлятъ на 401 наличную душу душевиковъ плюсъ 27 ревизскихъ душъ четвертниковъ. Такой же постепенный «подготовительный» переходъ наблюдается еще въ с. Рябинкахъ; здѣсь казна въ 30 гг. прирѣзала нѣсколько земли, которая сдѣлала однодворцевъ душево-четвертными; наконецъ, въ 1856 году произошелъ общій передѣлъ, но съ выдѣломъ 22 хозяевъ, оставившихъ у себя 65 дес. четвертной земли; въ 1869 году душевики отсудили изъ нея 11 десятинъ. Къ этой же группѣ относятся помянутыя нами д. Становая и с. Новосильское. Затѣмъ три общины: Поддолгая, Ниж. Сухинина и Тросное перешли на души послѣ размежеванія, потому что «четвертныя права спутались», лишь Поддолгая при этомъ выдѣлила изъ себя часть четвертниковъ. Объ остальныхъ трехъ общинахъ подробностей нѣтъ, лишь о Колесовой можно сказать, что она раскололась на двѣ общины, такъ какъ 66 душъ остались съ 570 десятинами четвертной земли.

Почти всѣ общины шестой группы, именно восемь изъ 10, перешли на души послѣ размежеванія. Въ д. М. Слѣпухѣ пригрозили несогласнымъ выдѣленіемъ особняка изъ самой худшей земли, чего тѣ и убоялись; дер. Барановка нами уже помянута въ своемъ мѣстѣ. Въ с. Жерновномъ запротестовали 10 хозяевъ, но не хватило у нихъ денегъ на тяжбу, лишь два двора Андреева, какъ мы знаемъ, отсудили 17 дес. Въ Слободкѣ (Соловьевск. вол.) одинъ родъ Селяниновыхъ (стр. 198) имѣлъ особо землю въ двухъ мѣстахъ всего 75 дес., эту землю онъ и подѣлилъ особо отъ общества на свои 19 душъ. Кромѣ того, многоземельнымъ выплачивали за отходившую землю деньги, кои собирались съ тѣхъ, кому по передѣлу доставалось больше земли.

Д. Новосильская (Тербунской вол.), извѣстная намъ по своей душевоздворовой разверсткѣ, перешла на души не сразу: уже по кадастру 1846 года значилось за ней 120 дес. переселенцевой душевой земли, а въ д. Прочистяхъ была дворовая земля; 12 душъ выдѣлились изъ общины и долгое время община не выдѣляла имъ «дворовой» земли, пока судъ не рѣшилъ этого дѣла въ пользу четвертниковъ.

Такимъ образомъ, очень много четвертныхъ общинъ бросили старую форму владѣнія послѣ спеціальнаго размежеванія; въ этомъ можно видѣть неустойчивость четвертнаго права: достаточно внѣшняго толчка, чтобы всѣ права отдѣльныхъ домохозяевъ «смутились», перепутались, замѣшались настолько, что разобраться въ родословной путаницѣ не представлялось уже никакой возможности. Малоземельнымъ это было на руку и они конечно раздували эту путаницу. Міру оставалось только одно средство, отказаться отъ старой наслѣдственной формы, допустить фикцію объ оди-

наковой степени родства всѣхъ членовъ къ первосадчикамъ и поравнять землю по душамъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ воздѣйствіе палаты госуд. имущ. было лишь посредственное: палата все время своего завѣдыванія государственными крестьянами много положила труда на спеціальное размежеваніе земель казенныхъ поселянъ съ частными владѣльцами. Полюбовное размежеваніе двигалось туго и окончательныя соглашенія послѣдовали въ концѣ 50 и въ 60 гг. Этимъ объясняется повышенный процентъ общинъ, переходившихъ на души въ эти десятилѣтія.

Другое воздѣйствіе со стороны казны происходило непосредственно — мы говоримъ про нарѣзки земли: во-первыхъ, казна производила ихъ по разсчету на ревизскія души, во-вторыхъ для однодворцевъ не представлялось справедливымъ дѣлить такія земли противъ дачъ, ибо нарѣзки происходили по малоземелью и малоземельные видѣли, что это дѣлается для нихъ и изъ-за нихъ.

Что касается внутреннихъ воздѣйствій, идущихъ такъ сказать, изнутри самихъ общинъ, то они прослѣживаются до крайности трудно. Правда, здѣсь кое-какіе факторы выступаютъ довольно явственно; такъ, напр., сопоставленіе размѣровъ землевладѣнія даетъ намекъ на то, что четвертныя общины перешли на души тѣмъ раньше, чѣмъ раньше обнаружилось малоземелье; вотъ рядъ среднихъ, указывающихъ на это:

	Десят. земли на наличную душу нынѣ.	Нынѣ дворовъ на 1 общ.
I. У общинъ перешедшихъ до 1820 г. . .	2,8	95,0
II. „ „ въ 20 гг. . .	2,3	101,0
III. „ „ „ 30 „ . .	2,5	167,0
IV. „ „ „ 40 „ . .	3,0	205,0
V. „ „ „ 50 „ . .	2,8	207,0
IV. „ „ „ 60 „ . .	2,7	87,5

Только первая группа нѣсколько противорѣчитъ выводу, но вѣдь въ ней сосредоточено наибольшее число общинъ, получившихъ прирѣзку отъ казны по малоземелью. Другой рядъ цифръ, приведенный здѣсь же, указываетъ на то, что въ болѣе крупныхъ селеніяхъ переходы на души произошли позднѣе и при томъ происходили въ полной постепенности: ясное дѣло, столковаться на большомъ сходѣ труднѣе, чѣмъ на маломъ; лишь въ послѣдней группѣ мы видимъ серьезное уклоненіе, но произошло это очевидно отъ того, что крупнѣйшія селенія успѣли уже поравнять свою землю въ 50-хъ гг.

Количество земли, подвергнутое въ Елецкомъ уѣздѣ душевому поравненію, идетъ по годамъ такимъ образомъ:

	Земли десятинъ.	На 1 общин. десят.	% къ общему числу.	
I. До 1820 г. .	5.893,2	842,0	8,9	21,4%
II. Въ 20 гг. .	3.121,7	780,6	4,7	
III. „ 30 „ . .	5.281,7	1.320,6	7,8	
IV. „ 40 „ . .	15.570,7	1.946,2	23,3	
V. „ 50 „ . .	29.029,2	1.935,3	43,6	
VI. „ 60 „ . .	7.689,4	768,9	11,7	
Итого. . .	66.585,9	1.387,2	100	

Переходы на души, какъ видимъ, начались съ малыхъ дачъ и до 40 годовъ, то-есть до учрежденія палаты государственныхъ имуществъ раздѣлено на души немного больше пятой части земель, подвергнутыхъ поравненію. За этотъ періодъ подвергались поравненію дачи ниже средней величины. Въ 40-хъ и 50 гг. подвергнуто передѣлу $^2/_3$ четвертныхъ земель, коихъ коснулся переходъ, и здѣсь мы видимъ крупнѣйшія дачи, въ среднемъ достигающія почти 2.000 десятинъ. Но связь переходовъ съ малоземельемъ устанавливается съ очевидною точностью, если мы сопоставимъ нынѣшнія четвертныя общины; для этого мы раздѣлимъ ихъ на слѣдующія группы, принятыя нами раньше:

		Имѣютъ на наличн. душу м. п.
I. 10 общинъ	обобщившихъ часть четв. зем. . .	2,4 дес.
II. 7 „	душево-четвертныхъ	2,5 „
III. 11 „	имѣющихъ дворовую землю	2,7 „
IV. 28 „	чистыхъ четвертниковъ	3,6 „
V. 8 „	отдѣлившихся при переходѣ въ особую общину (клятые четвертники).	4,7 „

Такимъ образомъ, чѣмъ меньше земли, тѣмъ стремленіе къ душевому поравненію больше: лишь относительное многоземелье поддерживаетъ орхаическую четвертную форму владѣнія землей,—еще нѣсколько поколѣній и четвертные владѣльцы должны перейти на души; если этого имъ не позволятъ, они вынуждены будутъ бросить свою узкополосную землю и уйти, куда глаза глядятъ. Сопоставленіе данныхъ о четвертникахъ и душевикахъ даетъ подчасъ весьма любопытныя сравненія Такъ, у душевиковъ мы видимъ преобладаніе мужского пола надъ женскимъ, у четвертниковъ наоборотъ. Въ среднемъ на наличную душу у душевиковъ приходится 2,7 десятины, у четвертныхъ же владѣльцевъ 3,0. По группамъ maximum надѣленія у душевыхъ доходитъ всего до 3,0, то-есть до средняго четвертного надѣленія, у четвертныхъ же до 4,7 дес. Но, несмотря на это очевидное преимущество, столь важное въ черноземной полосѣ, хозяйство четвертныхъ владѣльцевъ даетъ показатели ниже душевыхъ; такъ:

	У четвертныхъ.	У душевыхъ.
% сдающихъ надѣлы	4,5%	4,2%
% безлошадныхъ	31,5%	28,4%

Этотъ неблагопріятный излишекъ долженъ быть всецѣло отнесенъ на форму владѣнія, ибо со стороны главнаго фактора земли четвертные обезпечены лучше душевыхъ. Тѣ же проценты по группамъ четвертныхъ владѣльцевъ распредѣляются такъ:

	% сдающихъ.	% безлошадныхъ.
I. 10 общинъ обобщившихъ часть земли . .	5,6	32,6
II. 7 общинъ душево-четвертныхъ	3,7	32,0
III. 11 общинъ съ дворовой землей	5,0	28,3
IV. 28 общинъ четвертныхъ	4,3	32,7
V. 8 общинъ клятыхъ четвертниковъ . . .	4,4	30,0

Эти группы, расположенныя по количеству земли на душу, не даютъ совпаденія съ % % сдающихъ и безлошадныхъ, что прямо указываетъ на отсутствіе связи между этими явленіями; но мы не можемъ не замѣтить, что душево-четвертная и дворовая формы, понижающе дѣйствуютъ на взятые нами экономическіе показатели. Въ то время, какъ V группа съ громаднымъ надѣленіемъ въ 4,7 десятины на душу едва понизила % безлошадныхъ до 30, а сдающихъ землю даже не понизила вовсе,—присутствіе дворовой и душевой земли во II и III группѣ, несмотря на половинное ихъ надѣленіе, дѣйствуетъ могущественно, понижая процентъ безлошадныхъ до уровня душевыхъ владѣльцевъ. Все это понятно и a priori, но дабы не было упрековъ въ пристрастіи къ душевому владѣнію, мы приводимъ эти цыфры, столь рельефно доказывающія апріорныя предположенія.

Въ заключеніе еще одинъ маленькій подсчетъ относительно размѣровъ общинъ: четвертная община, какъ мы уже говорили, равняется въ среднемъ 71,6 дворамъ съ 447,4 душами обоего пола, тогда какъ у перешедшихъ съ четвертей на души она равна 153,5 дворамъ при 923,3 душахъ то-есть четвертныя общины вдвое меньше. Настолько же меньше и земельныя ихъ дачи (666 дес. противъ 1387,2). Этимъ мы заканчиваемъ разборъ Елецкаго сборника и переходимъ къ разбору Карачевскаго.

Въ оцѣночномъ сборникѣ по Карачевскому уѣзду [1]) очень мало сказано о формахъ землевладѣнія, а о четвертномъ землевладѣніи почти ничего. Извѣстно только (стр. 12), что въ д. Ивановкѣ (нынѣ 8 дв.) живетъ родъ Лаврентія Иванова сына Лужецкаго, коему за отличіе противъ поляковъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ 342 четверти. Въ д. Сумароковой

[1]) Томъ V вып. II стр. 11, 12, 21—30.

поселился Савва Андреевъ Михѣевъ имѣвшій окладъ въ 150 четей. Въ д. Коробовой (21 дв.) первымъ заимщикомъ былъ Коробовъ имѣвшій крестьянъ. Изъ этихъ скудныхъ данныхъ мы можемъ сдѣлать пока одинъ частный выводъ: такъ какъ неподалеку отъ Ивановки есть деревня Лужецкая (13 дв.); то вѣроятно и она пренадлежитъ тому же роду Лужецкаго и такъ какъ въ этой деревнѣ всего 174 десятины да въ Ивановкѣ 76, то недостающая на 372 четверти земля разошлась по сосѣднимъ селеніямъ, такъ что и въ нихъ навѣрно встрѣчается фамилія Лужецкаго. Если мы подсчитаемъ всѣ 48 общинъ [1]) четвертнаго права, то получимъ въ нихъ 882 двора или 18,3 двора на одну общину. Столь малый размѣръ говоритъ намъ о раннемъ заселеніи этой мѣстности, что извѣстно изъ общей исторіи, и главное свидѣтельствуетъ объ однофамильной заимкѣ распространенной въ Карачевскомъ уѣздѣ. Кромѣ указанныхъ фактовъ, прямо подтверждающихъ такое предположеніе, мы имѣемъ и косвенныя доказательства напр. въ д. Пасловой поднесь имѣется всего одинъ дворъ, а въ д. Рябчевкѣ по X ревизіи числилась всего одна ревизская душа мужскаго пола, нынѣ же мы видимъ уже два двора съ 4 душами, ясное дѣло эти оба двора носятъ одну фамилію. Кромѣ того большинство деревень 36 изъ 48 (75%) носитъ заимочно-фамильныя названія, такъ кромѣ помянутыхъ мы находимъ здѣсь Алехину, Зубовку, Зеленину, Волкову, Сабурову, Сурьянову, Бѣляеву, Гридину, Аксютину, Каталанову, Дюкареву, Камынину, Шепелеву, Картамышеву, Алтунину, Баздыреву, Бредихину, Юрасову, Погорѣльцеву, Дудкину, Кашкаданову, Акулову, Трубчанинову, Голубино, Богатыреву, Бражину; у душево-четвертныхъ Коробову, Сумарокову, Кочержинку и проч. Все это заимочныя фамиліи дѣтей боярскихъ. Остальныя 12 деревень (25%) носятъ общія названія чаще всего по урочищамъ. Конечно и здѣсь, какъ и въ Елецкомъ уѣздѣ, названіе деревни не всегда должно совпадать съ фамиліей нынѣшнихъ обитателей, ибо родъ первозаимщиковъ, благодаря частымъ опустошеніямъ этой мѣстности со стороны Литвы, могъ прекратиться, а старыя писцовыя книги сохраняли прежнія названія помѣстій. Что касается нынѣшнихъ душевыхъ общинъ, коихъ насчитывается 37, то названія ихъ можно отнести къ заимочно-фамильнымъ всего только въ трехъ случаяхъ, именно: Абалмасова, Воейково и Бойково и съ большой натяжкой можно пожалуй присоединить сюда д. Пластову и Костихину. Остальныя названія или служилыя—сл. Драгунская, Стрѣлецкая, Пушкарная, Градская, Бѣломѣстная, Ново-бѣломѣстная, или праздничныя—с. Покровъ, или по урочищамъ—Бутрь,

---

[1]) По сборнику ихъ считается 50, но я не вижу основаній почему д. Строеву (6 дв.) составители сборника разбиваютъ на двѣ общины, а равно и д. Кочержинку (19 дв.).

Ревна, Бережокъ, Мокрая или наконецъ общія въ родѣ Лбы, Прилѣпы, Сычевка, Селище и проч. Весьма характерны названія бывшихъ экономическихъ селеній—Ружное, Рясникъ, Клюковникъ и проч. Кромѣ 48 четвертныхъ общинъ мы находимъ въ Карачевскомъ уѣздѣ еще семь общинъ душево-четвертныхъ. Размѣръ ихъ также невеликъ—въ среднемъ 20,9 двора на общину: всей земли въ этихъ семи общинахъ 2112,9 десятинъ и изъ нихъ 852,2 дес. или 40,3% находятся въ душевомъ владѣніи. Мы ровно ничего не знаемъ, какъ произошла эта форма владѣнія въ Карачевскомъ уѣздѣ. Какъ бы ни было, но присутствіе ея указываетъ на то, что и карачевскіе однодворцы, при всей малости своихъ деревень, склонны были въ свое время къ душевому поравненію. Нечужды они были и дворовому поравненію, что видно изъ того факта, что д. Бредихина заказываетъ на нѣсколько лѣтъ часть своего лѣса, и когда рубитъ, дѣлитъ его на дворы [1]).

Но если все это такъ, почему не допустить, что часть нынѣшнихъ душевыхъ общинъ произошла изъ четвертныхъ путемъ перехода съ четвертей на души. Однако составитель Карачевскаго сборника И. П. Бѣлоконскій отнюдь не допускаетъ этого: на 21-й страницѣ онъ многозначительно даетъ слѣдующій категорическій выводъ, Богъ вѣдаетъ откуда взятый, но конечно не изъ данныхъ по Караческому уѣзду. Онъ пишетъ: «общинное землевладѣніе въ Карачевскомъ уѣздѣ, какъ и во всей Великороссіи, существуетъ съ незапамятныхъ временъ и явилось результатомъ необходимости равномѣрнаго распредѣленія между членами всѣхъ лежащихъ на общинѣ платежей. «Что здѣсь подъ общиннымъ землевладѣніемъ авторъ разумѣетъ именно душевое владѣніе, это видно изъ начала главы о формахъ землевладѣнія, гдѣ прямо изображено: «за незначительнымъ исключеніемъ (58 общинъ?!), которое составляютъ крестьяне такъ называемыхъ четвертныхъ правъ, все остальное сельское населеніе Карачевскаго уѣзда владѣетъ землей на общинныхъ началахъ» [2])... Видите ли четвертное владѣніе—это не община, это такъ, неизвѣстно что, какое-то исключеніе, но не община. Итакъ, душевое владѣніе въ Карачевскомъ уѣздѣ существуетъ «съ незапамятныхъ временъ». Ну а все-таки, неужели со временъ Вятичей, первыхъ аборигеновъ края? Конечно нѣтъ, ибо авторъ считаетъ душевую общину результатомъ необходимости равномѣрнаго распредѣленія податишекъ, и такъ какъ оныя только съ 1723 года стали собираться съ душъ, а раньше собирались съ дворовъ и съ четвертной пашни, то вышепомянутая незапамятность относится не дальше второй четверти прошлаго вѣка. Мнѣ больше всего нравится

---

[1]) Ilid. стр. 28.

[2]) Ibid., стр. 20.

то утвержденіе, что такая незапамятность душеваго владѣнія отнесена авторомъ ко всей Великороссіи, что же касается Карачевскаго уѣзда, то авторъ не смѣлъ, по-моему, и помыслить приписывать ему такую незапамятность, ибо тутъ же на слѣдующей страницѣ мы читаемъ слѣдующее отвѣтственное мѣсто: «земля слободъ Градской-Бѣломѣстной, Ново-Бѣломѣстной и Пастушни еще изстари была раздѣлена на 64 пая, по числу первыхъ заимщиковъ 64 казаковъ. Какъ величина, такъ и количество паевъ остались неизмѣнными и до сихъ поръ. При каждой ревизіи эти паи распредѣлялись между слободами по числу ревизскихъ душъ: по послѣдней ревизіи пришлось на Ново-Бѣломѣстную $33^1/_2$ пая, на Градскую съ Пастушнею $30^1/_2$. Въ паю по 12 душъ... по составленному приговору на передѣлъ по наличнымъ душамъ придется въ пай по 15 душъ». Что это, какъ не пережитокъ четвертнаго права? Было 64 заимщика-казака, они разбили землю на 64 пая, починка тожъ, разбили конечно такъ, какъ разбиваются починки — пополосно, а не къ одному мѣсту. Эта многодворная, равнопочинковая заимка въ дальнѣйшемъ должна была конечно держаться обычныхъ нормъ наслѣдованія, то-есть дѣлить землю по четвертямъ, или если ужъ четвертей здѣсь не было, на доли паевъ. Съ теченіемъ времени, достигнувъ извѣстной стадіи развитія, община нашла такое родовое распредѣленіе несправедливымъ и постановила выравнять землю по душамъ. Для этого не потребовалось, въ данномъ случаѣ, ломать старыя межи — рѣшено было, не трогая ихъ исчислить, сколько душевыхъ надѣловъ должно лечь въ прежній пай: высчитали и пошли кидать жеребьи; коротко и ясно. Значитъ здѣсь былъ переходъ съ долевой формы владѣнія на душевую, и былъ онъ вовсе не такъ давно, чтобы нельзя было запомнить. А разъ былъ переходъ съ четвертей на души въ сл. Бѣломѣстной, то почему бы не было его въ сл. Пушкарной, Стрѣлецкой, Драгунской, или въ деревняхъ Бойковой, Пластовой, Абалмасовой. Но съ Карачевскими душевыми общинами надо быть весьма осторожнымъ. Мы уже сказали, что между ними фамильныхъ названій нѣтъ, а это важный признакъ въ пользу несуществованія четвертнаго владѣнія. И дѣйствительно, мы видимъ въ этомъ уѣздѣ, массу экономическихъ крестьянъ, бывшихъ за Карачевскимъ (Тихвинскимъ) монастыремъ; сюда завѣдомо относятся слѣдующія общины: Бережекъ, Бутрь съ д. Моисеевкой и х. Клюковникомъ, Рясникъ, Лбы, Прилѣпы, Ружное и, по всей вѣроятности, сюда же надо отнести с. Ревну, Подосинки, Ячное, Песочню съ Погибелкой, Кукуевку, Одринское, с. Глинки и д. Лѣнивку всего 13 общинъ, да къ служилымъ пригороднимъ слободамъ относится 9 общинъ. Остается 15 общинъ, и изъ нихъ всего какихъ-нибудь три-четыре носятъ фамильныя названія. Размѣръ этихъ 15 общинъ намъ тоже ничего не подсказываетъ: около 70 дворовъ на общину. Если допустимъ, что это

однодворческія селенія, то понятно, что они при повышенномъ размѣрѣ своихъ общинъ перешли на души. Но откуда могли взяться здѣсь столь крупныя однодворческія селенія, когда самое крупнѣйшее изъ четвертныхъ д. Водоцкое Городище достигаетъ всего 65 дворовъ? По размѣрамъ землевладѣнія эти общины правда ближе всего подходятъ къ четвертнымъ владѣльцамъ: у послѣдмихъ 12 дес. на дворъ, тогда какъ у первыхъ 11,9; между тѣмъ у душево-четвертныхъ, у подгороднихъ и у сомнительно экономическихъ по 14 дес., а у завѣдомо-экономическихъ даже 17,2 дес. Правда крупный размѣръ селеній и относительное малоземелье могли толкнуть однодворцевъ къ переходу съ четвертей на души, но все это догадки, сборникъ Карачевскій упорно молчитъ на этотъ счетъ; но конечно этимъ онъ не докажетъ, что въ этихъ 15 общинахъ общинная форма была съ незапамятныхъ временъ [1]). Очень можетъ быть, что многія изъ этихъ общинъ были просто сборными селеніями, населившимися безъ дачъ, а это отразилось при генеральномъ межеваніи въ томъ смыслѣ, что бросивъ прежнее распредѣленіе стали разверстывать землю «по душевой пропорціи».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ экономической зажиточности карачевскихъ однодворцевъ. По сравненію съ душевыми, четвертные владѣльцы представляются вдвое богаче: такъ у душевыхъ % безлошадныхъ достигаетъ 21,4, а у четвертныхъ всего 10,5%.

По проценту сдающихъ свои надѣлы эта разница еще рѣзче: у душевыхъ 10,3%, у четвертныхъ всего 2,0%. Но все это объясняется тѣмъ, что подавляющее количество душевыхъ сосредоточено вокругъ города, а оный, какъ и всюду, мѣшаетъ вести земледѣльческое хозяйство.

Остается еще одинъ послѣдне-изслѣдованный уѣздъ этой губерніи, именно уѣздъ Орловскій. Къ сожалѣнію громадныхъ размѣровъ сборникъ по Орловскому уѣзду не даетъ намъ ничего объ однодворческомъ землевладѣніи, кромѣ голыхъ цифръ. Составители сборника отнеслись къ дѣлу до крайности странно—они вовсе игнорировали исторію уѣзда, словно ея здѣсь и не было и она не вліяла на современное положеніе крестьянства. Въ частности относительно четвертного землевладѣнія составители прямо указываютъ, «что крайній недостатокъ времени не позволяетъ имъ въ настоящемъ случаѣ даже затронуть его[2]). «Допустимъ, что все это такъ, хотя

---

[1]) Общины о коихъ идетъ здѣсь рѣчь носятъ слѣдующія названія: с. Гремячье (181 дв.), д. Бойкова съ выселкомъ (144 дв.), Трыковка съ Верховкой (137 дв.), Костихина съ Верхоболотьемъ (24 дв.), д. Пластова (115 дв.), с. Покровъ (73 дв.), Бол. и Мал. Мокрыя (90 дв.), д. Черневка (4 дв.), д. Сычевка (102 дв.), Абалмасова съ Воейковой (50 дв.), д. Мертвая (32 дв.), д. Радомская (19 дв.), Селище (10 дв.), Вереща (15 дв.), Бол. Ильянка (56 дв.).

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Орл. губ., т. VIII, стр. 48.

на изслѣдованіе этого уѣзда потрачено очень много времени... Мы съ своей стороны не остановились бы на этомъ уѣздѣ также какъ и на другихъ (Кромскомъ, Болховскомъ) о которыхъ кромѣ голыхъ таблицъ ничего не издано, но историческое значеніе города Орла, какъ самаго ранняго сторожеваго пункта, слишкомъ велико, чтобы пройти его молчаніемъ въ нашей книгѣ. Поэтому сдѣлаемъ по крайней мѣрѣ хоть попытку обслѣдовать Орловскую округу.

Нынѣшній Орловскій уѣздъ вымежеванъ отъ окружающихъ очень своеобразно: въ видѣ цифры семь, онъ тянется узкой полосой съ сѣвера на югъ почти на сто верстъ. Рѣка Ока дѣлитъ его на двѣ, почти равныя части, изъ коихъ одна сѣверо-западная, рѣзко отличается бѣдностью чернозема, другая, южная, наоборотъ, представляетъ богатый черноземъ курскаго типа. Но какъ это ни странно, древнѣйшія поселенія расположились именно въ первой половинѣ, чему конечно способствовали татарскія набѣги. На правомъ берегу Оки мы почти не видимъ однодворческихъ селеній: всѣ они разсыпались по Цону, Орлику, Неполоду, очевидно подъ прикрытіемъ города Орла. Все это мы узнаемъ по писцовой книгѣ 1594 года, письма и мѣры Дементья Яковлева [1]). По аналогіи съ исторіей заселенія другихъ уѣздовъ Украйны, эти факты мы можемъ объяснить слѣдующимъ образомъ. Еще въ концѣ XVI вѣка г. Орелъ уже переставалъ быть крайнимъ конечнымъ пунктомъ на «польской» Украйнѣ; московское правительство шагнуло уже южнѣе къ Курску, къ Бѣлгороду, Осколу. Эти шаги конечно дѣлались постепенно, сначала стали, положимъ, на Кромахъ и Ливнахъ; но двигаясь на югъ въ дикія поля, занимали ихъ довольно широкой полосой, переходами, дистанціи коихъ опредѣлялись стратегическими соображеніями и весьма понятнымъ политическимъ разсчетомъ, захватить за каждый разъ какъ можно больше земель этой самой Украйны, столь богатой своимъ черноземомъ. Нетрудно догадаться, что каждый крупный шагъ требовалъ крупной защиты новозанятой полосы: строились Ливны на извѣстномъ татарскомъ броду черезъ рѣку Сосну и въ новоставленный городъ посылались «государевы люди разныхъ службъ въ большомъ количествѣ»; они селились за укрѣпленной, такъ или иначе, тою же рѣкою чертой; переходить за эту черту воспрещалось, да и опасно было. Затѣмъ, когда надо было сдѣлать слѣдующій шагъ, положимъ въ Старый Осколъ, продѣлывалось то же самое, и вотъ тутъ-то получалось то явленіе, которое прослѣживается на составѣ крестьянскаго населенія въ настоящее время. Дѣти боярскія, какъ первые завоеватели края, такъ сказать, не успѣвали освоить тѣхъ земель, которыя лежали между новыми стратегическими пунктами: на ихъ долю доставались земли лишь вблизи стратегическихъ пунктовъ за укрѣпленія-

---

[1]) Книга эта издана Калачевымъ, ч. I, отд. II, стр. 853 и сл.

ми, возводимыми противъ татаръ. Но какъ только край замирялся, промежуточныя земли ускользали изъ рукъ дѣтей боярскихъ или, вѣрнѣе, онѣ попадали въ болѣе счастливыя, сильныя руки, обыкновенно обладавшія крѣпостными. Отъ этого-то вблизи всѣхъ украинскихъ городовъ мы наблюдаемъ одно и то же явленіе: на сѣверъ отъ нихъ къ Москвѣ разселены однодворцы, на югъ «въ полѣ» размѣстились рабовладѣльцы съ крѣпостнымъ населеніемъ. Само собой понятно, что этотъ югъ заселялся много позже и насельники его значительно отличаются отъ первыхъ завоевателей Украйны. Позднѣйшая исторія, съ легкой руки Петра I, додѣлала эту историческую несправедливость такъ послѣдовательно, что, наприм., вся южная часть того же Орловскаго уѣзда буквально не имѣетъ ни одного однодворческаго селенія въ цѣлыхъ шести волостяхъ. Поэтому неудивительно, что болѣе плохія по качеству земли поднесь остаются у орловскихъ однодворцевъ. Всѣхъ однодворческихъ общинъ въ Орловскомъ уѣздѣ насчитывается 85. Онѣ состоятъ изъ 3.053 дворовъ, то-есть по $35_{,9}$ двора въ среднемъ на одну общину. Уже этотъ мелкій размѣръ свидѣтельствуетъ о томъ, что заселеніе здѣсь производилось не скопомъ «съ товарищи», а одиночками. Дѣйствительно, какъ видно изъ вышеуказанной писцовой книги, триста лѣтъ назадъ помѣщики «дѣти боярскія полковыя, станичники, самопальныя, сторожевыя, осадныя и вдовы и недоросли ихъ» [1]) испомѣщались въ разныхъ деревняхъ по два, по три лица; рѣдко число разнофамильныхъ и однофамильныхъ семей въ одномъ селеніи доходило до восьми, но часто сидѣлъ всего одинъ заимщикъ. Обыкновенно этотъ же заимщикъ опредѣлялъ и названіе занятаго имъ урочища: такъ, по писцовой видно, что въ д. Хрыковой сидѣлъ Ѳома Хрыковъ и еще два двора Хрыковыхъ. Въ нынѣшней д. Кулигѣ, Котово тожъ, по писцовой значились два двора Котовыхъ, Пенковъ, Шепицевъ, Юшковъ, Вертячевъ и вдова Захарова Матвѣева [2]). Очевидно старѣйшій заимщикъ Котовъ далъ названіе этой деревнѣ, сохранившееся поднесь. То же самое мы видимъ съ нынѣшней деревней Макрецы-Озерово. Здѣсь по писцовой значилось «за Васильемъ за Левонтьевымъ сыномъ Шалимова пашни 25 чет., за Ларею Стрѣлковымъ 8 чет., за шестью сиротами Гавриловыми дѣтьми Стрѣлкова-*Озерова* пашни 9 четв. [3]). Въ той же писцовой мы находимъ заимщиковъ Семехова, Сотникова, Дуракова, Реутова, Воробьева, Щелкунова, Панькова, Межакова, Чмутова, Труфанова и т. д.,—однимъ словомъ, всѣ почти нынѣшнія названія селеній не только четвертныхъ, но и душевыхъ (какъ, напр., Хрыки, Барыково) поминаются въ писцовой книгѣ,

---

[1]) Ibid., стр. 1013.
[2]) Ibid., стр. 954.
[3]) Ibid., 959.

какъ фамиліи дѣтей боярскихъ. Это свидѣтельствуетъ конечно о родовой организаціи всѣхъ этихъ поселеній и очень можетъ быть, что и посейчасъ однодворцы Орловскаго уѣзда носятъ тѣ же фамиліи. Фамильныя названія имѣютъ 65 общинъ изъ 85. Сверхъ того въ 10 душевыхъ общинахъ мы также видимъ названія фамильныя: сюда надо отнести д. Хрыки, Паньково, Барыково, Тереховку, Сенькову, Мал. Рябцеву, Мѣшкову, Батавину Ванину-Кривну и с. Паслово (?). Надо думать, что эти селенія нѣкогда были четвертными. Иное—дѣло остальныя душевыя общины Орловскаго уѣзда. Всѣхъ ихъ по счету составителей сборника 57. Но съ этимъ счетомъ нельзя никакъ согласиться. Сами же составители на 28 стр. въ примѣчаніи называютъ сл. Пятницкую и с. Срѣтенье съ хуторами «сложной общиной», но считаютъ ее за 32 отдѣльныхъ общины, несмотря на то что изъ приведеннаго ими тамъ же приговора съ очевидной ясностью вытекаетъ, что это дѣйствительно единая община. Тамъ въ 4 пунктѣ приговора сказано: «передѣлъ земли произвести такимъ же порядкомъ, какъ и было при X ревизіи. Всѣ нынѣшнія нарѣзки земли провѣрить мѣрою и въ какомъ участкѣ земли противъ душъ окажется излишекъ, то таковой отдѣлить и прирѣзать къ такому участку, гдѣ окажется недостатокъ; однимъ словомъ, сдѣлать такъ, чтобы нарѣзокъ земли каждаго селенія по числу наличныхъ душъ былъ уравнительный». Изъ этого мѣста приговора ясно видно, чего добивались крестьяне: они избѣгали лишней черезполосицы, длинноземелья, неудобствъ выпасовъ, чего ради разбили свою землю на отдѣльные «нарѣзки» къ каждому поселку поближе, но уравнительности и и не думали уничтожать. Орловскіе изслѣдователи увидѣли въ этомъ нѣчто особенное и, ничтоже сумняшеся, начали считать каждый хуторокъ за особую общину. Однако ради послѣдовательности слѣдовало бы имъ и сл. Покровскую съ десятью хуторами считать за десять общинъ, но на это они ни рѣшились, ибо у нихъ нѣтъ свѣдѣній, какъ нарѣзана здѣсь земля—къ хуторамъ или нѣтъ. Отвергая этотъ счетъ, какъ вполнѣ несостоятельный, мы получимъ всего 28 душевыхъ общинъ [1]). Десять изъ нихъ, какъ мы предполагаемъ, были однодворческими; посмотримъ, что представляютъ остальныя 18. Подгороднія слободы Стрѣлецкая, Пушкарная и Черкасская не представляютъ никакихъ затрудненій: ихъ названія указываютъ на ихъ оружіе. Труднѣй рѣшить, что такое Сухая Орлица: по нашему это или казацкая, или ямская слобода. Далѣе сл. Подмонастырная и Дубовикъ Монастырскій своими названіями указываютъ на то, что это экономическія слободы. Можно думать, что сл. Пятницкая и Покровская

---

[1]) С цо Красную Кулигу мы, подобно составителямъ Орловскаго сборника, также изъ счета выключаемъ, но по другимъ основаніямъ: въ таблицахъ 4 общины и неизвѣстно, какая же изъ нихъ была 50 лѣтъ назадъ за монастыремъ.

(если онѣ не были казачьими) принадлежатъ также къ монастырскимъ вотчинамъ; то же предположеніе ожидаетъ и с. Лаврово. Но все это только предположенія: сборникъ ни однимъ словомъ не обмолвился по этому поводу, хотя времени на душевое владѣніе у составителей очевидно хватило, такъ какъ объ этой формѣ землевладѣнія напечатано цѣлыхъ 23 страницы. Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ этихъ общинъ нѣтъ повидимому ни одной такой, которая была бы заселена дѣтьми боярскими полковой и городовой службы. Средній размѣръ душевой общины Орловскаго уѣзда много крупнѣй, чѣмъ у четвертныхъ владѣльцевъ, а именно: по нашему счету $133_{,3}$ двора на одну общину и по счету составителей $61_{,9}$, т.-е. все-таки много больше, чѣмъ у однодворцевъ.

Экономическая захудалость душевыхъ владѣльцевъ Орловскаго уѣзда гораздо больше, чѣмъ захудалось четвертныхъ, но это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что все душевое населеніе сосредоточено вблизи города, такъ что показатели въ родѣ безлошадности перестаютъ, такъ сказать, дѣйствовать.

ГЛАВА X.

Мѣстныя изслѣдованія по Курской губерніи.

Статья И. А. Вернера о четвертномъ землевладѣніи. Группировка общинъ Курскаго уѣзда по формамъ владѣнія. Сходство сѣверной части уѣзда съ Фатежскимъ. Различіе заимокъ сѣвернаго и южнаго типовъ. Экономическія данныя о курскихъ однодворцахъ. Недостаточность изслѣдованія Льговскаго уѣзда. Переходы съ четвертей на души. Различіе сѣверной и южной части Льговскаго уѣзда. Измѣненіе соотношеній половъ со времени X ревизіи. Экономическіе показатели. Недостаточность изслѣдованія Рыльскаго уѣзда. Древность г. Рыльска. Севрюки, какъ первые насельники. Переходы съ четвертей на души въ сосѣдствѣ съ владѣяніями черкасъ. Путивльскія общины Виры. Однофамильныя заимки на сѣверѣ Рыльскаго уѣзда и многодворныя на югѣ. Вымираніе севрюковъ. Экономическія данныя. Населеніе древняго Путивля. Путивльское поле и его хутора. Фамильность ихъ названій. Слѣды татаръ. Царская грамота верстаннымъ казакамъ д. Духановки. Оброкъ съ помѣщиковъ путивльскихъ волостей. Черкасское село Бочечки. Монастырскіе „горюны“. Экономическія данныя.

Мѣстныя изслѣдованія однодворческой жизни начались съ 1882 года въ Курской губерніи, къ разсмотрѣнію коей мы теперь и переходимъ. Раньше этого объ однодворцахъ мы знали только по наслышкѣ и единственною статьею, говорившею про этотъ разрядъ крестьянъ, была статья Я. Соловьева, помѣщенная въ 1859 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» и давно всѣми забытая [1]). Земскіе статистики, встрѣтившись съ четверт-

---

[1]) Изслѣдованіе Гермачова о воронежскихъ однодворцахъ постигла такая же судьба.

нымъ правомъ въ Курской губерніи, вынуждены были затратить массу пытливаго труда, чтобы разобраться въ тѣхъ вопросахъ, какіе ставило это невѣдомое право. Потребовалось не только выработать особую программу для изслѣдованія четвертной формы землевладѣнія, но и заглянуть въ архивы и книгохранилища... Надо было выяснить себѣ вопросъ хотя въ главныхъ чертахъ, дабы не было невѣжественной путаницы при самомъ изслѣдованіи. Эту задачу съ честью разрѣшилъ завѣдующій курскимъ статистическимъ бюро, Ипполитъ Вернеръ. Его небольшая статья «О четвертномъ землевладѣніи», помѣщенная въ статистическомъ сборникѣ по Курскому уѣзду [1]), представляетъ сжатую, но обстоятельную работу. Правда, въ ней мы находимъ нѣкоторыя заблужденія, но послѣднія объясняются недостаточностью фактовъ, бывшихъ въ распоряженіи первыхъ изслѣдователей. Обще-историческая сторона статьи И. А. Вернера страдаетъ компилятивностью и подчасъ весьма неудачною. Такъ, вслѣдъ за И. Бѣляевымъ И. Вернеръ утверждаетъ, что служилые люди низшаго разряда, состоявшіе на службѣ «по прибору»—казаки. стрѣльцы, пушкари, затынщики и другіе, землю получали *на общинномъ правѣ*. Ихъ поселяли слободами, въ которыхъ они занимались хлѣбопашествомъ» (стр. 35). Д. Багалѣй первый указалъ на несостоятельность такого утвержденія и положительно не могъ отгадать, на чемъ основывалъ свой выводъ Бѣляевъ [2]). Но самъ И. А. Вернеръ гораздо раньше Д. И. Багалѣя долженъ бы былъ разочароваться въ поспѣшност своего неудачнаго позаимствованія, такъ какъ въ слѣдующемъ же году курскіе изслѣдователи нашли подъ Рыльскомъ Пушкарскую, Рейтарскую и другія слободы, владѣвшія по четвертямъ, въ Новомъ Осколѣ село Ѣздочное, сл. Стрѣлецкую и Драгунскую, а въ Старомъ Осколѣ сл. Казацкую и Ѣздоцкую съ четвертнымъ владѣніемъ, сл. Пушкарную съ душево-четвертнымъ. Однако, несмотря на эти факты, И. А. Вернеръ въ своихъ «Итогахъ», изданныхъ въ 1887 году, остался вѣренъ своему ошибочному утвержденію [3]).

Неудивительно, что ошибка, допущенная въ главномъ, сейчасъ же отразилась на общихъ выводахъ: «боярскія дѣти, наоборотъ, получали помѣстья лично,—пишетъ Вернеръ,—по именнымъ жалованнымъ грамотамъ, въ которыхъ обозначался, такъ сказать, коренной окладъ... Жалованныя грамоты, имѣвшія вначалѣ значеніе патента на полученіе жалованья, впослѣдствіи обратились во владѣнный документъ» (стр. 35). Во-первыхъ, трудно понять, какимъ это образомъ служилые по прибору получали помѣстья «безлично», если дѣти боярскія, имъ противополагаемыя, получали

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., вып. 8, стр. 31—63.

[2]) Д. Багалѣй. „Очерки изъ исторіи колонизаціи“, стр. 115.

[3]) Курская губ. „Итоги стат. изслѣд.“, стр. 54 и 55.

ихъ «лично». Мало того, куда придется отнести ту дѣйствительно безличную форму пожалованія, когда писалось «боярскій сынъ такой-то съ товарищи». Правда, съ этой формой изслѣдователи въ Курскомъ уѣздѣ повидимому еще не встрѣтились, а можетъ быть просто не доискались до нея, но тѣмъ не менѣе безличность и этой формы можетъ быть допущена лишь съ большой натяжкой.

Во-вторыхъ, откуда это взялъ И. А. Вернеръ, что жалованныя грамоты были первоначально какими-то патентами на полученіе жалованья и ужъ потомъ сдѣлались владѣнными документами. До сихъ поръ никѣмъ еще не поколеблено, что жалованныя грамоты всегда и въ самомъ первичномъ видѣ своемъ были именно только актами укрѣпленія. Здѣсь не компиляція уже, а плоды собственной фантазіи. Автора смутило очевидно упоминаніе въ жалованныхъ грамотахъ «служилаго оклада», выражаемаго въ четвертяхъ, упоминаніе «придачъ землею» на ряду съ придачею денежнаго жалованья. Но автору, столь же очевидно, не было извѣстно, что жалованье платилось по простымъ десятнямъ, разборнымъ и верстальнымъ спискамъ, даже по книгамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ жалованными грамотами на землю. Послѣднія, собственно говоря, къ помѣстьямъ не относятся какъ что-то специфическое, опредѣленное: это общее, собирательное названіе, подъ него языкъ общежитія, но не строгій юридическій языкъ, подводитъ всѣ акты укрѣпленія: оные какъ таковые въ области помѣстнаго права специфицируются другими названіями, они извѣстны намъ: это выписи съ дозорныхъ, писцовыхъ и окладныхъ книгъ, выписи съ строельныхъ, отводныхъ и отказныхъ книгъ, такъ называемыя ввозныя грамоты; наконецъ, сюда же относятся незавершенные вполнѣ акты въ родѣ справокъ изъ помѣстнаго приказа. Все это юридически выражало основное осуществленіе «пожалованія помѣстій» и въ этомъ смыслѣ обобщенно называлось въ XVII вѣкѣ «крѣпостями», а въ XVIII и XIX вѣкахъ «жалованными грамотами». Неумѣнье стать на точку зрѣнія XVII вѣка сказалось у И. А. Вернера не въ одномъ только этомъ: по его представленіямъ, напр., «дозорщики—производили сыски по жалобамъ о захватѣ земель». Нельзя «дозора» смѣшивать «съ доѣздомъ». И. А Вернеръ превосходно усвоилъ исторію сторожевой службы по Бѣляеву, но упустилъ изъ виду, что Бѣляевъ разработалъ вопросъ только до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича. Вычеркнувъ изъ общаго описанія исторію царей Алексѣя и Ѳеодора, И. А. Вернеръ сразу перешелъ къ Петру, и конечно, не могъ сгладить того скачка, какой пришлось ему сдѣлать при этомъ. Дѣйствительно, переходъ прямо отъ станичной службы къ содержанію ландмилицкихъ полковъ представляется чѣмъ-то невѣроятнымъ: при этомъ условіи, конечно, могло показаться, что «Петромъ Великимъ уничтожено всякое различіе между помѣстьями и вотчинами, и самыя помѣстья совершенно

превращены въ вотчины» (стр. 35). Мы уже знаемъ, что въ виду изобрѳченія помѣстныхъ земель именно при Петрѣ отнюдь нельзя на него сваливать смѣшеніе понятій о вотчинѣ и помѣстьѣ.

Какъ бы ни было, но И. А. Вернеръ весьма удачно сгруппировалъ въ своей статьѣ всѣ важнѣйшіе историческіе моменты однодворческой жизни, такъ что позднѣйшіе изслѣдователи постоянно ссылались на нее, избывая тяготы самостоятельной работы. Эта косность со стороны мѣстныхъ изслѣдователей отразилась на разработкѣ вопроса крайне неблагопріятно: условія заселенія Курскаго уѣзда, надъ которымъ работалъ И. А. Вернеръ, конечно сильно отличаются отъ условій другихъ уѣздовъ даже въ предѣлахъ той же Курской губерніи. Статья И. А. Вернера не стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, полученными въ Курскомъ уѣздѣ, но она, какъ построенная только на этихъ фактахъ, не можетъ, понятно, охватить другихъ явленій, подмѣченныхъ въ другихъ мѣстностяхъ. Подводить эти явленія огульно подъ выводы, сдѣланные И. А. Вернеромъ на основаніи данныхъ одного уѣзда, значитъ дѣйствительно отказываться отъ выясненія вопроса. Этотъ тяжкій упрекъ, къ сожалѣнію, долженъ быть отнесенъ и къ самому И. А. Вернеру: въ своихъ «Итогахъ», по окончаніи изслѣдованія всей губерніи, онъ счелъ за благо сослаться «на болѣе подробное изложеніе исторіи четвертнаго землевладѣнія въ Курскомъ сборникѣ» [1]). А между тѣмъ для цѣлей изслѣдованія фактическая сторона собранныхъ въ Курскомъ уѣздѣ данныхъ далеко неудовлетворительна. Во-первыхъ потому, что Курскій уѣздъ не представляетъ особеннаго разнообразія формъ четвертнаго землевладѣнія, а во-вторыхъ и потому, что многое осталось невыясненнымъ, быть можетъ благодаря тому, что здѣсь впервые изслѣдователи столкнулись лицомъ къ лицу съ невѣдомой формой.

Переходя къ разбору фактическаго матеріала помѣщеннаго въ Курскомъ сборникѣ, мы не будемъ возражать противъ нѣкоторыхъ по нашему мнѣнію ошибочныхъ выводовъ, сдѣланныхъ И. А. Вернеромъ: такія возраженія повели бы къ повторенію нами уже сказаннаго и не убѣдили бы читателя въ правотѣ спорящихъ. Намъ кажется, что интересующіеся четвертнымъ правомъ не могутъ обойтись безъ знакомства со статьей И. А. Вернера, а потому здѣсь было бы неумѣстно вдаваться въ мелкія возраженія тѣмъ паче, что въ предѣлахъ одного уѣзда выводы И. А. Вернера въ большинствѣ случаевъ безспорны. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь одно утвержденіе автора, на которомъ мы и остановимся. Говоря о развертклѣ четвертныхъ земель въ разнофамильныхъ общинахъ, И. А. Вернеръ пишетъ: «любопытно, что по терминологіи крестьянъ «дѣдъ» является болѣе общимъ названіемъ, онъ обнимаетъ понятіе о

---

[1]) См. итоги стр. 55 примѣч.

«родѣ»: такъ въ дѣдѣ или дѣдинѣ зачастую бываетъ нѣсколько родовъ, которые уже въ свою очередь раздѣляются на «сродственниковъ»—отдѣльныхъ домохозяевъ. Объясняется это тѣмъ, что подъ дѣдомъ разумѣется первый «заимщикъ», которыхъ могло быть нѣсколько; затѣмъ ближайшее потомство этого заимщика роднилось съ другими фамиліями, напримѣръ, принимало къ себѣ зятьевъ оставшихся на той же землѣ—дѣдинѣ; такимъ образомъ параллельно развивалось два рода, владѣющіе одною и тою же дѣдиною» [1]).

Читатель понимаетъ, что въ этомъ мѣстѣ авторомъ спутаны субъекты правъ съ ихъ объектами. Дѣдъ въ смыслѣ заимщикъ, ясное дѣло, не то же самое, что дѣдъ въ смыслѣ дѣдина (ярусъ): первое субъектъ права, второе конечно объектъ. Та же съ перваго взгляда сбивчивая терминологія примѣняется у однодворцевъ при употребленіи словъ родъ (родина), помѣщикъ (помѣстье), фамилія (Труновщина), заимщикъ (заимка, починокъ). Но однодворцы не сбиваются съ толку, когда употребляютъ всѣ эти выраженія: если имъ приходится говорить о дѣдѣ, какъ дѣдинѣ, то-есть извѣстной площади пахоти, ярусѣ, то для выраженія частей ея они не будутъ употреблять слова родъ, а просто скажутъ «загонъ, полоса, жеребей, доля», и наоборотъ, заговоривъ о субъектѣ правъ—о дѣдѣ, какъ заимщикѣ, они будутъ различать его правопреемниковъ въ лицѣ нынѣшнихъ отдѣльныхъ фамилій. Никогда особымъ «родомъ» однодворцы не считаютъ «зятьевъ»: по ихъ терминологіи, это только особая фамилія, но родъ все тотъ же: ибо дѣти зятя есть прямое продолженіе, его хотя и по женской линіи. Вся родовая организація четвертнаго права рушилась бы, еслибы однодворцы, подобно И. А. Вернеру, вздумали считать зятьевъ за особый родъ.

Приводимые И. А. Вернеромъ факты неубѣдительны, ибо въ нихъ изслѣдователи не отдѣляютъ субъектовъ правъ отъ объектовъ. Въ д. Зиборовой, Чаплыгинской волости,—поясняетъ авторъ,—земля дѣлится на четыре «дѣда»—Волобуевскій, Катыхинскій, Жекулинскій и Анненкова; въ свою очередь дѣды подраздѣляются на роды, «которыхъ насчитывается уже десять, а не четыре». Но вѣдь всякому понятно, что здѣсь четыре объекта раздѣлены на десять субъектовъ, въ свою очередь разродившихся на массу «сродниковъ». Такъ какъ эти субъекты могли войти въ общину не только позятьевщиной, но и по купчей, то у насъ есть вѣроятность допустить, что въ иныхъ селеніяхъ и они называются «родами» въ смыслѣ фамилій, но не въ смыслѣ «родинъ» (ярусовъ). Однако И. А. Вернеръ идетъ дальше и утверждаетъ, что «такимъ образомъ «дѣдина» вполнѣ соотвѣтствуетъ ярусу. Послѣ отмежеванія дѣдины, роды входящіе въ составъ

[1]) Курскій сборникъ стр. 49.

послѣдней, распредѣляютъ всю землю пропорціонально владѣнію своихъ родоначальниковъ... Родъ поэтому имѣетъ значеніе «осьмака или десятка» при общинномъ передѣлѣ» (стр. 50).

Все это такъ, техника разверстки четвертныхъ земель несомнѣнно есть прародительница техники душевыхъ передѣловъ, но какъ яруса никто не смѣшиваетъ съ осьмакомъ, такъ не слѣдуетъ смѣшивать и дѣдину съ фамиліями, а по Вернеру «роды входятъ въ составъ дѣдины». Ясно, что и здѣсь господствуетъ путаница въ терминологіи, только ужъ не у однодворцевъ.

Такимъ образомъ я не могу согласиться съ тѣмъ утвержденіемъ, что понятіе о дѣдѣ обнимаетъ понятіе о родѣ. Дѣдъ въ субъективномъ смыслѣ есть только родоначальникъ *своего* рода и чужаго рода охватить не можетъ: онъ охватываетъ лишь фамилію зятя, — но вѣдь она кровь отъ крови его. Наоборотъ дѣдъ въ объективномъ смыслѣ (дѣдина) никакихъ родовъ ни обнимаетъ, а состоитъ изъ нѣсколькихъ полосъ, принадлежащихъ по-часту различнымъ родамъ, если были отчужденія.

Въ этомъ отношеніи возможно сближеніе техники разверстки земли четвертного права съ техникой душевой: группировка домохозяевъ на осьмаки, а осьмаковъ на сотни или выти производится въ зависимости отъ субъективныхъ правъ общинниковъ—на тѣхъ же основаніяхъ производится группировка домохозяевъ и въ родовой четвертной общинѣ на отдѣльные роды или на дѣдовъ, смотря по мѣстному термину. Но то, что по силѣ такой группировки подлежитъ разверсткѣ—объектъ этой разверстки не долженъ быть смѣшиваемъ съ субъектомъ права, хотя бы мѣстная терминологія подчасъ и путала эти понятія [1]).

Какъ бы ни было, по въ статьѣ И. А. Вернера подробнѣй чѣмъ гдѣ-нибудь описана техника разверстки четвертныхъ земель. Единственной неясностью остается то обстоятельство, что авторъ не установилъ исторической послѣдовательности этой разверстки; онъ говоритъ «о раздѣлѣ земли послѣ полюбовнаго размѣжеванія или вообще, когда это вызывается необходимостью» и вовсе умалчиваетъ о случаяхъ этой самой необходимости. Не указано ни одного факта, ибо его и не было въ предѣлахъ Курскаго уѣзда; но было же время, и не такъ сравнительно давно, и въ Курскомъ уѣздѣ, когда приходилось разверстывать разную «недѣль» въ родѣ степи, выгона, распаханнаго лѣса и проч. Черезполосица однодворческой пахоти установилась не въ одинъ день, какъ это бываетъ при душевомъ передѣлѣ, а создавалась медленно, постепенно, на разстояніи цѣлыхъ столѣтій. Разобраться въ ней значитъ прослѣдить исторію общины,

---

[1]) Иногда осьмакомъ называется какъ группа домохозяевъ, такъ и та часть яруса, которая причитается на долю осьмака.

а этого-то и не сдѣлано ни по одному селенію Курскаго уѣзда. Но И. А. Вернеръ былъ на вѣрномъ пути: онъ первый указалъ на родовое распредѣленіе четвертныхъ земель, хотя не называлъ еще четвертную форму владѣнія родовой общиной; и онъ же первый, больше чѣмъ кто-нибудь, подошелъ къ разрѣшенію вопроса именно со стороны исторической: его работа доказала, что безъ историческаго изслѣдованія изученіе формъ однодворческаго землевладѣнія не подвинется впередъ ни на іоту.

Однако же мы считаемъ, что фактическій матеріалъ, правда, довольно скудный, остался по Курскому уѣзду все-таки неиспользованнымъ въ должной мѣрѣ, почему и постараемся разработать его. Всѣхъ общинъ бывш. государственныхъ крестьянъ въ Курскомъ уѣздѣ насчитывается 185, но такъ какъ четыре общины сосчитаны вмѣстѣ съ б. помѣщичьими крестьянами, то въ дальнѣйшемъ мы будемъ оперировать надъ 181 общиной [1]).

Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, что до рѣки Семи заселеніе края происходило нѣсколько иначе, чѣмъ за Семью: это вполнѣ подтверждается цифровыми данными по Курскому уѣзду, который, какъ извѣстно, дѣлится рѣкою Семью на двѣ почти равныя половины. Для удобства изложенія мы сейчасъ же распредѣлимъ всѣ селенія на сѣверныя и южныя и займемся ихъ подсчетомъ. Съ помощью данныхъ, помѣщенныхъ въ Курскомъ сборникѣ, есть полная возможность распредѣлить всѣ общины на слѣдующія группы:

	Сѣверная часть уѣзда.	Южная часть уѣзда.
Общинъ четвертныхъ	107 [2])	41
„ душево-четвертныхъ	—	4
„ душевыхъ быв. четвертными	3	11
„ пригородныхъ слободъ	4	—
„ душевыхъ бывшихъ экономическихъ .	10	2
Итого	124	58

Если мы подсчитаемъ дворы однодворческихъ общинъ, то получимъ въ среднемъ, по группамъ, такія числа:

	Сѣверн.		Южная.	
На четвертную общину	(5.848)	$54,_7$	(2.334)	$57,_0$
На душево-четвертную	—	—	(736)	$184,_0$
На душевую б. четверт.	(163)	$54,_3$	(1.448)	$131,_6$
На одну однодворческую общину. . .	(6.011)	$54,_6$	(4.518)	$80,_7$

[1]) Въ подсчетъ съ б. помѣщичьими попали четвертныя общины д. Старосельцовой, Чаплыг. вол., Букрѣевки и Михайловки, Камен., вол. и д. Якуниной, Троицк. вол. О послѣдней извѣстно, что она состоитъ всего изъ 4 дворовъ, носящихъ одну фамилію.

[2]) Сюда внесена д. Якунина.

Иначе говоря, въ сѣверной части уѣзда, гдѣ преобладаетъ четвертная форма, мы наблюдаемъ мелкія общины, въ южной, гдѣ душевое владѣніе распространено немного больше, мы видимъ уже болѣе крупныя общины. Но эти же цифры говорятъ намъ и о другомъ явленіи: въ этомъ уѣздѣ господствовала въ свое время однофамильная заимка. И дѣйствительно, И. А. Вернеръ (стр. 47), прямо говоритъ, что «селеніе составляетъ одинъ родъ, то-есть всѣ домохозяева происходятъ отъ одного родоначальника; такіе случаи далеко нерѣдкость въ Курскомъ уѣздѣ»... Но тотъ же авторъ указываетъ на разнофамильную заимку нѣсколькихъ родовъ, впрочемъ во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ не болѣе семи [1]). Многодворной заимки «съ товарищи» здѣсь повидимому еще нѣтъ, но съ другой стороны весьма трудно объяснить происхожденіе такихъ крупныхъ селеній на югѣ уѣзда, какъ с. Гостомля (406 дв.), Высокое (168 дв.), Любицкое (262), Рождественское (386), Нов. Чермошное (329). Если допустить, что это только сборныя селенія, образовавшіеся въ XVIII вѣкѣ, то трудно объяснить какимъ образомъ такое громадное пространство оставалось почти пустымъ въ XVIII вѣкѣ: вѣдь сборныя селенія образовывались тамъ, гдѣ кругомъ было уже много переполненныхъ селъ и деревень; таковыми вѣроятно и были с. Муравлево, Гуторово, Чермошное на югѣ, Большая Долженкова, Ванина и Винникова на сѣверѣ. Но вѣдь и это только предположеніе: никакихъ указаній на это въ сборникѣ нѣтъ. Между тѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, граничащихъ съ южной частью Курскаго уѣзда многодворная заимка установлена даже документально (Гридасова, Тим. у., Скородное, Судж., и друг.). И на данныхъ Курскаго уѣзда мы наблюдаемъ общее правило: чѣмъ крупнѣе селеніе, тѣмъ оно больше стремится къ душевому поравненію. Въ то время, какъ на сѣверѣ душевая форма установилась всего въ 3 случаяхъ изъ 110, на югѣ, гдѣ селенія много крупнѣй, душевое поравненіе охватило уже 15 общинъ изъ 56, то-есть 26.8%. Четвертная община на югѣ уѣзда почти равна сѣверной, но душевая больше чѣмъ вдвое, а душево-четвертная даже больше чѣмъ втрое превосходить четвертную. Для трехъ общинъ точно опредѣлено время перехода съ четвертей на души; с. Знаменское и хут. Трубацкій перешли въ 1840 году, а Бол. Звѣгинцева въ 1844 г. Три общины: Гостомля, Кондратьевка и Переверзево 30 лѣтъ назадъ (со дня изслѣдованія), стало быть около 1852 г., установили душево-четвертное владѣніе, раздѣливъ на души отошедшую по суду въ ихъ пользу землю; къ этому же разряду отнесено нами с. Высокое, дѣлящее свой лѣсъ въ количествѣ 270 десятинъ по ревизскимъ душамъ [2]). Какъ и

---

[1]) С. Пойменово—7 родовъ изъ Одоева, въ д. Зиборовой 4, въ д. Волобуевой 2, въ Мѣшковой 2, Ниж. Медвѣдицѣ 3, въ д. Букрѣевой, Муравлевской вол. 5, Выворотковой 2; остальныя неизвѣстны.

[2]) Въ Курскомъ сборникѣ еще нѣтъ разряда душево-четвертныхъ владѣльцевъ,

въ другихъ мѣстностяхъ, переходы на души въ Курскомъ уѣздѣ состоялись не безъ борьбы. Въ с. Знаменскомъ мы посейчасъ находимъ 3 двора четвертныхъ; въ с. Голубицкомъ также сохранились слѣды четвертного права; въ д. Ваниной, неизвѣстно впрочемъ какъ давно это было, сидѣли на душахъ четыре года, но широкодачники повернули снова на четверти, что обошлось имъ въ двѣ тысячи рублей; д. Пыжова два раза подавала просьбу о передѣлѣ на души, но ничего не вышло. С. Старое Чермошное въ 40-хъ годахъ выѣзжало уже на поле дѣлить землю на души, но богатые «одюжили». Дворовое поравненіе встрѣчается въ Курскомъ уѣздѣ очень рѣдко, всего въ трехъ случаяхъ: въ с. Муравлевѣ и Гуторовой разверстываютъ лѣсъ на дворы, а въ Куркинѣ 12 десятинъ выгона сдавали подъ бакчу по 30 р. за десятину и деньги дѣлили поровну на дворъ (въ подати).

Вся сѣверная часть Курскаго уѣзда заселена закоренѣлыми четвертниками, которые строго держатся исконно-родовой разверстки «противъ дачъ». Прилегая къ Фатежскому, эта часть Курскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ въ двухъ смежныхъ волостяхъ—Старковской и Чаплыгинской, представляетъ прямое и естественное продолженіе Фатежскаго уѣзда: та же однофамильная заимка, тѣ же мелкія селенія и даже почти тѣ же фамиліи. По названіямъ селеній можно прямо заключить, что первые заимщики пришли или, вѣрнѣе, перешли сюда именно изъ Фатежскаго уѣзда. На это мы имѣемъ документальныя доказательства (Костинъ пришелъ въ д. Прямицыну [1]). Вотъ какъ группируются селенія Курскаго уѣзда по названіямъ:

	Сѣверная часть.		Южная часть.	
Праздничныхъ названій	2	(1,8%)	6	(10,7%)
Названія рѣкъ и урочищъ	7	(6,4%)	6	(10,7%)
Общихъ названій [2]	9	(8,2%)	15	(26,8%)
Фамильныхъ названій	92	(83,6%)	29	(51,8%)
Итого	110	(100%)	56	(100%)

Въ то время, какъ въ южной части уѣзда фамильныя названія селеній достигаютъ только половины общаго числа, въ сѣверной ихъ насчитывается до 83,6%. Намъ скажутъ, что въ такое распредѣленіе легко могъ вкрасться произволъ, но однодворческія фамиліи слишкомъ ужъ типичны, чтобы можно было впасть въ большую погрѣшность. Куда, напр., отнести такія названія, какъ д. Жизлова, Шеховцова, Чуйгова, Баланина, Тутo-

[1]) См. выше въ VI главѣ, стр. 170.

[2]) Въ сѣверной части—Косторное, Городище, Хмѣлевое, Прилѣпы, Муравлевка, Саморядова, Выворотка; въ южной—Высокое, Клиновая, Полевая, Чермошное, Кочегуровка, Любицкое, Лозовское, Плоское и тому подоб.

ва, Горбунина, Мазнева, Умрихина, Старкова, или на югѣ д. Малыхина, Анахина, Свиридова, Половнева, Мальцова, Маслова, Шумакова, Красникова, Еремина, Воробьевка, Луневка и т. д. Все это несомнѣнно фамиліи первозаимщиковъ. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній, сколько нынѣшнихъ обитателей всѣхъ этихъ селеній носятъ именно эти самыя фамиліи. На сколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ Курскаго сборника, совпаденіе фамилій съ названіемъ селеній наблюдается невсегда; такъ, мы знаемъ уже, что въ д. Зиборовой нѣтъ рода, носящаго эту фамилію, то же надо сказать про д. Мѣшкову и Букрѣевку (стр. 49), но про д. Волобуеву прямо сказано, что было два дѣда Кононовъ и Волобуевъ. Въ д. Посошковой мы находимъ два рода Чулкова и Посошкова. Другихъ примѣровъ въ сборникѣ не приведено; но мнѣ доподлинно извѣстно, что въ с. Воробьевкѣ есть Воробьевы, въ д. Кутеповой — Кутеповы, въ Баевой— Боевы, въ Апальковой—Апальковы, въ Пискловой—Пискловы. Далѣе сопоставленіе названій однодворческихъ селеній съ фамиліями извѣстныхъ намъ фатежскихъ однодворцевъ положительно убѣждаютъ насъ въ томъ что заселеніе сѣверной части Курскаго уѣзда шло со стороны Фатежа: всѣ эти названія деревень въ родѣ Перьковой, Авдѣевой, Костиной, Шуклиной, Болычевой, Гостевой, Соболевой, Кобелевой, Жердевой, Гнѣздниковой, Потаповой, Малаховой, Чаплыгиной, Овсянниковой, Глѣбовой и другихъ уже встрѣчались намъ въ видѣ однодворческихъ фамилій въ Фатежѣ. Фатежскія дѣти боярскія шли на югъ; это движеніе какъ мы знаемъ, началось въ первой половинѣ и даже первой четверти XVII вѣка. Перешагнуть за р. Семь было для нихъ уже не такъ безопасно: туда они шли не по своей волѣ, не по своему пріиску, а въ качествѣ сведенцевъ, большими партіями. Неудивительно, что и въ случаяхъ добровольнаго шествія за Семь дѣти боярскія сами соединялись въ болѣе крупныя группы, быть можетъ товарищества, чѣмъ и объясняется, какъ болѣе крупный размѣръ нынѣшнихъ селеній на югѣ, такъ и меньшее количество фамильности ихъ названій. Такимъ образомъ на югѣ Курскаго уѣзда взаимная, общая, совмѣстная заимка сравнительно большого количества разнофамильцевъ дала въ результатѣ болѣе густое, искусственно сплоченное населеніе, что не замедлило впослѣдствіи отразиться на стремленіи къ поравненію. Этому стремленію содѣйствовало несомнѣнно и то, что при совмѣстной заимкѣ разныя крѣпости на землю не всегда совершались, такъ что въ случаѣ приговора о переходѣ на души не такъ-то легко удавалось достать протестующимъ нужные документы.

Однако же въ южной части Курскаго уѣзда однофамильная заимка все еще значительно распространена: здѣсь не такъ, какъ въ самыхъ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи. Здѣсь одиночки не протискивались между крупными селеніями, а шли съ ними за-одно рядомъ. Это видно изъ сопоставленія размѣровъ нынѣшнихъ четвертныхъ общинъ: среднее,

какъ мы видѣли, почти одинаково для обоихъ районовъ. Если разгруппируемъ четвертныя общины по нынѣшней ихъ величинѣ, то получимъ сходственные ряды въ такомъ видѣ:

Размѣры общинъ.	Число общинъ. Сѣверныхъ.	Южныхъ.
I. До 20 дворовъ.	16 (14,5%)	9 (21,9%)
II. Отъ 20 до 40 дворовъ. . . .	32 (29,1%)	9 (21,9%)
III. „ 40 „ 60 „ . . .	22 (20,0)	7 (17,1%)
IV. „ 60 „ 80 „ . . .	17 (15,4%)	8 (19,5%)
V. „ 80 „ 100 „ . . .	12 (10,9%)	2 (4,9%)
VI. „ 100 „ 150 „ . . .	10 (9,2%)	4 (9,8%)
VII. Болѣе 150 . . .	1 (0,9%)	2 (4,9%)
Всего.	110[1]) (100%)	41 (100%)

Процентныя отношенія для сѣвера и юга уѣзда какъ бы тождественны, но надо помнить, что на югѣ мы имѣемъ кромѣ того еще 15 крупныхъ селеній, отступившихъ отъ чистой четвертной формы. Первая и вторая группы, охватывающія совсѣмъ маленькія по числу дворовъ общины, даютъ для обоихъ частей уѣзда около 44 процентовъ всѣхъ общинъ. Это и указываетъ на однофамильную заимку. Наоборотъ, крупныхъ общинъ свыше 100 дворовъ на сѣверѣ насчитывается едва 10%, на югѣ нѣсколько больше 14,7%. Если эти двѣ группы есть основаніе отнести къ сборнымъ селеніямъ извѣстнаго намъ типа, то въ трехъ среднихъ группахъ надо разумѣть, конечно, разнофамильную заимку, но надо помнить, что во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ мы не находимъ въ Курскомъ уѣздѣ болѣе семи первозаимщиковъ.

Такимъ образомъ, сѣверный типъ заимки все еще преобладаетъ въ Курскомъ уѣздѣ даже и за Семью, но р. Семь служитъ нѣкоторымъ рубикономъ, перейдя который, однофамильная и разнофамильная заимки начинаютъ замѣтно уступать свое мѣсто заимкѣ южнаго типа, многодворной. Быстрая Сосна для Елецкаго уѣзда, какъ мы знаемъ, служитъ такою же гранью, какъ р. Семь для Курскаго. Но разница между этими уѣздами тѣмъ не менѣе громадная. Курскій уѣздъ по преимуществу однодворческій, его крѣпостное населеніе до крайности незначительно: на 10.529 однодворческихъ дворовъ приходится всего 4.919 дворовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ [2]), то-есть всего 31,8%. Изъ этого количества на сѣверную часть приходится всего 1.653 двора, стало-быть около трети. Это въ свою очередь указываетъ на то, что сѣверная половина уѣзда была заселена исключительно низшимъ разрядомъ служилыхъ людей; въ южную

---

[1]) Сюда включены и 3 общины душевыхъ, бывшихъ четвертными.

[2]) Не считая сданныхъ въ казну отъ мелкопомѣстныхъ, которыхъ по сборнику повидимому мало, но выдѣлить ихъ трудно.

же, не столь густо еще заселенную къ XVIII вѣку, двинулись рабовладѣльцы много спустя послѣ окончательнаго замиренія края. Есть еще одна характерная особенность въ Курскомъ уѣздѣ: въ предѣлахъ Дьяконовской волости, занимающей юго-западную частицу уѣзда за Семью, мы насчитываемъ 10 четвертныхъ общинъ преимущественно съ фамильными названіями. На сѣверъ отъ этой волости лежитъ Старковская волость: значитъ въ этомъ мѣстѣ переступить р. Семь было удобнѣй для фатежскихъ дѣтей боярскихъ. На юго-востокѣ же по близости къ Муравскому шляху мы видимъ болѣе крупныя селенія съ преобладаніемъ общихъ названій, и они-то преимущественно расположились на московскомъ берегу р. Рати, притока Семи съ правой московской стороны: здѣсь очевидно одиночкамъ было труднѣй удерживаться въ своихъ помѣстьяхъ, — близость Муравки сильно мѣшала этому.

Въ Курскомъ уѣздѣ есть еще одна очень крупная группа крестьянъ — это экономическіе крестьяне, главнымъ образомъ принадлежавшіе Коренскому и Курскому Знаменскому монастырямъ. Это извѣстные намъ саяны, которыхъ мы видѣли въ Фатежскомъ уѣздѣ. Ихъ селенія тянутся продолженіемъ изъ Фатежскаго уѣзда вплоть до Коренной пустыни, потомъ еще южнѣй, наконецъ на юго-востокъ и потомъ заворачиваютъ на востокъ въ предѣлы Щигровскаго уѣзда, гдѣ въ верхнемъ теченіи рѣки Рати кончаются селеніемъ Ясенками. Въ южной части за Семью мы видимъ всего два селенія экономическихъ—с. Дьяконово и Черницыну: они не принадлежали Коренскому монастырю и образовались гораздо позже. Саянская линія служитъ раздѣломъ для однодворческой колонизаціи. Здѣсь мы введемъ данныя о саянахъ, болѣе уже ста лѣтъ владѣющихъ на душевомъ правѣ, ради сравненія ихъ съ данными объ однодворцахъ.

Анализируя составъ населенія Курскаго уѣзда, мы не можемъ придти къ какимъ-либо положительнымъ выводамъ. Различіе формъ землевладѣнія въ данномъ случаѣ не отразилось ни на приростѣ мужского населенія со времени X ревизіи, ни на отношеніи половъ. Въ общемъ по Курскому уѣзду наблюдается преобладаніе мужчинъ надъ женщинами: это скрадываетъ извѣстное сопутствующее явленіе, а подчасъ даетъ противорѣчивыя среднія. Такъ, на сѣверѣ уѣзда на тысячу мужчинъ въ четвертныхъ общинахъ приходится 973 женщины, а въ душевыхъ всего 932, какъ и слѣдовало ожидать. На югѣ же душевые и четвертные имѣютъ почти поровну— 993 чет. и 997 душ., но у душево-четвертныхъ, паче чаянія, женщинъ менѣе—944. Въ пригородныхъ слободахъ и у экономическихъ крестьянъ опять какъ бы ненормальность—по 991 женщины на тысячу мужчинъ.

У душевыхъ однодворцевъ приростъ населенія со времени X ревизіи нѣсколько больше, чѣмъ у четвертныхъ: именно на сѣверѣ $47,_5\%$ противъ $27,_2$ и на югѣ $30,_9\%$ противъ $30,_7\%$. Но послѣднее различіе слишкомъ

ничтожно и покрывается лишь тѣмъ соображеніемъ, что у душевыхъ экономическихъ приростъ достигаетъ 32,$_5$% Приростъ у душево-четвертныхъ въ 26,$_3$% нарушаетъ и это сопоставленіе [1]).

Въ Курскомъ уѣздѣ четвертное землевладѣніе характеризуется большимъ процентомъ безземельности: въ то время, когда у душевыхъ владѣльцевъ безземельныхъ всего 1,$_7$%, у четвертныхъ ихъ до 5½%. Но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

По размѣрамъ землевладѣнія общины Курскаго уѣзда распредѣляются такъ:

	Десятинъ надѣльн. земли на дворъ.	Средній размѣръ дачи.
У душево-четвертныхъ	13,$_4$	2.482,$_0$
„ душевыхъ б. четв. (южныхъ). . . .	11,$_9$	1.563,$_3$
„ четвертныхъ (южныхъ)	11,$_3$	644,$_7$
„ душевыхъ (сѣверныхъ)	11,$_3$	613,$_8$
„ пригородныхъ душевыхъ.	9,$_4$	5.890,$_2$
„ четвертныхъ (сѣверныхъ)	9,$_4$	519,$_5$
„ экономическихъ	7,$_8$	2.541,$_7$

Южная часть уѣзда надѣлена лучше; этимъ объясняется большая зажиточность южнаго населенія, тѣмъ болѣе, что и почва тамъ лучше. Наименьшія дачи, мы какъ и слѣдовало ожидать, находимъ у четвертныхъ сѣвернаго района: въ южномъ онѣ нѣсколько больше, но вдвое большія по размѣру дачи утратили уже чистую четвертную форму. Съ этимъ явленіемъ мы встрѣчались не въ одномъ Курскомъ уѣздѣ.

Сопоставленіе экономическихъ показателей и здѣсь мало говоритъ въ пользу четвертной формы; вотъ процентныя отношенія—для южной части уѣзда: у душевыхъ % безхозяйныхъ — 4,$_8$ и % безлошадныхъ — 9,$_9$%; у четвертныхъ—8,$_2$ и 14,$_7$; у душево-четвертныхъ—11,$_9$ и 17,$_6$. Для сѣверной части уѣзда: у душевыхъ — 9,$_8$% и 27,$_6$, а у четвертныхъ — 10,$_9$ безхозяйныхъ и 24,$_3$% безлошадныхъ, но ради контраста у малоземельныхъ экономическихъ саяновъ — 7,$_9$% и 22,$_8$%. Иначе говоря, четвертная форма не даетъ хозяйничать, хотя обиліе земли, казалось бы, должно было благопріятствовать этому; но вотъ именно какъ нарочно у самой многоземельной группы душево-четвертныхъ мы видимъ наивысшій для всего уѣзда процентъ безхозяйныхъ и наивысшій для своего района процентъ безлошадныхъ. Это объясняется ничтожной долей надѣльной земли, распредѣляемой въ этой группѣ по душамъ, такъ что вмѣсто нивелирующаго значенія душевое владѣніе, здѣсь усиливаетъ лишь общую земельную путаницу.

---

[1]) Въ пригородныхъ слободахъ приростъ выражается всего 16,$_7$%. Это явленіе общее для подгородныхъ слободъ.

Близость фатежскаго населенія къ Курскому, историческая зависимость послѣдняго отъ перваго невольно заставляютъ сдѣлать нѣсколько экономическихъ сопоставленій, тѣмъ болѣе, что, занимаясь изученіемъ фатежскихъ фамилій, мы игнорировали тамъ экономическое положеніе этого уѣзда.

	Фатеж. у.		Курск. у. (сѣв. часть)	
	% безх.	% безл.	% безх.	% безл.
У саяновъ	5,2	27,4	7,9	22,8
„ четвертныхъ	5,7	22,1	10,9	24,3
„ душево-четвертныхъ . .	3,9	22,6	11,9	17,6 (южн. часть).

Такимъ образомъ у саяновъ въ обоихъ уѣздахъ безхозяйныхъ меньше, чѣмъ у однодворцевъ несмотря на то, что безлошадныхъ на пять—шесть процентовъ больше, чѣмъ у четвертныхъ. Курскія процентныя отношенія весьма близки къ фатежскимъ, хотя у фатежскихъ однодворцевъ земли вообще больше; въ среднемъ на дворъ у нихъ насчитывается 11,4 дес. тогда какъ въ сѣверной части Курскаго уѣзда всего 9,4.

По размѣрамъ однодворческихъ общинъ оба уѣзда почти сходятся: въ Курскомъ 63,4 двора на одну общину, въ Фатежскомъ 68,6.

Переходимъ къ слѣдующему уѣзду Курской губерніи Льговскому. Онъ также лежитъ по обѣ стороны р. Семи, но сѣверная часть его значительно меньше южной. Съ востока онъ граничитъ Курскимъ уѣздомъ, съ юга Суджанскимъ, съ запада Рыльскимъ, а съ сѣвера Дмитріевскимъ и лишь въ незначительной части Фатежскимъ. Но про уѣздъ ровно ничего неизвѣстно: имѣется сборникъ статистическихъ свѣдѣній [1]) состоящій исключительно изъ таблицъ съ небольшимъ предисловіемъ, въ коемъ ни слова не говорится о формахъ землевладѣнія. Къ сожалѣнію такихъ сборниковъ по Курской губерніи насчитывается еще нѣсколько. Исключить ихъ изъ общаго нашего описанія было бы слишкомъ неудобно и потому мы постараемся возстановить, что возможно. Къ счастью по отношенію къ Льговскому уѣзду насъ ожидаетъ нѣкоторая удача...

Населеніе этого уѣзда преимущественно крѣпостное, мы находимъ здѣсь 67% всѣхъ домохозяевъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, не считая сданныхъ въ казну, коихъ тоже не мало. Государственныхъ четвертныхъ здѣсь насчитывается всего 3043 двора, что даетъ 18% и гос. душевыхъ 1920 дворовъ (около 11,5%). Хотя и не велики эти цифры, но все-таки спрашивается, какимъ образомъ приступить къ ихъ разъясненію? Нашъ методъ въ данномъ случаѣ заключается въ одномъ правилѣ—идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Правда, этого извѣстнаго очень уже мало, но посмотримъ, не будетъ ли

---

[1]) По Кур. губ. вып. II г. Курскъ, 1884 г.

довольно и этого. Намъ извѣстно изъ сборника, какія общины владѣютъ нынѣ на четвертномъ правѣ, карта генеральнаго штаба поможетъ намъ разобраться съ ними топографически; по аналогіи съ сосѣдними уѣздами, изъ коихъ три достаточно изучены [1]), можно сдѣлать нѣсколько основательныхъ предположеній. Затѣмъ намъ извѣстны размѣры каждаго селенія, размѣры его землевладѣнія, всѣ экономическія данныя. Главная трудность заключается въ томъ, что душевыя общины государственныхъ крестьянъ въ большинствѣ намъ вовсе неизвѣстны. Намъ удалось навести справку въ земскомъ архивѣ статистическаго бюро лишь о весьма немногихъ селеніяхъ. Эти наши поиски и не могли увѣнчаться успѣхомъ, ибо архивъ курскаго бюро находится въ жалкомъ сараѣ и въ разбросанномъ видѣ. Оттуда мы знаемъ лишь слѣдующіе: 1) село Банище было экономическое и 2) деревни Костельцова, Гупова и Соглаева перешли въ 40 гг. на души, а въ д. Роговой переходъ этотъ тогда же не удался, въ этихъ деревняхъ споры доходили до драки—по два года не сѣяли и невсюду кончились благополучно, ибо пришлось выдѣлить землю четвертникамъ, нежелавшимъ перехода; послѣдніе въ Льговскомъ сборникѣ подсчитаны особо; но кромѣ помянутыхъ селеній есть и подъ другими особо сосчитанные четвертные дворы. Это позволяетъ сдѣлать заключеніе о такихъ селеніяхъ, что и они нѣкогда были четвертными. Руководствуясь этими скудными данными мы должны приступить къ подсчету уѣзда и въ результатѣ получится слѣдующее.

Такъ какъ въ Курскихъ сборникахъ безъ достаточнаго основанія сданные въ казну отъ мѣлкопомѣстныхъ подсчитывались вмѣстѣ съ государственными душевыми, то прежде всего надо исключить все это крѣпостное населеніе. Но въ Льговскомъ уѣздѣ съ ними же подсчитано 9 общинъ съ населеніемъ въ 320 дворовъ, такъ называемыхъ государственныхъ бывшихъ Бахтина. Ничего не сказано объ этихъ общинахъ, но судя потому что на 92 стр. по деревнѣ Сугровой ревизская сказка этого разряда написана вмѣстѣ съ четвертными однодворцами, надо предположить, что освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ Бахтина послѣдовало до X ревизіи; что это не сданные въ казну по Положенію 19 февраля видно изъ размѣровъ селеній: въ среднемъ на одну такую общину приходится 88 ревизскихъ душъ, чего не могло быть у мелкопомѣстныхъ (не болѣе 20 душъ). По всей вѣроятности крѣпостные Бахтина были освобождены съ заложенной въ казну землею и гораздо ранѣе X ревизіи поступили въ вѣдѣніе палаты государственныхъ имуществъ. Какъ бы ни было—это населеніе тоже крѣпостное и поэтому изъ нашего описанія подлежитъ исключенію. За этими исключеніями остается 14 душевыхъ

---

[1]) Фатежскій, Курскій и Суджанскій.

общинъ и 58 четвертныхъ [1]), всего 72 общины, съ коими мы и будемъ имѣть дѣло. Разберемся прежде всего съ душевыми. Одна община (Банище) какъ мы знаемъ монастырская. Затѣмъ изъ общей исторіи извѣстно, что нынѣшній городъ Льговъ образованъ въ 1779 г. на мѣстѣ «урочищъ упраздненнаго Льговскаго монастыря съ находящеюся на нихъ слободкою [2]) Зная это, приходится признать, что «Подгородняя слобода» близъ Льгова и есть эта самая монастырская слободка. Сѣвернѣй Льгова неподалеку расположены еще два селенія Телятниково и Марица, а на западъ на берегу Семи д. Воронина. Всѣ они душевыя, но главное имѣютъ 1025 дес. лѣса въ общемъ владѣніи съ Подгородней слободой. Сравнительно крупный размѣръ этихъ селеній особенно Марицы, почти одинаковое надѣленіе, близость завѣдомо экономическаго села Банища—все это даетъ поводъ предположительно утверждать, что всѣ эти селенія были не однодворческія, а экономическія, бывшія за Льговскимъ монастыремъ. Далѣе с. Костельцово и дд. Гупова и Соглаева, какъ мы знаемъ, недавно сидѣли на четвертяхъ. Въ Костельцовой осталось 11 дворовъ на четвертномъ правѣ, а ревизская сказка д. Соглаевой составлена съ четвертными д. Ефремовки. Эти признаки мы находимъ и въ другихъ селеніяхъ, а именно въ с. Мармыжахъ рядомъ съ 108 дворами душевыхъ имѣется 13 дворовъ четвертныхъ и общая ревизская сказка. Значитъ и здѣсь былъ переходъ съ четвертей на души. То же самое въ с. Вѣтряномъ на 127 душевыхъ дворовъ имѣется 11 четвертныхъ. Близъ этого села есть хут. Бѣлинскій—всего 7 дворовъ душевыхъ; ревизская сказка его изслѣдователями не разыскана, ясный признакъ, что ревизское населеніе этого хутора считается въ одной сказкѣ съ с. Вѣтрянымъ, на что указываетъ присутствіе между ними черезполосицы: это отселокъ изъ Вѣтрянаго. Въ д. Умрихиной мы видимъ душевое владѣніе, въ Курскомъ уѣздѣ не въ далекомъ сосѣдствѣ мы видѣли также д. Умрихину, но четвертную. Такъ какъ ревизская сказка льговской Умрихиной написана съ четвертными однодворцами д. Жмакиной, то и здѣсь мы должны допустить переходъ на души.

Итакъ, остается два селенія, слобода Новосергіевская и д. Полячкова, о которыхъ нѣтъ ровно никакихъ указаній. Д. Полячкова лежитъ въ сѣверной части уѣзда не далеко отъ Костельцовой, Мармыжей и Роговой, то-есть того района, гдѣ разыгрался бурный переходъ съ четвертей на души въ 40 гг. но д. Полячкова близко находится и отъ г. Льгова съ Телятниковой и Марицей—быть можетъ и она была крѣпка монастырю.

---

[1]) Въ предисловіи Льговскаго сборника (стр. IX). И. Вернеръ насчитываетъ 63 четвертныхъ общины, включая сюда водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, но врядъ ли они принадлежатъ къ однодворческому сословію.

[2]) Списокъ населен. мѣстъ т. XX стр. 37.

Есть только одинъ признакъ по коему правильнѣй отнести это селеніе къ числу однодворческихъ: это высокое надѣленіе, но вѣдь и монастырскія селенія близъ Льгова надѣлены очень хорошо. Лучше вопросъ этотъ оставить открытымъ.

Слобода Новосергіевская, Каменское тожъ, наводитъ еще на большія сомнѣнія. Она лежитъ на югѣ за Семью въ виду границы Суджанскаго уѣзда, на притокѣ рѣки Реута съ московской стороны этого ручья. Выше по Реуту въ предѣлахъ Суджанскаго уѣзда, мы видимъ въ д. Косторной многодворную заимку, а нынѣ уже душевое владѣніе; ниже по Реуту во Льговскомъ у. расположены четвертныя деревеньки: Комякина, Кобылій Логъ, Иванина, Тарасова, Стародубцева и друг. Изъ нихъ врядъ ли въ какомъ поселеніи была многодворная заимка; даже крупнѣйшее изъ нихъ дер. Иванина скорѣе принадлежитъ къ сборнымъ селеніямъ. Однако, въ слободѣ Новосергіевской 340 дворовъ. Такое количество могло получиться или въ селеніи съ многодворной заимкой, или въ селеніи крѣпостномъ. Названіе «слободы» давалось пригороднымъ поселеніямъ, затѣмъ черкасскимъ и монастырскимъ. Города здѣсь не было, черкасскія заимки, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, кончались много южнѣй, въ предѣлахъ Суджанскаго уѣзда, остается, слѣдовательно, предположить, что и эта слобода была монастырскою. Но какого монастыря—неизвѣстно. Наименьшею ошибкою будетъ, конечно, исключеніе этого селенія изъ общаго счета, почему вопросъ останется открытымъ.

Итакъ, имѣемъ въ Льговскомъ уѣздѣ изъ 12 душевыхъ общинъ, 5 экономическихъ и 7 бывшихъ четвертными, причемъ только три общины послѣ перехода не оставили слѣдовъ четвертнаго права, въ видѣ нѣсколькихъ дворовъ, выдѣлившихся въ самостоятельную общину. Сопоставляя данныя о перешедшихъ съ четвертей на души общинахъ съ данными отдѣлившихся отъ нихъ четвертныхъ дворовъ, мы получимъ такія цифры:

	Общинъ.	Дворовъ.	Душъ муж.	Душъ жен.	Средн. семья.	Земли.	Среднее на душу.		Средній размѣръ общинъ двор.	Средній размѣръ общинъ земли
Душевые б. четвертными..	4	400	1 289	1.301	6,57	3.382	2,6	2,7	111,2	974,2
Четвертные отдѣлившіеся.	4	45	171	171	7,6	515[1])	3,9			

Приростъ мужскаго населенія со времени X ревизіи достигъ къ 1883 г. 33%. Эта быстрота роста и вызвала, очевидно, переходъ съ четвертей на души,—нельзя здѣсь объяснять переходовъ желаніемъ замѣрить землю широкодачниковъ: ибо если всю землю подѣлить на души, надѣ-

[1]) Безъ с. Костельцова, о коемъ нѣтъ свѣдѣній.

леніе увеличится всего на одну десятую десятины. Изъ этихъ же цифръ видно, почему широкодачники выдѣлились изъ общины: переходъ для нихъ былъ, очевидно, невыгоденъ, пришлось употребить массу усилій, чтобы удержать за собой родовую землю по старинѣ. Переходы состоялись сравнительно въ крупныхъ селеніяхъ: 111 дворовъ при 974 десятинахъ земли. Но если прибавимъ сюда остальныя три деревни, то получимъ среднія очень малыя, именно на одну общину 71 дворъ при 616 десятинахъ. Какъ бы ни было, но переходы съ четвертей на души произошли въ Льговскомъ уѣздѣ, очевидно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ тенденцій палаты государственныхъ имуществъ, такъ какъ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ они относятся крестьянскою памятью къ сороковымъ годамъ. Мы не знаемъ деталей, но въ общихъ чертахъ явленіе это обчерчено достаточно ясно.

До переходовъ въ Льговскомъ уѣздѣ было не менѣе 60 однодворческихъ общинъ. Переходы, послѣдовавшіе въ 40 гг., раскололи на двое четыре общины и всего теперь насчитывается ихъ 65.

Попробуемъ прежде всего разгруппировать ихъ на сѣверныя и южныя, предположивъ, что и здѣсь р. Семь должна служить естественной гранью для разныхъ типовъ заимокъ. Дѣйствительно, полученныя цифры вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе: въ сѣверной части Льговскаго уѣзда мы находимъ меньшій размѣръ общинъ, что указываетъ на одиночную заимку. Цифры сюда относящіяся будутъ таковы:

	Сѣверная часть.			Южная часть.		
	Общинъ.	Дворовъ.	Среднее.	Общинъ.	Дворовъ.	Среднее.
Четвертныхъ.	24	1.063	$44,_3$	30	1.935	$64,_5$
Душевыхъ б. четв. . . .	5	319	$63,_8$	2	134	$67,_0$
Отдѣлившихся четв . .	3	34	$11,_3$	1	11	$11,_0$
Итого	32	1.416	$44,_3$	33	2.080	$63,_0$

Но есть и еще солидное подтвержденіе насчетъ различія заимокъ—въ названіяхъ селеній. На сѣверѣ изъ 29 селеній въ 21 случаѣ названія несомнѣнно фамильныя: это разныя Умрихины, Соглаевы, Гуповы, Масловы, Шустовы, Сосковы, Жмакины, Пыжовы, Золотухины, Зайцевы, Фаустовы, Березуцкія, Дурневы, Роговы, Перьковы. Все это заимщики, двинувшіеся сюда изъ сосѣднихъ уѣздовъ и особенно изъ Фатежскаго. На югѣ, наоборотъ, изъ 32 селеній фамильныя названія носятъ всего 14, именно: Комякина, Стародубцева, Иванина, Тарасова, Малѣевка, Клишина, Мосолова, Минакова, Чуйкова, Мяснянкина, Росолова, Пыхтина и можетъ быть Орловка и Сугрова. Кромѣ того, нѣкоторыя двойныя названія состоятъ изъ наименованія урочищъ съ фамиліей, наприм., Букрѣевъ-Бобрикъ, Волжинъ-Бобрикъ, Верхняя Паровая Бахтинка тожъ, Деменковы

Бычки, Машкина Ивица. Но ужъ это смѣшеніе указываетъ на то, что не первые насельники давали свое имя занятому починку, а наоборотъ, урочище, занятое сразу нѣсколькими лицами, объединяло заимщиковъ своимъ прозвищемъ. Привычка называть поселокъ именемъ заимщика сказывается, конечно, и здѣсь, наприм., такое названіе какъ Кромскіе Быки прямо указываетъ на приходъ заимщиковъ изъ Кромъ, но такъ какъ ихъ было много, надо было обобщить названіе.

По размѣрамъ общины группируются въ обѣихъ частяхъ уѣзда слѣдующимъ образомъ:

	Сѣверная часть.			Южная часть.		
До 10 дворовъ	5	15,6%		7	21,3%	
Отъ 10 до 20	5	15,6%	56,2%	3	9,1	48,6
Отъ 20 до 40	8	25,0%		6	18,2	
Отъ 40 до 60	5	15,6		5	15,1	
Отъ 60 до 80	4	12,5	34,4%	3	9,1	27,2
Отъ 80 до 100	2	6,3		1	3,0	
Отъ 100 до 150	3	9,4		5	15,1	
Отъ 150 до 200	—	—	9,7%	1	3,0	24,2
болѣе 200	—	—		2	6,1	
	32	100%		33	100%	

Такимъ образомъ во Льговскомъ уѣздѣ распредѣленіе общинъ по ихъ величинѣ нѣсколько отличается отъ таковаго же по Курскому уѣзду. Здѣсь на сѣверѣ уѣзда мы имѣемъ болѣе половины общинъ, едва достигающихъ нынѣ 40 дворовъ, на югѣ ихъ меньше на 8%. Но мы не безъ умысла выдѣлили особой графой общины, въ коихъ меньше 10 дворовъ. Что это за общины? Ихъ особенно много на югѣ. Въ д. Верхней Паровой, среди бывшихъ крѣпостныхъ, живетъ три двора однодворцевъ, въ Деменковыхъ Бычкахъ — пять, столько же въ Малѣевкѣ, въ одномъ изъ Бобриковъ — шесть; въ с. Ивановскомъ, рядомъ съ крупной барщиной, уцѣлѣло 8 дворовъ однодворцевъ; недавно, во время X ревизіи, ихъ было вдвое меньше. На сѣверѣ, въ Городенскѣ, между четырмя барщинами, уцѣлѣло 3 двора однодворцевъ, въ Шустовой—четыре двора. Только въ двухъ случаяхъ изъ 12 однодворцы такихъ маленькихъ общинъ живутъ особо отъ бывшихъ крѣпостныхъ, но и тутъ д. Зайцева составляетъ лишь часть большой сложной однодворческой общины. Откуда же взялись эти однодворцы? Быть можетъ это потомки тѣхъ однодворцевъ, о коихъ сенатъ отъ 2 сентября 1724 г. писалъ: «которые люди себѣ однодворцевъ по крѣпостямъ крѣпили... тѣмъ выдѣля изъ тѣхъ же помѣщиковыхъ земель, что надлежитъ... а на помѣщиковъ не работать» (см. выше стр. 105). Въ такомъ крѣпостническомъ уѣздѣ, какъ Льговскій, для закрѣпощенія однодворцевъ было много мѣста и ужъ, конечно, больше чѣмъ гдѣ-нибудь.

Откиньте 7 мелкихъ общинъ на югѣ и вы получите совсѣмъ другія процентныя отношенія. Но и теперь около четверти южныхъ общинъ своими размѣрами превышаютъ 100 дворовъ. Мы не знаемъ ровно ничего о формахъ южной заимки Льговскаго уѣзда, но въ виду особенной крупности восьми селеній должны допустить, что по крайней мѣрѣ въ нихъ была многодворная заимка южнаго типа. Сѣверная же часть Льговскаго уѣзда несомнѣнно заселялась однофамильной и разнофамильной заимкой, и только мѣстами современемъ образовались сборныя селенія. Къ послѣднимъ мы можемъ отнести Нижнюю Дроняеву (143 дв.), Мармыжи (121 дв.), Костельцово (148 дв.) и можетъ быть с. Котлево (95 дв.). Къ сложнымъ четвертнымъ общинамъ нужно отнести всего двѣ: 1) Верхняя, Средняя и Нижняя Сосковы съ д. Зайцевой и 2) Березуцкая на Чевизнѣ, Перькова и Масловка. Мы ничего не знаемъ о разверсткѣ земли въ этихъ общинахъ,— извѣстно только, что каждая деревня владѣетъ черезполосно съ другими своей общины деревнями, въ одной общей неразмежеванной дачѣ.

По лицу Льговскаго уѣзда однодворцы распредѣляются крайне неравномѣрно: наиболѣе густо однодворческія общины размѣстились всего въ двухъ волостяхъ, прилегающихъ къ Курскому уѣзду. Изъ нихъ одна (сѣверная) Козлянская, имѣетъ 22 общины, то-есть болѣе $^2/_3$ всѣхъ сѣверныхъ общинъ; другая (южная), составляющая за Семью какъ бы продолженіе первой, Колпаковская, имѣетъ 13 общинъ. Остальныя общины разбросаны очень рѣдко, такъ сказать отрывисто. Всѣ онѣ чередуются съ общинами бывшихъ крѣпостныхъ, коихъ насчитывается не менѣе 309. Если возмемъ только собственниковъ на выкупѣ и дарственниковъ, игнорируя сданныхъ въ казну, то, распредѣляя ихъ на сѣверную и южную половины, получимъ:

на сѣверѣ	5 волостей,	117 общинъ,	3.304 двора,	на 1 общ.	$28,_3$
на югѣ	9 „	159 „	8.035 „	„ 1 „	$50,_5$

То-есть, какъ и слѣдовало ожидать, на сѣверѣ крѣпостныхъ меньше и абсолютно и относительно: сѣверныя общины меньше южныхъ, ибо здѣсь у мелкихъ дѣтишекъ боярскихъ было помалу крестьянъ. Другое дѣло въ южной части уѣзда: здѣсь, начиная съ Петра I, начались крупныя пожалованія. Первымъ былъ пожалованъ гетманъ Мазепа, коему принадлежало въ Льговскомъ уѣздѣ громадное с. Ивановское и, кажется, Густомоя. Мазепа не замедлилъ отблагодарить царя за этотъ даръ, и вотъ конфискованныя у Мазепы земли въ предѣлахъ Льговскаго и Рыльскаго уѣздовъ вновь были розданы другимъ лицамъ и опять въ крупныхъ дозахъ. Это не могло не отразиться на величинѣ нынѣшнихъ общинъ, а главное— это сильно сокращало количество свободныхъ земель, такъ что однодворцы льговскіе были сильно стѣснены и поэтому мало образовали сборныхъ селеній.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько среднихъ, характеризующихъ экономическое положеніе льговскихъ однодворцевъ.

Приростъ мужскаго населенія со времени X ревизіи къ 1883 году далеко неодинаковъ по принятымъ нами районамъ. Это видно изъ такихъ цифръ:

	Сѣверная часть уѣзда.	Южная часть уѣзда.
У четвертныхъ	15,6%	31,3%
„ „ отдѣлившихся и „ душевыхъ, бывш. четвертн.	23,5%	34,2
„ экономическихъ	—	45,8
„ душевыхъ (неизвѣстныхъ) . .	—	28,1
Во всемъ уѣздѣ безъ различія разрядовъ	36,9	

Сѣверные однодворцы по сравненію съ другими группами какъ бы вымираютъ, хотя другой признакъ вымиранія не дѣйствуетъ. Мы разумѣемъ соотношеніе половъ. Во Льговскомъ уѣздѣ, какъ и слѣдовало ожидать, при усиленномъ ростѣ народонаселенія, мужской полъ преобладаетъ надъ женскимъ, какъ тысяча надъ 988. Достойно вниманія, что у четвертныхъ владѣльцевъ, какъ сѣвера, такъ и юга Льговскаго уѣзда это преобладаніе сильнѣе поуѣзднаго: именно на сѣверѣ 940, на югѣ 941 женщина на 1.000 мужчинъ, тогда какъ у душевыхъ однодворцевъ преобладанія нѣтъ, число женщинъ буквально равно числу мужчинъ. То же самое въ двухъ душевыхъ общинахъ неизвѣстнаго происхожденія (на 1380 мужч. 1375 женщ.). У экономическихъ, наоборотъ, преобладаніе мужчинъ сильнѣе поуѣзднаго (974). Иначе дѣло обстояло во время X ревизіи, тогда во всѣхъ разрядахъ преобладали женщины: на тысячу мужчинъ тогда ихъ было 1.047, а въ частности у четвертныхъ однодворцевъ даже 1.110. Мы не беремся объяснять причины этого явленія, но должны отмѣтить, что оно произошло главнымъ образомъ за счетъ быстраго увеличенія народонаселенія. По переписи 1883 года обнаружилось, что изъ 24 четвертныхъ общинъ сѣверной части уѣзда въ семи преобладали женщины, а въ южной изъ 30 въ пяти. При X ревизіи общины распредѣлялись такъ:

	Число общинъ въ коихъ: мужч. бол. женщинъ.	равное колич.	жен. болѣе мужчинъ.
Сѣверная часть	5	4	15
Южная „	2	1	27

Такимъ образомъ, на сѣверѣ около половины (7 изъ 15) общинъ съ преобладаніемъ женщинъ удержали поднесь свою особенность, на югѣ же произошла полная перемѣна въ $^4/_5$ общинъ. Этому сопутствуетъ разница

въ приростѣ населенія юга и сѣвера. Значитъ и на этихъ, затемненныхъ другими вліяніями данныхъ вымираніе сѣверныхъ однодворцевъ сказывается довольно чувствительно: около трети общинъ имѣютъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, несмотря на то, что во всемъ уѣздѣ, не исключая и южныхъ однодворцевъ, со времени ревизіи произошло радикальное измѣненіе въ отношеніи половъ. Если это измѣненіе для крѣпостнаго населенія обусловлено освобожденіемъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, то для однодворцевъ оно объяснится быть - можетъ освобожденіемъ отъ опеки господъ окружныхъ начальниковъ. Но, повторяемъ, это явленіе трудно объяснить за неимѣніемъ спеціальныхъ данныхъ.

Въ связи съ приростомъ населенія стоитъ средній размѣръ семей: чѣмъ сильнѣе приростъ, тѣмъ меньше средняя семья. Такъ сѣверные однодворцы четвертные имѣютъ на семью $6,_8$ душъ обоего пола, южные $6,_2$; душевые сѣверные $6,_9$, а южные всего $5,_3$; экономическіе занимаютъ средину, имѣя на семью $6,_5$.

Если мало у насъ свѣдѣній о формахъ землевладѣнія, то размѣры его извѣстны намъ въ точности. Всего однодворческихъ земель въ Льговскомъ уѣздѣ насчитывается $32.018,_8$ десятины. Изъ этого количества душевой земли всего $3.796,_4$, то-есть едва $11,_8\%$. Какъ и слѣдовало ожидать, южная половина уѣзда надѣлена слабѣе сѣверной: на душу мужскаго пола на югѣ приходится $2,_7$, на сѣверѣ $2,_8$; считая эти среднія на дворъ, разница будетъ еще замѣтнѣй, именно на цѣлую десятину ($9,_9$ и $8,_9$). Но нетрудно объяснить въ чемъ тутъ дѣло: при многодворной заимкѣ надѣленіе было всегда меньше, чѣмъ при заимкѣ по именнымъ жалованнымъ крѣпямъ; но такъ какъ вся Колпаковская волость, на югѣ уѣзда лежащая, занята одиночно, то разница въ надѣленіи должна была сказаться очень незамѣтно. Отдѣлите селенія, въ коихъ можно предположить многодворную заимку и у васъ тотчасъ получится равновеликое надѣленіе. И въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ восемь крупнѣйшихъ селеній южной части уѣзда, то получимъ для нихъ $8,_4$ десятины на дворъ и $2,_6$ десятины на душу, такъ что пониженіе средняго для юга происходитъ за счетъ именно этихъ селеній, имѣющихъ 11 тысячъ десятинъ.

Въ среднемъ сѣверная дача равняется 483 десятинамъ, южная же 563. Но эти среднія нѣсколько удалены отъ дѣйствительности: вспомните, что на югѣ есть семь маленькихъ общинокъ, и тогда впечатлѣніе о среднемъ размѣрѣ южныхъ дачъ нѣсколько измѣнится. На самомъ дѣлѣ, на югѣ уѣзда въ семи общинахъ мы видимъ дачи болѣе чѣмъ въ 1.000 десятинъ; на сѣверѣ таковыхъ всего пять.

Экономическіе показатели складываются и во Льговскомъ уѣздѣ не въ пользу четвертнаго землевладѣнія: процентъ безхозяйныхъ и безлошадныхъ у нихъ значительно выше, чѣмъ у душевыхъ.

Этимъ мы заканчиваемъ Льговскій уѣздъ и переходимъ къ Рыльскому, о которомъ, къ сожалѣнію, имѣемъ еще меньше данныхъ. Въ небольшомъ предисловіи къ Рыльскому сборнику мѣстные изслѣдователи не прибавляютъ ровно ничего къ тому, что вмѣщено въ таблицы, а въ эти послѣднія трудно конечно внести что-либо о формахъ землевладѣнія, кромѣ простой отмѣтки «четвертные или душевые». Раздѣливъ Рыльскій уѣздъ рѣкою Семью на сѣверный и южный районы, изслѣдователи замѣчаютъ, что «оба района представляютъ между собою рѣзкую противоположность». Кромѣ разницы въ почвѣ, изслѣдователи останавливаютъ вниманіе еще на одномъ обстоятельствѣ. «Весь южный районъ принадлежалъ двумъ землевладѣльцамъ: кн. Борятинскому и гр. Рибопьеру». Это отразилось на характерѣ поселеній: на югѣ крупныя крѣпостныя поселенія, на сѣверѣ мелкія, по-часту однодворческія.

Всѣхъ общинъ четвертнаго права изслѣдователи насчитываютъ (стр. 7) 77, но ихъ нѣсколько меньше, ибо по Благодатенской волости авторъ предисловія къ Рыльскому сборнику насчиталъ 13 общинъ, когда ихъ тамъ всего 10, а въ Снагостинской волости единственную четвертную общину авторъ снесъ въ разрядъ душевыхъ. За этими исправленіями мы получимъ въ Рыльскомъ уѣздѣ 75 четвертныхъ общинъ [1]). Душевыхъ общинъ государственныхъ крестьянъ насчитывается всего 10, остальныя 48 есть не что иное, какъ сданные въ казну отъ мелкопомѣстныхъ; затѣмъ имѣется 355 общинъ собственниковъ и 14 дарственниковъ, а всего безъ различія разрядовъ 502 общины, изъ коихъ 417, или 83%, бывшихъ крѣпостныхъ. Четвертные владѣльцы имѣютъ 2.960 дворовъ, душевые—1.023. Это даетъ для первыхъ 14,4% къ общему числу дворовъ въ уѣздѣ, для вторыхъ всего 5%. Эти проценты гораздо ниже соотвѣтствующихъ льговскихъ, почему Рыльскій уѣздъ надо считать еще болѣе крѣпостническимъ.

Городъ Рыльскъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ предѣлахъ Курской губерніи; онъ не только помнитъ смутное время, но и XVI столѣтіе. Отсюда и изъ Путивля посылались на югъ первыя станицы, состоявшія тогда изъ сына боярскаго и трехъ нанятыхъ севрюковъ. Мы не беремся рѣшать вопроса о происхожденіи этого слова; есть предположеніе, что это испорченное названіе сѣверянъ. Во всякомъ случаѣ одно лишь несомнѣнно, что это были люди свободные и даже необязанные служилымъ тяглomъ, ибо отбывали станичную службу изъ найма, тогда какъ данковскіе, епифанскіе, дѣдиловскіе и новосильскіе городовые казаки «стерегли на тѣхъ сторожахъ уже по приговору» [2]). Немного позднѣе, севрюковъ пе-

---

[1]) Немного ниже, на стр. 10, въ другой таблицѣ авторъ предисловія совершенно вѣрно считаетъ 75 общинъ. Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., вып. VI, стр. 10.

[2]) И. Бѣляевъ: О сторож. станич. службѣ. Источ., стр. 8.

рестали посылать на сторожи и замѣнили ихъ выборными дѣтьми боярскими, «кого съ польскую службу станетъ». Въ XVII вѣкѣ слово севрюки выходитъ мало-помалу изъ употребленія и только какъ пережитокъ удерживается кое-гдѣ въ названіяхъ деревень, земельныхъ дачъ и урочищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что севрюки принадлежатъ къ числу первыхъ насельниковъ городовъ Рыльска и Путивля; мы говоримъ: городовъ, ибо не имѣемъ никакихъ указаній, были ли заселены въ XV вѣкѣ эти уѣзды. Скорѣе надо думать, что еще не было тогда уѣзднаго населенія. Документально извѣстно, что южныя части Рыльскаго и Путивльскаго уѣздовъ стали заселяться лишь въ половинѣ XVII столѣтія. До этого же времени тамъ были такъ называемыя путивльскія волости, нѣчто въ родѣ бѣлгородскихъ юртовъ. Эти волости сдавались изъ оброка путивльцамъ; послѣдніе хаживали туда за медомъ, звѣремъ и рыбою, но постоянно жить въ нихъ долго не осмѣливались [1]). Эта смѣлость появилась у храбрыхъ путивльцевъ уже тогда. когда ихъ волости захватили черкасы. Въ матеріалахъ Багалѣя, между прочимъ, напечатано [2]) дѣло о тяжбѣ путивльскихъ помѣщиковъ съ бѣлопольскими черкасами. Изъ дѣла выясняется, что рыльскія южныя селенія Глушково, Теткино, Кобылки, Поповы Лежачи и др. были заселены черкасами (подданными, а не вольными) не ранѣе 1642 года. Многія же гораздо позже. Какъ бы ни было, но та ничтожная горсть севрюковъ, какая могла быть въ этихъ двухъ городахъ и въ немногихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера, но никакъ не съ юга, весьма рано должна была превратиться въ низшій служилый разрядъ—просто въ дѣтей боярскихъ, потомство коихъ быть можетъ сохранилось въ иныхъ селеніяхъ въ неприкосновенности и понынѣ. При родовой замкнутости четвертныхъ общинъ это явленіе вполнѣ понятно, но, повторяемъ, этого мы не знаемъ, ибо мѣстное изслѣдованіе этого интереснаго вопроса не коснулось и не подарило насъ ни однимъ намекомъ.

Съ перенесеніемъ главнаго военно-сторожеваго пункта въ Бѣлгородъ и Валуйку, Рыльскъ и Путивль сразу утратили свое значеніе. Если еще Путивль продолжалъ играть какую-нибудь роль, какъ пограничный съ Польшей городъ, то Рыльскъ лишенъ былъ и этого назначенія. Проходившій черезъ его уѣздъ Бокаевъ шляхъ, или такъ называемая Свиная дорога, утратилъ для татаръ свою прежнюю прелесть, такъ что и съ этой стороны не предвидѣлось особенной надобности въ укрѣпленіи и расширеніи г. Рыльска. Съ притокомъ черкасъ въ Слободскую украйну г. Рыльскъ окончательно палъ, такъ что въ 1672 г. по извѣстной описи, мы видимъ въ немъ только 179 городовыхъ казаковъ, 106 рейтаръ и 297 дѣтей

---

[1]) Подробности у П. Миклашевскаго.

[2]) Матер. I, стр. 117 и 118.

боярскихъ и дворянъ полковой службы. Сколько было послѣднихъ въ городовой службѣ, къ сожалѣнію, не показано. Сличая нынѣшнія пригороднія слободы съ приведеннымъ перечнемъ служилыхъ людей, мы находимъ слоб. Рейтарскую, Солдатскую, Пушкарную, Гуслящую, (вѣроятно, музыканты) и слоб. Никольскую съ дер. Деменковой, Листрановой тожъ. Кажется, слѣдуетъ предположить, что эта послѣдняя слобода, носящая праздничное названіе, представляетъ собой слободу казачью. Всѣхъ дворовъ во всѣхъ этихъ подгородныхъ слободахъ всего 35 и изъ нихъ 28 безземельныхъ. Всѣ они, какъ мы уже знаемъ, сохранили четвертную форму владѣнія. Куда же дѣлись тѣ 106 рейтаръ и 179 казаковъ, которые были въ концѣ XVII вѣка? Очевидно, они разбрѣлись, и надо думать—недалеко. На югъ отъ Рыльска за Семью, верстахъ въ 12—15 отъ города, мы видимъ четвертное село Пушкарное, въ немъ нынѣ 275 дворовъ: явное дѣло, это перешли сюда рыльскіе пушкари. Ниже г. Рыльска, гдѣ р. Семь поворачиваетъ прямо на югъ, въ предѣлахъ нынѣшней Низовцевской волости, пораскинулось много четвертныхъ общинъ:—двѣ изъ нихъ носятъ эпитеты «казачьихъ», остальныя носятъ фамильныя названія. Быть - можетъ въ эти мѣста разселились рыльскіе казаки. Установить этотъ фактъ было бы нетрудно простымъ сопоставленіемъ нынѣшнихъ фамилій тѣхъ деревень съ фамиліями д. Деменковой и сл. Никольской или просто слѣдовало бы добиться опросомъ на мѣстахъ. Изъ пригородныхъ рыльскихъ слободъ только сл. Стрѣлецкая, состоящая изъ 31 двора, владѣетъ землей подушно, но усадьбы ея на городской и церковной землѣ, такъ что во всякомъ случаѣ не дѣлятся на души.

Подъ городомъ Рыльскомъ мы находимъ сл. Подмонастырную, какъ и около другихъ украинскихъ городовъ; кажется, къ разряду бывшихъ экономическихъ надо отнести еще два селенія—д. Стрепицы (49 дв.) и слоб. Огрицкую (24 дв.). Всѣ онѣ владѣютъ конечно по душамъ. Затѣмъ на югѣ уѣзда имѣется очень крупное душевое селеніе Поповы Лежачи (267 дв.). По досмотру стольника Орлова, ѣздившаго на мѣсто въ 1685 году разбирать извѣстную тяжбу бѣлопольскихъ черкасъ съ путивльскими помѣщиками, про это селеніе написано такъ: «Деревня Лежечь за попами. Въ ней черкасъ 54 человѣка. А по сказкѣ успѣнскихъ поповъ Козьмы да Алексѣя, та деревня Лежечь построена тому лѣтъ сорокъ» [1]). Эти Лежачи противополагаются другимъ, находящимся въ предѣлахъ нынѣшняго Путивльскаго уѣзда, на правомъ берегу р. Семи и извѣстныхъ подъ названіемъ Боярскія Лежачи (четв. права). Поповы Лежачи очевидно принадлежали Успенской церкви и ими завѣдывали попы; быть-можетъ здѣсь надо разумѣть Сумской Успѣнскій монастырь. Современемъ они попали въ

[1]) Д. Багалѣя: Матеріалы, вып. I стр. 78.

вѣдѣніе коллегіи экономіи и населявшіе ихъ черкасы, подданные Успенской церкви, вошли такимъ образомъ въ разрядъ экономическихъ крестьянъ, почему мы и находимъ здѣсь душевое владѣніе.

Изъ продолженія суднаго дѣла между бѣлопольскими черкасами и путивльскими помѣщиками, между прочимъ, видно [1]), что посланный на разводъ земель въ 1702 г. намѣрилъ путивльскимъ помѣщикамъ «указныя ихъ чети по ихъ крѣпостямъ, старыя ихъ дачи и тѣми ихъ старыми писцовыми дачами указными четвертми въ селѣ Кобылкахъ, въ селѣ Глушковѣ, въ д. Званое, въ с. Корыжѣ, въ д. Вирахъ, въ с. Глущахъ, (послѣдніе два въ Пут. у.), пашенною землею и сѣнными покосами и всѣми угодьи, и на тѣхъ земляхъ поселенными вольными людьми черкасы, которые живутъ на ихъ писцовыхъ старыхъ дачахъ, велѣлъ владѣть имъ по указу etc.». Но въ тѣхъ же селахъ и еще другихъ, а именно: въ д. Коровяковѣ, въ д. Панкратовкѣ и Летучевкѣ путивльскіе помѣщики «живутъ дворами сами поселеніемъ на новыхъ указныхъ своихъ дачахъ»; но такъ какъ у разводившаго спорныя земли не было инструкцій касательно этихъ новыхъ поселенцевъ то онъ «велѣлъ имъ быть на новымъ земляхъ до указу». Однако у «этихъ новыхъ помѣщиковъ были подданные черкасы, то тѣмъ по государеву указу и по наказнымъ статьямъ велѣлъ онъ быть въ службѣ въ Сумскомъ полку въ казакахъ, а землями владѣть, чѣмъ владѣли прежде». Рѣшеніе это было обжаловано путивльцами, но дѣло разрѣшилось не въ ихъ пользу. Въ 1704 г., когда потребованы были «всѣ владѣльцы на межу съ крѣпостми, то Андрей Андрюкинъ съ товарищи на спорную землю съ крѣпостми не бывали, а иные путивльскіе помѣщики на тое землю пріѣхали и указу выслушавъ, крѣпостей никакихъ не положили [2])».

Черкасы, жившіе тутъ, были переписаны въ книги и ихъ оказалось въ 1708 г. «атамановъ и казаковъ поимяно» 1228 чел. и тѣмъ черкасамъ велѣно быть къ городу Бѣлополью и служить въ Сумскомъ полку... Кромѣ того «бѣлопольскимъ жителямъ, которые по своимъ займамъ владѣютъ землями и всякими угодьи изстари, (велѣно) тѣми землями и нынѣ владѣть имъ черкасамъ попрежнему; а которыя примѣрныя земли явились сверхъ дачъ путивльцовъ въ спискѣ и отписаны на государя, и тою примѣрною землею владѣть имъ же черкасомъ до указу [3])». Послѣднимъ распоряженіемъ, какъ видимъ, страшно нарушены были права путивльцевъ: вѣдь послѣ извѣстныхъ указовъ царя Ѳедора Алексѣевича самовольныя заимки путивльцевъ должны были быть признаны правомѣрными. Но если вспомнимъ, что это ужасное для путивльцевъ рѣшеніе послѣдовало именно

---

[1]) Ibid., вып. I, стр. 189.

[2]) Ibid., вып. I, стр. 191.

[3]) Ibid , 191.

въ годъ измѣны Мазепы, то поймемъ, почему московское правительство такъ нѣжно обошлось съ бѣлопольскими черкасами: нельзя было ихъ раздражать, надо было отдать какъ можно больше, чтобы не оттолкнуть ихъ отъ себя. И это сдѣлано было... за счетъ путивльцевъ.

Въ поименованныхъ селеніяхъ мы нынѣ не находимъ государственныхъ крестьянъ за исключеніемъ лишь двухъ: въ д. Панкратовой 34 двора четвертныхъ и въ с. Коровяковкѣ 200 дворовъ, изъ коихъ 163 душевыхъ и 37 четвертныхъ. По аналогіи съ данными Льговскаго уѣзда мы должны допустить, что въ с. Коровяковкѣ произошелъ сравнительно не такъ давно переходъ съ четвертей на души, причемъ часть недовольныхъ осталась на четвертяхъ. Что здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ расколовшейся на двое общиной, видно изъ того, что у четвертныхъ дворовъ земли пропорціонально больше, чѣмъ у душевыхъ. Немного выше по рѣкѣ Семи лежитъ большое село Алексѣевка (214 дв.) очевидно полностью перешедшее на души. Но мы все-таки не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы разрѣшить вопросъ, кѣмъ же именно населены общины госуд. крестьянъ въ с. Коровяковкѣ и Панкратовкѣ. Потомки ли это путивльскихъ помѣщиковъ, самовольно осѣвшихъ здѣсь «на новыхъ дачахъ» или это черкасы или наконецъ это сумма двухъ этихъ слагаемыхъ? Въ досмотрѣ 1685 г. про Панкратовку еще нѣтъ помину, но про д. Коровяковку сказано—«черкасъ 23 и много помѣщиковъ; построена тому лѣтъ съ 15» [1]). Поэтому указанію можно преположить, что около 1667 года здѣсь образовалось просто-напросто сборное селеніе, въ составъ коего вошли какъ помѣщики путивльцы, такъ и черкасы. Такое сочетаніе двухъ племенъ въ одной общинѣ ничуть не препятствовало единенію общиныхъ интересовъ: если позже мы и видимъ, что община распалась при переходѣ надвое, то отнюдь нельзя объяснять этого общаго явленія національной особенностью той или другой части населенія: выдѣлились широкодачники изъ малоземельной массы и только. Сосѣднее село Алексѣевка, образовавшаяся, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, не распалась же на двѣ общины. Но, къ сожалѣнію, все это лишь гадательныя предположенія.

По сосѣдству въ Путивльскомъ уѣздѣ мы видимъ два селенія—Новые и Старые Виры. По тому же досмотру 1685 года, «деревня Виръ писалась за 14 помѣщиками; у нихъ 14 черкасъ. Построена лѣтъ 40 назадъ». Нынѣ мы вотъ что видимъ въ Путивльскихъ Вирахъ [2]). Въ Новыхъ Вирахъ, очевидно, позже образовавшихся, 188 дворовъ душевыхъ, въ Старыхъ

---

[1]) Багамѣя Матер. I стр. 118.

[2]) Сбор. Стат. Свѣд. Кур. губ. вып. VII стр. 146 и 154. Есть Виры и въ Сумскомъ уѣздѣ на той же рѣкѣ Виръ верстъ на 20 выше города Бѣлополья. Эти Виры попали въ опись 1773 г. (см. Матер. Багалѣя вып. II стр. 357) но путивльскіе Виры въ опись не вошли, что указываетъ на преобладаніе великоросовъ.

58. Это какъ бы противорѣчитъ нашимъ предположеніямъ: ибо здѣсь же въ Старыхъ Вирахъ имѣется 62 двора четвертныхъ. Откуда они? У душевыхъ земли меньше (1,8 на душу), у четвертныхъ—больше (2,3 дес.), но есть здѣсь и болѣе сильный намекъ на произшедшее распаденіе: у четвертныхъ имѣется сверхъ надѣла у 27 дворовъ 468,8 дес. купчей земли: опой столько же, сколько и надѣльной (462,6), у душевыхъ такой земли въ пяти дворахъ всего 8.1 десятины. Однако главной связи—черезполосицы повидимому нѣтъ: въ сборникѣ, въ графѣ 136-ой о расположеніи надѣла сказано про четвертныхъ «пашня въ особнякѣ», про душевыхъ: «пашня въ двухъ мѣстахъ», а про Новые Виры:—«вся земля въ особнякѣ». Очевидно спеціальное размѣжеваніе уничтожило связь между совладѣльцами, въ числѣ коихъ былъ конечно и помѣщикъ Воропановъ, барщина коего въ количествѣ 30 дворовъ поселена также въ Старыхъ Вирахъ. При спеціальномъ размежеваніи могло произойти распаденіе общины не на двѣ, а въ данномъ случаѣ на три, хотя очень можетъ быть Новые Виры и по полученіи особняка при передѣлахъ равняютъ землю со Старыми Вирами: это видно изъ того, что по ревизской разверсткѣ почти нѣтъ разницы въ размѣрахъ надѣленія (2,6 и 2,7). Другое дѣло—четвертные дворы Старыхъ Виръ: они широкодачники, кромѣ того у нихъ есть земля безоброчная-очевидно жалованная изъ помѣстья въ вотчину, быть можетъ, за Чигиринскій походъ. Поравненіе имъ было невыгодно, а отстоять свои права было такъ легко, ибо безоброчная земля помогала тутъ съ двухъ сторонъ: на нее и документы были безспорные и матеріальныхъ средствъ отъ нея было больше, чѣмъ у душевиковъ. При спеціальномъ размежеваніи они съ удобствомъ могли выпросить себѣ особнякъ и подѣлить его по старинѣ. Такимъ образомъ служилая часть деревни выдѣлилась въ особую четвертную общину. Но здѣсь мы не допускаемъ сборнаго селенія: 14 помѣщиковъ, пришедшіе сюда въ 1645 году, несомнѣнно представляли собой многодворную заимку; можетъ быть ихъ пришло нѣсколько меньше, но вѣроятно это были не одиночки, а товарищи; на это указываетъ, между прочимъ, и то, что сорокъ лѣтъ спустя досмотръ обнаружилъ у нихъ всего 14 черкасъ стало быть это не были рабовладѣльцы, а просто низшіе служилые люди—однодворцы, которые за Семью обыкновенно и селились товариществами, а не одиночками. Новые Виры, наоборотъ, есть не что иное какъ сборное селеніе, образовавшееся въ половинѣ XVIII вѣка: сюда къ прежнимъ заимщикамъ могли подсѣсть всякаго званія люди и ужъ конечно и черкасы, которыхъ было такъ много по сосѣдству. Этотъ «пріемный» элементъ несомнѣнно повліялъ на переходъ съ четвертей на души—размежеваніе только усилило это стремленіе къ поравненію,—но, благодаря историческимъ особенностямъ изъ сложной общины съумѣли выдѣлиться тѣ широкодачники, у которыхъ была сверхъ того и безоброчная земля. Но возможно и

другое, однако менѣе вѣроятное, предположеніе, хотя основанное на столь же отрывочныхъ свидѣтельствахъ. Въ жалованной грамотѣ Путивльскому Молчанскому монастырю [1]), къ которой намъ еще не разъ придется обращаться, мы читаемъ между прочимъ слѣдующія мѣста: «Въ прошломъ во 123 году (1615)... въ прежней жалованной грамотѣ прописано той ихъ монастырской вотчины (слѣдуетъ перечисленіе урочищъ, которое кончается такъ), да на Выри въ Лежецкой волости пахатные дубровы и сѣнные покосы...» Ниже упоминается, что одно урочище отошло къ Литвѣ и прибавляется, «а въ Лежецкой волости пахотною землею и дубровою владѣетъ Василій Волынцевъ». На правомъ берегу р. Семи неподалеку отъ Виръ мы и сейчасъ видимъ однодворческое село Волынцево. Очевидно заимщикъ Виръ Василій Волынцевъ пришелъ оттуда. Его заимка вѣроятно была правомѣрна, ибо ниже монастырь не настаиваетъ объ отобраніи пахоти въ Вирахъ, а старается защитить лишь свои бортныя ухожья: «а смежны тѣ монастырскіе бортные ухожеи и всякія угодья съ другомѣстными помѣщики съ Вас. Волынцевымъ, да Дмитріемъ, да съ Вас. Карповыми, да съ Ф. Трифоновымъ». Значитъ, Вас. Волынцевъ сидѣлъ уже не одинъ. И. Н. Миклашевскій [2]), видѣвшій писцовую Путивльскую книгу, писанную въ 1624 году, не перечисляетъ Виръ въ числѣ владѣній Молчанскаго монастыря; но отсюда нельзя еще вывести, что бортные ухожья на Вирахъ были отняты у монастыря. По судному дѣлу [3]) между Молчанскимъ монастыремъ и Софроніевой пустынью 1731 г., между прочимъ, видно, что по переписнымъ книгамъ 154 г. (1646 г.) и писцовымъ 193 г. (1685 г.) Виры опять-таки не упоминаются. Значитъ, монастырскіе крестьяне здѣсь не были поселены. Но вѣдь здѣсь могли поселиться черкасы въ качествѣ монастырскихъ посполитыхъ? Однако ни въ Хрущовскую опись, ни въ опись 1773 г. путивльскіе Виры не вошли, очевидно, потому, что тамъ черкасы не жили. Слѣдовательно первое наше предположеніе является болѣе вѣроятнымъ и въ Вирахъ не живутъ нынѣ бывшіе экономическіе, а просто однодворцы. Такимъ образомъ эти путивльскія селенія окончательно убѣждаютъ насъ въ возможности распаденія при переходѣ на души и сосѣдней рыльской общины Коровяковки на-двое.

Иной результатъ получается еще въ двухъ селеніяхъ Рыльскаго уѣзда, въ с. Поповкѣ (Клевень тожъ) и въ с. Покровскомъ. Здѣсь мы видимъ рядомъ съ гос. душевыми также четвертныхъ, но существованіе послѣднихъ врядъ ли возможно объяснить распаденіемъ общины при переходѣ. Въ Покровскомъ 69 дворовъ душевыхъ и 59 четвертныхъ: земли у душе-

---

[1]) Напечатана въ трудахъ Кур. губ. Стат. Ком. вып. стр. 562 и сл.

[2]) Къ Ист. хоз. быта Моск. гос. стр. 133.

[3]) Напечатано въ труд. Кур. губ. Стат. Ком. т. 1 стр. 573.

выхъ на ревизскую душу 3,2 у четвертныхъ 2,4—ясное дѣло при этихъ условіяхъ для выдѣленія не было никакихъ мотивовъ. Намъ скажутъ, что прежде при переходѣ на душу такого сочетанія не было, но для этого надо доказать, что четвертные плодились куда быстрѣй душевыхъ; на самомъ же дѣлѣ въ Покровскомъ приростъ населенія современи X рев. у четвертныхъ едва достигаетъ 17%, у душевыхъ же равенъ 33%. Въ с. Поповкѣ вопросъ затемненъ еще больше: здѣсь мы видимъ 64 двора душевыхъ и 14 четвертныхъ, но у четвертныхъ опять-таки на цѣлую десятину меньше на душу, чѣмъ у душевыхъ. Очевидно эти душевыя общины не однодворческаго происхожденія и ни въ какой связи не стоятъ съ мѣстными однодворцами, кромѣ обыкновеннаго сосѣдства. При дальнѣйшихъ подсчетахъ мы вовсе опускаемъ эти душевыя общины, а четвертныя считаемъ на общемъ основаніи.

За этими объясненіями въ Рыльскомъ уѣздѣ остается всего одно душевое селеніе—д. Родіоновка, лежащая какъ разъ на границѣ Дмитріевскаго уѣзда, такъ что 179 десятинъ изъ 513 находятся въ предѣлахъ этого уѣзда. Если мы заглянемъ въ сборникъ по Дмитріевскому уѣзду, то только и узнаемъ, что сосѣднія селенія Ольховка, Жеденовка, Пады, Брысино и другія, владѣютъ землей на душевомъ правѣ. Исторію этого владѣнія здѣсь мы вовсе не знаемъ, и такъ какъ эти мѣста близко подходятъ къ гор. Сѣвску, то я буквально воздерживаюсь даже отъ предположеній, ибо неизвѣстно, какъ слагались формы землевладѣнія въ Камарицкой волости. Вопросъ этотъ остается открытымъ до благопріятнаго времени, но изслѣдователи Дмитріевскаго уѣзда опубликованіемъ собранныхъ ими данныхъ могли бы значительно облегчить изученіе Камарицкой волости; нынѣ же приходится пройти молчаніемъ цѣлый Дмитріевскій уѣздъ, столь богатый разнообразіемъ формъ землевладѣнія.

Итакъ, мы можемъ распредѣлить рыльскія общины на слѣдующія группы: 3 общины душевыхъ неизвѣстнаго происхожденія, 2 общины душевыхъ перешедшихъ съ четвертей, причемъ въ одной остались слѣды прежней формы владѣнія, 4 общины душевыхъ экономическихъ, 8 общинъ служилыхъ по прибору подгороднихъ, изъ коихъ лишь одна перешла на души, остальныя же до сихъ поръ сидятъ на четвертяхъ, и, наконецъ, 68 четвертныхъ общинъ, изъ коихъ 14 расположены за Семью «съ крымскую сторону». Такъ какъ въ составъ этихъ 14 общинъ входитъ отдѣлившаяся отъ душевыхъ часть с. Коровяковки, то, въ виду единичности этого случая по Рыльскому уѣзду, мы не выдѣляемъ ея въ особую группу, какъ это дѣлали по другимъ уѣздамъ [1]).

---

[1]) Для такого выдѣленія приведемъ основныя данныя по этой общинѣ: ревизск. душъ 75, дворовъ 37, изъ нихъ 3 безземельныхъ, 110 душъ м. п., 112 женскаго; земли

Если мы сдѣлаемъ подсчетъ основныхъ данныхъ, придерживаясь этой группировки, то получимъ нѣкоторые весьма достовѣрные выводы. Такъ, средній размѣръ сѣверной четвертной общины едва достигаетъ $26_{,6}$ дворовъ, а если примемъ въ счетъ подгороднія слободы, то среднее это понизится до $24_{,3}$; тогда какъ на югѣ за р. Семью средній размѣръ доходитъ до $105_{,6}$, причемъ это среднее надо считать пониженнымъ, ибо сюда вошла часть с. Коровяковки, выдѣлившаяся изъ очень крупной общины, затѣмъ вошла д. Гавриловка, имѣющая всего 3 двора, и Вѣть-Износкова съ 16 дворами [1]). За этими исключеніями получимъ въ среднемъ на одну южную общину $129_{,3}$ двора. Такъ и слѣдовало ожидать, ибо и здѣсь р. Семь служила гранью для многодворной заимки. Мало того, на Рыльскомъ уѣздѣ замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразилось значеніе широкой рѣки, недававшей татарамъ удобныхъ бродовъ и перелазовъ. Мы знаемъ, что трусливые рыляне и путивльцы, эти древніе остатки «севрюковъ», долго прятались за своею рѣкою, и когда осмѣлились переступить ее, то переступили все-таки трусливо—скопомъ,—на міру и смерть красна. Это видно на крупныхъ размѣрахъ засемскихъ селеній: д. Сучкина 236 дворовъ, Пушкарное—275, с. Благодатное 382 двора. Несомнѣнно, такія громадныя села могли образоваться только путемъ многодворной заимки. Названія селеній по своей общности только подтверждаютъ это предположеніе. Однако и южныя названія нечужды фамильности: Дерюгино, Жадино, Сѣкерино, Коренево, Ковыневка,—зато селенія съ такими названіями не такъ велики. Что касается сѣверныхъ названій, то фамильныхъ между ними набирается около 65%. Нѣкоторыя изъ нихъ установились очевидно не по фамиліи, а по имени заимщиковъ, наприм., Тимохино, Титовка,—другія наоборотъ, носятъ извѣстныя намъ по другимъ уѣздамъ однодворческія фамиліи, наприм. Боброво, Чупахина, Гнеушево, Волобуево, Малѣева, и третьи, наконецъ, хотя повидимому и принадлежатъ къ типичнымъ однодворческимъ фамиліямъ, но встрѣчаются только въ Рыльсккмъ уѣздѣ,—быть-можетъ, это и есть остатки севрюковъ. Сюда надо отнести такія названія, какъ Моршнева, Матохина, Осколкова, Щекина, Горѣлухова, Боромыково, Стремоуховка, Ишутина, Журятина, Колтичеевка и Асмолово. Съ другой стороны, въ сѣверной части Рыльскаго уѣзда мы находимъ пять-шесть названій, корень которыхъ трудно опредѣлить неспеціалисту: таковы с. Бупелъ, Висколь, Выстронь или Выстрогонь, Воегощи. Если послѣднее просто-напросто названіе ручья, то этого никакъ нельзя сказать про

$276_{,8}$ дес. надѣльной и 101 купчей у 6 хозяевъ. Безхозяйныхъ 2 и безлошадныхъ 9. Рыл. стат. сборн., вып. VI, стр. 138 и сл.

[1]) Къ послѣдней общинѣ безъ всякихъ основаній составители сборника присчитали 35 дворовъ бывшихъ дворовыхъ людей.

Бупелъ или Висколь. Быть-можетъ эти названія даны еще сѣверянами... Какъ бы ни было, обиліе фамильныхъ названій подтверждаетъ указаніе на однофамильную заимку на сѣверѣ уѣзда. И здѣсь, какъ во Льговѣ, однодворцы пережили упорную борьбу съ окружающими крѣпостниками: въ 16 общинахъ изъ 54 мы находимъ менѣе десяти дворовъ. Вѣдь это около 30%. Только въ 17 селеніяхъ мы не видимъ рядомъ съ однодворцами бывшихъ крѣпостныхъ; на югѣ, наоборотъ, изъ 14 случаевъ въ восьми однодворцы сидятъ отдѣльно отъ крѣпостныхъ барщинъ. На сѣверѣ уѣзда мы, повидимому, не находимъ ни одного сборнаго селенія: крупнѣйшее селеніе здѣсь достигаетъ 97 дворовъ (Переступица), но въ немъ, помимо того, есть двѣ крѣпостныхъ барщины, а это можетъ служить указаніемъ лишь на то, что здѣсь была разнофамильная заимка и двое изъ заимщиковъ поддержали «дворянскую линію», остальные же три-четыре попали въ однодворцы. Другое крупное селеніе (Горѣлухова 92 двора), судя по тому, что владѣетъ землей въ пяти особнякахъ, также не можетъ быть признано сборнымъ: эти пять особняковъ и указываютъ на 5 заимщиковъ разнофамильцевъ. Отсутствіе сборныхъ селеній объясняется давностью заселенія сѣверной части Рыльскаго уѣзда; здѣсь очевидно все было занято и притомъ крѣпкими крѣпостническими руками; съ другой стороны, излишекъ населенія съ удобствомъ находилъ пріютъ въ черкасскихъ селеніяхъ, которыя такъ близки были, да, наконецъ, и на югѣ уѣзда были все-таки свободныя мѣста, несмотря на крупныя пожалованія. Конечно, установить движеніе сѣвернаго населенія въ южную часть уѣзда можно лишь сличеніемъ фамилій по кадастровымъ или владѣннымъ записямъ, но ни того, ни другого не было въ нашемъ распоряженіи. Кажется, впрочемъ, что рыльскіе севрюки были очень неподвижны,—это видно изъ того, что самое заимочное время въ XVII вѣкѣ они просидѣли дома, отлучаясь на югъ лишь временно ради бортныхъ деревьевъ и пушного звѣря. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы сѣверные однодворцы въ Рыльскѣ вымирали, какъ, наприм., во Льговѣ. Правда, на югѣ у четвертныхъ приростъ мужскаго населенія со времени X ревизіи достигаетъ 43%, а на сѣверѣ всего 34%, но послѣдній процентъ все-таки такъ высокъ, что о вымираніи не можетъ быть рѣчи. Соотвѣтственно съ приростомъ населенія мы видимъ у рыльскихъ однодворцевъ громадное преобладаніе мужчинъ надъ женщинами: такъ, въ сѣверной части уѣзда на тысячу мужчинъ приходится всего 888 женщинъ, на югѣ же нѣсколько больше — 933 и еще больше у экономическихъ—944. Тѣмъ не менѣе на сѣверѣ уѣзда мы находимъ 12 общинъ ($22,_2$%), въ коихъ женскій полъ преобладаетъ надъ мужскимъ: этому сопутствуетъ меньшій приростъ населенія—всего $22,_8$%. Поэтому можно сказать, что населеніе этихъ общинъ, достигающее въ общей сложности 274 дворовъ, вымираетъ. Если заглянемъ, что это за

общины, то какъ нарочно найдемъ здѣсь Моршневу, Колтичеевку, Бупелъ, Выстрогонь, Боромыково, Воегощи и селеніе съ польскимъ названіемъ— Капустичи. Быть-можетъ такое совпаденіе указываетъ на вымираніе севрюковъ... Далѣе, къ вымирающимъ или вѣрнѣе къ разбѣгающимся принадлежатъ всѣ подгороднія слободы, не исключая душевой Стрѣлецкой. На югѣ же мы видимъ лишь одну Гавриловку, состоящую изъ 3 дворовъ, съ убылью населенія съ 24 ревизскихъ душъ на 10 и съ преобладаніемъ, конечно, женскаго пола.

Само собой понятно, что размѣръ земельныхъ дачъ различается по районамъ точно также, какъ и размѣръ общинъ. На сѣверѣ Рыльскаго уѣзда средняя дача равна 210,$_3$ десятинамъ, на югѣ—932. Наикрупнѣйшую дачу въ 3.154 дес. мы видимъ на югѣ въ с. Благодатномъ. Мы ровно ничего не знаемъ, какъ отразилась величина земельныхъ дачъ на формахъ землевладѣнія; неизвѣстно, была ли борьба за переходъ на души, были ли попытки поравненія—въ родѣ дворовой разверстки пахоти, покоса, лѣса и проч. Тамъ, гдѣ переходы эти состоялись, мы видимъ очень крупныя дачи: въ Алексѣевкѣ 1.116 дес. и въ Коровяковкѣ—1.449.

Размѣры надѣленія по районамъ сильно разнятся: на наличную душу мужскаго пола на сѣверѣ приходится всего 2,$_6$ дес., на югѣ же 2,$_9$; вотъ это-то многоземелье вѣроятно и повліяло на то, что большинство общинъ юга сохранило старинную четвертную форму владѣнія,—тамъ, гдѣ земля было меньше, какъ въ Коровяковѣ и Алексѣевкѣ (1,$_9$ десят. на душу), переходы произошли въ свое время. Экономическіе крестьяне надѣлены, конечно, хуже однодворцевъ,—у нихъ всего 2,$_3$ дес. на душу. Но, несмотря на лучшее надѣленіе, южные однодворцы Рыльскаго уѣзда представляются экономически болѣе слабыми: такъ на сѣверѣ при 5,$_5$% безхозяйныхъ мы видимъ всего 25,$_6$% безлошадныхъ; на югѣ же эти проценты повышены— именно 5,$_8$% безхозяйныхъ и 31,$_2$% безлошадныхъ. И говорить нечего, что въ душевыхъ общинахъ даже при значительно меньшемъ надѣленіи, какъ у экономическихъ, эти проценты болѣе благопріятны (1,$_2$% и 14,$_7$%).

Посмотримъ теперь въ сборникъ Путивльскаго уѣзда. И въ немъ кромѣ нѣмыхъ таблицъ мы не найдемъ ничего: предисловіе, писанное моею рукою, не касается вопроса о формахъ землевладѣнія. Въ книгѣ И. Н. Миклашевскаго про Путивльскій уѣздъ говорится, къ сожалѣнію, тоже очень мало: авторъ все вниманіе свое сосредоточилъ на бортныхъ ухожьяхъ, расположенныхъ по необъятной малозаселенной территоріи, прилегающей къ гор. Путивлю съ юга. У И. Н. Миклашевскаго мы узнаемъ только, что въ 1628—29 годахъ Путивльскій уѣздъ былъ населенъ очень слабо: въ Подгороднемъ стану мы видимъ всего одно село, 21 деревню и 4 починка да 10 селищъ. Изъ 164 помѣщиковъ имѣли дворы только 49; но у нихъ было

136 крестьянскихъ дворовъ. И. Н. Миклашевскій [1]) совершенно справедливо предполагаетъ, что большая часть путивльскихъ помѣщиковъ проживали въ городѣ. Къ нимъ относитъ авторъ бѣломѣстныхъ казаковъ и дѣтей боярскихъ (черниговскихъ и новгородъ-сѣверскихъ). Но не всѣ бѣломѣстные казаки жили въ городѣ. Въ жалованной грамотѣ Молчанскому монастырю при разводѣ межъ упоминается, между прочимъ, что близъ монастырскаго села Линева была «по лѣвой сторонѣ земля жилова казака Мишки Данкова» [2]); далѣе близъ села Берюха упоминается «помѣстная земля Ѳедора Забѣлина, да Богдановыхъ дѣтей Забѣлина-жъ, да Семена да Михаила Вощининыхъ, объ межу съ помѣстною землею Василья Игина» и т. д.

Деревню Забѣлину и хуторъ Вощининъ, мы до сихъ поръ видимъ около с. Берюха. Очевидно здѣсь жизнь началась давно: въ первой четверти XVII вѣка мы видимъ не одиночекъ, а уже ихъ дѣтей — Ѳедоръ Забѣлинъ и около него Богдановы дѣти тоже Забѣлены, Вощинины тоже уже раздѣлились. Сѣвернѣй г. Путивля тянулось на громадномъ пространствѣ такъ называемое Путивльское поле. Мы не имѣемъ ровно никакихъ указаній, кому и какъ жаловалась эта земля: была ли она дана бѣломѣстнымъ казакамъ или дѣтямъ боярскимъ путивльцамъ «вобче», или она просто-напросто служила земельнымъ фондомъ для испомѣщенія служилыхъ по Путивлю людей. Мѣстныя изслѣдованія земскихъ статистиковъ не выяснили этого вопроса. Нынѣ все это поле, охватывающее почти всю сѣверную часть Путивльскаго уѣзда, такъ называемую «хуторянскую часть Русчины», представляетъ сплошную сѣть мелкихъ хуторовъ, носящихъ въ большинствѣ названія фамильныя. Ихъ насчитывается не менѣе 130 [3]) Не нужно думать, что все это продуктъ позднѣйшихъ разселеній: мы видѣли, что въ 1628 году здѣсь была уже 21 деревня и 4 починка, что нѣкоторыя деревни того времени носили уже нынѣшнія названія хуторовъ (Вощининъ, Забѣлинъ). Правда, разселеніе это продолжается еще поднесь: такъ въ Путивльскомъ сборникѣ (стр. 217) про Борисоглѣбскую слободу сказано, что «многіе выселяются на свои поля хуторами», но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что процессъ разселенія, начавшись еще въ XVII вѣкѣ до сихъ поръ не закончился. Всѣ путивльскіе хутора до сихъ поръ

---

[1]) Къ истор. хоз. быта Моск. гос., ч. I, стр. 121.

[2]) Труды Курск. стат. комит., т. I, стр. 564.

[3]) Д. И. Багалѣй утверждаетъ, что города по чертѣ были окружены селами, имѣвшими „довольно значительное количество жителей; маленькихъ поселковъ, которые соотвѣтствовали бы малорусскимъ хуторамъ, мы здѣсь не находимъ“. Очерк. истор. колониз. т. I стр. 237. Вотъ именно та часть Путивльскаго уѣзда, которая въ отличіе отъ малорусскаго населенія называется „Русчиной“, представляетъ сплошную массу хуторовъ, какую трудно найти и въ Малороссіи.

владѣютъ четвертною землею и связаны между собою мелкой черезполосицей. При составленіи владѣнной записи чины министерства госуд. имущ. пытались разбить эту сложнѣйшую общину на нѣсколько болѣе крупныхъ еденицъ, но ничего не достигли. Раньше этого палата госуд. имуществъ стремилась размежевать эту дачу, но результатъ получился мало удовлетворительный: это собственно говоря, не одна дача, а нѣсколько мелкихъ дачъ. Нѣкоторые хутора, если вѣрить земскому сборнику, имѣютъ особняки, но это ошибочное представленіе изслѣдователей. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые хутора, поставленные на полевой землѣ, дѣйствительно окружены только «своей» землей; удаленныя полосы или обмѣнены или проданы,— получается нѣчто вродѣ особняка, но все-таки не участокъ спеціальнаго размежеванія; довольно того, что скотъ такихъ хуторянъ свободно ходитъ по сосѣдской землѣ. Съ выдачей владѣнныхъ записей общинная связь между хуторами была сильно поколеблена, каждый хуторъ былъ записанъ особо. Это уединило отдѣльныхъ домохозяевъ, сдѣлало ихъ какъ бы собственниками, но конечно не уничтожило черезполосицы: никто и думать не смѣетъ о размежеваніи противъ «владѣнныхъ», ибо послѣднія составлены съ громадными описками, ошибками, пропусками и проч. Понятіе о четвертномъ правѣ здѣсь убито и представленіе объ общинной связи сохраняется лишь въ пережиткахъ въ родѣ общаго пользованія толочной землей. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе путивльскихъ хуторовъ произведено было столь скудно, что изученіе важнаго процесса образованія такой громандной сложной общины становится почти невозможнымъ.

Прежде всего надо установить метрополію. Это—несомнѣнно былъ городъ Путивль со своими севрюками. Но мы уже отказались отъ разрѣшенія этого этнографическаго вопроса, поэтому нельзя ли подойти къ вопросу съ другой стороны. Писцы 1628—29 года видѣли въ Путивлѣ бѣломѣстныхъ казаковъ и путивльцевъ дѣтей боярскихъ. Подъ городомъ Путивлемъ мы не видимъ нынѣ обычныхъ служилыхъ слободъ кромѣ слоб. Солдатской и Стрѣлецкой, имѣющихъ всего 17 дворовъ, изъ коихъ 15 безземельныхъ. Слободы Казацкой или Казачьей вовсе нѣтъ, но зато есть два общества города Путивля (140 и 64 двора) часть слободы Пригородней (8 дв.) и слобода Борисоглѣбская (Пригородняя тожъ) съ 129 дворами. Изъ жалованной грамоты Молчанскому монастырю видно, кто тогда владѣлъ въ Путивлѣ; вотъ перечисленіе монастырскихъ сосѣдей: «смежно съ Ломакинскимъ дворищемъ Удачина, да по Петрушино дворище Кононова, да по Истомино дворище Шелыгина, да по Захарово Некрасова, да по Гришино Грошевнево, да по пасадскую землю покамѣстъ острогъ стоялъ; да по конецъ рва, что пришелъ ровъ къ тому жъ острогу, да по дорогу, что лежитъ отъ Николы Казацкаго конецъ того жъ рву по Стрѣлецкую пашню... а къ церкви (осадной) усадищу рубежъ по затинщиковъ дворъ

Ивана Бобрищева, да по дворъ посадскаго человѣка В. Рѣзелина» etc. Изъ этого описанія явствуетъ, что Путивль, какъ старинный городъ, не имѣлъ служилыхъ слободъ, пріуроченныхъ къ одному мѣсту: затинщикъ жилъ рядомъ съ посадскимъ. Кто были остальные не видно, но с. Шелыгино имѣется на сѣверѣ Путивльскаго уѣзда, хотя въ немъ уже нѣтъ однодворцевъ. У стрѣльцовъ была пашня, у казаковъ церковь св. Николы, но если стрѣльцамъ было отведено мѣсто подъ слободу, то такого отвода не было для казаковъ. И понятно почему: стрѣльцы, какъ и солдаты, пришли попозже, казаки же пришли сюда съ Дона очень рано. При этомъ не было никакой надобности отводить имъ мѣста «подъ усады», ибо у нихъ были дворы въ Путивлѣ, и дворы эти были раскинуты по всему городу и посаду. Извѣстная опись 1672 г. упоминаетъ въ Путивлѣ 212 чел. дѣтей боярскихъ городовой службы, и казаковъ 152 верстаныхъ и 183 городовыхъ. Если послѣдніе такъ и остались неверстанными, то первые должны были рано или поздно выселиться изъ города. Ниже мы увидимъ, что небольшая горсть ихъ ушла на югъ за р. Семь въ д. Духановку; но главная масса двинулась на сѣверъ въ хутора Путивльскаго поля. Современныя данныя не находятся въ противорѣчіи съ историческими свидѣтельствами: если въ старину различали въ Путивлѣ лишь два разряда служилыхъ людей—казаковъ и дѣтей боярскихъ, то и нынѣ мы видимъ два однодворческихъ общества—сл. Борисоглѣбскую и г. Путивль; кто именно жилъ въ слободѣ, казаки или дѣти боярскія?—это для насъ пока неважно. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что Путивльскій сборникъ (стр. 209 и 217) отмѣтилъ всюду мелкую черезполосицу: г. Путивль, наприм., мало того, что владѣетъ черезполосно, но земля его «разбрасана по всей волости», а сл. Борисоглѣбская владѣетъ въ шести дачахъ.

Иначе говоря и верстанные казаки и дѣти боярскіе владѣли въ такъ называемомъ Путивльскомъ полѣ «черезъ межу». Быть-можетъ здѣсь больше чѣмъ гдѣ-нибудь и долже, чѣмъ въ другомъ какомъ мѣстѣ, сохранялись такія формы владѣнія, которыя создались не подъ прямымъ воздѣйствіемъ московскихъ приказовъ. Севрюки могли по своимъ обычаямъ занимать землю подъ роспашь и подъ усады (жилье); нерегулируемые Москвой они могли здѣсь широко примѣнять захватный способъ; отсутствіе понятій «о дачахъ», о соотвѣтствіи этихъ дачъ со служебной мощью и отправленіемъ службы должно было рѣзко выразиться въ формахъ тогдашняго землевладѣнія. И мы видимъ здѣсь въ началѣ XVII вѣка массу мелкихъ деревень, починковъ, займищъ, пустошей и всего одно село. Очевидно, это живутъ не великоросы, а только севрюки. Но очень рано Москва двинула въ Путивль свои войска; долгое время служилые люди были здѣсь только «прибылыми» и лишь нѣкоторая часть, повидимому гораздо позже, стала испомѣщаться землями все въ томъ же Путивльскомъ полѣ; стрѣльцы за-

вели пашню, какъ мы знаемъ подъ самымъ городомъ,—далеко уходить за службой не было возможности. Казаки и дѣти боярскія предпочли, или вѣрнѣе имѣли возможность, распахивать незанятыя мѣста подальше отъ города. То, что было занято старожилами севрюками, оставалось конечно въ ихъ владѣніи, но въ ихъ жизни должна была произойти коренная перемѣна,—на нихъ перестали смотрѣть, какъ на привилигированный классъ, изъ котораго даже на станицы посылали «изъ найму»; съ нихъ стали требовать службу на общемъ основаніи. Испомѣщеніе пришлаго отъ Москвы служилаго люда не могло не вызвать въ севрюкахъ стремленія укрѣпить за собой по крайней мѣрѣ распаханную раньше землю. Московскіе писцы, явившіеся сюда повидимому еще до Бориса, укрѣпили за ними ихъ земли, но это еще не было «дачей» въ московскомъ служиломъ смыслѣ. Чтобы воспослѣдовала такая дача надо было служить. И вотъ начинается обоюдное сліяніе двухъ элементовъ по землѣ и по службѣ. Московскіе чины стремятся занять землю рядомъ съ севрюками, севрюки стараются служить въ московскихъ рядахъ. И если прежде стоявшіе на станицахъ «неусторожливо» севрюки попадаютъ подъ вліяніе болѣе опытныхъ служакъ, то и московскіе служилые люди въ дѣлѣ разселенія и эксплуатаціи земель подпадаютъ вліянію болѣе умѣлыхъ пахарей севрюковъ. Мы уже говорили, что болѣе раннее занятіе земледѣліемъ жителей пригородныхъ слободъ заберегаетъ старинныя формы владѣнія землей. Г. Путивль мало располагалъ къ землепашеству: служилые люди здѣсь съ успѣхомъ занимались торговлей и промыслами; но, къ счастью путивльцевъ, такъ сказать, надѣльныя ихъ земли были значительно удалены отъ города. На югѣ этому мѣшала р. Семь, за которую севрюки боялись переходить; на сѣверѣ ихъ стѣснялъ богатый, многоземельный Молчанскій монастырь: послѣднему подъ городомъ принадлежало пять слободъ и недалеко отъ города еще пять. Стѣсненные монастыремъ и рѣкой Семью, путивльцы ради занятія земледѣліемъ должны были выходить въ отдаленные хутора; это было настолько затруднительно, что многіе предпочитали вовсе не заниматься земледѣліемъ, и больше половины казаковъ, какъ мы знаемъ, къ концу XVII вѣка не хлопотали даже объ испомѣщеніи. Но тѣ, кто вышли въ хутора, были изолированы отъ вліянія торговаго города, и потому-то мы видимъ здѣсь четвертную фому владѣнія землей: выходъ этотъ совершился очень рано, когда о душевомъ поравненіи еще никто не помышлялъ. Обиліе свободной земли на первое время обусловливало вольную заимку, то-есть захватный способъ въ чистомъ его видѣ. Однако долго это не могло тянуться; всякій старался укрѣпить за собой занятую землю, а это укрѣпленіе было тѣсно связано со службой: вотъ тогда то началось скадываться понятіе «о дачѣ» за службу и прежнія воззрѣнія севрюковъ должны были уступить воззрѣніямъ московскихъ приказовъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній, какъ осуществ-

лялась разверстка земель противъ дачъ у путивльскихъ хуторянъ, какую роль играли прежнія воззрѣнія севрюковъ и какъ они примирились съ требованіями московской политики; неизвѣстно также, была ли борьба и въ чемъ она выразилась между старожилами севрюками и новоприходящими «москалями». Все это осталось невыясненнымъ, а безъ мѣстныхъ изслѣдованій такіе вопросы трудно поддаются рѣшенію. По мнѣнію Д. И. Багалѣя, когда «мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, а съ темнымъ устнымъ преданіемъ, то основывать на немъ какихъ-либо выводовъ мы не можемъ» [1]). Это сказано про мѣстныя изслѣдованія, но оныя всегда мало довольствовались одними преданіями: главная сила изслѣдованій заключается въ записи пережитковъ, сохранившихся поднесь: по этимъ пережиткамъ устанавливается главная канва для дальнѣйшихъ изысканій, безъ нихъ же нѣтъ руководящей нити. Странно писать мѣстную исторію, игнорируя пережитки и эти самыя «темныя» преданія; а если вспомнимъ, что въ XVII вѣкѣ господствовало на Руси крайнее невѣжество, такъ что грамотный человѣкъ являлся великою рѣдкостью, то поймемъ, почему прямыя историческія свидѣтельства и записи встрѣчаются въ очень ограниченномъ количествѣ. Гдѣ тотъ лѣтописецъ, который записалъ бы исторію вымиранія севрюковъ и сліянія ихъ съ москалями и черкасами? Кромѣ того, я буквально не понимаю, въ какой мѣрѣ и какія преданія авторъ считаетъ темными? Если въ памяти крестьянъ сохранилось преданіе о томъ, что они были за монастыремъ,—что темнаго въ такомъ преданіи? Вѣдь каждое преданіе и каждое «достовѣрное» свидѣтельство подлежатъ исторической критикѣ. Про пережитки—эти живые остатки сѣдой старины я и говорить не стану,—облегченіе изысканій, приносимое пережитками, признано давно историческимъ методомъ.

Переходимъ къ изученію того матеріала, который заключается въ статистическихъ таблицахъ Путивльскаго сборника. Изслѣдователи дѣлятъ Путивльскій уѣздъ на три части: Сѣверный уголъ—4 волости, Хуторянскую часть Русчины—4 волости и Засемье—11 волостей. За Семью мы видимъ всего три четвертныхъ общины: Духановку, Рыжевку и Стар. Виры и четыре общины душевыхъ: Бочечки, Скуносову и Стар. и Нов. Виры. Всѣ остальныя селенія—крѣпостныя, въ большинствѣ случаевъ населенныя малороссіянами. Значитъ р. Семь и здѣсь является гранью для служилаго сословія: здѣсь еще рѣзче замѣчается, что севрюки боялись идти за рѣку. Крѣпостное населеніе Засемья достигаетъ $87{,}_5\%$, тогда какъ въ сѣверной части уѣзда процентъ этотъ падаетъ до $56{,}_6\%$. Путивльское Засемье долгое время оставалось вовсе незаселеннымъ,—здѣсь были только бортные ухожья да рыбныя ловли: путивльцы ходили сюда на время ради добычи

[1]) Очерки изъ истор. колон. т. I, стр. 370.

и только ужъ тогда, когда черкасы заняли сумскія маетности, путивльцы кинулись на югъ. Мы знаемъ, что столкновенія ихъ съ черкасами кончались не всегда благополучно. Но тѣ путивльцы, которые ушли на югъ уѣзда, въ лицѣ черкасъ получили одну громадную выгоду: благодаря черкасамъ, съ охотой шедшимъ въ подданство, южные путивльцы скоро сдѣлались крѣпостниками. Заманивая къ себѣ черкасъ разными льготами, они съумѣли во времена Екатерины II обратить ихъ въ простыхъ крѣпостныхъ. Изобиліе крѣпостныхъ дало возможность южнымъ путивльцамъ продолжать службу и тѣмъ поддержать дворянскую линію. Иное мы видимъ на сѣверѣ. Лица, бросавшія службу, уходили изъ г. Путивля и, поселяясь на Путивльскомъ полѣ, брались за соху въ громадномъ большинствѣ случаевъ самолично, безъ помощи рабовъ, которыхъ здѣсь было очень мало, хотя больше, чѣмъ въ Старомъ Осколѣ (Миклашевскій). Это обстоятельство скоро сдѣлало путивльскихъ хуторянъ простыми однодворцами, хотя въ теченіе всего XVII вѣка московское правительство высылало ихъ на службу.

Всматриваясь въ таблицы Путивльскаго сборника, мы видимъ на сѣверѣ уѣзда массу хуторовъ: они раскинуты въ шести волостяхъ, хотя подавляюще преобладаютъ въ четырехъ. Если принять ту регистрацію, которую мы видимъ въ сборникѣ, то получится, считая съ двумя метрополіями—г. Путивлемъ и слоб. Борисоглѣбской—всего 78 общинъ. Но врядъ ли эта регистрація вѣрна: въ сборникѣ соединено иногда по нѣскольку хуторовъ въ одну общину. Это сдѣлано вѣроятно согласно владѣннымъ записямъ; но кто же поручится, что для соединенія такихъ хуторовъ у составителей «владѣнныхъ» были достаточныя основанія? Собственно говоря, это одна сложная община, состоящая изъ 2.350 дворовъ съ 17.220 десятинами четвертной земли. Въ среднемъ на одну общину едва приходится 30 дворовъ. Но всѣхъ хуторовъ считается 130, значитъ на одно поселеніе не больше 18 дворовъ. Изъ этихъ 130 хуторовъ только 17 или $13_{,1}\%$ носятъ общія названія, наприм., Чаплище, Сбоище, Антыки, Стрѣльники, Казачья Оксановка, Нов. Гончары, Жары, Боярскіе Лежачи; сюда же сопричислены: г. Путивль, слоб. Борисоглѣбская, Солдатская и проч. Остальныя 113 названій соотвѣтствуютъ фамиліямъ заимщиковъ: въ большинствѣ случаевъ названіе хутора воспроизводитъ прямо фамилію, наприм., хуторъ Почепцевъ, Щекинъ, Вощининъ, Зезюлинъ, Плаксинъ, Брежневъ, Сыромятниковъ, Радинъ, Плохихъ, Фанталинъ, Лукинъ и т. д. Рѣже къ слову деревня прибавляется уже суффиксъ «а» или «ка», напр., д. Вороновка, а рядомъ х. Воронинъ, с. Князево, а рядомъ х. Князевъ, дд. Кривоносовка, Моисѣевка, Козловка, Бунякина, Забѣлина и т. д. Изъ этихъ 113 случаевъ только два раза хуторамъ даны названія не по фамиліямъ, а по крестному имени, именно: хут. Ильинскій и Ивановскій. Изученіе

этихъ названій позволяетъ намъ прійти къ кое-какимъ выводамъ. Изъ 113 фамилій шесть повторяются два раза (х. Бровкинъ, Воронинъ, Калачниковъ, Пылевъ, Ромашевъ и Щекинъ); къ нимъ же надо присоединить с. Князево и хут. Князевъ; затѣмъ также часть фамилій повторяется по три раза (Вальковъ, Голубковъ, Почепцовъ, Радинъ, Соловьевъ и Смолянинновъ) и, наконецъ, фамилія Сахаровъ присвоена четыремъ хуторамъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ; остальныя 77 фамилій встрѣчаются по 1 разу. Очевидно, метрополія, высылавшая изъ себя заимщиковъ, была населена предками всѣхъ этихъ фамилій. Эта высылка происходила въ разное время и въ разныя мѣста: одинъ родъ плодился больше и, отличаясь подвижностью, высылалъ больше заимщиковъ, таковы были роды Сахарова, Валькова, Голубкова, Почепцова и т. д., другіе были менѣе подвижны и, наконецъ, навѣрно были такіе, которые вовсе не двинулись изъ метрополіи или, двинувшись, пристали къ образовавшимся уже хуторамъ. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ данныхъ мы можемъ только утверждать, что въ метрополіи было не менѣе 90 фамилій, а на основаніи писцовой книги 1628 г. мы должны допустить, что ихъ было во всякомъ случаѣ не болѣе 164. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ новоселами, только-что пришедшими на новыя мѣста, то нужно допустить, что ко времени составленія писцовыхъ книгъ многіе дворы успѣли уже раздѣлиться, что мы и видѣли въ жалованной грамотѣ Молчанскаго монастыря. Сличая фамиліи, встрѣчающіяся въ этой грамотѣ, мы кромѣ Забѣлина и Вощинина находимъ еще Некрасова и Волынцева; да нынѣшній х. Ширяевъ напоминаетъ фамилію Жиряева; затѣмъ въ грамотѣ есть еще 13 фамилій, но многія изъ нихъ, какъ, наприм., Череповъ, Барсуковъ, Бобрищевъ, Кононовъ въ однодворцы очевидно не попали. Путивльскія фамиліи въ своемъ большинствѣ этимологически должны быть отнесены къ великорусскимъ (напр., кромѣ помянутыхъ, Быковъ, Ведерниковъ, Горбовцовъ, Дехтеревъ, Зезюлинъ, Кардашевъ, Котовъ, Лобовъ, Маклаковъ, Минаковъ, Посѣвкинъ, Пѣшковъ, Пищиковъ, Рыбкинъ, Смолинъ, Семейкинъ, Суворовъ, Стоборовъ, Сычевъ, Сосковъ, Чичиневъ, Щегловъ и Юдинъ). Только въ двухъ случаяхъ мы видимъ какъ бы татарскія фамиліи въ названіяхъ деревень Алѣевой и Бунякиной; внѣ хуторской части уѣзда въ сѣверномъ углѣ мы находимъ еще д. Эмадыкину, а по сосѣдству въ Рыльскомъ уѣздѣ дер. Урусы. Все это быть-можетъ первоначально занято было служилыми татарами. Но если татары осѣли здѣсь, то про польскій элементъ этого сказать нельзя вовсе: мы имѣемъ только два названія хуторовъ, напоминающихъ какъ бы нѣчто польское, именно—х. Бабтенковъ и х. Чемиговъ. Но кто поручится, что эти фамиліи польскаго происхожденія? Черкасы также отсутствуютъ здѣсь. Не видимъ мы здѣсь и обычныхъ однодворческихъ великороссійскихъ фамилій,—нѣтъ здѣсь ни Овсянниковыхъ, ни

Волобуевыхъ, ни Кононыхиныхъ, ни Сергѣевыхъ и Пашковыхъ. Очевидно сюда мало шли изъ Орловской и Рязанской губерній, здѣсь было свое населеніе, подновленное быть можетъ изъ Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго.

Въ сѣверномъ углѣ уѣзда, внѣ пояса путивльскихъ хуторовъ, мы видимъ всего шесть четвертныхъ общинъ, при полномъ отсутствіи общинъ душевыхъ (кромѣ крѣпостныхъ, конечно). Кромѣ татарскаго селенія Эмадыкиной, мы видимъ здѣсь еще четыре фамильныхъ названія и всего одно общее. Все однодворческое населеніе этихъ общинъ едва достигаетъ 104 дворовъ, то-есть $17_{,3}$ двора въ среднемъ; очень можетъ быть, что и здѣсь живутъ выходцы изъ Путивля, но этого мы не знаемъ.

Про южное четвертное селеніе Стар. Виры мы уже говорили; про Рыжевку, имѣющую всего 6 дворовъ намъ ничего неизвѣстно, но о третьемъ селеніи Духановкѣ, Кротовой Дубровѣ тожъ, у насъ имѣются важныя данныя. Прежде всего у насъ есть копія съ царской грамоты 1674 года: это—выпись съ царскаго указа на владѣніе оброчной статьей. Копія съ нея списана неудачно, съ большими пропусками и съ неразобранными мѣстами, но тѣмъ не менѣе содержаніе ея проливаетъ свѣтъ на особенность путивльскаго землевладѣнія и разрѣшаетъ вопросъ о заселеніи хуторянской части уѣзда. Мы воспроизведемъ здѣсь копію въ томъ видѣ, какъ имѣемъ ее.

«Царя и вел. князя Алексѣя Михайловича всея вел. и м. и б. Россіи самодержца въ Путивль стольнику нашему и воеводѣ князю Вл. Ив. Волконскому и дьяку нашему Ивану Малахову (?). Били челомъ намъ В. Г. путивльскіе верстанные казаки Ивашка Григорьевъ сынъ Ми.... Сенька Савельевъ сынъ Дружининъ, Ивашка Ѳедоровъ сынъ Меньшиковъ, Петрушка Ивановъ сынъ..... Митюха Семеновъ сынъ Вязовиковъ, Логвинко (?) Агѣевъ сынъ Шуруповъ,..... Ермаковъ,..... Евфимовъ..... Бобылевъ,.... Монагоревъ,..... Требуховъ,..... Евпелевы,..... Внуковы,..... Плѣшиловъ,..... Рудаковъ..... всего тридцать человѣкъ, что они ему Великому Государю многія лѣта збояры и воеводы служили, и были на бояхъ и на приступѣхъ, и въ полону они бывали, а нашего жалованья помѣстей за ними нѣтъ не по единой чети, и служить имъ стало не въ мочь, пашенной у нихъ земли нѣтъ, а прежде сего давано имъ наше годовое денежное жалованье, ежегодь по 12 рублей, и то денежное жалованье имъ отказано: велѣно имъ служить съ земли. А въ прошлыхъ де годахъ по нашему В. Г. указу дана имъ изъ приказу большого дворца оброчная земля дикое поле съ бортными ухожеями, съ хоромнымъ и дровянымъ лѣсомъ и съ сѣнными покосы, съ озеромъ Куничевымъ—Гаврилѣ Спицину съ товарищи; оброку съ тѣхъ дикихъ полей было по 3 пуда съ половиною меду... а та де оброчная земля дикое полѣ въ Путивльскомъ уѣздѣ въ Мужецкой волости, на низъ рѣки Семи за перевозомъ, за Бѣлыми Бе-

регами промежъ Кротовой Дубровы, и та де Дуброва опустѣла—бортнаго дерева нѣтъ, высѣкли... медвянаго оброку добыть стало негдѣ; и въ нынѣшнемъ 182 году (1674) билъ челомъ ему В. Г. на ту ихъ оброчную землю на дикое поле на Кротову Дуброву въ помѣстномъ приказѣ Путивлецъ Петръ Кузьминъ Бокатовъ, умысля своимъ воровскимъ умысломъ и ложнымъ челобитьемъ, назвалъ онъ Петръ, ту ихъ землю оброчную Кротову Дуброву пустошью, и ни у кого де та пустошь и дикое поле не въ дачахъ; и на оброкъ напередъ сего никому не отдана и никто ею не владѣетъ; и по его де Петрову воровскому умыслу и ложному челобитью дана ему изъ помѣстнаго приказу сыскная и отказная грамота, и по той де нашей грамотѣ, а по его Петрову ложному челобитью, они въ Путивлѣ оспорили, отказывать ему Петру той земли до нашего указу ему не дали. А въ Путивльскихъ писцовыхъ книгахъ Петра Мусорскаго да подьячаго Гаврилы Федорова 136 и 137 года написана та оброчная земля дикое поле и съ бортными ухожеями за ними, и противъ его же ложнаго челобитья въ Путивл. писцовыхъ книгахъ той пустоши въ порозшихъ земляхъ не написано; и ему бы В. Г. пожаловать велѣть имъ за ихъ многія службы и за кровь и за раны ту ихъ оброчную старинную землю дикое поле, какъ они прежъ сего владѣли, отдать имъ въ помѣстье и въ оброкъ вмѣсто денежнаго жалованья, и оброку де они съ той земли станутъ платить деньгами по три рубля съ полтиною, чтобъ имъ, служа нашу службу, было чѣмъ прокормиться и чтобъ имъ отъ него Петра въ конецъ не погибнуть... И въ Путивльскихъ писцовыхъ книгахъ письма и дозору Петра Мусорскаго написано за донскими казаками за есауломъ за Гавриломъ Еремѣевымъ сыномъ Спицынымъ съ товарищи всего за 30 за 6 человѣками блаженныя памяти отца нашего В. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Федоровича, по грамотѣ и сказкѣ изъ приказа Большаго дворца и за приписью дьяка Алексѣя Иванова 134 году, Мужецкой волости за рѣкой за Семью противъ Бѣлыхъ Береговъ Кротова Дуброва селище на озерѣ Куничевѣ съ хоромнымъ и дровянымъ лѣсомъ... была на оброкѣ за Стапаномъ Золоторевымъ... платилъ Золотаревъ 2 пуда меду да куницу, а Гаврило Спицынъ съ товарищи съ того прежняго оброку наддалъ новыя наддачи полтора пуда, обоего три съ половиной пуда да куницу... И какъ къ вамъ сея наша грамота придетъ и вы Путивльцамъ верстаннымъ казакамъ Ивашку Григорьеву съ товарищи, кто писаны выше сего, въ Путивльскомъ уѣздѣ Кротову Дуброву и дикое поле, противъ писцовой книги письма и мѣры Петра Мусорскаго, велѣли бы отдать въ помѣстье вмѣсто ихъ годоваго жалованья, а оброку имъ съ той Кротовой Дубровы... противъ нашего В. Г. указу и соборнаго уложенья и противу примѣру, велѣно имъ платить по три рубли съ полтиною... а Петру Бокатову отказали-бъ»...

Эта грамота интересна для насъ съ двухъ сторонъ: въ ней характерно

обрисовываются правоотношенія къ землѣ вообще и процессуальныя формы въ частности; съ другой стороны она рельефно выставляетъ намъ и бытовыя особенности.

Прежде всего насъ поражаетъ нѣкое исключеніе изъ общаго правила: дикое поле съ ухожьями отдается вмѣсто денежнаго жалованья въ помѣстье, но съ платежомъ оброка; казаки называются «верстанными», но жалуются, что царскаго жалованья «помѣстій за ними нѣтъ ни по единой чети». Эти противорѣчія объясняются особенностью взгляда московскаго правительства на путивльскія волости. Оныя считаются извѣчной вотчиной Московскаго царя: бортные ухожеи, рыбныя ловли, бобровые гоны, спуды и перевѣсы и всякія угодья въ нихъ принадлежатъ царю—вотчиннику, и эксплуатація ихъ отдается на оброкъ изъ наддачи. До 1626 года ухожьемъ въ Мужецкой волости Путивльскаго уѣзда въ урочищѣ Кротовой Дубровѣ владѣлъ Степанъ Золоторевъ; съ этого года донскіе казаки, служившіе въ Путивлѣ, во главѣ со своимъ есауломъ въ количествѣ 36 человѣкъ сдѣлали наддачу и урочище поступило въ ихъ пользованіе. Когда прекращено было денежное жалованье, казаки выпросили себѣ эту Дуброву въ помѣстье, но не на общемъ основаніи, а съ платежомъ оброка. До того значитъ вкоренилось представленіе о принадлежности ухожьевъ высокому вотчиннику, что испомѣщаемые ими не смѣли претендовать на безоброчное пользованіе: они только просятъ замѣнить натуральный оброкъ, шедшій медомъ,—деньгами. Напрасно они называютъ Дуброву дикимъ полемъ, напрасно подчеркиваютъ то обстоятельство, что въ данномъ урочищѣ бортныхъ деревьевъ уже нѣтъ—высѣчены, напрасно всѣмъ этимъ намекаютъ на своевременность отдачи этой Дубровы въ безоброчное пользованіе, какъ простое помѣстье,—Приказъ Большаго Дворца всеравно не выпуститъ доходной статьи изъ своихъ рукъ. Этотъ частный случай напоминаетъ намъ лишь объ общемъ правилѣ московской финансовой и поземельной политики: помѣстье, въ коемъ была доходная статья, почти всегда отдавалось съ платежомъ оброка. Если это правило повидимому очень рѣдко примѣнялось на Украйнѣ, то конечно только потому, что дикія поля и дѣвственныя лѣса Украйны были плохо изслѣдованы дозорщиками и писцами. Въ старинныхъ же вотчинахъ Московскаго царя всѣ доходныя угодья были давнымъ-давно наперечетъ описаны и усчитаны и всегда сдавались на оброкъ изъ наддачи. Это не мѣшало владѣть ими на помѣстномъ правѣ, называться за такое владѣніе «верстаннымъ» и называть объектъ такого владѣнія «своею старинною оброчною землю». При такомъ владѣніи субъектъ представлялъ нѣчто среднее между оброчникомъ и помѣщикомъ, и московская политика чувствовала этотъ диссонансъ и старалась сгладить его въ пользу расширенія помѣстнаго права: ради этого, то-есть ради службы, старались не примѣнять наддачи и часто сбавляли оброчные взно-

сл. На Путивльскомъ примѣрѣ мы видимъ, что переторжекъ не было съ 1626 года по 1676 то-есть 50 лѣтъ; по истеченіи такого долгаго срока вмѣсто $3^1/_2$ пудовъ меда разрѣшено было,—правда, по особому указу,—взимать 3 р. 50 к. Такое уклоненіе въ финансовой политикѣ при московскомъ безденежьи легко объясняется болѣе высокими соображеніями. Черкасамъ, какъ извѣстно, отданы были путивльскіе ухожеи и бѣлогородскіе юрты задаромъ, отданы не въ помѣстье даже, а въ вотчину: тяжело было при такихъ обстоятельствахъ задѣлять великоросійскихъ украинцевъ, тѣмъ болѣе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Польшей, какъ въ Путивлѣ.

Что касается процессуальной стороны этого дѣла, то она не представляетъ сомнѣній. Путивлецъ П. Бокатовъ, вѣроятно сынъ боярскій, пріискалъ себѣ помѣстье въ Кротовой Дубровѣ и билъ челомъ о немъ въ помѣстный приказъ. Послѣднему трудно было навести справку, ибо Кротова Дуброва была въ вѣдѣніи Большого Дворца. Но это формальная отговорка; обиженные казаки совершенно основательно указали въ своемъ челобитьи на то, что это урочище по писцовымъ книгамъ не показано «въ порожихъ земляхъ»,—это долженъ былъ знать помѣстный приказъ, и если не зналъ, то конечно за хорошій посулъ со стороны Бокатова. Ложный пріискъ Бокатова, получившаго Кротову Дуброву въ помѣстье, причинялъ убытокъ казнѣ, такъ какъ оброчная статья ускользала, и ставилъ прежнихъ владѣльцевъ въ безвыходное положеніе, отнимая у нихъ «старинную землю». Мы уже знаемъ, что къ концу царствованія царя Алексѣя и при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ такихъ ложныхъ челобитчиковъ на Украйнѣ была масса, и знаемъ также, чѣмъ кончились эти кляузныя дѣла. Здѣсь же намъ придется остановиться на другой сторонѣ этого явленія. Изъ этого пріиска мы узнаемъ, что путивльцы въ послѣдней трети XVII вѣка кинулись за Семь и старались тамъ осѣсть. Этому мѣшало вышеприведенное воззрѣніе на путивльскія волости, какъ на государевы вотчины; слѣдовательно слабое движеніе путивльцевъ на югъ нельзя объяснять исключительно одною нерѣшимостью севрюковъ, была и другая причина. Въ грамотѣ П. Бокатовъ выставленъ какъ ложный челобитчикъ, посягавшій воровскимъ умысломъ захватить чужую землю, — но ниоткуда не видно, чтобы казаки уже жили въ Кротовой Дубравѣ, а стало быть П. Бокатовъ могъ быть введенъ этимъ обстоятельствомъ въ заблужденіе: онъ видѣлъ дѣйствительно пустошь, повидимому никѣмъ незанятую. И казаки ни словомъ не обмолвились, что они живутъ тамъ и «дворы поставили». Значитъ въ Кротовой Дубровѣ, Духановкѣ тожъ, не было жилищъ въ 1674 году. Многіе изъ перечисленныхъ въ грамотѣ такъ и не переселились въ Духановку. Такъ изслѣдователь сдѣлалъ надъ фамиліями слѣдующія отмѣтки: Дружининъ (есть), Меньшиковъ (перешло къ Бубновымъ), Вязовиковъ (?), Шуруповъ (?), Ермаковъ (есть), Евфимовъ (?), Бобылевъ (есть),

Монагоревъ (есть въ Путивлѣ), Требуховъ (есть), Евпелевы (нѣтъ), Внуковы (были, землю продали), Плѣшивовъ (есть), Рудаковъ (нѣтъ). Очень жаль, что нѣкоторыя фамиліи въ грамотѣ остались не прочитанными и всѣ не сопоставлены съ нынѣшними фамиліями жителей Духановки. Характерная прибавка къ фамиліи Монагоревъ, что она есть въ Путивлѣ, подтверждается тѣмъ, что въ жалованной грамотѣ Молчанскому монастырю упоминается «пашня Сергѣя Монагорова» [1]). Незначительная разница въ правописаніи очень понятна. Указаніе на Моногорева, оставшагося въ Путивлѣ, даетъ намъ возможность предположить, что въ Духановку перешли потомки далеко не всѣхъ 36 казаковъ, бывшихъ въ товарищахъ съ есауломъ Спицинымъ. Но оставаясь въ Путивлѣ, казаки съ теченіемъ времени должны были попасть въ разрядъ однодворцевъ, хотя бы и не имѣли тамъ земли. При Екатеринѣ II они могли получить пятнадцати десятинную пропорцію на душу, и тогда бы мы видѣли навѣрно душевую слободу, но таковой нѣтъ подъ Путивлемъ и то, что есть, принадлежало къ разряду экономическихъ крестьянъ. Но мы знаемъ, что у Моногорова была пашня на р. Ольшаницѣ, недалеко отъ с. Берюха, а это село лежало въ концѣ Путивльскаго поля. Значитъ и казаки владѣли здѣсь. Но, къ сожалѣнію, на основаніи этого единственнаго и притомъ неяснаго случая нельзя сдѣлать положительнаго вывода. Наоборотъ, намъ извѣстны изъ приведенной грамоты 15 казацкихъ фамилій, изъ нихъ завѣдомо шесть до сихъ поръ владѣютъ въ Духановкѣ, но ни одна казацкая фамилія не совпадаетъ съ названіемъ путивльскихъ хуторовъ,—значитъ, хутора эти основаны не казаками, а другимъ разрядомъ, вѣроятно дѣтьми боярскими. Такимъ образомъ не будетъ большой ошибкой предположить, что Путивльское поле принадлежало исключительно дѣтямъ боярскимъ, и въ занятіи этого поля хуторами путивльскіе казаки не могли принять непосредственнаго участія: дѣти боярскія не пустили бы ихъ также, какъ казаки не пустили путивльца Бокатова; отдѣльныя личности изъ казаковъ, вродѣ Моногорова и Данкова, пробивались туда, но не иначе, какъ путемъ позятьевщины, а позднѣе—съ купчей въ рукахъ. При такомъ рѣшеніи вопроса существованіе двухъ отдѣльныхъ обществъ въ г. Путивлѣ и слоб. Борисоглѣбской остается неразъясненнымъ: у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы рѣшить вопросъ, кто населяетъ Путивльское общество и кто Борисоглѣбское. Очень можетъ быть, что это дѣленіе—лишь продуктъ позднѣйшихъ административныхъ распоряженій. Мѣстныя изслѣдованія отмѣтили еще нѣсколько особенностей въ Кротовой Дубровѣ. Вотъ что записано въ поселенномъ бланкѣ по этому селенію: «Земля была записана на 22 товарища по 75 четвертей, товарищи назывались верстанными казаками и

---

[1]) Труды Кур. стат. ком. т. I, стр. 566.

земля была подарена за заслуги. Теперь нѣтъ 22 фамилій, вѣроятно земля нѣкоторыхъ отошла къ помѣщикамъ или была продана. Есть документъ называемый крестьянами окружною крѣпостью». Эта запись не находится въ противорѣчіи съ царской грамотой и сдѣланными нами выводами выше. Конечно, современные жители считаютъ, что земля была имъ подарена, тогда какъ она была у нихъ на оброкѣ и вѣроятно вплоть до учрежденія ландмилицкаго подушнаго сбора, когда она опять-таки стала оброчною, хотя уже по другому основанію. Но какъ понять, что земля была «записана» на 22 товарища, когда намъ документально извѣстно, что ихъ было 36. Вѣроятно это свидѣтельство относится къ болѣе позднему времени, когда часть казаковъ, оставшаяся въ Путивлѣ, окончательно отказалась отъ Духановской земли. Всей земли въ Духановской дачѣ по этому счету было 1.650 четвертей, по 75 четв. на человѣка. Считая эту землю на 36 товарищей, получимъ на одного около 45 четв.: надѣленіе обычное для казаковъ, стрѣльцовъ и пушкарей. Изъ показаній крестьянъ мы узнаемъ куда дѣлась эта земля и отчего нынѣ за Духановкой остается всего 554 десят. Часть земли ушла къ помѣщикамъ; стало-быть часть казаковъ попала въ число дворянъ, что было такъ легко послѣ реформы Петра; другая часть земли была продана, конечно, въ XVIII вѣкѣ. Когда въ 1859 году наступило спеціальное размежеваніе, на остающихся духановцевъ пришлось только 554 десятины (около 3 дес. на налич. душу). Изслѣдователемъ записана техника разверстки этой земли послѣ размежеванія. «Прежде всего раздѣлили землю на три клина, потомъ каждый клинъ разбили на десятины по 30×80 и 40×60. Вышли затѣмъ на поле всѣмъ обществомъ и безъ жеребья разбирали: у кого земли мало, тотъ получалъ въ двухъ мѣстахъ ближе къ селу; тотъ, у кого было всего три десятины, получалъ съ такимъ же товарищемъ одну десятину въ первомъ мѣстѣ и другую во второмъ, и дѣлились межъ собой, какъ знали. Затѣмъ, удовлетворивши малоземельныхъ поближе къ селенію, хозяева имѣвшіе земли побольше, получивъ въ первомъ и во второмъ мѣстѣ по одной десятинѣ, «переступали» дальше и брали себѣ тоже по десятинѣ. Наконецъ, широкодачники остались одни и разобрали остальное, причемъ брали по двѣ и по три десятины сряду. Поэтому въ Духановкѣ нѣтъ правильныхъ ярусовъ: иной пашетъ въ четырехъ мѣстахъ, иной въ семи». Мы уже говорили, что такая подесятинная разверстка примѣнялась послѣ спеціальнаго размежеванія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оказывалась лишняя, примѣрная такъ сказать, земля. Малоземельные въ этомъ случаѣ или не успѣли сообразить, что имѣется излишекъ, или были приведены въ соблазнъ полученіемъ земли по близости къ усадьбѣ и въ округленномъ видѣ, а не узкими полосками. Излишекъ въ этомъ случаѣ весь попадалъ въ руки міроѣдовъ-широкодачниковъ. Мы знаемъ, что и въ этихъ случаяхъ обыкновенно примѣняется жеребій, но въ Духановкѣ его не было вѣ-

роятно потому, что селеніе это поднесь невелико, всего 58 дворовъ, а въ 1859 году было, конечно, еще меньше. Этотъ способъ разверстки, не отличаясь особенными хозяйственными удобствами, окончательно убиваетъ четвертное право съ его уравнительностью. Но четвертное право въ Духановкѣ давно вылилось въ особую форму, чему содѣйствовало вліяніе близости Польши: такъ здѣсь «изъ предковъ» выдѣляютъ сестрамъ при выходѣ замужъ четвертую часть земли. Правда, что теперь при наступившемъ малоземельи, по отзыву крестьянъ, стали обходить этотъ обычай, сводить его на денежное приданое и на водку, но старый обычай еще живъ. Въ книгѣ договоровъ Гвинтовской волости отъ 1875 года мать Ирина Требухова въ присутствіи сельскаго схода дала подписку въ томъ, что принадлежащую ей землю четвертнаго права въ Духановской дачѣ *за исключеніемъ отданныхъ трехъ десятинъ замужней дочери*, подѣлила между сыномъ и внукомъ-сиротой, съ тѣмъ, чтобы они докормили ее до смерти».

Выдѣленіе сестрамъ четвертой части очевидно позаимствовано здѣсь изъ Литовскаго Статута [1]); нынѣшній Путивльскій уѣздъ несомнѣнно имѣлъ тѣсную связь съ сосѣдней Черниговской и Полтавской губерніями, а въ оныхъ не только по обычаю, но и по дѣйствующему законодательству господствуетъ описанный порядокъ (см. X т. I ч. зак. граж., ст. 1005, п. 2). Это въ свою очередь подтверждаетъ высказанную нами мысль, что Путивльская Духановка хотя оффиціально и считается «четвертной» деревней, однако же въ ея форму владѣнія занесено чуждое вліяніе.

Итакъ, многодворная заимка южнаго типа въ д. Духановкѣ не только не развилась въ душевую общину, но утратила даже ту общинную связь, какую представляетъ четвертное право.

Душевое село Бочечки, лежащее также въ Засемьи и имѣющее нынѣ громадное населеніе въ 500 дворовъ, поставило бы насъ въ серьезное затрудненіе при опредѣленіи формы ея владѣнія. Но, къ счастью, у Д. И. Багалѣя мы узнаемъ, что въ 1680 году гетманскіе посланцы, жалуясь на уходъ черкасъ въ новопостроенныя русскія слободы, указывали на три селенія Путивльскаго уѣзда: Бочечки, Казацкую Дуброву и Грузеное [3]). Послѣднее изъ нихъ нынѣ называется Грузскимъ и населено крѣпостными. Подъ Казацкой Дубровой надо разумѣть нынѣшнее село Казаки—Свѣчкино тожъ, также заселенное крѣпостными. Очень можетъ быть, что черкасы, осѣвшіе въ этихъ селеніяхъ, были пожалованы Линденеру, но могли и въ самомъ началѣ осѣсть за тамошними помѣщиками. Жители села Бочечки остались свободными и нынѣ владѣютъ на душевомъ правѣ. Эти черкасы не попали ни въ Хрущевскую опись, ни въ опись 1773 года: очевидно,

---

[1]) Лит. Стат. разд. III, арт. 17, и разд. V, арт. 3 и 19.

[2]) Очерки исторіи колониз., т. I, стр. 414.

поселившись въ предѣлахъ Путивльскаго уѣзда, они подчинились великороссійскому укладу и мало-помалу превратились въ однодворцевъ. Когда произошелъ у нихъ переходъ съ четвертей на души, мы вовсе не знаемъ.

Этимъ можно было бы закончить описаніе Путивльскаго уѣзда, но въ немъ мы имѣемъ еще 11 крупныхъ душевыхъ селеній. Все это бывшіе экономическіе крестьяне, такъ называемые «горюны». Одна община, именно душевая часть сл. Борисоглѣбской, въ началѣ XVII вѣка, какъ видно изъ писцовой книги 1626 года [1]), стояла на церковной землѣ, населена была бобылями, которые оброкъ платили «попамъ». Нынѣ въ ней всего 36 дворовъ. Всѣ остальныя, какъ пригороднія слободы Подмонастырская съ Хоревкой, Духовская и Троицкая, такъ и удаленныя отъ города с. Линево, Святое Озеро, Новая Слобода, Бывалина, Берюхъ, принадлежали Путивльскому Молчанскому монастырю. Все это подтверждается документально: нѣтъ прямого указанія лишь про одну д. Скуносову, расположенную за Семью недалеко отъ Путивля. Богатый Молчанскій монастырь еще въ началѣ XVII вѣка имѣлъ очень много крестьянъ и бобылей и никогда не брезгалъ принимать новыхъ, даже бѣглыхъ. Такъ послѣ литовскаго разоренья много посадскихъ людей изъ Путивля, «бѣгая съ посаду, жили за Молчанскимъ монастыремъ», ихъ пришлось въ 1626 году водворить снова на посадѣ [2]). Есть преданіе, что во второй половинѣ XVII вѣка этотъ монастырь закрѣпостилъ не только много черкасъ, но и массу бѣлорусовъ, бѣжавшихъ отъ польскихъ притѣсненій. Вотъ этихъ-то бѣлорусовъ и стали называть за ихъ горькую бѣдность и убожество «горюнами», затѣмъ названіе это распространительно стало примѣняться ко всѣмъ монастырскимъ крестьянамъ Путивльскаго уѣзда.

Разобравшись съ путивльскими общинами, попробуемъ подсчитать ихъ по тѣмъ группамъ, кои намѣчены нами и приведемъ экономическія показатели:

	Общинъ.	Дворовъ.	Земли на душу.	% безхозяйныхъ.	% безлошад.
Четвертные сѣвернаго угла . .	6	104	2,7	0,9	23,0
Хутора Русчины	78 (130 х.)	2.350	2,6	17,2	31,0
Четвертные Засемья.	3	126	2,3	3,1	23,0
Душевые „	3	745	2,1	0,9	7,6
Экономическіе (горюны)	11	1.564	2,3	15,3	24,8
Итого . .	101	4.889	2,3	13,4	25,1

Наибѣднѣйшими при лучшемъ надѣленіи оказываются все-таки четвертные хуторяне. Въ Путивльскомъ сборникѣ проведены детальныя сопо-

---

[1]) См. у Миклашевскаго „Истор. хоз. быта“, стр. 96.

[2]) Ibid. 95.

ставленія по всѣмъ отраслямъ хозяйства и всюду хуторяне оказываются бѣднѣе другихъ разрядовъ [3]). Такимъ образомъ, тотъ, кто мечтаетъ о подворномъ владѣніи съ разселеніемъ по хуторамъ, глубоко ошибается, думая, что такимъ разселеніемъ на «свою» землю можно улучшить экономическое положеніе крестьянъ; напротивъ, примѣръ путивльскихъ хуторовъ воочію убѣждаетъ насъ въ томъ, что даже такая несовершенная община, какую даетъ четвертное право, лучше обезпечиваетъ положеніе крестьянъ, чѣмъ полная изолированность, какую проповѣдуютъ индувидуалисты въ родѣ современныхъ марксистовъ.

ГЛАВА XI.

Продолженіе изслѣдованій по Курской губерніи.

Г. Бѣлгородъ, какъ центръ Бѣлгородской черты. Группировка общинъ по нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія. Топографическіе районы. Распространенность дворового владѣнія. Душево-четвертная форма и слѣды четвертного права въ душевыхъ общинахъ. Пригороднія слободы и форма владѣнія въ нихъ. Переходы съ четвертей на души. Несостоявшіеся переходы. Исторія заселенія Бѣлгородскаго уѣзда. Взглядъ И. Н. Миклашевскаго на формы владѣнія XVII вѣка. Описаніе нѣкоторыхъ четвертныхъ общинъ Бѣлгородскаго уѣзда. Многодворная заимка, ея преобладаніе. Рѣдкость разнофамильной заимки. Однофамильныя родовыя общины. Сочетаніе формъ заимки съ формами землевладѣнія. Экономическія данныя. Старооскольскій уѣздъ. Неподвижность его однодворческаго населенія. Душево-четвертная форма. Сочетаніе заимокъ съ нынѣшними формами землевладѣнія. Экономическія сопоставленія.

Въ предстоящей главѣ, минуя нѣсколько уѣздовъ прилегающихъ къ описанной части Курской губерніи, мы прямо перешагнемъ въ центръ Бѣлгородской черты къ главному ея городу. Читатель согласится съ нами, что такой нашъ переходъ обусловливается не только удобствомъ изложенія, но и еще кое-чѣмъ, о чемъ нужно упомянуть здѣсь же. Извѣстно, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ, заручившись согласіемъ земскаго собора, выдвинулъ украинскую черту далеко на югъ; царь Борисъ еще раньше зашелъ такъ далеко, построивъ городъ Царевъ-Борисовъ, что удержаться тотъ городъ не могъ и скоро запустѣлъ. Въ обоихъ случаяхъ въ тылу русскихъ аванпостовъ оставались дикія поля, никѣмъ незаселенныя, ничѣмъ неукрѣпленныя и потому удобныя для набѣговъ татарскихъ. Конечно, было бы странно дожидать, пока заселятся эти необъятныя степи, легче и политичнѣй было захватить ихъ какъ можно больше, укрѣпиться на крайнихъ пунктахъ и, сосредоточивъ тамъ главныя военныя силы, дать возможность мирному населенію подъ сильнымъ прикрытіемъ поселиться и раз-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., вып. VII, стр. 17—23.

множиться въ отвоеванномъ краѣ. И царь Борисъ вовсе не ошибался въ своихъ разсчетахъ, шагнувъ такъ далеко на югъ; еще меньше ошибался царь Михаилъ, ибо онъ и шагнулъ-то сравнительно недалеко и рядомъ съ возведеніемъ пограничныхъ укрѣпленій сильно заботился о скорѣйшей колонизаціи захваченной территоріи. Главная роль, какъ въ укрѣпленіи Бѣлгородской черты, такъ и въ заселеніи Украйны, выпала на долю украинцевъ дѣтей боярскихъ, то-есть низшихъ служилыхъ чиновъ Московскаго войска.

Въ то время, какъ укрѣплялась Бѣлгородская черта, прилегающая къ ней съ сѣвера территорія на значительномъ пространствѣ чуть не отъ самаго Курска и Ливенъ была почти вовсе не занята осѣдлыми жителями: это было такое же дикое поле какъ за чертой на югѣ, но это дикое поле именовалось уже «порозшею, государевою землею» чего нельзя было сказать про югъ: тамъ были только «юрты», и уже одно это татарское названіе [1]) свидѣтельствовало о спорности вопроса, кому принадлежитъ эта голая, безлюдная степь. По стратегическимъ, весьма понятнымъ соображеніямъ служилые люди испомѣщались землями вблизи Бѣлгородской черты и потребовалось много времени для того, чтобы заселить широкую промежность между г. Карповымъ, наприм., и Курскомъ, между Старымъ Осколомъ и Ливнами. Поэтому-то такіе уѣзды, какъ Обоянскій, Тимскій и часть Щигровскаго, заселились гораздо позже, чѣмъ Бѣллородскій, Старооскольскій и Валуйскій. По этой-то причинѣ и мы опускаемъ пока описаніе этихъ промежуточныхъ уѣздовъ и переходимъ прямо къ Бѣлгородскому.

Намъ нѣтъ надобности описывать Бѣлгородскую черту, она прекрасно описана Д. И. Багалѣемъ въ его «Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», да и цѣль наша, преслѣдующая спеціальный вопросъ о формахъ землевладѣнія, исключаетъ необходимость такого описанія. Мы приступимъ прямо къ изученію того матеріала, который имѣется въ Бѣлгородскомъ земско-статистическомъ сборникѣ. Этотъ матеріалъ заключается въ детальныхъ описаніяхъ отдѣльныхъ селеній; мѣстами онъ очень слабъ, но мѣстами не уступаетъ Елецкимъ описаніямъ. Для пополненія дефектовъ и неясностей, мы воспользуемся великолѣпными данными, относящимися къ началу XVII столѣтія, сгруппированными въ кингѣ И. Н. Миклашевскаго [2]).

Прежде всего разгруппируемъ селенія топографически, ради этого припомнимъ, что за чертой, состоявшей изъ дубовой стѣны съ надолбами и башнями, или изъ непроходимаго лѣса, топкихъ мѣстъ, болотъ и рѣчекъ,

---

[1]) Юртъ по татарски буквально значитъ зданіе, сооруженіе, потомъ переносно, заведеніе, угодье, ухожей.

[2]) Къ Истор. Хоз. Быта Моск. Госуд. ч. I М. 1894.

изъ рвовъ съ частиками и частоколами, изъ маленькихъ крѣпостей, засѣкъ и другихъ разныхъ укрѣпленій,—за этой чертой селиться долгое время воспрещалось, такъ какъ людьми все-таки дорожили. Заселеніе этой мѣстности началось не ранѣе половины XVII вѣка, когда немного южнѣе уже продвинулись черкасы. Опредѣлить самую черту въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ не представляется особенныхъ затрудненій, такъ какъ старые валы и рвы, бывшіе на чертѣ, сохранились до настоящего времени почти на всемъ своемъ протяженіи. Главный валъ идетъ отъ упраздненнаго нынѣ города Карпова, стоявшаго на р. Ворсклѣ, на границѣ нынѣшняго Гройворонскаго уѣзда, на юго-востокъ черезъ с. Болховецъ (также упраздненный городокъ) на Бѣлгородъ. Отъ Бѣлгорода къ востоку шло нѣсколько такихъ валовъ, изъ нихъ главный на Яблоново, но фактически чертою здѣсь считался Сѣверный Донецъ, на лѣвомъ берегу коего до впаденія р. Нежеголи и по московскому берегу этой рѣки не возбранялось селиться съ давнихъ поръ. Ради вящей безопасности здѣсь былъ поставленъ городъ Нежегольскъ. Такимъ образомъ чертою нынѣшній Бѣлгородскій уѣздъ дѣлился почти на равныя части: сѣверо-восточную до черты и юго-западную за чертой. Въ первой мы насчитываемъ нынѣ 56 общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и во второй всего 28. Сообразно съ этимъ бывшія крѣпостныя барщины распредѣляются какъ разъ наоборотъ: на сѣверо-востокѣ ихъ 48, а на юго-западѣ почти вдвое больше—82. Это явленіе намъ понятно: часть уѣзда за чертою лежащая заселялась позднѣе и засѣлялась больше крѣпостниками, чѣмъ служилымъ мелкимъ людомъ [1]).

По нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія общины быв. государственныхъ крестьянъ Бѣлгородскаго уѣзда распредѣляются такимъ образомъ:

	Сѣверо-западная часть уѣзда.		Юго-восточная часть уѣзда.	
Четвертныя	18	(32,1%)	11	(39,3%)
Душево-четвертныя . .	7	(12,5%)	1	(3,6%)
Душевыя со слѣдами четвертнаго права . . .	2	(3,6%)	3	(10,6%)
Душевыя	29	(51,8%)	13	(46,5%)
Итого . .	56	(100%)	28	(100%)

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что въ обѣихъ частяхъ Бѣлгородскаго уѣзда чистое душевое владѣніе установилось почти въ половинѣ общинъ; чистая же четвертная форма владѣнія сохранилась также почти въ равной мѣрѣ: въ сѣверо-восточномъ районѣ она удержалась въ 32% общинъ, то-есть менѣе чѣмъ въ трети; на юго-востокѣ же въ 39,3% немного болѣе

[1]) Не только по числу общинъ, но и по населенію, ихъ наполняющему, наблюдается то же соотношеніе: въ сѣверо-восточной части уѣзда насчитывается до 9,300 дворовъ быв. государственныхъ крестьянъ, тогда какъ въ юго-западномъ всего 4,106 дворовъ.

чѣмъ въ трети. Но всѣ эти процентныя отношенія значительно измѣнятся, если мы исключимъ изъ общато счета бывшія монастырскія общины. Къ счастью мы имѣемъ полную возможность произвести такое исключеніе, такъ какъ въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда въ сборникѣ не сказано про исторію общины, мы имѣемъ возможность пополнить дефектъ по указаніямъ Багалѣя и Миклашевскаго. Такимъ образомъ исключенію подлежатъ на юго-востокѣ сл. Новотроицкая, Красная тожъ, Пушкарской вол. и хут. Угрюмъ, Безсоновской, по даннымъ сборника (стр. 16 и 95), село Старица по указанію Багалѣя (Очерки, 118 и 364) и д. Огурцова, на основаніи указаній, приведенныхъ Миклашевскимъ (стр. 105). На сѣверо-востокѣ надо исключить по сборнику пять общинъ: Ближнее и Дальнее Игумновы, Сапруновку, Ушаковку (душевую часть ея) и с. Мазикино [1]). Послѣ этого мы получимъ 51 однодворческую общину на сѣверо-востокѣ и 24 на юго-западѣ, причемъ всѣ вышеприведенные проценты, относящіеся къ четвертному владѣнію, повысятся, къ душевому же упадутъ до 42,8% на сѣверѣ и до 32,1% на югѣ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ 75 однодворческихъ общинъ, но это число какъ увидимъ ниже можетъ оказаться нѣсколько преувеличеннымъ, такъ какъ о семи душевыхъ общинахъ намъ положительно ничего неизвѣстно были они четвертными или были монастырскими. Лишь по общимъ весьма отдаленнымъ соображеніямъ, мы считаемъ и ихъ однодворческими.

Изъ приведенной табицы мы уже видимъ, что Бѣлгородскій уѣздъ отличается богатымъ разнообразіемъ формъ землевладѣнія; но это богатство формъ представится намъ еще шире, если мы заглянемъ въ описанія отдѣльныхъ селеній, помѣщенныя въ Бѣлгородскомъ статистическомъ сборникѣ [2]). По этому источнику мы узнаемъ, что въ 18 сѣверо-восточныхъ общинахъ, отнесенныхъ нами къ группѣ четвертныхъ, четвертная форма владѣнія далеко не отличается чистотой. Такъ, въ восьми общинахъ мы находимъ «дворовую» форму владѣнія, не только такими угодьями, какъ лѣсомъ и покосомъ, но и *пахотью*. Въ виду чрезмѣрнаго, такъ сказать, развитія этой формы въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, мы подолже остановимся на ней. Слобода Ѣздоцкая, расположенная у самаго Бѣлгорода, только недавно разсталась съ дворовой формой, но здѣсь эта форма возникла не ради уравнительности, а, наоборотъ, въ видѣ подавленія болѣе слабыхъ широкодачниками. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: послѣ спеціальнаго размежеванія особнякъ былъ разверстанъ противъ дачъ, но 70 десятинъ чистаго песку, прилегающаго къ усадьбамъ, были оставлены подъ выгонъ.

---

[1]) О Мазикинѣ, принадлежавшемъ нѣкогда къ государевой посопной волости, намъ придется еще говорить при описаніи Корочанскаго уѣзда,

[2]) Сбор. стат. свѣд. по Курск. губ., вып. X, 1885 г. Курскъ.

Однако, составители владѣнной записи признали эту землю удобною и, обложивъ оброчною податью, внесли въ запись за всѣмъ обществомъ. Широкодачники настояли, чтобы причитающаяся за это неудобье оброчная подать была разложена поровну на дворы. Этотъ порядокъ держался около десяти лѣтъ, но незадолго до изслѣдованія (1884 г.) малоземельные осилили и стали разверстывать эту подать противъ дачъ. Въ этомъ случаѣ, собственно говоря, нѣтъ формы владѣнія, ибо песокъ негоденъ даже подъ выгонъ скота, но намъ важно здѣсь проявленіе общиннаго начала: оное примѣняется не только при распредѣленіи выгодъ, но и при разверсткѣ тягостей. Въ Курской губерніи земля очень рѣдко бываетъ въ тягость, тѣмъ болѣе у однодворцевъ [1]); поэтому очень трудно установить общее правило для такихъ случаевъ. Въ д. Коршуновкѣ, Масловской волости (стр. 105), земля находится въ 4 дачахъ; въ томъ числѣ въ Коренскомъ лѣсу $173_{,3}$ дес. лѣсу. Этотъ лѣсъ полученъ послѣ выдачи владѣнной записи. Таксаторъ предлагалъ 500 десятинъ съ платою по 24 рубля со двора, тогда крестьяне не согласились и изъ 64 хозяевъ изъявили желаніе взять лѣсъ только 31, съ платою по 12 рублей. Получивши этотъ лѣсъ, они срубили его, а землю сдали подъ раскопку на 5 лѣтъ. По окончаніи аренды раздѣлили эту роспашь на 31 дворъ. Почти тоже произошло въ с. Ниж. Ольшанцѣ, той же волости. Здѣсь 100 дес. лѣсу въ томъ же Коренскомъ лѣсу распахано и подѣлено на 75 дворовъ, хотя въ моментъ отвода лѣса было 80 дворовъ. С. Бѣломѣстное, Шопинской волости, дѣлитъ кустарникъ (46 дес.) на наличные дворы. Гораздо сложнѣй примѣняется дворовая форма въ д. Дальнихъ Пескахъ.

Здѣсь усадьбы, расположенные на берегу Донца, отдѣлены отъ пахоти сыпучимъ пескомъ версты на двѣ: это выгонъ, но очень плохой выгонъ. Тѣмъ не менѣе ежегодно изъ этихъ песковъ выбираютъ островки болѣе удобной земли и дѣлятъ ихъ на наличные дворы, примѣрно по пол-десятины на дворъ. На другой годъ переходятъ на другое мѣсто и т. д. На этой «дворовой» землѣ сѣютъ или рожь, или ковунъ (арбузы). Далѣе половина покоса (всего 78 дес.) забита скотомъ, другую половину дѣлятъ на наличные дворы. Лѣсъ 36 дес. разбитъ на 10 паевъ, изъ коихъ ежегодно рубятъ по одному паю и дѣлятъ на дворы.

Почти тоже видимъ въ с. Ястребовѣ; въ немъ по владѣнной записи значится 212 десятинъ въ общемъ владѣніи: сюда входятъ 30 десятинъ покоса и 10 д. лѣса, остальная же земля получилась изъ раскопки выгона и тѣхъ неудобныхъ мѣстъ, которыя прежде не эксплуатировались. Эта пашня раздѣлена на 64 двора, хотя въ моментъ переписи было уже

[1]) Бывшіе крѣпостные, получившіе въ надѣлъ вообще плохія, неудобныя земли, чаще однодворцевъ имѣютъ дѣло съ распредѣленіемъ тягостей.

84. Достойно вниманія, что «дворовая» земля въ с. Ястребовѣ находится въ семи мѣстахъ: въ трехъ мѣстахъ по 10 сажень на дворъ, въ остальныхъ меньше. Значитъ и при дворовой формѣ примѣняется поярусная разверстка. Покосъ дѣлится также по дворамъ. Въ обществѣ идетъ агитація за передѣлъ по наличнымъ дворамъ, такъ какъ многіе раздѣлившись вынуждены пользоваться половиной того, чѣмъ пользуются дворы нераздѣлившіеся.

Нѣсколько иначе произошла дворовая земля въ д. Отрогѣ, Старогородской волости: въ 1848 г. отъ холеры «обмерли» три семьи; Бороздинъ оставилъ 9 десятинъ, Лихачевъ — 6 д. и Мусовъ — 24 дес. Кромѣ того сходецъ Чегинъ бросилъ обществу 2 дес. Итого 41 дес. Эта земля раздѣлена на дворы; со времени ревизіи ее передѣляли уже три раза, въ послѣдній разъ на 50 дворовъ. Нынѣ ихъ уже 64 и въ обществѣ толкуютъ о новомъ передѣлѣ. Покосъ 35 дес. также дѣлится на 50 дворовъ. Въ д. Черной Полянѣ, Старогородской волости, 25 дес. покоса и 17 дес. лѣса недавно (съ 1874 г.) стали дѣлить по дворамъ, раньше же дѣлили противъ дачъ.

Чтобы покончить съ дворовой формой, надо указать на то, что она встрѣчается и въ душево-четвертныхъ общинахъ. Такъ, въ с. Разумномъ, Старогородской волости, имѣется 1.210 десятинъ въ помянутомъ Коренскомъ лѣсу; изъ этого количества 465 десятинъ давно уже распаханы и разверстываются нынѣ по ревизскимъ душамъ. Остальной же лѣсъ (744 дес.) частью сданъ подъ роспашь (285 дес.), а частью дѣлится на 200 фиктивныхъ дворовъ. Всѣхъ дворовъ въ с. Разумномъ 268, но лѣсъ разбиваютъ на 200 паевъ съ платежомъ за пай 13 рублей: каждый беретъ сколько осилитъ по деньгамъ, кто полдвора, кто полтора, кто ничего. Послѣднее обстоятельство не лишаетъ отказавшагося права на землю изъ-подъ лѣса, а лишь лишаетъ лѣсного матеріала и то не навсегда, а до перваго взноса податей за пай или полпая. Такой порядокъ установился здѣсь потому, что лѣсъ былъ принятъ отъ казны всѣмъ обществомъ, а не отдѣльными дворами, какъ было въ другихъ селеніяхъ. Поэтому роспашь изъ-подъ лѣса поступаетъ въ душевой раздѣлъ. Такимъ образомъ здѣсь дворовая форма является временной мѣрой, пока лѣсъ не сведенъ и пока бремя платежей за лѣсъ взваливается на лѣсной матеріалъ. Аналогично съ этимъ въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, въ с. Висломъ, Шопинской волости, также у душево-четвертныхъ дворовая форма смѣнилась уже душевой. Про эту общину сказано: «душевая земля (700 дес. изъ 2.056) образовалась изъ роспашки степи, которую косили на дворы. Незадолго до X ревизіи сдали эту степь подъ роспашь, деньги употребили на устройство церкви, а землю, когда вышла изъ аренды, раздѣлили на души.

Немного сложнѣй и запутаннѣй представляется дворовое владѣніе въ с.

Крутомъ Логѣ по сосѣдству съ с. Разумнымъ. Здѣсь кромѣ 991 дес. четвертной земли въ мѣстной дачѣ, имѣется 819 дес. въ той же Коренской дачѣ въ душевомъ владѣніи и 804 дес. въ дворовомъ. Вотъ что происходило въ этомъ селеніи. «Крестьяне Крутого Лога подавали прошеніе о дозволеніи распахать тѣ участки изъ-подъ лѣса, которые имъ отводились для пользованія. Дозволеніе было дано палатой госуд. имуществъ, вслѣдствіе чего вся эта земля (819 дес.) была подѣлена на души. Послѣ выдачи владѣнной записи, на все село былъ отведенъ участокъ лѣса въ 804 десятины, причемъ отводъ былъ разсчитанъ на число дворовъ, платежи тоже. Но изъ 355 дворовъ лѣсъ согласились принять только 305, а 50 семей отказались; послѣ раздѣла свои участки кто повырубилъ и распахалъ, кто до сихъ поръ раститъ и рубитъ на топливо и постройки. Участки же отказавшихся 50 дворовъ отведены въ одно мѣсто безъ раздѣла, оберегаются, для чего содержится сторожъ и ежегодно рубится извѣстная часть и дѣлится на 305 дворовъ. Отказавшіеся отъ лѣса теперь «галдятъ», требуютъ подушнаго раздѣла лѣса, но такъ какъ они все время за лѣсъ ничего не платили, то имъ ничего и не даютъ (стр. 109). «Замѣчательно,— прибавляетъ изслѣдователь,—что эта дворовая земля, несмотря на то, что владѣютъ ею не всѣ домохозяева, считается крестьянами все-таки въ общинномъ владѣніи: ее не продаютъ и не закладываютъ и, кромѣ того, всѣ убѣждены, что «по ревизіи» она будетъ подѣлена на души между всѣми (стр. 104) [1]).

На юго-востокѣ уѣзда мы встрѣчаемъ дворовую форму только въ четырехъ общинахъ, и къ пахоти эта форма здѣсь не примѣняется. Въ с. Пристѣнномъ, Масловской волости, 53 дес. мелкаго лѣса при вырубкѣ дѣлятъ на дворы, а въ с. Зиборовкѣ, Муромской волости, лугъ косятъ сообща, а лѣсъ рубятъ сообща, и дѣлятъ то и другое на дворы. Въ с. Рѣпномъ, Чаусовкѣ тожъ, лѣтъ 10 назадъ, до изслѣдованія (1884 г.), лѣсъ около 20 десятинъ разбили на дворы, и съ тѣхъ поръ онъ идетъ по наслѣдству; то же сдѣлано въ с. Соломинѣ, гдѣ 128 дес. лѣсу раздѣлили на 58 дворовъ и пустили его по наслѣдству. Аналогично съ послѣдними двумя случаями дѣло происходило въ д. Стар. Таволжанкѣ: тамъ покосъ и лѣсъ былъ подѣленъ не на дворы, а на ревизскія души, и затѣмъ установлено было пустить ихъ по наслѣдству, такъ что при составленіи владѣнной «души» были внесены за каждымъ домохозяиномъ наравнѣ съ четвертной землей десятинами. Такимъ образомъ, дворовая форма владѣнія встрѣчается на сѣверовостокѣ Бѣлгородскаго уѣзда въ 8 общинахъ четвертныхъ (изъ 18)—44% и въ 4 общинахъ изъ 7 душево-четвертныхъ—57,1%; на юго-западѣ въ въ 4 общинахъ изъ 11 четвертныхъ—36%. Эти высокіе проценты ука-

[1]) Къ этой категоріи надо отнести еще с. Хохлово (см. ниже).

зываютъ намъ на то, что дворовая форма владѣнія въ этомъ уѣздѣ встрѣчается довольно часто.

Другой видъ поравненія въ формѣ душево-четвертной встрѣчается въ семи случаяхъ на сѣверо-востокѣ и въ одномъ на юго-западѣ. Происхожденіе этой формы различно. Такъ въ д. Бѣловской, Старогородской волости, душево-четвертная форма образовалась лишь у тѣхъ 38 дворовъ, предки которыхъ какъ широкодачники отдѣлились отъ душевой общины. Они взяли свою четвертную землю и были четвертными, но когда отведенъ былъ лѣсъ на все общество и затѣмъ общество стало распахивать его и дѣлить по душамъ, четвертники получили изъ-подъ лѣса землю на свои души и, такимъ образомъ, сдѣлались душево-четвертными. По старой землѣ это особая община, но по лѣснымъ росчистямъ это—единая община. Затѣмъ помянутыя уже нами селенія: Разумное, Крутой Логъ и Вислое—разверстываютъ по душамъ роспаши изъ-подъ лѣса или выгона, считавшіяся общественной собственностью. Далѣе д. Быковка, Карповской волости, дѣлитъ на ревизскія души 60 дес. сѣнокоса, столько же с. Чураево, Шебекинской волости. С. Хохлово, Сабынинской волости, 184 десятины покоса дѣлитъ ежегодно на души; что же касается 279 дес. лѣса, то половину его дѣлятъ на ревизскія души, а половину—на дворы. «Мотивомъ этого страннаго смѣшенія двухъ различныхъ формъ разверстки крестьяне выставляютъ то соображеніе, что если дѣлить лѣсъ на дворы, то будутъ обижаться домохозяева, у которыхъ въ семьѣ много ревизскихъ душъ, и наоборотъ». Такъ смотритъ на дѣло мѣстный изслѣдователь, но странно, почему же не обижаются широкодачники и почему бы въ удовлетвореніе ихъ обидъ не дѣлить еще третью часть лѣса противъ дачъ? Еслибъ этотъ вопросъ имѣлъ въ виду изслѣдователь, то при опросѣ обнаружились бы болѣе близкіе мотивы вышеприведенной разверстки. Въ самомъ дѣлѣ, осталось невыясненнымъ, какъ разверстываются платежи за лѣсъ — навѣрно половина по дворамъ, половина подушно. Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ описаній (стр. 41), изъ 900 рублей кабацкихъ денегъ половина идетъ въ подушную подать, а съ другой стороны извѣстно, что всѣ жители с. Хохловки занимаются колесничествомъ. При этомъ промыслѣ лѣсъ представляется весьма цѣннымъ, и вотъ въ обезпеченіе выгодности своего кустарнаго промысла община вмѣсто разверстки лѣса противъ дачъ вводитъ разверстку не только дворовую, но рядомъ съ ней и душевую; послѣдняя лучше обезпечиваетъ многодушныя, а стало-быть и многорабочія семьи. Ради того же часть подушной подати погашается общественной доходной статьей. Кромѣ того, для объясненія будто бы «страннаго» смѣшенія различныхъ формъ, мы имѣемъ еще одно указаніе, а именно «лѣсъ рубятъ каждый годъ по участкамъ». Иначе и быть не можетъ при такомъ промыслѣ, какъ колесничество. Навѣрно отводится къ вырубу подѣлочный

лѣсъ, дѣлимый на души, а лѣсъ похуже на топливо дѣлится на дворы, ибо каждому топиться нужно. Всѣ эти детали не выяснены на мѣстѣ, а потому и получилась «странность».

На юго-западѣ уѣзда изслѣдователи отмѣтили три селенія съ душево-четвертной формой. Изъ нихъ с. Чермошное, Никольской волости, имѣетъ 1.636 десятинъ, изъ коихъ 363 десятины находятся въ чужихъ дачахъ, мѣстная же дача подѣлена съ четвертей на души въ 1859 году. По всей вѣроятности, четвертная земля имѣется здѣсь далеко не у всѣхъ хозяевъ; такъ изслѣдователи упоминаютъ, что дача при Устинкѣ 159 дес. называется Рыковкой, ибо была куплена у Рыкова тремя дѣдами Трубаевыми. Во владѣніи этой фамиліи она и остается (стр. 82). Значитъ остальные дѣды не Трубаевы, а наприм., Митаковы въ этой покупкѣ не участвовали. Далѣе прибавлено, что «у 19 хозяевъ (всѣхъ 99) есть еще четвертной земли 172 десятины, которая и присчитана къ душевой землѣ». Ясно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло лишь съ остатками четвертнаго владѣнія, со слѣдами четвертнаго права, какъ и въ сосѣднемъ селѣ Ровенькѣ. С. Ровенекъ, также названное душево-четвертнымъ, владѣетъ землей въ пяти дачахъ: въ мѣстной $838_{,5}$ дес., въ Чермошномъ $15_{,8}$ дес., Устинкѣ $216_{,3}$, Разумномъ $27_{,6}$ и въ Пристѣнномъ $4_{,5}$. Въ 1854 году, по взаимному согласію, земля мѣстной дачи была передѣлена съ четвертей на души. И здѣсь очевидно остались только слѣды четвертнаго права, сохранившіеся въ чужихъ дачахъ и, конечно, не у всѣхъ домохозяевъ. Правильнѣй было бы выдѣлить эти душево-четвертные дворы въ особыя общины, а душевыхъ подсчитать отдѣльно.

Такимъ образомъ, единственнымъ душево-четвертнымъ селеніемъ на юго-западѣ является лишь с. Муромъ. Это громаднѣйшее село въ 593 двора, къ сожалѣнію, изслѣдовано очень слабо. Достаточно того, что изъ 8 тысячъ десятинъ, о 3.713 дес. пахоти нѣтъ ровно никакихъ указаній. На 24 страницѣ сборника сказано, что «душевой земли считается въ общинѣ 1.412, четвертной—$1.731_{,3}$ дес., первая вся лежитъ въ особнякѣ, дальнее поле 12 верстъ, четвертная же находится въ трехъ дачахъ, изъ коихъ самая дальняя отстоитъ отъ села на 17 верстъ». Этимъ неяснымъ указаніемъ исчерпано все. Но если изъ общаго колитества надѣльной земли, выставленной въ таблицахъ (стр. 84, графа 43), вычесть лѣсъ, покосъ, выгонъ и ту землю, которая только-что помянута, то останется все-таки 3.713 десятинъ. Такого недоразумѣнія нельзя объяснить опечаткой или опиской; прямо-таки изслѣдователь не сумѣлъ справиться съ возложенной на него задачей. А между тѣмъ с. Муромъ, расположенное въ южномъ углѣ уѣзда, могло сулить изслѣдователю много интересныхъ особенностей. Извѣстно, что Муромъ по описи 1773 года состоялъ въ вѣдѣніи Липецкаго

коммисарства Слободской губерніи [1]). Въ немъ тогда числилось войсковыхъ обывателей, то-есть прежнихъ черкасъ, 72 мужчины и 73 женщины. Но тутъ же значилось вѣдомыхъ по Бѣлгородской губерніи служилыхъ и отставныхъ 95 мужч. и 65 жен., духовныхъ 16 мужч. и 12 жен., однодворцевъ 956 мужч. и 949 жен., наконецъ подданныхъ черкасъ 55 мужч. и 60 жен. и помѣщичьихъ крестьянъ 105 мужч. и 96 жен. Въ итогѣ, не считая духовныхъ, и тогда было 2.526 душъ обоего пола (нынѣ 3.731). Незначительный приростъ объясняется слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, нынѣ мы не находимъ вовсе крѣпостного населенія въ Муромѣ,—по всей вѣроятности, крѣпостные выведены или въ сосѣднее селеніе Напрасное (бывшее Гендрикова), или совсѣмъ за предѣлы уѣзда. Во-вторыхъ, то же могло случиться со служилыми и отставными великороссіянами: несоотвѣтственно малое количество у нихъ женщинъ указываетъ на то, что здѣсь они пребывали временно. За этими исключеніями останется 145 черкасъ и 1.905 однодворцевъ, всего 2.050 душъ, что дастъ гораздо большій процентъ прироста. Теперь посмотримъ, какъ могло образоваться это селеніе.

Черкасы пришли на общемъ основаніи; однодворцы же могли придти сюда не раньше черкасъ. Тѣ и другіе, очевидно, поселились безъ дачъ въ старо-московскомъ смыслѣ: это была вольная многодворная заимка, сдѣланная однодворцами, пришедшими съ сѣвера, по меньшей мѣрѣ двумя партіями, а можетъ-быть и тремя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять отмѣтку изслѣдователя: «четвертная земля въ трехъ дачахъ». Конечно, это не дачи, отведенныя помѣстнымъ приказомъ или разрядомъ, а просто земельныя дачи, захваченныя извѣстной партіей. Что это указаніе такъ и надо понимать, видно изъ другого мѣста: въ таблицахъ (стр. 89), въ графѣ особенностей расположенія надѣловъ, сказано, что въ Муромѣ «два особняка, въ одномъ четвертная земля, въ другомъ душевая; три клина душевой подходятъ къ усадьбамъ». Очевидно, изслѣдователь безжалостно путалъ показанія крестьянъ, но въ этой путаницѣ случайно схватилъ указаніе на три дачи. Въ результатѣ получается: три дачи въ одномъ особнякѣ, что и слѣдовало доказать, то-есть у приходившихъ партій не было крѣпостей, иначе генеральное межеваніе нарѣзало бы три особняка. Трудно поддается объясненію, почему къ усадьбамъ прилегаетъ душевая, а не четвертная земля. Еслибъ было наоборотъ, происхожденіе душевой формы можно было бы объяснить позднѣйшей прирѣзкой отъ казны. Но этого нѣтъ, хотя правда, что мы лишены всякихъ указаній относительно того, гдѣ находится четвертная земля с. Мурома. По общему складу многодворной заимки можно предположить, что приходившія сюда партіи одно-

---

[1]) Д. Багалѣя „Матеріалы“, II, стр. 326.

дворцевъ, а равно и партія черкасъ владѣли землей на основаніи вольной заимки, кто сколько могъ осилить и кто гдѣ захватилъ. Съ теченіемъ времени могло установиться дворовое поравненіе, если только оное не было установлено съ перваго же момента поселенія. Пока земли было много, пока это изобиліе обусловливало массу нераспаханныхъ мѣстъ,—дворовое поравненіе примѣнялось только къ культурнымъ частямъ захваченной площади; всякій поступательный шагъ по пути новыхъ распашекъ контролировался міромъ, который, оберегая свою землю, давалъ новообразовавшимся по раздѣлу дворамъ долю соотвѣтствующую первозаимочному двору, иначе говоря—примѣнялось уже не дворовое поравненіе, а наслѣдованіе по закону или обычаю, что въ данномъ случаѣ все равно. Это наслѣдованіе создало четвертную форму владѣнія; но село Муромъ было слишкомъ велико, составъ его населенія былъ слишкомъ разнообразенъ (замѣшались даже черкасы), чтобы четвертное право могло долго удовлетворять требованіямъ справедливости. Многодушные дворы потребовали душевого поравненія и добились его, повидимому, въ цѣлой половинѣ надѣла. Когда и какъ это произошло, мы не знаемъ,—изслѣдованіе объ этомъ умалчиваетъ.

Кромѣ перечисленныхъ нами случаевъ мы имѣемъ еще два селенія до черты и одно за чертой, съ остатками четвертнаго права. Д. Крюкова—Лѣсная тожъ, Шопинской волости, въ 1846 году перешла съ четвертей на души, однако усадьбы и лѣсъ остались на четвертяхъ по-старинѣ. С. Гостищево, Сабынинской волости, также перешло на души въ 1839 году, но 2 хозяина не согласились. Потомки ихъ въ количествѣ пяти семей владѣютъ нынѣ 40 десятинами четвертной земли въ одномъ клину черезполосно съ душевиками, а въ двухъ—къ одному мѣсту, указанному обществомъ. Всѣхъ дворовъ въ общинѣ 205, и, конечно, со стороны регистраторовъ сборника было громаднымъ заблужденіемъ за ничтожные эти слѣды называть всю общину с. Гостищева душево-четвертной. С. Журавлевка, Толоконской волости, въ свое время перешло на души, но у нѣсколькихъ хозяевъ осталось $8_{,4}$ дес. четвертной земли въ чужой дачѣ.

Посмотримъ теперь на общины съ душевой формой владѣнія; ихъ, какъ мы знаемъ на сѣверо-востокѣ 24 и на юго-западѣ 9, всего 33. Изъ этого количества о тринадцати прямо сказано, что они были четвертными; въ трехъ можно установить переходъ по слѣдующимъ соображеніямъ. С. Шляхово по писцовой книгѣ 1626 года значится за двумя Шляховыми, имѣвшими выпись съ дозорной книги 1616 года [1]). За этими дѣтьми боярскими значилось извѣстное число четвертей; понятно, что прежде чѣмъ возникло стремленіе къ поравненію, они владѣли по наслѣдству, то-есть

[1]) Миклашевскій „Къ истор. хоз. быта“, стр. 103.

по четвертямъ. То же надо сказать про сосѣднюю д. Шеховцеву, которая «стала» въ 1624 году и имѣла заимщиками двухъ Шеховцевыхъ и Рогова [1]). С. Устинка нѣкогда владѣла четвертной дачей, ибо какимъ бы образомъ въ с. Журавлевкѣ остались слѣды четвертного права именно въ Устинской дачѣ? Далѣе мы имѣемъ 19 общинъ пригородныхъ слободъ съ извѣстными служилыми названіями: Пушкарная, Стрѣлецкая, Казацкая, Драгунская и т. д. Всѣ онѣ находятся на сѣверо-востокѣ уѣзда, передъ чертой и распредѣлены около городовъ Бѣлгорода, Болховца и Карпова.

Изслѣдователи не установили въ нихъ факта владѣнія по четвертямъ, въ одномъ случаѣ даже утверждается, что никогда они на четвертяхъ не сидѣли [2]). Но во-первыхъ многія служилыя слободы, какъ напр. Ѣздоцкая и Михайловская до сихъ поръ владѣютъ подъ самымъ Бѣлгородомъ на четвертномъ правѣ; затѣмъ слобода Вожева (также селеніе извѣстной службы) на памяти стариковъ перешла съ четвертей на души. Во-вторыхъ, есть пережитки прямо указывающіе на недавнее существованіе четвертной формы: такъ въ сл. Казацкой подъ Бѣлгородомъ усадьбы долгое время были «по старинѣ» и только въ 1876 г. ихъ провѣрили, при чемъ за лишнее брали въ полевой землѣ. Въ-третьихъ, одна слобода (Покровская) до сихъ поръ не бралась еще за свою землю—сдаетъ ее на сроки въ аренду. Въ-четвертыхъ, наконецъ, по писцовымъ и строельнымъ книгамъ видно, что надѣленіе Бѣлгородскихъ слободъ происходило не по душамъ, а по дворамъ; дворовое же поравненіе переходило тогда не въ душевое, а въ четвертное, ибо *наслѣдованіе примѣнялось конечно раньше, чѣмъ фикція его въ видѣ душеваго поравненія.* Такъ по строельной книгѣ 1649 г. въ слободѣ Пушкарной близъ г. Болховца испомѣщено было пушкарей и затынщиковъ 30 человѣкъ по 7 четвертей человѣку [3]), по стольку же дано было 211 стрѣльцамъ. Пушкари и стрѣльцы г. Карпова получили много больше и повидимому даже не поровну на дворъ. Если близость большого города въ родѣ Бѣлгорода могла отразиться на пригородныхъ слободахъ въ томъ смыслѣ, что четвертная форма вовсе даже не устанавливалась, то этого ужъ никакъ нельзя сказать про маленькіе городки въ родѣ Болховца и Карпова; и если даже подъ Бѣлгородомъ теперь мы видимъ четвертную Ѣздоцкую, то кто докажетъ, что сл. Драгунская подъ Болховцемъ или Стрѣлецкая подъ Карповымъ никогда не владѣли по четвертямъ? Мы знаемъ, почему изслѣдователи Курской губерніи не добились истины въ подгородныхъ слободахъ: руководитель работъ вслѣдъ за проф. Бѣляевымъ утверждалъ, что служилые по прибору всегда владѣли по душамъ.

---

[1]) Ibid. стр. 104.

[2]) Сл. Пушкарная подъ Бѣлгородомъ, стр. 4—5. Бѣл. сборн., т. X.

[3]) Миклашевскій, Къ истор. хоз., стр. 290.

За этимъ перечисленіемъ остается семь общинъ душевыхъ, изъ коихъ одно с. Логовое вовсе пропущено въ описаніяхъ сборника, а объ остальныхъ про исторію землевладѣнія не сказано ни слова; изъ нихъ четыре лежатъ за чертой и два до черты [1]). По величинѣ надѣла всѣ они должны быть отнесены къ однодворческимъ, а не монастырскимъ, и по всѣмъ видимостямъ не такъ давно и онѣ владѣли по четвертямъ. Только сл. Петропавловка можетъ быть отнесена къ экономическимъ, во-первыхъ, по малому надѣлу, по названію «слободой» и по близости къ экономическому селу Игумнову. Но и это только смѣлое предположеніе...

Итакъ мы имѣемъ 22 общины душевыхъ и душево-четвертныхъ, о коихъ намъ извѣстно, что онѣ недавно были четвертными. Посмотримъ, какъ и когда произошли въ нихъ переходы съ четвертей на души. Самые ранніе переходы отмѣчены «концомъ тридцатыхъ годовъ» (д. Красный Острожекъ и с. Козьмодемьянское, Карповской вол.). Въ с. Гостищевѣ крестьяне даютъ точную дату, указывая на 1839 г. какъ на годъ перехода. Что въ этотъ годъ началось извѣстное броженіе, видно и изъ того, что въ четвертныхъ селеніяхъ были задаваемы передѣльные приговоры именно въ этотъ годъ. Такъ, с. Вислое въ 1839 г. подѣлило всю землю, но черезъ два года повернули на старое (стр. 148). Затѣмъ въ началѣ сороковыхъ годовъ перешло на души с. Долбино, Безсоновской вол. (за чертой). Въ 1845 году сл. Вожева подъ Бѣлгородомъ. Достойно вниманія, что здѣсь первыми заговорили о передѣлѣ широкодачники. Это явленіе часто наблюдалось въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Когда оброчную подать переложили съ душъ на землю, широкодачникамъ показалось очень тажело платить за свою землю и они «просили» міръ взять ихъ землю и подѣлить на души. Нѣкоторое несоотвѣтствіе оброчной подати съ низкой рентой было чувствительно для плательщиковъ особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли были похуже, напр. пески по р. Донцу. Въ иныхъ случаяхъ малоземельные такъ и не уважили ходатайства широкодачниковъ (Соломино); въ другихъ, наоборотъ, поступили такъ же великодушно, какъ въ слободѣ Вожевой: то-есть чинно и мирно подѣлили всю землю на души. Правда, теперь уже давно прежніе широкодачники жалѣютъ объ отцовской оплошности, но прежняго не вернешь [2]). Д. Крюкова, Лѣсная тожъ, передѣлила свою пахоть въ 1846 году. Въ 1850 г. д. Шилина, Старогородской волости, послѣ спеціальнаго размежеванія съ д. Киселевой подѣлила отошедшій особнякъ на души; достойно вниманія, что Киселева при этомъ осталась на четвертяхъ. Въ 1854 году с. Рове-

---

[1]) За чертой с. Избицкое съ д. Прилѣпками, с. Нечаевка, Кобылевка и пропущенное Логовое, до черты с. Шенно и сл. Петропавловка.

[2]) Хорошо изложены мотивы такихъ переходовъ въ д. Устинкѣ Никольской волости, стр. 84 и слѣд. X вып. Сборн. Стат. Свѣд. по Кур. губ.

некъ раздѣлило свою мѣстную дачу, на души сохранивъ четвертное владѣніе, какъ мы знаемъ, въ чужихъ дачахъ.

Затѣмъ шесть общинъ перешли на души въ 1859 году; с. Чермошное передѣлило мѣстную дачу безъ особенныхъ споровъ; въ д. Устинкѣ, Никольской вол., о переходѣ на души просили широкодачники; с. Севрюково, д. Бѣловская и с. Мясоѣдово перешли на души послѣ спеціальнаго размежеванія. Въ Севрюковѣ единственный недовольный переходомъ былъ «высѣченъ міромъ»—этимъ самосудомъ инцидентъ и закончился. Въ д. Бѣловской несогласнымъ выдѣлили особняки въ углахъ каждаго клина. Въ Мясоѣдовѣ двѣ фамиліи изъ семи (Ушаковъ и Русановъ) имѣли особую жалованную землю, которую никакъ не соглашались отдать въ раздѣлъ. Но міръ пригрозилъ «дожмать скотомъ» и, убоясь остаться безъ выпаса, несогласные уступили міру. Сл. Наумовка съ хуторомъ Краснымъ перешла на души также въ 1859 году, но не сразу, а переживъ подготовительный періодъ. Вотъ какъ описано это явленіе. «До 1854 г. хутора Краснаго не существовало, земля же его составляла собственность однодвовцевъ с. Соломина. Пока однодворцы были «на господскомъ положеніи», земля пустовала, но когда эту землю изоброчили—за Соломиной образовалась громадная недоимка: общество отказалось отъ этой земли и палата чрезъ окружнаго вызывала изъ Корочанскаго, Бѣлгородскаго и Грайворонскаго уѣздовъ желающихъ взять ту землю. На этотъ «кличъ» въ 1855 году пришли сюда 25 хозяевъ (73 рев. души) изъ монастырской слободы Красной и 4 хозяина (18 рев. душъ) изъ однодворческой д. Чаусовки. Всего 91 душа по IX ревизіи. Они получили по 7 дес. на душу. Наумовцы, владѣвшіе черезполосно, приняли новоселовъ «въ колья», но окружной С. М. Слѣпушкинъ заступился за нихъ и они благополучно поселились. Въ Наумовкѣ земля была пожалована въ малолѣтство ц. Петра боярскому сыну Филатову и владѣлась все время по четвертямъ. По X ревизіи Наумовка соединилась съ хуторомъ Краснымъ и всю землю подѣлила на души. Такимъ образомъ вторженіе постороннихъ элементовъ, да еще изстари привыкшихъ къ душевой разверсткѣ, отразилось на старой четвертной общинѣ полнымъ ея переустройствомъ на новомъ уравнительномъ началѣ.

Въ остальныхъ 8 общинахъ время перехода съ четвертей на души не отмѣчено даже приблизительно.

Итакъ мы можемъ свести вышеприведенныя данныя къ слѣдующему выводу: въ 30-хъ годахъ перешло на души 3 общины ($21,_4\%_0$) въ 40-хъ столько же, въ 50-хъ — двѣ ($14,_4\%_0$) и въ 59 году перешло 6 общинъ ($42,_8$). Сверхъ того время 8 переходовъ не опредѣлено; всѣхъ же переходовъ было 22.

Какъ видимъ, большинство извѣстныхъ переходовъ произошло въ 1859 г., то-есть совпало съ послѣдней ревизіей; но этотъ выводъ нуждается въ

исправленіи, потому что мы имѣемъ 36% неизвѣстныхъ случаевъ, и эта неизвѣстность быть можетъ обусловливается именно отдаленностью совершившихся переходовъ. Такъ въ с. Яковлевѣ, Карповской волости (стр. 57), изслѣдователи отмѣчаютъ «были четвертными, но когда перешли на души не помнятъ».

Понятное, дѣло еслибы переходъ состоялся недавно, напр. при X ревизіи, многіе бы помнили не только годъ, но и детали перехода, но если это произошло въ началѣ XIX столѣтія, то хорошо, что сохранилось хоть преданіе о переходѣ, могло и этого не сохраниться.

Есть свѣдѣнія, что въ шести четвертныхъ общинахъ Бѣлгородскаго уѣзда переходы съ четвертей на души не состоялись, хотя были составлены переходные приговоры и въ иныхъ случаяхъ земля была уже подѣлена. Такъ, въ Черной Полянѣ въ 1859 г. состоялся приговоръ и одинъ годъ сѣяли по душамъ; однако широкодачники повернули на старое (стр. 176). Въ этой общинѣ приверженцевъ перехода до сихъ поръ называютъ «душевниками». Въ с. Мелиховѣ лѣтъ 40 назадъ (ок. 1844 г.) «перешли было на души, но потомъ, когда въ обществѣ изъ-за этого поднялась большая смута, снова перешли къ четвертямъ» (стр. 64). Въ с. Высокомъ, Безсоновской волости, на югѣ уѣзда, приговоръ былъ составленъ въ 1867 году, но переходъ на души не состоялся: глухая борьба идетъ до сихъ поръ (стр. 98). Въ д. Быковкѣ, близъ г. Карпова, населенной дѣтьми боярскими, быть можетъ курчанами—карповскими сведенцами, въ 1848 г. бунтовали, когда «посадили» на оброкъ. Въ теченіе сороковыхъ годовъ эта община два раза переходила на души—смута доходила до кольевъ и ножей: священникъ въ облаченіи со крестомъ выходилъ въ поле усмирять бушевавшихъ. Но переходъ все-таки не состоялся. И позднѣе въ 1859 года при спеціальномъ размежеваніи разверстали землю по четвертямъ [1]).

Въ с. Бочковомъ, Никольской волости, лѣтъ 40 назадъ при переложеніи оброчной подати съ душъ на землю крестьяне хотѣли переверстать всю землю по душамъ, но 10 дворовъ разныхъ фамилій на это не согласились, вслѣдствіе чего пришлось подѣлить на души только тѣ участки въ мѣстной дачѣ, которые не соприкасались съ землями этихъ несогласныхъ; всего было подѣлено 213 десятинъ, изъ коихъ 64 дес. при спеціальномъ размежеваніи чуть было не захватили Пристѣновцы. Эта душевая земля вслѣдствіе своей разнокачественности постоянно поддвергалась переверсткамъ, откуда распри и раздоры. Въ 1874 году крестьяне пришли къ рѣшенію подѣлить душевую землю пропорціонально четвертной. Сдѣлавши такой передѣлъ, крестьяне успокоились полагая, что всѣ затрудненія устранены навсегда, но они ошиблись: за послѣдніе годы вопросъ о землѣ опять обострился, ибо малоземельные недовольны, что имъ дали мало земли.

[1]) X т. Сборн. стр. 55.

По мнѣнію изслѣдователя, это недовольство «неминуемо должно кончиться передѣломъ на наличныя души».

Читатель понимаетъ, что въ этомъ описаніи есть серьезное недоразумѣніе: невыяснено, какъ это такъ были подѣлены на души только тѣ земли, которыя не соприкасались съ землями несогласныхъ. Съ чѣмъ же онѣ соприкасались и кто ихъ дѣлилъ? Если ихъ дѣлили «душевики», какъ прежнюю свою четвертную землю, то, очевидно, нечего было бояться соприкосновенія съ землями несогласныхъ, ихъ нетрудно было обойти при передѣлѣ, что часто и дѣлается въ такихъ случаяхъ. Затѣмъ, какъ понять дальнѣйшее изложеніе—въ 1874 г. подѣлили пропорціанально четвертнымъ землямъ,—значитъ оныя оставались у всѣхъ, о чемъ и можно догадаться изъ того, что всей земли въ с. Бочковомъ въ мѣстной дачѣ 748 дес., а подвергалось душевой разверсткѣ всего 213. Сопоставленіе всѣхъ этихъ противорѣчій приводить насъ къ иному выводу: с. Бочковое до 1874 года было душево-четвертнымъ, причемъ душевая земля образовалась какъ-нибудь иначе. Нельзя предположить, что въ 40 гг. бочковцы замѣрили землю пристѣновцевъ, ибо у нихъ въ дачѣ с. Пристѣннаго имѣется 330 десятинъ и стало быть Пристѣновцы могли отплатить тѣмъ же. По всей вѣроятности душевая земля произошла изъ земель недоимщиковъ, переселенцевъ или вымершихъ дворовъ. Частость переверстокъ этой земли указываетъ, кромѣ разнокачественности, на юридическую неопредѣленность, которая въ концѣ концовъ разрѣшилась въ смыслѣ разверстки противъ дачъ. Такому рѣшенію помогла выдача владѣнной записи, и вопросъ теперь сводится къ чисто формальному моменту: если во владѣнную запись помянутыя 213 десятинъ внесены за цѣлымъ обществомъ, то никакимъ судомъ не заставишь удержаться отъ уравнительной разверстки; если же земля расписана по отдѣльнымъ домохозяевамъ, то никакой судъ не смѣетъ исправить эту ужасную ошибку господъ составителей владѣнной записи. Подобныхъ ошибокъ, основанныхъ на крайнемъ невѣжествѣ чиновниковъ, къ сожалѣнію, очень много, но законъ о владѣнныхъ записяхъ не даетъ возможности ихъ исправленія. Шестая община, относящаяся къ этой категоріи,—помянутое уже нами с. Соломино. Мы знаемъ, что часть своей земли соломинцы бросили; тогда же въ 40 гг. широкодачники просили «старичковъ» подѣлить всю землю на души. Но старики не согласились: «вы не отдавали намъ ее, когда она была безъ платежа,—попробуйте-ка поплатить за нее». Въ 1859 г. при размежеваніи широкодачники вновь просили малоземельныхъ о разверсткѣ на души, и опять тѣ не согласились (стр. 8). Нынѣ малоземельные сильно раскаиваются въ оплошности своихъ родителей, ибо рента земли повысилась уже вчетверо.

Итакъ, четвертная форма землевладѣнія въ нынѣшнемъ Бѣлгородскомъ уѣздѣ является слишкомъ поколебленной сравнительно съ обычной зако-

ренѣлостью однодворцевъ: понятіе о четвертномъ правѣ, какъ о строгой, неумолимой формулѣ наслѣдованія и связанной съ ней разверсткѣ земли «противъ дачъ», представляется здѣсь слишкомъ затемненнымъ позднѣйшими «уравнительными» тенденціями. Почему эти тенденціи развились здѣсь сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ той же губерніи — это вопросъ достойный подробнѣйшаго историческаго обслѣдованія. Въ общихъ чертахъ исторія заселенія Бѣлгородскаго уѣзда извѣстна каждому, но спеціальныхъ изслѣдованій о развитіи формъ землевладѣнія въ этомъ уѣздѣ произведено еще не было: какъ проф. Д. И. Багалѣй, такъ и И. Н. Миклашевскій только обѣщали подобное изслѣдованіе; но тѣмъ не менѣе эти глубокіе изслѣдователи подготовили широкое поле для дальнѣйшихъ изысканій.

Исторія заселенія нынѣшняго Бѣлгородскаго уѣзда прекрасно изложена у И. Н. Миклашевскаго [1]), но отдѣльные выводы относительно установленія формъ землевладѣнія нуждаются, по нашему мнѣнію, въ исправленіи. Коренной ошибокой является то утвержденіе автора, что надѣленіе уѣздныхъ помѣщиковъ будто-бы производилось не единолично, а цѣлыми группами. «Мы не видимъ существенной разницы въ землевладѣніи городскихъ и уѣздныхъ помѣщиковъ южной окраины, — пишетъ авторъ на 189 страницѣ. — Если въ писцовыхъ книгахъ помѣстная дача каждаго изъ нихъ опредѣляется отдѣльно для каждаго лица, то все-таки надѣлъ ихъ отводится цѣлой группѣ ихъ въ однихъ и тѣхъ же урочищахъ».

Такое безразличіе объясняется именно тѣмъ, что авторъ не счелъ нужнымъ разобраться въ писцовыхъ книгахъ. Послѣднія строго различаютъ единоличныя пожалованія отъ пожалованій «съ товарищи». И тѣ примѣры, на кои указываетъ авторъ въ подтвержденіе своего положенія, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи другъ къ другу. Въ первомъ примѣрѣ, относящемся къ д. Устинкѣ, Бѣлгородскаго уѣзда, мы видимъ просто разнофамильную заимку восемнадцати помѣщиковъ съ различнымъ испомѣщеніемъ отъ 30 до 200 четвертей. То обстоятельство, что всѣ они владѣли въ одномъ урочищѣ, еще не предрѣшаетъ вопроса о какомъ-то общемъ надѣленіи; это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ данномъ урочищѣ было много свободнаго мѣста. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ другомъ примѣрѣ, выставленномъ г. Миклашевскимъ, гдѣ по Усерду нѣкто Сонинъ былъ испомѣщенъ подъ Афанасьевскимъ лѣсомъ «въ граняхъ и въ межахъ и въ урочищахъ съ дѣтьми боярскими съ Афанасьемъ Вихровымъ съ товарищи». Здѣсь — многодворная заимка: Афанасій Вихровъ — осадчій, давшій свое имя занятому лѣсу, грамота на заимку дана на его имя, но съ важной оговоркой — «съ товарищи». Въ этихъ случаяхъ помѣстный приказъ или разрядъ усчитывалъ площадь урочища и на основаніи этого учета предрѣ-

[1]) Къ истор. хоз. быта, стр. 101 и сл. и 151 и сл.

шалъ, какому числу товарищей можно на немъ поселиться. Здѣсь есть зачатки надѣленія, есть отводъ въ натурѣ; въ случаѣ малаго количества товарищей можно ожидать приселенія или урѣзки дачи «по указу» (примѣрныя и обводныя земли), и наоборотъ, въ случаѣ изобилія товарищей можно надѣяться на «прирѣзку». И. Н. Миклашевскій удивляется, что несмотря на разные оклады, дѣти боярскія получили здѣсь поравну, именно по 40 четвертей (стр. 191). Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, ибо въ этомъ-то и кроется существеннѣйшее отличіе многодворной заимки отъ единоличной. Послѣдняя, какъ мы знаемъ, предоставлялась личному усмотрѣнію, личной иниціативѣ служилаго человѣка, первая же была вызвана политической необходимостью, шла извнѣ, отъ правительства. Правительству нужно было поселить въ извѣстномъ мѣстѣ данную группу служилыхъ людей, оно и уравнивало всѣхъ товарищей, ибо предполагавшаяся служба въ томъ мѣстѣ была одинакова. Поэтому-то городскіе помѣщики, какъ раньше другихъ присылаемые волей правительства, какъ сведенцы, а не какъ переселенцы, испомѣщались поровну «съ товарищи», между тѣмъ какъ уѣздныя дѣти боярскія испомѣщались смотря по своей прежней службѣ, стало быть единолично, хотя имѣли конечно возможность селиться и владѣть вмѣстѣ въ одной окружной дачѣ, въ однѣхъ «граняхъ и межахъ».

Правда, пришло время, когда правительство стало и въ уѣздахъ поселять цѣлыя слободы «многими дворами», такъ было съ тульскими засѣчными сторожами, съ козловскими дѣтьми боярскими, съ бѣлгородскими станичниками, съ новоприборными солдатами, съ новоприхожими черкасами и т. д., но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что съ стратегической точки зрѣнія всѣ такія мѣста по важности своей стали приравниваться городу. Но никто, ни приказы московскіе, ни сами испомѣщаемые, не думали смѣшивать два строго различаемыхъ вида испомѣщеній. Напрасно И. Н. Миклашевскій силится объединить два этихъ вида присутствіемъ общаго владѣнія: классическое выраженіе о владѣніи лѣсомъ и покосомъ «вопче съ прежними помѣщики» всюду противополагается владѣнію пашней «черезъ межу съ прочими помѣщиками», то-есть владѣнію раздѣленному Еще напраснѣй авторъ утверждаетъ, что «сами служилые люди называютъ себя по отношенію къ землевладѣнію «сябрами» т.-е. товарищами. (стр. 192). Это утвержденіе положительно невѣрно. Во всѣхъ примѣрахъ, приведенныхъ авторомъ, за словомъ «сябры» слѣдуетъ постоянно только двѣ фамиліи, то-есть два ближайшихъ сосѣда по землѣ, и это понятно, такъ какъ полоса пахоти всегда лежитъ между двумя чужими полосами. Такимъ образомъ сябрами называются лишь ближайшіе совладѣльцы. Въ этомъ смыслѣ употреблено слово «шабры» и въ 24 ст. Новгородской судной Грамоты (1471 г.). Тамъ сказано: «а кто съ кѣмъ растяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы или на шабры, ино ему дать

одинъ срокъ»... Такой авторитетъ, какъ Владимірскій-Будановъ [1]) переводитъ это мѣсто такъ: «просить сроку на истребованіе документовъ или на вызовъ совладѣльцевъ земли». По всей вѣроятности слово сябры или себры (одного корня съ словомъ Сербъ) произошло отъ корня безличнаго мѣстоименія «себя», откуда и слово «собственность». Сколько бы мы ни сопоставляли этого слова съ позднѣйшими его значеніями, всюду мы получимъ одинъ несомнѣнный выводъ: сябрами называются не товарищи, а *ближайшіе соучастники извѣстнаго предпріятія* (компаніоны). Поэтому-то чаще всего это слово употребляется для обозначенія соучастниковъ по владѣнію мельницъ, о чемъ хорошо знаетъ и И. Н. Миклашевскій (стр. 193). Арендаторы крупныхъ земельныхъ участковъ въ предѣлахъ Бѣлгородскаго и Обоянскаго уѣздовъ также называются сябрами. Понятно, почему ближайшіе сосѣди по землѣ у однодворцевъ называются иногда [2]) сябрами: вѣдь они дѣйствительно близки «себѣ» —они чаще всего кровные родственники, почему и пашутъ землю рядомъ. Совладѣльцы купчихъ земель весьма часто называются сябрами, ибо они или предки ихъ на это предпріятіе затратили деньги, чѣмъ сблизились между «собою». Въ душевныхъ общинахъ Московской губерніи «шабрами» называются такіе члены осьмаковъ, которые для вящаго удобства владѣнія доставшимися рядомъ полосами «предприняли» какое-нибудь условіе въ родѣ обмѣна или поперечнаго разрѣза, и хотя В. И. Орловъ за этимъ словомъ въ скобкахъ ставитъ слово «товарищи», однако же первоначальный смыслъ этимъ вовсе не затемняется [3]). Но трудно подыскать случай, гдѣ бы сябрами называлось само общество, или простое теварищество, еще труднѣй доказать, что служилые люди XVII вѣка называли свое владѣніе «сябриннымъ или сябровскимъ», хотя названіе «оптинъ» часто замѣняется у южныхъ однодворцевъ Курской губерніи названіемъ «сябровская земля» или «сябровщина».

Въ теченіе XVII вѣка Бѣлгородскій уѣздъ продолжалъ усиленно заселяться. По писцовымъ книгамъ 1626 г., въ трехъ его сѣверныхъ станахъ насчитывалось всего 23 селенія, по переписнымъ книгамъ 1646 г. ихъ было уже 35 и наконецъ въ 1678 г. ихъ набралось 63 [4]). Общее число испомѣщенныхъ по тѣмъ же станамъ въ 1646 г. равнялось 279, а въ 1678 г. уже 1.312. И говорить нечего, что такое увеличеніе нельзя объяснить естественнымъ приростомъ населенія: здѣсь дѣйствовало вселе-

---

[1]) Хрис. по ист. рус. пр. вып. I, стр. 178.

[2]) Далеко невсюду. Въ предѣлахъ Щигровскаго и Фатежскаго уѣздовъ этого слова однодворцы не знаютъ.

[3]) Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ., т. IV, вып. I, стр. 33. Правильнѣе было бы здѣсь перевести слово сябры словомъ компаньоны, а не товарищи.

[4]) И. Н. Миклашевскій. Къ ист. хоз. быта, стр. 201.

ніе--вольное и невольное. Въ продолженіе всего этого времени югозападная часть уѣзда, лежавшая за чертой, оставалась почти незаселенной; лишь къ концу XVII вѣка туда двинулись «москали» съ сѣвера и малая часть черкасовъ съ запада.

Если мы изъ вышеприведенныхъ цифръ выведемъ среднія, то узнаемъ, что въ 1646 г. на одно селеніе приходилось всего 8 помѣщиковъ, а въ 1678 г.—20. Чѣмъ это объясняется? Или новообразовавшіяся селенія были почти въ пять разъ больше старыхъ (по разсчету (1312—287) : 28=37... противъ 8), или же старыя селенія принимали къ себѣ новыхъ пришельцевъ. Въ томъ и другомъ случаѣ предположеніе И. Н. Миклашевскаго о поселеніи служилыхъ людей въ уѣздѣ исключительно группами не подтверждается. Между тѣмъ полученныя нами среднія вовсе не стоятъ въ противорѣчіи съ исторической дѣйствительностью. Мы уже упомянули, что массовыя поселенія первоначально были подъ силу московскому правительству лишь въ укрѣпленныхъ городахъ, это и отразилось на цифрахъ 1646 года, относящихся къ уѣзду. За это время вниманіе правительства было сосредоточено на постройкѣ городовъ по чертѣ; въ частности въ предѣлахъ Бѣлгородскаго и сосѣднихъ уѣздовъ были устроены за это время слѣдующіе города: Хотмыжскъ, Карповъ, Болховецъ, Яблоновъ, Короча, Нежегольскъ, Новый Осколъ, Верхососенскъ и Усердъ. Устройство этихъ городовъ требовало громадной массы поселенцевъ. И вотъ, когда строительная горячка прошла, переселенческія волны начали останавливаться въ уѣздахъ, сначала до черты, а затѣмъ перешагнули и за черту. Увеличившееся народонаселеніе сѣверныхъ украинскихъ уѣздовъ обусловливало возможность массовыхъ переселеній, а недостаточная безопасность отъ татаръ на южной конечности Украйны создавала необходимость селиться скопомъ «съ товарищи». Однако данныя писцовыхъ книгъ, приведенныя у И. Н. Миклашевскаго, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что все это происходило нѣсколько иначе: въ 1626 году мы видимъ до черты некрупныя селенія и часто лишь единоличные «починки». Значитъ и здѣсь первыми заимщиками были отдѣльныя одиночки, небоявшіеся поселиться гдѣ-нибудь на полянѣ среди лѣса вдали отъ укрѣпленнаго города и живыхъ людей. Смѣлость одного поощряла другихъ: сейчасъ же рядомъ садился другой и третій заимщикъ, перваго часто величали „осадчимъ“. Каковы были отношенія ихъ къ землѣ и между собой? Каждый пахалъ свой починокъ, каждый справлялъ его за собой въ Разрядѣ и этой справкой, конечно, не нарушалъ правъ сосѣда, ибо земли было много. Ея было здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, ибо испомѣщеніе украинцевъ было ограничено незначительнымъ количествомъ четвертей. Благодаря этому, „подсаживаться къ осадчему“ была полная возможность, и у старожиловъ не было никакой защиты противъ этихъ вселеній. Въ концѣ концовъ, образовывалось крупное селеніе, насе-

ленное разнофамильцами, имѣющими разной величины дачи и несвязанными между собой пока ничѣмъ кромѣ сосѣдства по мѣстожительству и разбросанностью своихъ починковъ въ однѣхъ граняхъ и межахъ. Со временемъ, мы знаемъ, установится и здѣсь тѣсная связь по землѣ, связь, скрѣпленная пополосностью пахоти, черезполосицей. Кромѣ разнофамильности здѣсь имѣетъ мѣсто, конечно, и разновременность заимки: одинъ пришелъ раньше, другой позже, но въ конечномъ результатѣ получится все-таки не многодворная, а только разнофамильная заимка. Но и послѣдняя можетъ не образоваться: починокъ, занятый однимъ смѣльчакомъ, не привлечетъ, не заманитъ почему-либо другого сосѣда, и тогда мы найдемъ здѣсь однофамильную заимку. И это явленіе, какъ увидимъ ниже, не чуждо Бѣлгородскому уѣзду, какъ до черты, такъ и за чертой [1]).

Другое дѣло при многодворной заимкѣ. По писцовымъ книгамъ 1626 г. мы видимъ таковую лишь у городскихъ помѣщиковъ; то же самое видимъ по переписнымъ 1646 г., но къ 1678 г. въ уѣздѣ появились уже такія поселенія, о коихъ доподлинно выяснено на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, что они образовались путемъ одновременнаго прихода большаго количества дворовъ. Эти товарищества сразу занимали соотвѣтствующее ихъ окладу количество четвертей, часто получали эту землю по отводу и приселеніе въ такихъ деревняхъ возможно было лишь въ одномъ случаѣ, когда одного изъ товарищей почему-либо «не стало и земля его лежала впустѣ». Тогда желающій приселиться билъ челомъ воеводѣ и воевода посылалъ на мѣсто произвести „сыскъ окольными, правда ли, что такой-то умеръ или сбѣжалъ»... Согласія товарищей на такое приселеніе не требовалось и понятно почему: пустовала государева помѣстная земля, государство терпѣло отъ этой пустоты, а кругомъ было столько желающихъ...

Посмотримъ теперь нельзя ли съ помощью данныхъ мѣстнаго изслѣдованія разобраться съ Бѣлгородскими общинами и распредѣлить ихъ по формѣ заимки: это нужно затѣмъ, чтобы прослѣдить вліяніе формъ заимки на развитіе формъ землевладѣнія. Ради этого мы перейдемъ къ описанію тѣхъ селеній, о коихъ имѣются соотвѣтствующія данныя, по полнотѣ своей могущія удовлетворить насъ. Начнемъ съ многодворныхъ заимокъ.

Не считая пригородныхъ слободъ, населенныхъ служилыми по прибору, испомѣщенными «съ товарищи“, какъ это видно изъ строельныхъ книгъ по Карпову и Болховцу и изъ писцовыхъ по Бѣлгороду, мы имѣемъ близъ Бѣлгорода, но не подъ самымъ городомъ, двѣ громаднѣйшія дачи: Станичную и Атаманъ.

Исторія ихъ такова: при царѣ Борисѣ «въ числѣ другихъ служилыхъ людей въ Бѣлгородѣ было устроено землями 3 атамана и 150 казаковъ,

---

[1]) См. ниже дд. Черную Поляну и Чаусовку.

причемъ атаманы получили по 50 четвертей, а рядовые казаки по 30 ч. [1]) Вскорѣ этотъ отрядъ былъ переименованъ въ станичные ѣздоки и земельное обезпеченіе ихъ было значительно увеличено, какъ увеличенъ и составъ отряда. Въ 1626 г. здѣсь было уже 240 ѣздоковъ и за ними числилось 12 тысячъ четвертей земли. Однако на этой же землѣ были испомѣщены стрѣльцы и вольскіе казаки, а равно и бѣломѣстные атаманы. Въ свою очередь станичные атаманы, ѣздоки и вожи успѣли распахать выгонъ въ 600 десятинъ, назначенный для лошадей воеводъ и прибылыхъ полковъ [2]). Писцы 1626 г. были вынуждены разобраться во всей этой путаницѣ и съ этого времени вѣроятно и произошло различіе между двумя помянутыми дачами. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго уже столѣтія обѣ дачи были спеціально размежеваны и старинная связь между селеніями прервалась.

При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ съ точностью установлено, что въ станичной дачѣ владѣютъ нынѣ не менѣе шести отдѣльныхъ, спеціально уже отмежеванныхъ селеній: сл. Ѣздоцкая, Вожева, Ближніе Пески, с. Разумное, д. Отрогъ и Дальніе Пески. Послѣдніе съ крымской стороны Сѣв. Донца, гдѣ у станичниковъ была земля еще въ 1626 г. Но дальніе Пески образовались сравнительно недавно и во всякомъ случаѣ послѣ 1678 г., тогда какъ всѣ остальные, кромѣ Отрога (послѣ 1646), образовались въ началѣ XVII вѣка. Главную метрополію, изъ коей происходило разселеніе, представляетъ конечно пригородняя слобода Ѣздоцкая. Это казаки временъ царя Бориса. Быть можетъ одновременно съ ними заселилась другая подгородняя слобода Ближніе Пески, с. Михайловское тожъ съ д. Нелидовкой: [3]) первое названіе указываетъ на поселенныхъ здѣсь Михайловскихъ (и пронскихъ) казаковъ, а въ Нелидовкѣ вѣроятно жили стрѣльцы 1626 г. Подгородняя слобода Вожева въ 1626 г. имѣла 80 вожей, но мѣстныя изслѣдованія установили въ нынѣшней Вожевой всего три заимочныхъ фамиліи: Уварова, Трубицына и Булычева. Ясное дѣло, что вожи 1626 г. разселились по обширной станичной дачѣ, такъ что въ старой слободѣ удержалось ихъ только три рода.

Въ д. Отрогъ ушло только 7 родовъ и по числу ихъ мы находимъ здѣсь семь починковъ. Но главное поселеніе стянувшее въ себя наибольшее число заимщиковъ носитъ названіе с. Разумнаго: здѣсь память крестьянская считаетъ 16 заимщиковъ; наконецъ въ Дальніе Пески попало толь-

---

[1]) Миклашевскій, къ Истор хоз. быта стр. 73.

[2]) Ibid стр. 74.

[3]) Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ предположительно, ибо въ смутное время Бѣлгородъ былъ разрушенъ литовскимъ отрядомъ и неизвѣстно, насколько уцѣлѣло послѣ этого прежнее населеніе; впрочемъ, въ Черной Полянѣ верстанные казаки Яковлевы остались цѣлы.

ко три рода: Ланинъ, Бородинъ и Ефимовъ. Итакъ, всего, не считая сл. Ѣздоцкой (79 дв.) и Ближнихъ Песковъ (64 дв.) мы насчитываемъ едва 29 заимщиковъ въ 4 селеніяхъ нынѣ имѣющихъ 546 дворовъ. Куда же дѣлись старинные ѣздоки и вожи, коихъ еще въ 1626 г. было около 240 дворовъ? Очевидно, станичная служба въ Бѣлгородѣ была нелегка. По описи 1678 г. въ Бѣлгородѣ числилось дѣтей боярскихъ станичниковъ и вожей и ѣздоковъ—228, то-есть меньше, чѣмъ было ихъ въ 1626 г. Вмѣсто прироста мы видимъ убыль, которая происходила несомнѣнно отъ тяжкой службы и подневольной отсылки въ другіе города, а отчасти, конечно, и отъ перемѣны рода оружія. Къ этому надо прибавить, что въ концѣ XVII вѣка, когда станичная служба послѣ прихода черкасъ значительно поослабѣла, бѣлгородскіе станичники начали покидать старыя мѣста и селиться за Сѣв. Донцомъ. Мѣстное изслѣдованіе этого факта прямо не установило, но собрало пережитки, указывающіе на такой фактъ: такъ въ четырехъ юго-западныхъ селеніяхъ—въ с. Пристѣнномъ, Ровенькѣ, Бочковомъ и Чермошномъ, отмѣчена земля въ дачѣ села Разумнаго; правда, такой земли немного всего 342 десятины, но вѣдь всегда уходятъ малоземельные, кому тѣсно стало въ родномъ селѣ. Эта связь по землѣ, уцѣлѣвшая донынѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что часть заимщиковъ помянутыхъ селеній пришла изъ с. Разумнаго. Въ такомъ поступательномъ движеніи съ сѣвера на югъ нѣтъ ничего непонятнаго.

Нѣсколько труднѣе разобраться съ Атаманской дачей: по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія къ ней принадлежатъ три селенія: с. Ястребово (84 дв.) с. Севрюково (140 дв.) и д. Бѣловская (238 дв.). Метрополіей здѣсь было село Ястребово, Никольское тожъ, упоминаемое еще въ писцовой книгѣ 1626 г. Тогда здѣсь числилось 20 бѣлгородскихъ атамановъ, и 16 изъ нихъ имѣли уже дворы, хотя жили постоянно въ Бѣлгородѣ и пашню пахали «наѣздомъ». Они были испомѣщены по 50 четвертей на дворъ [1]). Однако мѣстноее изслѣдованіе установило [2]), что земля с. Севрюкова составляла до размежеванія часть Атаманской дачи, „въ которой было 40 починковъ»; съ другой стороны извѣстно, что въ д. Бѣловской было всего 8 починковъ [3]). Если вычтемъ эти восемь починковъ изъ общаго числа то на долю первыхъ двухъ селеній придется 32 починка. Но въ 1626 г. мы можемъ насчитать въ Бѣлгородѣ не болѣе 23 станичныхъ и казацкихъ головъ, но вѣдь только эти головы очевидно и могли быть названы атаманами. Какъ же быть съ этимъ противорѣчіемъ? Оказывается, что по переписнымъ книгамъ 1678 г. ни с. Севрюково, ни д. Бѣловская еще не значатся, стало быть они образо-

---

[1]) Миклашевскій, стр. 104.

[2]) Стат. Сбор. Бѣлгор. у. стр. 167.

[3]) Ibid 161—2.

вались позже, путемъ выселенія изъ с. Ястребова. Идя отъ извѣстнаго, допустимъ, что 8 дворовъ отселилось въ д. Бѣловскую; сколько же въ это время осталось въ метрополіи, очевидно, не прежніе 20, какъ было въ 1626 г., а гораздо больше; но почему же починки этихъ восьми дворовъ оказались равными стариннымъ заимочнымъ починкамъ? О равенствѣ ихъ сказано вотъ что: каждый починокъ дѣлился на «четвертины», въ каждой четвертинѣ считается посейчасъ 14 десятинъ, стало быть въ починкѣ было $14 \times 4 = 52$ десятины. Если возьмемъ землю всѣхъ трехъ селеній, (исключая лѣсной надѣлъ, прирѣзанный недавно изъ чужихъ дачъ), то узнаемъ, что всей земли послѣ спеціальнаго, конечно, размежеванія, бывшаго въ 1859 г. насчитывается $2924_{,9}$ десятины, то - есть всѣхъ четвертинъ было $208_{,8}$, а починковъ 56 съ небольшимъ. Слѣдовательно, показаніе о 40 починкахъ невѣрно. Нельзя также допустить, что послѣ размежеванія эти селенія выравнивались по душамъ: если бы это было, мы не видѣли бы разницы въ надѣленіи, считая оное на души [1]).

Очевидно, въ очень отдаленное время допущено было просто-на-просто дворовое поравненіе, и случилось это тогда, когда метрополія разродилась до 56 дворовъ и въ это-то время и установился опредѣленный размѣръ починковъ, коими въ переносномъ уже смыслѣ сталъ называться дворовый пай; это случилось, когда изъ метрополіи уже отселились многіе по громадной дачѣ: часть вышла на сѣверъ въ Севрюково, а часть на югъ, черезъ рѣчку Разумницу, въ д. Бѣловскую. Послѣ этого метрополія, очевидно, страшно ослабѣла; это видно и по нынѣшнему числу дворовъ: ихъ тамъ 80 противъ 238 въ д. Бѣловской. Но какъ же согласовать съ этимъ вышеприведенное указаніе на 8 починковъ д. Бѣловской и преданіе о 40 починкахъ во всей дачѣ? Очевидно, въ еще болѣе раннее время вся эта сложная община разверстывала землю на 40 дворовъ и 8 изъ нихъ жили уже въ Бѣловской. Эти 40 дворовъ произошли изъ 20 тѣхъ дворовъ атамановъ, кои значились по писцовой книгѣ 1626 г. Такимъ образомъ все время атаманы разверстывали землю на дворы и дворовый пай постоянно уменьшаясь продолжалъ носить старое названіе «починка». По количеству земли, числящейся за каждымъ селеніемъ въ отдѣльности, мы должны установить, что изъ 56 дворовъ ровно половина жила въ д. Бѣловской (27 дв.), въ Севрюкову выселилось 16 дворовъ, а въ метрополіи осталось всего 13 дворовъ. Сопоставленіе этихъ дворовъ съ нынѣшними также вполнѣ совпадаетъ, а то обстоятельство, что въ метрополіи, до сихъ поръ сохранившей четвертную форму владѣнія, имѣется изъ 675 дес. всего надѣла 212 десятинъ дворовой земли—ясно свидѣтельствуетъ о старинной при-

---

[1]) На ревизскую душу приходится въ с. Севрюковѣ $2_{,3}$ дес., въ Бѣловской $2^3/_4$ и въ Ястребовѣ—$3_{,3}$.

вычкѣ къ дворовому поравненію Есть и еще важный намекъ. Въ д. Бѣловской, распавшейся послѣ перехода съ четвертей на души на двѣ общины, показанъ maximum земли у четвертниковъ, именно въ 14 десятинъ, значитъ, крупнѣйшій широкодачникъ въ 1859 г. владѣлъ только четвертиной починка. Не указываетъ ли и это на дворовое поравненіе, точнѣе говоря на дворовую переверстку. Быть можетъ, былъ моментъ, когда учетверившееся населеніе (по числу дворовъ) было выравнено по старинному обычаю и, чтобы не ломать межниковъ и вообще не путать старой организаціи, допущено было, что каждый дворъ долженъ владѣть лишь четвертиной починка. Это, конечно, произошло совсѣмъ недавно, когда въ трехъ селеніяхъ было уже 208 дворовъ.

Дворовое поравненіе, какъ таковое, вовсе не препятствовало по полосной разверсткѣ пахоти, и теперь, именно, въ с. Ястребовѣ, какъ мы уже знаемъ, дворовая земля распредѣляется на 7 ярусовъ. Трудно объяснить, почему станичные атаманы бѣлгородскіе такъ упорно и такъ долго держались двороваго поравненія; быть можетъ на это повліяла плохая песчаная почва «Атамани», но вѣдь въ другихъ селеніяхъ по Донцу песку еще больше.

Скорѣе вліяла здѣсь историческая привычка равняться службой: каждый дворъ несъ извѣстную, очередную службу; затѣмъ, когда миновала эта непосредственная служба, стали равняться отбывомъ «податей», ради уравнительности въ коихъ, при плохомъ качествѣ почвы, старались разверстать земельную тяготу поровну. Со временемъ, когда подати получили подушную организацію, а земля стала приносить большую ренту, родилось новое стремленіе къ иному поравненію: с. Севрюково перешло на души полностью, д. Бѣловская раскололась на двѣ общины, но с. Ястребово осталось на четвертяхъ. Ясно, что въ метрополіи удержались самые закоренѣлые, неподвижные элементы, а здѣсь, какъ нарочно, въ силу меньшей плодовитости, у нихъ и земли стало относительно больше, чѣмъ у двухъ другихъ деревень.

Такимъ образомъ, многодворная заимка дала здѣсь всѣ три главныхъ вида формъ владѣнія, — четвертную, душево-четвертную и душевую. Но нельзя не замѣтить бросающейся въ глаза постоянной тенденціи къ поравненію—сперва къ дворовому, потомъ къ душевому. Какъ разъ ту же картину мы наблюдаемъ и въ Станичной дачѣ: тамъ въ обѣихъ метрополіяхъ, при значительномъ ослабленіи размѣровъ населенія, сохраняется поднесь четвертная форма съ ничтожными, впрочемъ, стремленіями къ дворовому поравненію; въ позднѣйшихъ отселкахъ мы видимъ уже иную форму, именно: въ с. Разумномъ душево-четвертную, въ сл. Вожевой душевую, а Дальніе Пески и Отрогъ, имѣющіе худшія земли, тѣмъ не менѣе далеко зашли по пути двороваго поравненія. Что касается позднѣйшихъ колоній

с. Пристѣннаго и другихъ селеній, кои образовались, конечно, не изъ однихъ станичниковъ, то въ двухъ изъ нихъ сохраняется четвертная форма, а въ остальной половинѣ мѣстныя дачи подѣлены въ 50 гг. на души, такъ что четвертное владѣніе сохраняется только въ чужихъ дачахъ, сталобыть въ прежнихъ метрополіяхъ. Сохраненіе четвертной формы въ помянутыхъ двухъ селеніяхъ, по всей вѣроятности, объясняется разнофамильностью первой заимки, по крайней мѣрѣ въ с. Бочковомъ, имѣющемъ нынѣ 100 дворовъ, при неудавшемся переходѣ въ 40 гг. выдѣлилось 10 широкодачниковъ, которые и сумѣли затормазить передѣлъ, что удавалось чаще всего тогда, когда были особыя, личныя грамоты на землю, а не одна общая грамота «съ товарищи».

Этими скудными данными исчерпывается почти все, что мы можемъ извлечь изъ мѣстныхъ изслѣдованій по вопросу о многодворной заимкѣ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Даже о подгородныхъ слободахъ ничего не сказано и мы уже изъ другихъ источниковъ (Миклашевскій) узнаемъ, что болховецкіе, наприм., пушкари при поселеніи своемъ въ 1649 г. получили поровну, именно по 7 четвертей на дворъ. Впрочемъ имѣются свѣдѣнія еще о двухъ селеніяхъ съ многодворной заимкой. С. Высокое, Щетиново тожъ [1]) лежащее за чертой, было жаловано землей въ малолѣтство Петра. Первоначально было 12 заимщиковъ, но они приняли къ себѣ еще 13 человѣкъ и такимъ образомъ произошли 25 фамилій; четверть равнялась будто бы 8 десятинамъ. Въ настоящее время въ селеніи 385 дворовъ. Въ виду того, что изслѣдователи не установили, на какихъ основаніяхъ и когда были приняты новые пришельцы, намъ сдается, что здѣсь имѣетъ мѣсто сборное селеніе позднѣйшей формаціи, а не многодворная заимка XVII вѣка. Про другое селеніе, лежащее до черты—с. Непхаево, сказано болѣе категорически: «земля жалована 19 заимщикамъ по 6 четвертей каждому и въ четверти было 30 десятинъ» [2]). Здѣсь, очевидно, была равновеликая многодворная заимка; къ сожалѣнію дальнѣйшее описаніе столь сбивчиво, что трудно установить разверстку земли въ этомъ селеніи. Вотъ что пишутъ изслѣдователи: «Каждая изъ 19 фамилій владѣетъ въ настоящее время по старинѣ особымъ участкомъ (починкомъ) [3]) въ каждомъ полѣ; потомки же 19 заимщиковъ владѣютъ въ своихъ починкахъ черезполосно. Въ настоящее время, впрочемъ, вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ земли, въ починкахъ каждой фамиліи стало много постороннихъ изъ другихъ фамилій. Пахоть начинается отъ усадебъ и тянется въ одну сторону на 10 верстъ; лѣсъ въ 5 участкахъ»... Вотъ и все. Но какъ понять существующую раз-

---

[1]) Стат. сборн. по Бѣлгор. у. стр. 98.

[2]) Ibid., стр. 46.

[3]) Скобки въ подлинникѣ.

верстку по этому описанію? Если вѣрно, что каждая фамилія владѣла особымъ участкомъ, то зачѣмъ же прибавлено «въ каждомъ полѣ». Значитъ, по меньшей мѣрѣ этотъ участокъ состоялъ изъ трехъ кусковъ, то-есть изъ трехъ участковъ, – очевидный абсурдъ. И произошелъ онъ отъ того, что изслѣдователь (или составитель сборника) замѣнилъ словомъ «участокъ» другое, именно, «починокъ». А мы знаемъ, что если первоначально починкомъ и называлось нѣчто особое, отдѣльное, то эта отдѣльность его противополагалась дикому «непочатому» полю, а не сосѣдней пахоти. Первое время, поселенные здѣсь 19 помѣщиковъ могли, конечно, жить обособленно, недаромъ же село Непхаево протянулось на пять верстъ: на такомъ разстояніи можно размѣстить 19 дворовъ и каждый изъ нихъ могъ пахать отдѣльный починокъ. Но единство надѣленія, такъ сказать, равновеликость испомѣщенія, общая дача и общая съ нея служба должны были очень рано объединить совладѣльцевъ. За наступившимъ занятіемъ ближайшихъ къ усадьбамъ мѣстъ возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ распредѣленіи земли. Какъ оно осуществилось? Изслѣдователь говоритъ «по старинѣ», но это слово ничего не значитъ: можно подъ нимъ понимать и захватный способъ и самое тщательное уравненіе по разстоянію и четвертямъ.

Что здѣсь не было захватнаго способа, видно изъ того, что до сихъ поръ непхаевцы превосходно «ежегодь» примѣняютъ разверстку вырубаемой части лѣса противъ дачъ (стр. 147): «Опредѣливъ къ вырубкѣ извѣстный участокъ, общество дѣлитъ его по жребію на 19 равныхъ частей по числу фамилій, и каждый домохозяинъ получаетъ свою часть пропорціонально числу десятинъ владѣемой имъ земли въ данномъ починкѣ.» Отчего же не могъ практиковаться такой же порядокъ при назначеніи новыхъ ярусовъ подъ роспашь? Далѣе, какова же фигура починка въ натурѣ? Если въ каждомъ изъ трехъ полей починокъ лежитъ особнякомъ, то какимъ же образомъ приняты интересы разстоянія? Единственнымъ способомъ здѣсь можетъ оказаться разрѣзка земли столбомъ, лентой, начиная отъ усадебъ и вдоль до конца дачи на 10 верстъ; при этомъ надо допустить, что въ каждомъ полѣ по 19 такихъ лентъ, а всего 57. Теперь пойдемъ дальше: намъ извѣстно, что село тянется на 5 верстъ, то-есть на 2500 сажень; при такой длинѣ усадьба первопочиночнаго двора равнялась 130 саженямъ; очевидно, тѣсниться не было резона; зачѣмъ же стѣснили себя первозаимщики ленточной разверсткой пахоти? Вѣдь если пахоть ихъ тянется, какъ это извѣстно изъ сборника, на 10 верстъ, то вся дача не можетъ, конечно, представлять собою параллелограмма, ибо $5 \times 10 = 50$ квадратнымъ верстамъ, а считая въ каждой такой верстѣ не менѣе 100 десятинъ, нужно имѣть 5000 десятинъ, у непхаевцевъ же всего 3284. Значитъ, дача ихъ имѣетъ видъ трапеціи, которая у усадебъ имѣетъ сторону въ 5 верстъ, а въ концѣ дачи много меньше. При такой

фигурѣ лента должна, по мѣрѣ удаленія отъ усадьбы, постоянно съуживаться и сойти почти на нѣтъ. Разрѣжьте пять верстъ на 57 лентъ—и вы получите всего 44 сажня: это будетъ ширина первозаимочнаго починка. Во имя чего допущена такая узость, а, главное, какъ мирятся съ такой узостью нынѣшніе владѣльцы? Вѣдь они сильно размножились и ихъ полосы должны быть, при такой первоначальной узости, нынѣ до крайности дробными. Повѣрьте, если бы такъ было, давно бы непхаевцы отвергли эту нелѣпую разверстку и установили бы иную, болѣе удобную. Но ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ, а есть только сплошное непониманіе со стороны изслѣдователя. Ему крестьяне говорили: «владѣемъ по старинѣ починками и каждый починокъ дѣлится лишь между однофамильцами»; затѣмъ, вспомнивъ о переходахъ по купчимъ за послѣднее время, крестьяне начали отрицать и это, утверждая, что «стало много постороннихъ фамилій». Изъ этихъ разсказовъ изслѣдователь отъ себя додумался, что починокъ есть нѣчто обособленное, отдѣльное, сирѣчь особнякъ, а того и не догадался спросить, какую же фигуру имѣетъ этотъ починокъ: неужто же клинообразную, на 10 верстъ протянувшуюся ленту, или это особо разбросанные по дачѣ острова? Тогда чего же фамиліи, попавшія взадъ дачи, до сихъ поръ не протестуютъ? Сумѣли же онѣ добиться поравненія въ лѣсныхъ дачахъ. Очевидно, изслѣдованіе этой общины произведено крайне поверхностно. Но въ Бѣлгородскомъ сборникѣ не мало такихъ упущеній: такъ, напр., одно изъ древнѣйшихъ селеній, Мелихово, упоминаемое еще въ дозорныхъ книгахъ 1599 г., а въ 1626 г. имѣвшее уже пять починковъ [1]), изслѣдовано изъ рукъ вонъ плохо.

Насколько описанія Бѣлгородскаго сборника подчасъ бываютъ неточны, можно видѣть изъ случая съ с. Соломинымъ, попавшимъ въ число однофамильныхъ, тогда какъ въ немъ была многодворная заимка этой группы. Объ этомъ селеніи въ сборникѣ сказано, что первозаимщикъ Филатовъ лѣтъ 200 назадъ пришелъ изъ Наумовки, что онъ былъ столбовой дворянинъ, имѣлъ крѣпостныхъ людей и жалованную землю. [2]) Въ другомъ мѣстѣ сборника (стр. 126) про Наумовку сказано, что земля была пожалована Петромъ I боярскому сыну Филиппову. Здѣсь, очевидно, опечатка и вмѣсто Филиппова надо читать Филатова. Но есть здѣсь болѣе серьезное недоумѣніе: во-первыхъ, Наумовка лежитъ на южной границѣ уѣзда, за 25 верстъ, а с. Соломино верстахъ въ семи отъ Бѣлгорода, хотя и за чертой: трудно ожидать, чтобы колонизація шла здѣсь съ юга на сѣверъ. Во-вторыхъ, и это главное, с. Соломино упоминается въ переписныхъ книгахъ 1678 г. [3]), тогда какъ о Наумовкѣ нѣтъ еще помину и само

---

[1]) Миклашевскій, стр. 103.
[2]) Стат. сборн. Кур. губ., т. X., стр. 8.
[3]) Миклашевскій, стр. 202.

преданіе относитъ ея образованіе ко времени Петра. Въ-третьихъ, изслѣдователи незамѣтно для себя впадаютъ въ противорѣчіе. Въ началѣ описанія сл. Наумовки они, какъ мы уже знаемъ, пишутъ: «до 1854 г. хутора Краснаго не существовало, земля же составляла собственность однодворцевъ с. Соломина». За соломинскую недоимку была отобрана эта земля и хотя наумовцы протестовали, но ничего не отстояли. Ясно, что не изъ Наумовки пришли Филатовы въ Соломину, а наоборотъ, и, судя по названію, нѣкій Наумъ Филатовъ продвинулся въ конецъ своей дачи и тамъ поселился. Удивляться громадности разстоянія между Соломиной и Наумовкой не приходится, ибо здѣсь были юрты и однимъ изъ такихъ юртовъ, очевидно, и владѣли соломинцы. Наконецъ, въ Соломинѣ заимщикомъ былъ не одинъ Филатовъ, а цѣлыхъ три брата Филатовыхъ и рядомъ съ ними еще 9 человѣкъ. Узнаемъ мы это изъ копій съ подворнаго и поселеннаго бланковъ, кои были сняты нами съ подлинниковъ еще до изданія Бѣлгородскаго сборника. Изъ этихъ копій сразу видно, что составитель описаній, помѣщенныхъ въ сборникѣ, далеко не использовалъ собраннаго на мѣстѣ матеріала; онъ помѣстилъ только начало изъ соломинскаго поселеннаго бланка, и это начало было записано со словъ всего одного крестьянина изъ рода Филатовыхъ, «не особенно глупаго и не особенно умнаго, нѣсколько кулака и сутяги», какъ отмѣтилъ изслѣдователь. Послѣ этого замѣчанія въ концѣ описанія изслѣдователь дѣлаетъ еще вставку: «тутъ что-то онъ путаетъ, завтра на сходѣ добьюсь толку»... и затѣмъ съ красной строчки записано провѣренное на сходѣ наблюденіе, вполнѣ согласное и съ подворнымъ бланкомъ. Вотъ что мы читаемъ здѣсь: «Земля занята при царѣ Алексѣѣ. Изъ Наумовки три брата Филатовыхъ, у нихъ три починка по 86 десятинъ (Филатовщина); Трунинъ починокъ, 86 д., вымеръ; Огуреевъ, 86 десятинъ, тоже починокъ; у казака заимщика купили Тороповъ, Несмѣяновъ и Огурцовъ тоже починокъ въ 86 десятинъ, а седьмой починокъ — церковный. Но всѣхъ было 13 починковъ дворянскихъ, и мы дворяне. Были здѣсь еще Сонцовъ, Дѣвицынъ, Черноглазовъ, Ильинскій, Гриневъ и Лѣщинскій. На Дѣвицынскій починокъ присталъ Фонъ-Выкинъ и, будучи силенъ, захватилъ больше всѣхъ».

Провѣримъ это показаніе подворнымъ бланкомъ, для этого нужно подсчитать землю по фамиліямъ; вотъ что получается:

	Дворовъ.	Земли.
Филатовыхъ	48	279 дес. (+21 прикупленной)
Огурѣевыхъ	10	$67,_8$ (—3)
Тороповыхъ. . . .	5	$31,_7$
Огурцовыхъ. . . .	2	$30,_6$
Поповъ	1	$5,_2$
Копыловъ	1	$3,_1$.
	67	417,4 (+18).

На три починка Филатовыхъ придется 86×3=258 десятинъ, мы же видимъ нѣсколько больше; наоборотъ, на починокъ Огурѣева не хватаетъ $18_{,2}$ дес. Много не хватаетъ у покупщиковъ Торопова и Огурцова, но третьяго—Несмѣянова уже нѣтъ; онъ, очевидно, свою землю продалъ въ постороннія руки и она ушла въ особнякъ при спеціальномъ размежеваніи, бывшемъ въ 1859 году. Наконецъ, два двора Попова и Копылова, очевидно, очень поздніе зятья, но въ чей починокъ они пристали—неизвѣстно, хотя, по парности ихъ владѣній, перваго надо отнести къ починку Огурѣева, а второго—къ одному изъ Филатовыхъ. Кромѣ того, починки сильно перепутаны позднѣйшими переходами по купчимъ; такъ, въ Филатовщинѣ за двумя дворами отмѣчена купленная земля въ размѣрѣ 21 десятины, а въ Огурѣевскомъ починкѣ есть безземельный, выпродавшій свои 3 десятины; остальные переходы по бланку не отмѣчены. Всей распашной земли за с. Соломинымъ числится $473_{,6}$ десятины, такъ что нераспредѣленной остается $38_{,2}$ дес., но, быть можетъ, она значится за посторонними владѣльцами другихъ деревень или продана въ чужія руки. Намъ скажутъ: гдѣ же обмершій починокъ Трунина? На этотъ счетъ вотъ что записано изслѣдователемъ: «Общественная земля—сябровщина» получилась отъ старинныхъ сходцевъ и отъ обмершаго починка; эту землю не стали производить по наслѣдству и была она за обществомъ. До размежеванія ея было, говорятъ, 80 дес., потомъ меньше. При развертскѣ послѣ размежеванія на нее кидали въ каждомъ ярусѣ особый жеребей, но при выдачѣ владѣнной записи волостной писарь не зналъ, какъ записать эту землю, и, высчитавъ, поскольку придется ея на десятину, прикинулъ къ каждой десятинѣ по одной десятой или около этого... Произошла смута, съѣзжалъ старшина, дѣло пошло въ крестьянское присутствіе. Испугались ли волокиты, или прямо не желая чужого вмѣшательства, но крестьяне тогда же постановили словеснымъ приговоромъ переверстать всю землю по владѣнной». При этой второй переверсткѣ, къ сожалѣнію, вмѣсто двухъ саженъ, какъ было прежде, стали намѣрять на десятину всего одну, отчего число ярусовъ въ каждомъ полѣ, конечно, удвоилось не къ пользѣ хозяйства».

Такимъ, образомъ обмершая земля «расползлась» по хозяевамъ пропорціально ихъ владѣнію; поэтому-то въ Филатовщинѣ нынѣ должно быть (86×3)=258+$25_{,8}$ и зятя Копылова $3_{,1}$=$276_{,9}$. Почти эту цифру мы и находимъ здѣсь—279. По такому разсчету у Огурѣевыхъ должно бы было быть 86+$8_{,6}$=$94_{,6}$; у нихъ же съ зятемъ и съ продавцемъ всего 76 десятинъ; остальныя же $18_{,6}$, вѣроятно, проданы Филатовымъ. Съ помощью этихъ выкладокъ можно опредѣлить, сколько было продано Несмѣяновымъ; для этого доли Торопова и Огурцова надо раздѣлить на одиннадцать и, вычтя одиннадцатую часть, опредѣлить разницу отъ 86, то-есть первоначальнаго

починка. Получится: $86-(62,_3-\frac{62,_3}{11})=29,_4$. Около 30 десятинъ ушло изъ одного починка, и, зная это, не трудно провѣрить всѣ показанія путемъ сопоставленія всей земли. Ея, какъ сказано, $473,_6$ десятины; раздѣливъ это число на шесть починковъ, получимъ всего $78,_9$ дес., значитъ, меньше, чѣмъ считаютъ крестьяне въ починкѣ. Но если къ общему количеству земли присоединимъ долю Несмѣянова, опредѣленную нами въ $29,_4$ десятины, то на починокъ получится около 84 десятинъ, а это ужъ такъ близко, что и спорить никто не станетъ. Но споръ устранится окончательно, когда мы прибавимъ $2,_6$ дес. луга и 8 дес. выгона; тогда получится всей земли $513,_6$ десятины, а на одинъ починокъ $85,_6$ десятины, то-есть почти тождество.

Но обратимся вновь къ поселенному бланку. Фонъ-Выкинъ, приставшій на Дѣвицынскій починокъ [1]), былъ сильнѣе всѣхъ; это былъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, про которыхъ Посошковъ говорилъ: «самъ у себя», а судя по тому, что онъ присталъ на вымирающій дворъ, врядъ ли онъ имѣлъ многочисленное потомство. Это обстоятельство дѣлало и его наслѣдника, какъ одиночку, сильнымъ и опаснымъ для общины. Но надо пояснить, что онъ принадлежалъ къ другой общинѣ. «До размежеванія, говорятъ крестьяне, земля въ каждомъ клину дѣлилась на два равныхъ «лана» (волока); ланы тянулись черезъ все поле отъ усадебъ, правый принадлежалъ Фонъ-Выкину съ пятью перечисленными товарищами, а лѣвый—Филатовымъ съ товарищами. Фонъ-Выкинъ и скупалъ, и отбивалъ землю у своихъ совладѣльцевъ, особенно въ своемъ ланѣ; въ лѣвомъ ланѣ этой участи подвергся, повидимому, лишь одинъ Несмѣяновъ. При спеціальномъ размежеваніи особнякъ соломинскимъ однодворцамъ отведенъ также вдоль дачи, но поуже прежняго больше, чѣмъ вдвое. Крестьяне говорятъ, что ихъ замѣрили, но въ виду вышеизложенныхъ совпаденій количества земли съ размѣрами починковъ надо признать, что размежеваніе здѣсь произведено очень добросовѣстно—отобрана лишь проданная Несмѣяновымъ земля, но иначе и быть не могло. Въ размежевкѣ участвовали съ одной стороны наслѣдники Выкина и самая незначительная часть мелкопомѣстныхъ дворянъ, уцѣлѣвшихъ послѣ покупокъ Выкина, съ другой—четыре фамиліи однодворцевъ. Получивши особнякъ соломинцы вѣрные своей привычкѣ разбили каждое поле на два лана, назвали ихъ старыми именами «правымъ и лѣвымъ», но по фамиліямъ разбивали не лентами, а поперекъ. Ярусовъ было по 5 въ клину, но послѣ второй переверстки благодаря грубой ошибкѣ составителей владѣнной число ярусовъ было удвоено.

---

[1]) Очень можетъ быть первозаимщикъ и не носилъ фамиліи Дѣвицына; скорѣй всего память крестьянская сохранила лишь то обстоятельство, что этимъ починкомъ владѣла осиротѣвшая дѣвица.

Итакъ, въ с. Соломинѣ мы видимъ многодворную заимку изъ 12 помѣщиковъ и попа, но это была, собственно говоря, сложная община, раздѣленная на двѣ равныхъ части. Скоро между этими двумя частями, благодаря сильному лицу началась вражда, усугубившаяся послѣ учиненія «подушнаго оклада». Половина общины, попавшая въ этотъ окладъ, продолжала медленно развиваться и стойко вела борьбу съ сосѣдомъ, а другая, дворянская половина разбрелась, бросивъ свои земли въ однѣ сильныя руки: латифундіи тамъ и образовывались, гдѣ противъ жаднаго сосѣда не было крѣпко сплоченной общины.

Посмотримъ теперь на общины съ разнофамильными заимками. Кромѣ с. Устинки и с. Бочковаго, про которыя мы уже упомянули, въ Бѣлгородскомъ сборникѣ имѣется лишь одно селеніе, которое можно отнести къ этой группѣ. Это с. Мясоѣдово, расположенное верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ Бѣлгорода [1]). По писцовымъ книгамъ 1626 г. въ с. Мясоѣдовѣ уже числилось 25 дворовъ, мѣстное же изслѣдованіе установило здѣсь всего семь заимщиковъ, владѣвшихъ нѣкогда семью починками. Всѣ эти заимщики назывались дѣтьми боярскими и пришли сюда изъ-подъ Курска. Такъ какъ у двухъ родовъ—Русанова и Ушакова до перехода съ четвертей на души (1859 г.) была особая жалованная земля, лежавшая верстъ за пять отъ селенія, то надо полагать, что въ Мясоѣдовѣ была разнофамильная заимка. Эту сверхпочинковую землю—Русановщину, 29,2 дес., и Ушаковщину, 46,5 дес.—мясоѣдовцы пустили въ общій передѣлъ, хотя хозяева ея сильно протестовали противъ этого.

Изслѣдованіе, установившее только семь починковъ въ этомъ селеніи, повидимому, не находится въ противорѣчіи съ данными писцовой книги. Во-первыхъ, обнаружено, что усадьбы до сихъ поръ черезполосны съ помѣщичьими, хотя пахоть спеціально размежевана въ 1858 г. Стало быть нѣкоторые изъ первозаимщиковъ сумѣли поддержать дворянскую линію и въ число однодворцевъ не попали. Во-вторыхъ, изслѣдованіе отмѣтило, что лѣтъ сто назадъ с. Мясоѣдово стояло на горѣ, гдѣ и посейчасъ остаются слѣды дворищъ въ видѣ остатковъ погребовъ; нынѣ же оно расположено подъ горой «внизу». Очевидно, первоначальное поселеніе было сообразовано не столько съ хозяйственными цѣлями, сколько со стратегическими. Мы и въ другихъ мѣстахъ видѣли, что изъ первичныхъ поселковъ населеніе выходило съ большой охотой. Нетрудно допустить, что

---

[1]) Сюда же слѣдовало бы причислить д. Шеховцову, въ коей было 3 заимщика, и с. Шляхово, по дозорной книгѣ 1616 года занятое двумя Шляховыми. И если первая такъ и осталась разнофамильной (нынѣ всего 6 дв.), то послѣднее претерпѣло, очевидно, сильное вселеніе (нынѣ 159 дворовъ) и, вѣроятно, должно быть отнесено просто къ сборнымъ селеніямъ позднѣйшей формаціи.

и здѣсь, въ Мясоѣдовѣ, дѣйствовали тѣ же побужденія; часть населенія могла уйти вовсе, передавъ свои земли въ руки тѣхъ, кои, поддерживая дворянскую линію, въ концѣ концовъ потребовали размежеванія. Нынѣ считается въ Мясоѣдовѣ 198 дворовъ, то-есть на одну фамилію въ среднемъ—28 дворовъ. Такое умноженіе владѣльцевъ, свидѣтельствующее о давности заселенія, не могло, конечно, не отразиться на формѣ владѣнія и въ 1859 г. мясоѣдовцы установили у себя душевую форму. Но, кто знаетъ, быть можетъ, гораздо раньше этого здѣсь было примѣняемо дворовое поравненіе и вотъ благодаря ему-то установилось понятіе о семи починкахъ, хотя сохранилось преданіе и о томъ, что двѣ фамиліи имѣли земли нѣсколько больше, чѣмъ полагалось на починокъ.

Въ предѣлахъ нынѣшняго Бѣлгородскаго уѣзда мы имѣемъ нѣсколько однофамильныхъ общинъ. Это смѣльчаки-одиночки, продвинувшіеся между крупными поселками. Сюда относятся: 1) д. Коровина, первозаимщику коей Ивану Маслову была обѣлена земля за московское осадное сидѣнье. Потомки Маслова, въ количествѣ 24 почти однофамильныхъ дворовъ, владѣютъ своей землей по четвертямъ безоброчно. 2) Сл. Черная Поляна, лежащая близъ Бѣлгорода, принадлежала верстанному казаку Максиму Яковлеву. За московское осадное сидѣнье и его помѣстье было обѣлено Михаиломъ Ѳедоровичемъ, на что имѣется до сихъ поръ царская грамота. Но земля эта изоброчена: чиновникъ палаты государственныхъ имуществъ просилъ всего десять рублей — до того легко было исключить землю эту изъ оброка, но старики не дали просимаго и попали въ оброкъ. У Максима Яковлева было два сына, изъ коихъ одинъ оставилъ только дочь, на которую присталъ боярскій сынъ Буняевъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь двѣ основныхъ фамиліи—Яковлева и Буняева, а встрѣчающаяся въ двухъ случаяхъ фамилія Лобова принадлежитъ позднѣйшему зятю; дворъ же Полуэктова — незаконнорожденный, владѣющій землею матери. По воззрѣніямъ однодворцевъ, «у матери дѣти равны», и потому никогда не отнимаютъ у незаконнорожденныхъ земли, если таковая была у ихъ матери. Въ одномъ случаѣ въ Суджанскомъ уѣздѣ дочь, прижитая въ законѣ, получила отцовскую землю, но рожденный вдовою сынъ получилъ всю материнскую землю: «у матери дѣти равны, но вѣдь сестра при братѣ не наслѣдница, для бабы же всякое дитё законно»... Такъ мотивалъ сходъ свое рѣшеніе. Но по X тому, незаконному нельзя дать ни одной пяди изъ материнской земли. Всѣхъ дворовъ въ Черной Полянѣ нынѣ считается всего 30.

3) С. Рѣпное, Чаусовка тожъ, расположено также недалеко отъ Бѣлгорода, но за чертой. Жилъ нѣкогда въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ дворянинъ капитанъ Исай Андреевъ, по-уличному Чаусъ. Храбро дрался онъ съ татарами и имѣлъ много жалованной, помѣстной земли въ разныхъ деревняхъ уѣзда

и, между прочимъ, за Донцомъ въ урочищѣ Рѣпномъ. У него было два сына и изъ нихъ ни одинъ не похотѣлъ служить. Разсердился Чаусъ на дѣтей, проклялъ ихъ и сталъ мотать свое добро и землю: игралъ въ карты, пилъ; за корову, которая понравилась, отдалъ цѣлое помѣстье въ 40 четвертей. Сыновья, боясь гнѣва отца, ушли за Донецъ и тамъ тайно поселились въ отцовской пустоши — Рѣпномъ: вырыли себѣ здѣсь землянку и въ ней жили до смерти отца; врядъ ли они занимались здѣсь землепашествомъ, кажется, промышляли разбоемъ. Въ этомъ урочищѣ было за отцомъ ихъ 200 четвертей, но, послѣ размежеванія, осталось всего 212 десятинъ. Нынѣ всѣ 26 дворовъ носятъ одну фамилію: не было ни одного зятя, а съ другой стороны никто еще никогда не женился на наслѣдницѣ, такъ чтобы пристать въ чужую деревню; но переселенія, какъ, напр., въ хуторъ Красный, были, конечно. Здѣсь полная родовая замкнутость, но ошибка во владѣнной нарушила всю эту тишину. Дѣло въ томъ, что во владѣнную занесены, безъ всякаго резоннаго основанія, 4 двора, поступившихъ въ казенное завѣдываніе послѣ помѣщика Іевлева. Два двора съ 27 десятинами земли вымерли. По закону, выморочныя земли идутъ «подъ общество», и вотъ потомки Чауса, ничего не имѣя общаго съ крестьянами Іевлева, присвоили себѣ выморочную землю, основываясь на томъ, что она въ одной владѣнной записи; нѣсколько лѣтъ идетъ судъ и неизвѣстно, чѣмъ кончится.

Къ однофамильнымъ общинамъ гадательно можно отнести еще шесть общинъ, о коихъ въ сборникѣ, прямыхъ указаній на ихъ однофамильность нѣтъ, но мы заключаемъ о ней по малому количеству дворовъ и отчасти по названіямъ [1]). Всѣ они четвертные и лишь одна община перешла на души въ 30 гг.

Итакъ, однофамильную заимку мы наблюдаемъ въ 9 случаяхъ, разнофамильную—въ 3, и въ 27 случаяхъ ясно установлена многодворная заимка съ равновеликими починками [2]). Остается 34 однодворческихъ селенія, о коихъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ по затронутому нами вопросу. Попробуемъ на основаніи косвенныхъ показаній разгруппировать и эти общины. Ради этого посмотримъ сперва, какими цифровыми признаками отличаются селенія, извѣстныя намъ съ интересующей стороны. Само собою понятно, что въ этомъ случаѣ можетъ служить болѣе или менѣе вѣрнымъ показателемъ только число дворовъ въ томъ предположеніи, что

---

[1]) Эти общины слѣдующія: Ячневъ-Колодезь 2 дв., Х. Ивановскій—10 дв. Х. Сапрыкинъ—6 дв., д. Напрасная—12дв., сл. Ушаковка—29 дв. и душевой хут. Красный Острожекъ—32 дв.

[2]) Сюда причислены, конечно, всѣ подгороднія слободы. Сборныя же селенія с. Шляхово и х. Красный съ Наумовкой въ подсчетъ этотъ пока не вошли.

однофамильная заимка не имѣла за собою столько времени, чтобы разродиться до громадныхъ размѣровъ, а многодворная — чтобы дойти до вырожденія. Поэтому сопоставимъ число дворовъ и общинъ.

	Дворовъ всего.	Въ средн. на 1 общину.
9 однофамильныхъ заимокъ	174	19,3
3 разнофамильныхъ	407	135,6
27 многодворныхъ заимокъ	5714	211,7
2 сборныхъ селенія	284	142,0.

Какъ и слѣдовало ожидать, средній размѣръ для многодворныхъ заимокъ получился максимальный; поэтому не будетъ натяжкой, если мы всѣ общины, имѣющія свыше 200 дворовъ, отнесемъ именно къ многодворной заимкѣ. Таковыхъ изъ 32 неизвѣстныхъ общинъ насчитывается 10 [1]); изъ нихъ три за чертой и семь до черты. Изъ этого числа только въ одномъ селѣ Масловой Пристани можно сомнѣваться, не сборное ли это селеніе, ибо по писцовымъ книгамъ оно числилось за богатѣйшими помѣщиками того времени, боярскими дѣтьми Масловыми. Всѣ же остальныя несомнѣнно имѣли равновеликую заимку: такъ, с. Крутой Логъ, по всей вѣроятности, лежитъ въ извѣстной намъ станичной дачѣ. Затѣмъ въ двухъ селеніяхъ Висломъ и Зиборовкѣ мы видимъ по 190 дворовъ; въ обоихъ сильно развито дворовое поравненіе. Въ 11 общинахъ насчитывается отъ 100 до 176 дворовъ; изъ нихъ 4 на югѣ и 7 на сѣверѣ. Быть можетъ, и въ нихъ была многодворная заимка, но въ двухъ изъ нихъ скорѣе можно предположить разнофамильную: это с. Яковлево (120 дв.) и д. Быковка (107 дв.). Оба они расположены близъ г. Карпова, а мы тамъ въ предѣлахъ Грайворонскаго у. увидимъ именно разнофамильную заимку. Кромѣ того, про Быковку прямо сказано, что «предки были дѣти боярскія и землей жалованы за службу» (стр. 55). Быть можетъ, это сведенцы изъ-подъ Курска. Наконецъ, въ 11 селеніяхъ менѣе ста дворовъ, причемъ въ 5 — отъ 74 до 99, въ двухъ 64 и 57, въ х. Лахтенкѣ, очевидно однофамильномъ — 46, въ с. Долбинѣ, также, по всей вѣроятности, однофамильномъ — 42 и, наконецъ, въ Прилѣпкахъ 12 дв., но это отселокъ [2]).

Допустимъ, однакоже, что изъ всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ случаевъ многодворная заимка имѣла мѣсто лишь въ самыхъ крупнѣйшихъ 12, всѣ

---

[1]) На сѣверѣ: Мелихово—310 дв., Крутой Логъ—387, сл. Собынина—224, Шепно—358, с. Хохлово—225, Гостищево—205 и Маслова Пристань—218. На югѣ: Логовое—326, Кобелевка—263 и Журавлевка—248 дворовъ.

[2]) Кромѣ того, сюда же надо отнести 6 дв. Шеховцевой

же остальные относятся къ разнофамильной заимкѣ; тогда получимъ такой процентный рядъ:

Общинъ однофамильныхъ.	11	$14,_7\%$
„ разнофамильныхъ.	23	$30,_7$
„ многодворныхъ.	39	$52,_0$
„ сборныхъ селеній.	2	$2,_6$
	75	100%

Отсюда видно, что многодворная заимка и по этимъ затемненнымъ даннымъ рѣзко преобладаетъ въ нынѣшнемъ Бѣлгородскомъ уѣздѣ; она имѣетъ мѣсто болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ общинъ. Процентъ разнофамильныхъ общинъ искусственно увеличенъ, съ одной стороны, за счетъ сборныхъ селеній, съ другой—за счетъ многодворныхъ общинъ. Въ числѣ послѣднихъ мы видѣли общины и съ малымъ количествомъ дворовъ, напр., с. Соломино—67 дв., сл. Ѣздоцкая—74, сл. Михайловская—64, д. Отрогъ—64, Дальніе Пески—56 дв., и даже Ястребово, одно изъ древнѣйшихъ многодворныхъ селеній, имѣетъ всего 84 двора. Кто же поручится, что въ тѣхъ селеніяхъ, неимѣющихъ 200 дворовъ, которыя нами огульно снесены въ группу разнофамильныхъ общинъ, не было именно многодворной заимки? Какъ ни мало интересовались этимъ вопросомъ бѣлгородскіе изслѣдователи, все-таки сумѣли отмѣтить шесть-семь однофамильныхъ заимокъ, до 27 многодворныхъ и всего одну разнофамильную, и то такого сомнительнаго качества, какъ въ с. Мясоѣдовѣ. [1]) А это, въ свою очередь, косвенно указываетъ на то, что разнофамильной заимки, какая сплошь встрѣчалась намъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Курской губерніи, здѣсь на югѣ близъ Бѣлгорода почти не было, а если и была, то только въ первое время въ XVII вѣкѣ. Разнофамильная заимка всегда разумѣетъ различное испомѣщеніе «по заслугѣ» или, если хотите, «по отечеству»; этими своего рода мѣстническими счетами занимались тѣмъ больше, чѣмъ ближе были къ Москвѣ, но, углубляясь въ украинскія дикія поля, некогда было заниматься такими пустяками, всякое чванство служилаго сословія разбивалось здѣсь о дѣйствительную тяжелую службу, да еще организованную на новый иноземный ладъ, который всѣхъ уравнивалъ въ одинъ рядъ. [2]) Такое уравненіе въ службѣ должно было отразиться уравненіемъ въ зем-

---

[1]) О другой разнофамильной общинѣ мы узнали отъ Миклашевскаго, а не отъ составителей сборника, о третьей—изъ косвенныхъ указаній сборника.

[2]) Да и по происхожденію своему изъ низшихъ рядовъ общества дѣти боярскія меньше другихъ были склонны кичиться своей породой, хотя нельзя сказать, чтобъ они были совершенно чужды такой кичливости.

лѣ, и вотъ мы видимъ преобладаніе именно многодворной, равнопочинковой заимки. Сколько ни захватывай, а помни, что твой починокъ не долженъ быть больше моего: не служилъ же ты лучше и больше другихъ, да и одинъ ты въ службѣ ничего не стоишь и пріобрѣтаешь цѣну лишь въ общемъ строю. Здѣсь кроется главная и чисто юридическая причина дворового поравненія; его принципъ такъ долго примѣнялся здѣсь, что однодворцы бѣлгородскіе до сихъ поръ не могутъ отвыкнуть отъ него и примѣняютъ его до сихъ поръ даже къ разверсткѣ пахоти. Эта историческая привычка мѣстами вызвала иные, болѣе утонченные и болѣе справедливые принципы поравненія, мѣстами живетъ прежнею жизнью и даже стремится къ эволюціи въ томъ же разъ намѣченномъ направленіи, но мѣстами, наконецъ, какъ бы уже утратилась. Кромѣ того, надо помнить, что вліяніе службы могло отражаться постепенно, и эта постепенность была причиной того, что нѣкоторыя разнофамильныя общины съ теченіемъ времени, благодаря дворовому поравненію, дѣлались какъ бы такими общинами, у коихъ починки равны и кои мы обыкновенно называемъ многодворными заимками. Это выравниваніе носило въ себѣ всѣ признаки юридическаго воздѣйствія службы на земельныя правоотношенія; иначе и быть не могло тамъ, гдѣ испомѣщеніе и всѣ его имущественныя послѣдствія строились на службѣ. Поэтому, пока служба оцѣнивалась по всѣмъ правиламъ мѣстничества, преобладало единоличное, до мелочей точное испомѣщеніе; послѣ же, когда чужеземный строй началъ выравнивать всѣхъ въ одну линію, служившіе въ этомъ строю низшіе служилые люди, мало зараженные традиціоннымъ мѣстничествомъ, стали выравниваться и по землѣ, по испомѣщенію землею. Это выравниваніе шло какъ сверху, отъ правительства, такъ и снизу, отъ самихъ служилыхъ людей. И такое направленіе поземельной политики и самопроизвольной эволюціи поземельныхъ отношеній могло установиться, конечно, не раньше установленія самаго источника, то-есть службы иноземнаго строя. Полнаго расцвѣта достигла она къ срединѣ XVII вѣка, и тѣ уѣзды Украйны, которые, какъ Бѣлгородскій, а позднѣе Новооскольскій, заселялись преобладающе именно въ это время установили у себя многодворную заимку. Но раньше и здѣсь, конечно, можно было видѣть единоличныя испомѣщенія, и вотъ масса-то ихъ для того времени и мѣшаетъ намъ согласиться съ г. Миклашевскимъ, утверждающимъ, что уѣздные помѣщики были испомѣщаемы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и городскіе.

Теперь, взявши тѣ случаи, въ коихъ первоначальная форма заимки вполнѣ опредѣлена, мы сопоставимъ ее съ нынѣшними формами землевладѣнія. Не раздѣляя уѣзда на районы, мы получимъ такую таблицу:

При заимкахъ.	Всего общинъ.	Изъ нихъ		
		Четверт.	Душевс-четв.	Душевыхъ.
Однофамильныхъ	9	7 (77,7%)	0	2 (22,3%)
Разнофамильныхъ.	3	1 (33,3)	0	2 (66,7)
Многодворныхъ а) пригородныхъ .	13	2 (15,4)	0	11 (84,6)
Многодворныхъ б) уѣздныхъ . . .	14	7 (50,4%)	3 (21,4)	4 (28,6)
Всего. . . .	39	17 (43,6%)	3 (7,7%)	19 (48,7%)
Сборныхъ селеній. . . .	2	0	0	2 (100%)

Здѣсь проценты выведены къ группамъ. Сравнивая ихъ по итогу, мы не видимъ никакого преобладанія. Такъ, если допустить, что душево-четвертная форма ближе подходитъ къ четвертной, то общины распредѣлятся на двѣ равныя половины. Но по группамъ мы видимъ въ этомъ отношеніи рѣзкую разницу. Однофамильная заимка даетъ наивысшій процентъ четвертныхъ общинъ; такъ и слѣдовало ожидать, ибо всѣ такія общины всегда бываютъ построены на строгомъ наслѣдованіи; онѣ всегда бываютъ настолько малы, что общественная жизнь въ нихъ является довольно несложной, интересы отдѣльныхъ хозяевъ трудно группируются и потому коллективно не защищаются. Это чистая форма родовой общины, хотя и она уже не чужда тенденцій къ поравненію; это видно изъ того, что въ двухъ общинахъ имѣется дворовое поравненіе, а въ 22,3% всѣхъ общинъ установлена даже душевая форма. Разнофамильная заимка, казалось бы, располагаетъ къ тому же явленію, но въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ мы этого не находимъ: очевидно, нивеллирующее значеніе службы здѣсь было очень сильно. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ двѣ группы многодворныхъ заимокъ: подъ городомъ онѣ даютъ полное преобладаніе душевой формы, въ уѣздѣ, напротивъ, какъ бы преобладаетъ четвертная форма. Это даетъ намъ право утверждать, что форма заимки въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ почти не вліяла на дальнѣйшее установленіе той или иной формы землевладѣнія. Очевидно, общественное развитіе мало обусловливалось первоначальными основаніями владѣнія, а, какъ разъ наоборотъ, отъ высоты этого развитія зависѣла степень развитія формъ землевладѣнія. Значеніе близости города здѣсь выступаетъ гораздо рельефнѣй: чѣмъ сложнѣй общественная жизнь, тѣмъ утонченнѣй общинная форма землевладѣнія. Кромѣ того, надо помнить, что весь вопросъ затемняется чрезвычайнымъ развитіемъ двороваго поравненія въ этомъ уѣздѣ.

Чтобы закончить описаніе Бѣлгородскаго уѣзда, посмотримъ, въ какой связи находятся экономическія явленія современной жизни съ современными формами владѣнія. Для этого сгруппируемъ общины въ обычномъ порядкѣ, выдѣливъ и тѣ общины, гдѣ имѣется дворовое владѣніе; послѣднее весьма важно именно для Бѣлгородскаго уѣзда, ибо эта форма такъ сильно распространена здѣсь. Получимъ такую таблицу:

	Число общинъ.	Средній размѣръ общины.	Душъ м. п. по X ревизіи.	% прироста.	Дворовъ.	Душъ.		% безземельн.	Земли десятинъ.	Среднее на дворъ.	% сдающихъ.	% безлошад.
						муж.	жен.					
Четвертные (чистые).	17	103,1	4371	34,5	1753	5883	5574	8,4	18725,0	10,7	12,9	31,6
Четвертные (съ дворовымъ поравненіемъ).	11	87,4	2193	45,1	961	3183	2988	2,9	10694,7	11,1	6,8	21,2
Душево-четвертные.	6	283,5	3881	36,4	1701	5294	5037	1,6	17348,7	10,2	7,3	19,3
Душевые со слѣдами четвертного влад. .	5	119,0	1430	49,6	595	2140	2032	1,7	7191,1	12,1	7,5	21,7
Душевые уѣздные.	25	145,3	8663	39,9	3638	12122	11407	1,5	35976,9	9,9	4,9	17,4
Душевые пригородніе	11	277,3	7845	24,2	3050	9738	9609	1,6	30131,5	9,8	12,3	30,1
Итого у однодворцевъ	75	155,9	28383	35,1	11698	38360	36647	2,8	120067,9	10,3	8,7	23,7
Экономическіе . . .	9	189,7	3720	44,6	1707	5382	5200	2,4	12927,2	7,8	7,3	21,8

Прежде всего взоръ нашъ останавливается на среднемъ размѣрѣ общинъ: чѣмъ крупнѣе община, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ поравненію; исключеніе составляетъ лишь вторая группа и понятно почему: технически несовершенное дворовое поравненіе, очевидно, мыслимо тамъ, гдѣ число дворовъ сравнительно невелико; при возрастаніи же числа дворовъ несовершенство этой формы сказывается гораздо сильнѣе. Дѣло другое—душевое поравненіе: оно тѣмъ сильнѣй, интензивнѣй, чѣмъ крупнѣй община. Третья группа душево-четвертныхъ владѣльцевъ только подтверждаетъ этотъ выводъ: наивысшій размѣръ общинъ, сюда относящихся, свидѣтельствуетъ намъ лишь о томъ, что за извѣстными предѣлами чистая четвертная форма становится невозможной: она является тогда ужаснымъ бременемъ, отъ котораго крестьяне стараются избавиться всѣми правдами и неправдами. И каково же положеніе тѣхъ, кто мнилъ выдачей владѣнныхъ записей наложить veto на священный законъ эволюціи! При томъ быстромъ ростѣ населенія у четвертныхъ однодворцевъ, какое мы видимъ повсюду, а въ частности и въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ (отъ 34 до 45%) трудно ожидать, чтобы эти многоплодящіеся однодворцы оставались покойны относительно ихъ неуклюжей формы землевладѣнія; очевидно, должно наступить время, когда незыблимость этой формы, бюрократически отстаиваемая закономъ о владѣнныхъ записяхъ, будетъ отвергнута всецѣло: однодворцы отлично помнятъ, что они не такъ давно при палатѣ государственныхъ имуществъ

были полными хозяевами своей земли и безъ особенныхъ затрудненій «поворачивали» свою землю съ четвертей на души.

Дальнѣйшія цифры, приведенной таблицы, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о невыгодности четвертной формы: какой бы рядъ процентовъ мы ни взяли, всюду чистая четвертная форма сопровождается наихудшими экономическими показателями. Здѣсь прежде всего рѣзко бросается въ глаза процентъ безземельныхъ, достигающій при чистой формѣ до $8_{,4}$ и тотчасъ же падающій до $2_{,9}$ какъ только наблюдается дворовое поравненіе. Про душевыя общины и говорить нечего: въ нихъ maximum безземельныхъ достигаетъ всего $1_{,7}\%$. Если у экономическихъ крестьянъ и высокъ этотъ процентъ ($2_{,4}\%$), то это объясняется тѣмъ, что до мѣстныхъ изслѣдованій въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ не было новыхъ передѣловъ на живыя души. Извѣстно, что земская перепись во многихъ мѣстностяхъ дала толчокъ къ установленію разверстки по наличнымъ душамъ; послѣ этого обыкновенно процентъ безземельныхъ долгое время остается равнымъ нулю. Иначе говоря, безземельность въ душевыхъ общинахъ явленіе временное, часто зависящее отъ воли домохозяина, отказавшагося отъ душевого надѣла; дѣло другое при четвертномъ правѣ—здѣсь образованіе безземельныхъ подчиняется неумолимо суровому закону: разъ лишившись земли, трудно пріобрести ее вновь; здѣсь *община никого не надѣляетъ*.

Проценты безхозяйныхъ и безлошадныхъ у четвертныхъ владѣльцевъ Бѣлгородскаго уѣзда поразительно высоки, особенно при чистой формѣ. Они выше тѣхъ процентовъ, кои наблюдаются близъ городовъ, гдѣ населеніе отвлекается посторонними заработками и гдѣ, стало быть, безлошадность не служитъ яснымъ признакомъ бѣдности. И все это мы видимъ при лучшемъ надѣленіи землей четвертныхъ владѣльцевъ.

Теперь обратимся къ другому древнему уѣзду, лежавшему на Бѣлгородской чертѣ—Старооскольскому. И. Н. Миклашевскій совершенно справедливо замѣчаетъ [1]), что въ моментъ составленія дозорныхъ книгъ 1617 г. «въ степной мѣстности лѣвой стороны рѣки Оскола на югъ отъ рѣки Котла не было ни одного селенія». Мало ихъ тамъ и сейчасъ—всего четыре [2]). Другая особенность этого уѣзда — полное отсутствіе крестьянъ и бобылей у оскольскихъ помѣщиковъ: всѣ они жили «однодворками». Достойно вниманія, что многія нынѣшнія селенія возникли еще до 1617 г., хотя правда они тогда назывались чаще всего «починками» и имѣли по одному, рѣже по 2, по 3 двора. Только въ селѣ Герасимѣ, лежащемъ много сѣвернѣй города Оскола, считалось 23 двора.

---

[1]) Къ ист. хоз. быта стр. 110.

[2]) Мы разумѣемъ, конечно, селенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а не бывш. крѣпостныхъ.

Сопоставленіе данныхъ мѣстнаго изслѣдованія съ данными дозорной книги 1617 года, приведенными у Миклашевскаго, наводитъ насъ на мысль, что Оскольскій край заселялся, а въ дальнѣйшемъ разселялся, совсѣмъ не такъ, какъ Бѣлгородскій уѣздъ. Мы видимъ близъ Стараго Оскола особенную неподвижность однодворческаго населенія; она выражается, какъ внѣшнимъ образомъ, въ видѣ ухода на сходцы излишняго населенія въ отдаленныя мѣста, а не въ близкіе хутора, такъ и внутреннимъ образомъ, въ видѣ родовой замкнутости, закоренѣлой привязанности къ четвертной формѣ, въ ослабленіи уравнительныхъ стремленій.

Родовая замкнутость выразилась въ томъ, что древнѣйшія селенія занятыя двумя, тремя «дѣдами» въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ не приняли къ себѣ никого кромѣ зятьевъ. Это видно изъ сопоставленія нынѣшнихъ цифровыхъ данныхъ. Ослабленіе общинныхъ инстинктовъ видно изъ того, что въ предѣлахъ Старооскольскаго уѣзда мы едва насчитываемъ 14 общинъ (изъ 97), имѣвшихъ многодворную заимку. Правда къ этому надо еще присоединить 10 пригородныхъ слободъ; но даже и въ нихъ мы не видимъ обычнаго стремленія къ душевому поравненію; именно здѣсь мы найдемъ четвертное владѣніе въ слободахъ Казацкой, Ѣздоцкой, Ламской и т. д. Только въ трехъ пригородныхъ слободахъ и въ четырехъ уѣздныхъ селеніяхъ мы встрѣчаемъ душевое владѣніе. Четыре изъ нихъ перешли на души въ началѣ сороковыхъ годовъ. Сверхъ того былъ еще одинъ переходъ въ то же время, но не вполнѣ удачный: сл. Пушкарная, подѣливъ всѣ угодья на души, оставила усадьбы по четвертямъ, а также отвела четвертную пахоть несогласнымъ. Если прибавимъ къ этому, что имѣется еще шесть душево-четвертныхъ общинъ, то станетъ ясно, что Старооскольскій уѣздъ, съ точки зрѣнія эволюціи формъ землевладѣнія, дѣйствительно неподвижный, старинный уѣздъ. Детали установленія душево - четвертной формы отзываются какою-то мертвенностью. Вотъ что можно прочитать въ Старооскольскомъ сборникѣ по этому поводу: „Въ с. Черниковѣ и д. Выползовой только лѣсъ (254,9 и 239,9 дес.) владѣется по четвертямъ, остальныя же угодья подѣлены на души въ 1840 году“. Такъ какъ лѣсъ отведенъ позднѣе, то по отводѣ былъ, очевидно, подѣленъ на дворы и съ тѣхъ поръ идетъ по наслѣдству, то-есть никакого стремленія къ поравненію! Въ трехъ громадныхъ общинахъ: въ с. Скородномъ (501 дв.) съ д. Тенешовкой (122 дв.) [1]), въ с. Вязовомъ (267 дв.) и въ с. Чуевѣ (157 дв.) изслѣдователи отмѣтили, что объ установленіи душевого владѣнія не сохранилось преданій, будто бы такъ было съ предковъ, но всюду сказано, что „душевой земли больше, чѣмъ четвертной“. Такъ, въ с. Вязовомъ изъ 4297,2 десятинъ всей земли—2883 дес. находится въ душевомъ вла-

[1]) Это одна община.

дѣніи и 1414 въ четвертномъ. „Четвертная земля называется „семидачиной“ и дѣлится на семь равныхъ починковъ по числу заимочныхъ фамилій“. Несмотря на это равенство, въ дальнѣйшихъ подсчетахъ мы эту общину относимъ къ разнофамильной заимкѣ, иначе поступить нельзя, ибо чѣмъ можно объяснить примѣненіе душевого поравненія кромѣ неравенства владѣнія въ нынѣшней душевой дачѣ? Мы такъ представляемъ исторію этого селенія: семеро помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, имѣли 1414 десятинъ земли то-есть примѣрно по 120 или 130 четвертей на брата. Эта земля была пожалована имъ въ половинѣ XVII вѣка, ибо по переписной книгѣ 1646 г. селенія этого еще не значится. Плодясь и множась вязовскіе однодворцы современемъ къ половинѣ XVIII вѣка вышли изъ своей дачи и распахали сверхъ дачъ порозжія земли, которыя и прирѣзаны имъ, во время генеральнаго межеванія, въ 15-ти десятинную пропорцію. Укрѣпивши такимъ путемъ эту землю, крестьянское общество не могло не сознать, что захватный способъ крайне неуравнителенъ: одинъ пашетъ много, другой ничего. Душевое надѣленіе по межевой инструкціи подсказало міру, какъ надо поступить, чтобы не было путаницы въ родовыхъ счетахъ, но эта путаница, очевидно, не имѣла мѣста въ старинной семидачинѣ, она была только въ новой дачѣ, гдѣ каждый захватывалъ, сколько могъ; значитъ нужно было, не касаясь жалованной земли, подвергнуть душевой разверсткѣ только новоотведенную землю. Мѣстное изслѣдованіе не выяснило этого, а между тѣмъ иного объясненія не подыщешь.

Шестая душево-четвертная община образовалась недавно, лѣтъ 12 назадъ (считая съ 1885 г.). Это д. Сапрыкина (105 дв.) раздѣлившая 76 десятинъ изъ-подъ распаханнаго лѣса на души.

Этимъ исчерпывается все разнообразіе нынѣшняго землевладѣнія Старооскольскаго уѣзда. Что касается формъ заимки, то мы видимъ обратное. Всѣхъ однодворческихъ общинъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ насчитывается 97. Мѣстное изслѣдованіе совсѣмъ не коснулось заимочнаго вопроса, но мы уже упомянули, что сопоставленіе съ дозорной книгой 1617 г. облегчаетъ нашу задачу разобраться съ формами заимки. Въ виду этого сразу было подмѣчено, что всѣ починки 1617 года, имѣвшіе тогда не болѣе 5 дворовъ, въ настоящее время не отличаются своей величиной. Наоборотъ служилыя слободы, имѣвшія и тогда помногу дворовъ, нынѣ выросли въ громадныя селенія. Руководствуясь этимъ нетрудно разгруппировать общины на разнофамильныя и многодворныя. Далѣе селенія, коихъ нѣтъ даже въ переписныхъ книгахъ 1646 г., нынѣ отличаются также своею громадностью; это позволяетъ заключить, что всѣ таковыя селенія образовались во второй половинѣ XVII вѣка, когда началась вольная многодворная заимка, когда шли на окраину цѣлыми толпами „съ товарищи“. Но такихъ селеній въ Старооскольскомъ уѣздѣ мало, очевидно всѣ земли

были заняты раньше и заняты людьми дорожившими землей, а таковыми могли быть только истые пахари, какими и были здѣшніе однодворцы.

Военная служба близъ Стараго Оскола, защищеннаго Валуйкой, а позднѣе Корочей, Новымъ Осколомъ, Усердомъ и Верхососенскомъ была много легче, чѣмъ служба подъ Бѣлгородомъ; это дало возможность раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь на чертѣ, заняться хлѣбосѣйствомъ, а это не могло не отразиться на сохраненіи старинныхъ правоотношеній къ землѣ. Благодаря этому, мы и наблюдаемъ здѣсь преобладаніе четвертной формы даже въ пригородныхъ слободахъ, на которыя жалкій городишка не могъ оказать какого-либо замѣтнаго вліянія.

Такимъ образомъ по формѣ заимокъ мы можемъ предположительно распредѣлить всѣ общины Старооскольскаго уѣзда на слѣдующія группы:

		Общинъ.	Дворовъ всего.	на 1 общину.	Земли всего.	на дворъ
Четвертныя	однофамильныя [1]	31	1228	39,6	12960	10,5
	разнофамильныя	35	3838	109,6	43992,2	11,4
	многодворныя					
	а) уѣздныя	11	2971	270,1	37185,4	12,5
	б) пригороднія	6	1408	234,7	11168,1	7,9
Душево-четверныя	разнофамильныя . . .	5	721	144,2	10555,5	14,7
	многодворныя	1	623	623,0	8446,9	13,5
Душевыя съ остатками четвертного права (многодворная сл. Пушкарная)		1	249	249,0	1696,4	6,8
Душевыя	уѣздныя . . . . . (3 разноф. и 1 многворн.) .	4	627	156,8	7662,4	12,5
	пригороднія . . . . . (всѣ многодворныя)	3	610	203,2	5036,8	8,2
	Итого .	97.	12275.	126,6	124308,4	10,1

Прежде всего мы видимъ, что нынѣшнія формы землевладѣнія стоятъ въ прямой, непосредственной связи съ формой заимки; между тѣмъ нельзя не замѣтить, что ранняя заимка отразилась сохраненіемъ исконной четвертной разверстки земли. Мы видимъ преобладаніе однофамильной и раз-

[1]) Къ этой группѣ нами отнесены всѣ тѣ общины, въ коихъ по дозорной книгѣ былъ всего одинъ дворъ; затѣмъ всѣ общины, имѣющія нынѣ не болѣе 30 дворовъ и одна община Усть Полевой Протокъ, имѣющая и нынѣ всего 1 дворъ. Въ этой группѣ 10 селеній носятъ фамильныя названія, чего вовсе нѣтъ въ многодворныхъ селеніяхъ.

нофамильной заимки, а именно: процентъ однофамильныхъ общинъ равенъ $31,_9\%$, разнофамильныхъ $44,_3$, многодворныхъ $23,_7$, и въ то же время мы знаемъ, что $92,_8\%$ всѣхъ общинъ сохранило старинную форму землевладѣнія. Намъ извѣстно, что большинство селеній Старооскольскаго уѣзда образовалось очень давно, еще въ первой четверти XVII вѣка, стало быть, всѣ они долго находились подъ вліяніемъ помѣстной системы. Послѣдняя не была здѣсь поколеблена даже «чужезмнымъ строемъ», ибо городъ Осколъ лежалъ въ сторонѣ отъ главнаго военнаго пункта и скоро изъ окраины превратился въ глухое захолустье и въ этой глуши прежнимъ, стариннымъ распорядкамъ оставалось только коснѣть въ неподвижности. Отсюда понятно, что мы почти не находимъ здѣсь того, что называется заимкой южнаго типа, несмотря на то, что Старооскольскій уѣздъ лежитъ все-таки южнѣе Курскаго и Льговскаго, и, наоборотъ, находимъ все то, что присуще сѣверной части Курской губерніи: такъ изъ 74 однофамильныхъ и разнофамильныхъ общинъ мы насчитываемъ въ 25 фамильныя названія селеній. Всѣ эти фамиліи несомнѣнно великороссійскія, принадлежавшія дѣтямъ боярскимъ, и всѣ онѣ извѣстны намъ и въ другихъ уѣздахъ; вотъ нѣсколько названій старооскольскихъ деревень: Дурнева, Сапрыкина, Завалишина, Бочарова, Малахова, Прокудина, Баранова, Сорокина, Скородумовъ Починокъ, Жуково, Лапыгино, Монакова, Аверина, Баркаловка, Анпиловка, Бурцовка и проч. Что это, какъ не однодворческія фамиліи!

Многодворную заимку мы видимъ здѣсь преимущественно въ пригородныхъ слободахъ и въ нѣсколькихъ уѣздныхъ селеніяхъ. Такъ документально извѣстно, что сл. Ѣздоцкая, населенная до 1615 года станичными ѣздоками Дѣдиловскими и Данковскими сведенцами, еще въ то время имѣла 110 дворовъ (нынѣ 208). Слободу Ламскую населяли 46 дворовъ терскихъ бѣломѣстныхъ атамановъ и казаковъ [1]). Въ сл. Казацкой было 160 дворовъ. Въ Верх. и Нижн. Атаманскихъ были испомѣщены атаманы, но эти селенія лежали уже далеко отъ города.

Что касается другихъ уѣздныхъ селеній, то мѣстное изслѣдованіе не дало намъ ровно никакихъ свѣдѣній. Можно догадываться, что въ селѣ Каплинѣ было испомѣщено 40 дворовъ солдатъ; такая же многодворная заимка, вѣроятно была въ с. Стужени-Рождественской, въ Тепломъ Колодезѣ, въ Котовомъ. Но такія селенія, какъ Сред. Апочки или Новое Кладовое, скорѣе принадлежатъ къ сборнымъ селеніямъ XVIII вѣка. Только два многодворныхъ селенія, с. Корочки и с. Толстое выдѣлили изъ себя

---

[1]) Названіе слободы Ламской мы встрѣчали еще близъ Ельца; кажется и тамъ она была населена терскими казаками. Хотя всюду слово это пишется черезъ а, но кажется оно происходитъ отъ слова „ломать“.

хутора; вообще старооскольскіе однодворцы не любили отселковъ, и если ужъ рѣшались уходить, то уходили далеко. Такъ, ихъ много ушло на р. Калитву, а позднѣе на новую линію.

Нынѣшній размѣръ общинъ находится, конечно, въ полномъ соотвѣтствіи съ числомъ первозаимщиковъ; такъ, однофамильныя общины въ среднемъ едва достигаютъ 40 дворовъ, тогда какъ многодворныя, особенно уѣздныя, достигаютъ громадныхъ размѣровъ (270 дв. въ среднемъ).

Достойно вниманія, что въ Старооскольскомъ уѣздѣ не наблюдается связи между малоземельемъ и стремленіемъ къ поравненію. Правда, душевыя общины въ общемъ малоземельнѣй четвертныхъ, но душево-четвертныя, вопреки ожиданію, гораздо многоземельнѣй. Далѣе, четвертные пригородныхъ слободъ оказываются очень малоземельными ($7_{,9}$ дес.), но, тѣмъ не менѣе, они остались на четвертяхъ. Составители старооскольскаго сборника были очень скупы относительно исторіи землевладѣнія, но, по всѣмъ видимостямъ, и сама-то эта исторія была небогата фактами: мы находимъ во всемъ уѣздѣ только одну общину (сл. Пушкарную), расколовшуюся на двѣ при переходѣ съ четвертей на души. Намъ неизвѣстно, были ли еще неудавшіеся переходы, но, кажется, ихъ и не было. Но почему такъ? Объяснять этого явленія нельзя только тѣмъ, что населеніе закоренѣло въ своихъ привычкахъ: традиція, какъ бы она ни была сильна, обыкновенно разрушается передъ назрѣвшими потребностями. Если послѣднія въ дѣлѣ развитія формъ землевладѣнія начинаютъ неотразимо вліять на разрушеніе прежнихъ юридическихъ воззрѣній, то спрашивается, почему онѣ оказались безсильными въ этомъ уѣздѣ? Или ужъ сами эти потребности до сихъ поръ остаются въ тѣхъ же размѣрахъ и того же качества, какими были въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка? Этого не можетъ быть; по крайней мѣрѣ, главная изъ потребностей—нужда въ землѣ—давно на-лицо [1]). Къ сожалѣнію, ничего этого мѣстное изслѣдованіе не выяснило, мало того, составитель сборника увѣряетъ, что «четвертная форма землевладѣнія и общественные распорядки у четвертныхъ крестьянъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и въ другихъ уѣздахъ Курской губерніи. Въ виду того, что въ прежде вышедшихъ сборникахъ мы не разъ останавливались подробно надъ этимъ вопросомъ, въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ излишнимъ повторяться» [2]).

Вотъ именно характеръ старооскольскаго четвертного землевладѣнія является необычайнымъ и совсѣмъ непохожимъ на характеръ другихъ

---

[1]) Другая потребность—затруднительность четвертной формы при чрезмѣрно крупныхъ селеніяхъ—также на-лицо, но тоже не дѣйствуетъ.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., т. XIV стр. 16.

уѣздовъ: объяснить или хотя бы только описать эту особенность—не значитъ повторяться. Столь же характерными, но также необъясненными оказываются и экономическіе показатели по этому уѣзду.

Для удобства сравненій сопоставимъ ихъ по тѣмъ же группамъ, исключивъ пригороднія слободы, какъ незанимающіяся почти хлѣбопашествомъ

	% сдающихъ землю.	% безлошадныхъ.
У четвертныхъ: однофамил.	4,3%	17,2%
разнофамильныхъ . .	4,7	16,8
многодворныхъ. . . .	8,1	22,3
у душево-четвертныхъ: разнофам. .	5,8	11,9
многодворныхъ . . .	5,7	1?,1
у душевыхъ (уѣздныхъ)	3,2%	10,7%.

Несмотря на малое число случаевъ душевыхъ и душево-четвертныхъ, мы видимъ замѣчательную послѣдовательность: чѣмъ больше стремленіе къ душевому поравненію, тѣмъ община богаче: въ ней меньше безхозяйныхъ и безлошадныхъ. Въ свою очередь, у четвертныхъ тѣмъ больше безхозяйныхъ и безлошадныхъ, чѣмъ селеніе крупнѣе, то-есть, когда при громадности поселка четвертная форма уже мало соотвѣтствуетъ потребностямъ. Видя это поразительное сопутствіе, невольно спрашиваешь себя: неужели старооскольскіе однодворцы не догадались, не додумались, не попытались измѣнить неуклюжую четвертную форму, дабы побогатѣть хоть немножко? Откуда и зачѣмъ такая косность, къ чему такая привязанность къ родовой общинѣ, если она служитъ одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія? Если эта закоренѣлость обусловливается живучестью помѣстныхъ традицій, то надо желать ихъ скорѣйшаго разрушенія.

Здѣсь при разрѣшеніи важнаго вопроса,—во что должна при нынѣшнихъ условіяхъ доразвиться такая родовая община,—непремѣнно возникнетъ бурный споръ: нео-марксисты станутъ утверждать одно, старо-народники—совсѣмъ другое. Но не вмѣшиваясь пока въ этотъ споръ, я долженъ только указать на то, что всякая тенденція любого направленія можетъ восторжествовать въ той или другой мѣрѣ. Торжество это обусловливается единственно слабостью и недоразвитостью четвертной общины. При благопріятной въ пользу общины тенденціи мы скоро увидимъ и здѣсь въ Старомъ Осколѣ душевое поравненіе, наоборотъ, при натискѣ капитализма мы будемъ живо поставлены лицомъ къ лицу съ обезземелившимся пролетаріатомъ. И если душевая община сумѣетъ дать отпоръ такому нападенію, то четвертная не устоитъ и падетъ, не доразвившись согласно законамъ общинной эволюціи.

ГЛАВА XII.

Продолженіе изслѣдованій по Курской губерніи.

Города, возникшіе по чертѣ въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи.—Грайворонскій, нѣкогда Хотмыжскій уѣздъ.—Топографическое распредѣленіе въ немъ общинъ.—Распредѣленіе общинъ по формамъ владѣнія. — Экономическія данныя.—Корочанскій уѣздъ и первые его насельники: черкасы и крестьяне посошной волости. — Древнѣйшія однодворческія селенія.—Особенность многодворной заимки въ селѣ Бол. Городищѣ и другихъ.—Разнопочинковая многодворная заимка въ с. Сажномъ. — С. Подольхи съ деревнями.—Связь между первозаимкой и формами землевладѣнія. — Распредѣленіе корочанскихъ общинъ по формамъ землевладѣнія.—Сочетаніе послѣднихъ съ размѣрами землевладѣнія.—Экономическія сопоставленія.—Новооскольскій уѣздъ.—Акты Оскольскаго края.—Черкасы сл. Слоновки и сложная община подгородныхъ слободъ.—Распредѣленіе общинъ по формамъ заимки и формамъ нынѣшняго землевладѣнія.—Переходы на души.—Экономическія данныя.—Суджанскій уѣздъ.—Структура старозаимочныхъ общинъ. — Линія старозаимочныхъ земель. — Промежуточныя великороссійскія селенія вольной заимки. — Распредѣленіе черкасскихъ и русскихъ общинъ по формамъ владѣнія.—Неудавшіеся переходы съ четвертей на души.—„Четверть-дура“ въ д. Будищѣ.—Экономическія данныя. —Русскія вольныя заимки въ д.д. Маховомъ Колодезѣ и друг.—Промежуточные уѣзды: Обоянскій, Тимской и Щигровскій.—Вѣроятная исторія заселенія Щигровскаго уѣзда.

Итакъ мы закончили описаніе двухъ старѣйшихъ уѣздовъ, лежавшихъ по бѣлгородской чертѣ. Но извѣстно, что еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, на востокъ отъ Бѣлгорода, въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи были устроены городъ Яблоновъ, въ 1637 году, и г. Короча въ 1638, а на западъ г. Хотмыжскъ въ 1641 г. Послѣдній лежитъ въ предѣлахъ нынѣшняго Грайворонскаго уѣзда, къ описанію коего мы и приступаемъ. Въ юго-восточномъ углѣ этого уѣзда, какъ-разъ по границѣ съ Бѣлгородскимъ уѣздомъ, немного сѣвернѣе р. Уды и параллельно съ нею шелъ извѣстный Муравскій шляхъ. Тамъ, гдѣ онъ подходилъ къ верховьямъ рѣки Ворсклы, уже въ 1646 г. былъ устроенъ еще городъ—Карповъ. Городъ же Хотмыжскъ былъ расположенъ вдали Муравки, на правомъ Московскомъ берегу р. Ворсклы. Въ составъ его уѣзда вошли волости древняго Путивля, но врядъ ли онѣ были заселены постоянно жившими здѣсь помѣщиками; вѣрнѣе предположить, что они явились сюда временно, ради звѣря и пчелы. Правильное заселеніе праваго берега р. Ворсклы началось послѣ построенія городовъ Хотмыжска и Карпова. Что касается лѣваго берега, то оный не былъ заселенъ даже при Петрѣ. Есть преданіе, что Петръ I, пируя на мѣстѣ нынѣшней сл. Борисовки, на лѣвомъ берегу Ворсклы, подарилъ Б. Шереметеву все, «что видитъ око». Такой подарокъ былъ бы немыслимъ, если бы здѣсь жили уже однодворцы. И, дѣйствительно, ихъ нѣтъ на югѣ Грайворонскаго уѣзда и посейчасъ. Мы находимъ выше Борисовки всего два однодворческихъ селенія у самой Ворсклы—д. Теп-

лую и д. Порубежную, да ниже Борисовки нѣсколько хуторовъ, вышедшихъ изъ пригородныхъ Хотмыжскихъ слободъ въ позднѣйшее время [1]).

Оба города были заселены прежде всего сведенцами изъ разныхъ болѣе сѣверныхъ украинскихъ городовъ. По рѣчкамъ Готнѣ и Локнѣ начали осѣдать помѣщики, дѣти боярскія; получилъ здѣсь землю, конечно, и мѣстный монастырь: мы имѣемъ не менѣе четырехъ экономическихъ селеній близъ Хотмыжска [2]), въ Карповѣ же монастыря не было.

По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія весьма трудно прослѣдить исторію поселенія этихъ дѣтей боярскихъ. Только о двухъ селеніяхъ на р. Локнѣ мы имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія; изъ нихъ д. Хотежъ была занята пятью дѣтьми боярскими: Камлинъ, Гонинъ, Авдѣевъ, Волковъ и Тереховъ. Деревня же Невѣдомый Колодезь имѣла трехъ «дѣдовъ»: Бояринцева, Воханова и Масалитинова [3]). У Миклашевскаго мы узнаемъ, что четыре селенія близъ г. Карпова, заселенныя дѣтьми боярскими не драгунскаго строя, образовались въ одно время съ городомъ и въ нихъ сразу было испомѣщено помногу человѣкъ, а именно: въ Ямной 16, въ Высокомъ 15, въ Глинской 24 и Мощенской 21. Испомѣщеніе у нихъ было неравное.

Много позднѣе, въ томъ же районѣ, мы наблюдаемъ уже простую многодворную заимку; такъ, про Введенскую Готню мѣстный изслѣдователь пишетъ: «Первый заимщикъ Пушкинъ занялъ 60 четвертей; онъ служилъ егеремъ у Бориса Шереметева и земля ему была жалована за прямую службу. Но къ нему подсѣла 31 семья сходцевъ изъ разныхъ мѣстъ... Четверть равняется $1,_4$ десятины». Эти скудныя показанія, къ счастью, очень легко провѣряются. Всей земли во Введенской Готнѣ $2.634,_7$ десятины; раздѣлите эту землю на всѣхъ заимщиковъ, то-есть на 32, и вы получите $82,_3$ дес. Дѣля послѣднее число на размѣръ четверти ($1,_4$), вы дѣйствительно получите почти 60 четвертей. Слѣдовательно, здѣсь было примѣнено дворовое поравненіе по числу заимочныхъ фамилій, или, говоря иначе, здѣсь была многодворная, равнопочинковая заимка.

Селенія, расположенныя въ юго-западномъ углѣ уѣзда по р. Ворсклицѣ, образовались всѣ, за исключеніемъ лишь д. Санковой, путемъ многодворной заимки. Не даромъ въ семи изъ нихъ—а всѣхъ ихъ восемь—мы видимъ болѣе 200 дворовъ въ каждомъ. Вотъ что пишутъ про одно изъ этихъ селеній мѣстные изслѣдователи: «Крестьяне говорятъ, что первозаим-

---

[1]) Сюда надо отнести х. Климовъ, Басовъ, Акулининъ и, кажется, Федосейку.

[2]) Сл. Покровка, но с. Покровское на Ворсклицѣ однодворческое, сл. Поволяевка, сл. Подмонастырская, Понизовье тожъ и д. Монастырская Готня. Очень можетъ быть, что сюда же слѣдуетъ отнести село Трефиловку.

[3]) Послѣднюю фамилію можно встрѣтить въ Путивльскомъ уѣздѣ между нынѣшними помѣщиками.

щиковъ было всего девять, но покосъ ежегодно дѣлятъ по четвертямъ, разбивая его сперва на 27 починковъ, а въ каждый починокъ полагая по 60 четвертей, на которыя и мечутъ жеребей». Далѣе изслѣдователи записали, что всѣхъ четвертей 1570 и недостающія до 1620 отбиты сосѣдями. Въ этомъ районѣ д. Дроновку слѣдовало бы считать сборнымъ селеніемъ, но и она образовалась по общему правилу для многодворной заимки. Вотъ что извѣстно про это: первозаимщикъ Дронъ Безкишковъ перешелъ сюда изъ д. Смородиновки (лежащей тутъ же). Къ Дрону присоединилось еще десять братовъ изъ Пороза и Почаева; поэтому землю дѣлятъ въ каждомъ помѣрѣ на одинадцать равныхъ частей, а потомъ по четвертямъ. На каждый заимочный дворъ считается по 30 четв., а всѣхъ четвертей 330 [1]).

Совершенно самостоятельный районъ (сѣверо-западный уголокъ уѣзда) составляютъ четыре душевыхъ селенія, имѣющія, сверхъ земли мѣстной дачи, и общее владѣніе: это с. Вязовое, Репяховка, Колотиловка и д. Грязная. Послѣдняя упоминается въ извѣстной вѣдомости о комиссарствахъ Слободско-Украинской губерніи 1773 г. Но въ этой деревнѣ показаны лишь 9 человѣкъ отставныхъ военныхъ [2]). Такъ какъ въ д. Грязной и нынѣ всего только 24 двора, то очень можетъ быть, что приведенное показаніе относится именно сюда. Далѣе, с. Репяховка лежитъ черезъ рѣчку, противъ с. Ситнаго, также показаннаго въ Миропольскомъ комиссарствѣ; наконецъ, весь этотъ районъ примыкаетъ съ востока къ Красной Яругѣ, которая показана въ вѣдомости 1773 г., населенной подданными черкасами. Очевидно, всѣ помянутыя селенія были заселены вольными черкасами и тянули къ г. Мирополью. Мѣстное изслѣдованіе ничего не говоритъ объ этомъ; не сказано даже, малороссами или великороссами заселенъ этотъ уголъ Грайворонскаго уѣзда. Всѣ эти селенія, какъ сказано выше, душевыя, и это, какъ увидимъ ниже, не стоитъ въ противорѣчіи съ данными о старозаимочныхъ земляхъ по Суджанскому уѣзду.

Относительно установленія нынѣшнихъ формъ землевладѣнія, мы знаемъ про Грайворонскій уѣздъ весьма мало. Извѣстно, впрочемъ, что нѣсколько общинъ перешло съ четвертей на души, а именно: д. Локня (26 двор.) перешла лѣтъ 50 назадъ (до изслѣдованія 1884 г.), д. Порубежная—въ 1839 г. Въ томъ же году перешло на души с. Крюково (Тросное тожъ), но 12 домохозяевъ не согласились и стали судиться. Просудились до 1869 г. и въ это время согласились отрѣзать четвертникамъ особнякъ верстъ за семь отъ села, гдѣ тѣ и поселились въ хут. Ситномъ (нынѣ 16 двор.). Далѣе, с. Чуланово перешло въ 1840 г., Стригуны—въ 1851 году,

[1]) По количеству земли четверть равна $3,_2$, въ Порозѣ же $=1,_7$ дес.

[2]) Багалѣй, Матер. II, 361.

при чемъ остались слѣды четвертного права въ видѣ 10 дес. у одного двора. С. Дорогощь и д. Мощеная перешли на души послѣ спеціальнаго межеванія въ 1854 г. и д. Санкова—въ 1859 г. при послѣдней ревизіи.

Стремленіе къ душевому поравненію наблюдается среди четвертныхъ однодворцевъ и по сіе время: такъ, во Введенской Готнѣ «два года какъ наняли адвоката подѣлить землю на души—присутствіе уже отказало»...

Относительно другихъ душевыхъ общинъ ни слова не сказано о переходѣ съ четвертей, но несомнѣнно такіе переходы имѣли мѣсто повсюду, даже въ пригородныхъ слободахъ. На послѣднее указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что сл. Казацкая подъ Хотмыжскомъ, поднесь имѣетъ душево-четвертную форму. Кромѣ того, извѣстно, что нынѣшнія душевыя селенія близъ Карпова были испомѣщены не по принципу многодворной заимки, а разнофамильно. Такъ у Миклашевскаго можно видѣть, что въ д. Глинской и Мощеной отъ 20 до 30 четвертей имѣли семь человѣкъ, по 40—15, по 60—8 и т. д. [1]). Разнофамильная, неравномѣрная заимка этихъ селеній для того, чтобы превратиться въ нынѣшнюю душевую общину, должна была вызвать извѣстный актъ перехода съ четвертей на души.

О душевыхъ черкасахъ мы скажемъ при описаніи Суджанскаго уѣзда. Что же касается остальныхъ душевыхъ общинъ Грайворонскаго уѣзда, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что душевая община въ нихъ «искони бѣ»; напротивъ, она здѣсь самаго юнаго происхожденія.

По нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія однодворческія общины распредѣляются слѣдующимъ образомъ: четвертныхъ 17 (31,$_3$%), душево-четвертныхъ 3 (5,$_5$), душевыхъ 26 (48,$_2$%), душевыхъ пригородныхъ 4 и столько же душевыхъ черкасскихъ, а всего 54 общины.

Такимъ образомъ, по числу общинъ мы видимъ громадное преобладаніе душевой формы, но и по числу дворовъ, ихъ составляющихъ, преобладаніе это остается въ силѣ: изъ 7542 дворовъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, не считая экономическихъ, всего 2270 или 30,$_1$% владѣютъ на четвертномъ правѣ и 571 дворъ (7,$_5$%)—на душево-четвертномъ. Размѣръ общинъ при всѣхъ формахъ почти одинаковъ: рѣзкое увеличеніе (до 233,$_2$) даютъ лишь черкасскія общины. Средній размѣръ общинъ по Грайворонскому уѣзду значительно повышенъ, такъ что на четвертную общину приходится 133,$_3$ двора; на душевую общину приходится нѣсколько меньше 125,$_6$, что объясняется существованіемъ мелкихъ хуторовъ, выдѣлившихся въ самостоятельныя общины. Повышенный размѣръ общинъ указываетъ на преобладаніе многодворной заимки и почти полное отсутствіе заимки однофамильной. Въ самомъ дѣлѣ, мы почти не видимъ въ Грайворонскомъ

---

[1]) Къ истор. хоз. быта стр. 151.

уѣздѣ мелкихъ четвертныхъ общинъ: единственное исключеніе составляетъ сл. Большая Лисица, гдѣ всего четыре двора, но еще вопросъ, носятъ ли они одну фамилію. У Миклашевскаго есть указаніе, что въ Лисицѣ были отъѣзжія земли хотмыжскихъ казаковъ. Сохраненіе здѣсь четвертной земли безъ душевой объясняется удаленностью отъ душево-четвертной метрополіи сл. Казацкой. Затѣмъ, не считая отколовшагося отъ большой общины х. Ситнаго, наименьшимъ селеніемъ является д. Хотежъ съ 56 дворами; но какъ разъ про нее мы и знаемъ, что здѣсь было 5 заимщиковъ.

Апріорное предположеніе, что съ увеличеніемъ нужды въ землѣ увеличивается стремленіе къ душевому поравненію, на данныхъ Грайворонскаго уѣзда подтверждается всецѣло; такъ, земли на дворъ и на душу приходится у четвертныхъ $11,_{7}$ дес. и $3,_{6}$ дес., у душево-четвертн.—$11,_{4}$ и $3,_{5}$ и и у душевыхъ (уѣздныхъ) $11,_{1}$—и $3,_{4}$ дес.

Нѣкоторое уклоненіе наблюдается только въ черкасскихъ общинахъ, гдѣ земли все-таки не больше, чѣмъ у четвертныхъ.

Что касается экономическихъ сопоставленій, то въ Грайворонскомъ уѣздѣ они слагаются въ пользу четвертного землевладѣнія,—явленіе весьма рѣдкое. Здѣсь мы имѣемъ такіе проценты:

	% безхозяйныхъ	% безлошад.
у четвертныхъ.	$4,_{5}$	$12,_{5}$
„ душево-четвертныхъ .	$10,_{7}$	$26,_{1}$
„ душевыхъ (уѣздныхъ) .	$4,_{3}$	$17,_{9}$
„ душевыхъ (пригородн.).	$7,_{6}$	$24,_{2}$
„ черкасъ.	$2,_{3}$	$6,_{2}$.

Этимъ заканчиваемъ описаніе Грайворонскаго уѣзда и переходимъ къ Корочанскому. Послѣдній представляетъ пестрое разнообразіе формъ землевладѣнія и ихъ историческаго развитія. Въ предѣлахъ этого уѣзда была, въ началѣ XVII вѣка, государева посопная волость, густо населенная и въ то время; кромѣ того, были раскинуты по разнымъ деревнямъ и починкамъ бѣлгородскіе помѣщики; здѣсь же бѣлгородскіе казаки (отставные) имѣли особую слободу—Старикову. Такъ какъ неподалеку проходила Изюмская сакма, то для обереганія мирнаго населенія посопной волости рано потребовалось создать городъ: ихъ было создано сразу два и почти рядомъ—Яблоновъ и Короча. Оба эти города были заселены преобладающе черкасами, но судьба тѣхъ и другихъ была различна. Яблоновскіе черкасы, пришедшіе сюда повольно, по преданію въ количествѣ 60 человѣкъ, подчинились всецѣло московскому уряду и, именуясь просто городовыми казаками, несли свою службу и владѣли своими помѣстными землями на общемъ основаніи, какъ московскіе служилые люди, а не какъ привиллегированные черкасы. Нынѣ они живутъ въ двухъ душево-четвертныхъ общинахъ, въ с. Большомъ Яблоновѣ и Лозномъ. Утрата привиллегій произошла по всей

вѣроятности потому, что яблонскіе черкасы были перемѣшаны съ московскими казаками. Дѣло другое—черкасы корочанскіе: ихъ первоначально пришло сразу сто семей и затѣмъ приселеніе, очевидно, продолжалось много времени; это дало имъ возможность сохранить за собою малороссійскія права, подтвержденныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ извѣстной грамотѣ. Корочанскіе черкасы поселились, какъ близъ самаго города, такъ и въ трехъ удаленныхъ отъ него слободахъ. По извѣстной вѣдомости 1773 г., въ Бирючскомъ комиссарствѣ отмѣчено четыре такихъ слободы: Короча—3060 душъ обоего пола, сл. Погорѣловка—1169 душъ, сл. Бехтѣевка—1490 д., и сл. Соколовка—710 душъ. Нынѣ всѣ эти слободы, разселившіяся на массу деревень и хуторовъ, составляютъ одну сложную душевую общину; когда и при какихъ условіяхъ онѣ перешли на души и слились въ одну общину, изслѣдованіе, къ сожалѣнію, не установило. Въ этой сложной общинѣ всѣхъ отдѣльныхъ поселеній 45, не считая хуторковъ; населеніе ихъ достигаетъ 28,607 душъ обоего пола, что составляетъ 21% всего населенія Корочанскаго уѣзда. Съ 1773 года черкасское населеніе увеличилось почти въ четыре съ половиной раза [1]).

Иная судьба постигла государеву посопную волость, состоявшую въ 1667 году изъ семи довольно крупныхъ селеній [2]); они были пожалованы «богомольцу Бѣлгородскому владыкѣ въ вотчину» и такимъ образомъ попали въ крѣпостное состояніе, а потомъ въ разрядъ экономическихъ крестьянъ. Нынѣ ихъ насчитывается 16 отдѣльныхъ по пахоти общинъ и единая община по владѣнію лѣса. Они владѣютъ землей, конечно, на душевомъ правѣ. Мало того, намъ скажутъ, что наконецъ-то и въ Курской губерніи найдена цѣлая волость, гдѣ душевое владѣніе «искони бѣ». Это было бы неоспоримо, если бы, по неисповѣдимой судьбѣ, одна община изъ посопной волости, д. Тюрина, не сохранила своей свободы: она не была, очевидно, пожалована бѣлгородскому владыкѣ и продолжала жить самостоятельно. И что же? поднесь мы видимъ въ ней... четвертное владѣніе. По даннымъ, собраннымъ И. Н. Миклашевскимъ, въ 1667 г. въ д. Тюриной было 56 жеребьевъ (семей). По мѣстнымъ изслѣдованіямъ установлено, что до спеціальнаго размежеванія было 9 родовъ (фамилій), земля коихъ дѣлилась на 1160 четвертей». Исконно родовая разверстка послѣ размежеванія была уничтожена; вмѣсто родового дѣленія, вся деревня была разбита на 11 сотенъ, плюсъ недомѣрокъ въ 60 четвертей. На каждомъ ярусѣ кидали жеребей на всѣ сотни, сотни группировались по количеству унаслѣдованныхъ четвертей. Всѣхъ ярусовъ въ клиновой землѣ 16 и въ запольѣ 3. Жалуются на дробность разверстки». Весьма жаль, что въ

---

[1]) Яблоновскіе черкасы неприняты въ этотъ счетъ.

[2]) Одно изъ нихъ, Мазикино, лежитъ въ нынѣш. Бѣлгородскомъ уѣздѣ.

таблицѣ Миклашевскаго вмѣсто фамилій выставлены только номера: можно было бы сличить эти фамиліи съ нынѣшними, а, главное, легко было бы провѣрить показаніе крестьянъ о девяти родахъ; быть можетъ, 56 жеребьевъ 1667 года произошли только отъ 9 дѣдовъ. Съ другой стороны, если 1160 четвертей раздѣлимъ на 56 жеребьевъ, то получимъ нѣсколько больше 20 четвертей, то-есть приблизимся къ той продовольственной нормѣ, которая была установлена еще «живущей четвертью». Въ таблицѣ Миклашевскаго нѣтъ такихъ данныхъ, на основаніи коихъ можно бы было заключить о размѣрахъ землевладѣнія каждаго двора; только сноска о томъ, что «хозяинъ умре, а на его жеребью живетъ Фатюшка Буговскій» [1]) намекаетъ намъ на то, что земля версталась по жеребьямъ, но были ли эти жеребья равны—вопросъ. Судя по приведеннымъ въ таблицѣ посѣвамъ ржи и пшеницы, отдѣльные дворы сѣяли далеко не поровну, а именно: два двора ничего не сѣяли, 17 дв. сѣяли по 3 четверика, 13—по 4, 8 дворовъ—по 5 и 6, 8—по 7, три двора—по 8, два—по 9, два по 10 и одинъ по 11.

Всѣ 56 хозяевъ имѣли высѣяннаго озимаго хлѣба 278 четвериковъ, то-есть въ среднемъ 5 четвериковъ на сѣющаго. Но среднее здѣсь говоритъ немного; гораздо важнѣй знать, что каждый изъ пяти богатѣйшихъ хозяевъ сѣялъ въ три раза больше, чѣмъ каждый изъ 17 бѣднѣйшихъ. Очень можетъ быть, что уже еще и тогда на размѣры посѣвовъ вліяла плодовитость линіи: болѣе плодовитые имѣли меньше старопашья, а поднимать новину—дикое поле, было не такъ-то легко и требовало, конечно, общаго согласія. Отсюда понятно, что вышеприведенные пятеро широкодачниковъ имѣли такую же площадь старопашья, какая приходилась 17 многоплоднымъ дворамъ. Такъ какъ 5 и 17 ближе всего подходятъ къ раздѣлу «по-третьёмъ», то нельзя не видѣть въ малоземельныхъ именно самыхъ плодовитыхъ, имѣвшихъ по три-четыре сына; а въ 15 дворахъ, сѣявшихъ по 4 и 5 четвериковъ, нужно видѣть дворы, раздѣлившіеся надвое, то есть уже меньшую плодовитость. Достойно вниманія, что эти данныя удачно комбинируются съ тогдашнимъ населеніемъ: въ таблицѣ есть данныя о мужскомъ населеніи взрослымъ и малолѣтнемъ. Если это населеніе разобьемъ по величинѣ посѣва, то получимъ;

					въ среднемъ на семью
у 34 хоз. сѣявшихъ	отъ 0	до 5	четв.	79 душъ	. . $2,_{32}$ души.
„ 17 „ „	„ 5	„ 8	„	48 „	. . $2,_{82}$ „
„ 5 „ „	болѣе 9		„	11 „	. . $2,_{20}$ „

Иначе говоря, семья широкодачника малочисленнѣй всѣхъ другихъ семей, ибо страдаетъ малою плодовитостью; семья же съ наименьшимъ по-

[1]) П. Н. Миклашевскій. Къ ист. хоз. быта, стр. 247.

сѣвомъ мала, очевидно потому, что эти семьи усиленно дѣлятся но, несмотря на эту «дѣльбу» въ силу плодовитости, такая семья все-таки больше, чѣмъ семья широкодачника.

Такимъ образомъ и на этихъ скудныхъ данныхъ основные признаки четвертного права прослѣживаются съ очевидностью, а потому мы можемъ сказать, что въ посопной волости, близъ Бѣлгорода, не было въ XVII вѣкѣ душевого владѣнія, а было «жеребьевое», то-есть долевое, четвертное, наслѣдственное. Если здѣсь и случались моменты поравненія, то послѣднее устанавливалось по какому-нибудь другому основанію, а не на основаніи числа душъ. Было ли то дворовое поравненіе или равненіе по количеству хлѣба доставленнаго въ государевы житницы,— для насъ безразлично; во всякомъ случаѣ, такія поравненія происходили очень рѣдко, а обычное теченіе жизни складывалось путемъ простого наслѣдованія, значитъ, по четвертямъ. Четверть здѣсь, конечно, позднѣйшаго происхожденія; мы видѣли въ 1667 г. счетъ просто на жеребьи. Если нынѣшнюю землю д. Тюриной (безъ лѣсного надѣла) раздѣлимъ на вышеприведенное число четвертей, то получимъ какъ разъ полторы десятины, то-есть казенную мѣру. Такая подгонка имѣла мѣсто, конечно, во время размежеванія въ 1862 г.; но при размежеваніи никто на слово не повѣрилъ бы, а стало быть, со стороны д. Тюриной былъ представленъ какой-нибудь документъ, быть можетъ, выпись съ писцовыхъ книгъ, но вопросъ—съ какихъ? Въ 1626 году писцовыя книги только намекаютъ на существованіе государевой посопной волости, но не усчитываютъ ея земли. Слѣдовательно могла быть выпись съ позднѣйшихъ книгъ 80 гг. XVII вѣка, то-есть тогда, когда Тюрина перестала считаться посопной деревней и была, очевидно, причислена къ однодворческимъ служилымъ селеніямъ. Какъ бы ни было, но счетъ на четверти укоренился настолько, что при развертклѣ послѣ размежеванія онъ былъ принятъ въ основаніе при дѣленіи на сотни. Нынѣ всѣхъ домохозяевъ въ д. Тюриной 162. Это остатки свободнаго населенія государевой посопной волости. Населеніе же крѣпостное состоитъ изъ 2.483 дворовъ и, съ момента выхода на волю при коллегіи экономіи, оно владѣетъ землей по ревизскимъ душамъ; въ его владѣніи—23.613 десятинъ.

Далѣе въ Корочанскомъ уѣздѣ мы видимъ нѣсколько весьма древнихъ селеній, возникшихъ въ первой четверти XVII вѣка. Такъ, д. Боровская, называвшаяся по писцовымъ книгамъ 1626 г. Пятницкимъ-Боровымъ, принадлежала 45 станичнымъ атаманамъ. [1]) Но эти атаманы или были передвинуты куда-нибудь, или разселились, такъ какъ въ нынѣшней деревнѣ мы видимъ всего 86 дворовъ. Въ тѣхъ же книгахъ упоминаются д. Добрая, 10 дв., а нынѣ всего 29 д., Купина, Ртельная тожъ 34 двора, ны-

[1]) И. Н. Миклашевскій: Къ истор. хоз. быта, стр. 104.

нѣ 156; сл. Никольская, 71 дворъ, а нынѣ всего 39; Верхній Ольшанецъ, 23 двора, нынѣ же 211 дворовъ и, наконецъ, по переписнымъ книгамъ 1674 г. мы узнаемъ, что за Василіемъ Стрѣльниковымъ и тремя его сыновьями значилось помѣстье въ д. Стрѣльниковой 127½ четвертей. [1]) Нынѣ въ ней 27 дворовъ. Такимъ образомъ, древнѣйшія поселенія, за исключеніемъ лишь одного Верх. Ольшанца, хотя и уцѣлѣли, но населеніе ихъ не только не увеличилось въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ, а наоборотъ, уменьшилось. Это явленіе отчасти наблюдается и въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ и объяснить его за неимѣніемъ надежныхъ данныхъ, можно только предположительно. Надо думать, что татарскіе погромы съ одной стороны проходили не безслѣдно для пограничнаго населенія, а съ другой стороны стратегическое положеніе древнихъ поселеній не соотвѣтствовало позднѣйшимъ хозяйственнымъ требованіямъ, такъ что населеніе или образовывало новые поселки по близости, или вовсе уходило «на сходцы».

Не имѣя возможности прослѣдить съ должной исторической точностью возникновенія корочанскихъ селеній, мы воспользуемся нѣкоторыми преданіями о формѣ заимокъ. Къ сожалѣнію, мѣстныя изслѣдованія вопросъ этотъ оставили мало выясненнымъ: мы имѣемъ указанія лишь о восьми селеніяхъ.

С. Большое Городище, по преданію, было «крѣпостью, вѣрнѣе сказать— это была крѣпостца на чертѣ. Здѣсь было три осадчихъ, занявшихъ «три займища: Лыковское, Солдатское и Нехорошевское». Такую запись мѣстныхъ изслѣдователей надо толковать такъ: въ жиломъ острожкѣ (а жилой острожекъ тѣмъ и отличался отъ стоялаго, что служилые люди, отбывавшіе въ немъ службу, здѣсь же и селились на отводимыхъ помѣстьяхъ) былъ занятъ солдатами и двумя сотнями казаковъ или стрѣльцовъ, причемъ въ одной начальникомъ (головой) былъ Лыковъ, въ другой Нехорошевъ. Какъ извѣстно, въ XVII вѣкѣ цѣлые полки назывались по фамиліямъ начальниковъ... Далѣе изъ мѣстныхъ изслѣдованій мы узнаемъ, что «въ Лыковскомъ займищѣ было 47 починковъ, изъ коихъ половина заключала въ себѣ по 24 четверти, а другая половина по 15 четв., и четверть въ этомъ займищѣ равнялась 1 десятинѣ 7 саженямъ» (вѣроятно на 80). «Въ Солдатскомъ займищѣ было 40 починковъ по 40 четвертей въ каждомъ, и четверть=1¾ дес. Въ Нехорошевскомъ займищѣ было 26 починковъ по 20 четв. (четв.=1½ дес. [2])» Итого 113 починковъ неравной величины даже въ предѣлахъ одного и того же займища. Очевидно, подъ займищемъ здѣсь надо понимать просто земельную дачу. Нѣтъ сомнѣнія, что первое время солдатъ не могъ владѣть въ Лыковскомъ займищѣ и наоборотъ,

[1]) Ibid. 208.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., т. XIII, стр. 83.

Лыковскій владѣлецъ не могъ сунуться въ чужое займище. Эта многодворная заимка значительно уклоняется отъ обычнаго типа: въ ней нѣтъ равныхъ починковъ и даже четверть сама себѣ неравна. Однако все это упрощается разъ только мы вспомнимъ, что въ моментъ занятія земли все это населеніе, состоящее изъ 113 человѣкъ, дѣлилось на три самостоятельныхъ общины, занявшихъ особыя займища: это три отдѣльныхъ «службы», получившія каждая свою дачу. Близость ли сожительства или одинаковость, однообразіе службы или, наконецъ, общія хозяйственныя соображенія соединили эти три общины въ одну.

Спеціальное размежеваніе, бывшее здѣсь въ 1857 г., хотя и не изгладило слѣдовъ старинной разверстки, но изслѣдователь не выяснилъ ее намъ, поэтому мы не знаемъ, въ чемъ выразилось объединеніе этихъ трехъ общинъ: было ли оно, такъ сказать, органическое, вытекавшее изъ обоюдныхъ соглашеній о разверсткѣ угодій, или же оно зиждилось на формальномъ моментѣ, въ родѣ повелѣнія межевой инструкціи межевать земли однодворцевъ въ одну окружную межу. Какъ бы ни было, по эта сложная община слилась въ одну гораздо раньше спеціальнаго межеванія. Но помимо сліянія мы наблюдаемъ здѣсь еще другое явленіе, осложнившее правоотношенія отдѣльныхъ общинъ: мы видимъ здѣсь усиленное разселеніе на отдаленныя земли своихъ дачъ. Благодаря этому вокругъ метрополіи Большого Городища, повидимому, возникло три крупныхъ колоніи: с. Рѣпное, с. Лихая Поляна и д. Цѣпляевка. Осталось невыясненнымъ, принимали ли эти отселки и постороннихъ, или даже были самостоятельными общинами. Какъ бы ни было, это вызвало спеціальное размежеваніе и достойно вниманія, что новой разверстки послѣ отвода особняковъ здѣсь нигдѣ не было,—значитъ, боялись путаницы при опредѣленіи размѣровъ наслѣдственныхъ долей, а на душевую разверстку, очевидно, не хватило духу. Только Лихая Поляна, увидѣвши, что послѣ отвода особняковъ оказалось около 300 дес. лишней земли, подѣлила ее на души, отчего сдѣлалась душево-четвертной общиной. Остальныя же селенія обошлись безъ переверстки, раздѣливъ доставшіяся полосы между тѣми, у кого отошла земля въ чужой особнякъ.

Нынѣ въ самомъ Городищѣ мы видимъ 413 дворовъ, въ Лихой Полянѣ 301, въ Рѣпномъ 165 и въ Цѣпляевкѣ 113—всего 992. Такимъ образомъ 113 заимочныхъ дворовъ XVII вѣка къ 1885 году увеличились въ девять разъ. Такое чрезмѣрное увеличеніе наводитъ насъ на ту мысль, что изслѣдованіе произведено не совсѣмъ точно. Дѣйствительно, въ Корочанскомъ слорникѣ (стр. 83) неясно сказано, съ кѣмъ именно происходило размежеваніе у Бол. Городища: кромѣ дворянскаго особняка здѣсь безымянно упоминается про другія общины. Къ счастію эти показанія мы можемъ провѣрить инымъ путемъ: ничего не стоитъ вычислить сколько десятинъ

причитается на все Городище по всѣмъ его заимкамъ. Для этого нужно уститать каждое займище, для чего имѣются всѣ необходимыя данныя, какъ-то, число починковъ, число четвертей въ нихъ и размѣръ четверти. Продѣлавши эти манипуляціи, получимъ, что всей земли должно быть 5455 десятинъ, между тѣмъ за всѣми помянутыми колоніями и метрополіей насчитывается 8637 десятинъ. Благодаря тому, что размежеванія въ Бол. Городищѣ и въ Лихой Полянѣ было въ одинъ и тотъ же годъ, еще нельзя заключать, какъ это дѣлаютъ курскіе изслѣдователи, что эти селенія размежевывались между собою. Оказывается, что, сложивши землю Бол. Городища съ землей с. Рѣпнаго, мы получаемъ почти полное тождество съ заимочной землей, то-есть $5366,_3$ противъ 5455. Значитъ, размежеваніе происходило только между этими двумя селеніями и тогда 113 заимочныхъ дворовъ обратились къ 1885 г. въ 578, что больше соотвѣтствуетъ обычному увеличенію народонаселенія. Отсюда же и другое отрицательное заключеніе: ни Лихая Поляна, ни Цѣпляевка не были колоніями Бол. Городища—это самостоятельныя общины быть можетъ такія же сложныя, какъ Большое Городище и, во всякомъ случаѣ, имѣвшія многодворную заимку.

С. Ново-Оскочное съ деревней Стрѣльниковой составляютъ по землѣ одну общину; въ селѣ считается 13 починковъ и въ деревнѣ 4. Мы знаемъ уже, что въ д. Стрѣльниковой было 127 четвертей и отсюда можемъ вывести, что на одинъ починокъ приходилось немного болѣе 30 четвертей. Если и въ селѣ Новооскочномъ починки были такой же величины, то всѣхъ четвертей нужно считать 510; это при 1348 десятинахъ нынѣшняго надѣла даетъ $2,_6$ дес. на четверть, что можетъ считаться правдоподобнымъ. Въ с. Кривцовѣ (Сиверское тожъ) считается 12 починковъ: «только одинъ родъ Корачугова, прибавляетъ изслѣдователь: получилъ жалованную землю, другіе же 11 простые мужички, пришедшіе изъ Курскаго уѣзда». Про сложную общину с. Чурсино и Шахово (Оскочное тожъ) сказано въ сборникѣ нѣсколько больше. «Первымъ заимщикомъ былъ Шаховъ съ четырьмя сыновьями: пришелъ онъ изъ Тулы лѣтъ 300 (?) назадъ. Въ Чурсинѣ же земля была жалована боярскому сыну Нехорошему, который принималъ другихъ и давалъ имъ землю по отказнымъ грамотамъ» (стр. 64). Здѣсь очевидная неточность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это могъ Нехорошій давать землю по отказнымъ грамотамъ? Если эта неточность произошла отъ непониманія дѣла со стороны составителя сборника, то на нее не стоитъ обращать вниманія; но могло быть иначе — неточность закралась въ самыя показанія крестьянъ: ихъ память перепутала, исказила истинный ходъ событій, осталось въ памяти лишь немногое: нѣкто Нехорошій пришелъ первый, а потомъ подсѣли другіе, которыхъ Нехорошій не могъ прогнать, ибо у нихъ оказались отказныя грамоты. Значеніе этихъ грамотъ позабыто и вотъ крестьянамъ кажется, что ихъ выдавалъ отъ себя пер-

вый заимщикъ. На самомъ же дѣлѣ здѣсь наблюдается обычное явленіе: сперва пришелъ одинъ смѣльчакъ, затѣмъ къ нему стали подсаживаться другіе, требуя справить за собой ту землю, какая остается «сверхъ дачъ» у первопришедшаго. Эта подсадка длилась до тѣхъ поръ, пока не исчерпывался земельный фондъ даннаго урочища. Въ данномъ случаѣ въ с. Чурсинѣ съ Шаховымъ, несмотря на происшедшее спеціальное размежеваніе, считается шесть дачъ, значитъ, по меньшей мѣрѣ поступило шесть челобитень о справкѣ помѣстій и, повидимому, всякій разъ челобитчиками являлись, если не одиночки, то во всякомъ случаѣ небольшія группы, напр., отецъ съ четырьмя верстанными сыновьями. Въ концѣ концовъ могла оказаться здѣсь и многодворная заимка, разъ было допущено дворовое поравненіе; но съ меньшей ошибкой слѣдуетъ считать эти два селенія разнофамильными заимками, тѣмъ болѣе, что и нынѣшній размѣръ ихъ не великъ (78 и 190 дворовъ).

Въ описаніе с. Проходнаго вкралось обычное недоразумѣніе. Упомянувъ о происхожденіи душевой земли изъ общественной запашки и расчистки лѣса, составитель Корочанскаго сборника пишетъ [1]): «земли четвертного права въ этой общинѣ считается 1948 десятинъ. Полевая земля раздѣляется на 19 особыхъ участковъ, называемыхъ «починками», откуда можно заключить, что село это было основано первоначально 19 дворами, пришедшими сюда съ сѣвера; изъ какой именно мѣстности пришли эти колонисты—крестьяне не помнятъ. Границы починковъ, этихъ родовыхъ особняковъ, не измѣнялись никогда, хотя вслѣдствіе брачныхъ связей, продажъ и покупокъ, и наслѣдственныхъ переходовъ земельныхъ участковъ владѣльцы перемѣшались и перепутались между собою, такъ что сплошь да рядомъ случается, что крестьянинъ, принадлежащій къ фамиліи Петровыхъ владѣетъ въ настоящее время землею въ родовомъ починкѣ Ивановыхъ, а иной владѣетъ нѣсколькими участками земли въ нѣсколькихъ починкахъ». Всякій пойметъ, что вся эта длинная тирада не взята изъ поселеннаго бланка мѣстныхъ изслѣдованій, а является плодомъ фантазіи составителя «описаній». Это видно изъ произвольныхъ вставокъ въ родѣ «откуда можно заключить», или изъ придуманныхъ фамилій въ родѣ Иванова и Петрова. Столкнувшись съ непонятнымъ словомъ «починокъ», составитель Корочанскаго сборника начинаетъ фантазировать о какихъ-то родовыхъ особнякахъ, совершенно забывая про трехполье и даже разнополье; услыхавши про неприкосновенность починковыхъ поярусныхъ межъ, составитель сборника видитъ въ этомъ вящее подтвержденіе своего открытія касательно этихъ самыхъ родовыхъ особняковъ и, силясь объяснить участіе въ чужомъ починкѣ, договаривается

[1]) Сборн. стат. свѣд. Кур. губ. XIII, стр. 24.

до того, что виною этому обстоятельству выставляетъ даже «наслѣдственные переходы участковъ». Воистину можно сказать, что болѣе кабинетнаго отношенія къ матеріалу, собранному на мѣстахъ, мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ земскомъ сборникѣ. Зачѣмъ сдѣланы эти добавочныя заключенія? Отбросьте ихъ и вы получите все-таки хотя и далеко не полную, но вѣрную картину: въ Проходномъ было 19 починковъ по числу заимочныхъ фамилій; осложнившаяся жизнь сдѣлала то, что нѣкоторые хозяева владѣютъ нынѣ уже въ нѣсколькихъ починкахъ; ни размѣровъ починка, ни ихъ фигуры на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ не удалось установить. Вотъ все, что могъ написать составитель детальныхъ описаній, и погружаться въ фантастическія предположенія совсѣмъ не слѣдовало.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на читающаго описаніе с. Сажнаго. «Въ Сажномъ спеціальнаго размежеванія не было и потому землею владѣютъ здѣсь по-старому, «по первой заимкѣ». Вся земля въ этой общинѣ разбита на 9 участковъ. Въ первомъ участкѣ считается около четвертой части всей надѣльной земли (2750 д.), по владѣніямъ онъ раздѣляется на 10 «починковъ» или «крѣпостей»; затѣмъ семь отдѣльныхъ участковъ заключаютъ въ себѣ приблизительно также четвертую часть всей земли и представляютъ владѣнія семи отдѣльныхъ родовъ. Послѣдній девятый участокъ, по пространству самый большой, достигающій половины всей земли, заключаетъ въ себѣ семь починковъ или крѣпостей. Участки идутъ вдоль села по обѣ стороны деревни и противъ каждаго участка стоятъ тѣ дворы, которымъ этотъ участокъ принадлежитъ. Земля этой общины находится, такимъ образомъ, въ трехъ особнякахъ: въ первомъ лежатъ владѣнія 10 первыхъ починковъ, во второмъ 9 и въ третьемъ 7. Дворы первыхъ 10 починковъ носятъ общее названіе «верхніе», вторыхъ 7 починковъ — «средніе» и 7 послѣднихъ — «нижники». Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, вся деревня фактически издавна разбилась на три совершенно отдѣльныя общины, которыя составляютъ совершенно самостоятельныя status in statu. У каждой группы въ полѣ есть свои три клина и разнополье; каждая группа держитъ свои колодцы, нанимаетъ особаго пастуха и гоняетъ свой скотъ особо. Покосный лугъ, числящійся по владѣнной записи за селомъ, фактически принадлежитъ лишь одному девятому участку—нижникамъ, которые одни имъ и пользуются изстари, не допуская домохозяевъ изъ другихъ участковъ» [1]). Въ этомъ описаніи есть только маленькая неточность относительно «семи отдѣльныхъ участковъ» второй группы «среднихъ»; при дальнѣйшемъ описаніи эта отдѣльность оказывается выдуманной, ибо въ Сажномъ считается только три особняка. Исправляя эту неточность, мы дѣйствительно получаемъ трехсложную общину.

[1]) Сборн. стат. свѣд. Кур. губ., т. XIII, стр. 66.

Надо сказать, что с. Сажное принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Корочанскомъ уѣздѣ: еще по писцовымъ книгамъ 1626 года въ немъ считалось 107 дворовъ помѣщичьихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ. Мы не знаемъ, сколько было первыхъ, но, во всякомъ случаѣ, ихъ было не менѣе 24, каковое число не трудно вывести изъ подсчета нынѣшнихъ починковъ. Не трудно вычислить, что и здѣсь, подобно тому, какъ было въ Большомъ Городищѣ, многодворная заимка уклонилась отъ обычнаго типа, то-есть имѣла починки неравные. Это выходитъ при самомъ грубомъ подсчетѣ: всей земли 2750 десятинъ, четверть этого количества (ок. 688 дес.) дѣлилась на 10 починковъ «верхнихъ», а другая такая же четверть—всего на 7, и потомъ половина всей земли, то-есть вдвое больше, чѣмъ во второмъ случаѣ, дѣлилась также на 7 починковъ. Выражая это цыфрами, получимъ: починокъ «верхнихъ» равнялся $68_{,8}$, «среднихъ»—$98_{,3}$ и «нижниковъ»—$196_{,6}$, десятинамъ.

Обыкновенно при многодворной заимкѣ одинаковая плодовитость заимочныхъ дворовъ даетъ одинаковыя доли земли у нисходящихъ; при такихъ же сложныхъ заимкахъ, какъ въ Сажномъ и Городищѣ, одинаковая плодовитость еще не гарантируетъ одинаковости владѣнія: «нижникъ» долженъ быть вдвое плодовитѣй, чтобы сравняться «со среднимъ», и того больше, чтобы сравняться «съ верхнимъ». Само собой разумѣется, что въ предѣлахъ отдѣльной группы одинаковая плодовитость влечетъ за собой и одинаковость владѣнія.

Но если въ с. Большомъ Городищѣ можно подозрѣвать обобщающую связь между тремя членами, ту общину составляющими, то въ с. Сажномъ это остается внѣ подозрѣній: изслѣдователи точно установили, что это, собственно говоря, три самостоятельныя общины. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, — вольно же было составителямъ владѣнныхъ записей гнать всѣхъ подъ одну шапку, но сколько бы мы ни писали покосный лугъ за цѣлымъ селомъ, наше писаніе останется мертвой буквой: покосомъ этимъ будутъ владѣть по старинѣ тѣ, кто имъ владѣлъ раньше.

За столь удачнымъ описаніемъ с. Сажнаго мы должны привести и неудачное въ с. Сѣтномъ. Здѣсь изслѣдователи допустили громадную ошибку въ регистраціи домохозяевъ и къ чести ихъ опять-таки были сбиты съ толку составителями владѣнной записи. Въ послѣднюю вмѣстѣ съ однодворцами внесены поступившіе въ 1827 г. отъ помѣщика въ казну крѣпостные крестьяне. Регистраторы не отдѣлили ихъ и назвали общину душево-четвертной, хотя, собственно говоря, здѣсь двѣ общины: душевая и четвертная. Изъ детальныхъ описаній мы узнаемъ, что однодворцы с. Сѣтнаго имѣютъ 10 починковъ по 25 четвертей: это многодворная заимка чистаго типа. Всей земли у нихъ считается 501 десятина, такъ что на четверть приходится ровно двѣ десятины.

Затѣмъ мы должны еще отмѣтить, что въ Верхнемъ Ольшанцѣ считается 13 починковъ.

Итакъ, во всѣхъ почти перечисленныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ многодворной заимкой и всего въ одномъ случаѣ дѣло идетъ, повидимому, о разнофамильной заимкѣ. Однофамильной же заимки, за исключеніемъ развѣ д. Стрѣльниковой, мы пока еще не видѣли. Ея, очевидно, нѣтъ и въ тѣхъ общинахъ, о которыхъ мы почти не имѣемъ свѣдѣній. Сюда надо отнести прежде всего 8 общинъ Шаховской волости: послѣдняя изслѣдована совсѣмъ плохо. По косвеннымъ признакамъ, впрочемъ, легко установить слѣдующее: с. Жимолостное, имѣющее 211 дворовъ, несомнѣнно имѣло многодворную заимку; то же надо сказать про три общины, спеціально размежевавшіяся между собой: Малое Яблоново, Щелоково и Шипы. Затѣмъ хут. Лутовъ—отселокъ с. Оскочнаго, а д. Волобуева вымираетъ, ибо, при отсутствіи переселенцевъ, 162 ревизскихъ души къ 1885 году превратились въ 161 душу. Это вымираніе свидѣтельствуетъ скорѣе о разнофамильности заимки, ибо трудно предположить, чтобы въ многодворной заимкѣ вымираніе обнаружилось такъ рѣзко. Что касается д. Клейменовой (65 дв.), то трудно рѣшить, какая въ ней была заимка, но въ с. Озеровѣ несомнѣнно была разнофамильная заимка, ибо только при ней могло сохраниться такое высокое надѣленіе, какъ $19_{,8}$ дес. на дворъ при 123 дворахъ.

Къ многодворной заимкѣ надо отнести еще 18 плохо описанныхъ селеній разныхъ волостей, [1]) но, въ концѣ концовъ, у насъ останется девять общинъ, съ которыми надо разобраться, прежде чѣмъ отнести ихъ въ ту или другую группу по формѣ заимки. Сюда относятся прежде всего д. Авдѣева (80 дв.) и с. Новое Хмѣлевое (169 дв.); про оба эти селенія сказано, что земля была жалована за службу. Эта отмѣтка ни къ чему не обязываетъ, но дѣло въ томъ, что при многодворной заимкѣ крестьяне рѣдко говорятъ о службѣ предковъ; наоборотъ, тогда они напираютъ лишь на то, что земля была занята предками по стольку-то четвертей на починокъ. Ссылаться же на службу любятъ потомки тѣхъ дѣтей боярскихъ, которымъ земля была жалована единолично, а не съ товарищами. Эта довольно правильно подмѣченная особенность даетъ намъ возможность предположить, что въ помянутыхъ двухъ селеніяхъ была разнофамильная заимка. Затѣмъ мы имѣемъ двѣ маленькихъ четвертныхъ общины—д. Куракову (20 дв.) и д. Огнищеву (21 дв.); ихъ малый размѣръ и родовое на-

---

[1]) Сюда мы относимъ с. Казачье, Полсело и село Дмитріевскія, х. Короткій, два Бѣлыхъ Колодезя, с. Плотавецъ, Тетеревино, Лучки, с. Лѣски, два Терновыхъ, д. Афанасову, с. Нечаево, с. Караичное, с. Нижнее Березовое, д. Кошлакову и с. Поповку, если только оно не экономическое.

званіе селеній заставляетъ насъ отнести ихъ непремѣнно къ однофамильной заимкѣ. Сюда же, быть можетъ, надо отнести душевую деревню Покидову (55 дв.) и четвертную Новый Рѣдкодубъ (42 дв.). Д. Выползовка (32 дв.) составляетъ позднѣйшій отселокъ с. Казачьяго, а Стрѣличку и Полянку мы окончательно затрудняемся отнести къ какой-либо группѣ даже предположительно.

За симъ остается лишь одно громадное село Подольхи съ деревнями. Изслѣдователи ничего не говорятъ о первозаимкѣ; извѣстно только, что эта сложная община до 40 г.г. нынѣшняго столѣтія владѣла по четвертямъ. Нынѣ же она зарегистрирована въ разрядъ душево-четвертныхъ, хотя всѣ угодья, за исключеніемъ усадебъ, подѣлены по ревизскимъ душамъ. Въ виду того, что новообразующимся дворамъ часто отводится земля изъ общественнаго выгона (стр. 74) и что при передѣлѣ на живыя души община имѣетъ полное право выравнять усадьбы, урѣзавъ пропорціонально полевые паи, мы думаемъ, нѣтъ никакого основанія считать с. Подольхи съ деревнями душево-четвертной общиной: въ ней остались только слѣды четвертного права.

Для того, чтобы судить о формѣ заимки, стоитъ только подсчитать число дворовъ; въ самомъ селѣ 426 дворовъ, въ древнѣйшей колоніи, нынѣ также имѣющей церковь, въ с. Подъяругѣ—212 дворовъ, затѣмъ въ Новосѣловкѣ 119 дв., въ с. Красномъ 195 и, наконецъ, въ остальныхъ восьми колоніяхъ имѣется отъ 30 до 96 дворовъ—всего же 1556 дворовъ, владѣющихъ дачей въ 20633 десятины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь была многодворная заимка и, можетъ быть, весьма сложная, такъ какъ, по всей вѣроятности, первозаимочные дворы осѣли сразу въ трехъ пунктахъ своей дачи: въ с. Подольхахъ, Подъяругѣ и Красномъ. Если это такъ и было, то очень можетъ быть, что и здѣсь починки были неравные; позднѣйшіе отселки, въ свою очередь, должны были создать неуравнительность въ развертскѣ родовой земли: трудно было услѣдить за каждымъ, ибо захватъ несомнѣнно имѣлъ большой здѣсь просторъ. Единственнымъ способомъ поравненія представлялся здѣсь, конечно, дворовый раздѣлъ новыхъ мѣстъ, а это, какъ и всюду, страшно запутывало родовые и заимочные счеты, дѣлая четверть «дурой». Трудность урегулированія земельныхъ долей вызвала, при первомъ прикосновеніи палаты госуд. имуществъ, переходъ на души; изслѣдователи прямо указываютъ на это: «переходъ состоялся, когда земля была положена въ окладъ».

Заканчивая эти описанія, попробуемъ на основаніи ихъ установить связь первой заимки съ нынѣшними формами землевладѣнія. Для этого сведемъ всѣ данныя въ табличную форму:

	Общее число общинъ.	Четверт. чистыхъ.	Съ дворов. поравненіемъ.	Изъ нихъ: Душево-четв.	Душевыхъ со слѣдами четв. права.	Душевыхъ.
Пригородныхъ	4[1])	—	—	2	—	2
Многодворная заимка а) (навѣрно)	20[2])	5	—	2	12	1
b) (предположительно).	26	12	1	4	2	7
Разнофамильная.	7	5	2	—	—	—
Однофамильная.	5	4	—	—	—	1
Итого . .	62	26	3	8	14	11

Хотя процентное отношеніе четвертныхъ общинъ, повидимому, прогрессивно увеличивается съ уменьшеніемъ числа заимщиковъ, приходящихся на одну общину, однакоже имѣются рѣзкія исключенія, недающія возможности сдѣлать категорическій выводъ: очевидно, помимо первоначальной формы заимки, на установленіе дальнѣйшихъ формъ землевладѣнія вліяла еще цѣлая масса условій, которыя даютъ эти исключенія. Но все-таки на данныхъ Корочанскаго уѣзда больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, прослѣживается апріорное предположеніе, что многодворная заимка въ своемъ развитіи скорѣй должна придти къ установленію душевой формы землевладѣнія, чѣмъ заимка разнофамильная или, тѣмъ паче, заимка однофамильная. Мы сюда не включили черкасскихъ общинъ, но онѣ всѣ душевыя и, какъ извѣстно, заимка ихъ была не только многодворная, но и «вольная», построенная на захватѣ. По аналогіи съ данными сосѣднихъ уѣздовъ, мы утверждаемъ, что и въ Корочанскомъ у. черкасы постепенно смѣнили захватный способъ заимки четвертнымъ правомъ наслѣдованія, а послѣднее въ свое время перешло въ душевое поравненіе. Это явленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ общей эволюціи общинныхъ началъ, и если въ этой эволюціи многодворность заимки и обширность занятыхъ земельныхъ дачъ играли какую-нибудь роль вообще, то они сдѣлали дѣло и здѣсь въ частности.

Вообще составители Корочанскаго сборника мало останавливаются на исторіи крестьянскаго землевладѣнія. Лишь въ нѣкоторыхъ общинахъ отмѣченъ годъ перехода съ четвертей на души или установленія душево-четвертной формы. Изъ этихъ скудныхъ данныхъ намъ извѣстно, что с. Проходное имѣетъ 400 десятинъ душевой земли изъ 1498 дес. всей дачи;

---

[1]) Сюда вошли сл. Пушкарная подъ Корочей и таковая же подъ Нежеголью, с. Большое Яблоново и его отселокъ с. Лозное. Остальныя черкасскія селенія не вошли сюда вовсе.

[2]) Сюда вошло 12 общинокъ с. Подольховъ.

половина этой земли сдается въ аренду на постройку церкви, а половина дѣлится на души (648 душъ). Первая половина образовалась изъ распашки общественнаго лѣса, вторая изъ общественной запашки, заведенной при палатѣ государственныхъ имуществъ. Кромѣ того, 24 дес. покоса сданы также на церковь. Въ с. Купинѣ душевая земля (неизвѣстно сколько именно) образовалась изъ обмершихъ полосъ и переселенческихъ земель. Въ д. Авдѣевкѣ 20 десятинъ (изъ 1149) «переселенцевской» земли раздѣлили разъ на души (222 души) и пустили по наслѣдству. Въ с. Лучкахъ-Мигулово тожъ 789,9 дес. душевой земли (всей 3867,0) образовались изъ выморочной и переселенческой земли и частью изъ распаханнаго лѣса. Въ д. Терновой, лѣтъ 30 назадъ (1855), полторасто десятинъ было подтоплено мірской мельницей, но когда оная сгорѣла, землю «пустили по душамъ». Въ д. Кошлаковой есть около 160 дес. душевой земли (изъ 578); какъ образовалась—неизвѣстно; лѣсъ (около 150) десятинъ лѣтъ 7 назадъ (до 1885 г.) подѣленъ на пайки по дворамъ. И затѣмъ въ Лихой Полянѣ, какъ уже сказано выше, душевой земли имѣется 300 десятинъ изъ 2319.

Всего, такимъ образомъ, въ 6 общинахъ [1]) насчитывается 1843,9. дес. душевой земли, что ко всему владѣнію тѣхъ общинъ (10283,5 д.) составляетъ 17,9%. Этотъ малый процентъ указываетъ на то, что душево-четвертная форма сохранилась въ этомъ уѣздѣ только въ тѣхъ общинахъ, которыя примѣнили душевое поравненіе не въ силу развившихся внутри потребностей, а по внѣшней необходимости: получалась незначительная часть пахоти или другихъ угодьевъ, съ коими общинѣ было трудно распорядиться иначе, какъ подвергнувъ ея душевому раздѣлу. Поэтому-то значеніе этого раздѣла сведено до ничтожныхъ размѣровъ и въ одномъ случаѣ въ д. Авдѣевкѣ мы видимъ, что такая душевая земля пошла снова по четвертямъ, по наслѣдству.

Что касается дворового поравненія, то, повидимому, изслѣдователи оставили его совсѣмъ безъ описанія. Кромѣ 150 дес. въ д. Кошлаковой отмѣчено лишь, что въ д. Цѣпляевкѣ 15 дес. покоса ежегодно дѣлится на дворы, въ Новохмѣлевомъ лѣсной отводъ изъ 82 дес. рубится по дворамъ, въ Бол. Яблоновомъ 400 дес. и въ Лозномъ 40 дес. покоса, косится по дворамъ. Въ этихъ же двухъ селеніяхъ лѣсъ, неизвѣстно сколько, дѣлится на дворы и на души. Такимъ образомъ, изъ 14177 десятинъ, принадлежащихъ этимъ общинамъ, въ дворовомъ пользованіи находится 687 дес., то-есть не болѣе 4.8%, и притомъ пахоть нигдѣ не подвергается разверсткѣ по дворамъ.

Кромѣ помянутаго с. Подольховъ съ деревнями слѣды четвертного пра-

---

[1]) С. Купину исключаемъ за неимѣніемъ данныхъ. По той же причинѣ не вошли сюда еще двѣ душево-четвертныя общины—Бол. Яблонова и Лозное.

ва въ видѣ усадебъ «по старинѣ» сохранились еще въ двухъ общинахъ въ с. Тетеревинѣ, перешедшемъ на души въ 1859 г. и въ с. Лѣскахъ, перешедшихъ въ 1844 г. Кромѣ того извѣстно, что с. Нежеголь и Щигровка, сл. Пушкарная тожъ, перешли на души въ 1845 году. Переходы остальныхъ общинъ не отмѣчены.

Сводя данныя о формахъ землевладѣнія Корочанскаго уѣзда въ цифровое выраженіе, мы получаемъ слѣдующее:

	Число общинъ.	Дворовъ всего.	на 1 общину дворовъ.	Земли всего.	на дворъ.
Четвертныхъ (чистыхъ)	27 [1]	3111	115,2	38834,7	12,5
Четвертныхъ (съ двор. поравненіемъ) . . .	2 [2]	282	141.0	3459,0	12,2
Душево-четвертные	8	2043	255,4	23008,3	11,2
Душевые съ остатками четвертного права по владѣнію усадьбами	14	1920	237,1	25811,2	13,4
Душевыхъ	13 [3]	1747	134,4	18547,5	10,6
Итого однодворцевъ . . .	64.	9103	142,2	109660,7	12,0
Душевыхъ черкасскихъ	45	3716	82,6	36470,0	9,8
Душевыхъ экономическихъ	16	2483	155,2	23613,0	9,5

Всѣхъ однодворческихъ общинъ въ Корочанскомъ уѣздѣ 64; изъ нихъ 29 четвертныхъ, (45,3%) 8 душево-четвертныхъ (12.5%) съ большимъ какъ мы видѣли преобладаніемъ четвертныхъ земель, такъ что всѣхъ общинъ, жизнь коихъ складывается непосредственно подъ вліяніемъ четвертного права, гораздо больше половины, 57,8%. Затѣмъ въ 14 общинахъ мы видимъ еще пережитки четвертного права и только въ 13 или въ 20,3% четвертное право отжило свой вѣкъ, оставивъ по себѣ лишь одни воспоминанія.

Размѣръ общинъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣй стремленіе къ душевому поравненію; и въ этомъ уѣздѣ мы наблюдаемъ общее явленіе, заключающееся въ томъ, что, достигнувъ громадныхъ размѣровъ, община начинаетъ тяготиться четвертною формой и мало-по-малу переходитъ къ душево-четвертной. Пусть это будетъ происходить чисто внѣшнимъ воздѣйствіемъ, но сила поравненія неудержима и рано или поздно она сдѣлается достояніемъ внутренняго развитія общины, измѣнитъ ея міросозерцаніе. Черкасскія общины отнюдь не стоятъ въ противорѣчіи съ вышеприведенными выводами: дѣло въ томъ, что мы считаемъ каждый хуторъ самостоятельной

[1]) С. Сѣтное не вышло въ счетъ, ибо нѣтъ возможности выдѣлить крѣпостное населеніе; прибавлены д. Клейменова и Стрѣличка.

[2]) Въ этой таблицѣ противъ предшествующей д. Авдѣевка числится въ первой группѣ.

[3]) Сюда прибавлена д. Полянка.

общиной, на самомъ же дѣлѣ, первоначально, какъ мы видѣли выше, всѣ эти хутора составляли всего лишь четыре общины то-есть на каждую приходится 929 дворовъ. При такихъ грандіозныхъ размѣрахъ четвертное право не могло удержаться и давнымъ-давно смѣнилось душевымъ поравненіемъ.

Далѣе всматриваясь въ размѣры средняго надѣленія мы видимъ поразительную послѣдовательность: чѣмъ чище четвертная форма сохранена въ общинѣ, тѣмъ больше земли и, наоборотъ, чѣмъ меньше земли, тѣмъ раньше установлено душевое владѣніе; экономическіе, дѣлившіе свою землю по душамъ еще въ 70 г. прошлаго столѣтія, имѣютъ всего $9_{,5}$ дес. на дворъ, черкасы навѣрно раздѣлившіе свои заимки на души въ началѣ XIX вѣка имѣютъ земли нѣсколько больше $9_{,8}$, наконецъ, душевые однодворцы, переходившіе съ четвертей на души въ 40 г. нашего столѣтія имѣютъ земли еще больше $10_{,6}$. Исключеніе составляютъ душевые съ остатками четвертного права, но вѣдь эту группу заполняетъ с. Подольхи съ деревнями, весьма богатое землей и перешедшее на души подъ сильнымъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Даже такіе пустяки, какъ присутствіе дворового поравненія, свидѣтельствуютъ уже намъ о томъ, что въ данной общинѣ земли на дворъ стало меньше ($12_{,2}$ на дворъ противъ $12_{,5}$ у чистыхъ четвертныхъ).

Въ заключеніе мы должны взглянуть на экономическіе показатели.

	% безхозяйныхъ.	% безлошадныхъ
У четвертныхъ (чистыхъ)	$5_{,9}$%	$17_{,8}$%
у четверныхъ съ дворовымъ поравненіемъ .	$6_{,0}$	$22_{,0}$
у душево-четвертныхъ.	$4_{,9}$	$17_{,9}$
у душевыхъ съ остатками четверт. права .	$4_{,4}$	$8_{,8}$
у душевыхъ (чистыхъ)	$4_{,5}$	$14_{,7}$
у черкассъ	$2_{,7}$	$17_{,6}$
у экономическихъ	$5_{,4}$	$14_{,3}$

Отсюда видно, что корочанскіе четвертные владѣльцы далеко не похожи на грайворонскихъ; у нихъ и безхозяйныхъ, и безлошадныхъ больше, чѣмъ въ прочихъ группахъ, считая даже самыхъ малоземельныхъ экономическихъ крестьянъ.

Теперь переходимъ къ описанію самаго южнаго уѣзда—Новооскольскаго; онъ заселился позднѣе всѣхъ, лежащихъ по чертѣ уѣздовъ, именно во второй половинѣ XVII вѣка. Впрочемъ въ сѣверной части уѣзда, прилегающей къ Старооскольской границѣ, еще въ началѣ XVII вѣка было 3 селенія; по дозорной книгѣ 1617 г. значились д. Хмѣлевая (нынѣ старая Хмѣлевая) имѣвшая тогда 7 дворовъ, а нынѣ 78, Русская Холань 11 дворовъ (нынѣ 227) и с. Ковылино 4 двора (нынѣ 144). По формѣ заимокъ

одно изъ этихъ селеній можно считать многодворнымъ и два разнофамильными. Позднѣе немного, именно по писцовой книгѣ 1643 года, мы видимъ въ д. Хмѣлевой уже 13 дворовъ, въ Холани 24, а Ковылино запустѣло, такъ какъ отмѣчены только дворовыя мѣста [1]). Въ той же писцовой книгѣ отмѣчены д. Огибная 19 дворовъ, нынѣ 162, с. Волково 27 дворовъ, нынѣ 185 дворовъ и д. Прилѣпы 19 дворовъ, нынѣ село съ 171 дворомъ. Все это очевидно многодворныя уже заимки.

Однако правильное заселеніе уѣзда началось лишь съ 1648 года, когда начали строить городъ царевъ Алексѣевъ [2]), съ 1655 г. называемый Новымъ Осколомъ. Кромѣ заселенія обычныхъ пригородныхъ слободъ, Стрѣлецкой, Драгунской, Пушкарской, Ѣздочной, Бѣломѣстной и Казацкой, сюда были двинуты цѣлыми толпами солдаты и дѣти боярскія, сведенцы изъ разныхъ городовъ. При описаніи Елецкаго уѣзда мы уже упоминали, что въ 1649 г. изъ одного Ельца было двинуто сюда 20 семей сведенцевъ. И недалеко отъ Новаго Оскола мы дѣйствительно находимъ нынѣ небольшую деревушку Елецкую. Далѣе мы находимъ Ближнюю и Дальнюю Ливенку, это сведенцы изъ Ливенъ, наконецъ д. Нижнюю Чернянку, заселенную чернянскими сведенцами, о которыхъ упоминаютъ *отдѣльныя* книги подъ 1656 г. [3]).

Заселеніе Новооскольскаго уѣзда происходило при энергичномъ воздѣйствіи московскаго правительства: видимо спѣшили продвинуть черту еще южнѣй и захватить всѣ незанятыя до Валуйки земли. При такой спѣшкѣ нельзя было полагаться на свободный пріискъ служилыхъ людей; надо было двинуть сведенцевъ или поселить драгунъ и солдатъ. Вотъ что мы читаемъ въ актахъ того времени о возникновеніи, напр., нынѣшняго с. Ольховатки: «По указу въ 1657 г. подьячій Матвей Головинъ ѣздилъ въ Новооскольскій уѣздъ за валъ въ верхъ Ольховатова Колодезя на порозжую землю, что осталась за дачею у солдатъ, у Сидора Давыдова съ товарищи, и пріѣхавъ въ тѣ урочища, сыскивалъ тутошними и сторонними людьми всякими сыски накрѣпко, и въ прежнихъ книгахъ отдѣльныхъ досматривалъ; и въ сыску сказали многіе люди и въ прежнихъ книгахъ написано, что въ тѣхъ урочищахъ земля дикое поле есть, лежитъ порозжа и въ помѣстье и въ вотчину напередъ сего никому не отдана, и въ писцовыхъ книгахъ ни за кѣмъ не написана. И подьячій имъ же солдатамъ Сидору Давыдову съ товарищи, тридцати человѣкамъ, отмѣрилъ на пашню земли дикаго поля, которая земля осталась у нихъ за дачею, къ прежнимъ ихъ дачамъ къ 10 четямъ, по десяти же четей чело-

---

[1]) И. Миклашевскій, къ Истор. хоз. быта стр. 204.

[2]) Д. Багалѣй неправильно относитъ построеніе этого города къ 1647 г.

[3]) См. Труды Кур. губ. Стат. Комит. т. I. стр. 360.

вѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ; да въ тѣхъ же межахъ и урочищахъ Новаго жъ Оскола солдатамъ Исаю Шмыкову и т. д. (всего 12 человѣкамъ) отмѣрилъ подъ дворы противъ прежнихъ солдатъ Сидора Давыдова съ товарищи (по стольку-то), а на пашню земли вновь по 20 чети человѣку въ полѣ, а въ дву п. т., а сѣнныхъ покосовъ съ прежними солдатами вопче черезъ межу, а для дровъ имъ, солдатамъ съ черкасы въѣзжать въ Жестовый лѣсъ вопче» [1])... Какъ видимъ, не успѣли поселиться солдаты въ количествѣ 13 человѣкъ, какъ къ нимъ приселили еще 12, ибо оставалась по расчету изъ 20 четей на человѣка лишняя земля.

О заселеніи д. Окуней мы находимъ еще болѣе интересныя подробности. «Боярскій сынъ Василій Черновъ, въ 1657 г. ѣздилъ въ Новооскольскій уѣздъ на устье рѣки Окуней, по челобитью Новаго жъ Оскола солдатъ Ивашка Исаева съ товарищи тридцати одного человѣка, что имъ по государеву указу въ томъ мѣстѣ по сыску дать въ помѣстье... порожжей земли дикаго поля и сѣнныхъ покосовъ... А *отдѣлено* имъ солдатамъ въ томъ мѣстѣ на пашню земли по 12 чети человѣку, итото 372 чети» [2]).

Перечитывая такія показанія, мы постоянно встрѣчаемся съ выраженіями: «отмѣрилъ, отдѣлилъ, отвелъ», и эти отводы всегда были равновелики. Какъ извѣстно, многодворная заимка этимъ и отличается отъ разнофамильной. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, раньше такого официальнаго отвода уже жили прежніе помѣщики, имъ приходилось выравниваться съ новоприходящими или наоборотъ. Такъ, въ 1656 г. посланный на Гнилой Орликъ [3]) сынъ боярскій Лукьянъ Труфановъ нашелъ тамъ «починокъ Петра Окулова» и могъ собрать «тутошнихъ помѣщиковъ—Петра Окулова, Сафона Нѣмчинова и Петра Зернина» [4]). Онъ вымѣрилъ изъ примѣрной земли «сыну боярскому Крюкову противъ прежнихъ тутошнихъ помѣщиковъ 12 четей въ полѣ»... Годомъ позже другой посланный, въ томъ же Гниломъ Орликѣ, производилъ повальный обыскъ о томъ, сбѣжалъ ли Василій Щуровъ и послѣ него помѣстье не отдано ли кому. «И въ обыску Гнилаго Орлика дѣти боярскія»... слѣдуетъ перечисленіе шести фамилій, между коими изъ прежнихъ мы находимъ только двѣ. Помѣстье Щурова отдано новому помѣщику Липовскому. Откуда набрались всѣ эти новые помѣщики за одинъ годъ? Очевидно вселеніе шло быстро, такъ что то, что было сегодня починкомъ, черезъ годъ дѣлалось деревней, а черезъ два-три года селомъ. Какъ при поселеніи сразу опредѣленнаго числа товарищей, такъ и при постепенномъ, но быстромъ все-

---

[1]) Труды Кур. губ., Статист. Ком., т. I, стр. 365 и сл.

[2]) Ibid., стр. 374.

[3]) Нынѣ с. Гнилое.

[4]) Ibid., стр. 358.

леніи, заимки отдѣльныхъ дворовъ выравнивались; повидимому, нивеллирующей силой была здѣсь одинаковость службы.

Мало того, немного позднѣе московское правительство начало проявлять особую скупость по отношенію къ украинцамъ дѣтямъ боярскимъ; изъ одного документа мы узнаемъ слѣдующіе факты, доказывающіе эту скупость. «Подьячій М. Головинъ ѣздилъ въ 1670 г. въ с. Ѣздочное на примѣрную землю, что примѣрилъ писецъ Никита Мосоловъ у новооскольких у старыхъ станичниковъ и что осталось той примѣрной земли за дачами у солдатъ Павла Должикова съ товарищи у 21 человѣка». Надо было сыскать, «не владѣетъ ли тою землею хто, и буде владѣетъ—почему хто владѣетъ». Станичники, въчислѣ 22 человѣкъ, показали, что земля «осталась и никому не отдана; а владѣли де тою землею по се число они станичники Сергѣй Захаровъ съ товарищи, потому что тое землю распахивали они станичники, а спору въ той землѣ по се число ни съ кѣмъ не было» [1]). Несмотря на это, подьячій отдалъ эту землю солдатамъ Григорію Болоцкому съ товарищи.

Рядомъ съ этимъ мы находимъ документъ, освѣщающій намъ исторію крупнѣйшей общины Новооскольскаго уѣзда, населенной черкасами и лежащей на р. Осколѣ, много южнѣй города. Это слобода Слоновка, имѣющая нынѣ 1.285 дворовъ. Документъ, на который мы хотимъ сослаться, есть ни что иное, какъ выпись съ отказныхъ книгъ 1657 года [2]); изъ нея мы узнаемъ, что сл. Слоновка была заселена вольными черкасами, сотникомъ Иваномъ Луцкимъ съ товарищи, 97 человѣками. По челобитью этого сотника былъ посланъ подьячій «досмотрѣть ихъ черкасскихъ напорченныхъ граней, и въ которыхъ мѣстахъ ставлены грани рѣдко и въ тѣхъ мѣстахъ ставить вновь иныя грани». Мы узнаемъ, что по писцовымъ книгамъ этимъ черкасамъ принадлежало всего по десяти четвертей человѣку въ полѣ, а въ дву по томужъ, и сѣнныхъ покосовъ противъ ихъ дачъ вдвое, то-есть по 20 копенъ. Выпись кончается обычной прибавкой: «а пахати имъ черкасамъ тое землю межъ себя черезъ межу, а для селидебнаго лѣсу и для дровъ имъ черкасамъ въ Жестовой лѣсъ въѣзжать вопче съ прочими помѣщиками.

По вѣдомости о комиссарствахъ 1773 года, въ Слоновкѣ числилось 2.753 души обоего пола [3]), нынѣ же 7.987. Мѣстные изслѣдователи совершенно ошибочно утверждаютъ, что сл. Слоновка была населена дѣтьми боярскими, которые пришли сюда въ началѣ XVII вѣка [4]). Но другое

---

[1]) Ibip I, 380.

[2]) Напечатана въ Трудахъ Кур. губ. Стат. Комитета, т. I, стр. 367—370.

[3]) Д. Багалѣй: Матеріалы, т. II, стр. 388.

[4]) Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., т. XI, стр. 115.

утвержденіе ихъ о переходѣ съ четвертей на души въ 1858 году вполнѣ вѣрно. По выписи мы видимъ четвертное надѣленіе, но, очевидно, оно не могло удержаться, ибо селеніе слишкомъ громадно по своимъ размѣрамъ.

Другая крупная община состоитъ изъ нѣсколькихъ пригородныхъ слободъ; сюда вошли драгуны, стрѣльцы, часть сведенцевъ изъ Ливенъ и, вѣроятно городовые казаки, слобода коихъ носитъ праздничное названіе (Михайловская). Эта община состоитъ нынѣ изъ 24 поселковъ и владѣетъ землей въ трехъ дачахъ и всюду по четвертямъ. «Въ 50-хъ годахъ,—замѣчаютъ мѣстные изслѣдователи,—крестьяне сами выразили желаніе не размежевываться: такъ сохранилась до нашихъ дней эта сложная родовая община—обломокъ старины глубокой» [1]). Мы знаемъ, впрочемъ, что эта глубокая старина не восходитъ раньше 1648 г., но не знаемъ, почему и какъ подгородніе служилые люди, имѣвшіе три отдѣльныхъ дачи, слились въ одну сложную общину, не вѣдаемъ также, что это за сложность и когда она установилась. Стремленія къ душевому поравненію мы здѣсь не находимъ, несмотря на громадные размѣры общины (852 двора, изъ коихъ 145 дворовъ безземельныхъ). Извѣстно что эта община ежегодно дѣлитъ свой покосъ (193 дес.), по наличнымъ дворамъ; также дѣлится лѣсъ (563 д.); но, очевидно, это дворовое поравненіе имѣетъ ничтожное значеніе, ибо всей земли болѣ 12 т. десятинъ.

Итакъ, на основаніи старинныхъ актовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ Курскаго Статистическаго Комитета, и нѣкоторыхъ указаній мѣстнаго изслѣдованія [2]), всѣ общины Новооскольскаго уѣзда по формамъ заимокъ можно раздѣлить на слѣдующія группы: многодворныхъ—33, считая Слоновку, разнофамильныхъ—5, однофамильныхъ – 6 и сборныхъ—1.

Двѣ общины, сл. Ниновка и сл. Поповка, по всей вѣроятности, бывшія экономическія, и с. Холокъ, завѣдомо экономическое,—нами исключаются вовсе. Что касается группы разнофамильныхъ, то въ нее внесены, кромѣ Стар. Хмѣлевой, с. Малое Городище (142 дв.), о коемъ сказано, что земля находится въ четырехъ дачахъ. Далѣе Захарова (108 дв.) и Лобышкина (79 дв.) по фамильности названій и сочетанію дворовъ и, наконецъ, д. Заломная, которая образовалась изъ нѣсколькихъ семей, вышедшихъ изъ многодворной Булановки и впослѣдствіи размежевавшихся съ ней. Къ группѣ однофамильныхъ отнесены нами малыя общины въ большинствѣ случаевъ съ фамильными названіями, причемъ такія, о которыхъ прямо неизвѣстно,

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., т. XI, стр. 18.

[2]) Мѣстныя изслѣдованія даютъ очень мало данныхъ; только про с. Березово сказано въ старой дачѣ 36 починковъ по 25 четв. ($2^1/_2$ дес.), въ Нежегольской дачѣ 25 починковъ по 20 четв. ($1,_8$ дес.), да про с. Коньшино сказано, что сидятъ не на жалованной, а на покупной землѣ, что даетъ основаніе отнести это селеніе къ сборнымъ.

что онѣ отселки многодворныхъ селеній. Сюда снесены д. Макешкина (45 дв.), Савенкова (69 дв.), Глазуновка (48 дв.), Кочегуры (62 дв.), д. Подвислая (34 дв.) и д. Яблонова (20 дв.). Послѣдняя, повидимому, именно та Яблонова, про которую говорятъ дозорныя книги 1617 г. [1]), но тогда въ ней числилось 17 дворовъ помѣщичьихъ. Очевидно, только одинъ изъ нихъ попалъ въ однодворцы и нынѣ разродился на 20 дворовъ.

Всѣ остальныя селенія Новооскольскаго уѣзда имѣли многодворную заимку.

Посмотримъ теперь на формы землевладѣнія. Не такъ давно было время, когда всѣ новооскольскіе однодворцы владѣли по четвертямъ. Это было равнопочинковое владѣніе въ своемъ началѣ и строго четвертное въ своемъ послѣдующемъ развитіи. Дальнѣйшіе шаги по пути эволюціи формъ землевладѣнія выразились, какъ и всюду, въ двухъ видахъ поравненія: одно болѣе грубое, вытекавшее изъ равнопочинковой заимки, имѣло тенденцію поравнять дворы, создавая изъ нихъ quasi-равновеликія разверстočныя единицы; другое, покоившееся на податной тяготѣ и необходимости продовольственнаго обезпеченія каждаго, вытекало изъ измѣнившихся представленій о болѣе справедливомъ наслѣдованіи мірской земли.

Мѣстнымъ изслѣдованіемъ собраны довольно подробныя свѣдѣнія о переходѣ четвертной формы въ другія. На основаніи этихъ свѣдѣній мы можемъ всѣ общины Новооскольскаго уѣзда распредѣлить на слѣдующія группы:

Четвертныхъ (чистыхъ).	9	20,0%	48,9
Четвертныхъ (съ дворов. поравн.) .	13	28,9	
Душево-четвертныхъ	9	20,2	51,1
Расколовшихся при переходѣ. . .	1	2,2	
Душевыхъ со слѣдами четв. права.	3	6,7	
Душевыхъ, бывш. четвертными. . .	10	22,2	
Итого	45	100,0%.	

Такимъ образомъ, душевое поравненіе коснулось немного болѣе половины общинъ, причемъ окончательно установилось душевое право всего лишь въ 22,2% общинъ, то-есть немного болѣе, чѣмъ въ пятой части. По числу дворовъ это отношеніе нѣсколько повысится; такъ, четвертныхъ дворовъ въ уѣздѣ всего 39,4%, а чистыхъ душевыхъ—28,1%. Величина общинъ стоитъ, повидимому, въ прямой связи съ развитіемъ душевой формы; такъ, если исключимъ Слоновку и пригороднюю сложную общину сл. Михайловскую, то получимъ такой размѣръ общинъ: у чистыхъ четвертныхъ 113,0 дворовъ, у четвертныхъ съ дворовой землей—116,7, у душево-четвертныхъ—188,0 у душевыхъ съ остатками четвертного права—305,6 и у чистыхъ душевыхъ—117,0.

[1]) Миклашевскій, стр. 112.

Какъ, видимъ величина общинъ правильно повышается; исключеніе представляетъ лишь послѣдняя группа.

Посмотримъ на процессъ развитія формъ землевладѣнія въ этомъ уѣздѣ.

Изъ десяти чисто-четвертныхъ общинъ въ одной, именно въ Рус. Холани, 50 лѣтъ назадъ (1836 г.) былъ совершенъ передѣлъ на души, но широкодачники скоро повернули на старое. И нынѣ малоземельные бунтуютъ, но сдѣлать ничего не могутъ: до 70 дворовъ изъ 227 несогласны [1]). Въ двухъ другихъ селеніяхъ, въ Зимовномъ и Ѣздочной, идутъ разговоры о переходѣ на души. Въ сл. Ѣздочной, по выдачѣ владѣнной записи (1872 г.), 273 дес. лѣса было раздѣлено по дворамъ и съ тѣхъ поръ лѣсъ пошелъ по наслѣдству. Еще въ двухъ селеніяхъ мы наблюдаемъ общественную (сябровскую) землю, но такъ какъ ея тамъ мало, то общество предпочитаетъ ее сдавать въ аренду.

Въ тридцати общинахъ, мы находимъ дворовое поравненіе, а именно, въ 4 общинахъ дѣлятъ лѣсъ при каждой срубкѣ по наличнымъ дворамъ, въ 7 общинахъ дѣлятъ на дворы лѣсъ и лугъ (покосъ), и въ двухъ общинахъ имѣется дворовая пахоть, именно въ с. Березовѣ 225 дес. изъ-подъ лѣса и 232 изъ-подъ луга, да кромѣ того $366,_{3}$ лѣсу рубится на дворы, и въ с. Гниломъ 95 дес.. лѣсу рубятъ черезъ три года и дѣлятъ на дворы, а 99 десятинъ распаханнаго сѣнокоса передѣляютъ по наличнымъ дворамъ. Кромѣ того, здѣсь же есть 22 дес. выморочной земли, которая когда-то была подѣлена по душамъ, но потомъ пошла по наслѣдству. Всей дворовой земли въ уѣздѣ—$3244,_{6}$ десятины, чтъ къ общему количеству составляетъ—$9,_{8}\%$.

Душево-четвертная форма, встрѣчающаяся въ 9 общинахъ [2]), установилась главнымъ образомъ изъ распашекъ лѣса, рѣже выгона или покоса. Только въ д. Захаровой и Савенковой душевая земля установилась, кажется, иначе, но какъ именно—мы не знаемъ. Всей душевой земли въ этихъ общинахъ насчитывается $4585,_{9}$ дес., что даетъ $20,_{8}\%$ къ общему количеству надѣльной земли этой группы. Кромѣ того, въ трехъ душево-четвертныхъ общинахъ имѣется и дворовая разверстка, а именно: въ с. Киселевкѣ на дворы косится 30 дес. мокраго луга, въ с. Прилѣпахъ лугъ или сдаютъ, или косятъ артелью и дѣлятъ траву на дворы и, наконецъ, въ д. Захаровкѣ 25 дес. лѣсу рубятъ на дворы.

Расколовшаяся община Стар. Хмѣлевая не могла вполнѣ установить у себя душевого владѣнія. Къ 50-мъ годамъ обнаружилась особенная дробность

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. Кур. губ., т. XI стр. 149.

[2]) Въ этомъ уѣздѣ есть еще одна душево четвертная община изъ быв. экономическихъ—с. Холокъ. Это случилось благодаря тому, что имѣвшіяся росчисти изъ-подъ лѣса чиновникъ, составлявшій владѣнную запись, отнесъ къ четвертной землѣ. Сборн. стат. свѣд. Кур. губ. XI, стр. 110.

въ пополосной разверсткѣ: у нѣкоторыхъ было по 50 и болѣе полосъ. Рѣшили перейти на души, поднялись споры, и тогда міръ постановилъ выдѣлить четвертникамъ особнякъ. Нынѣ душевиковъ 55 дворовъ и у нихъ 582 дес., и четвертниковъ 23 двора и у нихъ 445,$_4$ дес. Эту общину составители сборника совершенно ошибочно сопричислили къ разряду душево-четвертныхъ; на самомъ же дѣлѣ, здѣсь двѣ отдѣльныя общины [1]).

О трехъ душевыхъ общинахъ мы не имѣемъ точной даты о переходѣ съ четвертей на души [2]). Но если къ душевымъ общинамъ присоединить и тѣ, въ коихъ остались слѣды четвертнаго права, то получимъ о времени состоявшихся переходовъ такой рядъ цифръ: общинъ, перешедшихъ на души въ 1836—39 г.г.,—2, въ 40-хъ годахъ—1, въ 1851 г.—3, въ 58—59 г.г. 3 и въ 63 г.—1.

Обстоятельства, сопровождавшія переходы, были различны. Такъ, въ д. Ближней Ливенкѣ подѣлили всю землю въ 1839 г., потому что въ это время имъ было прирѣзано 500 дес. отсужденной у помѣщика земли. Д. Заломная перешла на души послѣ размежеванія, тоже Булановка и Городище. Въ с. Сурковѣ запасливые скупили много земли, пошла смута и міръ задалъ приговоръ о переходѣ на души. Сенатъ приказалъ раздѣлить землю на души, но съ тѣмъ, чтобы крѣпостная земля была выдѣлена. Нѣсколькимъ хозяевамъ въ силу этого былъ выдѣленъ особнякъ, но при X ревизіи и они пожелали общаго раздѣла. Сл. Слоновка подѣлила свою громадную дачу (10214 дес.) въ 1858 г. въ виду растянутости полей, ибо при душевомъ раздѣлѣ получилась возможность дать землю каждому изъ девяти хуторовъ по близости къ усадьбамъ, чего, конечно, нельзя было сдѣлать при четвертномъ правѣ. Д. Цѣпляевка, сохраняющая слѣды четвертного владѣнія, такъ установила душевую форму. «Въ 1828 году ушло около 200 семей на вольныя земли по наклику правительства. Послѣ нихъ осталось 400 десятинъ. Къ концу 50-хъ годовъ на этихъ земляхъ наросла громадная недоимка, ибо пахать-то ихъ пахали, а податей за нихъ не платили Рѣшено было перейти на души во всей дачѣ (3107 дес.), однако 85 ревизскихъ душъ запротестовали и имъ дали въ 1859 г. особнякъ. Въ 1866 г. былъ совершенъ новый передѣлъ, такъ какъ расколовшаяся часть пожелала снова соединиться съ общиной, но и послѣ этого семь душъ остались на четвертяхъ и поднесь владѣютъ особнякомъ въ 183,$_6$ дес. Иное побужденіе къ переходу было въ с. Булановкѣ: здѣсь до IX ревизіи было много земель постороннихъ владѣльцевъ, жившихъ въ отдаленныхъ селеніяхъ, верстъ за 15 — 20. Такой земли было до 700 дес. Накопилась за посторонними недоимка около тысячи рублей; тогда булановцы, при-

---

[1]) Въ дальнѣйшихъ подсчетахъ мы ее исключаемъ вовсе.
[2]) Д. Глазуновка, Яблонова и Макешкина.

дравшись къ этому, перешли на души; усадьбы при этомъ остались по четвертямъ. Ясное дѣло, что ссылка на недоимку была лишь отговоркой,— просто-на-просто хотѣлось замѣрить въ свою пользу землю постороннихъ владѣльцевъ, кстати жившимъ далеко, такъ что отбивать имъ свою землю было неудобно. Совсѣмъ иначе остались слѣды четвертного права въ с. Волотовѣ. Оное перешло на души полностью при X ревизіи, но у нѣкоторыхъ хозяевъ сохранилась въ Ливенской пустоши четвертная земля въ количествѣ 137 десятинъ: ясное дѣло, это земли родовыя, доставшіяся имъ отъ предковъ и записанныя въ Ливенской пустоши въ числѣ земель постороннихъ владѣльцевъ. Этимъ исчерпывается исторія развитія формъ землевладѣнія и въ заключеніе намъ остается лишь привести экономическія данныя. Вотъ они для Новооскольскаго уѣзда:

	Земли на дворъ.	% безхозяйныхъ.	% безлошадныхъ.
У четвертныхъ (чистыхъ) . .	14,4	4,6%	15,7%
„ „ (съ двор. поравн.)	14,5	7,7	19,4
„ душево-четвертныхъ	13,0	6,7	17,8
„ душевыхъ, сохранивш. слѣды четвертного права.	15,3	10,8	18,1
„ душевыхъ (чистыхъ)	11,6	7,1	20,5

Повидимому, стремленіе къ душевому поравненію тѣмъ больше, чѣмъ земли меньше, но съ уменьшеніемъ земли получается увеличеніе процентовъ безхозяйныхъ и безлошадныхъ, такъ что по Новооскольскому уѣзду въ наилучшихъ экономическихъ условіяхъ оказываются четвертные владѣльцы, подобно тому, какъ мы наблюдали это въ другомъ южномъ уѣздѣ Курской губерніи—въ Грайворонскомъ.

Теперь перейдемъ къ описанію Суджанскаго уѣзда. Это уѣздъ старозаимочный, но только въ юго-западной своей части. Когда малороссы, гонимые политическими невзгодами, двинулись на востокъ, въ предѣлы Московскаго государства, когда, встрѣченные царскимъ радушіемъ, они стали осѣдать на украинскихъ дикихъ поляхъ,—эта новая колонизація могла имѣть мѣсто, конечно, лишь на незанятыхъ земляхъ. Таковыми, между прочимъ, оказались и земли нынѣшняго Суджанскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ по лѣвому берегу рѣки Псла и по его притокамъ: Ильку, Локнѣ и Рыбицѣ и даже Пѣнѣ, текущей выше, въ предѣлахъ Обоянскаго уѣзда. Извѣстно, что малороссы шли цѣлыми толпами, чаще организованными полками. Они приходили съ семьями и со скотомъ, приносили съ собой оружіе и земледѣльческія орудія и, истомленные политическими смутами, сейчасъ же брались за землепашество. Земли имъ отводились «огуломъ» всему «войску», безъ точныхъ опредѣленій границъ, безъ четвертного учета, безъ опредѣленія идеальныхъ долей каждаго владѣльца. Собственно

говоря, этотъ отводъ не походилъ на отводъ московскихъ служилыхъ людей «съ товарищи»; онъ былъ только на бумагѣ и въ натурѣ не происходилъ вовсе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда черкасы протискивались между дѣтьми боярскими, во избѣжаніе столкновеній съ послѣдними, устанавливались грани и межи: такъ было въ сл. Слоновкѣ, въ Корочѣ, въ сл. Пѣнахъ (Обоян. у.), въ Касторномъ и Перлевкѣ (Землян. у). Но тамъ, гдѣ еще не было великороссійскихъ селеній и починковъ, малороссы жаловались землями безъ точныхъ указаній границъ, и жаловались не въ помѣстье, а въ вотчину.

Московскіе приказы не вмѣшивались во внутренній распорядокъ малороссійскихъ колоній: онѣ сами распредѣляли между собою занятыя земли и это распредѣленіе покоилось на вольныхъ заимкахъ, «на займахъ», какъ выражаются современные акты. Можно установить, что эта вольная заимщина руководилась лишь однимъ основнымъ принципомъ: чѣмъ старѣй заимка, тѣмъ право на нее тверже. Пришедшіе раньше и успѣвшіе занять лучшія земли, тѣмъ самымъ получали право на сохраненіе своихъ старыхъ заимокъ, и никто изъ пришедшихъ позже не могъ посягнуть на это право. Каждая старая заимка, каковы бы ни были ея размѣры, не ограничивала хозяина въ дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ: онъ могъ производить росчисти въ лѣсахъ, могъ раздирать цѣлину въ дикомъ полѣ, вырубать кустарникъ для покосовъ и т. д., лишь бы не нарушались чужія права, то-есть чужія старыя заимки. Само собой понятно, что съ теченіемъ времени и эти новые займы дѣлались такими же старыми заимками, иначе говоря—защищались тѣмъ же обычнымъ правомъ вольной заимки. Въ этомъ описаніи мы избѣгаемъ выраженій: «захватъ, захватный способъ владѣнія», ибо малороссійская вольная заимка вовсе не была захватомъ: это было правомѣрное, обычаемъ установленное отношеніе къ землѣ, возникшее на почвѣ уваженія къ труду заимщика. Но между захватнымъ способомъ и вольной заимкой есть и общая черта: оба они мыслимы лишь при наличности изобилія свободныхъ, незанятыхъ земель. Когда это изобиліе исчерпывается, увеличивающемуся населенію угрожаетъ или новый отливъ изъ переполненнаго мѣста — переселеніе, или подчиненіе неумолимому закону наслѣдованія, по коему чѣмъ больше семья, тѣмъ меньше получитъ каждый членъ ея при выдѣлѣ изъ нея. Старая заимка, удовлетворявшая дѣда, не можетъ удовлетворить разродившихся внуковъ; возникаетъ забота о новыхъ пріобрѣтеніяхъ и, разъ они ограничены внѣшнимъ недостаткомъ земли, является потребность въ изысканіи такого внутренняго распорядка, при коемъ сглаживались бы непріятности, вытекающія изъ общаго малоземелья. Конечно, не внуки, а болѣе позднія поколѣнія будутъ ломать себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, пока онъ не выяснится и не выльется въ рельефную форму

въ родѣ общаго душевого передѣла. Ниже мы увидимъ, что и на старозаимочныхъ земляхъ даже такіе индивидуалисты, какъ хохлы, пришли, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же результату. Это указываетъ лишь на то, что законы эволюціи формъ землевладѣнія, если не нарушаются извнѣ, остаются одинаковыми для всѣхъ видовъ заимокъ и для всякихъ національностей. Но здѣсь намъ нужно разрѣшить еще одинъ важный вопросъ: какова была структура общины на старозаимочныхъ земляхъ Суджанскаго уѣзда. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльныя семьи, дробившія заимки своихъ наслѣдодателей, руководствовались, подобно четвертнымъ однодворцамъ, обычаемъ строгаго наслѣдованія. Для проведенія этого обычая требовалось знать родословную и по ней опредѣлять свою долю. Техническая сторона мало отличалась отъ четвертной разверстки, ибо и здѣсь каждое отдѣльное займище «паили». И если въ предѣлахъ Полтавской и Черниговской губерній былъ обычай измѣрять землю «днями», то на старозаимочныхъ земляхъ Суджанскаго уѣзда мы видимъ все ту же четверть, а впослѣдствіи просто десятину. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ семей мы видимъ родовую структуру. Но въ предѣлахъ отдѣльныхъ общинъ тотъ же родовой принципъ не былъ достаточно развитъ. И понятно почему: вольная заимка способствовала постоянному приселенію новыхъ, чуждыхъ общинѣ родовъ; но какъ бы велико ни было такое приселеніе, оно все же не могло серьезно измѣнить основныхъ устоевъ данной общины: нельзя было, напр., нарушить трехполье, сократить мірской выгонъ, уничтожить прогонъ или проѣздъ. Притомъ приселеніе было мыслимо до извѣстной степени, пока были свободныя земли; какъ только таковыхъ оставалось немного, міръ имѣлъ силу воспрепятствовать вселенію; для этого остатки незанятой земли объявлялись достояніемъ міра, такъ сказать, «обобщались», и это имѣло громаднѣйшія послѣдствія въ дальнѣйшей выработкѣ юридическихъ представленій о своей землѣ. Этимъ наносился тяжелый ударъ какъ вольной заимкѣ, такъ и родовому принципу, хотя, повидимому, имъ устанавливалась извѣстная замкнутость общины. Но въ томъ-то и дѣло, что на старозаимочныхъ земляхъ родовой замкнутости, повидимому, не было; трудно представить себѣ, какъ бы она могла установиться, когда первоначальное селеніе образовывалось сразу изъ массы дворовъ, не связанныхъ кровнымъ родствомъ, и затѣмъ селеніе это постоянно пополнялось новыми пришельцами, конечно чужеродцами.

Значитъ, сознательно установленная замкнутость общины не была родовою замкнутостью, а только сосѣдскою. Эта особенность имѣетъ для насъ значеніе первой важности. И въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать структуру тѣхъ старозаимочныхъ общинъ, кои до сихъ поръ владѣютъ по четвертямъ? Составители Суджанскаго сборника, убоясь прямого разрѣшенія этого вопроса, не пожелали смѣшать такія общины съ родовыми общи-

нами четвертныхъ владѣльцевъ и потому сочли нужнымъ прибѣгнуть къ иному термину: они назвали суджанскихъ четвертныхъ—подворными владѣльцами. Этимъ вопросъ нисколько не придвинулся къ разрѣшенію, ибо терминъ «подворное владѣніе» ничего намъ не объясняетъ. А между тѣмъ нетрудно разрѣшается эта задача, если мы вспомнимъ структуру многодворныхъ заимокъ. Тамъ каждый дворъ имѣетъ несомнѣнно родовую организацію, но оная охватываетъ лишь внутреннія правоотношенія членовъ, происшедшихъ изъ одного двора; что же касается правоотношеній внѣшнихъ, то они покоятся не на родовой, а на чисто сосѣдской организаціи. Структура такихъ общинъ далека отъ строгой родовой организаціи, но это вовсе не мѣшаетъ сохраненію четвертного права внутри отдѣльныхъ ячеекъ, ту общину составляющихъ. То же самое мы видимъ и на старозаимочныхъ земляхъ, по крайней мѣрѣ Суджанскаго уѣзда.

Перейдемъ теперь къ топографіи этихъ земель. Лучшимъ руководствомъ въ данномъ случаѣ является, конечно, опись комиссарствъ, сдѣланная въ 1773 г. и напечатанная въ матеріалахъ Багалѣя [1]). Если мы отмѣтимъ на картѣ нынѣшняго Суджанскаго уѣзда селенія, упоминаемыя въ этой описи, то линія старозаимочныхъ земель опредѣлится вполнѣ наглядно; названія нѣкоторыхъ селеній облегчаютъ намъ провести на картѣ эту линію. Она идетъ отъ д. Сорочиной на р. Малой Локнѣ чрезъ рѣчку Ивницу и р. Суджу, причемъ на правомъ берегу послѣдней стоитъ с. Русское Порѣчное, а на лѣвомъ, немного южнѣе, находится Черкасское Порѣчное. Эти названія прямо указываютъ, въ чемъ тутъ дѣло. Далѣе, линія старозаимочныхъ земель захватываетъ д. Мартыновку и, круто поворачивая на югъ, пересѣкаетъ маленькій притокъ Псла, рѣчку Конопельку, въ верховьяхъ коей мы видимъ с. Пушкарное и Русскую Конопельку, а къ устью ближе—Черкасскую Конопельку. Потомъ линія поворачиваетъ на востокъ, захватывая въ сторону старозаимочныхъ земель с. Уланокъ и Ворожбу и, не доходя рѣки Бѣлицы, идетъ на югъ черезъ р. Пселъ, а потомъ р. Илекъ, но такъ, что понизовье р. Илька заняты опять-таки великороссами (д. Бабичева, Вишневое, Мал. Солдатское и Бѣлое) [2]). За этимъ перерывомъ мы находимъ особнякомъ стоящую слободу Пѣны въ Обоянскомъ уѣздѣ, а на югѣ, по Ильку, извѣстныя намъ селенія Грайворонскаго уѣзда. Такимъ образомъ, линія старозаимочныхъ земель дѣлитъ Суджанскій уѣздъ почти на равныя части: юго-западную,—черкасскую и сѣверо-восточную,—московскую. Въ послѣдней, кромѣ помянутаго Пушкарнаго и Мал. Солдатскаго, въ верховьяхъ рѣки Суджи мы находимъ еще два селенія какъ-бы со служебными названіями, именно: Бол. Солдатское и с. Сторожевое. Однако между этими

---

[1]) Т. II, стр. 359—367.

[2]) Ни одно изъ нихъ въ описи не встрѣчается.

несомнѣнно правительственными поселеніями и старозаимочной линіей мы видимъ широкое пространство, занятое великороссами. Проф. Багалѣй насчитываетъ здѣсь 16 селеній, кои образовались на купленныхъ у казаковъ земляхъ: «всѣ эти земли будто бы были пріобрѣтены въ недавнихъ годѣхъ по куплѣ, а не на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ» [1]). Авторъ, ссылаясь на сомнительную опись Ямпольскаго, самъ сознается, что многія изъ этихъ селеній образовались не этимъ путемъ. Съ своей стороны мы напомнимъ, что въ с. Скородномъ, отнесенномъ сюда, мы видѣли уже жалованныя грамоты; были таковыя же и въ д. Будищахъ, населенныхъ дѣтьми боярскими. Отсутствіе жалованныхъ грамотъ напрасно наводитъ на предположеніе о пріобрѣтеніи этихъ земель куплей у казаковъ. Развѣ такая купля не такая же крѣпь, какъ жалованная грамота? Вѣдь казаки продавали свои вотчинныя земли. Но въ томъ-то и дѣло, что никакихъ документовъ на землю въ этихъ селеніяхъ Суджанскаго уѣзда никогда и не было. Проф. Багалѣй, не признавая утверждаемую мною въ одной изъ маленькихъ статеекъ, напечатанныхъ въ 1885 г. въ «Суджанскомъ Еженедѣльникѣ» [2]) возможность самовольной заимки, прибавляетъ: «врядъ ли только можно считать образованіе селеній путемъ самовольной заимки явленіемъ обычнымъ для великороссійскихъ украинъ; это болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ какъ тамъ признавалось законнымъ только документальное владѣніе [3]). Читатель, надѣюсь, понимаетъ на основаніи всего вышеизложеннаго въ нашей книгѣ, въ какую вопіющую ошибку впадаетъ уважаемый профессоръ въ этомъ мѣстѣ. Достаточно вспомнить объ извѣстномъ указѣ царя Феодора Алексѣевича о владѣніи помѣстьями безъ справокъ, или о нарѣзкѣ по Межевой Инструкціи земель однодворцамъ, поселившимся безъ дачъ, наконецъ, о тѣхъ указахъ при ревизіи, кои были изданы въ разъясненіе, какъ поступать съ однодворцами, поселившимися между казаками слободскихъ полковъ—чтобы убѣдиться, что на великороссійскихъ украинахъ самовольныя заимки были явленіемъ постояннымъ и, если хотите, даже законнымъ. Мѣстныя изслѣдованія установили съ большой точностью, что въ этой мѣстности Суджанскаго уѣзда у большинства селеній никакихъ документовъ на землю никогда не было: это были самовольные сходцы, воспользовавшіеся тѣмъ замѣшательствомъ, какое должно было быть здѣсь на границѣ распространенія черкасскихъ маятностей. Они приходили сюда артелями, часто съ промышленной даже цѣлью (бондари д. Саморядовой и пряшники с. Чернаго Ольха), занимали землю вольно, какъ и черкасы, подвергались за это преслѣдованіямъ со стороны воеводъ, но, въ концѣ концовъ, въ худшихъ слу-

---

[1]) Очерки изъ истор. колон. стр. 369.

[2]) №№ 27 и 28.

[3]) Очерки стр. 371.

чаяхъ облагались служилымъ тягломъ, но ни въ какомъ случаѣ не выдворялись обратно на родину: этого не дѣлали на Украйнѣ часто даже по отношенію къ бѣглымъ крестьянамъ, не только къ свободнымъ людямъ. Какъ увидимъ ниже, такое вольное поселеніе имѣло мѣсто не только вблизи старозаимочной линіи, гдѣ было ужъ очень удобно селиться подъ шумокъ всякому народу, даже бѣглымъ холопямъ, но и въ предѣлахъ Обоянскаго, Тимскаго, Щигровскаго, Землянскаго и даже на югѣ Елецкаго уѣздовъ; однимъ словомъ, вольное заселеніе совершенно свободно происходило въ концѣ XVII вѣка въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежали между бѣлгородской чертой и болѣе старыми украинскими городами: Рыльскомъ, Ливнами и Ельцомъ.

Документальность владѣнія въ этихъ мѣстностяхъ — условіе далеко не важное. Москва въ концѣ XVII вѣка стала смотрѣть на это съ своеобразной фискально-стратегической точки зрѣнія, и татарское воззрѣніе на землю, какъ государеву вотчину, начинало сильно колебаться къ тому времени, когда начали заселяться эти мѣстности. Нынѣшніе крестьяне Суджанскаго уѣзда, живущіе въ помянутыхъ селеніяхъ, называютъ свою землю «старозаимочной», но это глубокая ихъ ошибка: вольная заимка этихъ земель великоросами не создавала для нихъ особаго права, дарованнаго черкасамъ въ извѣстныхъ жалованныхъ грамотахъ царя Алексѣя; съ другой стороны, въ ревизскихъ сказкахъ жители этихъ селеній именуются «войсковыми обывателями»; это уже ошибка составителей сказокъ, ибо этимъ названіемъ со временъ Екатерины II именуются лишь казаки слободскихъ полковъ, а никакъ не великороссы. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя селенія, какъ напр., Козыревка, во время извѣстной горячки конца семидесятыхъ годовъ, предъявляли въ судѣ иски къ казнѣ о возвратѣ оброчной подати, на что, повидимому, не имѣли ужъ ровно никакихъ основаній, ибо черкасами ихъ предки не были. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ мы видимъ многодворную заимку.

Теперь посмотримъ на формы землевладѣнія въ Суджанскомъ уѣздѣ. Изъ общаго счета мы исключаемъ пять общинъ, какъ бывшихъ экономическихъ [1]), и двѣ небольшихъ общины: Фанасѣевку (15 дв.) и х. Чепелевскій (19 дв.), за полнымъ отсутствіемъ указаній на ихъ прошлое. За этими исключеніями въ Суджанскомъ уѣздѣ насчитывается 20 общинъ черкасскихъ и 51—великороссійскихъ. По нынѣшнимъ формамъ землевладѣнія тѣ и другія группируются слѣдующимъ образомъ:

	Общины	
	Черкасскія.	Русскія.
Четвертныя	7 (35,0%)	35 (68,6%)
Душевно-четвертныя	6 (30,0%)	2 (3,9%)
Душевыя	7 (35,0%)	14 (27,5%)
Итого . . .	20 (100%)	51 (100%)

[1]) Сюда относятся с. Горналъ, х. Поплюевскій, Большой Приколъ, х. Ивашковъ и душевая часть сл. Махновки.

Какъ видимъ, у черкасъ четвертное землевладѣніе въ чистомъ видѣ сохранилось немного болѣе, чѣмъ въ одной трети общинъ, тогда какъ у великороссовъ оно уцѣлѣло болѣе, чѣмъ въ двухъ третяхъ общинъ. Было время, и не такъ давно, когда всѣ эти общины были четвертными. Такъ, крупнѣйшая черкасская община, городъ Мирополье, оставила слѣды четвертного владѣнія въ видѣ семи дворовъ, до сихъ поръ владѣющихъ по четвертямъ. Одна изъ крупныхъ русскихъ общинъ, сл. Бѣлая, также оставила, послѣ перехода на души, слѣды четвертного права въ видѣ 4 дворовъ. Про деревню Шелеповку, перешедшую на души въ 40 гг., имѣются подробности [1]): здѣсь много было постороннихъ владѣльцевъ, интересно было замѣрить ихъ землю. Волостной голова, уроженецъ этой деревни, имѣлъ 6 душъ семейства, но совсѣмъ мало земли въ Шелеповской дачѣ, при его содѣйствіи былъ составленъ переходный приговоръ и переходъ состоялся. Но вотъ бѣда, глядя на шелеповцевъ, замутились и сосѣднія села, а между тѣмъ въ одномъ изъ нихъ въ Кривицкихъ Будахъ волостной голова владѣлъ 33 четвертями, какъ посторонній. При переходѣ ему, конечно, не дали бы тамъ земли и вотъ онъ старается всячески затормазить тамъ переходъ на души, чего и добивается. Благодаря этому въ д. Шелеповкѣ часть крестьянъ сверхъ душевой земли владѣютъ четвертной землей въ чужихъ дачахъ, почему и считаются въ разрядѣ душево-четвертныхъ владѣльцевъ. Иначе произошла эта форма въ другихъ селеніяхъ. Такъ въ черкасскихъ пригородныхъ слободахъ (Замостье, Гончарная гора, Подолъ, Заолешинка) въ началѣ 40 гг. былъ составленъ передѣльный приговоръ: одинъ клинъ уже былъ подѣленъ и засѣянъ, но четвертники дали взятку окружному, который былъ «большой хоборникъ». Поэтому на весну ,какъ мы знаемъ, пришелъ приказъ оставить землю такъ какъ есть: произошло нѣчто необычайное—одинъ клинъ душевой и два четвертныхъ; первый передѣляется по ревизіямъ, послѣдніе два идутъ по строгому наслѣдованію. Русское селеніе Меньшій Каменецъ, допускающее у себя переверстку и четвертной земли, получило при Екатеринѣ II прирѣзку отъ казны по малоземелью, каковая земля съ тѣхъ поръ и дѣлится по душамъ, родовая же остается въ четвертяхъ.

Мы очень мало знаемъ о формахъ землевладѣнія въ Суджанскомъ уѣздѣ: кромѣ многодворныхъ заимокъ мы имѣемъ, повидимому, всего одно селеніе съ разнофамильной заимкой. Это д. Будище (247 дв.). Дѣти боярскія, населявшія эту деревню, жаловались землей неравномѣрно: кому 100 четей, кому 50, кому 30. Всѣхъ перводачниковъ, поселившихся, очевидно, разновременно насчитывается, если не ошибаемся около 30. Со временемъ, когда населеніе разродилось и первоначальные дворы достаточно уже поразделились, было примѣнено дворовое поравненіе. Благо-

---

[1]) „Юридич. Вѣстн.“ 1887 г. XIII, стр. 269.

даря этому произошло то явленіе, которое будищенцы характеризуютъ фигурально: «у насъ четверть—дура, потому что сама себѣ неравна». Въ самомъ дѣлѣ, приходится считать свое владѣніе по числу четвертей пожалованія, а владѣть непропорціонально этому числу. Допустимъ, что три фамиліи имѣли разное количество четвертей: 100, 50 и 30. Сообразно съ этимъ старопашье и было подѣлено между ними такъ, что первому приходилось 100 десятинъ, второму 50 и третьему 30; но послѣ примѣненія двороваго поравненія каждому двору пришлось получить поровну, положимъ по 40 десятинъ. Какъ это отразилось на размѣрѣ четверти? Очевидно:

первый получитъ	(100 + 40) :	100 = 1,4	дес.	на четверть
второй	„ (50 + 40) :	50 = 1,8	„	„ „
третій	„ (30 + 40) :	30 = 2,3	„	„ „

И такъ какъ составитель владѣнной записи написалъ приложеніе къ послѣдней не десятинами, а четвертями, то получился невѣроятный хаосъ: будищенскіе однодворцы не въ силахъ разбираться въ этой путаницѣ и при раскладкѣ податей пользуются услугами своего сельскаго писаря И. Д. Бѣленькова, который съ помощью кадастровыхъ списковъ и послѣ тщательныхъ самоличныхъ исчисленій кое-какъ добивается возможнаго соотвѣтствія платежей съ землею даннаго двора. «Умретъ Бѣленьковъ—и намъ пропадать: хоть дѣли землю на души»—говорятъ будищенцы. Собственно говоря въ самомъ владѣніи нѣтъ путаницы—каждый пашетъ свою полосу, доставшуюся по семейному раздѣлу послѣ смерти отца, но путаница существуетъ въ исчисленіи оброчной подати: пришлось ради избѣжанія этой непріятности отвергнуть владѣнную запись и руководствоваться вычисленіями писаря. Авторитетъ его великъ, но не безспоренъ: многіе жалуются на ошибки и даже пристрастіе. Иные требуютъ душевого передѣла, другіе требуютъ измѣренія чрезъ землемѣра и, наконецъ, третьи добиваются раздѣла всей земли по владѣнной. И говорить нечего, что послѣднее требованіе является самымъ несправедливымъ: оно воскреситъ такую отдаленную старину, которая была уже нѣсколько разъ опорочена примѣненіемъ двороваго поравненія. Послѣднее по всей вѣроятности въ свое время вытекло изъ одинаковости службы, несомой этой деревней, и отвергать его теперь значитъ нарушать чужое владѣніе, покрытое многими земскими давностями, да, кромѣ того, нарушать не во имя справедливаго поравненія, а во имя призрачныхъ правъ предковъ.

Въ заключеніе сопоставимъ экономическія данныя по національностямъ и по формамъ землевладѣнія.

	Земли на дворъ.	% безхозяйныхъ.	% безлошадныхъ.
У русскихъ			
четвертныхъ	12,6	5,9	17,8
душево-четверт.	13,3	8,9	14,9
душевыхъ	10,4	6,0	19,5
у черкасъ			
четвертныхъ	11,0	1,9	10,3
душево-четверт. . . . . (всѣ подгородніе)	6,0	8,4	41,6
душевыхъ [1])	10,8	3,3	11,5.

Такимъ образомъ и въ этомъ уѣздѣ прослѣживается вліяніе малоземелья на развитіе уравнительныхъ формъ землевладѣнія. Прочіе же экономическіе показатели слагаются не въ пользу душевого владѣнія, хотя по Суджанскому уѣзду это явленіе сильно затемнено, такъ что нѣтъ существенной разницы между четвертнымъ и душевымъ владѣніемъ: нѣтъ такой разницы и въ размѣрахъ общинъ: такъ у русскихъ четвертныхъ въ среднемъ на одну общину приходится 146 дворовъ, а у душевыхъ 150; у черкасъ эта разница замѣтнѣй—у четвертныхъ всего 145 дворовъ, тогда какъ у душевыхъ—исключивъ даже Мирополье—232.

Мы считаемъ умѣстнымъ дать здѣсь описаніе, хотя бы одного великороссійскаго селенія, лежащаго близъ линіи старозаимочныхъ земель. Но у насъ нѣтъ подъ рукою поселенныхъ бланковъ, а лишь подворный бланкъ переписи, гдѣ каждый хозяинъ внесенъ съ его землей и прочимъ имуществомъ. Мы беремъ д. Моховой Колодезь, лежащій на самыхъ верховьяхъ р. Ворожбы. И это селеніе по мнѣнію Д. Багалѣя сидитъ на купленной землѣ. Всѣхъ дворовъ считая сходцевъ, но не считая безземельныхъ 117 [2]), они носятъ 19 разныхъ фамилій. Если мы разнесемъ землю по фамиліямъ, то получимъ, конечно, размѣръ владѣнія каждаго заимочнаго двора. Это было бы вѣрно, еслибы допустить, что не было въ деревнѣ зятьевъ и покупщиковъ. Для выдѣленія зятьевъ возможно руководствоваться слѣдующими соображеніями: во-первыхъ число ихъ дворовъ всегда немногочисленно, во-вторыхъ земля ихъ съ удобствомъ прилагается по соображенію парности къ землѣ какой-либо заимочной фамиліи. Что касается недавнихъ покупщиковъ, то они прямо отмѣчались переписью, и въ данной деревнѣ имѣется всего одинъ такой покупщикъ (Гончаренко).

Земля по владѣнной записи Махового Колодезя писана четвертями, причемъ доли четверти изображены сотыми. Для упрощенія записей мѣст-

---

[1]) Мы исключили изъ подсчета г. Мирополье, въ коемъ 1861 дворъ, такъ что на остальные 1689 дворовъ это число оказываетъ подавляющее значеніе.

[2]) Разница противъ сборника понятна: тамъ считались безземельные, но сходцы не считались.

ный зислѣдователь писалъ не всегда сотыми, а болѣе простыми дробями, $^1/_2$ $^1/_3$ $^1/_4$ и т. д. Это могло, конечно, отразиться на общемъ итогѣ, но такъ какъ уклоненія отъ владѣнной были въ ту и другую сторону, то произошла компенсація. Впрочемъ, мы и не заинтересованы возстановлять владѣнную запись. Разнеся землю по фамиліямъ, мы получили такой рядъ:

Ассѣевы	4 двор.	$11^{20}/_{100}$ четвертей.
Бахтеяровы	30 „	$159^{7}/_{100}$
Бабкины	7 „	$47^{74}/_{100}$
Гончаренко	1 „	$4^{1}/_{2}$
Горбатыхъ.	4 „	10 ч.
Дурневы	6 „	$33^{81}/_{100}+6^{19}/_{100}$ продано.
Дутыхъ.	1 „	5 ч.
Ерины	2 „	5 ч.
Жаковы.	5 „	$19^{10}/_{100}$
Кареловъ.	1 „	$2^{1}/_{2}$
Каменевъ.	1 „	10
Маренковы	11 „	$24^{1}/_{100}$
Мезенцевы	3 „	$14^{46}/_{100}$
Наздрачевы.	2 „	6
Малютины.	8 „	$37^{71}/_{100}$
Охотниковы	5 „	$44^{36}/_{100}$
Рышковы.	8 „	$42^{46}/_{100}$
Стародубцевы . . .	8 „	27
Шевляковы.	10 „	$21^{2}/_{100}$
Итого	117	$518^{93}/_{100}$

Мы напечатали курсивомъ фимиліи первозаимщиковъ, остальные—зятья; при чемъ по парности устанавливается, что Ассѣевы и Каменевъ суть зятья Жаковыхъ, Дутыхъ—зять Шевляковыхъ, а два Ерина—Стародубцевыхъ. Кареловъ зять Маренковыхъ, Наздрачевы—Бахтеяровыхъ. Труднѣе разобраться съ Мезенцевыми и Горбатыми. Несомнѣнно, что одинъ изъ Мезенцевыхъ, имѣющій $4^{8}/_{10}$ чет. зять Стародубцева, но другой съ 5 четвертями, половинщикъ съ Горбатыми, кои всѣ имѣютъ по $2^{1}/_{2}$ четверти. Здѣсь, вѣроятно, двойная позятьевщина, то-есть на зятя Мезенцева присталъ Горбатыхъ или наоборотъ. Присчитывая землю зятьевъ по принадлежности къ заимочнымъ фамиліямъ мы всюду получаемъ близкое къ 40 четвертямъ число. Родъ Дурневыхъ, не пустившій къ себѣ зятьевъ, дѣйствительно имѣетъ ровно 40 четвертей, если мы примемъ во вниманіе, что обезземелившійся Дурневъ продалъ $6^{19}/_{100}$ четвертей. Только у Бахтеяровыхъ около 160 четвертей, но могло же ихъ придти четыре брата или два дяди съ племянниками. Допуская это, мы насчитываемъ 13 заимочныхъ дворовъ, занявшихъ по 40 четвертей, то-есть $13\times40=520$, у насъ же насчитано $518^{93}/_{100}$ четверти, каковая разница весьма понятна въ виду особенностей регистраціи. Всей земли, не считая лѣса и выгона, въ Маховомъ Колодезѣ

1585 десятинъ, что даетъ на четверть немного болѣе 3 десятинъ. Такой повышенный размѣръ четверти прямо свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что заимка здѣсь была вольная, нестѣсняемая контролемъ воеводъ и московскихъ приказовъ, а съ другой стороны это указываетъ и на то, что четверть здѣсь не была единицей измѣренія, а просто единицей разверстки. Конечно, и говорить нечего, что крестьяне не умѣютъ разбивать свою четверть на сотыя доли,—это плодъ фантазіи чиновника, составлявшаго владѣнную запись. Высшій размѣръ нынѣшняго владѣнія отмѣченъ за дворомъ Охотникова, имѣющимъ $19^{50}/_{100}$ четвертей, то-есть ровно половину заимочнаго помѣстья. Minimum владѣнія мы находимъ въ родѣ Маренковыхъ: тамъ три двора владѣютъ по $^{6}/_{10}$ четверти.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь многодворную равнопочинковую заимку. Товарищи, пришедшіе сюда, носятъ всѣ безъ исключенія великороссійскія фамиліи, и притомъ фамиліи однодворческія, встрѣчавшіяся намъ на сѣверѣ Курской губерніи и въ другихъ мѣстахъ.

Подобнымъ же образомъ на основаніи подворнаго бланка можно установить, что и въ сосѣднемъ селеніи Бирюковкѣ было 26 заимщиковъ, причемъ шестеро изъ нихъ носили фамилію Мезенцевыхъ, четверо Березуцкихъ, трое Полуниныхъ и 13 одиночекъ [1]). Каждый изъ нихъ занялъ по 30 четвертей, что видно, между прочимъ, изъ того, что половинщики Толмачевы имѣютъ $14^{1}/_{2}$ и $15^{1}/_{2}$ четвертей, половинщики Вершиковы имѣютъ двое по $7^{1}/_{2}$ и двое—10 и 5. У одного Полунина имѣется $15^{1}/_{4}$ четвертей. Родъ Мяснянкина имѣетъ ровно 30 четвер., Ховякова—34, Рожнова—$31^{7}/_{16}$. Счетъ по владѣнной ведется также четвертями, но вмѣсто сотыхъ—шестнадцатыя. Всѣхъ четвертей мы насчитали $767^{1}/_{16}$, но такъ какъ имѣется десять переселенцевъ, продавшихъ болѣе 30 четвертей, то очень можетъ быть, что часть ихъ земли продана въ чужія деревни, отчего въ счетъ не вошла. Всѣхъ же четвертей надо считать $26 \times 30 = 780$ и такъ какъ на подворномъ бланкѣ четверть приравнена $2,_{2}$ десятины, а всей земли—1748 десятинъ, то это число должно быть признано несомнѣннымъ. Такимъ образомъ, и здѣсь многодворная заимка съ равновеликими помѣстьями и четверть съ размѣрами выше казенной нормы. Но спрашивается: чѣмъ особеннымъ отличаются эти селенія отъ обыкновенныхъ четвертныхъ селеній многодворной заимки? Чѣмъ отразилось отсутствіе «документальности» на ихъ землю? Самое большое, что могло послѣдовать изъ этого,—это нарѣзка при генеральномъ межеваніи пятнадцати-десятинной

---

[1]) И здѣсь фамиліи исключительно великорусскія: Бобровъ, Вершиковъ, Дураковъ, Ильинъ, Короткихъ, Мяснянкинъ, Нескородневъ, Нечаевъ, Рожновъ, Толмачевъ, Ховяковъ, Чепиковъ и Шпильковъ. Изъ восьми зятьевъ только у одного фамилія обрусѣлая—Черкасинъ.

пропорціи. Мы не знаемъ, было ли такъ на самомъ дѣлѣ, но при отсутствіи документовъ иначе и быть не могло. Внутренній строй жизни этимъ событіемъ не былъ поколебленъ нисколько, ибо сочетаніе прежняго землевладѣнія съ казенной пропорціей, очевидно, было благопріятно для крестьянъ, а потому и не могло вызвать душевого поравненія, которое мы часто видимъ въ такихъ случаяхъ, особенно въ случаяхъ прирѣзки значительнаго количества земли.

Этимъ заканчиваемъ описаніе южныхъ уѣздовъ Курской губерніи, лежавшихъ по бѣлгородской чертѣ, и переходимъ къ уѣздамъ промежуточнымъ. Мы уже упомянули о нѣкоторой разницѣ, замѣчаемой въ заселеніи этой мѣстности. Здѣсь мы, прежде всего, не видимъ городовъ; единственное исключеніе представляетъ г. Обоянь. Въ 1638 году курчане, дѣти боярскія, били челомъ о томъ, что имъ приходится ѣздить на Боянское городище, что на Пслѣ, верстъ за 60, и «въ томъ дальнемъ проѣздѣ наша братья погибаютъ многіе и въ полѣ животы свои мучатъ безвыходно»; для устраненія этихъ неудобствъ службы они просили позволенія устроить тамъ городъ, тѣмъ болѣе, что «къ тому городищу съ русскія стороны рѣки Псла приходили межъ большихъ лѣсовъ поля пашенныя и намъ дѣтишкамъ боярскимъ земли будутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ» [1]).

Разрѣшеніе послѣдовало и въ слѣдующемъ же году устроился городъ. Но если здѣсь нашлись крѣпкія мѣста, то въ пространствѣ нынѣшняго Тимскаго и Щигровскаго уѣздовъ такихъ мѣстъ вовсе не было. Еще по книгѣ Большаго чертежа здѣсь, за исключеніемъ Пузацкаго лѣса, была голая степь, дикое поле въ истинномъ значеніи этого слова. Здѣсь сходились татарскіе главные шляхи и не удивительно, что здѣсь держаться было очень трудно. И вотъ до самаго конца XVII вѣка мы здѣсь, повидимому, не находимъ поселеній. Но въ концѣ этого столѣтія дѣти боярскія сѣверныхъ уѣздовъ Курской и изъ всѣхъ уѣздовъ Орловской губерніи и даже изъ Одоевскаго уѣзда, Тульской, двинулись толпами на эти благодатныя тучныя земли. Часть, и притомъ самая малая часть, этихъ поселенцевъ успѣла выхлопотать себѣ отказныя грамоты, большинство же поселилось безъ дачъ. Если вслѣдъ за образованіемъ города въ Обояни сѣвернѣе ея расположенныя селенія попадали, по распоряженіямъ разряда, въ руки отдѣльныхъ лицъ изъ дѣтей боярскихъ, то съ теченіемъ времени, когда хлынула переселенческая волна, началось сильное приселеніе и въ такихъ жалованныхъ деревняхъ. Этотъ фактъ установленъ мѣстными изслѣдователями. Они разсказываютъ напр., что д. Выш. Нагольный Колодезь образовалась посредствомъ «займищъ» и записи ихъ въ писцовыя книги. «Первые выходцы захватили себѣ земли, сколько могли. Затѣмъ постепенно

---

[1]) Миклашевскій, къ Истор. хоз. быта, стр. 147.

къ нимъ приселялись новые поселенцы, «сходцы», какъ ихъ называютъ крестьяне; они захватывали новыя земли, пока правительство не нашло нужнымъ ограничить размѣръ «займищъ» 25-тью четвертями» [1]). Конечно, въ этомъ изложеніи есть серьезное недоумѣніе: вовсе правительство не ограничивало размѣровъ займищъ; мы знаемъ, что право на займище извѣстнаго размѣра вытекало изъ публичныхъ служебныхъ правъ дѣтей боярскихъ и разъ въ названной деревнѣ мы видимъ займище равное 25 четвертямъ, то отсюда можемъ заключить лишь о той низшей статьѣ, къ какой принадлежали поселившіяся здѣсь дѣти боярскія, а вовсе не объ ограниченіи какихъ-то захватовъ, коихъ здѣсь и не было. Всякій, кто селился, имѣлъ право занять извѣстное, верстаньемъ опредѣленное, число четвертей; и мы знаемъ, что это не былъ захватъ, а правомѣрное осуществленіе своихъ правъ. Если къ ранѣе пришедшимъ сюда приселялись все новые и новые сходцы, то это объясняется изобиліемъ «лишней сверхъ дачъ» земли. Самое названіе такихъ присельниковъ «сходцами» должно быть отнесено нами къ важнымъ пережиткамъ: въ сѣверной части Курской губерніи этого названія не употребляется Ясное дѣло, что всѣ эти сходцы двигались сюда не ради службы, какъ сведенцы, а ради хозяйственныхъ цѣлей, ради поселенія на просторѣ. И говорить нечего, что это были не воины, а мирные земледѣльцы и можно согласиться съ составителемъ Обоянскаго сборника, что часть ихъ приселилась уже въ XVIII вѣкѣ.

Мы почти не находимъ мелкихъ однодворческихъ селеній въ Обоянскомъ уѣздѣ; значитъ, народъ сюда шелъ скопомъ, толпами; въ первое время это вызывалось опасностью со стороны нападеній татарскихъ, впослѣдствіи—тѣснотой на сѣверѣ, откуда двигалось это населеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ многодворную заимку. Это обстоятельство, въ совокупности съ другими благопріятными условіями, дало въ результатѣ почти сплошное распространеніе душевого владѣнія. Стремленіе къ поравненію особенно сильно обнаружилось въ 40-хъ годахъ. Изъ 98 селеній, изслѣдователи находятъ только 7 пригородныхъ слободъ, въ коихъ, по ихъ мнѣнію, извѣчно было душевое владѣніе, да 8 четвертныхъ общинъ, сохранившихъ свою старинную форму въ чистомъ видѣ.

Всѣ же остальныя селенія перешли съ четвертей на души въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ [2]). Эти переходы не всегда происходили безпрепятственно: во многихъ общинахъ остались слѣды въ видѣ двухъ-трехъ дворовъ, несогласившихся отдать свои земли въ общій пе-

---

[1]) Обоянскій сборникъ, статья А. Ф. Тимофѣева, стр. 6.

[2]) Только дер. Алисовка перешла въ 1832 г., въ Обоянскомъ же сборникѣ ошибочно напечатано 1872 г., да дер. Ворскловка никогда не переходила, ибо населена вольноотпущенными крѣпостными.

редѣлъ и до сихъ поръ владѣющихъ по четвертямъ. Нерѣдко переходъ заканчивался распаденіемъ единой общины на двѣ болѣе или менѣе крупныя половины: въ одной водворялось новое, душевое владѣніе, въ другой оставалось старое, четвертное. Такихъ случаевъ въ Обоянскомъ уѣздѣ девять; принимая ихъ во вниманіе и исключая одну бывшую крѣпостную общину и черкасскую слободу Шѣны, мы получимъ всего 105 однодворческихъ общинъ. Попробуемъ сгруппировать ихъ.

	Общинъ.	Дворовъ всего.	На 1 общину.	Земли.	На дворъ	% дворовъ. Безхозяйн.	% дворовъ. Безлошадн.
Душевыхъ пригородныхъ . .	7	1460	208,6	16982,6	11,6	9,8	23,4.
„ бывш. четвертн.	55	8511	154,7	110990,6	13,0	8,8	16,6.
„ со слѣдами четв.	17	3058	179,4	37985,5	12,4	9,5	14,6.
Четвертная часть ихъ . . .	—	72	4,2	1321,7	18,3	11,1	18.0.
Душевыхъ расколовшихся. .	9	1752	194,7	24701,1	14,1	7.6	14,8.
Четвертныхъ расколовшихся	9	320	35,5	5793,3	18,1	7,5	12,2.
Четвертныхъ (чистыхъ) . .	8	1215	152,0	18268,3	15,0	11,7	21,8.
Итого . .	105	16388	156,0	216043,1	13,2	9,1	17,6.

Какъ видимъ изъ этой таблицы, средній размѣръ общины значительно повышенъ; но, несмотря на это, четвертныя общины все-таки оказываются меньше душевыхъ; значитъ, и здѣсь наблюдается общее правило: чѣмъ больше община, тѣмъ больше стремленіе къ поравненію. Слѣды четвертного права въ 17 случаяхъ едва достигаютъ четырехъ дворовъ на общину или 2,3 % къ числу дворовъ и этотъ ничтожный процентъ наблюдается 30—40 лѣтъ спустя послѣ перехода съ четвертей на души; значитъ, въ моментъ перехода онъ былъ еще ниже: это отдѣльные дворы, одиночки; въ среднемъ на такой дворъ приходится 18,3 десятины, тогда какъ душевое большинство имѣетъ только 12,4 дес. на дворъ. Въ девяти случаяхъ расколовшихся надвое общинъ мы видимъ тѣ же отношенія, хотя душевое большинство здѣсь имѣетъ земли нѣсколько больше 14,1 дес.; однако отдѣлившіеся четвертники составляютъ все-таки ничтожное меньшинство, всего въ 15,4 %. Достойна замѣчанія еще одна особенность расколовшихся общинъ: четвертная часть ихъ имѣетъ меньше мужчинъ, чѣмъ женщинъ: (1065 противъ 1073), тогда какъ душевая наоборотъ (6128 муж. про-6046 жен.). То же явленіе наблюдается на тѣхъ 72 дворахъ, кои мы назвали слѣдами четвертного права; тамъ на 258 мужчинъ насчитывается 270 женщинъ. Но у чистыхъ четвертныхъ мы видимъ преобладаніе мужского пола и, стало-быть, эти общины не прочь осуществить поравненіе, что и наблюдалось мѣстными изслѣдователями. Однако средній размѣръ семьи почти одинаковъ во всѣхъ группахъ, и только у 72 дворовъ мы

видимъ повышенный до $7_{,3}$ размѣръ семьи. Значитъ, при послѣдующихъ семейныхъ раздѣлахъ нужда въ землѣ скажется здѣсь рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь, и мы знаемъ примѣры по другимъ уѣздамъ, что эти слѣды постепенно пропадаютъ, такъ какъ остатки четвертниковъ мало-по-малу присоединяются къ душевой общинѣ.

Обративъ вниманіе на размѣры землевладѣнія, мы сейчасъ же замѣчаемъ и на данныхъ Обоянскаго уѣзда, что стремленіе къ душевому поравненію тѣмъ больше, чѣмъ земли меньше. Поэтому-то понятно, почему восемь наиболѣе обезпеченныхъ землей общинъ (15 дес. на дворъ) до сихъ поръ сохраняютъ четвертную форму землевладѣнія. Экономическіе показатели въ Обоянскомъ уѣздѣ сложились не въ пользу четвертной формы; если слѣды четвертного права и расколовшіяся общины четвертниковъ незначительно уклоняются отъ среднихъ въ неблагопріятную сторону, то чистыя четвертныя общины, несмотря на высшую обезпеченность землей, даютъ наивысшіе проценты безхозяйныхъ и безлошадныхъ.

Перейдемъ теперь къ Тимскому уѣзду. Несмотря на то, что въ сборникѣ по этому уѣзду имѣются детальныя описанія селеній, однако мы очень немного узнаемъ изъ нихъ. Тимской уѣздъ почти не знаетъ иныхъ формъ землевладѣнія, кромѣ четвертной. Лишь въ трехъ общинахъ отмѣчена душево-четвертная форма. Въ д. Коровиной болѣе ста лѣтъ назадъ распахали степь и подѣлили на души. Такъ образовалась душевая земля, коей насчитывается 618 дес. изъ 2994. Кромѣ того, въ душевомъ пользованіи 9 дес. покоса и 85—лѣсу. Въ сложной общинѣ Малыхъ Сѣтяхъ съ Прилѣпами мы наблюдаемъ переходъ съ четвертей на души. Составители Тимскаго сборника совсѣмъ напрасно назвали эту общину душево-четвертной. Дѣло стоитъ иначе. Въ 1863 году, послѣ спеціальнаго размежеванія, міръ поднялъ вопросъ о болѣе справедливой разверсткѣ; широкодачники стояли за прежнюю четвертную разверстку, а малоземельные требовали раздѣла по дворамъ поровну. Подѣлили два клина на 90 дворовъ, но черезъ годъ уже нашли такую разверстку несправедливой и подѣлили землю на ревизскія души; при этомъ несогласнымъ четвертникамъ выдѣлили особые участки въ концѣ полей. Нынѣ изъ 1759 дес. на четвертномъ правѣ остается $220_{,7}$ дес. за Прилѣпами, $60_{,5}$ дес. за Сѣтями и 46 дес. за посторонними, коихъ не удалось замѣрить. Такимъ образомъ, это расколовшаяся на двѣ части община, причемъ четвертная ея часть должна считаться душево-четвертной, ибо 432 дес. покоса дѣлятся на души между всѣми. С. Рагозцы тоже неосновательно отнесены къ разряду душево-четвертныхъ владѣльцевъ. Они также послѣ размежеванія перешли съ четвертей на души, но при этомъ усадьбы остались по старинѣ. Всей земли 4504 десятины и изъ нихъ всего $340_{,3}$ считаются четвертной, но вѣдь это жалкіе остатки четвертного права; завтра же общество можетъ вычесть

излишекъ изъ полевой земли, и тогда эти слѣды будутъ имѣть значеніе лишь какъ пережитокъ.

По исторіи заселенія Тимского уѣзда мы мало узнаемъ изъ сборника. Изъ 83 общинъ лишь о 9 имѣются тусклые намеки. Такъ, извѣстно, что въ селѣ Донецкой Семицѣ съ д. Сараевкой было 27 починковъ. Земля жалована въ XVII столѣтіи за сторожевую службу. «Нѣкоторые починки (?) и до сихъ поръ сохранили жалованные документы, которые гласятъ слѣдующее: жалуется (?) такому-то за его службу на межникѣ съ рогатиною и пищалью 25 четвертей земли а покосами, дровосѣками и т. д. пользуется съ товарищами по жребію [1])».

Очень жаль конечно, что здѣсь выписка изъ документа приведена не буквально, а, такъ сказать, вольнымъ переводомъ. И что переводъ этотъ сдѣланъ лицомъ малоопытнымъ, видно уже изъ того, что XVII вѣкъ не зналъ выраженій «жалуется, пользуется». Но допустимъ, что во всемъ этомъ невѣрномъ переводѣ вкралась истинная цифра 25 четвертей на починокъ. Это можно считать правдоподобнымъ, ибо по 12 ст. извѣстнаго намъ царскаго указа отъ 21 іюня 1672 г. [2]) именно это количество давалось самой младшей статьѣ служилыхъ украинцевъ. Такъ какъ близъ верховьевъ Семи проходила Муравка, то весьма понятно, что здѣсь могли селиться самые бѣдные служилые люди и селиться скопомъ, «съ товарищи», на что есть также намекъ въ разбираемомъ вольномъ переводѣ. Такимъ образомъ, въ Донецкой Семицѣ было 27×25=675 четвертей. Но нынѣ земли оказывается 4406 дес. то-есть болѣе 6 десятинъ на четверть. Это указываетъ на то, что земли сверхъ дачъ прихвачено было много, чего и можно было ожидать въ этихъ мѣстахъ: воевода отсюда былъ далеко, писцы не показывались, земли кругомъ много, паши сколько угодно. Въ другомъ селеніи Выползовой, расположенной на правомъ московскомъ берегу р. Семи, значитъ, въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, «коренныхъ фамилій считается 14. Каждая фамилія владѣетъ пахотной землей въ отдѣльномъ особнякѣ, который называется «помѣстьемъ», одно помѣстье отдѣляется отъ другого окружной межой. Отдѣльные домохозяева даннаго рода владѣютъ землей въ предѣлахъ ихъ фамильнаго помѣстья черезполосно между собою». [3]) Читатель понимаетъ, въ какую нелѣпость впалъ составитель Тимскаго сборника, утверждая, что «помѣстье», въ смыслѣ починокъ, есть не что иное, какъ особнякъ. Вообще авторъ Тимскаго сборника не разбирается съ этими вопросами и путаетъ по своему то, что отлично различаютъ тимскіе однодворцы. Оставляя пока въ покоѣ эту пу-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Курск. губ., т. XII, стр. 30.

[2]) П. С. 3, № 522.

[3]) Сборн. ст. св. Кур. губ., XII стр. 68.

таницу, мы усчитаемъ размѣръ помѣстья въ д. Выползовой: всей земли тамъ 3215 дес., слѣдовательно, на одного заимщика приходится не менѣе 230 десятинъ или 150 четвертей. Значитъ, поближе къ Курску, да еще подъ защитой р. Семи, которая здѣсь уже очень широка и давно перестала называться Семицей, селились болѣе богатые люди, и селились, хотя и не одиночками, но и не массой. Къ этой же мѣстности относится еще одна описанная въ сборникѣ сложная община с. Тереховка и Ханокъ. Въ ней было 4 заимщика, пришедшихъ изъ Бѣлёва, Тульской губ. У нихъ было 700 четвертей, но четверть въ разныхъ участкахъ колеблется отъ 1 до 2 десятинъ; земля лежитъ въ одной дачѣ, въ черезполосицѣ между обоими селеніями и помѣщиками [1]). Нынѣ мы видимъ въ Ханкѣ 57 дв. и въ Тереховкѣ 60. Разная величина четверти свидѣтельствуетъ намъ или о примѣненіи двороваго поравненія («четверть дура») или о захватахъ со стороны отдѣльныхъ домохозяевъ.

Далѣе мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сложной общинѣ с. Пристѣнномъ съ с. Бол. Сѣтями. Они расположены въ самомъ южномъ углѣ нынѣшняго Тимского уѣзда на границѣ съ Обоянскимъ на ворховьяхъ Донской Семицы. По преданію, здѣсь было 17 починковъ, занятыхъ въ XVII вѣкѣ. Сѣти позднѣйшій выселокъ изъ Пристѣннаго. На одинъ починокъ приходится около 200 десятинъ земли. Покосъ сперва дѣлится между селами: $^3/_4$ Сѣтямъ и $^1/_4$ Пристѣнному, затѣмъ на дворы поровну. Всѣхъ дворовъ 260. Въ сѣверо-западной части уѣзда на границѣ съ Щигровскимъ мы видимъ, что 16 родовъ, пришедшихъ изъ Мценска, осѣли въ с. Сокольей Плотѣ, а въ д. Верхѣ Бѣлаго Колодезя (Леженкѣ) слышимъ указаніе на 12 починковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ составитель Тимскаго сборника утверждаетъ, что каждый заимщикъ имѣетъ свой особнякъ, но это утвержденіе неосновательно, ибо тутъ же изображено: «ближайшіе загоны клиновой земли крестьяне удобряютъ» [2]) значитъ, есть и дальніе загоны, да кромѣ того, есть разнополье: ничего бы этого не могло быть, если бы не было уравненія по разстоянію. Далѣе мы узнаемъ, что с. Успѣнское съ деревнями (нынѣ 406 дв.), имѣетъ жалованную землю и предки были сходцы изъ Орловской губерніи; въ д. Коровьихъ Верхахъ съ Ниж. Выгорнымъ предки были сходцами изъ Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи. С. Кшень и с. Крестище заселены сходцами также изъ Орловской губ. Но вотъ про с. Гнилой Колодезь прямо сказано, что предки въ числѣ 48 человѣкъ явились сюда въ 1772 году и получили всего 240 четвертей дикаго поля. Площадь увеличена захватомъ [3])». И дѣйствительно за этой общиной нынѣ считается 2200 десятинъ.

---

[1]) Ibid., стр. 6.

[2]) Ibid. стр. 100.

[3]) Ibid. стр. 8.

Всѣ вышеприведенныя отрывочныя данныя свидѣтельствуютъ намъ, что въ этой мѣстности Курской губерніи прихватъ земель сверхъ дачъ практиковался въ широкихъ размѣрахъ; были поселенія и вовсе безъ дачъ. Въ этихъ прихватахъ участвовали какъ однодворцы, такъ и помѣщики, на что не разъ указывается въ сборникѣ [1]). Отсутствіе документовъ въ свое время сильно затормазило спеціальное размежеваніе, и мы видимъ, благодаря этому, цѣлую массу сложныхъ однодворческихъ общинъ; къ сожалѣнію ни одна изъ нихъ не описана съ должными подробностями.

Какъ бы ни было, но въ Тимскомъ уѣздѣ мы видимъ исключительно многодворную заимку; если въ иныхъ селенія, какъ наприм. въ Тереховкѣ или Мошниной, и было немного первозаимщиковъ и они, какъ разнофамильцы, были испомѣщены различно, то въ концѣ концовъ и они подпали подъ дворовое поравненіе. Съ другой стороны своевольные прихваты свободныхъ земель нарушали устои равнопочинковой заимки и создавали путаницу въ четвертномъ землевладѣніи. Однакоже эта путаница, повидимому, мало тяготила тимскихъ однодворцевъ, такъ что они не стремились ради ея устраненія къ душевому поравненію. Кромѣ помянутыхъ переходовъ, мы насчитываемъ въ уѣздѣ всего три четыре случая, гдѣ были заданы переходные приговоры, но при первомъ протестѣ все смолкало. Столь упорная привязанность къ четвертной формѣ объясняется здѣсь, по нашему крайнему разумѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ многоземельемъ и особенной тучностью Тимскаго чернозема. Здѣсь мы видимъ въ среднемъ на дворъ $13^1/_2$ десятинъ и $3^3/_4$ на наличную душу, а на ревизскую даже 5, десятины. При такомъ изобиліи земли рано еще думать о душевомъ поравненіи. Стремленіе къ поравненію выражается здѣсь пока въ поравненіи дворовомъ. Мы имѣемъ крупные факты въ этомъ отношеніи, вотъ одинъ изъ нихъ: въ с. Бунинѣ былъ бугроватый, мокрый покосъ десятинъ въ 100. Въ 1876 году приговоромъ постановили раздѣлить его на 9 лѣтъ на паи по 20 дворовъ въ пай. Пайщики вели общими силами работы по осушкѣ этого болота и добились хорошаго сѣна, которое теперь и косятъ по наличнымъ дворамъ. Почти сплошь во всѣхъ селеніяхъ лѣсъ и покосъ дѣлится поровну на наличные дворы, но пашня исключительно дѣлится по четвертному праву. Только нѣкоторые пережитки свидѣтельствуютъ намъ, что иногда и пашня подвергалась дворовому поравненію.

Средній размѣръ общинъ въ Тимскомъ уѣздѣ равняется 152 дворамъ, что приближаетъ этотъ уѣздъ къ Обоянскому, но какая разница: тамъ почти не осталось четвертного землевладѣнія, здѣсь почти не зародилось душевого, а между тѣмъ въ обоихъ уѣздахъ мы видимъ равнопочинковую

---

[1]) Ibid. стр. 21, 31, 32 и друг.

заимку, нестѣсняемую ничѣмъ, съ большой склонностью къ вольному захвату. Чѣмъ объяснить эту разницу? Неужели же тѣмъ только, что обоянскій окружной начальникъ чувствовалъ большее расположеніе къ душевому владѣнію, чѣмъ чувствовалъ это тимской окружной? Очевидно—нѣтъ, ибо крупныя явленія соціальной жизни не зависятъ отъ воли единичной личности, да еще такой мизерной, какъ чиновникъ—взяточникъ.

Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что Обоянскій уѣздъ заселился все-таки раньше Тимскаго; но вѣдь мы видѣли, что Старооскольскій уѣздъ заселился раньше всѣхъ, но душевой формы не развилъ вовсе.

Дать отвѣтъ на поставленный вопросъ я не рѣшаюсь, ибо не имѣю достаточно данныхъ для его разрѣшенія.

Теперь остается одинъ Щигровскій уѣздъ. Несмотря на то, что сборникъ по этому уѣзду заключаетъ въ себѣ 677 страницъ убористой печати, мы мало найдемъ въ немъ данныхъ по интересующимъ насъ вопросамъ. Но и то малое, что въ немъ заключается, нуждается въ исправленіи. Вотъ, напр., что пишетъ составитель сборника о наслѣдованіи у четвертныхъ владѣльцевъ: «Жена наслѣдуетъ землю только при отсутствіи живыхъ дѣтей; сыновья наслѣдуютъ всегда равныя части; дочь наслѣдуетъ только при отсутствіи живыхъ братьевъ; при отсутствіи жены и наслѣдниковъ по нисходящей степени родства, наслѣдство переходитъ въ боковую и даже восходящую степень» [1]). Во-первыхъ, здѣсь допущена фактическая ошибка, ибо жена никогда не наслѣдуетъ четвертной земли въ Щигровскомъ уѣздѣ, во-вторыхъ, теоретически все это мѣсто недостаточно обосновано и наводитъ на недоумѣнія: въ самомъ дѣлѣ, что значитъ отсутствіе «живыхъ дѣтей» или «живыхъ братьевъ»? Развѣ сестра однодворца, исключеннаго изъ списка живыхъ, дѣлается наслѣдницей отцовской земли? Ну, а если братъ умеръ, оставивъ дѣтей? Внуки отъ брата устраняютъ сестру отъ наслѣдства, хотя бы это были и дочери: въ этомъ случаѣ тетка устраняется своими племянницами, кои наслѣдуютъ дѣду по праву представительства. Значитъ, надо было сказать, что дочь наслѣдуетъ, если у ней не было братьевъ или они умерли бездѣтными. Въ послѣднемъ случаѣ братья могли оставить своихъ вдовъ и, если согласиться съ мнѣніемъ составителя Щигровскаго сборника о томъ, что вдовы являются наслѣдницами бездѣтныхъ мужей, то такія вдовы-чужеродцы должны устранить отъ наслѣдства родную дочь наслѣдодателя, чего никакъ не можетъ быть, особенно въ Щигровскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ даже такихъ отклоненій, какія мы знаемъ въ уѣздахъ Путивльскомъ и Грайворонскомъ.

Въ-третьихъ, я буквально не могу представить себѣ, какимъ образомъ однодворческое наслѣдство можетъ пойти по восходящей линіи. Для этого

---

1) Сборн. стат. свѣд. по Кур. губ., вып. VIII, стр. LIV.

нужно, чтобъ отецъ или мать наслѣдовали сыну, но въ чемъ—въ имуществѣ, пріобрѣтенномъ сыномъ. Посмотримъ, что можетъ пріобрѣсти сынъ при жизни родителей. Конечно, онъ можетъ пріобрѣсти движимость и даже купить цѣлое недвижимое имѣніе, но это не будетъ такая собственность, которая подчиняется наслѣдованію по четвертному праву. Далѣе, онъ можетъ взять за женой приданое, но оное обыкновенно отбирается въ случаѣ смерти мужа; если же приданое это состояло изъ четвертной земли, то оная никогда не принадлежала мужу, а числилась за женой—наслѣдницей; овдовѣвши бездѣтной, она уйдетъ за другого и возьметъ съ собой землю. Значитъ, единственнымъ случаемъ остается пріобрѣтеніе четвертной земли послѣ смерти одного изъ родителей. Если мать - наслѣдница оставитъ сыну нѣсколько четвертей земли и затѣмъ сынъ умретъ бездѣтнымъ, то откуда возьмется у отца его право на такую выморочную землю? Очевидно, такого права нѣтъ, ибо земля идетъ въ родъ перваго пріобрѣтателя по отцу. Обмершая материнская земля въ этомъ случаѣ пойдетъ по боковой линіи матери, то-есть, если у ней была сестра, то къ сестрѣ, не было сестры—къ ея дядѣ или нисходящимъ его по праву представительства.

Утверждая возможность наслѣдованія четвертной земли по восходящей линіи, составитель сборника нѣсколько ниже впадаетъ еще въ горшее противорѣчіе: онъ говоритъ: «въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ сохранилось дѣленіе земли на роды, выморочные участки поступаютъ въ родъ умершаго; гдѣ родовъ нѣтъ—тамъ на общество; но такіе случаи весьма рѣдки, ибо всегда найдется отдаленный родственникъ» [1]). Случаи эти рѣдки, но не потому, что всегда находится отдаленный родственникъ. Дѣло въ томъ, что находится обыкновенно цѣлая масса такихъ отдаленныхъ родственниковъ—воистину весь родъ—и тогда ничего не остается, какъ допустить обобщеніе такой выморочной доли. Такія «обмершія» земли обыкновенно сдаются въ аренду, какъ вообще «оптины», и деньги идутъ дѣйствительно въ пользу того рода, въ чьей «родинѣ» (ярусѣ) лежитъ такая земля. Но бываютъ случаи, когда вымираетъ весь родъ, то - есть представитель заимочнаго рода, представитель фамиліи; тогда, конечно, земля идетъ подъ общество. Вотъ что мы наблюдаемъ въ одной общинѣ Щигровскаго уѣзда. Въ с. Уколовѣ жилъ нѣкто, какъ выражаются тамошніе однодворцы, «косоюродный братъ Уколовыхъ». Вѣроятно это былъ незаконнорожденный отъ наслѣдницы изъ рода Уколовыхъ. У него было $12^7/_8$ дес. четвертной земли. Онъ былъ бездѣтенъ и старъ. Видя это, общество уговорило его послѣ спеціальнаго размежеванія взять себѣ въ концѣ поля всю землю къ одному мѣсту. Тотъ согласился и, проживши послѣ этого еще 12 лѣтъ, умеръ. Наслѣдникомъ этой земли явился весь міръ и теперь дѣлитъ эту

---

[1]) Ibid.

обобщенную землю по наличнымъ дворамъ. Но этотъ фактъ упущенъ изслѣдованіемъ, какъ упущено много еще болѣе важныхъ фактовъ: сюда надо отнести пропускъ душевой земли (70,$_7$ дес.) въ д. Щуровой, наименованіе д. Золотухиной душевой общиной, когда она тамъ четвертная, пропускъ исторіи Средне-Расховецкой дачи, охватывающей двѣ волости, смѣшеніе сотенной разверстки послѣ размежеванія въ с. Покровскомъ съ заимочными фамиліями, отчего получился нелѣпый выводъ (стр. LIV), будто бы это село, состоящее нынѣ изъ 568 дворовъ, произошло всего отъ 4 заимщиковъ и т. д.

Собственно говоря, въ Щигровскомъ сборникѣ мы найдемъ только одно цѣнное свидѣтельство по исторіи однодворческаго землевладѣнія. «Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ родовая связь настолько еще сильна, что сохранилось дѣленіе домохозяевъ на группы по степени родства къ родоначальникамъ, поселившимся въ данной мѣстности. Такъ напр., въ д. Головинкѣ, Никитской волости, домохозяева дѣлятся на три рода: Головина, Бурина и Кондаурова, причемъ послѣдній родъ—пріемный, т.-е. образовавшійся позятьевщиной. Д. Волчья Плоховка имѣетъ четыре рода: Плохихъ, Старыхъ, Бѣлова и Хмѣлевскаго. Въ д. Петрищевой—5 родовъ, въ Нов. Савинахъ и въ Вер. Теребужѣ—по 7 родовъ» и т. д. [1]).

Это свидѣтельство облегчаетъ нашу дальнѣйшую работу, которую, за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ въ сборникѣ, мы волей-неволей должны вести съ помощью другихъ источниковъ. Послѣдніе, правда, далеко неполные, состоятъ изъ приговоровъ 1887 года по нѣсколькимъ волостямъ и изъ продовольственныхъ списковъ 1897 г. по одной волости. Съ помощью этихъ данныхъ намъ удалось разобраться съ большинствомъ общинъ Щигровскаго уѣзда и распредѣлить ихъ на группы по формамъ заимокъ. Въ результатѣ этой кропотливой работы получилась возможность раздѣлить весь уѣздъ на нѣсколько топографическихъ районовъ, значительно различающихся по исторіи своего заселенія. Здѣсь въ Щигровскомъ уѣздѣ, мы стоимъ словно на распутьи исторіи. Западная и сѣверо-западная часть уѣзда, до притоковъ р. Тима, составляетъ какъ бы продолженіе Фатежскаго уѣзда; здѣсь преобладаетъ жалованная однофамильная и разнофамильная заимка, встрѣчаются и сборныя селенія позднѣйшаго типа; это такъ сказать, первая глава исторіи XVII вѣка. Далѣе на востокъ, по рр. Косоржѣ, Щигорчику, Толстому Колодезю и по лѣвому берегу р. Тима, мы видимъ многодворную заимку съ частыми случаями одиночекъ и разнофамильцевъ. Тотъ же характеръ носитъ южный уголокъ уѣзда, по верховьямъ рѣки Рати, въ двухъ волостяхъ—Мелехинской и Озеренской, хотя здѣсь наблюдается большій просторъ вольной заимки и связанныхъ съ нею при-

[1]) Ibid. LIV.

хватовъ и приселеній. Наконецъ на востокѣ, между р. Тимомъ и Кшенью, мы видимъ тѣ татарскіе шляхи, шедшіе прямо на Ливенскій бродъ на Соснѣ, которые буквально не давали возможности осѣсть населенію до самаго конца XVII вѣка. Эта часть уѣзда заселилась не раньше малолѣтства Петра, и заселилась безъ дачъ, скопомъ, не ради службы, а ради землепашества. Захвативши здѣсь землю, поселенцы владѣли ею на основаніи сомнительныхъ или вовсе никакихъ документовъ. Захваченные генеральнымъ межеваніемъ, они вынуждены были требовать себѣ нарѣзки не по числу четвертей, а по числу душъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Такъ и было рѣшено, но многіе, особенно частные владѣльцы, а не однодворцы, остались этимъ недовольны, и вотъ началось извѣстное судбище, которое тянется уже болѣе 100 лѣтъ. Это такъ называемое дѣло о размежеваніи Средне-Расховецкой дачи. Весь букетъ этого дѣла заключается въ томъ, что когда Сенатъ въ тридцатыхъ годахъ окончательно постановилъ произвести нарѣзку особняковъ по числу душъ положенныхъ по V ревизіи, то сейчасъ же изъ казенной палаты пропали по всей дачѣ подлинныя сказки этой ревизіи. Послѣ этого оказалось невозможнымъ привести въ исполненіе рѣшеніе Сената, ибо если число душъ однодворцевъ возможно было возстановить, то число душъ крѣпостныхъ крестьянъ оказалось сплошь преувеличеннымъ. Тѣмъ не менѣе, нѣчто подобное особнякамъ было отведено, какъ однодворцамъ, такъ и помѣщикамъ, но дѣло вновь пошло въ Сенатъ и доднесь остается нерѣшеннымъ. Однодворцы,—а ихъ въ Средне-Расховецкой дачѣ цѣлыхъ 16 общинъ, [1]) еще при генеральномъ межеваніи рѣшили - подѣлить свои четвертныя земли на души: пятнадцатидесятинная пропорція на душу вполнѣ удовлетворяла ихъ и переходъ съ четвертей на души произошелъ дружно, тѣмъ болѣе, что одноворцы были сильно сплочены во имя борьбы съ частными владѣльцами. Такъ установилась душевая община на тучнѣйшемъ въ мірѣ черноземѣ и не далѣе, какъ въ 1887 году, всѣ эти расховецкія общины по собственному почину передѣлили свои земли по новымъ живымъ душамъ, не дождавшись ревизіи.

Въ предѣлахъ Щигровскаго уѣзда мы находимъ еще три душевыхъ общины: Охочевку, Ясенки и Старую Слободку, но это бывшіе экономическіе крестьяне, извѣстные намъ саяны Коренскаго монастыря, ничего общаго съ однодворцами неимѣющіе. У остальныхъ же однодворцевъ мы встрѣчаемъ исключительно четвертную форму и лишь въ 5 селеніяхъ—душевочетвертную. Послѣдняя произошла въ четырехъ общинахъ (Вязовое, Ру-

[1]) Вотъ эти общины: Липовчикъ—169 дв.: Мармыжи—106, Милиховъ Колодезь—132, Волжанчикъ—142, Березовчикъ—168, Горяиновка - 63, Голощаповка—28, Васютина 14,—Ниж. Гурово—460, Верх. Гурово (Свѣжинцево)—123, Сидѣлевка—105, Переволочное—123, Лядовская—205, Верх. Гриневкеа 45, Расховецъ - 97 и Средній Расховецъ—162. Всего—2142 двора.

сановка, Полевая Плота и Мал. Щигорчикъ) путемъ казенной прирѣзки въ пополненіе недостатка земель, причемъ эта прирѣзка вовсе не была связана со спеціальнымъ размежеваніемъ, какъ то утверждаетъ составитель Щигровскаго сборника (стр. LV), такъ какъ общины эти до сихъ поръ неразмежеваны. Что же касается д. Щуровой, то здѣсь душевая земля произошла совершенно своеобразно и по волѣ самой общины. Въ этой деревнѣ нѣкогда была церковь и за нею числилась писцовая земля. Но Литва въ одинъ изъ своихъ набѣговъ разрушила эту церковь. Немногочисленный родъ Щурова, жившій здѣсь прежде и живущій нынѣ, не осилилъ выстроить новую церковь, но землю ея берегъ все время: она до сихъ поръ разверстывается по душамъ, ибо за души, а не за четверти надо Богу молиться. Селеніе это (58 двор.) лежитъ на р. Сновѣ, на западной границѣ уѣзда, и принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ въ Щигровскомъ уѣздѣ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдній набѣгъ литвы въ предѣлы Курской губерніи относится къ 30-мъ годамъ XVII вѣка, но память народная могла сохранить преданіе и о болѣе раннемъ набѣгѣ, напр., во время смутнаго времени. Мы уже знаемъ, что въ началѣ XVII вѣка въ этой мѣстности осѣли станицы. Есть преданіе, относящееся къ болѣе раннему времени и хранимое въ той же мѣстности, а именно: однодворцы д. Воробьевки, лежащей при впаденіи Сновы въ Тускарь, то-есть именно тамъ, гдѣ была станица еще въ XVI вѣкѣ, разсказываютъ, что предокъ ихъ былъ сосланъ сюда съ Воробьевыхъ горъ, стало-быть, при Грозномъ. Но это преданіе не имѣетъ за собою пережитка, подобно Щуровскому, и мы видѣли, что эта фамилія раньше писалась Воробыхъ; видѣли эту фамилію въ юго-восточномъ углѣ Фатежскаго уѣзда, гдѣ также есть д. Воробьевка. Оттуда шелъ этотъ родъ и представитель его осѣлъ тамъ, конечно, раньше, чѣмъ въ Щигровской Воробьевкѣ, и въ этой послѣдней опять-таки раньше, чѣмъ въ Воробьевкѣ Курскаго уѣзда за р. Семью.

Какъ въ Щуровой одинъ родъ Щурова, такъ и въ Воробьевкѣ мы видимъ изъ 44 хозяевъ, подписавшихся на приговорѣ 1887 г., 32 Воробьевыхъ, 4 Боевыхъ, 3 Лыковыхъ, 3 Озеровыхъ и по одному Семенихина и Головина. Фамиліи все знакомыя. Въ этой мѣстности мы чаще всего встрѣчаемъ однофамильную заимку и фамильное названіе деревень. Такъ, въ Татаренковой заимщикомъ былъ Татаренковъ и мы видимъ ихъ въ приговорѣ 14, да 2 Чаплыгиныхъ и по одному Алехина, Посошкова, Сибилева и Семенихина. Въ Уколовой мы находимъ 17 Уколовыхъ, по одному Тишина, Повѣткина и Анпилогова. Въ д. Малогоряиновкѣ, очевидно колоніи Фатежской Горяиновой, по приговору насчитывалось 20 Горяиновыхъ, 2 Ступилиныхъ и Чевычеловъ. Въ д. Чаплыгиной, Повѣткиной тожъ, мы видимъ двухъ заимщиковъ,—недаромъ и названіе двойное; здѣсь 17 Повѣткиныхъ и 12 Алехиныхъ да 2 Татаренковыхъ. Хотя, судя по названію, одинъ

изъ первыхъ заимщиковъ былъ Чаплыгинъ, но онъ могъ или выродиться, принявъ въ зятья Алехина, или промѣнять, продать ему свое помѣстье. Въ д. Малогригорьевкѣ мы видимъ 8 Чаплыгиныхъ и по одному Повѣткина, Татаренкова и Семенихина. Въ Кузминкѣ по приговору насчитывается 30 Горяиновыхъ, 5 Шетохиныхъ и по два Зубкова, Боева и Тишина. Въ Золотухиной—родъ Золотухина; въ Нов. Сухоребрикѣ мы видимъ 8 Горяиновыхъ и по одному Мамотова, Некрасова, Рышкова и Агѣева; въ Сухой Неполкѣ, 14 Семенихиныхъ, по два Воробьевыхъ и Золотухиныхъ, одинъ Боевъ и 4 Лыковыхъ. Въ д. Боевой мы видимъ родъ Боева; только с. Фентисово, прежде писавшееся Феоктистовымъ, не имѣетъ заимщиковъ съ соотвѣтствующей фамиліей; мы находимъ здѣсь роды Какурина, Горѣлова, Чаплыгина. Въ д. Тишиной, одинъ родъ Тишина, но преданіе гласитъ, что три брата Тишиныхъ заняли три девяносто четвертей, т.-е. 270 (ок. 2 дес. въ четв.). Иное дѣло въ д. Донской: здѣсь 62 Паньковыхъ, 12 Халезевыхъ, 16 Болтенковыхъ, 3 Чевычеловыхъ, 2 Лобынцевыхъ и еще нѣсколько одиночекъ. Очевидно, здѣсь было не меньше трехъ заимщиковъ. Иначе въ д. Никулиной: здѣсь мы видимъ (по приговору) всего одного Никулина, зато очень богатато, далѣе 28 Маньшиныхъ, 9 Лыковыхъ, 6 Золотухиныхъ, 6 Чаплыгиныхъ, 18 Посошковыхъ и затѣмъ массу разнофамильцевъ; очевидно, эта деревня, вначалѣ однофамильная и съ фамильнымъ названіемъ, съ теченіемъ времени сдѣлалась простымъ сборнымъ селеніемъ [1]).

Такую же фамильность мы видимъ и восточнѣе, по р. Тускари: напр., въ д. Озеровой—родъ Озеровыхъ, въ Букрѣевкѣ—родъ Букрѣева, въ Алехиной—Алехина, въ Шестопаловѣ въ числѣ другихъ есть родъ и Шестопалова, въ д. Чуриловой—родъ Чурилова, въ Пожидаевкѣ—Пожидаева.

Но по мѣрѣ приближенія къ верховьямъ р. Тускари и Косоржи со Щигорчикомъ, мы видимъ преобладаніе не однофамильныхъ, а разнофамильныхъ заимокъ. Такъ, мы знаемъ уже, что въ Вер. Теребужѣ было 7 заимщиковъ; вотъ ихъ фамиліи: Алехинъ, Болычевцевъ, Булгаковъ, Головинъ, Дуровъ, Капустинъ и Леонтьевъ. Въ Ниж. Теребужѣ мнѣ извѣстно не менѣе трехъ фамилій: Рукановъ, Корниловъ и Пушечниковъ. Въ д. Ашихминѣ—двѣ: Ашихминъ и Николаенковъ; въ Плоховкѣ, какъ мы знаемъ, четыре рода, въ Жеребенкѣ—не менѣе четырехъ: Мальцевъ, Смирновъ, Астанинъ и Алфимовъ. Въ южномъ углѣ Щигровскаго уѣзда мы находимъ всего одно селеніе съ фамильнымъ названіемъ—это д. Басова; въ ней, судя по при-

[1]) Изъ другого источника извѣстно, что въ Никулиной было три заимщика: Никулинъ, Золотухинъ и Посошковъ. У нихъ было 412 четвертей и болѣе всего у Никулина (150 ч.), но онъ размоталъ много земли: за ястреба отдалъ цѣлый островъ, оставивъ себѣ 40 ч. Съ этого началось приселеніе и, въ концѣ концовъ, получилось сборное селеніе.

говору, 36 Басовыхъ, 8 Михайловыхъ и 4 Ефремовыхъ. Въ сосѣдней Выш. Озернѣ мы насчитываемъ не менѣе шести заимщиковъ: а именно, Кудрявцевъ, Сабельниковъ, Барковъ, Толстыхъ, Щегловъ и Нарыковъ. Что касается Бесѣдиныхъ, Алябьевыхъ и Кутеповыхъ, то это зятья, пришедшіе изъ соотвѣтствующихъ деревень Курскаго уѣзда; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всѣ эти деревни лежатъ на той же большой дорогѣ, которая, идя изъ Курска на Тимъ, перерѣзаетъ Озерну.

Смежно съ этими селеніями на сѣверъ лежитъ Мелехинская волость, свѣдѣнія о коей у насъ имѣются довольно подробныя: здѣсь всего семь общинъ; изъ нихъ четыре мелкихъ спеціально отмежеваны, но три крупныхъ лежатъ въ двухъ громадныхъ дачахъ, черезполосно съ частными владѣльцами. Было время, когда вся эта мѣстность представляла одну общину—волость. Генеральное межеваніе впервые разрушило эту связь по землѣ, но не окончательно: оно только отнесло извѣстныя земли къ извѣстнымъ урочищамъ, поставило на граняхъ столбы, но этимъ вовсе не тронуло внутренняго респредѣленія этихъ земель между однодворцами; послѣдніе продолжали владѣть ими по старому, но какъ именно, это вопросъ, подлежащій изслѣдованію. Есть преданіе, что раньше всего возникла здѣсь деревня Мелехина; сюда пришелъ, какъ мы уже упоминали, родъ Сергѣева изъ сѣверовосточнаго угла Фатежскаго уѣзда. Этотъ весьма подвижный родъ вышелъ сперва въ д. Мѣшкову, Курскаго уѣзда (близъ Коренной), отсюда одинъ изъ Сергѣевыхъ, по имени Мелентій, въ числѣ 12 товарищей двинулся еще южнѣй—на верховье рѣки Рати. Это преданіе подтверждается живымъ пережиткомъ: до сихъ поръ во владѣнной записи д. Мѣшковой въ числѣ постороннихъ значатся Сергѣевы изъ д. Мелехиной; до сихъ поръ эта земля сдается мелехинцами въ аренду мѣшковцамъ, и каждый годъ мелехинцы посылаютъ своихъ выборныхъ, такъ называемыхъ «12 дѣдовъ», получать аренду. Такъ какъ земли въ д. Мѣшковой за мелехинцами остается немного, то хитрые арендаторы сводятъ дѣло на водочку: всѣхъ этихъ 12 дѣдовъ напаиваютъ, даютъ имъ по четверти ведра на домъ, тѣ возвращаются, пропиваютъ и эту водку съ пріятелями (на всѣхъ все равно не хватитъ—275 дворовъ), и тѣмъ кончается. Въ этомъ пережиткѣ мы видимъ и еще одинъ важный намекъ: какъ извѣстно, помѣстныя земли уходившихъ служилыхъ людей считались до 1649 года опустѣвшими и подлежали раздачѣ [1]). Только съ этого года стали, повидимому, позволять удерживать за собой оставленныя помѣстья. Значитъ, мелехинцы, удержавшіе за собой землю въ д. Мѣшковой, выселились изъ нея не раньше 1650 г.; преданіе же утверждаетъ, что гораздо позже, такъ какъ во вре-

---

[1]) П. С. З., № 13. Въ этомъ году изданъ указъ лишь по частному случаю о земляхъ карповскихъ сведенцевъ.

мена царевичей была впервые выдана выпись съ отказныхъ книгъ. Разсказываютъ, что Мелентій съ товарищами поселился въ лѣсу, на правомъ берегу р. Рати, а за рѣкою были кочевья татарскія; татары заходили сюда со своими стадами, что могло случаться и въ третьей четверти XVII вѣка, такъ какъ главные татарскіе шляхи проходили отсюда недалеко. Первымъ подвигомъ Мелентія было устройство гати черезъ рѣку Рать: это мѣсто до сихъ поръ именуется «старымъ гатищемъ». Черезъ эту гать Мелентій дѣлалъ вылазки на кочевниковъ и, главное, уводилъ ихъ скотъ на свой берегъ. Скоро вмѣсто землянокъ Сергѣевы имѣли возможность устроить хаты, обзавестись скотомъ, пашней и, продолжая свои набѣги, они обогащались. Они справили за собой сперва ту землю, которая лежала по правую сторону р. Рати и нынѣ отмежевана подъ именемъ дачи села Мелехина. Но этой земли было недостаточно; по новому челобитью, имъ дали новую дачу за рѣкой, извѣстную подъ именемъ дачи деревни Мелехиной (нынѣ болѣе 6000 дес.). Дикая степь мало-по-малу стала превращаться въ пашню и скоро мелехинцы стали переносить свои хаты за рѣку. Къ храбрецамъ Сергѣевымъ стали приставать и другіе: такъ, на правомъ же берегу въ скорости осѣлъ Криволаповъ; нынѣ ихъ по селу Мелехину насчитывается 18 дворовъ съ 157 десятинами, тогда какъ Сергѣевыхъ здѣсь всего 12 дворовъ (186 дес.). Но Сергѣевы не пустили Криволаповыхъ за рѣку. Немного выше Мелехиной, на крутомъ берегу Рати, осѣло нѣсколько заимщиковъ, а именно: два или даже три Михайловыхъ, Старковъ и Ивановъ. Они образовали селеніе, называемое Патепокъ [1]). Пониже Мелехиной осѣлъ Каменевъ въ лѣсу на полянкѣ, къ нему присосѣдился Михайловъ изъ Патепка,—такъ образовалась д. Каменева Поляна; въ ней нынѣ 27 дворовъ Каменевыхъ съ 141 десятиной и 36 дворовъ Михайловыхъ съ 196 дес. Кромѣ того, у 3 Родіоновыхъ 31 дес. и у 4 Душаткиныхъ 31 дес. Это, очевидно, два старыхъ зятя, приставшихъ на двухъ родныхъ сестеръ, вѣроятно, изъ рода Каменева. Далѣе мы видимъ 1 дворъ (20 дес.) Сабельникова, 1 дворъ (15 д.) Щепотьина и два двора Сергѣевыхъ (9 и 15 дес.). Здѣсь Сергѣевы—простые зятья. Тутъ же недалеко, на ручьѣ, впадающемъ въ Рать, осѣлъ заимщикъ Струковъ и образовалъ д. Медвѣдковъ Колодезь; къ нему присоединились, въ качествѣ заимщиковъ, Каменевъ изъ Поляны и Кондауровъ, быть можетъ, явившійся сюда съ сѣвера, изъ Теребужа (верстъ 30). Къ нимъ присталъ въ зятья Кобилевъ, Лукьянчиковъ и Михайловъ. На одномъ изъ самыхъ верхнихъ притоковъ р. Рати образовалась д. Крутая; заим-

[1]) Вѣроятно, испорченное „по тѣ боки“, ибо, кромѣ Рати, здѣсь есть ручей; со стороны первыхъ поселенцевъ въ Мелехиной, это селеніе представлялось лежащимъ дѣйствительно по тѣ боки двухъ рѣчекъ.

щиками тамъ были первоначально: Евдокимовъ (нынѣ 16 дв.—90 дес.), Мальцевъ (3 дв.—51), Голевы, вѣроятно, два брата (22 дв.—430 дес.), Поздняковъ (27 дв.—270 дес.), Безгинъ (12 дв.-150 дес.), Бышкинъ (13 дв.—54 дес.), Корниловъ (6 дв.—53 дес.) и Булгаковъ (6 дв.--41 дес.), а ниже, на томъ же ручьѣ, осѣлъ заимщикъ Мезенцевъ (11 дв.—92 дес.) и образовалъ д. Куначъ. Пока все это заселялось, Сергѣевы, положившіе начало заселенію этой мѣстности, продолжали свою дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ д. Мѣшковой къ нимъ приходили подкрѣпленія, но такія подкрѣпленія шли и со стороны. Однакоже Сергѣевы не любили принимать къ себѣ чужеродцевъ; они не взяли къ себѣ за рѣку ни одного Криволапова, очевидно потому, что этотъ родъ надоѣлъ имъ въ въ селѣ; но и по отношенію къ другимъ родамъ Сергѣевы были замкнутой общиной. Раньше всѣхъ припущенъ былъ, повидимому, Кононыхинъ (изъ Фатежа?); нынѣ ихъ 6 дворовъ съ 87 десятинами. Затѣмъ Картамышевъ (4 дв.—40 дес.), потомъ Винниковъ (1 дв.—28 дес.) и т. д.; всѣ остальные имѣютъ еще меньше земли и не больше четырехъ дворовъ. То-есть, всѣ эти 50 дворовъ инофамильцевъ, имѣющіе 426 дес., есть не что иное, какъ Сергѣевскіе зятья, раньше или позже приставшіе. Всѣхъ Сергѣевыхъ нынѣ 223 двора и у нихъ 2774 дес. пахотной земли, не считая другихъ угодій. Но, будучи вполнѣ замкнутой общиной, Сергѣевы любили втесаться въ чужую общину и не въ качествѣ зятя, а въ качествѣ самостоятельнаго заимщика. Такъ, не успѣла образоваться д. Крутая—въ нее переходятъ нѣсколько Сергѣевыхъ (нынѣ 96 дв.—996 дес.); переходъ этотъ былъ тѣмъ удобнѣй, что Крутовская дача шла параллельно Мелехинской,—собственно говоря, она даже и не была тогда разграничена; всякая заимка въ ней со стороны Сергѣевыхъ могла считаться законной, и поди тамъ спорь, что оная учинена сверхъ дачъ и не въ своихъ граняхъ и межахъ. Можно, впрочемъ, подозрѣвать, что у крутовскихъ заимщиковъ и вовсе не было крѣпостей на занятыя ими земли. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ Крутовскую дачу лѣзли всѣ окружающіе ее роды: мы видимъ здѣсь 8 двор. Михайловыхъ изъ Патепка (62 дес.), 21 дворъ Каменевыхъ изъ Поляны (157 дес.), 4 двора Винникова (21 дес.), родъ коего мы знаемъ въ старыхъ зятьяхъ у Сергѣевыхъ; въ Куначѣ, расположенномъ въ той же Крутовской дачѣ, еще больше такихъ пришельцевъ: 6 дворовъ Криволаповыхъ (36 дес.) изъ села Мелехина, 4 двора Струковыхъ (34 дес.) изъ Медвѣдкова Колодезя. Въ д. Крутой въ 285 дворахъ мы насчитываемъ 42 фамиліи. Въ числѣ ихъ мы часто встрѣчаемъ фамиліи, попадавшіяся намъ въ сѣверо-западномъ углѣ Щигровскаго уѣзда и въ Фатежѣ, напр.: Озеровъ, Кондауровъ, Акульшинъ, Толстыхъ, Паньковъ, Коптевъ (со Штевца). Въ Куначѣ въ 59 дворахъ—24 фамиліи. Но при этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ,

чтобы здѣсь была когда-нибудь многодворная, равнопочинковая заимка; напротивъ того, по вышеприведенному количеству десятинъ у первопришедшихъ заимщиковъ надо заключить, что здѣсь была разнофамильная заимка съ неравнымъ испомѣщеніемъ. Затѣмъ началось приселеніе, противъ коего крутовцы оказались безсильны, ибо у нихъ не было главнаго для отклоненія такихъ часто насильственныхъ вторженій—у нихъ не было документовъ на занятую ими дачу. У мелехинцевъ такіе документы были и они кое-какъ отбились отъ непрошенныхъ пришельцевъ, хотя и они потеряли ровно половину своей дачи, уступивъ ее частнымъ владѣльцамъ. Но мелехинская потеря произошла уже въ XVIII вѣкѣ и была дѣйствительно уступкой; такъ, мы уже знаемъ, сколько и за что отдали мелехинцы земли Стогову; но вѣдь, отдавая эту землю, они за нее отхватывали изъ примѣрныхъ казенныхъ земель впятеро больше. Крутовцамъ же приходилось разставаться съ землей еще въ концѣ XVII и въ теченіе всего XVIII вѣка, чего не случалось съ тѣми заимщиками, у которыхъ имѣлись крѣпи. Это обстоятельство сдѣлало изъ Крутого съ Куначемъ не что иное, какъ сборное селеніе. Такимъ образомъ, изъ семи общинъ Мелехинской волости мы имѣемъ четыре общины разнофамильныхъ (Патепокъ, Медвѣдковъ Колодезь, Каменеву Поляну и с. Мелехино) съ небольшимъ количествомъ первозаимщиковъ, одну общину (д. Мелехину) съ многодворной заимкой, но поражающей своеобразной особенностью: всѣ товарищи до своего прихода были однофамильцы-родичи; это часть родовой общины, сорвавшаяся съ роднаго пепелища, основавшая новую и опять же родовую общину, вполнѣ замкнутую и, безъ сомнѣнія, воинственную, вѣчно жаждавшую новыхъ пріобрѣтеній. Она изловчилась на захватахъ до того, что сумѣла обмануть «межевыхъ генераловъ [1]). Наконецъ, двѣ остальныя общины или вѣрнѣе, одна сложная община (Крутое съ Купачемъ), есть не что иное, какъ сборное четвертное селеніе.

Возвращаясь къ центру уѣзда, мы находимъ нѣчто подобное и тамъ: такъ, на верховьяхъ р. Тускари, среди однофамильныхъ и разнофамильныхъ общинъ, возникаетъ сложная община Троицкое, что на Красномъ, (128 дв.), и Новая Слобода (278 дв.). Уже послѣднее названіе указываетъ на болѣе позднее происхожденіе этого села. И это есть не что иное, какъ сборное селеніе. Въ верховьяхъ р. Косоржи мы видимъ такое же сбор-

---

[1]) Въ этой общинѣ весьма трудно прослѣдить основанія разверстки четвертныхъ земель. Правда, разверстка эта поярусная, но доли отдѣльныхъ линій не пропорціональны въ разныхъ ярусахъ, что исторически можно объяснить лишь захватами. Нѣтъ также признаковъ, чтобы земля была разбита на равновеликія починки, или дѣдины, хотя понятіе о дѣдахъ сохранилось въ видѣ извѣстнаго намъ пережитка.

ное селеніе, с. Косоржу съ деревнями—Выш. Дайменомъ, Пересухой, Быковкой, Ачкасовой и Малымъ Змѣинцемъ. Вначалѣ это были отдѣльныя заимки, но мало-по-малу онѣ сливались въ одну сложную общину, и сливались именно благодаря притоку постороннихъ элементовъ и переуступкамъ четвертныхъ земель. Нынѣ общая неразмежеванная дача достигаетъ 4.328 дес., не считая земель частнаго владѣнія. Тѣмъ же характеромъ сборности отличается подгородняя слобода Троицкая съ д. Лозовкой. Ихъ громадная дача тянется съ сѣвера на югъ верстъ на 12 и, будучи расположена почти рядомъ съ Крутовской дачей, сильно сходствуетъ съ ней. Сюда же нужно отнести с. Вязовое. Затѣмъ, по р. Тиму, мы видимъ крупнѣйшія однодворческія селенія: въ предѣлахъ Тимского уѣзда,—Выгорное и Бѣлое, и Щигровскаго—въ такомъ порядкѣ съ юга на сѣверъ: Карандаково, Покровское, Липовское, Красная Поляна, Старые и Новые Савины и Жеребенокъ. У насъ не хватаетъ многихъ данныхъ, чтобы положительно сказать, что всѣ эти селенія образовались путемъ многодворной заимки. Всѣ эти селенія первоначально расположены были на лѣвомъ (низменномъ) берегу р. Тима,—къ этому вынуждала близость татарскихъ шляховъ. Въ Карандаковой до сихъ поръ указываютъ мѣсто, гдѣ былъ «старый корень». Нынѣ всѣ эти селенія расползлись по обѣимъ сторонамъ рѣки Тима. По преданію, въ с. Покровское пришло не менѣе 40 дворовъ; но это преданіе глухо говоритъ, сразу ли они пришли, или приселялись постепенно; не выяснено также, поровну ли была распредѣлена земля между пришельцами. «Здѣсь было вольно, паши, сколько хочешь», говорятъ теперь крестьяне, но трудно вѣрится, чтобы у поселенцевъ не было стремленій такъ или иначе выравнять свои права на землю. Спеціальное размежеваніе, бывшее здѣсь въ 1872 году, окончательно уничтожило старинную разверстку и тѣмъ вырвало изъ рукъ изслѣдователя послѣднее историческое свидѣтельство. Въ д. Карандаковой (426 дв.) имѣется двѣ дачи: дача с. Карандакова, въ предѣлахъ Щигровскаго уѣзда, и дача деревни Карандаковой—въ Тимскомъ. Но различіе этихъ дачъ не таково, какъ въ Мелехиной. Здѣсь это различіе произошло только потому, что уѣздная межа перерѣзала пополамъ Карандаковскія земли. Судя по списку переселенцевъ, приведенному въ Щигровскомъ сборникѣ на XVIII стр., мы насчитываемъ 22 различныхъ фамиліи. Преданіе говоритъ, что было не менѣе 30 заимщиковъ, но опять-таки неизвѣстно, сразу ли они пришли «съ товарищи», или собирались понемногу. Въ Новыхъ Савинахъ изслѣдователи насчитали семь родовъ и отмѣтили одинъ важный пережитокъ: покосъ раздѣленъ на семь паевъ, паи уравнены по травѣ; каждый пай дѣлится между членами своего рода по дворамъ, а одинъ родъ дѣлитъ даже по душамъ. Пусть это такъ, но кто возьмется объяснить, какимъ образомъ семь заимщиковъ разродились въ 329 дворовъ? И отчего

же въ Старыхъ Савинахъ, владѣющихъ съ Новыми черезполосно и, навѣрно, основанныхъ раньше Новыхъ, мы видимъ всего 132 двора? Значитъ надо допустить возможность переходовъ изъ одного села въ другое, что и должно было быть, такъ какъ жителямъ всеравно приходилось пересаживаться съ одного берега на другой. Очевидно, здѣсь есть маленькая недослѣдованность: семь паевъ Новосавинскаго покоса врядъ ли можно объяснять семью заимщиками; но если и такъ, то надо допустить, что къ этимъ заимщикамъ пристали въ теченіе XVIII вѣка чужеродцы, что сдѣлало Новые Савины сборнымъ селеніемъ. Лежащая нѣсколько въ сторонѣ, но въ той же дачѣ, д. Крюкова, наоборотъ, сохранила свою родовую замкнутость, мы даже находимъ тамъ заимщика Крюкова. Въ с. Красной Полянѣ мы насчитываемъ не менѣе 13 заимочныхъ фамилій [1]), но опять-таки неизвѣстно, многодворная ли здѣсь была заимка, или это позднѣйшая вольница, захватывавшая землю, кому сколько вздумалось. Въ отшибѣ лежащая д. Петрищева (100 дв.) имѣла пять заимщиковъ: Петрищева, Кизилова, Берлизева, Хмѣлевскаго и Пожидаева.

Итакъ, мы можемъ только предположительно сказать, что по р. Тиму, въ предѣлахъ Щигровскаго уѣзда, заимщики осѣдали скопомъ, но не въ смыслѣ выраженія «съ товарищи», что подразумѣвало равнопочинковую заимку, а въ смыслѣ болѣе вольнаго захвата, чаще безъ дачъ. Такой видъ заимки мы видѣли въ Тимскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ и, кажется, мы мало ошибемся, если скажемъ, что эти мѣста заняты не служилыми дѣтьми боярскими XVII вѣка, а просто хлѣбосѣями однодворцами начала XVIII вѣка. Трудно допустить, чтобы столь опасныя мѣста, вблизи Муравки, были колонизованы въ XVII вѣкѣ: если и были здѣсь отдѣльные смѣльчаки, то татарская вырѣзка часто ихъ смѣняла на другихъ. По фамиліямъ, какія мы здѣсь встрѣчаемъ, мы можемъ заключить, что пришельцы направлялись сюда прямо съ сѣвера, вѣроятно, изъ Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи. Среди щигровскихъ однодворцевъ этой мѣстности мы уже не видимъ фатежскихъ фамилій; но несомнѣнно, что всѣ эти фамиліи принадлежали нѣкогда дѣтямъ боярскимъ. Такъ, кромѣ перечисленныхъ, мы найдемъ въ с. Покровскомъ Михайлова, Извѣкова, Алтухова, Горлова, Звягина; въ Карандаковой—Волкова, Рудинскаго, Горлатыхъ, Шашкова, Скрыдлова, Калинина, Мясняева, Завалихина, Апалькова, Жилина, Жекулина, Щербакова, Огнева и Постоева; въ Савинахъ,—Псарева, Михайлова, Репрынцева; въ Расховецкой—дачѣ Трубникова, Барабанщикова, Репрынцева, Веревкина, Гарина, Шаталова, Москалева, Самойлова и

---

[1]) Вотъ эти фамиліи Рудинскій, Картавыхъ, Труфановъ, Семеновъ, Дремовъ, Мячинъ, Малыхинъ, Ишковъ, Савенковъ, Хмѣлевскій, Митусовъ, Шаталовъ, и Алехинъ.

и др. Мѣстными изслѣдователями не найдено здѣсь буквально ни одного стараго документа—ни выписей съ отказныхъ книгъ, ни даже промѣнныхъ; не собрано и какихъ-либо вѣскихъ преданій. Все это говоритъ за то, что заимка этихъ земель происходила самовольно, безъ дачъ, и только благодаря случайности во всей этой мѣстности не произошло такого же замѣшательства, какое имѣло мѣсто въ Расховецкой дачѣ.

Теперь обратимся къ подсчету, чтобъ окончательно разобраться съ общинами по ихъ образованію.

	Дворовъ всего.	На 1 общ.
22 общины однофамильныхъ	730	33,2
19 „ съ 2—3—4 фамиліями . . .	981	51,6
10 „ разнофамильн. [1]) (5-ю и болѣе)	1426	142,6
17 сборныхъ селеній.	2497	146,9
8 общинъ по р. Тиму (безъ дачъ) .	2385	298,1
16 „ душевымъ Расховецкихъ . .	2142	134,0
4 „ душево-четвертн. (сборныя) .	561	140,2
96 общинъ [2])	10722	111,6

Какъ и слѣдовало, кочечно, ожидать, нынѣшній размѣръ общинъ тѣмъ больше, чѣмъ больше было когда-то заимщиковъ. Сборныя селенія въ этомъ отношеніи въ нашей таблицѣ совершенно случайно имѣютъ такой же размѣръ, какъ и группа разнофамильныхъ общинъ. Но дѣло въ томъ, что въ эту послѣднюю мы вынуждены были включить д. Мелехину съ ея громаднымъ населеніемъ; исключивъ ее (275 дв.), мы получимъ для группы разнофамильныхъ общинъ среднее въ 127 дворовъ. Тогда мы увидимъ правильное поднятіе среднихъ, до громаднѣйшихъ размѣровъ на р. Тиму, гдѣ была болѣе вольная заимка. Если это среднее падаетъ въ Расховецкой дачѣ, то это объясняется тѣмъ, что въ теченіе XIX вѣка эта волость не приняла къ себѣ никого посторонняго даже, ни одного затя, ибо въ душевыхъ общинахъ, какъ это само собой понятно, позятьевщина мѣста не имѣетъ.

Если мы тѣ же самыя данныя сгруппируемъ по территоріямъ, придерживаясь вышеописанной системы, то получимъ слѣдующее:

	Общинъ.	Дворовъ.	
I Сѣверозападныя волости [3]) . . .	35	2035	58,1
II Волости по верховьямъ Тускари, Косоржи и Щигорчика .	25	2450	98,0
III Юго-западный уголъ	12	1690	140,8
IV Волости по р. Тиму	12	4516	209,7
V Волости по Расховцу и Ктени (восточный уголъ уѣзда) . . .	16	2142	134,0
Всего . . .	100	10833	108,3

[1]) Въ томъ числѣ и многодворная д. Мелехина, хотя она и носитъ одну фамилію.

[2]) Въ подсчетъ не вошли: Дубовка и Теребужъ, Толстый Колодезь и Трухочевка.

[3]) Въ I группу вошли волости: Николаевская, Вышнедайменская, Уколовская,

Небольшая численная разница противъ предшествующей таблицы всего въ 111 дворовъ, очевидно, не можетъ повліять на выводъ, тѣмъ болѣе, что двѣ общины невошедшія въ ту таблицу попали здѣсь въ четвертую группу, куда по территоріи пришлось снести еще двѣ общины разнофамильныхъ (Крюкову и Петрову Хуторь). Въ общемъ, несмотря на замѣтное вліяніе на величину среднихъ со стороны сборныхъ селеній—картина получается та же. И здѣсь мы видимъ, согласно указаніямъ мѣстныхъ изслѣдованій, на сѣверо-западѣ уѣзда самыя мелкія общины, въ центрѣ нѣсколько крупнѣй и по р. Тиму совсѣмъ крупныя общины. Это еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что заселеніе уѣзда происходило сначала на западѣ, потомъ съ запада на востокъ путемъ мѣстнаго прилива и даже на юго-востокъ, что прямо доказывается возникновеніемъ Мелехиной въ этомъ направленіи отъ своей метрополіи д. Мѣшковой и, наконецъ, позднѣе всего заселилась восточная часть по причинѣ близости татарскихъ шляховъ, при чемъ населеніе двигалось толпами съ сѣвера изъ предѣловъ Ливенскаго уѣзда Орловской губ. и другихъ мѣстностей.

Для экономическихъ сопоставленій группировка по территоріямъ не совсѣмъ пригодна—ею мы опредѣлимъ лишь зажиточность той или другой группы волостей; между тѣмъ сопоставляя общины по формамъ заимки мы такъ или иначе въ состояніи будемъ намѣтить связь этой формы съ экономическимъ благосостояніемъ нынѣшнихъ общинъ. Однакоже ни та, ни другая комбинація не устанавливаютъ никакой связи между этими явленіями и даже между формами землевладѣнія. Если мы изъ территоріальной группировки выдѣлимъ душево-четвертную форму и внесемъ данныя о бывшихъ монастырскихъ крестьянахъ (579 дв.), то на экономическихъ показателяхъ получается нѣчто невѣроятное: четвертная форма даетъ наивысшій процентъ безлошадныхъ на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ, и наименьшій въ центрѣ; далѣе напр. Тиму въ самыхъ крупныхъ селеніяхъ онъ очень низокъ и ниже, чѣмъ у сосѣднихъ душевыхъ. У экономическихъ мы видимъ maximum, а душево-четвертныхъ minimum. Короче говоря никакой связи установить нельзя и вопросъ этотъ по Щигровскому уѣзду остается открытымъ.

Этимъ прерывается первая часть нашей книги...

Читатель видитъ, что книга эта неокончена: въ ней не хватаетъ описаній Воронежской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Симбирской губерній, а изъ центральныхъ—Рязанской, Тульской и Калужской; въ ней

Штевецкая и Шестопаловская, кромѣ двухъ общинъ въ самыхъ верховьяхъ р. Тускари; во II группу—эти двѣ общины Шестопаловской и волости Вышнеольховатская, Стакановская, Хохловская, Никольская и Никитская; въ III группу—Мелехинская, Озеренская и Троицкая вол. въ IV—Краснополянская, Липовская и Покровская, въ V—волости Среднерасховецкая и Липовчанская и д. Васютина Липовской вол.

не достаетъ, и притомъ самаго главнаго, изученія дѣйствующаго законодательства и кассаціонной практики Правит. Сената по четвертному праву. Кромѣ того, въ ней нѣтъ описанія обычноправовыхъ институтовъ, присущихъ спеціально четвертному землевладѣнію, въ родѣ сябровскаго владѣнія мельницами или въ родѣ черги при отбываніи повинностей. Современная податная организація также пока опущена: ни слова не говорится ни про раскладку податей у четвертныхъ владѣльцевъ, ни про круговую поруку, ни о недоимкахъ... Такимъ образомъ современное однодворческое «житье—бытье» въ этой книгѣ описано далеко еще невполнѣ.

Авторъ книги отлично сознаетъ всю важность пополненія этихъ пробѣловъ и въ ближайшемъ будущемъ намѣренъ заполнить ихъ; но такъ какъ предстоящая работа все равно не могла бы вмѣститься въ одномъ томѣ, авторъ рѣшился до окончанія всего труда выпустить въ свѣтъ эту первую его часть, которая въ извѣстномъ отношеніи все-таки можетъ считаться законченной.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О.5 лин.54
СК.ВЛАДИМІРСК.ПР.4

Н. Благовѣщенскій

Четвертное

ПРАВО

1

М. Ф.